И98 126

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР* АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР*
АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР* АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР*
АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР* АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР

МАТЕРИАЛЫ
ОБЪЕДИНЕННОЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ—1955

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
1195280

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

член-корреспондент АН СССР *С. П. Толстов*, доктор исторических наук *А. Л. Сидоров*, действительные члены АН Таджикской ССР *Б. Г. Гафуров* и *А. А. Семенов*, член-корреспондент АН Узбекской ССР *Р. Н. Набиев*, члены-корреспонденты АН Туркменской ССР *А. К. Каррыев* и *О. К. Кулиев*, доктор исторических наук *Л. П. Потапов*, проф. *А. В. Пясковский*, кандидаты исторических наук *В. Я. Непомнин*, *А. Н. Нусупбеков*, *В. Ф. Шахматов*.

ОТ РЕДАКЦИИ

Создание марксистской, научной истории народов Средней Азии и Казахстана требует решения ряда общих кардинальных вопросов истории этих народов как до присоединения их к России, так и после присоединения. К числу таких вопросов относятся, прежде всего, вопросы о социально-экономическом развитии народов Средней Азии, особенно кочевых, о патриархально-феодальных отношениях, об экономической основе этих отношений и роли патриархально-родовых пережитков в общественном строе и т. д. В печати неоднократно отмечались слабая разработка социально-экономических проблем, наличие ошибок и противоречивых оценок в вышедших ранее трудах по истории Узбекистана, Казахстана, Таджикистана.

Присоединение Средней Азии и Казахстана к России происходило на протяжении более чем столетия, в разной конкретно-исторической обстановке и разными путями. Весьма существенное значение имеет оценка результатов этого присоединения. Советские историки преодолели неправильные, вульгаризаторские взгляды школы Покровского, считавшей, что присоединение будто бы не имело прогрессивного значения для народов Средней Азии. Работы историков национальных республик раскрыли прогрессивное значение последствий этого присоединения для политического, экономического и культурного развития народов, вытекающее из воздействия более передовой экономики и передовой демократической и революционной общественно-политической мысли и культуры России.

Однако было бы грубой ошибкой признать прогрессивной колониальную политику царизма и деятельность царской администрации. Деятельность царизма была реакционной, антинародной, направленной на подавление народных масс, на союз с эксплуататорской феодально-байской и буржуазной верхушкой покоренных народов.

Указывая на прогрессивные последствия присоединения, историки и экономисты национальных республик, вместе с тем, провели совершенно недостаточную исследовательскую работу в части выявления уровня развития капиталистических и товарно-денежных отношений, изменения экономики страны под воздействием капиталистической России, роста кадров местного пролетариата. Существовала большая путаница в разрешении таких вопросов, как национальная консолидация этих народов в конце XIX и начале XX столетий.

Следует признать, что над проблемой создания буржуазных наций историки и лингвисты Средней Азии начали работать в конкретно-историческом плане лишь после дискуссии по вопросам языкознания и опубликования труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Весьма существенные разногласия вскрыты по вопросу о характере национальных движений. В оценке отдельных движений второй полови-

ны XIX в. (движение Кенесары Касымова, Кокандское восстание 1875—1876 гг., Андижанское восстание и др.) историками допускались националистические извращения: реакционные движения оценивались как прогрессивные, революционные. В национальных республиках Средней Азии и Казахстане была проведена большая научно-исследовательская работа, которая помогла исправить допущенные ошибки в оценке национальных движений XIX в. Однако нерешенным и спорным оставался вопрос об оценке наиболее крупного движения народов Средней Азии и Казахстана, развернувшегося летом 1916 г. Высказывались самые противоречивые мысли—о реакционном характере этого восстания, о прогрессивном его характере и т. д. Наметились существенные разногласия в оценке участия крестьянских масс и феодально-клерикальной верхушки в движении 1916 г., оценке связи этого движения с Февральской буржуазно-демократической революцией и Октябрьской социалистической революцией и т. д.

Все вышеизложенное показывает, с какими трудностями встретились историки Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Казахстана, Киргизии при создании научных трудов. Неразрешенность и дискуссионность вопросов, конечно, тормозили работу и историков центра—институтов Академии Наук СССР, кафедр университетов и педагогических институтов. В учебниках по истории СССР были допущены неправильные формулировки, а многие вопросы совсем не освещались. Разрешение острых назревших вопросов требовало коллективного, совместного обсуждения этих вопросов историками национальных республик и центра (Москвы и Ленинграда).

По инициативе Академии Наук СССР, совместно с академиями союзных республик Средней Азии и Казахстана была созвана Объединённая научная сессия по истории народов Средней Азии и Казахстана дооктябрьского периода.

В повестку дня сессии было включено пять вопросов. 1. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. 2. О реакционной сущности и предательской роли панисламизма и пантюркизма. 3. О формировании буржуазных наций в Узбекистане и Казахстане. 4. О характере восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. 5. О периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана в досоветскую эпоху.

Работа сессии протекала с 30 января по 6 февраля 1954 г. в Ташкенте. В ней приняли участие научные работники Москвы, Ленинграда, союзных республик Средней Азии и Казахстана, Азербайджанской ССР, Татарской и Дагестанской АССР, преподаватели высших учебных заведений, представители партийных и советских организаций, учителя, студенты, писатели и журналисты.

Созыву сессии предшествовала значительная подготовительная работа в республиках, выразившаяся в обсуждении на республиканских совещаниях историков, или на расширенных заседаниях ученых советов институтов истории и кафедр высших учебных заведений, отдельных вопросов, поставленных в повестку дня научной сессии.

Работа сессии протекала в обстановке свободного обмена мнений и творческой дискуссии.

В прениях по докладам и содокладам выступило свыше ста научных работников—участников Объединенной научной сессии[1].

[1] Тексты ораторов, не сумевших выступить на сессии за недостатком времени, хранятся в рукописном фонде Института истории и археологии Академии Наук УзССР (гор. Ташкент, ул. А. Тукаева № 1).

Итоги Объединенной сессии обсуждались 19 марта 1954 г. на заседании Президиума Академии Наук СССР. Президиум констатировал, что сессия проделала значительную работу в решении принципиально важных для научного освещения истории народов Средней Азии и Казахстана вопросов, показала значительный рост научных кадров и способствовала укреплению творческих связей между учеными советских республик.

Сессия приняла решение об издании стенографического отчета[1].

Публикуемые материалы содержат полный отчёт о работе сессии[2]. В выступлениях участников сессии высказывались различные точки зрений и ценные мнения приведён обильный, часто малоизвестный фактический материал, выдвинуты важные для науки вопросы, требующие дополнительного изучения.

Конечно, не все выступления на сессии были равноценными по своему научному уровню и обоснованности, но в целом ознакомление с материалами сессии окажет реальную помощь широким кругам научных работников, занятых изучением истории Средней Азии и Казахстана дооктябрьского периода.

Тексты докладов и содокладов печатаются по материалам, представленным на сессию, с незначительными редакционными поправками, а тексты выступлений печатаются в полном виде. Сокращениям подвергнуты лишь некоторые общие и часто повторяющиеся положения и формулировки ораторов; произведена также необходимая литературно-редакционная правка, унификация ссылок на источники и литературу, научных терминов и т. д.

Материалы подготовили к печати: старший научный сотрудник Института истории АН СССР А. В. Пясковский (Москва), старшие научные сотрудники Института востоковедения АН СССР А. С. Тверетинова, А. Я. Златкин, учёный секретарь Института истории и археологии АН Узбекской ССР Б. В. Лунин и старший научный сотрудник Музея истории АН Узбекской ССР Л. М. Ланда.

Материалы печатались под наблюдением дирекции Института истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР. Все материалы просмотрены редакционной коллегией.

Редакционная коллегия.

[1] Итоги работы этой сессии освещались в печати. Из основных публикаций укажем: Ю. В. Бромлей и Б. В. Лунин, «Научная сессия по истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Журнал «Вопросы истории», М., 1954, № 1, стр. 172—179; Г. П. Васильева, Т. А. Жданко, «Актуальные вопросы дооктябрьской истории народов Средней Азии и Казахстана». Журнал «Советская этнография», М., 1954, № 2, стр. 143—148; Ю. В. Бромлей, С. И. Волков, А. В. Пясковский, «Объединенная научная сессия по истории народов Средней Азии и Казахстана», Доклады и сообщения Института истории Академии Наук СССР, вып. 1, М., 1954, стр. 83—92., Б. В. Лунин, «Объединенная научная сессия по истории Средней Азии и Казахстана дооктябрьского периода», Известия Академии Наук Узбекской ССР, Ташкент, 1954, № 2, стр. 135—141; Х. Т. Турсунов, «Объединенная научная сессия по вопросам дооктябрьской истории народов Средней Азии и Казахстана»; Журнал «Совет Мактаби», Ташкент, 1954, № 5; «Объединенная научная сессия по вопросам истории народов Средней Азии и Казахстана», Вестник Академии Наук Казахской ССР, Алма-Ата, 1954, № 3, стр. 38—47.

[2] Кроме выделенных для отдельного выпуска материалов по второму вопросу повестки дня сессии.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

Т. З. ЗАХИДОВА

Товарищи!

Созванная по инициативе Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик и совместно с академиями наук республик Средней Азии и Казахстана Объединенная научная сессия, посвященная изучению дооктябрьской истории народов Средней Азии и Казахстана, представляет собой значительное событие не только для советской исторической науки, но и во всей жизни народов Средней Азии и Казахстана.

Нам отрадно принимать в столице Советского Узбекистана—Ташкенте дорогих гостей—ученых Москвы, Ленинграда, братских союзных республик, представителей партийно-советского актива, научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений.

Товарищи! Разрешите мне, по поручению Президиума Академии Наук Узбекской ССР, горячо приветствовать участников сессии и пожелать им успеха в их деятельности, которая несомненно поможет дальнейшей работе в области марксистско-ленинского исследования истории народов Средней Азии и Казахстана—членов братской семьи народов СССР, созидающих светлое здание коммунизма.

Объединенную научную сессию по дооктябрьской истории народов Средней Азии и Казахстана считаю открытой. (Аплодисменты).

РЕЧЬ

СЕКРЕТАРЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ УЗБЕКИСТАНА

А. И. НИЯЗОВА

Товарищи! Разрешите от имени ЦК КП Узбекистана и правительства республики приветствовать вас — участников Объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана наших дорогих гостей—учёных Москвы, Ленинграда и братских республик и пожелать вам успешной работы *(Аплодисменты)*.

Созыв настоящей сессии имеет серьезное политическое и научное значение.

Проведение Объединённой научной сессии историков братских республик является новой, яркой демонстрацией все более крепнущей дружбы между народами нашей страны.

Сессия несомненно поможет дальнейшему подъему советской исторической науки в республиках Средней Азии и Казахстана.

Коммунистическая партия и Советское правительство всегда придавали и придают огромное значение исторической науке, являющейся одним из важнейших участков идеологического фронта.

Благодаря неустанной заботе Коммунистической партии и Советского правительства историческая наука в нашей стране добилась в последние годы больших успехов. Известные успехи достигнуты и историками республик Средней Азии и Казахстана. Созданы I и II тома «Истории народов Узбекистана», охватывающие период с древнейших времен до победы Великой Октябрьской социалистической революции, «История Казахской ССР» с древнейших времен до наших дней, 1 том «Истории таджикского народа». Разрабатывается история Туркмении и Киргизии.

Говоря о деятельности историков Узбекистана необходимо признать, что они еще не добились существенного улучшения своей работы. На X Пленуме ЦК КП Узбекистана и на XI съезде Коммунистической партии Узбекистана были вскрыты грубые идеологические ошибки и извращения в первом издании I и II томов «Истории народов Узбекистана», а также в трудах некоторых историков. Эти ошибки и извращения выражались, прежде всего, в идеализации феодального прошлого, в попытках затушевать классовые противоречия в дореволюционном Узбекистане, в изображении некоторых реакционных национальных движений во второй половине XIX и в начале XX вв. в качестве национально-освободительных, прогрессивных движений.

Общим серьезным недостатком первого и второго томов «Истории народов Узбекистана» и других исследований по истории Узбекской ССР является фактологическое описание важнейших исторических событий без

глубокого анализа объективных закономерностей общественного развития, без должного отражения роли трудящихся масс — подлинных творцов истории.

Перед историками стоят большие задачи. Они должны на основе решений XIX съезда партии, сентябрьского и последующих Пленумов ЦК КПСС более глубоко изучать важнейшие проблемы истории.

Советский народ ждет от наших историков хороших, полноценных монографий и пособий по истории. Создание истории Узбекистана, как и истории других братских республик и всей истории СССР, имеет огромное международное значение. Миллионы трудящихся зарубежных стран — друзей нашей страны с огромным интересом изучают историю нашей Родины, историю борьбы народов СССР за коммунизм.

Историки Узбекистана могут успешно выполнить поставленные перед ними задачи только в тесной связи и сотрудничестве с учеными Москвы, Ленинграда и братских республик, которые всегда и во всём оказывали нам неоценимую помощь.

В истории Узбекистана и других братских республик имеется много общих проблем, которые могут быть глубоко изучены и разработаны совместными усилиями ученых братских республик.

Важнейшее научное значение настоящей сессии состоит именно в том, что она призвана обсудить ряд актуальных вопросов истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период путем совместных усилий.

Марксизм-ленинизм учит, что историческая наука должна, прежде всего, заниматься историей производителей материальных благ, историей трудящихся масс, историей народов.

Первейшей задачей исторической науки является изучение и раскрытие законов развития производительных сил и производственных отношений, законов экономического развития общества.

Исходя из этого наши историки должны заниматься глубокой научной разработкой периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана, в частности изучением некоторых особенностей, присущих рабовладельческому и феодальному обществам Средней Азии и Казахстана, родоплеменных отношений у народов Средней Азии, процесса формирования народностей Средней Азии, вопросов классовой борьбы (восстания рабов, антифеодальные восстания крестьян и ремесленников).

Одной из наиболее важных проблем, не получившей еще должной научной разработки, является изучение прогрессивного значения присоединения Средней Азии и Казахстана к России. При изучении этой проблемы историки недостаточно обращают внимание на огромную роль русского рабочего класса в освободительной борьбе народов Средней Азии и Казахстана.

Россия в конце XIX — начале XX вв. стала центром мирового революционного движения, родиной ленинизма. В непосредственной связи с революционным движением самого революционного в мире русского рабочего класса в начале XX в. стало зарождаться революционное рабочее движение и расти национально-освободительная борьба в Средней Азии и Казахстане. Возглавляемые большевиками социал-демократические организации Средней Азии и Казахстана входили в состав РСДРП. Под влиянием революционного рабочего движения стали пробуждаться к освободительной борьбе широкие массы трудящихся. В совместной борьбе против общих врагов — царизма, помещиков и капиталистов росла и крепла дружба трудящихся России, Средней Азии и Казахстана.

Между тем многие наши историки недостаточно подчёркивали, что без присоединения Средней Азии и Казахстана к России, без проникновения в край марксизма-ленинизма, без приобщения к революционному освободительному движению русского народа, возглавленного партией большевиков, трудящиеся массы Средней Азии и Казахстана были бы в стороне от общедемократического и социалистического движений, прозябали бы в феодальном рабстве и неминуемо попали бы в кабалу англо-американского империализма.

Недавно народы нашей страны отмечали 300-летие воссоединения Украины с Россией. Это историческое событие—большой праздник не только русских и украинцев, но и великое торжество всех народов Советского Союза, ибо братская нерушимая дружба народов нашей Родины является основой основ и неиссякаемым источником силы и могущества многонационального советского государства.

В постановлении Центрального Комитета КПСС, Совета Министров Союза ССР, Президиума Верховного Совета СССР «О 300-летии воссоединения Украины с Россией» указывается, что «Воссоединение Украины с Россией, несмотря на то, что во главе России стояли тогда царь и помещики, имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития украинского и русского народов. Объединение двух великих славянских народов, несмотря на реакционную политику царизма, русских и украинских феодалов и буржуазии, сблизило народы России и Украины, которые избрали единственно правильный путь к совместной борьбе против всех внешних врагов, против общих угнетателей, против крепостников и буржуазии, против царизма и капиталистического рабства».

Данная оценка применима и для оценки исторического значения присоединения Средней Азии и Казахстана к России. Историкам необходимо всесторонне осветить огромное прогрессивное значение этого исторического факта и ярко показать роль великого русского народа в судьбах народов СССР.

Наши историки должны всесторонне изучить развитие подлинных революционных, национально-освободительных движений в тесной связи с революционным движением в России.

Огромное значение для правильного освещения истории народов Средней Азии и Казахстана и идеологической закалки наших кадров, для интернационального воспитания трудящихся масс имеет всемерное разоблачение реакционной сущности панисламизма и пантюркизма, являющихся идеологией буржуазных националистов и орудием империалистических поработителей.

Наиболее важной задачей исторической науки является изучение истории советского общества, тех величайших социалистических преобразований, которые были осуществлены народом за годы Советской власти под руководством Коммунистической партии.

Коммунистическая партия, последовательно осуществляя выработанную партией национальную политику в отношении ранее отсталых и угнетённых народов страны, добилась полного преодоления экономической и культурной отсталости этих народов, сплотила все нации нашей Родины в единую семью. Под руководством Коммунистической партии, в братской семье народов Советского Союза, народы Средней Азии и Казахстана достигли огромных успехов в строительстве социализма. Республики Средней Азии стали за годы Советской власти передовыми социалистическими индустриально-колхозными республиками Советского Союза.

В ближайшее время должны быть созданы исследования по истории социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства республик Средней Азии и Казахстана, о коренном улучшении материального положения трудящихся, об успехах культурной революции, о формировании социалистических наций на базе победы социализма. Большое политическое значение имеет разработка материалов, характеризующих огромную помощь великого русского народа народам Средней Азии и Казахстана в установлении Советской власти и строительстве социализма.

Одной из наиболее актуальных задач наших историков должна стать разработка таких тем, как складывание и укрепление союза рабочего класса и крестьянства и превращение этого союза в дружбу между ними, морально-политическое единство народа, нерушимая дружба узбекского народа и других народов Средней Азии и Казахстана с великим русским народом и всеми народами Советского Союза.

До последнего времени наши историки, а также юристы мало уделяли внимания изучению особой роли советского государства в построении социализма, в борьбе за коммунизм, разработке вопросов о создании и развитии советской государственности народов Средней Азии и Казахстана. При разработке этих проблем основное внимание должно быть обращено сейчас на раскрытие величайших преимуществ советского общественного и государственного строя, на показ хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной роли советского государства, на изучение проблем развития советской демократии, на освещение организующей и вдохновляющей роли Коммунистической партии Советского Союза.

Товарищи! Первая Объединённая научная сессия историков Средней Азии и Казахстана, созванная по инициативе ЦК КПСС и Академии Наук СССР, посвящена творческому обсуждению некоторых из указанных проблем истории народов Средней Азии в дооктябрьский период. Научной сессии предстоит обсудить такие вопросы, как периодизация истории народов Средней Азии, формирование буржуазных наций в Средней Азии и Казахстане, о патриархально-феодальных отношениях у скотоводческих народов Средней Азии и Казахстана, о характере восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Есть все основания полагать, что подобные объединенные научные сессии будут созываться также и по актуальным проблемам самого прекрасного периода истории народов Средней Азии и Казахстана—советского периода.

Несомненно, что данная научная сессия явится важным мероприятием в дальнейшем подъеме исторической науки, в укреплении творческого сотрудничества историков.

XIX съезд Коммунистической партии указал на задачу поднять на более высокий уровень советскую науку, развертывая критику и борьбу мнений в научной работе, памятуя, что только таким путём советская наука может занять первое место в мировой науке.

Позвольте пожелать, чтобы наша сессия прошла на высоком теоретическом уровне, на основе свободного обмена мнений и принципиальной критики и самокритики, и тем самым помогла нам двинуть вперед советскую историческую науку в интересах строительства коммунистического общества в нашей стране. (Продолжительные аплодисменты).

О СУЩНОСТИ ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У КОЧЕВЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Л. П. ПОТАПОВ

Доктор исторических наук

(Институт этнографии Академии Наук СССР)

О СУЩНОСТИ ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У КОЧЕВЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

(Доклад)

В научной исторической литературе до сего времени ещё недостаточно разработана и освещена проблема феодальных отношений у племён и народностей, ведущей отраслью хозяйства которых до Великой Октябрьской социалистической революции было полукочевое скотоводство.

В литературе дореволюционного периода обычно утверждалось, что эти племена и народности живут родовым строем, хотя в пользу такой теории и не приводилось сколько-нибудь серьезных доказательств. Как ни странно, но такое бездоказательное утверждение оказалось распространённым и в первые годы социалистического строительства в нашей стране, особенно в период, предшествовавший коллективизации сельского хозяйства. Это принесло немало вреда не только в деле изучения истории упомянутых народов, но и в практике социалистического строительства у них. На основании этой никем и никогда не доказанной теории заявлялось, что у народностей с кочевым или полукочевым скотоводческим хозяйством (казахи, киргизы, туркмены, алтайцы, хакасы, якуты и т. д.) до революции господствовали родовые общинные отношения, не было эксплуатации, классов и классовой борьбы. На эту теорию опирались буржуазные националисты, правые оппортунисты и прочие идеологи и защитники обречённых на ликвидацию эксплуататорских классов этих народностей, пытаясь сорвать или затормозить социалистическое переустройство хозяйства, культуры и быта у кочевых или полукочевых народностей. Они находили теоретическое «обоснование» своей практической контрреволюционной деятельности именно в этой теории, требуя, например, «врастания рода в социализм».

Практика социалистического строительства в районах населения с кочевым или полукочевым скотоводческим хозяйством ускорила необходимость научного изучения дореволюционного общественного строя этих народностей. В результате появился ряд исследований советских историков, этнографов, экономистов, не только полностью опровергших на большом фактическом материале антинаучность теории родового строя, но установивших также характер классовых общественных отношений у кочевников. Исследования советских учёных могут и должны быть использо-

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ваны и в изучении ряда кочевых и полукочевых народностей зарубежных стран (например, Ирана, Афганистана и др.)[1].

Однако в некоторых вопросах, в частности, в вопросе о феодальных отношениях у кочевников, еще далеко не все исследовано и выяснено, особенно в теоретическом отношении. Настоящий доклад преследует цель поставить на обсуждение наиболее существенные вопросы, наметить пути их изучения. Наиболее важным из них является вопрос о земельной собственности, как основе феодальных отношений у кочевников. Феодальный характер собственности на землю, как на главное средство производства, у кочевников подробно не исследован, ведущая роль и значение феодальной земельной собственности не только не раскрыты на конкретном материале, не обоснованы теоретически, но некоторыми учеными даже отрицаются. Это тормозит разработку конкретной истории отдельных наших народностей, таких как казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки, якуты, буряты, тувинцы и др. Советские учёные обязаны дать чёткий ответ на вопрос: какую форму экономических земельных отношений, какую форму земельной собственности у той или иной народности, ведущей в основном кочевое или полукочевое скотоводческое хозяйство, застала и разрушила Великая Октябрьская социалистическая революция, заменив эту форму социалистической земельной собственностью.

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА

Кочевое скотоводство, как способ производства материальных благ, зародилось в степях Азии и Европы в IX—VIII вв. до н. э. В этой форме оно появляется значительно позже не только охоты и рыболовства, но первобытного земледелия и первобытного оседлого скотоводства. Приручение и первоначальное разведение домашнего скота вообще возникло в Азии ещё в неолитическое время, по крайней мере в III тысячелетии до н. э., следовательно, гораздо раньше, чем кочевое скотоводство. Как можно судить по археологическому материалу, первобытное скотоводство зародилось в условиях оседлой жизни первобытных племен. Развитие его долгое время упиралось, видимо, в проблему кормовой базы, особенно в зимних условиях. При оседлом образе жизни племен, разводивших стада, даже летний выпас был ограниченным в смысле пастбищной территории, что не могло не тормозить рост стада. Но решающим для сохранения и размножения стада был, конечно, зимний период, когда условия содержания скота были еще менее благоприятны, чем летом. Первобытное мотыжное земледелие, естественно не могло обеспечить стада фуражом, а заготовка корма на зиму в виде сена, при отсутствии специальных орудий сенокошения, также не разрешала трудностей в зимнем содержании скота, если даже траву рвали руками или срезали ножом (или серпом), как это делали, например, поздние кочевники.

Первобытное скотоводство, как скотоводство оседлого пастбищного типа, представляло собой только одну из отраслей первобытного комплексного хозяйства, в котором не менее важное значение имели охота, рыболовство, мотыжное земледелие и сбор дикорастущих. Эта комплексность первобытного хозяйства оседлых племен зависела от низкого уровня развития производительных сил, при котором тот или иной из перечисленных видов хозяйственной деятельности в отдельности не мог обеспечить существование племени. И только тогда, когда племена, разводившие домашний скот, перешли к кочеванию и стали передвигаться в поисках корма для скота в течение круглого года, приспособив к такому образу жизни весь свой быт, кормовая проблема скотоводства была успешно решена. Именно это обстоятельство дало огромный толчок развитию скотоводства и превратило его в самостоятельную и ведущую отрасль хозяйства, что в свою очередь завершило выделение скотоводческих племен из общей массы варварских племен и закрепило первое крупное общественное разделение труда. Однако это не значит, что у кочевников скотоводство было единственной отраслью хозяйства. Оно было ведущей, но, конечно не единственной отраслью. Кочевники-скотоводы занимались охотой и, частично, земледелием, производя небольшие посевы в районах зимних пастбищ, в связи с этим некоторая часть их вела полуоседлый образ жизни, особенно в горных районах.

Изучение обширного исторического материала позволило К. Марксу придти к заключению: «У всех восточных народов можно, с тех пор как этот процесс происходит, установить **общее** соотношение между оседлостью одной части этих племён и продолжающимся кочевничеством другой части»[1]. Напомним в этой связи некоторые исторические факты, относящиеся только к древним кочевникам, ибо подобные материалы эпохи средневековья и более позднего времени широко известны. Уже из сообщения Геродота по поводу скифов мы знаем, что часть скифов вела полуосёдлый и даже осёдлый образ жизни. В эту же эпоху ранние кочевники Алтая также вели частично полуосёдлый образ жизни, сеяли ячмень на зимовках, умели сооружать срубные жилища, на что указывают погребальные камеры пазырыкских курганов. Земледелие было известно и гуннам, хотя они были типичными кочевниками[2].

Данные об элементах осёдлости и земледелия у кочевников тюрков содержатся в енисейско-орхонских рунических надписях и китайских известиях о древних енисейских киргизах. Нет необходимости ссылаться на известные сообщения Рубрука о кыпчаках и тем более на материалы путешественников и исследователей о казахах, киргизах, туркменах, узбеках, южных алтайцах и других, согласующиеся с вышеприведенными наблюдениями К. Маркса. Вместе с этим необходимо подчеркнуть, что ведущим направлением хозяйства у кочевников-скотоводов было с самого зарождения кочевничества именно разведение скота, которое играло основную роль в экономике. При кочевом пастбищном скотоводстве преобладающими в составе стада становятся лошадь и овца, более приспособленные к зимнему выпасу.

Появление кочевого скотоводства было прогрессивным явлением, знаменовавшим рост производительных сил на ранних ступенях истории человеческого общества. Кочевое скотоводство позволило освоить для обитания и хозяйственной деятельности людей огромные пространства, ранее пустынные, и поставило их на службу человеку. Широкое использование кочевниками верховой лошади, как сухопутного транспортного средства (изобретение седла, стремян и т. д.), сыграло большую роль не только в заселении новых территорий, но и в установлении экономических и культурных связей кочевников с различными оседлыми племенами и на-

[1] Попытки зарубежных буржуазных ученых исследовать вопрос об общественно-экономических отношениях у кочевников, игнорируя достижения советской исторической науки, носят жалкий характер, вскрывающий бессилие буржуазной науки в решении этой проблемы. Ярким примером такой попытки могут служить работы американских этнографов. См. например, A. E Hudson. Kasak social structure. Vale University publications anthropology, № 20 New Haven, 1933; Hudson Alfred and Bacon Elizabeth, Social control and the individual in eastern Hasara culture. Language, culture, Menashe, Wisconsin, 1941.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 488.

[2] Н. Я. Бичурин. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитающих в Средней Азии в древние времена, т. I, стр. 76, 83, 106, М.—Л., 1950 г. В дальнейшем ссылки на этот источник будут, как на Иакинфа.

родностями. Правда, взаимоотношения кочевников как между собой, так особенно с оседлыми народностями и племенами, часто носили враждебный характер, превращались в грабительские набеги и т. п. Но это обстоятельство ещё не дает основания отрицать определённый вклад кочевников-скотоводов в развитие культуры, относящейся к первым ступеням человеческого общества. Кочевое скотоводство стало давать людям большое количество мясной и молочной пищи, различного сырья (шерсть, кожа, волос и т. д.) и создало возможность получения большого количества прибавочного продукта. Такое скотоводство не только расширило сферу хозяйственной деятельности человека, но и весьма подняло производительность человеческого труда, повысило его ценность. Оно создало условия для накопления богатства, развития и упрочения обмена, как между различными варварскими племенами, так и внутри их. Кочевники-скотоводы приобрели большой опыт в разведении больших стад скота. Разведение стад и уход за ними было делом мужчин и это выдвинуло на первое место роль мужского труда не только в обществе, поскольку разделение труда стало общественным, но и в семье. Результатом такого изменения в разделении труда в первобытно-общинном родовом обществе скотоводов-кочевников было ниспровержение материнского права и введение отцовского и постепенный переход к моногамной семье, ввиду чего «семья сделалась силой и притом грозной силой, противостоящей роду»[1]. Как известно, Ф. Энгельс назвал ниспровержение женского права в истории первобытного общества **«всемирно-историческим поражением женского пола»** и отнёс его к одной из самых радикальных революций, пережитых человечеством[2].

В общем ходе мировой истории, как известно, первое крупное общественное разделение труда, вызванное возникновением и выделением в особую отрасль хозяйства скотоводства, имело далеко идущее последствие для развития человеческого общества и, как показало исследование Ф. Энгельса, привело общество к разделению на первые два антагонистических класса: господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых.[3] В процессе классообразования скотоводческие кочевые племена сыграли большую роль.

Вместе с этим нельзя упускать из вида и то, что, зародившись как прогрессивный способ добывания материальных благ, кочевое скотоводство довольно скоро исчерпало свои возможности. В дальнейшем в результате прогресса человеческого общества, особенно на основе развития плужного земледелия, различных видов ремесел и торговли в условиях оседлой жизни, кочевое скотоводство превратилось в довольно отсталый и застойный вид производства, тормозивший развитие культуры и быта кочевого населения. Причины заключались в слабости и ограниченности этого способа добывания жизненных благ, основанного на кочевом образе жизни, в отсутствии оседлости, являющейся важным материальным условием для развития общественной жизни, культуры и быта населения. Эти слабые и даже отрицательные стороны особенно ярко выступали в те исторические моменты, когда кочевники (гунны, тюрки, монголы и др.) покоряли древние культурные области с оседлым населением. Если кочевники не сливались с покоренным населением и не усваивали его более высокий способ производства, они разрушали более высокую культуру, опустошали поля и т. д. не только в целях грабежа и наживы, но и потому, что в этом случае они действовали по меткому определению Маркса: «соответ-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, стр. 138.
[2] Там же, стр. 39—40.
[3] Там же, стр. 137.

ственно их способу производства»[1] ибо им нужны были большие необитаемые пространства для пастбищ.

2. ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА ПРОИЗВОДСТВА У КОЧЕВНИКОВ

Основным средством производства у кочевников является земля. Сюда относятся пастбища и кочевья, пахотные земли, охотничьи территории и т. п. Земля, по К. Марксу, является естественно возникшим основным средством или условием производства[2]. Именно земля в конечном счёте была решающим условием для ведения кочевого скотоводческого хозяйства[3].

Естественно, что не все виды земель имели одинаковое значение. С утверждением кочевого скотоводства, как ведущей отрасли хозяйства, основным средством производства у кочевников стали большие необитаемые пространства, пригодные для летних и зимних пастбищ, ибо только при наличии их могло существовать и развиваться кочевое скотоводство, основанное на пастбищной системе, в течение круглого года.

Для того, чтобы представить себе значение необитаемых пространств для кочевого скотоводства, следует иметь в виду, что для прокормления одной головы в зимнее время требуется, примерно, 8—10 *га* естественного пастбища среднего качества.

Но земля у кочевников-скотоводов, будучи главным, вовсе не являлась единственным средством производства. К средствам производства у них прибавился еще скот, ибо вовлечь в сферу хозяйственной деятельности человека и освоить громадные необитаемые пространства, часто непригодные для других видов хозяйства (особенно сухие степи), можно было только при помощи скота. Таким образом, скот являлся у кочевников не только **продуктом труда**, но и **средством труда**[4]. К. Маркс, исследовавший вопрос о средствах человеческого труда, ясно это сформулировал. Он писал: «Наряду с обработанными камнем, деревом, костями и раковинами, главную роль, как средство труда на первых ступенях человеческой истории, играют прирученные, следовательно уже измененные посредством труда, выращенные человеком животные»[5]. Эта двойственная роль скота: как продукта труда и потребления и как средства производства, хотя и не основного, как увидим во многом определила своеобразие развития классовых отношений у кочевников-скотоводов.

Четкое представление об основных средствах производства весьма необходимо для понимания характера производственных отношений, для определения форм собственности и анализа положения различных социальных групп и зависимых от этого форм распределения продукта у ко-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр 55. Известно, что при всех способах производства земля является одним из основных средств производства. В «Капитале» Маркса говорится: «Земля (с экономической точки зрения к ней относится и вода), первоначально снабжающая человека пищей, готовыми средствами жизни, существует без всякого содействия с его стороны как всеобщий предмет человеческого «труда». Иногда Маркс называет землю не предметом, а «всеобщим средством труда». Однако напомним, что то и другое он относил к средствам производства. «Если рассматривать весь процесс с точки зрения его результата—продукта, то и средство труда и предмет труда оба выступают как средства производства, а самый труд—как производительный труд» (см. Капитал, т. I, Соч., т. XVII, стр. 198 и 200).

[2] К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1951, стр 210.

[3] «Животные и растения, которых обыкновенно считают продуктами труда природы, в действительности являются продуктами труда не только прошлого года, но и в своих современных формах и продуктами видоизменений, совершавшихся на протяжении многих поколений под контролем человека, при посредстве человеческого труда» (К. Маркс, Капитал, т. I, Соч., т. XVII, стр. 201).

[4] К. Маркс, Капитал, т. I, Соч., т. XVII, стр. 199.

чевника. Без чёткого представления об основных средствах производства невозможно разобраться в экономическом содержании общины, которая играла выдающуюся роль в общественно-экономической жизни кочевников-скотоводов.

3. РОДОВАЯ ОБЩИНА

Наиболее ранним типом у кочевника была родовая община, т. е. община, состоящая из кровных родственников. Экономическим базисом такой общины являлась общинная родовая собственность на пастбища и кочевья и на скот. Различные виды продукции скотоводства также составляли общую собственность родовой общины или её подразделений и подлежали распределению между сородичами.

Совместный общинный труд по разведению стад, совместное кочевание родственников вызывалось первоначально экономической необходимостью. Освоение новых необитаемых территорий, в частности, сухих степей, сохранение их за собой, охрана стад от хищных зверей, чужих родовых или племенных объединений кочевников было под силу только коллективным объединениям, но не индивидуальным хозяйствам. Из этого следует, что совместное кочевание и родовая общинная собственность на пастбища и кочевья, на скот вовсе не являлись результатом обобществления основных средств производства у кочевников. Они лишь соответствовали низкому уровню производительных сил кочевников в период зарождения кочевого скотоводства, когда стада у родовых общин были еще немногочисленными.

Для родовой общины кочевников было характерно экономическое и социальное равенство её членов, являвшихся сородичами. Мы должны, конечно, указать на то, что известные нам исторические источники не содержат достаточных конкретных данных о таком архаическом типе общины у кочевников. Однако эта община непременно должна была существовать. Подобное заключение вытекает не только гипотетически из всего того, чем располагает историческая наука в отношении первобытно-общинного строя, но и подтверждается отдельными конкретными историческими фактами из жизни различных кочевых племен и народностей, правда, фактами разрозненными, иногда трудно различимыми, но весьма ценными и убедительными.

Несмотря на то, что в источниках нет данных об общей родовой собственности на скот, некоторые этнографические материалы косвенно свидетельствуют об этом. Вспомним о ряде обычаев, широко известных у различных народностей Средней Азии, Южной Сибири и Монголии. Мы имеем в виду уплату скотом калыма за невесту сородичами жениха или уплату куна (цены крови) сородичами роду убитого или изувеченного, например, у казахов[1]. Намеком на былую родовую общинную собственность на скот являются тамги—знак таврения скота. Эти тамги, согласно многочисленным преданиям и свидетельствам кочевников—южных алтайцев, киргизов, казахов и т. д., будто бы были в прошлом родовыми знаками собственности на скот, что вполне вероятно. Отражение общей собственности на скот в прошлом можно видеть также в широко распространённом, у тюркоязычных племен и народностей (алтайцев, хакасов, тувинцев, казахов, киргизов и др.) обычае, согласно которому племянник имел право получать скот в свою собственность по своему требованию у дяди по матери.

[1] М. П. Вяткин, Батыр Срым, М.—Л., 1947. стр. 123—124.

Указанный обычай довольно широко отмечен в этнографической литературе. Вместе с этим имеются материалы, особенно в этнографической литературе, и о родовой собственности на пастбища и кочевья. Однако нужно иметь в виду, что почти во всех этих случаях родовая собственность на пастбища выступает лишь формально, как юридическая фикция по-существу феодальной экономической формы земельной собственности[1]. Но из этого следует, что некогда эта юридическая форма не была фикцией, и, видимо, отражала экономическое содержание родовой общины, именно родовую общинную собственность на пастбища и кочевья. Нельзя пройти, наконец, и мимо того факта, что родовая собственность на пастбища и кочевья получила отражение в религиозных представлениях, в частности, в родовом культе гор, например, у южных алтайцев, у монголов[2].

В дореволюционном быте ряда народностей сохранились пережитки общинного родового распределения продукта (мяса, кумыса; араки). Некоторые обычаи распределения мяса, как и обычаи распивания кумыса, бузы, айрана, араки у казахов, киргизов, узбеков, южных алтайцев, монголов и других дают в этом отношении ценный материал[3]. У хакасов и алтайцев былая общность продуктов скотоводческого хозяйства выступает в обряде жертвоприношения овец и лошадей, устраивавшегося до революции во время родовых общественных молений. Возможно, что археологические памятники, относящиеся к кочевникам, датируемые, примерно, VIII — VII вв. до н. э. (например, на территории Западного Алтая), отражают именно этот хронологически небольшой период, так как в этих погребениях еще нет признаков резкого имущественного неравенства погребенных.

Родовая (в смысле экономического содержания) община не могла долго существовать в условиях роста производительных сил, вызванного переходом к кочевому скотоводству. Распад ее был вызван экономическими причинами, именно возникновением и укреплением частной собственности на скот. В тех условиях скот не был просто движимым имуществом, наподобие кочевой кибитки или домашней утвари, но являлся важнейшим средством существования. Мясо и молоко в различных видах составляли основу питания кочевников. Скот давал материал для покрытия жилища; для одежды и домашней утвари. Скот служил основным средством передвижения, а в условиях безлесной степи давал топливо (сухой помет).

Вопрос о том, так и когда стада перешли в частную собственность остается, в сущности, не исследованным до сего времени. На основании работ Ф. Энгельса известно только, что это должно было произойти на стадии разложения первобытно-общинного строя и его перехода к классову обществу[5]. Никаких точных данных на этот счет мы пока не

[1] Б. Я. Владимирцов пишет, что у древних монголов была родовая собственность на пастбища, но конкретных фактов не приводит (Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 56—58.)

[2] Л. П. Потапов, Культ гор на Алтае, «Советская этнография», 1946, № 2;

[3] Г. Н. Потанин, Очерки Северо-Западной Монголии, т. II, СПб, 1881, стр. 92—98 и др; Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 57.

[4] Л. П. Потапов, Древний обычай, отражающий первобытно-общинный быт кочевников, Тюркологический сборник, т. I, М—Л., 1921; В. В. Бартольд, Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в. и А. В. Адрианов, Айран в жизни минусинского инородца (обе статьи в «Сборнике в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина, Записки русского Географического общества по отделу этнографии, т. XXXIV, СПб, 1904); М. Ф. Гаврилов, Остатки ясы и усуна у узбеков, Ташкент, 1929; Н. И. Ильминский, Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов, Известия Археологического общества, II, 1861 и др.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, стр. 137.

имеем. Наиболее древние письменные источники о кочевниках Европы и Азии и археологический материал свидетельствуют уже о том, что к середине 1 тысячелетия у кочевников не только прочно установилась частная собственность на скот, но утвердилось резкое имущественное неравенство, нашедшее яркое отражение в их погребальных памятниках.

Известно по раскопкам курганов скифских царей северного Причерноморья (и по сообщению Геродота), что с богатыми покойниками облеченными при жизни и политической властью, хоронились табуны лошадей, много невольников-рабов, различных ценностей, в то время как в курганах рядовых кочевников хоронилась одна или несколько лошадей и покойнику сопутствовал скромный бытовой инвентарь.

В знаменитых больших Пазырыкских курганах на Алтае (V—III вв. до н. э.) имущественное неравенство выступает также ярко, особенно в сравнении с захоронениями рядовых кочевников, а на трупах лошадей, похороненных с знатными покойниками и сохранившимися в мерзлоте, были обнаружены метки на ушах, свидетельствующие о том, что эти лошади находились в частной собственности их владельцев[1].

Частная собственность на скот и резкое имущественное неравенство были и у гуннов, предводители которых, как это следует из китайских летописных извлечений, обладали дорогостоящими быстроходными и выносливыми конями[2]. Из китайских же летописных хроник мы узнаем, что частная собственность на скот существовали и у восточных соседей—кочевых племен ухуань, у которых «каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе»[3]. У кочевников усуней (II—I вв. до н. э.) летопись знает богатых скотовладельцев, имевших по 4—5 тысяч лошадей[4]. Частная собственность на скот у кочевников отмечается китайскими династийнми хрониками и для более позднего времени.

Об уйгурах в летописи Бей-Вей (386—558 гг.) говорится, что на домашнем скоте вообще кладут метки; и хотя в поле пристанет к чужому, никто не возьмет его[5]. У древних тюрков (VII в.) частную собственность на скот охраняли законы, по которым за похищение лошади полагалось наказание, начиная от штрафа в десятикратном размере, кончая смертной казнью[6] и т. д. Столь ранний переход стад в частную собственность вообще кажется весьма естественным, ибо скот представлял собой движимое, легко отчуждаемое имущество и в силу этого не мог оставаться долго в общинной собственности.

«Кочевые народы—писал Маркс—первые развивают у себя форму денег, т. к. их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой форме, и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов»[7].

Утверждение частной собственности на скот диктовалось экономической необходимостью и отвечало, в сущности говоря, требованию общего для всех эпох экономического закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Развитие производительных сил (рост стад, накопление производственного опыта выращивания скота у кочевников и т. п.), наступившее после выделения кочевого скотоводства в ведущую отрасль хозяйства, потребовало индивидуализации производства.

[1] С. И. Руденко, Культура населения Горного Алтая и скифское время, М—Л, 1953, стр. 147.
[2] Иакинф, т. I, стр. 46—47.
[3] Там же, стр. 143.
[4] Там же, т. II, стр. 196.
[5] Там же, т. I, стр. 215.
[6] Там же, т. I, стр. 230.
[7] К. Маркс, Капитал, т. I, Соч., т. XVII, стр. 100.

Кочевание, особенно в зимнее время, целесообразнее мелкими стадами, которые легче прокормить, чем крупные стада и табуны общины. Таким образом, интересы сохранения и размножения стада требовали его дробления. Но этому противоречил общинный характер собственности на скот. Что это противоречие было устранено, свидетельствует рано установившаяся частная собственность на скот, о чём согласно говорят приведенные выше исторические источники и быстрое развитие кочевого скотоводства во всём обширном поясе азиатских и европейских степей в 1 тысячелетии до н. э.

Возникновение частной собственности на скот делало собственника скота заинтересованным прежде всего в развитии своего индивидуального хозяйства и в описываемых исторических условиях расширяло возможности роста стад.

Теперь мелкий частный труд по выращиванию скота, с частным присвоением продукции, экономически был более производительным и выгодным по сравнению с общинным трудом и коллективным распределением продукции. Кочевнику было выгоднее вести собственное мелкое хозяйство, используя для пастьбы своего скота пастбища и кочевья, находящиеся в общинной собственности. Такой способ хозяйствования допускал развитие личности, несовместимое с условиями существования более древних родовых общин с их коллективным производством и распределением продукта и совместным проживанием членов родовой общины в больших общих жилищах. В условиях постоянного передвижения со стадами по степи, легкое переносное небольшое жилище было единственно целесообразным типом жилища. Однако парцеллярный труд скотовода-кочевника являлся источником частного присвоения создававшего почву для накопления движимого имущества и прежде всего скота, т. е. такого имущества, которое не поддавалось контролю общины и служило предметом индивидуального обмена. Это обстоятельство являлось моментом, разлагающим первобытное экономическое и социальное равенство кочевников-скотоводов, подрывающим первобытно-общинную собственность. Накопление скота в руках отдельных семей все больше и сильнее дифференцировало имущественное положение членов родовой общины и вызывало между ними столкновение экономических интересов.

Таким образом, естественно, что в экономическом отношении родовая община у кочевников в короткий исторический период претерпела сильное изменение. У членов ее возникла частная собственность на скот, внутри общины появилось мелкое самостоятельное скотоводческое производство. Это служило источником не только частного присвоения продукции скотоводства, но создавало почву для накопления скота, рабов и прочего богатства. Установление частной собственности на скот внесло новый элемент в экономическое содержание родовой общины, которое стало характеризоваться сочетанием общинной собственности на пастбища и кочевья с частной собственностью на скот. Но это означало, что возник новый болеее поздний тип общины, к рассмотрению которого мы перейдем.

4. АУЛЬНАЯ (СЕЛЬСКАЯ) ОБЩИНА У КОЧЕВНИКОВ

Внешняя организационная форма родовой общины или, если употреблять выражение Маркса, форма ее строения оказалась более живучей, чем ее экономическое содержание. В течение многих столетий, начиная с глубокой древности (от гуннов, усуней, жужаней и т. д.), местами, вплоть до начала XX в. (казахи, киргизы), родовая форма строения общины удерживалась у различных народностей, ведущих кочевое или полукочевое скотоводческое хозяйство, несмотря на то, что экономиче-

ская сущность ее стала иной. Характерной особенностью этого нового типа первобытной общины был дуализм общинной и частной собственности на средства производства, что коренным образом отличало его от общины подлинно родовой. Но этим отличие не ограничивалось. В более древних действительно родовых общинах работа велась сообща, а общий продукт подлежал распределению, производство же в аульной общине, напротив, было индивидуальным. Здесь каждый самостоятельно обеспечивал свое существование.

Если в более древних (родовых) общинах общий дом и коллективное жилище (до возникновения кочевого образа жизни) являлось их материальной основой, то в аульной общине господствовало индивидуальное кочевое жилище, составляющее частную собственность мелких семей. Первобытное экономическое и социальное равенство членов общины уже было нарушено Аульная община представляла собой вначале объединение кочевников—частных собственников скота, ведущих самостоятельно хозяйство, но связанных общей собственностью на кочевья и пастбища—главное условие или средство производства и существования кочевников.

В процессе разложения первобытно-общинного строя и формирования классовых отношений кочевые объединения, передвигаясь со стадами скота по пастбищам, должны были сами обеспечивать охрану своих кочевий и скота, свою собственную безопасность. Они были своего рода «объединениями против внешнего мира» (Маркс). Постоянная готовность общины у кочевников к вооруженному столкновению, выражаясь словами Маркса, была «одним из условий ее существования в качестве собственницы»[1].

Указанные признаки позволяют отнести аульную общину у кочевников к тому типу, который Маркс, применительно к земледельческим народам, назвал сельской общиной. Мы условно будем именовать ее кочевой аульной общиной, исходя из того, что кочевые поселения именуются обычно аулом (у казахов, а у монголов, алтайцев, киргизов—аилом, у тувинцев, хакасов—аалом и т. д.). Сельскую общину Маркс, в ряду различных типов общин, отмечающих собой последовательные эпохи, считал «переходной фазой» от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности»[2].

Приведенное определение, разумеется, относится полностью и к аульной кочевой общине. Будучи по своему экономическому содержанию сельской общиной, аульная община кочевников в то же время имела некоторые особенности, отличающие ее от сельской общины земледельческих народов. Каковы были эти особенности? Одной из существенных особенностей ее нужно признать то, что в отличие от сельской земледельческой общины, знавшей периодический передел общинной земли между своими членами, аульная община кочевников не знала передела пастбищ и кочевий между своими членами. Таких фактов нам не известно, хотя имеется немало данных о том, что летние и зимние пастбища и кочевья для той или иной аульной общины были довольно точно определены.

Имеется еще существенный признак сельской общины, отмеченный Марксом, рассмотрение которого необходимо и при характеристике аульной общины кочевников. Сельскую или земледельческую общину Маркс определил «первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами»[3].

[1] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 12.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 695.
[3] Там же, стр. 694.

В аульной общине, как может показаться на первый взгляд, преобладающим было объединение родственников. Даже в XIX и начале XX вв. путешественники и исследователи отмечают родоплеменное устройство кочевников, например, казахов, киргизов и других и подчёркивают родовой характер их объединений. Опубликовано немало различных схем и генеалогий родоплеменного состава казахов, киргизов, туркмен, каракалпаков и др. Родовая традиция, родовой характер, выступающие в составе многих кочевых аульных общин, как будто бы не вызывают сомнения. Но при более внимательном изучении этого вопроса выясняется, что родовой характер подобных объединений вовсе не означает того, что люди, принадлежащие к одному и тому же роду, являются кровными родственниками. Объясняется это тем, что род у кочевников уже с ранних исторических времен начал претерпевать сильное изменение, отразившееся на его составе.

Род, как кровнородственная организация, свойственная первобытно-общинному строю, не мог долго просуществовать с развитием кочевого скотоводства. Причины этого заключаются в характере исторического процесса, протекавшего в степях Европы и Азии, начиная с середины I тысячелетия до н. э. и до начала XIII века. Сущность упомянутого процесса заключалась в разложении первобытно-общинного строя, в формировании и развитии классовых отношений у кочевников, сопровождавшихся широким развитием грабительских войн и набегов, которые, по выражению Энгельса, стали «регулярными функциями народной жизни».

Историческая обстановка отличалась крайней неустойчивостью. Она характеризовалась, наряду с процессом образования народностей, сложением и разрушением различных военно-административных объединений кочевников, возникавших с целью грабежа и набегов на соседние племена и народности и основанных на временном успехе отдельных ханов.

Достаточно вспомнить гуннский союз, усуней, жужанский и тюркский каганаты, уйгурское ханство, объединение киданей и др. В этих условиях однородность состава кочевых общин сохранить было невозможно, несмотря на то, что община кочевников проявляла большую устойчивость и жизнеспособность, так как она сама производила всё, что нужно для жизни, и постоянно воспроизводила себя, что объясняется, конечно, простотой ее экономической структуры[1].

Будучи разгромлены и рассеяны при очередном набеге враждебных племен кочевники довольно быстро оправлялись от удара, возникали вновь на той же территории, в новой комбинации, нередко под теми же родоплемёнными названиями.

Большая жизнеспособность общины у кочевников доказывается её быстрым восстановлением при войнах и набегах. Но в таких условиях племена и роды у кочевников постоянно дробились и расходились, смешивались и скрещивались. Смешанный характер различных племён и родовых делений кочевников находит прекрасное подтверждение в материалах XVIII—XX вв., исследованных рядом путешественников и учёных у казахов, киргизов, узбеков, каракалпаков, тувинцев, алтайцев и др. Эти материалы показывают, что, несмотря на хорошо сохранившиеся у кочевой части населения родоплемённое деление и генеалогии, а иногда

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч, т. XVII, стр. 395.

наличие «родового» культа и даже «родовой» экзогамии, настоящего кровнородственного рода у этих кочевников не обнаружено[1].

Особенно хорошо показал это Н. А. Аристов. Любопытно, что народное сознание местами отразило в языке, в соответствующей терминологии, отличие кровного родства от родства по сеоку и по народности в целом. В существующей литературе, например, прочно утвердилось мнение о том, что «сеок» (букв. «кость») у тюрских племён и народностей Южной Сибири (тувинцы, алтайцы и хакасы)—есть подлинный настоящий род. Однако сами тувинцы отличают родство по сеоку (сеок торель) от родства по крови (канторель) и от родства в смысле принадлежности к единой народности (торель) и для обозначения этого различия употребляют разные термины.

Поэтому в ряде работ вполне справедливо утверждается отсутствие рода и подчёркивается, что существование родоплемённых делений, обычаев и традиций, обширных и громоздких генеалогий сохранялось, поддерживалось и внедрялось в своих целях в сознание рядовых кочевников феодально-байской верхушкой, эксплуататорским классом этих народностей. Родоплеменные деления и наименования кочевого населения представляли собой в сущности военно-административные, а вовсе не кровнородственные единицы. Такие атрибуты родового строя, как родовой боевой клич (уран), родовое знамя у кочевников, теснейшим образом связаны не с родовой, а с военно-административной структурой кочевых объединений[2].

Напомним, например, деление у монгольских и тюркских племен на правое и левое крыло, каждое из которых делилось в свою очередь на другие подразделения, обычно отождествляемые с племенами и родами, но связь их была родственной не по крови, а по общности языка и быта, хотя и выступала в форме родоплемённых и была обставлена сложными генеалогиями.

Это были военно-административные деления, хотя родовая внешняя оболочка была использована здесь, как организационная форма. Китайская летопись содержит данные о том, что военно-административные деления вводились отдельными предводителями. Например, в сообщении летописи под 394 г. говорится, что предводитель жужаней Шелунь, покорив гоогюйские (уйгурские) поколения, объявил себя ханом и «поставил военные законы. Тысяча человек составляла полк: в полку был один предводитель. Сто человек составляли знамя»[3].

Подобного рода численные деления, которые были известны и древним монголам, разумеется не могли совпадать с численным составом кровнородственных родов, что способствовало разрушению последних и превращению их в военно-административные единицы. Сами родовые или племенные наименования происходили нередко от личного имени

[1] См. А. Харузин, Киргизы Букеевской орды, т. 1, М, 1889. В. Радлов, К вопросу об уйгурах, СПб, 1893,

Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народности, Живая старина, 1896, в. III—IV; Он же, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов большой орды и каракиргизов, Живая старина, в. III—IV, 1894; С. П. Толстов. Генезис феодализма у кочевых народов. Сб «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества», Л., 1934, В. С. Батраков, Особенности феодализма у кочевых народов, Сб. Научная сессия Академии Наук УзССР, Ташкент, 1940; М. П. Вяткин, Батыр Срым, Л. П. Потапов, Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953, Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии кара-калпаков, М.—Л., 1950 и др.

[2] О родовых знаменах и значках у казахов сообщает А. Левшин, Описание киргиз-кайсацких орд и степей, т. III, СПб, 1832, стр. 52—54; у якутов—А. П. Окладников, Конь и знамя на ленских писаницах, Тюркологический сборник и др.

[3] Иакинф, т. 1, стр. 187.

предводителя, старейшины и т. п. Нам удалось установить это, например, у хакасов на материалах, относящихся к XVII в.[1]. Такие указания для древности можно встретить и в китайской летописи, сообщающей о кочевых племенах: «имя сильного старейшины обращают в прозвание»[2].

Феодальная аристократическая верхушка у кочевых народностей Средней Азии до последнего времени широко использовала в своих целях и всячески поддерживала эту родоплеменную генеологическую традицию, зародившуюся в глубокой древности. Изложенное показывает, что аульная кочевая община строго говоря не была объединением кровных родственников. А данные предреволюционного периода, например, у киргизов, свидетельствуют о том, что и в рамках подобных административно-родовых подразделений аульная община не была однородной. Сошлёмся на конкретный материал, собранный П. Погорельским и В. Батраковым[3]. Рассматривая родовой состав кочевых аульных общин, авторы убедительно показывают его смешанность. Например, в общине «Джетыкул», состоящей из 49 хозяйств, исследователи зарегистрировали 11 родовых групп, именующихся различными названиями. Давно был разрушен родовой принцип состава общин у монголов, у которых в среде простого народа не сохранилась даже память о родовых названиях, и лишь князья и дворяне, да ещё шаманы помнили имена своих родов[4].

Таким образом, можно заключить, что уже с древних исторических времён возникла община у кочевников по своему экономическому содержанию была не родовой, а сельской. В таком именно виде она существовала на протяжении многих столетий и у ряда кочевых народностей, племён в составе России (казахи, киргизы, алтайцы и др.), сохраняясь в условиях классового феодального строя вплоть до начала XX века, подобно тому, как русская земледельческая сельская община стала современницей капитализма и была уничтожена только с развитием последнего.

5. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КЛАССОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Зарождение и формирование классовых отношений кочевников происходило на основе развития частной собственности на средства производства. Для формирования классовых отношений аульная община давала достаточно простора. Основным моментом, разлагающим аульную общину, был её дуализм, т. е. наличие в ней одновременно общинной и частной собственности.

Частная собственность на скот с её развитием и укреплением неизбежно приводила к возникновению частной собственности и на общинные пастбища. Рост стад у богатых скотовладельцев шел как путем естественного прироста, так и через обогащение в результате грабительских войн и набегов. Рост стад делал богатых кочевников особенно заинтересованными в расширении и закреплении пастбищных территорий. Если в период начального развития кочевого скотоводства еще можно было освоить новые, никем ещё не занятые территории, то позднее, во всяком случае к первым векам до н. э., таких территорий в Центральной Азии и полосе степей от Алтая до Крыма и Дуная было не так то много, ибо кочевое скотоводство уже повсюду получило большое распространение,

[1] Л. П. Потапов, Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.), Абакан, 1952. г.

[2] Иакинф, т. I, стр. 143.

[3] Экономика кочевого аула Киргизстана, 1930, стр. 115 и следующие.

[4] Б. Я. Владимирцов. Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах, Соб. Северная Монголия, II., 1927, стр. 20, «Поездка к кобдоским дэрбетам летом 1908 г. Известия Русского Географического Общества т. XVI, 1910, стр. 334.

о чем можно судить не только по письменным источникам (например Геродот, китайские летописные хроники), но и по распространению курганов, оставленных ранними кочевниками.

Кочевники вовсе не бродили по степям, где кому вздумается. Земли их в это время, как и позднее, уже были размежеваны и не только между различными племенами или союзами племён, но и внутри их. Китайская летопись содержит известия, относящиеся к III—II вв. до н. э., о том, что у гуннов «у каждого есть отдельный участок земли» или «каждый имел отдельную полосу земли и перекочёвывал с места на место, смотря по приволью в траве и воде»[1]. Почти в тех же трафаретных выражениях китайская хроника сообщает и про кочевников Тугю (период тюркского каганата)[2]. Кочевники весьма ценили территории своего обитания и кочевания. Китайская летопись сообщает, что, когда гуннскому шаньюю Модэ посоветовали уступить часть территории восточным соседям, чтобы сохранить путём этой уступки добрососедские отношения, он очень разгневался и заявил: «Земля есть основание государства; как можно отдавать ее? Всем советовавшим отдать землю отрубил головы»[3]. Ценность земли и её экономическое значение было прекрасно известно древним кочевникам, и стремление обеспечить стада пастбищами было постоянно в центре их забот. Особенно к этому стремились богатые кочевники. Постепенная узурпация и монополизация общинных кочевий и пастбищ родоплемённой знатью позволяла богатым кочевникам без всяких издержек увеличивать количество своего скота. Наличие политической власти, конечно, облегчало узурпацию кочевий, в которых нуждалась кочевая аристократия. Делалось это не только путём фактического захвата лучших пастбищ, но иногда и путём обнародования запрета пасти скот на тех или иных кочевьях.

Китайские летописи сохранили, например, известие, относящееся к 1 в. до н. э., о том, что глава усуней Цылими, носивший титул гуньмо, объявил, чтобы «никто не смел пасти скот на его пастбищах»[4]. Отдельные земельные угодья под разными предлогами объявлялись «запретными», например, территории в районе ханских кладбищ и предназначенные для охоты кочевой знати, а также для пашни и т. п. У древних монголов эти запретные места носили названия «хоріч, а у тюркоязычных кочевников—«курук» или «хурук»[5].

Ранее всего родоплеменной аристократией, предводителями племен были узурпированы зимние пастбища. Для Алтая, например, об этом можно судить по топографии курганов, принадлежащих эпохе ранних кочевников (V в. до н. э.—I в. н. э.). Большие каменные курганы, с погребениями знатных кочевников расположены в лучших для зимних пастбищ долинах. Скопление богатых курганов и расположение их цепочками, говорит за то, что эти прекрасные долины находились в наследственной собственности кочевой знати, устраивавшей здесь фамильные кладбища[6]. Верховными распорядителями гунских земель были шаньюи, кото-

[1] Иакинф, т. 1, стр. 40 49.
[2] Там же, стр. 230.
[3] Там же, стр. 47—48.
[4] Там же, т. 1; стр. 197. Земельные владения усуньских гуньмо межевались и переходили даже по наследству, стр. 155, 191, 196.
[5] Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 160, В. Бартольд, К вопросу о погребальных обрядах и турок и монголов, Зап. Вост. Отделения Русского Археологического Общества, т. XXII, стр. 68—70.
[6] Фамильные кладбища в районе зимних кочевий устраивались также гуннской знатью, ибо летопись сообщает, что ухуанские племена в отмщение гуннам раскапывали, грабили могилы гуннских шаньюев. Это могло происходить только летом и конечно, в районе зимних пастбищ, которые летом пустовали (Иакинф, т. I. стр. 79—144).

рые, видимо раздавали их во владение кочевой знати. Это можно предполагать на основании сообщения китайской летописи об «удельных владетелях западных хунгуских земель»[1] Таким образом, распорядителями земли у кочевников были верховные их предводители.

Утверждению монопольного права распоряжения пастбищами-кочевьями аристократией способствовали организуемые ею военные грабительские походы, которые заканчивались нередко покорением целых областей. Покорённые области вместе с живущим в них населением распределялись между предводителями, членами их семей и приближенными. Такое распределение покоренного населения имело последствием возникновение рабства, даннической и феодальной зависимости[2].

Известно, что гунны в ранний период их истории держали в даннической зависимости покоренные ими племена. Они, например, облагали данью ухуаньские кочевые племена, которые платили им кожами, овчинами и даже золотом. «Кто не представлял эсака, сообщает китайская летопись, у тех отбирали жену с детьми»[3]. Кроме того, старейшины ухуаньцев обязаны были систематически являться в орду (ставку шиньюев) гуннов. То же самое обязаны были делать владетели усуней, покоренных гуннами. Подобные отношения в древних тюрских рунических надписях переданы образным выражением «склонения головы и преклонения колен», что нашло отражение в изобразительном искусстве древних тюрок, прекрасным памятником чего является известный рисунок на каменном валуне из погребения Кудирге в Горном Алтае[4].

Следовательно, монопольное распоряжение кочевьями, пастбищами и другими землями вело фактически к частной собственности кочевой знати на эти земли.

В какой же форме зарождались классовые отношения у кочевников? Нет никакого сомнения в том, что наиболее ранние формы классовых отношений, которые возникали у кочевников, были отношения рабства[5]. Основным каналом поступления рабов к кочевникам были пленники, добывавшиеся при войнах и грабительских набегах. Пленники поступали, как это свидетельствует китайская летопись в отношении гуннов, жужаней и др., в собственность пленившего, как личная добыча, в то время как добыча другого рода в виде отогнанных стад, различного ценного имущества поступала в раздел, причем львиную долю получали различные предводители, т. е. социальная верхушка кочевников.

«Пленные мужчины и женщины поступают в неволю,—сообщает летопись в разделе о гуннах,—и посему на сраженьи каждый воодушевляется корыстью»[6]. Пленников гунны обращали в рабов или отдавали за выкуп, когда владелец не был заинтересован в пленнике, как рабе[7]. Рабский труд применялся преимущественно в хозяйствах богатых скотоводов, которые безусловно не могли вести крупное скотоводческое хозяйство только силами своей семьи. Рядовые же кочевники, составлявшие

[1] Иакинф, т. 1, стр. 99.
[2] Маркс писал по этому поводу, имея в виду кочевников, следующее: «Если вместе с землей завоевывают самого человека как органическую принадлежность земли, то его завоевывают как одно из условий производства и, таким путем, возникают рабство и крепостная зависимость» (Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 21).
[3] Иакинф, т. 1, стр. 103, 144.
[4] Л. П. Потапов Очерки по истории алтайцев , стр. 92.
[5] Материалы о существовании рабства у кочевников приведены в работе С. П. Толстова «Древний Хорезм», М., 1948. Автор одним из первых советских исследователей обратил внимание на эти материалы и подверг их научному анализу.
[6] Иакинф, т. 1, стр. 50.
[7] Там же, стр. 50.

большинство, ведя своё хозяйство личным трудом, о чем также имеется прямое указание китайских хроник, в отношении кочевых племен ухуань, соседей гуннов, гласящее: «каждый сам пасёт скот и печётся о своём имуществе, а не употребляет друг друга в услужение»[1].

Рабство не стало основой производства у многих кочевников-скотоводов, каким оно было у многих земледельческих народов, хотя в ограниченных размерах сохранялось очень долго, например в домашнем хозяйстве богатых кочевников, у казахов, туркменов, калмыков и других народностей, включительно до XIX века. Основным производящим классом у кочевников были не рабы, а рядовые скотоводы, которые являлись мелкими собственниками скота и вели хозяйство личным трудом.

Развитие классовых отношений в рамках кочевой аульной общины привело к возникновению феодальных отношений, которые были характерны уже для тюркского каганата (VI—VIII вв.).

В империи Чингис-хана феодальные отношения у кочевников выступают особенно чётко. Основной линией процесса формирования феодальных отношений было утверждение монопольной сословной и иерархической собственности кочевой аристократии на землю в широком значении этого слова[2]. При Чингис-хане у монголов были заложены основы крупного феодального землевладения на огромных степных пространствах. Земли империи, населённые различными племенами и народностями, были объявлены частной собственностью чингисидов. Они были разделены на улелы—улусы между династийными собственниками. Их население, кочевое и осёдлое, оказалось живущим на земле, составляющей собственность монгольских феодалов и, таким образом, попало в феодальную зависимость от последних. Население было прикреплено к этим землям, ему было запрещено, под страхом смертной казни, откочёвывать, переселяться куда-либо без позволения феодалов. Монгольские царевичи распоряжались этими землями и живущим на них населением по своему усмотрению.

Плано Карпини, наблюдавший жизнь населения при чингисидах, свидетельствовал:

«И, говоря коротко, император и вожди берут из их имущества всё; что ни захотят, и сколько хотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им будет угодно»[3] Царевичи раздавали свои земли за службу приближенным, вместе с населением, но и отбирали их, когда им этого хотелось. Даже в пределах земель того или иного феодала трудовое население не могло свободно кочевать. «Всякий начальник, писал В. Рубрук—знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью»[4].

Верховным распорядителем земель был всё же император. Плано Карпини сообщает: «Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники—сотникам, сотники же—десятникам»[5].

---

[1] Иакинф, т. 1. стр. 50.

[2] «Монополия земельной собственности является исторической предпосылкой и остается постоянной основой капиталистического производства, как и всех прежних способов производства, основанных на эксплуатации масс в той или иной форме».

[3] История Монголов, СПб, 1911, стр. 24.

[4] Путешествие в восточные страны, СПб.; 1911; стр. 69.

[5] История монголов, стр. 23.

Непосредственные производители—кочевники-скотоводы были обязаны платить натуральную ренту своим феодальным владельцам и нести различные повинности в самых различных формах. Существовало разделение кочевников на два антагонистических класса, из которых феодальный класс оказался монопольным собственником земли—как главного условия производства, а класс трудящихся скотоводов—непосредственных производителей—лишенным этого условия производства, однако имеющим скот в частной собственности, основанной на личном труде. Земли для кочевья непосредственные производители получали от феодалов, назначавших им районы кочевий. Различные формы и методы внеэкономического принуждения лишь усиливали и укрепляли экономическую власть кочевников-феодалов.

Конечно, феодальные отношения в кочевых районах, как первоначально и в оседлых земледельческих, сочетались с патриархальным общинным укладом, вследствие чего могут быть названы патриархально-феодальными. Кроме отмеченной генеральной линии развития, возникновению феодальных отношений у кочевников способствовали и другие, второстепенные, но всё же существенные причины, коренящиеся в кочевом воинственном образе жизни.

При постоянной необходимости организованно передвигаться, занимать и менять кочевья, охранять их, как и скот, от соседних племен, наконец организация грабительских набегов и т. п. требовали от кочевников четкой организации, с определенной, довольно развитой субординацией, наличия военно-административной верхушки. Существование подобной субординации, конечно, способствовало созданию феодальной иерархии у кочевников. Большой материал по феодальной иерархии у древних тюрков дают орхоно-енисейские надписи[1]. Изучая по дошедшим сведениям Ясу Чингис-хана, К. Маркс обратил внимание на упоминание в ней «о высшем **сословии, тарханах,** которые были освобождены от всяких налогов, не должны были делить свою добычу с другими, имели постоянный свободный доступ к великому хану, освобождались от наказания до девяти раз». По поводу этих фактов Маркс пишет: **«Это вид феодальных прав** возникает у всех полуцивилизованных народов в результате воинственного образа жизни[2].

Нет никакого сомнения в том, что воинственный образ жизни кочевников заключал в себе такие условия, которые в процессе классообразования вели к формированию феодальных отношений. В этой связи нельзя не вспомнить как еще в одной из наиболее ранних работ К. Маркс и Ф. Энгельс уже указывали на влияние военной структуры древних германских кочевников на развитие феодальной собственности[3].

Воинственный образ жизни кочевников определялся историческими условиями, при которых война для отстаивания и приобретения собственности являлась своего рода разновидностью труда. Борьба за сохранение и за захват кочевий и пастбищ занимали видное место в общественно-политической жизни различных кочевых объединений. Если к этому добавить, что рост и укрепление частной собственности на различное движимое имущество порождал стремление к приобретению богатств, в том числе скота и рабов, путем грабительских набегов, то организация

---

[1] С. Е. Малов, Памятники древне-тюркской письменности. М.—Л. 1951, Он же, Енисейская письменность тюрков, М.—Л., 1952; А. Н. Бернштам, Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII веков, М.—Л., 1946.

Хорошо исследован этот вопрос для древних и средневековых монголов Б. Я. Владимирцовым в книге «Общественный строй монголов», Л., 1934.

[2] Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 220, Госполитиздат, 1938.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 14.

кочевых общин на военный лад, обеспечивавшая большую готовность, и мобильность кочевников, становится вполне объяснимой[1].

Кочевники, принадлежащие к одному объединению, стремились держаться вместе и поблизости. Концентрация кочевых кибиток была необходимой и наиболее подходящей формой поселений военизированных общин.

Куренный способ кочевания древних монголов, на который обратил внимание Б. Я. Владимирцов, был тесным образом связан с условием кочевого воинственного образа жизни. Этот способ совместного кочевания был продиктован интересами безопасности и военно-походной организации кочевников и совершенно не исключал мелкого аульного хозяйства с частной собственностью на скот. «Значение куренуя,—пишет Рашид-ад-Дин,—есть кольцо. В старинные времена, когда какое-нибудь племя останавливалось на каком-нибудь месте наподобие кольца, а старший из них был подобен точке в середине круга, это называли курень. В нынешнее время, когда приблизится неприятельское войско, располагаются по той фигуре, дабы не вошел в середину чужой и неприятель». В примечании к этому месту Б. Я. Владимирцов указывает, что даже современные монголы в период революции 1911—1912 гг. располагали свое ополчение лагерем точно таким же образом. Можно сослаться и на русские исторические документы XVIII в., относящиеся к южным алтайцам и джунгарам (западным монголам), которые также подчёркивают особенности расселения кочевников, в связи с их подвижным и воинственным образом жизни: «Кочёвку имеют таким образом: ежели все бойцы в кибитках, то местах в двух или в трёх, по разности, но близко друг от друга, а как-де куда на промысел или для воровства лошадей отправляются, то и совокупятся все кибитки в одном месте, а как придут оные обратно, то-де и паки разойдутся врозь»[2].

Необходимо предостеречь от ошибки отождествления куренного способа кочевания с первобытным коллективным способом ведения хозяйства скотоводов-кочевников.

Воинственный кочевой образ жизни также порождал различные формы внеэкономического принуждения, которые усиливали и укрепляли экономическую власть богатых предводителей кочевников. В обстановке постоянных войн и набегов рядовые кочевники были вынуждены не только, объединяться в мелкие общины, но искать покровительства у тех или иных вождей и предводителей. Изолированное и независимое существование мелких общин, тем более отдельных хозяйств, в этой обстановке было немыслимо. Они были всегда под опекой различных ханов. Но покровительство хана влекло для рядовых кочевников различные формы зависимости, определённые обязанности или даже повинности по отношению к своему покровителю — хану. Они должны были не только нести охрану кочевий и скота того или иного кочевого объединения, но и участвовать в набегах и войнах, в охотничьих облавах хана, игравших немалую роль в жизни кочевников[3]. Конечно, эти обязанности вначале, видимо, были всё же добровольными, поскольку переход кочевника или кочевой общины от одного предводителя к другому не был запрещён. Однако, как только добровольный переход был запрещён, в таком случае обязанность рядового кочевника превращалась в повинность. Таким образом, отношения покровительства у кочевников, в условиях воинственного образа жизни, способствовали установлению феодальной зависимости.

[1] Маркс писал по поводу ранней общины, что военная или войсковая организация «является одним из условий ее существования в качестве собственницы» (Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 12).

[2] Г. Н. Потанин, Материалы для истории Сибири, Чтения в обществе истории и древностей российских, кн. 4, 1866, стр. 113.

[3] О роли и значении охотничьих облав в жизни кочевников-монголов см. Б. Я. Владимирцов, указ соч.; стр. 40, 43, 65, 79, 83, 192—195.

Как известно, монгольская империя включала в себя много различных тюркоязычных племён и народностей, в том числе исторических предков современных казахов, киргизов, каракалпаков, значительной части узбеков, алтайцев и др. Все эти кочевые скотоводческие племена и народности оказались вовлечёнными в процесс развития феодальных отношений.

Процесс образования феодальной собственности на землю у кочевников был закономерным явлением, протекавшим под воздействием закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Развитие производительных сил у скотоводов-кочевников вступило в противоречие с общинной формой собственности на главное условие производства: кочевье, пастбища и т. д., т. е. на землю. Это противоречие и было постепенно устранено новыми производственными отношениями, отношениями классовыми, которые нередко, впрочем, в течение долгого времени сосуществовали со старыми патриархальными отношениями.

Что же произошло с кочевой аульной общиной? Исчезла ли она под влиянием развития феодализма? Нет, не исчезла. Она продолжала существовать под его покровом. В пределах территории феодального княжества или удела (улус, оток, хошун), назначенной или выделенной феодалом той или иной группе кочевников, последние кочевали мелкими общинами, представлявшими военно-административные единицы (дючины, аймаки, аилы и т. п.), носившими, либо, как пережиток, родоплемённые названия, либо именовавшиеся по имени владельца или начальника. В этих общинах кочевали мелкие собственники скота, группировавшиеся обычно вокруг богатого кочевника, облечённого властью. Так как они кочевали на земле, составлявшей собственность феодала, то вследствие этого несли различные повинности. Члены кочевой общины пользовались назначенными им пастбищами иногда сообща. Общинное землепользование на кочевьях феодала, в сочетании с частной собственностью на скот, на своё мелкое скотоводческое хозяйство, составляло экономическую базу аульной общины в условиях феодализма. Общинная форма землепользования и имущественное неравенство членов общины на основе частной собственности на скот порождало дальнейшее углубление классового расслоения и возникновение различных форм кабальных отношений, ухудшавших тяжелое положение наиболее бедных групп феодальных зависимых кочевников. Рассмотреть эти формы целесообразнее в связи с характеристикой патриархально-феодальных отношений.

6. ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Для определения дореволюционных общественных отношений у кочевников советские историки широко используют термин патриархально-феодальные отношения, введённый И. В. Сталиным по отношению к народностям, сохранившим в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не ушедших дальше первобытных форм полупатриархального-полуфеодального быта (Азербайджан, Крым и др.)[1]. Этот термин хорошо передаёт специфику феодальных отношений, ещё не освободившихся от патриархальной родовой оболочки, а иногда и переплетающихся с остатками или пережитками патриархальных отношений, с патриархальным укладом.

[1] Обо всем этом имеются материалы в «Истории Казахской ССР», изд. 2-е.

Патриархально-феодальные отношения — это отношения феодальные, выросшие у кочевников, как и у земледельческих народов, под воздействием общей закономерности феодализма, на основе развития и упрочения феодальной собственности на главное средство производства — землю. Несмотря на юридически кажущееся отсутствие земельной собственности у наших среднеазиатских или южных сибирских кочевников, феодальная собственность прослеживается довольно легко. До вхождения в состав Русского государства земельная собственность у казахов, например, выступала совершенно определенно. Собственниками кочевьев были ханы и султаны, ведущие свою родословную от чингисидов. Чингисиды, как мы видели выше, издавна были крупнейшими земельными собственниками.

С образованием казахских ханств ханы выбирались из среды султанов. Хан в пределах своего ханства был верховным собственником земель. Его власть в своём ханстве простиралась и на султанов, не говоря уже о биях, тарханах и других представителях феодального класса, которых он мог осудить, разорить и т. п. Рядовые феодальные зависимые скотоводы (шаруа), т. е. основные производители, хотя имели в частной собственности скот, личное хозяйство, но были обязаны платить хану различные виды ренты (зякет, ушур, сугум), взыскиваемые натурой, нести различные трудовые повинности (подводную, содержание чиновников ханского административного аппарата и др.), участвовать со своим конём и снаряжением в походах и набегах хана, платить судебные пошлины и различные дополнительные разовые поборы (например выплачивать султанский калым). Трудящийся казах-скотовод вынужден был нести это бремя в конечном счёте потому, что он кочевал на землях хана или султана, был прикреплен к ним и деваться ему со своим скотом было некуда.[1]

Монополия земельной собственности хана или султана-феодала являлась экономической основой прикрепления к кочевьям феодала рядового скотовода, его личной зависимости. На этой именно основе и выросли различные формы и методы внеэкономического принуждения, при помощи которых можно было заставить рядового скотовода, ведущего самостоятельное хозяйство, работать на феодала.

Только на основе монополии земельной собственности, как главного средства производства, можно объяснить наличие феодальных отношений у казахов, несмотря на то, что имущественное неравенство резко проявлялось у них и по линии собственности на скот. Но собственность на скот не могла служить основой феодализма у кочевников уже потому, что она не являлась монопольной собственностью феодалов. Скот был в частной собственности также рядового кочевника.

Разбогатевший рядовой скотовод вовсе не делался феодалом оттого, что он становился собственником большого стада и мог эксплуатировать бедноту при помощи раздачи ей скота на кабальных условиях. Кабальные формы эксплуатации существуют при самых различных способах производства классового общества и не они определяют собой тот или иной тип классовых отношений. Если же признать скот главным средством производства и основой феодальной собственности, то в таком случае исчезает различие между феодальной собственностью на основные средства производства и единоличной собственностью непосредственного производителя, основанной на личном труде. Следовательно, о феодализме при этом говорить не приходится. Отсюда видно, что основой феодализма у кочевников, как и других народов, была только земельная собственность.

[1] «Источником феодального гнёта была не экспроприация земли у населения, а, наоборот, его прикрепление к земле», К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XVI, ч. 1, стр. 287.

Специфика земельной собственности у кочевников, например, у казахов, выступала, прежде всего, в том, что земля эта, как правило, не продавалась и не покупалась, ибо при кочевом пастбищном скотоводстве с господством натурального хозяйства для этого не было необходимых условий. Практическим же выражением земельной собственности было монопольное и полное распоряжение феодалами всеми видами земли и прежде всего, конечно, кочевьями и пастбищами.

Особенностью феодальной земельной собственности у кочевников было также и то, что она нередко была замаскирована общинным землепользованием, так как кочевали феодально зависимые скотоводы у многих народов, обычно не в одиночку, а общинами.

Как свидетельствуют авторы «Истории Казахской ССР» «...ханы распоряжались общинной землей, как своей собственностью, по своему произволу раздавая её, продавая султанам, биям, старшинам и прочим феодалам»[1].

Другими словами общинное землепользование (авторы отождествляют его почему-то с общинной собственностью) отнюдь не препятствовало крупным феодалам распоряжаться землёй по своему усмотрению. Но когда у хана, в той же Букеевской орде, появилась необходимость юридически оформить и распорядиться земельными угодьями, он не задумался над этим и, как свидетельствуют авторы «Истории Казахской ССР», сам хан закрепил за собой 400 тыс. десятин самой лучшей земли, султанам Мучегелию и Чингалию Урмановым он отвёл 700 тыс. десятин, брату своему Менлигирею — 400 тыс. и т. д. Всего, таким образом, было взято 4500 тыс. десятин. Кроме того, из оставшихся 800 тыс. десятин удобной земли хан продавал мелкими участками мелким султанам, старшинам, ходжам, сдавал в аренду и т. д. За период с 1830 по 1835 г. хан выдал разным лицам 1517 актов на владение земельными участками в орде[2].

Общинный характер землепользования в том виде, в каком он сохранился до Великой Октябрьской социалистической революции, выступил на первый план уже после присоединения казахов к Русскому государству. С этого времени верховным собственником земли у казахов выступает Русское государство. Царское правительство ликвидировало ханскую власть, лишило ханов и султанов права взимать ренту и установило ясак и ряд трудовых повинностей казахов в свою пользу. Правительство разработало «Устав о сибирских киргизах», согласно которому вводилось новое административное управление казахов, с разделением их на округа, волости и аулы (с выборными на трехлетие управителями), причем волости и аулы должны были создаваться по родовому признаку. Устав о сибирских киргизах, автором которого был М. Сперанский[3], пытался возродить и сохранить, по существу уже изжитое у казахов родоплеменное деление, приспособив его, как и в Сибири, к административным целям. С переходом земель казахов в номинальную собственность Русского государства монопольная собственность на землю ханов и султанов была уничтожена. Эти земли были представлены казахам на основе общинного пользования. Такие мероприятия отнюдь не упразднили феодальной собственности на землю у казахов, ибо вместо одного верховного собственника-хана у них появился другой—крепостническое русское государство, которому нужно было также платить ренту-налог.

Более того, указанные мероприятия фактически не уничтожили феодальной земельной собственности казахских султанов, как и других более мелких представителей феодальной знати, так как юридически общинная

[1] История Казахской ССР, изд. 2-е, стр. 249.
[2] Там же, стр. 250.
[3] М. Сперанский был также автором устава о сибирских инородцах.

форма землепользования давала казахским феодалам полную возможность маскировать ею свою земельную собственность. Поэтому в новых общественно-экономических условиях они были прямым образом заинтересованы в патриархальной общинной форме землепользования. Классовые интересы казахских феодалов сыграли видную роль в оживлении и активизации патриархальных родовых традиций и пережитков.

Если обратимся к киргизам, то увидим, что и у них основой патриархально-феодальных отношений была собственность на землю киргизских феодалов. После включения киргизов в состав Русского государства киргизские земли были также объявлены государственной собственностью и переданы киргизам во владение на правах общинного землепользования. Но и здесь общинное землепользование прикрывало фактически феодальную земельную собственность киргизских биев и манапов, которые определяли границы для отдельных групп кочевников и полностью распоряжались кочевьями, пастбищами и прочими землями прикреплённой к ним и подвластной им «букары» (рядовых кочевников).

Киргизские манапы давали формально общинные кочевья и пастбища друг другу в качестве приданого, брали себе за пастьбу скота на них натуральные и денежные поборы (отман)[1], сдавали их в аренду, брали плату со скотопромышленников за прогон скота через свою территорию. Так было не только у киргизов. У тувинцев распределение кочевок производил нойон, т. е. богач-феодал, стоящий во главе хошуна[2]. В Азербайджане кочевники платили «чопбаши» феодальным владельцам эйлягов и кишлягов (т. е. летних и зимних пастбищ). Этот денежный сбор за право пасти скот на пастбищах, захваченных феодалом в его собственность, мотивировался «древним обычаем»[3].

Феодальная сущность патриархально-феодальных отношений выступает в конкретном историческом материале, относящемся к казахам, киргизам, алтайцам, монголам и другим, отражающем такой важный признак феодализма как неполная собственность феодала на работников производства[4].

При этом необходимо отметить, что различные виды закрепощения соплеменников и сородичей часто происходили в форме родственной помощи, благодеяния, родственного покровительства и т. п., вследствие чего закрепощенный считал феодала своим «благодетелем» (алтайцы), «старшим братом» (киргизы) и т. д.

В специфической патриархальной форме у ряда народностей выступала и натуральная земельная рента — это экономическая форма реализации земельной собственности у кочевников[5].

У алтайцев нам довелось исследовать отработочную ренту под наименованием «ярчи». Сущность ее состояла в том, что каждый рядовой алтаец, приписанный к определенному зайсану, должен был отработать на зайсана, в порядке очередности, по нескольку месяцев (заготовлять дрова, пасти скот, седлать коня и т. д.). Это считалось «древним обычаем», который мотивировался тем, что зайсан занят «общественными делами», ему нужно «помочь» в личном хозяйстве. Однако «помощь» зайсану в качестве «ярчи» (буквально — «дровосека») была обязательной, по существу своеобразной барщиной, выступавшей в патриархальной форме.

У тувинцев подобного рода отработочная повинность существовала под названием «медэ». Она состояла в том, что каждое «сумо» (административное подразделение хошуна), посылало своему владельцу-нойону по одной семье, со своей юртой для различных работ и услуг нойону, сроком на один год. Кроме того, в каждой из этих выделенных юрт поселялся ещё холостой работник, выделенный от сумо для работы нойону («нойон содама»). Распоряжался всеми медэ и содама выборный из их же среды (медэ тарга), который непосредственно выслушивал приказания и распоряжения нойона.

У хакасов и алтайцев рядовые скотоводы были обязаны участвовать в, сенокосе, уборке урожая у кнеса (русское «князь») или зайсана в порядке «помощи» и должны были принести с собой выкуренное вино. Эта обязанность работать на начальника или владельца также считалась «родовым» древним обычаем. Видимо, к этой категории отработок по обычаю следует отнести и киргизский «ашар» и «кошар» у каракалпаков.

В патриархальной форме в значительной степени выступала и рента продуктами. Эти формы описаны для киргизов (салых, соишь, отмаи, орункутуктау), алтайцев и др. Эти натуральные повинности (своеобразный оброк) по снабжению продуктами и скотом феодалов часто были мотивированы необходимостью оказания «помощи» манапу, султану, зайсану и т. д., например, в уплате калыма, в расходах по устройству свадьбы, различных угощений при рождении ребёнка, обрезании, похоронах, при приёмах чиновников и т. д.

Для патриархально-феодальных отношений у кочевников были характерные ещё отношения эксплуатации непосредственного производителя, возникшие на основе наделения обедневшего скотом хозяина богатым кочевником. Такие отношения были настолько своеобразны и широко распространены у различных народностей, что это дало повод некоторым учёным считать их основным видом эксплуатации. На деле этого, конечно, не было, ибо в такие отношения с кочевником вступала, как правило, только скотоводческая беднота. При ведущем значении кочевого скотоводческого хозяйства скот, разумеется, мог быть, и в действительности был, важнейшим средством эксплуатации бедноты со стороны богатых кочевников. Это обстоятельство создаёт видимость приоритета эксплуататорских отношений, вырастающих на основе частной собственности на скот, по сравнению с отношениями, развивающимися на базе феодальной земельной собственности, обычно замаскированной формой общинного землепользования. В то же время было бы неправильно недооценивать роль скота как материального средства эксплуатации, ибо по мере постепенного обеднения и разорения непосредственного производителя скотовода, в условиях феодализма, значение скота как основы эксплуатации возрастает. Обедневший скотовод пытается поправить своё положение тем, что берёт дойную корову, лошадь или овец у богатого скотовода во временное пользование за отработки. Богатый кочевник охотно наделял скотом бедноту, так как это обеспечивало ему рабочую силу, давало по существу даровых пастухов. В условиях царского политического режима, когда власть кочевой феодальной аристократии над рядовыми кочевниками была ограничена, когда земельная рента, совпадающая с налогом, поступала в царскую казну, обеспечение рабочими руками хозяйства богатых скотоводов было осложнено.

---

[1] П. Погорельский и В. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана, стр. 168.

[2] Л. П. Потапов, Ранние формы феодальных отношений у кочевников, Записки Хакасского Научно-исследовательского института языка, литературы и истории, в. 1, Абакан, 1947.

[3] Колониальная политика российского царизма в Азербайджане, М.—Л., 1936, стр. 55, 57, 65, 87, 97, 116, 128.

[4] Л. П. Потапов, Ранние формы феодальных отношений у кочевников, стр. 11—16.

[5] «Какова бы ни была специфическая форма ренты,—пишет Маркс,—всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность» К. Маркс, Капитал, т. III, Соч., т. XIX, ч. II, стр. 185.

Натуральный характер этого хозяйства, при котором выход продукции был крайне ограничен его низким техническим уровнем и отсутствием стимулов к развитию (отсутствие заводов по переработке молока в масло и сыр, по выделке кож и т. п.), делал невыгодным наём пастухов, доярок и прочих работников по уходу и обслуживанию стад за денежную или натуральную плату. Было проще и выгоднее сохранить и прокормить свой скот путём раздачи его во временное пользование бедноте за различные отработки. Но характерно, что и эти отношения также выступали в патриархальной форме. Раздача скота в доение (саун и саан — у казахов и киргизов, хасаас — у якутов, сапис — у хакасов, полыш — у алтайцев и т. д.), под съезд или за пользование шерстью, навозом (для топлива, например, у алтайцев) и т. п. облекалось в форму родственной помощи, что широко описано в советской исторической и этнографической литературе. У алтайцев эти отношения так и назывались «полыш», т. е. помощь.

Все это позволяет сделать вывод, что феодальные по своему экономическому содержанию производственные отношения у кочевников выступают не только в формах, присущих феодальным отношениям, но и в значительной степени в старых патриархальных родовых формах, характерных для первобытно-общинного строя.

Почему это так происходит? Объяснение этому нужно искать не только в том, что эти формы всячески сохраняли и поддерживали феодалы в эксплуататорских целях, но также и в условиях зарождения феодальных отношений у кочевников, которые возникают, как и рабовладельческие, в недрах первобытно-общинного строя и используют его патриархальные формы. Зародившись в недрах первобытно-общинного строя, они, как и патриархально-рабовладельческие, побеждают без революции, без революционной ломки и уничтожения старых общественных форм, а, напротив, используют их, приспосабливают к себе. Некоторые старые патриархальные формы, конечно, выгоднее было сохранить и использовать, а не разрушать.

Богатой кочевой верхушке и при формировании феодальной земельной собственности было проще и выгоднее поддерживать формальное признание общинного землепользования на эти земли.

Для рядового кочевника всегда было труднее осознать социальную несправедливость, осуществляемую в такой форме со стороны единоплеменника, в то время как открытое занятие общинных пастбищ чужеплеменником богачём расценивалось каждым как захват, как посягательство на общинную собственность, и вызывало соответствующую реакцию.

Родовая форма, стало быть, представляла собой юридическую фикцию, скрывавшую фактически частную феодальную собственность на землю. Вот почему богачи скотоводы так упорно держались за родовые общинные порядки, которые служили их интересам и маскировали эксплуататорские цели, и оказывали сильное сопротивление царскому землеустройству. Вот почему кочевая аристократия так упорно внедряла в сознание родовых кочевников родовые традиции, родовые генеалогии, кичилась своим родовым происхождением, связывая это с правом распоряжаться всем укладом жизни рядовых соплеменников и сородичей.

Мнение некоторых историков, этнографов, экономистов, что будто бы патриархальные родовые формы не могут служить феодальному содержанию, неверно, противоречит духу марксистской теории. К. Маркс писал: «Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня»[1]. И. В. Сталин неоднократно подчёркивал эту мысль Маркса. «Содержание немыслимо без формы,—писал он,—это правильно. Но правильно также и то, что **существующая форма** никогда полностью не соответствует **существующему содержанию:** первая отстаёт от второго, новое содержание в известной мере всегда облечено в старую форму, вследствие чего между старой формой и новым содержанием всегда существует конфликт. Именно на этой почве происходят революции, и в этом выражается, между прочим, революционный дух материализма Маркса»[2].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. II стр. 381.

В своём последнем труде И. В. Сталин писал: «...в наших социалистических условиях экономическое развитие происходит не в порядке переворотов, а в порядке постепенных изменений, когда старое не просто отменяется начисто, а меняет свою природу применительно к новому, сохраняя лишь свою форму, а новое не просто уничтожает старое, а проникает в старое, меняет его природу, его функции, не ломая его форму, а используя её для развития нового»[2].

Мы были вынуждены напомнить взгляды основоположников марксизма по этому вопросу, чтобы устранить возможность ссылаться на них при неверном освещении источников, фактов. Факты эти широко известны историкам, этнографам, экономистам и другим специалистам, изучающим общественную жизнь кочевников в дореволюционных условиях. Они говорят об одном и том же, что под юридической оболочкой «родовых» отношений, или в старых родовых формах, выступают феодальные экономические отношения, прикрывающие свою классовую эксплуататорскую сущность старыми формами. И в этом нет ничего противоестественного, ибо нельзя отождествлять юридическую форму с экономической формой земельной собственности. Маркс в своём исследовании капиталистической земельной ренты показал, что при капиталистическом способе производства «феодальная земельная собственность, и клановая собственность, и мелкая крестьянская собственность с земельной общиной (Markgemeinschaft) превращаются в экономическую форму, соответствующую этому способу производства, как бы ни были различны их юридические формы»[3].

Фактический материал показывает, что у кочевников также при укреплении и развитии феодализма родовая или общинная собственность превращалась в экономическую форму, соответствующую этому способу производства, несмотря на различие их юридических форм.

Изложенное выше позволяет заключить, что характерной чертой патриархально-феодальных отношений у кочевых скотоводческих народов, как и осёдлых земледельческих, является сочетание феодальной сущности, феодального экономического содержания с патриархальными формами общественных отношений, сохранение в них родовых пережитков. Патриархально-феодальные отношения представляли собой ранние формы феодальных отношений. Они возникли и развивались на основе экономического закона феодализма, целью которого было выкачивание прибавочного продукта непосредственного производителя в пользу феодала, как собственника главного условия производства — земли. Присвоение прибавочного продукта производилось в форме натуральной ренты.

По экономическому своему содержанию патриархально-феодальные отношения были именно феодальными. Но они были нередко облечены в патриархальную форму, а кое-где ещё и переплетались с остатками и пережитками дофеодальных патриархальных общинных отношений. Их

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 328—329.

[2] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 53.

[3] К. Маркс, Капитал, т. III, Соч., т. XIX, ч. II, стр. 167.

дальнейшее развитие и расцвет тормозились отсталостью пастбищного кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства и особенно отсталостью кочевого образа жизни.

Патриархально-феодальные отношения, разумеется, не составляли качественно отличного от феодализма способа производства и общественного строя. Они лишь были выражением отмеченного Марксом разнообразия конкретного исторического развития, которое было сформулировано им следующим образом: «один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д.— может обнаруживать в своём проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»[1].

Патриархально-феодальные отношения, в силу указанных выше причин, сохранились у ряда народностей вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, переплетаясь нередко с возникающими капиталистическими отношениями. Они были полностью уничтожены, как и капиталистические, только с победой социалистических отношений.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. XIX, ч. II, стр. 353.

С. И. ИЛЬЯСОВ

Кандидат исторических наук

Киргизский филиал Академии Наук СССР

О СУЩНОСТИ ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У КОЧЕВЫХ НАРОДОВ КИРГИЗИИ

(Содоклад)

Руководствуясь основополагающими указаниями классиков марксизма-ленинизма, анализируя устные и письменные данные, относящиеся ко второй половине XIX и началу XX вв., я пришел к следующему мнению по обсуждаемому вопросу.

Патриархально-феодальные отношения, свойственные ряду тюркских народов, в том числе и киргизской народности, являются несомненно феодальными, но имеющими своеобразные особенности.

Киргизское общество, состоявшее из родов, племён и союзов племен, делилось на два—противоположных класса. Господствующим был класс феодалов (баи, бии и манапы). Скот — одно из основных средств производства — находился в частной собственности феодалов. Земля, как указывают многочисленные источники, еще в начале XX в. находилась в общинном пользовании рода и племени. Однако пахотные земли и сенокосы уже во второй половине XIX в. находились в индивидуальном пользовании, о чем свидетельствует наличие огражденных дувалами участков. В начале XX в владельцы этих участков не только передавали их по наследству, но и сдавали в аренду, даже продавали по своему усмотрению как свою собственность. Эти факты говорят о том, что пахотные земли и сенокосы фактически находились и в частной собственности феодалов так же, как и скот. Не было только формального, т. е. юридического закрепления права частной собственности.

Работники Переселенческого управления писали о землепользовании киргизов в Ошском, Скобелевском и Кокандском уездах: «Пользование поливными пашнями издавна подворно наследственное и ничем не отличается от описанного выше пользования усадьбами. О времени перехода от общинного владения к существующему в настоящее время подворному даже старики-киргизы не могли сказать ничего определенного»[1].

В отношении пастбищ в этих же источниках сообщается: «В порядке пользования пастбищами до сих пор почти в чистом виде царят прежние общинно-родовые традиции... Весь скот общинной группы пасётся смешанно, а после уборки хлебов и трав смешивается при пастьбе иногда и скот нескольких общин»[2].

Те же работники Переселенческого управления о землепользовании киргизов в Наманганском уезде писали: «В формах землепользования

[1] Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения Южной части Ферганской области, 1915, стр. III.

[2] Там же, стр. 113.

здесь замечается та же двойственность, какая наблюдалась в ранее обследованном Андижанском уезде. С одной стороны, остатки скотоводческого родового быта, сохранившиеся в наиболее чистом виде в пользовании пастбищами, с другой—почти полная индивидуализация культурных угодий, ярче всего проявлявшаяся в пользовании поливными пашнями, сенокосами и усадьбами»[1].

Работники Переселенческого управления, изучавшие киргизские хозяйства Аулиеатинского уезда, сообщали, что «... по киргизскому адату неизвестна частная собственность на землю»[2].

О землепользовании в Северной Киргизии инженер Васильев писал: «У киргизов есть земли обособленного пользования—род общин—и земли общего пользования нескольких общин иногда нескольких волостей, даже уездов»[3].

Собранные нами многочисленные устные данные также подтверждают наличие вышеуказанных форм землепользования у киргизов.

О такой форме собственности Ф. Энгельс писал:

«Отсутствие частной собственности на землю действительно является ключём к пониманию всего Востока. Тут корень и политической и религиозной истории»[4].

Задача советских историков заключается в том, чтобы выяснить причину наличия коллективного землепользования у кочевых народов. Нам кажется, что родовая форма землепользования сохранилась у киргизов потому, что она была выгодна феодалам, которые под маркой родовой собственности свободно пользовались не только пастбищами, но и другими угодиями. Вся земля, формально считавшаяся родовой, фактически находилась в руках феодалов.

К. Маркс писал: «... у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли—на овец например—это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются»[5].

На основе этого указания Маркса мы считаем, что главным средством производства у кочевых скотоводческих хозяйств был скот и пастбище одновременно, так как скот без пастбища не мог бы существовать как самостоятельное средство производства, пастбище также не могло быть самостоятельным средством производства без скота.

Кочевники, лишенные скота, одновременно лишаются пастбища, а не земли вообще. Лишенные скота крестьяне могли обработать пашни при помощи других орудий производства и обеспечить своё существование. Но в чисто кочевых районах не земля, а скот служил средством эксплуатации. На этой основе шла классовая дифференциация в кочевых районах.

Несмотря на то, что земля находилась в общем, а скот в личном пользовании как феодалов, так и рядовых скотоводов, последние находились в подчинении и зависимости от феодалов. Как отдельные рядовые члены рода, так и целые роды внутри племени не имели права откочёвывать в другой род или племя без разрешения того или иного манапа. В противном случае они подвергались ограблению. Но по разрешению манапов члены рода могли и откочёвывать.

[1] Материалы по киргизскому землепользованию Ферганской области Наманганского уезда, 1913, стр. 29.

[2] Семиреченская область как колония и роль в ней Чуйской долины, Петроград, 1915, стр. 86.

[3] Материалы по киргизскому землепользованию Аулиеатинского уезда, Сыр-Дарьинской области, 1911, стр. 55.

[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., XX, стр. 493.

[5] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству.

Перешедшие в другой род или племя пользовались землей того рода или племени лишь в том случае, если они были приняты как новые члены рода или племени по разрешению манапов данного рода или племени. Если кто-либо хотел временно пользоваться землей другого рода, то он обязан был получить разрешение от манапа и платить ренту-отмай. Это говорит о том, что члены каждого рода и племени, включая самих феодалов, имели право пользоваться лишь своей территорией, а внутри каждого такого объединения рядовые члены зависели от манапов, которые распоряжались ими, заставляли работать, могли подвергать физическому наказанию, выставлять в качестве заклада на байгу, но всё же не имели права убивать.

Несмотря на то, что манапы распоряжались землей, они, как правило, не имели своих манапских имений. Раздел земли между феодалами вообще не практиковался.

Земля формально считалась собственностью всего рода и не была разделена между феодалами, крестьяне не прикреплялись к земле баев. Трудящиеся, владеющие небольшим количеством скота, пользовались землёй как равноправные члены общества, не платили оброка и других земельных налогов отдельным феодалам, баям, не отбывали барщину за пользование землей. Иначе говоря, у киргизов отсутствовало крепостничество в такой форме какая была в Европе.

Мнение о наличии у киргизов каких-то форм крепостничества по линии прикрепления к земле баев или к феодалу, на наш взгляд является неверным. Право феодала распоряжаться землей и народом является формой экономического принуждения и правом внеэкономическим. Манап, распоряжаясь землею рода, племени или запрещая членам своего рода уходить в другой род, осуществлял и свое административное право. Совершенно прав Л. П. Потапов когда говорит, что «воинственный кочевой образ жизни также порождал различные формы внеэкономического принуждения, которые усиливали и укрепляли экономическую власть богатых предводителей кочевников».

Поскольку у феодалов-кочевников единственным средством производства, находящимся в их частной собственности, был скот, средством эксплуатации в чисто кочевых районах была не земля, а скот.

Как баи, так и манапы сдавали молочный скот (саан), рабочий скот (куч) за выполнение определённых работ. Эту форму эксплуатации крестьян также нельзя считать своеобразной формой их закрепощения, так как крестьяне, получившие саан или куч, будучи свободными, могли и не получать его или могли через определённое время от него отказаться. Поэтому мы считаем данную форму эксплуатации феодальной формой отработки.

В начале XIX в. в скотоводческо-земледельческих районах земля хотя считалась родовой, но баи и манапы сдавали отдельные участки в краткосрочную аренду, с условием платы за аренду одной четверти, одной трети или половины урожая. Отсюда и появились термины «чайрикер», «орток».

Еще в первой половине XIX в. киргизские баи и манапы пользовались трудом наёмных рабочих—малай (койчу, джылкычи). По словам Ибрая Абдырахманова, крупный бай Солтункул, из племени бугу, живший в середине XIX в. и владевший 10 тысячами голов лощадей, имел около 50 семей наёмных рабочих. Значительно было развито пользование трудом подёнщиков (жалчы), а также трудом бедных соседей (коншу).

Перечисленными методами эксплуатации пользовались как баи, так и манапы. Но манапы, в отличие от баев, пользовались правом внеэкономического принуждения и взыскивали с подчинённых им членов рода, в

том числе и баев, различные единовременные сборы (чыгым). В случае нарушения закона —«нарха»— через суды биев взыскивали штрафы (айып), заставляли отбывать повинность.

Манапы, сдавая родовое пастбище баям из других родов, получали арендную плату (отмай), взыскивали плату за прогон скота через родовую территорию (туяк—пул).

Когда и как возникло манапство—неизвестно. Никто из киргизских манапов не считал себя потомком чингисидов, власть манапов была наследственной. Известные в литературе крупные киргизские манапы, как Шабдан, Ормон, Боромбай, являлись потомственными. Все мелкие манапы каждого племени, начиная от аткаминеров, кончая манапами родовых объединений, находились в вассальной зависимости от манапов племен, кроме того, манапы племен имели до 40 человек вооруженных джигитов во главе с батырами. Например, в войне между крупными манапами племен Бугу и Сарыбаш (1854—1857 гг.) у крупного манапа племени бугу батыром и военачальником был Балтай, у крупного манапа племени Сарыбаш—Умбет-Али, у Ормонова батыром был Торогельды. Своих джигитов имели и манапы родовых объединений и родов. Джигиты манапов выполняли различные поручения. Но как вассальные манапы, так и джигиты не наделялись никакими военными и гражданскими должностями, чинами, званиями и земельными участками со стороны крупных манапов. Отдельные манапы Северной Киргизии были наделены чинами и званиями от китайских властей, манапы Южной Киргизии—от кокандских ханов. В Южной Киргизии были распространены звания датха, бек, минбаши, джуз-баши и т. д. Последние также не владели мюльковой землей.

Все северо-киргизские и южно-киргизские племена входили в правое, а племена Таласской долины—в левое крыло.

Никакого общего аппарата управления не создавалось. Однако спорные вопросы между племенами, входившими в какое-либо крыло, решались на совместных заседаниях суда биев или на съезде манапов—топ. Таких съездов в Северной Киргизии было три. Последний был проведён в 1910 г. возле селения Рыбачьего под руководством манапа Шабдана Джантоева. Таким образом, у киргизов до присоединения к России не было централизованного феодального государства (или ханства) с его постоянно действующим аппаратом управления, денежными знаками, укрепленными городами или замками.

Наличие пережитков патриархально-родовых обычаев создаёт неправильное представление о родовом строе у киргизов.

Без глубокого анализа и выяснения сущности пережитков патриархально-родовых обычаев и их роли в системе господствующих феодальных отношений, невозможно правильно определить патриархально-феодальные отношения у кочевников. У киргизов, как и у других кочевых народов, несомненно, сохранился ряд обычаев родовых отношений.

В. М. Молотов на XV съезде партии говорил: «... стоит припомнить, что совсем недавно, только два года назад, проведена земельно-водная реформа в ряде районов Средней Азии, что нам еще теперь приходится выкорчевывать остатки феодализма, остатки патриархально-родового уклада: нужно сказать, что эти остатки в той же Средней Азии и в Казахстане далеко еще не уничтожены, и это дело не такое быстрое».

О родовых отношениях говорится в Постановлении ЦК ВКП(б) от 7 мая 1926 г., где сказано, что общее неудовлетворительное организационное состояние киргизской областной партийной организации, слабое партийное руководство широкими массами трудящихся киргизской деревни в значительной мере объясняется крайней экономическо-бытовой отсталостью коренного населения (наличием пастушеского кочевого скотоводства, малой товарностью сельского хозяйства и пережитками родовых отношений)[1].

При наличии этих документов отрицать пережитки патриархально-родовых отношений у киргизов и казахов, или считать их своеобразными феодальными отношениями, было бы неправильно. Приведём несколько фактов. По некоторым данным у киргизов еще в начале XIX в. преобладала малая индивидуальная семья, которая и являлась хозяйственной единицей, наряду с ней, по данным Калемина, собранным в 1927 г., и данным, собранным в 1953 году среди отдельных киргизских родов, даже в начале XX в. были семьи, состоящие из женатых, неженатых сыновей и внуков, ведущие общее хозяйство на основе общности труда.

Поскольку правильность данных Калемина о наличии большой патриархальной семьи у киргизов вызвала серьезное возражение со стороны Б. С. Батракова, я приведу данные из материалов, собранных другими товарищами. Так, по материалам т. Чоробаева, Кобеш из рода Чоро имел четырех женатых сыновей и шесть женатых внуков, 500—600 баранов, 50 лошадей и землю. Ни один из сыновей в 1916 г. не был выделен в самостоятельное хозяйство. Джалдубай из рода Чоро имел четырех женатых сыновей и четырех внуков (один из них был женат), около 100 баранов, 10—15 голов коров и лошадей, хозяйство у них было общее, наёмным трудом не пользовались. По материалам Ибрай Абдырахманова, Бейбит из племени Черик имел 5 женатых сыновей, 6 женатых внуков и 4 женатых правнуков. Все они имели около 4 тысяч голов лошадей, 20 тысяч овец, и никто из сыновей Бейбита при его жизни и даже после смерти не выделился в самостоятельное хозяйство. Дед самого Абдырахмана Турдубек из племени Черик, живший в селе Джетыогуз среди племени Бугу, имел двух женатых сыновей и 6 женатых внуков, которые сообща владели 500 баранами и имели 100 голов скота, наемным трудом не пользовались. До 1916 г. никто из них не был выделен в самостоятельное хозяйство.

Такие семьи были среди отдельных родов и других племен.

Из приведенных данных видно, что большие патриархальные семьи были как из богатых, так и из бедных хозяйств. Богатые пользовались наёмным трудом.

Следовательно, можно ли отождествлять такие семьи с патриархальной домашней общиной, являющейся промежуточной ступенью между первобытной семьей и современной изолированной семьей?

Мне кажется, нельзя, потому что патриархальные семьи у киргизов являлись временным союзом близких родственников по совместному ведению хозяйства, и они обязательно распадались через определённое время на самостоятельные малые семьи. Киргизскую семью можно назвать патриархальной в том отношении, что и в малых и в больших семьях господствующее положение занимали мужчины. Имущество принадлежало только им. Женщины не имели права наследовать имущество ни своего отца, ни мужа; происхождение признавалось только по мужской линии.

Киргизские роды делились на так называемые биртанын балдары (сородичи), которые по их представлению являются потомками одного отца. Члены такой группы состояли из индивидуальных малых и больших семей.

Скот, пашни и луга у них находились в индивидуальном, а пастбища в общем пользовании. Члены каждой такой группы, считавшие себя кровными родственниками, оказывали друг другу материальную помощь

[1] Сборник «ЦК ВКП(б) и Союзное правительство о Киргизии», 1937, стр. 17.

(кошумча) в случае устройства тоя, аша, уплаты штрафа, калыма, в случае похорон и т. д., а также трудовую помощь (алго, онок) во время уборки хлеба, сена, стрижки овец.

Каждый член этой группы считал своею обязанностью охранять стада и территорию данной группы, заступаться за любого из членов рода и мстить за обиду. В то же время он считал себя обязанным отвечать и за дурные поступки любого из членов своей группы и рода.

Несоблюдение одного из обычаев рассматривалось как нарушение родственной связи и осуждалось. Обычаи оказания материальной и трудовой помощи имели свою силу лишь среди членов данной группы и не выходили за ее пределы.

Род состоял из нескольких таких групп, и они сохраняли родовые обычаи. Например, запрещение брака между членами отдельных семей до седьмого поколения. Внутри рода запрещалась месть, взыскание куна, штрафа.

В условиях межфеодальных грабительских войн многие из указанных обычаев (совместная охрана стада и территории, оказание материальной и трудовой помощи и др.) использовались феодалами как мощное орудие эксплуатации трудящихся масс и как орудие борьбы с феодалами — соперниками.

Киргизские племена и роды делились на основные и подчинённые или рабские. К основным относились чисто киргизские племена и роды, к подчинённым — инородческие, например, моголдор, кипчак, найман, барынбаргы, суумурун, катаган, тебей, чечей и т. д. Эти факты говорят о том, что киргизские роды и племена состояли не только из кровных родственников, но и из различных неродственных родов и племен.

Одновременно с этим устные данные говорят об образовании некоторых родов в результате развития отдельных семей. Например, капитан Андреев в 1785 г. писал, что у племени Бугу старшинами были Бирназар бий и Шапак. У племени Сарыбагыш — Атаке бий, у Саяков — Гадай и т. д.По таблице, составленной Кирфан Абдурахмановым, потомки Бирназар бия в 1916 г. составляли более 400 хозяйств, а потомки четырёх его рабов—170 хозяйств. Потомки Атаке бия из племени Сарыбагыш без посторонних составили около 300 хозяйств, образовавших 6 крупных родов. По схеме Чоробаева из рода Чоро, племени Саяк, потомки Гадай (Кедей) в 1916 году составляли 150 хозяйств. Потомки известного Каная из племени Солто, по схеме Алымбекова Тургунбека, до революции составляли около 3000 хозяйств.

Образование «родов» из потомков отдельных лиц — явление, требующее дальнейшего изучения. Но нельзя представлять эти роды так, как представляли буржуазные учёные (Харузин, Потанин, Гродеков, Аристов и другие)—бесклассовыми. Эти «роды» хотя они может быть и образовались из кровных родственников, но состояли из лиц, принадлежащих к двум противоположным классам, и по существу являлись административными единицами во главе с феодалами.

Киргизские роды и племена, сохранившиеся до Великой Октябрьской социалистической революции, никак не могут считаться своеобразными союзами или объединениями.

Советским историкам следует выяснить причины живучести родовых пережитков. По-моему причины эти следующие:

1. У киргизов до самой Октябрьской революции производительные силы находились на крайне низком уровне, техника была отсталой и орудия производства примитивными. Железо, игравшее в земледельческих районах важную роль в деле развития земледелия, ремесла и торговли, в кочевых районах использовалось очень ограниченно. Кочевое хозяйство

в основном продолжало оставаться натуральным. Ремесло у киргизов носило домашний характер. Ремеслом в основном занимались женщины и очень ограниченное число мужчин. Предметами ремесленного производства обеспечивали лишь членов своей семьи. Ремесло не было отделено у киргизов ни от скотоводства, ни от земледелия.

Земледелие у киргизов в 1916 г. играло второстепенную роль. По данным Переселенческого управления, скотоводство не только в чисто кочевых районах севера, но и в земледельческих районах юга занимало первое место. Поскольку как земледельческие, так и скотоводческие хозяйства носили натуральный характер, земля не имела той ценности, которую должна была бы иметь в чисто земледельческих районах, и продолжала оставаться в общем пользовании.

Это видно из того, что, когда поливные пашни на юге Киргизии в начале XX в. находились в подворно-участковом пользовании, богарная земля ещё находилась в «неупорядоченном» пользовании.

2. Киргизским феодалам, не имевшим укреплённых городов, замков, регулярной армии, полиции (если не считать джигитов), аппарата управления и финансов, выгодно было создавать органы управления по родовому устройству, сохранять указанные выше обычаи.

В период беспрерывных межфеодальных войн, вызывавших перекочёвки с места на место, у феодалов отсутствовала необходимость раздела земли между собой.

После присоединения Киргизии к России прекратились междоусобные феодальные войны, насильственный угон скота, захват территории слабых родов феодалами крупных родов и племен. В силу этих обстоятельств начали терять свое значение для феодалов и вышеуказанные обычаи. Феодалы, ранее проповедывавшие общность территории, первыми захватывали пашни и луга, но еще не выступали против общности пастбища. Таким образом, живучесть пережитков патриархально-родовых отношений была обусловлена и интересами господствующего класса. «Крестьянская община была на самом деле удобной формой для прикрытия кулацкого засилия и дешевым средством в руках царизма для сбора налога с крестьян по принципу круговой поруки, поэтому царизм не трогал крестьянскую общину»[1].

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 15.

В. Ф. ШАХМАТОВ
Кандидат исторических наук
Академия Наук Казахской ССР

О СУЩНОСТИ ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ У КОЧЕВЫХ НАРОДОВ КАЗАХСТАНА

(Содоклад)

Я ограничусь в основном кратким, во многом тезисного порядка, изложением противоположного докладчику мнения.

Докладчик прав, говоря, что для того, чтобы понять сущность патриархально-феодальных отношений, необходимо, прежде всего, выяснить, что же в условиях кочевого скотоводства являлось основой экономических отношений, каково было отношение к земле и скоту как средствам производства. Надо решить, что являлось основным средством производства в условиях кочевого хозяйствования и какую роль играла земля как фактор материального производства в общественных отношениях кочевых народов. Именно в этом вопросе и нет единого мнения.

Едва ли кто будет отрицать, что в различные эпохи, в зависимости от состояния производительных сил общества и форм хозяйствования, значение различных средств производства (земля, лес, воды, недра, сырье, материалы, орудия производства, производственные здания, средства сообщения и связи и т. п.) в процессе самого производства бывает не одинаково.

В условиях земледельческого хозяйства основным средством производства является, несомненно, земля, к которой непосредственно прилагается труд человека.

Можно было не располагать какими-нибудь другими средствами производства и иметь примитивные орудия труда для того, чтобы получить продукт от земли. В условиях кочевого скотоводства, когда нет даже сенокошения, человеческий труд не прилагается к земле непосредственно. Она используется как пастбище для скота в ее естественном первородном состоянии, без применения естественных наук. Труд человека прилагается непосредственно к скоту.

Значение скота как основного средства производства в условиях кочевого скотоводства определяло его положение в процессе воспроизводства и присвоения.

«Присваивается и воспроизводится здесь,— говорит К. Маркс о кочевых пастушеских народах,— на самом деле только стадо, а не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют сообща»[1].

Воспроизводство пастбищ проходило только как естественное воспроизводство, путем чередования в их использовании по временам года, что обеспечивало возобновление травяного покрова.

[1] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству.

Со времени сложения классового общества Казахстан был страной, где господствующей формой хозяйства являлось экстенсивное кочевое скотоводство. Круглый год скот содержался на подножном корму, передвигаясь с места на место.

Я не буду останавливаться на специфике пастбищно-кочевой системы, которая, очевидно, многим известна.

Скот был основным богатством общества. Скот давал пищу (мясо, молоко и молочные продукты), скот давал жилище (юрты), скот служил средством передвижения и, наконец, был эквивалентом обмена.

Скот являлся не только средством производства, он был также продуктом производства, продуктом потребления, а затем товаром. Вьючный и ездовой скот (верблюд, лошадь, бык) был также и орудием производства, необходимым для пастьбы всех видов скота. В этом заключалась одна из его особенностей как средства производства. Можно было иметь огромные пастбища в собственности, но эти пастбища не могли быть использованы для производства, если не было скота. Тому, кто не имел скота, не нужны были и пастбища.

Но скот, как основное средство производства, находился в основной своей массе у феодалов-баев. Они были собственниками многотысячных табунов, в то время как основные производители — казахские крестьяне имели такое количество скота, которого было недостаточно для обеспечения прожиточного минимума. Это определяло положение бая в обществе и эксплуатацию им беднейшего крестьянства. Именно бай был основной фигурой класса эксплуататоров.

К сожалению, докладчик, рассматривая классовую структуру кочевого общества, обходит эту основную, наиболее многочисленную группу феодалов. Более того, он не считает крупного собственника скота — бая — феодалом. «Разбогатевший рядовой скотовод,— говорит Л. П. Потапов,— вовсе не делался феодалом оттого, что он становился собственником большого стада и мог эксплуатировать бедноту при помощи раздачи ей скота на кабальных условиях».

Таким образом, бай у автора — это не феодал, а рядовой общинник. Нет необходимости объяснять здесь насколько ошибочно подобное «открытие» докладчика. Оно не подходит к нашему пониманию классовой структуры казахского феодального общества, в котором бай как эксплуататор играл основную роль.

Байское хозяйство, имея многотысячные стада, нуждалось в рабочей силе. В земледельческих странах как средство получения рабочей силы для обработки своей земли, для ведения своего помещичьего хозяйства феодал использовал землю, которой владел. Он наделял крестьянина землей и за это эксплуатировал его в своем хозяйстве. Для того, чтобы содержать свой скот, обеспечить его воспроизводство, баю также нужна была рабочая сила. Но земля не могла быть использована в условиях кочевого скотоводства, как средство для получения баями в своё распоряжение рабочей силы, ибо бедняку, у которого не было скота или было его недостаточно для жизни, не нужны были пастбища.

Едва ли кто-нибудь станет утверждать, что в условиях кочевого скотоводства владельцы больших стад нуждались в рабочей силе зависимых от них людей для освоения пастбищ. Нет, им нужен был прибавочный труд не для того, чтобы освоить землю, а для того, чтобы осуществить уход за скотом и получить соответствующие продукты производства. Именно владение большими стадами, а не землей, создавало необходимость в дополнительной затрате труда, создавало стимул для того чтобы эксплуатировать чужой труд в своем хозяйстве для того, чтобы содержать скот и обеспечивать его воспроизводство.

Что же использовалось баем для того, чтобы получить в свое распоряжение рабочую силу, необходимую для обслуживания его хозяйства? То средство производства, владение которым являлось основой экономической мощи и политической власти байства — скот. Если в земледельческих странах феодал наделял крестьян землей, чтобы они работали на него, обрабатывали для него землю, создавая прибавочный продукт, то в условиях кочевого скотоводства, где основным средством производства является скот, феодал-кочевник (бай) наделял крестьянина-бедняка не землей, которая ему не нужна, а скотом, чтобы он работал на него, пас его скот и т. д.

Я не буду останавливаться на всех формах раздачи скота во временное пользование под видом «родовой» взаимопомощи: коров для пользования молоком (саун), овец для пользования шерстью и молоком, лошадей для перекочёвки и верблюдов, волов и лошадей для пахоты.

Докладчик правильно отметил, что эксплуатация трудящихся феодалами у кочевых народов протекала, в основном, под видом «родовой помощи». Все виды родовой помощи были узурпированы байством и использовались в новых классовых условиях в своих интересах. Сюда относятся также «асыр»—«помощь» баю трудом во время горячих сезонных работ (стрижка овец и т. д.) «жилу»—«помощь» баю скотом и т. п.

В каждом байском ауле были группы так называемых «консы» или бесскотных крестьян, саунщиков, которые использовались баями для работы в своём хозяйстве. Крупные баи имели несколько сот таких хозяйств, баи помельче—по нескольку десятков, мелкие баи—одну-две семьи бедняков — сородичей. Количество таких семей в хозяйстве бая было непостоянным, оно то увеличивалось, то уменьшалось в зависимости от состояния хозяйства бая, прироста поголовья скота.

2) Прикрепления крестьян к земле в условиях кочевого скотоводства, вопреки утверждению докладчика, не происходило. Да это было и невозможно, если учесть специфику кочевого хозяйства и то, что земля не служила основой для эксплуатации. Уж кому-кому, а докладчику, конечно, известно о массовых передвижениях отдельных частей казахских родов во время неурожая трав, сильных джутов и т. д., в особенности во время нашествий с Востока, когда массы кочевого населения Казахстана из восточных районов передвигались на Сыр-Дарью, к Уралу и даже в Хиву. Что при таких больших передвижениях получается с прикреплением к земле?

Здесь мы можем вспомнить статью проф. Петрушевского «К вопросу о прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху Монгольского владычества». Прикрепление здесь имело другие формы, вытекающие из самой специфики производства, основанного на кочевом скотоводстве. Во-первых, оно происходило через раздачу скота крестьянам феодалами-баями. Бедняк, взявший скот, оказывался фактически прикрепленным через него к феодалу и не мог уйти от бая до тех пор, пока он не разрывал эти отношения. Но разорвать их он не мог, так как для этого нужно было возвратить скот, а скот являлся для него единственным источником существования.

3) Другой формой прикрепления крестьян было прикрепление их к личности феодала через тот род, тайпа, атабаласы, которыми этот феодал управлял. Казах-скотовод не имел права уйти от своего подрода, аула и т. д., управляемого баем. Это запрещалось и преследовалось байством. Если откочевывала группа крестьян, то такие откочевки часто сопровождались стычками. Если уходил одиночка, он становился вне закона, «род» не обязан был защищать его. Переходя в другой род, он делался неполноправным чужеродцем. Таков был неписанный закон степи.

В процессе полемики по вопросу об основах феодализма у кочевых народов некоторые товарищи высказали положение, что без земельной ренты у кочевников не может быть и феодализма. Но так как присвоение ренты,— говорят они,— есть форма реализации собственности на землю, а не на скот, отсюда следует что там, где нет собственности на землю, там нет ренты, а следовательно, нет и феодальных отношений.

В том и состоит существо вопроса, что нам необходимо показать не отношения классического феодализма, а патриархально-феодального. Между ними есть различия.

Конечно, без ренты не может быть феодальных отношений. Борьба за ренту является основным законом феодализма. Закон феодальной ренты определяет основные черты феодального производства, отражая все производственные отношения феодализма: феодальную собственность на средства производства, положение и взаимоотношения социальных групп в производстве, формы распределения продукта и т. д.

В земледельческих странах феодальная собственность на землю является основой феодальной эксплуатации и основой феодализма. В условиях кочевого скотоводства реализация собственности феодала на скот является феодальной рентой в виде отработок в байском хозяйстве всякого рода повинностей, оброков, подношений, подарков баю.

Таким образом, в условиях патриархально-феодальных отношений присвоение ренты есть форма реализации собственности на скот. Для Казахстана, как господствующая, характерна отработочная рента. Сюда относится труд саунщика, кансы и других зависимых групп в хозяйстве бая. Вопрос о формах отработочной ренты у других кочевых народов разработан докладчиком в его статьях, где он, кстати, ни слова не говорит о земельной ренте, ибо не находил её до сих пор.

Одновременно с отработочной рентой была также и рента продукции, которая имела меньшее распространение.

Существовала ещё одна форма натуральной повинности, так называемый зякет сбор со скота. Получение зякета было правом хана и крупного султана-чингисида. Его сбор зависел от влияния и мощи султана, от количества тюленгутов и т. д. В обычном праве казахов нет норм, определяющих обязательное право зякета по отношению к султану. Докладчик рассматривал зякет как земельную ренту, получаемую ханом и султаном за пользование теми пастбищами, на которых казахи кочевали и которые, якобы, находились в монопольной собственности хана, как феодала-владетеля. Но для этого нет доказательств. Ни один хан и султан, насколько мне известно из множества просмотренных документов, никогда не требовал у своих подвластных вознаграждения за право пользования пастбищами. Даже хан Букеевской орды Джангер, которому земли фактически были переданы в собственность царём, никогда не связывал зякет с пользованием казахами землёй и рассчитывал его не с земли, а со скота, освобождая тех, кто имел меньше 40—50 голов скота.

До того, как феодалы в земледельческих странах присвоили землю и стали вести постоянное хозяйство на этой земле, они эксплуатировали трудящееся население при помощи внеэкономического принуждения, например, дани. Такой же данью являлся и зякет султанам и ханам. И далеко не каждый султан получал зякет, а только тот, кто обладал властью, военной силой.

После ликвидации ханской власти в 20-х годах XIX в. султанам было запрещено производить какие-либо сборы с казахов. Они были лишены политической власти и не могли получать зякет. Для Казахстана после 20-х годов XIX в. присущи были две формы докапиталистической ренты: отработочная рента, основанная на частной собственности баев на скот, и

рента продуктами в виде подати, вносимой русскому государству на основе его собственности на земли, используемые казахами под кочевье (ясак, кибиточная подать). Как показал докладчик в своей работе «Очерки по истории алтайцев», это же положение было характерно и для алтайцев.

Однако отсутствие собственности на землю совсем не означало равноправного пользования ею. Земля считалась в общинной собственности, но фактически ею пользовался тот, кто имел больше скота, т. е. бай, хотя скот бедняка пасся рядом со скотом бая. При этом бай не был заинтересован в выделении каких-либо ограниченных участков в собственность, потому что он и так использовал пастбища в необходимом для него количестве.

В силу этого, общинное землепользование приобретало живучесть, консервировалось.

На общинный характер землепользования в условиях скотоводства указывает Маркс: «При овцеводстве и вообще скотоводстве, когда они являются самостоятельными отраслями производства, земля эксплуатируется более или менее сообща, причём эксплуатация с самого начала носит экстенсивный характер»[1].

Хотя землепользование было общинное, это не означало, что бай и его одноаульцы пользовались пастбищами одинакового качества. Для бая большое значение имело то, на каких пастбищах находился его скот. Он стремился к тому, чтобы его скот находился на лучших пастбищах из всей площади пастбищ рода, аула. И он добивался этого благодаря своему имущественному превосходству, мощности своего хозяйства. Он мог кочевать дальше всех, а часть кочующих с ним крестьян была зависимой от него.

Бай, бии, султаны, ханы распоряжались кочёвками казахов. Это право, используемое в процессе перекочевок, обычно отождествляется с узурпацией пастбищ или правом собственности на эти пастбища. Конечно, это не одно и то же. В условиях кочевого скотоводства распределение кочевий внутри рода между аулами, хозяйствами, ограждение зимних пастбищ от потрав и т. д. были незбежными условиями сохранения пастбищно-кочевой системы. В противном случае начался бы хаос, неразбериха в землепользовании, хищническое истребление пастбищ и гибель скота. В условиях бесклассового общества этим руководил старейшина—родовой вождь, а в условиях классового общества—феодал, который имел политическую власть и который, в связи с этим, укреплял эту власть ещё больше. Кстати отметим, что источники, сообщающие о том, что тот или иной, например монгольский, феодал, определял, где его подчинённому кочевать, не говорят о том, что феодал получает какую-либо плату за пользование этими пастбищами.

Из доклада весьма неясно, как может происходить эксплуатация скотовода кочевника «на земле» при отсутствии закрепощения, когда рядом находятся свободные земли, еще не освоенные, на которые можно откочевать. О наличии свободных земель в Казахстане даже в XIX в. говорят частые откочёвки отдельных родов, аулов тысячами кибиток на новые пастбища в случае неурожая трав или народных волнений, родовых междоусобиц, набегов извне. Конечно, наличие свободных пастбищ было не одинаковым в различные времена. Если в период сложения патриархально-феодальных отношений земля выступала для кочевников в её «первичной неограниченности», то этого нельзя было уже сказать в конце XVIII—начале XIX в.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. II, стр. 230.

Но в этом есть и другая сторона. Было бы странным полагать, что класс феодалов-баев, по мере развития производительных сил общества, не обнаружил тенденции к распространению своих прав на землю как важнейшего условия производства. Земля не могла оставаться вне притязаний феодальной верхушки. Но при этом надо отметить некоторые особенности процесса развития феодальной собственности на землю у кочевников.

По тексту доклада видно, что возникает феодализм на основе собственности на скот, которая была первой формой частной собственности. Но затем, когда этот феодализм сложился, обществу уже не присуще наличие феодальной собственности на скот, и все дальнейшее развитие феодальных отношений происходит только на базе собственности на землю, которая является решающим средством производства.

Неоспоримо, что не на всех этапах феодализма отношение основного производителя к земле, как к средству производства, является одинаковым.

Классическая форма феодализма предполагает, что вся земля, или почти вся земля, выступает собственностью феодалов, а непосредственные производители — крепостные крестьяне — не имеют земли в своей собственности, они получают её в пользование от феодала в качестве надела. Феодал использует землю как средство для получения рабочей силы, для обработки земли в своем помещичьем хозяйстве, а с другой стороны, эксплуатирует крестьян на своей земле для получения прибавочного продукта. Но такое положение с отношением к земле характерно не для всех этапов феодализма.

На начальных этапах феодальная собственность существовала, как известно, вместе и одновременно с крестьянской общинной собственностью, и феодал не использовал крестьян для обработки своей земли. С этой точки зрения странно звучат слова докладчика: «Можно ли представить себе в условиях феодализма у земледельческих народов,— спрашивает он,— такое положение, при котором земля находится в частной собственности и помещика, и крестьян?»

В Киевской Руси феодальные отношения имели в своей основе собственность феодалов на землю, однако, эта феодальная собственность существовала рядом с крестьянской, общинной собственностью, и феодал эксплуатировал крестьян, не наделяя их землей. Например, основные феодально зависимые категории Киевской Руси — рядовичи, закупы — не наделялись феодалами землей и эксплуатировались другим способом. Лишь в процессе дальнейшего сложения феодальных отношений феодалы отобрали землю у крестьян и стали их эксплуатировать не только на своей земле, но и при помощи наделения этих крестьян землей. Таким образом, собственность феодала на землю имела свое развитие. Долгое время собственность на землю была условной, она переходила из рук в руки от одного феодала к другому. но со временем феодалы добиваются того, что их земельные уделы превращаются в вотчинно-наследственные владения.

Итак, при сложении феодального общества существовали самые различные переходные формы использования земли прежде, чем она перешла в сословную собственность класса феодалов.

Начальные формы сложения собственности на землю мы можем проследить у казахов и у других кочевых народов. В Казахстане имело место узурпация общинных земель феодалом с целью их личного использования. Но отсюда от узурпации земли в личное землепользование, что является присущим для общества развивающегося феодализма, до феодальной сословной собственности огромный шаг. Этот шаг был для Ка-

захстана безмерным, ибо сделать его можно было бы только при переходе к осёдлости и к земледелию.

В аморфной, незрелой форме сложение феодальной собственности на землю мы видим в «запретных пастбищах» усунских великих беков и в охотничьих заповедниках тюркских каганов, позднее—у кочевников монголов в виде «хуруков» и затем—у казахов в XVII—XVIII вв.

Но, как видно из всех примеров, приведенных докладчиком, на этой земле «никто не смел появляться» со своим скотом—ни в запретных зонах, ни в заповедниках, ни в хуруках. Следовательно, эта земля не могла служить основой для эксплуатации крестьян-скотоводов. В данном случае происходит узурпация земли как условия производства, а не как средства производства, что далеко не одно и то же.

Дальше права преимущественного использования земли феодалом-баем, дальше частного землепользования или частного владения общинной землей развитие земельной собственности у кочевников в древние века, в средневековье и в период казахских ханств не пошло.

Сдвиги в земельных отношениях произошли после присоединения Казахстана к России в конце XVIII—начале XIX веков, а главное в последующий период, но в этот период уже на другой основе—в результате возникновения и сложения капиталистического уклада.

Итак суть дела заключалась в том, что земля, захваченная, баем в частное пользование для пастьбы своего скота, не использовалась для эксплуатации основного производителя. Основой эксплуатации попрежнему оставалась собственность на скот. В данном случае произошло то же, что происходило вообще при разложении общинного землепользования или общинной собственности. Фактическое владение, пользование земельным участком отрывается от собственности на землю в сельской общине, где при сохранении коллективной собственности на землю существует частное землепользование и частное владение землей.

Нам кажется неправильным считать, что феодальные отношения при всех исторических условиях должны иметь в своей основе земельную собственность на том основании, что так было в странах классического феодализма, или на том основании, что в общих определениях сущности феодальных отношений, даваемых классиками марксизма-ленинизма, указывается на земельную собственность, как на основу феодальных отношений. При этом явно игнорируется тот факт, что в политической экономии тогда, когда определяется характер того или иного общественного строя, всегда имеется ввиду классическая форма этого строя. Для нас должно быть ясно, что в силу конкретно-исторических условий феодальный строй может не достигнуть своего классического развития.

«Явление—*богаче* закона»—говорит В. И. Ленин. «Закон берет спокойное—и поэтому... всякий закон узок, неполон, приблизителен»[1].

Таким образом, в условиях кочевого скотоводства феодальной собственности на землю не возникало. Собственность на землю появляется там, где начинается переход к осёдлости, к земледелию, где одновременно с продолжающимся кочевничеством одной части населения возникает оседлость и земледелие у другой его части. Классики марксизма-ленинизма, как нам кажется, всегда связывали возникновение собственности на землю с переходом к занятию земледелием. «Например, пастушеские народы,— пишет К. Маркс,—(народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством) лежат вне того пункта, где начинается действительное развитие. У них спорадически встречается известная форма земледелия. Этим определяется земельная собственность»[2].

[1] В. И. Ленин, «Философские тетради», М., 1936, стр. 148—149.
[2] К. Маркс, «К критике политической экономии», 1949, стр. 220.

Напомню здесь и указание Ф. Энгельса о том, что собственность на землю возникает при переходе к осёдлости и земледелию. «Первым земельным участком, перешедшим в частную собственность отдельного лица, была усадебная земля. Неприкосновенность жилища,—это основа всякой личной свободы,— перешла с кочевой кибитки на бревенчатый дом осёдлого крестьянина и постепенно превратилась в полное право собственности на усадьбу»[1].

Кочевое скотоводческое общество иначе как патриархально-феодальным быть не может. Только при переходе к оседлости, к земледелию и в этих новых условиях хозяйствования—к сложению новых форм собственности, а именно частной феодальной собственности на землю,— это общество может достигнуть развитого феодализма, когда крестьяне закрепощены. Кочевое скотоводческое общество остаётся застойным потому, что крайне медленно происходит сложение этих форм собственности на средства производства, на землю, потому что сама земля крайне медленно превращается из условий производства в основное средство производства. Это могло произойти только при переходе к осёдлости и земледелию, как более высокой форме хозяйствования, чем экстенсивное кочевое скотоводство.

В земледельческих странах патриархально-феодальные отношения существовали недолго, потому что здесь значительно интенсивнее, быстрее возникала частная феодальная собственность на землю как основное средство производства.

Утверждение, что патриархально-феодальные отношения предшествуют развитым крепостническим феодальным отношениям, т. е. являются этапом в развитии феодализма, не дает, однако, оснований оценивать их как неразвитые классовые отношения. Они могут считаться неразвитыми феодальными отношениями лишь по сравнению с крепостническо-барщинными отношениями. Для того состояния производительных сил и форм хозяйствования, в котором находилось данное общество, они не могут считаться неразвитыми. Здесь была широко развита отработочная и продуктовая рента, хотя не было ясно выраженной барщины и оброка. Прикрепления к земле не существовало, но оно имело другие формы. Здесь не было наделения землей, но было наделение скотом во временное пользование, которое вело к закабалению бедноты и к неполной собственности феодала на крестьянина.

Здесь надо отметить, что развитие патриархально-феодальных отношений не у всех кочевых народов находилось в одно и то же время на одном и том же уровне. У киргизов, например, права феодалов были выше, чем у казахов. У киргизов к концу XIX в. существовали земельные поборы с населения за право пасти скот на землях, захваченных манапом, баем. У монгол патриархально-феодальные отношения, оплетённые ламанизмом, также имели свои отличия, усугубляющие эксплуатацию. Иное было у бедуинов — кочевников Сахары, иранских белуджей, малоазиатских кочевников, курдов и т. д. Поэтому не всегда те или иные примеры, взятые из истории, например, монгол, могут служить для подтверждения положений по отношению к казахам, киргизам, бедуинам, или наоборот.

Далее. Когда мы говорим о том, что патриархально-феодальные отношения являются предшествующими крепостничеству, как бы переходными, то это совсем не значит, что каждое патриархально-феодальное общество кочевников обязательно должно стать таковым. Это можно говорить только абстрагируясь от общеисторического процесса, только теоретически. Развитие кочевников происходит настолько медленно, что

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 632.

соседние оседло-земледельческие страны, обогнав их и вступив на путь капиталистического развития, включают соседние кочевые народы в орбиту своего экономического и культурного развития. Начинается проникновение элементов капиталистических отношений, возникает капиталистический уклад, который развивается все более и более. Возникают новые формы собственности на средства производства. Возникает буржуазная собственность на землю, купля-продажа земли.

Там, где начинается купля и продажа земли, там кончается кочевое скотоводство. Начинается переход к земледелию, оседлости, стойловому скотоводству и к хозяйствованию на новой основе — капиталистической. Это можно в той или иной мере проследить на примере казахов и других народов, в частности, и на примере продолжающих сейчас кочевать в условиях капиталистических отношений малоазиатских юруков. Это можно видеть на примере Казахстана, куда в начале XIX в. уже начинают проникать капиталистические отношения и где возникают новые формы как землепользования, так и землевладения и, наконец, возникает земельная собственность. Кстати сказать, приведенные докладчиком факты продажи, раздачи, аренды земли в Букеевской орде в 30-х годах XIX в. связаны именно с тем, что сюда начали проникать новые общественные отношения, разлагающие общинную собственность на землю и казахское натуральное хозяйство.

Аналогичные случаи узурпации феодалами общинных земель и возникновения собственности на землю, купли и продажи земли происходили в XIX в. и у других кочевых народов, там, где эти народы входили в соприкосновение с капиталистическим миром, например, у кочевников Малой Азии.

Во второй половине XIX в., в связи с развитием землепользования, оседлости, сенокошения, товарного производства, торговли, а также в связи с общим культурным влиянием России, в казахском хозяйстве происходит ряд крупных изменений. Начинается сложение частной земельной собственности, но не на феодальной, а на капиталистической основе. Причём этот процесс происходит в условиях, где продолжают существовать старые патриархально-феодальные отношения.

Собственность возникает не только в земледельческих районах, но и в районах кочевых, скотоводческих, где пастбища превращаются в покосы и где развивается сенокошение. Пастбища начинают использоваться не только для кочевания, а как сенокосы. Во многих районах Казахстана, в основном на севере, происходит переход к кошарному скотоводству, т. е. скотоводству полукочевому. Земля здесь ценится не по размерам пастбищ, а по тому, сколько стогов сена можно на ней накосить. При таком содержании скота кочевое скотоводство теряло свою специфику—кочевание с чередованием в использовании сезонных пастбищ.

Источники ясно говорят об узурпации общинных пастбищ байством для пастьбы своего скота и вытеснении с этих пастбищ бедноты в XIX в. В тех случаях, когда баю удавалось захватить пастбище по своим размерам большее, чем это надо было для содержания его стад, он отдавал часть их под выпас одноаульцам, сдавал в аренду под сенокосы и т. д., как и кулак из русского села. Таким образом, в данном случае возникала эксплуатация основного производителя на основе владения землей. Но это было уже на заре капиталистических отношений в Казахстане, и это было началом конца кочевого скотоводства как господствующей формы хозяйствования.

В середине XIX в. в районах земледельческой оседлости также возникает иное отношение к земле, чем в районах чисто кочевых. Возникают иные формы землепользования, а затем и частная земельная собственность. Казахи, которые переходят к земледелию, выбирают для себя пашни, удобные участки по берегам рек и засевают их. Пашня считалась принадлежащей тому, кто первый произвёл вспашку (поднял целину и провёл арыки). Однако в этих районах не существовало обязательного надела, купли, продажи или аренды земли. Зажиточный крестьянин, бай, если ему нужна была пахотная земля, просто захватывал её, но не покупал и не арендовал. Таким образом, мы видим тут захватный способ землевладения, отмеченный Лениным для Сибири, где, как он указывает, не было «сложившейся частной собственности на землю»[1].

От решения вопроса об основах патриархально-феодальных отношений и их характера в целом зависит правильное решение вопроса о внутренней периодизации дореволюционной истории Казахстана, многих вопросов его политической истории.

В ряде работ по истории Казахстана развитие государственности у казахов рассматривается по схеме развития её у оседлых земледельческих народов: ранне-феодальная монархия, сословно-представительная монархия, абсолютная монархия. Первые казахские ханства Касыма, Хак-Назара, Тевекеля трактовались как единые, «относительно объективные», как «ранне-феодальные монархии», «сплочённые и сильные», в основе которых лежала развитая система вассальных отношений и т. д.

Эта неверная, порочная трактовка развития государственности как надстройки в Казахстане базируется на том, что в Казахстане сложилась монопольная собственность феодалов на землю, что власть ханов и султанов являлась «атрибутом земельной собственности».

Патриархально-феодальный экономический базис приводит к формированию в Казахстане специфической патриархально-феодальной надстройки, в том числе и государственности с характерной неразвитостью своих форм, большим количеством действующих патриархально-родовых институтов прошлого, приспособленных к классовым условиям общества.

Политическая власть в Казахстане не являлась «атрибутом земельной собственности». Ханская власть здесь складывалась на иной основе. «Гудулу мало-помалу разбогател скотом и сделался каганом», говорит китайская летопись об одном из ханов тюркского каганата. Все ханские и султанские семьи были прежде всего крупные собственники скота. Казахские ханства можно рассматривать как неразвитую форму феодальной государственности по сравнению со странами феодальными, земледельческими. Неразвитость форм феодальной государственности нашла своё отражение в организации аппарата управления и т. д. и т. п.

Дальнейшее развитие патриархально-феодальных ханств в государства феодального типа (хотя бы среднеазиатского типа) могло произойти только при переходе от патриархально-феодальных отношений к феодальным с развитым крепостничеством, прикреплением крестьян к земле и т. п. Но это было возможно лишь при переходе к оседлости и земледелию, через сложение монопольной собственности на землю класса феодалов.

Таковы в основном наши взгляды на этот очень важный, интересный вопрос, который был выдвинут в докладе Л. П. Потапова. К сожалению, время не позволяет вступить в более глубокую полемику с докладчиком, с которым я решительно не согласен.

В заключение я не могу не высказать, пользуясь случаем, признательности докладчику за его замечательные работы, опубликованные им за последние 20 лет, которые во многом помогли понять специфику патриархально-феодальных отношений, но которые, однако, отражали противоположную точку зрения, чем была им сегодня изложена в докладе.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 97.

С. Толыбеков
Кандидат исторических наук
(Академия Наук Казахской ССР)

Классики марксизма-ленинизма определили, что труд—первое основное условие человеческого существования независимо от исторических форм общественно-производственных отношений. Поэтому процесс труда есть целесообразная деятельность человека, направленная на создание предметов, пригодных для удовлетворения потребностей в рамках той или другой общественной формации. Всякий процесс труда в более широком смысле есть процесс присвоения людьми предметов природы. А арсеналом всех предметов природы, следовательно, всех средств труда является земля, к которой с экономической точки зрения относится и вода. Маркс отмечает, что земля, первоначально снабжающая человека пищей, готовыми средствами жизни, существует без всякого содействия со стороны человека, как всеобщий предмет его труда.

«Все предметы,— писал Маркс,— которые труду остаётся лишь вырвать из их непосредственной связи с землей, суть данные природой предметы труда. Например, рыба, которую ловят, отделяют её от жизненной стихии — воды, дерево, которое рубят в первобытном лесу, руда, которую извлекают из недр земли.»[1].

В более широком смысле Маркс относит к средствам процесса труда все материальные условия производства, без которых процесс труда вообще не может совершаться или может происходить лишь в несовершенном виде

«Такого рода всеобщим средством труда является опять-таки земля,— писал Маркс,— потому что она даёт рабочему место, на котором он стоит, а процессу—сферу действия»[2].

Мало этого, земля есть всеобщее вместилище, гигантская лаборатория, колыбель и могила всей живой природы и человечества. Образно выражаясь, она есть всеобщая матушка-кормилица всего животного царства, включая людей. Но это всеобщее средство труда, вне которого немыслим никакой процесс труда, играет различную роль в процессе общественного производства, в зависимости от своеобразия каждой отрасли труда и от уровня развития производительных сил общества.

Отдельные историки задают вопрос: «Разве возможно скотоводство без земли?». На это можно ответить:—«Нет!».

Но люди не всегда одинаково относились к своей всеобщей кормилице — земле. Характер отношения людей к земле и использование её, как

[1] К. Маркс, Капитал, т. 1, 1952, стр 185.
[2] Там же, стр. 187.

всеобщего средства производства, менялись в зависимости от степени общественного развития. Поэтому роль земли не могла быть одинаковой при различных видах производства, какими являются скотоводство, земледелие и промышленность.

Земля служила на заре развития человечества естественной кладовой готовых плодов природы, присвоение которых обеспечивало существование людей. Дальше она становится ареной для регулярной охоты и рыболовства, пастбищем для домашних животных, пашней для земледелия, источником полезных для людей ископаемых и, наконец, производственной площадью (ареной) труда для многотысячной армии рабочих на гигантских заводах и фабриках.

Использование земли в той или другой роли было показателем уровня развития средств труда, которые являются не только мерилом развития рабочей силы, но и показателем тех общественно-производственных отношений, при которых совершенствуется труд. В ходе общественного развития появилось общественное разделение труда и частная собственность на средства производства. Появилась частная собственность и на землю.

Частная собственность на землю предполагает монополию известных лиц в распоряжении определенными частями земли, как исключительными сферами их личной воли. В то же время юридическая власть этих лиц ещё не решает вопроса о характере использования земли. «Характер использования земли всецело зависит от экономических условий, не зависимых от воли этих лиц.»[1].

Если это так, то, не говоря уже об отсутствии юридической власти отдельных лиц в качестве частных владельцев земли при полном кочевом образе жизни, экономические условия полуфеодального или патриархально-феодального кочевого общества не были одинаковыми с экономическими условиями осёдлого земледельческого феодального общества. Следовательно, характер и форма землепользования при этих двух различных видах общественного производства никак не могли быть одинаковыми. На самом деле развитый феодализм с частной феодальной земельной собственностью и патриархально-феодальное кочевое общество с частным скотовладением при широкой общинной форме землепользования есть два этапа развития феодализма.

Марксизм-ленинизм учит, что всякий процесс труда есть процесс целесообразного изменения людьми предметов природы. Эти изменённые трудом человека предметы природы становятся вещами, удовлетворяющими какую-либо человеческую потребность. Но конкретная форма вещей и их полезное свойство в конечном счёте определяются: во-первых, целесообразной деятельностью человека, который находится в процессе труда; во-вторых, своеобразием и материальным содержанием объекта труда или сырого материала, который в обработанном виде может служить вещественным содержанием готового продукта; в-третьих, своеобразием орудия труда, которое может быть применено для изготовления определённых предметов.

При завершении каждого периода производства человек получает результат своего труда в виде готового продукта, идущего на удовлетворение человеческой потребности. Каждая вещь, которую выработал человек в результате своего труда, целиком определяется спецификой данного процесса производства, спецификой процесса труда, в котором он участвовал. Если таким процессом производства было скотоводство, то результатом труда будет скот и его продукты, если таким процессом производства было земледелие, то результатом труда будут зерно, овощи, фрукты

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, 1951, стр. 629.

и т. п., если таким процессом производства было ткачество, результатом труда будет ткань.

Именно с этих позиций необходимо рассматривать существенное различие, которое имеется между земледелием и скотоводством — между двумя отраслями общественного производства.

Бесспорным фактом, отличающим друг от друга земледелие и скотоводство, является то, что они как сферы труда, как сферы производства не оперируют одними и теми же средствами труда. Они, оперируя различными средствами труда, дают различные продукты, различные вещи, чем предопределяют свою специфику.

Возьмем земледелие. При земледелии непосредственным объектом труда является земля. «Земля — сырой материал земледельца, как копь—углепромышленника, вода — рыбака и даже лес — охотника»[1]. Человек при земледелии затрачивает труд для обработки земли и снятия урожая, а при экстенсивном пастбищно-кочевом скотоводстве непосредственным объектом труда является живой скот; здесь человек затрачивает труд для его пастьбы, водопоя, организации ночлега, приучения к работе, доения, снятия шерсти, выращивания молодняка, охраны от хищников и воров и т. д.

Для возделывания земли, для организации земледелия требуется целый ряд других средств труда, без которых не может начаться процесс труда.

Не то при кочевом скотоводстве, где труд непосредственно не вкладывается в землю, так как скотоводство является производством более примитивным и отсталым по сравнению с земледелием; всё дело сводится к пастьбе скота на естественном пастбище.

Земледелие же требует непосредственного приложения труда к земле и применения различных орудий труда, отражающих уровень развития самой рабочей силы. Земледелие—это прежде всего «деление земли», т. е. изменение почвы, приспособление её к условиям земледельческого производства. Культурную почву, высокое её плодородие создаёт человек-земледелец. Земля в таком случае выступает как непосредственный источник продуктов, средств существования людей. Другими словами, человек при земледелии мог получить продукты только в результате непосредственного вложения в землю своего труда.

Следовательно, земля и скот являются различными объектами и средствами труда в двух самостоятельных отраслях производства, каковыми являются земледелие и скотоводство.

Сторонники «теории» частной земельной собственности при господстве экстенсивно кочевой системы не понимают, что кочевник не оказывал абсолютно никакого созидательного воздействия на землю. Он не мог сколько-нибудь изменять своим трудом качество земли в лучшую сторону, не вкладывал непосредственного труда в землю, и поэтому земля никак не могла выступить объектом его труда. Воздействие кочевника на землю было крайне пассивным. Он мог нарушить абстрактный закон существования растений только своим присутствием с беспрерывно передвигавшимися стадами скота, поедавшими дикорастущую траву. При таком положении воздействие человека на землю не выходило за пределы простого истребления полезных ее свойств.

Отдельные наши историки не могут представить себе всей глубины образного выражения К. Маркса, заимствованного от Вильяма Петти, о том, что «Труд есть отец богатства, земля—его мать». Они не могут понять, что при экстенсивном кочевом скотоводстве земля ещё не играет

[1] К. Маркс, Капитал, т. II, ч. 1, 1936, стр. 117.

роли матери, рождающей богатство, так как она не имеет приложения к себе труда, отца богатства оплодотворяющего ее. Единственное богатство кочевника—живой скот скорее напоминает пасынка злой мачехи—земли, чем её родное дитя. Кочевник ведёт только пассивную борьбу со стихийными явлениями природы в виде засухи, мороза и буранов, борьбу, которая напоминает человека, выбивающегося из последних сил среди бушующих морских волн, а не активную созидательную борьбу человека, покоряющего природу. В результате выращенный кочевником путем утилизации дикорастущих трав естественных лугов и пастбищ скот массами гибнет. Вчерашний скотовладелец превращается в нищего в течение одного-двух месяцев. Все члены семьи таких скотоводов не раз уходили пешком, не имея никаких средств к существованию, оставляя злую мачеху—землю и свою зимовку, распространявшую вокруг себя зловоние и заразу от разлагающихся трупов погибших животных. Таким разорившимся кочевникам не понадобились теперь обильно выраставшие после «джута» сочные травы и ставшая могилой их благосостояния «знаменитая» зимовка. Они уже не имели средства производства, т. е. скота для хозяйственного использования этих трав и этой зимовки.

Докладчик говорил, что пример казахов (по крайней мере XVIII в.) свидетельствует о том, что лучшие зимние пастбища не только не переделялись, но постепенно закреплялись путем захватов в наследственное владение отдельных семей. Докладчик неверно полагает, что это было древним явлением.

Известно, что в 30-х годах XVIII столетия добровольно присоединился к России Младший жуз казахов, в 1788 г. было уничтожено китайцами враждебное казахам джунгарское государство. В конце XVIII в. принял подданство России Средний жуз казахов. В результате казахи заняли земли в современных границах их расселения на западе, севере, востоке и в Семиречье. С этого момента, при поддержке русского государства и под непосредственным влиянием русского населения начался процесс оседания казахских жузов и крупных родоплемённых групп.

Это было новым прогрессивным явлением и большим поворотным пунктом в истории казахского народа.

Л. П. Потапов всякие изменения в социально-экономических отношениях кочевников выводит из насилия, т. е. завоевания. Этим же объясняется возникновение патриархального рабства, якобы и крепостничества у кочевых народов. Это видно из того, что, во-первых, он считает, что исторические предки казахов, киргизов, каракалпаков, узбеков, алтайцев и др., покоренные монголами, оказались вовлечёнными в процесс развития феодальных отношений. Таким утверждением молчаливо признаётся прогрессивность кровавых реакционных нашествий монгольских грабителей, которые якобы насаждали феодальные отношения среди этих народов.

Далее, докладчик формирование классовых отношений у казахов, киргизов, каракалпаков, узбеков, алтайцев целиком вывел из завоевания монголов, т. е. из внешних факторов. Такую нелепость могут не заметить только фанатически настроенные сторонники теории «кочевого феодализма».

Затем казахов с их кочевым скотоводством, которое существовало с XV в. и до 30-х годов XVIII в. в пустынях, полупустынях и в сухостепных просторах центральной части современной территории Казахстана, докладчик смешал с коренными земледельческими народами Мавераннахра (каракалпаками и основным ядром узбеков). Точно так же он отождествил характер землепользования степных и пустынных номадов-казахов с характером землепользования горных жителей—киргизов и алтайцев, тогда как только последних можно отнести (как в древности,

так и в средние века) к полукочевым и оседлым скотоводам. Антинаучное оперирование абстрактными рассуждениями о так называемом «кочевом скотоводстве» вообще всегда вносило путаницу и мешало правильному разрешению научной проблемы. На этом абстрактном рассуждении построен весь доклад.

В докладе сказано: «Производительные силы у скотоводов-кочевников имели частный характер, а собственность на главное условие производства: кочевья, пастбище и т. д., т. е. на землю—общинный». Докладчик забыл, что в разделе доклада «Основные средства производства у кочевников» он говорил: «Главным средством производства у кочевников является земля в широком смысле этого слова». А здесь мы узнаем, что земля является только главным условием скотоводства. Чему верить—неизвестно. Надо сказать что-нибудь одно. Если земля была средством производства, причем самым главным средством, то почему она оказалась вне производительных сил кочевого скотоводства. Известно, что в понятие средств производства входят орудия и предмет или объект труда. Основные элементы средств производства плюс работающий субъект всегда давали понятие производительных сил общества.

Мы считаем, что тот особый характер и способ, каким осуществляется соединение рабочей силы со средствами производства, различает отдельные экономические эпохи общественного строя. Мы думаем, что независимо от исторической формы общества работающие люди и средства производства всегда остаются фактором этого производства. Здесь докладчик, видимо, попав в неразрешимое противоречие, хотел «выйти» из него, уверив нас в том, что производительные силы кочевого общества могут существовать и без средств производства. Очевидно, докладчик помимо своей воли и желания высказал то, чего не хотел сказать. Надо полагать, что при полном кочевом скотоводстве земля всё-таки выступала не не как средство производства, а как соучаствующее условие производства.

К. Маркс писал: «С одной стороны, с общественным развитием возрастает рынок и спрос на продукты земли, с другой стороны—**спрос непосредственно на землю как соучаствующее условие производства для всевозможных, даже и неземледельческих** отраслей хозяйства» (подчёркнуто нами.— ***С. Т.***).

Далее докладчик, почувствовав беспочвенность своих доводов, все же пришел к тому, что было в реальной жизни кочевых скотоводов. Об этом говорит его вывод о том, что «общинная форма землепользования и имущественное неравенство членов общины на основе частной собственности на скот порождало дальнейшее углубление классового расслоения и возникновение различных форм кабальных отношений, ухудшавших тяжелое положение наиболее бедных групп феодально зависимых кочевников». Именно против этого единственно верного положения ополчались и до сих пор ополчаются некоторые историки.

Для доказательства якобы исконно существовавшего монопольного права частной земельной собственности у казахских ханов и султанов докладчик ссылается на факт продажи земли во внутренней Букеевской орде в первой половине XIX в. Глубочайшее заблуждение. Эта орда образовалась в 1801 г. по указу царского правительства на территории России за р. Уралом, отчего она получила своё название Внутренней орды. Вся земля Внутренней орды была пожалована царём султану Букею по тому же принципу как на Руси в XVI в. пожаловали земельные владения выходцу из орды царевичу Кайсиму. Поэтому Букей и его потомки во

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 649.

Внутренней Букеевской орде имели такое же право на эту землю, как русские князья на свои владения.

К тому же продажа, перепродажа и сдача в аренду земли были явлениями, связанными с проникновением капиталистических производственных отношений в первой половине XIX в.

Докладчик же преподнёс нам это в доказательство существования испокон веков ханско-султанского частного землевладения по всему Казахстану, что не соответствует действительности.

Вся история кочевого ханства не знает никакого ханско-султанского частного землевладения, следовательно, не знает ни одного случая прикрепления к земле скотовода-кочевника.

Родоначальниками казахских ханов были султаны Гирей и Джанибек, которые в середине XV в. бежали от кочевого узбекского хана Абдулхайра и приютились в пустыне Бетпак-Дала и в низовьях р. Чу. Приверженцы их бросили своего хана Абдулхаира и откочевали вместе с ними. Эти-то беженцы именовались «казахами».

После смери хана Гирея ханом казахов стал его сын Бурундук. В конце XV в. кочевники бросили хана Бурундука и сгруппировались вокруг его двоюродного брата сына Джанибека Касыма, а хан Бурундук умер в одиночестве, где-то около Самарканда.

После хана Касыма ханом казахов стал его племянник сын Адика Тагир. Жестокость этого хана в отношении подвластных ему кочевников привела к тому, что все казахи откочевали от Тагира, а хан остался один с сыном, и вместе с ним пристал к киргизам. Как это могло случиться, если казахи-кочевники были прикреплены к земле, которая находилась в монопольной собственности у ханов?

Можно взять более поздний пример из истории казахского ханства.

Известно, что во время великого бедствия (босоногого бегства) 1723 г. разоренные казахи остановились около Хивы, Бухары, Самарканда и Ходжента. На состоявшемся общенародном собрании представителей всех других жузов при участии ханов Каипа и Абдулхайра решено было двинуться общими силами на врагов и удалить их с казахской земли. В результате казахи в 1729 г. разбили джунгаров и в основном заняли прежние свои территории, но с большим перемещением Младшего и Среднего жузов на запад и север до русских границ. От этого ни хан Абдулхайр, ни хан Каип не стали верховными собственниками казахской земли. Никто из них не стал ни королём, ни князем; они оставались прежними патриархально-феодальными кочевыми ханами.

В 1742 г. хан Среднего жуза Абул Мамбет с реки Тобола откочевал с несколькими аулами в Туркестан, отдал своего сына джунгарскому хану в амонаты, тем самым приняв подданство Джунгарии. Однако, как отмечает П. И. Рычков, хан Абул Мамбет не мог увлечь за собой большого количества людей, «видимо, потому, что он не имел никакой силы, чтобы заставить их последовать за собой». Рычков объясняет это тем, что «казахи ханов своих слушают только тогда, когда хотят, или когда видят в том собственную пользу»[1].

И здесь нет никакого ханско-султанского частного землевладения и нет никакого крепостничества, а есть весьма неустойчивое и условное владение кочевого ханства.

Кочевое ханство было неустойчивым, шатким и недоразвитым государственным образованием. Классы кочевого общества были классами незрелого феодального общества, что объяснялось господством неустой-

[1] П. И. Рычков, Топография Оренбургской губернии, Оренбург, 1887; стр. 105.

чивого и шаткого кочевого скотоводства с эфемерным богатством в виде живого скота.

Докладчик всё же вынужден был признать в своём докладе существование общинного характера землепользования у казахов и в момент победы Великой Октябрьской социалистической революции с той оговоркой, что общинное землепользование якобы «выступило на первый план уже после присоединения казахов к русскому государству».

Докладчику, видимо, неизвестно существование двух видов общинного землепользования в дореволюционном Казахстане. Один из них был древней пережиточной формой общинного землепользования, которая существовала среди так называемых вечных кочевников, а другой был новым явлением, возникшим в связи с присоединением Казахстана к России среди населения полукочевого и осёдлого аулов. Этот вид носил название «общинно-аульной» формы землепользования. Эти две формы общинного землепользования у казахов отражали две различные ступени экономического развития Казахстана.

Докладчик только мимоходом коснулся роли преобладающего вида общественного производства патриархально-феодального кочевого общества, тогда как от правильного понимания и освещения этого вопроса зависит очень многое.

К. Маркс и Ф. Энгельс установили, что преобладание той или другой отрасли материального производства накладывало свою печать на форму общества и определяло темпы общественного развития. «Каждая форма общества имеет определённое производство, которое определяет место и влияние всех остальных... Это—особый эфир, который определяет удельный вес всякого существа, в нем находившегося»[1].

Материальное производство казахов в виде экстенсивного кочевого скотоводства было единством присущих ему производственных отношений. Это значит, что рутинному состоянию развития производительных сил кочевого общества соответствовали отсталые патриархально-феодальные отношения.

Отсталость материального производства обусловила отсталость и неразвитость общественно-производственных отношений людей, что отражалось на облике классов данного общества и их общественном сознании.

Отсталость производственных отношений, экономического базиса общества, определила отсталость его надстройки в виде духовной культуры, политических учреждений и общественных взглядов людей.

В этом отношении для кочевого общества казахов было характерно такое явление, при котором классы и классовые отношения прикрывались патриархально-родовыми масками. Вся жизнь казахов была пронизана родовым принципом, даже борьба классов в большинстве случаев протекала в форме борьбы за родовые интересы. Всё дело в том, что каковы были эти классы, таковы были и их классовые отношения. Марксизм-ленинизм учит: «Каковы эти классы, это зависит от ступени развития производства»[2].

Неустойчивость материального производства в виде кочевого скотоводства создавала неустойчивость не только в жизни широкой народной массы, но и в положении самого господствующего класса в лице патриархально-феодальных баев, биев и батыров. Богатство и общественное положение казахских баев, биев и батыров определялись количеством скота

[1] К. Маркс, К критике политической экономии, 1949, стр. 220.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, стр. 86, 1939.

или размерами скотовладения. Этот факт очень остроумно подметил в 1846 году Александрийский: «Есть у уджагалбайлинцев люди известные, но их значение слишком односторонне потому, что зависит не от достоинства собственных их голов, а от количества голов ихнего скота»[1].

Как в XVIII, так и в первой половине XIX вв. большое количество собственного скота давало возможность баям, биям и батырам иметь побольше жен, держать некоторое количество патриархальных рабов, иметь побогаче предметы кочевой юрты, верховой езды и лишнее количество одежды. Этим исчерпывался весь перечень богатств казахских скотоводов, передаваемых по наследству.

Казахские скотоводы в XV—XVIII вв. не могли передавать по наследству землю, так как не было осёдлости и не было феодального землевладения. Общинная форма земледелия, кочевое скотоводство, родовой быт и крупное частное скотовладение есть явления внутренне между собой связанные и дающие в своей совокупности понятие патриархально-феодального общества.

Специфика общественной жизни казахов характеризовалась тем, что общинная форма землепользования существовала не в условиях бесклассового родового строя, а в условиях классового общества. Такая общинная форма землевладения служила ширмой, прикрывавшей классовые эксплуататорские отношения. Эксплуататоры внутри каждой родоплемённой группы казахов, владея главным средством производства кочевого скотоводства — скотом, фактически использовали в своих интересах всю пастбищную территорию целого рода или племени, как естественное условие производства. Поэтому сохранение такой формы землепользования было удобно и выгодно для господствующего класса кочевого патриархально-феодального общества.

Совершенно другое положение существовало в феодальном обществе, основанном на крупном землевладении. Там основным богатством феодала была земля. Размеры землевладения определяли богатство и знатность помещиков и дворян. Их богатство было устойчивым и надёжным. Они по наследству передавали земельные владения с прикреплёнными к ним крестьянами. Земельные владения могли означать: обширные леса, богатые луга, рыболовные водоёмы, плодородные поля, цветущие сады, виноградники, ирригационные сооружения, искусственные водоёмы, живой и мёртвый хозяйственный инвентарь, включая хозяйственные постройки. Кроме того, по наследству передавались замки, дворцы, дома и пр.

Своеобразные черты господствующих классов при феодальном землевладении и патриархально-феодальном скотовладении нашли своё воплощение в своеобразных чертах государственных образований в двух различных условиях общественного производства.

Эти два государственные образования, несмотря на однородность их социальной природы, резко различались между собой по своей организации, силе власти и даже по внешней форме, будучи политическими учреждениями, возникшими на различных по степени развития экономических базисах.

Казахское ханство возникло на базе кочевого скотоводства как всякие неустойчивые, полуфеодальные, весьма слабые государственные образования, характерные для кочевых народов. Казахское ханство, как всякий орган государственной власти, выступало как аппарат насилия в руках господствующего эксплуататорского класса крупных скотовладельцев. Оно возникло из потребности господствующего класса обеспечить охрану частной собственности в виде скота и других имуществ от

[1] Материалы по казахскому обычному праву, Сборник 1, Алма-Ата, 1948 стр. 95.

всяких посягательств для подавления сопротивления угнетённой и эксплуатируемой массы населения, для охраны своей территории кочёвок от внешних врагов и для ограбления других народов. Но оно было весьма условным атрибутом земельной собственности на территории ханства.

Докладчик и его сторонники хотят, в силу незнания конкретной жизни кочевого общества, абстракцию действительных общественных отношений развитого феодализма, основанного на крупном землевладении, перенести на все случаи жизни, в том числе на патриархально-феодальное кочевое общество, основанное на кочевом скотовладении.

Такое направление противоречит самому существу марксизма-ленинизма, который имеет дело с историческим, т. е. постоянно меняющимся материалом и исследует прежде всего особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена и лишь в конце этого исследования устанавливает общие законы, имеющие применение к производству и обмену вообще.

Стремление докладчика и его сторонников объединить одними общими положениями патриархально-феодальное кочевое общество казахов XV—XVIII вв. с развитым феодальным обществом, основанном на крупном землевладении, ничего не даст для науки, кроме самых банальных общих мест.

А. К. КАРРЫЕВ

Доктор исторических наук

(Академия Наук Туркменской ССР)

Целью моего выступления является сообщение об особенностях патриархально-феодальных отношений у туркмен-кочевников в XIX и начале XX веков.

Патриархально-феодальные отношения в туркменском кочевом скотоводческом обществе стали складываться очень давно. В XIX в. для всех туркменских племён закаспийских степей характерным являлся тот тип общественно-экономических отношений, который, в соответствии с определением И. В. Сталина, можно назвать патриархально-феодальным. В основном они сохранились и для начала XX в.

Каждое туркменское племя, в силу различных условий жизни, сохраняло свою хозяйственную и трудовую особенность, и их социально-экономический строй в первой половине XIX в. нельзя назвать однородным во всех отношениях.

Кочевники-скотоводы долго еще сохраняли сложную родо-племённую структуру. Среди кочевников устойчивее сохранились родовые связи, строже соблюдались племенные обычаи и ярко проявлялась племенная автономность.

Родовые традиции в условиях скотоводческого хозяйства были сильны и устойчивы. Феодально-родовая верхушка туркменских племён поддерживала в своих классовых интересах всякого рода генеалогические родовые и племенные предания, используя и фальсифицируя устное народное творчество. Эксплуатация скотоводов-кочевников, таким образом, облекалась в форму патриархальных обычаев. Именно поэтому И. В. Сталин сближает скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт[1].

Зажиточная часть кочевников-скотоводов широко использовала патриархально-родовые формы быта, как орудие воздействия на массы,

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 25.

как удобную форму, прикрывавшую эксплуатацию своих сородичей. Среди оседавших туркмен, наоборот, начался медленный распад родовых и племенных связей, всё глубже шел процесс феодализации земледельческого населения. Переход к осёдлости сопровождался ломкой кочевого быта и уклада, вызвал сложный процесс общественно-экономического преобразования и создал неоднородность в общественном развитии закаспийских туркмен.

Прикаспийские туркмены (преимущественно иомуты и човдоры), проживавшие по восточному побережью Каспийского моря, в долинах рек Ангрена и Горгена, в предгорьях Балхан, в основном являлись кочевниками-скотоводами. Кочевое скотоводство являлось наиболее старинной отраслью в их хозяйстве. Это была хозяйственная база существования этих племен на протяжении многих веков, хотя иомуты занимались рыболовством и добычей полезных ископаемых.

Обширные пространства степей представляли собой обильные кормовыми травами пастбища для многочисленного скота. Но недостаток воды вынуждал кочевников-скотоводов передвигаться со своими стадами в течение круглого года в поисках пастбищ, богатых водой.

Эти постоянные передвижения в основном зависели от количества атмосферных осадков осенью, зимой, весной. Те скотоводы, которые оседали у колодцев с солёной водой, обычно на зиму и весну уходили на дождевые ямы с пресной водой.

Вполне естественно, что основой кочевого скотоводческого хозяйства, без чего оно в этих условиях немыслимо, являлись колодцы—вода.

В Кара-Кумах большинство колодцев находилось на так называемых такырах (обширных ровных глинистых пространствах, расположенных в пологих понижениях рельефа Кара-Кумов). Вокруг этих такыров и группировались скотоводы-кочевники. Большей частью такыров владели отдельные родовые группы. Право устройства колодцев на такырах принадлежало формально каждому из членов родовой группы, но при непременном условии, если устройство нового колодца не ухудшало состояния других колодцев, находившихся на данном такыре. Хозяйства, не принадлежащие к данной родовой группе, не имели права рыть новые колодцы без разрешения той родовой группы, которая владела такыром. Но и в том случае, если разрешение на устройство колодца давалось постороннему, ставилось непременное условие: постороннее хозяйство устраивает колодец только за свой счёт, пользуется им в течение года, а затем передаёт уже готовый колодец в полное владение хозяина такыра.

Дальнейшее же пользование колодцем устроителем его происходило уже на основании нового договора, большей частью за известную плату (деньгами или натурой). Владелец такыра сохранял за собой право расторгнуть договор в любое время.

Что касается пастбищных территорий, то они считались никому не принадлежащими (ни отдельным хозяйствам, ни родовым группам) и формально ими мог пользоваться всякий посторонний скотовод. Однако, поскольку такыры и колодцы находились во владении отдельных феодальных групп или хозяев, свободное пользование пастбищами всеми желающими являлось чисто фиктивным, так как пасти скот в степи, не имея там колодца, нельзя.

В результате существовавшего права, сложившегося в степи на такыры, отдельные родовые группы и хозяйства неравномерно обеспечивались водопоями. Наиболее сильные и имущие родовые группы и хозяйства, захватившие лучшие такыры с пастбищами, эксплуатировали более слабые группы, взимая с них за пользование колодцем определённую плату.

Имевшееся у бедняка-скотовода право на рытье нового колодца по существу являлось фикцией, так как для маломощного хозяйства с его мизерными доходами было почти невозможно изыскать средства для устройства колодца.

Если же учесть, что дебит воды в каждом отдельном колодце чрезвычайно низок, то станут понятными те трудности, которые возникали с устройством не одного, а нескольких колодцев (для одного пастбища необходимо в среднем около 8 колодцев).

Бесколодезное хозяйство фактически целиком и полностью зависело от произвола более сильного хозяйства (патриархально-феодальной знати кочевников), имевшего право в любое время, основываясь на обычном праве, отказать другим в праве пользоваться водою.

Предоставляя малоимущим хозяйствам право пользоваться своим колодцем, патриархально-феодальная знать кочевников-скотоводов, владевшая многочисленными стадами, требовала взамен от бедноты, чтобы она пасла и скот владельца колодца. Кроме того, в обязанность бедноты вменялся и ремонт колодцев и оказание помощи в мелких работах по хозяйству владельца колодца.

Таким образом, за право пользования колодцем беднота батрачила у бая круглый год. Во всех случаях бедняк был подчинён баю. Из отношений, сложившихся на этой почве, вытекало полное подчинение бедноты экономически сильным хозяйствам, т. е. байской родовой верхушке, владевшей крупными стадами и колодцами.

Боясь лишиться поддержки богатого родича, бедняки, пользовавшиеся колодцами зажиточного хозяина, вынуждены были во всех случаях поддерживать своего богатого родича, который злоупотреблял своим положением и беспощадно эксплуатировал бедноту.

Чрезвычайно разнообразны были формы эксплуатации в кочевой степи. Если, например, у бедняка не было дойных верблюдиц, то последних предоставлял ему богатый родич. При наличии в стаде богача большого количества дойных верблюдиц, бай лишен был возможности своими силами брать молоко. Жены бедняков за предоставление им дойных верблюдиц обязаны были доить верблюдиц хозяина. Снабжая бедняка шерстью для выделки войлока, бай за это получал более чем половину выделанного материала. Очень часто практиковалось получение беднотой от зажиточных хозяйств их стад на выпас за весьма мизерное вознаграждение; всё это свидетельствовало о резкой внутриплеменной дифференциации у туркмен.

Таким образом, нет оснований сомневаться в классовом характере туркменского общества в XIX в. Собственность на колодцы фактически делала туркменских баев владельцами пастбищ, что составляло основу для эксплуатации баями туркменской бедноты. Эта феодальная эксплуатация прикрывалась патриархальными формами (бай якобы не эксплуатировал бедняка, а «оказывал милость» бедному сородичу) отчего эксплуатация принимала особенно грубые и жестокие формы.

Тяжелые времена наступали для бедняцких хозяйств в неблагоприятные годы, когда начинался массовый падёж скота. В такие годы происходило значительное обнищание основных масс кочевников-скотоводов, которые лишались 40—50% скота. Таким обедневшим хозяйствам снова подняться экономически было почти невозможно. Разорившиеся скотоводы вынуждены были переходить к земледелию или же итти в наймы на кабальных условиях в байские хозяйства.

Переход к осёдлости, особенно западных туркмен, был крайне затруднен тем, что, во-первых, отсутствовали необходимые водные ресурсы, а во-вторых, имевшиеся арыки и немногочисленные водные источники

принадлежали феодально-родовой знати. Постоянные грабительские походы соседних феодальных деспотов против туркмен также тормозили массовое их оседание на землю. Привыкшему к скотоводству кочевнику трудно было порывать с прежним привычным промыслом и переходить к новым условиям жизни.

Хивинские хронисты совершенно справедливо отмечают, что «отнять скот у туркмена хуже, чем лишить его жизни». Только обедневшие хозяйства, потерявшие по той или иной причине свой скот и лишенные возможности его воспроизвести, переходили к осёдлости. Вчерашний скотовод, кочевавший со своими стадами по степи, в результате все углублявшейся имущественной и социальной дифференциации превращался в землепашца-чомура.

Переход от кочевого скотоводства к осёдлому земледелию протекал в весьма трудных условиях, так как приходилось производить большие затраты труда на создание ирригационных сооружений, что требовало коллективных усилий.

Перейдя к земледелию, туркмены продолжали заниматься скотоводством, но уже не кочевым, а отгонным (мы говорим только о прикаспийских туркменах, у которых основным занятием было кочевое скотоводство).

Большинство же туркменских племен Ахала, Мургабского оазиса, Хорезма и Средней Аму-Дарьи вело смешанное хозяйство, в котором земледелие занимало ведущую роль, хотя и скотоводство было в почёте.

Организация скотоводческого хозяйства и эксплуатация кочевой знатью трудовых кочевников происходила у них так же, как и у западных туркмен.

Таким образом, в XIX в. в закаспийских степях основой феодальной эксплуатации была собственность на земло, т .е. на пастбища, хотя формально она прикрывалась собственностью на колодцы, без которых использование пастбищ в закаспийских степях невозможно.

Н. Е. ОМЕЛИН

Кандидат экономических наук

(Академия Наук Узбекской ССР)

В докладе Л. П. Потапова подведены итоги большой работы советских учёных по изучению характера общественного строя у кочевников в дореволюционное время .

Установлено, что существовавшие в то время феодальные отношения имели своим основанием феодальную собственность на землю (пастбища). Это подтверждается фактами, относящимися к разным кочевым народам.

В условиях сухих степей и пустынь феодалы были собственниками не только пастбищ, но и водных источников, колодцев.

Феодальная форма земельной собственности у кочевых народов была связана с общинным землевладением и землепользованием (использованием пастбищ). Непосредственный производитель, хотя и лишен собственности на землю, но ещё не отделен от земли в такой форме, которая присуща капитализму. Здесь непосредственные производители, как показывают найденные архивные документы, относящиеся к горной Киргизии, наделялись манапами земельными (пастбищными) угодиями.

На основе собственности феодала на землю и неполной собственности на самого непосредственного производителя вырастала вся система феодальных отношений, система эксплуатации феодалами крепостных крестьян, кочевников-скотоводов.

С неправильным пониманием значения скота как средства производства при феодализме у кочевых народов связано возникновение и распространение в наше время теории о господстве у кочевников в дореволюционном прошлом феодализма, основу которого видят в собственности феодалов на скот, а не на землю, в отличие от земледельческих районов, где основным средством производства признаётся земля. О распространении этой теории говорит тот факт, что оба содокладчика стоят на её почве, выступают в качестве её защитников. Скот они считают главным условием производства в кочевом животноводческом хозяйстве и это служит основанием для утверждения, что феодальные отношения между кочевниками строятся на основе распределения скота между ними: скот находится в собственности феодала, непосредственный производитель получает его от феодала, на базе этого и вырастает вся совокупность феодальных отношений. Попытку обоснования теории кочевого феодализма мы находим в докладе, сделанном С. П. Толстовым в 1934 году на Пленуме Государственной Академии истории материальной культуры.

В нём говорится: «Для феодализма в кочевых районах таким простейшим элементом, основным зерном, откуда вырастает вся система феодальных отношений, является «саун», (у киргизов «саан»)—отдача скота на выпас.

Отношения «саун» заключаются в том, что крупный скотовладелец даёт известное количество скота бедняку, как раз такое, которое может обеспечить ему полуголодное существование. За это бедняк обязуется выполнять отработочную повинность на этого феодала в качестве или пастуха или барщинного работника на полях феодала в районе зимовок»[1].

Наряду с этим автор указывает и на другую форму отдачи скота на выпас, которую он считает особенно распространённой у туркмен, как показатель большой примитивности их социально-экономических отношений. Во втором случае скот на выпас сдаёт бедняк, имеющий 5—10 овец. Кочевать с таким количеством скота он не может, как не может и существовать в качестве самостоятельного производителя, поэтому он свой скот отдаёт в хозяйство крупного скотовладельца-бая, который гарантирует ему сохранность скота и его продукцию. За это бедняк обязуется выполнять определённые повинности в качестве пастуха всего стада феодала или остаётся в культурной полосе обрабатывать поля ушедшего кочевать скотовладельца. Эти две формы автор считает двумя сторонами одного и того же явления.

«Ближайшую аналогию этим отношениям в области «классического феодализма»,— говорит он,—мы находим в той первичной форме феодальных отношений, которая носит название «прекария».

Отсюда через бенефициальные отношения (как и в земледельческих районах) мы приходим к феоду»[2].

На этой основе, по его мнению, складывается господствующая форма кочевья, представляющая собой группу хозяйств, связанных между собою отношениями «саун». «Благодаря ограниченному максимуму скота в кочевой группе, феодал, как правило, разбивает свой скот между рядом таких групп. В одной из таких групп он кочует сам со своими «саунщиками», в другой—его сыновья и жены, также окруженные «саунщиками», выполняющими всю работу по пастьбе и уходу за скотом, наконец, часть зависимых людей феодала, получившая ссуду скотом (взявшая скот на выпас) или сдавшая свой скот на выпас, выполняет земледельческие работы на его полях»[1].

«Отношения «саун»—говорит дальше автор,— как и вообще почти все формы феодальной эксплуатации в кочевых районах, восходят генетически к перенесённым через рабовладельческую стадию пережиткам экономики первобытного коммунизма, формам родовой взаимопомощи, превращающимся здесь в свою противоположность»[2].

В отношениях «саун» у киргизов автор видит ту простую клеточку общественных отношений, в которой содержится сущность феодального способа производства у них, как народа, ведущего кочевой образ жизни. По его мнению «... на этой, превращающей пережитки родовой взаимопомощи в орудие закрепощения простейшей форме феодальной ренты, вырастает целая пирамида разнообразных форм—натуральных повинностей, таможенных и судебных пошлин и т. п., причем все они своими корнями оказываются восходящими к тем же, превращённым в собственную противоположность формам родовой взаимопомощи, узурпированной феодалом»[3].

Таково представление автора об основе феодальных отношений и об их первичной форме в районах кочевого населения, созданное им, исходя из положения, что производственные отношения между кочевниками при феодализме складываются на базе распределения между ними скота.

Автор пишет, что феодальная земельная собственность у кочевого населения складывается на земле, в районе зимовок, служащей для земледелия.

Основная же земельная территория—основной вид угодий—пастбища остаются очень долго в родо-племённой собственности, причем эта форма собственности имеет лишь номинальное значение.

Фактически безраздельными ее владельцами являются феодалы-скотовладельцы, использующие ее для выпаса скота при помощи зависимых от них «саунщиков».

Землевладение выступает как производное тех общественных отношений, которые установились на основе собственности на скот, являющейся основным средством производства в господствующей отрасли кочевого хозяйства—животноводстве. Так выглядит теория «кочевого» феодализма, кладущая в основу феодальных отношений собственность феодала на скот и отсутствие скота в собственности непосредственного производителя. Автор строит её, следуя по пути, как он пишет—«раскрытия специфики кочевого феодализма, феодальных отношений, слагающихся в сфере скотоводства»[4].

Интересна применяемая автором методология: он прежде всего ищет основную клеточку феодальных отношений и находит её в «сауне», отдаче феодалом-скотоводом на выпас скота кочевнику—непосредственному производителю. Метод исследования, применённый Марксом при анализе капиталистического производства, при котором отдельный товар является элементарной формой богатства общества и выражает общественные производственные отношения людей, автор по аналогии применяет в своей работе при рассмотрении феодального способа производства у кочевников.

Использование автором аналогии, как метода исследования, является его методологической ошибкой, которая повела его по неправильному пути и привела к неправильным выводам.

---

[1] С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах, Сб. «Основные проблемы генезиса и развития феодального общества», Л., 1934, стр. 188.
[2] Там же, стр. 189.

[1] С. П. Толстов, указ. соч.; стр. 188—189.
[2] Там же, стр. 189.
[3] Там же, стр. 189.
[4] Там же, стр. 188.

Увлекшись отысканием особенностей феодализма, автор приходит к выводу, что скот является здесь собственностью феодалов. Непосредственный же производитель не имеет его, он берёт его в пользование у феодала на выпас на основе отношений «саун».

Как же выглядит непосредственный производитель-кочевник при этом своеобразном феодализме? Он оказывается не только не имеет права собственности на землю, но у него также нет собственного скота, т. е. он лишен двух необходимых условий производства в кочевом животноводстве—пастбищ и скота. Таким образом, перед нами не феодальный крестьянин, у которого, как указывает И. В. Сталин, существует единоличная собственность на орудия производства и на своё частное хозяйство, основанное на личном труде, а совершенно новая социальная фигура—крепостной крестьянин—скотовод, лишенный средств производства.

Такая точка зрения противоречит высказываниям основоположников марксизма по вопросу о феодализме, о средневековье.

«Как мелкое крестьянское хозяйство, так и производство самостоятельных мелких ремесленников...—пишет Маркс,—составляет базис феодального способа производства»[1].

Мелкому непосредственному производителю, имеющему средства производства, противостоит феодальная земельная собственность.

«С другой стороны,—пишет Маркс,—только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворённое в земельном собственнике»[2].

Упомянутая выше точка зрения С. П. Толстова на основу феодальных отношений у кочевников опровергается также фактами, которые приводятся в работах исследователей, изучающих прошлое кочевых народов.

Отношения «саун» между отдающим и получающим скот строятся как отношения эксплуатации без внеэкономического принуждения, на хозяйственной почве, как кабальная сделка, и являются отработками за получаемую продукцию. Как форма эксплуатации «саун» используется не только феодалами, но и всяким богатым скотоводом, и считается привычным и распространённым явлением, но не всеобщим, как это естественно было бы ожидать в том случае, когда основой феодальных отношений признаётся феодальная собственность на скот. Использование этой формы эксплуатации любым скотоводом, имеющим излишек скота, указывает на значительную имущественную дифференциацию среди самого крепостного крестьянства, характеризующую высший этап развития феодализма, а не первичную форму феодальных отношений у кочевых народов, как это логически по аналогии выводится на основе данных недавнего прошлого для начального этапа развития феодализма. Это есть модернизация прошлого кочевых народов. Она привела В. Ф. Шахматова к отрицанию, что зякет и сугум, которые феодалы брали за скот с кочевников, являются докапиталистической рентой.

В. Ф. Шахматов, выступая в защиту теории кочевого феодализма, пытался обосновать её, исходя из роли, которую играют скот и земля (пастбища) в процессе воспроизводства в животноводческом хозяйстве кочевников, в отличие от их роли в земледельческом хозяйстве. Проанализируем кратко его аргументацию.

По утверждению В. Ф. Шахматова, скот в хозяйстве скотоводов играет главную роль, а земля (пастбища)—второстепенную, в хозяйстве же землевладельцев—роли их меняются. Скот в первом случае выступает в процессе воспроизводства и как продукт труда, и как его орудие, это и определяет его роль в процессе воспроизводства в отличие от роли орудий в земледелии. Но это неверно. В процессе воспроизводства—орудия труда и в земледелии, как и в других отраслях производства, подобно скоту выступают и как продукт и как орудие труда: они являются продуктами при их создании, но они становятся орудиями в дальнейших циклах производства. Кроме того, в плужном земледелии, каким оно выступает при феодализме, первое место в орудиях земледельческого производства принадлежит рабочему скоту. Без рабочего скота не было бы плужного земледелия, а могло быть лишь первобытное мотыжное земледелие. Воспроизводство же рабочего скота, являющегося главной, определяющей частью орудий земледельческого производства, не отличается ничем от воспроизводства продуктивного скота, занимающего основное место в стаде кочевников. Роль орудий труда в воспроизводстве и в животноводстве и в земледелии внешней стороной и отличается, но существо остаётся одним и тем же.

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, 1936, стр. 269.
[2] Там же, стр. 699.

В. Ф. Шахматов указывает на разную роль, которую играет земля в земледелии и в экстенсивном пастбищном животноводстве в процессе воспроизводства. По его мнению земледельцы «воспроизводят» и землю, обрабатывая её, в животноводстве же всего этого нет. Это неправильно. В феодальном земледелии обработка земли имеет задачей использование естественного плодородия. С этой же целью была распространена в то время в степной и лесостепной зоне сначала переложная, а потом и трехпольная система земледелия: они обеспечивали поддержание плодородия почвы.

При ведении животноводческого экстенсивного хозяйства имеет место то же самое. Кочевник также использует естественное плодородие почвы, воспроизводящее для его скота травостой на пастбищах. Скотовод, используя травостой пастбищ путём выпаса скота, тем самым использует естественное плодородие почвы пастбищ в целях производства животноводческой продукции, применяя систему выпаса, и тем самым поддерживает естественное плодородие пастбищ, возобновление травостоя.

При внешнем различии в использовании земли земледельцами и скотоводами существо остаётся тем же. И в земледелии и в скотоводстве земля выступает основным условием приложения труда и средств.

Сельскохозяйственное производство при феодализме возможно при соединении земли—главного условия производства—с рабочей силой и средствами производства непосредственного производителя. Характер этого соединения определяется характером производственных отношений. При феодализме соединение рабочей силы кочевников, средства производства и скота происходило на базе феодальной земельной собственности, что и было основой получения феодалами кочевий докапиталистической ренты.

Маркс установил, что земельная рента является экономической формой реализации земельной собственности. При феодализме рента является формой реализации феодальной земельной собственности, формой присвоения феодалом прибавочного труда крепостных крестьян непосредственно или в виде продуктов этого труда, или в форме стоимости прибавочного продукта.

В конкретной исторической действительности отдельные формы ренты переплетаются одна с другой, но всё же в разные исторические периоды одна из форм является господствующей. Смена одной формы ренты другой характеризует ступени в развитии феодальных производственных отношений, происходящем на основе роста производительных сил, и является выражением действия основного закона феодализма, закона докапита-

листической ренты. Периодизация развития феодального общества должна иметь своей основой смену формы докапиталистической ренты, изменения, происходящие в экономическом базисе общества. В докладе Л. П. Потапова это не нашло необходимого отражения.

Не получили своего отражения в докладе и вопросы развития классовой борьбы у кочевых народов в связи с развитием феодального общества. Всё это должно быть предметом последующего изучения.

Нельзя согласиться с докладчиком, что феодальные отношения у кочевых народов не достигли своего полного развития, остановились на ранней их стадии, почему они и сохранили патриархальную форму. Это противоречит фактам, в том числе и приводимым самим автором в связи с критикой теории «кочевого» феодализма.

У кочевников Средней Азии, имевших у себя развитый феодализм, после их присоединения к России, в связи с развитием товарного производства стали возникать капиталистические отношения. Всё же основными отношениями в районах кочевого населения оставались феодальные и полуфеодальные.

Здесь надо подчеркнуть, что существующие у кочевых народов на протяжении всего развития феодальной общественной формации родоплеменные деления, родовые связи и традиции являются надстройкой над феодальными производственными отношениями, над базисом феодализма.

Л. П. Потапов указывает в докладе на застой в развитии феодального общества у кочевых народов, не раскрывая, однако, его причин. Я кратко остановлюсь на этом.

В кочевом ауле в процессе первоначального накопления капитала, о котором в докладе ничего не сказано, происходило отделение непосредственных производителей от средств производства, в результате чего создалось большое аграрное перенаселение. Лишенные средств производства скотоводы не могли найти приложения своему труду в промышленности (она в их районах почти совсем не развивалась), они не могли уйти и в города, которые находились от них относительно далеко, в оседлой зоне. Они были вынуждены искать приложение своему труду в районах кочевого населения. Громадное аграрное перенаселение обусловило сохранение феодальных отношений и широкое распространение полуфеодальных, кабальных форм эксплуатации и чрезвычайно низкий уровень жизни «саанщиков»—издольщиков. В этом, прежде всего, надо искать причины задержки в развитии производительных сил в районах кочевого населения в дореволюционном прошлом.

Хочу остановиться еще на одном из вопросов, связанных с выяснением особенностей феодализма у кочевников.

В. И. Ленин указывает, как на характерную особенность феодализма,—на «господство натурального хозяйства».

Натуральный характер хозяйства кочевников определяется слабым общественным разделением труда, а в связи с этим и обмена, соединением в хозяйстве животноводства, как главной отрасли производства, с домашней промышленностью в качестве подсобной и имевшимися в ряде случаев элементами земледелия. Внутри хозяйства производились не только средства потребления, но также и средства труда с целью дальнейшего воспроизводства.

Основные продукты питания получались от животноводства: молочные и мясные продукты были основными в рационе кочевников. Предметами труда в домашней промышленности было животноводческое сырье. В самом хозяйстве производились в основном и орудия труда: выращивался рабочий и продуктивный скот, изготовлялся примитивный инвентарь, нужный для выполнения производственных операций в домашнем хозяйстве, в животноводстве, при обработке сырья и в земледелии.

Л. П. Потапов, указывая на натуральный характер хозяйства, наряду с этим отмечает, как основную особенность феодализма у кочевников, «кочевое скотоводство». Но он не устанавливает связи между этими сторонами кочевого хозяйства и тем самым проходит мимо важной черты экономики кочевых народов, имеющей своё значение для понимания ряда сторон их экономического развития.

Необходимо, прежде всего, подчеркнуть, что кочует на скот, а население. Непосредственной причиной кочевания населения является экономическая причина—натуральный характер хозяйства.

При натуральном характере хозяйства скотовод в погоне за животноводческой продукцией вынужден следовать за скотом, будучи привязан к нему своим рационом пищи и необходимостью обрабатывать сырье.

На более высокой ступени общественного развития, при товарном животноводческом производстве, как бы оно широко не развивалось, скотовод освобождается от этой свойственной натуральному хозяйству связи со скотом. Основная ошибка в объяснении причин кочевания населения состоит в том, что причину его кочевого образа жизни видят в животноводческой природе хозяйства, в экстенсивном пастбищном ведении скотоводства, отождествляя тем самым кочевание населения с выпасом скота. Выпас скота, как отношение человека к природе, как способ использования естественных кормовых ресурсов при помощи скота, как средства производства, существовал раньше, он существует и теперь в животноводстве капиталистических стран.

Но кочевание населения, как общественное явление, как экономическое явление, существует только на известных ступенях развития животноводческого хозяйства, когда оно сохраняет натуральный характер. В высокогорном швейцарском скотоводстве с его практикой использования богатых альпийских пастбищ, в австралийском овцеводстве с его большими степными просторами, на западе США, в крупных капиталистических скотоводческих предприятиях, нередко имеющих акционерную форму, широко применяется выпас скота, но там нет кочевания населения, так как нет той связи между человеком и скотом, которая существует в натуральном животноводческом хозяйстве. Более того, в акционерной животноводческой корпорации акционер не только не связан со скотом, но он непосредственно не связан и с самим производством.

Понимание экономической основы кочевания населения даёт возможность правильно подойти к выяснению особенностей оседания населения, которое стихийно происходило в прошлом, до революции, в ряде районов, населенных кочевниками.

Непонимание экономической основы кочевания населения было причиной тех ошибок, которые допускались в Казахстане, Киргизии и других местах и которые выражались в переводе кочевников на земледелие и связанных с этим переселениями, сопровождавшимися уменьшением поголовья скота.

В. С. БАТРАКОВ

Кандидат экономических наук

(Ташкентский финансово-экономический институт)

Я выслушал доклад Л. П. Потапова и содоклады С. И. Ильясова и В. Ф. Шахматова с большим удовлетворением. Они свидетельствуют о том, что в советской исторической науке в настоящее время взгляд на господство у кочевых народов в дореволюционном прошлом феодального способа производства является преобладающим. Совсем иное было 27 лет

тому назад, когда мы с П. В. Погорельским приступили к работе над опубликованной в 1930 году книгой «Экономика кочевого аула Киргизстана». Тогда нам пришлось выступать с этой точкой зрения почти в одиночестве, итти против течения, так как в литературе преобладал противоположный взгляд на господство у кочевых народов первобытного родового строя.

В настоящее время эта точка зрения совместными усилиями многих советских учёных разбита, но не добита окончательно, так как находятся еще ее сторонники, забывающие, что в свое время данная точка зрения являлась теоретической основой для буржуазных националистов в их борьбе против мероприятий Советской власти, направленных на экспроприацию феодальных и полуфеодальных элементов кочевого аула.

Чтобы окончательно похоронить эту реакционнейшую точку зрения, необходимо в исследовании социально-экономических отношений у кочевых народов подняться на новую, более высокую ступень, необходимо более широко и глубоко исследовать эту проблему.

Вопрос об особенностях феодальных отношений у кочевых народов в настоящее время является центральным пунктом разногласий.

Чтобы правильно подойти к решению вопроса, необходимо составить правильное представление об уровне развития у кочевых народов производительных сил, которым, как известно, определяется характер производственных отношений. А это, в свою очередь, требует правильного представления об экономической природе кочевого хозяйства.

Исходя из известных высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса о кочевом хозяйстве, которые приводит в своем докладе Л. П. Потапов, необходимо рассматривать кочевое хозяйство не как ступень развития человеческого общества, а как обособившуюся на основе общественного разделения труда отрасль сельского хозяйства, характерную для стран Востока. Обособление это произошло первоначально в виде пастушеского хозяйства, которое в последующем приняло более развитую форму кочевого хозяйства.

Мысль о кочевых скотоводческих и оседлых земледельческих районах, как об обособившихся частях общества стран Востока, и о городе, который являлся экономическим центром обеих этих частей единого экономического целого, впервые была высказана С. П. Толстовым ещё в 1934 году. Однако эта весьма плодотворная мысль, позволяющая правильно подойти к вопросу об экономической природе кочевого хозяйства, никем из историков не была подхвачена. Обошел её своим вниманием и докладчик.

Я в течение ряда лет занимался изучением истории развития общественного разделения труда и хозяйственных связей между кочевыми и оседлыми районами Средней и Центральной Азии, что позволило сделать ряд существенных выводов.

Первый вывод заключается в том, что кочевые районы никогда не существовали в экономическом отношении самостоятельно, а всегда были связаны с оседло-земледельческими районами, получая от них продукцию земледелия и городского ремесла в обмен на скот и другие продукты животноводства, либо в виде добычи или дани. А из этого вытекает второй вывод, что нельзя рассматривать кочевые районы изолированно, когда речь идёт об уровне развития их производительных сил.

На протяжении всей предшествующей истории кочевые районы в своём развитии опирались не только на свои собственные производительные силы, но также на производительные силы оседлого земледелия и городского ремесла, следовательно, на всю совокупность производительных сил восточного общества, взятого в его целом. Для восточного общества, т. е. для его кочевой и оседлой частей и для их экономического

центра, каким является город, было характерно единство производительных сил, на которые все части общества опирались в своём развитии. Отсюда следует, что и характер производственных отношений для всех частей восточного общества был общий. Иными словами, для кочевой и оседлой частей восточного общества было характерно единство общественного способа производства, который определял социально-экономическую физиономию данного общества в его целом, на той или иной ступени исторического развития.

Это отнюдь не значит, что в рамках общего для всех частей восточного общества общественного способа производства кочевые районы не могли отставать в своём экономическом развитии. Такое отставание имело место в ряде случаев, особенно в тех районах, которые были отдалены от оседло-земледельческих районов и городских центров и потому были менее с ними экономически связаны, вследствие чего общественное разделение труда проявлялось здесь слабее. Но это отставание в действительности не достигало никогда такой степени, когда обе части восточного общества характеризовались бы различными общественными способами производства. Закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил проявлял своё действие и в данном случае.

Всё это побуждает меня присоединиться к высказанному С. П. Толстовым в 1934 г. положению о том, что кочевые народы прошли рабовладельческую стадию развития. Хотя этот вопрос и нуждается в дальнейшем исследовании, однако и сейчас уже ясно, что делать вывод о том, что рабство не стало основой производства у большинства кочевников, как это делает докладчик, еще преждевременно.

Нет также никакого сомнения в том, что кочевые народы прошли и феодальную стадию развития. Сейчас уже можно считать общепризнанным, что феодальный способ производства сложился у кочевых народов в тот же период, что и у оседло-земледельческих, т. е. в период раннего средневековья. Уже одно это подтверждает положение о единстве способа производства и вытекающей отсюда параллельности социально-экономического развития кочевых и оседлых народов. Но здесь у меня с докладчиком начинаются разногласия, так как Л. П. Потапов считает, что на этой ранней стадии развития феодализма кочевые народы остановились, с чем, по его мнению, прежде всего, и связано своеобразие у них феодальных отношений, которые именно поэтому сохраняли патриархальную форму, а кое-где даже переплетались с остатками и пережитками дофеодальных патриархальных общественных отношений. Я же склонен считать, что, несмотря на сохранение у кочевых народов родового быта и даже родовых отношений надстроечного характера, они прошли стадию развитого феодализма, как и оседлые народы, и в тот же самый исторический период, т. е. начиная с X—XI вв.

Когда же Россия стала на путь капиталистического развития, в кочевых районах, вошедших в ее состав и превратившихся в источники сырья и рынки сбыта ее капиталистической промышленности, стали развиваться товарное производство и нарождаться капиталистические отношения, вследствие чего прежние отношения, характерные для развитого феодализма, стали разрушаться и сменяться новыми отношениями. Однако в силу особых условий, в которых эти районы находились (как колонии царской России), в их сельском хозяйстве нарождающиеся капиталистические отношения превратились в господствующие, и здесь утвердилось господство полуфеодальных отношений. В преобладающей части этих районов феодальная аристократия, в частности казахские султаны, лишившаяся прежних феодальных прав и привилегий, отошла на задний план

а кое-где и вовсе исчезла, и господствующее положение перешло к полу-феодалу-баю.

Как известно, тот же самый процесс происходил и в оседлых районах Средней Азии, по крайней мере, в той её части, которая вошла в состав Туркестанского края, т. е. в Сыр-Дарьинской, Ферганской, Самаркандской и Закаспийской областях, где была ликвидирована ханская власть и старо-азиатская система феодального землевладения, а вместо неё утвердилась частная собственность на землю дехкан, ранее бывших в большинстве своём наследственными держателями амляковых, т. е. государственных земель, обязанных уплачивать в ханскую казну ренту-налог в виде хераджа и танаба. И тут, стало быть, имело место параллельное развитие кочевых и оседлых районов.

Исключение составляли такие районы, как Горная Киргизия и Алтай, где феодальная аристократия в лице манапов и зайсанов сохранила прежние свои феодальные права и привилегии, фактическую феодальную собственность на землю, а вместе с нею и право взимания с подвластного населения феодальной ренты. Однако эти отношения и здесь подвергались значительным изменениям. К этим же районам относятся восточные районы Казахстана, бывшее Семиречье, где и после присоединения к России сохранилось значительное влияние султанов, продолжавших взимать с населения феодальную ренту в прежних её формах, хотя с течением времени принудительно взимаемая рента стала принимать форму «добровольных приношений», факты которых были зафиксированы во время статистических обследований Переселенческого управления даже в первом десятилетии XX в.

Подобное положение вещей несомненно связано с тем обстоятельством, что эти районы были отрезаны от железных дорог, иногда огромными расстояниями и потому были меньше втянуты в рыночные связи, отличались меньшей степенью развития товарного производства, вследствие чего хозяйство в них сохранило в основном еще натуральный характер. А патриархально-натуральное хозяйство, как известно, является базисом феодальных отношений, не только продолжавших сохраняться, но и воспроизводиться в этих районах.

Но вернемся к периоду развитого феодализма, который составляет центральный пункт моих разногласий с докладчиком. Здесь, прежде всего, я должен отметить, что Л. П. Потапов, отрицая наличие этого периода в истории кочевых народов, приводит в своём докладе много фактических данных, свидетельствующих об обратном, а именно о том, что кочевые народы прошли эту стадию развития.

Прежде всего поставим вопрос, что такое период развитого феодализма и чем он отличается от периода становления феодализма? Отличие заключается в том, что в период развитого феодализма вся или почти вся земля становится феодальной собственностью, а обрабатывающие ее крестьяне превращаются в феодально зависимых наследственных держателей или фактических владетелей этой земли, обязанных платить феодалам ренту, с чем связана утеря ими личной свободы, превращение их в крепостных, в неполную собственность феодала. Вследствие этого в период развитого феодализма свободное крестьянство, которое преобладало в период раннего феодализма, либо вовсе исчезает, либо сохраняется в сравнительно небольшом количестве, как это было, например, в средневековой Англии.

Имел ли место подобный процесс у кочевых народов? Да, имел. Об этом прежде всего свидетельствуют те многочисленные факты, которые привел в своем докладе Л. П. Потапов, используя свои исследования Алтая, наши с П. В. Погорельским исследования о Киргизии, исследования ряда авторов о Казахстане, исследования академика Б. Я. Владимирцова

с Монголии и другие. Факты говорят, что феодалы облагали рентой всё подвластное им население, что личная зависимость от феодалов населения носила типично феодальный характер, в сущности являлась крепостной зависимостью.

Хочу привести полностью характеристику положения трудящегося люда в империи Чингиса, сделанную Плано Карпини, которую Л. П. Потапов привёл почему-то только в заключительной её части.

Наибольший же интерес представляет та часть характеристики в которой сообщается о личной несвободе, о крепостной зависимости всего **простого народа, всех непосредственных производителей-кочевников** от монгольских феодалов. А в этом отношении Плано Карпини был несомненно компетентным свидетелем. Житель Западной Европы XIII в, когда там господствовал развитый феодализм, Плано Карпини, конечно, хорошо различал свободных людей от несвободных. По словам Плано Карпини, «у монголов» «...все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: «это мое или его», но все принадлежит императору, т. е. имущество, вьючный скот и люди... Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми, именно люди, т. е. татары и другие, распределены между вождями. Также и послам вождей, куда бы те их не посылали, как подданные императора, так и другие обязаны давать как подводы, так и продовольствие, а также без всякого противоречия людей для охраны лошадей и услуг послам. Как вожди, так и другие обязаны давать императору для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко, на год, на два или на три, как ему угодно; и подданные вождей обязаны делать то же самое своим господам, ибо среди них нет никого свободного. И, говоря кратко, император и вожди берут с их имущества всё, что не захотят, и сколько хотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им благоугодно»[1].

Но, может быть, пользуясь кочевыми просторами, трудящийся скотовод мог уйти от этого невыносимого гнёта, произвола и насилия? Это было не так просто, потому что в своей ясе Чингис предусмотрел против этого такие драконовские меры, какие и не снились феодальному Западу с его оседлым хозяйством, где, по мнению докладчика, только и могли возникать развитые феодальные отношения. По словам персидского историка монголов Джувейни, «...другой закон (яса) таков, что никакой человек из тысячи, сотни и десятка, который там причислен, не может уйти в какое-нибудь место, обрести убежище у кого-нибудь другого, и никто того человека к себе пустить не может. И если в противность этому повелению кто-нибудь приступит к такому делу, то того человека убьют, а того, человека, который его к себе пустил бы, подвергнут наказанию и мучению (пытка)»[2].

Сопоставим с этой мрачной картиной феодальную Европу того времени, где крестьянин мог спастись от феодального гнёта хотя бы тем, что переселялся в город, где, как тогда говорили, самый воздух делал его свободным, и тогда станет ясным, где феодальные отношения господства и подчинения достигли своего наивысшего развития.

Правда, в последующие века эти драконовские законы Чингиса уже не применялись. Так, например, Ойратский феодальный устав 1640 г. заменяет казнь штрафом, налагаемым феодалами на кочевника, самовольно покинувшего род, к которому он был прикреплён, а также требует насиль-

[1] Иранн де Плано Карпини, История монголов, СПб, 1911, стр. 24.
[2] Проф. П. Петрушевский, О прикреплении крестьян к земле в Иране в эпоху монгольского владычества, «Вопросы истории», 1947, № 4.

ственного возвращения его в свой род. Причём размеры этих штрафов были таковы, что они неминуемо вели к разорению рядовых аратов[1].

О размерах феодальных повинностей и о их видах Плано Карпини ничего не сообщает, помимо обязанности поставлять феодалам кобылиц для доения. Повидимому, действительно в этом отношении не существовало никаких ограничений, хотя Западная Европа их уже знала, в виде определённой величины каждого вида ренты, освящённой обычаем.

Взимание с кочевого населения феодальной ренты в виде скота являлось основным видом феодальных повинностей не только у монголов, но также у тюркских народов. Со слов ар-Равенди известно, что обязанностью огузов в XI в. являлась ежегодная поставка султану 24000 баранов, что являлось их повинностью. Причем это вовсе не были «добровольные приношения», так как при сборе оброка применялись насилия и произвол, которые вызывали восстание огузов против султана Санджара.

Впоследствии феодальная рента скотом не только сохранилась в Средней Азии, но продолжала совершенствоваться. Например, кокандские ханы, облагавшие оседлое население рентой-налогом в виде хераджа и танаба, взимали ренту-налог и с кочевого населения, но только исключительно скотом, даже если объектом обложения было земледелие кочевников. С киргизов Тянь-Шаня взимался тюндюк-зякет в размере одного барана с юрты, кой-зякет в размере 1/50, 1/40 или 1/20 части баранов и, кроме того, взимался херадж с каждого гумна по три барана[2].

К этому необходимо еще прибавить феодальные повинности, которыми облагали киргизов собственные феодалы манапы и которые были в своё время подборно описаны нами в книге «Экономика кочевого аула Киргизстана». В совокупности всё это поглощало весь прибавочный продукт, который производится в хозяйстве родового скотовода-киргиза.

Что же касается казахских ханов и султанов, то они применяли ту же самую систему феодальной эксплуатации подвластного им населения, облагая его не только скотом, но и хлебом. Имеется любопытное свидетельство о казахах, живших на полуострове Камау, расположенном в устье реки Или, на котором в свое время скрывался от русских войск Кенисары. По словам Балицкого, камауцы «давали султанам по обычаю с каждой юрты по барану и с сохи по капу хлеба», причем «право на этот сбор бывший старший султан передал другому султану, Бекталы Арышеву, в калым за взятую у него сестру в замужество для своего сына»[3].

Это свидетельство раскрывает перед нами истинную природу отношений между непосредственными производителями и казахскими султанами, которые были основаны на типично-феодальном господстве и подчинении, связаны с личной несвободой производителя, являющегося неполной собственностью феодала. Оно говорит о том, что по отношению к своим подданным казахские султаны обладали такой же властью крепостника, как и киргизские манапы, которые также передавали своих подданных друг другу в калым, как это было установлено нами при обследовании горной Киргизии в 1927 году.

Все эти факты говорят о том, что кочевые народы прошли в своём развитии не только стадию раннего феодализма, но также стадию развитого феодализма, характеризующегося закрепощением всего крестьянства. Отрицать этот очевидный факт означало бы допускать непростительную

[1] К. Ф. Галстунский, Монголо-ойратские законы 1640 года..., СПб, 1880, стр. 45, 58, 59.

[2] М. Венюков, Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них, СПб, 1868, стр. 164.

[3] Ю. Балицкий, Заметки о кочевом населении Верненского уезда, «Туркестанские ведомости», 16, 1871.

идеализацию прошлого кочевых народов, часть которых, как, например, киргизы, только после Октябрьской социалистической революции избавилась от «прелестей» феодального гнета и эксплуатации.

Не прав, мне кажется, Л. П. Потапов также в том, что он употребляет для обозначения специфики феодальных отношений, проистекающей якобы от их недоразвитости, термин «патриархально-феодальные отношения», взятый у И. В. Сталина. Известно, что И. В. Сталин употреблял этот термин не только по отношению к кочевым районам, но также к оседлоземледельческим районам Средней Азии, Крыма и Азербайджана.

Специфика феодальных отношений у кочевых народов состоит вовсе не в том, что у них эти отношения имеют неразвитый вид и что они будто бы только поэтому приобретают патриархальный характер. Многочисленными работами В. И. Ленина давно уже доказано, что патриархальный характер присущ был также русскому крестьянскому хозяйству и земледелию в эпоху феодализма и что развитие капитализма в сельском хозяйстве пореформенной России заключалось прежде всего в разрушении патриархального хозяйства. Но остатки его сохранялись ещё и после Октябрьской революции, что дало В. И. Ленину основание выделить его в особый, наиболее отсталый уклад, который он назвал «патриархальное, т. е. в значительной мере натуральное крестьянское хозяйство». При этом Ленин относил к этому укладу также кочевое и полукочевое хозяйство, не выделяя его в особый уклад.

Специфика феодальных отношений у кочевых народов состоит в том, что у них на всех стадиях развития феодализма сохраняются родовые связи, традиции, родовые деления и родовой быт. Но все это представляет собой лишь надстройку над феодальными по своей природе экономическими, производственными отношениями, над феодальным базисом, который в особых условиях кочевого хозяйства не только сохраняет, но и воспроизводит всю эту родовую надстройку, ибо без неё немыслимо само существование и развитие феодального общества у кочевых народов. В условиях отсутствия земледельческой оседлости присущая феодализму крепостная зависимость непосредственных производителей от феодалов может осуществляться только путём сохранения родовых объединений и прикрепления к ним непосредственных производителей. Именно поэтому родовые объединения и родовой быт и сохраняются в течение всей истории феодального кочевого общества. Однако их содержание уже давным давно не имеет ничего общего с их первобытным прообразом.

И. В. Сталин видел специфику кочевых народов в сохранении у них скотоводческого хозяйства и родового быта, а вовсе не родового уклада, как некоторые ошибочно полагают. В отношении же социально-экономического уклада И. В. Сталин, как и В. И. Ленин, не делал никакого различия между оседлоземледельческими и кочевыми районами Средней Азии, характеризуя общую для них отсталость понятием «патриархально-феодальные отношения».

А. ЕРЕНОВ

Кандидат юридических наук

(Академия Наук Казахской ССР)

Одним из серьезных недостатков доклада является то, что докладчик, увлекаясь данными процесса разложения первобытно-общинного строя, мало уделяет внимания интересующему нас периоду, т. е. XV—XVIII векам, когда феодальные общественные отношения уже выступают как окончательно оформившиеся, господствующие отношения.

Хотя в докладе красной нитью проходит мысль о том, что основой феодализма является феодальная собственность на землю, Л. П. Потапов утверждает, что в основе аульной общины лежит частная собственность на скот и общая собственность на пастбища. Это противоречие не в пользу докладчика.

Точка зрения, что основой феодализма является феодальная собственность на скот, что земля была ничьей или находилась в общинной родовой собственности, является неправильной.

Достаточно задать вопрос: как казахские феодалы (чьим интересам служило феодальное производство) могли безразлично относиться к земле, являющейся основой для существования скотоводства, для воспроизводства скота? Трудно представить себе, что земля могла оставаться «ничейной» при наличии тысячелетнего, если не больше, существования феодальной собственности на скот. При серьезном изучении материалов можно обнаружить, что баи-феодалы, наоборот, дорожили землей, старались захватить землю в свои руки и качеством получше и размерами побольше.

Те, кто считает, что основой феодализма являлась собственность на скот, сводят все феодальное производство лишь к одному его средству—к скоту. Умаление значения земли противоречит действительному положению вещей.

Разберем доводы сторонников упомянутой точки зрения. Один из доводов сводится к тому, что можно было иметь огромные пастбища в собственности, но эти пастбища не могли быть использованы для производства, если бы не было скота.

С таким же успехом могут говорить и сторонники другой точки зрения, отдающей предпочтение земле, что скот тоже не мог бы существовать, если бы не было пастбищ.

Другой аргумент сводится к тому, что когда бедняцкое хозяйство, потерявшее скот во время джута, становилось перед лицом голодной смерти, то у бая оставалась какая-то часть скота, и он превращался в середняка. И этот аргумент не выдерживает критики. Вот оказывается как велика роль пастбищ! Стоит только земле покрыться глубоким снегом или льдом, примерно на 10—20 дней, вчерашний бай, имевший до 10—15 тысяч голов скота, может превратиться в середняка или даже в бедняка.

Если скот окажется на несколько дней лишенным земных благ, он теряет своё значение, перестает быть средством производства, следовательно скот существует как продукт земли, существование скота становится в прямую зависимость от земли, от ее травостоя. Именно отсюда вытекает определяющая роль земли в скотоводстве. Именно феодальная собственность на землю являлась основой феодализма.

Однако следует отметить, что земля-пастбище, взятая в изолированном виде, т. е. в отрыве от скота, не может дать производственного результата. Не трава является результатом феодального хозяйства, а скот, кормящийся этой травой и воспроизводящийся на основе этой травы. Значит, когда мы говорим, что основой феодализма является феодальная собственность на землю, мы подчеркиваем решающую роль земли, не сбрасывая со счетов скота, а имея в виду, что он также является средством производства и выполняет роль, как бы «младшего партнера». В этом одна из основных специфических особенностей, отличавших феодализм в Казахстане от феодализма в земледельческих районах. Такая концепция исходит из ленинского положения о том, что основой феодализма являлась собственность феодалов на средства производства, в частности, на землю.

Кстати заметим, что источники, из которых черпают свои доказательства сторонники различных точек зрения, полны противоречивых указаний, иногда встречаются противоречивые данные в одном и том же источнике, даже на одной и той же странице.

Действительно, в одних источниках мы встречаем указания о том, что у скотоводов не было земельной собственности, а в других это положение отрицается и доказывается факт существования феодальной собственности.

Ошибка отрицающих существование феодальной собственности у скотоводов в том и состоит, что они все сведения, оставленные дореволюционными буржуазными исследователями, принимают за чистую монету, преподносят нам в таком виде, в каком они составлены, не делая марксистско-ленинского анализа, не отбирая рациональное зерно из этих сведений и не отбрасывая шелуху.

Возникает вопрос, что побудило буржуазных исследователей пропагандировать в своих исследованиях отсутствие земельной собственности в дореволюционном Казахстане.

Ответ на это имеет глубокий политический смысл. Пропагандирование отсутствия земельной собственности диктовалось волей царского правительства, с целью облегчить превращение казахских земель в собственность Российской империи и создать за счет этих земель колонизационный фонд, что и было сделано в «Уставе о сибирских киргизах» 1822 года, во Временном положении 1868 года и в Положении об управлении Туркестанским краем 1886 года. Конечно, это не исключает того, что некоторые дореволюционные исследователи, добросовестно заблуждаясь, считали, что раз казахи меняют кочевья даже в один сезон, значит эти кочевья не имеют собственников. Но ведь они не были марксистами и не достаточно глубоко анализировали общественные отношения среди скотоводов. Глубокое изучение социалистического строя, марксистский анализ общественных отношений наших предков—задача советских ученых, вооруженных идеями марксизма-ленинизма. Как бы ни утверждалось, что у скотоводов не было земельной собственности, нельзя, однако, уйти от фактов. Вот они эти факты.

Рычков в своей работе «Топография Оренбургской губернии», опубликованной в 1762 г., говоря, что казахи Средней орды имеют определенные кочевьях, где постоянно пасется их скот, пишет:

«Что до Средней орды принадлежит, то она всегда особливых своих владельцев имела». Это означает, что кочевья Средней Орды находились в собственности отдельных баев-феодалов. «Особливыми владельцами» Рычков считал, например, Абдулхайра с его сыном Нурали, Жаныбек-батыра, Абул-Мамбета и других.

В работе Левшина «Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» также встречается множество фактов, красноречиво говорящих о наличии феодальной собственности на землю. Он пишет, что казахи «для избежания, по возможности междоусобий, большей частью (особенно зимою) придерживаются одних и тех же урочищ, если причины важные не заставляют их изменять своего обычая».

Это положение получает подтверждение в «Материалах по казахскому обычному праву»: «Неотъемлемое право на одну и ту же зимовку ордынец может иметь тогда лишь, когда в оной устроены повторные приюты для своего скота».

Это говорит о том, что для того, чтобы баю превратить то или иное зимнее стойбище в свою собственность, достаточно хотя бы два раза перекочевать на это стойбище.

Постоянное возвращение скотоводов на одни и те же кочевья тем более свидетельствуют о том, что эти кочевья стали их собственностью.

Доказательством существования феодальной собственности на землю является и то, что казахские феодалы взимали с караванов пошлину за переход через кочевья, принадлежавшие этим феодалам. Левшин в указанной работе пишет, что один богатый казах по имени Кара-Булат, живший в XVIII в. в низовьях Сыр-Дарьи, имел в своей собственности огромные пастбищные угодья. Зимовка его находилась на берегу Сыр-Дарьи, куда заезжали купеческие караваны, которые «платили владельцу за переход через его кочевья пошлину».

Казахский прогрессивный мыслитель Чокан Валиханов также не раз указывал на наличие земельной собственности у казахов. Он пишет, что хан Аблай после победы над бурутами в районах Чуйской долины возвращается в своё любимое кочевье—Кокчетав. Это значит, что хан Аблай имел в своей собственности определенные кочевья в районе Кокчетава, куда постоянно перекочевывал. В другом месте Валиханов указывает, что некий Карасакал, бежавший от Барак-султана, откочевал к кочевьям Казбек-бия, т. е. кочевьям, находящимся в собственности Казбек-бия.

Известно, что отдельные луга-пастбища носили имена отдельных казахских феодалов—влиятельных личностей. Это также говорит о том, что пастбища находились в собственности феодалов. Например, урочище «Кучен-тоган», где находится могила Чокана Валиханова, получило название от Иралы Кучена, кочевавшего здесь, как на своей земле.

Наконец, факт существования феодальной собственности на землю получил отражение в законах царского правительства и в обычном праве казахов.

Так, параграф 62 «Устава о сибирских киргизах» обязывает окружной приказ, т. е. окружной орган управления «иметь сведения о землях, ежели поступят оные кому-либо во всегдашнее владение, как равно и о заведениях, на них сделанных». Смысл этого положения таков, что царская администрация вела учёт лугов-пастбищ, находящихся в собственности кочевников.

Известно,что в кочевых районах основным законом, регулировавшим земельные отношения, являлось обычное право. Обычное право относится к сферам феодальной надстройки, соответствующей феодальному базису. Оно является продуктом ряда столетий, а не небольшого промежутка времени. Левшин в названной нами работе пишет: «Киргизы Большой и Средней орд утверждают, что народные законы их гораздо древнее хана Тауке». А мы знаем, что хан Тауке царствовал еще в XVII в.

Исходя из норм обычного права мы можем сказать, что экономическая власть феодалов по отношению к земле была закреплена и юридически. Согласно обычному праву, самые лучшие пастбищные угодья находились в распоряжении феодалов.

Губернский секретарь Половоротов сообщал на имя той же пограничной комиссии: «При всякой летней кочевке выезжают передовые аулы (байские аулы.—*А. Е.*), которые должны непременно заметить место своего расположения, как, например, даже ставят пики. Это делается для того, что в случае спора в занятии другим места того, то дается оно под кочёвку, кто первый означил знаком».

О наличии феодальной собственности на землю говорит и то, что в казахских аулах имели место бесконечные споры и кровопролитные схватки из-за кочевий, что эти споры почти всегда решались в пользу феодалов. Так, в материалах по казахскому обычному праву, опубликованных военным губернатором Тургайской области, мы читаем: «Если из спорящих один султан, а другой простой киргиз, то спорное дело уступается первому, т. е. султану. Если спор между бием и простым киргизом, то спорное место остаётся за первым».

Достаточно приведенных примеров, чтобы убедиться в неправильности суждения, что основой феодализма является феодальная собственность на скот, а не на землю. О слабости позиций сторонников этой точки зрения свидетельствует еще и то,что они сами в ряде своих работ ставят под сомнение основное положение о том, что в Казахстане не было феодальной собственности на землю, что земля была ничьей.

Как указывает В. Ф. Шахматов, отсутствие частной собственности на землю у казахов-кочевников совсем не означало равноправного пользования ею; фактически ею пользовался главным образом тот, кто имел больше скота, т. е. бай-феодал. Он же считает, что «хотя землепользование было общинным, но это не означало, что бай и его одноаульцы пользовались пастбищами одинакового качества». Общинное землепользование и отсутствие феодальной собственности на землю!? Бай пользовался пастбищами и бо́льшими по размерам, и лучшими по качеству. А что это такое, если не феодальная собственность на землю?

Необходимо также остановиться на вопросе, как понимать общинное землепользование, означает ли оно форму собственности, господствующую у казахов:

Сторонники указанной точки зрения считают, что понятие об общинном землепользовании тождественно с понятием о форме собственности. Общинное землепользование они понимают как форму собственности на землю, а не как форму землепользования. Известно, что форма землепользования не тождественна с формой собственности. Общинное землепользование является пережитком первобытно-общинного строя.

В заблуждении по этому вопросу находится и проф. Вяткин, который пишет в работе «Батыр-Срым», что «господствующей формой земельной собственности и у казахов в XVIII в являлась общинная родовая собственность», что «в обстановке кочевого скотоводческого хозяйства частная земельная собственность сложиться не могла даже в формах, характерных для феодальной собственности».

Не приходится доказывать неправильность этого суждения. Эту миссию взял на себя сам М. П. Вяткин, указав в той же своей работе, что «классовое положение султанов в казахском обществе определялось прежде всего тем, что распоряжение основным условием производства—землей—находилось в их руках» и что «узурпация общинных земель, которая лежит в основе развития феодализирующегося общества, у казахов существовала». Какая же после этого может быть общинная родовая собственность? Разве при первобытно-общинном строе существовали султаны? Разве тогда общинной землей распоряжались отдельные люди?

Можно подойти к решению этого вопроса поверхностно, с той точки зрения, что форма собственности, присущая первобытно-общинному строю, сохранилась будто бы полностью при феодализме. Но если подойти к решению этого вопроса с позиций марксистско-ленинского метода, делающего строгое различие между глубинными процессами развития и поверхностными явлениями, то мы придем к единственно правильному выводу о том, что от первобытно-общинной формы собственности остались только видимость, внешний облик, а по существу эта форма изменилась коренным образом и стала феодальной формой собственности.

Иначе мы противоречили бы известному положению Маркса о том, что «различные ступени в развитии разделения труда суть вместе с тем и различные формы собственности, т. е. каждая ступень разделения тру-

да определяет также и взаимоотношения индивидов в связи с материалом, орудием и продуктами труда»[1].

Считаю, что форма земельной собственности в дореволюционном Казахстане была феодальной и феодальная собственность на землю была основой феодализма и в дореволюционном Казахстане.

И. Я. ЗЛАТКИН

Кандидат исторических наук

(Академия Наук СССР)

Советская историческая наука не стоит на месте. Её успешный рост находит своё выражение и в том, что она ставит перед историками нашей страны все новые и новые вопросы, требующие изучения и разрешения.

Одним из таких важных и актуальных вопросов является вопрос о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов вообще, у кочевых народов Средней Азии и Казахстана в частности.

Как мы уже убедились в ходе настоящей дискуссии и как о том свидетельствует значительная литература, посвященная этому вопросу,— существуют две точки зрения, две концепции. Одна из них утверждает, что патриархально-феодальные отношения у кочевых народов представляют собой не этап в развитии у них феодального способа производства, а особую разновидность феодализма, принципиально и существенно отличающуюся от феодализма у оседлых земледельческих народов. Сторонники этой точки зрения утверждают, что патриархально-родовая общинная организация органически присуща кочевому типу хозяйства и является непременным условием существования последнего, что феодальный способ производства у кочевых народов может развиваться лишь в рамках родовой организации, что основным средством производства у кочевых народов является не земля, а скот, что у них, вследствие этого, отсутствует феодальная собственность на землю, отсутствует прикрепление непосредственных производителей к земле, а в основе эксплуатации трудящихся феодалами лежит не земля, а скот. Все эти особенности и составляют, по мнению сторонников этой точки зрения, сущность патриархально-феодальных отношений у кочевых народов, в частности у кочевых народов Средней Азии и Казахстана.

Существует другая точка зрения, согласно которой патриархально-феодальные отношения представляют собой лишь закономерный этап в развитии феодального способа производства, этап, через который прошли все народы как кочевые, так и оседлые. Сторонники этой точки зрения утверждают, что развитие феодализма у кочевых народов во всем основном и главном подчинено действию тех же экономических законов, что и развитие феодализма у народов оседлых. Отсюда следует, что патриархально-родовая общинная организация отнюдь не является неотъемлемым свойством, органически присущим кочевой системе хозяйства, что основным средством производства у кочевых народов является земля, что земля у них при феодализме является монопольной собственностью класса феодалов, закрепощающих массы непосредственных производителей путем их прикрепления к земле, что в основе эксплуатации трудящихся при феодализме лежит земля. Сторонники этой точки зрения не отрицают более или менее существенных особенностей, отличающих феодализм у кочевых народов от феодализма у народов оседлых, но эти особенности не таковы, чтобы составить качественно особую разновидность феодализма, развившуюся на основе особых, только ей свойственных законов.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. IV, стр. 12.

Таковы эти две точки зрения. Задача заключается в том, чтобы решить, которая из этих точек зрения верна, которая ошибочна.

Первая из этих точек зрения наиболее последовательно, на мой взгляд, развивается и отстаивается В. Ф. Шахматовым и С. И. Толыбековым. Она нашла своё отражение в макете 3-го издания «Истории Казахской ССР», который многие видели, читали и на котором я останавливаться не буду. Хотел бы лишь обратить внимание товарищей на один важный, на мой взгляд, тезис, изложенный на стр. 47 этого макета. Он гласит: «Феодальные отношения на территории Казахстана складывались в процессе разложения патриархально-родового строя, минуя рабовладельческий, они имели в себе много патриархально-родовых пережитков. Такой вариант феодальных отношений имеет чёткое определение, данное И. В Сталиным,—«Патриархально-феодальные отношения».

Авторы этого тезиса устанавливают, таким образом, наличие двух вариантов феодальных производственных отношений,—один у оседлых, другой у кочевых народов. Развивая этот тезис, авторы макета на стр. 106 продолжают: «Экономический базис казахского общества имел свои специфические черты. Эти особенности базиса казахского общества были связаны с тем, что оно развивалось на базе кочевого скотоводства, а не земледелия. Специфика базиса находила своё отражение и в надстройке...»

Из тезиса о наличии различных вариантов феодальных отношений естественно вытекает утверждение о наличии различных вариантов экономического базиса феодального общества. Таким образом, в казахском феодальном обществе господствовал не обычный для феодализма тип производственных отношений, а особый, качественно, принципиально, отличающийся от привычного для нас марксистского представления о типе производственных отношений при феодализме. Особому базису, разумеется, соответствует и особая надстройка.

С. И. Толыбеков здесь назвал своих противников, отстаивающих другую точку зрения, сторонниками «теории кочевого феодализма». Не вдаваясь в спор по поводу этого термина, хотел бы сказать, что у нас имеется много оснований утверждать, что отстаивающие особый вариант феодальных отношений у кочевников, являются сторонниками теории, пытающейся доказать существование особой своеобразной патриархально-феодальной формации, свойственной кочевым народам. Общественно-экономические формации тем и отличаются одна от другой, что каждой из них свойственны особые типы производственных отношений. Истории человеческого общества известны пять типов производственных отношений. Ни к одному из этих типов авторы макета «Истории Казахской ССР» не могут отнести своё представление об экономическом базисе дореволюционного Казахстана. Следовательно, этот базис должен соответствовать какому-то новому, своеобразному виду общественно-экономической формации. Изложенное дает мне право считать В. Ф. Шахматова, С. И. Толыбекова и их единомышленников сторонниками теории патриархально-феодальной формации, свойственной якобы кочевым народам.

В статье «О формах феодальной эксплуатации в Казахстане в XIX в», опубликованной в № 11 «Вестника Академии Наук Казахской ССР» за 1951 год, В. Ф. Шахматов следующим образом рисует процесс становления феодальных отношений у кочевников: «Вместо рода, который помогал раньше своему обедневшему члену, выступает крупный собственник скота,

который узурпировал в своих интересах функцию родовой взаимопомощи и превратил ее в средство для эксплуатации своих обедневших сородичей».

Из этого следует, что, по мнению В. Ф. Шахматова, содержанием процесса феодализации у кочевых народов является узурпация крупными скотовладельцами—будущими феодалами—функций родовой взаимопомощи. Как только эта узурпация становится фактом, так богатый скотовладелец превращается в феодала, а малоимущий или неимущий кочевник, прибегающий к помощи узурпатора, становится феодально зависимым.

Чтобы показать, что это не моя догадка, что именно так думает В. Ф. Шахматов, позвольте процитировать еще одно место из его статьи (стр. 95): «Если в земледельческих странах, где основным средством производства была земля, феодал наделял ею крестьян, чтобы они работали на него, обрабатывая его землю, создавали для него прибавочный продукт, то в условиях кочевого скотоводческого хозяйства, где основным средством производства является скот, мы видим иную картину. Здесь феодал наделял обедневшего крестьянина сородича или не сородича уже не землей, а скотом, чтобы он также работал на него, пас его скот и т. п. Таким образом, через раздачу скота происходит прикрепление крестьянина к феодалу-баю: бедняк, взявший скот, является фактически прикрепленным через него к владельцу этого скота — к феодалу-баю и не может уйти от него до тех пор, пока не разорвет этих отношений».

Получается, что феодал, т е. крупный скотовладелец, узурпировавший функции родовой взаимопомощи, оттеснивший в этом отношении род и занявший его место,—наделяет бедняков скотом, вследствие чего бедняк оказывается прикрепленным к личности феодала. Получается также, что наделяются скотом,—этим основным, по мнению В. Ф. Шахматова, средством производства кочевников,—не все непосредственные производители, а лишь беднота, попадающая благодаря этому в феодальную зависимость.

Как видим, перед нами система взглядов, из которой следует, что патриархально-феодальные отношения у кочевых народов представляют собой своеобразную общественно-экономическую формацию со своим особым базисом и особой надстройкой.

Пытаясь теоретически обосновать эту позицию, ее сторонники обычно ссылаются на И. В. Сталина и в частности на его тезисы к X съезду партии «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». Я не буду цитировать это всем известное произведение но должен высказать свое глубокое убеждение, что в тезисах И. В. Сталина нет решительно ничего, что могло бы оправдать ссылку на него в обосновании и оправдание теории патриархально-феодальной формации, якобы органически присущей кочевым народам. Наоборот, обращаю внимание, что в том же пятом томе собрания сочинений И. В. Сталина на стр. 47 мы находим утверждение, что Азербайджан «...является страной самых отсталых патриархально-феодальных отношений». А население Азербайджана, как известно, перед Октябрём было оседлым.

Мы можем найти у И. В. Сталина такие определения как «патриархально-феодальный гнёт», «патриархально-феодальное иго» (т .4, стр. 356—357), но мы нигде не найдем и намёка на патриархально-феодальный вариант базиса феодального общества, якобы присущий кочевым народам.

У В. И. Ленина мы также найдем немало указаний по вопросу о хозяйстве в общественном строе народов Востока, об отсталости последних.

Обращаю ваше внимание, в частности, на 20-й том сочинений В. И. Ленина, стр. 245, где он говорит об азиатском деспотизме, на том 31, стр. 126—128 и др. Но сколько бы мы не искали, в трудах классиков марксизма-ленинизма мы не найдем указаний в пользу теории патриархально-феодальной формации. Когда В. И. Ленин и И. В. Сталин употребляют термины: «патриархальный, «патриархально-феодальный», «патриархально-крестьянский», «патриархально-родовой»—они имеют ввиду при помощи этих терминов дать возможно более точную характеристику достигнутой данным народом ступени общественно-экономического развития. При этом они применяют эти термины как к кочевым, так и к оседлым народам. Нужно обладать исключительно богатой фантазией, чтобы допустить возможность того, чтобы В. И. Ленин и И. В. Сталин, так гигантски много потрудившиеся над изучением теории и практики национально-колониального вопроса, не заметили существования особой разновидности феодальных производственных отношений у массы кочевых народов и не высказались в обычной для них ясной форме. Следует считать лишенной каких-либо оснований любую попытку обосновать концепцию сторонников теории патриархально-феодальной формации кочевых народов авторитетом классиков марксизма-ленинизма. Марксизм-ленинизм не за, а против этой концепции.

В основе этой теории лежит утверждение, что патриархально-родовая общинная организация является неотъемлемым свойством и условием кочевой системы хозяйства. Верно ли это? Не верно. Утверждение это опровергается очевидными фактами. Не подлежит сомнению, в частности, что халха-монголы давным давно прошли через этап патриархально-родовой организации и что в памяти монгольского народа стёрлись даже воспоминания о родовых именах. В подтверждение этому хочу напомнить о некоторых работах покойного акад. Б. Я. Владимирцова, опубликованных в сборнике «Северная Монголия», изданном в 1927 г.

Место кровно-родственной общины у монголов прочно заняла община территориальная, соседская.

Следует отметить, что академик Б. Я. Владимирцов в последних своих трудах умело применял конкретно-исторический подход к изучаемым им вопросам. Благодаря этому он дал три решения по вопросу о живучести патриархально-родовых пережитков для трёх этнических групп: для халхасов—одно, для дэрбэтов—второе и для волжских дэрбэтов—третье.

Характер феодального способа производства, его сущность и основные черты уже давно определены классиками марксизма-ленинизма и нашли свою точную формулировку на 120-й странице Краткого курса истории ВКП(б). Красной нитью через все произведения классиков марксизма-ленинизма проходит мысль, что центральным звеном феодального способа производства является собственность феодалов на землю и неполная собственность на работников производства. Эта же мысль была подчёркнута И. В Сталиным в его труде—«Экономические проблемы социализма в СССР».

Сторонники упомянутой выше точки зрения считают, что марксистско-ленинское учение о феодальном способе производства не подходит, или не совсем подходит, к условиям кочевого скотоводческого хозяйства. В деликатной форме говорил здесь об этом В. Ф. Шахматов, заявляя, что классики марксизма писали о классических типах общественно-экономических формаций, а феодализм у кочевых народов не похож на классический тип феодализма. Следовательно, классики марксизма-ленинизма не оставили указаний о существе феодальных отношений у кочевых народов, обошли этот вопрос. Не значит ли это, что В. Ф. Шахматов

и его единомышленники считают в самом деле, что учение марксизма-ленинизма о феодальном способе производства не подходит или не совсем подходит к условиям кочевого скотоводства?

Они считают, что кочевая система хозяйства глубоко отлична от оседлой, что между этими системами существуют такие глубокие различия, которые исключают возможность общих для них закономерностей, которые, наоборот, требуют раскрытия особых объективно якобы существующих закономерностей развития кочевых обществ.

Но действительно ли так глубоки различия между этими двумя системами?

Сельскохозяйственная наука рассматривает животноводство и растениеводство как две главные отрасли сельскохозяйственного производства, каждая из которых имеет в своей основе определенное, целесообразное использование земли, в одном случае для выращивания домашних животных, в другом—полезных растений.

Об этом нет споров, когда речь идет об оседлом растениеводстве и оседлом животноводстве. Разногласия начинаются тогда, когда сравниваются между собой оседлое животноводство и кочевое животноводство.

Чем же отличается оседлое животноводство от кочевого животноводства? Разве не тем, что в одном случае производитель имеет дело с большей, в другом с меньшей земельной площадью, используемой в качестве кормовых угодий, в одном случае с меньшим, в другом с большим количеством механических орудий труда, используемых для обеспечения животных кормами? С точки зрения народнохозяйственной и социальной мы вправе рассматривать обе эти системы как нечто однотипное, различающееся между собой количественно, но не качественно. Они существенно различаются между собой с точки зрения производственно-технической, они чрезвычайно различны по их роли в истории человеческой культуры. Но это уже другая область, которой мы сегодня не касаемся.

Между тем, сторонники теории патриархально-феодальной формации считают, что земля как фактор материального производства у кочевых народов вообще не играет роли. В. Ф. Шахматов и С. И. Толыбеков пытаются убедить нас, что земля у кочевников не только не является основным средством производства, но что она выполняет пассивную роль естественного внешнего фактора, чего-то вроде воздуха, которым дышат живые существа.

Можно ли согласиться с таким рассуждением? Нет нельзя.

К. Маркс, анализируя влияние внешних природных условий на производительность человеческого труда, писал: «Внешние природные условия экономически распадаются на два больших класса: естественное богатство средствами жизни, следовательно, плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п., и естественное богатство средствами труда, каковы: действующие водопады, судоходные реки, дерево, металлы, уголь и т. п. При зачатках культуры имеет решающее значение первый род, на более высоких ступенях—второй род естественного богатства»[1].

К какому же классу естественных факторов, определяющих производительность человеческого труда, следует отнести пастбища? По-моему—ко второму. Сами по себе пастбища не дают человеку готовых средств жизни, они дают средства жизни домашним животным, которые приноряются человеком на пастбища для поения, кормления и прочее с тем, чтобы впоследствии эти домашние животные снабдили человека необходимыми средствами жизни—мясом, шерстью и т. д.

[1] К. Маркс, Капитал., т. 1. 1950, стр. 515—516.

В. Ф. Шахматов и С. И. Толыбеков спрашивают, как мы представляем себе процесс воспроизводства земли как средства производства?

Сегодня профессор А. Г. Каррыев и некоторые другие уже обращали внимание на роль воды, для добывания которой кочевникам приходилось затрачивать массу труда, без которой пастбище перестает быть пастбищем. Искусственное добывание воды является серьезной тратой человеческого труда, необходимого для воспроизводства пастбищных угодий как средства производства. Но это не единственный вид затраты труда. Смена пастбищ, перекочевки и пр.,—это ведь тоже не простые прогулки. В. Ф. Шахматов не хочет считать затратой труда тот труд, который не сопровождается применением механических двигателей. Но ведь мы говорим о ранних этапах развития общества, о народах, находящихся на низких ступенях развития культуры и производительных сил. Следовательно, нужно говорить об этом не с точки зрения наличия современных самоходных комбайнов, а с точки зрения той эпохи и того народа, о которых идет речь.

С. И. Толыбеков напомнил нам превосходную мысль Маркса, что отец богатства—труд, мать—земля. Маркс говорил это, не ограничивая значение данных слов ни эпохой, ни территорией, ни кордоном. И это верно для всех времен, для всех народов. Эти верно и для кочевого скотоводства. А С. И. Толыбеков говорит, что скот—богатство кочевников—не имеет матери, что земля для них—мачеха, что богатство кочевников—скот—является пасынком. Если бы он был прав, мы должны были бы признать, что первое в истории крупное общественное разделение труда было не прогрессивным явлением, а регрессивным.

Возьмем вопрос о ренте. Мы знаем, что рента—это форма выражения собственности на землю. В. Ф. Шахматов, поправляя Маркса, говорит, что рента может быть и формой выражения собственности на скот.

Если земля в кочевом хозяйстве является основным средством производства, то каковы в нем формы землевладения и землепользования при феодализме?

Теоретически этот вопрос прямо и непосредственно упирается в проблему классообразования. Как известно, классы различаются между собой своим отношением к основным средствам производства: они противостоят друг другу именно потому, что один из них является монопольным собственником основных средств производства, тогда как другой лишен этих средств производства. Без этого нет антагонистических классов. Классики марксизма-ленинизма давным давно установили, а конкретная история всех стран и народов неопровержимо подтвердила, что содержанием процесса феодализации является узурпация феодализирующейся знатью земли, превращение земли в монопольную собственность класса феодалов, а массы непосредственных производителей—в класс зависимых, крепостных. Таково научное марксистско-ленинское понимание процесса становления и развития феодального способа производства.

В. Ф. Шахматов, как мы видели, иначе представляет себе этот процесс. Он считает содержанием процесса феодализации узурпацию богатыми скотовладельцами функций родовой взаимопомощи. Таким образом, в основу классообразования он кладёт не материальные факторы, что едва ли соответствует основам марксизма-ленинизма. Исходя из этой своей установки, В. Ф. Шахматов относит к классу феодалов не только наследственную аристократию—ханов, султанов—подлинных собственников земли, но и всех богатых скотоводов.

Очень часто сторонники теории отсутствия феодальной собственности на землю у кочевых народов ссылаются на Маркса, который пи-

сал: «...у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли—на овец, например,—это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются»[1]. Но такого рода ссылка должна быть расценена как механическое цитирование. Эти товарищи не желают считаться с тем, что Маркс имеет здесь в виду эпоху доклассовую, когда действительно можно было говорить о пастушеских народах. Вместе с тем не обращают внимания, что Маркс тут же называет домашний скот,—овец, например,—естественными продуктами земли. А обратить на это внимание следовало бы.

Классики марсизма-ленинизма говорят, что в основе производственных отношений при феодализме лежит монополия собственности феодалов на средства производства, но сторонники теории патриархально-феодальной формации с этим, видимо, не согласны. Они рисуют дело так, что в феодальном обществе кочевников противостоят друг другу не феодал—собственник земли—непосредственному прозводителю, лишенному собственности на землю, а богатый скотовладелец бедному скотовладельцу. Феодал противостоит крестьянину лишь как крупный собственник мелкому собственнику, богатый человек бедному человеку. Но антагонистических классов в таком обществе нет.

Говорят, что феодальная зависимость у кочевых народов имеет в своей основе снабжение скотом обедневших сородичей, нуждающихся либо в пропитании, либо в шерсти, либо в тягле. Феодально-зависимым в этом обществе становится тот, кто силой обстоятельств вынужден прибегать к такого рода «помощи». Отсюда следует, что феодальная зависимость распространяется лишь на беднейшую часть населения, а кочевники со средним достатком, не нуждающиеся в «помощи» и не пользующиеся ею, свободны от феодальной зависимости. Но если это так, то феодальное общество должно было бы состоять не из двух основных классов, а из трёх—из феодалов, из феодально-зависимых и свободных, т. е. феодально-независимых производителей.

Серьезные сомнения вызывает еще один пункт. Мы видели, какое крупное значение в становлении и развитии феодализма у кочевых народов отводится институту родовой взаимопомощи, узурпируемому феодалами в целях превращения массы непосредственных производителей в класс феодально-зависимых. «Помощь» феодала является единственным средством превращения свободных производителей в феодально-зависимый класс. Иначе говоря, утверждение феодального способа производства у кочевых народов требует в качестве непременного условия разорения свободных производителей, лишения их скота, превращения их в бедняков, в байгушей, в саунщиков и т. п.

Но такой порядок не имеет ничего общего с феодальным способом производства. В. И. Ленин считал, что безземельный, безлошадный бесхозяйный крестьянин — негодный объект для крепостнической эксплуатации».

Маркс, как известно, тоже считал, что «Источником феодального гнёта была не экспроприация земли у населения, а наоборот, его прикрепление к земле»[2], т. е. не лишение его средств производства, а прикрепление к ним.

Как видим, и в этом пункте авторы и сторонники теории патриархально-феодальной формации существенно расходятся с классиками марксизма-ленинизма.

---

[1] Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому способу производства, 1940, стр. 24.

[2] К. Маркс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 287

Нельзя, наконец, пройти мимо вопроса о происхождении бедноты в кочевом обществе. Нам говорят, что если бы не было бедняков, вынужденных прибегать к родовой помощи, не было бы и феодалов. Но откуда же берётся беднота? Появляется ли она в результате стихийных бедствий, лишающих их скота, или кадры бедноты формируются и пополняются под влиянием каких-то экономических процессов, свойственных феодализирующемуся обществу кочевников?

В. Ф. Шахматов и его единомышленники не отвечают на этот вопрос. Едва ли они считают, что бедняки-кочевники существовали от века; отпадает и вторая возможная причина—насильственная экспроприация кочевников знатью. Нам уже говорили, что такой экспроприации не было. Так откуда же возникли бедняцкие кадры? Если они есть продукт эксплуатации, то что лежит в основе этой эксплуатации?

Теория патриархально-феодальной формации бессильна ответить на этот вопрос.

Советская литература единодушно отмечает тот факт, что у всех кочевых народов фактическое распоряжение пастбищными угодьями находится исключительно в руках феодалов. Это отмечают историки Киргизии, историки Туркмении, Кара-Калпакии, Казахстана, Бурят-Монголии, народов Алтая, Монголии, Ирана и т. п. Этот факт никем не оспаривается. Но часть советских историков считает, что фактическое распоряжение пастбищами отнюдь не означает собственности феодалов на эти пастбищные угодья, т. е. на землю. Собственность феодалов на землю в условиях кочевого животноводства кажется им невозможной в силу специфических особенностей хозяйствования, связанных с периодической сменой территории. Исходя из этого, они отрицают возможность прикрепления непосредственных производителей к земле, заменяя это прикрепление различными суррогатами, вроде прикрепления к личности феодала, к роду и т. п.

Нам представляется, что сторонники этой точки зрения ошибаются, полагая, что право феодалов распоряжаться пастбищами не есть право собственности феодалов на эти пастбища. На ранних стадиях феодального способа производства у кочевых народов нет и не может быть другой формы выражения собственности на землю, кроме права распоряжения пастбищами и регулирования перекочёвок. Вспомним, как Маркс определяет собственность на землю. В III томе «Капитала» на стр. 628 он пишет: «Земельная собственность предполагает монополию известных лиц в распоряжении определёнными частями земного шара как исключительными сферами их личной воли, с устранением всех других».

Говорят, что специфические условия кочевого животноводческого хозяйства исключают возможность превращения земли в собственность феодалов и возможность прикрепления непосредственных производителей к земле. Но почему? Разве кочевничество то же самое, что бродяжничество? Разве каждое крупное и мелкое феодальное владение не имеет более или менее строго определённой территории, на которой и происходит перемещение с зимних на весенние, с весенних на летние, с летних на осенние и снова на зимние пастбища.

Феодал-кочевник является таким жо помещиком, как и феодал-не кочевник. Разница между ними лишь та, что первый является собственником сотен и тысяч квадратных километров земли, а второй—сотен и тысяч гектаров, первый со своими крепостными передвигается по определённой территории, второй—живет оседло. Но характер экономических связей, существующих между оседлым помещиком и его крепост-

ными, ничем не отличается от связей кочевого помещика с его крепостными.

Феодальные отношения у кочевых народов существуют и воспроизводятся на каждой данной территории. Эти отношения, если можно так выразиться, кочуют вместе с кочевниками. Феодал выступает в качестве собственника земли всегда и всюду, когда и куда бы он со своими крепостными ни прикочевал. Непосредственный производитель становится крепостным данного лица только потому, что это лицо является собственником земли, без которой первый не может существовать.

Становление и развитие феодализма у кочевых народов, как и у всех народов мира, неразрывно связано с превращением земли в монопольную собственность класса феодалов. На этом основании можно сказать, что история феодализма у кочевых народов, как и у всех народов мира, есть история феодальной земельной собственности. Феодальная собственность на землю лежит в основе базиса феодального общества кочевых народов, феодальная собственность на землю определяет и всю общественную надстройку этих народов.

Отсюда следует, что марксистско-ленинское учение о генезисе и развитии феодального способа производства во всём основном и главном верно не только для стран «классического феодализма», но и для кочевых народов. Объективные закономерности развития этого способа производства, открытые классиками марксизма-ленинизма, одинаковы как для кочевых, так и для осёдлых народов. Специфические особенности кочевого животноводческого хозяйства не настолько существенны, чтобы оправдать поиски каких-то новых, каких-то особых закономерностей становления и развития феодализма у кочевых народов.

Таких закономерностей в природе не существует.

А. Н. НАСОНОВ

Доктор исторических наук

(Институт истории Академии Наук СССР)

Доклад Л. П. Потапова охватывает историю кочевых народов Средней азии и Казахстана.

По сути дела решение проблемы касается истории кочевых народов, обитавших не только в Азии, но и в Европе, например, в южной полосе Восточно-европейской равнины, в частности в Крыму. Несомненно, что проблема эта представляет большой интерес и для истории частью или по преимуществу скотоводческих народов Северного Кавказа, а также Азербайджана. Наконец, в известном смысле, это вопрос общий для истории народов как скотоводческих по преимуществу, так и земледельческих по преимуществу. Дело идёт об общих законах развития общества в период перерождения первобытно-общинных отношений и развития по существу отношений феодальных, несмотря на значительную специфику этих отношений у народов кочевых.

Вот почему я решаюсь выступить с замечаниями по докладу Л. П. Потапова, хотя не являюсь специалистом по истории Средней Азии.

Основное содержание доклада заключается в том, что в нем на большом конкретном материале проиллюстрировано положение, что и в кочевом обществе основой развивающихся феодальных отношений являлась собственность на землю, что и для кочевого общества проблема развития феодальной собственности, а следовательно, феодальной ренты, является основной.

Из доклада можно заключить, имея в виду разнообразный материал, который был в распоряжении докладчика, что в кочевом обществе параллельно шли неразрывно связанные между собой процессы, свидетельствующие об имущественной дифференциации: обогащение скотом (главным образом скотом) и развитие феодальной собственности на общинные пастбища, т.е. на землю. Всякого рода поборы и виды помощи рядовых скотоводов—непосредственных производителей—становились или по сути дела были разновидностями феодальной ренты—натуральной и отработочной, причём скот играл важную роль, как средство эксплуатации.

В классовом кочевом обществе классовые отношения и эксплуатация до известной степени маскировались патриархально-родовыми формами в интересах кочевой верхушки. Феодально-патриархальные отношения есть по сути дела отношения феодальные, но не освободившиеся ещё от патриархально-родовой оболочки и переплетающиеся в той или иной мере с остатками патриархальных отношений. Таков смысл определений в докладе Л. П .Потапова.

Останавливаясь подробно на средствах производства в кочевом обществе, докладчик, вместе с тем, почти не уделил внимания развитию производительных сил в кочевом обществе. Между тем, изучение производительных сил кочевого общества в их развитии, быть может, позволило бы объяснить и некоторую специфику в процессе становления феодальных отношений в кочевом обществе. Мне представляется, что орудия производства и технические навыки скотоводов весьма примитивны и очень консервативны. Не определяло ли это известную застойность в развитии кочевых обществ, исключительную замедленность развития, устойчивость пережитков прошлого?

Второе замечание связано с выдвинутым предложением о роли монгольской империи в процессе феодализации тюркоязычных племен и народностей. В своём докладе Л. П. Потапов подчеркнул большую роль монгольской империи в распространении феодального способа производства.

Этот тезис остался в докладе необоснованным и недостаточно разъясненным. Было ли образование монгольской империи и утверждение феодальных отношений у тюркоязычных народов просто хронологическим совпадением или значительную роль в победе феодального уклада у тюркоязычных народов играло влияние империи?

Не следует забывать, что победа феодальных отношений, которую автор приурочивает ко времени монгольской империи, свидетельствовала о прогрессивных социально-экономических сдвигах в среде тюркоязычных народов.

В связи с приведенным высказыванием докладчика, позволю себе привести несколько данных и соображений, касающихся тюркоязычных народов монгольского и предмонгольского времени, но обитавших не в Средней Азии, а в южной полосе России.

В 1432 г., по данным московского летописца из Семионовской летописи, великий князь Василий Васильевич и дядя его Юрий Дмитриевич поехали в орду к царю Махмету тягаться за великое княжение. Их взял к себе «дорога московский» Миньбулат, покровительствовавший Василию. Тогда, защищая интересы Юрия, его взял Ширин-тегиня (т. е. князь Ширин), которого летопись называет «князь великий—ордынский», очевидно крупный феодал. Он «поиде» с князем Юрием «в Крым зимовати». Как видно, в Крыму (очевидно, в Северном Крыму) были зимовки. принадлежавшие Ширину. Где именно были они—мы не знаем, но можно отметить, что в Северном Крым в б. Перекопском уезде, в Джан-

койском районе существовало татарское селение Ширин, как явствует из списков населенных мест прошлого и нынешнего столетий. Источники довольно точно определяют территорию становищ, «старинного юрта», принадлежавшего другому золотоордынцу, феодалу Нагаю на рубеже XIII—XIV вв. в районе, где ранее кочевали «лукоморские половцы». Мы предполагаем, что отношения, согласно которым зимние пастбища, зимовки или «зимовища», были в известной мере собственностью кочевых феодалов, существовали на юге России ещё до образования монгольской империи. По данным русских летописей, известий начала XII в., можно точно установить, что в районе Северного Донца находились зимовки половцев. В декабре 1109 г., т. е. зимой, Дмитр Иворович, «взял вежи половецкие у Дона (т. е. у Донца)—1000 вежи». В 1111 г., т. е. в это же приблизительно время, летопись прямо говорит о «зимовках» половцев на Донце.

Обращаясь теперь к данным исторической географии, мы убеждаемся, что как раз в этом районе, куда ходили походами русские, в районе Северного Донца источники указывают поселения, названные именами половецких «князей» (так называет летопись половецких ханов). Так укрепленное поселение Шарукань (Асенев) называлось по именам половецких ханов Шарука и Асеня; укрепление Сугров, находившееся в том же районе придонецких зимовок, называлось по имени хана Сугра, так же известного из русских летописей, как и имена Шарука и Асеня. Кроме того, в литературе указан ряд географических названий, совпадающих с именами половецких ханов. Напомню о поселении Куряж, реке Куряж и колодце Куряж, названных, повидимому, по имени половецкого хана Кури, также известного из летописи. Эти места приурочиваются к тому же придонецкому району.

Все эти данные в совокупности ведут к предположению, что территория половецких зимовищ в какой-то мере принадлежала половецким ханам. Само собой разумеется, это были ханы общества классового, а не родовые ханы патриархального общества. Летопись упоминает богатство хана Бельдуза, предлагавшего в виде выкупа «золото, серебро, кони и скот». Древнерусская повесть о половчине рисует богатого половчина в киевское время, который участвует на собрании «князей и вельмож» половецких, пользуется услугами своих «рабов», пригоняет в Киев два «стада коней»—большое и малое, причём одно из них в качестве выкупа.

Не буду останавливаться на том, что не только отдельные подразделения половцев, но и отдельные подразделения их предшественников печенегов, как свидетельствуют источники, кочевали, как правило, в пределах определённой территории. Думаю, что в тюркоязычных кочевых обществах, обитавших в южно-русских степях и частью лесо-степных районах, внутреннее социально-экономическое развитие в домонгольское время, если не привело тогда, то должно было привести к победе, к господству тех отношений, которые являются предметом рассмотрения в докладе Л. П. Потапова.

Эти данные и соображения я привожу не столько в качестве полемических замечаний, сколько в качестве дополнений, осуществляемых с позиций историка древней Руси.

Третье замечание касается раздела доклада, где дается общая характеристика патриархально-феодальных отношений. Обосновывая свою характеристику, Л. П. Потапов убедительно показывает, что патриархально-феодальные отношения не представляли какого-либо особого способа производства, какой-либо особой формации. Предшествующая часть доклада имеет целью, как я понимаю, показать, как

сложились патриархально-феодальные отношения, какие процессы обусловили победу этих отношений, по существу феодальных, в кочевом обществе. Но раздел доклада, специально посвященный патриархально-феодальным отношениям, рассматривает эти отношения по преимуществу в статическом плане. Л. П. Потапов оперирует как материалом XIII в., так и материалом XIX в., но, видимо, не ставит целью проследить различные стадии развития этих отношений, что отчасти, вероятно, объясняется трудностью задачи, их развитие в кочевом обществе шло весьма замедленными темпами. Конечно, принципиальная основа патриархально-феодальных отношений была одна и та же и в XIII в. и в XIX в., но всё же и сам автор говорит об их развитии. Естественно, мне кажется, поставить задачу выяснения последовательных стадий в развитии патриархально-феодальных отношений, положив в основу развитие собственности на пастбища и реализацию этой собственности. Неправильно было бы отрицать значение этого процесса, не видеть развития этих явлений.

Для изучения эволюции собственности и ренты нельзя ограничиваться только материалом Средней Азии и Казахстана, а следует привлечь и материал по истории других народов, например Северного Кавказа, в частности Дагестана, где сравнительно развитые формы земельной ренты, по свидетельству специалистов, существовали уже в XII—XIV вв.

А. Б ТУРСУНБАЕВ

Кандидат исторических наук

(Академия Наук Казахской ССР)

Вопрос о характере патриархально-феодальных отношений у бывших кочевых народов нашей страны до сих пор продолжает оставаться одним из почти неразработанных вопросов.

Чтобы правильно решить этот вопрос, необходимо серьезно разобраться в таких вопросах как община, основные средства производства у кочевых народов, классовые отношения внутри общин и другие.

Прежде всего, что из себя представляла дореволюционная аульная община? Определение аульной общины кочевых и полукочевых народов, как объединения кочевников—частных собственников скота, неравномерно обеспеченных, ведущих самостоятельно хозяйство, но связанных общей собственностью на кочевья и пастбища, данное в докладе Л. П. Потапова, я считаю неудачным. Дореволюционная аульная община, прежде всего, была классовым антагонистическим объединением людей. К этому объединению вполне применимо ленинское определение класса. Аульная община—это группа людей, различавшихся по их месту и исторически определенной системе общественного производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагали. Одна часть членов такой общины, как и любого антагонистического общества, присваивала себе труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства.

Производственные отношения в кочевом обществе, как и в любом антагонистическом обществе, были отношения господства и подчинения. Вот почему определение общины кочевников, как объединения скотоводов, неравномерно обеспеченных скотом, не раскрывает классовую сущность общины.

Рассмотрим теперь вопрос об основных средствах производства у кочевых народов.

Отдельные историки и экономисты Казахстана считают, что таковым является скот, а не земля, на том основании, что скот в условиях кочевого общества является единственным источником дохода, единственным средством существования. Это утверждение не выдерживает критики. Дело в том, что не источник дохода, не средства существования определяют классовые отношения, а отношения людей к средствам производства.

Несомненно, что различные классы в условиях различных общественно-экономических формаций получают доход различными способами и в различных размерах.

Правда, во всяком антагонистическом обществе эксплуататорские классы имеют по существу единый и единственный источник дохода, каким является в конечном счёте эксплуатация трудящихся масс, присвоение их прибавочного труда. Но в различных классовых обществах этот по существу единый источник дохода конкретно существует в различных формах, в соответствии с господствующей в данном обществе формой эксплуатации.

В условиях кочевого общества скот, несомненно, является важнейшим источником существования, но это еще не означает, что скот является основным средством производства, единственным средством существования. Марксизм-ленинизм учит, что способ и размер дохода являются производными признаками от главного признака—«отношения к средствам производства». Историки и экономисты, считающие скот основным средством производства и единственным источником богатства, абсолютизируют этот производный признак, видя в нём главное и единственное, якобы определяющее классовые отношения внутри аульной общины.

Чтобы убедиться в несостоятельности этого аргумента, обратимся к классикам марсизма- ленинизма.

В. И. Ленин, разоблачая оппортунистическое понимание общественных классов эсерами, которые видели основной отличительный признак в источнике дохода, писал: «Искать основного отличительного признака различных классов общества в источнике дохода, значит выдвигать на первое место отношения распределения, которые на самом деле суть результат отношений производства. Ошибку эту давно указал Маркс, назвавший не видящих ее людей вульгарными социалистами. Основной признак различия между классами—их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства».

Различное отношение людей к средствам производства, указывал В. И. Ленин, обусловлено частной собственностью на них. Защитники указанной выше точки зрения считают, что земля не являлась частной собственностью. Земля, якобы, находилась в общем пользовании общины и не относится к средствам производства. Отсюда вытекает тот вывод, что эксплуататорская верхушка аула и рядовые скотоводы одинаково относились к земле, и земля в условиях кочевого аула не являлась орудием эксплуатации. В действительности такого положения не могло быть и не было.

Прежде чем привести факты о существовании собственности на землю в кочевом обществе, необходимо дать определение самого понятия собственности. Марксизм-ленинизм собственность определяет как присвоение предметов природы внутри и посредством определённой общественной формы[1].

Присвоение предметов природы (а в данном случае пастбища и, есть предмет природы) осуществляется, как указывает Маркс, посредством определенной общественной формы.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 177.

В условиях кочевого общества такой общественной формой присвоения является право распоряжения районами кочёвок и пастбищ. Дело в том, что понятие собственности включает в себя три элемента, а именно: право владения, право пользования и право распоряжения, причём последнее является самым решающим.

Надо сказать, что в дореволюционном кочевом обществе имели место все перечисленные элементы собственности.

Собственность на землю в дореволюционном кочевом ауле выступала в завуалированной форме. В этом заключалась одна из особенностей социально-экономических отношений внутри аульной общины. Внешне земля являлась как-бы общинной и юридически она за феодалами не закреплялась. Фактически же землей владели те, в чьих руках находилась основная масса скота.

Иначе говоря, собственность на землю здесь выступала в форме распоряжения кочевой знати районами кочёвок. При этом следует отметить, что феодал мог не использовать всю принадлежащую ему землю для увеличения и сохранения скота, но от этого земля не переставала быть его собственностью.

Кочевой быт в сочетании с патриархально-родовыми пережитками создавал весьма выгодные условия для господства феодально-байской верхушки аула. В частности, этой верхушке была крайне выгодна система распределения пастбищ, основанная на захватном праве землепользования, и позволявшая ей захватывать в свои руки общинные земли и распоряжаться ими.

Такой порядок в землепользовании у кочевников создавал благоприятные условия для эксплуатации аульной массы. Широко используя пережитки экономических связей далекого прошлого, феодально-байская верхушка эксплуатировала разорившихся скотоводов под видом оказания им «родственной» помощи. В основе этой помощи была феодальная кабала, прикрываемая родовыми отношениями.

Сосредоточение в руках господствующего класса лучших земельных угодий являлось решающим условием для воспроизводства поголовья его скота. Для этого феодально-байская знать прежде всего использовала обычное право скотоводческих народов, как средство присвоения общинных земель и создания феодальной земельной собственности.

Прежде всего закреплялось право пользования **кистау, т. е.** зимними пастбищами. Затем закреплялись за определенными родами **кузеу, т. е.** весенне-осенние пастбища. Захват зажиточной частью рода определённых земель сопровождался столкновениями между отдельными общинами, иногда оканчивавшимися кровопролитием за право пользования этой землей. Столкновения между общинами на почве земельных споров всегда организовывались феодально-байской верхушкой аула, в целях закрепления за собой лучших земельных угодий. При этом необходимо иметь в виду, что захваченные у слабых земельные участки использовались эксплуататорской верхушкой. Поэтому захваченные земли превращались фактически в их собственные владения.

«Туземное население,—писал Пален о казахах,—до сих пор еще не порвало вполне с родовым бытом и подразделяется на две группы: джакшилары (баи-богачи, манапы—лучшие люди) и кара-букару (бедняки). В руках первых... фактически сосредоточены громадные количества скота, лучшие земли и все органы туземного самоуправления и народного суда. Что касается кара-букары, то она пользуется землей лишь в меру милости джакшиларов и уплачивает в их пользу негласные налоги, едва ли не вдвое превышающие казенные сборы»[1].

[1] Пален, Переселенческое дело в Туркестане. стр. 164.

В местности Домбра-Сирной бывшего Туркестанского уезда, Сыр Дарьинской области, до революции жил бай Кудьяр, который лично владел пастбищами этой горной местности. Этой землей иногда пользовались отдельные соседние баи из других родов, но за особую плату.

В том же Туркестанском уезде в песках Кызыл-Кумов жил известный во всём Южном Казахстане крупный бай Индемес из рода Мангит. У него было десять тысяч овец, около тысячи верблюдов и около четырёх тысяч лошадей. Земельное владение Индемеса доходило до Бахары.

Районами пастбищ, принадлежавших Индемесу, были местности «Мурун-Кара», «Кара-Узен» и др., где без согласия Индемеса никто не имел права кочевать, так как на этой территории бай Индемес, его деды и прадеды вырыли десять глубоких колодцев.

Прав А. К. Каррыев, подчеркнувший решающую роль колодцев для скотоводства в условиях пустынь. Без этих колодцев немыслимо было существование скота в этой местности. Только имея землю-пастбища и колодцы, можно было сохранять и увеличивать поголовье скота.

Количество подобных фактов можно было бы значительно умножить, но и приведенных, мне кажется, достаточно, чтобы убедиться в том, что в дореволюционном кочевом обществе не могло быть одинакового отношения к земле эксплуататоров и эксплуатируемых.

Защитники той точки зрения, что скот является основным средством производства, считают, что земля не была средством производства на том основании, что в кочевом ауле, якобы, труд к земле не прилагался. Такая точка зрения также не выдерживает критики. Можно было бы привести большое количество фактов, опровергающих указанную точку зрения. Приведу только один пример.

До Октябрьской революции на огромной территории Мангишлака, песков Кызыл-Кумов, Малого и Большого Борсука и др. подобных массивах Казахстана находились миллионы голов скота. Одним из решающих условий для воспроизводства поголовья скота в этих местностях являлась вода, которая, по словам Маркса, относится к земле. Для обеспечения скота водой сооружались глубокие колодцы, принадлежавшие баям. Рытье таких колодцев требовало затрат большого количества человеческого труда, не говоря уже о затрате большого количества труда, необходимого на поение сотен и тысяч голов скота.

В. Ф. Шахматов сказал, что раньше появился скот, потом земля. Я не буду останавливаться на опровержении этого «открытия», ибо все хорошо знают, что земля появилась до скота.

Защитники точки зрения, что скот является единственным средством существования, считают, что земля в жизни кочевых народов не имеет значения. Надо ли доказывать несостоятельность подобного странного суждения? Думаю, что нет.

До Советской власти трудящиеся-скотоводы не только лишились лучших пастбищ, но они не знали, где им завтра обитать. Понятно поэтому, почему скотоводы в первые же дни после установления Советской власти требовали отвода им постоянных мест под зимовки и летовки,— это было решающим условием избавления от дальнейшего разорения, условием нормальной жизни.

Вот один из архивных документов. Казахские бедняки Копальского уезда в специальном письме Областному Совету, указав на существующее несправедливое положение в землепользовании, на огромные размеры земли, принадлежавшей байско-феодальной верхушке, и на значение земли в их жизни, требовали конфискации этой нечестным путём приобретённой собственности.

Просьбы такого рода выносились на аульных и волостных сходках казахских депутатов. Об этом же трудящиеся казахи писали в своих заявления на имя Ревкомов, местных Советов.

Почти все мероприятия в области аграрной политики Советской власти в первые же годы ее существования в Казахстане, как и в других ранее отсталых окраинах, были связаны, прежде всего, с землей. При этом надо иметь в виду, что для кочевников в этом отношении не делалось исключения. Защитники точки зрения, что скот является единственным средством существования, не могут указать ни на один документ Партии и Советского правительства, в котором бы говорилось, что скот является единственным средством существования.

Наоборот, в резолюции X съезда партии по национальному вопросу прямо записано, что киргизы, казахи и другие кочевые народы вымирают без земли и что необходимо обеспечить их землей, пригодной для человеческого существования.

Можно было бы привести множество фактов, свидетельствующих о том, какое значение Коммунистическая партия и Советское правительство придавали обеспечению трудящихся скотоводов землей, пригодной для существования. Но и приведенных фактов достаточно, чтобы убедиться в клеветническом характере заявления, что земля не нужна была казахам.

Утверждение, что скот является основным средством производства и фактором, определяющим социальную физиономию кочевого общества, отнюдь не блещет новизной. Известно, что буржуазные националисты в своей борьбе против социалистических преобразований в таких ранее отсталых национальных окраинах как Казахстан, пытались выдать скот за основное средство производства, которое, находясь на подножном корму, якобы, не требовало затрат живого прибавочного труда. Отсюда вытекало отрицание эксплуатации и классовой борьбы в ауле.

Такая постановка вопроса ведет к отрицанию значения для скотоводческих народов аграрных законов Октябрьской ревлюции, в частности значения Декрета о земле. Более того, точка зрения, что скот является единственным средством существования кочевых народов, объективно означает отрицание союза трудящихся крестьян скотоводческих районов с рабочим классом, ибо земля сыграла решающее значение в установлении этого союза. Трудящиеся крестьяне кочевых районов, как и осёдлых, получили землю из рук рабочего класса. Поэтому всякое умаление значения земли для скотоводческих народов объективно может служить оправданием утверждения буржуазных националистов, отрицавших значение Октябрьской революции для ранее отсталых народов нашей страны,—революции, давшей им землю.

Т. А. ЖДАНКО

Кандидат исторических наук

(Академия Наук СССР)

Я полностью присоединяюсь к основным принципиальным положениям доклада Л. П. Потапова.

Хочу остановиться на вопросе о полукочевой аульной общине. Я согласна с В. С. Батраковым, что неправильно рассматривать патриархально-феодальные отношения только у кочевников, совершенно изолированно, без учёта оседлых народов; неправильно также исследовать их, не учитывая полукочевых народов, численно преобладающих над кочевыми в Средней Азии, тем более, что у многих полукочевых народов

пережитки патриархально-феодальных отношений сохранились не менее ярко.

Свое выступление я посвящаю вопросу об аульной общине у каракалпаков.

Каракалпаки—народ полукочевой. В исторической литературе долго господствовало мнение, что это—кочевники, лишь в XIX в. ставшие переходить к оседлому образу жизни и земледелию. На самом деле комплексный тип хозяйства, сочетающий земледелие, скотоводство и рыболовство, и полуоседлый быт характерны для каракалпаков уже на самых ранних этапах их сложения в народность. Об этом убедительно говорят археологические, этнографические и исторические данные.

Для хозяйственного уклада каракалпаков издавна были типичны:

а) **земледелие** — с искусным использованием каирных увлажненных земель островов и пойм в дельтах рек дна осушенных или высохших озёр, протоков дельт, укрепляемых дамбами и служивших оросительными каналами, т. е. с орошением без рытья крупных ирригационных каналов. Именно этими особенностями отличалась ирригационная техника каракалпаков при освоении ими в течение XVI—XIX вв. под земледелие трёх обширных областей на пустынных, частью заболоченных, пространствах южного Приаралья: нижнего течения рек Сыр-Дарьи и Жанга-Дарьи и дельты Аму-Дарьи;

б) **скотоводство** — с преобладанием крупного рогатого скота, неспособного к зимней тебеневке и далеким кочевкам в безводной степи;

в) **рыболовство** — в реках, озёрах, дельтовых водных бассейнах и на морском побережье, с применением остроги и легкого беспарусного челна «кайык», не приспособленного для лова в открытом море.

Для материальной культуры каракалпаков издавна были типичны: юрта — как господствующий вид жилища; двухколёсная арба, в качестве основного средства передвижения; применение быка в качестве главного тягла в сельскохозяйственных работах и в арбяной упряжке.

Полукочевой образ жизни каракалпаков был связан с рядом причин: 1) неустойчивостью земледелия в местах обитания каракалпаков. Зависимость пашен от постоянно изменяющегося режима рек вызывала необходимость частых передвижений — ухода из затопленных местностей или, наоборот, от высохших озёр и протоков в другие местности; 2) сравнительно большой ролью скотоводства и 3) историческими причинами—частым вытеснением немногочисленных каракалпакских племен из освоенных местностей в результате нападений на них соседних кочевников и чужеземных завоевателей.

Комплексный тип хозяйства каракалпаков в той конкретной исторической обстановке, которая создавалась для них в XVII—начале XIX вв., имел ряд преимуществ. Разносторонние хозяйственные навыки спасали народ от голодной смерти, который часто вынужден был уходить под натиском врагов из освоенных земледельческих районов в степи, пустыни, в отдаленные заболоченные области дельт и к морскому побережью. Каракалпаки быстро приспосабливались к местным условиям, переключаясь временно на положение кочевников, на скотоводство или на рыболовство, стремясь, однако, при первой возможности осесть и обрабатывать землю. Яркие примеры этого явления дают историко-этнографические материалы, собранные Хорезмской экспедицией.

Однако при всем этом комплексный тип хозяйства каракалпаков характеризует низкий уровень развития производительных сил. С. П. Толстов справедливо называет его в своей статье «Города гузов» «этнографическим реликтом» древних хозяйственных форм, существовавших ещё до выделения кочевого скотоводства. Именно отсталость экономического строя способствовала сохранению у них устойчивых архаических пережитков и традиций родовой общины и развитию феодальных отношений в своеобразной форме—патриархально-феодальной.

Сведения о формах земледелия и землепользования, господствовавших в каракалпакском обществе до XIX в., весьма скудны. Рассмотрим с этой точки зрения историко-этнографические данные о периоде обитания каракалпаков в низовьях Сыр-Дарьи (XVI—XVIII вв.).

Наиболее ранние документы, в которых впервые упоминаются каракалпаки—документы конца XVI в. уже свидетельствуют о вовлечении их в систему феодальной зависимости от среднеазиатских ханств. На рубеже XVII в. часть их жила на землях, входящих в Бухарское ханство, и несмотря на отнесение их придворными историками к числу «мятежных» народов, несомненно была обязана выполнять феодальные повинности (в том числе поставлять войско ханам).

О феодальной зависимости в этот же период части каракалпаков от казахских ханов говорит одно из наиболее распространённых исторических преданий, записанных Хорезмской экспедицией в Чимбайском районе (опубликовано нами в «Трудах Хорезмской экспедиции», т. I, стр. 490—493).

Предание говорит об обращении 40 представителей каракалпакских родов, по решению совета стариков, к казахскому хану Тевеккелю с просьбой выделить для каракалпаков, не имеющих своих угодий, земли в урочище Улу-Тау. Хан исполнил эту просьбу, прислав, однако, им в правители своего сына. Через несколько лет каракалпаки убили казахского хана-правителя. Разгневанный хан Тевеккель отобрал у них дарованные земельные угодья, и они разбрелись в разные стороны. (Кстати, это устное историческое предание, очевидно, может свидетельствовать и о наличии феодальной собственности на землю у казахских ханов уже в конце XVI в.).

О формах землепользования каракалпаков на отведенных им ханами угодьях сведений нет, но для 40-х годов XVIII в. уже есть данные, позволяющие предполагать сочетание у них феодальных отношений с устойчивыми патриархально-общинными традициями. Так, «нижние» (жившие в низовьях Сыр-Дарьи) каракалпаки делились на восемь крупных родоплеменных групп. Возглавлялись эти племена и роды как феодально-родовой знатью— выделившимися из среды биями и батырами,—так и чисто феодальной знатью—ханами, султанами (по всей вероятности, казахскими) и духовенством—шейхами, ходжами, ишанами.

По этим сведениям можно заключить о глубокой классовой дифференциации в так называемых «родах» у каракалпаков, но, вместе с тем, вряд ли это были только «военно-административные» единицы, как предлагает Л. П. Потапов рассматривать род «кочевников Средней Азии».

Во всяком случае у «нижних» приаральских каракалпаков прослеживаются другие формы военно-административного деления—это упоминаемые в русских документах 40-х годов XVIII в. «саны». Во время этнографических работ в Муйнакском районе мы обнаружили остатки этого деления на «саны». В каждый сан входили иногда часть рода, иногда половина, иногда полтора—в зависимости от численности.

Очень интересен период обитания каракалпаков на Жанга-Дарье (XVIII в.). Здесь каракалпаки жили на освоенных ими землях пустыни и, очевидно, на определенный, правда, короткий период освободились от притязаний ханов, от «внешней» экономической и политической феодальной зависимости. Этот период мало исследован, но очень интересен, изучение его сможет дать важный материал о присущих каракалпакскому обществу XVIII в. особенностях социально-экономического строя.

Исторические источники (данные русских посольств, хивинские хроники, исторические предания) отмечают здесь «каракалпакское владение»—объединение нескольких племен и родов арыса «Онторт-Уру», возглавляемое бием племени мангыт—Орунбаем. Сохранившиеся в бассейне пересохшей Жанга-Дарьи исторические памятники—обширная ирригационная сеть и развалины Орунбай-кала—изучаются Хорезмской экспедицией. Имеющиеся данные позволяют предполагать о патриархально-феодальных отношениях. Орунбай-кала—укрепленная, окруженная рвом богатая усадьба правителя-бия, с украшенными нишами и орнаментом комнатами и домашней мечетью. Близ усадьбы—участок сада, хауз, большой загон для скота. Усадьба находится в центре обширного пространства, обнесенного стеной—здесь помещался во время нашествий врагов весь «эль» Орунбай-бия со своими юртами и имуществом. Мы надеемся, что дальнейшее изучение особенностей ирригационной сети, расположения полей и остатков жилищ, а также сбор дополнительных историко-этнографических материалов прольет свет, в частности, на вопрос о землепользовании и характере земельно-водных общин.

Классовое лицо правителя жангадарьинских каракалпаков—феодала Орунбай-бия—мангыта, фактически распоряжавшегося населением «эля», как и биев других родов, характеризуется их дальнейшей предательской политикой: переходом во время обороны от хивинцев на сторону хивинского хана Мухаммед-Рахима, в результате чего жангадарьинские каракалпаки были в 1811 г. завоеваны, согнаны со своих земель и подчинены Хиве.

Оказавшись в составе Хивинского ханства, каракалпаки полностью были вовлечены—и экономически и политически—в феодальную систему ханства. Их взаимоотношения с ханством характеризуются феодальной зависимостью. Земли, отведенные им в дельте Аму-Дарьи, считались ханскими пожалованиями, дарованными ханом мюльками. Биям-правителям племен и родов, как свидетельствуют хивинские хроники, выдавались ярлыки на управление населением пожалованных угодий. За пользование пахотной землей и пастбищами крестьяне обязаны были выплачивать налоги, выполнять трудовые повинности, в числе которых особо следует отметить использование ханами навыков каракалпаков в ирригационном строительстве и постоянное привлечение их в порядке внеэкономического принуждения к постройке ирригационных каналов в центральных районах ханства, в том числе в поместьях хана и его сановников. В работе Я. Гулямова по истории ирригации Хорезма имеются многочисленные примеры этого вида эксплуатации.

Тяжелой повинностью была также военная—поставка нукеров.

Традиционное родо-племенное деление каракалпаков хивинские ханы кладут в основу феодально-иерархической системы управления, родо-племенная структура всё более приспособляется к этой задаче. Некоторые родо-племенные объединения даже искусственно комбинируются, укрупняются, вводятся дополнительные, кроме биев, должности назначенных Хивой аталыков и беклер-беги—правителей более крупных родо-племенных групп, прикрепленных к определенным территориям. В таком, несколько измененном виде родо-племенная структура закрепляется, консервируется ханами, превращаясь все более в административную систему, служащую для учета населения, разверстки налогов, повинностей, войскового набора. Использование ханами архаических форм деления каракалпакского общества способствовало и дальнейшему развитию у каракалпаков феодализма в своеобразной форме патриархально-феодальных отношений.

Для этого периода имеется больше данных о характере землепользования. В Хивинском ханстве у каракалпаков до присоединения к России существовала под внешним обликом «родовой» территориальная, аульная земельно-водная община, с характерным для сельской общины дуализмом, но с большим, по сравнению с более развитыми народами, значением кровно родственных уз и с более сильными архаическими пережитками древней родовой общины.

Каковы же были главные черты, характеризовавшие пережитки древней родовой общины у каракалпаков, черты, которые, как правильно отмечал Потапов, выявляются при этнографическом исследовании?

Во-первых, земельно-водная община сохраняла облик «родовой». В ее составе преобладали кровные родственники, и она рассматривалась обычно как подразделение определенного «рода». Земли, закрепленные ханами за племенами и родами, далее распределялись по более мелким родовым подразделениям—тире, коше.

Оросительные каналы проводились и содержались в порядке родом или тире, каждый из которых выводил канал из реки или протока на свои угодья; это отражалось и на названиях каналов, как правило, соответствовавших родовым именам.

Скот находился в частной собственности, но пасся в урочищах, считавшихся выпасами всей общины или нескольких. Скот клеймился общей для рода тамгой. Пастухи нанимались и содержались аулом сообща, кормясь и ночуя поочередно во всех юртах.

Сохранялись традиции выборности бия, впрочем теперь уже утверждавшегося ханом, старшины, мирабов. Сохранялся совет стариков, особенно в бытовых вопросах.

Сохранялась память об уранах, обычно соответствовавших имени легендарного предка рода. Войсковыми подразделениями каракалпаков командовали бии наряду с хивинскими сотниками юз-баши.

Расселение соответствовало родовому делению: как правило, аул состоял из лиц, принадлежавших одному подразделению (тире или часть тире, иногда два тире одного рода). Аул состоял из нескольких, всегда кровнородственных коше.

Имелись родовые кладбища, иногда—мазары, где покоились святые—покровители рода.

Существовали разные формы родовой взаимопомощи—усыновление сирот, общественная помощь «комек» и др.

В семейно-брачных отношениях бытовала экзогамия—строгий запрет браков внутри рода.

В обрядах, связанных с семейными событиями (поминки, рождение детей, свадьбы) принимал участие весь аул, а иногда и другие аулы сородичей.

В тоях, спортивных играх, соревнованиях соблюдались традиционные привилегии родов, выделялись для борьбы и прочего представители родов.

В устном народном творчестве отражалась устойчивость представлений о родовом делении общества. Фольклор ярко свидетельствовал о живучести родовых традиций в идеологии.

Эти пережитки патриархального быта, сочетаясь со все более развивающимися феодальными отношениями, приводили к разнообразным формам патриархально-феодальных отношений. Земля и вода принадлежали «родам» лишь номинально. Шел интенсивный процесс узурпации общинных земель феодалами. Об этом свидетельствуют документы архива хивинских ханов XIX в. Общественные земли племен и родов

были по площади намного меньше, чем земли биев, ишанов, юз-баши и множества других частных владельцев—богатых баев. Захват земли проводился путём отбирания ее за долги или прямого внеэкономического принуждения.

Обезземеленные или малоземельные крестьяне, избегая ухода из аула, от своих сородичей, попадали в кабалу феодально-родовой верхушки своего аула. Патриархально-феодальные формы эксплуатации содействовали меньшей или большей степени зависимости, закабаления крестьян.

Под видом помощи сородичу богатые члены общины давали землю в аренду малоземельному крестьянину на условиях испольщины—«жарымши»; в других случаях землевладельцы вступали с крестьянином в отношения «егиншерик», получая дарового работника, выполнявшего все земледельческие работы за ничтожную долю урожая; наконец, они принимали в дом работников, называемых «дехкан»—из числа совершенно разоренных, опутанных долгами крестьян, наиболее беспощадно эксплуатировавшихся и выполнявших не только полевые, но все работы в хозяйстве богача за ничтожную плату, кормление и обноски одежды. Кроме того, в периоды горячих сезонных работ на богачей работала вся община, созывавшаяся на традиционный «комек»—общественную помощь сородичей «своему» правителю-бию. «Комекши» составляли постоянный резерв бесплатных работников для феодально-родовой верхушки аула.

Общинная собственность на воду, как и на землю, тоже стала номинальной. Вода распределялась мирабом по указаниям правителей рода, и обычаи общинного водопользования повсеместно нарушались—после совместного прорытия канала большая часть общины лишалась воды или испытывала в ней постоянный недостаток. Вода в неменьшей степени, чем земля, была средством эксплуатации.

Зякетные документы и историко-этнографические материалы дают не менее четкую картину классовой дифференциации в общине.

При среднем числе около 20 голов скота на хозяйство было много богатых скотовладельцев, в числе которых упоминаются лица (баи и ишаны), имеющие по 1000 голов крупного рогатого скота и столько же баранов. В этих условиях процветали у каракалпаков, как и у казахов, патриархально-феодальные формы эксплуатации бедноты в скотоводческом хозяйстве—отработки за пользование молочным скотом— «сауын» и за рабочий скот—«майына».

При выполнении трудовых повинностей, которые распределялись по родам, знать освобождалась от них, пользуясь традиционными привилегиями. Часть наиболее состоятельных откупалась взятками: основная тяжесть работы ложилась на бедняков; наряд же давался ханским правительством исходя из общей численности аула. Работы затягивались, нехватало пищи; бегары—особенно ирригационные на землях хивинской феодальной знати—были подлинным бедствием. При разверстке налогов бии также действовали по своему усмотрению, разверстывая на аул расходы на подкупы, взятки ханской администрации, на содержание сборщиков налога и другие личные крупные расходы. Это трактовалось как помощь, которую необходимо оказывать «своему» бию. Власть биев, несмотря на обычай «выборности» их, фактически обычно передавалась по наследству от отца к сыну.

Обычай принятия в род сирот—«асырау» выливался в воспитание покорных бесплатных работников, эксплуатировавшихся в хозяйстве богача-«благодетеля» с малолетнего возраста. Даже ростовщический кре-

дит деньгами (сутине) и зерном (когине) принимал форму помощи богатого сородичу-бедняку.

Таково было проявление патриархально-феодальных отношений в социально-экономическом строе; что касается родовых пережитков в семейно-бытовом укладе и в идеологии, то они были более устойчивыми, долго совмещались с феодальными отношениями и часто искусно использовались в качестве идеологического оружия феодальной знатью (в частности, генеалогические представления—«шенджире», как правильно указывал Л. П. Потапов). Условия обнищания, низкого материального и культурного уровня трудящихся масс каракалпаков способствовали медленности изживания этих пережитков.

Развитие феодальных отношений в форме патриархально-феодальных несомненно тормозило процесс общественной жизни каракалпаков, затемняя, затушевывая классовое самосознание. Но тем не менее, все же классовые противоречия росли и вызывали протест масс, направлявшийся в первую очередь против Хивы.

Условия тяжелого гнета каракалпаков в Хивинском ханстве создавали благоприятную обстановку для сплочения каракалпакских родов и племен, для роста элементов национального самосознания и тенденций к объединению всего народа для борьбы с ненавистным деспотизмом хивинских ханов.

Это привело, как известно, к нескольким массовым освободительным восстаниям каракалпаков против хивинского владычества в XIX в.

В то же время только ростом **классового** самозонания можно объяснить появление в XIX в. произведений народного творчества каракалпаков, глубоко демократичных по своему содержанию, в которых народ бичует уже не только хивинских ханов и чиновников, но и баев, баев, ишанов и других представителей класса каракалпакских феодалов.

После присоединения к России в Каракалпакии земельноводная община не подвергалась особым законодательным изменениям; сохранение в основном ее прежней формы обусловливалось причислением населения Чимбайского участка («Организационной комиссией», а затем—«Положением 1886 г.») к категории кочевников, которым земля передавалась «в общественное пользование с соблюдением существовавших ранее обычаев землепользования».

Данные статистико-экономического исследования каракалпакских общин Переселенческим управлением в 1912—1913 гг. дают, однако, яркий материал, характеризующий дальнейший рост классового расслоения, распада общинного землепользования и преобладания частного землепользования.

Пережитки патриархального быта теперь совмещались уже не только с феодальными отношениями, но и с элементами капиталистических отношений. На почве этого рос в ауле удельный вес байства и на другом полюсе—наемных сельскохозяйственных рабочих-поденщиков—«кунликши». Растет отходничество, появляются зачатки рабочего класса. «Родовой» облик аульной общины все более изживается, но этот процесс еще не завершен ко времени Великой Октябрьской социалистической революции.

К дореволюционной Каракалпакии полностью можно применить определение И. В. Сталина, относящееся к 25 миллионам «по преимуществу тюркского населения» России, не успевшего пройти капиталистическое развитие и не ушедшего «дальше первобытных форм полупатриархального—полуфеодального быта» к тому населению, в отношении которого И. В. Сталин предлагал путем ряда мероприятий «помочь ликвидировать пережитки патриархально-феодальных отношений», с уче-

том всех особенностей «конкретной экономической обстановки, классового строения, культуры и быта каждой данной национальности»

А. Н. БЕРНШТАМ

Доктор исторических наук

(Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР)

Выступление В. С Батракова дает возможность сократить мое выступление. Я полностью согласен с его замечаниями и с теми упреками, которые были адресованы нашей сессии в слабом историзме при рассмотрении проблемы, поставленной докладом. Упрек справедливый— историческая часть даже основного доклада была слабая. Я этот недостаток вижу, в частности, в том, что приводятся примеры, которые выбираются из различных эпох, говорится о различных народах, которые развивались в своей конкретно-исторической среде, находились под воздействием различных цивилизаций. Приводить примеры о гуннах, монголах, калмыках, тюрках и т. д. часто даже в обратной хронологической последовательности, с моей точки зрения, неверно.

При этом Л. П. Потапов все же попытался дать какую-то хронологию в истории тех специфических общественных отношений, предметом которых был его доклад.

Но, мне кажется, что неправомерно было ставить эту проблему так, как она была поставлена В. Ф. Шахматовым, С. И. Толыбековым и рядом других.

Основа основ заключается в том, что увлечение в разработке этой проблемы приводит фактически к путанице: кочевое скотоводство, которое является отраслью производства, превращается стихийно в своеобразный кочевой способ производства.

Н. Я. Златкин очень хорошо, с точки зрения методологической, подметил это, говоря о своеобразном, особом варианте феодализма. Я думаю, что мы имеем здесь просто повторение старой концепции кочевого феодализма которая ни в какой степени не может быть принята.

Концепция кочевого феодализма объективно ведет к признанию особой феодальной формации в условиях Средней Азии и Казахстана, а следовательно, это оборотная медаль суждения, уже в свое время связанного с другой теорией, с теорией азиатского способа производства. Если эта теория питала совершенно определенные политические настроения и определенные общественные круги, враждебные нам, то, следовательно, если согласиться, что мы имеем здесь дело с особой «кочевой формацией», с «особым способом производства», связанным только с кочевниками, то мы имеем подобный вариант этой теории, который может питать определенные политические круги.

В наиболее ярком, законченном виде эту концепцию излагал В. Ф. Шахматов. Он несомненно является своеобразным лидером этой концепции сейчас. Чтобы он не чувствовал себя в одиночестве, я скажу, что эту точку зрения, ныне не принимаемую нами, разделяли многие советские историки. Вспомним С. П. Толстова (нужно добавить и меня, Бернштама), А Ю. Якубовского и самого создателя этой теории акад. Б. Я. Владимирцова. Но если тогда это были поиски в борьбе против реакционной всеобщей «теории» родового строя, родовых общинных отношений и если эти исследователи отошли от старой и вредной теории кочевого феодализма, то В. Ф. Шахматов ныне может чувствовать себя в

одиночестве, ибо является единственным представителем отсталого, пережитого нами этапа в истории изучения Казахстана. Нельзя решать вопросы кочевого скотоводства вне отрыва от оседлой полосы. Хотя одним из последних выступавших очень строго было сказано, что незачем говорить о веках до нашей эры, а надо говорить о современности, я все-таки буду говорить о том, о чём мне товарищ говорить «запретил».

Достижения археологов и историков являются не вообще рассуждениями о Средней Азии, а конкретным пониманием отдельных районов. оазисов, это не только увлечение монументальной архитектурой, не только изучение быта городов, но и быта кочевников.

Уверяю, что нет ни одного более или менее крупного района Средней Азии, где бы наряду с оседло-земледельческой культурой и цивилизацией не нашли сосуществования в той или иной мере кочевники.

Возьмите Бактрию, там есть курганы кочевников. Или южную часть Таджикистана. Сколько кочевников было на Восточном Памире? А Фергана в период усуней. Не случайно, в результате политического конфликта на рубеже нашей эры усуни переселяются на территорию Ташкентского оазиса.

Начиная с этого времени, беспрерывно сосуществовали и живут вместе кочевники и оседлая часть населения. На территории Согда, Бухарского оазиса, на протяжении последних лет сделаны открытия, связанные с кочевым населением. Взаимоотношения с кочевниками соседней полосы, бесконечное разделение их, оседание освещено в китайских источниках династии старших Хань, где говорится, что население Средней Азии частично кочевое. Если возьмем источники младшей династии Хань, то увидим, что характеристика меняется, потому что происходит бурный процесс оседания кочевников.

Таким образом, существовали «микроземледельческие» центры оседлости, существовала взаимосвязь между отдельными оазисами, взаимоотношения между гуннами и китайцами.

Это говорит о том, что кочевники и земледельцы, которые находились в постоянной взаимосвязи, вступали в период возникновения патриархально-феодальных отношений. Рассматривать их изолированно от оседло-земледельческой полосы было бы неправильно. Возникновение феодальных отношений действительно нужно отнести ко времени тюркского каганата.

Не согласен я с тем, что В. Ф. Шахматов склонен отрывать историю оседлых и кочевых народов. Не нужно проводить границы Казахстана так, как это было сделано в период размежевания республик. Нужно иметь в виду, что в глубокой древности были другие границы. Здесь контакт между населением был очень тесный, и для понимания этого процесса нужно учитывать не только узкую территорию Казахстана до Келеса. Действия на этой территории были гораздо более активные и между собой очень связанные. В результате этого процесса в период раннего феодализма, когда складываются патриархально-феодальные отношения, мы имеем другую часть процесса—неравномерность общественного развития. Причём все больше намечается известная устойчивость в развитии общественных отношений.

В Семиречье происходит разрыв, отрыв оседлого населения от скотоводческой части. Монгольское завоевание усугубило это, и мы знаем борьбу, которая происходит в Семиречье между отдельными группами, скотоводческими и другими, которые дрались за восстановление старых земледельческих центров. Следовательно, монгольское завоевание кладет начало определенному этапу. На территории Средней Азии монгольское завоевание является также «игом». Оно создало целый ряд

особенностей в историческом развитии, которые дают возможность говорить о втором этапе развития феодально-патриархальных отношений. Этот процесс начался в период XV—XVI вв.

Мне кажется, что основная ошибка вредной теории отрыва земледельцев от кочевников заключается в изоляции кочевых народов от всего исторического процесса в Средней Азии. Это к добру не приведёт. Не надо воскрешать кочевой феодализм и нельзя замыкаться в пределах одной республики. Надо заниматься не выделением и даже, может быть, не обсуждением вопроса о феодальных отношениях у кочевников, а говорить об общем историческом процессе на территории Средней Азии.

М. Б. АХИНЖАНОВ

Кандидат исторических наук

(Казахский государственный университет)

В своих выступлениях В. Ф. Шахматов и С. Н. Толыбеков затронули старый вопрос о специфике патриархально-феодальных отношений в дореволюционном Казахстане, дискуссировавшийся ещё в 1933 г.

Казалось бы, нет даже необходимости ставить на дискуссию данный вопрос. Имеется руководящее указание классиков марксизма о том, что структуру общественной формации определяет не специфика, а основная форма собственности. При феодальном обществе основная собственность — земельная собственность.

«Конечно, внеэкономическое принуждение играло роль в деле укрепления экономической власти помещиков-крепостников — писал И. В. Сталин,— однако, не оно являлось основой феодализма, а феодальная собственность на землю»[1].

Значит речь идёт не о внеэкономическом принуждении, «не об условиях кочевого скотоводства», даже не о «приложении труда человека непосредственно или косвенно на этот объект собственности», не о формах использования земли как пастбища для скота или не о «формах использования земли как пахотных угодий для земледелия». Подобная постановка вопроса носит схоластический характер. Речь идёт об основе феодализма — феодальной собственности на землю.

Если для познания закономерностей капитализма важна структура и динамика капитала, то для изучения экономической закономерности феодализма столь же важна динамика и структура земельной собственности.

Отрицать основу феодализма — собственность на землю, значит найти что-то новое—основу феодализма в лице собственности на скот в отличие от определения классиков марксизма-ленинизма, но это не больше, чем повторение аргумента лжеисториков, которые говорили, что у казахов до революции не было ни классовой борьбы, ни частной собственности на землю и на скот, а народ жил в «земном раю» и «пользовался даром божьим».

Выступления В. Ф. Шахматова и И. Толыбекова, как бы они не оговаривались, являются как раз иллюстрацией к этому. Вот почему они и не привлекают в необходимых сулчаях всей полноты источников для обоснования своей точки зрения, почти не оперируют реальными фактами. Однако, если привлечь все необходимые категории источников

[1] И. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, Госполитиздат, 1952, стр. 41.

о наличии собственности на землю в казахском хозяйстве и на основании этого выявить формы эксплуатации, то необходимо сделать и совершенно противоположные выводы.

Основные аргументы В. Ф. Шахматова, доказывающие отсутствие частной собственности на землю в Казахстане, базируются на юридической стороне вопроса. Однако для подтверждения своего положения о наличии феодальной собственности на скот он замалчивает юридическую сторону вопроса.

Другим аргументом В. Ф. Шахматова является утверждение, что в условиях кочевого скотоводства труд кочевника-казаха не прилагается к земле непосредственно, что земля используется как пастбище для скота в «ее естественном состоянии».

Это не новая, а давно уже и неоднократно высказанная буржуазная точка зрения. Вот что мы читаем у буржуазного историка: «связей с землей у инородцев не существовало. Не вкладывая в неё труда, они легко покидали пространства, на которых некоторое время обживались со своими стадами». Разница только в форме, а мысль одна и та же.

На мой взгляд В. Ф. Шахматов, увлекаясь мнимой спецификой кочевых обществ, забывает о кормодобывании и добывании воды скоту в условиях кочевого образа жизни. Где же кочевник-скотовод пасёт свой скот—в степи или на лугах? Если он пасёт на лугах, то даже эти луга, где кочевник-казах действительно мало прилагает своего труда, и они, по словам К. Маркса, являются собственностью скотовладельца.

Отмечу еще, что кочевник в течение года никогда больше 20—30 дней не зимовал и не летовал, т. е. дольше 20 дней в одном месте не находился, особенно в лугах; он в основном находился в степи, где имелось обилие травы, но мало воды, где без человеческих рук, без труда нельзя достать воды. Требовался труд не одного человека, а всего аула. Вода находилась иногда на глубине 30—40 и даже 90 аршин. Чтобы напоить десятитысячную отару овец потребовалось бы не менее 100 человек; чтобы напоить лошадей, скажем, в количестве 5 000, верблюдов 100—150 голов (каждый верблюд выпивает не менее 10 ведер воды в сутки) потребовалось бы одному только баю не менее 100—150 пастухов. Все это можно было осилить только рабским трудом или трудом многочисленных зависимых от феодала людей.

В. Ф. Шахматов по существу не видит настоящей специфики, на основе которой осуществлялась эксплуатация труда бедняков. Он возводит китайскую стену между двумя видами собственности—землей и скотом. И земля и скот являются средством производства, причем примат принадлежит земле, главному средству производства в феодальном обществе.

Буржуазные историки пытались оторвать воду от земли. Ничего у них не получилось, ибо бассейны рек, озер, колодцы составляют необходимый элемент производства.

Между прочим, у казахов приобретение колодцев в собственность никогда не обходилось без споров; история не знает ни одного колодца без хозяина. Хозяин, придя к своему колодцу, имеет право прогонять от него всякого другого кочевника. Все лучшие водопои, бассейны рек и озер были в собственности крупных скотоводов. Я согласен с докладчиком в вопросе об общинной форме владения пастбищами, но добавлю, что это относилось только к «джайляу», а «кистау» никогда не были общими, и притом надо иметь в виду, что этим общинным пользованием (даже джайляу) прикрывалось существовавшее в действительности неравномерное отношение к земле; оно было всегда выгодно только для господствующего класса.

Надо заметить, что появление термина «кистау» связано с частной собственностью на землю. Зимовка была очагом земельной собственности; где имелась зимовка, там мы видим вещественные знаки собственности: «болик тас» по долинам и «оба» по горным местам. Например, в районе Абая, Семипалатинской области, до сих пор сохранились «оба» и «болик тас», связанные с именами их владельцев (Кенгирбаи тасы, Ускембаи обасы). Кунанбай—отец Абая—имел, например, свою собственную землю, начиная от местности Баканаса Байкушкара, около Семипалатинска, до Аркаяик. «Оба» и «болик тас» сохранились до сих пор.

Захоронение своих сородичей в зимовке является одной из юридических форм собственности на землю, ибо ни один казах-кочевник никогда своего умершего сородича не хоронил на чужой земле, даже на общинной земле — джайляу. Археологические данные также подтверждают это.

Между прочим, сами казахи при споре о земле как о своей собственности, в качестве вещественного доказательства приводили в пример именно нахождение останков своего сородича на данной земле.

В обычном праве, в фольклоре на это имеются многочисленные ссылки. Войну за землю, борьбу против чужеземцев с востока казахи всегда оправдывали тем, что останки их предков не должны были топтаться врагом.

Оградительные пограничные знаки «оба» или «болик тас» оберегались всеми силами адата и шариата. Известно, что нарушение пограничных знаков зимовок разбиралось третейным судом или судом биев. За нарушение налагались большие взыскания.

Надо иметь в виду, что споры в большинстве случаев происходили не вокруг джайляу, где сохранились общинные формы землепользования, а вокруг «кистау», отчасти в «кузеу», которые безусловно являют владения с частной собственностью на землю. Греко-персидские историки не знают терминов «кистау», «кузеу», зато они хорошо знают джайляу (яйлау, яйлак). Термины «кистау» и «кузеу» появляются в арабских и китайских источниках VII—VIII вв. н. э. Если мы согласимся видеть в «кистау» частную форму владения землей, то можем приблизительно определить время появления частной формы землевладения с VIII—IX вв., что совпадает со временем возникновения феодализма в Казахстане.

С. С. ЧЕРНИКОВ

Кандидат исторических наук

(Академия Наук СССР)

Я зачитаю тезисы доклада, прочитанного мною на заседании Сектора Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института истории материальной культуры Академии Наук СССР —«К вопросу об особенностях исторического развития ранних кочевников».

В этом докладе я попытался дать определение, что мы называем кочевым скотоводством.

1. Под тебмином «ранние кочевники» мы подразумеваем различные этнические общности с кочевым скотоводством как ведущей формой хозяйства, населявшие пояс евразийских степей с VIII в. до н. э. (возникновение кочевого скотоводства) по первые века нашей эры (начало сложения патриархально-феодальных отношений). Этот термин, так же как и термин «древний Восток», условен и лишь подчеркивает то общее, что этим обществам свойственно. Попытаемся сформулировать особенности кочевого скотоводства как определенного исторического явления.

2. Кочевое скотоводство есть особый, односторонне развитый вид хозяйственной деятельности человека, возникший (в наиболее развитом виде) в степном поясе Евразии, на базе развития культур эпохи бронзы и просуществовавший до наших дней, почти три тысячи лет.

3. Хозяйство кочевников экстенсивно; для прокормления стад используются в течение года расположенные в различных местах сезонные пастбища, в зависимости от оптимального травостоя. С их эксплуатацией связаны постоянные передвижения (перекочёвки) всей массы людей с их имуществом. Особое значение имеет верховой конь и тягловый бык, без которых кочевание невозможно.

Кочевое скотоводство не требует постоянной полной занятости мужской силы, долговременных сооружений, сложных и разнообразных орудий труда и почти не стимулирует их совершенствование.

Процесс воспроизводства и накопления прибавочного продукта протекает неравномерно. Количество его относительно невелико, а качество односторонне. Ремесло не поднимается выше уровня домашнего. Развитие производительных сил и прогресс техники идут крайне медленно. Производственные отношения примитивны и нигде не поднимаются выше патриархально-феодальных, минуя развитой рабовладельческий строй.

4. Кочевое скотоводство не покрывает всех потребностей хозяйства. Оно не может существовать и нигде не существует в полном отрыве от земледелия и развитого ремесла.

Это обусловило тесные экономические связи и частые военные столкновения с оседлыми странами, что существенно отразилось на ходе исторического развития многих народов Азии и Европы.

«Давление избытка населения на производительные силы» (Маркс) вызвало у кочевников массовые переселения и войны. Война, как средство получения недостающих продуктов земледелия и ремесла, как средство обогащения и захвата необходимых пастбищ и скота, становится у кочевников постоянным и широко развитым промыслом. Это не исключало длительные мирные экономические и культурные связи кочевников и земледельцев, что особенно ясно прослеживается в истории Средней Азии и Казахстана. Громадную роль играет также и обратное влияние — массовое оседание кочевников на границах земледельческой полосы, регулярный товарообмен, мощное влияние земледельческой культуры на кочевников, быстрое перерастание верхушки кочевых завоевателей в оседлый господствующий класс.

5. Этнические и государственные образования кочевников непрочны и не имеют чётких, выработанных форм. Процесс классообразования так и не получает своего окончательного завершения. Несмотря на классовые противоречия, резкое имущественное и социальное неравенство и устойчивые формы эксплуатации, классовые отношения всегда прикрываются у кочевников родо-племенной оболочкой. Первоначальное накопление, как «исторический процесс отделения производителя от средств производства» (Маркс) необходим для консолидации любого господствующего класса.

Основа богатства—скот легко подвержен уничтожению (джут, эпизоотия) или отчуждение (военный набег). В этом основная причина медленного развития классовых отношений и государства, их непрочности, текучести и сильных пережитков родо-племенных отношений

6. Возникновение кочевого скотоводства в VIII—VII вв. до н. э. стало возможным тогда, когда вследствие роста производительных сил хозяйство пастушеско-земледельческих племён эпохи бронзы (андроновская и срубная культуры) уже не могло обеспечить возросших потребностей общества. Освоение верхового коня и упряжного быка (на послед-

нем этапе андроновской и срубной культур), сделало перекочёвки и освоение новых степных пространств технически возможным. Судя по историческим данным (Геродот, Псевдо-Гиппократ, китайские летописи), наиболее ранней формой кочевания были частые передвижения компактной группы целого племени на небольшие расстояния, ввиду быстрого вытаптывания пастбищ массой скота. Особенно ценились зимние пастбища, когда перекочёвки почти прекращались. Именно на зимовках и находится подавляющее большинство курганов ранних кочевников.

7. Переход к кочеванию совершился в относительно короткие сроки у степных и лесостепных племен, сходных по уровню своего общественного и хозяйственного развития, у которых скотоводство было более рентабельным, чем мотыжное земледелие. Наиболее чётко этот процесс мы можем проследить на территории Казахстана, где выявлена генетическая связь андроновской культуры и ранних кочевников (керамика, бронза, антропологический тип). Археологический материал не даёт также фактов существования в степной полосе осёдлых и кочевых племен, а памятников переходного периода (Дандыбаевский и Замараевский этапы андроновской культуры) немного, и они, видимо, ограничены во времени.

8. Возникновение кочевого скотоводства явилось подлинным переворотом не только в хозяйственной деятельности, но и в материальной культуре, быте, мировоззрении и социальной организации степных племен. Оно было тогда явлением прогрессивным; по сравнению с хозяйством эпохи бронзы кочевое скотоводство являлось более продуктивным. Были освоены громадные территории пустынных до того степей. Расширился кругозор человека. Дальние перекочёвки и походы способствовали быстрому обмену культурными ценностями, создавали предпосылки для того общего степного единства яркой и самобытной культуры и искусства ранних кочевников, которое так хорошо прослеживается на археологическом материале.

9. Эпоха ранних кочевников — есть эпоха разложения родового строя у кочевых племен, эпоха «военной демократии», растянувшаяся в силу особенностей кочевого хозяйства на целое тысячелетие. Это союзы племен со все усиливающейся экономической и политической властью патриархальных семей, вождей и знати: скифы, саки, массагеты, савроматы, жуныюеджи и др. Богатые курганы этого периода—внешнее выражение процесса все более укрепляющейся частной собственности племенной верхушки.

Крупные, хотя и не совсем ясные, изменения происходят в III—II вв. до. н. э. Появляются первые, хотя и очень нечёткие государственные образования—гунны, усуни, юеджи-кушаны, скифское царство в Крыму (последние два очень быстро перестают быть кочевыми). Развивается рабовладельческий уклад: домашнее рабство, раб-ремесленник (ограниченно) и раб-товар.

В этот период видимо окончательно исчезает родовая собственность на скот, укрепляется право наследования и консолидируется родовая племенная верхушка, уже распоряжающаяся пастбищами. Создаются предпосылки патриархально-феодальных отношений. Они появляются и в первых веках нашей эры, но ввиду недостаточности имеющегося материала проследить сколько-нибудь чётко этот процесс сейчас невозможно.

10. Развитие кочевого скотоводства на границе земледельческих стран, соседящих со степью, ускорило образование сильных рабовладельческих государств. В VII—VI вв. до н. э. происходят такие события, как образование Чжоуского Китая, Ахеменидской Персии, Хорезма. Возникают также греческие колонии северного Причерноморья. Независимо одно от другого, все они в той или иной степени испытывали влияние появившегося рядом с ними кочевого мира и в свою очередь на него влияли.

Возникновение кочевого скотоводства связало исторические судьбы многих и разных стран и народов в единый исторический процесс большей части Евразийского материка.

В дальнейшем кочевники в силу всё увеличивающейся застойности своей экономики начинают все более и более отставать в своём хозяйственном и культурном развитии. Значительно сокращается площадь кочевий, их войны и набеги, разрушающие производительные силы, играют все более реакционную роль, вызывают растущее сопротивление и, наконец, кочевники сами становятся жертвой колониальной экспансии.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция вывела кочевые народы СССР на широкую дорогу социалистического развития.

К этому мне остаётся добавить, что и докладчик, и многие выступавшие не учитывают роль земли в разные исторические эпохи. Роль земли в VIII—VII вв. до н. э. и в XIX в.—это разные вещи. И если можно привести много фактов для позднего времени, говорящих о повышающейся роли земли в производстве, то при относительно редком населении, при появлении кочевников эта роль была значительно меньше. Переселения народов и далекие походы, показывают, что скот играл исключительно большую роль, бо́льшую, чем это можно видеть из доклада Л. П. Потапова, особенно в эпоху ранних кочевников, несмотря на то, что и там мы имеем свидетельства о ценности земли и её разграничениях. Этот вопрос необходимо рассматривать в историческом развитии. Только тогда мы придем к правильному ответу по дискуссируемому вопросу.

С. М. АБРАМЗОН

Кандидат исторических наук

(Академия Наук СССР)

Важнейшие положения доклада Л. П. Потапова могут быть приняты как отправные положения для дальнейших конкретно-исторических исследований, связанных с изучением общественно-экономической структуры кочевых обществ у народов Средней Азии. Доклад вносит ясность во многие запутанные вопросы, способствует изживанию различных заблуждений и ошибочных взглядов, которые встречались в советской литературе.

Большое значение для рассмотрения сущности патриархально-феодальных отношений имеет широкое сочетание разного рода источников. Наряду с археологическими и письменными источниками должны занять своё место и источники этнографические, далеко не всегда используемые представителями других научных дисциплин. Основываясь на этнографических источниках, отправляясь от них и привлекая данные других смежных наук, я хотел бы остановиться на вопросе, имеющем непосредственное отношение к обсуждаемой проблеме,—вопросе о формах семейных отношений в патриархально-феодальном обществе и вытекающих из них патриархально-родовых связях. Вопроса о культуре так называемого рода я здесь не касаюсь, так как мои взгляды на этот вопрос совпадают со взглядами докладчика.

В соответствии с изменениями в экономическом базисе кочевых обществ в конце первой половины I тысячелетия до нашей эры начинается все большее укрепление патриархальной большесемейной общины. Оно тесно переплеталось с прогрессирующим имущественным неравенством и с появлением рабов из числа военнопленных. В сакских могильниках, как это хорошо прослеживается на археологических материалах, добытых проф. А. Н. Бернштамом, центральную цепочку больших курганов состав-

ляли погребения членов патриархальной семьи, относящейся к зарождающейся имущественной верхушке. Идущие рядом с нею цепочки средних и мелких курганов представляли собой, несомненно, захоронения рядовых членов патриархальных семейных общин. Наконец, захоронения без инвентаря, расположенные в группах мелких курганов, это последнее прибежище рабов, входивших в состав той или иной патриархальной семьи.

В этом же плане важна для нас интерпретация С. В. Киселёвым изображений на боярских писаницах в Сибири, относящихся к тому же времени. Неразделенность участков, прилегающих к изображенным здесь посёлкам тагарцев, и необособленность стад позволяют рассматривать эти поселки, как поселения патриархальных большесемейных общин.

Наряду с большесемейными общинами могло существовать уже и небольшое количество малых семей, что было связано с зарождающейся имущественной дифференциацией.

Каков же характер дальнейших изменений в формах семьи и чем они вызываются?

Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо уяснить, что представляла собой в условиях кочевого общества патриархальная семейная община. При господствовавшем в течение длительного времени общинном владении пастбищами, экономической основой патриархальной семьи являлась как общая собственность на землю, так и общая собственность всей семьи на скот. Эта патриархальная семейная община у кочевников включала в себя некоторое число рабов, либо, позднее, зависимых обедневших общинников.

Особенностью большесемейной общины у кочевников являлось то, что, владея общей собственностью и обеспечивая под властью отца или деда уход за стадами, члены этой общины, представленные несколькими поколениями, могли жить не совместно в общем доме или шатре, а составлять поселение из нескольких домов или юрт. Это не мешало ведению общего домохозяйства, правильной организации выпаса скота, совместному потреблению. В периоды сезонных выпасов скота некоторые члены таких общин могли отлучаться на то или другое время (как и в периоды войн), но это не меняло существа самой общины, как хозяйственного целого. Повидимому, недоучётом этих особенностей, отличающих патриархальную семью у кочевников от патриархальной семьи у оседлых народов, объясняется существующая точка зрения, согласно которой у кочевников в условиях патриархально-феодальных отношений якобы господствовала индивидуальная семья.

Между тем, на деле специфических условиях кочевого скотоводческого хозяйства, в период господства патриархально-феодальных отношений, нередко продолжала сохраняться патриархальная семейная община, которая была не только семейной организацией скотоводческого хозяйства, но и простейшим производственным объединением, формой организации скотоводческого хозяйства, труднодоступной в силу ряда причин отдельной, индивидуальной семье.

Длительное бытование семейной общины, отчасти в пережиточной форме, являлось в известной мере экономически более оправданным, чем существование малой семьи. В сохранении большесемейной общины, как семейно-трудового объединения, была на каком-то этапе заинтересована и малообеспеченная, зависимая часть скотоводов.

Существование этой формы семейной организации принципиально не противоречило общественно-экономическим отношениям, господствовавшим в течение длительного времени, во всяком случае, примерно, до середины первого тысячелетия нашей эры. Экономический базис изменялся чрезвычайно медленно. Племенная знать поддерживала традиционную

сплоченность вытекавшую из патриархально-общинных порядков. Имеются археологические данные, подтверждающие, что и в усуньское время патриархальная община продолжала быть основой семейных отношений.

С дальнейшим углублением классовых противоречий большесемейная община должна была или пойти по пути распада, или изменить свою внутреннюю природу. Но этот процесс имел характер постепенного накопления количественных изменений, которые лишь в дальнейшем превратились в глубокие качественные изменения, завершившиеся установлением господства малой, индивидуальной семьи. Для правильного понимания этого процесса существенно важно рассмотреть вопрос о развитии форм собственности.

Вначале на первом этапе своего существования патриархальная семейная община, как хозяйственная единица общества, основывалась на обособленной собственности на скот при существовании общей собственности на землю. В дальнейшем, в условиях кочевой аульной общины, эта обособленная собственность превратилась в частную семейную собственность на скот, однако частную по отношению к аульной общине, но коллективную по отношению к членам большесемейной общины. Интерпретируя и далее соответствующие указания Энгельса, можно предполагать, что следующий этап в развитии собственности на скот состоял в превращении всей или более ценной части общесемейной собственности в личную частную собственность главы большой семьи. Эта узурпация имущественных прав других членов семьи могла произойти только в обстановке обострения классовых противоречий. Последним этапом были уже раздел большесемейных общин, выделение из них индивидуальных семей, в основе каждой из них лежала полная частная собственность. Это был уже скачок в развитии семьи, обусловленный всей её предшествующей историей. Все названные изменения в формах собственности коренились в конечном счёте в росте классовой дифференциации общества, в укреплении частнособственнического начала.

В период сохранения большесемейных общин и одновременного существования некоторого количества индивидуальных семей основной водораздел проходил не между большими и малыми семьями, а между богатыми и бедными семьями.

Хотя фактические данные для решения вопроса о форме собственности еще недостаточны, всё же не подлежит сомнению, что для перехода от общинно-родовой собственности к частной собственности малых семей должны были существовать последующие звенья. Трудно представить себе непосредственный переход от общей к частной собственности на скот без каких-либо промежуточных этапов. Для того, чтобы разобраться в этом сложном вопросе, и необходимо уточнить понятие частной собственности для древнего времени.

Начало наступившего нового этапа в развитии семейных отношений, который мы склонны рассматривать как переходный от старого порядка, с господством патриархальных семейных общин, к новому порядку, с постепенным укреплением малой семьи, может быть с известным приближением датировано V—VI вв. н. э.

В этот период патриархальные семьи знати становятся экономически ещё более сильными. Родоплеменная знать начинает создавать надстройку, призванную укреплять и защищать экономический базис общества. Всё это ведёт к более интенсивному обособлению частной собственности внутри патриархальных семей. Наряду с последними появляется все большее количество малых семей. В патриархальных семьях именно в этот период возникает и усиливается деспотизм управления,

цель которого—удержать патриархальную семью от распада. Одновременно с этим между образовавшимися вследствие раздела большесемейных общин родственными малыми семьями сохраняется тесная экономическая и идеологическая связь, что приводит к образованию своего рода мелких семейно-родственных союзов, являющихся видоизменённой, приспособленной к новым условиям, формой патриархально-семейных общин. Малые семьи—носители частной собственности оказываются в то же время в системе определенных патриархальных связей.

Этот бурный и противоречивый процесс смены форм семьи продолжался почти до X—XI вв. С эпохой образования караханидского государства мы связываем начало нового этапа развития семейных отношений у кочевых племён, живших в Семиречье и на Тянь-Шане. Именно в это время патриархально-феодальные отношения получают максимальное развитие. А это ведёт к укреплению малой семьи, как преобладающей формы семьи. Однако превращение малой семьи в преобладающий тип семьи не означало полного исчезновения патриархальных семейных общин или разрушения прочных связей между родственными малыми семьями. Датировка происходивших процессов может быть уточнена, но направленность их кажется именно такой, какой она раскрывается на доступном нам материале.

Как свидетельствуют более поздние этнографические материалы, частично уже упоминавшиеся С. И. Ильясовым, вплоть до середины XIX в., а иногда позднее, в киргизском, например, обществе продолжали сохраняться как большие, неделённые семьи со всеми признаками большесемейных общин, так и семейно-родственные группы, представлявшие собой новую разновидность семейной общины. Связи внутри таких групп были основаны не на общем владении скотом, превратившимся в частную собственность малых семей, а на принципах межсемейной трудовой кооперации, проявлявшейся, прежде всего, в совместной организации выпаса скота, взаимной материальной поддержки, участии в общих обрядах и т. п.

Родственные семьи, входившие в такую группу, нередко жили и кочевали одним аулом или несколькими аулами, поблизости один от другого. Хотя эти своеобразные мелкие общины, из которых и состояла аульная кочевая община, постепенно разрушались извне и изнутри, подвергаясь действию законов классового общества, тем не менее именно в этих мельчайших общинах, известных у киргизов под именем «бир атанын балдары», у казахов под именем «ата баласы», у каракалпаков под именем «коше» и у туркмен под именем «бир ата» патриархально-родовой быт находил своё наиболее реальное выражение.

В таких семейно-родовых группах, как и в большесемейных общинах, а отнюдь не в так называемом роде, патриархально-родовые традиции выступали уже не только в качестве юридической фикции, формы или оболочки, но и в качестве комплекса живых и активно действовавших явлений патриархально-родового быта. Поэтому будет более близким к истине, если мы скажем, что не кое-где, но весьма широко феодальные отношения переплетались с остатками и пережитками феодальных, патриархальных общинных отношений.

Как раз здесь, в семейно-родственных группах в большесемейных общинах патриархально-родовой быт уживался и переплетался с классовыми отношениями и с различными формами феодальной эксплуатации. В значительной мере этот патриархально-родовой быт охватывал надстроечные явления. Но В. С. Батраков, приближаясь в своём выступлении к правильной постановке этого вопроса, недоучитывает обратного влияния надстройки на экономический базис.

Я далек от мысли рассматривать формы семьи и семейных отношений как в какой-либо мере определяющий признак для системы патриархально-феодальных отношений у кочевников. Но приведенные данные, как мне кажется, открывают возможность для более глубокого уяснения сущности самих патриархально-феодальных отношений и для понимания явлений патриархально-родового быта, характерных для кочевых народов Средней Азии и Казахстана.

Н. Г. АПОЛЛОВА

кандидат исторических наук

(Академия Наук Казахской ССР)

Вопрос об особенностях феодализма у кочевых народов привлек внимание историков и экономистов в процессе обсуждения в 1953 году макета первого тома «Истории Казахской ССР». Он вызвал оживлённую дискуссию.

Советские историки и экономисты существенно расходятся в понимании особенностей феодализма у кочевников. Не раскрыта сущность и специфика патриархально-феодальных отношений. Между тем, без правильного решения этих вопросов нельзя понять ни специфики классовой борьбы, ни особенностей национально-освободительных движений, ни значения присоединения Казахстана к России.

В корне ошибочна с точки зрения марксистско-ленинской методологии «теория» отдельных историков и экономистов о том, что в дореволюционном Казахстане господствовал патриархально-феодальный способ производства и патриархально-феодальный общественный строй.

Эта «теория» игнорирует общие законы развития человеческого общества и марксистско-ленинское учение о социально-экономических формациях. Произвольно создается новая патриархально-феодальная формация.

В тезисах доклада по национальному вопросу на X съезде партии И. В. Сталин подчеркнул исторически важную связь, между отсталыми формами скотоводческого хозяйства и устойчивостью патриархально-родового быта, определил феодальные отношения у скотоводческих народов, как отношения патриархально-феодальные. Эти отношения, не представлявшие собой особой социально-экономической формации, являются историческим этапом в развитии феодального способа производства.

Развитие феодализма у казахов, киргизов и алтайцев, как и у всех народов, происходило на основе общих закономерностей развития человеческого общества и на основе экономического закона, присущего данному общественному строю.

В том «варианте» феодализма, характеристика которого была дана В. Ф. Шахматовым в его выступлении и работах, утверждается, что в условиях кочевого скотоводческого хозяйства главным средством производства был скот а не земля; последняя была лишь условием производства. Это положение является отправным и в «теории» некоторых экономистов, убежденных в существовании патриархально-феодального строя у кочевых народов.

Земля и в кочевом хозяйстве была не только условием, но и основным средством производства.

К. Маркс писал: «К средствам процесса труда относятся все материальные условия, необходимые для того, чтобы процесс мог вообще совершаться... Такого рода всеобщим средством труда является опять-таки земля».[1]

[1] К. Маркс, Соч., т. XVII, стр 200.

В кочевом скотоводческом хозяйстве земля выступала как пастбище для скота.

К. Маркс подчёркивает неразрывную связь отношений к земле и скоту как к средствам производства. В некоторых работах последнего времени (в данном случае я имею в виду одну из статей С. З. Зиманова) совершенно справедливо отмечено: «Методологически неправильно искусственное расчленение единого объекта отношений производства на две произвольно оторванные части—на скот и пастбище».

При характеристике скотоводческих хозяйств следует иметь в виду всю совокупность средств производства при определяющей роли земли, как всеобщего и главного средства труда. Скот пасётся на земле и не может существовать без кормовой базы (пастбища). Об этом говорит простой здравый смысл.

Одним из отправных положений выступления В. Ф. Шахматова и С. И. Толыбекова является утверждение, что в условиях кочевого скотоводства воздействие человека на землю пассивно, что труд человека не прилагается к земле. Правильно, скотовод-кочевник не сеял и не косил траву, не заготовлял сена на зиму. Но совершенно очевидно, что кочевое скотоводство уже не было первобытным пастушеством.

В течение многих веков трудовые скотоводы приобретали большой производственный опыт выпаса скота на основе сезонного чередования пастбищ. Кочевое скотоводство было основной отраслью хозяйства в дореволюционном Казахстане и, как таковое, требовало немало труда и в отношении к земле как пастбищу для скота (например, при устройстве глубоких колодцев в безводной степи). Скотовод, потерявший скот во время джута, стремился тем или иным способом восстановить свое хозяйство. А для этого нужны были скот и пастбища. Тем более нужна была земля тому, кто переходил к земледелию. Следует признать в корне ошибочным утверждение: «Тому, кто не имел скота (бедняку), не нужны были и пастбища».

Из высказываний К. Маркса следует, что существовала неразрывная связь между собственностью на скот и собственностью на землю. Накопление скота в руках феодалов вызвало у них потребность расширять кормовую базу и присваивать лучшие общинные пастбища.

Бесспорно, в Казахстане не сложилось феодальной собственности на землю с развитием крепостнических отношений, как в земледельческих странах, не было и юридического оформления её. В. Ф. Шахматов полемизирует, на мой взгляд, с несуществующими оппонентами, защищающими якобы классический феодализм в Казахстане.

Процесс сложения и развития феодальной собственности на землю был весьма длительным и сложным. По мере развития феодальных отношений в Казахстане складывались специфические формы присвоения земли и скота. Они были обусловлены закономерным внутренним развитием казахского общества и прогрессивным воздействием экономики России.

В дореволюционном Казахстане на протяжении веков, вплоть до перехода к оседлости существовало феодальное право распоряжения кочевьями, принадлежавшими хану, султану и биям. Это право открывало широкие возможности узурпации лучших общинных пастбищ.

Маршруты и районы кочевий ещё в далёком прошлом были установлены и закреплены феодалами. Султан мог объявить лучшие угодья своим и запретным пастбищем. Некоторые моменты этого феодального права зафиксированы в записях казахского обычного права. Феодалы старались закрепить традицию и ограничения в землепользовании трудового

населения, которые были выгодны только им. В пределах кочевого круга кооборота своего аула феодал в любое время мог отобрать наиболее удобные выпасы для своего скота, ибо он был хозяином рода.

В этой связи следует согласиться с тезисом А. Е. Еренова, утверждающим, что право феодалов распоряжаться пастбищами являлось по существу правом собственности на эти пастбища.

В этой специфической форме узурпации общинной земли проявлялось своеобразие сложения феодальной собственности на землю в условиях кочевого скотоводства, главным образом, на ранних этапах развития оседлого способа производства.

Только исходя из идеалистических установок, некоторые историки и экономисты Казахстана утверждают, что перекочевка казахов представляла собой «свободное» передвижение с пастбища на пастбище по обширным пространствам казахской степи. Действительность была иной. Об этом красноречиво свидетельствуют многочисленные судебные разбирательства биев, возникавшие по поводу споров из-за земли, в которых, как правило, выигрывал феодал, так как он был богат и силен. Кроме того, на его стороне было обычно право.

Как развивалась феодальная собственность на землю и каковы были этапы в ее развитии?

Это очень сложный и еще неразработанный вопрос, связанный с проблемой внутренней периодизации Казахстана. Феодальная собственность складывалась прежде всего на зимовках. В записях казахского обычного права имеются указания на то, что зимовки исстари ограждались особыми «пограничными знаками», нарушения которых разбирались судом биев: за нарушение этих знаков налагались взыскания. Во второй половине XVIII в. интенсивно шло освоение лучших зимовок феодалами. В это время наиболее удобные зимние пастбища стали владениями султанов, крупных батыров и старшин. На призимовочных участках возникали и посевы феодалов, которые выращивались трудом бедняков.

Значительно возросла роль земли в хозяйстве казахов, когда укреплённой линией были отрезаны жизненно необходимые кочевья между Уралом и Волгой. В Букеевском ханстве в первой половине XIX в. происходило массовое изъятие земли, в результате чего в пользовании трудового населения осталось менее одной трети земли. Баи-феодалы, сделавшись собственниками лучших пастбищных угодий, считали их своими пожизненными, потомственными и наследственными владениями.

В XIX в. аренда и залог зимовок выступают как новые качественные изменения в земельных отношениях. Л. П. Потапов мимоходом отметил: «Земля, как правило, не покупалась и не продавалась». Спрашивается, когда? Известно, что в Букеевском ханстве практиковалась уже купля и продажа земли. В течение длительного времени земельные отношения эволюционизировали от закрепления за феодалами направления кочевого кругооборота и зимовок через узурпацию общинных земель к феодально-байской собственности на землю.

Одна из задач в изучении феодальных отношений заключается в том, чтобы определить специфическую форму эксплуатации, т. е. особую форму присвоения собственниками средств производства прибавочного труда производителей.

Следует заметить, что в представлении некоторых историков, казахское общество на протяжении многих веков состояло из собственников многотысячного скота баев и бесскотных бедняков. В этом антагонистическом обществе якобы не было середняцкой прослойки. Эта характеристика классового состава казахского общества является произвольной и тенденциозной. Процесс расслоения казахского аула был длительным и

сложным. Основную массу производителей в дореволюционном Казахстане составляли трудовые скотоводы—шаруа, которые вели самостоятельное хозяйство.

Отработки, выступавшие под видом так называемой «родовой помощи», были широко распространённой формой феодальной эксплуатации у кочевых народов, в том числе и у казахов. Однако не все трудовые хозяйства в патриархально-феодальном Казахстане эксплуатировались в форме сауна и других подобных ему отработок.

Почти поголовная саунизация (если так можно выразиться) трудового населения Казахстана на всех исторических этапах его развития приводит к тому, что по существу не раскрывается положение основной массы производителей в процессе материального производства.

Отрицание существования феодальной собственности на землю в условиях кочевого хозяйства приводит к ошибочному выводу, что в патриархально-феодальном Казахстане не существовала феодальная рента, которая была реализацией собственности только на скот. Таким образом, создается новая форма ренты—скотоводческая рента, не вытекающая из основных положений марксистского учения о ренте.

К. Маркс писал: «Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность»[1].

Исходя из специфики кочевого хозяйства мы должны показать и изменяющиеся формы земельной ренты.

В патриархально-феодальном Казахстане основные производители (шаруа) кочевых районов платили ежегодно «зякет», составляющий 1/20 часть скота, и 1/10 часть урожая («ушур») взыскивалась в земледельческих районах. Попытка В. Ф. Шахматова выключить «зякет» из системы феодальной эксплуатации и считать его только данью, является неубедительной. Более убедителен тезис доклада Л. П. Потапова, который гласит: «Трудовые скотоводы платили зякет потому, что они кочевали на земле хана, который фактически был верховным собственником земли». К сожалению, в докладе Л. П. Потапова осталось нераскрытым мимоходом брошенное замечание о том, что у кочевых народов существовала земельная рента, совпадающая с налогом, что было установлено К. Марксом у народов Востока.

Формы феодальной ренты видоизменялись в зависимости от уровня развития производительных сил и производственных отношений. Так, например, известно, что в 80-годах XVIII в. (а может быть и раньше) казахские ханы (Нуралы и Аблай) взыскивали натуральную ренту за перегон скота в степи и на «внутреннюю сторону» что являлось одной из форм земельной ренты.

При рассмотрении вопроса о сущности и специфике патриархально-феодальных отношений мы не можем обойти вопроса о классовой борьбе и о специфике надстройки. К сожалению, эти темы как в докладе, так и в содокладе остались в стороне. Следует отметить, однако, что С. И. Толыбеков выдвинул, на мой взгляд, очень рискованный тезис: «Борьба классов была борьбой за родовые интересы».

Подчеркну, что и в условиях кочевого хозяйства борьба за землю была наиболее жизненной формой классовой борьбы: она являлась выступлением трудовых масс против феодалов, узурпировавших основное средство производства.

[1] К. Маркс, Соч., т. XIX, ч. II, стр. 185.

С. М. ВАСИЛЬЕВ

Кандидат исторических наук

(Башкирский филиал Академии Наук СССР)

Доклад Л. П. Потапова в известной мере обобщает фактический материал вопроса и намечает пути дальнейшей разработки его применительно к истории отдельных народов, учитывая специфику их развития.

Однако следует отметить, что в докладе не прослеживаются этапы развития феодальных отношений у кочевников, в частности, генезис патриархально-феодальных отношений, перерастание этих отношений, соответствующих раннефеодальному периоду развития общества в отношении более развитого феодализма в связи с постепенным переходом кочевников к оседлости и земледелию.

Докладчик не учёл особенностей развития других не среднеазиатских кочевых народов. Поэтому приведу некоторые сведения о патриархально-феодальных отношениях у башкир, имеющих много общего с общественным строем народов Средней Азии и Казахстана при наличии некоторых особенностей.

В экономической жизни башкир в дореволюционный период, как это видно из архивных и других источников, продолжался процесс перехода от полукочевого скотоводства к земледелию и оседлости. В северной и западной Башкирии к этому времени сложилось вполне оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство, а в южной и восточной Башкирии преобладало полукочевое скотоводство. Земледелие здесь играло подсобную роль. Кроме того, башкиры занимались бортничеством, охотой, рыбной ловлей, а также промыслами и отчасти торговлей.

В башкирском обществе господствовали патриархально-феодальные отношения, сложившиеся на базе низкого уровня развития производительных сил, характеризующиеся наличием элементов родового быта. В этом обществе было два основных класса: патриархально-феодальная знать и рядовые общинники—непосредственные производители материальных благ. Господствующий класс в русских источниках тогда был известен под названием князей, мурз, тарханов, биев, старшин. Мурзы (князья) и тарханы—это различные группы господствующего класса феодалов, имеющие наследственные звания; старшины—должностное звание представителей башкирской администрации.

Самую многочисленную группу господствующего класса башкирского общества составляли тарханы, которые имели довольно древнее происхождение. Они были здесь еще в период господства ногайских мурз, казахских и сибирских ханов.

В официальных документах XVII—XVIII вв. имена князей встречаются очень редко. «Повидимому,—писал А. П. Чулошников в своей статье «Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII вв.»,—с развитием в условиях Московского государства института служилого тарханства, унаследованного от татар Казанского и Астраханского ханств, остатки владетельных «князцев», когда-то немногочисленных в составе башкирского общества, постепенно перешли в ряды этого класса (тарханов,—*С. В.*), хотя, правда, процесс этот и растянулся на много десятилетий»[1].

Князья (мурзы), представляющие в башкирском обществе феодализированную патриархально-родовую знать, в течение XVII и первой половины XVIII вв. в основном перешли в разряд служилых башкир-тарханов. Так, например, в 1734—1735 гг. 46 человек из княжеских фамилий Кипчак-

[1] Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1, М.—Л. 1936, стр. 10.

ской и Кара-Табынской волостей были переведены в тарханы[1]. Однако некоторая часть из числа башкирских старшин не всегда охотно шла в тарханы, желая сохранить свою роль «родовитых властелинов» над башкирскими крестьянами. Между тем, в составе русского государства все башкирские феодалы должны были нести службу русским царям. В связи с этим потеряли своё реальное значение все прежние наследственные звания, выражавшие среди господствующего класса унаследованную феодальную иерархию; формально все они были уравнены в своих правах и рассматривались как служилые «инородцы» Русского государства.

Если формально различные группы феодальной знати выступали перед Русским государством как служилые люди, то в экономическом отношении между ними существовало имущественное различие, особенно во владении скотом и пчёлами.

Говоря о башкирах восточной части Уфимской провинции, академик П. С. Паллас, посетивший эти места в конце 60-х—начале 70-х годов XVIII в., писал: «Нередко здесь сыскать владельцев, кои по нескольку сот лошадей имеют, а есть и такие, коих богатство в сем—от 2-х до 4-х тысяч лошадей простирается»[2].

Батыр Алдар, впоследствии ставший тарханом, имел до 8 тысяч лошадей[3]. Имущество тархана Исмаила Мундурова, захваченное башкирами во время феодально-монархического движения 1840 г., состояло из 200 лошадей, 30 коров, 40 овец—на общую сумму 1500 рублей, а домашнего скарба на 100 руб и наличных денег 300 руб[4]. О таком же имущественном различии среди башкир вообще и феодальной верхушки, в частности, свидетельствует неравномерное распределение бортнического хозяйства. «Всяк имеет,—писал о башкирах акад. И. Г. Георги, также посетивший Башкирию в конце 60-х — начале 70-х годов XVIII в.,—хотя несколько, а иные и 2-х, 3-х, 4-х и 5-ти сот ульев»[5].

Тарханы имели исключительное право распоряжаться неделенными общинными земельными угодьями всей волости, к которой они принадлежали. Общинная форма землепользования соответствовала интересам башкирских феодалов—крупных скотовладельцев. Пользуясь правом бесконтрольно распоряжаться общинными землями (тарханной привилегией), башкирские тарханы нередко осуществляли захват лучших кочевий и участков земли; такие акты узурпации общинных земель часто приводили к длительной борьбе башкирских общинников с тарханами. Узурпация общинных земель тарханами была связана с процессом становления феодального землевладения в Башкирии, что облегчалось наличием тарханных привилегий башкирских феодалов.

«Тарханы имели вольность перед ясачниками в том,—писал помощник начальника Оренбургской экспедиции А. И. Тевкалев,—что они, где бы похотели земли владеть, сена косить, рыбу ловить, в том ясашники спорить не могли, только до бортных ухожей и бобровых гон касатца нельзя, однако ж ныне есть, что тот обычай и у самих выходит, понеже всяк имеет земли и угодей довольно»[6]. Тарханы, распоряжаясь общинными землями, стремились превратить их в личную феодальную собственность.

[1] В. В. Вельяминов-Зернов, Источники для изучения тарханства, Записки Академии Наук, СПб, 1864, т. IV, кн. 2, № 6, стр. 12—14, 17—18.

[2] Путешествие по разным провинциям Российской империи, СПб, 1773. ч; 1; стр. 96—97.

[3] П. И. Рычков, История Оренбургская, Оренбург, 1896, стр. 45.

[4] Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1, стр. 405.

[5] Описание всех обитающих в Российском государстве народов, СПб, 1799, ч. II, стр. 98.

[6] А. И. Добросмыслов, Материалы по истории Росси., 1, Оренбург; 1900, стр. 106.

Башкирские тарханы в XVII—XVIII вв., как и раньше, за свою службу не получали денежного жалованья и не пользовались всеми правами русских служилых людей. Последние, как известно, наделялись поместьями, владели крепостными крестьянами, получали денежное жалованье.

По характеру происхождения тарханы делились на наследственные и личные. Наследственные тарханы, составлявшие основную группу, вели своё происхождение с ногайских времён, а новые или личные тарханы появились после принятия башкирами русского подданства. В рапорте оренбургского губернатора Мансурова в сенат 8 июля 1777 г. говорится о том, что «сей у них заслуженной чин одним давался вечно детям и внучатам, а другим на одну персону и всегда, когда на службу наряд бывал, то тарханы первые служить одолжались»[1].

Новые тарханские звания давались царским правительством тем старшинам и князьям, которые показывали усердие в охране границ Уфимского уезда, за участие в военных походах и в подавлении башкирских восстаний за верную службу в качестве старшин. Царское правительство рассматривало башкирских тархан, особенно новых, как социальную опору в проведении своей колониальной политики в крае. Новые тарханские звания присваивались пожизненно главе семьи, а остальные члены семьи обязаны были платить ясак. После смерти такого тархана его сыновьям присуждалось это звание только по их челобитным.

В первой половине XVIII в. тарханам были даны новые грамоты, и они были занесены в тарханские книги по именам[2].

Самую видную роль в башкирском обществе играли тогда старшины, в числе которых были князья, тарханы и просто «лучшие башкирцы», т. е. богатые члены башкирской общины. Разница между старшинами; тарханами и нетарханами состояла в том, что первые, в отличие от последних, были освобождены от ясака.

Башкирские старшины пользовались всеми выгодами занимаемого ими административного положения и допускали при этом большие злоупотребления. Так, например, старшина Каршинской волости Шерып Мряков ссужал деньгами рядовых общинников на условиях отработки долга и процентов по ним; собирал в свою пользу деньги с тептяро-бобыльского населения, припущенного на владение общинными землями и т. д[3].

Основываясь на башкирских преданиях, П. И. Рычков писал о старшине тархане Кусиме, что он «так усилился и самовластен был над башкирцами, что тех, кои в противность воли его поступали, вешал на деревьях и утоплял в воде, бросая в проруби»[4].

Злоупотребления и произвол со стороны старшин часто вызывали открытое недовольство башкирских общинников. Так, например, башкирские крестьяне Катай-Терсятской волости, жаловавшиеся в Оренбургскую губернскую канцелярию на «обиды и разорения» со стороны своего старшины Даута Еналина, в 1756 г. сожгли его дом и потребовали смещения его со старшинской должности»[5].

Формы и степень эксплуатации непосредственных производителей в башкирском обществе в рассматриваемый период определялись патриархально-феодальным характером производственных отношений, сложившихся на базе низкого уровня производительных сил.

[1] В. В. Вильяминов-Зернов, указ. соч.; стр. 47.

Н. Фирсив; Инородческое население прежнего Казахского царства в новой России до 1762 г., Казань, 1869, стр. 258.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР, ч. III, стр. 512—525.

[4] Топография Оренбургской губернии, Оренбург, 1887. стр. 380.

[2] Сенатский архив, т. X, стр. 482—483.

Патриархально-феодальный характер общественных отношений соответствует раннефеодальному периоду развития общества, в котором ещё сильны родовые пережитки. Это в первую очередь относится к башкирам южной и восточной частей края, где они вели полуоседлый образ жизни и занимались полукочевым скотоводством.

Исключение составляют значительные районы северной и западной Башкирии, где в условиях оседлого образа жизни населения развивалось феодальное землевладение. Эксплуатация непосредственных производителей этой части края постепенно принимала форму, какие применялись в русских помещичьих хозяйствах.

В условиях патриархально-феодальных отношений родовые пережитки получали новое содержание. Они подчас органически сливались с отношениями классового общества и служили средством феодальной эксплуатации населения. Особенно широко был распространен саун, т. е. раздача феодалами своего скота башкирским крестьянам для ухода за ним, также омэ («помощь») и аш («угощение»).

В связи с усилением феодальной эксплуатации и фискального гнёта росло имущественное неравенство среди башкирских крестьян. Последние не в состоянии были исправно выполнять свои общинные обязанности: платить ясак, нести повинности, отправлять службу и подводную гоньбу.

Чтобы оставаться на положении общинников и нести повинность, они занимали у тарханов, старшин и баев деньги под заклад имущества, детей или с условием отработки долга. Так, например, башкирцы Гайнинской волости, Оснинской дороги Артекей Тоогашев и Чичкан Ирспаев за занятые ими у башкира той же волости Шахманая Зебеева 12 руб., заложили в 1709 г. 4 лошади, 6 овец, 3 барана, пашни и луга. А башкиры деревни Уразаево, Оснинской дороги Шигай Теникеев и Девеней Канибеков заняли в 1713 г. 10 рублей у башкира той же деревни Еоскуна Уразаева под заклад своих детей.

Башкирские крестьяне попадали в зависимость к феодалам в результате всевозможных долговых обязательств. Эта зависимость в разных случаях принимала неодинаковые формы, доходя через посредство различных кабальных записей и до прямого закрепощения. Так в заёмной записи башкирки Гайнинской волости, Оснинской дороги Ногайбики указывалось, что она в 1711 г. заняла 10 руб. денег на расплату своих долгов у башкира той же волости Абдуллы Тленчеева. «А за те взятые деньги, сказано в записи, дала я, Ногайбика, ему Абдулле, дочь свою родную, девку Кызгича... И живуче ей, Кызгыче, у него, Абдуллы, во дворе, вольно ему Абдулле, тое мою дочь выдать замуж за крепостного своего человека».

Это свидетельствует о том, что ясачные башкиры шли в холопы не только к русским помещикам, но и к башкирским и татарским феодалам.

Еще К. Маркс обратил внимание на усиление холопства в Башкирии. Маркс писал: «Иногда являлось стремление ограничить холопство по крайней мере в некоторых местах государства. Так, например, в одной грамоте 1646 г. уфимскому воеводе приказано наблюдать, чтобы никто не отдавал себя в залог по крепостям, но это происходило лишь потому, что многие тяглые и ясачные шли в холопы, чтобы уклониться от государственных повинностей. Подобные запрещения имели место ещё в 1665 г. в поволжских областях»[1].

Наиболее обнищавшие и разорившиеся от фискального гнета и от эксплуатации собственных феодалов башкиры продавали в крепостную неволю своих детей и родственников. Установилась даже определённая рыночная цена этих крепостных из башкир, татар, мишарей и других, которая в зависимости от возраста колебалась от 10 до 20 рублей за взрослого человека и от 1 до 5 руб. за малолетнего.

[1] Журнал «Молодая Гвардия», № 1, 1926, стр. 111.

Самую низшую ступень социальной лестницы башкирского общества составляли ясыры (пленники), которые по существу находились на положении рабов. Пленные захватывались во время феодальных набегов как внутри Башкирии, так и вне её. Ясыри обычно работали в хозяйстве феодала; они ухаживали за скотом и выполняли всякие домашние работы. Основную массу ясырей башкирские феодалы продавали среднеазиатским купцам и только незначительную часть оставляли для работы в своем хозяйстве. Ясыри продавались и покупались как внутри Башкирии, так и за её пределами.

Земельные отношения в Башкирии определялись тогда патриархально-феодальным характером общественных отношений. Башкиры владели своими землями на началах вотчинного права. Несмотря на это царское правительство постоянно вмешивалось в земельные дела башкир: оно разрешало или запрещало продажу и покупку земельных угодий, захватывало башкирские земли для строительства городов, крепостей и заводов и для раздачи их служилым людями в поместья и т. д.

После присоединения Башкирии к Русскому государству башкирские родовые территории стали называться волостями. Внутри волостей впоследствии шёл процесс выделения новых родовых групп. Волости, таким образом, стали родоплеменными. В связи с развитием производительных сил и торговли происходило смешение населения. Башкирские родоплеменные волости постепенно становились территориальными, однако, старые родовые территории и формы родового управления продолжали сохранять свое значение и в условиях победы и утверждения патриархально-феодальных отношений. Внутри отдельных волостей происходило естественное распределение земли между аймаками—родовыми группами. Территория каждого аймака называлась тюбе. Последнее составляло общинную собственность членов аймака. Аймачные вотчины занимали большую территорию при малочисленности их владельцев—башкир-скотоводов. Поэтому большая часть земли оставалась в общем владении общины и переделам не подвергалась. Другая часть земли, расположенная около призимовочных участков, подвергалась дележу между отдельными семьями на «повытья» или «жеребья», которые, однако, впоследствии переделу также не подвергались.

Башкирская община устанавливала порядок владения и пользования земельными угодьями, а также определяла обязанности ее членов в отношении платежа ясака и несения всяких других повинностей. Так, в 1702 г. башкиры разных деревень Гирейской волости составили договорную запись о порядке владения вотчиной и записали следующие пункты.

1) Вотчина является общей собственностью всей общины. Вопрос о припуске пришлого населения на владение угодьями вотчины должен решаться всей общиной. Припущенники в вотчине должны жить по старым договорам, если же кто из них не пожелает пользоваться вотчиной и решил выехать в другое место, то «что они бортей сделают, и те борти и их повыток разделить нам... по с е б е»; 2. Платить ясак и нести линейную службу всем поровну[1].

В пределах Казанской и Оснинской дорог в это время наблюдается процесс размежевания земель между аулами. Так, например, в 1707 г. была заключена мировая запись между двумя аулами Енисейской волости о разделе лугов. Однако в южной и восточной частях края, в преде-

[1] Материалы по истории Башкирской АССР, ч III, стр. 52.

лах Ногайской и Сибирской дорог, башкиры владели землей волостными общинами, что было вызвано потребностями полукочевого скотоводства.

Вместе с тем, внутри башкирской общины шел процесс концентрации общинных земель в руках феодальной знати. Эти облегчалось наличием у башкирских феодалов тарханных привилегий, дававших им право свободно распоряжаться общинными землями. Старшина Каршинской волости Шерип Мряков в 1735 г. захватил земли и все постройки башкирской деревни Касаево, а жителей выслал в другую волость. В 1741 г. он же отобрал земли с лесом и бортями, принадлежавшие мишарю деревни Енагушево, Сибирской дороги.

Узурпация общинных земель со стороны башкирских феодалов имела место и в пределах Ногайской и Сибирской дорог. Так, в 1698—1700 гг. шла борьба между тарханами и рядовыми башкирами Юрматынской волости за вотчину по р. Ашкадыр, захваченной тарханами.

Итак, в башкирском обществе происходило развитие и укрепление патриархально-феодальных отношений и наметилось перерастание этих отношений в отношения более развитого феодализма по мере перехода башкир к оседлости и земледелию.

С. З ЗИМАНОВ

Кандидат юридических наук

(Казахский юридический институт)

Насколько я могу оценить доклад Л. П. Потапова, он по силе логики и научной аргументации в основных своих выводах, несмотря на отдельные частные недостатки, является обоснованным. К сожалению, этого нельзя сказать о содокладе С. И .Ильясова.

В нем имеют место путаница, поверхностные, иногда противоречивые выводы. К ложным выводам относится мысль, что в дореволюционной Киргизии господствовали якобы родовые порядки, институты, утверждение о господстве общинной собственности на землю.

С. И. Ильясов договорился до того, что в Киргизии до Октябрьской революции существовала патриархальная семья. С. И. Ильясов, мне кажется, глубоко заблуждается.

Внешние признаки жизни отдельных семей не должны быть приняты за сущность семьи. По мнению С. И. Ильясова, стоит только жить под одной крышей с отцом и сыновьям и внукам, чтобы такая семья являлась патриархальной. Это, конечно, неверно, ибо последняя возникает на определенной ступени общественного развития.

Своё выступление посвящу развитию отдельных положений доклада Л. П . Потапова применительно к условиям Казахстана в связи с теми разногласиями, которые выявились в ходе дискуссии.

Основные специфические черты каждой общественно-экономической формации не лежат на поверхности явлений, а отражают внутреннюю закономерность.

Сила научного исследования в области истории в том и заключается, что оно познаёт тайны общественных процессов, «скрытых пружин» истории, познаёт закономерность.

Так же как и все другие антагонистические общественно-экономические формации, феодализм имеет основу, характерные особенности и закон возникновения, расцвета и гибели. В основе феодального способа производства лежат феодальные производственные отношения, а в основе последних лежит феодальная собственность на землю. Земля является основой извлечения прибавочной стоимости феодалами. Только на

основе феодальной собственности на землю возникает первоначальная форма прибавочной стоимости—отработочная рента.

Некоторые исследователи Казахстана считают, что указания классиков марксизма-ленинизма относятся к классической форме феодализма, к странам с господствующим земледелием. А что касается слабо развитых феодальных стран с иными формами хозяйствования, как, например, Казахстан, то феодализм в этих странах, по их мнению, имеет другую определенную основу и иные характерные особенности, как общественно экономическая формация.

Но, во-первых, марксистско-ленинская теория об общественно-экономических формациях, о феодализме в частности, основана на глубоком анализе всей совокупности особенностей каждой из них и отражает не какие-либо вариации, а характеризует общественно-экономическую формацию, как таковую, в целом.

Что это действительно так можно без труда усмотреть из работ классиков марксизма-ленинизма, где при анализе производственных основ сплошь и рядом содержатся ссылки как на страны Азии, так и Европы.

К. Маркс в «Капитале», говоря о прикреплении к земле крестьянина при феодализме, тут же подчёркивает некоторую особенность в отдельных странах Азии, когда непосредственному производителю противостоят если не частные земельные собственники, то государство в качестве земельного собственника и вместе с тем и суверена. К .Маркс указывает, что при этом земельная рента и налог совпадают.

В другом месте К .Маркс, говоря о натуральном характере феодального хозяйства, содержащем в себе причину медленного общественного развития, тут же указывает на длительное застойное состояние общества в странах Азии, как на особенность их развития.

Аналогичные указания мы находим в работах В. И. Ленина и И. В. Сталина. Однако нигде ни прямо, ни косвенно классики марксизма-ленинизма не говорят об особых путях развития стран Азии, хотя им было известно, конечно, о существовании кочевых народов в Азии. Можно ли после этого говорить, что классики марксизма-ленинизма имели в виду только земледельческие страны? Это было бы глубоким заблуждением.

Не может быть феодализма без феодальной основы—феодальной собственности на землю.

Порочность предпосылки научных построений отдельных авторов привела и приводит их к другим серьезным ошибкам. Известно, что при феодализме непосредственные производители обладают условиями труда, имеют хозяйственную самостоятельность и в то же время остаются лично зависимыми. Сила принуждения, при помощи которой реализуется прибавочная стоимость, носит внеэкономический характер.

Некоторые историки и экономисты Казахстана говорят, что в Казахском обществе феодалы наделяли крестьян скотом и это якобы составляло основу феодальной эксплуатации, феодальной ренты. Такая мысль приводилась и в содокладе С. И. Ильясова.

Это положение неверно, поскольку в условиях дореволюционного Казахстана наряду с феодальной собственностью на скот существовала и крестьянская собственность на скот. Следовательно, наделение скотом не могло иметь всеобщего характера и тем более не могло служить основой феодальной зависимости непосредственных производителей.

Сошлёмся на факты. В 40-х годах XIX в. во внутренней казахской орде в большинстве родов была произведена персональная перепись поголовья скота каждого хозяйства для обложения налогом. В качестве типичного примера сошлёмся на тайфу «Салтай» рода Жаппас. В ней было 42 хозяйства, из них 35 семейств имели в своём распоряжении такое ко-

личество скота, которое позволяло им быть экономически самостоятельными и исключало постоянное получение ими надела скотом от богатых.

Так, например, 28 хозяйств из 35 имели на правах собственности от 5 до 50 голов крупного скота, от 20 до 100 голов баранов. Нет оснований думать, что эти крестьяне прибегали к постоянной помощи феодалов. В то же время документы говорят, что в этой тайфе из 42 хозяйств 7 являлись малоскотными и бесскотными. Они и прибегали к постоянной помощи феодалов.

Думать, что скот у кочевников является чужим, полученным в результате наделения им феодалами, это значит грешить против исторических фактов.

Кроме того, при принятии утверждений указанных исследователей совершенно не остаётся места для хозяйственной самостоятельности отдельных семей, внеэкономического принуждения, что характерно для феодальной системы производства. При этом личная зависимость полностью заменяется экономической зависимостью.

На самом деле, если бесскотная семья, обладающая только голой рабочей силой, каждый раз является к феодалу за скотом, то ясно, что тут действуют законы экономического принуждения. Это не то, что законы феодального способа производства, где крестьянин выступает постоянным владельцем основного и других условий труда, где формы земельной ренты реализуются не в силу того, что непосредственные производители были вынуждены экономически, а наоборот, в силу личной зависимости, в силу действия внеэкономического принуждения.

Утверждения о том, что «саун», «жуан беру», «колик-майы», как мы это слышали здесь, являются якобы всеобщими формами закрепления крестьян, содержат в себе больше наивности, чем серьезного отношения к делу. В действительности указанные институты являлись средствами усиления зависимости кочевников от феодалов. Степень их применения в различное время принимала различный масштаб, в зависимости от колебания экономического состояния крестьянских хозяйств .Саун—это явление единичное, а не всеобщее.

Кроме того, нам не известны факты, когда крупные феодалы жаловали бы другим феодалам табуны лошадей, коров, баранов в качестве основного средства производства Этого никогда не было. Если в XIX в. жаловали, то только землю.

Мы только несколько не согласны с Л. П. Потаповым, когда он, идя на уступки, утверждает, что для кочевников были характерны отношения эксплуатации непосредственного производителя, возникшие на основе наделения феодалами обедневшего крестьянина скотом.

Для точности надо сказать, что основой отношений господства и подчинения являются только земельные отношения. Что касается наделения феодалами обедневших крестьян скотом, то это было средством, усиливавшим зависимое состояние непосредственных производителей. Такие средства известны и другим, в том числе земледельческим, странам. Считать, что есть категория отношений эксплуатации, возникшая в своей первооснове от наделения скотом, было бы неправильным.

Некоторые смешивают такие различные вопросы как общинная форма землепользования и феодальная поземельная собственность.

Мы говорим — одно составляет форму, а другое — содержание. А нам говорят—нет, будьте любезны примите форму за форму и еще ее же примите за содержание.

Между возникновением фактической земельной собственности и оформлением ее юридически лежит некоторый период времени возведения и закрепления этих отношений в праве; при этом юридическое оформление

может произойти в различных формах. Поэтому неосновательно ссылаться на обычное право казахов, где еще слабо представлены правовые нормы феодальной поземельной собственности.

Короче говоря, методологической и теоретической ошибкой некоторых исследователей является то, что они, исследуя феодальные отношения в конкретно-исторических условиях Казахстана, рассматривают их не как одно из проявлений феодализма, а в отрыве от него. При этом специфические черты феодальных отношений в Казахстане освещаются не в связи с общими основами феодализма, а как самодавлеющие явления.

Мне хотелось бы обратить внимание на следующее:

1. Феодализм, как и другие общественно-экономические формации, имеет ряд ступеней развития. К. Маркс относительно рабовладельческого хозяйства указывал, что оно «тоже проходит ряд ступеней от патриархальной системы, рассчитанной преимущественно на собственное потребление, до собственно-плантаторской системы, работающей на мировой рынок».

Начальной ступенью развития феодализма, когда он вырос непосредственно из недр первобытно-общинного строя, является строй с господством патриархально-феодальных отношений.

Таким образом, патриархально-феодальные отношения отражают общую историческую закономерность и соответствуют, как правило, ранней стадии развития феодального общества.

2. Однако в истории некоторых народов такой период с господством патриархально-феодальных отношений не был столь длительным, как, например, в истории казахского народа. По самым осторожным подсчётам патриархально-феодальные отношения в Казахстане имеют более чем тысячелетнюю давность.

Специфической чертой общественного строя Казахстана было то, что здесь патриархально-феодальные отношения оказались более жизнеустойчивыми и продержались в течение весьма длительного исторического периода.

Патриархальная оболочка была нужна эксплуататорскому классу и для маскировки эксплуататорской сущности феодализма в Казахстане.

3. Мы считаем, что патриархально-феодальные отношения, как форма, присущи ранней ступени развития феодализма. Однако правильно ли будет считать, что дореволюционный Казахстан находился еще на ранней стадии феодального развития? Я думаю, что это будет не совсем правильно. Феодальные отношения под покровом первобытно-общинных форм, хотя медленно, но развивались на протяжении столетий, не теряя при этом своей ранней формы.

Анализ общественного строя казахов XVIII—XIX вв. убеждает в том, что по уровню развития феодальной эксплуатации и феодальной зависимости непосредственных производителей в Казахстане существовали развитые феодальные отношения. Существовала имущественная дифференциация внутри казахской общины, бедность и богатство развивались до крайних пределов, чётко характеризовались отношения господства и подчинения.

При наличии патриархального быта, общей экономической отсталости, положение зависимых крестьян оставалось весьма тяжелым. Многие категории кочевников по своему правовому социальному положению почти не отличались от рабов (консы, байгуши и др.).

Нельзя говорить, что казахи в начале XIX в. находились на ранней стадии феодального развития.

В странах, где патриархально-феодальные отношения сохранились до Октябрьской революции, феодальные отношения при достигнутом уровне

развития производительных сил прошли стадию юности, расцвета и подходили к гибели. Развитие феодальных отношений шло при сохранении старых форм на низкой материальной основе, поэтому оно не могло не быть длительным и крайне мучительным для народа.

Патриархально-феодальные отношения являются переходной формой производственных отношений. Как правило, переходные общественные явления возникают в процессе смены одной общественно-экономической формации другой и вместе с тем происходят внутри одного и того же строя. Ленин учил, что если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его развития, то в нём всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего.

Ключём к пониманию сущности патриархально-феодальных отношений в Казахстане является вопрос о взаимодействии этих отношений— отношений прошлого, настоящего и будущего внутри общества.

Каждая страна имела свои особенности, изучение которых составляет задачу исследователей. В совокупности, в виде предварительного общего замечания, можно сказать, что в Казахстане:

а) пережитки докапиталистических формаций в значительной степени сохранились в общественной жизни в виде патриархальных форм, прикрывающих феодальную сущность экономических отношений;

б) основа феодализма — феодальная собственность на землю выступала, при живучести пережитков прошлого, в общинной форме землепользования и не получила законченного юридического оформления в виде юридического права феодальной поземельной собственности;

в) буржуазные отношения в недрах казахского феодального общества получили совершенно незначительное развитие.

Несколько слов скажу о выступлениях наших авторитетных ученых. Надо сказать, что они дали нам очень многое, но вместе с тем кое-что надо и уточнить.

Выступавшие А. Н. Бернштам и В. С. Батраков, насколько я понял, направляли нашу мысль на изучение истории отдельных земель, стран, как части общеазиатского процесса. Они утверждали, что раз рабство существовало в Азии, то оно должно было иметь место и в Казахстане. По-моему это не то, чему учит материалистическая диалектика—рассматривать явления, процессы во взаимосвязи и обусловленности, ибо здесь речь идёт о соотношении общего и частного. Такой метод не может считаться правильным. Предлагаемый метод исследования привел бы нас к нивелировке особенностей, специфики отдельных районов и их историческом развитии.

При изучении истории надо в основном идти от изучения отдельных, частных проблем к познанию общих закономерностей, а не наоборот.

Мне кажется, что в некоторых заблуждениях В. Ф. Шахматова и других повинна и редакция журнала «Вопросы истории», которая, зная о существовании разногласий на периферии в течение нескольких лет, не смогла организовать на своих страницах выступлений известных учёных, которые, как заверил нас в этом А. Н. Бернштам, давно отошли от неправильной позиции и стали на правильные позиции. В Казахстане же В. Ф. Шахматов и С. И. Толыбеков, считая себя крупными научными работниками, не хотели считаться с более мелкими научными работниками.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО
Л. П. ПОТАПОВА

Наша дискуссия подошла к концу. Следует подвести некоторые итоги этой дискуссии, отметить её положительные стороны и недостатки.

В основном это была плодотворная дискуссия. Её творческий характер виден в том, что мы с вами в результате обсуждения доклада безусловно продвинулись вперед в разработке большой проблемы, имеющей важное значение для истории народностей нашей страны, и не только Средней Азии и Казахстана, но и народностей других районов нашей Родины. Проблема эта имеет важное значение не только для понимания дореволюционного прошлого многих народностей, но и для советского периода, для понимания настоящего.

Дискуссия позволила увидеть наши недостатки, вскрыть некоторые ошибки, подметить что нам мешает двигаться вперед, что тянет нас назад. Мы выяснили и уточнили в результате обсуждения и наши ближайшие исследовательские задачи в разработке ряда вопросов.

Успех дискуссии—результат того, что большой и дружный отряд советских учёных, занимающийся изучением вопросов истории народов Средней Азии и Казахстана, опирается в своих исследованиях на марксистско-ленинское учение об обществе.

Какие же выводы вытекают из обсуждения первой темы повестки дня сессии?

Существенным достижением нужно признать, что здесь выявились общие взгляды на ряд важных вопросов дореволюционной истории народов Средней Азии и Казахстана, ведущей отраслью хозяйства которых было полукочевое или кочевое хозяйство. Доказано, что эти народы находились на стадии развития классового общества, на стадии феодального общества, в котором зарождались и капиталистические отношения, но не на стадии первобытно-общинного строя, хотя бы в фазе его разложения.

В. С. Батраков, который рассказывал здесь, как ему трудно было начинать свою работу в конце двадцатых годов и как трудно было пробивать дорогу новому освещению вопроса о феодальных отношениях у кочевников, все-таки забыл о том, что в этот трудный период, когда наша историческая наука в своем развитии стояла, конечно, на гораздо более низкой ступени развития, чем сейчас, и в его работе были высказаны сомнения по поводу очень существенного вопроса, что только земля может быть единственной основой для развития феодальных отношений в кочевом обществе. А. Н. Бернштам правильно сказал, что, когда мы начинали свои исследования в этих вопросах, очень многие из нас ошибались. Но мы сумели найти решимость преодолеть эти ошибки и пойти дальше, чего нельзя сказать о некоторых участниках нынешней дискуссии

В вопросе характеристики феодальных отношений у кочевых и полукочевых народов, как отношений патриархально-феодальных, советские историки установили, что эти отношения возникли и существовали на основе общих закономерностей феодализма, одинаково присущих как народам с преобладанием земледельческого хозяйства, так и народам с преобладанием кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства. Теперь можно считать установленным, что единственной основой феодализма у народов с кочевым и полукочевым скотоводческими хозяйством была феодальная собственность на землю, феодальная собственность на пастбища и кочевья.

В. Ф. Шахматов и С. И. Толубеков, представляющие здесь в этом вопросе противоположную точку зрения, остались по существу в одиночестве. Они не получили поддержки на сессии, как не получили они поддержки на ученом совете Института истории Казахской Академии Наук. Они там, как и здесь, встретили решительный и единодушный отпор выступавших, о чем я могу судить по стенограмме заседания ученого совета. На сессии они снова получили полную возможность изложить свои взгляды. И здесь та же картина. С ними не соглашаются, им доказывают неправильность, несостоятельность их взглядов но они на это не очень-то обращают внимание.

Наши историки ушли далеко вперед и пытаются повести за собой, взять на буксир В. Ф. Шахматова и С. И. Толубекова, а они сопротивляются, не хотят сойти с неверных позиций. Их по-товарищески убеждают, им доказывают их неправоту, а они не желают согласиться с большинством, признать свои ошибки.

Почему?

Думаю, что это происходит оттого, что эти товарищи, претендуя на марксизм, все же не знают некоторых, я бы сказал, азбучных истин марксизма. Что общего имеет с марксизмом та путаница, которую пытались внести товарищи Шахматов и Толубеков в такой ясный и разработанный вопрос, как понятие о том, что такое основное средство производства. К. Маркс его прекрасно разработал. Какая нам необходимость пересматривать взгляды Маркса в этом вопросе? Чем это вызвано? В .Ф. Шахматов и С. И. Толубеков допускают в этом вопросе две ошибки. В. Ф: Шахматов различает понятия: средства производства и условия производства, К. Маркс не делал различия между основными средствами производства и основными или главными условиями производства. В этой связи мне придется напомнить одно известное место из «Капитала», где говорится: «Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям—отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего,—вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, сокровенную основу всего общественного строя»[1]. Здесь, как Вы заметили, термин «средства производства» заменен термином «условия производства» в качестве синонима.

[1] К. Маркс, Соч., т. XIX ч. II, стр. 353. Добавим к этому, что, характеризуя феодальные производственные отношения и касаясь положения крепостного крестьянства, Маркс писал, что земля «противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике» (там же, стр. 807). Здесь Маркс именует землю «условием труда», хотя речь идёт о феодальных отношениях в оседлом земледельческом хозяйстве. Называет Маркс землю «условием производства», а иногда даже и «орудием производства» и когда анализирует капиталистический способ производства, отнюдь не противопоставляя этого термина термину «средства производства» (там же, стр. 168, 367).

Товарищи Шахматов и Толубеков, видимо, не заметили этого, а запомнили только различие терминологии.

Нельзя же так начётнически, формально подходить к высказываниям основоположников научного коммунизма, брать каждый термин, каждое слово в отрыве от общего смысла, в отрыве от общего учения. Отсюда вытекают и другие ошибки.

Например, упомянутые товарищи говорят, что при кочевом скотоводстве человек пассивно относится к земле, не прилагает к ней труда, поэтому земля не может быть в этих условиях основным средством производства. Скот сам пасётся, сам ест траву, сам воду пьёт, а кочевник-скотовод, как бы ничего не делает, не прилагает никакого труда к земле, к пастбищам и кочевьям.

Особенно странно было слышать это от С. И. Толубекова, который должен знать как много труда вкладывает рядовой кочевник-скотовод не только в уход за скотом, но и чтобы обеспечить кормовую базу для скота, обеспечить выпас, особенно в зимних условиях. Кочевник разыскивает пастбища, устанавливает маршруты кочевок, заботится, чтобы пастбища не были стравлены к зиме, он устраивает водопои, защищает пастбища от снеговых заносов и т. д., словом он прилагает много труда к тому, чтобы сделать пастбище наиболее пригодным.

Труд кочевника-скотовода был очень тяжелым трудом, как тяжелой и трудной была вся его жизнь. И было бы несправедливо по отношению к казахскому и другим народам, занимавшимся ранее кочевым скотоводством, утверждать, что рядовые скотоводы-труженики, которые с огромными усилиями боролись с природными и общественными условиями, были какими-то бездельниками, что все им давалось легко и просто. Скот сам добывал себе пропитание, рос и размножался, а они только присматривали за ним, доили и стригли шерсть, забивали его на мясо. Почему такое несправедливое отношение к трудящимся кочевникам, к рядовому скотоводу? Бездельничали только баи-феодалы, а не трудящиеся кочевники. Тезис о том, что скотовод-кочевник не применял труда к земле, не выдерживает сопоставления с фактами.

В. Ф. Шахматов спрашивает, как воспроизводилось основное средство производства—пастбища. И. Я. Златкин, как и некоторые другие ответили ему, что пастбища и кочевья воспроизводились посредством применения большого и тяжелого труда по охране травостоя, умелого его стравливания, обеспечения водопоями и т. д. Очень хорошо говорил об этом М. Б. Ахинжанов, возражая против точки зрения тт. Шахматова и Толубекова, утверждающих, что пастбище не может быть основным средством производства для бедняка, который лишился скота, что земля у кочевников не является средством производства.

В. Ф. Шахматов готов признать пастбище в качестве условия производства, но не в качестве средства производства.

Он говорит: «можно иметь пастбище, но что вы с ним будете делать, если у вас нет скота? Зачем вам тогда такое средство производства?»

Конечно, на это можно ответить: а что вы будет делать со скотом, если у вас не будет пастбища? Но дело не в этом и не в том, что противопоставляются средства и условия производства. В. Ф. Шахматов вообще неправильно рассуждает. На что бедняку пастбище, у него и скота-то нет? Но ведь так именно рассуждали только феодалы. Бедняк-скотовод, лишенный скота, так рассуждать не мог. Ему нужно было пастбище, он мог многое сделать с этим пастбищем, если бы он был действительным распорядителем, он нашел бы способы его использования, даже если он и лишился по той или иной причине скота. Пого-

ворите на эту тему со стариками колхозниками и убедитесь как ценила беднота пастбища и кочевья и как нуждалась в них в дореволюционном прошлом.

Еще об одной теоретической ошибке, которая может привести к нехорошим выводам.

С. И. Толубеков отрицал земельную собственность казахских феодалов, отрицал, что они были собственниками кочевий и пастбищ. По его мнению, это были особые феодалы, феодалы не имеющие земельной собственности. Ханы, султаны и другие феодалы были собственниками скота, но не были собственниками земли. Мне кажется, эти ханы и султаны, вам овацию устроили бы, товарищ Толубеков, если бы они были здесь. Именно они часто так и говорили в условиях царизма, маскировали себя, проповедывали, что они не являются земельными собственниками, «земля общая»—говорили они. На чью же мельницу Вы льете воду, защищая такое положение? Должен заметить, что и С. И. Ильясов, можно сказать, попался на эту удочку. Он идёт, правда, дальше: киргизских биев и манапов он даже не считает феодалами, а лишь администраторами. Благодаря тому, что они были администраторами, они и распоряжались землями, а собственниками земли они не были. Администраторы, как известно, всякие бывают, даже в наше время. Бывают хорошие администраторы, бывают и плохие. Отсюда получается, что можно плохого администратора заменить хорошим администратором, плохого манапа заменить хорошим манапом, что сам по себе манап не страшен, ибо он не феодал, а только плохой или злой администратор. Вот к каким выводам можно придти. Идя от неверного теоретического положения можно придти к ошибочным политическом выводам, можно скатиться объективно к защите крупных феодальных собственников. Эта опасность подстерегает и т. Толубекова.

Н. Г. Аполлова назвала «рискованным» утверждение С. И. Толубекова, что борьбу классов у казахов он представил нам здесь как борьбу за родовые интересы. Это не только рискованное утверждение, это неверное и опасное утверждение. Оно перекликается с тем, с чем мы все время боролись в первые годы Советской власти, до коллективизации, в момент коллективизации и позднее. Видимо, и сейчас надо вести решительную борьбу против таких взглядов.

Думаю, что я сделал правильно, что на первых вводных страницах моего доклада напомнил, как смотрели на этот вопрос различные наши недруги, в том числе и националисты. Вы должны это иметь в виду, тов. Толубеков. Ведь они считали, что была борьба за родовые интересы, за групповые родовые интересы, а классовой борьбы у казахов не было. Вот почему, тов. Толубеков, я не могу согласиться с Вашей заключительной фразой, в которой Вы мне так любезно приписали банальность взглядов, очевидно, рассчитывая на оригинальность своих собственных. Я не старался, правда, быть особенно оригинальным, я старался, насколько мог, быть верным в своих теоретических взглядах марксистско-ленинским принципам.

Отрицая роль земли, как основного средства производства, в своём выступлении В. Ф. Шахматов спрашивал: как может происходить эксплуатация кочевников при наличии свободных земель? По его мнению, у казахов было много свободных земель. Этому нельзя поверить. Не было свободных земель у казахов, все они были в феодальной собственности и при ханах и при царизме. Откуда Вы взяли, что были свободные земли? Почему же в таком случае трудящимся скотоводам приходилось вести борьбу за землю? Давно прошла та пора, когда земля была в своей

«первобытной неограниченности». Это было в глубокой древности, когда далекие предки-кочевники только начинали осваивать степи для скотоводства. При владычестве казахских ханов и при царизме свободных земель не было, все они находились в собственности феодала. Поэтому-то трудящимся скотоводам приходилось бороться за землю. Не случайно же первые мероприятия Советской власти в Казахстане, как и в других областях с преобладанием кочевого скотоводства, были направлены к передаче земель трудящимся скотоводам.

И еще об одном несостоятельном аргументе В. Ф. Шахматова. Он говорил, что, когда русский помещик раздавал землю крестьянам, наделял ею крестьян, тогда земля являлась основным средством производства, которым помещик и наделял крестьян. Феодал же у кочевников устраивал запретные зоны, в которые не пускал кочевников. Следовательно, вместо того, чтобы наделять землею, как основным средством производства кочевников, феодалы, напротив, оберегали земли от непосредственных производителей.

Конечно, русский помещик наделял землею крестьян, но и у русского помещика были такие земли, которыми он не наделял крестьян, на которые он не пускал крестьян. Крестьянин не мог зайти на некоторые земли помещика, на барскую землю, за это его пороли, штрафовали. Чего же тут особенного? Феодал, помещик—это монопольные собственники земли. Некоторые земли ему было выгоднее оставить только для себя. Ведь я говорил не о всех землях, что они запретны, а только о некоторой их категории, о хуруках .

Выступавшие здесь А. Е. Еренов, А. Б. Турсунбаев, Н. Г. Аполлова, С. З. Зиманов и другие привели большой материал о феодальной собственности на землю у казахов[1]. Мы находим такие факты в опубликованных работах М. П. Вяткина, в работах самого В. Ф. Шахматова. Неужели это вам неизвестно, Виктор Федорович? Неужели Вы не знаете этот фактический большой материал по феодальной собственности казахов? Для чего вы его замалчиваете? Не является ли это борьбой с фактами? Но где начинается борьба с фактами, там кончается наука.

Вы, Виктор Федорович, могли бы всем нам помочь в решении этого очень важного вопроса своими знаниями, могли бы выявить и сконцентрировать такой материал. А Вы закрыли глаза на эти материалы. Знаете о них и держите под спудом, словно не замечаете их, ибо это противоречит Вашей ошибочной гипотезе.

Кончая свои замечания по выступлению В. Ф. Шахматова, не могу, конечно, обойти молчанием изящный намёк, что в его ошибках повинен главным образом я. Он даже иронически поблагодарил меня. Я думаю, что благодарность не по адресу направлена. Её скорее нужно было адресовать книге покойного Владимирцова. Это будет справедливо. У меня на этот счёт другие взгляды.

Свыше 20 лет тому назад я выступил в печати в журнале «Советская этнография» (№ 5—6, 1932 г.) и ещё тогда сказал, что основным средством производства у алтайцев была земля и скот, поставив, правда, их на одинаковый уровень в смысле значения, и в этом только ошибочность моей позиции того времени.

В книге 1933 года, изданной в Новосибирске, я снова говорю: «Основным средством производства у алтайцев были—земля и скот». В этой книге, как во всех последующих работах, я указывал на феодальную земельную собственность у алтайцев, но в старых своих работах я не под-

[1] В выступлении А. Б. Турсунбаева, конечно, неверно отождествление аульной общины и класса.

черкивал или слабо подчёркивал бесспорное положение, что земля является основой феодализма у алтайцев.

В работах, опубликованных мною в период, когда в Горном Алтае шла коллективизация, когда развернулась жестокая классовая борьба, когда националисты, пробравшиеся даже в аппарат Обкома партии, кричали, что «у нас не было феодалов, у нас не было кулаков, у нас не было классовой борьбы, а вы коллективизируете население, ликвидируете кулачество как класс, какие они кулаки?», тогда нужно было ударить, прежде всего, по теории родового строя. И я, вместе с другими, бил по ней и, может быть, не очень тщательно развивал тогда теоретически концепцию о классовых феодальных отношениях у алтайцев. Но теперь я имею возможность уточнить и развить эти положения.

Выступая с утверждением «о скотоводческой ренте» у казахов, Вы говорите, что я сам, например, не показал форму земельной ренты у алтайцев. Если бы вы читали не пристрастно мою работу, то как раз нашли бы там описание и анализ земледельческой—натуральной ренты в главе об ясаке. Я ясно заявил, в чём был недостаток моей первоначальной формулировки, но я не настаивал на ней. Я всё время понемножку продвигаюсь вперед. Я и Вам предлагаю последовать моему примеру. Иначе получается, что на нашей сессии, как и на совещании в Казахстане, все ошибаются кроме Вас и т. Толубекова. Одним словом, вся рота идёт не в ногу, кроме вас двоих.

Теперь перейду к отдельным замечаниям и по некоторым выступлениям. Н. Е. Омелин сетовал на меня, что я не подчеркнул того обстоятельства, что кочует не скот, а население. Это мне не совсем понятно. Конечно, население кочует. Но почему? Из-за экономической необходимости. Скот заставляет население кочевать при пастбищной системе хозяйства, а не из-за того, что кочевники любят кочевать. Когда есть условия, кочевники оседают довольно охотно. Они не бродяги. У них нет прирожденной склонности к кочеванию.

По поводу выступления В. С. Батракова. В. С. Батраков сделал вывод из моего доклада, что я признаю недоразвитость феодальных отношений у кочевников. На деле я всегда боролся и борюсь с таким пониманием феодализма у кочевников. Но это мелочь. В. С. Батраков поставил интересный вопрос о степени развития феодальных отношений до революции у различных народов Средней Азии и Казахстана. На этот вопрос, конечно, трудно ответить без конкретного исследования. Но вопрос поставлен правильно. Мне бы хотелось поддержать в этом отношении В. С. Батракова.

Не буду останавливаться на более частных замечаниях, которых было довольно много в адрес моего доклада и, как мне кажется, в большинстве своём справедливых. Хочу в заключение сказать о том, что обсуждение моего доклада убедило меня в том, что доклад имел весьма существенный недостаток, который мне стал сейчас особенно ясным, но который в выступлениях хотя и отмечался, остался недостаточно подчеркнутым.

Этот недостаток заключается в том, что я только вскользь сказал, можно сказать декларативно, какую большую роль при рассмотрении феодальных отношений у кочевников Средней Азии играют оседлые земледельческие районы. Я недооценил роли и значения этих районов, рассмотрел кочевников в значительной степени изолированно. Мне понятно, почему я это недооценил, откуда идет этот недостаток. Я привык работать на более восточном, окраинном материале, где эти вопросы так конкретно не встают. А вот, когда я продвинулся вглубь Средней Азии, то и попал, так сказать, впросак, это моментально заметили.

Вторым существенным недостатком доклада считаю то обстоятельство, что понятие и термин «патриархально-феодальные отношения» у меня недостаточно уточнены. Мне кажется, термин «патриархально-феодальные отношения» нужно ограничить в применении в смысле хронологии. Не сделав этого, я недостаточно позаботился о том, чтобы выбить почву для толкования этого термина, как варианта «патриархально-феодальной формации». Небрежность, конечно, нежелательна в таких ответственных выступлениях.

В заключение скажу, что в результате наших оживлённых интересных, творческих прений всплывает ряд исследовательских задач.

Сейчас наступило время, когда надо срочно и интенсивно заниматься тем, чтобы писать конкретные исследования на такие темы, как, например, о феодальной земельной собственности у отдельных народов Средней Азии и Казахстана. Специальных работ на эту тему мы, по существу, не имеем, а они очень нужны. Я думаю, нужно сейчас писать конкретные исследования о формах земельной ренты у кочевых народностей. Это поможет укрепить теоретически правильные позиции, ибо наши, хотя и немногочисленные оппоненты стремятся все время дискредитировать наши правильные взгляды ссылкой на то, что мы мало приводим конкретных материалов.

Нужно писать и работы, посвященные кочевой аульной общине у отдельных народов на разных исторических этапах. Мы ведь уже и теперь не считаем кочевую общину родовой первобытной общиной, и работы в этом направлении будут очень полезны, это еще более укрепит нашу концепцию. Нужно продолжить, разумеется, разоблачение неверных взглядов по обсужденной проблеме.

Мне остаётся поблагодарить выступавших по моему докладу. Это очень много дало мне не только как докладчику, но и как исследователю.

Мне приятно отметить (я 25 лет не был в Средней Азии) огромный культурный рост наших среднеазиатских республик. Особенно ярко я почувствовал это, увидев, какие большие научные кадры выросли здесь. Исследование вопросов истории Средней Азии и Казахстана ведется теперь преимущественно в академических научных центрах этих республик.

И я думаю, что это залог того, что мы с вами в результате творческих усилий и, конечно, борьбы мнений, конечно со спорами (не без этого),—сумеем оправдать то огромное доверие, которое оказывает нам советский народ, Коммунистическая партия. Наша великая партия говорит нам: будьте марксистами, будьте ленинцами и это приведёт вас к тому, что вы сможете сделать нашу советскую науку самой передовой наукой в мире.

О ФОРМИРОВАНИИ БУРЖУАЗНЫХ НАЦИЙ В УЗБЕКИСТАНЕ И КАЗАХСТАНЕ

М. Г. ВАХАБОВ
Кандидат исторических наук
(Институт истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ УЗБЕКСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ НАЦИИ[1]

Доклад

До опубликования работы И. В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм» отдельные товарищи утверждали, что узбеки до Великой Октябрьской социалистической революции являлись народностью, что среди них еще не начался процесс национальной консолидации, что они пришли к советскому строю, минуя стадию национального оформления вообще. Это было результатом неправильного понимания вопроса о некапиталистическом пути развития народов Средней Азии и рецидивом буржуазно-националистического взгляда, отрицавшего зарождение капиталистических элементов среди местного коренного населения.

На основании этого буржуазные националисты пытались отрицать зарождение капитализма среди узбеков, хотели представить узбекское общество как монолитное и бесклассовое, как общество без классовой борьбы. По их трактовке, в социальных отношениях среди узбеков преобладали патриархально-родовые связи, которые были сильнее, чем классовый антагонизм, присущий буржуазным нациям. Для усиления своей позиции они привлекали в виде доказательства религию, выдвигая религиозную общность на место культурной общности. Это было конкретным проявлением пантюркистских и панисламистских взглядов на вопрос о национальном оформлении узбеков. Наши историки, неправильно трактуя учение В. И. Ленина и И. В. Сталина о некапиталистическом пути развития народов Средней Азии, считали, что все народы, проходившие некапиталистический путь развития, совершенно миновали стадию капитализма. Это положение они применяли в вопросе об определении зрелости национального оформления отдельных народов и объективно впадали в ошибку националистического характера.

Работы И. В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм» и «Марксизм и вопросы языкознания» внесли ясность в это дело; теперь все историки сходятся на том, что узбеки еще до Октябрьской социалистической революции вступили в полосу национального оформления и что положение о некапиталистическом пути развития не противоречит такому утверждению.

И. В. Сталин в вышеупомянутых своих работах причисляет такие народы как узбеки, казахи и туркмены к буржуазным нациям. Это показывает, что они до Октябрьской социалистической революции вступили в полосу национального оформления.

[1] Доклад М. Г. Вахабова печатается по тексту его фактического выступления на сессии в сочетании с положениями печатных тезисов его доклада, опубликованного отдельной брошюрой ко дню открытия сессии. *Редакция.*

Я не буду занимать время специальным приведением фактов о возникновении и развитии национальных связей среди узбеков, изложением истории развития отдельных элементов нации в недрах феодализма, как потенциальной возможности сложения нации, ибо вопрос о вступлении узбеков в полосу национального оформления для нас не является дискуссионным.

Подчеркивая это, я хочу сказать, что пусть у товарищей не складывается мнение будто я не придаю особого значения вопросу формирования узбекского народа в буржуазную нацию; считаю лишь уместным сказать, что если до появления этих работ И. В. Сталина мы утверждали, что узбеки до Октябрьской революции вообще не вступили в полосу национального оформления, то после опубликования работ Сталина некоторые товарищи ударились в другую крайность. Они причисляют все народы Средней Азии к категории буржуазной наций, независимо от того, на какой ступени национального оформления стоят эти народы. При этом совершенно не принимались во внимание указания В. И. Ленина и И. В. Сталина о состоянии экономики, культуры, быта этих народов, не учитывали того положения, что среди многих из них капитализм начал развиваться всего лишь 20—30 лет тому назад. Их не интересовала степень развития отдельных элементов наций.

В некоторых обобщающих журнальных статьях авторы безапелляционно утверждают, что такие народы как узбеки, туркмены, казахи успели оформиться в буржуазную нацию, а историки, работающие над историей формирования этих наций, изучающие процесс формирования этих народов в буржуазные нации, не находят оснований утверждать, что все элементы нации уже были налицо. Так и возникло разногласие по вопросу о степени формирования этих народов в нации перед Октябрьской революцией.

В настоящее время по данному вопросу существует две точки зрения Сторонники первой точки зрения говорят, что узбекский народ вступил в полосу национального оформления после присоединения Средней Азии к России, но к моменту Октябрьской социалистической революции процесс сложения его в буржуазную нацию не завершился, т. е. узбеки не достигли высшей ступени национального оформления. Другие товарищи утверждают, что узбекский народ еще до Октябрьской социалистической революции окончательно сложился в буржуазную нацию со всеми присущими ей чертами.

Мы придерживаемся первого взгляда. Вторая точка зрения поддерживается тов. Азизяном А. К. (см. его статью в журнале «Вопросы истории» № 9, за 1952 год) и некоторыми историками Узбекистана.

Само собой разумеется, выяснение этого вопроса имеет большое значение не только для создания истории узбекского народа дооктябрьского периода, но и для истории советского периода—периода социализма, ибо степень национального оформления того или иного народа до Октябрьской революции непосредственно отражается на процессе образования его в социалистическую нацию. Как известно, социалистические нации возникают и развиваются не в результате уничтожения наций вообще, а на развалинах старых буржуазных наций.

С такой точки зрения обсуждение этого вопроса на данной сессии для нас, историков Узбекистана, имеет важное значение. Мы надеемся, что участники сессии своими критическими замечаниями, советами и предложениями помогут нам, историкам Узбекистана, в правильном разрешении поставленного вопроса.

Для того чтобы правильно решить вопрос о формировании узбекской буржуазной нации, я позволю себе предварительно сделать несколько общих замечаний по вопросу о формировании буржуазных наций вообще.

В. И. Ленин в своей книге «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?» дал решительный отпор Михайловскому, выводившему национальные связи из развития родовых связей.

В. И. Ленин писал в этой работе, что в России в XVII веке, на основе усиления обмена между отдельными областями, концентрирования местных рынков в один всероссийский рынок происходило слияние особых замкнутых областей, «земель и княжеств в одно целое»[1]. Это и было началом возникновения русской буржуазной нации.

И. В. Сталин, опираясь на ленинское учение, писал о возникновении буржуазных наций: «...не было и не могло быть наций в период докапиталистический, так как не было еще национальных рынков, не было ни экономических, ни культурных национальных центров, не было стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздробленность данного народа и стягивают разобщенные доселе части этого народа в одно национальное целое.

Конечно, элементы нации—язык, территория, культурная общность и. т. д.,—говорит он далее,—не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях. Потенция превратилась в действительность лишь в период подымающегося капитализма с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами»[2].

Из этого указания И. В. Сталина вытекает, во-первых, то, что хотя еще в феодальный период у каждого народа и могли существовать в потенции различные элементы нации—общая территория, общий язык и самобытная культура, тем не менее отдельные нации в то время еще не сложились; во-вторых, эти элементы легли в основу нации только при подымающемся капитализме, в процессе ликвидации феодализма, при создании национального рынка, экономических и культурных центров и т. д. Следовательно, образование наций явилось результатом экономического развития данного народа на основе капиталистического способа производства, ликвидировавшего хозяйственную раздробленность, территориальную разобщенность и проч.

Начало ликвидации хозяйственной раздробленности и территориальной разобщенности являлось вместе с тем и началом формирования нации, вступлением народности в полосу национального оформления. Это происходило еще в недрах феодализма в процессе его разложения.

Процесс образования той или иной буржуазной нации охватывает целую полосу, продолжительность которой зависит от конкретной исторической обстановки.

И. В. Сталин указывал, что формирование нации происходит постепенно, из поколения в поколение. «Нация,—писал он,—складывается только в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей из поколения в поколение»[3].

Итак, возникновение, сложение и образование буржуазной нации не является единовременным актом, а сама нация не является раз и навсегда данным неизменным и застывшим явлением. Каждая конкретная нация может находиться на определенной стадии развития, может иметь свои особенности, порожденные конкретной исторической обстановкой.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137.
[2] И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 336.
[3] И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 294.

И. В. Сталин причисляет такие народы Средней Азии, как узбеки, казахи, туркмены к буржуазным нациям, ибо они еще в дореволюционное время вступили в полосу национального оформления.

Вместе с тем В. И. Ленин и И. В. Сталин относят народы Средней Азии к числу тех народов, которые до революции не прошли еще капиталистической стадии развития.

В своем знаменитом докладе Комиссии по национальному и колониальному вопросам, сделанном на II Конгрессе Коминтерна, Ленин подчеркнул, что Туркестан до Октябрьской социалистической революции находился в докапиталистических условиях, не прошел стадию развития капитализма. Исходя из этого, он указывал на особые методы приобщения народов Туркестана к социалистическому строительству[1].

И. В. Сталин в своей статье «Наши задачи на Востоке» писал: «Население востока России не представляет ни единообразия центральных губерний, облегчившего дело социалистического строительства, ни культурной зрелости западных и южных окраин, давшей возможность быстро и безболезненно облечь Советскую власть в соответствующие национальные формы. В противоположность этим окраинам и центру России, восточные окраины: татары и башкиры, киргизы и узбеки, туркмены и таджики, наконец, целый ряд других этнографических образований (около 30 миллионов населения) представляют богатейшее разнообразие отсталых в культурном отношении народов, либо не вышедших еще из средневековья, либо недавно только вступивших в область капиталистического развития»[2].

Исходя из этого, И. В. Сталин определил и конкретные формы приобщения этих народов к социалистическому строительству.

Далее, в своих тезисах и докладах по национальному вопросу на X и XII съездах РКП(б) И. В. Сталин выразил эту же мысль еще более полно; с приведением перечня всех народов, не прошедших стадии капиталистического развития. Все народы Средней Азии, в том числе и узбекский народ, И. В. Сталин относил к числу народов, не прошедших стадию капиталистического развития. Указывая на начало развития капитализма в некоторых колониальных окраинах России, И. В. Сталин требовал не смешивать капитализм, привнесенный извне, с развитием капитализма в недрах самого местного общества. Он говорил: «Баку вырос не из недр Азербайджана, а надстроен сверху, усилиями Нобеля, Ротшильда, Вишау и др. Что касается самого Азербайджана, то он является страной самых отсталых патриархально-феодальных отношений. Поэтому Азербайджан в целом я отношу к той группе окраин, которые не прошли капитализма и к которым необходимо применить своеобразные методы втягивания этих окраин в русло советского хозяйства»[3].

Таким образом, при определении степени развития капитализма в тех или иных национальных районах необходимо учитывать, в какой степени капиталистические отношения внедрились во все поры народного хозяйства и социальной жизни того или иного народа.

Наконец, в своей речи «О политических задачах Университета народов Востока» И. В. Сталин указал на степень национального оформления народов восточных окраин России. Критикуя людей, упрощающих задачи социалистического строительства в бывших колониальных окраинах, И. В. Сталин говорил: «Они не понимают, что условия в центре и на «окраинах» не одинаковы и далеко не тождественны. Они не понимают, кроме того, что сами советские республики Востока не однородны, что одни из них, например Грузия и Армения, стоят на высшей ступени национального оформления, другие из них, например, Чечня и Кабарда, стоят на низшей ступени национального оформления, третьи же из них, например Киргизия[1], занимают среднее положение между этим и двумя крайностями. Эти товарищи не понимают, что без приспособления к местным условиям, без тщательного учета всех и всяких особенностей каждой страны нельзя построить чего-либо серьезного»[2].

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 217—218.
[2] И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 236.
[3] И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 47.

Таким образом, И. В. Сталин тесно связывал практическую работу Коммунистической партии по приобщению народов бывших колониальных окраин к социалистическому строительству со ступенью их национального оформления. Если такие народы как грузины, армяне, прошедшие в той или иной мере стадию капиталистического развития, достигли высшей ступени национального оформления, то киргизы (казахи), не прошедшие стадии капиталистического развития, не достигли высшей ступени национального оформления, хотя и вступили в полосу этого оформления. Следовательно, причисление того или иного народа к буржуазной нации не противоречит тому, что данный народ мог еще и не достичь высшей ступени национального оформления.

Мы считаем, что указание И. В. Сталина о ступени национального оформления казахов относится и к узбекам, ибо во всех вышеприведенных основополагающих указаниях гениального Ленина и великого Сталина узбеки ставятся в один ряд с казахами, а не с грузинами. Таковы основные указания В. И. Ленина и И. В. Сталина по данному вопросу.

Перейдем теперь к рассмотрению конкретного вопроса—вопроса о сложении узбекской буржуазной нации.

Для этого приведем, прежде всего, некоторые данные, характеризующие степень образования национального рынка, развития капиталистических отношений, национальной культуры и проч. Начнем с характеристики образования национального рынка в Узбекистане.

Мы считаем, что образование внутреннего национального рынка в Узбекистане начинается с 90-х годов XIX века. До этого времени на территории Узбекистана не было еще специализации отдельных районов. Все районы по своей хозяйственной структуре были, примерно, одинаковыми. Сельское хозяйство во всех районах было многоотраслевым и снабжало эти районы всеми видами продукции. Узбекистан состоял из множества отдельных экономических районов. Кустарная промышленность каждого района обеспечивала население района всеми видами изделий. Так, например, в 1883 году в Ферганской области было зарегистрировано 3664 промышленных заведения, стоимость всей годовой валовой продукции которых достигала 548 тысяч рублей. Из 3664 предприятий только 6 были предприятиями капиталистического типа (1 кожзавод, 1 винокуренный, 2 пивоваренных, 1 водочный и 1 хлопкоочистительный)[3]; 3558 предприятий были типичными кустарными предприятиями.

В одном из отчетов Ферганского военного губернатора содержится следующая характеристика этих предприятий: «Рабочие при закрытии отдельных предприятий всегда имеют возможность пристроиться к другим отраслям труда, тем более, что и самые занятия их у хозяев не носят характера постоянного, а они занимаются только в свободное от полевых работ время»[4].

[1] Т. е. Казахстан. В это время (1925 г.) нынешний Казахстан носил еще старое название Киргизии, а современная Киргизия называлась тогда Кара-Киргизией.
[2] И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 142—143.
[3] ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, д. 324, л. 27.
[4] ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, д. 324, л. 29.

В Самаркандской области было 4962 таких предприятия. Из них только 15 винно-водочных заводов были предприятиями капиталистического типа. В отчете Самаркандского военного губернатора говорится, что, кроме винно-водочных изделий, вся продукция кустарной промышленности «имеет местный сбыт»[1].

В 1885 году в г. Ташкенте было 27 крупных для того времени промышленных предприятий, в каждом из которых работало в среднем 10 рабочих[2]. Это были в основном предприятия по производству винно-водочных и кондитерских изделий .

Все эти факты говорят о том, что все районы Узбекистана были как бы универсальными, многоотраслевыми, между ними еще не сложилось территориального разделения труда. Поэтому рынки каждого района были местными, замкнутыми. Это также подтверждается и данными о состоянии внутренней торговли в конце XIX века.

Внутренняя торговля еще не являлась специальным занятием отдельных лиц и была нередко подспорьем при других занятиях. С. П. Манысыров в своей работе «Базарная торговля в Самаркандском уезде» пишет: «Торговля (здесь — *М. В.*) как случайное подспорье при других занятиях, как например, земледелие, а не специальное занятие лица, потиях, как например, земледелие, а не специальное занятие лица, посвятившего себя ей. Отсюда полное и почти исключительное преобладание в селениях,—а частью и в городах, торговли базарной, и почти совершенное отсутствие лавок, как мы их понимаем в общерусском смысле»[3]. О таком же характере рынка сообщается в Обзоре Сыр-Дарьинской области за 1885 год. Эти факты для нас важны в том отношении, что они показывают тесную связь торговли с земледелием и промыслом.

В. И. Ленин, говоря о мелких заведениях и о связи работника с землей, указывал: «Преобладание ручного производства, существование массы мелких заведений, сохранение связи работника с землей, прикованье мастера к известной специальности, все это обусловливает неизбежно замкнутость отдельных промышленных округов мануфактуры; иногда эта местная замкнутость доходит до полной оторванности от остального мира, с которым имеют дело только купцы-хозяева»[4]. Примерно такими, почти полностью замкнутыми районами были многие районы Узбекистана до присоединения Средней Азии к России. Только в конце XIX века начинается разрушение этой замкнутости. Говорить же о сложении в то время единого внутреннего национального рынка было еще рано.

Это не значит, что до конца XIX века между отдельными районами Средней Азии совершенно не существовала торговая связь. Такая связь существовала испокон веков. Но эта торговля базировалась на феодальной основе, и товарная форма обслуживала феодальное хозяйство.

В. И. Ленин резко различает разделение труда между отдельными районами на базе различных природных условий, которые существовали еще до капитализма, от территориального разделения труда на основе роста капиталистической мануфактуры.

Один экономист конца XIX века в определении особенности территориального разделения труда в России спутал их. В. И. Ленин, критикуя его, писал: «Территориальное разделение труда составляет характерную черту не нашей промышленности, а мануфактуры (и в России и

[1] ЦГИА УзССР, ф. КТГГ; д. 324, л. 107—110.
[2] Обзор Сыр-Дарьинской области. Приложение к отчету военного губернатора области за 1885 г., СПб., 1886, стр. 107.
[3] С. П. Манысыров, Базарная торговля в Самаркандском уезде, Справочная книга Самаркандской области, вып. VI, Самарканд, 1889.
[4] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 377.

в других странах)... Мануфактура не только создает сплошные районы, но и вводит специализацию внутри таких районов (потоварное разделение труда). Наличность сырья в данной местности—отнюдь не обязательна для мануфактуры и вряд ли даже обычна для нее, ибо мануфактура предполагает уже довольно широкие торговые сношения»[1]. Следовательно, не разделение труда между отдельными районами, вытекающее из различных природных условий и наличия сырья для промышленности на местах, а разделение труда, порожденное капиталистической мануфактурой и рост такого разделения труда приводит к образованию единого национального рынка.

В. И. Ленин, говоря о территориальном разделении труда, лежащем в основе процесса сложения единого внутреннего рынка, подчеркивает значение капиталистической промышленности. С развитием капитализма такое территориальное разделение труда должно было начаться и в Туркестане. И оно действительно началось в конце XIX века.

Какова была степень сложения внутреннего национального рынка в Узбекистане накануне Великой Октябрьской социалистической революции?

Развитие хлопководства особенно интенсивно происходит в поливных зонах Ферганской долины и в некоторых районах Зеравшанской долины. Перед Великой Октябрьской социалистической революцией посевы хлопчатника в Андижанском уезде занимали 34,9% всей поливной земли, в Кокандском уезде—34,9%, в Скобелевском уезде 30,6%, в Наманганском уезде—25,1%. В других областях посевы хлопчатника занимали значительно меньшую часть посевной площади, хотя в отдельных уездах в поливных зонах доля посева хлопчатника была не меньше, чем в указанных уездах Ферганской области. Такими были, например, Катта-Курганский и Ходжентский уезды Самаркандской области[2].

Но даже и в этот период специализация в сельском хозяйстве в отдельных районах была характерной только для тех уездов Ферганской области, где хлопководство было наиболее развито. Во всех остальных областях края и даже в указанных уездах Ферганской области все еще сохранялась в значительной мере универсальность сельского хозяйства.

Важным шагом в сторону сложения внутреннего рынка было то, что Ферганская долина в связи с развитием хлопководства вынуждена была обеспечивать себя большей частью привозным хлебом.

Что же касается Самаркандской области, то она в силу слабого развития хлопководства оставалась в основном зерновым районом. Поэтому между Самаркандской областью и другими областями края происходила торговля зерном. Это и являлось одним из показателей процесса сложения внутреннего национального рынка в крае.

Но не следует все же преувеличивать значение этих торговых связей между областями Туркестана. Перед первой мировой войной ежегодное потребление зерна во всех областях Туркестана и в Бухаре составляло 23 862 тыс. пудов, а собственное производство зерна не превышало 10 100 тыс. пудов. Из разрыва между потреблением и производством зерна в количестве 13 185 тыс. пудов только 2 199 тыс. пудов, или 15,5 проц. покрывались излишками из Самаркандской области. Следовательно, нельзя считать и Самаркандскую область какой-то специальной зерновой

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 378.
[2] Материалы Всероссийской сельскохозяйственной перепис, 1917—1920 гг. вып. I—II—III.

базой Узбекистана. Некоторые области Туркестана обеспечивались в основном своим зерном, как например, Закаспийская и Сыр-Дарьинская области. За счет же привозного хлеба жили главным образом Ферганская область и частично Бухарский эмират. Из 13 325 тыс. пудов потребного для Ферганской области зерна в поливных районах этой области производилось 1 310 тыс. пудов, а вся недостающая часть зерна ввозилась из других областей Туркестана (5 705 тыс. пудов) и из России (6 310 тыс. пудов)[1].

Что касается других продуктов сельского хозяйства—шелка, шерсти, каракуля, сухофруктов и др., то они лишь в небольшом количестве были предметами торговли между отдельными районами и областями и основная маса их в виде полуфабрикатов вывозилась в центральные районы России.

К 1917 г. в Туркестане было уже 869 предприятий ; из них 425 были расположены на нынешней территории Узбекистана. Происходит бурное развитие торговли как внутри Туркестана, так и между ним и центральными районами России. В городах Туркестана появляются биржи, банки и много торговых учреждений. Строительство железной дороги способствует развитию внутренней торговли. Начинают возникать торгово-промышленные и культурные центры. За неимением времени я не могу иллюстрировать развитие капитализма конкретными фактами, однако, коротко скажу, что капитализм в городах развивался еще быстрее, чем в кишлаках.

Рассмотрим развитие промышленности в Туркестане с точки зрения влияния ее на ход сложения внутреннего рынка и общности экономической жизни у узбеков. Темпы сложения внутреннего национального рынка зависят не только от развития капитализма вообще, но и от характера его развития. Я здесь имею в виду структуру капиталистической промышленности, размещение производительных сил и т. д.

Это имеет большое значение для таких колониальных стран, как Туркестан, где капиталистические предприятия являлись придатком промышленности центральных районов, развивались не самостоятельно; не разносторонне, однобоко. Это видно из следующих фактов.

Стоимость валовой продукции всей промышленности Туркестанского генерал-губернаторства в 1913 г. составляла 268 759 тыс. рублей, в том числе продукции хлопкоочистительной промышленности—221 007 тыс. рублей, продукции пищевкусовой промышленности—39 005 тыс. рублей, стоимость валовой продукции других отраслей промышленности (стройматериалы, нефть, электроэнергия и др.) составляла 8 167 тыс. рублей[2]. Продукция хлопкоочистительной промышленности почти исключительно состояла из хлопкового волокна и полностью отправлялась в Россию. В продукции пищевкусовой промышленности большую долю составляли винно-водочные изделия, не имевшие особого значения в жизни населения Узбекистана. Кондитерские изделия, хлопковое масло и мыло, идущие на массовое потребление, производились в незначительном количестве. Продукция же кустарной промышленности играла более значительную роль во внутренней торговле. Стоимость ее достигала около 60 000 тыс. рублей. Таким образом, в жизни населения Узбекистана продукция местных промышленных заведений занимала значительно меньшее место, чем продукция кустарной промышленности.

Конечно, в общем товарообороте края доля промышленных товаров была значительной. Однако основная часть промышленных товаров

[1] Статистический ежегодник ЦСУ Турк. республики 1917—1925 гг., т. 1, Ташкент, 1924, стр. 67.

[2] Краткий статистический сборник УзССР, стр. 6—7.

привозилась из центральных районов России, что не могло служить мерилом роста территориального разделения труда внутри узбекских районов Средней Азии. Для того, чтобы мог сложиться внутренний рынок, необходимо было, чтобы все районы имели общую экономическую жизнь, чтобы существовали промышленные районы, перерабатывающие продукцию сельского хозяйства.

Среди 869 промышленных заведений Туркестана не было ни одного предприятия по производству готовых текстильных изделий и обуви, не говоря уже о предприятиях по производству средств производства. Этому препятствовала колониальная политика царского правительства и русской империалистической буржуазии, стремившихся сохранить Среднюю Азию на положении аграрно-сырьевого придатка русской промышленности. В. И. Ленин указывал, что—«... капитализм в Польше, в Финляндии, Украине, Эльзасе, несомненно, развивает производительные силы и сильнее и быстрее и самостоятельнее, чем в Индии, в Туркестане; в Египте и других колониях чистейшего типа»[1].

В Туркестане развитие капитализма в значительной степени зависело от русского капитала. Промышленность Туркестана была придатком к промышленности России и поэтому специализация сельского хозяйства отдельных районов на призводстве хлопка шла быстрее, чем территориальное разделение труда внутри Туркестана. Фактически до победы Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане не сложились промышленные районы, как концентрация промышленных заведений и рабочего класса; образование промышленного населения происходило медленно. Железные дороги, являющиеся вообще крупной промышленностью, и в Туркестане сосредоточивали значительную массу рабочих. Однако железнодорожные рабочие были распылены по отдельным небольшим станциям и депо на протяжении всей железнодорожной линии в крае. Потому железные дороги хотя и способствовали подъему хозяйства, но не могли особенно сильно повлиять на структуру внутреннего рынка.

Далее, 869 промышленных предприятий были разбросаны по всему краю, из них 322 находились в сельских местностях[2]. Из 32 000 рабочих и служащих промышленных заведений значительную часть составляли сезонники. Таким образом, промышленное население в лице рабочих и служащих, совершенно оторванное от земледелия, также было незначительно и по существу не могло особенно ускорить формирование внутреннего рынка.

Думаем, что все приведенные нами факты могут убедить в том, что общность экономической жизни среди узбеков перед революцией находилась в процессе формирования, но еще не достигла такого уровня, чтобы все «земли» узбеков оказались связанными в одно экономическое целое.

Есть мнение, что при определении степени формирования внутреннего рынка в Узбекистане не нужно, якобы, исходить из положения местного рынка в самом Туркестане, а нужно, мол, исходить из общероссийской обстановки. Раз во всероссийском масштабе существовал единый рынок и рынки Туркестана были связаны с ним, то, значит, говорят сторонники этой точки зрения, и здесь уже сложился внутренний рынок. Правильно, что в России давно сложился единый внутренний рынок. Правильно и то, что русский капитализм в Туркестане создал себе рынок, втягивая его в товарное обращение, разрушая его замкнутость и нивелируя его местные особенности. Но значит ли это, что у самих народов

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 323.

[2] Очерки хозяйственной жизни Туркестанской республики. Изд. ЦСНХ Туркестана, Ташкент, 1921, стр. 128.

Туркестана установилась тесная экономическая связь и происходило слияние его местных рынков в единый национальный рынок, как базы формирования общности экономической жизни того или иного народа?

Общность экономической жизни означает переплетение экономических интересов всех частей «земли» данного народа. В основе общности экономической жизни может лежать только разделение труда между разными районами и между городом и деревней внутри территории данного народа.

Какое значение имело с этой точки зрения втягивание местного рынка Туркестана в общероссийский рынок, превращение первого в придаток второго?

Втягивание местного рынка Туркестана в общероссийский рынок само по себе имеет огромное значение. Одним из прогрессивных последствий присоединения Средней Азии к России было то, что втягивание местного рынка Туркестана в общероссийский рынок способствовало быстрому росту капитализма в Туркестане. В течение всего лишь 20—30 лет в Туркестане появилось более 800 промышленных предприятий капиталистического типа, значительно разрушилась замкнутость местных рынков, начали появляться новые экономические и культурные центры, как Ташкент, Коканд, Самарканд, усиливалась торговля между отдельными городами и районами, на базе непрерывного роста привоза товаров из центральных районов и т. д. Однако всего этого еще не было достаточно, чтобы сложилась экономическая общность, цементирующая основные элементы нации в единое целое.

Как мы видели выше, основная продукция сельского хозяйства Туркестана—хлопок и т. п. в виде полуфабрикатов и сырья направлялась в центральные районы. А это значит, что основная масса крестьян поливных районов Узбекистана в своей производительной деятельности не была связана с населением местных городов. Городская промышленность давала местной деревне только предметы потребления и то лишь в небольшом количестве. Следовательно, и городское население производственно было слабо связано с сельским населением. А если взять узбекские районы, то хозяйственная связь между ними была еще слабее. Связь между городом и деревней и между отдельными районами края оставалась почти на уровне конца XIX века, тогда как связь между местными рынками и общероссийским рынком развивалась быстрыми темпами. Но оттого, что установилась тесная связь между местными рынками и всероссийским рынком не могла сложиться общность экономической жизни среди узбеков. Нисколько не преуменьшая значения связи местных рынков с общероссийским рынком в деле разложения замкнутости районов края и втягивания их в мировое товарное обращение, мы тем не менее считаем, что эта связь сама по себе не могла быть фактором, служившим основой сложения экономической общности узбекского народа. Связь местных рынков с общероссийским рынком могла способствовать сложению экономической общности узбекского народа только в сочетании с ростом внутренних экономических связей между отдельными местными районами.

Утверждение, что связь местного рынка Туркестана с общероссийским рынком сама по себе приведет к образованию общности экономической жизни узбеков, научно не верно, а политически может быть истолковано как проявление теории «деколонизации». Это нам нужно учесть.

Мы рассмотрели вопрос формирования общности экономической жизни узбекского народа и пришли к выводу, что последняя к моменту Октябрьской революции еще не сложилась окончательно.

Как известно, общность экономической жизни является экономической базой сплочения территории данной нации. До сложения общности экономической жизни территория, занятая данным народом, независимо от того, разделена ли она несколькими государственными границами или входит во владение одного государства, не является единой национальной «землей». Каждая часть земли может иметь разные экономические интересы, жить своей замкнутой жизнью.

В связи с этим уместно привести высказывания основоположников марксизма-ленинизма.

Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» писали: «Буржуазия все более и более уничтожает раздробленность средств производства владения и населения. Она сгустила населения, централизовала средства производства, концентрировала собственность в руках немногих. Необходимым следствием этого была политическая концентрация. Независимые, связанные почти только союзными отношениями области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплоченными в одну нацию, с одним правительством, с одним законодательством, с одним национальным классовым интересом; с одной таможенной границей»[1]. В этом же духе писал В. И. Ленин в своей работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Он писал. «...В эпоху московского царства... государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных... общины, составлявшиеся таким образом, были чисто территориальными союзами. Государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранившие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска... особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с XVII века) характеризуется фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое»[2].

Примерно, на таком уровне была территория узбеков до присоединения Средней Азии к России. Но к моменту Октябрьской социалистической революции следы такой раздробленности еще не совсем исчезли. Развитие экономической связи еще не успело уничтожить их.

Поэтому каждый город или кишлак противопоставлялся другому как нечто самостоятельное—«земля». Таким образом, общая территория узбеков еще не стала единой «национальной землей». Так обстояло дело с формированием территориальной общности узбеков.

После присоединения Средней Азии к России происходит ликвидация политической раздробленности, прекратились феодальные междоусобицы. Однако процесс сложения территориальной общности узбеков еще не завершился. Это потому, что узбеки в то время входили в четыре государственных объединения (Туркестанское генерал-губернаторство, Бухарский эмират, Хивинское ханство и Афганистан), и внутри самих этих объединений еще не были окончательно ликвидированы в сознании людей пережитки бывшей территориальной разобщенности. Не говоря уже о Бухаре, Хиве и Северном Афганистане, но даже и в Туркестанском генерал-губернаторстве среди узбеков еще слабо было развито чувство национального единства их «земли». Еще сильно было развито чувство местничества. Понятие родины ограничивалось зачастую собственным городом и кишлаком. Узбеки трех земледельческих областей Туркестана разделяли себя и по месту жительства, и по родоплеменным признакам. Еще заметно сохранились следы бывшей «автономии» как отдель-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. 1, М., 1949, стр. 13.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137.

ных кишлаков и городов, так и «земли» родов и племен. Каждый город или кишлак противопоставлялся другому, как самостоятельная «земля». Таким образом, общая территория узбеков еще не стала единой национальной землей. Так обстояло дело с формированием территориальной общности узбеков.

Для того, чтобы определить степены оформления узбекской буржуазной нации, нам необходимо рассмотреть также уровень развития узбекского языка перед Великой Октябрьской социалистической революцией как одного из элементов нации.

Говоря о национальном языке, основоположники марксизма-ленинизма всегда связывают его образование с развитием капиталистического способа производства, который порождает необходимость образования единого, признанного всей нацией и пригодного для ее «земли», языка. Маркс и Энгельс, говоря о сложении национального языка, указывали на то, что он формируется «отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальной язык, обусловленной экономической и политической концентрацией»[1].

Ленин в своей работе «О праве наций на самоопределение» писал: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией, необходимо государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе. Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец—условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»[2].

Таким образом, В. И. Ленин связывает формирование единства национального языка с развитием товарного обращения, с государственным (политическим) сплочением территории данной нации. Он указывает, что это единство языка должно развиваться беспрепятственно и закрепляться в литературе.

И. В. Сталин в своем ответе проф. Санжееву указывал, что образование национального языка происходит на базе тесной экономической связи[3].

Итак, национальный язык формируется на базе развития товарного обращения путем концентрации местных диалектов в единый язык.

Национальный язык по своему словарному фонду, грамматическому строю более развит, чем язык народностей; он выполняет более универсальные функции, нивелируя местные диалекты и говоры, объединяя одновременно социально-политическую, техническую терминологию, бытовую лексику и профессиональный язык.

Тесные культурные и экономические связи между разными частями территории нации усиливают письменное общение между ними. Отсюда необходимо выработать общий языковый стандарт или нормы.

Каждое слово, каждая морфема на всех частях территории данной нации должна иметь единый смысл.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, М., 1934, стр. 414.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 368.
[3] И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, М., 1953, стр. 44.

Выработка такого общенационального языкового стандарта является закреплением языка в литературе, появление национального языка, развитого по своему словарному фонду, грамматическому строю, универсального по своим функциям, закрепляется в литературе, это является выражением сложения общности языка.

Некоторые товарищи считают, что национальный язык и литературный язык идентичны, что закрепление национального языка в литературе не обязательно. Нам это кажется неправильным.

Не всякий литературный язык может быть национальным, но каждый национальный язык всегда закрепляется в литературе.

Литературный язык существовал на заре рабовладельческого строя, а национальный язык, как мы видим из слов В. И. Ленина, связан с развитием товарных отношений,с ростом капитализма.

Далее, национальный язык обязательно закрепляется в литературе, ибо он выходит из местных рамок, выступает как средство общения между разными частями «единой» национальной земли. Формирование всех национальных языков сопровождалось выработкой общенационального языкового стандарта, закрепленного в литературе. Следовательно, национальный язык выступает, как литературный письменный язык. Таким образом, выработка общенациональных языковых стандартов является внешним выражением формирования общности языка.

Общенациональный языковый стандарт формируется на основе таких элементов, которые получают объективное признание со стороны всей нации. Почти во всех случаях в формировании национальных языков их диалектной основой выступали местные диалекты или говоры тех районов, которые являлись промышленными, торговыми или культурными центрами страны и поэтому они имели влияние на все диалекты остальных частей «земли». Как известно, диалектной основой русского языка были курско-орловские диалекты, украинского—полтавско-киевские диалекты, французского—наречие района Иль-де Франс во главе с Парижем, английского—говор Лондона; испанского—кастильское наречие и т. д.

Утверждение о том, что процесс формирования узбекской буржуазной нации еще до Великой Октябрьской социалистической революции завершился, логически должно привести к утверждению, что узбекский язык тогда же стал единым национальным языком. Такое утверждение содержится в работах некоторых языковедов.

Мы не можем согласиться с таким утверждением. Это противоречит тому факту, что даже после Октябрьской революции еще долго шла борьба за то, чтобы письменный язык привести в полное соответствие с живым разговорным языком. Вспомните сторонников развития узбекского языка на основе «джокающих» диалектов и законов сингармонизма. Следы былого несоответствия можно было встретить до недавнего времени.

Узбекская письменная литература имеет достаточно древнюю историю. Однако всем известно, что до начала XX века она была очень далека от живого разговорного языка узбеков. Только с появлением книгопечатания (издание «баязов»—сборников стихов), с одной стороны, и с началом формирования демократического течения в литературе, с другой стороны, в XX веке в узбекской литературе наметилась тенденция к сближению с разговорным народным языком.

Начиная с 1905 года появляется джадидская периодическая печать в Узбекистане. До 1917 года в Туркестане и Бухаре в разное время выходили 12 газет и 2 журнала. Все они издавались джадидами. Однако одни из этих газет по своему языку базировались на «языке медрессе», другие—на языке тюрков-османов, третьи—на языке газеты «Тарджиман»

Гаспринского и т. д. Но ни одна из этих газет не опиралась на живой разговорный узбекский язык. Язык этих газет был попыткой джадидов-пантюркистов создать единый «общетюркский» язык для всех тюркских народов (узбеков, татар, казахов, туркмен, киргизов и др.). Язык этих газет и журналов был непонятен узбекским массам. Эти газеты лишь тормозили создание литературного узбекского языка.

В этот период на первый план выдвигались такие узбекские города, как Ташкент, Коканд и Самарканд. Они начали выступать как торгово-промышленные центры. Их наречия начали выступать в качестве средства более широкого общения в узбекских районах, хотя эти наречия еще и не завоевали общего признания среди всех узбеков Туркестана.

С другой стороны, развивался сам общенародный разговорный язык. Большим толчком для его развития было проникновение в узбекский язык массы русских слов. Почти все предметы, привозимые из России, принимались народом со своими русскими названиями, например, самовар, поднос и т. п. На основе этого обогатился словарный состав узбекского языка. Под влиянием русского языка заметно усовершенствовался грамматический строй узбекского языка.

На основе повышения роли торгово-промышленных и административных центров в жизни узбекского народа повышалась и роль их диалектов. Надо сказать, что в этом отношении между языковедами идет большой спор, но факт остается фактом, что роль этих городов повышается и повышается роль их диалектов. Все это говорит о том, что этот сложный процесс происходил в недрах живого народно-разговорного языка. Что касается языка письменной литературы, то он отставал от этого процесса.

Считаю необходимым указать, что джадиды, пытаясь создать «общетюркский» и «общемусульманский» язык, отрывали письменную литературу и периодическую печать от живого разговорного узбекского языка и тем самым оказывали значительное препятствие развитию и разработке общенациональных норм узбекского языка.

Разработка таких норм в условиях Узбекистана означала, что диалекты культурно-экономических и политических центров начали выдвигаться на первый план. Чтобы они были признаны, всеми районами, необходимо было, наряду с повышением экономического и политического значения этих городов, также и превращение этих городов в национальные культурные центры. Чтобы эти наречия завоевали такое признание, они должны были лечь в основу литературы, периодической печати и через эту печать воздействовать на местные говоры и диалекты. Основная масса литературных произведений писалась в то время на языке старой придворной поэзии, а молодая периодическая печать была еще в руках джадидов, оторванных от народа, и не опиралась на те местные диалекты и говоры, которые под воздействием экономических и политических факторов начали выдвигаться на первый план.

Итак, мы считаем, что узбекский язык до Великой Октябрьской социалистической революции хотя и получил значительное развитие, однако, не достиг уровня единого национального языка, и процесс языковой консолидации, начавшийся в конце XIX века, среди узбеков Туркестана не завершился.

Следующий вопрос, на котором мы считаем необходимым остановиться для полноты освещения процесса формирования узбекской буржуазной нации,—это вопрос о культуре узбекского народа.

Такой существенный элемент нации, как общность психического склада, сказывающийся в общности культуры, находился до революции у узбеков еще в зачаточном состоянии и представлял собою в то время

лишь потенцию в смысле возможности окончательного оформления узбеков в буржуазную нацию. Эта потенция могла превратиться в действительность лишь в процессе ликвидации у узбеков феодализма и развития «торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма»[1] с его национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами и т. д. Но всего этого до революции, как показано выше, еще не было у узбеков. Эти процессы были еще далеки от своего завершения. Поэтому и процесс складывания культурной общности у узбеков в то время еще не был и не мог быть завершен.

Узбекская буржуазная нация формировалась в такой период, когда общество раскалывалось на два диаметрально противоположных лагеря: на лагерь реакции во главе с империалистической буржуазией и на лагерь революции—во главе с социалистическим пролетариатом.

В первом лагере сплотились все черные силы, начиная от клерикально-феодальных и торгово-буржуазных элементов колониальных стран и кончая европейскими и другими империалистами. Во втором лагере сплотились рабочий класс России и Европы, трудящиеся всех колониальных стран. В этот период, в отличие от первых стадий капитализма, когда еще можно было говорить о «культурной общности» пролетариата и буржуазии, стало непременным законом то положение, что теперь (говоря словами В. И. Ленина) в каждой национальной культуре есть хотя бы неразвитые элементы демократической и социалистической культуры, ибо в каждой нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую[2].

В этой обстановке буржуазная идеология и культура не могли претендовать на господство в духовной жизни узбекского народа, а должны были только лишь занять место феодальной идеологии и культуры, вытеснив их на второй план.

Формирование идеологии узбекской буржуазии началось с развитием капиталистических отношений в начале XX века, она переплеталась с феодально-клерикальной идеологией и была тесно связана с реакционной идеологией пантюркизма и панисламизма. Эта идеология явилась основой формирования буржуазного национализма (джадидизма).

Наряду с этим в национальной культуре узбекского народа крепли и развивались элементы демократической и социалистической культуры, которые росли в связи с появлением рабочего класса и под благотворным влиянием передовой культуры великого русского народа. Демократическое и прогрессивное направление в узбекской литературе было представлено такими поэтами и деятелями, как Фуркат, Мукими, Завки, Хамза и др.

Таким образом, узбекской прогрессивной демократической культуре трудящихся противостояла феодальная культура, переплетавшаяся с буржуазной культурой; пролетарской идеологии противостояла феодально-клерикальная идеология, сросшаяся с буржуазной идеологией в виде пантюркизма и панисламизма. Национальная буржуазия в этот период была совершенно оторвана от трудящихся масс, была против социалистического движения пролетариата и национально-революционного движения трудящихся «своей» нации; она искала союза с империализмом. Такова была культура узбекской национальной буржуазии.

Поэтому совершенно неправы были те историки, которые считали, что до революции узбеки находились в стадии полной разобщенности

---

[1] Сталин, Соч., т. 2.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 16.

и патриархально-феодальной общности, что среди них не начался процесс национального оформления. Приведенные выше факты являются иллюстрацией указания И. В. Сталина о том, что узбеки перед революцией уже достигли известной ступени национального оформления.

Итак, общий наш вывод по вопросу о формировании узбекской буржуазной нации сводится к следующему.

Узбекский народ во второй половине XIX века вступил в полосу национального оформления. В конце XIX века началось разрушение феодальной замкнутости, экономической раздробленности и на основе этого начался процесс сложения единого национального рынка и единой национальной территории. Возвышение экономической, политической и культурной роли таких городов, как Ташкент, Коканд, Самарканд и других создало условия для выдвижения местных диалектов этих районов на первый план, наметилась диалектная основа будущего общего национального узбекского языка. Все это свидетельствовало о происходившем процессе национального оформления узбеков.

Однако единый национальный рынок, хотя и начал складываться, но к моменту победы Великой Октябрьской социалистической революции процесс этот не завершился. Не завершилась также территориальная консолидация, образование единого национального языка и создание культурной общности узбеков.

Однако, как указано было выше, нации могут находиться на различной ступени оформления, закон неравномерности развития капитализма имеет непосредственное отражение и на процессе оформления отдельных буржуазных наций.

При изучении истории конкретной нации важно определить степень ее оформления. С этой точки зрения мы считаем, что перед Октябрьской революцией узбеки в смысле национального оформления, так же как и казахи, занимали среднее положение между армянами и грузинами, достигшими высшей ступени национального развития, и чеченцами и кабардинцами, находившимися еще на низшей ступени, ибо к моменту Октябрьской революции среди узбеков еще полностью не сложились все основные элементы нации.

А это значит, что хотя развитие узбекской буржуазной нации и происходило очень быстрыми темпами, но окончательное ее оформление на базе устойчиво сложившихся общности языка, территории, экономической жизни и культуры еще не завершилось.

В небольшом докладе невозможно дать полную и удовлетворяющую характеристику процесса сложения основных признаков нации. Мы ответили только лишь на один вопрос, сложились ли все четыре признака нации перед Октябрьской революцией у узбеков или процесс их сложения не завершился. И ответили, что процесс шел быстро, но не завершился. Приведенные нами материалы были привлечны только для подтверждения того, что процесс формирования нации не завершился, но они не могут показать уровня развития каждого из признаков нации перед Октябрьской социалистической революцией. Такую задачу я перед собой и не ставил. Ибо для того, чтобы выполнить ее, нужно быть не только историком и экономистом, но и языковедом, этнографом и философом.

Мне кажется, после решения, поставленного на данной сессии вопроса, нам придется еще раз собраться для обсуждения уже уровня формирования отдельных элементов нации.

В заключение разрешите сделать несколько общих замечаний по вопросу о завершении национального оформления узбеков в социалистическую нацию после Великой Октябрьской революции под эгидой Советской власти.

Национальное размежевание Средней Азии и образование Узбекской ССР явились важными моментами в деле территориальной консолидации узбекского народа.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции, в течение небольшого промежутка времени завершилось и образование единого узбекского национального языка: Советская власть создала все условия для его развития. С первых дней революции на узбекском языке стали издаваться массовым тиражом книги, десятки газет и журналов. На основе роста экономики и культуры узбекского народа в годы предвоенных пятилеток формировался единый национальный узбекский язык.

Победа социалистической индустрии, создавшая не только промышленную базу в Узбекистане, но и кадры узбекских советских рабочих, победа коллективизации сельского хозяйства и кооперирование кустарей развитие социалистической культуры и торжество марксистско-ленинской идеологии в сознании людей—все это легло в основу формирования общности психического склада узбекского народа на социалистической основе.

Мы должны признать, что если узбеки после Октябрьской революции достигли в такой короткий срок высшей ступени национального оформления на социалистической основе, то это не было результатом того, что до революциии степень их национального оформления была очень высока.

Формирование буржуазных наций происходило в течение десятков и даже сотен лет. Известно, что формирование английской нации протекало в течение почти трех веков, с конца XV века до середины XVII в., французской нации—с XV до XVII века, китайской—с середины XIX в. по сей день, когда оно завершается только при нынешнем народном строе; польской нации также не менее двух веков. Вероятно, формирование узбекской буржуазной нации должно было идти быстрее, чем формирование первых буржуазных наций на Западе, ибо узбекский народ присоединился к России, где капитализм уже был значительно развит, и узбекской буржуазии не пришлось пройти длинный путь борьбы с феодализмом. Тем не менее такой период как 20—30—50 лет был слишком мал, чтобы сформировалась узбекская буржуазная нация, находившаяся в колониальной зависимости. Если бы не было Великой Октябрьской социалистической революции и торжества национальной политики Коммунистической партии, то узбекскому народу, так же как и другим народам Средней Азии, наверняка, пришлось бы ждать еще десятки, а может быть и сотни лет, чтобы завершить свое национальное оформление. Не учитывая конкретного состояния экономики, структуры промышленности и сельского хозяйства, языка и культуры народов Средней Азии перед революцией, некоторые авторы общих, а иногда очень поверхностных журнальных статей, утверждая, что народы Средней Азии к моменту Великой Октябрьской революции уже вполне оформились в буржуазные нации, преувеличивают масштабы тех социально-экономических и культурных изменений, которые произошли в течение колониального периода. Таким образом, они против своей воли приходят к недооценке значения и масштабов тех социально-политических, хозяйственных и культурных преобразований, которые совершились в жизни этих народов в советский период. А эти преобразования означали формирование их в социалистические нации.

Образование узбекской социалистической нации самым тесным образом связано с героической борьбой Коммунистической партии и

Советской власти за приобщение трудящихся узбеков к социалистическому строительству, при огромной братской помощи, которую оказал великий русский народ узбекскому народу в деле развития его культуры, подъема его экономики, в ликвидации его фактической отсталости, унаследованной от феодального и колониального прошлого.

При рассмотрении вопроса о формировании узбекской буржуазной нации нам необходимо учесть это положение, ибо мы, желая подчеркнуть все те изменения, которые происходили в жизни узбеков в дореволюционный период, можем недооценить значение Октябрьской революции и социальных изменений послереволюционного периода.

А. Н. НУСУПБЕКОВ

Кандидат исторических наук

Академия Наук Казахской ССР

Доклад

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КАЗАХСКОЙ БУРЖУАЗНОЙ НАЦИИ

Марксизм-ленинизм учит, что в соответствии с развитием производительных сил общества на протяжении истории изменялись, развивались и формы общественных связей людей. В своих трудах основоположники научного коммунизма дали глубокий научный анализ развития человеческого общества, показали процесс изменения формы общественных связей от рода к племени, от племени к народности, от народности к нации[1].

Маркс и Энгельс выдвигали проблему складывания наций, но задача разработки теории нации осуществлена В. И. Лениным и И. В. Сталиным. Творчески развивая марксизм, В. И. Ленин и И. В. Сталин дали всестороннее научное обоснование причин возникновения наций, создали марксистскую теорию нации, разработали программу Коммунистической партии по национальному вопросу.

Возникновение и развитие буржуазных наций ленинизм связывает с условиями материальной жизни общества, с исторически сложившимися буржуазными отношениями, ликвидировавшими феодальную раздробленность и создавшими тем самым экономический базис буржуазных наций.

Еще в девяностых годах прошлого столетия в борьбе с народниками В. И. Ленин указывал, что возникновение буржуазных наций происходило на базе развивающегося капитализма, развития обмена, товарного обращения, слияния небольших местных рынков в один национальный рынок. Отсюда вполне понятно, что возникновение национальных связей не является простым продолжением и расширением кровнородственных связей или простым расширением территориальных связей людей, а является созданием и развитием связей буржуазных. В. И. Ленин неоднократно указывал, что нации—неизбежный продукт и неизбежная форма общественного развития буржуазной эпохи. Это положение красной нитью проводится в трудах И. В. Сталина.

И. В. Сталин учит, что нация—это не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей, что нация есть категория эпохи подымающегося капитализма, тогда как народность—продукт докапиталистических производственных отношений. Разоблачая антимар-

---

[1] Ф. Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», изд. 1945 г., стр. 118, 125, 126, 185.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 75, 76, 88, 89, 93—96, 139, архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, стр. 121, 141, 151—153.

ксистскую теорию о возможности возникновения и развития нации еще до капитализма, И. В. Сталин подчеркивает, что нации не могли возникнуть и существовать до капитализма в период феодализма, когда страны были раздроблены на отдельные мелкие княжества, не связанные друг с другом национальными узами. В период докапиталистического развития не было и не могло быть наций, ибо не было необходимых условий для консолидации народов в нации; не было еще национальных рынков, национальных экономических и культурных центров, т. е. тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздробленность данного народа и стягивают отдельные разобщенные части этого народа в одно национальное целое. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом консолидации нации. И. В. Сталин неоднократно и настойчиво подчеркивал связь складывания нации с эпохой ликвидации феодализма и победы капитализма.

Марксизм-ленинизм учит, что нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, что она имеет свою историю, начало и конец. Отсюда логически вытекает гениальное положение ленинизма, что судьба буржуазных наций связана с судьбой капитализма, что с падением последнего должны сойти со сцены буржуазные нации. История полностью подвердила правильность марксистского положения.

В своих трудах «Национальный вопрос и ленинизм», «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин относит казахскую нацию к числу советских социалистических наций, возникших на развалинах старых, буржуазных наций.

До появления указанных трудов И. В. Сталина историки Казахстана в один голос утверждали, что в условиях колониального режима, в условиях господствовавших патриархально-феодальных отношений казахский народ не мог консолидироваться в буржуазную нацию. Такое утверждение историков и экономистов Казахстана фактически игнорировало известное положение исторического материализма о том, что возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не после исчезновения феодального строя, а в недрах этого строя. Известно, что в недрах господствовавших в Казахстане патриархально-феодальных отношений стихийно, бессознательно, независимо от воли людей, возникли, развивались элементы капиталистических отношений. Появление капиталистического уклада в экономике Казахстана не могло не способствовать возникновению элементов новой формы общественных связей у казахов.

В свете теоретических положений, выдвинутых в трудах И. В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм», «Марксизм и вопросы языкознания», перед историками Казахстана стоит исключительной важности задача исследовать историю казахской нации от самых ее истоков, от складывания из различных племен казахской народности и вплоть до образования казахской социалистической нации, выяснить, таким образом, как исподволь создавались основные элементы этой нации. Следует признать, что мы, историки Казахстана, еще по-настоящему не приступили к большой исследовательской работе над этими проблемами, хотя принципиально и признали огромную важность разработки этих вопросов. Между тем, Институт истории Академии Наук Казахской ССР готовит к печати 1 том «Истории Казахской ССР», в котором необходимо дать ответ на вопрос о том, сложилась или не сложилась полностью казахская нация в дореволюционный период. В процессе обсуждения макета 1 тома выяснилось наличие двух точек зрения на этот вопрос. Часть историков считает, что в конце XIX—начале XX веков в связи с развитием капита-

листических отношений в Казахстане, не успевших, однако, перерасти в капиталистический способ производства, начался процесс складывания казахской буржуазной нации, что этот процесс не успел завершиться. Только в ходе социалистического строительства казахский народ полностью сложился в нацию, но уже нацию социалистическую. Эта точка зрения была принята составителями макета 1 тома «Истории Казахской ССР».

Другая же часть историков республики считает, что казахский народ к моменту Октябрьской социалистической революции уже сложился в буржуазную нацию.

По данному вопросу нет единого мнения и среди ведущих московских историков. Так, в научно-теоретическом органе Института АН СССР журнале «Вопросы истории» напечатано несколько статей, в которых одни авторы утверждают, что казахская буржуазная нация к моменту социалистической революции уже сложилась, другие, наоборот, отрицают это положение. Редакция журнала до сих пор не высказала свою точку зрения по этому вопросу[1].

В связи с появлением передовой статьи журнала «Вопросы истории» № 7, за 1951 год, призывавшей советских историков решительно пересмотреть существовавшие ранее представления и осветить вопрос об особенностях формирования буржуазных наций у народов, находившихся в условиях колониального и полуколониального режима, на страницах республиканских газет появилось несколько статей, посвященных вопросам возникновения и развития казахской социалистической нации. Авторы этих статей попутно, мимоходом касались и проблемы образования казахской буржуазной нации.

В 1953 году на страницах теоретического и политического журнала Центрального Комитета КПСС — «Коммунист» помещены статьи С. И. Якубовской и М. Каммари[2], в которых принципиально правильно ставится вопрос об историко-экономических условиях процесса формирования и о степени консолидации народов Средней Азии и Казахстана в буржуазные нации.

Следует признать, что все статьи, появившиеся за последние годы в «Вопросах истории» и в республиканских журналах и газетах, а также замечания рецензентов макета 1 тома «Истории Казахской ССР» имеют один общий недостаток: они не базируются на конкретном историко-экономическом материале, на основании которого можно судить о том, сформировалась ли полностью или нет до Великой Октябрьской социалистической революции казахская буржуазная нация.

Нам думается, что участники настоящей Объединенной научной сессии Института истории Академии Наук СССР и историков союзных республик Средней Азии и Казахстана на основе творческого обмена мнениями правильно решат вопрос о формировании казахской буржуазной нации.

Для того, чтобы понять объективный, закономерный процесс формирования казахской буржуазной нации, необходимо остановиться на некоторых особенностях исторического и экономического развития казахского народа.

---

[1] Журнал «Вопросы истории», № 7, 1951, передовая; № 8 за 1952 г.—от редакционной коллегии журнале «Вопросы истории»; № 11 за 1950 г.—статья И. Цамеряна «Великая эпоха формирования и развития социалистических наций в СССР».

[2] Журнал «Коммунист», № 9; за 1953 г.—статья С. Якубовской «Образование и расцвет социалистической нации в СССР»; № 15 за 1953 г.—статья М. Каммари «Социалистические нации СССР в условиях перехода от социализма к коммунизму».

Как известно, в тридцатых годах XVIII века началось добровольное присоединение Казахстана к России, продолжавшееся до 60-х годов XIX столетия. Это добровольное присоединение было обусловлено глубокими экономическими и политическими причинами, всем ходом исторического развития Казахстана. Оно имело глубокое прогрессивное значение в исторических судьбах казахского народа. Оно способствовало развитию производительных сил и культуры Казахстана, обусловливало общность интересов и исторических судеб великого русского и казахского народов.

При этом следует подчеркнуть, что исторический процесс развития Казахстана в составе Российской империи имел две стороны и обнаружил две тенденции: одна—это прогрессивная тенденция хозяйственного и культурного сближения народов, тенденция, которая объективно ускорила экономическое и культурное развитие казахского народа, которая вела к постепенному экономическому объединению обширных территорий в одно связанное целое, что не могло не ускорить процесса формирования казахской буржуазной нации; другая же сторона этого процесса заключалась в колонизаторской политике царизма, опиравшегося на феодально-реакционные элементы и искусственно тормозившего рост производительных сил, экономическое и культурное развитие казахского народа. Этот противоречивый процесс экономического и политического развития Казахстана накладывал свою печать и на процесс национальной консолидации казахского народа в дореволюционный период.

Марксистско-ленинское определение гласит: «...нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры»[1]. Только совокупность всех этих признаков характеризует нацию. Достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков,—указывает И. В. Сталин, — чтобы нация перестала быть нацией.

Эти основные признаки наций вызревают долго и неодновременно. Необходимо хотя бы коротко проследить, что из себя представляли эти устойчивые общности у казахов.

Общность языка. Нет сомнений в том, что казахский язык своими корнями уходит далеко вглубь истории, что история казахского языка неразрывно связана с историей его творца и носителя—казахского народа, что казахский язык так же как и все другие национальные языки, прошел все ступени развития от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным, что казахский язык, как и всякий общенародный язык, устойчив.

Тем не менее, дискуссия по некоторым спорным вопросам казахского языкознания, проведенная Институтом языка и литературы АН Казахской ССР в феврале 1952 г., выявила наличие различных точек зрения в вопросе о становлении и развитии казахского общенародного языка. Некоторые языковеды и литературоведы республики до последних лет утверждали, что «казахи никогда не говорили на едином общенародном языке» (проф. С. Аманжолов)[2]. Эту же мысль проводил проф. М. О. Ауэзов в своей статье «Некоторые вопросы развития казахского литературного языка», опубликованной в «Литературной газете» в 1951 г. В статье

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 333.
[2] Аманжолов, Казахский литературный язык, 1949, стр. 4.

говорится: «Казахский язык прежде был разобщенным, разнородным и и только после социалистической революции обретает единство...»[1].

Ошибочность утверждения этих авторов очевидна. Отрицание наличия языковой общности у казахов по существу приводит к тому, что казахский народ не только не стал на путь национального оформления, но и не успел сложиться в единую народность, ибо языковая общность народа создается в процессе объединения племен в народность.

После выхода в свет произведения И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» нет необходимости доказывать, что казахский национальный язык нельзя отрывать от казахского народного языка и противопоставлять ему, как якобы совершенно новый язык. Общенародный казахский язык, сохраняясь в своей основе, развивался, обогащался и совершенствовался в устах казахского народа, творившего свою историю. В процессе экономического и культурного развития отшлифовывалась литературная форма казахского языка. Здесь уместно будет напомнить известное указание А. М. Горького, что «деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем так сказать «сырой» язык и обработанный мастерами»[2].

Нам представляется, что обработка «сырого» языка мастерами возможна лишь в процессе закрепления общенародного языка в письменной литературе. Появление письменной литературы является характерным признаком развития общенародного языка в национальный язык.

Во второй половине XIX века мы видим тенденцию развития общенародного казахского языка в единый национальный язык, закрепление его в письменной литературе. Основоположниками казахской письменной литературы были Ибрагим Алтынсарин и Абай Кунанбаев. В начале XX века на казахском языке начали выходить периодические издания (газеты и журналы). В связи с этим еще более усиливается процесс закрепления народного языка в литературе. Однако печатное слово не получило распространения в широких кругах народной массы. Казахский язык оставался почти бесписьменным языком. Несмотря на это, можно сказать, что в дореволюционный период казахский язык постепенно развивался в национальный язык. При этом следует подчеркнуть, что казахский общенародный язык, его структура, его основной словарный фонд не претерпел существенных изменений. В то же время мы видим известное обогащение словарного состава казахского языка путем пополнения существующего словаря новыми словами, путем изменения значений слова, а также путем внедрения в казахский язык заимствованных слов из других языков, прежде всего из русского языка.

Общность территории. В XV веке завершился исторический процесс образования казахской народности. Слияние различных племен в единый народ в то время означало единство их территории, ибо длительная совместная жизнь невозможна была без общей территории.

Однако сохранение в течение длительного времени некоторой обособленности племен, вошедших в состав единого казахского народа, слабая связь между отдельными землями, феодальная раздробленность исключали возможность создания устойчивой территориальной общности казахского народа. Внутренняя слабость казахских жузов, отсутствие между ними устойчивой экономической связи, феодальная раздробленность — приводили к тому, что задолго до присоединения Казахстана к России часть его территории завоевывалась соседними государствами. Казахские земли были разорваны на куски по различным ханствам и государствам.

[1] «Литературная газета» от 4 октября 1951 года.
[2] М. Горький, О литературе, стр. 220, 1937 г.

Но политический распад казахских ханств нельзя рассматривать как распад казахской народности. Как известно, общность народности, так же как и национальная общность, не тождественна государственной общности. Несмотря на вхождение в состав различных государственных образований казахский народ сохранил общность языка, общность культуры, особенность быта.

После присоединения казахских земель к России в пределах последней была достигнута территориальная общность казахского народа. Вместо ранее существовавших феодальных владений появилось новое административное деление. Было введено то же устройство, что и по всей России. И хотя административное устройство Степного и Туркестанского краев было создано по принципу колониального управления, тем не менее компактное расселение казахского населения в этих краях позволяло сохранить территориальную общность казахского народа.

Правда, и после присоединения Средней Азии к России часть казахских земель, насильственно отторгнутая в свое время среднеазиатскими ханами, попрежнему оставались в составе этих ханств. Но это не меняет картины, так как эти ханства также входили в состав России. Между казахскими областями и среднеазиатскими ханствами не существовало перегородок, мешающих свободному общению обеих частей казахского народа. Следовательно, общность территории, как необходимый признак нации, существовала.

Поскольку экономической базой казахской народности попрежнему оставались докапиталистические производственные отношения, ее территориальная общность также оставалась в зачаточном состоянии. Лишь в ходе дальнейшего экономического развития территориальная общность казахского народа приобрела все более устойчивый характер.

При образовании Казахской АССР Коммунистическая партия и Советское правительство руководствовались принципом исторически сложившегося территориального расселения казахского народа. В процессе подготовки создания РСФСР И. В. Сталин указывал, что «...субъектами федерации должны быть и могут быть не всякие участки и единицы и не всякая географическая территория, а лишь определенные области, естественно сочетающие в себе особенности быта, своеобразие национального состава и некоторую минимальную целостность экономической территории»[1], И. В. Сталин отнес Туркестан и Казахстан к таким краям, имеющим минимальную целостность экономической территории.

Общность экономической жизни. Важным фактором образования нации является создание устойчивой экономической общности. Как известно, в дореволюционный период этот важнейший признак нации у казахов не получил достаточного и полного развития. На этом основании историки утверждали, что казахский народ не оформился в нацию. Теперь часть историков ударилась в другую крайность. Отдельные историки республики, утверждая о завершении формирования казахской буржуазной нации, стали искусственно преувеличивать степень развития экономической связанности казахского народа. При этом они ссылаются на значение присоединения Казахстана к России, на развитие российского капитализма вширь, на развитие торговли в Казахстане.

Поскольку степень развития общности экономической жизни казахов является наиболее спорным вопросом и выяснение уровня развития капиталистических отношений в Казахстане имеет существенное значение для решения вопроса о степени сложения казахской буржуазной нации, с том, завершился этот процесс или нет, мы считаем необходимым

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 69.

более подробно остановиться на этом вопросе, чтобы дать некоторый фактический материал для обмена мнениями.

Как известно, развитие российского капитализма вширь для Казахстана объективно означало: во-первых, втягивание Казахстана во всероссийский рынок, превращение его в рынок сбыта и источник сырья для промышленности Центральной России; во-вторых, создание условий для развития капитализма в самом Казахстане. При этом необходимо подчеркнуть, что процесс развития капиталистических отношений в Казахстане происходил различными путями: путем отделения промышленности от сельского хозяйства на основе развития товарно-денежных отношений и местных рынков; путем развития капитализма в сельском хозяйстве, путем насаждения капиталистической промышленности извне, на базе русского и иностранного капитала.

В. И. Ленин указывал, что «...капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства»[1].

Справедливость этого положения В. И. Ленина мы видим на примере Казахстана. Путем развития торгово-денежных отношений российский капитализм втягивал Казахстан в общероссийское и мировое товарное обращение.

Реформа 1868 года ликвидировала таможенные перегородки и отменила все пошлины, стеснявшие торговлю в Казахстане. В связи с этим во второй половине XIX и особенно в начале XX веков в казахской степи усиленно развивалась торговля. Можно было различить три вида торговли: меновую, ярмарочную и постоянную.

Торговля в городах и на ярмарках Казахстана в конце XIX и начале XX веков велась в основном на деньги, но скот для продажи на ярмарках пригоняли из степи, главным образом, торговцы и перекупщики, да крупные скотовладельцы—баи. Они же закупали на ярмарках и городах промышленные товары для перепродажи в аулы. Розничная торговля в ауле велась ими с помощью бесчисленного множества разъездных торговцев (агентов) и приказчиков различных торговых фирм. Так, Сибирский торгово-промышленный ежегодник сообщает: «Меновая торговля находится в руках торговцев, разъезжающих по степи с небольшими запасами разных товаров, необходимых в киргизском обиходе; в обмен на эти товары торговцы берут как скот, так и продукты кригизского скотоводческого хозяйства: сало, шерсть, кожи и проч. Все это продается затем в городах, главным образом, перекупщиками, которые, в свою очередь, сбывают купленное на русских и даже заграничных рынках. Меновая торговля очень выгодна, потому что в степи конкуренция совершенно отсутствует, и торговцы назначают на свои товары высокую цену, которая еще более увеличивается вследствие низкой оценки идущих в обмен киргизских предметов. В такой торговле единицей обмена служит баран»[2].

Как видно, торговля по существу носила колониальный характер. Происходила все возрастающая выкачка скотоводческого сырья из Казахстана в обмен на товары. Происходило усиленное развитие местных рынков и ярмарок, включение Казахстана во всероссийский рынок путем товарного обращения.

Развитие российского капитализма вширь, необходимость экономического освоения огромных рынков сбыта и источников сырья Казахстана требовали строительства железных дорог. В конце 80-х годов была

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 522.

[2] Сибирский торгово-промышленный ежегодник, 1913 г., отд. III, стр. 106.

построена Сибирская магистраль, прилегающая к северным районам Казахстана. В 90-годах была построена Рязано-Уральская дорога, а в начале XX века—Оренбургско-Ташкентская дорога.

В конце XIX и начале XX веков в Казахстане возникли морское и речное пароходства (Каспийское, Аральское, Иртышское), которые также имели значение для развития капиталистических отношений.

Торговый оборот России с Казахстаном в конце XIX—начале XX вв. непрерывно растет. Так, оборот ярмарок в Акмолинской, Семипалатинской и Уральской областях с 16,7 миллиона рублей в 1896 году вырос к 1900—1902 гг. до 89 миллионов рублей, т. е. более чем в 5 раз.

В Тургайской области в 1900 г. и в Уральской—в 1901 г. было продано скота и продуктов скотоводства на 16,5 миллиона рублей, а в конце десятилетия уже больше, чем на 20 миллионов рублей.

Вывоз скота и скотоводческого сырья из Казахстана особенно быстро стал развиваться после постройки Сибирской магистрали, Оренбургско-Ташкентской и Саратовско-Уральской железных дорог. Приведем некоторые данные о развитии торговли в начале XX века в бывшей Акмолинской области.

В 1911 г. в Акмолинской области было больше 200 ярмарок и торжков, торговые обороты которых достигли 16 миллионов рублей. Из общей суммы ярмарочного сбыта—скот и продукты скотоводства составляли более 70%[1]. В 1912 г. из Акмолинской области было вывезено скота и продуктов скотоводства на 23,5 миллиона рублей.

Средняя годовая погрузка мяса из Казахстана по Сибирской магистрали составила в 1901—1904 гг. около 1,7 миллиона пудов, в 1907—1910 гг.—около 2 миллионов пудов, а в 1912—2,5 миллиона пудов[2].

Из Казахстана по Ташкентской железной дороге ежегодно в среднем отгружалось мяса в 1907—1910 годах 466 тыс. пудов, а в 1911 году было отгружено 1,1 миллиона пудов.

По Сибирской магистрали отгружалось живого скота в 1906 г. 25 тыс. голов, в 1910 г.—106 тыс. голов, в 1912 г.—84 тыс. голов; по Ташкентской дороге: в 1906 г.—74,5 тыс. голов, в 1910 г.— 72 тыс. голов, а в 1912 г.—120 тыс. голов[3].

Средняя годовая отгрузка кож по Ташкентской дороге составляла в 1906—1910 гг. около 540 тыс. пудов, шерсти—816 тыс. пудов.

Мясо и живой скот обычно везли в Москву и Петроград, сало на свечные и мыловаренные заводы Казани и Москвы, кожи—в Либаву, Ревель и Владимирскую губернию, кишки—в Берлин, Вену и т. д.[4].

Развитие торгово-денежных отношений привело к росту в Казахстане торговой буржуазии—саудегеров, маклеров и торговых служащих (приказчиков). В 1897 г. по данным всеобщей переписи населения Казахстана около 40 тыс. человек было занято в торговле.

По материалам повторного обследования 1912 г. в Кустанайском и Актюбинском уездах насчитывалось 849 скупщиков и перекупщиков с доходом в 223 тыс. рублей. Из них 482 чел. имели хозяйство с количеством голов скота в переводе на лошадь свыше 25, им принадлежало 166 тыс. дохода из всего годового дохода купцов этих уездов.

По данным экспедиции Кузнецова в Кокчетавском уезде из 70 крупных баев, имевших в среднем по 500 голов крупного рогатого скота, 56 чел. одновременно занимались и торговлей. Аналогичные данные

[1] Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1913 г., отд. III., стр. 9
[2] «Большевик Казахстана» за 1940 г., № 9, стр. 44.
[3] «Большевик Казахстана», 1940; № 9, стр. 44.
[4] Там же.

имеются по Петропавловскому и Омскому уездам. По данным той же экспедиции—65—70% крупных баев, имевших по 500—600 голов крупного рогатого скота, верблюдов и лошадей, занимались одновременно крупной торговлей.

Развитие торговли разлагало казахское натуральное хозяйство и способствовало превращению его в хозяйство товарное. Благодаря торговле продукты скотоводческого хозяйства казахов становились товаром.

Исходя из роста торговли и рыночных отношений в Казахстане, некоторые товарищи приходят к выводу о полном сложении казахской буржуазной нации. Так, Н. Кийикбаев в своем выступлении на совещании по обсуждению макета 1 тома «Истории Казахской ССР» говорит: «Товарно-денежные отношения, разрушая устои замкнутости хозяйства казахов, связывали каждую казахскую семью с рынком. Местные рынки и ярмарки вовлекали Казахстан в водоворот российского капитализма, связывали экономическую жизнь казахов с всероссийским рынком. На этой основе создается связь хозяйственной жизни казахов, которая была ни чем иным как национальной связью»[1].

Тут конкретный анализ специфики исторического процесса формирования казахской буржуазной нации подменен общей формулой. Мы не отрицаем развития торговли, создания местных рынков, связанных с всероссийским рынком. Но для характеристики внутренней экономической связи казахской нации, кроме сказанного, нужно принять еще во внимание уровень развития капитализма в ауле. Как известно, в дореволюционном казахском ауле господствовали патриархально-феодальные отношения. X съезд партии не случайно подчеркивает, что казахский народ не успел пройти стадию капиталистического развития и сохранил «скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт»[2].

Развитие торговли и местных рынков способствовало развитию товарного производства в ауле. В истории известно, что медленный процесс экономической дифференциации простых товаропроизводителей создавал лишь некоторые предпосылки для капитализма, но для торжества последнего как общественно-экономической формации требуется ломка феодального строя.

Утверждение отдельных историков о полном сложении казахской буржуазной нации вытекает именно из неправильного, ошибочного толкования роли товарного производства. В условиях неликвидированных еще патриархально-феодальных отношений товарное производство не могло перерасти в капиталистическое производство; оно оставалось производством докапиталистическим.

В дополнении к III тому «Капитала» Ф. Энгельс пишет, что в эпоху разложения феодализма вся система простого товарного производства становится питательной средой для зарождения капиталистического производства. При этом Энгельс указывает, что само простое товарное производство еще остается докапиталистическим производством[3].

В. И. Ленин, различая товарное и капиталистическое производство, в своей статье «По поводу так называемого вопроса о рынках», писал: «Таким образом в историческом развитии капитализма важны два момента: 1) превращение натурального хозяйства непосредственных производителей в товарное и 2) превращение товарного хозяйства в капиталистическое. Первое превращение совершается в силу того, что появляется общественное разделение труда—специализация обособленных

[1] Стенограмма совещания, стр. 182.
[2] ВКП(б) в резолюциях, издание пятое, ч. 1, стр. 395.
[3] К. Маркс и Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 390.

(И. В: это—непременное условие товарного хозяйства), отдельных производителей по занятию одной только отраслью промышленности»[1].

Эту же мысль подчеркивает И. В. Сталин: «Нельзя отождествлять товарное производство с капиталистическим производством. Это– две разные вещи. Капиталистическое производство есть высшая форма товарного производства»[2].

Из этих указаний классиков марксизма-ленинизма ясно видно, что товарное производство подготовляет некоторые условия для капитализма, но само по себе еще не является капиталистическим. Лишь при экспроприации непосредственных производителей материальных благ и превращения рабочей силы в товар простое товарное производство превращается в капиталистическое.

В. И. Ленин указывал, что главным двигателем как товарного, так и капиталистического производства является общественное разделение труда, специализация хозяйства. В конце XIX—начале XX веков наблюдалась некоторая специализация скотоводческого хозяйства. Так, в северных и западных районах казахи стали, больше уделять внимания разведению крупного рогатого скота и лошадей, а в южных—овцеводству. Эта так называемая специализация скотоводческого хозяйства объясняется тем же требованием рынка.

В начале XX века, в особенности после первой буржуазно-демократической революции в России, в связи с ростом переселенческих хозяйств в Казахстане происходит дальнейшее развитие общественного разделения труда. Крестьянские промыслы в деревнях Казахстана становятся базой развития капитализма в сельском хозяйстве. От земледелия отделяются один за другим различные виды обработки сырья. Это свидетельствует о развитии товарного земледелия капиталистического типа в переселенческих хозяйствах.

Анализ экономических данных кочевых казахских хозяйств показывает, что отделение различных видов обработки сырья от кочевого хозяйства задерживалось. Это объясняется двумя причинами: во-первых, отсталостью самого кочевого хозяйства, во-вторых, тем, что почти вся первичная обработка сырья была сконцентрирована на капиталистических предприятиях. В силу этих обстоятельств отделение самодеятельных отраслей промышленности в казахском скотоводческом хозяйстве не получило сколько-нибудь серьезного развития.

Характерно, что в начале 1900 г. промышленность по первичной технической обработке скотоводческого сырья занимала первое место, а уже в 1913 г. она передвинулась на одно из последних мест. Первое место прочно заняла промышленность по технической обработке продуктов земледелия, давшая в 1913 г. продукции на 30,3 миллиона руб., а промышленность по первичной обработке продуктов скотоводства дала всего лишь 7,8 миллиона рублей.

В 1913 г. в Семиречье существовало 2310 предприятий с валовой продукцией производства в сумме 4122660 рублей. На этих предприятиях работало 4200 рабочих. Из указанного числа предприятий только 123 занимались обработкой продуктов скотоводства, на которых работало 997 рабочих[3].

Переселенческие поселки все более охватывали своим экономическим влиянием окружающие казахские аулы. Усилилась тяга казахского населения к оседлому земледелию.

По данным Министерства земледелия, в 1911 г. по четырем областям Степного края засевалось 2 392 292 десятин земли, из них казахское на-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 77.
[2] И. В. Сталин, Экономические проблемы социализма в СССР, стр. 14.
[3] Обзор Семиреченской области за 1913 год, стр. 46—47.

селение засевало 729 тыс. десятин[1]. Более было развито земледелие в Семиречье. Так, из общего количества посевных площадей—769 639 десятин, посевы казахского населения составляли 533 271 десятин, или около 70% всех посевов.

Под влиянием развития капиталистических отношений казахи стали применять в своем хозяйстве более усовершенствованные сельскохозяйственные машины. Это особенно верно относительно северо-восточных областей Казахстана, где часть казахских баев-скотопромышленников одновременно занималась товарным земледелием и сенокошением. Об этом свидетельствуют записки Столыпина и директора департамента государственных имуществ Кривошеина после их поездки по Казахстану: «За последнее 3-летие склады ежегодно продают киргизам в степи машины и орудия более чем на 100 тыс. руб. Так, например, за 1909 г. продано 416 сенокосилок на 57 тыс. рублей, 397 тыс. граблей (конных) на 23 тыс. рублей, 125 лобогреек на 20 тыс. рублей и т. д. При статистическом обследовании Акмолинской области в 1905 году у киргиз зарегистрировано в общей сложности 6 116 собственных сенокосилок»[2]

Ясно, что из 50 000 хозяйств, насчитывавшихся в Акмолинской области, собственные сенокосилки могли применять в своем хозяйстве только баи Такие же явления наблюдались и в других областях Казахстана. Например, в Кустанайском уезде в 1903 г. насчитывалось 1500 сенокосилок и более 500 конных граблей на 18 тыс. хозяйств, в Актюбинском уезде—3,3 тыс. сенокосилок и более 300 конных граблей на 17 800 хозяйств.

Часть казахских феодалов занималась одновременно скотоводством, товарным земледелием и крупной торговлей. К ним относятся, например, Чормановы—потомственные султаны. После реформы 1868 г. им было присвоено звание дворян, они владели крупными поместьями, имели свыше 300 тыс. голов скота, конный завод.

Приведем характерные данные о хозяйстве обуржуазившегося казахского феодала Шангерея Букеева (внук хана Букея). В своем имении он ежегодно засевал около 700 десятин посева, имел большой фруктовый сад. Занимался скотоводством, имел 250 лошадей, 300 голов крупного рогатого скота, из них 200 рабочих быков. Имел молотилки, лобогрейки, сенокосилки. Содержал 20—25 постоянных и 300—400 сезонных рабочих. Кроме того, имел несколько хозяйств «консы», обслуживавших его семью[3].

Все же таких баев—полуфеодалов—выходцев из феодальной аристократии было сравнительно немного; большинство байских хозяйств выросло из числа прежней патриархально-феодальной знати, ставших затем крупными скотопромышленниками. Немало баев выросло из торговцев (саудагеров), алыпсаттаров, ростовщиков. Типичным представителем баев-скотопромышленников является Султанкулов Ибрагимбай (Джаркентский уезд из рода ант). Он занимался кочевым скотоводством, имел более 500 лошадей улучшенной породы, тысячи голов других видов скота. Он ежегодно пригонял на Каркаринскую ярмарку 100—150 лошадей, большое количество лошадей отправлял в Фергану и Ташкент, нанимая десятки батраков, одновременно использовал труд зависимых крестьян (консы).

Для характеристики природы хозяйства бая, вышедшего из числа торговцев и ростовщиков, приведем хозяйство Жаманшалова Исмаила (из Кустанайского уезда). Сначала он был мелким скотоводом-скупщи-

[1] Азиатская Россия, т. II, стр. 274, изд. 1914 г.
[2] Вопросы колонизации, № 8, 1910 г., стр. 342.
[3] «Известия Академии Наук Казахской ССР», серия экономическая, выпуск 1, 1949, стр. 102—103.

ком, затем стал крупным скотопромышленником, имел до 1000 лошадей, около 300 коров, до 800 овец. С 1905—1906 гг. он усиливает земледельческие отрасли хозяйства и к 1915—1916 гг. доводит посев до 1000 десятин. Одновременно он занимается крупной торговлей хлебом и скотом, а также ростовщичеством. В городе Троицке имел бойню и снабжал в широких масштабах мясом центральные промышленные города. Он имел в своем хозяйстве сложные сельскохозяйственные машины (молотилки, лобогрейки, сенокосилки и др.), применял наемный труд, нанимал годовых и сезонных батраков, заставлял их за денежные или натуральные ссуды отрабатывать в своем хозяйстве[1].

Эти примеры приведены для выяснения генезиса нарождавшейся казахской буржуазии. Они свидетельствуют о том, что казахское байство в начале XX в. отличается от байства прошлых веков; постепенно приспособляя свое хозяйство к требованиям рынка, оно изменяло свою экономическую природу. Эти факты говорят о том, что наряду с обуржуазившейся феодальной аристократией народилось байское хозяйство кулацкого, капиталистического типа, являвшееся следствием развития новых капиталистических отношений; оно тесно переплеталось и сливалось с полуфеодальным хозяйством.

Как полуфеодальное байство, так и баи кулацкого типа широко использовали наряду с новыми методами капиталистической эксплуатации, патриархально-феодальные методы эксплуатации и угнетения трудящихся масс. Казахская буржуазия была опутана докапиталистическими отношениями. Полуфеодальное байство выступало в роли хранителя родовых традиций. Хотя царское правительство официально отменило некоторые нормы обычного права, бай фактически использовал все формы родовых обычаев и родовой идеологии в своих классовых интересах. Живучесть родового быта позволяла байству держать в зависимости аульную бедноту.

Вот некоторые характерные примеры. В ауле № 3 Уланской волости, Усть-Каменогорского уезда бай Джаксыбай Кустанов выступал в качестве арендатора земли у казачьей верхушки. Арендованные земли он сдавал мелкими партиями на кабальных условиях казахской бедноте. «У него достаточно скота, есть сравнительно большой посев (кроме арендуемых, около 80 десятин) и кругом масса джатанов, над которыми он царит. В его же ауле—35 кибиток из разных волостей—Джаксыбай кроме высокой платы за место пользуется даровым трудом для обработки пашни, покоса и прочее. Все это—круглые бедняки, у всех их 20 лошадей, 15 коров и 10 баранов. Зимой берут у Джаксыбая и казаков в долг муку и проч., а летом отрабатывают то, что задолжали зимой»[2].

В документах часто встречаются такие факты. Они говорят о глубокой классовой дифференциации казахского аула, о преобладании патриархально-феодальных отношений и форм эксплуатации. Эти формы кабальной эксплуатации имели одну общую черту: аульная беднота эксплуатировалась под видом оказания ей «помощи».

В нашем сообщении нет возможности подробно проанализировать степень классового расслоения казахского аула. Ограничимся лишь приведением некоторых данных, взятых нами из материалов экспедиции Щербины, Кузнецова и Румянцева.

В конце прошлого столетия в Кокчетавском уезде бедняцкие хозяйства, имевшие до 5 голов скота каждое, составляли 50,4% всех казахских хозяйств уезда. Им принадлежало лишь 0,04% верблюдов, 20,2% коз, 27,2% овец, 20,1% лошадей и 32% крупного рогатого скота, имевшегося у казахского населения уезда; 50% всех лошадей и 48,5% всех овец было сосредоточено в руках 7% байских хозяйств уезда.

[1] «Известия Академии Наук Казахской ССР», серия экономическая, вып. 1. 1949, стр. 104.

[2] Н. Коншин, Материалы для истории Степного края. Памятная книжка Семипалатинской области за 1902 год.

В Павлодарском уезде, по данным экспедиции Кузнецова, в 1907 г. было 12 500 бедняцких хозяйств, имевших 63 500 лошадей, а 800 байских хозяйств имели 172 700 лошадей.

В Омском уезде казахские байские хозяйства, составлявшие 16% всех хозяйств уезда, имели 110 тыс. голов скота, а бедняцкие и середняцкие хозяйства, составлявшие 84% всех хозяйств, имели 115 тыс. голов, т. е. столько, сколько имело 16% байских хозяйств. Даже в таком кочевом скотоводческом уезде, как Каркаралинском, 10 400 бедняцких хозяйств имели 16 тыс. лошадей, а 1000 байских хозяйств—78 тыс. лошадей.

Далеко зашедший процесс дифференциации хозяйств казахских скотоводов наблюдался и в Семиреченской области, что можно установить по данным Верненского уезда о распределении хозяйств по обеспеченности скотом в 1911 г.

Зарегистрировано хозяйств (в %):

Хозяйств, не имеющих скота	1,22
Имеющих скот до 1 единицы	0,93
Имеющих скот от 1 до 3 единиц	16,32
Имеющих скот от 3 до 8 единиц	26,38
Имеющих скот от 8 до 15 единиц	22,86
Имеющих скот от 15 до 25 единиц	14,97
Имеющих скот от 25 до 50 единиц	11,69
Имеющих скот от 50 до 100 единиц	4,30
Имеющих скот от 100 до 200 единиц	1,11
Свыше 200 единиц	0,22

Таким образом, в Верненском уезде число хозяйств, имевших менее 15 голов скота, т. е. количество, не обеспечивавшее прожиточный минимум семьи кочевника из 5 душ, составляло 67, 71% всех хозяйств уезда.

Руководитель повторного обследования казахских хозяйств Семипалатинской области Кузнецов, вообще склонный к приукрашиванию положения, вынужден был констатировать в 1909 г., что «в Семипалатинском уезде главная масса казахских хозяйств (до 94%) принадлежит к неимущим, бедным и маломощным, совсем безлошадным. Эта масса влачит жалкое существование кочевников-полупролетариев и добывает средства к жизни не столько от своего кочевого хозяйства, сколько от посторонних доходов и заработков, которыми занимается свыше 4/5 всех этих хозяйств»[1].

Но дело не ограничивалось дифференциацией кочевого хозяйства только по распределению стада в натуре. Существовало еще такое важное явление в ауле, как наем и отпуск рабочей силы.

К моменту повторного обследования (1908 г.) количество хозяйств, нанимавших батраков, по уездам Уральской и Тургайской областей составляло 25 тыс., или 21,3% всех хозяйств. В Кокчетавском уезде из 15 626 хозяйств нанимали батраков 3 380 хозяйств, т. е. 21,6% к числу хозяйств, в Акмолинском уезде из 16 457 хозяйств нанимали батраков 3 714, или 22,6% всех хозяйств.

Число сельскохозяйственных батраков в байских хозяйствах увеличивалось ежегодно и быстро. Это показывают материалы переселенческой партии по Тургайской области[2].

[1] Материалы по Киргизскому землепользованию Семипалатинской области Семипалатинского уезда, т. X, 1909.

[2] Труды Тургайского областного земельного комитета, вып. 3, Оренбург, 1918, стр. 131.

Уезды	Количество семей, нанимающих рабочую силу	Число рабочих		
		годовых	сроковых	3-х месячных
Актюбинский	6401	7873	2899	559
Кустанайский	5124	7789	698	643
Тургайский	2896	2076	2587	—
Иргизский	3856	5128	797	122
Итого	18277	22666	6861	1224

Что собой представляла казахская беднота, из рядов которой черпались батраки, можно видеть из следующего описания одной семьи: «Семья из 6 человек имеет одну лошадь и две коровы, маленькую юрту, немного посуды, кое-какую одежду—кажется все. Старший сын в работниках за 10 руб. в год, младшие сыновья делают сырцовые кирпичи по 1 руб. с тысячи, зато старик, как кибитковладелец, ежегодно должен платить в свою волость 9 руб. 72 коп., 3 руб. за зимовку, 1 руб. за юрту, т. е. всего около 14 рублей; об одежде, о пище и говорить едва ли приходится»[1].

Статистика переселенческой партии по Тургайской области показывает, что 79,5% казахских скотоводов не могли прокормить семью от дохода своего скотоводческого хозяйства.

Этой аульной бедноте некуда было податься, многие из них разорялись, уходили на заработки в различные местности Казахстана, Сибири, Урала, Волги, в города, на горные и соляные промыслы, на сплав, нанимались батрачить к верхушке казачьих станиц и к богатым переселенцам.

В начале XX века Казахстан стал все более втягиваться в капиталистическое производство. Это вытекало из природы империализма. В. И. Ленин указывал, что в эпоху промышленного капитализма «колонии втягивались в обмен *товаров*, но еще не в капиталистическое *производство* Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз *капитала*. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии»[2].

Справедливость этого ленинского положения можно видеть на примере Казахстана. Рост капиталистических предприятий в Казахстане за десять лет показывают следующие данные:

Годы	Число предприятий	Валовая продукция производства в руб.	Число рубочих
1900—1901	2663	5 731 101	6824
1905—1906	3491	3 932 271	11 025
1909—1910	4044	27 675 968	16 522

Таким образом, за десять лет число предприятий и рабочих увеличилось в два раза, а валовая продукция промышленного производства в рублях—почти в пять раз.

В 1913 г. вся крупная промышленность Казахстана дала продукции всего лишь на 67 миллионов рублей (в ценах 1926—1927 гг.). При этом

[1] Материалы экспедиции, Актюбинский уезд, примечание по стр. 7.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 323.

продукция промышленности по технической переработке продуктов сельского хозяйства составляла более 72% всей промышленной продукции.

Удельный вес всей промышленности Казахстана ко всей промышленности России составлял в 1908 г. по предприятиям—0,7%, по рабочим—0,2%, по продукции цензовой промышленности—0,3%[1].

Промышленность в Казахстане возникла и выросла не из недр казахского байского хозяйства, а была насаждена извне, сверху русскими и иностранными капиталистами. Капитал местной казахской бужуазии не был привлечен к созданию капиталистической промышленности, он не участвовал даже в создании промышленных предприятий по первичной технической обработке животноводческого сырья. Характерно, что по данным 1902 г. в Акмолинской области насчитывалось 102 предприятия, из них только одно принадлежало казахскому предпринимателю. Таково было положение и в остальных областях Казахстана. При этих условиях нарождавшаяся казахская буржуазия по существу выполняла роль посредника между крупным русским капиталом и местным рынком, она представляла из себя уродливую, отсталую разновидность «компрадорской» буржуазии.

Делу развития капитализма вширь служили банки. Они проникли в Казахстан, еще в 80 годах. Здесь были открыты отделения Государственного банка в областных центрах, а также в крупных ярмарочных пунктах. Так, обороты Семипалатинского отделения банка выросли с 15 миллионов рублей в начале его организации—в 1907 г. до 52 миллионов рублей в 1911 г.

В начале XX века в Казахстане были открыты отделения промышленных акционерных банков: Сибирского торгового банка, Русско-Китайского, преобразованного затем в Русско-Азиатский банк.

Для казахского населения при областных правлениях банка существовали особые, так называемые «ссудные киргизские кассы» с капиталом около 120 тыс. рублей. По уставу касс ссуды разрешались только на удовлетворение хозяйственных нужд. Краткосрочные ссуды выдавались в размере от 3 до 30 рублей на срок менее 12 месяцев.

Разумеется, что учреждение этих банков и ссудных касс имело также значение для втягивания кочевого населения в товарно-денежные отношения, что, в свою очередь, обусловливалось разложением натурального хозяйства кочевников.

Развитие торговли, строительство железных дорог, развитие городов и городской жизни, появление капиталистической промышленности—все это не могло не ускорить процесс классовой дифференциации в ауле, не ускорить процесса хозяйственной консолидации казахского народа.

Вместе с развитием капиталистических отношений в Казахстане стали формироваться казахская буржуазия и ее антипод—казахский пролетариат.

В 1913 г в Казахстане насчитывалось 1985 промышленный рабочий, из них более половины—казахские рабочие. Следует подчеркнуть, что значительная часть казахских рабочих не порвала связь с аулом, о чем свидетельствует следующее описание режима работы промышленных предприятий: «Рабочими в горных предприятиях являются главным образом киргизы-кочевники; заводы и рудники поэтому не служат центрами, около которых возникли бы оседлые поселения... Работы в большинстве предприятий (за исключением Воскресенского общества) производятся главным образом только весной и летом, ко-

[1] П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, 1948, стр. 429.

тда прикочевывают к заводам и рудникам рабочие-киргизы. Зимой же работы прекращаются»[1].

Совершенно очевидно, что при таких условиях значительных и квалифицированных кадров рабочих не могло создаться. В то же время в ауле происходила классовая дифференциация. Байские хозяйства не могли поглощать всю массу батраков и бедняков, лишенных средств производства. Поэтому многие из них работали в отхожих промыслах. Так, в официальном отчете Степного генерал-губернаторства говорится: «Лишение скота, а вместе с ним и средства для прокормления вызывают между киргизами отхожие работы. Бедняки киргизы (жатаки) занимаются поденной работой, нанимаются на калбанские прииски и на рудники Алтайского горного округа, а во время жатвы и сенокоса массами отправляются в ближайшие крестьянские деревни Томской губернии, где киргизы как дешевые работники в большом спросе»[2].

Администрация Семипалатинской области в своем донесении Степному генерал-губернатору сообщала, что осенью 1901 г. в Екибастузе находилось 5 тыс. человек, ищущих работу.

Все эти факты говорят, что батраки, лишенные средств производства, вынуждены были продавать свою рабочую силу как товар.

Таким образом, развитие местных рынков, включение их во всероссийский рынок, развитие капиталистических отношений в ауле, появление казахской буржуазии и казахского пролетариата—все это ускорило процесс создания экономической общности, экономической связанности казахского народа.

Но, как известно, нация базируется на устойчивой общности экономической жизни, созданной общественным разделением труда и появлением национального рынка, объединяющего отдельные части данной нации в одно целое. Не приходится отрицать, что в дореволюционный период складывавшаяся казахская буржуазная нация не имела национального экономического центра. Административные центры 6 казахских областей Степного и Туркестанского краев служили как бы и экономическими центрами этих областей, но связь между ними была крайне слаба. Территорию Казахстана пересекала единственная железнодорожная линия Оренбург-Ташкент. Центральный Казахстан и Семиречье были оторваны от западных, восточных и северных районов, куда подходили железнодорожные линии. Господство в ауле патриархально-феодальных отношений, сохранение родового быта, использование в феодально-байском хозяйстве докапиталистических форм эксплуатации трудящихся—все это сильно тормозило дело создания устойчивой общности экономической жизни. В силу этого обстоятельства экономическая общность казахского народа не получила своего полного оформления. Поэтому не правы те товарищи, которые переоценивают степень развития общности экономической жизни казахского народа и на этом основании выдвигают тезис о полном сложении казахской буржуазной нации.

Общность психического склада проявляется в общности специфических особенностей национальной культуры.

Марксизм-ленинизм учит, что психический склад нации нельзя оторвать от условий материальной жизни общества, от исторического развития народа. Особенности психического склада, своеобразие культуры обусловлены историческими особенностями экономического и политического развития данной нации.

Психический склад нации имеет устойчивые черты, национальные особенности и традиции, которые воспитываются в труде, быту и передаются из поколения в поколение. Исторически сложившиеся черты психического склада накладывают свой отпечаток на облик нации, на ее национальный характер.

Казахская народность, как исторически сложившаяся общность людей докапиталистической эпохи, имела известную общность психического склада, проявившегося в специфических особенностях культуры, созданной ею в течение длительного времени. У казахского народа развито было устное народное творчество. Он имел свою национальную музыкальную культуру, свое национальное прикладное искусство. Все это является творением народных масс.

Известно, что содержание культуры меняется с каждым новым периодом общественного развития, тогда как ее форма сохраняется в течение длительного времени. Этим, собственно, объясняется то, что, несмотря на политический распад казахских ханств, казахский народ, несмотря на вхождение в состав различных государственных образований, сохранил свой язык, свою самобытную культуру, свой национальный быт. Казахи, входившие в свое время в состав Китая и среднеазиатских ханств, говорили на одном общем языке, сознавали свою принадлежность к одному народу—казахскому, тяготели к основной массе казахского народа, входившего в Российское государство.

В эпоху буржуазно-демократической революции в России наблюдается некоторый рост казахской национальной культуры: рост школьного образования, появление писателей, появление периодической печати, книгопечатание. Характерно, что в этот период, наряду с произведениями, отражающими реакционную феодально-байскую идеологию, появляются произведения писателей демократического направления. Так, первый казахский роман «Калин-Мал» (1913 г.) С. Кубеева, отражая идеи русской демократической литературы, призывал казахский народ к борьбе против угнетенного положения женщин-казашек.

Вместе с развитием экономики Казахстана, под влиянием передовой экономики России, культурная общность казахского народа принимала все более устойчивый характер, набиональная форма культуры выражала буржуазное содержание ее. Однако процесс создания национальной культуры в условиях колониального режима, отсталого кочевого быта шел мучительно медленно. В дореволюционный период у казахского народа не было национального культурного центра в собственном смысле этого слова. Это не могло не сказаться на окончательном оформлении культурной общности казахской буржуазной нации.

Говоря о культурной общности казахской буржуазной нации, следует разграничить демократическую культуру казахского народа, развивавшуюся под благотворным влиянием передовой культуры великого русского народа, и культуру феодально-байской верхушки казахского общества. Вместе с развитием капиталистических отношений, возникших в недрах патриархально-феодальных отношений, формировалась идеология казахской буржуазии. Она проникала и взаимно переплеталась с феодальной идеологией.

Феодально-байская идеология в условиях Казахстана тесно переплеталась с реакционной идеологией пантюркизма и панисламизма. Она являлась основой формирования буржуазного национализма.

В то время, когда представители демократической народной культуры, преемники традиций Чокана Валиханова, Ибрагима Алтынсарина и Абая Кунанбаева, в лице казахской демократической интеллигенции, ее передовых представителей М. Сералина, С. Кубеева, С. Дунентаева, С. М. Торайгирова, А. Майкутова и др., звали казахский народ на путь прогресса, на экономическое и культурное сближение с великим русским

[1] «Россия», Киргизский край, т. 18, стр. 281—282.
[2] ЦГИА Казахской ССР, ф. 299, л. 14.

народом, воспевали дружбу между народами, представители феодально-байской культуры типа Бухейханова, Байтурсунова, Карашова, Дулатова стремились привить казахскому народу идеологию национальной вражды. Не случайно, что лозунгами нарождавшейся казахской буржуазии, феодально-байской интеллигенции, впоследствии объединившейся (1917 г.) в контрреволюционную партию алаш, были классовый мир внутри нации ради «единства нации», недоверие и ненависть к другим народам, единый фронт с империализмом. Также не случаен и тот факт, что «алаш» первоначально возник в составе партии кадетов, как ячейка. В этом еще раз сказалась зависимость казахской буржуазии от своего «экономического и духовного отца»—русской буржуазии. Однако это не мешало алашординцам смыкаться и проводить политику и идеологию пантюркизма и панисламизма.

Совершенно другую картину мы наблюдаем в начале XX века в народно-демократическом освободительном движении казахских трудящихся, связавших свою судьбу с судьбой рабочих и крестьян великого русского и других народов нашей страны. Рабочий класс и его интернационалистическая партия являлись той силой, которая объединяла вокруг себя рабочих и крестьян всех национальностей, боровшихся против царизма и капитализма.

Казахское феодальное байство претендовало на роль руководящей силы складывавшейся казахской буржуазной нации, стремилось подчинить демократическое движение народных масс своим классовым интересам. Выдавая свои собственные классовые интересы за общенародное дело, казахское байство, пантюркистская и панисламистская агентура иностранных держав пытались создать «общенародный» фронт буржуазного национализма, чтобы отвлечь трудящихся от классовой борьбы. Однако революционное движение в Казахстане развивалось под знаменем пролетарского интернационализма, под руководством русского рабочего класса. Казахские трудящиеся массы выступали в одних рядах с русскими рабочими и крестьянами и против царизма, и против «своих» угнетателей и эксплуататоров.

Итак, мы проследили уровень развития всех четырех основных признаков складывавшейся в дореволюционный период казахской буржуазной нации. На основании изложенных выше историко-экономических данных мы приходим к следующим выводам:

1. Казахский народ, как исторически сложившаяся общность людей докапиталистической эпохи, имел известную общность языка, территории, психического склада, проявляющегося в общности культуры. Эти элементы нации, создававшиеся исподволь еще в докапиталистическую эпоху, находились в зачаточном состоянии, представляя лишь, как указывает И. В. Сталин, «...потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при известных благоприятных условиях»[1]. Началом таких благоприятных условий явилось завершение присоединения Казахстана к России.

2. В конце XIX—начале XX веков под влиянием передовой экономики России, в ауле зародились капиталистические отношения, развивалось товарное обращение, возникли местные рынки. Казахстан все более втягивался в орбиту всероссийского рынка. На базе привозного капитала возникли капиталистические предприятия. Стали формироваться казахская буржуазия и казахский пролетариат.

3. Вместе с развитием капиталистических отношений шел процесс сложения экономической общности казахской буржуазной нации. Элементы общности языка, территории, культуры развились в общность национального языка, территории и культуры. Таким образом, шел процесс консолидации казахского народа в буржуазную нацию.

Несмотря на усиленный процесс развития капиталистических отношений, в Казахстане вплоть до победы социалистической революции господствовали патриархально-феодальные отношения. Казахский народ не успел пройти периода промышленного капитализма. В силу этих обстоятельств исторический процесс образования казахской буржуазной нации не был завершен. Следовательно, осуществление перехода казахского народа от патриархально-феодальных отношений к социализму, минуя капитализм, является в то же рвемя завершающим этапом консолидации казахского народа в нацию, но только в нацию нового типа —нацию социалистическую. Методологическим руководством в данном случае служит известное указание И. В. Сталина об особенностях развития народов Советского Востока: «...они развиваются и консолидируются, как нация, не под эгидой буржуазных порядков, а под эгидой Советской власти. Это беспримерный факт в истории, но это все же факт»[1].

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 336.

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 135.

А. А. АМИНОВ

Кандидат экономических наук

(Финансово-экономический институт)

В вопросе о формировании в дооктябрьский период узбекской буржуазной нации мы в основном согласны с мнением докладчика М. Г. Вахабова в том смысле, что узбеки в дооктябрьский период не достигли высшей ступени национальной консолидации. Но по некоторым вопросам наша точка зрения расходится с докладчиком. Эти расхождения касаются главным образом вопроса о степени экономической, территориальной и языковой консолидации узбеков в дооктябрьский период.

И. В. Сталин учит, что процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации.

Если подойти к вопросу с этой теоретической позиции, то окажется, что в дооктябрьский период в Узбекистане уже были налицо экономические условия для образования узбекской буржуазной нации. До Октябрьской социалистической революции (в особенности с конца XIX и начала XX веков) на территории современного Узбекистана происходил процесс разложения феодализма и развития капиталистических отношений, хотя патриархально-феодальные производственные отношения оставались господствующими.

М. Г. Вахабов считает, что к моменту Октябрьской революции процесс складывания экономической общности узбеков не завершился, так как «у народов Туркестана не установилась тесная экономическая связь, не произошло слияние его местных рынков в единый национальный рынок».

Мы склонны думать, что в дооктябрьский период экономическая общность в основном сложилась. Узбеки, главным образом в земледельческих областях Туркестанского генерал-губернаторства, жили одной хозяйственной жизнью. Туркестан, как колония, был включен в капиталистическую систему России, служил внутренним рынком и сырьевым придатком царской России. Экономическое развитие Туркестана, которое наметилось после присоединения его к России, обусловливалось в первую очередь мощным воздействием на него капиталистического хозяйства метрополии.

Туркестан включился в общероссийский рынок. В системе общероссийского экономического разделения труда Туркестан специализировался как хлопковый экономический район. Между Туркестаном и Россией происходил широкий товарооборот. Туркестан был основным поставщиком хлопка, шелка, каракуля и других товаров. Он обеспечивал более 50% потребности текстильной промышленности России в хлопке.

Из России же в Туркестан ввозились в громадных количествах промышленные и продовольственные товары (хлеб, сахар и т. д.).

Включение Туркестана в капиталистическую систему России дало некоторый толчок к развитию производительных сил края, привело к значительному развитию фабрично-заводской промышленности. Особенно развивалась промышленность, связанная с переработкой хлопка и других сельскохозяйственных культур (хлопкоочистительные, маслобойные, мыловаренные, фруктово-консервные, винокуренные, гренажные отрасли производства).

Правда, такое развитие производительных сил было целиком подчинено экономическим интересам русской буржуазии и помещиков, вследствие чего развитие производительных сил Туркестана носило колониальный характер. Здесь развивались те отрасли промышленности, которые занимались первичной переработкой колониального сельскохозяйственного сырья.

По данным промышленного обследования 1906 г., в Туркестане насчитывалось 204 хлопкоочистительных завода (из общего числа 220 по всей России), производство их составляло 6 млн. 865 тыс. пудов хлопкового волокна, 9,9 тыс. пудов линтера и 12 158 пудов остатков и отбросов.

В период с 1868 по 1900 гг. в Самаркандской, Сыр-Дарьинской, Ферганской областях было открыто 170 промышленных предприятий; с 1900 до 1910 гг.—около 220, а с 1910 по 1914 гг.—около 180. Только с 1908 по 1913 гг. стоимость промышленной продукции Ферганской области выросла на 69% и Самаркандской—на 74%.

Новые заводы технически были оснащены значительно лучше, чем старые полукустарные заводики по очистке хлопкового сырья. Так, например, раньше при очистке хлопка применялся почти исключительно ручной труд, который в конце XIX века был заменен машинной обработкой. Двигательная сила, прежде почти исключительно водяная, заменялась двигателями паровыми и внутреннего сгорания.

В 1916 г. в Туркестанском крае насчитывалось уже 706 промышленных предприятий, валовая продукция которых достигала 131 млн. 701 тыс. рублей, мощность механических двигателей—23 020 лошадиных сил.

Основной отраслью промышленности Туркестанского края была хлопкоочистительная, продукция которой составляла около 111 млн. рублей (85% всей промышленной продукции Туркестана).

Проводилось большое железнодорожное строительство (строительство Закаспийской, Оренбурго-Ташкентской, а потом Ферганской, Бухарской железных дорог). Постройка железных дорог сыграла большую роль в проникновении капиталистических отношений вглубь Средней Азии, способствовала установлению связей края с центральными районами империи, усиливала проникновение в Среднюю Азию товаров из промышленных районов России, превращая ее во внутренний рынок метрополии.

Строительство железных дорог впоследствии, когда Туркестан был превращен в монокультурный хлопковый район, имело большое значение в деле обеспечения края продовольственными товарами, в частности хлебом.

На Аральском море было создано пароходство, в результате чего хорезмский хлопок стал поступать непосредственно на станцию Аральское море Ташкентской железной дороги вместо того, чтобы направляться кружным путем через Чарджоу, куда он доставлялся гужевым транспортом.

Развитие промышленных предприятий на месте и особенно ввоз промышленных изделий вытесняло местные кустарные промыслы: сокращается кустарная очистка хлопка, кустарное производство шелка,

обработка пряжи и ткани, кожи, выделка масла и другие отрасли кустарной промышленности. Русские заводы и фабрики производили товары гораздо дешевле и в громадном количестве ввозили их в Среднюю Азию.

Включение края в капиталистическую экономику России обусловило также начало изучения производительных сил и природных богатств Средней Азии. Русские ученые—Северцев, Федченко. Пржевальский, Мушкетов, Семенов-Тян-Шанский и многие другие положили начало широкому географическому исследованию края. Впервые были предприняты геологические исследования и изыскания, началась промышленная разработка угля и нефти.

В 1916 г. добыча угля составила свыше 12 млн. пудов, максимальная добыча нефти достигла в 1911 г. 2 452 пуда. Из других полезных ископаемых добывалась соль в количестве около 5 млн. пудов.

Одновременно с развитием промышленности и строительства железных дорог начинают возникать новые города (Скобелев, Каган, Термез, Красноводск, Пишпек и многие другие). Появился промышленный пролетариат и местная национальная буржуазия. Численность пролетариата возросла до 60 тысяч человек, из них около 22 тыс. человек было занято в добывающей и обрабатывающей промышленности и около 30 тысяч на железнодорожном транспорте и в железнодорожных механических мастерских. Общее число рабочих хлопкоочистительной промышленности в 1915 г. составляло 15 тыс. человек. Все это совершенно упустили из виду докладчик и содокладчики.

Важную роль играло активное вмешательство монополистического капитала метрополии в экономическое развитие края в целях превращения его в хлопковую базу русской промышленности. В связи с этим роль финансового капитала в экономической жизни Туркестана приобретает особое значение.

Мы не склонны преувеличивать значение капитализма в Туркестане, но попытаемся показать, что в дооктябрьский период в Туркестане уже имелись экономические предпосылки для оформления узбеков в буржуазную нацию.

М. Г. Вахабов считает, что среди народов Туркестана не установилась тесная экономическая связь и не произошло слияние его местных рынков в единый национальный рынок; он пытается убедить нас, что при решении вопроса о складывании национального рынка не следует принимать во внимание экономических связей Туркестана с Россией.

Прежде всего, методологически неправильно отделять общероссийский рынок от внутреннего рынка Туркестана, так как Туркестан был колонией царской России, ее неотъемлемой частью.

Во-вторых, следует учесть тот важный экономический фактор, что общероссийский рынок в свою очередь оказывал влияние на развитие внутреннего рынка Туркестана. Это влияние проявлялось в том, что все возраставшая потребность хлопчатобумажной промышленности России в хлопке обусловливала дальнейшую специализацию Туркестана на производстве товарного хлопка. Это вызывало рост посевных площадей под хлопком, дальнейшее вытеснение зерновых и хлебных культур. Если в 1890 г. посевные площади под хлопком составляли всего 92 869 десятин, то к 1915 г. эти площади составляли уже 523 614 десятин.

Основным специализированным хлопковым районом Туркестана была Ферганская долина, где засевалось в 1915 г. 336 525 десятин.

Одностороннее монокультурное развитие Ферганской долины означало, что большинство дехканского населения превращалось в производителей товарного хлопка, приобщалось к товарно-денежному обращению.

Дехканские хозяйства не вывозили продуктов своего труда непосредственно в Россию или за границу, а реализовали их на внутреннем рынке через сложную сеть скупщиков хлопка. А крупные хлопковые фирмы оптом вывозили этот хлопок в метрополию. Из Средней Азии вывозились и другие товары: шелк, каракуль, фрукты и т. д. Все это не могло не способствовать расширению национального рынка.

М. Г. Вахабов прав, говоря, что «в основе общности экономической жизни может лежать только разделение труда между разными районами и между городом и деревней внутри территории данного района».

Но разве можно сомневаться в том, что этот процесс происходил в дореволюционном Туркестане. Да и сам М. Г. Вахабов признает, что «образование внутреннего национального рынка в Узбекистане начинается с 90-х годов XIX столетия». Надо полагать, что с начала XX века, тем более накануне Октябрьской революции, процесс образования национального рынка усилился и дошел до такой зрелости, что мог уже сложиться единый национальный рынок.

Существовало ли в действительности разделение труда между разными районами и между городом и деревней внутри Туркестана?

Ответ на этот вопрос может быть только положительный. Если Ферганская долина специализировалась как монокультурный хлопковый район, то другие области специализировались как районы зерновых и животноводческих продуктов. Между этими районами существовала прочная экономическая связь. Прежде всего существовали исконные прочные экономические связи между земледельческими и скотоводческими районами Средней Азии.

Существование скотоводческих и земледельческих районов есть результат общественного разделения труда. Скотоводческие районы поставляли земледельческим районам скот, сало, шерсть, кожу, а земледельческие районы снабжали промышленными изделиями и изделиями пищевой промышленности. После присоединения Средней Азии к России эти связи не порывались; наоборот, они продолжали существовать, произошло лишь дальнейшее разделение труда.

Разделение труда происходило и между разными областями земледельческих районов Туркестана. В частности, Самаркандская область специализировалась как зерновая область, так как привозной хлеб из России не удовлетворял потребностей внутреннего рынка Туркестана.

Представители русской буржуазии в целях развития туркестанского хлопководства настоятельно требовали обеспечения края «дешевым» хлебом. Поэтому дальнейшее развитие среднеазиатского хлопководства непосредственно связывалось с вопросом обеспечения края хлебом.

В своей записке императору главноуправляющий земледелием и землеустройством Кривошеин, определяя направление хозяйственного развития Туркестана, требовал дальнейшего сокращения посевов зерновых культур.

«Такое направление хозяйственной жизни края,—писал он,—с общегосударственной точки зрения совершенно естественно и разумно. Каждый лишний пуд туркестанской пшеницы—конкуренция русской и сибирской пшенице, каждый лишний пуд туркестанского хлопка—конкуренция американскому хлопку. Поэтому лучше дать краю привозной хотя дорогой хлеб, но освободить в нем орошенные земли под хлопок».

Но Туркестан так и не был обеспечен дешевым привозным хлебом. Поэтому некоторые районы его оставались специализированными зерновыми районами.

Спрашивается, какое же еще нужно разделение труда между районами, чтобы сложился национальный рынок?

Это разделение труда существовало и продолжало существовать как основа внутреннего национального рынка. Даже после Октябрьской социалистической революции эти районы в основном сохранили свою хозяйственную специализацию.

Что же касается существования экономического разделения труда между городом и деревней, как необходимого условия образования внутреннего национального рынка в Туркестане, то вряд ли можно сомневаться в его наличии.

Миллионные массы дехканского хозяйства, вовлеченные в товарное производство, реализовали на городских рынках свою продукцию. В данном случае город служил рынком сбыта сельскохозяйственных товаров. Город же снабжал деревню промышленными товарами как капиталистических предприятий Туркестана (масло, мыло, жмых и т. д.), так и промышленными товарами России, а также предметами кустарной промышленности, которая занимала еще значительное место в экономике Туркестана.

Так обстоит дело с общественным разделением труда, как основы образования внутреннего рынка в Туркестане.

Нас удивляет, почему М. Г. Вахабов видит образование внутреннего рынка только в углублении общественного разделения труда, но совершенно упускает из виду другие важные показатели роста внутреннего рынка.

В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России» указывал и на такие показатели роста внутреннего рынка как рост товарного обращения, рост торгово-промышленного населения, рост отхожих неземледельческих промыслов и возрастающее использование наемного труда.

Нет сомнения в том, что эти процессы в той или иной степени происходили в Туркестане и оказывали свое влияние на образование внутреннего рынка.

Все сказанное дает право утверждать, что в дооктябрьский период в Туркестане в основном уже сложился внутренний рынок, являвшийся базой экономических связей узбеков.

Далее, мы не согласны с утверждением М. Г. Вахабова, что у узбеков в дооктябрьский период не сложилась территориальная общность, что «общая территория узбеков еще не стала единой национальной землей».

Единственным доводом в пользу этого тезиса М. Г. Вахабов считает, что «узбеки в то время входили в четыре государственных объединения» (Туркестанское генерал-губернаторство, Бухарский эмират, Хивинское ханство и Афганистан).

Этот довод не обоснован.

Во-первых, искусственное разделение единой территории Узбекистана между четырьмя государственными образованиями не могло препятствовать формированию нации, так как единое национальное государство не составляет признака нации.

Во-вторых, самостоятельность Бухарского эмирата и Хивинского ханства, как государственных объединений, носила лишь номинальный характер. Эти ханства были вассальными, зависимыми от России государственными объединениями, лишенными права иметь непосредственные отношения с иностранными государствами. Экономика этих ханств была включена в капиталистическую систему Российской империи; они были сырьевыми придатками метрополии. В ханствах функционировали в основном денежные знаки России.

В-третьих, земледельческие народы, населявшие Туркестан, имели определенную территорию. На этой территории они жили общими экономическими интересами и общей экономической жизнью.

И. В. Сталин в тезисах доклада на X съезде партии «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» указывал, что население большей части Туркестана, Бухары, Хивы, ставшее уже оседлым, прочно закрепило за собой определенную территорию. Эти народы, жившие на определенной территории, оставались и после присоединения Туркестана к России на той же земле. Никто не переселял их из насиженных мест; колонизация земель местного населения проводилась главным образом в степной части края.

Поэтому нам непонятно, как это можно утверждать, что общая территория узбеков еще не стала до революции единой национальной землей.

М. Г. Вахабов считает, что узбекский язык до революции не достиг уровня единого национального языка, что начавшийся в конце XX века процесс языковой консолидации узбеков не завершился к моменту революции. Аргументом в пользу этого положения служит наличие местных говоров и диалектов.

Но неужели ферганские, ташкентские, хорезмские узбеки говорили на непонятном друг другу языке и неужели наречия таких торгово-промышленных городов как Ташкент, Коканд, Андижан, Наманган и др. не завоевали общего признания? Разве язык таких больших писателей как Фуркат, Мукими и Хамза не был понятен узбекам всех областей Туркестана?

Чем тогда объяснить, что несмотря на всяческие препятствия, чинимые царским правительством, творчество названных писателей было широко распространено среди трудящихся масс узбекского народа?

Что же касается наличия разных говоров и диалектов в узбекском языке, то они существуют и сейчас, но разве от этого узбеки в настоящее время не являются нацией?

Культурное развитие узбеков искусственно задерживалось «русификаторской» политикой царизма. Тем не менее под влиянием передовой русской культуры произошел значительный подъем духовной жизни как узбекского народа, так и других народов Средней Азии и Казахстана. В частности, демократическая революционная Россия оказала свое влияние на развитие демократической литературы, на распространение революционно-демократических, а впоследствии и социалистических идей.

Все вышеизложенное дает нам основание сделать следующие выводы:

В дооктябрьский период узбеки Туркестана в **основном** сложились в буржуазную нацию, но по своей национальной консолидации, экономической и культурной зрелости были отсталой нацией по сравнению с такими передовыми нациями, как русские, украинцы и белоруссы; по степени своей национальной консолидации отставали они также от грузин, армян и других буржуазных наций.

В этом смысле следует понимать незавершенность процесса окончательной национальной консолидации.

Тов. Якубовская, опубликовавшая статью в журнале «Коммунист» (1953 г. № 9), не отрицает наличия всех четырех признаков нации у узбеков в дооктябрьский период. Она считает: ввиду того, что в Средней Азии капиталистические отношения не стали господствующими отношениями, узбеки окончательно не могли сложиться в буржуазную нацию. Но ведь известно, что формирование людей в нацию не предполагает господства капиталистических отношений.

Не случайно И. В. Сталин в работах «Национальный вопрос и лени-

низм» и «Марксизм и вопросы языкознания» дважды упоминает узбекскую буржуазную нацию.

Если встать на путь отрицания процесса складывания узбекской и казахской буржуазных наций в дооктябрьский период, то можно проглядеть контрреволюционную роль местной буржуазии и создание ею националистических организаций, не увидеть социальной почвы для появления буржуазного национализма. Хотя узбекская национальная буржуазия и была значительно слабее буржуазии других наций, но ее идеология буржуазного национализма, реакционная идеология пантюркизма и панисламизма оказалась настолько живучей, что Коммунистической партии приходится и по сей день вести борьбу против пережитков буржуазного национализма.

Что касается основного аргумента многих авторов, придерживающихся тезиса о том, что узбеки в дооктябрьский период только начали складываться в нацию, что они не сложились в нацию, что этот процесс остался незавершенным, потому что в Средней Азии капиталистический строй не стал господствующим, потому что феодальный строй окончательно не был устранен,—то аргумент этот не выдерживает критики, так как нации возникают не в период полного господства капитализма, а в период разложения феодализма и развития капиталистических отношений, в период подымающегося капитализма, как учат В. И. Ленин и И. В. Сталин. Процесс же разложения феодализма и развития капиталистических отношений в дореволюционном Туркестане был уже налицо.

И, наконец, является несерьезным утверждение некоторых авторов, что признание факта складывания узбекской, казахской буржуазных наций в дооктябрьский период приводит к умалению значения Великой Октябрьской социалистической революции.

Значение Великой Октябрьской революции для исторических судеб народов Средней Азии неоценимо. Она принесла освобождение от социального, национального и колониального гнета, она создала условия для полной государственной консолидации, объединения всех узбекских земель в единое национальное социалистическое государство, обеспечила расцвет экономики и культуры ранее отсталых народов. Октябрьская социалистическая революция обеспечила ликвидацию экономической, культурной и политической отсталости народов Средней Азии.

Ч. О. ОВЕЗБЕРДЫЕВ
Кандидат философских наук
(Туркменский государственный университет)

Известно, что буржуазные нации являются продуктом эпохи капитализма, именно, эпохи подымающегося капитализма, ибо только в эпоху, когда молодая буржуазия начинает разрушать старые феодальные строи и устанавливать свои буржуазные порядки, появляются условия для экономического, политического и культурного сближения ранее обособленных, оторванных частей народа.

При рассмотрении вопроса о формировании буржуазных наций на территории Средней Азии возникают, как известно, различные истолкования этого вопроса, различные взгляды, иногда резко расходящиеся между собой. Это и понятно, так как возникновение капиталистических отношений в Средней Азии отличается от возникновения капиталистических отношений в странах Запада, в том числе России. Если на Западе капиталистические отношения являлись результатом внутреннего экономического развития этих стран, то в Средней Азии дело обстояло иначе: возникновение капиталистических отношений явилось здесь результатом развития русского капитализма вглубь и вширь.

Конечно, это не было случайностью. Присоединение народов Средней Азии к России и проникновение сюда капиталистических отношений были подготовлены длительными экономическими и политическими связями между среднеазиатскими народами и Русским государством, стремлением самих народов Средней Азии сблизиться с Россией и стать под покровительство Русского государства, когда эти народы находились под угрозой порабощения их отсталыми Ираном и Афганистаном, за спиной которых стояли колонизаторы.

Слабая развитость буржуазных отношений в Средней Азии, слабая изученность их и другие обстоятельства, связанные с положением среднеазиатских народов в дореволюционный период, создают ряд трудностей для правильного марксистского разрешения вопроса о формировании буржуазных наций на территории Средней Азии.

Правильному, марксистскому разрешению вопроса мешают некоторые, еще встречающиеся, предвзятые взгляды, а именно:

а. Одни считают, что на этот вопрос нужно отвечать только положительно, то есть, что народы Средней Азии в дореволюционный период уже вполне успели сложиться в буржуазные нации. И если кто-либо пришел к выводу о том, что народы Средней Азии еще не успели сложиться до революции в буржуазные нации, то он этим выводом якобы умаляет историю народов Туркестана.

б. Другие отстаивают иную крайность—считают нужным отвечать на этот вопрос отрицательно: не было, мол, в Средней Азии никаких буржуазных наций, и кто не придерживается такого мнения, тот якобы умаляет роль Октябрьской социалистической революции для народов Средней Азии. В таком духе выступил первый докладчик.

Однако нельзя согласиться с подобными односторонними взглядами.

Если мы подойдем к вопросу по-марксистски и будем делать свои выводы на основе собранного фактического материала, руководствуясь марксистским учением по национальному вопросу, то мы не умалим роли и значения Октябрьской социалистической революции для судеб народов Средней Азии.

При рассмотрении вопроса о формировании буржуазных наций мы, прежде всего, должны исходить из марксистского определения нации, как исторически сложившейся общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и культуры.

Мы не можем сказать, что до присоединения народов Средней Азии к России, когда в Туркестане еще полностью господствовали феодальные, патриархально-родовые отношения, у этих народов имелись уже указанные признаки нации.

Как известно, признаки нации не падают с неба, а создаются еще в период докапиталистический. И, конечно, некоторая общность языка, культуры и территории уже была в тот период.

Например, кочевые туркменские племена ко времени присоединения Средней Азии к России уже окончательно утвердились на территории нынешней Туркменской ССР и больше не меняли своего местожительства. Нельзя отрицать и того, что к этому времени у туркменских племен была уже значительная общность языка и культуры. Об этом свидетельствуют памятники литературы и другие виды культуры. Но народы Средней Азии до присоединения к России были экономически разобщены. После присоединения к России они были втянуты в общее русло капиталистического хозяйства этой страны. Целых полвека (до Великой Октябрьской социалистической революции) народы Средней Азии находились в составе капиталистической России, поэтому, естественно, за этот период происходили большие изменения во всех областях жизни: эти народы сделали большой шаг по пути общественного прогресса.

Избавление народов Средней Азии от посягательств чужеземных захватчиков, от феодальных междуусобиц, ликвидация прежней феодальной раздробленности, появление в крае ростков капиталистического хозяйства, зарождение рабочего класса, некоторый подъем народного хозяйства, появление новых городов и интеллигенции и т. п. все это было значительным шагом вперед по пути прогресса.

В связи с этим остановлюсь на вопросе, какое влияние оказали эти прогрессивные изменения на формирование основных признаков нации у народов Средней Азии за этот период.

Я з ы к. Известно, что язык развивается вместе с развитием общества. А в жизни народов Средней Азии произошли, как сказано, значительные изменения и, следовательно, вместе с изменениями в экономической, политической и культурной жизни народов не мог не развиваться и не обогащаться язык. Вместе с экономическим и политическим сближением отдельных частей народа не могли не сближаться в некоторой степени и диалекты.

На основании этого можно сказать, что почти у всех народов Средней Азии к моменту Октябрьской социалистической революции был уже свой национальный язык, как один из признаков нации.

Трудно согласиться с мнением М. Г. Вахабова, который ставит языковую общность народа в зависимость от появления книгопечатания. Марксизм учит, что элементы нации (язык, культура) появляются еще в период докапиталистический. Языковая общность может существовать даже у бесписьменных народов, если для этого имеются соответствующие условия.

Далее, докладчик указывает, как на причину, мешавшую узбекскому народу сложиться в буржуазную нацию, на диалектные различия в узбекском языке. Однако достаточно припомнить тот факт, что некоторые немецкие диалекты и сейчас различаются между собой больше, нежели русский и украинский язык, но тем не менее немецкий народ давно уже сложился в нацию.

Т е р р и т о р и я. Здесь также нельзя согласиться с мнением М. Г. Вахабова, который отрицает наличие территориальной общности у узбеков. Нам кажется, что М. Г. Вахабов смешивает политическую или административную раздробленность с территориальной. А ссылка на субъективный фактор—на то, что в сознании людей еще сохранились пережитки бывшей территориальной раздробленности, мне кажется несостоятельной.

Присоединение Средней Азии к России—крупному централизованному государству—явилось значительным шагом вперед по пути ликвидации средневековой раздробленности. Оно укрепило территориальное положение народов и сыграло исторически прогрессивную роль.

В. И. Ленин писал: «Централизованное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира, и иначе как *через* такое государство (*неразрывно* связанное с капитализмом) нет и быть не может пути к социализму»[1].

Конечно, царские власти проводили административное деление отнюдь не по национальным признакам, но все же это деление происходило в составе единого централизованного государства.

Утверждают, что народы Средней Азии не сложились в буржуазную нацию потому, что у них не было территориальной общности, что они были разорваны по различным ханствам (имеется в виду Хива и Бухара) и не имели своего национального государства.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. 20, стр. 29.

Выступающие так должны помнить, что, во-первых, Хивинское и Бухарское ханства находились под протекторатом России. Их самостоятельность была номинальной, их границы не могли отделять китайской стеной жившие там народы от окружавших эти ханства соседних родственных народов. Во-вторых, наличие своего собственного обособленного национального государства не является необходимым признаком нации. В-третьих, в состав какого-бы ханства не входили отдельные части среднеазиатских народов, все они жили на одной общей территории, по соседству,—на той же территории, где живут и сейчас. Они поддерживали между собой постоянные связи.

Отсюда можно сделать вывод, что территориальная общность у народов Средней Азии, как один из признаков нации, также была у нас налицо.

К у л ь т у р а. Нами уже сказано о наличии до революции национальных языков у народов Средней Азии, и это в значительной степени предопределяет и наличие общенациональной культуры, основной формой выражения которой является язык. Никто не станет отрицать, например, того факта, что произведения дореволюционных поэтов каждого народа были одинаково понятны во всех частях народа. Народные сказания, песни, музыка, методы исполнения музыкальных произведений, виды искусства, спорта, традиции и обычаи у каждого народа были также общими для всего данного народа. Конечно, это не исключает того положения, что каждое племя имело некоторую специфику в языке (в основном, в разговорной речи) и культуре, что в значительной степени сохранилось и до наших дней.

После присоединения к России произошли значительные сдвиги в культурной жизни народов Средней Азии. Например, в Туркмении не было городов. Они возникли после присоединения (Ашхабад, Красноводск, Мары, Байрам-Али и др.). В этих городах появились школы, музеи, клубы, читальни, библиотеки, хотя и в незначительном количестве. Таким образом, города становились культурными центрами страны. Передовая русская культура оказывала благотворное влияние на развитие культуры народов Средней Азии. В Среднюю Азию проникали революционные идеи ленинизма, который явился высшим достижением русской и мировой культуры.

Поэтому очень странно звучит заявление М. Г. Вахабова, что общность психического склада, выражающаяся в общности культуры, находилась у узбеков в зачаточном состоянии. По-моему, даже у народностей, не прошедших еще стадии рабовладельческого общества, были все же зачатки культурной общности. А народы Средней Азии уже вступили после присоединения в стадию капиталистического развития. И смешивать общность культуры народа, как признак нации, с наличием двух культур в классовом обществе нельзя, ибо тогда народы, живущие в классовом обществе, никогда не сумели бы сложиться в нацию.

Остается еще один-из признаков нации—общность экономической жизни народа. Это наиболее слабо исследованная область в истории народов Средней Азии.

С присоединением Средней Азии к России произошли большие изменения в экономической жизни местных народов. Значительная часть населения перешла к оседлой жизни. Появились новые виды сельскохозяйственных культур. Возникло множество небольших промышленных предприятий по первичной обработке сельхозпродуктов. Сооружена железная дорога, а вместе с нею депо и железнодорожные мастерские и т. д. Как следствие всего этого появились представители рабочего класса и буржуазии.

Проникновение капиталистических отношений способствовало разрушению феодальной замкнутости и вместе с тем экономической консолидации народов Средней Азии. В. И. Ленин отмечал, что «...капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства без... втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство капитализма с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России»[1].

Во всей Средней Азии происходит процесс разделения труда. Главной хлопковой базой торгово-промышленной буржуазии становятся Ферганская долина и Голодная степь в Узбекистане, Мургабский оазис в Туркмении. Развиваются районы, снабжавшие промышленность метрополии шелком, шерстью. Начинается промышленная разработка природных богатств края. Таким образом, между Средней Азией и Центральной Россией устанавливается усиленный товарооборот. В одном только 1887 г. (т. е. за 30 лет до революции) в Среднюю Азию поступило из России промышленных изделий на сумму в 20 млн. руб., а среднеазиатского сырья было вывезено в Россию на сумму в 25 млн. руб.

Хозяйство Средней Азии оказалось втянутым не только в сферу русского капиталистического хозяйства, но и «в водоворот мирового хозяйства». Цены на среднеазиатский хлопок колебались в зависимости от урожая хлопка в Америке. Ленин отмечал, что русский капитализм втягивал Кавказ и Среднюю Азию в мировое товарное обращение, нивелировал их местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости. Несмотря на сохранявшиеся еще докапиталистические отношения, Средняя Азия, таким образом, встала на путь капиталистического развития.

Прогрессивной стороной проникновения капиталистических отношений в Среднюю Азию являлось то, что эти отношения ускорили процесс ликвидации хозяйственной раздробленности народов, содействовали хозяйственному сближению народов в рамках Российской империи, ускоряя тем самым процесс формирования буржуазных наций.

Проникновение капиталистических отношений у разных народов происходило по-разному: у одних—в большей, у других—в меньшей степени, но если буржуазная нация является продуктом подымающегося капитализма, то те народы Средней Азии, которые больше всего были затронуты капиталистическими отношениями, успели сложиться в буржуазные нации, хотя и были еще незрелыми, так как и капитализм был здесь незрелым, и не дошли до высшей степени национального оформления.

Народы Средней Азии вступили на путь капиталистического развития, но не прошли его. Великая Октябрьская социалистическая революция избавила народы Средней Азии от мучительной стадии капиталистического развития и привела к социализму и формированию цветущих социалистических наций.

В заключение хочу сказать, что между выводами докладчиков и выступавших, на мой взгляд, нет принципиальных расхождений. Одни утверждают, что у народов Средней Азии шел процесс формирования наций, но этот процесс не завершился окончательно. Другие утверждают что этот процесс в основном завершился, но нации были еще отсталыми, незрелыми.

На мой взгляд более точный вывод, отражающий сущность поставленного вопроса,—это последний вывод.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 522.

КАДЫР САБИРОВ

Аспирант Академии Наук Таджикской ССР

Вопрос о формировании узбекской нации не получил пока сколько-нибудь серьезного разрешения. Существуют две точки зрения, две концепции. Одна утверждает, что узбекский народ сложился в нацию после Октябрьской социалистической революции. Так говорили, в частности, доктор философских наук В. Ю. Захидов, кандидат исторических наук Р. Н. Набиев, выступавшие на расширенном заседании отделения гуманитарных наук Академии Наук УзССР в 1949 году, К. П. Гринько в статье «Воссоединение узбекского народа в едином государстве» и другие.

Представители второй концепции утверждают, что узбекский народ сложился в нацию до Великой Октябрьской социалистической революции. Такую точку зрения защищает специалист по национальному вопросу член-корреспондент АН СССР И. Д. Каммари, профессор И. П. Цамерян, доцент Азиян и другие.

Мы не претендуем на решение вопроса, ибо только мобилизация сил философов и экономистов, историков и этнографов, литераторов и языковедов может обеспечить правильную разработку проблемы консолидации узбекской нации.

Изучая произведения классиков марксизма-ленинизма по национальному вопросу, мы получаем драгоценный материал не только для решения общих методологических вопросов, но и для конкретного исследования по интересующей нас теме.

Марксизм-ленинизм учит, что нация есть исторически сложившаяся категория, формирующаяся в определенную эпоху, а именно в эпоху поднимающегося капитализма. Процесс ликвидации феодальных порядков и развития капитализма сопровождался процессом складывания людей в нацию. В конкретных условиях жизни узбекского народа буржуазные отношения возникли лишь после присоединения Средней Азии к России.

Известно, что нация как исторически сложившаяся устойчивая общность людей характеризуется четырьмя признаками, а именно—общностью языка, территории, экономической жизни и психологического склада, проявляющегося в общности культуры. Известно, что вопреки утверждению нашего докладчика М. Г. Вахабова, узбеки задолго до Великой Октябрьской социалистической революции жили на общей территории, говорили на общем языке, имели свою национальную культуру.

Это не дает, однако, права утверждать, что узбеки сложились в нацию. Как указывал И. В. Сталин, элементы нации создавались исподволь еще в период докапиталистический. Но эти элементы находились в зачаточном состоянии, в лучшем случае представляли лишь потенцию в смысле образования нации в будущем, при известных благоприятных условиях. Для превращения этой потенции в действительность, помимо общности языка, территории, культуры, необходима еще экономическая связь, объединяющая людей в одно целое.

Поэтому, естественно, возникает ряд вопросов. Во-первых, имели ли узбеки до Великой Октябрьской социалистической революции промышленные предприятия, национальный рынок, экономические центры и, во-вторых, имели ли узбеки буржуазию и ее националистическую партию.

Мы считаем, что буржуазные отношения в Узбекистане возникли, хотя и не стали господствующими, во второй половине XIX века после присоединения Средней Азии к России.

Присоединение Средней Азии к России сыграло в жизни народов Средней Азии огромную прогрессивную роль. Оно дало толчок развитию производительных сил страны и тем самым способствовало формированию

капиталистического уклада в Узбекистане. Средняя Азия после присоединения ее к России втягивалась в сферу народного хозяйства России, в ней развивались капиталистические отношения. Начали появляться промышленные предприятия, и в связи с этим стали возникать экономические предпосылки для формирования узбекского народа в нацию. Несмотря на то, что развитие капитализма сопровождалось разорением мелких производителей и всеми тяготами капиталистической эксплуатации, это было несомненным шагом вперед по сравнению с отсталым феодальным укладом, господствовавшим в Средней Азии до присоединения ее к России.

Эксплуатируя Среднюю Азию, царизм, помимо своего желания, был вынужден строить железные дороги, мириться с возникновением здесь фабрик и заводов, промышленных и торговых центров, а это способствовало росту капиталистических отношений. В 1899 г. было закончено строительство Закаспийской железной дороги. В 1906 г. была сдана в эксплуатацию Оренбургско-Ташкентская железная дорога. В 1910—1916 гг. построены Ферганская, Бухарская и Семиреченская железные дороги. На Закаспийской и Оренбургско-Ташкентской железных дорогах работало более 30 тысяч рабочих.

Вместе с ростом железных дорог развивалось судоходство по Сыр-Дарье и Аму-Дарье. Узбекистан находился в тесной экономической связи с Россией и все более вовлекался в систему общероссийского рынка.

С развитием новых экономических процессов в Узбекистане начали развиваться новые экономические и культурные центры. К числу их можно отнести Ташкент, Самарканд, Коканд, Бухару, Наманган и другие города Узбекистана, где были созданы промышленные предприятия. Накануне первой империалистической войны, в 1913 г. в Туркестане насчитывалось уже 706 промышленных заведений. На территории современного Узбекистана находилось 425 предприятий с 17 979 рабочими. Если во всех предприятиях Туркестана работало 20 295 рабочих, то из них 15 000 рабочих были из местных коренных национальностей.

Один из крупных городов—Самарканд—славился выработкой бумаги; обработкой металлов были заняты в Самарканде, Коканде, Намангане и Карши. Хлопчатобумажные изделия и шелковые ткани вырабатывались в Бухаре, Ташкенте, Коканде и в других городах Средней Азии.

Вместе с экономическими изменениями получила дальнейшее развитие и культура страны. В Туркестане стали издаваться газеты «Самарканд», «Русский Туркестан» и другие. В 1870 г. в Ташкенте была основана астрономическая обсерватория, в 1880 г.—публичная библиотека. Были созданы русско-туземные школы для местного населения. Эти школы способствовали росту местной интеллигенции из коренного населения. Под благотворным влиянием передовой русской культуры выросли передовые для своего времени узбекские поэты и писатели: Фуркат, Мукими, Хамза Хаким-заде и другие.

Постепенно капитализм проник и в сельское хозяйство страны, стали увеличиваться посевные площади, рос вывоз товаров, возникали капиталистические фирмы и т. д. В 1889 г. посевная площадь под хлопком составляла 200,1 тысячи десятин вместо 68,8 тыс. десятин в 1888 г. А в 1909 г. посев хлопка в Туркестане (без Бухары и Хивы) составил 301,8 тысяч десятин против 260,0 тысяч десятин в 1901 г. Русские капиталисты превратили Среднюю Азию в источник хлопкового сырья. С 1894 по 1904 гг. вывоз хлопка из Средней Азии в центральные районы России увеличился в 6 раз (с 2 600 тыс. пудов до 15 500 тысяч пудов). Таким образом, присоединение Средней Азии к России в значительной мере разрушило натуральное хозяйство, способствовало расширению рынка

сбыта товаров. Тем самым создавались объективные условия для развития буржуазных отношений в Узбекистане.

Под влиянием русского капитализма и разрушения феодальной экономической структуры отдельные торговцы, помещики и баи начали вкладывать капиталы в промышленность нового типа. Стала развиваться национальная промышленность, возникли первые капиталистические предприятия. На путь капиталистического предпринимательства становились крупные торговцы, некоторые помещики и молодая буржуазия. Был учрежден «Кокандский биржевой комитет». Такие биржевые комитеты существовали почти во всех крупных городах Средней Азии и Казахстана.

В конце XIX века и особенно в начале XX века в Узбекистане в значительной мере была преодолена хозяйственная раздробленность страны. Сельское хозяйство и ремесло все больше зависели от складывающегося национального рынка и были вовлечены в общероссийские экономические связи.

Быстро и успешно стали развиваться такие отрасли сельского хозяйства, как хлопководство, промышленное виноградарство, бахчеводство, каракулеводство, что способствовало разделению труда между отдельными районами Узбекистана. Это разделение труда, в свою очередь, не могло подорвать феодально-патриархальной замкнутости страны.

Создание новых экономических центров, постепенная ликвидация хозяйственной раздробленности, складывание национального рынка в основном определили формирование общности экономической жизни узбекского народа, явившейся одним из признаков консолидации узбеков в нацию.

Новые экономические процессы, проявлявшиеся в развитии капитализма, меняли классовую структуру общества в Узбекистане. Появилась узбекская буржуазия, которая, особенно компрадорская, с самого своего возникновения была крайне реакционной и контрреволюционной. Узбекская буржуазия всегда искала опору в царизме или в иностранном империализме, во внутренних реакционерах в лице феодально-клерикальных элементов. Узбекская буржуазия культивировала буржуазный национализм, сеяла среди узбеков ненависть к другим народам. С возникновением класса буржуазии появились и выразители буржуазной идеологии—контрреволюционные джадиды.

Таким образом, еще до Великой Октябрьской социалистической революции существовали узбекская буржуазия и ее националистическая партия.

Все это дает основание полагать, что процесс формирования узбеков в нацию начался со второй половины XIX столетия, но он не был окончательно завершен до Великой Октябрьской социалистической революции.

Трудно также согласиться с теми, кто не видит некоторой специфической разницы в экономическом положении, существовавшей между отдельными народами Средней Азии.

Например, Р. Н. Набиев в своем выступлении на расширенном заседании Отделения гуманитарных наук АН УзССР в апреле 1949 г., говоря о формировании узбекской нации, утверждал, что «Народы Средней Азии, в том числе и узбекский народ, консолидировались в нацию после победы Великой Октябрьской социалистической революции».

Процесс консолидации социалистических наций шел двумя путями: во-первых, социалистические нации возникали на развалинах старых буржуазных наций, после ликвидации буржуазии и ее националистических партий. Характеризуя эти новые социалистические нации, И. В. Сталин говорил: «Никто не может отрицать, что нынешние социалистические нации в Советском Союзе—русская, украинская, белорусская, татарская,

башкирская, узбекская, казахская... и другие нации—кореным образом отличаются от соответствующих старых, буржуазных наций в старой России как по своему классовому составу и духовному облику, так и по своим социально-политическим интересам и устремлениям»[1]. В свете этого указания выясняется, что не все среднеазиатские народы сложились в нации после Великой Октябрьской социалистической революции.

Во-вторых, процесс формирования социалистических наций проходил не на базе разрушения старых буржуазных наций, а на базе племен и народностей, не сложившихся до Октябрьской революции в нации. К таким нациям относятся таджикская, киргизская, туркменская социалистические нации, которые в основном не имели в прошлом общности экономической жизни.

Разрешите сказать несколько слов о статье К. П. Гринько «Воссоединение узбекского народа в едином государстве»[2]. Автор безуспешно пытается доказать, что узбеки не представляли собой нации до установления советской власти. Отстаивая такую точку зрения, К. П. Гринько скатился на буржуазно-националистические позиции. Он договорился до того, что узбеки не имели своего самостоятельного государства и поэтому не сложились в нацию. Подобная аргументация давно уже осуждена И. В. Сталиным в работе «Национальный вопрос и ленинизм». В этой работе И. В. Сталин вскрывает теоретическую и политическую ошибочность, антинаучность взглядов тех, кто хотел дополнить нацию пятым признаком—наличием собственного национального государства. И. В. Сталин говорит, что такая схема теоретически приводит к абсурду, а практически—к оправданию национального гнета. Более того, такая аргументация приводит к оправданию буржуазных националистов, доказывавших, что новые советские социалистические нации перестали быть нациями после того, как они пошли на объединение в составе Союза Советских Социалистических Республик.

Мы считаем также порочным утверждение, что узбеки окончательно сложились в нацию уже до Великой Октябрьской социалистической революции на базе победившего капитализма. Надо учитывать тот факт, что Узбекистан в целом еще не успел пройти стадию капиталистического развития. Хотя в одной части Средней Азии—в Туркестанском генерал-губернаторстве были ликвидированы феодальная раздробленность, разорительные междоусобицы, установились регулярные экономические связи между отдельными районами Средней Азии,—все же политическая и экономическая раздробленность еще продолжали существовать, феодальные пережитки играли господствующую роль в стране.

Узбекская буржуазная нация оставалась слабой нацией—нацией полуфеодальной страны, неспособной добиться национальной независимости. Основным препятствием для развития узбекской буржуазной нации являлись остатки экономической раздробленности страны.

Утверждение, что узбеки, в основном, сложились в буржуазную нацию, не противоречит тому факту, что Узбекистан в целом, как и другие республики Средней Азии, миновали капиталистический путь развития. Многие историки и философы подходили к этому вопросу огульно, не конкретно и не исторически, в результате чего делали неправильный вывод: раз среднеазиатские народы миновали капиталистический путь развития, значит они не сложились в буржуазные нации. На самом деле это не так. Начало нации, ее появление марксизм относит к первым шагам капитализма, к периоду поднимающегося капитализма. Что в Средней

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 339—340.
[2] Газета «Правда Востока», 25 ноября 1949 г.

Азии имели место первые шаги капитализма—является общепризнанным фактом.

На наш взгляд специфические особенности консолидации узбекской буржуазной нации заключаются в следующем:

1) процесс формирования узбекской нации начался после присоединения Средней Азии к России;

2) узбеки в основном сложились в буржуазную нацию до Великой Октябрьской социалистической революции, но процесс консолидации еще не был окончательно завершен;

3) процесс формирования узбекской буржуазной нации осуществлялся в стране, где феодализм переплетался с капитализмом, при господстве феодальных отношений;

4) узбекская социалистическая нация возникла на базе в основном сложившейся буржуазной нации, в результате ликвидации буржуазии и ее националистической партии.

А. Ф. ЯКУНИН

Кандидат исторических наук

(Высшая партийная школа при ЦК КПСС)

Оба доклада—М. Г. Вахабова и А. Н. Нусупбекова—по своему плану, структуре, основным положениям и выводам почти не отличаются друг от друга.

Лейтмотивом обоих докладов является тезис, что узбеки и казахи не успели консолидироваться в буржуазную нацию до Великой Октябрьской социалистической революции, хотя этот процесс консолидации у них уже шел. Оба докладчика старались доказать, что ни одного из компонентов буржуазной нации у узбеков и казахов не существовало, т. е. не было ни общности территории, ни экономической общности, ни общности языка, ни общности психического склада, проявляющегося в общности национальной культуры[1]. Одним словом, узбеки и казахи не успели сложиться в буржуазные нации. А что же было у них? Докладчики отвечают: зарождение элементов буржуазной нации—ничуть не больше.

Оба докладчика искусно обходят известные теоретические положения, изложенные в трудах И. В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм» и «Марксизм и вопросы языкознания», где прямо сказано, что узбеки и казахи до Октябрьской революции относятся к тем народам, которые консолидировались в буржуазные нации.

Правда, М. Г. Вахабов в своем докладе пытался заранее амнистировать себя, заявив: пусть у слушателей не складывается мнение, что он будто бы не учитывает и не считается с указанием И. В. Сталина о формировании узбекской буржуазной нации в его работе «Национальный вопрос и ленинизм» и в работе по вопросам языкознания.

Но как бы М. Г. Вахабов не оговаривался, все равно складывается мнение, что он не учитывает указаний И. В. Сталина о том, что узбеки сложились в буржуазную нацию до Октябрьской социалистической революции. Докладчик фактически снимает это указание Сталина и приходит к совершенно другому выводу, что узбеки до Великой Октябрьской социалистической революции не сложились в буржуазную нацию. Он говорит о степени зрелости узбекской нации, тогда как надо говорить о наличии компонентов буржуазной нации.

[1] Редакция отмечает, что А. Ф. Якунин как здесь, так и в ряде других мест своего выступления неправильно излагает точку зрения докладчиков.

Более того, М. Г. Вахабов воюет против буржуазно-националистических взглядов—против утверждения, что узбеки пришли к советскому строю, минуя стадию национального оформления. Но тут же заявляет, что это не противоречит сталинскому положению о формировании узбеков, а стало быть, и казахов в буржуазные нации, потому что капиталистическое производство не было господствующим.

Верно, не противоречит потому, что капиталистическое производство не было господствующим. Но тогда надо и признать правильным тезис И. В. Сталина о том, что узбеки и казахи сложились в буржуазные нации. Но этого не хотят сделать ни М. Г. Вахабов, ни А. Н. Нусупбеков. Они говорят, что у этих народов не было компонентов, из которых складывается буржуазная нация.

М. Г. Вахабов заявляет, что указание И. В. Сталина о степени национального оформления казахов относится и к узбекам, но тут же от себя разъясняет, что дескать, узбеки ставятся в один ряд с казахами, а не с грузинами. На самом деле все эти народности ставятся в один ряд и о них всех говорится, что они сложились в буржуазные нации. М. Г. Вахабову хочется внести «поправку» в текст И. В. Сталина. Делается это для того, чтобы доказать, что одно дело у грузин, а другое — у узбеков и казахов.

В докладах М. Г. Вахабова и А. Н. Нусупбекова против тезиса И. В. Сталина о формировании узбеков и казахов в буржуазные нации приводятся доказательства того, что казахи и узбеки не сложились в буржуазные нации, что у них имелась лишь потенция, были лишь элементы буржуазной нации. Какие же это доказательства?

1) главное доказательство: у узбеков и казахов не было общности экономической жизни;

2) не было территориального разделения труда, специализации районов и внутреннего национального рынка;

3) не было промышленных районов, перерабатывающих продукцию сельского хозяйства;

4) не было территориальной общности;

5) не существовало общности языка ни у казахов, ни у узбеков; причем в освещение этого вопроса вносится наибольшая путаница как М. Г. Вахабовым, так и А. Н. Нусупбековым;

6) не существовало и общности психического склада и национальной культуры.

Но если ничего этого не было, если не было никаких компонентов для образования нации то, стало быть, и не о чем говорить, тогда нет самого предмета дискуссии.

Материал, которым оперируют докладчики в качестве доказательства правильности своих доводов, является явно переуменьшенным, смазывающим те глубокие экономические процессы, которые происходили в Узбекистане в целом, и в особенности в узбекском ауле. М. Г. Вахабова интересуют только данные развития промышленности, на этом он и строит свой доклад. Да и в этом вопросе старается представить дело таким образом, что здесь никакой промышленности не было. А та промышленность, которая и была в Узбекистане, особого значения в жизни населения Узбекистана не имела.

Докладчик не назвал ни одного крупного узбекского капиталиста-предпринимателя, а они ведь были и их было немало. Ничего не говорится о роли банковско-финансового капитала, о роли торгово-ростовщического капитала, закабалявшего и эксплуатировавшего дехканские трудящиеся массы. Процесс развития хлопководства совершенно не показан, а ведь это главная отрасль хозяйства узбеков, причем хлопководство в

Узбекистане носило капиталистический характер. «Страна,—говорил К. Маркс,—производящая хлопок и железо, является могущественной капиталистической державой»[1]. М. Г. Вахабов не показывает роли русского и иностранного капиталов и их влияния на развитие экономики Средней Азии.

М. Г. Вахабов говорит, что тот, кто рассматривает Среднюю Азию в связи с Россией,—тот деколонизатор.

Может быть, М. Г. Вахабов отнесет и Владимира Ильича Ленина к деколонизаторам? Ведь В. И. Ленин в ряде своих работ рассматривает экономическое развитие Кавказа, Средней Азии в связи с развитием экономики России. А М. Вахабов старается умалить и принизить значение железных дорог в хозяйстве народов Средней Азии. Он заявляет, что железная дорога не могла особенно сильно повлиять на структуру внутреннего рынка, что промышленные предприятия будто не могли особенно ускорить формирование внутреннего рынка.

Каждому известно, какое огромное значение придавал Ленин железнодорожному строительству в России, какое огромное значение имели железные дороги в развитии капитализма не только вглубь, но и вширь, втягивая глухие, «медвежьи» углы и окраины России в круговорот капиталистического производства.

М. Г. Вахабов, конечно, знает об этом. Но зачем ему понадобилось принижать значение железнодорожного строительства в Средней Азии? Рассматривая Узбекистан в отрыве от экономики России, Вахабов утверждает, что здесь не было специализации районов и разделения труда между районами. А вот дореволюционные историки, такие как Ханыков, Бартольд и другие, видели и писали о специализации районов и областей в Средней Азии еще до присоединения ее к России.

М. Г. Вахабов говорит, что хозяйство Узбекистана было универсальным, многоотраслевым, поэтому здесь не сложилось территориального разделения труда. Больше того, он договорился до того, что отрицает известное всем существование в Средней Азии большого рынка и купцов. Он говорит: «Внутренняя торговля еще не являлась специальным занятием отдельных лиц и была нередко подспорьем при других занятиях».

Вывод, к которому приходит М. Г. Вахабов из анализа экономики Узбекистана, делается такой: внутреннего национального рынка в Узбекистане накануне Великой Октябрьской социалистической революции не сложилось, общности экономической жизни у узбеков не было, территориальной общности не было, не было и сложившегося языка. А что же здесь было? М. Г. Вахабов утверждает: «было сильное чувство местничества, понятие родины зачастую ограничивалось собственным кишлаком». Я думаю, товарищи, узбеки не согласятся с М. Г. Вахабовым. Чувство родины у узбекского народа было всегда и оно не ограничивалось понятием кишлака.

Чтобы показать несостоятельность доводов М. Г. Вахабова о том, что узбеки и казахи не сложились в буржуазные нации, я ограничусь лишь конспективными общими выводами.

I. Среднюю Азию и Казахстан с 60-х годов XIX столетия следует рассматривать, как составные части России, экономическое и культурное развитие которых определялось степенью развития России и колониальным положением этих окраин.

II. Специализация и разделение труда между областями и районами Средней Азии и Казахстана существовали еще до присоединения к Рос-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XV, стр. 588.

сии. После присоединения к России специализация областей и районов усилилась. Ускорился процесс разложения феодальных отношений и у узбеков, и у казахов, и у киргизов. Относительно быстро начался процесс проникновения капитализма в сельское хозяйство дехкан и кочевников-казахов. Хозяйство баев становится все более товарным, работающим на всероссийский и международный рынок. У узбеков хлопководство носит капиталистический характер (продажа на рынок), несмотря на применение феодальных методов эксплуатации. У казахов наблюдается быстрый процесс перехода к оседлому земледелию и товарному животноводству.

III. Развитие капитализма в России и в Средней Азии и Казахстане—это единый процесс, только происходивший в разных условиях. Колониальная политика царизма, превратившая эти окраины в сырьевой придаток русской промышленности, задерживала развитие производительных сил Средней Азии и Казахстана, но не могла остановить этого процесса. Связь и взаимозависимость развития капитализма в России с развитием капитализма на окраинах—очевидна. Это особенно наглядно видно из фактов развития хлопководства в Средней Азии и развития товарного животноводства и земледелия в Казахстане.

IV. Строительство железных дорог в Средней Азии и Казахстане разбудило от спячки дремавшие производительные силы Средней Азии и Казахстана и имело огромное значение в развитии капиталистических отношений, в формировании класса капиталистов и пролетариев, баев-кулаков и батраков.

V. Проникновение русского и иностранного капитала в Среднюю Азию и Казахстан вызвало к жизни появление горнодобывающей, в том числе нефтяной промышленности, а также промышленности по переработке сельскохозяйственных продуктов и продуктов животноводства. В Средней Азии и Казахстане значительную роль играл финансовый капитал, как русский, так и иностранный. Русский чиновник С. Понятовский, прослуживший в Средней Азии более 15 лет, писал: «Мы констатируем доминирующую роль банков в деле скупки хлопка, а так как в среднем банки кредитуют 80—90% стоимости товаров, то банки в значительной мере влияют на весь ход торговых хлопковых операций».

В Туркестанском крае было в 1910 г. 230 хлопкоочистительных заводов, очищавших в год 33 миллиона пудов хлопка. Среди этих заводов были предприятия, оборудованные по последнему слову капиталистической техники. Это 11 хлопкоочистительных заводов Большой Ярославской мануфактуры, заводы Мургабского государственного имения, заводы Алексеева, заводы местных капиталистов—братьев Вадьяевых, Фузаилова, Юсуфбаева, Согателова, Лодзинского акционерного общества, фирмы Морозова, Давыдова, Потеляхова и др.

Здесь же действовали иностранные фирмы—Крафт, торговый дом Кнопп, братьев Шлоссберг, Осерер и др. Засилье иностранного капитала было и в казахстанской горно-добывающей промышленности. Так, например, Карагандинскими копями владел австрийский князь Тури-Токсис, медеплавильными заводами в Семипалатинской области—французский капиталист Карио, передавший их в 1907 г. лондонскому банкиру Эрлиху. Золотые прииски находились в значительной мере в руках барона Медема, братья Нобель владели нефтяными промыслами. Уркварт владел значительной частью горнодобывающей промышленности Казахстана.

В Средней Азии действовало более 10 банков. Во всех крупных городах Казахстана были отделения государственных банков, общества взаимного кредита, киргизские кредитные кассы. В составе правлений кредитных учреждений и биржевых комитетов находилось до 16—18% представителей местной узбекской, казахской, киргизской, дунганской,

уйгурской буржуазии. Векселя этих буржуа учитывались не только среднеазиатскими банками, но и московскими, петербургскими, лодзинским, варшавским, брюссельским, лондонскими банками. Предпринимательские и торговые обороты местных буржуа исчислялись в сотни тысяч и миллионы рублей.

Местная буржуазия организуется, объединяется в свои организации, устраивает съезды. Так, например, в 1912 г. состоялся съезд представителей биржевой торговли и сельского хозяйства Степного края, Сибири, Зауралья. В Ташкенте, в Омске устраивались выставки промышленности и сельского хозяйства Туркестанского края. Казахстан и Средняя Азия участвовали во всероссийских выставках—промышленных, сельскохозяйственных, торговых, рыбоводства и рыбопромышленности, причем на этих выставках Казахстан и Туркестанский край получили золотые медали.

Процесс формирования национальной буржуазии как узбекской, так и казахской происходил в условиях окраин, где господствовала специфически колониальная форма эксплуатации, в конечном счете тормозившая развитие производительных сил.

Сельское хозяйство превращается в свободное товарное хозяйство путем подчинения капиталистической формы производства потребностям финансового капитала.

Торгово-ростовщический капитал в Узбекистане и в Казахстане в начале XX столетия полностью подчинил себе хозяйство дехкан-землевладельцев и кочевников-казахов. Происходит процесс превращения торгово-ростовщического капитала в промышленный. Из среды узбекских, казахских, татарских, дунганских и уйгурских купцов и баев-кулаков вырастают предприниматели. Они подчиняют себе ремесло и промысла крестьян и ремесленников, а также хозяйство крестьян в целом. Многие из этих предпринимателей продолжают вести свое хозяйство в ауле, но часть из них порывает с аулом и живет в городе. Так, например, акмолинский купец-промышленник, владелец кожевенного завода, совершенно не связан с аулом, он занимается производством кож и в то же время ведет оптовую торговлю мануфактурой. Он связан торговыми операциями с крупными торговыми и фабричными фирмами России—Товариществом мануфактуры И. Коновалова, торговым домом Казанцева с сыновьями, Вагау и компания и Товариществом Высоцкой мануфактуры. Учет векселей этого предпринимателя-купца к концу XIX—началу XX веков ведут Русско-торговый промышленный банк, Варшавская контора Государственного банка, Волжско-Камский коммерческий банк, Ташкентское отделение Госбанка, Одесское отделение Госбанка, Пишпекское общество Взаимного кредита и т. д. Он же является членом и видным деятелем ярмарочного комитета Куяндинско-Ботовской ярмарки (между прочим, обороты этой ярмарки исчислялись в миллионах рублей, площадь ее—60 верст в квадрате; через эту ярмарку проходили сотни тысяч голов скота, сюда привозился хлеб и промышленные товары, эта ярмарка обслуживала не только казахский внутренний рынок, но и среднеазиатский, китайский и русский).

Вот второй буржуа-предприниматель—купец второй гильдии Акбасов Ахмудали, Копальского уезда Семиреченской области. Он имел кожевенный и мыловаренный заводы, фруктовый сад промышленного значения на 1500 корней. Обороты его заводов исчислялись в десятках тысяч рублей.

Можно назвать еще десятки имен таких же капиталистов-купцов. Только в одной Акмолинской области к концу XIX—началу XX вв. насчитывалось более 150 предпринимателей по переработке сельскохозяйственных продуктов и продуктов животноводства, с общей суммой произ-

водства в 1 млн. 500 тыс. руб., с числом рабочих более двух тысяч человек.

Казахский капитал, вложенный в эти предприятия, несомненно, содействовал развитию товарного производства. Однако эти предприятия поглощали далеко не всю продукцию сельского хозяйства казахов. Большая часть сельскохозяйственного сырья перерабатывалась русскими предприятиями. Казахский капитал наталкивался здесь на серьезную конкуренцию со стороны русских капиталистов, захвативших в свои руки первичную переработку сырья и продуктов сельского хозяйства.

Несмотря на это, казахский капитал завоевал себе место на рынке. Он все более и более внедрялся в производство, содействуя специализации районов, общественному разделению труда. «Основным процессом создания внутреннего рынка (т. е. развития товарного производства и капитализма),—писал В. И. Ленин,—является общественное разделение труда. Оно состоит в том, что от земледелия отделяются один за другим различные виды обработки сырья (и различные операции по стой обработке) и образуются самостоятельные отрасли промышленности, обменивающие свои продукты (теперь уже товары) на продукты земледелия»[1].

А что происходит в казахском ауле?—Здесь происходит процесс классовой дифференциации, отделение производителя от средств производства, изменение в хозяйстве казахов, появление купли-продажи рабочей силы как товара. А капитализм, как известно, появляется тогда, когда рабочая сила становится товаром. Факты массового применения наемной рабочей силы в байских хозяйствах отмечали чиновники переселенческого управления и статистики. Наем рабочей силы в байских хозяйствах стал обычным явлением.

Мы читаем: «Применение в своем хозяйстве наемного труда хорошо уже известно киргизам... Современный киргиз-бай, т. е. богатый хозяин, всегда окружен бедняками, которые на него работают. Продуктом нового времени является то, что в эти отношения уже достаточно внедрился элемент купли-продажи: бедняк продает свою рабочую силу на определенный срок и за определенную плату, денежную или натуральную, богач покупает рабочую силу и извлекает из ее применения денежный или натуральный доход. Но как пережиток, сохранились еще и личные полузависимые отношения бедняка от бая; последние, конечно, не поддаются цифровой регистрации»[2]. Что это такое? Капиталистические или еще патриархально-феодальные отношения? Я думаю, что это чисто капиталистические отношения. Обратите внимание на слова статистика о том, что личные полузависимые отношения сохранились как пережиток.

Заработная плата батрака-казаха, по данным статистики, определялась в 30—50 рублей при хозяйских харчах, одежде и обуви. Поденщики получали 1 рубль за 3 дня на хозяйских харчах. За полив посева бай платил 1 рубль с десятины.

Условия найма у русских кулаков-переселенцев были более выгодными. Поэтому казахская беднота предпочитала идти в батраки к ним. Мы читаем: «Гораздо лучше отзываются киргизы об обстановке работ у крестьян. Харчи даются хорошие и вволю, а работа большей частью сдельная, сколько заработаешь столько и получишь»[3].

В. И. Ленин видел в найме сельскохозяйственных рабочих «характерный признак сельской буржуазии»[4], он полностью опроверг народнические утверждение о том, будто там, где преобладает общинное землевладение, невозможно появление капитализма и что оно возможно только там, где общинные связи порваны или рушатся. В. И. Ленин писал: «...факты показывают именно развитие капиталистического земледелия среди «общинников» и полное приспособление пресловутых «общинных связей» к батрацкому хозяйству крупных посевщиков[1]. То же самое мы можем сказать и о казахской общине. Байство прекрасно использовало казахскую общину и общинников-бедняков в качестве батраков.

Все это дает нам основание утверждать, что в хозяйстве казахов в XX веке шел процесс развития капиталистических отношений, и пусть здесь не говорят, что я принимаю развитие товарности хозяйства баев за капиталистические отношения.

Я привел факты, а факты не только упрямая, но и доказательная вещь. Бай, как и русский кулак, эксплуатировал бедноту. Разница состояла только в том, что формы и методы эксплуатации в байском хозяйстве носили азиатский и еще более жестокий характер.

Итак, все компоненты для формирования казахской буржуазной нации у казахского народа перед Октябрьской социалистической революцией были налицо, и мы можем сказать, что казахская народность сложилась в буржуазную нацию.

А. А. Аминов сказал в своем выступлении, что узбекская и казахская нации были по сравнению с другими буржуазными нациями России, например, украинцами, белоруссами, отсталыми нациями. Я думаю, что он совершенно прав. Что же касается отсутствия такого компонента нации, как территориальная общность, на что указывает М. Г. Вахабов, то я думаю, что эта территориальная общность существовала.

В. И. Ленин говорил, что Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии. Это и надо помнить, и хорошо помнить.

Проф. Е. Э. БЕРТЕЛЬС

Член-корреспондент Академии Наук СССР

ЗАМЕЧАНИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ К ОБЪЕДИНЕННОЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР, УЗБЕКИСТАНА, ТАДЖИКИСТАНА ТУРКМЕНИСТАНА, КАЗАХСТАНА И КИРГИЗСКОГО ФИЛИАЛА АН СССР.

(Письмо, зачитанное Ш. Мухамедьяровым)

Не будучи по специальности историком, я не собираюсь освещать подробно рассмотренные мною материалы, но поскольку с затронутыми в них вопросами мне приходится постоянно сталкиваться, считаю все же возможным сделать несколько замечаний. Прежде всего, считаю нужным отметить, что поставленные на повестке дня вопросы, безусловно, крайне актуальны и что разрешение их весьма важно, так как именно по ним до настоящего времени среди научных работников нашей страны нет полного единогласия.

Так, считаю весьма полезным обстоятельное освещение вопроса о формировании буржуазных наций в отдельных республиках и думаю, что предложенное решение, а именно, что сложение проходило только начальные стадии, но не достигло завершения, безусловно, правильно. Полагал бы, однако, что в докладе А. Н. Нусупбекова уровень развития казахской буржуазии невольно преувеличен. Конечно, рабочих из числа казахской национальности в начале XX века было уже довольно много, но надо ведь смотреть не только на эту одну цифру, а также на то, кого эти ра-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 45.
[2] Материалы обследования Семиреченской области Лепсинского уезда, стр. 313.
[3] Материалы обследования Семиреченской области Лепсинского уезда, стр. 313.
[4] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 66.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 66.

бочие обслуживали. Нужно было бы получить также точные цифры о количестве предпринимателей казахов. Лишь тогда заключение докладчика было бы вполне правильным.

Признавая всю важность вопроса, поставленного в докладе И. С. Брагинского, все же не могу не отметить, что приведенного в докладе материала для решения вопроса далеко не достаточно. На мой взгляд здесь требуется еще длительная устойчивая работа над первоисточниками, прежде чем можно будет говорить с уверенностью о ряде спорных моментов. Так, например, мне лично неизвестно, на основании каких материалов можно категорически говорить о прикреплении крестьян к земле уже в IX веке. Конечно, может быть, крестьянину, скованному кабальными договорами, и трудно было бы уйти с обрабатываемой им земли, но чтобы землевладелец мог продать его, насколько мне известно, сведений в источниках пока не обнаружено. Несколько непонятно также применение к этим отдаленным эпохам термина «государственные» рабы. Мне казалось бы, что уже с саманидских времен едва ли мыслилось какое-то «государство» отдельно от верховного носителя власти. Далее, в вопросе о нескончаемом «упадке» феодализма, может быть, следовало бы отличить экономическую разруху от упадка самого строя, как такового, ибо, конечно, несомненно, что упадок феодализма реально мог бы появиться лишь при условии зарождения внутри его иной формации, т. е. капитализма.

Предполагать же, что упадок уступает место «никакой» формации—нельзя. Вообще, все эти вопросы, конечно, могут быть правильно разрешены теоретически лишь при условии наличия достаточно большой фактической базы. Умозрительные построения, логические умозаключения, аналогии тут всегда опасны, ибо в истории человеческих обществ всегда есть известная доля специфики, освещение которой и дает реальное построение истории, без чего история становится мертвой схемой, не дающей настоящего представления об исторической жизни каждого данного народа. Вот почему мое пожелание историкам Средней Азии: не считать, что собирание фактов закончено. Наши предшественники собирали факты под известным углом зрения—наш угол совсем иной и довольствоваться тем, что ими собрано, мы не можем.

Вообще же полагаю, что сессия эта будет иметь очень большое значение для успешной дальнейшей работы по созданию истории всех народов Средней Азии и от души жалею, что состояние здоровья не позволило мне принять личное участие в этой сессии.

А. М. БОГОУТДИНОВ

Доктор философских наук

(Академия Наук Таджикской ССР)

Вопрос о формировании буржуазных наций на Востоке относится к числу неисследованных вопросов. Марксизм-ленинизм утверждает, что нации впервые возникли в эпоху поднимающегося капитализма, в период ликвидации феодальной раздробленности. Экономической основой складывания наций является стихийно развивающийся рынок. Нации не могли возникнуть до капитализма, так как в период феодализма еще не было национальных рынков, национальных экономических и культурных центров, не было, стало быть, тех факторов, которые ликвидируют хозяйственную раздробленность данного народа и стягивают разобщенные его части в одно национальное целое. Только рост капитализма экономически связывает отдельные части складывающейся нации в одно целое. Из

этого положения надо исходить при изучении процесса формирования, консолидации любой нации.

Я хочу изложить свою точку зрения по вопросу формирования узбекского народа в нацию, исходя из методологических установок классиков марксизма-ленинизма.

Общеизвестно классическое определение И. В. Сталина, что «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». Изучение истории узбекского народа дооктябрьского периода дает основание полагать, что процесс формирования узбекского народа в нацию начинается со второй половины XIX столетия. Такие же компоненты, как язык, территория, культурная общность узбеков—возникли гораздо раньше, и связывать их появление с капиталистическими общественными отношениями нельзя Эти компоненты возникли и развивались в докапиталистический период. Не могу разделить точку зрения М. Г. Вахабова, который сводит все эти компоненты нации ко времени капитализма и связывает их с развитием капиталистического способа производства.

Несомненно, что эти элементы во второй половине XIX столетия, т. е до такого величайшего политического акта, как присоединение Средней Азии к России, находились в зачаточном состоянии, представляли лишь потенцию в смысле возможности образования узбекской нации. Эта потенция превратилась в действительность в конце XIX столетия и особенно усилилась в начале XX столетия, когда, благодаря возникновению капиталистических отношений, создавались благоприятные условия для формирования узбекского народа в нацию.

До второй половины XIX в. узбеки не обладали всеми признаками, которыми характеризуется, строго говоря, нация. В этот период территория, на которой жили узбеки, была разделена на три ханства: Хивинское, Кокандское и Бухарское. Веками продолжались феодальные междоусобицы: отсутствовало разделение труда между областями, господствовала хозяйственная замкнутость, отсутствовала общность экономической жизни. Все это дает право утверждать, что до второй половины XIX столетия узбеки не обладали всеми признаками, которыми характеризуется нация. Вторая половина XIX века в истории узбекского народа, как и для всех народов Средней Азии, оказалась переломной и в экономическом и в политическом отношениях.

Вот и надо ответить, существовала ли единая территория узбекского народа до Октябрьской социалистической революции?

М. Г. Вахабов считает, что даже после присоединения Средней Азии к России процесс сложения территориальной общности узбеков еще не завершился потому, что узбеки в то время входили в четыре государственных объединения, а именно: Туркестанское генерал-губернаторство, Бухарское и Хивинское ханства и Афганистан. И внутри самих этих объединений еще не были окончательно ликвидированы пережитки бывшей территориальной раздробленности. Общая территория узбеков еще не стала, говорил М. Г. Вахабов неделимой «национальной землей». Итак, с точки зрения М. Г. Вахабова, единой территории узбекского народа не было. Стало быть, отсутствовал один из признаков, характеризующий узбеков как нацию.

С этим мнением согласиться нельзя. Оно противоречит действительности. М. Г. Вахабов отождествляет государственное объединение с территориальной общностью и этим самым разделяет ошибку тех, кто пытался в определение нации вводить новый, «пятый», дополнительный признак, а именно наличие государства как признака нации.

Узбекский народ как компактное большинство жил на определенной территории гораздо раньше XIX века. Существование Хивинского и Бухарского ханства не могли отделить китайской стеной живших там узбеков друг от друга тем более, что эти ханства находились под протекторатом России и их самостоятельность была номинальной. Узбеки и сейчас живут на той территории, на которой они жили до Октябрьской социалистической революции, и это не помешало им сложиться в единую социалистическую нацию.

Итак, территориальная общность узбекского народа, несомненно, существовала до Октябрьской революции.

Существовал ли у узбеков единый национальный язык? Я не специалист по филологии, но изучение истории узбекского языка дает основание утверждать, что в начале XX века узбекский язык сложился в национальный язык и продолжал развиваться дальше в этом направлении, т. е. по пути превращения в единый национальный язык.

Мы не можем согласиться с мнением М. Г. Вахабова, который считает, что узбекский язык «до революции не достиг уровня единого национального языка, и процесс языковой консолидации, начавшийся в конце XIX века среди узбеков Туркестана, не завершился».

Как известно, узбекская письменная литература имеет большую историю. Ведь 500-летие Навои праздновали все народы вместе с узбекским народом. Свои произведения Фуркат, Мукими и другие писали также на узбекском языке.

Кроме того, существование различных диалектов или говоров вовсе не означает отсутствия единого национального языка. Как известно, у многих сложившихся буржуазных наций и по сей день существуют различные диалекты внутри единого национального языка.

Оторванность узбекского литературного языка от народных говоров до Великой Октябрьской социалистической революции объясняется не тем, что между ними существовал разрыв, не тем, что язык был якобы разный и говоры еще не сложились в единый национальный язык. Объясняется это другим, а именно господством эксплуататорского строя в стране и классовым характером литературы, а не языка. Язык безразлично относится к судьбе классов и одинаково может обслуживать как эксплуататорские, так и эксплуатируемые классы.

Конечно, наряду с этим узбекским языком существовали разные диалекты, имелись местные говоры, но над ними превалировал, подчинял их себе единый и общий язык узбекского народа.

С появлением капитализма и образованием национального рынка начался процесс консолидации узбекского народа в нацию, а узбекского языка в национальный язык. Это не означает, что молодая узбекская буржуазия безразлично относилась к судьбе узбекского языка. Узбекская буржуазия старалась использовать узбекский язык в своих интересах, навязать ему свой лексикон, но джадиды-идеологи узбекской националистической буржуазии, оторванные от народа, ненавидевшие народ,—потерпели поражение в своей политике введения архаических терминов и тюркизации узбекского языка. Классовые жаргоны и диалекты лишены какой бы то ни было языковой самостоятельности и представляют только ответвления от узбекского общенародного языка. Это вовсе не означает, что местные диалекты—неустойчивые языковые образования. Некоторые местные диалекты узбекского языка имеют свои особенности в области грамматического строя и даже основного словарного фонда.

Главным и решающим признаком национального языка является его словарный фонд и грамматический строй. Основой всех диалектов узбекского языка был единый грамматический строй и основной словарный

фонд. Узбекский язык как самостоятельный язык оказал упорное сопротивление турцификаторской политике пантюркистов, и все диалекты узбекского языка сохранили основной словарный фонд и единый грамматический строй. Правда, пути развития узбекского литературного языка чрезвычайно своеобразны, но существование единого узбекского языка до Октябрьской революции не вызывает никакого сомнения.

Что касается третьего признака нации—общности экономической жизни, то в этом вопросе, мне кажется, у всех выступавших нет расхождения. Действительно, процесс сложения общности экономической жизни среди узбеков к моменту Октябрьской социалистической революции не завершился, несмотря на то, что после присоединения Средней Азии к России, особенно в начале XX столетия, процесс создания экономической общности узбекского народа усилился благодаря развитию капиталистических отношений.

Втягивание Узбекистана во всероссийский рынок содействовало созданию национального рынка. Появлялись все более специализированные сельские районы; капитализм, как говорил В. И. Ленин, развивался вглубь и вширь, проникал в сельское хозяйство Узбекистана. Кроме торговли с Россией, узбеки вели торговлю с сопредельными странами: Китаем, Ираном, Афганистаном. Никто не может этого отрицать. Итак, в мировой рынок узбеки были втянуты.

Образование специализированных хлопководческих и зерновых районов привело к возникновению в Узбекистане обмена между разными видами товарного земледелия. В начале XX века сельскохозяйственные районы Узбекистана постепенно утрачивали свою былую изолированность и все более вовлекались во взаимные торговые связи.

Известно, что еще в 1894 году В. И. Ленин указывал, что во главе процесса формирования наций стояла буржуазия, и поэтому возникновение национальных связей означало не просто продолжение, расширение и обобщение родовых связей, как изображают дело буржуазные историографы и социологи, а создание и развитие связей буржуазных.

В результате роста промышленных предприятий, образования одного внутреннего рынка, расширения экономических связей с метрополией, железнодорожного строительства и развития пароходства на Аму-Дарье—в начале XX века стали формироваться узбекская буржуазия и узбекский пролетариат. Однако развитие капитализма в Узбекистане находилось на низком уровне, а буржуазия была слаба. Развитие капитализма в Узбекистане носило уродливый характер. Узбекская буржуазия, преимущественно компрадорская, тесно связанная с феодалами, имела свою политическую партию пантюркистского, панисламистского направления.

Узбекская буржуазия претендовала на роль руководящей силы складывающейся узбекской нации. Узбекская буржуазия и ее националистическая партия проповедывали «классовый мир» внутри нации ради «единства нации», недоверие и ненависть к чужим нациям, единый фронт с империализмом.

Итак, процесс формирования узбеков в буржуазную нацию под эгидой узбекской буржуазии шел, и узбекская буржуазная нация, правда, не вполне сложившаяся, существовала. Лишь благодаря неравномерности экономического развития областей Узбекистана, благодаря колониальной политике царизма процесс формирования узбеков в нацию задерживался и до Великой Октябрьской социалистической революции в строгом смысле слова не завершился.

Что касается четвертого признака нации—общности психического склада, проявляющегося в общности культуры, то этот процесс в узбек-

ском обществе до Октябрьской социалистической революции также протекал, но не завершился.

Узбекская социалистическая нация возникла на базе еще не вполне сложившейся узбекской буржуазной нации. Узбекистан вступил на путь капиталистического развития, но не прошел стадию промышленного капитализма и здесь продолжали господствовать феодально-патриархальные отношения. Поэтому процесс формирования узбекской социалистической нации протекал, с одной стороны, на базе не вполне сложившейся буржуазной нации в результате коренного ее преобразования в духе социализма и, с другой стороны, узбекская социалистическая нация формировалась, консолидировалась и крепла на основе воспитания узбекского народа в духе советского интернационализма, советского патриотизма.

Многие усматривают в моих положениях противоречия. Да, «противоречия» налицо. И пусть они не удивляют, ибо противоречиво протекал процесс формирования узбекской буржуазной нации.

И. В. Сталин в своей речи на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 г., характеризуя процесс консолидации народов Советского Востока в нации, говорил, что народы Советского Востока, в том числе, конечно, и узбекский народ, развиваются и консолидируются как нации не под эгидой буржуазных порядков, а под эгидой советской власти. Это беспримерный факт в истории, но это все же факт. Учитывая особенности формирования узбекской социалистической нации, И. В. Сталин в труде «Национальный вопрос и ленинизм» писал, что новая узбекская социалистическая нация возникла на базе старой, буржуазной нации, в результате ликвидации эксплуататорского строя, путем коренного преобразования ее в духе социализма. Мне кажется, что именно так следует понимать И. В. Сталина, когда он утверждает, что и узбекская социалистическая нация коренным образом отличается от соответствующей старой буржуазной нации как по своему классовому составу и духовному облику, так и по своим социально-политическим интересам и устремлениям.

В результате социалистического преобразования экономики нашей страны, победы социалистической системы во всех сферах народного хозяйства, ликвидации эксплуататорских классов, наряду с процессом преобразования в социалистические нации старых буржуазных наций, шел также быстрый процесс возрождения, консолидации и формирования в социалистические нации многих народов, ранее угнетенных царизмом, не успевших оформиться в буржуазные нации ввиду отсутствия необходимых для этого условий при прежнем социальном строе.

При изучении вопроса о формировании буржуазных наций в Узбекистане и Казахстане не следует также забывать особенностей исторических условий формирования народностей в нации.

В этом направлении следует вести серьезную исследовательскую работу, координируя деятельность языковедов, литераторов, экономистов, философов и других специалистов, имеющих отношение к исследованию компонентов, из которых складывается нация.

С. Б. БАИШЕВ
Кандидат исторических наук
(Институт истории Компартии при ЦК КП Казахстана)

Вопрос о возникновении и развитии наций, национальный вопрос в целом—это один из сложнейших вопросов мировой истории.

На всем протяжении своей истории капитализм не дал сколько-нибудь удолетворительной теории и практического разрешения национального вопроса.

Единственно правильное и глубоко научное учение по национальному вопросу дали классики марксизма-ленинизма. На основе марксистско-ленинского учения впервые в мировой истории в Советском Союзе был правильно разрешен национальный вопрос. В результате обеспечен всесторонний расцвет всех наций, населяющих СССР.

Ярким и убедительным выражением расцвета всех наций нашей Родины, дружеского сотрудничества народов нашей Родины является и наша научная сессия, на которую собрались представители социалистических наций Средней Азии и Казахстана.

Я лично разделяю основные положения доклада М. Г. Вахабова и считаю, что казахский и узбекский народы начали консолидироваться в нацию еще в дореволюционное время вместе с проникновением в Среднюю Азию и Казахстан капиталистических отношений, вместе с образованием здесь капиталистических рынков. Но процесс национального формирования, процесс образования буржуазных наций у этих народов не завершился, так же как не завершился здесь и процесс капиталистического развития.

Это и понятно. Процесс консолидации народов в нации, как и процесс развития самого капиталистического способа производства—это не одновременный акт, а длительный процесс, продолжавшийся иногда веками. Именно поэтому И. В. Сталин указывал, что элементы нации не с неба упали, а создавались постепенно еще в докапиталистический период, что эти элементы находились в зачаточном состоянии, представляли лишь потенцию, которая в период капитализма превращалась в действительность.

Как теоретические, так и фактические материалы, приведенные в докладе, подтверждают правильность этого положения.

Но мне хотелось бы выяснить следующие вопросы изучаемой нами проблемы. В докладе отмечается, что до выхода в свет работ И. В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм» и «Марксизм и вопросы языкознания» все историки Средней Азии и Казахстана в один голос утверждали, что казахский и узбекский народы до Октябрьской социалистической революции не могли консолидироваться в буржуазные нации.

Это положение не совсем правильно и недостаточно обосновано. На наш взгляд и до появления указанных работ И. В. Сталина все представители общественных наук Казахстана, исходя из решений съездов нашей партии, принятых в первые годы Советской власти, и принципиальных указаний В. И. Ленина и И. В. Сталина по этому вопросу, считали и сейчас считают, что полнокровный процесс консолидации казахского народа в нацию происходил после Октябрьской социалистической революции, под эгидой Советской власти.

Но означает ли это, что до 1917 г. не происходило процесса консолидации казахского народа в нацию, не происходило процесса его национального оформления? Нет, не означает.

Во-первых, известное каждому из нас положение, что народы Средней Азии и Казахстана не прошли капиталистической стадии развития, вовсе не означает, что они не вовлекались в капиталистические отношения, что у этих народов не было рыночных отношений, капиталистических предприятий и т. д. Эти отношения, безусловно, были, но они не внесли коренных изменений в структуру народного хозяйства данных народов; эти отношения не были преобладающими и тем более господствующими хотя бы в решающих отраслях народного хозяйства.

Вот почему нельзя говорить о капиталистическом пути развития этих народов. Вот почему марксисты-ленинцы утверждали, и ныне утвер-

ждают, что казахский народ, как и другие народы Средней Азии, не прошли капиталистической стадии развития.

Во-вторых, положение, что ряд народностей Советского Союза и в первую очередь народностей Средней Азии и Казахстана, консолидировались в нации под эгидой Советской власти, вовсе не означает, что у них раньше, в дооктябрьский период, не происходило процесса национального оформления, не было элементов общности национального языка, территории, экономической жизни, культуры, которые создавались веками в условиях прежних социально-экономических формаций. Эти элементы безусловно уже были.

В-третьих, некоторые товарищи считают: в связи с указанием И. В. Сталина о том, что современные социалистические нации—русская, украинская, белорусская, грузинская, армянская, азербайджанская, узбекская, казахская, татарская и др—образовались на развалинах буржуазных наций, что язык этих наций прекрасно обслуживал в дореволюционное время и буржуазию,—ныне якобы устарело другое положение И. В. Сталина: о консолидации в нации ряда народов Советского Востока под эгидой Советской власти. Однако для такого вывода нет никаких оснований. Вышеприведенное первое положение И. В. Сталина вовсе не противоречит второму положению.

Истинная причина подобных утверждений заключается в том, что до выхода в свет работ И. В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм» и «Марксизм и вопросы языкознания» ни в центре, ни на местах фактически не занимались изучением вопроса о формировании буржуазных наций в Средней Азии и в Казахстане. Не было в достаточном количестве научных кадров, в том числе из местных национальностей.

Если за последнее время многие научные работники занимаются вопросом о формировании буржуазных наций в Средней Азии и Казахстане, а сегодня полным голосом говорят об этом с трибуны, то это является ярким свидетельством роста наших научных кадров.

Сейчас надо говорить о том, как происходил процесс формирования буржуазных наций в Средней Азии и Казахстане и на какой стадии он остановился к моменту Октябрьской социалистической революции в нашей стране, а вовсе не о том, были или не были буржуазные нации у народов Средней Азии и Казахстана, ибо явления общественной жизни нельзя решить путем постановки вопроса: да или нет.

Хочу сделать упрек по адресу А. Н. Нусупбекова—автора доклада «К вопросу о формировании казахской буржуазной нации». Прежде всего бросается в глаза несогласованность между некоторыми положениями и выводами доклада.

А. Н. Нусупбеков всячески старается доказать, что общность национального языка, общность территории, общность экономической жизни, общность психического склада были уже налицо у казахов в дореволюционное время. Для подтверждения этого докладчик привел нужные и ненужные материалы. Если исходить из логики, то остается сказать, что процесс формирования казахской буржуазной нации полностью завершился. В самом деле, если уже имелись налицо у казахов все четыре основных признака нации, то что же еще требуется, чтобы сказать: процесс образования казахской буржуазной нации был полностью завершен еще до Октября? Следовательно, по логике вещей, надо сказать, что казахский народ прошел и стадию развития капитализма, ибо нация является продуктом капитализма. Докладчик же приходит к выводу, что процесс образования казахской буржуазной нации не был завершен, что казахский народ миновал капиталистический путь развития. С этими положениями докладчика мы совершенно согласны. Но у докладчика не сведены концы с концами.

Это не случайно. Докладчик не полностью освободился от влияния тех, кто, хватаясь за отдельные слова и фразы классиков марксизма, вырванные из общего контекста, хочет доказать, что и народы Средней Азии и Казахстана, подобно народам украинскому, грузинскому, армянскому, татарскому, прошли стадию капитализма и, следовательно, полностью сложились в буржуазные нации.

Но действительность говорит о другом.

Прежде всего, об уровне производительных сил в области промышленности Казахстана в дореволюционный период. В это время на территории нынешнего Казахстана было всего около 5 тыс. промышленных заведений с 5—7 рабочими в среднем в каждом из них и около двух десятков предприятий добывающей промышленности. Стоимость валовой продукции Казахстана в 1913 г. исчислялась в 13 руб. 50 коп. на душу населения.

А в Азербайджане, например, капиталистическая промышленность зародилась сразу же после реформы 1861 года. К концу XIX в. стоимость промышленной продукции составляла здесь сотни миллионов рублей, насчитывалось свыше 60 тыс. промышленных рабочих. К 1917 г. эти показатели были еще большими. И тем не менее Азербайджан не прошел капиталистическую стадию развития. Как же можно после этого говорить об окончательно сложившейся капиталистической промышленности в Казахстане?

О языке. Не случайно передовые просветители казахского народа Ч. Валиханов и И. Алтынсарин писали свои труды на русском языке. Первая попытка реформы казахской письменности на основе арабского алфавита была сделана в 1913 г. и кончилась неудачей. Настоящее оформление современной казахской национальной письменности происходило уже в советских условиях и в это время завершилось сложение общности казахского национального языка. Поэтому А. Н. Нусупбеков неправ, когда говорит, что современный казахский язык ничем не отличается от языка Утемисова в начале XIX в. Здесь чувствуется явный схематизм.

Имею несколько замечаний по выступлению А. А. Аминова. Не знаю, нравится ли его выступление товарищам узбекам или нет, но мне оно очень не понравилось по следующей причине: вскользь признавая точку зрения М. Г. Вахабова правильной, тов. Аминов вместе с тем фактически доказывает обратное, а именно, что узбекская буржуазная нация уже полностью сложилась до революции. Если вы, тов. Аминов, убеждены в этом, то так и скажите открыто и честно.

Далее, А. А. Аминов сильно преувеличивает степень зрелости у узбеков всех основных признаков нации. Мало того, он, мне кажется, допускает серьезную теоретическую ошибку: нация, мол, сложилась ранее, чем сложился капитализм. Это то же самое, что сказать: скот появился раньше, чем появилась земля. Выходит у него, что из ребра нации вышел капитализм, а не наоборот.

После всего этого А. А. Аминову ничего не остается, как написать книгу: «Развитие капитализма в Узбекистане». Видимо об этом он и мечтает.

А. А. Аминов открывает Америку: Узбекистан, а, следовательно, и Казахстан ничем, мол, не отличались в прошлом от России и были столь же отсталыми, как и вся Россия. Это и теоретически, и политически, и фактически неверно.

Меня в конечном счете интересует методическая сторона дела: к чему может привести та точка зрения, что народы Средней Азии и Казахстана еще в дореволюционный период сложились в буржуазные нации и имели высоко развитый капитализм.

Эта точка зрения ведет к глубоко ошибочным выводам, которые сводятся к следующему:

Во-первых, казахи и узбеки якобы сложились в нации еще в дореволюционный период, имели крупную промышленность, территорию, свой рынок, рабочий класс, культуру, ничем не отличающиеся от того, что имели русская или другие передовые нации.

Во-вторых, получается, что все мероприятия партии и правительства, принятые в первые годы Советской власти по воссоединению земель этих народов, по созданию промышленных очагов в Узбекистане и Казахстане, по развитию языка—были напрасными, так как эти народы давно уже были развитыми так же, как и другие передовые нации России.

В-третьих, подобными высказываниями А. А. Аминов и другие пытаются фактически опровергнуть ленинское положение о капиталистическом пути развития народов Средней Азии и Казахстана.

Непризнание завершения национального оформления узбеков и казахов отнюдь не отрицает участия трудящихся Средней Азии и Казахстана в Октябрьской социалистической революции. Процесс развития капитализма, наличие некоторого количества рабочего класса, помощь великого русского народа, революционизирование масс, слияние борьбы за национальное освобождение с борьбой рабочего класса под руководством Коммунистической партии—все это являлось необходимыми предпосылками участия трудящихся наших республик в Великой Октябрьской социалистической революции. Это так и было.

Где сказано, что для участия в Октябрьской революции нужен какой-то определенный уровень?

Теперь о выступлении А. Ф. Якунина.

Мне кажется, что выступление А. Ф. Якунина нужно признать не только ошибочным, но и вредным. Он в несколько раз преувеличил развитие капиталистических отношений в Узбекистане и Казахстане. Он привел факты, давно известные студентам первого курса вузов. Он ничего не открыл нового. Тон его выступления был направлен на то, чтобы подогревать нездоровые настроения, которых и без того достаточно среди отдельных наших историков. Кому и для чего все это нужно.? Это не что иное, как игра на чувствах людей. Считаю, что А. Ф. Якунин совершенно неправ в своих взглядах.

М. Т. ТУРСУНОВ

Кандидат экономических наук

(Институт истории Компартии при ЦК КП Уз)

Обсуждение вопроса о формировании буржуазных наций в Узбекистане и Казахстане на объединенной научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана является важным событием. До последнего времени в вопросе формировании буржуазных наций в Средней Азии и Казахстане нет необходимой ясности, существуют различные точки зрения.

Узбеки и казахи относятся к тем народам, которые не прошли до революции стадию промышленного капитализма. Капиталистические отношения в Средней Азии, в том числе в Узбекистане, уже существовали. Однако преобладающими формами производственных отношений в народном хозяйстве Средней Азии были феодальные производственные

отношения. Поэтому утверждать, что узбеки до Великой Октябрьской социалистической революции были окончательно оформившейся буржуазной нацией со всеми присущими ей чертами—было бы неправильно.

Мы могли бы согласиться с М. Г. Вахабовым в том, что узбеки до Октябрьской социалистической революции вступили в полосу национального оформления и что наличие докапиталистических производственных отношений не противоречит такому утверждению. Однако докладчик при рассмотрении конкретного вопроса о сложении узбеков в буржуазную нацию противоречил сам себе и встал на позицию отрицания компонентов, необходимых для сложения буржуазных наций.

Рассматривая процесс сложения узбекской буржуазной нации, докладчик подробно остановился на образовании национального рынка, на вопросе развития капиталистических отношений и сложения экономической общности узбекского народа, но благодаря одностороннему и неглубокому анализу фактов он по существу отрицал наличие экономической общности узбекского народа.

Докладчик утверждает, что образование внутреннего национального рынка в Узбекистане начинается с 90-х гг. XIX в., что до этого на территории Узбекистана не было еще специализации отдельных районов, что Узбекистан состоял из множества отдельных экономических районов. Но когда докладчик пытается доказать свою мысль об организации внутреннего рынка с 90-х гг. в Узбекистане, то приводимые им цифровые данные говорят об обратном. Цифры, относящиеся к 1883 г. по кустарной промышленности Ферганской области, не являются убедительными для решения вопроса о времени начала складывания внутреннего рынка в Узбекистане. Это можно сказать также и о данных по кустарной промышленности Самаркандской области. Докладчику следовало бы рассмотреть данные о состоянии промышленности Ферганы и Самарканда, относящиеся к 90-м годам прошлого столетия. Вместо этого, докладчик на основании данных, относящихся к более позднему периоду, приходит к выводу об универсальности всех районов Узбекистана и о том, что между ними не сложилось территориального разделения труда, что рынки каждого района были местными, замкнутыми.

Дальше, рассматривая состояние внутренней торговли в Туркестане в конце XIX в., докладчик также оперирует устаревшими данными, относящимися к 70—80 гг. прошлого столетия.

К концу XIX в. Узбекистан уже имел более или менее развитую торговую связь между отдельными местными рынками; докладчик сам признает, что присоединение Средней Азии к России способствовало уничтожению замкнутости рынков.

Действительно, одной из важных сторон прогрессивности присоединения Средней Азии к России является уничтожение замкнутости отдельных экономических районов Туркестана и процесс втягивания районов Туркестана в общий водоворот мирового хозяйства.

Утверждение докладчика о замкнутости местных рынков объясняется тем, что он совершенно не затрагивает данных о внешней торговле Туркестана, не приводит данных о торговле с Россией и с сопредельными восточными странами.

Существовал же товарообмен между районами Туркестана, Бухарой и Хивой. Бухара ввозила в Хиву сухие фрукты, табак, орехи, фисташки и др. Ежегодный товарооборот между этими двумя крупными экономическими районами доходил до 1 млн. рублей в год.

Вывоз из Бухары в Россию в 1911—1913 гг. составлял 35 385 тыс. руб., или 47,3% к общему торговому балансу. Ввоз в Бухару из России составлял 39 410 тыс. руб., или 52,7% к общему балансу. В этих цифрах

показан вывоз из Бухары как в Туркестанское генерал-губернаторство, так и в Центральную Россию. Цифры по вывозу товаров в Бухару также включают в себя как вывоз из Центральной России, так и из Туркестанского генерал-губернаторства.

Другой интересный факт. В 60 и 70-х гг. XIX столетия торговые балансы среднеазиатских ханств были активными, что объясняется, наряду с другими факторами, замкнутостью местных рынков. Однако усиленное проникновение в последние десятилетия прошлого века русского торгового промышленного капитала в Туркестан, Бухару и Хиву и его активное воздействие на внутреннюю и внешнюю торговлю ханств Средней Азии привело к тому, что торговые балансы последних становятся пассивными. Обстоятельство, которое не могло не повлиять на положение внутреннего рынка Средней Азии, вызвав ломку замкнутости рынков узбекских районов Средней Азии и рост торговой связи между экономическими районами Средней Азии.

Общий оборот Средней Азии в 1911 г. составлял по ввозу и вывозу 400 млн. руб., в том числе оборот Бухары 75 млн. руб., Хивы 30 млн. руб., Туркестана 295 млн. руб.

Эти данные свидетельствуют о том, что в торговле (внешней и внутренней) Туркестана, Бухары и Хивы существовала определенная общность, что местные рынки Средней Азии перестали быть замкнутыми, между ними установилась определенная связь.

Докладчик не приводит также данных о состоянии торгового и банковского капитала в то время, как эти данные помогли бы более глубоко рассмотреть процесс сложения внутренних национальных рынков.

Если взять такие торговые центры Туркестана, как Коканд, Ташкент, Самарканд. Бухара, и рассмотреть операции отделений Государственного банка и коммерческих банков, то мы увидим, что коммерческие банки сосредоточивали в своих руках не только кредитование промышленности, сельского хозяйства, внутренней торговли в Туркестане,—в их руках находилась и внешняя торговля.

При анализе деятельности отделений Российского государственного банка и многочисленных коммерческих банков в Туркестане, Бухаре и Хиве ясно видно, какую роль играли кредитные учреждения в развитии товарно-денежных отношений, в расширении пределов и объема местных рынков, в деле установления более тесных связей между отдельными районами.

Следует указать время возникновения частных коммерческих банков и открытия отделений Государственного банка в Средней Азии; эти даты возникновения кредитных учреждений еще раз подтверждают установление тесной связи между местными рынками и всероссийским рынком.

Отделения Российского государственного банка открылись: в Ташкенте в 1875 г., в Самарканде в 1890 г., в Коканде в 1893 г., в Ашхабаде в 1895 г., в Бухаре в 1894 г. В 1910 г. открываются отделения Государственного банка в Андижане и Алма-Ате. По размеру оборотов на первом месте стояли такие отделения Госбанка, как Кокандское с оборотом в 19 908 тыс. руб., Ташкентское с оборотом в 6 951 тыс. руб., Самаркандское с оборотом в 3 779 тыс. руб. и Бухарское с оборотом в 3 458 тыс. руб. Они были связаны с крупными рынками и обслуживали сравнительно более крупные экономические районы. На территории Средней Азии действовало до 33 банковских филиалов. По времени открытия первым коммерческим банком был Среднеазиатский коммерческий банк, основанный по местной инициативе и на местные средства.

Действовавшие на территории Средней Азии отделения Госбанка и коммерческие банки распределялись по областям так: в Сыр-Дарьинской

области—6 отделений, в Самаркандской—7, в Ферганской области—12, в Куня-Ургенче (Хорезме)—одно отделение частного банка, в Бухаре—отделение Госбанка и 6 частных банков, занимавшихся такими важными операциями по внутренней и внешней торговле, как операции с векселями и выдачей ссуд под товары.

Считаю неправильным, что докладчик, признав образование внутреннего национального рынка в Узбекистане и оперируя только отрывочными данными, приходит к выводу, что рынки каждого экономического района Туркестана были еще местными и замкнутыми.

Докладчик признает, что с развитием капиталистических отношений должно было произойти территориальное разделение труда в Туркестане.

Анализ приведенных докладчиком данных о разделении труда между районами и данных, относящихся к хозяйству таких крупных областей, как Ферганская, Самаркандская и Сыр-Дарьинская, сделан недостаточно глубоко. Это опять привело к неправильным утверждениям, что продукция кустарной промышленности, стоимость которой достигала 70,0 тыс. руб., играла якобы более значительную роль во внутренней торговле.

Докладчик заявляет, что в 1913 г. стоимость валовой продукции всей промышленности Туркестана составляла 268 559 тыс. руб., в том числе продукция хлопкоочистительной промышленности—221 007 тыс. руб., но почему-то, забыв об этих цифрах, «ухватился» за 60 тыс. руб. продукции кустарной промышленности и сделал вывод, что продукция кустарной промышленности занимала преобладающее место.

Что касается роли и значения железнодорожного строительства и транспорта в развитии капиталистических отношений в Туркестане, то нет надобности много об этом говорить. Поэтому нельзя не удивляться выводам докладчика, что железные дороги; хотя и способствовали подъему хозяйства, но не могли особенно сильно повлиять на структуру внутреннего рынка.

На основе неправильных выводов, возникших на базе одностороннего и неглубокого анализа фактов, докладчик делает общий неправильный вывод: «Но от того, что установилась тесная связь между местными рынками и всероссийским рынком, не могла сложиться общность экономической жизни среди узбеков. Нисколько не преуменьшая значения связи местных рынков со всероссийским рынком в деле разложения замкнутости районов края и втягивания их в мировое товарное обращение, мы тем не менее считаем, что эта связь сама по себе не могла быть фактором, служившим основой сложения экономической общности узбекского народа».

М. Г. Вахабов пришел к такому выводу лишь потому, что отрицает наличие экономической связи между основными экономическими районами Средней Азии.

При решении вопроса о развитии капитализма в Туркестане, в том числе и в Узбекистане, нельзя противопоставлять разделение труда между Туркестаном и Российской империей внутреннему разделению труда. Возникавшие в Туркестане капиталистические отношения надо рассматривать как единый процесс, а не разрывать его на части.

Развитие капитализма, а следовательно, формирование узбекской буржуазной нации происходило не только в процессе развития внутренних противоречий, но и в результате проникновения русского капитализма. Неправильно рассматривать развитие внутреннего рынка в Узбекистане вне связи с общероссийским рынком, или отводя последнему второстепенное место.

Переходя к рассмотрению вопроса о создании территориальной общности узбекской нации, докладчик и здесь, в силу указанных выше неточных положений, приходит к неправильным выводам о территориальной общности узбекского народа.

Я не собираюсь вступать в полемику с докладчиком об уровне развития узбекского языка. Очевидно языковеды скажут свое мнение об этом. Скажу только, что у узбеков уже существовали все элементы для того, чтобы сложиться в буржуазную нацию.

О. А. СУХАРЕВА

Кандидат филологических наук

(Институт истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР)

Вопрос о консолидации в буржуазные нации каждого из среднеазиатских народов до Великой Октябрьской социалистической революции является одним из важнейших вопросов, разрешение которого необходимо для правильного понимания дореволюционной истории этих народов.

Оба докладчика правильно подошли к стоящей перед ними задаче, стремясь конкретно показать сложение у узбекского и казахского народов общности языка, экономики, территории и культуры как необходимых признаков нации.

Я вполне согласна с основными, очень убедительно доказанными положениями доклада М. Г. Вахабова, что присущая нации экономическая общность, связывающая всю страну в единый рынок, начала складываться в Узбекистане именно с 90-х годов, что до революции этот процесс не успел еще достаточно развиться и что завершился он в годы первой и второй пятилеток.

Убедителен основной вывод докладчика о том, что процесс сложения узбекской буржуазной нации уже начался, но не успел до революции завершиться, и окончательная консолидация узбекской нации осуществилась уже как консолидация нации социалистической.

В решении проблемы, поставленной в докладе, важными является вопрос о сложении у узбеков общности психического склада, выражающегося в общности культуры. Этот элемент нации представляет собой для анализа наибольшие трудности как в силу сложности всего комплекса проявлений культуры, так и вследствие некоторой их расплывчатости, невозможности представить достижения культуры в точных и убедительных цифрах—как это можно сделать, например, в отношении экономики. И. В. Сталин подчеркивает, что национальный характер, реально существуя как неотъемлемый элемент нации, сам по себе неуловим и может быть выявлен лишь постольку, поскольку он выражается в национальной культуре.

Открыть и показать характерные черты национальной культуры, связать их с общим психическим складом, выявить причины, их определившие,—является задачей не легкой и до сих пор не решенной. Отмечу явный недостаток внимания к этому вопросу со стороны историков. В частности, национальная культура узбекского народа в ее историческом развитии, особенно на поздних этапах, привлекает к себе незаслуженно мало внимания. Поэтому перед М. Г. Вахабовым стояла трудная задача—поставить и решить вопрос о сложении культурной общности у узбеков до Великой Октябрьской социалистической революции при полном отсутствии специальных исследований в этой области.

В основном докладчик решил эту задачу. Его тезис о том, что до революции общность психического склада узбекского народа, проявляющаяся в своеобразии его культуры, не достигла еще той степени, какая необходима для того, чтобы народность превратилась в нацию, безусловно правилен. Однако нельзя не заметить, что тезис аргументирован им значительно слабее трех других, недостаточно подкреплен реальными фактами, в чем, несомненно, сказалась неисследованность вопроса.

В докладе нет должной ясности в вопросе о том, насколько сложились культурное единство и общность психического склада у узбеков в период, предшествовавший началу объединения их в нацию, т. е. в вопросе о глубокой историчности складывавшейся из поколения в поколение общности духовного склада, проявлявшегося в культуре, что и сделало возможным сложение узбеков в нацию. Вследствие этого создается впечатление недооценки М. Г. Вахабовым уже имевшейся у узбеков культурной общности, единства психического склада, сложение которых (так же, как и сложение единства языка) шло веками, которые развиваются задолго до объединения народа в нацию, когда процесс приходит к завершению; и которые являются одной из важнейших предпосылок этого завершения.

Между тем, в докладе М. Г. Вахабова, указавшего на постепенное развитие общности языка и отметившего, что хотя узбекский язык до Октябрьской революции и не достиг уровня национального языка, но все же получил в этом направлении значительное развитие,—сложение культурной общности, общего культурного склада у узбеков скорее отрицается, чем констатируется. М. Г. Вахабов как будто забыл, что, говоря об этом элементе нации, И. В. Сталин имеет в виду *исторически* сложившуюся в течение *многих столетий* общность культуры. Но ограничиться только формулировкой И. В. Сталина *о зачаточном* состоянии культурной общности до сложения народа в нацию—невозможно. И. В. Сталин приводит эти слова для обозначения такой общности, которая свойственна нации. Он подчеркивает, что эта общность складывалась из поколения в поколение и к моменту сложения нации должна быть уже на таком высоком уровне, который создавал бы возможность потенции для формирования общенациональной культуры.

Думаю, что и для докладчика остается бесспорным, что в конце XIX—начале XX вв. реально уже существовала общенародная узбекская культура, отличающая узбекский народ от других народов Средней Азии, что узбеки к этому времени уже выработали своеобразные, общие для народа в своих основных чертах формы производственного общественного и семейного быта, создали определенные, свойственные всему народу, стилевые линии в искусстве, имели уже определенную общность духовного склада, подготовившую узбекский народ к быстрому созданию после Великой Октябрьской революции общенациональной социалистической культуры.

Однако в докладе данный вопрос обойден молчанием. В результате создается впечатление, будто т. Вахабов понимает этот тезис И. В. Сталина очень узко, не учитывая того длинного исторического пути, который должна была пройти культура народа, чтобы стать культурой нации.

В докладе проявляется тенденция ограничить понятие национальной культуры идеологией основных классов—бужуазии и пролетариата—поскольку только эти классы порождены эпохой капитализма, эпохой сложения наций. Но ведь в нацию входят также и другие прослойки и классы общества, например, крестьянство, идеология которого—отсталая, базирующаяся часто на пережитках феодализма, а то и патриархальщины—тоже занимает свое место в культурной жизни нации, оказывает свое влияние на сложение национальной культуры. И. В. Сталин, говоря о национальном характере, об общем психическом складе людей, слившихся в нацию, не имеет в виду только классовые идеологии. Ведь идеология каждого класса, имея общую для данного класса у всех народов основу—его классовые интресы, выливается у каждой нации в своеобразную форму, которая определяется как конкретно-историческими усло-

виями, так и национальным характером, проявляющимся у представителей всех классов нации. Этот характер, естественно, не остается неизменным. Он изменяется в ходе исторического развития народа или нации, но на каждом этапе этого развития он существует как своеобразная черта нации или народа, отличающая их от других наций и народов.

Несколько преувеличено в докладе представление о наличии резких локальных различий в формах культуры узбеков. Верно, что такие различия в конце XIX в. были и нередко имели очень глубокие генетические корни. Однако при углубленных исследованиях нередко обнаруживалось и весьма позднее происхождение различий, выяснилось, что они явились результатом характерной для капитализма неравномерности развития различных частей страны, под влиянием чего в районах большего развития капиталистических отношений в течение конца XIX—начала XX вв. началось быстрое изживание старых традиционных форм культуры и сложение новых, в то время как в отдаленных районах продолжали бытовать старые.

Исследования выявляют часто поразительную общность в основе многих культурных явлений, имеющих глубокие исторические корни не только у представителей различных групп одного народа, но и у различных народов Средней Азии, которые в течение многих веков жили в близком соседстве друг с другом и были издавна соединены хозяйственными и культурными взаимосвязями.

Остановлюсь еще на вопросе о создании у узбеков единства узбекского народа до сложения его в нацию. Докладчик прав, говоря, что были очень сильны представления о племенной принадлежности, что понятие родины очень часто ограничивалось местом рождения. Однако неверно было бы утверждать, что даже зачатков национального самосознания до Великой Октябрьской социалистической революции у узбеков не имелось. Докладчик не привел фактов, указывающих на зарождение такого самосознания, а между тем оно начало сказываться задолго до начала процесса сложения узбеков в нацию.

Остается фактом наличие обобщающих самоназваний, правда, неединых у всего народа. Общеизвестно, например, что жители Ташкента, Ферганской долины, в особенности юго-западной ее части с однородным населением, Хорезма и ряда других мест именовали себя сартами, и это название понималось ими, несомненно, как название народа.

В других районах, или, вернее, среди другой части узбеков, так называемых полукочевых—в Бухаре, Кашка-Дарье, Сурхан-Дарье, в районах Самаркандской области—в таком значении употреблялось самоназвание «узбек».

Это самоназвание имело значение обобщающего термина еще в начале XIX в. Меендорф, посетивший Бухару в 1826 г., пишет, что когда ему приходилось спрашивать своего собеседника—узбека, кто он, то он с гордостью отвечал, что он—узбек.

Внутри групп, объединявшихся этими двумя самоназваниями, были деления: в первом случае—по местожительству, во втором—по племени,—которые, действительно, сознавались сильнее, чем принадлежность к народу; но все же последнее самоназвание уже реально существовало в сознании народа и отрицать или игнорировать это невозможно.

Думаю, что наличие таких обобщающих самоназваний также свидетельствует о значительном развитии культурной общности узбеков, хотя эта общность до Великой Октябрьской социалистической революции и не достигла той степени, которая присуща вполне сложившейся нации.

Мне кажется, недооценка исторически сложившейся общности психического склада и порожденной им общности культуры узбеков, проявившаяся в докладе М. Г. Вахабова; коренится в недооценке им степени развития хозяйственных связей между районами Узбекистана. Эти связи были порождены значительным развитием здесь товарного производства, которое однако не достигло еще до конца XIXв. более высокой ступени товарного производства—производства капиталистического. В устном докладе нам были даны разъяснения, которые до некоторой степени снимают этот упрек, но все же он не отпадает целиком.

Докладчик допускает некоторое преувеличение, говоря, что до 90-х годов XIX в. «на территории Узбекистана не было еще специализации отдельных районов», что «Узбекистан состоял из множества отдельных районов, одинаковых по своей хозяйственной структуре, имевших внутри себя все отрасли хозяйства и не нуждавшихся в продукции других районов». В действительности же Узбекистан в XIX в., в особенности во второй его половине, был связан, правда, не столь всеобъемлюще, чтобы говорить об едином рынке, но все же прочными, давно установившимися торговыми связями, сообщившими хозяйству отдельных районов товарный характер в гораздо большей степени, чем это было в России перед началом развития там промышленного капитализма, и это составляет своеобразие исторического развития Узбекистана. Развитие товарности хозяйства. Узбекистана в период феодализма стимулировалось резкими различиями в природных условиях, а отсюда и в развитии производительных сил—степных районов и оазисов, гор и равнин, положением страны на торговых путях, наличием здесь такой продукции, как хлопок и шелк, которые очень давно сделались товарами и шли на широкий рынок. Данные по экономике Ташкента, относящиеся к середине XVIII и к началу XIX вв., говорят о том, что ремесленная промышленность была ориентирована не столько на снабжение горожан, сколько на торговлю со степью, носила товарный характер. Кустарная ткацкая промышленность Ургута, все население которого, по преувеличенному выражению Гребенкина, «обратилось к одному промыслу», так же как и ткацкая промышленность Самарканда, Бухары, Маргелана, имели ярко выраженный товарный характер: самаркандские ткачи изготовляли шелковые платки для Туркмении, бухарские и ферганские шелкоткачи обеспечивали ценными шелковыми тканями Ташкент, Хорезм, Кара-Калпакию, казахские степи, не говоря уже о своем экономическом районе. Богарная пшеница, славившаяся своими превосходными качествами, регулярно вывозилась, хотя и не в большом количестве, в районы орошаемого земледелия, рис—в районы; где эта культура по природным условиям не возделывалась; каршинский табак шел в Ташкент и другие районы.

Эти примеры можно было бы значительно приумножить.

Все это говорит о том, что натуральность хозяйства Узбекистана была относительной, она сочеталась с развитием товарного производства не только в ремесленной промышленности, но и в сельском хозяйстве. Она создала те исторически сложившиеся экономические связи между районами Узбекистана, которые позже подготовили образование здесь единого внутреннего рынка, создали реальные экономические условия для объединения узбеков в нацию.

Подчеркивание докладчиком лишь разобщенности отдельных экономических районов, при умолчании об издавна сложившихся хозяйственных связях между ними, рисует неправильную картину жизни узбеков до складывания их в нацию, оставляет затушеванной одну из особенностей исторического развития Узбекистана. Эта особенность, до сих пор еще не-

объясненная наукой, именно в том и состоит, что очень рано получило значительное развитие товарное производство, которое, однако, существуя в течение многих веков, не смогло привести к развитию капитализма.

В отношении построенного на менее известном мне материале по истории Казахстана доклада А. Н. Нусупбекова сделаю два замечания. А. Н. Нусупбеков более подробно, чем М. Г. Вахабов, освещая сложение культурной общности казахов как момент, формировавший казахскую буржуазную нацию, очень хорошо сказал, что «психические черты нации имеют устойчивые черты, национальные особенности и традиции, которые воспитываются в труде и быту, передаются из поколения в поколение».

Однако его формулировка о том, что «национальная форма культуры казахского народа (до революции) выражала буржуазное содержание ее» (стр. 36), идет в разрез с нашим пониманием классовой культуры народностей и наций как культуры, в которой сочетаются культура эксплуататорских классов и культура трудовых масс, несущая в себе, по словам В. И. Ленина, «хотя бы неразвитые элементы культуры демократической и социалистической[1]. Конечно, никак нельзя ограничивать все содержание культуры казахского народа, формирующегося в нацию, буржуазным содержанием.

А. Н. Нусупбеков сам показывает развитие демократического потока в культуре казахского народа. Очевидно, приведенная формулировка является у него случайной и не стоило бы останавливаться на ней, если бы она не заключала в себе некоторую перефразировку известного марксистского положения о национальной по форме, социалистической по содержанию культуре советских народов.

Следует признать в корне неправильным и всякие попытки использовать эту формулировку, соответствующую культуре социалистического общества, для характеристики культуры общества, состоящего из антагонистических классов, каждый из которых создает свой поток в общей национальной культуре. Культура буржуазной нации, состоящей из буржуазии и пролетариата, не есть культура, буржуазная по своему содержанию, она включает в себя и демократическое содержание, отражающее идеологию угнетенных классов. Лишь в социалистическом обществе культура развивается единым мощным потоком, имея единое в своей основе социалистическое содержание.

Должна сказать, что я не смогла вынести из доклада ясного представления о степени развития и формах капиталистической и феодальной эксплуатации, применявшейся в Казахстане в конце XIX—начале XX вв. Остается неясным—феодальный или капиталистический характер носила эксплуатация батраков, в отношении которых автор доклада применяет термин «наем», обозначающий отношения чисто капиталистические. Та же неясность остается и в трактовке других моментов этого вопроса.

По аналогии с положением дел в Узбекистане скажу, что характеристика отдельных социальных фигур дореволюционного Казахстана казахскими историками выяснена еще недостаточно. Пожелаем, чтобы подобные исследования с привлечением этнографов были бы организованы, пока живы представители старшего поколения, на личном опыте испытавшие всю тяжесть подневольного труда, от которого их освободила только Великая Октябрьская социалистическая революция.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 16.

Х. Г. РАСУЛЕВ

Кандидат философских наук

(Ташкент)

Ход прений по докладам о формировании узбекской и казахской буржуазных наций показывает, какое большое значение имеет коллективное обсуждение теоретических вопросов, обмен мнениями, научная дискуссия для развития научной мысли, для роста самих научных работников.

Ход обсуждения отражает, как в зеркале, плюсы и минусы в области нашей научной работы.

Работа сессии показала; что Институты истории Академии Наук СССР, Академий Наук среднеазиатских республик и Казахстана недостаточно были связаны с научной общественностью республик, что некоторые учреждения Академий Наук среднеазиатских республик еще не преодолели своей оторванности от широких кругов научных работников республики.

При обсуждении доклада М. Г. Вахабова в стенах Академии Наук Узбекской ССР не была привлечена хотя бы некоторая часть научных работников Ташкента.

Надо сказать, что мы, научные работники, еще не освободились от догматизма, начетничества и поверхностного понимания явлений общественной жизни.

Чем же можно объяснить, как недогматизмом и вульгарным пониманием марксизма, утверждение А. Ф. Якунина о существовании многочисленных форм и типов капитализма и буржуазных наций. Он дошел до утверждения, что существовал узбекский капитализм и узбекский тип буржуазной нации, казахский капитализм и казахский тип буржуазной нации.

Некоторые товарищи утверждают, что узбекский народ до революции был полуфеодальной, полубуржуазной нацией.

Необходимо отличать явления от сущности, частное от общего. Каждая нация имеет специфические особенности, но эти особенности не дают основания для зачисления каждой нации в отдельный тип нации или нахождения каких-то новых терминов для обозначения той или иной нации.

Марксизм-ленинизм учит, что существует два типа наций: нация буржуазная и нация социалистическая. Других типов наций в природе нет.

Марксизм-ленинизм учит, что истина конкретна. К каждому вопросу надо подходить конкретно, исторически. Формирование узбекской и казахской буржуазных наций шло в соответствии с возникновением и развитием капиталистических производственных отношений. Развитие капиталистических отношений было неразрывно связано с присоединением Средней Азии и Казахстана к России. Капитализм создает новый тип экономической связи внутри каждого народа, экономическую общность данного народа, ликвидирует феодальную раздробленность и экономическую разобщенность народа. Область экономической жизни, в конечном счете, определяет общность психического склада, проявляющегося в общности культуры.

Что касается общности языка и территории, то у большинства народов, в том числе и узбекского народа, она существовала до капитализма.

Нет народностей, которые бы не имели общности языка. Как понять в таком случае положение И. В. Сталина о том, что такие элементы нации, как территория и язык, существовали в прошлом, до капитализма, в потенции?

Язык, территория и общность психического склада существовали до капитализма, но они проявились, закрепились, развились в связи с созданием устойчивой экономической общности народа, немыслимой без капитализма. Прав А. А. Аминов, что у узбеков до социалистической революции была общность языка и общность территории. Его доводы по этому вопросу были убедительны. Некоторые, правда, отдают предпочтение не фактам, а цитатам. Что же, подтвердим это и цитатами. Вот что писал И. В. Сталин о грузинах:

«Грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок»[1].

Можно привести цитаты из работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», когда он, например, указывает, что русский язык существовал и существует и при феодализме, и при капитализме, и при социализме.

Конечно, если нет экономической общности, то нет и нации. В связи с этим И. В. Сталин и говорил о четырех элементах, наличие которых является необходимым минимумом для сложения народа в нацию.

Пусть попробуют теперь отрицать наличие общности языка и территории у узбеков в дореволюционное время. И факты, и цитаты подтверждают наш тезис. Что же касается экономической общности, то здесь, как мне кажется, А. А. Аминов и другие неправы. Здесь, на мой взгляд, больше истины у докладчиков. Конечно, и у докладчиков здесь много неясных формулировок, дающих пищу для различных истолкований, но главные выводы правильны. Экономическая общность узбеков и казахов складывалась до революции, но не была завершена.

Вы требуете фактов и аргументов? Пожалуйста.

Здесь А. А. Аминов говорил, что в Ферганской долине до революции узбеки были экономически связаны,что там имелось наличие экономической общности. Это доказывалось им цифровыми данными о развитии промышленности, особенно пормышленности по первичной обработке хлопка. М. Т. Турсунов говорил о наличии устойчивой общности не только у узбеков Ферганской долины, но и Ферганской долины и Ташкентского оазиса, вместе взятых. А. Р. Абдушукуров пошел еще дальше, заявив, что имелась экономическая общность у узбеков на 70 процентов (он исчислил общность даже в процентах).

А как быть с узбеками Бухарского эмирата и Хивинского ханства? А. А. Аминов и А. Р. Абдушукуров говорили, что они, во-первых имели лишь номинальную самостоятельность, а, во-вторых, что они составляли меньшинство. Поэтому, мол, их можно и не брать в расчет. А можно ли не принимать во внимание узбеков Бухары и Хивы? Нет, я думаю, этого нельзя делать, ибо формирование наций, складывание экономической общности не зависит от желания людей. Это объективный процесс.

Узбекская земля (я имею в виду именно экономические связи) состояла до революции из трех частей: Туркестана (Туркестанское генерал-губернаторство), Бухары и Хивы. Сложилась ли между ними экономическая общность, была ли разрушена экономическая разобщенность между ними? Я думаю, что процесс складывания экономической общности между тремя областями, вернее узбеками этих трех областей, конечно, начался, но не был завершен до революции.

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 295.

Говорят, что это общность не экономическая, а административная. Разве это только административная общность?—Ведь сама административная общность вытекает из экономической общности.

В Бухаре была бóльшая общность между узбеками и таджиками, нежели между узбеками Туркестана, Бухары, Хивы. В Туркестане экономические связи между узбеками, казахами, киргизами и таджиками были большими, чем между узбеками Туркестана, Бухары и Хивы. То же можно сказать и об экономической общности между узбеками, туркменами и кара-калпаками Хивы; она была большей, чем между узбеками трех вышеуказанных областей.

До Октябрьской социалистической революции экономическая разобщенность между Туркестаном, Хивой и Бухарой не была ликвидирована. Бухарские узбеки признавали Бухару своим экономическим, торговым, культурным центром, хорезмские узбеки—Хиву, ферганские—Коканд, ташкентские—Ташкент. Только в последние годы перед революцией Ташкент становится центром притяжения узбеков, центральным пунктом внутреннего национального рынка, но лишь Великая Октябрьская социалистическая революция окончательно ликвидировала экономическую разобщенность узбекского народа.

Только в 1924 г. было проведено, как известно, национально-территориальное размежевание Средней Азии. Узбеки Туркестана, Бухары и Хивы воссоединились и образовали, при братской помощи великого русского народа, под руководством Коммунистической партии, Узбекскую Советскую Социалистическую республику.

Можно привести и другой аргумент в пользу того, что экономическая общность у узбеков до революции была еще слабой.

Марксизм-ленинизм учит, что буржуазия и ее националистические партии являются главной руководящей силой буржуазных наций. Выросла ли узбекская буржуазия и ее джадидская партия до роли главной руководящей силы нации? Нет. В Средней Азии господствовал феодальный способ производства. Казахская буржуазия была еще слабее. Конечно, процесс формирования узбекской буржуазной нации происходил под эгидой узбекской, преимущественно торговой, буржуазии. Но узбекская буржуазия была молода, труслива и реакционна. Узбекская буржуазия была реакционна потому, что она вступила на арену, когда судьба народов Средней Азии и Казахстана уже была связана с судьбой России—родиной ленинизма, судьбой русского рабочего класса—авангарда мирового революционного движения. Поэтому узбекская буржуазия не могла играть прогрессивной роли. Она преклонялась как перед российской буржуазией и царизмом, так и перед султанской Турцией и средневековым Ираном, причем национализм «местной» буржуазии сочетался с космополитическими идеями панисламизма и пантюркизма.

Формирование узбекской буржуазной нации было связано и процессом формирования рабочего класса из местных людей. Рабочие-узбеки были малочисленны, узбекский рабочий класс находился лишь в процессе формирования (начальная стадия). Класс промышленного пролетариата из местных национальностей еще не был сформирован.

Хорошо известно, что узбеки пришли к социализму при помощи русского пролетариата и большевистской партии, минуя капиталистическую стадию развития.

Выводы. Узбеки в дореволюционный период формировались как буржуазная нация, но этот процесс не был завершен, главным образом, потому, что не было завершено сложение общности экономической жизни, существовала еще экономическая разобщенность.

На вопрос о том, были ли узбеки до революции нацией или нет—мы должны отвечать: да, были—поскольку узбекский народ уже формировался в узбекскую буржуазную нацию, хотя этот процесс и не был еще завершен. Такова диалектика.

Остается сказать спасибо ЦК нашей партии за организацию данной научной сессии, спасибо московским ученым, помогающим нам в деле разработки истории народов Средней Азии.

Мы, казахские, таджикские, туркменские, киргизские и узбекские ученые, приложим все усилия, чтобы оправдать доверие партии, выполнить поставленные перед нами задачи. Будем держать крепко и поднимем еще выше знамя пролетарского интернационализма. Крепко будем держать связь с учеными Москвы и Ленинграда.

А. Ю. НАДЖАФОВ

Кандидат философских наук

(Академия Наук Азербайджанской ССР)

Мы с большим интересом слушали доклады. Несмотря на ряд существенных недостатков, в них правильно ставится и правильно разрешается вопрос. Удивляет однако тот факт, что некоторые товарищи в своих выступлениях горячо выступали против М. Г. Вахабова и А. Н. Нусупбекова, в то время как их выводы одинаковы с выводами Вахабова и Нусупбекова.

Товарищи! История азербайджанского народа, его борьба с внутренними и внешними врагами тесно связана с историей народов Средней Азии и Казахстана. Мне кажется, что будет небезинтересно, если я обращу внимание участников сессии на вопрос о формировании азербайджанской буржуазной нации.

Марксизм-ленинизм учит, что складывающиеся в эпоху подымающегося капитализма нации являются буржуазными нациями, ибо руководящей их силой является буржуазия и ее националистические партии. Классовый мир внутри нации ради «единства нации», расширение территории своей нации путем захвата чужих национальных территорий, недоверие и ненависть к чужим нациям, подавление национальных меньшинств, единый фронт с империализмом—таков идейный и социально-политический багаж буржуазных наций. Такова классическая характеристика буржуазных наций, данная И. В. Сталиным в работе «Национальный вопрос и ленинизм».

К сожалению, докладчики не раскрыли эту классическую характеристику буржуазных наций на примере узбекской и казахской буржуазных наций. Они увлеклись вопросом о развитии капитализма в Узбекистане и Казахстане, увлеклись трактовкой отдельных признаков наций, но классическую характеристику И. В. Сталина они не раскрыли.

Докладчики не показали классовой борьбы внутри узбекской и казахской буржуазных наций, не показали реакционной роли национальной буржуазии и тем самым обошли анализ социально-политического багажа узбекской и казахской буржуазных наций.

Вся история азербайджанского народа подтверждает, что азербайджанцы ко времени победы Октябрьской социалистической революции, в основном, уже сложились в буржуазную нацию. В конце XIX—начале XX вв. у азербайджанского народа сложились признаки, характеризующие буржуазную нацию, а именно—единый национальный язык, единая территория, общность, хотя и слабая, экономической жизни, общность психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры.

Говоря о складывании экономической общности азербайджанской буржуазной нации, конечно, нельзя отрицать, что дореволюционный Азербайджан представлял собой отсталую окраину царской России. В азербайджанской деревне господствовали отсталые патриархально-феодальные отношения.

Присоединение Азербайджана к России сыграло положительную роль в жизни азербайджанского народа, создало необходимые условия ликвидации экономической и политической раздробленности страны и ускорило процесс создания экономической общности азербайджанской буржуазной нации.

В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России», давая характеристику развитию капитализма на Кавказе, отмечал, что русский капитализм «...втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности—остаток старинной патриархальной замкнутости,—*создавал себе рынок* для своих фабрик»[1].

Большое значение для развития экономики Азербайджана имело проведение железных дорог, развитие пароходства, строительство шоссейных дорог.

В последней четверти прошлого столетия капитализм стал быстро развиваться в Закавказье. Особенно быстро он развивался в Баку—крупном промышленном центре. Баку, по выражению И. В. Сталина, был надстроен сверху усилиями Нобеля, Ротшильда, Вишау и др. Однако из этого указания И. В. Сталина не следует (как это считает М. Г. Вахабов), что Баку был оторван от остального Азербайджана. С развитием капитализма в Баку стали формироваться классы буржуазии и пролетариата. Такие представители азербайджанской буржуазии, как Тагиев, Муса Нагиев, Шамси Асадуллаев и другие, обладали крупными промыслами и предприятиями. В Баку уже в конце XIX в. имелся многотысячный отряд многонационального пролетариата. Из 61 000 бакинских пролетариев в начале XX в. азербайджанцы составляли более 41%.

Нужно отметить, что развитие капиталистических отношений в Азербайджане в целом протекало сравнительно с центральными губерниями России медленно.

И. В. Сталин, базируясь на глубоком знании общественных отношений Азербайджана, отмечал, что Азербайджан к моменту установления Советской власти являлся страной самых отсталых патриархально-феодальных отношений. Но в отдельных отраслях народного хозяйства Азербайджана все же имелся уже более или менее развитый капиталистический уклад. Даже если исключить Баку, где капиталистический уклад полностью господствовал, этот уклад был налицо также и в ряде отраслей сельского хозяйства Азербайджана. Правда, там он не являлся господствующим, но все же неуклонно развивался.

Говоря о развитии капиталистического уклада в Азербайджане в период господства патриархально-феодальных отношений, необходимо исходить из следующих обстоятельств:

а) Азербайджан находился в тесной экономической связи с Россией и все более вовлекался в общероссийский и мировой рынок;

б) в Баку была создана крупная капиталистическая нефтяная и некоторые другие отрасли промышленности; капитализм проникал и в сельское хозяйство Азербайджана;

в) разделение труда между отдельными районами Азербайджана не могло не подорвать вековую патриархально-феодальную замкнутость страны.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 521.

Эти обстоятельства в основном и определили складывание общности экономической жизни Азербайджана, явившейся важным признаком консолидации азербайджанцев в буржуазную нацию.

Таким образом, во второй половине XIX в. начался процесс консолидации азербайджанцев в буржуазную нацию. Центром консолидации был капиталистический Баку—промышленный и культурный центр Азербайджана.

Однако нельзя переоценить степени национальной консолидации азербайджанского народа. Неправильно было бы утверждать, что в Азербайджане, на базе капитализма, уже вполне сложилась до революции экономическая общность. Надо учитывать, что Азербайджан в целом еще не успел пройти стадию капиталистического развития. Вот почему к началу Великой Октябрьской социалистической революции азербайджанская буржуазная нация представляла собой молодую, незрелую, отсталую буржуазную нацию.

Важное значение при рассмотрении вопроса о консолидации азербайджанской буржуазной нации имеют указания И. В. Сталина об азербайджанской буржуазной нации, сделанные им в работах «Марксизм и национальный вопрос», «Национальный вопрос и ленинизм», «Марксизм и вопросы языкознания».

Всесторонняя характеристика буржуазных наций, данная Лениным и И. В. Сталиным, целиком и полностью относится и к азербайджанской буржуазной нации.

Азербайджанская буржуазия и ее национальная партия «Мусават» выступала с лживой проповедью «классового мира» внутри нации. Азербайджанская буржуазия с самого своего возникновения и вплоть до ее ликвидации в результате Октябрьской социалистической революции и победы социализма была контрреволюционной и реакционной. Будучи малочисленной и слабой, азербайджанская бржуазия всегда искала опору или в царизме, или же у турецкого султана. Азербайджанская буржуазия и ее националистическая партия выступала ярой защитницей царизма, иностранного империализма, иранского и турецкого деспотизма. Она культивировала буржуазный национализм, сеяла в народе недоверие и ненависть к другим нациям.

Азербайджанские большевики вели беспощадную борьбу против царизма, против азербайджанской буржуазии, они горячо проповедывали идею пролетарского интернационализма и дружбы народов.

Известно, что новые социалистические нации коренным образом отличаются от буржуазных наций. К сожалению, М. Г. Вахабов не показал коренного отличия социалистических наций от буржуазных, отчасти он смешал их закономерности.

В. В. РЕШЕТОВ

Доктор филологических наук

(Институт языка и литературы Академии Наук Узбекской ССР)

В своем обстоятельном докладе М. Г. Вахабов затронул вопросы узбекского языка в связи с формированием узбекской буржуазной нации. В принципе я лично не возражаю против основных положений доклада, однако считаю необходимым внести уточнения. Именно эти уточнения позволят более правильно понять действительное положение вещей.

Известно, что формирование узбекского народа протекало в очень сложных исторических условиях.

Правильное решение вопроса об узбекском языке невозможно без, всестороннего и тщательного изучения конкретно-исторических лингви-

стических данных. Между тем показания языка не всегда учитывались отдельными историками.

Отрадно, что докладчик уделил большое внимание вопросу узбекского языка и его диалектологии.

Однако в докладе М. Г. Вахабова нечетко разграничены такие понятия, как общенародный разговорный узбекский язык (я имею в виду письменный узбекский язык). Докладчик говорит: «узбекский язык до Великой Октябрьской революции хотя и получил значительное развитие, однако не достиг уровня единого национального языка. А процесс языковой консолидации, начавшийся в конце XIX в. среди узбеков Туркестана, не завершился».

О каком узбекском языке идет здесь речь? Я бы не хотел допустить мысли, что докладчик отрицает наличие общенародного разговорного узбекского языка национального значения в дооктябрьский период его существования.

Отрицать существование общенародного разговорного узбекского языка национального значения, конечно, нельзя. Такой язык был, имел свой грамматический строй, имел свой словарный фонд, который в основе своей сохраняется и в наши дни.

Сделаем небольшой экскурс в область истории, чтобы выводы мои были ясны. Должен предупредить, что к решению вопроса буду подходить с точки зрения тюрколога.

Если взглянуть на факты в историческом плане, то мы должны будем признать, что начало формирования ведущего языкового звена следует искать в промежутке между IX и XIV вв. По всей вероятности наиболее существенным в историко-лингвистическом отношении является караханидское время. Предшествовавшая ему династия саманидов не сыграла существенной роли в историческом прошлом узбекского языка. Представители династии караханидов не препятствовали проникновению тюркских родо-племенных групп, оседавших в различных местах Мавераннахра, а это приводило к накоплению тюркоязычного потенциала и способствовало консолидации тюркских родо-племенных групп.

Мощный приток тюркоязычных пополнений в караханидское время значительно изменил соотношение тюркских и инотюркских языковых элементов в Мавераннахре и предопределил более сложное языковое взаимодействие. Языковый контакт происходил не только между осевшими представителями различных тюркских родо-племенных групп, но между ними и иноязычными этническими элементами, являвшимися аборигенами страны. Однако тюркский языковый элемент выходил победителем, о чем убедительно свидетельствует устойчивость его грамматического строя и основного словарного фонда. Во всяком случае мы не располагаем примером появления новой языковой единицы, принципиально отличной по своему грамматическому строю от компонентов, вступивших в языковый контакт в силу длительного культурного и экономического симбиоза.

Процесс языкового взаимодействия уже на начальном этапе приводил к частичному внедрению элементов одной языковой общности в другую. Наиболее рельефно это выражено в словарном составе, поскольку лексика языка вообще наиболее чувствительна к различного рода изменениям.

Длительное господство арабов в Мавераннахре оставило значительный след в лексике, но арабский язык не повлиял на грамматический строй узбекского языка. Не произошло изменений и в фонетике: типично-арабские звуки не были усвоены общенародным узбекским языком, ведущее звено которого продолжало развиваться по внутренним законам своего развития, подчиняя арабские слова нормам родного языка.

Караханидское государство не представляло собою монолитной единицы ни в языковом, ни в этническом отношениях. Это был конгломерат тюркских племен, главную роль среди которых играли карлуки и чигили. Последние находились в тесном языковом контакте с населением Ферганы еще домонгольского периода. Известно, что представители этого племени занимали господствующее положение в Фергане в VIII в. Ведущая роль в караханидском союзе принадлежала и уйгурам.

При караханидах заметное развитие получило городское строительство. Города росли за счет оседания тюркских родо-племенных групп. Развивались различные виды кустарного производства, что приводило к зарождению элементов цехового строя, отголоски которого мы находим в узбекских рисола, бытующих и сейчас у представителей отдельных видов кустарного производства, особенно в районах Ферганской долины. В городах кипела оживленная по тому времени торговля с жителями сельских местностей. Не менее оживленная торговля велась с кочевой степью, доставлявшей городам продукты животноводства.

Все это вместе взятое способствовало расширению языкового общения и приводило к формированию элементов городской речи, в известной степени впитавшей в себя языковые черты отдельных тюркских родо-племенных групп, представители которых оседали в городах. Видимо, здесь и следует искать зачатки той языковой общности, которая уже в то время служила средством устного общения не только горожан между собою, но и последних с представителями кочевой степи. Этот процесс—процесс расширения языковых связей между городом и сельским населением, кочевой степью,—удачно подмечен Махмудом Кашгарским.

Махмуд Кашгарский подчеркивает, что на самом чистом тюркском языке говорят те племена, которые не знают другого языка и не привыкли к посещению городов. К ним он относит киргизов, ягузов, тухси, ягма, чигиль, эврак и джарук.

И дальше поясняет: «У знающих два языка и посещающих города в язык проникло смягчение, как, например, Сугдак, Кенджак и Аргу». Сугдак—согдийцы, население Согдианы; Кенджак—жители Восточного Туркестана.

Свидетельство Махмуда Кашгарского интересно для нас в двух отношениях: во-первых, автор «Дивана», довольно тонко подмечавший языковые особенности различных тюркских племен, определенно перечисляет племена, сохранившие типично-тюркские языковые особенности. Значительная часть перечисленных им племен составляла, как известно, ведущее звено караханидов.

Во-вторых, Махмуд Кашгарский не менее определенно указывает на наличие двуязычия и говорит о проникновении в язык посещающих города «смягчения». Последнее связано с зачатками утраты типично тюркской фонетической черты—сингармонизма, прежде всего в его лингвиально-сингармонистической части, предполагающей наличие контрастирующих пар в системе словообразовательных и словоизменительных морфологических показателей. Нет необходимости доказывать, что наличие «задних» вариантов аффиксов является характерной принадлежностью тюркских языков, а проникновение в язык «смягчения» предполагает разрушение палатальной аттракции. В связи с этим совершенно естественным кажется предположить, что тюркская часть городского населения говорила на языке с нарушением сингармонизма.

Анализ фактического материала по говорам узбекского языка убеждает нас в том, что сокращение лингвиально-сингармонистических чередований начинается в ряду гласных верхнего подъема в результате совпа-

дения негубных гласных И и Ы в одном звуке. Причины кроются в самой историко-фонетической эволюции, зачатки которой следует искать в конкретных исторических условиях формирования и развития языков, дошедших до нас в виде особой восточно-туркестанской группы, куда входят узбекский и уйгурский языки с их многочисленными говорами. Начало этого процесса относится к тому периоду, когда диалектные различия между отдельными языковыми группами были выражены менее резко в силу одинаковых условий их формирования и сохранения ими языковой общности. Диалектное обособление—выделение узкодиалектных признаков—наступило позднее. Да и диалектных различий было не так уж много, и они не имели существенного значения в коммуникации.

Городское население караханидской эпохи было весьма сложным в языковом отношении. В городах, как в своеобразной лингвистической лаборатории, в силу языковых контактов, формировался язык, в значительной степени отражавший в себе отдельные лингвистические показатели, являвшиеся характерными признаками тех тюркских родо-племенных групп, например, огузских, кыпчакских и др., представители которых оседали в городах. Общая ситуация городской жизни приводила к постепенной утрате типично-тюркских языковых черт, в частности сингармонизма, забвению родовых делений, а вместе с этим и родо-племенных наименований, продолжавших сохраняться у тех тюркских племен, которые вплоть до Великой Октябрьской революции были в стороне от городской жизни, ведя полукочевой или кочевой образ жизни.

В историко-лингвистическом плане сложение тюркской языковой общности, впоследствии легшей в основу языка узбекского народа, является результатом взаимодействия генетически родственных тюркских племен, языковые различия которых были тогда менее резко выражены, чем это мы наблюдаем сейчас между отдельными узбекскими говорами и диалектами. Рассматривать изначальный процесс формирования узбекского языка в таком сложном плане обязывают нас конкретные языковые факты и та историческая действительность, в условиях которой все это происходило.

Последующая эпоха в истории узбекского народа—эпоха господства в Мавераннахре монгольской династии Чагатая—не оказала существенного влияния на языковую общность, сложившуюся задолго до прихода монголов в Мавераннахр. Контакт с монгольскими племенами привел к некоторому увеличению монголоидных признаков и к оседанию в узбекском языке незначительного количества лексических элементов. Осевшие племена барласы и джалаиры в сравнительно короткое время ассимилировались, полностью утратив свое монгольское этнографическое целое. Мы не имеем в нашем распоряжении достаточно убедительных доказательств, чтобы назвать именем монгольской династии чагатаев язык, сложившийся задолго до прихода ее в Мавераннахр. И эта сложившаяся языковая общность была всего лишь усилена узбеками времен Абдул-Хайра и Шейбани.

Итак, та языковая общность, основа которой формировалась в караханидский период и которая в модифицированном виде дошла до нас, несомненно была средством языкового общения в широких масштабах. Основа этой языковой общности продолжает быть определяющей в наши дни и заслуживает всестороннего изучения в сравнительно-историческом плане. По линии языкового преемства она находится в генетическом родстве с уйгурским языком, составляющим вместе с ним восточно-туркестанскую линию развития. В этом убеждают нас лингвистические данные, останавливаться на которых, к сожалению, я сейчас не имею возможности. В этом убеждают нас новейшие исследования антропологов, прежде всего исследования проф. Л. В. Ошанина.

Карлуко-чигилийская языковая общность, впитавшая в себя часть огузских и кыпчакских элементов—вот та основа, которая явилась языковой подпочвой в истории становления основной массы узбекских говоров. И эта основа, повторяю, продолжает существовать и сейчас в качестве средства языкового общения узбекского народа.

Известную роль в формировании этой основы сыграли и многоязычные элементы, растворившиеся в этой языковой общности, оставив отпечаток и в языке, и в антропологическом типе.

Отрицать участие последних (в данном случае таджикских элементов) в этногенетическом процессе узбекского народа, значит, либо явно искажать узбекско-таджикские историко-культурные, историко-лингвистические и иные связи, либо быть сторонником вполне определенной политической идеологии, имя которой—пантюркизм.

Если взглянуть на исторически сложившуюся языковую общность с современной точки зрения, то нетрудно в ней усмотреть ферганскую и ташкентскую группы городских говоров. Ферганская диалектная основа закреплялась и в литературе. Имею в виду произведения замечательной плеяды узбекских поэтов-демократов—Махмура и Фурката, Мукими и Завки, и, наконец, Хамзы Хаким-заде. Отрицать это—значит, идти против фактов, идти в разрез с исторической действительностью.

Однако ферганская городская диалектная основа, закрепленная в произведениях поэтов-демократов, не смогла превратиться в литературный стандарт национального значения, поскольку в тот период в Туркестане не было надлежащих для этого предпосылок, на которые указал докладчик. Не было налицо той экономической ситуации, которая необходима для межрайонного языкового объединения данной территории.

Наличие двух ханств и Бухарского эмирата, продолжавших существовать и после присоединения Туркестана к России, способствовало не расширению языковых связей между отдельными районами ханств и эмирата, а экономической изолированности этих районов, что в свою очередь приводило к еще большей консервации диалектных черт. Не способствовал этому общий экономический уровень и локальный характер производства в ханствах и эмирате.

Диалектное разнообразие узбекского языка, устойчивость языковых особенностей говоров и диалектов, довольно туго поддающихся нивелировке и стандартизации, прослеживается и сейчас. Этим и воспользовались в свое время пантюркисты различных мастей и окрасок при разрешении вопросов языкового строительства в послеоктябрьский период развития узбекского языка.

Вместо того, чтобы принять в качестве литературного стандарта исторически сложившуюся и закрепленную в произведениях поэтов-демократов языковую основу, они пошли на различного рода ухищрения, с явной целью затормозить ход развития узбекского языка в советский период.

Достаточно напомнить о стремлении пантюркистов создать литературный узбекский язык на языке письменных памятников XIV—XV вв. Понадобилась им эта основа для того, чтобы доказать, что язык этих памятников является якобы общим литературным языком всех тюркоязычных народов Туркестанского края.

Позволю напомнить о деятельности «реформистов», предлагавших создать литературный узбекский язык на джекающей (кыпчакской) основе только потому, что эти говоры якобы наиболее многочисленны. С другой стороны, считали возможным допустить параллельное существование всех узбекских говоров в качестве письменных языков и, таким образом, дать возможность одному из них развиться и превратиться в

конце концов в общенациональный узбекский язык. В угоду пантюркистам узбекский литературный язык продолжительное время существовал на сингармонистической основе, исключавшей участие городских центров в формировании узбекского литературного языка. Игнорировалось именно то исторически сложившееся ведущее языковое звено, о котором сказано выше и которое, несмотря на различные домыслы пантюркистов и их приспешников, оказалось определяющим в наши дни. Никакие домыслы «реформистов» не устояли против действительности и не смогли направить по ложному пути развитие литературного узбекского языка. Основой литературного языка оказалось то, что исторически было предопределено.

Правильно определяет диалектную основу литературного узбекского языка в своем докладе и М. Г. Вахабов.

Основой литературного узбекского языка является ташкентско-ферганская группа городских говоров, генетически восходящая к языковой общности караханидского периода.

Однако хочу возразить, что Самарканд, о котором упоминает М. Г. Вахабов, в связи с решением вопроса об основе литературного стандарта национального значения в историко-лингвистическом плане, не был тюркоязычным. Не является Самарканд таковым и сейчас ни в статически-формальном отношении, ни по признаку материнского языка. Самарканд и Бухара—города с явно выраженным двуязычием, процесс билингвизма в которых начался сравнительно недавно. «Несмотря на существование в окрестных тюменях тюркского элемента,—писал покойный проф. М. С. Андреев,—в самой Бухаре даже в начале XX столетия городское население в массе еще не знало по-тюркски».

Самаркандско-бухарская группа говоров представляет интерес лишь в смысле изучения процессов взаимодействия двух принципиально-отличных языковых систем, если такая проблема окажется актуальной на данном этапе. Ни в историческом плане, ни в плане определения диалектной основы современного узбекского литературного языка данная группа говоров не имеет существенного значения, да и не может иметь в силу указанных причин.

В небольшом выступлении трудно обосновать все, что связано с определением общенародного узбекского языка национального значения и с установлением диалектной основы литературного стандарта, который сейчас нормирует литературную речь во всех районах Узбекистана.

Приходится сожалеть, что эта сложная проблема по существу выпала из поля зрения наших лингвистов. Этим частично объясняются и неточности, прослеживаемые в исторической литературе, особенно при решении вопросов этногенеза узбекского народа.

М. Н. КАБИРОВ

Кандидат исторических наук

(Академия Наук Казахской ССР)

Значение сессии не ограничивается интересами народов Средней Азии и Казахстана. Положительные результаты сессии нужны и другим народам. В частности, участвуя в работе сессии, мы становимся тверже в своих взглядах при изучении аналогичных вопросов истории уйгурского народа. И все же мы в претензии к организаторам сессии.

Дело в том, что на территории братских республик Средней Азии и Казахстана живут уйгуры. Бурное послеоктябрьское экономическое, политическое, культурное развитие уйгур неразрывно связано с развитием

и достижениями братских народов Средней Азии и Казахстана. Однако докладчики даже не упомянули об уйгурах.

Между тем, сравнительное изучение языка и культуры этих этнически, генетически и лингвистически тесно связанных народов тюркоязычной системы дало бы положительные результаты.

Изучение культурного наследия уйгурского народа—одного из древнейших народов Центральной Азии—явится ценным вкладом в историческую науку.

Надо иметь в виду, что изучение культуры уйгурского народа стало еще более необходимым в связи с установлением народно-демократического строя в Синьцзяне, где живет основная, пятимиллионная, автохтонная часть уйгуров, составляющая 80% жителей этой провинции Китайской Республики.

Пионерами изучения культуры уйгур были русские ученые: Бичурин, Валиханов, Радлов, Пржевальский, Бартольд, Малов и другие, но разработка вопросов культуры уйгурского народа, как и других братских народов нашей страны, приняла широкий размах лишь в годы Советской власти.

И все же до сих пор еще не появилось обобщенной истории уйгурского народа, которая охватила бы весь долгий путь его исторического развития. Мало того, многие этапы его становления слабо или совсем не изучены.

Попытаемся поставить вопрос о формировании уйгур в нацию.

Относительно сложения уйгур в нацию в литературе есть два мнения: первое—«уйгурский народ является самостоятельной нацией...», что «уйгуры древняя историческая нация...»[1], и второе—«советские уйгуры являются равноправной социалистической нацией»[2].

Эти точки зрения неверны. Уйгурский народ ни в глубокой древности, ни в последующее время не мог сложиться в «самостоятельную» нацию.

Трудность решения вопроса о формировании уйгур в нацию осложняется тем, что единый уйгурский народ в историческом прошлом оказался разделенным на две части: меньшая часть жила на территории России, большая часть—на территории Цинской империи, в силу чего политическое, экономическое и культурное развитие этих частей уйгурского народа протекало до самого последнего времени в совершенно различных условиях.

Составляет ли каждая из частей одного и того же народа «самостоятельную» буржуазную или социалистическую нацию? В порядке постановки вопроса остановимся сперва на истории становления советских уйгур.

В последней четверти XIX в. большая часть уйгур Илийского края (Синьцзян) переселилась добровольно на территорию России. Переселение явилось переломным моментом в истории этой части уйгурского народа.

С исторической точки зрения, поселение илийских уйгур в Семиречье (территория современного Казахстана) и последовавшее в связи с этим сближение данной части уйгурского народа с великим русским народом было, несомненно, фактом положительным, прогрессивным и в экономическом, и в культурном, и в социальном отношениях.

Борясь совместно с русским народом и другими народами России против царского и местного феодального гнета, эта часть уйгурского народа под руководством русского пролетариата добилась в октябре 1917 г. своего освобождения.

[1] К. Хасанов, Журн. «Казах-Эли», 1947, Алма-Ата, № 3—4, 5—6, 10.
[2] М. Рузиев, Журн. «Новая жизнь», 1953, № 12.

Плодами Великой Октябрьской революции пользуются и уйгуры Узбекистана и Киргизии. Однако история поселения уйгуров Узбекистана и Киргизии несколько иная. Здесь обосновалась главным образом уйгурская беднота—отходники.

Как известно, уйгуры Восточного Туркестана с древнейших времен общаются с народами Средней Азии и Казахстана. При этом культурно-экономическое общение уйгур Восточного Туркестана с народами Средней Азии в XVIII—XIX вв. приняло особый характер.

В связи с захватом Восточного Туркестана Цинской династией и усилением гнета значительная часть обезземеленных крестьян—беднота Кашгара, Яркенда и других городов—целыми партиями покидала свою родину, уходя на заработки в Среднюю Азию. Приток уйгурской бедноты в Среднюю Азию особенно усилился в последней четверти XIX в. Объясняется это тем, что к этому периоду Средняя Азия вошла в состав России и, в связи с последовавшим за этим развитием капиталистических отношений, стала выходить из феодального застоя, что требовало свободных рабочих рук. Так возник ряд районов в Узбекистане и Киргизии с преобладающим уйгурским населением, численностью до 250 тысяч человек, из коих около 100 тысяч в Узбекистане, остальная часть—в Киргизии и Туркмении.

Уйгуры-эмигранты не сформировались и не могли сформироваться в буржуазную нацию. Почему? Прежде всего потому, что мы не можем рассматривать их становление изолированно, в отрыве от основной части уйгурского народа—уйгур Синьцзяна. К тому же они жили разрозненно в Средней Азии и Казахстане. У них не было общности территории—одного из непременных элементов образования нации, а ведь достаточно отсутствия хотя бы одного из четырех элементов, чтобы нация не смогла сформироваться.

Возьмем уйгур Семиречья. В 1882—1885 гг. они основали здесь город Джаркент и около 80 других населенных пунктов, превратив пустынные участки тогдашнего Семиречья в цветущие оазисы.

«В кульджинских переселенцах,—писала газета «Новое время»,—мы встретили людей труда, трезвой и честной жизни. В экономическом смысле они представляют значительную производительную силу. Огромные равнины, оставшиеся с древних времен пустынными..., теперь как бы ожили от векового сна и превратились в цветущие нивы. Там в настоящее время вы видите все сокровища земледельческой культуры: селения, оживление, присутствие народа, зеленеющие яркою, почти тропическою зеленью сады, манящие вас под благодатную тень»[1].

В экономическом отношении прогрессивное значение переселения уйгур в Семиречье, т. е. пребывание их в составе России, заключается и в том, что оно положило начало ликвидации феодально-крепостнических отношений, существовавших в Илийском крае.

Процесс социального расслоения уйгур привел к возникновению новых классов, к обострению классовых противоречий. Классовые противоречия внутри уйгурского общества привели к сближению трудящихся русских селений, где многие русские переселенцы не могли получить землю. Безземельный русский крестьянин так же, как и дехканин-уйгур, испытывал в одинаковой мере жестокую эксплуатацию кулаков-баев. Общие интересы борьбы с эксплуататорами все более объединяли трудящихся переселенцев. Особенно велика была общность интересов среди их пролетаризованных слоев.

С другой стороны, усиленно шел процесс обогащения небольшой зажиточной части уйгур Семиречья—феодалов и баев. Так, например, ка-

[1] Газета «Новое время», 1900 г., 22 июня, № 8764.

питал купца-предпринимателя Юлдашева к концу XIX в. дошел до 5 миллионов рублей; Юлдашев стал вкладывать свой капиталы в промышленность.

Таким образом, как видим, и у уйгур Семиречья шел процесс постепенного разложения феодальных общественных отношений и развития капиталистического способа производства.

И все же уйгуры Семиречья не сложились и не могли сложиться в буржуазную нацию, ибо нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма. Буржуазные нации складывались в процесс ликвидации феодализма и установления капитализма. У уйгур же продолжали господствовать феодальные отношения.

Своей промышленной буржуазии у уйгур Семиречья почти не было. Что же касается миллионера Юлдашева, то он нажил свой капитал главным образом на поставках хлеба, фуража и мяса в войска, а также путем жестокой феодальной эксплуатации односельчан. Опираясь на царские законы, Юлдашев использовал еще господствовавшие у уйгур феодальные отношения и, как прежде, оказывал «благодеяние» своим односельчанам, а не нанимал их на работу. «Своему же человеку» он мог и не платить за его труд. Такой работник получал пищу и в большие праздники по 5 метров ситца для своей семьи. Так обезземеленные бедняки превращались в зависимых от феодала людей.

Таким образом, купцы, которые ворочали огромными капиталами, по существу оставались феодалами, а дехкане Джаркентского участка—зависимыми от них людьми.

Не было у уйгур Семиречья и класса пролетариев. Что же касается обезземеленных крестьян, о которых мы уже говорили, то основная их часть батрачила у местных кулаков и баев, меньшая часть занималась отходничеством и еще меньшая часть—несколько сот рабочих—работала на фабриках и заводах купцов первой гильдии.

Нам думается, этих фактов вполне достаточно, чтобы сказать, что уйгуры Семиречья не могли сформироваться в буржуазную нацию.

«Дело в том, что целый ряд главным образом тюркских народностей—их около 25 миллионов—не прошли, не успели пройти периода промышленного капитализма, не имеют поэтому, или почти не имеют промышленного пролетариата, ввиду чего им приходится... перейти в стадию советского хозяйства, минуя промышленный капитализм»[1].

Так и совершилось. Уйгуры Семиречья в числе других отсталых тюркских народов перешли, минуя мучительную стадию капиталистического развития, в стадию советского хозяйства. Ныне они ничем не отличаются в культурном отношении от других народов Средней Азии и Казахстана. Вместе с ними в братской семье народов Советского Союза они строили социализм, защищали свою отчизну в годы Великой Отечественной войны, вместе с ними идут они теперь к коммунизму.

Успешное развитие уйгур Казахстана осуществляется благодаря установлению тесных, постоянных связей уйгур с русским рабочим классом, с русской социалистической нацией, с казахским рабочим классом, с казахской социалистической нацией.

Экономика и культура советских уйгур будет развиваться и далее в единой семье народов нашей страны. Что же касается их национального оформления, то этот вопрос разрешится лишь в неразрывной связи с развитием основной пятимиллионной массы зарубежных уйгур.

Нет сомнения в том, что уйгуры Синьцзяна, минуя стадию капиталистического развития, сформируются в социалистическую нацию. Залогом этого является осуществление Коммунистической партией Китая ленинско-сталинской национальной политики.

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 5 стр. 47

Р. АБДУШУКУРОВ

Кандидат исторических наук

(Ташкентский Фармацевтический институт)

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ УЗБЕКСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

В результате Великой Октябрьской социалистической революции, благодаря осуществлению ленинско-сталинской национальной политики Коммунистической партии, узбекский народ, минуя капиталистическую стадию развития, преобразовался в ходе своего развития к социализму в советскую нацию, которая, как и все народы Средней Азии, достигла с братской помощью великого русского народа исторических успехов в создании советской государственности, в развитии экономики и культуры—социалистической по содержанию, национальной по форме.

Узбекский народ представлял собой до Октябрьской революции отсталую нацию, возникшую с появлением капитализма с его противоположными классами—классом узбекской буржуазии с ее идеологией буржуазного национализма, и классом пролетариев с его идеологией пролетарского интернационализма. Коммунизму пришлось вести длительную, упорную и решительную борьбу с идеологией буржуазного национализма. Возникновение коммунистической партии Узбекистана, ее кристаллизация и развитие проходили под руководством ЦК РКП(б) в борьбе с узбекским буржуазным национализмом, являющимся главным врагом на пути победы коммунизма в Узбекистане. Национализм играл здесь ту же роль, какую играл меньшевизм в России.

Существование узбекского народа перед Октябрьским переворотом, как в основном сложившейся нации, было одним из плодотворных результатов присоединения Средней Азии к России, являвшегося исключительно важным прогрессивным переломным этапом в истории узбекского народа и всех народов Туркестана.

Россия становилась в то время передовым отрядом революционного движения во всем мире и родиной ленинизма. Если бы Средняя Азия не присоединилась к России,—узбекский народ и все народы Туркестана оказались бы в стороне от общедемократического и социалистического движения, продолжали бы находиться не только под гнетом местных феодалов, но и превратились бы в рабов английского империализма.

Присоединение народов Средней Азии к великому русскому народу было подготовлено всем ходом их исторического развития и отвечало их коренным интересам.

До сего времени в вопросе о формировании узбеков в нацию существовало два мнения. К. Е. Житов, Х. Т. Турсунов и другие считают, что перед Октябрьским переворотом узбеки являлись народностью, что они пришли к советскому строю, минуя стадию национального оформления вообще, что они оформились в нацию в 1924 г.

В качестве одного из аргументов, якобы подтверждающих правильность этого мнения, они указывают на отсутствие у узбеков до Октябрьской революции национальной государственности. В качестве другого аргумента они указывают на переход узбекского народа к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Они утверждают, что вековая экономическая, политическая и культурная отсталость узбекского народа тормозила процесс формирования его в нацию.

Этого тезис содержится в работе К. Житова и В. Непомнина «Огколониального рабства к социализму» (стр. 73), в статье «Ленин и

Сталин—создатели Узбекской Советской государственности» (газета «Правда Востока» 18/XI—1949 г). и в работах других историков.

Мнение это является результатом неправильного понимания вопроса о некапиталистическом пути развития.

В противоположность указанному мнению, существует другое мнение, исходящее из работ И. В. Сталина. Исходя из указаний И. В. Сталина на совещании в Среднеазиатском университете еще в декабре 1950 г., я высказал мнение, о котором сейчас говорили в своих выступлениях отдельные товарищи, в частности А. А. Аминов. Кроме того, на Краевом совещании в ЦК КП Уз, посвященном обсуждению макета 1 тома истории философии в марте 1951 г., мною было сказано, что узбеки перед Октябрьским переворотом были не народностью, а нацией, процесс оформления которой не завершился. Эта точка зрения была высказана мною также и на дискуссии историков в Ташкенте в апреле того же года. Против этого мнения выступали в порядке борьбы мнений сторонники первого взгляда К. Е. Житов, А. Аминов и другие.

По моему мнению, К. Е. Житов придерживается ошибочной точки зрения в вопросе о некапиталистическом пути развития. Как, известно, марксизм-ленинизм учит, что «...с появлением капитализма, с ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национального рынка народности развились в нации»[1]. Это является важнейшей характерной чертой процесса формирования всех буржуазных наций.

Русская буржуазная нация сложилась и существовала до отмены крепостного права в России. Она возникла и сложилась с появлением капитализма, образованием национального рынка, ликвидацией феодальной раздробленности, когда капитализм был лишь укладом внутри господствовавших тогда в России феодальных отношений.

Процесс формирования буржуазных наций в Англии проходил в конце XVI и начале XVII вв., во Франции—в XVII—XVIII вв. с появлением капитализма, ликвидацией феодальной раздробленности и образованием национального рынка, когда капитализм был укладом внутри господствовавших в этих странах феодальных отношений.

Спрашивается, формировались ли основные признаки нации у узбеков до Октябрьского переворота?

Для выяснения этого вопроса рассмотрим каждый из признаков в отдельности.

Общность территории. Конечно, элементы нации—язык, культура и другие—у узбеков так же, как и у других народов, создавались исподволь, еще до присоединения Узбекистана к России. Но эти элементы нации, имевшиеся у узбеков в докапиталистических условиях, представляли в лучшем случае лишь потенцию в смысле возможности образования нации в будущем при благоприятных условиях. Таким благоприятным условием для превращения потенциальной возможности образования у узбеков нации в действительности явилось присоединение Средней Азии к России.

Некоторые наши историки становятся на ошибочную и раскритикованную И. В. Сталиным позицию Мешкова, Ковальчука и других, пытавшихся ввести в определение наций пятый признак, несмотря на то, что национальное государство не является признаком нации и создание его не обязательно для формирования нации.

Нация может формироваться и даже пережить период своего расцвета, как это было, например, с грузинами в России, чехами в пределах Австро-Венгрии, без наличия национальной государственности. Общность

1 И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.

территории у узбеков стала создаваться после присоединения к России и благодаря ему.

Присоединение Узбекистана к России избавило узбекский народ и все народы Средней Азии от междоусобных феодальных войн, происходивших между Кокандским, Хивинским, Бухарским ханствами и внутри них. После присоединения Кокандское ханство было ликвидировано и образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Бухара и Хива были включены в таможенную черту Российской империи. Узбекистан был полностью включен в состав России. Это привело к ликвидации таможен на границах Бухарского и Хивинского ханств, к ликвидации их экономической и политической самостоятельности.

Ханства были превращены в вассалов царизма и подчинялись Туркестанскому генерал-губернаторству. Это означает, что благодаря присоединению Средней Азии к России, у узбекского народа создалась территориальная общность, являющаяся одним из признаков нации.

Общность экономической жизни. В результате присоединения колониального Туркестана в узбекском обществе постепенно стали зарождаться капиталистические элементы, развитие которых привело к появлению капитализма, ликвидации феодальной раздробленности и образованию национального рынка.

Построенные и сданные в эксплуатацию Закаспийская, Оренбургско-Ташкентская железные дороги и новые железнодорожные линии—Коканд—Наманган—Андижан—Джалал-Абад, Каган—Термез, во-первых, открывали Среднюю Азию для русского и иностранного капитализма, способствовали его проникновению в Узбекистан; во-вторых, способствовали развитию капитализма в Туркестане как уклада и возникновению наряду с ранее существовавшими городами новых экономических и культурных центров; в-третьих, железнодорожные линии способствовали хозяйственному сближению Узбекистана с Россией, соединению его с главными рынками, укреплению внутренних экономических связей.

Установленная между различными городами Узбекистана и Ташкентом, с одной стороны, и Центральной Россией, с другой—железнодорожная связь сыграла положительную роль в ликвидации изолированности отдельных областей Узбекистана, в формировании территориальной общности узбеков, хозяйственных и торговых, культурных и других отношений, в усилении обмена между населением различных областей Узбекистана, в росте товарного обращения, в концентрации небольших местных рынков в национальный рынок, в создании капиталистических промышленных предприятий в Узбекистане.

В Узбекистане к 1914 г. имелось 500 промышленных предприятий (из них 210—хлопкоочистительных и маслобойных заводов), принадлежавших не только русским капиталистам, но и узбекской буржуазии, вроде Ходжаева, Сали Ягчи, Арабоза и др.

Промышленность Узбекистана развивалась наиболее быстрыми темпами в Ташкентской и Самаркандской областях и в Ферганской долине, населенных главным образом узбеками.

Почти вся промышленность дооктябрьского периода находилась в этих трех коренных областях. В 1915 г. в Ферганской долине было выработано 70% всего хлопка-сырца, 93% хлопкового масла и 68% валовой продукции всей промышленности Узбекистана. Стоимость промышленной продукции Ферганской долины выросла за время с 1908 по 1913 гг. на 69%, а в Самаркандской области—на 74%.

Капиталистические отношения проникали в сельское хозяйство указанных областей Узбекистана. Процесс специализации сельского хозяйства Узбекистана шел в направлении развития капиталистического производства хлопка.

Перед первой мировой войной 413,5 тыс. *га* площади под хлопчатником по Узбекистану распределялось следующим образом: Ферганская долина—264,0 тыс. *га*, Ташкентская область—54,0 тыс. *га*, Самаркандская область—25,5 тыс. *га*, Бухарская область (вместе с Кашка-Дарьинской и Сурхан-Дарьинской областями)—40,0 тыс. *га*, Хорезмская область—18,5 тыс. *га*, Кара-Калпакская —10,4 тыс. *га*. Из этого видно, что около $^2/_3$ посевных площадей хлопка были сосредоточены в Ферганской долине, за ней шли Сыр-Дарьинская (ныне Ташкентская) и Самаркандская области.

Характерным явлением в этот период в тех же областях Узбекистана было и развитие финансового капитала, принявшего здесь форму ростовщического капитала и усилившего гнет трудящихся масс населения. В Узбекистане существовало до 40 банков. Они стали во главе кредитования местного населения, являвшегося непосредственным производителем хлопка.

Сельскохозяйственное население указанных трех областей Узбекистана, втянутое в орбиту капиталистических отношений, предъявляло все больший и больший спрос на денежный капитал. Например, кредитные товарищества Ферганской долины выдали в течение 1914—1915 гг. в кредит мелкими суммами около 4 млн. рублей, в то время как потребность населения составляла более 40 млн. рублей.

Этот факт говорит о том, что развитие сельского хозяйства трех коренных областей дооктябрьского Узбекистана, в особенности его хлопководства, вступило в полосу капиталистического развития.

В. И. СТОЛЯРОВ

Кандидат исторических наук

(Бухарский государственный педагогический институт)

В своем докладе М. Г. Вахабов говорит не об Узбекистане, а только о Туркестане. Такие районы, как Хива, Бухара, у него совершенно выпадают. Впрочем, в интересах истины нужно сказать, что один раз он о них вспоминает. Когда нужно было показать территориальную разобщенность, он говорил, что есть Хива, есть Бухара и Северный Афганистан. Во всех других вопросах докладчик от этого уходит. Эта неточность привела к тому, что он не мог правильно построить свой доклад.

Чтобы доказать свою точку зрения, ему потребовалось принизить роль развития капитализма в сфере промышленности, сельского хозяйства и торговли в Туркестане. Это потребовалось ему для того, чтобы его не опровергли, как это сделали вчера выступавшие с цифрами и фактами в руках.

Но эта идея не принадлежит М. Г. Вахабову. Это идея Института истории и археологии Академии Наук УзССР, ибо когда Институт пишет «Историю Узбекистана», он обязательно Бухару и Хиву старается описать в сносках, примечаниях и, в лучшем случае, в обзорной странице. По этому по существу это не история Туркестана.

В особенности досадно то обстоятельство, что, не замечая этого, М. Г. Вахабов выступает вопреки строго определенному указанию Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина о прогрессивной роли российского капитализма в Средней Азии, роли железных дорог, в особенности когда дело идет о новых русских городах, когда дело идет о новых видах промышленности. В конечном итоге это приводит докладчика к крупной политической ошибке (как и составителей истории Узбекистана)—к отрицанию или, во всяком случае, к принижению прогрессивной роли присоединения Средней Азии к России.

Ввиду этого совершенно резонно А. А. Аминов буквально сбил докладчика с ног тем, что доказал, что в Туркестане добывалось около 2 млн. пудов нефти, 12 млн. пудов угля и т. д., что, казалось бы, только усилило точку зрения М. Г. Вахабова, если бы он правильно подошел к решению вопроса. Правда, В. А. Аминов забыл, очевидно, показать, что это искусственное насаждение капитализма не усиливало формирования узбекской буржуазной нации.

Напоминаю известные слова из произведения И. В. Сталина, где он говорит: «Баку вырос не из недр Азербайджана, а надстроен сверху, усилиями Нобеля, Ротшильда, Вишау и др. Что касается самого Азербайджана, то он является страной самых отсталых патриархально-феодальных отношений. Поэтому Азербайджан в целом я отношу к той группе окраин, которые не прошли капитализма и к которым необходимо применить своеобразные методы втягивания этих окраин в русло советского хозяйства»[1].

И. В. Сталин пишет: «Никто не может отрицать, что нынешние социалистические нации в Советском Союзе—русская, украинская, белорусская, татарская... узбекская... и другие нации коренным образом отличаются от соответствующих старых, буржуазных наций в старой России как по своему классовому составу и духовному облику, так и по... устремлениям»[2].

На эту цитату ссылаются все, кто старается доказать, что узбекская нация сложилась как буржуазная нация до Великой Октябрьской социалистической революции.

Дело в том, что И. В. Сталин говорит об этом для того, чтобы показать, что интересы народов царской России целиком и полностью отличались от интересов и запросов советских наций.

Мог ли это положение осветить докладчик? Безусловно мог, потому что это проще простого.

А это привело к ошибкам и противоречиям. Например, М. Г. Вахабов доказывает, что узбеки были территориально разобщены на четыре государственных образования.

Разве это является препятствием образования буржуазной нации?

Дальше. Возьмем такую старую буржуазную нацию, как армянская. Существует турецкая и советская Армения. Разве это мешало нации стать буржуазной нацией до Октябрьской революции? Нисколько.

Этих доказательств М. Г. Вахабов избегает, но его противники наносят чувствительные удары по его точке зрения.

Говоря о единстве языка, М. Г. Вахабов и здесь не дошел до конца. В Хивинском ханстве государственным языком был узбекский и там есть все четыре признака нации. Но об этом не говорилось.

В Бухарском ханстве официальным языком был таджикский язык, в Туркестане официальным языком был русский язык. И что же из того? Где же сказано, что государственным языком, существовавшим на данной территории, определяется нация? Никогда этого не было сказано, полагаю, что и не будет сказано.

А между тем, оставался один шаг, чтобы договориться, что у узбеков не было общего языка в 1917 г., а в 1918 г. появился общий узбекский язык.

Все это я говорю для того, чтобы показать, что когда теряют остроту политической, партийной постановке вопроса, тогда неизбежно вопрос запутывают, тогда неизбежно появляются разноречивые выступления.

Почему все-таки мы не можем считать, что процесс превращения узбекской нации в буржуазную нацию не закончился?

---

1 И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 47.
2 И. В. Сталин, Соч., т. 11, стр. 339—340.

Буду говорить по пунктам:

1. Никто не отрицает того факта, ни сторонники, ни противники постановки вопроса, что промышленность не занимала большую долю в народном хозяйстве Туркестана. Никто не отрицает того факта, что промышленность, расположенная на территории Узбекистана, имела колоссальные феодальные пережитки. Кстати говоря, тов. Вахабову это не дает права выбирать такие цитаты для доклада, которые доказывали бы, что не сформировался рабочий класс, а у М. Г. Вахабова получается, что в Туркестане были только одни сезонные рабочие. А кто же тогда совершил Октябрьскую социалистическую революцию? Мы же говорили не о 60-х годах, а о периоде до Великой Октябрьской революции включительно.

Таким образом, промышленность главной роли в народном хозяйстве не играла. Что же являлось главным? Главным ядром хозяйства являлось сельское хозяйство.

2. В связи с тем, что сельское хозяйство являлось сырьевым придатком российской промышленности, сельское хозяйство в смысле культуры быстро развивалось, производились наиболее доходные виды сельскохозяйственной продукции—хлопок, была выведена наиболее доходная грена, был выведен наиболее урожайный тут, была организована Ташкентская сельскохозяйственная опытная станция, составлено руководство по хлопку на узбекском языке, было развито в широких размерах пчеловодство. Но это не было, строго говоря, капиталистическим производством. Ведь капиталистическое производство определяется вольнонаемным трудом и орудиями труда. А орудия труда были отсталые, дофеодальные: омач, кетмень.

Ведь за исключением государева имения Мургаб в Голодной Степи, сельскохозяйственные усовершенствованные орудия фактически нигде не распространялись. Это обстоятельство как раз и доказывает незавершенность развития капитализма.

Мы, трактуя развитие капитализма в сельском хозяйстве, говорим: вот вольнонаемный труд, вот помещичьи владения, вот паровые мельницы, косилки, жатки и прочее. К сожалению, этого нельзя сказать об Узбекистане.

3. Землепользование было также полуфеодального типа. Отсутствовали крупные капиталистические хозяйства. Дальше—издольничество. Разве это является показателем капиталистического сельского хозяйства? Нет.

4. Отсутствие буржуазных юридических правовых норм при чрезвычайно сильном влиянии реакционного мусульманского духовенства.

5. Отсутствие самостоятельной буржуазии, способной вести борьбу с феодализмом. Джадиды не могут считаться серьезной силой, которая способна была сыграть большую роль в экономической и политической жизни народов Средней Азии.

Ввиду этого нельзя считать, что узбекская нация до Великой Октябрьской социалистической революции сложилась в буржуазную нацию. Все условия были, она складывалась; но этот процесс не завершился.

И. П. ЭЙДЕЛЬМАН

Кандидат исторических наук

(Ташкентский институт иностранных языков)

Правильное решение вопроса о формировании узбекской буржуазной нации может быть найдено на основе точного определения характера и особенностей капиталистического развития Узбекистана после присоединения Средней Азии к России.

М. Г. Вахабов в своем докладе признает, что узбекский народ вступил в полосу национального оформления после присоединения Средней Азии к России, но считает; что к моменту Октябрьской социалистической революции процесс сложения в буржуазную нацию не завершился. Но это положение он сам опровергает всей своей аргументацией, всеми своими положениями, доказывая, что ни одного из признаков нации у узбеков не было до революции.

Но при отсутствии необходимых для оформления нации признаков процесс формирования нации не только не может быть завершен, но и не может быть начат. Не может тот или другой народ вступить в стадию национального оформления, пока нет тех объективных условий, которые приводят к складыванию людей в нации.

М. Г. Вахабов заявляет, что до революции ни национального рынка, ни экономических центров у узбеков еще не было, то есть отрицает наличие до революции экономической основы образования нации. Всем известно; что экономической основой образования буржуазной нации является стихийно развивающийся капиталистический рынок. Но если это отрицается, то отрицается и начало процесса оформления буржуазной нации.

Надо сказать несколько слов и по поводу выступлений по докладу. Некоторые ораторы, правильно критикуя М. Г. Вахабова, сами допускают уклон в другую сторону—стремясь преувеличить развитие промышленного капитализма в Узбекистане. Следует напомнить, что в докладе на X съезде партии по вопросу об очередных задачах партии в национальном вопросе И. В. Сталин говорил, что около 25 миллионов, главным образом, тюркских народностей не успели пройти стадию промышленного капитализма, а поэтому они не имеют или почти не имеют промышленного пролетариата.

Значит ли это, что капиталистического развития в Узбекистане вообще не было, что здесь были только феодальные отношения? Нет, не значит. Господствующей формой хозяйства был феодализм, но отсюда не следует, что капитализма не существовало. Наряду с феодальной собственностью складывалась, под влиянием капиталистической России, и капиталистическая собственность, капиталистический уклад. Нельзя совершенно отрицать капиталистическое развитие в Узбекистане. Если совершенно отрицать капиталистическое развитие в Узбекистане, то бессмысленно говорить о формировании буржуазной нации.

Как указывал В. И. Ленин, нации—неизбежный продукт и неизбежная форма буржуазной эпохи общественного развития.

Началась ли буржуазная эпоха общественного развития в Узбекистане? Началась. С конца XIX в. и особенно с начала XX в. капиталистическое развитие принимает широкие размеры в сельском хозяйстве Узбекистана в связи с ростом русской текстильной промышленности, заинтересованной в расширении хлопковой базы. Вот почему характер капиталистического развития в Узбекитсане определялся интересами метрополии.

Приведу некоторые данные. Только с 1865 по 1910 гг. потребность текстильной промышленности в хлопке возросла в десять раз. Во столько же раз увеличилось производство хлопка в Узбекистане.

Русские текстильщики-фабриканты были заинтересованы в получении дешевого хлопка из Узбекистана, вместо дорогостоящего американского хлопка. Посевная площадь под хлопчатником в Узбекистане в 1916 г. составляла 533 тыс. десятин, или 28% всей поливной площади Узбекистана. По Ферганской области в 1884 г. посевная площадь составляла 34 тыс. десятин, а в 1916 г. уже 348 тыс. десятин. В отдельных районах было не 34,9% посевной площади хлопчатника, как указывает

М. Г. Вахабов а по всей Ферганской области в 1915 г. посевная площадь, занятая под хлопком, доходила до 50% всей поливной площади[1].

Появились специализированные сельскохозяйственные районы. В районе Ассаке площади под хлопчатником за время с 1894 по 1914 гг. выросли с 33 до 67% всей поливной площади[2].

Имеет ли значение для разбираемого нами сейчас вопроса правильное установление данных о росте посевов хлопка? Имеет. Насколько влияло расширение хлопководства, рост товарных отношений и создававшийся внутренний рынок в Туркестане на все остальные стороны жизни и быта народов Туркестана,—видно из процесса разложения кочевого хозяйства. Академик В. В. Бартольд в работе «История культурной жизни Туркестана» указывает, что кочевое население Туркестана с 1867 по 1917 г. уменьшилось с 84 до 30% общего числа населения Туркестана.

Развитие хлопководства определило характер процессов, происходивших в дореволюционном кишлаке. Высокий процент хлопковых посевов указывает на возросшую товарность сельского хозяйства, усилившую расслоение кишлака.

Всем известно положение И. В. Сталина, что товарное производство превращается в капиталистическое, когда появляется частная собственность на средства производства, а рабочая сила выступает на рынке, как товар.

Разорение мелкого производителя превращало его в наемного рабочего-мардикера. В дореволюционном Узбекистане было 1200 тыс. безземельных батраков, бедняков, подвергавшихся жесточайшей эксплуатации.

Под влиянием широкого внедрения культуры хлопка и усиления проникновения капитализма в сельское хозяйство Узбекистана, общинная форма землепользования все больше уступает место подворно-участковой. Земельные переделы прекращаются.

Те, кто хочет отговориться тем, что процессы капиталистического развития России не имеют прямого отношения к процессам, происходившим в Узбекистане,—совершено неправы. Вот, например столыпинское аграрное законодательство.

Оказало ли оно влияние на развитие сельского хозяйства Туркестана в целом и Узбекистана в частности? Конечно. Вспомним хотя бы переселенческую политику. Она касалась и Туркестана,—правда больше всего скотоводческих районов, но в известной мере и земледельческих районов: в Ферганской области некоторая часть земли (около 70 тыс. дес.) была также выделена под переселенческие поселки.

Разорение мелких собственников и продажа ими своей земли вела к концентрации крупной земельной собственности на одном полюсе и к появлению безземельного сельскохозяйственного пролетариата и бедноты—на другом. Факт, что в 1912 г. в Ферганской области, именно там, где больше всего было развито хлопководство, было 30% безземельных хозяйств.

Приведу группировку хозяйств в Ферганской области по количеству земли: количество хозяйств с землей в размере до 0,47 десятины составляло 51% всех хозяйств; с количеством земли до 1,9 десятины—33%. Эти две группы имели 33% всего земельного фонда. А 3,5% байских и помещичьих хозяйств, которые владели землей в размере от 10 десятин и выше, имело 31% всей земли, т. е. почти столько же, сколько 84% основной массы хозяйств Ферганской области.

Подворное обследование 3925 хозяйств Андижанского и Маргеланского уездов в 1915 г. показало, что 32% хозяйств не имело ни лошадей, ни коров.

А как распределялась вода, это необходимое средство производства при поливном земледелии?

Вода распределялась таким образом, что на долю бедняков приходилось значительно меньше воды, чем на долю кулацкой части. Например, в Китабском районе за поливной сезон бедняцкое хозяйство получало 1 229 *м*³ воды, середняцкое—16 153, кулацкое—47 594 *м*.

К этому нужно добавить беззастенчивое ограбление дехкан кредитованием. Это известно, этого не отрицал даже «Бюллетень Коканского биржевого комитета», в котором писалось, что по отпускаемым кредитам бралось до 50 годовых процентов, принимая вид настоящей спекуляции и ограбления дехкан.

Можно ли обходить эти факты, желая выяснить вопрос относительно создания экономической общности в Узбекистане? Нельзя.

Из приведенных выше данных видно, что в рассматриваемый нами период капитализм пустил глубокие корни в сельское хозяйство Узбекистана, хотя господствующей формой землевладения была феодальная.

Царизм удерживал Узбекистан на положении поставщика всякого рода сырья, которое перерабатывалось в центре. Тормозя развитие промышленности на территории Узбекистана, царизм превращал Узбекистан в аграрно-сырьевой придаток царской России, в рынок сбыта своих товаров.

Не буду касаться промышленного развития и торговли, об этом хорошо говорили выступавшие до меня. М. Г. Вахабов неправ, заявляя, что до Октябрьской социалистической революции местная мелкая кустарная промышленность еще играла решающую роль. На самом деле местное кустарное производство, например, Ферганской области, в 1890—1896 гг. сократилось на 50%, а к 1913 г. не играло почти никакой роли.

Вассальное положение отдельных ханств (Бухара и Хива) не меняет общую картину. Они также втягивались в торговые отношения и связи; их политическая и экономическая независимость была формальной. Так, например, в 1895 г. Бухара была включена в таможенную черту Российской империи.

Огромное влияние на образование внутреннего рынка оказало строительство железных дорог в конце XIX и начале XX столетий.

Таким образом, с присоединением Средней Азии к России началось развитие капиталистических отношений, образовался среднеазиатский и узбекистанский рынок, который Россия все больше втягивала в мировую торговлю. Среднеазиатский рынок становится частью общероссийского рынка, подчиняясь его требованиям.

Таким образом, основное экономическое условие формирования узбекской нации—образование национального рынка—существовало.

Территориальную общность докладчик смешивает с политико-географическим разграничением между отдельными районами. Ведь о территориальной общности И. В. Сталин говорит как об устойчивой общности, складывающейся на протяжении большого промежутка времени.

М. Г. Вахабов смешивает культурный письменный язык с народно-разговорным. Когда И. В. Сталин в своем классическом труде «Марксизм и национальный вопрос» говорит о языке как об одном из основных признаков нации, он говорит, что нужно иметь в виду народно-разговорный язык.

Считают, что можно сделать следующий вывод.

Узбекская буржуазная нация в основном сложилась в дореволюционный период со всеми присущими нации признаками, хотя отдель-

[1] А. П. Демидов, Экономические очерки хлопководства, хлопковой торговли и промышленности Туркестана, М., 1926, стр. 15.

[2] В. И. Юферов, Хозяйство сартов Ферганской области, стр. 33.

ные элементы ее национального оформления (язык, культура, экономическая общность) искусственно задерживались в своем развитии колониальным режимом.

Наличие узбекской буржуазной нации подтверждается известным положением И. В. Сталина о том, что нынешние социалистические нации в Советском Союзе, в том числе и узбекская, коренным образом отличаются от соответствующих старых, буржуазных наций в царской России.

Возникшая в особых исторических условиях, в условиях колониальной страны, узбекская буржуазная нация оставалась до Великой Октябрьской социалистической революции нацией угнетенной, неполноправной и отсталой в экономическом и культурном развитии.

Октябрьская социалистическая революция, ликвидировавшая навсегда национальный гнет и утвердившая подлинное равноправие народов, создала все условия для образования узбекской социалистической нации, новой, советской нации, оформившейся и развившейся на базе старой, буржуазной нации после свержения капитализма в России, после ликвидации буржуазии и ее националистических партий, после утверждения советского строя.

С. А. РАДЖАБОВ

Доктор юридических наук

(Ташкентский юридический институт)

Из дискуссии становится ясным, что среди историков и представителей других общественных наук нет единого мнения по вопросу о формировании буржуазных наций на Востоке.

В ряде статей, опубликованных на страницах центральной печати, был поднят вопрос о формировании буржуазных наций народов Средней Азии. Журнал «Коммунист» поместил ряд статей, творчески развивающих марксистско-ленинскую теорию образования и расцвета социалистических наций в СССР.

Однако специальных работ, посвященных вопросу формирования буржуазных наций, до сих пор нет.

Между тем, правильное решение вопроса о формировании и развитии дореволюционных буржуазных наций в Средней Азии и Казахстане, научное освещение процесса национального оформления узбеков, казахов и других народов Средней Азии имеет большой теоретический, политический и научный интерес.

В настоящее время нам известны два противоположных мнения: 1) узбеки сложились в нацию, 2) узбеки находились только в процессе формирования нации.

Но было у нас и другое мнение. Среди историков продолжительное время господствовало неправильное, ошибочное мнение о том, что узбекский народ, а также и другие народы Средней Азии до Октябрьской социалистической революции еще не оформились в нации, что в этот период они были еще народностями, представляли собой лишь конгломерат племен или народностей. На этой неправильной позиции стоял раньше и я. В моих прежних работах, в том числе в докторской диссертации, указывалось, что узбеки до Октябрьской революции не сложились еще в нацию, что они консолидировались в нацию лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, в результате национального размежевания Средней Азии. Такой вывод был сделан неправильно, без серьезного анализа и учета экономических и исторических условий жизни узбекского народа в конце XIX и начале XX в.

Работы И. В. Сталина «Национальный вопрос и ленинизм», «Марксизм и вопросы языкознания», глубоко развившие ленинские идеи по национальному вопросу, внесли ясность в изучение процесса образования узбекской и других наций и помогли мне исправить допущенные ошибки.

В вопросе о формировании узбекской и казахской буржуазных наций мы руководствуемся учением марксизма-ленинизма о двух исторических типах наций—буржуазных, связанных с исторически сложившимися буржуазными отношениями, возникших в процессе ликвидации феодализма и подъема капитализма, и наций социалистических, возникших и развившихся в результате Великой Октябрьской социалистической революции и установления советского строя, в результате ликвидации капитализма, развития социалистического базиса и победы социализма в нашей стране.

Исследование вопроса о возникновении и формировании буржуазных наций в Средней Азии нельзя рассматривать в отрыве от общего исторического процесса возникновения и развития капитализма в дореволюционной России в целом.

Марксизм-ленинизм учит, что нации являются не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма. Возникновение и развитие буржуазных наций связано с условиями материальной жизни общества, с исторически складывавшимися буржуазными отношениями.

Марксистско-ленинский подход к обоснованию вопроса о возникновении нации в корне противоположен антинаучным буржуазным учениям о нации. Буржуазные ученые всегда затушевывали и затушевывают исторические и экономические предпосылки возникновения и формирования наций.

Буржуазные теоретики, отрицая исторические, материальные условия возникновения наций, стремятся обосновать «вечную» естественную категорию наций, связывая возникновение и судьбу наций с религией, культурой, с национально-духовной, абстрактной «общностью сознания» и т. д.

Хочу ответить на вопрос—какое значение имело присоединение Средней Азии к России в деле формирования узбекской и казахской буржуазных наций.

Процесс формирования узбекской и казахской буржуазных наций не проходил и не мог совершаться мирно, без борьбы, без противоречий. Развитие четырех основных признаков складывавшихся до Октябрьской социалистической революции узбекской и казахской буржуазных наций проходило неодинаково.

Темпы, масштаб развития и формирования этих признаков были различны.

Марксизм-ленинизм определяет нацию как исторически сложившуюся устойчивую общность людей, возникшую на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры.

И. В. Сталин учит, что наличие всех этих признаков дает нацию.

Можно сказать, что все четыре признака нации в процессе формирования узбекской буржуазной нации в основном сложились еще до Октябрьской революции. Узбекский и казахский народы после присоединения Средней Азии к России до Великой Октябрьской революции сложились в основном в буржуазные нации. Все четыре признака нации

находились в основном налицо, но в разных стадиях развития. Полностью же процесс формирования узбекской и казахской буржуазных наций до Октябрьской социалистической революции не был завершен.

В процессе формирования узбекской и казахской буржуазных наций важную прогрессивную роль сыграло присоединение Средней Азии к России. Возникновение и формирование буржуазных наций Востока нельзя рассматривать в отрыве от исторического процесса возникновения и развития капитализма в дореволюционной России в целом. Влияние России на экономику и культуру народов Средней Азии явилось важным фактором в деле ускорения всего процесса развития, создания условий национального оформления узбеков и казахов.

Если для формирования буржуазных наций на Западе, в Англии, Франции, Италии, требовались сотни лет, то процесс образования узбекской и казахской буржуазных наций происходил в течение нескольких десятков лет, ибо могучее воздействие на этот процесс оказало прогрессивное влияние России, стоявшей в экономическом и культурном отношении выше Туркестана.

В. И. Ленин и И. В. Сталин относят народы Средней Азии к числу народов, которые до революции не прошли капиталистической стадии развития. Можно ли делать вывод, что раз народы Средней Азии не прошли стадии капиталистического развития, то они не сложились в буржуазную нацию. Думаю, что нет.

Для формирования буржуазной нации не обязательно, чтобы страна полностью прошла капиталистическую стадию развития. Средняя Азия, как известно, не прошла капиталистической стадии развития, однако здесь уже возникли и развивались капиталистические производственные отношения, и на этой основе формировалась и узбекская буржуазная нация.

И. В. Сталин причисляет узбеков к буржуазным нациям. Они еще до революции вступили в полосу национального оформления, сложились в основном в нацию.

В труде «Национальный вопрос и ленинизм» И. В. Сталин указывает: «Никто не может отрицать, что нынешние социалистические нации в Советском Союзе—русская, украинская, белорусская, татарская, башкирская, узбекская, казахская, азербайджанская, грузинская, армянская и др. нации коренным образом отличаются от соответствующих старых буржуазных наций в старой России как по своему классовому составу и духовному облику, так и по своим социально-политическим интересам и стремлениям».

Из доклада М. Г. Вахабова вытекает, что ни один из признаков нации у узбеков не сложился до революции, что эти признаки были в зачаточном состоянии. Но ведь нация как историческая категория складывалась в результате длительной совместной жизни людей, из поколения в поколение и поэтому нельзя говорить, что четыре признака нации—язык, территория, культурная и экономическая общность до 1917 г. все еще находились в зачаточном состоянии. Огромные изменения, которые произошли в жизни узбекского народа после его присоединения к России, не позволяют говорить лишь о зачаточном состоянии всех признаков нации.

В прошлом, до XIX века, узбекский и казахский народы имели, конечно, известную общность языка, территории, психического склада. Элементы нации—язык, территория, культурная общность и т. д.—не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический. Эти элементы нации у узбеков и казахов находились тогда в зачаточном

состоянии или, в лучшем случае, представляли собой лишь потенцию образования нации в будущем. Но можно с уверенностью сказать, что эта потенция не превратилась бы в действительность, если бы не произошло крупных изменений в экономической и социально-культурной жизни народов Средней Азии в результате присоединения этой страны к России.

Потенция образования узбекской нации стала превращаться в действительность в период подымавшегося в России капитализма с его огромным национальным рынком, с его экономическими и культурными центрами, в период воздействия этого рынка на Среднюю Азию и вовлечения ее в русло русской экономики, проникновения капитализма, возникновения капиталистических производственных отношений в Средней Азии.

Выступавшие товарищи подробно останавливались на складывании общности экономической жизни, экономической связанности узбекского народа до Октябрьской революции. Чтобы не повторяться, хочу лишь отметить, что присоединение Средней Азии к России сыграло весьма важную роль в уничтожении национальной замкнутости, во втягивании Средней Азии в сферу экономики России, в возникновении и развитии капиталистических производственных отношений, в превращении края в рынок сбыта и источник сырья для промышленности Центральной России, в постепенном развитии товарно-денежных отношений, в возникновении местного рынка, в значительном росте хлопководства, росте промышленных предприятий, возникновении предприятий по обработке сельскохозяйственного сырья, возникновении хлопкоочистительных заводов, маслобойных, мукомольных, кожевенных предприятий, механических мастерских, каменноугольных и золотых приисков.

Все это подтверждает, что у узбеков постепенно создавалась общность экономической жизни. Следовательно, развитие капитализма в Туркестане усилилось после присоединения его к России.

«Развитие капитализма,—писал И. В. Сталин,—обнаружило еще в прошлом столетии тенденцию к интернационализации способа производства и обмена, к уничтожению национальной замкнутости, к хозяйственному сближению народов и постепенному объединению громадных территорий в одно связное целое». (Соч., т. 5).

Следовательно, общность экономической жизни постепенно складывалась и в Узбекистане.

Перейду теперь к вопросу об общности языка.

Считаю, что единый узбекский язык существовал еще до революции: на огромных просторах, где жили узбеки—от Хорезмского оазиса до Ферганской долины, в Ташкенте, в Андижане, Фергане, в Термезе, Ургенче и Хиве—узбеки говорили на своем родном языке, хорошо понимали друг друга, читали произведения своих классиков, передовых представителей узбекской культуры. Узбекский язык все более совершенствовался, обогащаясь новыми правилами, обогощался его словарный фонд. Если имелись отдельные диалекты и жаргоны, то они имеются и до сих пор. Разве на этом основании можно говорить, что единый узбекский язык отсутствовал? Конечно, нет.

Вопрос о территориальной общности. Докладчик отрицает наличие территориальной общности узбеков до 1917 г., мотивируя это тем обстоятельством, что узбекские земли были разделены между четырьмя государствами: Туркестанским генерал-губернаторством, Бухарским и Хивинским ханствами и Афганистаном. Кроме того, в сознании людей не были ликвидированы пережитки территориальной разобщенности.

Но государственная территория и территориальная общность нации— различные понятия. Вопрос о государственной территории ни в коем случае нельзя смешивать с территориальной общностью нации. Территориальная общность узбеков существовала издавна.

Вхождение Средней Азии в единое Российское государство не давало больше возможности для территориальной раздробленности и углубления ее по воле отдельных правителей. Кроме того, вхождение Средней Азии в Россию содействовало ликвидации различных отдельных бекств, отдельных земель.

Достаточно напомнить, что в XVIII веке против одного только города Ура-Тюбе было совершено 15 походов кокандским ханом, а бухарский эмир Насрулла за 20 лет предпринял 32 похода против Шахрисябза. Подобные беспрерывные феодальные войны, территориальная раздробленность и политическая разобщенность после присоединения Средней Азии к России в основном были ликвидированы.

Поэтому, если узбеки входили в то время в состав четырех государственных образований, то это не значит, что у них не было общности территории. Для понятия общности территории не обязательно наличие у населения чувства единства территории. По этой причине нельзя отрицать, что общей территории у узбеков не было. Территориальная общность узбеков как необходимый признак нации сложилась и значительно укрепилась после присоединения Средней Азии к России.

Одним из основных элементов нации является общность психического склада, сказывающегося в общности культуры. В докладе М. Г. Вахабова отрицается наличие общности психического склада узбеков. Утверждение, что у узбеков до революции общность психического склада находилась еще в зачаточном состоянии, неправильно. Общность психического склада у узбеков создавалась с давних времен. Это выражалось в музыке, искусстве, литературе, в быту и в сознании узбекского народа.

Русский народ помогал формированию духовного облика узбекского народа. Видя и сознавая благородные черты характера русского народа, его революционный размах, мужество, стойкость, ясность ума, терпение,— черты, которые складывались в ходе длительного исторического процесса, в упорной борьбе против иностранных захватчиков и внутренних классовых врагов,—узбекский народ стал воспринимать эти благородные черты, присоединяя их к лучшим своим чертам и традициям.

Рабочие массы Туркестана воспитывались в революционном духе и учились у русских большевиков, у русских трудящихся масс, воспринимая их опыт классовой борьбы против эксплуататоров. Трудящиеся дехкане многому научились у русских трудящихся, применяя их опыт, их трудовые навыки, что способствовало внедрению в Средней Азии более передовых форм земледелия.

Русский народ сыграл большую роль в развитии национального самосознания узбекского народа.

Если колониальная политика царизма была направлена на порабощение народов Средней Азии, если царизм подвергал их всяческим оскорблениям, называл их инородцами и душил всякое проявление национальной культуры, то в лице русского рабочего класса узбекский народ нашел своего верного защитника и освободителя.

Присоединение Средней Азии к России навсегда покончило с пагубной политикой тюркских и иранских ассимиляторов. Политика буржуазных националистов и реакционеров феодального духовенства, политика пантюркистов была направлена на установление тюркского и господства

и уничтожение формирующегося национального самосознания узбеков и других народов Средней Азии.

Буржуазные националисты совместно с капиталистами и феодальным реакционным духовенством внутри страны, совместно с внешними врагами—препятствовали формированию узбекской нации, как и других наций на Востоке.

Присоединение Средней Азии к России спасло народы Средней Азии от неминуемого порабощения и поглощения их крайне отсталыми феодальными государствами—Ираном и Турцией, прекратило их разбойничьи походы и опустошительные набеги и создало важные условия для формирования узбекской буржуазной нации. Присоединение к России устранило также реальную опасность закабаления народов Средней Азии хищническим английским империализмом.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества.

Покончив с властью буржуазии, советская власть ликвидировала систему национального гнета в нашей стране. На основе диктатуры рабочего класса, сформировались совершенно новые социалистические нации, которые отличаются коренным образом от соответствующих старых, буржуазных наций как по своей экономической основе, по классовому составу, по своему духовному облику, так и по своим социально-политическим устремлениям. Эти новые нации возникли и развились на базе старых, буржуазных наций в результате ликвидации капитализма, путем коренного их преобразования в духе социализма.

Диктатура пролетариата явилась политической основой формирования социалистических наций, а Коммунистическая партия Советского Союза—руководящей и направляющей силой в этом великом процессе, вдохновителем и организатором новых социалистических наций.

Уничтожение национального гнета привело в СССР к национальному возрождению ранее угнетенных наций нашей страны, к росту их национальной культуры, к укреплению дружеских интернациональных связей между народами нашей страны и налаживанию сотрудничества между ними, братской помощи в деле социалистического строительства. Однако эти возрожденные нации являются уже не старыми буржуазными нациями, независимо от степени их развития, на которой их застала Октябрьская революция. Наши нации являются совершенно новыми, социалистическими нациями, возникшими на развалинах старых наций и руководимыми интернационалистической партией трудящихся масс—Коммунистической партией Советского Союза.

В связи с изложенным представляется, что было бы очень важно и полезно в ближайшем будущем провести широкую дискуссию по вопросу о формировании и развитии социалистических наций узбеков, таджиков, казахов, туркмен, кизгизов, входящих в великую семью народов Советского Союза.

А. М. ГУРЕВИЧ[1]

Кандидат исторических наук

(Институт иностранных языков)

Остановлюсь, главным образом, на одном вопросе—методе доказательств, применяемом М. Г. Вахабовым, и на связи этих доказательств с выводами, которые он делает.

[1] А. М. Гуревич не закончил своего выступления на сессии, так как у него не хватило времени. Здесь дается его выступление полностью по представленному им тексту.

Свою аргументацию М. Г. Вахабов строит на известных высказываниях В. И. Ленина и И. В. Сталина, поэтому внешне кажется, что М. Г. Вахабов исходит из общепринятых для историков-марксистов положений.

По сути же дела М. Г. Вахабов в ряде случаев неправильно использует или комментирует мысли В. И. Ленина и И. В. Сталина, и, как я постараюсь показать, сползает с позиций диалектического материализма.

М. Г. Вахабов механически переносит в условия Средней Азии известную сталинскую характеристику крайне отсталых социально-экономических отношений в Азербайджане, с выделением города Баку как единственного здесь очага капитализма, надстроенного сверху усилиями Нобеля и других.

Между тем, с одной стороны, в Средней Азии такого крупного промышленно-капиталистического центра, как в Баку, не было, но зато здесь в отличие от Азербайджана, после присоединения к России, особенно с конца XIX века, стали создаваться обширные специализированные районы сельского хозяйства, из которых крупнейшее значение имели высокотоварные хлопководческие районы. Вместе с тем появилось множество небольших очагов и очажков капиталистического производства в сельских местностях,—это кулацкие и плантаторские хозяйства в ряде оазисов, чаще вблизи городов и железнодорожных поселков, а в городских центрах и поселках—десятки хлопководческих заводов, а также другие, большей частью мелкие, промышленные предприятия. Эти островки капитализма, в отличие от Азербайджана, были разбросаны по всему Туркестанскому краю—в Ташкенте и Ташкентском оазисе, в крупных поселках по линии Среднеазиатской и Ташкентской железных дорог, в городах, а также в ряде кишлаков и аулов Ферганской, Самаркандской и Закаспийской областей.

Таким образом социально-экономическая структура Туркестана значительно отличалась от Азербайджана при несомненно основной общей черте: непрохождении обеими окраинами капиталистической стадии развития, сохранении преобладающей и даже господствующей роли феодально-патриархальных отношений, с крупными пережитками натурального хозяйства. Это, надо сказать, совершенно игнорировал выступавший здесь А. А. Аминов, а также некоторые другие.

Безоговорочно распространяя специфический азербайджанский пример на Среднюю Азию, игнорируя указанное своеобразие Туркестана с его крупными хлопководческими и другими районами товарного сельского хозяйства, с его множеством разбросанных по всему краю небольших и мелких предприятий капиталистического типа, прибегая к такому неправильному методу, М. Г. Вахабов делает крайне ограничительный вывод о степени и без того слабого капиталистического развития Туркестана. Между тем, товарное обращение и частичное развитие капиталистических отношений под влиянием России более или менее равномерно охватили территорию Туркестана, по крайней мере, крупнейшие оазисы Туркестана, что имело большое значение для роста хозяйственной консолидации, прежде всего, узбекского народа, составлявшего основную массу населения крупнейших оазисов Средней Азии, где широко развивалось хлопководство и вообще поливное хозяйство.

Одной из крупных ошибок доклада является то, что М. Г. Вахабов искусственно суживает экономическую общность узбекского народа. Я имею в виду категорическое отрицание огромной роли капиталистического хозяйства России в складывании внутреннего рынка Туркестана, а вместе с тем в создании экономической общности узбекского народа.

Выступавшие здесь А. А. Аминов, М. Т. Турсунов и В. И. Столяров дали правильную критику и оценку этой ошибки.

Хотел бы обратить внимание на корни этой ошибки, корни методологического порядка.

М. Г. Вахабов полагает, что общественное разделение труда между метрополией —в данном случае Россией —и колонией —в данном случае Средней Азией —не может быть основой сложения экономической общности народа колонии, т. е. узбекского народа, и что (я цитирую доклад) «в основе общности экономической жизни может лежать только разделение труда между разными районами и между городом и деревней внутри территории данного народа».

Если взять конкретный пример Узбекистана, то получается, что хлопок, составлявший основную массу товарной продукции, направлявшейся в Россию, после того, как на ростовщическом анонсировании и заготовках хлопка, на его первичной обработке на хлопкозаводах и на мелких кустарных предприятиях, после того, как на нем нагревали руки за счет трудового дехканства группы мелких и крупных хищников из среды кишлачного байства, национальной буржуазии,—не являлся тем товаром, через посредство которого создавались среднеазиатские и узбекистанские рыночные связи, на которых наживала капиталы и росла узбекская национальная буржуазия.

Выходит также, что поступавший из России встречный мощный поток товаров—хлеба и других продовольственных и промышленных товаров, составлявших основную часть потреблявшихся в Средней Азии товаров и проходивших через руки тех же байско-буржуазных элементов, прежде чем попасть к хлопководам и остальному местному населению,—что эти товары российского происхождения не имели никакого отношения к развитию внутреннего среднеазиатского оборота, не были его составной частью. Отрывая, таким образом, рост хозяйственных связей внутри колонии, в том числе местное территориальное разделение труда между городом и деревней, от решающего воздействия капиталистического хозяйства метрополии, М. Г. Вахабов совершает грубую методологическую ошибку, становится на механический путь. Эта исходная ошибка и помешала М. Г. Вахабову правильно уяснить действительные размеры развития внутрихозяйственных связей в Средней Азии, а вместе с тем степень экономической общности, достигнутой узбекским народом в дооктябрьский период.

Фактический и цифровой материал, приводимый в докладе с целью подчеркнуть слабость общественного разделения труда внутри Узбекистана, бьет мимо цели и ничего не доказывает. Докладчик не дал себе труда вникнуть в специфические условия развития хозяйственных связей в такой колонии, как Туркестан. Особенно надо иметь в виду начало XX века, период империализма, когда эти связи между метрополией и колонией расширяются и укрепляются и, в частности, происходит ввоз капитала в виде железнодорожного строительства, вложений в банковско-кредитную сферу, в крупные торгово-скупочные предприятия (особенно по хлопку) и в создание капиталистических промышленных предприятий.

М. Г. Вахабов заботливо предостерегал оппонентов, что уклонение от его взгляда на соотношение общероссийского и внутреннего туркестанского рынка вовлечет оппонентов в трясину теории деколонизации.

Не говоря уже о допустимости применения в полемике таких сильных профилактических средств, следует сказать, что предостережение докладчика по существу неосновательно. Как раз факт превращения Средней Азии российским монополистическим капиталом в свой аграрно-сырьевой придаток является одним из убедительных опровержений теории деколонизации, поскольку российский империализм, как и всякий другой, создавал всяческие препятствия на пути индустриализации своих колоний.

И в вопросе о других признаках нации—общности территории и языка—М. Г. Вахабов также применяет неправильные приемы, в результате чего преуменьшается степень созревания этих признаков у узбеков.

М. Г. Вахабов приводит цитату из работы В. И. Ленина «О праве наций на самоопределение»[1]. Но В. И. Ленин говорил здесь о конкретно-исторических условиях победы национально-буржуазных движений на Западе—в странах, где условия для капиталистического развития и развития национальной жизни были более государственным сплочением их территорий, а народно-разговорный язык закреплялся в литературе, не зная никаких препятствий.

М. Г. Вахабов берет эту ленинскую мысль, относящуюся к определенному периоду истории и к старым буржуазным нациям Европы и, вопреки сделанному тут же указанию Ленина (которого Вахабов не приводит), что образование национальных государств является «тенденцией (стремлением) всякого национального движения»,—произвольно применяет эту мысль Ленина к условиям формирования всех наций, превращает «государственное сплочение», как и литературный язык, в обязательные признаки сложения каждой нации.

М. Г. Вахабов говорит: «Таким образом, В. И. Ленин связывает формирование единства национального языка с развитием товарного обращения, с государственным (политическим) сплочением территории данной нации. Он указывает, что это единство языка должно развиваться беспрепятственно и закрепляться в литературе». Не вдумавшись в указанную мысль В. И. Ленина, М. Г. Вахабов утверждает, что поскольку узбекский литературный язык был создан в дооктябрьский период, «узбекский язык не достиг уровня единого национального языка». М. Г. Вахабов не дал себе труда сопоставить мысль Ленина об условиях развития национального литературного языка с известным указанием И. В. Сталина что национальным языком, прежде всего, следует считать народно-разговорный. Между тем никакого противоречия здесь нет.

М. Г. Вахабов заявил, что до сих пор узбекский литературный национальный язык не вполне оформлен и предъявил законные претензии к языковедам. Но языковеды, как и все участники сессии, имеют основание предъявить докладчику другую претензию: раз, с его точки зрения, без вполне оформленного литературного языка нельзя говорить о сложении нации, то, следовательно, и сейчас еще узбекская нация, нация социалистического типа, окончательно не сформировалась. Вряд ли кто-либо из нас согласится с этим положением.

Не понял М. Г. Вахабов и того, что ленинская мысль о национальном государстве, как тенденции, как норма всякого национального движения вовсе не исключает сложения нации и без собственного государства, без государственного сплочения. Примеры: чехи, поляки, украинцы, грузины, армяне и другие до первой мировой войны и Октябрьской революции. М. Г. Вахабов, вопреки Ленину и Сталину, неправильно вводит государственность, как обязательный и всеобщий, то-есть пятый признак нации.

Видимо, это и привело М. Г. Вахабова к недооценке территориальной общности узбекского народа, достигнутой в дооктябрьский период, и к некоторой фетишизации принципа государственности в применении к Средней Азии.

Кстати, некоторые товарищи фетишизируют и территориальную общность (имею в виду отдельные выступления), как какое-то

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 386

неизменяющееся явление после того, как эта территориальная общность в основном создалась после присоединения Средней Азии к России.

Территориальная общность действительно создалась в этот период, но следует иметь в виду, что сохранялась также известная разорванность народов Средней Азии по ханствам и государствам. Все знают, откуда я цитирую—это известная формулировка И. В. Сталина. Нужно напомнить, что царизм искусственно даже усилил эту разобщенность народов Средней Азии.

Приведу пример с проведением границы между Бухарским эмиратом и Самаркандской областью, отошедшей к Туркестанскому краю по узбекским районам с предоставлением преимуществ в водопользовании населению Самаркандской области и с явной целью разжечь этим вражду между узбеками Самаркандских районов и Бухарского эмирата.

Только при Советской власти, в период национального размежевания, была достигнута территориальная общность как узбекского, так и других народов Средней Азии. Но это особая тема.

Весь ход мыслей М. Г. Вахабова, начиная с цитат, которыми обильно—кстати и не кстати—оснащен его доклад, и кончая неудачным, неверным их истолкованием,—должен был бы привести его (если бы он был последователен) к выводу, что собственно национальная консолидация узбекского народа до Октябрьской социалистической революции так и не началась. Однако, вопреки своим логическим построениям и пригнанному к ним фактическому материалу, делается неожиданный для слушателей вывод, что «узбеки вступили в полосу национального оформления в конце XIX века. Однако у них до победы Великой Октябрьской социалистической революции процесс формирования в буржуазную нацию не завершился».

Некоторые говорят: доклад М. Г. Вахабова неудачный, но тезис, вывод его правильный.

На это следует ответить: во-первых, тезис этот не обоснован, ход рассуждений в докладе должен привести логически к совершенно иному выводу,—что национальная консолидация узбеков в дооктябрьский период собственно почти не началась; во-вторых, основной тезис М. Г. Вахабова, что узбеки вступили в полосу национального оформления, но до Октября это оформление не завершилось,—носит общий, расплывчатый характер.

Что же нового дает доклад М. Г. Вахабова для научного разрешения проблемы формирования буржуазной узбекской нации? Ничего. Это признал в своем устном докладе сам М. Г. Вахабов. К удивлению присутствующих, он заявил, что выступая с докладом на конференции по вопросу о формировании узбекской буржуазной нации, он не имел в виду определить конкретный уровень отдельных признаков нации и что, мол, это дело экономистов, лингвистов и т. д. Спрашивается, с какой же целью сделан доклад, если он не отвечает теме. Полагаю, что историк должен быть в какой то мере и экономистом, лингвистом, юристом и т. д.

Из критических замечаний в адрес доклада вытекает и мой личный взгляд на рассматриваемый вопрос. Считаю, что признаки узбекской буржуазной нации,—особенно общность экономической жизни, более созрели, чем это представлено в докладе. Полагаю, что основное решение вопроса надо искать в ясном и определенном указании И. В. Сталина о существовании узбекской буржуазной нации. Это сталинское указание подтверждается фактами, которые приводились во множестве и здесь на сессии.

Слова И. В. Сталина об узбекской буржуазной нации, разумеется, не следует понимать упрощенно,—будто бы узбекская буржуазная нация достигла такой же степени оформления, как грузинская, армянская или

украинская А. Ф. Якунин ставил здесь узбекскую буржуазную нацию в один ряд с грузинской и армянской, сославшись на то, что И. В. Сталин перечисляет их вместе, не разделяя их на более передовые и отсталые. Но в данном месте и в данной связи такая дифференциация не требовалась. А. Ф. Якунин рассуждает формально. Что И. В. Сталин различал различный уровень национальной консолидации отдельных народов России до Октября, видно из его специального указания (1919 г.) о большей культурной зрелости населения западных и южных окраин России сравнительно с населением востока России, что и дало возможность на западе быстро и безболезненно облечь Советскую власть в соответствующие национальные формы[1].

Сложившаяся в основном узбекская буржуазная нация была нацией отсталой, слабой, нацией колониальной страны периода империализма. Все четыре признака нации, хотя они и не созрели здесь в такой степени, как в капиталистических странах Запада, были, однако, налицо, начиная с экономической общности основных районов расселения узбеков, т. е. крупнейших оазисов Средней Азии.

Не имею возможности остановиться на идейно-политическом облике, на культурном «багаже» узбекской национальной буржуазии, характеризующем во многом отсталый уровень национально-буржуазного единства, складывавшегося в дореволюционном Узбекистане. Отмечу лишь такую отрицательную черту, как срастание социально-экономических интересов (по владению землей и эксплуатации дехканства) узбекской буржуазии с полуфеодалами-баями и реакционным мусульманским духовенством. Это ярко проявилось в пантюркистской и панисламистской идеологии джадидов—выразителей интересов узбекской буржуазии. В силу этого узбекский буржуазный национализм был отчетливо окрашен в клерикально-феодальный цвет, и мы можем безошибочно говорить о буржуазно-феодально-клерикальном характере узбекского национализма. Этот реакционный контрреволюционный характер узбекского национализма проявился с особенной силой после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

М. Г. Вахабов—это было одним из его предостережений—предупреждал нас, что если признать факт сложения узбекской буржуазной нации, то мы неизбежно впадем в недооценку тех великих исторических перемен, которые произошли в жизни узбекского народа после Октября. Если подойти к вопросу даже с позиции, занятой М. Г. Вахабовым, то спрашивается: разве умаляется в какой-либо степени великое историческое значение Октябрьской социалистической революции для узбекского народа, если на обломках отсталой буржуазной нации колониальной страны сложилась на основе Советского строя и победы социализма цветущая социалистическая узбекская нация!?.

Надо надеяться, что сессия поможет правильно решить проблему формирования узбекской буржуазной нации.

С. З. ЗИМАНОВ

Кандидат юридических наук

(Казахский юридический институт)

Специальные работы, посвященные сложению той или конкретной народности в нацию начали появляться в основном в последние годы. Проделана значительная работа, и это определяет значение данной проблемы.

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 4, стр. 236.

Настоящая дискуссия должна подвести итоги проделанной работе. Она призвана также двинуть вперед советскую науку в разработке этой жизненно важной проблемы. Одним из существенных недостатков прежних работ по вопросам сложения народностей Средней Азии и Казахстана в нации является то, что в этих работах острые углы, наиболее интересные животрепещущие вопросы, как например, вопрос о сложении той или иной народности в нацию до 1917 г., обходились авторами молчанием или, в лучшем случае, большинство из них отвечало так что трудно было установить, на какой же именно точке зрения стоит тот или иной автор.

Докладчики сделали шаг вперед и изложили свои точки зрения более конкретно, чем это делалось раньше. Однако и они не сумели освободиться от старых традиций и это не могло не привести иногда к противоречивым утверждениям. Особенно это бросается в глаза в добросовестном докладе М. Г. Вахабова.

М. Г. Вахабов указывает, что узбеки, казахи, туркмены относятся к буржуазным нациям. Однако это не помешало ему сделать вывод, что процесс сложения буржуазной узбекской нации не завершился.

Мне и до сих пор не совсем понятны некоторые основные положения докладчиков и некоторых ораторов, которые высказывались в форме, дающей возможности судить по-разному.

Так, например, говорят, что узбекская и казахская буржуазная нации сложились не полностью, или сложились, но не совсем; вместе с тем тут же критикуются товарищи, которые доказывают факт сложения буржуазных наций в Средней Азии.

Мне думается, что вопрос о зрелости той или другой нации является вопросом, который нужно рассмотреть после разрешения основного вопроса об образовании нации.

М. Г. Вахабов критикует тех, кто считает, что до революции узбеки оставались народностью, и в то же время он выражает несогласие с утверждающими, что уже существовала узбекская буржуазная нация. В результате его позиция не вполне ясна.

От подобных противоречивых положений не свободен и доклад А. Н. Нусупбекова, хотя и меньшей степени.

Об узбекской нации судить не берусь, а в отношении казахского народа я твердо убежден, что он сложился в нацию только при Советской власти. До Октября казахи оставались народностью и не могли сложиться в буржуазную нацию.

В отношении Казахстана вопрос может быть поставлен в направлении установления, на какой стадии находилось вызревание элементов нации в недрах народности, в недрах феодального казахского общества. На этот вопрос нужно дать ответ.

Смешиваются два качественно отличающихся друг от друга вопроса: о вызревании элементов нации и об оформлении нации. Это не один и тот же вопрос.

Зачатки, элементы нации возникают и развиваются в глубоких недрах феодального общества, они намного старше по возрасту периода первоначального накопления капитала и вызревают в течение многих столетий, а иногда тысячелетий, создавая тем самым все большие предпосылки для образования нации.

Этот период в лучшем случае является периодом потенциального развития нации. Вызревание элементов нации ускоряется с проникновением капиталистических производственных отношений в феодальный строй и в связи с их всемирным усилением. Является неверным положение, что раз есть факт проникновения капиталистических отношений в общество, то нация должна консолидироваться.

Формирование нации органически связано с процессом превращения потенции образования нации в действительность.

Чтобы доказать, что шел процесс оформления буржуазной нации, надо доказать, что та или иная страна переживала эпоху поднимавшегося капитализма, ибо в докапиталистическую эпоху не может быть речи об оформлении нации. Поэтому мы и говорим, что нация не является просто исторической категорией, а является исторической категорией известной эпохи.

Располагая фактическим материалом по Казахстану, должен сказать, что дореволюционный Казахстан не прошел эпоху подымающегося капитализма и, следовательно, о процессе, связаном с оформлением народности в нацию, в строгом смысле не может быть и речи. Речь может идти только о процессе вызревания элементов нации.

Говорят, что если буржуазные производственные отношения возникают глубоко в недрах феодализма, то почему же нации не могут консолидироваться также в недрах феодализма.

Если буржуазные отношения могут возникать и существовать при феодализме, распространяя сферу своего влияния на ограниченные участки общества, то нация как особое общественное явление, не может ни возникнуть, ни существовать в недрах феодализма.

Отсюда в недрах феодализма в указанном смысле могут возникать и развиваться лишь элементы нации, что представляет в лучшем случае, потенцию будущего образования нации, а не часть нации.

Другой недостаток доказательства о наличии казахской буржуазной нации заключается в поверхностном анализе фактов. Так, например, выступавшие товарищи говорили, что в дореволюционном Казахстане имелись налицо все четыре признака нации и пытались доказать это фактами.

Резко бросалось в глаза, что зачастую мало заботились о рассмотрении этих признаков с точки зрения их внутреннего единства. Некоторые ораторы, увлекаясь рассмотрением отдельных признаков нации, доводили их до обособления, а затем простым их сложением получали нацию. Такой метод является неправильным. Анализ отдельных признаков нации составляет лишь начало рассмотрения вопроса. Эти признаки должны быть рассмотрены с точки зрения их внутреннего единства, диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности. При этом надо всегда иметь в виду ведущую роль экономической общности народа в числе других признаков нации, что вполне согласуется с историческим материализмом.

Феодализм по своей природе отрицает экономическую общность. Только на развалинах феодализма можно достичь экономической общности народа. Это вместе с тем не противоречит усилению экономических связей между отдельными районами в недрах феодализма, в особенности в связи с постоянным развитием буржуазных отношений.

Некоторые товарищи, ратующие за казахскую и узбекскую буржуазные нации, мало учитывают этот важный момент.

Иногда говорят, что отрицанием возникновения казахской буржуазной нации якобы умаляется значение присоединения Казахстана к России. Наоборот. Мы утверждаем, что присоединение Казахстана во многом ускорило вызревание элементов нации в Казахстане.

В частной беседе с А. Н. Нусупбековым я установил, что он под оформлением нации понимает вызревание элементов нации. Это значит, что мы с ним в основном вопросе не сходимся во взглядах.

Из сказанного прихожу к следующим выводам:

1. В дореволюционном Казахстане шел процесс вызревания и развития элементов нации, которой был ускорен, начиная со второй половины

XIX в., когда в связи с присоединением к России начали относительно быстрыми темпами развиваться буржуазные производственные отношения.

2. В силу господства патриархально-феодальных отношений и сохранения устоев феодализма, которые составляли серьезнейший барьер на пути развития новых производственных отношений—казахская народность не могла сложиться до революции в буржуазную нацию.

М. Г. ВАХАБОВ

Заключительное слово

Разрешите сначала ответить на вопросы, а потом приступить к заключению.

Относительно узбеков в Афганистане. Спрашивают, формируются ли они в самостоятельную нацию или это часть узбекской нации? Само собой разумеется, что это те же самые узбеки, что и в Узбекистане, оставшиеся лишь в результате искусственного деления за границей. Достигли ли они уровня сложения в нацию? Мне кажется, что этого уровня они достичь не могли вследствие своей отсталости, колониального, политического и экономического угнетения.

Почему в докладе и в выступлениях не приводятся данные по Бухаре, а все данные берутся только по Туркестану? Я приводил цифровые данные по Ферганской области, частично по Бухаре. О Бухаре я говорил, что она включалась в процесс разделения труда.

Почему в докладе в основном говорилось об узбеках, а о таджиках ничего не сказано? Доклад был посвящен узбекской нации. Здесь есть товарищи из других республик, и я полагал, что они поделятся своими мнениями. Мне кажется, что на этот вопрос должны были ответить А. М. Богоутдинов, К. С. Сабиров и другие.

О формировании каракалпаков в нацию. Я специально не занимался этим вопросом и ответить затрудняюсь.

Почему в докладе не подчеркивается, что колониальная политика царизма задержала процесс консолидации наций? В докладе освещен этот вопрос и приведены указания В. И. Ленина о зависимости развития экономики Туркестана от развития капитализма в России.

Замечание, что формула «узбеки вступили в полосу национального оформления»—не конкретно. Что значит «полоса национального оформления», почему замалчивается произведение И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»? Период формирования нации—это длительный период. Эпоха разложения феодализма и поднимающегося капитализма есть полоса национального оформления. В этот период складываются основные признаки нации. Территория, язык и культура народности из потенциальной возможности образования нации превращаются в признаки самой нации. Этот период и есть полоса национального оформления.

Далее. Мне задают вопрос о языке придворной поэзии и просят разъяснить, что это за язык.

Кто-то, очевидно, обилелся, что в докладе сказано о литературных произведениях, издававшихся на языке старой придворной поэзии. Язык таких прогрессивных писателей, как Фуркат, Мукими и др., еще не стал тогда основным языком издаваемых произведений. Тогда и в узбекских

школах родной язык не преподавался, не издавались учебники родного языка, издавались «баязы» (сборники стихов), издавались газеты, рассказы и т. д., но между народным языком и языком, на котором они издавались, существовало большое расхождение. О языке таких баязов я и говорил.

Теперь разрешите коснуться отдельных критических замечаний. Выступавшие товарищи критиковали меня по очень многим вопросам. Часть ораторов была совершенно права и объективно оценила недостатки и достоинства доклада, фактически присоединившись к нашим тезисам. Другая часть, категорически возражая против наших тезисов, утверждала, что узбеки до Октябрьской социалистической революции вполне сложились в буржуазную нацию. Мне трудно остановиться на всех доводах оппонентов, высказывавшихся против наших тезисов. Для такого ответа потребовалось бы очень много времени. Частично их даже трудно связать с вопросами формирования узбекской буржуазной нации. Действительно, какую связь можно установить между таким фактом, как открытие публичной библиотеки и астрономической обсерватории в Ташкенте, о которой говорил тов. Сабиров, и формированием узбекской буржуазной нации? И таких доводов против наших тезисов было приведено немало. Отдельные товарищи приводили цифровые данные о количестве заводов и фабрик, о посевных площадях, вообще, и хлопка, в частности, о валовом сборе хлопка, о торговле каракулем, о банках, биржах и т. д. Л. Ф. Якунин старался удивить нас своим знанием фамилий десятков узбекских и казахских купцов. Мне кажется, что в данном случае эти сведения должны интересовать нас не вообще, а с точки зрения формирования узбекской буржуазной нации. Можно было бы не приводить таких «головокружительных» в количественном смысле данных, а на основе важнейших фактов доказать, что в Узбекистане колониального периода среди узбеков все четыре элемента нации сложились вполне и узбеки стали буржуазной нацией.

Со стороны некоторых моих оппонентов были допущены извращения моих мыслей, толкование их по своему усмотрению. Некоторые пошли по линии выдергивания из общего контекста отдельных фраз, толкуя их изолированно и предъявляя мне такие обвинения, как отрицание мною значения строительства железных дорог. А Столяров обвинил меня в отходе от партийной позиции на том основании, что я привлек мало данных о Бухарском эмирате.

Не останавливаясь на этих вопросах, я все свои замечания группирую вокруг четырех признаков нации.

Начну с вопроса о степени сложения общности экономической жизни среди узбеков накануне Октябрьской социалистической революции. Наш тезис, как известно, гласит, что общность экономической жизни у узбеков в колониальный период начала слагаться, но к моменту революции процесс ее сложения не завершился. Как критерий степени сложения общности экономической жизни, как основу национальной связи, обычно приводят уровень сложения внутреннего национального рынка. А уровень сложения национального рынка есть уровень зарождения и развития капиталистических отношений в стране. В. И. Ленин писал, что «степень развития внутреннего рынка есть степень развития капитализма в стране»[1] Наш тезис о том, что процесс сложения внутреннего национального рынка еще не завершился означает, что капиталистические отношения в Узбекистане не достигли той степени, когда они становятся основой социальной жизни народа, когда национальные связи становятся господствую-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 71.

щими. Ведь буржуазные отношения, внутренний национальный рынск и национальные связи являются различными сторонами одного и того же явления. Завершение сложения внутреннего национального рынка означает завершение зарождения капиталистических отношений в стране или достижения капиталистическими отношениями фактического господствующего положения в стране. При такой постановке вопроса моими оппонентами речь может идти только о вполне сложившейся буржуазной нации. Так и получилось в выступлениях Аминова, Якунина, М. Турсунова, Гуревича, Эйдельмана, Сабирова и других. В этом вопросе наши взгляды резко расходятся. К данному вопросу мы подходим с двух различных исходных методологических позиций. Ставлю вопрос так потому, что некоторые мои оппоненты обвинили меня в порочности моей методологии. Разрешите вкратце остановиться на том, каким исходным положением руководствовался я при анализе степени развития внутреннего рынка. в Узбекистане.

В. И. Ленин ясно разграничивает разделение труда между отдельными районами, которое лежало в основе торговли между ними в период рабовладельческого строя и феодализма, от территориального разделения труда, которое лежит в основе единого национального внутреннего рынка.

Один из экономистов конца прошлого века—Хоризоменов так характеризовал территориальное разделение труда: «Огромные расстояния империи связаны с резким различием природных условий: одна местность богата лесом, зерном, другая—скотом, третья изобилует глиной и железными месторождениями. Эти природные свойства определяли и характер промышленности... Отсюда и произошла характерная черта нашей промышленности—специализация товарного производства по огромным и сплошным районам»[1]. Существовавшее в конце прошлого века разделение труда в России автор связывал в данном случае с природными условиями.

В. И. Ленин поправлял его: «Территориальное разделение труда—писал он,—составляет: характерную черту не нашей промышленности, а мануфактуры (и в России и в других странах)... Мануфактура не только создает сплошные районы, но и вводит специализацию внутри таких районов (потоварное разделение труда). Наличность сырья в данной местности—отнюдь не обязательна для мануфактуры и вряд ли даже обычна для нее, ибо мануфактура предполагает уже довольно широкие торговые сношения»[2].

Следовательно, территориальное разделение труда, порожденное мануфактурой, т. е. капитализмом, базируется не на разделении труда, вытекающем из различных природных условий, а сама эта мануфактура создает разделение труда внутри отдельных районов, внутри страны. Поэтому смешивать разделение труда между степными районами и земледельческими районами Средней Азии, которое существовало веками, с тем разделением труда, которое началось с развитием здесь капитализма, неправильно, как это делал А. Якунин.

Новое разделение труда между отдельными районами Туркестана на основе развития капиталистического производства, разрушение замкнутости отдельных районов, сложение внутреннего национального рынка как капиталистической категории началось со второй половины XIX века.

На основе этого методологического указания В. И. Ленина, я утверждал и утверждаю, что до присоединения Средней Азии к России, хотя и существовала оживленная торговля между земледельческими и степ-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 377.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 377—378.

ными районами Средней Азии (о которой говорил М. Турсунов), но все же внутренний национальный рынок не только не сложился, но даже не было особенно заметных сдвигов в этом направлении. Торговлю такого характера с периодами довольно широкого оживления можно было встретить даже во времена Кира или Александра Македонского. И тогда было немало крупных и известных купцов, о которых говорил Якунин. Если к этому вопросу подходить с позиции Якунина и Турсунова, придется утверждать, что внутренний национальный рынок в Узбекистане существовал не только в первой половине XIX века, но даже в древнем периоде.

Всем известно, что единый национальный рынок не рабовладельческая и не феодальная категория, а категория капиталистическая. Основываясь на указанном методологическом положении В. И. Ленина, я и пришел к выводу, что сложение внутреннего национального рынка началось с конца XIX века, со времени развития в Узбекистане капиталистических отношений. И мне непонятно, на основе какой методологии А. Ф. Якунин и М. Турсунов пришли к выводу, что внутренний национальный рынок здесь существовал еще раньше.

В связи с этим вопросом возражение со стороны указанных товарищей вызвало мое утверждение о том, что до последних десятилетий XIX века отдельные районы Узбекистана были экономически изолированными, что здесь преобладала базарная торговля и еще не сложился слой мелких купцов, «посвятивших себя ей, что торговля была подопорьем при других занятиях» и т. д. Как было сказано, в условиях Средней Азии такая торговля существовала испокон веков. Замкнутость отдельных районов означает не вообще изолированность их от других районов, а замкнутый характер самого производства. Производство базируется в основном на местном сырье, а между районами происходит торговля, но не средствами производства, а средствами потребления, в основном предметами роскоши. Если до появления капитализма предметами торговли между отдельными районами были в основном средства потребления, то при капитализме наряду с этим развивается торговля средствами производства. Разрушается замкнутый характер производства. Иначе говоря, производство принимает общественный характер.

В докладе я и привел указание В. И. Ленина из его работы «Развитие капитализма в России»[1]. Сообщение С. П. Мансырова о характере торговли в Самаркандском уезде в конце XIX века может служить иллюстрацией к этому указанию В. И. Ленина.

Далее, В. И. Ленин говорил, что несмотря на это в России существовала торговля между отдельными районами. Она существовала даже в древний период между Великим Новгородом, Киевом и другими «землями». Следовательно, в России торговая связь между отдельными районами существовала, существовали и многочисленные купцы, но вместе с этим В. И. Ленин говорит об экономической замкнутости отдельных районов. Марксизм-ленинизм признает, что экономическая замкнутость не отрицает существования торговли вообще между отдельными районами. Замкнутость разрушается не купцами, а определенными условиями, когда зарождается такой социальный слой скупщиков—посредников между непосредственными производителями и потребителями, который посвящает себя специально торговле. Из этих посредников образуется новый тип купцов, которые, не ограничиваясь только сырьем, наличным на местах, привозят сырье и орудия производства из других районов и, не удовлетворяясь продуктом, который являлся результатом побочного труда крестьян и был предназначен для местного потребления, органи-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 377.

зует специальное производство для вывоза товара в другие районы. Вот тогда и происходит неминуемое разрушение экономической замкнутости.

Изучая экономическое положение Узбекистана в конце XIX века, мы, на основе указаний В. И. Ленина, и пришли к выводу, что такой процесс в этот период только начался. Часть моих оппонентов выступала против этого вывода, смешивая купца-феодала, который существовал веками, с тем социальным слоем, который явился первым представителем капиталистов.

Объектом больших споров служило мое утверждение, что развитие капитализма в Узбекистане колониального периода еще не успело привести к сложению единого национального рынка. В этом вопросе я исходил не только из общего уровня развития капиталистических предприятий в Узбекистане, а наряду с этим старался выяснить, насколько развитие капитализма привело к установлению тесной экономической связи между отдельными районами, т. е. насколько капиталистические отношения привели к переплетению экономических интересов узбеков, населявших разные районы, насколько узбеки в своей экономической жизни сплотились в «единое целое».

Для этого недостаточно одного только приведения огульных данных об объеме производства, о количестве предприятий, о товарообороте в стране, о дифференциации крестьянского хозяйства и т. д., как это делали мои оппоненты. Данные, приведенные ими здесь, мне тоже известны. Однако я к ним подходил не огульно, а старался выяснить их роль в деле сложения экономической общности среди узбеков в интересующий нас период.

В. И. Ленин по вопросу о сложении внутреннего рынка для капитализма в земледелии писал:

«...По самой природе земледелия, превращение его в товарное производство происходит особым путем, непохожим на соответствующий процесс в индустрии. Промышленность обрабатывающая раскалывается на отдельные, совершенно самостоятельные отрасли, посвященные исключительно производству одного продукта или одной части продукта. Земледельческая же промышленность не раскалывается на совершенно отдельные отрасли, а только специализируется на производстве в одном случае—одного, в другом случае—другого рыночного продукта, причем остальные стороны сельского хозяйства приспособляются к этому главному (т. е. рыночному) продукту. Поэтому формы торгового земледелия отличаются гигантским разнообразием, видоизменяясь не только в различных районах, но и в различных хозяйствах. Поэтому при рассмотрении вопроса о росте торгового земледелия никак нельзя ограничиваться огульными данными о все земледельческом производстве»[1]. Исходя из указания В. И. Ленина, я не приводил много цифровых данных о сельском хозяйстве и ограничился той основной продукцией его, которая выступала фактором, связывающим экономическую жизнь народа в «единое целое». Это были хлопок и хлеб. Именно они заложили основу внутреннего рынка для капитализма в хозяйстве Узбекистана.

В связи с этим со стороны отдельных ораторов был выдвинут вопрос о разорении крестьян, о количестве наемных рабочих в кишлаках и городах, росте техники в сельском хозяйстве. Было приведено очень много фактов, но без попытки связать их с вопросом о сложении общности экономической жизни. Разрешите рассмотреть приведенные оппонентами данные о количестве произведенного хлопка, о дифференциации крестьянского хозяйства, о росте техники в сельском хозяйстве, о росте капиталистических хозяйств, с точки зрения сложения общности экономической жизни у узбеков. В этом вопросе я исхожу из следующего указания В. И. Ленина. «Рост торгового земледелия создает внутренний рынок для капитализма. Во-первых, специализация земледелия вызывает обмен между различными земледельческими районами, между различными земледельческими хозяйствами, между различными земледельческими продуктами. Во-вторых, чем дальше втягивается земледелие в товарное обращение, тем быстрее растет спрос сельского населения на продукты обрабатывающей промышленности, служащие для личного потребления.—тем быстрее, в-третьих, растет спрос на средства производства, ибо при помощи старинных «крестьянских» орудий, построек и пр. и пр. ни мелкий, ни крупный сельский предприниматель не может вести нового, торгового земледелия. Наконец, в-четвертых, создается спрос на рабочую силу, так как образование мелкой сельской буржуазии и переход землевладельцев к капиталистическому хозяйству предполагает образование контингента сельскохозяйственных батраков и поденщиков»[1].

Итак, первое условие—обмен между земледельческими районами. Здесь мы можем указать, что между хлопковыми и зерновыми районами начался обмен: Ферганская область ввозила зерно из Самаркандской области, причем зерна, произведенного в Фергане, не хватало даже для сельского населения. Примерно половина потребности сельского населения в зерне покрывалась привозным хлебом. Это и было началом сложения внутреннего рынка в земледелии. Об этом мы и говорили в докладе.

Второе условие—рост спроса сельского населения на продукцию обрабатывающей промышленности. Такой рост происходил, и покрывался он, во-первых привозными товарами из России и, во-вторых, продукцией кустарной промышленности. Товары, привозимые из России, шли на широкий внутренний рынок; продукция кустарной промышленности изготовлялась на местах так же, как много веков назад.

Какова была роль отдельных районов в обеспечении спроса сельского населения на промышленные товары? Появлялись ли специализированные районы? Появления таких районов пока еще не было заметно, М. Турсунов говорил о торговле между Бухарой и Туркестаном, но не привел данных о составе оборота. Если же разобраться в этом составе, то мы увидим, что он мало чем отличался от состава оборота, скажем, конца XVII века. В основном товары состояли из продуктов кустарного производства, но оборот значительно рос; в этом и состояло изменение. Но как можно утверждать, что установилась широкая капиталистическая связь между разными районами.

Третье условие—рост спроса на новый сельхозинвентарь и на строительные материалы. В этом мы не видим никаких сдвигов. Скажу только, что основным орудием производства остались кетмень, урак, омач, буюнтурук и т. д. Основным строительным материалом был тот же самый камыш, лесоматериалы заготовлялись так же, как много веков назад, на месте. В сельском хозяйстве не наблюдалось внедрения новой техники; не появились и капиталистические предприятия по производству таких массовых орудий, как кетмень. Все виды орудий производились на месте. Капиталистический рынок орудий производства для земледелия еще не появился.

Четвертое условие—создание рынка рабочей силы в земледелии. Такой рынок складываться. Но преувеличивать его объем не следует. Количество наемных рабочих в кишлаках росло быстрыми темпами,

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 267—268.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 268.

но в условиях Узбекистана они, так же как чайрикеры, получали за труд больше натурой, чем деньгами. Значит развитие рынка средств потребления для наемных рабочих на селе шло медленнее, чем рост количества наемных рабочих. Поэтому на основании роста наемного труда на селе неправильно делать вывод о росте рынка средств потребления для наемных рабочих. Так, нам кажется, выглядел процесс формирования внутреннего рынка для капитализма в земледелии. На основе всего этого мы и делали вывод, что в земледелии начался процесс сложения внутреннего рынка, но к моменту Октябрьской социалистической революции он не завершился, т. е. окончательно не исчезли следы бывшей замкнутости отдельных районов, и капитализм еще не успел прочно связать между собой экономику всех районов.

Большие возражения были выдвинуты против моих тезисов о развитии промышленности и ее роли в сложении экономической общности у узбеков в этот период. В этом вопросе я в первую очередь основывался на указании И. В. Сталина о неправильности смешения капитализма, внесенного извне, с капитализмом, зарождающимся в недрах самого местного общества, пытался определить роль русского капитализма в Туркестане. Далее, избегая огульного подхода, я старался выяснить роль отдельных отраслей промышленности в процессе сложения экономической общности у узбеков.

А. М. Гуревич обвинял меня в том, что я исходил из указания И. В Сталина о неправильности смешения капитализма, внесенного в Азербайджан извне, с социальными отношениями в Азербайджане. Это указание якобы неприемлемо для Узбекистана. Я категорически заявляю, что оно приемлемо не только для Узбекистана, но и для всех стран, где развитие капитализма происходит как в недрах самого местного общества, так и в результате внесения его извне. Так случилось почти во всех колониальных странах. Другой методологии я не знаю.

Это высказывание тов. Гуревича не оговорка, а глубоко обдуманная концепция. Стремление ограничить применимость указания И. В. Сталина только одним Азербайджаном нужно ему для того, чтобы доказать тезис, что после присоединения Средней Азии к России, в результате вложения русского капитала в Среднюю Азию в виде железной дороги, хлопкоочистительных заводов, в виде ростовщического капитала через банки, появились промышленные очаги и очажки. А этого, говорит он, не было в Азербайджане.

Вместе с тт. Аминовым, Якуниным, Турсуновым и другими т. Гуревич также возмущается следующей моей фразой: «утверждение о том, что связь местного рынка Туркестана с общероссийским рынком сама по себе приведет к образованию общности экономической жизни узбеков—научно неверно, а политически может быть растолковано как проявление теории «деколонизации». Эту фразу я сказал безотносительно к кому-нибудь. Но она была воспринята как некая бестактность с моей стороны, как попытка запугать своих оппонентов и т. д. Раз эта фраза имеет такой оттенок, считаю, что я допустил ошибку и извиняюсь перед теми товарищами, которые так болезненно восприняли ее. Но выслушав отдельных товарищей, я пришел к выводу, что некоторые из них все свои аргументы в пользу сложения внутреннего рынка в Узбекистане строили именно на преувеличении роли русского капитала, на преувеличении значения связи местных рынков с общероссийским рынком.

Если внимательно рассмотреть их оценки уровня развития капитализма в Узбекистане, то ясно вырисовывается мысль о том, что в течение всего лишь двух-трех десятилетий в Узбекистане появились—железная

дорога, промышленные предприятия, банки, биржи и т. д. Это и привело, мол, к сложению экономической общности у узбеков.

Я был против такого тезиса и остаюсь при своем мнении. Именно поэтому я взял за основу указание И. В. Сталина об Азербайджане и пытался применить его для выяснения роли русского капитала в Узбекистане. Оппоненты по этому поводу привели очень много цифровых данных. У всех фигурирует железная дорога, хлопзаводы, банки, биржи, торговые фирмы. А разве их не было в Азербайджане? Я могу привести много фактов из экономики Азербайджана. Но всем известно, что в Азербайджане также были железная дорога, банки, промышленные предприятия, биржи и т. д. Это было известно И. В. Сталину, когда он говорил об Азербайджане. Но И. В. Сталин из этого не сделал такого вывода, какой делают мои оппоненты.

Почему-то железная дорога промышленные предприятия, банки, биржи и тому подобное, по заявлению Гуревича, в Узбекистане составляли очаги и очажки промышленности, а в Азербайджане нет. Азербайджан, следовательно, по своей хозяйственной структуре примерно был похож на Узбекистан, а по уровню общего развития стоял выше его... Почему нельзя применить в этом случае, высказывания И. В. Сталина об Азербайджане и к Узбекистану? Я считал и считаю, что роль железной дороги, банков, и крупных хлопзаводов в Узбекстане была схожа с ролью нефтяной промышленности, железной дороги, банков и т. д. в Азербайджане.

Говоря о железной дороге, я указал, что хотя железные дороги и способствовали подъему хозяйства, но они не могли особенно сильно повлиять на структуру внутреннего рынка. Это я говорил потому, что железная дорога так же, как и крупные предприятия, для общего социального строя Узбекистана были пока капиталистическим предприятием, привнесенным извне.

Очень много говорили о хлопкозаводах. Они были якобы промышленными очагами, изменившими социальный строй узбекского общества. Тов. Аминов привел цифры о том, что на хлопзаводах работало более 30 000 рабочих из местных национальностей. Действительно, к моменту Октябрьской революции хлопкоочистительных заводов было много. Их количество к 1915 г. доходило до 223. Это внушительная цифра. Но они появлялись не в результате развития капиталистических отношений в недрах самого узбекского общества, а насаждались извне. Если в течение 20 лет (с 1880 по 1900) их насчитывалось всего 58, то через 15 лет число их возросло до 223. Увеличение в четыре раза. Можно ли из этого сделать вывод, что капитализм в Узбекистане за 15 лет развился в четыре раза?! Разве такой рост хлопкоочистительной промышленности не был результатом того, что она насаждалась извне? А в недрах самого узбекского общества капиталистические отношения развивались гораздо медленнее. Некоторые товарищи говорили, что было много владельцев хлопзаводов и торговых фирм из местных людей. А разве в Азербайджане не было местных владельцев крупных предприятий, нефтяных промыслов, торговых фирм, рыболовецких промыслов и т. д.?

Так как оппоненты фактически совершенно обходили вопрос о зарождении капиталистических отношений в недрах самого узбекского общества, то и получилось преувеличение роли русского и иностранного капитала в преобразовании основы социальных отношений узбекского общества. Социальные отношения в недрах узбекского общества нельзя определить количеством заводов, банков, бирж, проведением железной дороги и, тем более, наличием ташкентской фундаментальной библиотеки и астрономической обсерватории. Все это имело огромное значение, но железная

дорога, хлопзаводы, банки, биржи в течение всего лишь 10—15 лет не могли сами по себе преобразовать основу социального быта народа, фактически еще находившегося на стадии зарождения капитализма.

Слушая головокружительные цифры, которые были приведены моими оппонентами, у меня сложилось впечатление, что в Узбекистане в дореволюционный период промышленность была развита сильнее, чем в центральных районах России. Не знаю, может быть оппонентам известны новые данные о развитии капитализма в Узбекистане, опровергающие постановления съездов нашей партии, указания В. И. Ленина и И. В. Сталина об уровне развития капитализма в Узбекистане, но я лично твердо убежден, что подобных данных нет и не будет, ибо факты, а также указания наших вождей и многочисленные партийные документы по этому вопросу неопровержимы, Если действительно развитие капитализма в Туркестане привело к образованию внутреннего рынка, к созданию промышленных очагов и преобразованию основ его хозяйства на капиталистический лад, то как понять то положение, что в разгар гражданской войны Совнарком РСФСР принял специальное постановление о переброске несколько текстильных фабрик в Туркестан. Создание промышленных очагов в Туркестане являлось одной из основных задач национальной политики партии в Туркестане. И. В. Сталин в 1925 г. в речи перед студентами Университета народов Востока говорил, что первой задачей партии на восточных окраинах является создание промышленных очагов в этих районах. Поэтому утверждение товарищей о высоком уровне развития капитализма в Туркестане не соответствует фактическому положению вещей перед революцией.

В таком же духе говорилось о поступлении товаров из России, опять-таки при помощи общих цифр. Я также указал на значение торговли товарами, привезенными из России. Фактически на широком рынке расходились именно эти товары. Именно они были той материальной основой, при помощи которой установились регулярные экономические связи между отдельными районами Узбекистана. Отчасти благодаря торговле ими выдвигались на первый план такие города, как Ташкент, Коканд, Андижан, Наманган, Самарканд и другие. Об этом я говорил в своем докладе. Но вместе с тем нельзя фетишизировать эту торговлю. И уровень ее еще был недостаточен для того, чтобы можно было определенно сказать,что внутренний рынок в Узбекистане сложился.

Образование внутреннего рынка—процесс значительно более сложный, чем это кажется А. А. Аминову, М. Т. Турсунову, А. Ф. Якунину, П. И. Эйдельману, А. М. Гуревичу и другим. Один только объем товарооборота еще не может быть показателем наличия внутреннего национального рынка. В. И. Ленин в работе «Развитие капитализма в России» показал, что образование внутреннего национального рынка включает в себя образование рынка и в сельском хозяйстве, и в промышленности. образование рынка рабочей силы, рынка средств производства. Мы не склонны утверждать, что в Туркестане создался особый изолированный национальный внутренний рынок. Значительное количество предметов потребления в Туркестан поступало из центральных районов. Но поступление средств производства было еще пока незначительным. Основные средства производства земледелия—ураки, кетмени, омачи и др.—производились на месте, часто в самих кишлаках. Когда мы говорим о сложении внутреннего рынка, нужно учесть все эти моменты. Я не говорил, что торговая связь с центральными районами для сложения внутреннего национального рынка никакого значения не имела, но вместе с тем считаю, что нельзя сводить все к торговой связи с центральными районами. Эту связь необходимо взять в сочетании с ростом внутренних экономических связей между городом и деревней и между отдельными районами внутри самого Туркестана.

Уровень специализации сельского хозяйства и отдельных районов, который был достигнут к моменту Октябрьской социалистической революции, торговая связь между Туркестаном и центральными районами, существовавшая в этот период, были еще недостаточными для того, чтобы можно было утверждать, что развитие капитализма достигло здесь уровня, свидетельствующего о завершении сложения общности экономической жизни народа. Выступающие говорили, что я вообще недооцениваю значения торговой связи с центральными районами России. А я утверждаю, что эта связь имеет огромное значение. В устном докладе я особо остановился на этом. Опять повторяю: уровень этой связи достигнутый к моменту Октябрьской революции, и по объему, и по своей структуре был еще недостаточен для того, чтобы завершился процесс сложения внутреннего национального рынка в Туркестане как части общего рынка всей России.

Некоторые товарищи упрекали меня в том, что я отрицаю значение появления железной дороги, промышленных предприятий, развития хлопководства, возникновения банков и т. д. Человек, более или менее объективно прочитавший текст моего доклада и слушавший мой устный доклад, может убедиться, что я не отрицаю их значения, а утверждаю, что к моменту Октябрьской социалистической революции развитие их было еще слабое и не могло привести к формированию общности экономической жизни. Это две разные вещи.

Итак, по вопросу сложения общности экономической жизни узбеков я остаюсь при своем прежнем мнении: с развитием капитализма в Туркестане началось сложение внутреннего национального рынка и, на основе этого,—тесная экономическая связь между отдельными районами, городами и т. д., но к моменту Октябрьской социалистической революции процесс сложения общности экономической жизни все же не завершился.

Если по вопросу о сложении общности экономической жизни наши споры приняли более или менее определенный характер, то по другим признакам нации оппоненты говорили не о том, что нас интересовало на данной сессии, а давали другое направление обсуждению. Возьмем вопрос о территориальной общности узбеков. Я утверждаю, что среди узбеков процесс сложения единой национальной земли еще не завершился. А некоторые выступающие трактуют этот тезис, как отрицание наличия территории в смысле жизненного пространства у узбеков. Ведь вопрос о сплочении земли того или иного народа в единую национальную землю не состоит в том, что та или иная нация до этого вообще имела или не имела территории.

В выступлениях отдельных товарищей говорилось, что «если до Октябрьской социалистической революции не завершился процесс сложения территориальной общности узбеков, то откуда пришли узбеки и кто в таком случае дал узбекам территорию» и т. д. Некоторые старались убедить меня,что узбеки жили здесь с давних пор, что они ни откуда не пришли, поэтому у них существовала территориальная общность. Многие привели указание И. В. Сталина о том, что территория как элемент нации существовала еще до капитализма. В этом вопросе нечего меня убеждать.

В своей специальной статье, опубликованной в «Известиях Академии Наук УзССР», я выдвигаю тезис, что узбеки как особая народность со своей общей территорией, народным языком и самобытной культурой сложились еще в X и XII веках.

Узбеки являются исконными жителями Узбекистана. Формирование общности территории как элемент буржуазной нации означает не приобретение тем или иным народом территории в качестве жизненного пространства. Это также не значит, что данный народ до этого жил на разбросанной территории и только после этого определяется его территория. Общность территории присуща не только нации, но и народности, а также в равной мере племени и роду. Но дело в том, что сама эта общность развивается, переходя от одной стадии к другой. В этой связи я позволю себе повторить два высказывания классиков марксизма-ленинизма, приведенные в моем устном докладе.

«Буржуазия,—пишут Маркс и Энгельс,—все более и более уничтожает раздробление средств производства, владения и населения... Независимые, едва связанные между собой области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами оказались сплоченными в одну нацию, одно правительство, одно законодательство, один национальный классовый интерес одну таможенную границу»[1].

Приведу слова В. И. Ленина: «Если можно было говорить о родовом быте, древней Руси, то несомненно, что уже в средние века, в эпоху московского царства, этих родовых связей уже не существовало, т. е. государство основывалось на союзах совсем не родовых, а местных... общины, составлявшиеся таким образом, были часто территориальными союзами... Государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска...особые таможенные границы и т. д. Только новый период русской истории (примерно с XVII века) характеризуется фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое»[2].

Из этих указаний вытекает, что земля того или иного народа до сплочения его в единую нацию является территориальным союзом разных общин, областей и т. д. Вот я и выдвигаю тезис, что до Октябрьской социалистической революции в Узбекистане быстрым темпом протекал процесс сплочения всей узбекской земли в единую национальную землю, но этот процесс не завершился. Иначе непонятно, почему же нужно было проводить национальное размежевание после Октябрьской революции.

Национальная земля узбеков и других народов в Средней Азии еще не была сплочена, еще не вырисовывалась естественная граница национальной земли узбеков, сплоченной тесной экономической связью. Поэтому был так сложен вопрос проведения национального размежевания. Вместо того, чтобы обсуждать вопрос о степени сплочения всей территории узбеков в единую национальную землю, оппоненты вслед за А. А. Аминовым пытались убедить меня в том, что узбеки имели свою землю.

В этом вопросе некоторые товарищи в моем докладе обнаружили наличие «пятого признака» на том основании, что я говорю о делении земли узбеков на Туркестанское генерал-губернаторство, Бухару, Хиву. По утверждениям тт. Аминова, Богоутдинова, Якунина, Раджапова, Сабирова и других, существование Бухары и Хивы никакой роли в этом деле не играло. В подтверждение своих тезисов они привели факты о принятии этими ханствами денежной системы России, о подчинении их внешней политики и внешней торговли России, о снятии таможенной границы. Разве все эти моменты не являются именно политическими факторами? Следовало бы именно их назвать проявлением «пятого признака».

[1] Маркс —Энгельс, Соч., т. 1, Коммунистический манифест.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137.

Указанные выше факторы, чисто внешние для народов Бухары и Хивы, являлись для этих товарищей основным аргументом в рассуждениях о формировании узбекской буржуазной нации. Я считаю, что эти факторы не могли преобразовать основу социальной жизни народа. Народы этих ханств резко отставали в части территориального сплочения не только ст своих собратьев в Туркестане, но и в самих ханствах. В докладе указывалось, что еще сильны были следы бывшей автономии отдельных родов и племен, отдельных владений и бекств. Так кого можно обвинять в признании «пятого признака»? Меня, имеющего в виду не границу как таковую, а народ внутри этой границы, или тех, кто свои аргументы в пользу формирования узбекской буржуазной нации строит на основе только политических факторов и у которых граница выступает основным фактором?

Я считаю, что от изменений во взаимоотношениях этих ханов с царским правительством в этот период особенного изменения в социальной жизни их народов не произошло. Существование эмира и хана с точки зрения их внешней политики никакого значения не имело. Но с точки зрения экономики и культуры народов и развития национальных связей это имело очень большое значение, ибо задерживало их развитие. Против такого взгляда возражали тт. Богоутдинов и Сабиров. Если стать на их точку зрения и считать, что власть бухарского эмира была просто видимостью и что никакого отрицательного влияния она не оказала на развитие узбеков эмирата, то возникает вопрос, почему в таком случае таджики не стали буржуазной нацией? Разве были какие-либо особые различия между узбеками и таджиками Туркестана и между узбеками и таджиками Бухарского эмирата? Почему узбеки в Туркестане и Бухаре стали буржуазными нациями, а таджики этого уровня не достигли? Тогда нужно придти к заключению о том, что таджики стали буржуазной нацией. А на деле, в результате того, что основная масса таджиков была в Бухаре и ее феодальный строй задерживал развитие народов Бухары, таджики в своем национальном оформлении значительно отстали от узбеков. Следовательно, существование феодальных ханств для их народов не было пустой фикцией.

В вопросе о сложении территориальной общности узбеков как элемента буржуазной нации большое недоумение вызвали мои утверждения о наличии следов бывшей территориальной автономии среди узбеков, выразившихся в слабости чувства национального самосознания, в наличии пережитков «местничества». Отдельных товарищей особенно возмутила моя фраза, что понятие родины зачастую ограничивалось собственным городом и кишлаком. По поводу последней фразы А. Ф. Якунин обвинял меня в том, что я отрицаю патриотизм узбеков, который так ярко проявился на фронтах Отечественной войны. Я приношу извинения перед товарищами-узбеками по поводу этой моей фразы, если я этим умалил их патриотизм, но я совершенно не имел этого в виду. Но раз моя фраза может привести к таким заключениям, значит она сказана неуместно, и это моя ошибка.

Но вместе с тем по существу выдвинутого мною вопроса я должен дать некоторое разъяснение. М. Турсунов, а за ним и ряд других товарищей говорили, что именование народа себя названием родов и племен, городов и кишлаков никакого значения не имеет и будет существовать даже при коммунизме. Да. Сейчас и в будущем люди скажут, что я из такого-то города или из такого-то рода, и это ничего не будет означать. Но было же такое время, когда это что-то означало. Существовала же брачная замкнутость отдельных родов и племен. Было же время, когда каждый приехавший в другой город или кишлак назывался мусофиром

(чужестранцем) и чувствовал себя оторванным от родной «земли», хотя и находился на общей узбекской земле. А следы этого сохранились и среди узбеков колониального периода, но, конечно, очень быстро начали стираться. Однако развитие капитализма не успело ликвидировать их совершенно, и превратить наименование людей, название местожительства и родов в обычное, не имеющее силы явление.

Нельзя, исходя из нынешнего положения, оценивать прошлые явления. В равной мере нельзя отождествлять чувство патриотизма советских людей, порожденное социалистическим строем и воспитанное Коммунистической партией, с тем чувством привязанности к Родине, которое было порождено феодальным строем. И понятие Родины имеет свои этапы развития. Это должно быть известно и уважаемому А. Якунину.

Итак тезис о том, что среди узбеков в колониальном периоде не завершился процесс сложения территориальной общности, совершенно не исключает общей территории узбеков, а означает, что земля узбеков не сплотилась в одно целое на основе роста капиталистических отношений. Я и в этом вопросе остаюсь при своем тезисе.

По вопросу о сложении общности языка у узбеков я выдвигаю тезис, что узбекский язык до Октябрьской революции не достиг уровня национального языка и находился в процессе перехода от языка народности к языку национальности. А. А. Аминов и в этом отношении изменил направление обсуждения. И здесь мой тезис трактовался как отрицание наличия общего разговорного узбекского языка. Язык народностей и язык национальностей—это два этапа развития языка. Вокруг этого нужно было вести спор. По этому вопросу, между прочим, и В. В. Решетов не высказался определенно. Многие же, не разобравшись в сути дела, как например И. П. Эйдельман и другие, пытались доказать известную истину, что узбеки имели свой родной язык.

По выступлению же В. В. Решетова получилось так, что я якобы отрицаю существование общенародного разговорного языка в национальном масштабе. В моем докладе я говорил, что развивался именно общенародный язык. И это было основным моментом формирования национального языка. Что касается языка письменной речи, то он значительно отстал от этого процесса. Он отставал вплоть до самой революции. В связи с этим я говорил о джадидской прессе и т. д.

Кроме В. В. Решетова, по вопросу об узбекском языке говорил А. М. Гуревич.

И здесь не могу не удивиться выступлению А. М. Гуревича, который считает, что цитированное мною высказывание В. И. Ленина об условиях формирования национальных языков является порочной методологией. Оказывается, что это указание В. И. Ленина относится к Западной Европе и не может быть применено к Средней Азии. Скажу коротко, что указание Ленина является методологической основой и для понимания условий формирования узбекского национального языка. «Теория» о том, что марксизм-ленинизм не может быть применен к Востоку, давно похоронена вместе со своими творцами.

В. И. Ленин этот абзац начинает словами: «во всем мире...» Вопреки этому А. М. Гуревич заявляет, что это место относится к Западной Европе и неприемлемо для узбекского языка. Приводя это указание В. И. Ленина, я имел в данном случае в виду не вопрос о формировании нации в целом, а ту часть его, где речь идет об условиях формирования национального языка, об условиях перехода языка от стадии языка народности к стадии языка национальности. Это условие, указанное Лениным, обязательно и для узбекского языка. Значительное развитие языка, его закрепление в литературе—обязательное условие для всех

языков в переходе их к стадии языка национальности. Национальный язык тем и характеризуется, что общеразговорный народный язык в полной мере закрепляется в литературе. Общеразговорным народным языком является и язык народности, и язык племени, но он или совсем не закреплен в литературе у тех народов, которые не имеют в этот период письменности или закрепляются не в полной мере. Так было с узбекским языком при феодализме, когда письменная речь ограничивалась в основном художественной литературой. В колониальный период шел быстрый процесс развития языка и сближения письменного языка с общенародным живым языком.

А. М. Гуревич в этом вопросе высказал в мой адрес немало ядовитых слов, хотя и упрекал меня в том, что я, говоря о теории «деколонизации», оскорбил своих оппонентов. Но если отбросить фразы Гуревича о моей неграмотности, бестолковости и т. д., то остается лишь одно, что указание В. И. Ленина не может быть применено к выяснению условий формирования узбекского национального языка. Я повторяю, что только это указание может дать нам ключ к пониманию условий перехода всех языков, в том числе и узбекского языка от стадии языка народности к стадии языка национальности.

Я не языковед, но исхожу из работ наших языковедов и придерживаюсь мнения тех языковедов, которые считают, что узбекский язык в этот период начал переходить от языка народности к языку национальности, но что процесс этот не завершился. А формирование языка национальности и есть выражение сложения общности языка как элемента нации.

Такой же характер получило и обсуждение вопроса о сложении общности культурной жизни узбеков. Я утверждаю, что к моменту Октябрьской социалистической революции процесс сложения общности культурной жизни у узбеков как один из основных признаков буржуазных наций не завершился. А это трактуется как отрицание вообще культуры у узбеков. Вопрос состоял в том, стала ли общая культура узбекского народа выражением буржуазной действительности?

И. В. Сталин говорил: «Но что такое национальный характер, как не отражение условий жизни, как не сгусток впечатлений, полученных от окружающей среды?»[1]. Я и выдвигаю тезис, что культура узбекского народа к моменту Октябрьской революции еще не стала отражением условий жизни буржуазного общества, что господствовала еще феодальная культура и идеология феодального общества. И здесь меня начали убеждать в том, что узбеки имели свою культуру в прошлом. Но о наличии самобытной культуры узбекского народа еще в X—XII веках я указывал в своей уже упомянутой специальной статье.

А. Ф. Якунин и другие нашли в моем докладе большие противоречия. Якобы на словах я утверждаю тезис о начале национального формирования среди узбеков, а фактически отвергаю его, ибо, по моим тезисам, формирование всех четырех элементов нации к моменту Октябрьской революции осталось незавершенным. Они требуют ответа, есть нация или нет, нации? Но не признают того положения, что нация формируется не в один день. Это процесс длительный.

По мнению многих, отдельные элементы—территория, язык и культура, как элементы нации существовали давно и не хватало только общности экономической жизни. Это неправильно. И. В. Сталин, говоря об этих элементах наций, возникших еще в недрах феодализма, указывает, что они находились в зачаточном состоянии и в лучшем случае представ-

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 300.

ляли лишь потенцию в смысле образования нации. Это значит, что территория того или иного народа, как указывал В. И. Ленин, представляла территориальный союз различных общин, «земель», княжеств и т. д. Язык находился в стадии развития языка народности, культура, отражала феодальную действительность. При благоприятных условиях эти элементы могли бы превратиться в элементы нации. Эти благоприятные условия—эпоха поднимающегося капитализма с его национальным рынком и культурными центрами.

При такой же постановке вопроса, как у А. М. Богоутдинова, А. А. Аминова и других, совсем снимается понятие потенциальной возможности образования элементов нации и значение эпохи поднимающегося капитализма. Территориальная общность, национальный язык и общность культуры, по их мнению существовали давным-давно. И вот, начиная с конца XIX века, в Туркестане появился капитализм, и к 1917 г. узбекская буржуазная нация со всеми чертами, присущими такой нации, оказалась налицо.

Буржуазная нация—это определенное понятие об уровне развития экономики, культуры, языка того или иного народа. Утверждение, что узбекская буржуазная нация к моменту Октябрьской социалистической революции уже сложилась,— неубедительно потому что узбеки в этот период не обладали еще всеми чертами буржуазной нации.

Отдельные товарищи выдвигали такой тезис: узбеки сформировались в буржуазную нацию, но последняя была «неразвита», «слаба», «не зрела». Никогда буржуазные нации не развиваются равномерно и нет критерия, определяющего понятия «развитости», «зрелости» или «слабости» нации. Все нации находятся в разной степени развития и зрелости. А понятие формирования нации определенное—это сложение четырех элементов.

Выдвигая тезис, что узбеки до Великой Октябрьской социалистической революции не достигли высшей ступени национального оформления, мы считаем, что все четыре элемента нации среди узбеков еще не сложились как устойчивая общность на основе капиталистического способа производства. Товарищи предлагают разные формулировки для определения ступени национального оформления узбекской и казахской буржуазных наций, но не хотят согласиться с той формулировкой, которую дал этой ступени И. В. Сталин, говоривший, что казахи в смысле национального оформления не достигли высшей ступени и занимали среднее положение между грузинами, армянами, достигшими этой высшей ступени, и чеченцами и кабардинцами, находившимися на низшей ступени национального оформления.

В заключение скажу, что я остановился на выступлениях тех, кто выдвигал противоположный тезис. Конечно, в их выступлениях имелось немало ценных указаний на неудачные формулировки моего доклада, на упущение ряда вопросов, наличие неправильных фраз и т. д., в выступлениях товарищей, поддержавших наши тезисы, также были отдельные неправильные положения.

Несмотря на то, что в выступлениях оппонентов было немало необоснованных упреков и даже недопустимых выражений, как, например, у Столярова, хотя из его путаного выступления я мало что мог понять, в целом обсуждение доклада прошло очень плодотворно. Замечания по конкретным вопросам я принимаю и учту их в дальнейшей работе.

А. Н. НУСУПБЕКОВ

Заключительное слово

Поступил вопрос: «Вы утверждаете, что у казахов до революции существовала территориальная общность, но говорите, что эта территориальная общность была в зачаточном состоянии. Разъясните, почему?»

Я исходил из сталинского указания, что территориальная общность образуется еще при сложении народности, но поскольку устойчивая экономическая общность не созрела—территориальная общность остается в зачаточном состоянии, как и другие элементы.

Теперь разрешите коротко остановиться на выступлениях.

Подавляющее большинство выступающих дополнило и подтвердило выводы, изложенные в докладах.

Наряду с этим имеется ряд замечаний частного характера. Они не меняют существа выводов докладов.

Заслуживает внимания выступление О. А. Сухаревой. Она выдвинула ряд ценных положений. Я для себя сделал соответствующие выводы.

С. Б. Баишев, Е. Э. Бертельс, О. А. Сухарева указывают, что в моем докладе несколько приподнят уровень развития отдельных признаков нации. Считаю это верным относительно экономической общности казахов. Что касается других признаков, считаю выводы, изложенные в докладе, правильными.

Чем объясняется, что я дал большой экономический материал? Мне сделали в этом отношении упрек. Но ведь каждый раз оппоненты говорили: дайте экономический материал.

Выступление А. Ф. Якунина не убедило нас. Сегодняшнее его выступление не внесло ничего существенного для решения данного вопроса. Доводы не убедительны, выводы не соответствуют исторической действительности. Они принципиально расходятся с нашими выводами. Думаю, что нам удалось убедить большинство участников сессии, за исключением некоторых и в том числе А. Ф. Якунина.

А. Ф. Якунин обвинил нас в том, что наши выводы расходятся с указанием И. В. Сталина о казахской и узбекской буржуазных нациях. Это ничем не обоснованное обвинение. Я старался проследить сложный процесс формирования казахской буржуазной нации, исходя из указаний классиков марксизма-ленинизма, и подходил к решению этого вопроса творчески, не догматически. Нельзя выхватывать отдельные цитаты и строить на них теоретическую базу.

Некоторые оппоненты, в том числе А. Ф. Якунин, говорят: а почему серединное положение? Почему шел процесс образования нации и не завершился? По этому вопросу имеется прямое указание И. В. Сталина

Цитату я не привел, поскольку она имеется в докладе М. Г. Вахабова.

Это соответствует исторической действительности. Историческое развитие основных элементов казахской буржуазной нации и, прежде всего, экономический уровень развития Казахстана свидетельствует об этом.

Советую А. Ф. Якунину, когда он говорит об американском демократизме, еще раз прочитать письмо В. И. Ленина к Степанову-Скворцову. Полемизировать не буду, так как возможно, что А. Ф. Якунин оговорился.

Думается, что положительные результаты сессии несомненны, они скажутся на правильном решении ряда вопросов истории Средней Азии и Казахстана.

Из выступлений я сделал для себя ряд выводов, полезных в деле решения важнейших проблем истории Советского Казахстана.

Позвольте выразить уверенность, что плодотворные результаты сессии помогут правильно понять и решить существенные вопросы истории народов Средней Азии и Казахстана.

---

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 142—143.

О ХАРАКТЕРЕ ВОССТАНИЯ 1916 года В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ

Х. Т. ТУРСУНОВ
Кандидат исторических наук
(Институт истории и археологии Академии Наук УзССР)

О ХАРАКТЕРЕ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ (Доклад)

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Коммунистическая партия всегда придавала и придает огромное значение развитию исторической науки, являющейся одним из важных участков идеологической работы. Под руководством Центрального Комитета нашей партии были разоблачены различные антимарксистские «концепции» в области истории. Был нанесен решительный удар вульгаризаторской «школе» Покровского. В результате советская наука достигла крупных успехов.

Историческая наука развивается во всех национальных республиках Советского Союза, в том числе и в республиках Средней Азии и Казахстана. Выросли многочисленные национальные кадры историков, появились серьезные монографии по истории народов Средней Азии и Казахстана.

Наша историческая наука развивается и преуспевает в непримиримой борьбе со всякими националистическими и иными враждебными «теориями». При помощи и под непосредственным руководством Центрального Комитета нашей партии были вскрыты серьезнейшие буржуазно-националистические извращения и ошибки, допускавшиеся некоторыми историками среднеазиатских республик и Казахстана.

К числу грубых извращений относится, например, идеализация феодального прошлого в истории отдельных народов, воспевание феодально-байского быта, идеализация всевозможных ханов и феодально-родовых вождей и, наряду с этим, затушевывание классовой борьбы внутри общества, протаскивание в науку антинаучной, реакционной теории «единого потока», извращения в оценке характера национальных движений, происходивших во второй половине XIX и начале XX вв. и т. д.

В нашей исторической литературе в течение долгого времени имели хождение совершенно неверные, ошибочные взгляды в оценке характера движения Кенесары Касымова в Казахстане, восстаний джегим-ханов в Фергане, Андижанского восстания 1898 г., восстания Джунаид-хана в Туркмении и Хиве и некоторых других движений. Эти явно реакционные, феодально-националистические движения рассматривались некоторыми историками как национально-освободительные, народные, прогрессивные движения.

Как известно, на съездах партийных организаций Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Туркмении и Киргизии и на пленумах Центральных Комитетов компартий этих республик были подвергнуты суровой критике идеологические и политические извращения и ошибки отдельных историков, в частности, по вопросам истории национальных движений.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза поставил перед нами важнейшую задачу—полностью покончить с недооценкой идеологической работы, повести решительную борьбу с либерализмом и беспечностью в отношении идеологических ошибок и извращений, выкорчевывать остатки буржуазной идеологии, систематически повышать и совершенствовать идейно-политическую подготовку кадров, направлять все средства идеологического воздействия на дело коммунистического воспитания, поднять на более высокий идеологический уровень советскую науку, смело развертывая критику и свободную борьбу мнений в научной работе. Все это относится, конечно, и к области исторической науки. Выполняя решения XIX съезда партии, решительно борясь с идеологическими извращениями и ошибками и преодолевая отставание исторической науки, мы, историки, должны создать подлинно научную, марксистскую историю народов Средней Азии и Казахстана.

К числу актуальных задач историков Советского Востока относится марксистское освещение истории национальных движений в России в конце XIX и начале XX вв. Изучение истории национально-освободительной борьбы поможет нам, историкам, наглядно показать развитие освободительного движения народов национальных окраин под непосредственным влиянием революционной борьбы рабочего класса России, даст богатый материал для освещения роли народных масс в историческом процессе.

Всестороннее изучение национальных движений на основе марксистско-ленинской теории имеет международное значение, особенно для колониальных и зависимых стран Востока, в которых происходит ныне великий процесс возрождения и развертывания борьбы против англо-американских и иных поработителей.

Вместе с тем правильное освещение истории национальных движений имеет большое значение в деле разоблачения националистических и других враждебных марксизму-ленинизму взглядов.

Одним из сложных и, вместе с тем, важных вопросов, требующих тщательного изучения, является, несомненно, вопрос о характере восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане.

Известно, что в свое время презренные враги народа, наймиты иностранного капитала—Рыскулов, Файзулла Ходжаев и другие, извращая исторические факты, распространяли лживые версии о том, что будто бы восстание 1916 г. было войной народов Средней Азии против всего русского народа. Они пытались таким образом противопоставить народы Средней Азии и великий русский народ, посеять недоверие между этими народами, разжечь национальную рознь и, в результате, поколебать дружбу народов нашей страны.

Но и в последние годы замаскировавшиеся остатки разбитых партией враждебных Советскому государству буржуазно-националистических групп пытались использовать историческую науку для подрывной работы на идеологическом фронте.

Вследствие беспечности и либерализма, имевших место в работе институтов истории академий наук и исторических кафедр вузов республик Средней Азии и Казахстана, буржуазным националистам до известного времени удавалось протаскивать кое-где буржуазные «идейки» и навредить нам, в том числе и в области изучения национальных движений, в частности, в вопросе восстания 1916 г.

Советская историческая наука положила начало всестороннему изучению истории восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Появились десятки различных брошюр, статей, тезисов; издано несколько сборников документов о восстании 1916 г. в Узбекистане, Казахстане,

Туркмении и Киргизии; написано несколько кандидатских диссертаций, например, в Киргизии, в Туркмении и в Узбекистане.

И несмотря на это, приходится все же констатировать, что история восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане не получила до сих пор полного освещения в нашей исторической литературе. Многие работы, посвященные данной теме, содержат немало ошибок и искажений.

Большинство авторов, писавших о восстании 1916 г., в общем правильно характеризует это движение как прогрессивное, национально-освободительное. Однако многие историки, изучавшие это восстание, не показывают особенностей и отличительных черт восстания в различных районах и местностях, обходят вопрос о наличии отдельных реакционных очагов в восстании. Этим самым затушевываются происки феодально-клерикальных, панисламистских, пантюркистских и иных враждебных элементов, стремившихся использовать восстание 1916 г. в своих антинародных целях.

Авторы второго издания «Истории Казахской ССР» (том I), оценивая восстание 1916 г. как национально-освободительное крестьянское движение, направленное против царизма и казахских баев-феодалов, не вскрывают наличия отдельных реакционных очагов восстания в Семиреченской области, замазывают антинародные действия феодально-клерикальных элементов. Больше того, они объявляют реакционное восстание на юге Семиречья наиболее массовым народным движением. Аналогичные ошибки имеются в брошюре С. Брайнина и Ш. Шафиро «Восстание киргиз Семиреченской области в 1916 г.», в кандидатской диссертации Д. Меджитова «Восстание 1916 года в Киргизии», в брошюре А.-В. Шестакова «15 лет восстания в Средней Азии» и в ряде других. Между тем, всестороннее изучение фактов указывает на наличие ряда реакционных очагов в восстании 1916 г. на юге Семиречья.

Во II томе «Истории народов Узбекистана», а также в сборнике статей «Национально-освободительное восстание 1916 года в Узбекистане», изданном в 1947 г., не вскрыта реакционная роль феодально-клерикальных групп, вследствие которой восстание в городе Джизаке и некоторых волостях Джизакского уезда получило антинародное, панисламистское направление. Авторы указанных работ ошибочно полагали, что джизакское восстание являлось кульминационным пунктом восстания 1916 г. в Узбекистане.

Подобного рода ошибки встречаются и в работах, посвященных восстанию 1916 г. в Туркмении, например, в кандидатской диссертации А. И. Акатовой «Восстание туркмен в 1916 году», в сборнике документов и материалов о восстании 1916 г. в Туркмении и других. Гаиб Непесов в своей докторской диссертации, извращая исторические факты, выдавал за начало восстания 1916 г. феодально-монархические движения в конце 1915 и начале 1916 гг. в районе хивинских туркмен, возглавлявшиеся Джунаид-ханом и Шами-келем.

Следует также подвергнуть суровому осуждению глубоко ошибочные концепции отдельных авторов, которые представляют восстание 1916 г. в Средней Азии сплошь реакционным, националистическим, направленным вообще против русских. По мнению таких авторов, движением 1916 г. везде и всюду руководили феодалы, духовенство, национальная буржуазия вместе с иностранной разведкой.

Эта старая избитая «концепция» не имеет ничего общего с исторической правдой. Это — клевета на освободительную борьбу народных масс. Отдельные историки находились в плену этих враждебных взглядов, а потому допускали в своих работах грубые методологические извращения. Например, А. Миклашевский в своей статье «Социальные

движения 1916 г. в Туркестане», опубликованной в журнале «Былое» за 1924 г. (№ 27—28), писал: «Подводя итоги, можно сказать, что движение в целом (т. е. восстание 1916 г.—*Х. Т.*) носило национальный характер борьбы: 1) против русской власти, 2) против русского населения,— поскольку первое и второе в понимании восставших представляли одно целое». (стр. 255).

П. Алексеенков в своей брошюре «Что такое басмачество?», изданной в 1936 г., утверждал, будто все классы местного коренного населения колониального Узбекистана составляли единый фронт в национальных движениях под гегемонией местной национальной, преимущественно узбекской, буржуазии. С другой стороны, в своей брошюре «Хивинское восстание», изданной в 1930 г., тот же Алексеенков утверждает, что один из главарей басмачества Джунаид-хан в 1916 г. был будто бы народным вожаком. На самом деле, как известно, Джунаид-хан был отъявленным врагом Советской власти, врагом туркменского и узбекского народов, активным организатором басмачества.

К сожалению, ошибочная трактовка восстания 1916 г. как реакционного имеет место и сейчас среди некоторой части советских историков. Например, Ю. Тарасов не так давно опубликовал в журнале «Вопросы истории», (1951, № 9) свою статью «О характере движения 1916 года в Туркмении». По мнению Тарасова, восстание 1916 г. на территории всего Туркменистана следует считать реакционным, националистическим движением, которое было подчинено исключительно интересам феодально-родовой верхушки, ориентировавшейся на Турцию, Германию, Персию и Афганистан.

В начале 1953 г. в журнале «Вопросы истории» (№ 3) была помещена статья А. Якунина и О. Кулиева, подвергшая острой критике грубые ошибки Ю. Тарасова. Авторы этой статьи рисуют в целом правильную картину событий 1916 г. в Туркмении. Но и тт. Якунин и Кулиев в своей статье не сумели в достаточной степени показать антинародную, предательскую роль феодально-клерикальных элементов в Туркестане.

В изучении истории и оценке характера восстания 1916 г. мы должны прежде всего исходить из конкретных исторических условий, в которых протекало это восстание. Мы должны внимательно изучать эти конкретные исторические условия и особенности движения в каждом районе Средней Азии и Казахстана в отдельности, ничего не приукрашивая и ничего не затушевывая. Восстание 1916 г., происходившее на огромной территории, было стихийным, в основном крестьянским движением, не имевшим единого руководящего центра. Феодально-клерикальные элементы пытались кое-где захватить руководство движением в свои руки, что им иногда и удавалось сделать.

Верным компасом в деле правильной оценки характера национальных движений, в том числе и восстания 1916 г., является марксистско-ленинская теория.

Марксизм-ленинизм рассматривает национальный вопрос, а следовательно, и национальное движение не как нечто самостоятельное, самодовлеющее, а как часть общего вопроса о социально-политическом развитии общества, как часть общего вопроса о пролетарской революции, о диктатуре пролетариата.

Ленин и Сталин неоднократно указывали, что далеко не всякое национальное движение является прогрессивным и может быть поддержано пролетариатом. «Несомненная революционность громадного большинства национальных движений,— говорил И. В. Сталин,— столь же

относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна реакционность некоторых отдельных национальных движений»[1].

Поддерживая прогрессивные национальные движения, большевики выступали вместе с тем против всяких реакционных национальных движений, которые так или иначе приходили в столкновение с интересами развития мирового революционного движения.

«Не изменяя социализму,— указывал В. И. Ленин,— мы должны поддерживать *всякое* восстание против нашего главного врага, буржуазии крупных государств, если это не восстание реакционных классов»[2]. Далее В. И. Ленин писал: «...думать, что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками,* без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против помещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета,— думать так значит отрекаться от социальной революции»[3].

Итак, прогрессивными национальными движениями являлись и являются лишь те движения, которые идут в ногу с общемировым революционным движением, способствуют развитию революционной борьбы и вместе с тем подрывают реакционные силы, расшатывают основы мирового империализма.

Так учат классики марксизма-ленинизма.

Предпосылки восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, начало и ход восстания, движущие силы и характер восстания, отношение феодально-клерикальных элементов и национальной буржуазии к восстанию 1916 г., поражение и уроки восстания—таков круг вопросов, на которых я остановлюсь в своем докладе.

II. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ 1916 г.

Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане было одним из крупных национальных движений в России в эпоху империализма. Оно было подготовлено всем ходом социально-экономического развития этих бывших окраин царской России.

Присоединение Средней Азии и Казахстана к России оказалось прогрессивным явлением в исторических судьбах народов края. После присоединения к России Средняя Азия и Казахстан стали частями не только царской помещичье-буржуазной России, господствующие классы которой, как и феодально-клерикальная верхушка края, осуществляли реакционную политику и жестоко угнетали трудящихся. Главное заключалось в том, что Средняя Азия и Казахстан стали неразрывными частями революционной России, страны, которая на рубеже XIX—XX вв. становится центром мирового революционного движения. Под непосредственным воздействием революционного движения в России началось политическое пробуждение всех угнетенных народов Востока. Таким образом, исторические условия для освободительного движения порабощенных масс в корне изменились. Классовая и национально-освободительная борьба трудящихся Средней Азии и Казахстана, как и трудящихся других национальных окраин, начинает все более тесно переплетаться с борьбой русского пролетариата за освобождение всей страны от социального и национального гнета.

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 143.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 318.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 340.

В результате присоединения к России произошли серьезные изменения и в социально-экономической жизни народов Средней Азии и Казахстана. Несмотря на то, что царизм всемерно тормозил развитие производительных сил Туркестана и Казахстана, он был уже не в состоянии задержать прогрессивный ход исторического развития в самой России, с судьбами которой были тесно связаны Туркестан и Казахстан. Развитие капитализма в России неминуемо обусловило существенные изменения в экономике, культуре и быте края, ускоряя здесь процесс разложения патриархально-феодальных отношений. Капиталистические отношения постепенно начали развиваться и здесь, что вело к появлению национального пролетариата и национальной буржуазии. В кишлаке и ауле также ускорилась классовая дифференциация, усиливался процесс обезземеливания и разорения трудящихся масс крестьянства.

Однако не следует преувеличивать степени социально-экономических изменений и классовой дифференциации в дореволюционном Туркестане и Казахстане. Вплоть до Октябрьской социалистической революции патриархально-феодальные отношения продолжали оставаться здесь господствующими. Средняя Азия и Казахстан так и не успели пройти путь капиталистического развития.

В кочевых и полукочевых районах Туркестана (Семиречье, Джизакский уезд Самаркандской области, южные районы Туркмении и др.) и южных и центральных районах Казахстана в сильной степени сохранились феодально-патриархальные отношения.

Империалистическая политика превращения Средней Азии и Казахстана в аграрно-сырьевой придаток метрополии и патриархально-феодальное прошлое обусловливали крайнюю экономическую отсталость этих колониальных окраин царской России.

Трудящиеся массы Средней Азии и Казахстана находились под двойным гнетом: русского военно-феодального империализма и местных эксплуататорских классов.

Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов, держал их в состоянии бесправия, подвергая всяческим унижениям и оскорблениям, натравливая одни народы на другие.

Царизм проводил политику «разделяй и властвуй», натравливая друг на друга народы Средней Азии и Казахстана, воспитывая презрение и ненависть к трудящимся Средней Азии и Казахстана, как к «низшей» расе, презрительно называя их «инородцами». Широкие народные массы — рабочие, крестьяне и ремесленники — подвергались тяжелой феодальной и капиталистической эксплуатации, которая вела к разорению и обнищанию трудящихся города и деревни. Положение дехкан и скотоводов-казахов, киргизов, туркмен и других еще более ухудшалось в связи с захватом царизмом лучших земель коренного населения и проводимой им переселенческой политикой.

Народные массы края были бесправными и в политическом отношении. Народы Средней Азии и Казахстана оказались расчлененными по различным областям. Царизм культивировал невежество и мракобесие, тормозил развитие школ и печати на родном языке. Трудящиеся массы Средней Азии и Казахстана продолжали оставаться почти поголовно неграмотными.

Национально-колониальный гнет и безудержная эксплуатация становились с каждым годом все более тяжелыми и невыносимыми для широких масс населения Средней Азии и Казахстана.

Первая мировая империалистическая война привела всю страну к хозяйственной разрухе. Царская Россия терпела на фронтах поражение за поражением. За время войны резко усилился колониальный гнет и

эксплуатация трудящихся масс окраин России. В больших масштабах продолжался захват земель у коренного населения, сокращались посевы, росли налоги; под видом всевозможных «пожертвований» и сборов на нужды войны население обирали как липку. Из Туркестана и Казахстана значительно увеличился вывоз различного сырья, продуктов питания, скота, лошадей и т. д., и вместе с тем резко сократился ввоз в край промышленных товаров и, особенно, хлеба.

Установление весьма низких твердых цен на хлопок в угоду капиталистам привело в дальнейшему обнищанию хлопкоробов. Росла дороговизна, начались голодовки. Повсеместно усилилось взяточничество, воровство, насилия и произвол чиновников и местной администрации.

Вся тяжесть войны легла на плечи трудящихся масс города, кишлака и аула. Буржуазия, кулаки и помещики еще более обогащались во время войны за счет усиления эксплуатации бедняцких масс. В своем донесении начальник Кокандского отделения жандармского управления Среднеазиатской железной дороги сообщал в январе 1915 г., что байские элементы о войне высказываются так: «Такой войны сто лет не дождешься, когда же нажить, как не теперь»[1].

Усиление эксплуатации и национально-колониального гнета в период первой мировой войны вызывало острое недовольство и озлобление среди трудящихся Средней Азии и Казахстана. Империалистическая война обострила классовые противоречия и ускорила назревание революционного кризиса в стране. С осени 1915 г. Россия вступила в полосу революционной ситуации. На предприятиях Туркестана и Казахстана, как и во всей стране, росли забастовки рабочих, происходили волнения в кишлаках и аулах.

В донесениях жандармерии сообщалось в начале 1915 г., что «среди рабочего элемента заметна нервность, повышаемая разговорами о дороговизне жизни..., стало больше поступать в продажу газет социал-демократического направления». И дальше: «Нужда растет, а вместе с нею и недовольство народонаселения, могущее вылиться в открытое возмущение»[2].

Идеи большевистской партии об отношении к империалистической войне, лозунги о поражении царизма и превращении империалистической войны в войну гражданскую распространялись и в Туркестане и в Казахстане через местных большевиков. Эти идеи мобилизовали трудящиеся массы Средней Азии и Казахстана на борьбу с царизмом.

Вообще надо сказать, что со времени революции 1905—1907 гг., которая сыграла большую роль в жизни народов Средней Азии и Казахстана, трудящиеся массы местного коренного населения все решительней поворачивают в сторону сближения с русским рабочим классом и русским революционным движением. Именно под непосредственным влиянием развивавшейся революционной борьбы русского рабочего класса росло революционное, национально-освободительное движение в Средней Азии и Казахстане.

Весь опыт революционно-освободительной борьбы в крае говорит о том, что шло неуклонное сближение трудящихся масс Средней Азии и Казахстана с русским рабочим классом в этой борьбе против общего врага царизма, помещиков и капиталистов. Это говорит также о том, что восстание 1916 г. имело гораздо более глубокие предпосылки и причины, нежели появление царского указа о призыве «инородцев» на тыловые работы.

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1084, лл. 2—6.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1084. лл. 2—6.

III. НАЧАЛО И ХОД ВОССТАНИЯ

Уже в первые два года империалистическая война поглотила миллионы людей и требовала все больших и больших жертв. Нехватало людей для фронта и для работы в тылу. В 1916 г. царское правительство решило призвать в тыловые дружины так называемых «инородцев», которые до этого не несли воинской повинности. Был издан известный царский указ от 25 июня 1916 г. о так называемой «реквизиции инородцев» на тыловые работы.

Чаша терпения трудящихся масс края переполнилась. Началось освободительное восстание народов Средней Азии и Казахстана, восстание, которое уже давно назревало и было подготовлено всем ходом социально-экономического развития края. Началась освободительная война, возникшая под влиянием революционной борьбы русского рабочего класса.

Обнародование указа царя о призыве на тыловые работы являлось непосредственным поводом и одной из причин восстания 1916 г. Указ явился неожиданным не только для населения, но и для царской администрации. Генерал Куропаткин в своем докладе военному министру Шувалову писал, что «поводом и ближайшей причиной беспорядков, несомненно, послужил призыв туземцев Туркестана к выставлению рабочих. Этот призыв, переданный в слишком спешном порядке с приказанием представить рабочих немедленно, и население и администрацию края поставил в тяжелое положение»[1].

Указ был получен в самый разгар сельскохозяйственных работ, угрожал срывом уборки урожая. Согласно разработанному туркестанским генерал-губернатором плану, предполагалось произвести набор 250 тысяч человек по следующему обязательному наряду:

по Семиреченской области	—87 тысяч человек
по Сыр-Дарьинской «	—60 « »
по Ферганской «	—50 « »
по Самаркандской «	—38 « »
по Закаспийской «	—15 « »

Впоследствии число «реквизируемых» по Туркестанскому краю было понижено до 220 тысяч человек ввиду того, что у царского правительства, в связи с решительным протестом со стороны народных масс, не было уверенности в выполнении прежнего плана набора.

Составление посемейных списков призываемых было поручено местной администрации. Для волостных управителей, сельских старшин, пятидесятников, казиев, царских чиновников открылся новый источник обогащения за счет злоупотреблений, взяток и вымогательств у населения.

В интересах эксплуататорских групп и представителей местной администрации правительство разработало специальную, как бы дополнявшую указ, инструкцию, согласно которой должностные лица волостных, сельских, аульных управлений, их джигиты, духовенство, так называемые «почетные граждане» и некоторые другие категории имущих групп населения освобождались от призыва. Кроме того, было дано указание, что «любой туземец» может нанять другого человека и послать его вместо себя, чем воспользовалась эксплуататорская верхушка.

Все это еще более усиливало ненависть трудящихся масс к царской и местной администрации и поднимало их на борьбу против эксплуатации и угнетения.

[1] Восстание 1916 года в Туркмении (документы и материалы), стр. 213—214.

Среди населения росло сильное возбуждение. Начальник туркестанской охранки в своем донесении в начале июля сообщал, что «в чайханах и т. п. заведениях туземцы говорят, что если не будут взяты на работу богачи, то менее состоятельный класс населения склонен к учинению крупных беспорядков и расправится самосудом с богачами»[1].

Первые признаки активного сопротивления и отказа масс от выполнения царского указа выразились в самовольном уходе рабочих и батраков с работы, в откочевках кочевого населения в отдаленные районы, в уничтожении посемейных списков, в подаче жалоб на злоупотребления местной администрации и т. д. Начальник Туркестанского районного охранного отделения сообщал генерал-губернатору края, что «первые наружные признаки могущих быть волнений выразились в том, что 3 и 4 июля с. г. киргизы, служившие у русских, бросили службу, даже не рассчитавшись, и ушли в свои области»[2].

Самовольно ушли с работы все чернорабочие-казахи с предприятия «Спасских медных руд», принадлежавших английскому акционерному обществу. В начале июля 1916 г. атаман Мало-Алмаатинской станицы Верненского уезда сообщил о побеге почти всех годовых работников-казахов, а также сезонных рабочих на уборке хлебов. К представителям царской администрации поступило много заявлений от русских кулаков с жалобами на самовольный уход батраков с полевых работ. В одном из прошений на имя туркестанского генерал-губернатора баи Кошкурганской волости Ташкенсткого уезда писали, что работающие у них батраки сразу же по оглашении наряда ушли, бросив полевые работы[3]. Аналогичные явления имели место и в Закаспийской, Ферганской, Самаркандской и других областях.

Выступления народных масс начались и проходили стихийно, неорганизованно, разновременно и без единого плана и руководства. Начавшись в северных районах Таджикистана и Узбекистана, восстание 1916 г. перебросилось вскоре в Киргизию, Казахстан и Туркмению. Восстанием был охвачен почти весь обширный район Туркестана и Казахстана, а также часть Астраханской губернии, Урала и некоторые другие районы.

Первыми выступили трудящиеся Ходжента. 4 июля днем большая группа населения города явилась к канцелярии полицейского пристава и потребовала отмены составления списков призываемых на работу. Восставшие решительно заявили, что они никуда не поедут и не будут выполнять приказа. Полицейские власти пытались угрозами разогнать толпу. Тогда восставшие оказали упорное сопротивление и начали наносить побои полицейским, забрасывали их камнями. Полицейские открыли огонь по населению. Были убитые и раненые.

Весть о событиях быстро распространилась в соседних уездах. Вскоре восстание охватило всю Самаркандскую область и Ферганскую долину. 5 июля в селении Ургут Самаркандского уезда собралось около двух тысяч человек, которые потребовали уничтожения всех списков призываемых. Восставшие напали на волостное управление, уничтожили списки и избили пятидесятников и мирзу[4]. В тот же день произошла крупная стычка восставших с полицейскими на станции Куропаткино.

Самаркандский уездный начальник полковник Мартинсон в своем донесении военному губернатору области писал, что население воло-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 444, л. 3, то же 276, оп. 2, д. 148.
[2] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 31, д. 1138, л. 8.
[3] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 31, д. 1149, л. 72.
[4] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 31, д. 1100, л. 20—34.

стей вверенного ему уезда не слушает никаких указаний. Между тем крики: «не желаем», «не согласны» и т. д.,—писал он,—пошли в массе, к ним примешались уже возгласы: «Если сумеете взять силой, возьмите». Далее, сообщая об избиении повстанцами трех старшин, Мартинсон заключает, что «повидимому, старшины эти не безгрешны при составлении списков».

Самаркандский военный губернатор Лыкошин признавал в своей телеграмме на имя туркестанского генерал-губернатора, что «на добровольное подчинение туземцев вряд ли можно рассчитывать»[1].

Выступления народных масс в Самаркандской области продолжалось до 9 августа 1916 г. Наиболее крупные народные восстания в этой области происходят, помимо уже указанных Ходжента и Ургута, во многих волостях Катта-Курганского, Самаркандского, Ходжентского уездов и в подавляющем большинстве волостей Джизакского уезда. В самом же г. Джизаке и 5 волостях этого уезда—Джизакской, Богданской, Зааминской, Санзарской и Караташской—происходят события, которые резко отличаются от народных восстаний и на характеристике которых разрешите остановиться несколько позже.

Последнее народное выступление по Самаркандской области произошло в селе Кастакоз Ходжентского уезда, где, по донесению Лыкошина, собралась громадная толпа народа (мужчин и женщин), которая проникла силою во двор канцелярии волостного управления и избила волостного управителя, старшину и джигита[2].

В течение 8—15 июля 1916 г. кратковременные, но сильные массовые выступления происходят во всей Ферганской долине.

Изучение архивных материалов подтверждает, что размах восстания в Ферганской области значительно превышал размеры движения в соседних Самаркандской и Сыр-Дарьинской областях. Необходимо при этом отметить, что в Ферганской области, даже по официальным данным, было почти в 3 раза больше выступлений (59), чем в Самаркандской (22) или в Сыр-Дарьинской (20) областях. В Ферганской долине, где классовые противоречия были сравнительно более сильными, в восстании участвовали более широкие слои трудящихся масс кишлака и города.

Восстание началось 8 июля в Кокандском уезда в селе Найманча, где произошло крупное столкновение с полицией. На следующий день восставшие киргизы и узбеки убили в селении Газы-Яглык Араванской волости волостного управителя, его писаря и джигита. Восстание было подавлено объединенными силами полиции и воинского отряда. В течение последующих семи дней в Ферганской области происходили: 10 июля—4 крупных народных выступления, 12 июля—11 выступлений, 13 июля—16 выступлений, 14, 15 и 17 июля—по 5 выступлений.

Одно из значительных выступлений народных масс произошло в городе Андижане 9 июля на площади «Джами», куда собралось до 5 тысяч жителей города. Сюда же прибыл андижанский уездный начальник Бржезицкий. Он объявил приказ о наборе мужского населения на тыловые работы. Население заволновалось, повсюду послышались крики: «Не дадим рабочих, не пойдем». Под напором массы Бржезицкий и представители полиции вынуждены были скрыться. После их бегства собравшиеся, вооружившись камнями, палками, ножами, кетменями, бутылками и проч., направились на Гультепинскую площадь, расположенную в новом городе. На площади восставшие

[1] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 31, д. 1100, лл. 20—34.
[2] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 31, д. 1135, л. 18.

вновь встретились с уездным начальником и потребовали от него выдачи подписки о том, что распоряжение о наборе рабочих будет отменено, угрожая в противном случае разгромить имущество должностных лиц туземной и русской администрации. В ответ на приказание полковника Бржезицкого разойтись, в него «градом полетели камни, палки, кетмени и другие предметы». Восставшие напали на полицейских и стали разоружать их. Только силами подоспевшей к этому времени 4-й Уральской отдельной казачьей сотни удалось подавить восстание. Среди восставших было 3 убитых и 22 раненых; вожаки и 119 человек из активных участников восстания были арестованы.

Ферганский губернатор телеграфировал в Ташкент генералу Куропаткину о необходимости срочного подкрепления воинских гарнизонов городов «ввиду возникших беспорядков в Андижане и поблизости Коканда»[1].

Никакие угрозы, аресты и кровавые насилия царской администрации не могли поколебать восставших. Восстание развертывалось все больше и больше.

10 июля восстал город Старый Маргелан и его окрестности. По сообщению военного губернатора Ферганской области, в восстании принимало участие 25 тысяч человек. Вот как описывал это событие местный полицмейстер: «К утру 10 июля базарная городская площадь (Урдатаги) заполнилась огромною толпою, забившею и все ближайшие улицы туземного города. Местные представители власти, прибывшие для объявления высочайшего указа, были с трудом пропущены на Урду и встречены толпою явно враждебно с угрожающим маханием рук и поголовным сплошным криком: «не желаем!». За непрекращавшимся ревом нельзя было произнести ни одного слова, чтобы быть услышанным... Возбуждение толпы росло с каждою секундой, раздавались крики «бей», толпа бросилась с камнями и палками и убила нескольких человек полиции и туземной администрации»[2]. В другом донесении указывается, что восставшими были убиты 4 старшины, 4 джигита и один полицейский. Силами войсковых частей и пулеметным огнем восстание было подавлено, причем было убито и ранено 63 человека.

Подобные же массовые восстания происходили 11—12 июля в г. Наманган и Наманганском уезде. Десятки восставших погибли от рук полицейских и казаков. Начальник гарнизона, докладывая об одном из этих восстаний, телеграфировал туркестанскому генерал-губернатору: «11 июля утром громадная толпа туземцев, несмотря на увещания и вызов войск, угрожающе вела себя, хватаясь за оружие. Пришлось применить оружие. Убито 12, ранено 38»[3].

В одном докладе нет возможности хотя бы бегло перечислить названия населенных пунктов, где происходили выступления народных масс. Восстание в Ферганской долине охватило самые широкие слои дехкан, ремесленников, трудящихся городов и кишлаков. Это было подлинно народное движение.

Восставшие мужественно боролись как против царских властей, так и против «собственной», так называемой туземной администрации. По официальным, далеко не полным данным, восставшими Ферганской области были убиты 8 волостных управителей, 11 сельских старшин, 5 пятидесятников, 8 джигитов, 6 писарей и т. д.

[1] ЦГИА УзССР, ф. I, оп. 31, д. 1211, л. 5.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 19, оп. 4, д. 9980, лл. 197—200.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 11.

Почему население убивало волостных управителей, пятидесятников, старшин и т. п.?—Потому что они являлись прямыми прислужниками царской колониальной администрации, являлись представителями имущих классов и поэтому были ненавистны трудящимся массам.

Вот один из многочисленных примеров: восставшими был убит Араванский волостной управитель; в секретном донесении Туркестанского районного охранного отделения сообщается, что это убийство «произошло ввиду сильных поборов, чинимых последним с населения». Он совместно с писарем Гафуром, в целях «собрать побольше денег с населения, решил всех записывать в призывные списки, а затем вычеркивать оттуда за соответствующую мзду. Этим и было вызвано убийство. По примеру этого волостного управителя поступает большая часть волостных управителей Ферганской области»[1],—так заключал свое донесение начальник охранного отделения. Конечно, дело было не только в преступных деяниях волостных управителей, старшин и прочих. Дело в том, что они грабили население и как слуги царской власти, и как баи. Между прочим, этот писарь Гафур, получавший 25 руб. в месяц, путем поборов так обогатился, что за два года купил себе большое земельное владение и накопил более 10 тысяч рублей.

Многие чины местной администрации бежали от мести народа. Не случайно Ферганский военный губернатор Гиппиус сообщал в Ташкент: «Из всех уездов я получаю очень тревожные сведения. Туземная администрация уездов напугана настолько, что бежит из волостей в город, боясь кровавой расправы»[2].

Напуганы были не только представители местной администрации, но и их хозяева—царские чиновники. Они были не в состоянии быстро подавить выступление масс. «В настоящий момент,—рапортовал 15 июля Гиппиус туркестанскому генерал-губернатору,—ближайшая, задача управления заключается в восстановлении порядка, о насильственном же наборе рабочих пока нечего и думать»[3].

Восстание в Сыр-Дарьинской области началось с выступления в г. Ташкенте и Ташкентском уезде.

11 июля 1916 г. произошли известные события в Ташкенте. Жители «старого» города, женщины и мужчины, ворвались во двор полицейского управления, причем избили нескольких городовых, секретаря полицейского управления, отобрали у них оружие. Восставшие забрасывали полицейских камнями. Женщины кричали: «Не дадим рабочих», а мужчины: «Не пойдем, здесь умрем».

Огнем полицейских было убито 4 человека и 6 человек ранено, причем четверо из них на следующий же день умерло от ран. Умерла от ран и Ризвонбиби Ахмеджанова—женщина, активно участвовавшая в восстании. О событиях в Ташкенте полицмейстер Мочалов писал своему начальству: «Нам пришлось около двух часов быть осажденными озверевшей толпой в здании полицейского управления, куда старалась проникнуть и толпа, бросавшая безостановочно кирпичи и гальки в окна»[4]. Лишь с помощью прибывшей воинской части восстание было подавлено.

Вслед за Ташкентом восстали почти все волости Ташкентского уезда (Ак-Курганская, Пскентская, Ханабадская, Алыновская, Джасыкумская, Зенги-Атинская и др.).

[1] ЦГИА УзССР, ф. 276, оп. 2, д. 148, л. 61
[2] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1132, л. 44
[3] Там же, л. 25.
[4] ЦГИА УзССР, ф. 17, оп. 3, д. 436, лл. 12—13.

Восстание охватывало один уезд за другим, область за областью и приобретало угрожающий размах для колониальной системы царизма в Средней Азии и Казахстане. 17 июля Туркестанский край был объявлен на военном положении. Туркестанский генерал-губернатор получил чрезвычайные полномочия.

В конце июля произошли крупные выступления населения каракалпакских волостей Аму-Дарьинского отдела (Турткуль, Чимбай, Сарибийская волость и другие), закончившиеся избиением и убийствами многих представителей царской администрации и столкновениями с полицейскими и войсковыми частями.

Вскоре восстали киргизские и казахские районы Аулиеатинского уезда. Одним из крупных явилось трехтысячное выступление казахов и киргизов близ г. Аулие-ата в долине Аманкула, где восставшие твердо решили «не давать рабочих» и смело напали на воинские части. Но силы были неравные. Хорошо вооруженным царским войсковым отрядам удалось подавить почти безоружную массу восставших. Восстание трудящихся киргизов на юге Киргизии в Ошском уезде проходило в июле 1916 г. наряду с выступлениями в узбекских и таджикских районах Ферганской долины. Восстания в Оше, Булакбашинской волости, в Ганч-кишлаке, Узгене и др. отличались подлинно народным характером и были направлены как против представителей царской администрации, так и против местных баев и манапов.

Нужно отметить, что именно эти подлинно народные восстания, к сожалению, очень слабо изучались историками. В сборнике о восстании 1916 г. в Киргизии, изданном в 1937 г., не приведено ни одного документа о выступлениях народных масс юго-западных районов Киргизии. Основное внимание было уделено освещению восстания северо-восточных районов Киргизии, причем освещение было дано искаженное. На недавно состоявшейся научной конференции историков Киргизской ССР восстание в этих районах получило правильное освещение.

В середине августа 1916 г. развернулось восстание в Закаспийской области. Началось оно с отдельных и групповых протестов против проведения в жизнь царского указа. Движение в Туркмении дошло до открытых вооруженных выступлений народных, преимущественно дехканских масс Туркмении.

14 июля 1916 г. начальник Асхабадского уезда дал тревожную телеграмму о происходившем среди туркмен брожении, «не исключающем возможности всяких выступлений, требующих подавления военной силой»[1], и просил прислать военное подкрепление. Начались откочевки туркмен в отдаленные степи, горы и в Персию. Назревало восстание. К началу августа, особенно среди туркмен и казахов-адаевцев, живших на Мангышлакском полуострове, усилились волнения. «Глухое недовольство,—писал Куропаткин царю,—перешло постепенно к проявлениям открытого неповиновения и мятежа»[2].

В то время, как верхушечные слои туркмен заявляли о своей готовности к безусловному выполнению «высочайшего повеления», простые люди Туркмении открыто и без колебаний выступили с протестом против призыва рабочих.

Первыми восстали туркмены долины реки Атрек 15—16 августа. Здесь происходило вооруженное сопротивление повстанцев. 17 августа

[1] Восстание 1916 г. в Туркмении, документы и материалы. стр. 36.
[2] История Казахской ССР, т. 1, стр. 465.

1916 г. 5-тысячная масса повстанцев окружила Чаатал. На следующий день в районе Янглы-Олума (Курбан-Каза) восставшие напали на пограничные посты. Подполковник Иванов дважды требовал немедленной присылки войска ввиду массового выступления туркмен[1]. Здесь шла настоящая война между повстанцами и войсками.

Во второй половине августа, в связи с наступлением царских войск, большие группы иомудов откочевали из Туркмении в Персию. Только из Красноводского уезда в Персию перешло более 2000 кибиток иомудов. В начале сентября восстали иомудские племена-джафарбайцы и ак-атабайцы.

В течение октября и ноября продолжались разрозненные выступления туркмен, сопровождавшиеся нападениями на царские войска. 2—4 октября развернулись серьезные события у города Серахса. Здесь повстанцы, вооруженные берданками и ножами, многократно наступали в конном строю на царские войска, конвоировавшие партию туркмен, набранных на тыловые работы, с целью отбить эту партию, причем перестрелки с войсками продолжались по нескольку часов и возобновлялись неоднократно в течение двух дней[2].

К началу декабря против восставших туркмен были переброшены карательные отряды под общим командованием генерала Мадритова, в составе 6 батальонов пехоты, 15 сотен казаков, вооруженных орудиями и пулеметами. До конца декабря продолжались жестокие бои повстанцев с преследовавшими их карательными отрядами. Только натиск большой группы войск смог подавить сопротивление повстанцев.

Широко развернулось восстание в Казахской степи. В июле и начале августа движение развернулось в Акмолинской области, в казахских районах Уральской области, в Семиреченской и Тургайской областях.

Вооруженные топорами, пиками и ружьями восставшие нападали на волостных управителей и полицейские управления. Происходили крупные столкновения с царскими карательными отрядами.

Более подробно я останавливаюсь на характеристике восстания только в Тургайской области.

Массовое народное выступление трудящихся казахов Тургайской области отличалось наибольшей длительностью, упорством и сравнительной организованностью. Восстание выдвинуло своих вожаков. Восстанием тургайцев руководил Амангельды Иманов, верный сын казахского народа, который стал впоследствии главнокомандующим всеми тургайскими повстанцами. В руководстве восстанием в Тургайской области большую роль играл большевик Алибий Джангильдин. Повстанцы были разбиты на 20 отрядов, до двух—трех тысяч человек в каждом. Общая численность повстанцев достигла к ноябрю 50 тысяч человек. В лагерях восставших были организованы мастерские по выделке оружия. Проводилось военное обучение повстанцев.

Ход восстания в Тургае во многом сходен с событиями в Туркестане: уничтожение списков мобилизуемых, разгром волостных и полицейских управлений, убийства и избиения представителей местной администрации были обычным явлением и у тургайцев.

Повстанцы вели успешные бои с царскими карательными отрядами в районе озера Табор, р. Иртыш. 22 октября повстанцы, возглавляемые Амангельды Имановым, начали длительную осаду г. Тургая.

[1] Восстание 1916 г. в Туркмении, документы и материалы; стр. 138.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1142, лл. 52—53.

Накопив крупные силы, повстанцы 6 ноября повели наступление на Тургай, причем местами им удалось прорваться в город и захватить ряд учреждений. Завязались упорные кровопролитные бои с тургайским гарнизоном. Однако силы были неравными. К вечеру повстанцы отступили, но осада города длилась 27 дней и была снята лишь после прибытия на помощь гарнизону крупных подкреплений войсковых частей

Тургайцы продолжали вести упорные бои. Неоднократно повторялись наступления повстанцев на Тургай и другие города. Им пришлось выдержать жестокие схватки с крупными карательными отрядами Ткаченко, Мордвинова, генерала Лаврентьева.

Восстание тургайцев чрезвычайно встревожило царских чиновников и генералов. Они были вынуждены признать массовость и организованность восстания, героизм восставших. Генерал Сандецкий сообщал, например, что в восстании участвует до 50 тысяч аскеров, действующих против городов Тургая, Иргиза, Карабулака, что повстанцы наступают военным строем, колонны их идут уступами, атакуют лавой, на отдыхе охраняются заставами и разъездами; во время боев повстанцы проявляют большую смелость, приближаясь на расстояние 100 шагов, несмотря на огонь. «На умиротворение края,—писал он,—потребуется не менее 1—2 лет»[1].

В течение всего ноября и декабря шли упорные бои повстанцев с карательными отрядами. В январе 1917 г. повстанцы вновь предпринимают наступление на Тургай. В феврале 1917 г. широкое наступление против восставших ведет карательная экспедиция генерала Лаврентьева. Повстанцы с боями отступают вглубь степей. В это время в Тургай проникает весть о победе Февральской революции и о свержении царизма.

Таков краткий обзор восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Я здесь не коснулся выступлений в Джизакском уезде, Теджене, Гюргене, в ряде уездов Семиреченской области, где восстание приняло реакционное направление и остановлюсь на них ниже.

IV. ХАРАКТЕР И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ВОССТАНИЯ 1916 г.

Восстание 1916 г. в подавляющем большинстве районов Средней Азии и Казахстана было революционным, национально-освободительным массовым движением. Оно вылилось в форму стихийных, разрозненных выступлений, связь между которыми почти или совсем отсутствовала.

Раньше многие историки делали попытки дать оценку восстания 1916 г. в целом, без учета специфических, конкретно-исторических условий, сложившихся к моменту восстания в отдельных районах.

Проведенные летом 1953 г. в Киргизии и Туркмении научные конференции историков с участием представителей институтов истории Академии Наук СССР и Академий наук союзных республик, всесторонне обсудив вопрос о характере восстания 1916 г., пришли к правильному решению вопроса.

Научная конференция в Киргизии единодушно признала, что восстание 1916 г. было стихийным, разрозненным, крестьянским (в основном) движением. В резолюции конференции указывается, что «в основном это восстание носило прогрессивный, народно-освободительный характер и было направлено своим острием против царского самодер-

[1] История Казахской ССР, т. 1, стр. 475.

жавия и против феодально-байских элементов. Начавшись под влиянием все усиливавшегося в это время общереволюционного движения в России, оно смыкалось с этим движением и вливалось в общее русло борьбы народных масс России против войны и царизма...». Вместе с тем научная конференция отметила, что в «отдельных же районах восстание 1916 г., превращенное усилиями реакционных феодально-клерикальных элементов в антирусское национальное движение, носило реакционный характер». Далее, в качестве примера приводится движение в ряде волостей быв. Токмакского участка и в некоторых загорных волостях Пишпекского уезда, где руководство восстанием удалось захватить феодально-родовой верхушке, превратившей восстание в этих очагах в реакционное, антирусское, феодально-монархическое и националистическое движение. В этих реакционных очагах восстания феодально-родовой верхушке удалось натравить только отсталую часть киргизского населения на русский народ[1].

Научная конференция историков в Туркмении также характеризовала восстание 1916 г. как прогрессивное народно-освободительное движение и вместе с тем отметила наличие в некоторых, преимущественно отсталых, районах Туркменистана отдельных реакционных выступлений, организованных феодально-клерикальной знатью, тесно связанной с агентами иностранных разведок (в районах Гюргена и Теджена).

Восстание 1916 г. было не только антиколониальным движением масс. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что, начавшись как антиколониальное движение, оно постепенно начало перерастать в антифеодальное движение крестьянских масс, направленное против местных феодалов и баев. Восставшие не только убивали волостных управителей и старшин, являвшихся представителями преимущественно эксплуататорских классов в кишлаках и аулах, но нападали на имения крупных землевладельцев.

В этом отношении особенно характерным является восстание в селении Чуама Майгирской волости Андижанского уезда. Здесь повстанцами был не только разгромлен дом старшины, но и его отца — крупного богача, ростовщика Каримбая Туракулова. Напав на дом Туракулова, повстанцы первым долгом захватили и сожгли «туземные долговые документы и векселя на сумму приблизительно 200 тысяч рублей»[2].

Аналогичные явления были и в ряде других волостей. У чакарского сельского старшины-бая были уничтожены разные долговые документы на 10 тысяч рублей и земельные документы на 30 тысяч рублей[3].

В сообщении военного губернатора Ферганской области указывалось, что во время восстания в Аштской волости Наманганского уезда в доме волостного управителя и в доме старшины были уничтожены дела и бумаги, в том числе книги, раскладные и окладные «листы на 1916 год»[4].

Во время восстания богачи города Самарканда закапывали ценности в землю, сами же скрывались в кишлаках. «Бай и купцы стояли преимущественно в стороне от движения из боязни за целость своего

[1] Из «Резолюции научной конференции историков Киргизии с участием историков Москвы. Ленинграда и братских союзных республик по вопросам о характере национальных движений в Киргизии во второй половине XIX и начале XX века».
[2] ЦГИА УзССР, ф. 276, оп. 2, д. 149, лл, 31—33.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 276, оп. 2, д. 151, л. 20
[4] ЦГИА УзССР, ф. 19, оп. 4, д. 9980, лл. 216—217.

имущества». «Бедняки, угнетенные расправлялись с угнетателями»,— пишут очевидцы.

Антифеодальное движение во время восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане хотя и не получило еще повсеместного массового характера, однако имело тенденцию к дальнейшему развитию.

Движущей силой восстания 1916 г.—одного из крупных национальных движений в эпоху империализма—являлось крестьянство и трудящиеся массы городов. Беднота же была наиболее активной участницей и душою восстания. Не случайно в документах карательной экспедиции в Тургае говорится, что «огромное число мятежников состоит из беднейшего класса областей...»[1]. Во главе движения находятся те, «у которых никакого имущества нет»,— доносил верненский полицеймейстер[2].

Данные Туркестанского военного окружного суда также свидетельствуют о том, что подавляющее большинство участников восстания составляли бедняцкие массы кишлаков, аулов и городов. Так, например, за активное участие в восстании в селении Пнук Аштской волости Наманганского уезда были привлечены к судебной ответственности и приговорены к повешению 20 человек. По своему социальному положению они делятся следующим образом: совершенно неимущие — 13 человек, земледельцы (дехкане), имевшие до 2 танапов земли,— 4; до 5 танапов — 5 и до 12 танапов — 2 человека. Таким образом, это были бедняки и частично середняки.

В числе 34 участников восстания из селения Мураталы Ташкентского уезда оказалось 3 чернорабочих, 22 бедняка и середняка и 3 кустаря.

Одним из важных моментов являлось почти повсеместное участие в восстании женщин местных национальностей. Куропаткин в одном из своих докладов писал, что женщины выступали даже «в первых рядах протестующей толпы»[3].

В ходе борьбы народные массы выдвигали свои лозунги. Наиболее популярными из этих лозунгов являлись: «Не выполним указ царя», «Не дадим рабочих!», «Не отдадим своих детей белому царю», «Убьем пристава, волостных, старшин,— помогающих царю», «Лучше умереть здесь, чем умирать на войне». Выдвигались и более смелые антицаристские лозунги. Например, повстанцы-казахи Кустаная во время восстания говорили. «Не пойдем в солдаты, всех перебьем, кто будет брать их. . . Приедет сам государь, его убьем. . .»[4].

Несмотря на расплывчатость, нечеткость, эти лозунги трудящихся масс отражали антиимпериалистический, антицаристский характер всего движения.

В восстании участвовали и городские рабочие. Особенно следует подчеркнуть активное участие в рядах повстанцев рабочих предприятия «Спасских медных руд» в Акмолинском уезде, Карсакпайского завода и Джезказганского рудника Атбасарского уезда, рабочих рудников и заводов Риддерского общества, местных рабочих Ташкентской железной дороги и др.

«Общенародно то движение,— указывал В. И. Ленин,— которое поддерживается сочувствием огромного большинства населения»[5].

[1] ЦГАОР Каз. ССР, ф. 544, оп. 2, д. 295, лл. 6—29.
[2] Тезисы «Национально—освободительное восстание казахских трудящихся против царизма в 1916 г.», стр. 10.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, лл. 144—166.
[4] ЦГИА Каз. ССР, ф. 25, оп. 1, д. 117, л. 4.
[5] В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 442—443.

Одним из таких народных движений и было восстание 1916 г. в подавляющем большинстве районов Средней Азии и Казахстана.

V. ОБ ОТНОШЕНИИ ФЕОДАЛЬНО-КЛЕРИКАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БУРЖУАЗИИ К ВОССТАНИЮ 1916 г.

Каково же было отношение к восстанию 1916 г. феодально-клерикальных элементов и национальной буржуазии?

Эти эксплуататорские элементы играли в восстании явно реакционную, предательскую роль, выступая против интересов народа.

В страхе перед развивающимся революционным движением рабочего класса в России и ростом под его влиянием освободительной борьбы народов окраин, национальная буржуазия шла на поддержку царизма и была опорой реакции.

В. И. Ленин указывал, что в эпоху империализма «буржуазия угнетенных наций только болтает о национальном восстании, а на деле вступает в реакционные сделки с буржуазией угнетающей нации за спиной и п р о т и в своего народа»[1]. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане целиком подтвердило правильность этого ленинского положения.

Несмотря на то, что национальная буржуазия, в том числе и сельская, видела, что набор наносит ей материальный ущерб, сокращая базу ее эксплуатации (набор еще больше уменьшал количество рабочих рук, которых и так не хватало в крае), однако активно протестовать она не решалась. Недовольство местной буржуазии выражалось в отдельных случаях в подаче заявлений на имя царской администрации с верноподданническими просьбами хотя бы отложить призыв до окончания сезона сельскохозяйственных работ, сократить контингент призываемых и т. п.

Активную помощь царской администрации в проведении мобилизации оказывали волостные управители, старшины, пятидесятники, казии и т. п., которые, как известно, назначались из представителей имущих классов. Но особенно гнусную роль в восстании 1916 г. сыграли буржуазные националисты—алашевцы и джадиды. Они открыто призывали поддержать царское правительство и ревностно боролись против восстания.

Джадиды и алашевцы устраивали верноподданнические манифестации. В «Туркестанской краевой газете» (№ 51 от 24 сентября 1916 г.) джадиды писали: «Царь издал повеление, мы пойдем на работы... О, послужим нашему царю, будем помощниками армии, надо помогать отечеству». Алашская газета «Казах», раболепствуя перед царским правительством, призывала народ не сопротивляться мобилизации, а идти на тыловые работы. «... Приказ царя,— писала эта газета,— истина, и против него возражений быть не может... Легкомысленно уклоняться.... Аксакалы и передовые граждане должны об этом толковать и разъяснять»»[2]. Алашевцы заявляли: «На страницах своей газеты мы боремся за реализацию без всякого сопротивления приказа царя среди алаша. Таков наш путь, ничего у нас тайного или скрытого нет»[3].

Несмотря на это, национальная буржуазия, так же как и феодально-клерикальные элементы, при любом удобном случае стремилась

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 49.
[2] «Казах», 3 июля 1916 г., № 188.
[3] «Казах», 11 августа 1916 г.

осуществить свои мечты об отделении от России и создании «своего» государства под протекторатом Турции.

Именно поэтому во время восстания 1916 г. ярко обнаружилась и другая сепаратистская тенденция феодально-клерикальных, панисламистских, пантюркистских, буржуазно-националистических элементов. Эти элементы пытались использовать народное движение в своих классовых, политических целях, превратив его в реакционную, националистическую войну («газават») против всего русского народа. Они пытались восстановить власть ханов и беков и оторгнуть при помощи иностранной агентуры Среднюю Азию и Казахстан от России.

Этим объясняется участие в восстании в ряде районов феодально-клерикальных и буржуазно-националистических элементов, которые до поры до времени, прикидываясь «друзьями народа», пытались направить восстание в реакционное русло.

Однако в ходе восстания их подлинное лицо раскрывалось, и попытки подстрекаемых иностранной разведкой панисламистских и пантюркистских кругов, перевести восстание 1916 г. на рельсы «газавата» почти всюду терпели крах, не будучи поддержаны народными массами. Эти массы в подавляющем большинстве районов Средней Азии и Казахстана не дали обмануть себя панисламистам и иным антинародным элементам и пошли в дни восстания 1916 г. по пути подлинно освободительной борьбы.

Лишь в некоторых наиболее отсталых в экономическом и культурном отношении районах Средней Азии и Казахстана, в которых классовая дифференциация была сравнительно слаба, феодально-клерикальным элементам, связанным с иностранными разведками, удалось организовать реакционно-националистические выступления (г. Джизак и некоторые волости Джизакского уезда, часть Пишпекского уезда и большинство волостей Пржевальского уезда Семиреченской области, районы Гюргена и Теджена в Туркмении, отдельные волости южной части Джаркентского уезда в Казахстане). Однако следует подчеркнуть, что и в указанных районах движение начиналось стихийно, как освободительное народное движение, но затем националистические элементы, пользуясь темнотой и невежеством отсталой части населения, спровоцировали антирусские, реакционные выступления.

Волнение народных масс в связи с мобилизацией на тыловые работы в армии охватило и Джизакский уезд. Но здесь остатки старой феодально-родовой знати и духовенство пытались организовать «газават»—«священную войну» против русских.

Один из главных организаторов «газавата» ишан Назыр-Ходжа распространил среди населения слух, что 11 июля в Ташкенте восставший народ будто бы избивал всех русских, что начался «газават». Он призывал население к войне против русских и организовал поход на новый город Джизак. Назыр-Ходжа-ишан и один из его сподвижников ишан Мамараим Максуд Мулла Абдурахим вели «пропаганду среди своих мюридов, требуя от населения, чтобы они не давали рабочих, уничтожали русских, оглашая, что Германия побил русских и что у них нет войска, чтобы притти на помощь»[1]. Были посланы гонцы в Богдан, Заамин и Санзарскую волость, где находились верные единомышленники Назыр-Ходжи. Проживавший в Богданской волости сын бывшего Чардаринского бека Абдурахман-Джевачи, собрав своих сподвижников, объявил себя джизакским беком и также «открыл поход на Джизак с целью отвоевания его от русских и образования самостоятельного бек-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 21, оп. 2, д. 48, лл. 32—33.

ства»[1]. Он говорил, что «их три брата, богатыри, и все борются с русскими: один у германцев, один в Константинополе у турок, а его Абдурахмана, бог послал в Туркестан для борьбы за мусульман»[2]. Джевачи имел связь с Бухарским эмирским правительством. В момент своего выступления в Джизак он послал письмо в Бухару, в котором величал себя уже не только беком, но и «Сабихуль-Кыран»[3] (титул, который носили все крупные завоеватели, в том числе известный завоеватель Тимур).

В Санзарском участке Джизакского уезда «газават» возглавлял казий Туракул Турабеков, который был обьявлен санзарским беком. Между прочим, он еще задолго до восстания 1916 г. вел антирусскую пропаганду среди населения и в мае 1916 г. был отстранен от должности. Наконец, в Зааминском участке Джизакского уезда некий ишан Касым-Ходжа объявил себя Зааминским беком и поспешил даже назначить из своих сподвижников министров своего двора. Он также начал «священную войну», целью которой, по его мнению было «образование самостоятельного Зааминского бекства»[4]. Участники этого «газавата» имели знамена с надписью: «Нет бога кроме бога и Магомет—пророк его». Они заставляли захваченных русских либо принимать мусульманство, либо — при отказе — уничтожали их.

В материалах экспедиции 1946 г., организованной Институтом истории Академии Наук Узбекской ССР, имеются воспоминания очевидцев Джизакского восстания. Подавляющее большинство их свидетельствует о том, что главари повстанцев в Джизаке, Зааминe, Санзаре и Богдане хотели действительно образовать самостоятельные ханства и бекства, убить или изгнать всех русских. Вот примеры: Тилляев Тогай, житель с. Кудукчи около станции Ломакино, ныне член колхоза им. Ахунбабаева, показал, что «повстанцы говорили о том, как бы уничтожить Николая, изгнать русских и посадить среди узбеков своего царя»[5].

В своих воспоминаниях уроженец гор. Джизак Мумин Бабаджанов указывает, что восставшие кричали: «Убьем русских и создадим мусульманское государство» (беседа № 20 от 27 июня 1946 года, стр. 26).

Камил Хамидов, живший в дни восстания в кишлаке Тахчилик-Кустарма (теперь колхоз им т. Куйбышева, говорил, что «вернувшись из Ташкента, Назыр-Ходжа объявил «священную» войну и заявил, что в Джизаке имеется всего 12 солдат: «возьмем Джизак, сами будем царями»[6].

Очевидец восстания, бывший железнодорожный рабочий на станции Джизак — Н. А. Иванов сообщил в беседе, что восставшие кричали «бей», «убьем всех русских», «прогоним николаевскую власть и восстановим мусульманское правление»[7].

Нужно отметить, что новоявленным бекам и прочим реакционным элементам удалось втянуть в это движение лишь незначительную отсталую часть населения Джизакского уезда.

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, лл. 101—113.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 444, л. 77.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 276, оп. 2, д. 147, лл. 69—71.
[4] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, лл. 101—103.
[5] Запись К. З. Муксиновой, ныне работающей в ЦГИА УзССР, см, беседу № 14, стр. 16.
[6] Из беседы, проведенной быв. научным сотрудником Музея истории АН УзССР т. Максимовой.
[7] Там же, стр. 7.

Мятежники, говорится в одном из архивных документов, угрозами принуждали жителей примкнуть к реакционному движению. «Партия Чаталиков во главе с Абдурахманом Джевачи... пустила в ход пропаганду среди киргиз с запугиванием их, а также принялась запугивать и угрожать и адина-сарыкцам, Богданской волости, требуя присоединиться к ним для общего восстания[1]»,— говорится в донесении Богданского участкового пристава.

Самаркандский военный губернатор Лыкошин также указывал, что санзарцы «угрозами принуждали яныкурганцев примкнуть к восстанию, и когда те наотрез отказались, то санзарцы сожгли склады хлеба и лавки на базаре, принадлежащие жителям Яны-курганской волости»[2].

Итак, феодально-клерикальным элементам удалось вовлечь в свое авантюристское движение часть обманутых, отсталых, темных жителей. Началась кровавая расправа с мирными жителями—русскими в Джизаке, Зааминe, Санзаре, Богдане и отчасти в Караташской волости. Среди убитых десятков русских были и женщины, дети и железнодорожные рабочие, учителя, служащие. В Джизакском уезде, как и в указанных выше областях, вместо освободительной борьбы народных масс, являвшейся опасной как для царизма, так и для местных феодально-клерикальных элементов, врагам удалось спровоцировать межнациональную рознь. От этого пострадали только народные массы. Царские карательные отряды подавили «газават», поход, который не поддерживали широкие народные массы. Карательные отряды с неописуемой жестокостью расправлялись с ни в чем не повинными мирными жителями всего Джизакского уезда.

«Старый город» Джизак и многие кишлаки были стерты с лица земли, население ограблено и разорено; сотни людей (в том числе женщин и детей) погибли от рук карателей. Джизакский лесничий Карамышев, описывая эти события, указывал: «Многие туземцы говорят, что они, мирные жители, разорены, а виновники беспорядков и убийств ходят на свободе и даже нажили во время восстания деньги»[3].

Нам необходимо строго отличать реакционные выступления, имевшие место между 13 и 21 июля в Джизаке, Богдане, Зааминe, Санзаре и частично в Караташской волости, от подлинно народно-освободительных движений, которые происходили в подавляющем большинстве волостей Джизакского уезда (в 15 из 20), как и в других уездах и областях.

Перейду теперь к характеристике реакционных очагов восстания в Семиреченской области.

Факты говорят о том, что и в Семиреченской области были те же предпосылки и причины восстания 1916 г., что и в других областях Средней Азии и Казахстана. Вначале стихийное движение масс охватило ряд волостей Семиречья. В отчете военного губернатора Семиреченской области указывалось: «Брожение среди туземцев продолжалось весь июль. Постепенно поступали сведения то об отказе призывников выйти на работу..., то о бегстве в Китай целой группы призванных, а иногда и целой волости, то о возвращении беглецов из Китая,

---

[1] ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 2, д. 444 лл. 73—75.
[2] ЦГИА ф. 1, оп. 31, д. 1100, лл. 101—103.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 13/с; д. 659, лл. 120—121.

то о бегстве рабочих от русских хозяев, но все эти факты в первое время носили характер только ослушания»[1].

Однако положение в ряде волостей северо-востока Киргизии резко меняется, когда руководство стихийным движением захватывают в свои руки манапы, которые и направили движение в реакционное русло.

Основными реакционными очагами на юге Семиречья были: восточная часть Пишпекского уезда, большинство волостей Пржевальского уезда и южная часть Джаркентского уезда.

Манапы тайно организовали сборище, подготавливаясь к мятежу. Одно из таких сборищ состоялось 8 августа 1916 г., когда сарыбагишевцы (одно из племен) собрались и совершили традиционную «бату» (клятву) на крови зарезанной белой кобылы. Был поднят на кошме и провозглашен ханом Мукуш Шабданов, внук Джантая, незадолго перед тем возвратившийся из паломничества в Мекку и Константинополь. Новоявленный хан и его сподвижники тут же призывали повстанцев к вооруженной борьбе с русскими[2]. Были посланы гонцы в различные волости Северной Киргизии с прокламациями и воззваниями, призывавшими к «священной войне» против русских»[3].

В загорных волостях Пишпекского уезда (Сусамырская, Джумгальская и др.) манап Канаат Абукин был провозглашен «Кочкорским ханом». В Пржевальском уезде (племя Бугу) был провозглашен ханом крупный манап Батырхан Ногаев.

9—10 августа мятеж сразу охватил ряд волостей Токмакского участка, часть загорных волостей, котловину озера Иссык-Куль и быстро распространился до южной части Джаркентского уезда. Повстанцы были разбиты на отряды, имели свои знамена, была налажена сигнализация.

Реакционные элементы ставили целью поголовное истребление русских, отделение от России и восстановление старых ханских, феодальных порядков. Во время выступления муллы проповедывали среди отсталой части населения: «Не бойтесь умирать здесь, эта смерть есть священная, таких людей ожидает рай»[4].

Имеется много документов, ясно указывающих на прямую связь реакционных манапов с иностранными, особенно с немецкой и турецкой разведками. Мятежниками была дана клятва бороться с Россией, помогая Германии и Турции.

Еще до восстания 1916 г., и особенно в момент восстания, Турция и Германия посылали в Туркестан и Казахстан своих агентов, которые поддерживали связь с панисламистскими и пантюркистскими элементами в крае. Например, во время восстания 1916 г. на границах Семиречья действовали германские и турецкие шпионы[5]. Из отдельных показаний, данных судебным властям, явствует, что во время реакционного выступления в районе Пржевальска манапами «руководил турецкий генерал, а также два европейца»[6], видимо, немцы и т. д.

Надо прямо сказать, что манапы лишь обманным путем либо насилиями вынудили часть местного населения участвовать в реакционном движении. Трудящиеся массы думали, что они борются за правое народное дело. Они совершенно не подозревали о действительных целях манапов—главарей мятежа.

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, лл. 170—198.
[2] ЦГИА Каз ССР, ф. 75, д. 46 л. 10, также д. 25, лл. 2—6.
[3] ЦГИА УзССР; ф. 1, оп. 31, д. 1138 а, л. 144, ЦГИА КазССР; ф. 75, д. 41, лл. 59—65.
[4] ЦГИА КазССР, ф. 44, д. 16920, лл. 70—77.
[5] ЦГИА УзССР, ф. оп. 31, д. 1100, лл. 77—85.
[6] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1133 а, лл. 50—61.

Немало документов подтверждает то, что народные массы отнюдь не сочувствовали реакционным стремлениям манапов. В своем показании на следствии Канаат Абукин признавал, что «бойцы шли в бой верхами. Шли они неохотно. Приходилось подгонять сзади нагайками»[1]. Но так или иначе, обманутые отсталые массы были вовлечены реакционными элементами в межнациональную рознь. Вооруженные толпы нападали на русские поселения, сжигали их, убивали русских граждан, в том числе женщин и детей. Нападению подверглись 94 селения, большинство из которых было сожжено. Были уничтожены постройки, школы, посевы, угнан скот, разграблено имущество, пало жертвами много сотен людей[2].

Феодально-родовая знать и муллы заставляли русских, захваченных в плен, принимать мусульманство[3].

После прихода карательных экспедиций начались кровавые расправы с киргизами и казахами. И здесь не щадили ни женщин, ни детей. Тысячи киргизов и казахов были убиты без всякого разбора. Целые волости бежали в Китай, потеряв весь свой скот и все свое достояние. При этом вся тяжесть жертв и лишений пала на плечи трудящихся масс. Манапы же и богачи, бежавшие в Китай, не испытывали подобных лишений.

Межнациональная драка и рознь—вот что получилось в этих реакционных очагах во время восстания 1916 г. Это было выгодно лишь царизму да местной феодально-родовой верхушке, пытавшейся вернуть ханские времена, а вместе с ними и свои былые привилегии.

Серьезному анализу подвергся на совещании историков Туркменистана вопрос о характере движения 1916 г. в бывшей Закаспийской области. Оценивая в целом восстание 1916 г. в Туркмении и во всей Средней Азии как прогрессивное, национально-освободительное, в основном крестьянское движение, совещание отметило вместе с тем неоднородность этого движения в различных районах Средней Азии. В частности, совещание признало, что «в некоторых, преимущественно отсталых районах Туркменистана, где более прочно сохранились патриархально-феодальные отношения, феодально-клерикальная знать, тесно связанная с агентами иностранных разведок, сумела обманным путем организовать реакционные выступления, в которые вовлекла отсталые слои дехканства. Таким было вооруженное выступление на Гюргене и нападение на Теджен 5—6 октября 1916 г. Однако эти провокационные выступления не нашли поддержки у трудящихся масс этих районов»[4].

Сравнительно крупный реакционный очаг во время восстания 1916 г. образовался в долине р. Гюрген (на территории Ирана). Вблизи же города Теджена реакционное выступление охватило лишь небольшой район.

Вначале как в районе города Теджена, так и на Гюргене возникли стихийные, разрозненные, локальные выступления народных масс, носившие прогрессивный освободительный характер. Но позже, пример-

[1] ЦГИА Кир.ССР, ф. 75, д. 27, л. 32—36.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, лл. 170—198; там же, д. 1222, лл. 5—7 ЦГИА Кир.ССР, ф. 75, д. 1, лл. 1—4, там же, д. 41, л. 84.
[3] ЦГИА КазССР, ф. Прокурор Верненского окружного суда, д. 2140 б. т. IV, за 1916 г. в ИЯЛ Кир. ФАН, д. 146 лл., 170—173.
[4] Из резолюции совещания историков Туркменистана совместно с представителями Института истории АН СССР; Академий Наук братских республик по вопросу о характере движения 1916 года в Туркменистане.

но с 20-х чисел сентября 1916 г., феодальным элементам при вмешательстве иностранной разведки удалось организовать нападение на русские поселки в долине р. Гюргена. Были сожжены поселки Донской, Рождественский, Саратовский[1]; часть поселенцев была перебита.

В течение июля—сентября 1916 г. в районе Теджена, как и в других местах, происходили волнения и стихийные выступления народных масс, направленные против царизма. Но в октябре отдельные реакционные элементы, во главе с крупным феодалом Азизханом Чапыковым, связанным с иностранной разведкой (позже, борясь против Советской власти, он был одним из главарей басмачества), сумели сколотить вооруженную группу и организовали поход на город Теджен. Они принуждали отсталые слои дехканства итти на Теджен «с целью истребления там всех русских властей и всего русского населения».

Факты и здесь показывают, что реакционным главарям удалось вовлечь в свою авантюру лишь некоторые, обманутые ими, отсталые слои дехканства.

Во всех без исключения случаях феодально-клерикальные, националистические элементы, подстрекаемые иностранными империалистическими кругами, ставили перед собой основную задачу отрыва части территории Средней Азии и Казахстана от России и восстановления старых феодально-ханских порядков.

Таким образом, дело шло, во-первых, о возврате к более отсталым и наиболее реакционным формам власти. Призыв к отделению части территории Туркестана и Казахстана от России, выдвигавшийся феодально-клерикальными и националистическими элементами, представлял собой попытку восстановления потерянных привилегий ханов, феодалов, духовенства и прочих эксплуататорских элементов.

Во-вторых, местные реакционные силы боялись, как огня, сближения народов Средней Азии и Казахстана с великим русским народом, чуя в этом свою гибель. Поэтому реакционные элементы пытались объявить «газават» и призывали к истреблению или изгнанию из края всего русского населения, пропагандировали оголтелый национализм. Этим они хотели помешать растущему сближению народов Средней Азии и Казахстана с русским народом и облегчить восстановление своего господства, беспощадно закабалить «свой» народ.

В-третьих, реакционные элементы усиленно распространяли идеи панисламизма и пантюркизма, желая отравить сознание масс, чтобы тем легче обмануть их и натравить на трудящихся России.

Эти реакционные выступления приносили серьезный вред освободительному движению народных масс Средней Азии и Казахстана.

Ленин писал в 1916 г. что «борьба за национальную свободу против одной державы может быть при известных условиях использована другой «великой» державой, в ее одинаково империалистических целях»[2]. Факты подтверждают, что германские империалисты и их лакеи—турецкие поработители пытались использовать восстание 1916 г. в Средней Азии в своих интересах.

Многочисленные документы указывают на то, что в Бухарском ханстве, в Афганистане, Иране, Кульдже, Кашгаре действовали во время войны разведки иностранных государств, особенно же Германии и Турции, заинтересованных в разгроме России в первой мировой войне. Эти разведки были связаны с феодально-клерикальными националистическими группами в Средней Азии и Казахстане и военнопленными германскими и турецкими офицерами.

[1] Восстание 1916 г. в Туркмении., Сборник документов и материалов, стр. 151 и 211.
[2] В. И. Ленин., Соч., т. 23. стр. 137.

Необходимо также подчеркнуть, что во время первой империалистической войны значительно усилилась деятельность панисламистских и пантюркистских кругов, которые пытались использовать восстание 1916 г. в своих интересах.

Накануне восстания группа панисламистов, входящих в так называемый «Русско-мусульманский комитет», пробралась через Турцию в Вену, была на приеме у бывшего министра—президента Штюргка и передала ему свою памятную записку.

Как явствовало из этой записки, в план панисламистов входил отрыв Бухары, Хивы и Туркестана от России, отрыв территории казахов и «восстановление Казанского и Крымского ханств, последнего под покровительством турецкого султана и халифа»[1].

Этот факт лишний раз подтверждает стремление панисламистских кругов Туркестана повернуть восстание в 1916 г. в нужное им реакционное русло.

Во время восстания 1916 г. панисламистские элементы посылали из Самарканда и Бухары специальных людей в Афганистан с просьбой об оказании действенной помощи в подготовлявшемся «газавате» и т. д.

Приведу несколько примеров. По донесению Туркестанского районного охранного отделения, четыре казия города Ташкента (мулла Арифхан-Шариф Ходжаев, Сеид Махмад-хан-Мухеддин Казиев, Ходжа Абду-Малик и Магды-хан-Бакихан) перед самым восстанием 1916 г. (еще в июне) вели переговоры с афганским эмиром. Они писали ему, что «если он истинный мусульманин, то должен объявить войну России, так как настоящее время—самый подходящий момент, чтобы помочь Турции и Германии... Если эмир афганский упустит настоящий момент, в который его поддержат мусульмане (читай—панисламисты — *Х. Т.*) Туркестанского края, то позже будет поздно»[2].

Эти же казии в самом начале восстания 1916 г. послали через Бухару секретное письмо на имя афганского эмира, в котором писали, что для «газавата» теперь самый подходящий момент. Они ратовали за необходимость совместными усилиями уничтожить русских и превратить страну в «мусульманское государство во имя пророка и самого бога»[3].

Вот другой пример. Один из видных представителей духовенства ишан Ша-Яхсы, проживавший в Старой Бухаре и имевший многочисленных мюридов, распространил в марте 1915 г. по всему Туркестану воззвание с призывом к вооруженной «священной войне против русских»[4].

Подобных примеров можно привести немало.

Однако попытки панисламистских кругов поднять массы на «газават» потерпели провал. Им удалось лишь в отдельных районах Туркестана и Казахстана организовать «газават», который также терпел крах. Причину этого надо искать прежде всего в том, что население в подавляющем большинстве районов не дало себя обмануть панисламистам. Народные массы во время восстания 1916 г пошли по пути

[1] ЦГИА УзССР, ф. 276, оп. 2, д. 157, лл. 73—75.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1137, лл. 153—158.
[3] Там же, лл. 146—147.
[4] Там же, д. 1131, лл.11—12.

подлинно освободительной борьбы. Великие революционные идеи России распространялись среди трудящихся масс Средней Азии и Казахстана. Росло политическое, классовое самосознание масс и вместе с тем росла их борьба против царизма и эксплуататорских классов.

VI. ПОРАЖЕНИЕ И УРОКИ ВОССТАНИЯ 1916 г. В СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНЕ

Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане было жестоко подавлено царскими войсками. Был предан огню и беспощадному уничтожению целый ряд кишлаков и аулов. Безжалостно расстреливалось население, даже не принимавшее участие в восстании. Более 300 тысяч человек, четвертая часть коренного населения Семиречья, бежала в Китай, аулы их были уничтожены, скот и имущество разграблены[1].

Десятки тысяч человек из числа киргизского населения Семиречья были выселены с насиженных мест, земли их были конфискованы. Более двух тысяч десятин земли было отобрано у дехкан Джизакского уезда, были захвачены десятки тысяч голов скота в виде «военной добычи». Только карательной экспедицией Мадритова в Закаспии отобрано у восставших 800 лошадей, до 5000 верблюдов, 75 тысяч баранов, 2 500 голов рогатого скота[2].

В Ферганской области во время восстания по неполным данным было убито 84 человека и ранено более 100 человек. Царская администрация привлекла к ответственности за активное участие в восстании 1916 г. только по Туркестану свыше 3000 человек, из них более 300 человек были приговорены к смертной казни.

Восстание 1916 г. потерпело поражение.

Основными причинами поражения было отсутствие руководства восстанием со стороны рабочего класса, стихийность, разрозненность, свойственные всем крестьянским движениям. Отсутствовали ясные конечные цели и задачи восстания.

Несмотря на свое поражение, восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане сыграло прогрессивную роль: оно было одним из крупных проявлений революционного кризиса в России, вызванного первой империалистической войной. Оно способствовало ускорению наступления общего революционного кризиса в крае и нанесло ощутительный удар по колониальной системе царизма в Средней Азии и Казахстане. В стычках и боях с царскими войсками, карательными отрядами, полицией и местной администрацией трудящиеся массы учились борьбе, распознавали своих истинных друзей и заклятых врагов.

В ходе восстания 1916 г. трудящиеся массы Средней Азии и Казахстана убеждались в том, что они могут быть освобождены от всякого национального и социального гнета только при помощи и под руководством русского пролетариата.

Исторический опыт подтвердил, что именно русский рабочий класс во главе с Коммунистической партией действительно осуществил полное освобождение трудящихся масс Средней Азии и Казахстана от ига царизма и капитализма.

---

[1] Из тезисов «Национально-освободительное восстание казахских трудящихся против царизма».

[2] Восстание 1916 г. в Туркмении, стр. 223.

Т. Е. ЕЛЕУОВ
Кандидат исторических наук
(Академия Наук Казахской ССР)

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА В КАЗАХСТАНЕ (Содоклад)[1]

Одним из важнейших вопросов истории дореволюционного Казахстана, требующих сегодня творческого обсуждения, является вопрос о восстании 1916 г. в Казахстане. Поэтому он, наряду с другими вопросами истории, выносится на обсуждение настоящего совещания.

Историография восстания 1916 г. в Казахстане очень бедна, она представлена сейчас главным образом рядом статей, опубликованных на страницах периодической печати.

Вопросы восстания 1916 г. в этих статьях освещаются односторонне, в них не раскрывается классовая борьба внутри самого движения, совершенно обойден такой важный факт, как участие в восстании феодально-байских элементов. Более того, в этих статьях отрицается наличие реакционных очагов восстания 1916 г. в Казахстане, имевших место в некоторых районах.

Остановлюсь коротко на основных вопросах восстания 1916 г. в Казахстане, в частности, на предпосылках и причинах восстания, на его характере и движущих силах, на событиях в отдельных его очагах и на участии в нем представителей баев-феодалов.

1. О ПРЕДПОСЫЛКАХ И ПРИЧИНАХ ВОССТАНИЯ

Казахстан вступил в эпоху империализма и пролетарской революции, являясь колонией царской России. Под влиянием распространения русского капитализма вширь, в Казахстане в конце XIX века начали развиваться новые, капиталистические отношения.

Однако царизм и империалистическая буржуазия, искусственно задерживая развитие производительных сил Казахстана, превращали его в рынок сбыта для российской промышленности и источник сырья. Намеренно консервируя здесь патриархально-феодальные отношения, царизм и империалистическая буржуазия использовали феодальные методы эксплуатации для получения максимальной прибыли. Казахские трудящиеся массы страдали как от феодальных форм эксплуатации, так и от империалистического гнета.

Царизм захватил у казахских трудящихся 45—50 миллионов десятин лучших земель, загнав их в бесплодные и пустынные районы, обрекая таким образом на голод и вымирание.

В ауле господствовали патриархально-феодальные отношения при сохранившихся еще родовых пережитках. Байство концентрировало в своих руках основную массу скота, владело лучшими пастбищами и

---

[1] Печатается в сокращенном виде. *Редакция.*

пахотными землями, летовочными и зимовочными стойбищами, лучшими джайляу. Байские хозяйства нещадно эксплуатировали аульную бедноту.

Своим законодательством и всей своей практикой царское правительство охраняло господствующее положение баев-феодалов в ауле, содействовало расхищению ими общинной земли и обращению ее в частную собственность баев.

Расхищение феодалами-баями общинной земли, превращение в частную собственность лучших призимовочных участков, сенокосных и пахотных угодий стало самым распространенным явлением в Казахстане, особенно с конца XIX века. В связи с этим росло число бедняков, лишенных основного средства производства—земли. Часть бедняков вынуждена была уходить на заработки в промышленные районы.

Борьба за землю составляла основное содержание классовой борьбы в дореволюционном казахском ауле, а захват и расхищение земель были одной из основных форм грабежа казахских трудящихся масс со стороны царизма, империалистической буржуазии и баев-феодалов.

Царизм, вступил в империалистическую войну за захват новых колоний, за порабощение других народов, удесятерил и без того невыносимый национальный и социальный гнет трудящихся России; Война потребовала огромного количества лошадей и сельскохозяйственных продуктов. На плечи казахского народа, как и других народов России, в связи с этим обрушились новые тяготы: обязательные поставки мяса, массовые реквизиции фуража, кибиток, кошм, кожи и т. д. Был введен новый военный налог, увеличены земские сборы и байский волостной «алым». Нужда и разорение трудящихся казахов возрастали изо дня в день.

Война вызвала в стране развал промышленности, упадок сельского хозяйства, транспортный и продовольственный кризис, голод. На этой почве росли ненависть и озлобление к царскому правительству среди трудящихся как в тылу, так и на фронте, как в центре, так и на окраинах. Страна стояла перед революционным взрывом.

Таким образом, усиление национально-колониального гнета и феодально-байской эксплуатации в период империализма и империалистической войны, массовый захват и расхищение земель трудящихся масс являлись основными причинами восстания 1916 г. в Казахстане.

2. О ХАРАКТЕРЕ И ДВИЖУЩИХ СИЛАХ ВОССТАНИЯ 1916 г. В КАЗАХСТАНЕ

Восстание 1916 г. в Казахстане носило национально-освободительный, крестьянский характер и было направлено своим острием против царского самодержавия и отчасти против местных феодалов и баев. Вместе с тем оно объективно было и антивоенным восстанием, направленным против империалистической войны.

Протест казахского крестьянства против империалистической войны выражался в отказе выполнять поставки и идти на тыловые работы.

Большинство казахских феодалов и родовой знати с первых же дней мобилизации стало на сторону царизма и активно поддерживало его политику. Царское правительство, предоставив льготы феодально-байской верхушке аула, тем самым создавало себе в ее лице прочную опору.

Основной движущей силой восстания являлось казахское трудовое крестьянство, Об этом говорят и многочисленные документы местной царской администрации. «Огромное число мятежников состоит из

беднейшего класса киргиз, подлежащих призыву на работы»,—говорится в журнале военных действий карательной экспедиции генерала Лаврентьева. Во главе движения находятся те, «у которых никакого имущества нет», доносил верненский полицмейстер. «Большинство проживающих у русских в работниках киргизов бежало в степь, уводя с собой хозяйских лошадей, и активно участвует в вооруженном восстании»,—доносил лепсинский уездный начальник. Иргизский уездный начальник доносил, что «...городские мастеровые работники скрылись, убеждения не действуют, замечается отсутствие полного доверия... положение весьма серьезное». «В Карсакпае... рабочие повсюду бросают работу»,—доносил тургайский уездный начальник.

Имеются сведения о том, что в 1916 г. бросили работу и поднялись на восстание казахи-рабочие Берчогурских и Карагандинских каменноугольных копей. Эти факты говорят о том, что в движении 1916 г. принимали участие казахские рабочие горно-промышленных предприятий. Однако малочисленность казахского пролетариата, его слабая революционная закалка (многие рабочие попрежнему являлись сезонными и были связаны с сельским хозяйством) не могли изменить в основном крестьянского характера движения, не могли придать восстанию организованности.

Являясь основной движущей силой, казахское трудовое крестьянство в ходе восстания выдвинуло из своей среды и вожаков движения. В Тургайской области объединяющей фигурой движения становится Амангельды Иманов, в Верненском уезде Семиреченской области—бедняк Бекбулат Ашкеев. В других местах вожаками повстанцев были избраны: в Кастекской волости Верненского уезда—охотник Нука Сатибеков, в Жиландинской волости Акмолинского уезда—бедняк Альсон Шумов, в Тилендинской волости того же уезда—бедняк Рахимжан Мадинов, в Чиликской волости Уральского уезда—середняк Айтжан Избасаров, в Жездинской волости Акмолинского уезда—середняк Жаныбай Ниязбеков и другие.

В восстании 1916 г. в Казахстане принимали активное участие также и представители казахской демократической интеллигенции: Алиби Джангильдин в Тургайской области, Адильбек Майкутов в Атбасарском уезде, Токаш Бокин в Семиреченской области. В период Великой Октябрьской социалистической революции Амангельды Иманов, Алиби Джангильдин, Адильбек Майкутов, Токаш Бокин стали замечательными борцами за победу Советской власти в Казахстане.

Во время восстания 1916 г. с особой четкостью выявилась контрреволюционная сущность буржуазных националистов, когда алаш-ордынцы выступали прямыми помощниками царизма в деле мобилизации казахов на тыловые работы, а затем и в подавлении восстания.

Характерно и то, что повстанцы с первых же дней восстания начали захват имущества крупных баев-феодалов, реквизицию байского скота, расправлялись с волостными, аульными старшинами и аксакалами. Так, например, 25 июля 1916 г. из Верненского уезда доносили о том, что «в Восточной и Западной Кастекских волостях молодые киргизы, подлежащие призыву... запасались хорошими лошадьми, захватив их у более зажиточных и богатых киргиз»[1]. «В настоящее время,—доносил тургайский уездный начальник 9 августа,—восставшие творят самоуправные деяния, большей частью по отношению к своим одноаульцам, влиятельным и богатым лицам, выражающиеся в самовольном отобрании у них всякого скота»[2]. 17 сентября повстанцы Павлодарского уезда

[1] ЦГИА Каз. ССР, ф. 76, д. 2140, л. 100.
[2] ЦГИА Каз. ССР, ф. 76, д. 117, л. 281—282.

захватили более 4000 лошадей у крупного бая З. Черманова. Актюбинский уездный начальник доносил, что утром 27 октября около 200 верховых угнали с собой 2000 лошадей, принадлежащих зажиточным казахам[1].

Вице-губернатор Тургайской области, докладывая губернатору о нападении повстанцев Иргизского уезда на волостных управителей и аксакалов, писал в октябре: «... управитель волости (Аманнульской,—*Т. Е.* Мамбетов в плену, старшина аула № 8 Бекмурзин, говорят, убит; аксакал аула № 6 Кайсыков, говорят, убит, аула № 9 Карагланов—вернулся страшно избитым..., аксакал аула № 1 Бешпаев избит, ранен пикой, едва ли будет жив».

Таким образом, из указанных нами конкретных фактов можно сделать вывод, что по своему характеру восстание 1916 г. в Казахстане являлось национально-освободительным, крестьянским восстанием, направленным своим острием против царизма и империализма, против баев-феодалов и империалистической войны. Его основной движущей силой являлось казахское трудовое крестьянство.

3. О ХОДЕ ВОССТАНИЯ И ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЕГО ОТДЕЛЬНЫХ ОЧАГОВ

Восстание 1916 г. нарастало стихийно и в течение июля—августа охватило почти все районы Казахстана. Оно было повсеместным, всеобщим, массовым, национально-освободительным движением, основную армию которого составляло трудовое крестьянство. В восстании 1916 г. в Казахстане приняли активное участие широкие круги трудящихся крестьян-казахов всех областей Казахстана, от астраханских степей до Тянь-Шаньских гор, от Мангышлака до сибирских степей. Однако восстание не имело единого руководящего центра и не было одинаковым по своим масштабам.

Например, движение в Сыр-Дарьинской и Уральской областях не дошло до массового вооруженного восстания, до организации повстанческих отрядов. Стихийное движение крестьянских масс здесь нередко переходило в столкновение с местной колониальной администрацией; участники движения нападали на канцелярии волостных управителей и аульных старшин, уничтожали списки призываемых, нередко убивали должностных лиц, откочевывали вглубь степи.

Наиболее крупный размах вооруженное восстание в Казахстане получило в Семиреченской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях. Характерные особенности восстания в этих областях заключались в массовом участии в них крестьянства и в создании боевых повстанческих отрядов, во главе которых становились выбранные повстанцами вожаки; эти повстанческие отряды зачастую переходили от обороны к наступлению (осада Тургая, захват повстанцами узловых пунктов и др.).

В Семиречье восстание началось в начале августа 1916 г. К 6 августа оно охватило юго-восточную и западную части Верненского уезда и затем перекинулось в Лепсинский уезд. 10 августа восстание охватило уже всю область. Повстанцы Верненского уезда разгромили почтово-телеграфные станции по тракту от Верного до Курдая и на несколько дней прервали связь между Верным (центром Семиречья), Пишпеком и Ташкентом. В это же время повстанческое движение распространилось на Джаркентский, Копальский и другие уезды.

[1] ЦГИА Каз. ССР, ф. 76, д. 117, л. 550.

Повстанцы Семиречья боролись с большим упорством и смелостью. Почти безоружными они выступали против вооруженных до зубов карательных отрядов, пытались голыми руками захватить пулеметы и даже артиллерию противника.

Однако семиреченские повстанцы, как и повстанцы Акмолинской и Семипалатинской областей, действовали разрозненно, связь между отрядами отсутствовала, что и привело их к быстрому поражению. Восстание в Семиречье, в Семипалатинской, Акмолинской, Уральской и Сыр-Дарьинской областях продолжалось около трех месяцев и было подавлено к концу сентября 1916 г.

Наиболее упорной и длительной была борьба трудящихся Тургайской области. Здесь вооруженное восстание началось во второй половине сентября. В октябре в Тургайском и Иргизском уездах уже насчитывалось до 20 повстанческих отрядов; отдельные из этих отрядов имели до 2000-3000 бойцов. Центром сосредоточения основных сил повстанцев области стал Тургайский уезд—место расположения отрядов Амангельды Иманова. В ноябре общее число повстанцев в Тургайском очаге движения составляло более 50 000 человек.

Во второй половине ноября тургайские повстанцы создают Совет по руководству военными действиями и по административному управлению в районах их расположения. «Амангельды Удербаев (он же Иманов),—доносил 30 декабря 1916 г. волостной управитель Кайдаульской волости,—назначен в последнее время главнокомандующим всеми восставшими киргизами». К тургайскому очагу восстания присоединялись повстанцы и из других областей Казахстана, в частности из уездов Сыр-Дарьинской и Акмолинской областей.

Тургайский очаг восстания характерен еще и тем, что здесь была установлена регулярная связь между повстанческими отрядами, налажено снабжение джигитов-повстанцев вооружением и продовольствием за счет реквизированного байского скота. Здесь были организованы более или менее планомерные действия повстанцев против царских карательных отрядов. Все это привело к тому, что тургайские повстанцы долгое время оказывали упорное сопротивление царским карателям.

Штурм Тургая, героические бои на Татире, Ак-Чиганаке, Куюн-Копе, Кум-Кешу и сражение на Дугал-Уршеке являются яркими страницами истории восстания 1916 г. в Тургайской степи и вообще в Казахстане.

Накануне Февральской революции, когда в других областях Казахстана восставшие терпели поражение, в Тургайской степи бои между карательными отрядами и повстанцами продолжались. Командующий войсками Казанского военного округа генерал Сандецкий 8 февраля 1917 г. писал: «По имеющимся сведениям, главное скопище мятежников находится на урочище Батбак-кара, в 150 верстах на северо-востоке от Тургая по долине р. Тургай. Другая группа мятежников держится по р. Джаланчик, в 140 верстах на юго-востоке от Тургая. Небольшая шайка мятежников держится на урочище Ворачка, в 80 верстах от Тургая по тракту на Перовск. Таким образом, мятежники как бы кольцом охватили Тургай по радиусу 150 верст»[1].

Такова была обстановка до 24 февраля 1917 года. 18, 21, 22 февраля бои шли на пути в Батбак-Кара, и 24 февраля повстанцы дали последнее сражение царским карателям в районе Дугал-Урпек.

[1] ЦГИА в Ленинграде, ф. 1291, оп. 82, д. 1933, л. 451.

В боях 24 февраля обе стороны понесли большой урон, повстанцы оставили местность Дугал-Урпек и углубились в степи. Через три дня, т. е. 27 февраля, карательный отряд отступил в Тургай, оставив Батбак-Кара. Карательный отряд генерала Лаврентьева 24 февраля 1917 г. смог нанести удар только одной батбак-каринской группе повстанцев. Что же касается повстанческих отрядов, которые были сосредоточены в районах Джаланчик и по тракту на Перовск, то каратели так и не дошли до них. Тургайская область оставалась охваченной повстанческим движением и в дни Февральской революции.

Таким образом, утверждение некоторых историков, что Тургайский очаг восстания 1916 г. был полностью подавлен, не соответствует действительности.

2. ОБ УЧАСТИИ ФЕОДАЛЬНО-БАЙСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ВОССТАНИИ 1916 г.

У историков Казахстана до сих пор еще нет определенного научно-обоснованного мнения об участии и роли феодально-байских элементов в восстании 1916 г.

Одни переоценивают участие представителей баев-феодалов, объявляя их чуть ли не вождями восстания, а другие склонны вообще не замечать их, что ведет к приукрашиванию действительной истории восстания.

В восстании 1916 г. обнаружились попытки некоторой части феодальных элементов захватить руководство восстанием в свои руки для того, чтобы изменить характер восстания, превратить его в националистическое, антирусское движение. Эти элементы пытались восстановить ханскую власть в Казахстане, отторгнуть его от России и вернуть себе былые привилегии.

Такие попытки были предприняты во многих местах Казахстана. В одном только Иргизском уезде Тургайской области было провозглашено 9 ханов. Ряд ханов был провозглашен в Семиреченской, Акмолинской и других областях. Например, в Тургайском уезде объявили себя ханами крупные феодалы Абдугафар Джанбусинов, Оспан Шолаков и др.; в Копальском уезде — Тезеков, в Акмолинском уезде — Кияшев.

Под видом всенародной борьбы за землю эти феодальные элементы пытались натравить казахское, киргизское, дунганское население на русские селения, на русских крестьян, разжечь межнациональную борьбу.

Однако надо прямо сказать: в подавляющем большинстве районов массы не пошли за новоиспеченными «ханами». Эти «ханы» сказались в ходе борьбы изолированными от масс и не смогли оказать существенного влияния на ход восстания. Например, во время восстания в Тургае Амангельды Иманов, объединяя и укрепляя вооруженные силы повстанцев, изолировал Абдулгафара Джанбусинова, провозглашенного «ханом» и фактически оттеснил его от руководства движением. В результате, будучи изолированным, Абдугафар не только отошел от движения, но тайно перешел на сторону царизма, установив тесные связи с буржуазными националистами и той частью феодальных элементов, которые с самого начала поддерживали царизм. Известно, например, что крупнейший феодал Мирза-Ишан Сатыбалдин дважды с ведома Джанбусинова водил царский каратальный отряд против Амангельды Иманова.

Таким же образом поступало и подавляющее большинство других «ханов», за которыми массы не пошли. «... Не только начальству, но своим популярным благомыслящим киргизам толпа перестала верить»,— сообщал семиреченский губернатор. «... Замечаются признаки раскола,

выражающиеся в появлении перебежчиков из числа влиятельных киргиз»,—доносил 7 сентября 1916 г. командующий войсками Туркестанского военного округа министру внутренних дел.

Тургайский губернатор докладывал генштабу, что из волостей Иргизского уезда «... восемь из девяти ханов явились добровольно»[1].

Хан Худояр Тезеков из Копальского уезда тайно перешел на сторону царизма. Об этом семиреченский военный губернатор Фольбаум 13 сентября 1916 г. телеграфировал Куропаткину следующее: «Худояр-хан Тезеков... сын бывшего султана Тезекова, провозглашенный ханом, лично доложил мне, что за волость Алтын-Эмельского района он ручается».

Только в отдельных, ограниченных районах феодально-клерикальным элементам удалось одурачить незначительную часть отсталых масс казахов, киргизов, дунган и повести их за собой.

Так было, например, в южной части Джаркентского уезда Семиреченской области, в отдельных пунктах Аулие-Атинского уезда Сыр-Дарьинской области; на территории нынешней Киргизии—в ряде волостей Пржевальского уезда и в восточной части Пишпекского уезда Семиреченской области. Здесь феодально-клерикальным элементам удалось осуществить свои антинародные замыслы—изменить характер движения, превратить его в антирусское, националистическое движение, разжечь межнациональную рознь. Поэтому в этих отдельных, в общем незначительных, очагах восстание носило реакционный характер.

Феодально-клерикальные элементы в этих реакционных очагах восстания, как и в тех местах, где им не удалось изменить характера движения, имели тесные связи с турецко-германской агентурой (с германо-турецкими эмиссарами, с отдельными представителями реакционного мусульманского духовенства, возвращавшимися из паломничества из Мекки и Константинополя и распространявшими реакционные идеи панисламизма, пантюркизма и т. п.). Подрывную работу в Казахстане вели также немецкие колонисты, германо-турецкие военнопленные офицеры, иностранные торговые компании. С ними также были связаны новоявленные «ханы». Феодально-клерикальные элементы посылали своих представителей в Турцию, Афганистан, Бухару за получением иностранной помощи. Например, известно, что хан Абдугафар Джанбусинов направил своего представителя в Бухару, чтобы заручиться поддержкой иностранных государств и т. д.

Однако феодально-байским элементам и агентам иностранных государств не удалось (за редким исключением) изменить характера восстания 1916 г. в Казахстане и превратить его в базу иностранных государств—противников России. Им не удалось (за редкими исключениями) обмануть трудящиеся массы Казахстана и изменить характер их борьбы против империалистической войны, против царизма и казахских баев-феодалов. Им не удалось (за редкими исключениями) натравить казахский народ на русское население.

Например, кустанайский уездный начальник в своем донесении на имя тургайского губернатора отмечает, что восставшие «за весьма редкими исключениями, обиду русскому населению не причиняют, но весьма враждебно относятся к полиции»[2].

Этот факт отмечал и тургайский губернатор: «На хозяйствах русских поселков,—докладывал он в генеральный штаб,—ни реквизиция киргиз, ни их беспорядки ни в чем не отразились»[3].

---

[1] ЦГИА в Ленинграде, ф. 1291, оп. 32, 1916 г. д. 1933, лл. 271—447.
[2] ЦГИА Каз ССР, ф. 25, д. 117, лл. 278—279.
[3] ЦГИА Каз ССР, ф. 25, оп. 1, д. 112, лл. 11—12.

2 октября 1916 г. Алтын-Эмельский участковый пристав вынужден был признать, что несмотря на восстание, казахи не трогали русских поселков. «Я приезжал лично, жалобы мне никто не заявлял, несмотря на то, что я спрашивал заимки»,— писал он[1].

В своей телеграмме от 24 ноября 1916 г. уральский военный губернатор указывал, что «по произведенному на месте расследованию выяснено, что вооруженного нападения киргизов на переселенцев не было»[2].

8 января 1917 г. из Семиречья телеграфировали, что «жертвы со стороны русских, исключая Пржевальский и Джаркентский уезды, были единичны»[3].

Имеются многочисленные факты, говорящие о том, что передовая часть русского крестьянства оказывала горячее сочувствие трудящимся повстанцам. Так, например, в разгар первой империалистической войны в г. Верном был арестован один русский крестьянин только за то, что он говорил: «Киргизскому народу тоже живется плохо, у него отнимают последний клочек земли». 13 июля 1916 г. в своем донесении верненский полицмейстер писал: «В селении Казанско-Богородском крестьяне Иван Долматов и Дормидонт Федотов возбуждали киргиз к тому, чтобы последние не давали составлять список призываемых туземцев». Во время боев под с. Саратовским Лепсинского уезда начальник карательного отряда потребовал от местных русских крестьян устройства укрепления вокруг села. Фельдшер Костенко и крестьянин Босяк отказались выполнить приказание начальника, заявив, что «киргизы не тронут, так как по слухам они решили не разорять крестьян, а вести борьбу только с военными отрядами».

Ведя борьбу против царизма и его реакционной политики национального угнетения, казахский народ всегда знал, что лучшие сыны русского народа сочувствовали его справедливой борьбе, признавали и отстаивали право казахов на национальную свободу.

Восстание 1916 г. в Казахстане, являясь одним из проявлений назревавшего тогда в России революционного кризиса, было объективно направлено против самодержавия, против империализма и империалистической войны, против насилия и эксплуатации баев-феодалов и колониальных чиновников. Оно усиливало удары, наносимые самодержавию и империалистической буржуазии русским пролетариатом, подтачивало устои царского самодержавия и послужило одним из звеньев в подготовке февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. в Казахстане.

И. В. Сталин указывал, что «... в постановке национального вопроса у русских большевиков надо различать две стадии: стадию дооктябрьскую, когда речь шла о буржуазно-демократической революции, а национальный вопрос рассматривался как часть общедемократического движения, и стадию октябрьскую, когда речь шла о революции пролетарской, а национальный вопрос превратился в составную часть пролетарской революции»[4].

В соответствии с этим указанием И. В. Сталина, восстание 1916 г. в Казахстане и Средней Азии надо рассматривать как часть общедемократического движения в России в период подготовки буржуазно-демократической революции в 1917 г.

---

[1] ЦГИА Каз ССР, ф. 89, оп. 1, дело «Мятеж киргизов», лл. 40—41.
[2] ЦГИА в Ленинграде, ф. 1291, оп. 82, д. 1933, л. 401.
[3] ЦГИА Каз ССР, ф. 44, д. 72, л. 69.
[4] И. В. Сталин, Соч., т. 7, стр. 223—224.

Восстание разоблачило перед казахскими трудящимися массами предательскую роль буржуазных националистов-алашордынцев, обострило классовую борьбу в ауле и дало массам величайший урок политического самосознания. Оно показало массам, что победа над царизмом, над империализмом возможна лишь при помощи и под руководством русского пролетариата, под руководством Коммунистической партии.

А. Г. ЗИММА
Кандидат исторических наук
(Киргизский государственный университет)

О ХАРАКТЕРЕ ВОССТАНИЯ 1916 г. В КИРГИЗИИ

(Содоклад)

Среди многих вопросов, по которым историки допускали серьезные ошибки и извращения, был вопрос о характере национальных движений, в частности о характере восстания 1916 г.

Есть две точки зрения, две противоположные оценки национальных движений. Первая—марксистско-ленинская, вторая—буржуазная, националистическая. Первая является единственно верной, научной, и всякий отход от нее есть уклонение в сторону другой—антинаучной, буржуазно-националистической точки зрения.

Марксизм-ленинизм учит, что национальные движения нельзя рассматривать как борьбу между нациями вообще, что в основе национальных движений всегда лежат классовые интересы и цели. В условиях борьбы за свержение империализма прогрессивность или реакционность национальных движений определяется тем, помогает ли то или иное национальное движение делу свержения империализма; если помогает—значит оно прогрессивно, революционно; если же мешает этому, если оно помогает старым, отживающим силам общества—оно реакционно.

Буржуазно-националистическая точка зрения, пытающаяся притупить классовый антагонизм, классовую борьбу внутри нации и разжигающая вражду между народами, между трудящимися разных наций, оценивает национальные движения как борьбу одной нации против другой.

Такие две точки зрения, две оценки имеются и по восстанию 1916 г.

Черносотенные царские круги и империалистическая буржуазия рассматривали это восстание, этот великий народный гнев, как бунт. Уходя в сторону от действительных причин восстания, они утверждали, что оно вызвано непродуманностью мобилизации на тыловые работы, некоторым влиянием немецкой агитации, а главным образом—неумелыми действиями местных властей. Земельный вопрос не включался в число причин восстания, а считался всего лишь «некоторой неурядицей в устройстве земельного быта киргиз». Так, например, было оценено восстание 1916 г. в Семиречье междуведомственным совещанием при военном министерстве, происходившем 8 июля 1917 г. под председательством князя Туманова.

Буржуазные националисты оценивали восстание 1916 г. как антирусское, говоря, что его лозунгом было изгнание русских и образование ханств, что руководила восстанием местная верхушка.

В оценке восстания 1916 г., как с точки зрения черносотенно-помещичьей, империалистической, так и с буржуазно-националистической,

есть то общее, что обе они отрицают классовую основу этого восстания, а на народные массы, боровшиеся за свое освобождение, возводят клевету, будто бы они добивались восстановления ханской власти.

Марксистско-ленинская оценка восстания 1916 г. решительно отмечает националистические вымыслы и утверждает, что восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, следовательно и в Киргизии, за исключением отдельных мест, было национально-освободительной борьбой широких трудовых масс коренного населения и против царизма, и против местных эксплуататорских верхов.

Такая точка зрения, такая оценка восстания нашла свое выражение как в теоретических положениях, так и в политике Коммунистической партии, в партийной печати, в учебной и другой советской исторической литературе, наконец, в той оценке, которую дает восстанию сам народ.

В «Истории ВКП(б)» при характеристике революционного кризиса, создавшегося в стране накануне Февральской революции, отмечается, что в России развернулось «...революционное движение народных масс против царизма, как в тылу, так и на фронте, как в центре; так и на окраинах» (стр. 167).

Кому не ясно, что когда говорится о революционном движении на окраинах, то имеется в виду национально-освободительная борьба угнетенных народов, которая являлась составной частью общереволюционной борьбы за свержение царизма.

Признание восстания 1916 г. прогрессивным, национально-освободительным можно видеть и во всей политике Коммунистической партии и Советского правительства, начиная с первых дней установления Советской власти.

Немалое значение для правильного понимания данного вопроса представляет телеграмма И. В. Сталина, посланная в первые же дни установления Советской власти в Семиречье с указанием обуздать колонизаторов и прекратить гонения на киргизов и казахов. По этому же поводу обращался к семиреченцам и М. В. Фрунзе, оценивая при этом восстание 1916 г. как попытку угнетенного народа добиться освобождения.

Нельзя забывать также указания В. И. Ленина о революционизирующем влиянии на борьбу угнетенных народов революции 1905—1907 г., и, наконец, того, что восстание 1916 г. развернулось в обстановке назревавшего революционного кризиса в России, оказавшего большое влияние на это восстание. Об освободительном характере восстания говорят и архивные документы.

Разве всего этого недостаточно, чтобы дать оценку восстанию 1916 г. как национально-освободительному?

И наши советские историки правильно его оценили. Это нашло свое выражение в советской исторической литературе, в учебниках по истории СССР, в тезисах, посвященных юбилейным датам этого восстания. Да и широкие массы советского народа считают это восстание освободительным. Об этом писали трудящиеся Киргизии в своем письме И. В. Сталину в 1936 г., подписанном сотнями тысяч людей.

К сожалению, наши историки, дав в основном правильную оценку восстанию, не избежали ошибок, о чем говорил в своем докладе Х. Т. Турсунов. Ошибки в этом вопросе допускали и историки Киргизии, в том числе и я.

Среди немногих работ по данному вопросу, написанных в Киргизии за последние 10—15 лет, всего лишь одна представляет специальное исследование: это кандидатская диссертация Д. М. Меджитова «Восста-

ние киргизов в 1916 г.». Остальные работы — это небольшие журнальные и газетные статьи, которые не основаны на глубоком изучении документального материала: ряд утверждений в них бездоказателен. В них слабо показаны причины поражения и условия победы национально-освободительной борьбы киргизского народа. В этих статьях содержатся и ошибочные положения. Так, в моей статье участие отдельных манапов и баев в восстании объясняется только страхом их перед восставшими, что является не только односторонним, но и ошибочным мнением, поскольку не показаны реакционные цели манапов в восстании. Недостатком диссертации Меджитова является недооценка восстания на юге Киргизии и преувеличение значения восстания в северных районах Киргизии в сравнении с остальными районами Средней Азии. Неправильно дана периодизация этапов восстания. Не раскрывается реакционный характер восстания, поднятого манапами, а их главари — Мокуш Шабданов, Канаат Абукин, Батырхан Ногаев называются даже руководителями национально-освободительного движения.

За последние три года началось более глубокое изучение национальных движений в Средней Азии и Казахстане, в том числе и восстания 1916 г. Историки вскрывают допущенные ошибки в этом вопросе. В этом направлении проводилась работа и в Киргизии. В мае прошлого года, после основательного изучения материалов Институтом истории Киргизского филиала АН СССР, была проведена конференция историков с участием виднейших ученых, историков Академии Наук СССР и среднеазиатских республик. Эта конференция сумела правильно решить вопрос о характере восстания 1916 г. в Киргизии.

1. ИСТОКИ ВОССТАНИЯ 1916 г. В КИРГИЗИИ

Восстание 1916 г. в Киргизии было обусловлено всем ходом общественно-политического развития конца XIX и начала XX вв.

Решающим, прогрессивным событием в жизни киргизского народа явилось присоединение Киргизии к России. Оно способствовало его экономическому и политическому развитию, уничтожению хозяйственной замкнутости и национальной обособленности, сближению с другими народами и прежде всего с русским народом. Начиная с конца XIX столетия, когда на историческую арену вышел революционнейший в мире российский пролетариат, его революционное влияние оказывало воздействие на все народы России, в том числе на киргизский народ.

Все положительное, прогрессивное в развитии Киргизии после ее присоединения к России происходило вопреки политике царизма и выражало объективный ход развития. Царизм же, русские помещики и буржуазия не только не способствовали экономическому прогрессу Киргизии, но всячески его задерживали, вследствие чего Киргизия при царизме была одним из наиболее отсталых колониальных районов.

Главной причиной восстания 1916 г. в Киргизии было то, что царизм лишал киргизское дехканство основного средства к существованию—земли. Земельные изъятия царизм проводил с первых шагов своего господства в Киргизии, а в годы столыпинщины изъятие земель приняло характер массовой экспроприации. Туркестанский генерал-губернатор Куропаткин при поездке по краю после восстания 1916 г. записал в своем дневнике, что массовые изъятия земли у киргизов являются повторением истории знаменитых «башкирских земель». Такая земельная политика царизма подорвала дехканское хозяйство и была гибельна для киргизского народа. Указывая на это, И. В .Сталин писал: «Результаты этой политики—постепенное вымирание вытесняемых в дебри местных коренных жителей (киргизы, башкиры)»[1].

Лишая киргизский народ земли, царизм вместе с тем давил его налогами, которые из года в год росли. Царизм препятствовал культурному росту и просвещению киргизского народа, результатом чего была почти сплошная неграмотность трудящихся масс. Царизм старался помешать сближению киргизского народа с русским, сея национальную рознь и действуя по принципу «разделяй и властвуй».

Одновременно с гнетом царизма киргизский народ испытывал еще патриархально-феодальный гнет манапов и баев. Манапы и баи беспощадно эксплуатировали киргизский народ и бессовестно обирали его, поддерживали темноту и невежество, все отсталое и реакционное, сеяли религиозный дурман и разжигали национальную рознь.

Особенно невыносим стал этот двойной гнет в годы первой мировой войны, когда эксплуатация киргизского народа царизмом и манапами достигла невиданных размеров.

В этой системе управления царизма и заключались причины восстания 1916 г. И. В. Сталин говорил, что при такой системе управления неизбежно «возникают трения, трения переходят в конфликты, конфликты—в восстания»[2]. Восстание 1916 г. в Киргизии не было неожиданной вспышкой, а явилось результатом годами нараставшего народного недовольства. Еще в 1907 г. происходили волнения киргизов по причине земельных изъятий. Киргизы Джуван-Арыкской волости Пишпекского уезда заявили, что «пусть их расстреливают, но они земли не уступят». В конце того же года семиреченский губернатор, отмечая факт волнений среди киргизов, писал туркестанскому генерал-губернатору, что «киргизы, находящиеся и ныне в панике, увидавши в действительности, что их выселяют с насиженных родных гнезд, начнут бунтовать». Перед войной, в 1913 году, начальник туркестанского охранного отделения доносил своему начальству, что «за последнее время среди киргизов безусловно усилился оппозиционный дух по отношению к русской администрации и правительству, именно в связи с земельными и другими вопросами».

Национально-освободительная борьба народов Средней Азии и Казахстана, в том числе и киргизского народа, нарастала под влиянием революционной борьбы русского пролетариата и крестьянства против самодержавия. В. И. Ленин, указывая на это, писал в мае 1913 г.: «Мировой капитализм и русское движение 1905 г. окончательно разбудили Азию. Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое населения проснулось к новой жизни и борьбе за азбучные права человека, за демократию»[3].

В Киргизии после 1905 г. стали появляться социал-демократические кружки, и отдельные представители киргизского народа стали втягиваться в революционное движение пролетариата. Значительный интерес в этом отношении представляет личность киргиза Жукеева-Пудовкина, участника революционного движения с 1905 г., а впоследствии члена партии с 1918 г., работавшего в годы первой русской революции рабочим железнодорожных мастерских в Ташкенте.

Особенно усилилось революционное влияние на борьбу угнетенных народов в обстановке войны, когда обрушившиеся на народные массы бедствия вызвали ненависть и озлобление к царизму и усилили револю-

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 26.
[2] И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 259.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 66.

ционную борьбу масс. Поэтому не случаен тот факт, что царизм на протяжении всех предвоенных лет держал Туркестан или отдельные его районы, в том числе и Семиречье, на положении усиленной охраны.

Царизм задолго до восстания 1916 г. постоянно находился под страхом массовых народных восстаний в Туркестане. Таким образом, восстание 1916 г. не являлось чем-то неожиданным, а было закономерным результатом общественно-политического развития Киргизии того времени.

2. ХАРАКТЕР, ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВОССТАНИЯ

Восстание 1916 г. в Киргизии, за исключением отдельных мест, носило национально-освободительный, прогрессивный характер. Оно было составной частью народно-освободительного восстания, развернувшегося на огромной территории Средней Азии и Казахстана, и как таковое являлось одним из проявлений революционного кризиса в стране накануне февральской буржуазно-демократической революции.

Национально-освободительный характер восстания определялся задачами свержения двойного гнета, против которого выступали восставшие. Стремление киргизского народа к ликвидации двойного гнета определяло антиимпериалистический и антифеодальный характер восстания 1916 г. Оно также выражало антивоенные настроения измученных и разоренных империалистической войной народных масс.

Каковы были движущее силы национально-освободительного восстания 1916 г.?

Несмотря на некоторые изменения в социальном строе киргизского общества, происшедшие под влиянием России, под влиянием капитализма, все же основными классами, противостоящими друг другу, были класс феодалов и класс дехканства.

Могли ли киргизские феодалы идти вместе с народом в борьбе против чужеземного, империалистического гнета? Нет, не могли. Слишком различны были их классовые интересы. К тому же киргизские манапы и баи были в союзе с царизмом и русской империалистической буржуазией, а часть их ориентировалась на внешние империалистические силы.

Таким образом, движущей силой национально-освободительного восстания могли быть только те силы общества, которые были заинтересованы в свержении двойного гнета. Такой силой были трудовые массы, поскольку они, и только они, испытывали на себе этот двойной гнет.

Помимо этих общих моментов, характерных для восстания 1916 г. в целом, особенностью восстания в Киргизии была борьба за землю, чем и объясняется широкое участие в восстании киргизского дехканства.

Восстание 1916 г. в Киргизии было стихийным и неорганизованным восстанием дехканских масс. Пролетарское руководство в нем отсутствовало, что было главной причиной его слабости и поражения.

Отрицательно сказались на восстании политическая отсталость, национальная рознь, которую в отдельных случаях удалось посеять царизму, манапам и баям, что и помешало делу объединения киргизского дехканства и русского крестьянства для совместной борьбы против царизма и манапства. Пользуясь темнотой, разрозненностью, неорганизованностью восставших и предательством манапства и байства, царизм кровавой рукой подавил освободительную борьбу киргизского народа.

Большой вред национально-освободительной борьбе киргизского народа причинили манапы и баи, действовавшие как агенты иностранной империалистической и феодально-клерикальной реакции.

Имеющиеся архивные документы свидетельствуют о том, что ряд киргизских манапов и богатых дунган имели связи с Турцией, Германией и другими государствами и, действуя по их указанию, пытались превратить народное антицаристское движение в антирусское националистическое восстание, отторгнуть Киргизию от России и установить над киргизским народом власть ханов и иностранного империализма. Но эти планы им не удалось осуществить; лишь в отдельных местностях Киргизии им удалось организовать реакционные выступления, которые были поддержаны наиболее отсталой частью киргизского населения. Сами царские чиновники признавали, что «панисламистская пропаганда не имела решающего значения в восстании».

Дружба, зародившаяся между трудовыми массами киргизского и русского народов, оказалась сильнее националистической и шовинистической политики киргизских реакционеров и царизма. Она нашла свое яркое проявление как в период восстания, так и после его подавления.

Национально-освободительное восстание в Киргизии прошло два этапа.

Первый этап относится к июлю, когда восстание развернулось на всей территории Киргизии. В этот период на почве составления списков призываемых на тыловые работы, в которые включались только представители трудящихся масс, в киргизском ауле развернулась ожесточенная классовая борьба. Восставшие уничтожали списки мобилизуемых, громили волостные канцелярии и дома манапов, ведавших призывом, убивали представителей русской и киргизской администрации. Особенно бурно протекали события в южных районах Киргизии, где киргизское дехканство вместе с узбекским народом боролось против царизма и против «своих» угнетателей. Острая борьба шла и в северных районах. Призываемые не давали составлять списки, угрожая манапам расправой. На требование уездной администрации представить списки мобилизуемых напуганные манапы заявляли, «что в поаульных приговорах именовать киргиз, отправляемых на работу, они боятся, так как в аулах будет резня между киргизами»[1]. В районе Нарына в Манбулакской волости беднота поднялась на восстание против волостной администрации и манапов за то, что в списки вносились только бедняки. Группа манапов во главе с волостным спаслась бегством в Нарын. К концу июля число восставших здесь превысило 1000 человек. В том же районе произошло убийство аульного старшины и двух стражников, когда они повезли списки мобилизуемых в Нарын.

В конце июля после подавления восстания на юге Киргизии, начался второй этап восстания. С этого времени оно развивалось сложным путем.

Второй этап приходится на август-сентябрь, когда в Северной Киргизии, особенно в Пишпекском и Пржевальском уездах, наряду с народно-освободительной борьбой, в ряде мест манапам и баям удалось обмануть отсталые слои населения и направить восстание по реакционному пути.

В Пишпекском уезде выступление приняло реакционный характер в районе Токмака, с центром в Атекинской и Сарбагишевской волостях. Главарями реакционного выступления здесь были манапы братья Шабдановы, потомки крупной феодальной фамилии, господствовавшей в прошлом почти над всем киргизским населением Чуйской долины. Другой реакционный очаг образовался в загорных волостях, с центром в Абаильдиновской волости. Во главе его стоял манап Канаат Абукин. В

1 ЦГИА Кир. ССР, ф. 75, д. 8.

Пржевальском уезде центром реакционного движения была Тюпская волость во главе с манапом Батырханом Ногаевым. Значительно меньший очаг был в Нарыно-Атбашинском участке и Кочкорке.

Организаторы реакционных выступлений сжигали русские поселки, уничтожали средства связи, почтовые станции и т. д. Они объявили себя ханами, выявив тем самым свои политические цели, а именно: отделение от России и создание ханства.

Но реакционные выступления манапов представляли лишь отдельные очаги. В Киргизии, как и во всей Средней Азии и Казахстане, за феодалами пошла лишь наиболее отсталая часть населения, да и ту удалось увлечь не панисламистскими лозунгами, а обещаниями дать землю беднякам, после того, как ее отнимут у хуторян и крестьян. А тех, кто не верил посулам, принуждали, сопротивляющихся же убивали.

Когда атекинцы и сарбагишевцы во главе с Макушем Шабдановым напали на русские поселки, другие киргизские волости повели борьбу против волостных управителей, старшин, знатных манапов и царских сатрапов. Большой интерес в этом отношении представляет восстание киргизов Беловодского участка. Здесь восставшие, организовав отряды и вооружившись чем могли, решительно выступили не только против царской власти, но и против манапов. 10 августа в селении Чининском Глеубердинской волости восставшие напали на волостного старшину Чолпанкулова и на бывших с ним пятерых джигитов и стражников. Отбиваясь от нападавшей толпы, волостной Чолпанкулов бежал в русский поселок Белогорку. Напуганные манапы ряда волостей собрались ночью в селении Татыбековском в мечети, чтобы договориться, как подавить восстание. Восставшие, узнав об этом, окружили мечеть, и манапы со своими джигитами отбивались от них в течение всей ночи. Из толпы восставших раздавались крики: «давайте сюда Чолпанкулова и Джантая, мы их убьем, они виноваты в составлении приговоров по сдаче нас и детей наших в солдаты»[1].

Вожаками восставших были здесь бедняки. На русские поселки восставшие не нападали и никого из русских крестьян не трогали. С помощью манапов царские власти учинили кровавую расправу над восставшими.

Таким образом, манапам удалось организовать реакционные выступления лишь в отдельных местах, а в основном восстание носило прогрессивный, освободительный характер. Даже в тех районах, где манапами были организованы реакционные выступления, основная масса дехкан не поддалась манапской провокации и не допускала насилий над русскими крестьянами. Напротив, имеется масса фактов, свидетельствующих о том, что киргизские дехкане укрывали и спасали от манапских зверств русских крестьян. Об этом говорят следственные материалы, показания женщин, мужчин. Многие крестьяне уходили из поселков в горы к знакомым киргизам, где и жили некоторое время. Известны факты когда в некоторых поселках Пржевальского уезда крестьяне еще до начала восстания манапов были предупреждены об этом. Небезинтересен для понимания характера восстания 1916 г. и тот факт, что, когда киргизы, бежавшие в Китай, узнали о свержении самодержавия, то немедленно же стали возвращаться на свои родные места — туда, где жили русские. У киргизского народа не было ненависти к русскому народу вообще, была только ненависть к царизму, и бежал он в Китай не от русского народа, а от царизма.

[1] ЦГИА Кир. ССР, ф. 75, д. 19, л. 4.

Имевшие место убийства, грабежи и все то отрицательное, что проявлялось в ходе восстания, было делом рук манапов, баев и царских властей, кулаков, которые организовывали расстрелы, убийства, поджоги и грабежи.

Какие же из этого следуют выводы?

1. Основной вывод, который сделала научная конференция историков Киргизии в мае 1953 года, состоит в том, что «в основном это восстание носило прогрессивный характер и было направлено своим острием против царского самодержавия и против феодально-байских элементов. Начавшись под влиянием все усиливавшегося в это время общереволюционного движения в России, оно смыкалось с этим движением и вливалось в общее русло борьбы народных масс России против войны и царизма».

2. Вместе с тем следует отметить, что в отдельных местах феодально-клерикальным элементам удалось восстание превратить в реакционное, антирусское, феодально-монархическое движение. В это движение реакционерам удалось вовлечь только отсталую часть киргизского населения.

3. Восстание 1916 г. было для киргизского народа школой политического воспитания. Оно раскрыло предательство манапов и баев и показало киргизскому народу, что он сможет добиться освобождения от гнета и эсплуатации только в тесном союзе и под руководством русского революционного пролетариата. Это освобождение принесла киргизскому народу победоносная Великая Октябрьская социалистическая революция.

О. К. КУЛИЕВ
Член-корреспондент Академии наук Туркменской ССР,
доктор исторических наук

О ХАРАКТЕРЕ ВОССТАНИЯ 1916 г. В ТУРКМЕНИИ
(Содоклад)

Вопрос о восстании 1916 г. неоднократно обсуждался научной общественностью Туркменистана, однако долго не удавалось найти его правильное решение.

Я, в частности, оценивая движение 1916 г. как прогрессивное, не замечал реакционности отдельных его очагов (имеется в виду нападение на Теджен в ночь на 6 октября, носившее антирусский характер), кроме того, признавая реакционными вооруженные выступления на Гюргене, я в то же время ошибочно отрицал участие в них русско-подданных туркмен Атрека (Красноводский уезд).

Ю. М. Тарасов, правильно оценивая вооруженные выступления на Гюргене и нападение на Теджен в ночь на 6 октября как реакционные антирусские движения, связанные с деятельностью иностранных агентов, допустил ошибку, рассматривая на этом основании все движение 1916 г. как реакционное, антирусское.

Совещание историков Туркменистана 30 мая 1953 г. совместно с представителями академий наук среднеазиатских республик и Института истории АН СССР, заслушав доклад Института истории АН ТССР и Туркменского филиала ИМЭЛС при ЦК КПСС, пришло к единому мнению о характере движения 1916 г. Мне поручено доложить данному совещанию основные положения этого доклада и принятого решения.

В докладе речь шла о том движении, которое развернулось во второй половине 1916 г. на территории бывшей Закаспийской области.

Ленин и Сталин указывали на то, что признание исторической закономерности и прогрессивности национальных движений в буржуазном обществе не должно превращаться в апологетику национализма, что это признание строго ограничивается только тем, что есть прогрессивного в этих движениях. Руководствуясь этими положениями ленинизма при оценке характера восстания 1916 г., его политической направленности и содержания, необходимо иметь в виду те социально-экономические отношения и политические сдвиги, которые происходили в то время у народов Средней Азии и Казахстана. У всех народов Средней Азии, в том числе у туркмен Закаспийской области, имела место классовая дифференциация с соответствующими ей классовыми противоречиями. Это обстоятельство делало неизбежной классовую борьбу в аулах.

Нельзя забывать и то обстоятельство, что в Среднюю Азию и Казахстан с конца XIX века проникал русский и иностранный капитал, строились фабрики и заводы, железные дороги, постепенно складывался промышленный пролетариат. Возникали многочисленные города и торговые центры. В сельское хозяйство внедрялась более доходная культура—хлопок. Российский капитализм развивал хозяйственные связи между народами, ломал национальные перегородки, нивелировал местные особенности отсталых национальных окраин. Народы Средней Азии хорошо осознали преимущество присоединения края к сильной и более передовой России.

При оценке характера восстания 1916 г. в Средней Азии, в том числе и в Закаспийской области, следует также учитывать, что капиталистические отношения здесь не были еще господствующими. Туркменский народ почти не имел своего национального промышленного пролетариата, способного возглавить борьбу трудового дехканства. Зато здесь образовалось значительное ядро русского пролетариата, активно включавшегося во все революционные события, происходившие в России, и являвшегося руководителем революционной борьбы в Закаспийском крае.

Восстание народов Средней Азии в 1916 г. необходимо изучать в связи с общей революционной обстановкой, сложившейся в годы первой мировой войны. Ленин и Сталин рассматривают вопрос о национально-освободительном движении в колониях не изолированно, а в мировом масштабе, в связи с революционным движением русского и европейского пролетариата. Великая европейская война и ее последствия ясно показали,—писал Ленин,—что народная масса неевропейских угнетенных стран неразрывно связана с пролетарским движением в Европе вследствие централизации мирового капитализма, что проявляется, например, в отправке колониальных войск и многочисленных рабочих армий на фронт во, время войны и т. д. На это же указывал и И. В. Сталин: «...во время империалистической войны,— говорил он,— сами империалистические группы воевавших держав вынуждены были апеллировать к колониям, откуда они черпали людской материал, из которого создавались войска. Несомненно, что этот процесс, процесс неизбежной апелляции империалистов к отсталым народностям колоний, не мог не разбудить эти племена и народности к освобождению, к борьбе»[1].

Указ царского правительства от 25 июня 1916 г. о мобилизации коренного населения Средней Азии и других окраин на тыловые работы в армию означал апелляцию царизма к своим колониям и явился непосредственным поводом к восстанию 1916 г. в Средней Азии.

Основной причиной восстания был национально-колониальный гнет, особенно усилившийся во время войны. Трудящиеся массы Туркмении испытывали огромную тяжесть войны. Приходила в упадок промышленность Закаспийской области. Эксплуатация рабочих значительно возросла.

На плечи трудового населения аула обрушились новые тяготы. Следовали одна за другой мобилизации для армии лошадей и верблюдов, обязательные поставки мяса и фуража, реквизиции скота, седел, шуб, туркменских каракулевых папах, кибиток, кошм и т. д. Были введены различные «добровольные пожертвования» на нужды войны, носившие по существу обязательный характер.

Подорвано было сельское хозяйство края. Посевная площадь хлопка, одной из основных сельскохозяйственных культур Закаспийской области, сократилась в 1917 г. на половину. В то время как цены на пшеницу, мануфактуру и на прочие предметы первой необходимости повысились в Туркменистане в 1916 г. на 300—400%, твердые цены на

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 5, стр. 37.

хлопок повысились по сравнению с 1913 г. только на 50%. Это подорвало основы маломощного дайханского хозяйства, ускорило его разорение и усилило кабальную зависимость от бая, ростовщика. Многие бедняцкие хозяйства вынуждены были продавать за бесценок свои клочки земли, рабочий скот и окончательно разорялись. К 1917 г. в Закаспийской области 14,9% дайханских хозяйств были безземельными, около 60%—малоземельными, 50,6%—безинвентарными и 35,6%—без рабочего скота.[1] Основная масса дайхан производила посевы, арендуя землю и воду либо у баев, либо у казны на кабальных условиях. К 1917 г. 61% всех посевов в Закаспийской области производился на арендованной земле. Повысился размер арендной платы.

Такая же, примерно, картина наблюдалась и в скотоводческих районах. Сокращалось поголовье скота, увеличилось количество бесскотных хозяйств. В главном скотоводческом районе Закаспийской области—Красноводском уезде—34,4% скотоводческих хозяйств осталось к 1917 г. без всякого скота и около половины—без рабочего скота[2]. Лучшие пастбища и водопойные колодцы на обширных пространствах Кара-Кумов находились в руках богатых скотоводов. Значительно сократились рыболовство, охотничий промысел и т. п.

Война принесла бедствия и трудовым слоям русских переселенцев. С каждым месяцем обострялся голод. В конце 1916 г. население Закаспийской области сидело уже на голодном пайке. Многие предметы широкого потребления совершенно исчезли с рынка. Росла дороговизна, обесценивались деньги, процветала спекуляция.

Обнищание и голод способствовали росту недовольства трудящихся масс, вызывали брожение, направленное против царизма и войны. Уже с конца 1914 г. начали возникать забастовки рабочих в Закаспии. Выступления рабочих особенно участились в 1915—1916 гг.

Небывалое по своему размаху движение дайхан нарастало в аулах области. Революционная борьба русских рабочих оказывала огромное влияние на эксплуатируемые массы туркменского аула, окрыляла их, поднимала и воодушевляла на борьбу. Значительный размах приняло движение в 1916 г. Прямым поводом к этому явился царский указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации на тыловые работы мужского населения колониальных окраин империи в возрасте от 19 до 43 лет включительно.

Согласно указу, в Закаспийской области должно было быть «реквизировано» 15 000 человек, в том числе: в Мервском уезде—5 000, Теджженском—2 300, Асхабадском 2 500, Красноводском—1 960, Мангышлакском — 3 240 человек[3].

С первых же дней объявления указа началось недовольство, охватившее подавляющее большинство местного коренного населения Закаспийской области. Повсюду на аульных сходах принимались решения: людей на окопные работы не давать, из аулов не отпускать. Движение, в основном, носило антиколониальный характер. Движущей силой восстания было угнетенное крестьянство, беднота, батрачество, ремесленники.

Чего они хотели, какова была их программа и цель? Хотя никакой письменной программы у восставшей трудовой дайханско-скотоводческой массы не было, однако на основании непосредственных требований восставших можно заключить, что это была антиколониальная, антивоенная программа. Повстанцы добивались освобождения от налогов и поборов, от поставок скота, кибиток и т. д. В архивах сохранилось множество документов, говорящих о фактах открытой агитации против набора, о «демонстративно вызывающем в отношении власти поведении», о сопротивлении действиям администрации, часто коллективном (например, в Бахардене и Мерве туркмены коллективно отказались представить списки мобилизуемых). Громадное большинство документов, говорящих о стихийном сопротивлении набору, относится к Асхабадскому и Мервскому уездам.

Начальник Закаспийской области в докладе штабу Туркестанского военного округа писал: «В Асхабаде 8 июля на прием ко мне явились представители населения от близлежащих к Асхабаду аулов, которые просили телеграфировать государю-императору об освобождении их от наряда. Я им указал, что наряд должен быть выполнен и посоветовал им обдумать, каким порядком поставить рабочих. По доходившим до меня слухам, в аулах население волновалось»[1].

8 июля чикишлярский пристав доносил начальнику Красноводского уезда, что «туркмены на сходе решили во что бы то ни стало людей не дать, хотя бы на этой почве пришлось умереть», что «мирным путем население не пойдет, разве только с применением силы»[2].

Развернувшиеся в аулах события заставили местную администрацию закрыть в ряде мест пункты сбора «реквизированных» рабочих.

Совещание при начальнике Закаспийской области от 12 июля 1916 г. постановило: «По изменившимся обстоятельствам, ходатайствовать об отмене сборных пунктов: в Чикишляре,, Бахардене и Ташкепри, но выслать в Чикишляр, Бахарден, Серахс, Иолотан, Ташкепри по полуроте пехоты»[3]. В этом же постановлении говорится: «Так как туркменское население отказалось доставить рабочих на тыловые работы..., просить распоряжения генерал-губернатора о немедленном командировании двух сотен казаков с пулеметами: одной в Мерв, другой в Теджен[4].

14 июля начальник Асхабадского уезда писал начальнику Ак-Тепинского гарнизона: «Среди туземного населения на почве реквизиции рабочих происходит брожение, не исключающее возможности всяких выступлений, требующих подавления военной силой»[5].

15 июля начальник области телеграфировал в Ташкент, что «к набору рабочих будет приступлено принудительно, так как добровольно туркмены их не дают, оказывая пока пассивное сопротивление»[6].

Красноводский уездный начальник в июле 1916 г. доносил начальнику области: «Уезд населяют, главным образом, кочевники-иомуды..., которые, узнав про набор, как докладывают старшины, будут бегать по степи, но рабочих не дадут. Старшины просили оказать им помощь в сборе и охране рабочих казаками»[7]. В другой телеграмме он сообщил: «Кочевники от наряда рабочих уклоняются, выжидают, как поступят асхабадцы; несмотря на обещание старшин, аксакалов, списки не составляются»[8].

[1] Статистический ежегодник ЦСУ Туркестанской республики на 1917—1920 гг., т. II, ч. III, 1924, стр. 32—33, 58.
[2] Статистический ежегодник ЦСУ Туркестанской республики на 1917—1920 гг., т. II, ч. III, 1924, стр. 38.
[3] Восстание 1916 года в Туркмении. Документы и материалы, Ашхабад, 1938, стр. 755.

[1] Восстание 1916 года в Туркмении. Документы и материалы, стр. 133.
[2] Восстание 1916 года в Туркмении. Документы и материалы, стр. 30.
[3] Там же, стр. 33—34.
[4] Там же, стр. 36.
[5] Там же, стр. 36.
[6] Там же, стр. 36.
[7] Там же, стр. 133—134.
[8] Там же, стр. 137.

Настроение туркменского крестьянства было в это время боевым. В Асхабадском уезде было зарегистрировано несколько случаев, когда население грозило убийством сторонникам выполнения указа. Царские власти поспешили объявить Туркестанский край на военном положении, но серахский пристав, известивший об этом туркменских старшин, услышал в ответ: «Готовы умереть все здесь, а рабочих дружин не дадим». Население Серахского приставства на районном сходе постановило: «не давать рабочих», угрожая убить пристава при дальнейших вымогательствах»[1].

Движение дайхан в аулах неуклонно нарастало и принимало все более угрожающий для царских властей характер. Тедженский уездный начальник телеграфировал 23 июля в Асхабад: «Благодаря отдаленности Серахса, полукочевому населению—волнения не унимаются, положение серьезное, аресты главарей возможны при наличии достаточной силы»[2].

24 июля ротмистр пограничной стражи в Серахсе донес, что «по вызову серахского пристава он вышел на усмирение взбунтовавшейся четырехтысячной толпы, шедшей к городу, приготовился встретить огнем, но по получении телеграммы об отсрочке набора, о чем собравшимся было объявлено приставом через управителей, толпа мирно разошлась»[3].

15 августа в ауле Кукурчек, Чикишлярского приставства, Красноводского уезда произошло вооруженное столкновение с царским отрядом на почве отказа составить список подлежащих набору на тыловые работы. Чикишлярский пристав Золотарев так описывал обстоятельства этого столкновения: «Перед вызовом народа...я решил послать конный разъезд осмотреть район двухверстной полосы аула... Они обнаружили засевших вооруженных туркмен, открывших по разъезду огонь. Вслед за сим прапорщик Пен Бек вызвал весь отряд в ружье и рассыпал в цепь, но по моей просьбе огня не открывал. Одновременно с сим прапорщик Пен Бек обнаружил отсутствие трех нижних чинов, захваченных туркменами, но вскоре присоединившихся к отряду. Весь отряд прапорщиком Пен Бек был отведен от кибиток шагов на 100 назад, я же, видя сильно взволнованных вооруженных конных и пеших туркмен, с трудом удерживаемых стариками, джигитами и переводчиком, и желая избегнуть кровопролития..., один остался между отрядом и туркменами. Видя это, старшина с аксакалами приблизились ко мне и просили не требовать от них никаких списков и для успокоения населения уехать... Я решил уйти к ближайшему опорному пункту—пограничному посту Курбан-Каз»[4].

Получив отпор в Кукурчеке, Золотарев не успокоился. 16 августа он направился со своим отрядом в аул Курбан-Каз с той же целью—заставить население дать списки подлежащих набору на тыловые работы. Однако за полверсты до аула высланный им дозор был обстрелян туркменами.

На другой день, получив подкрепление из соседних постов, Золотарев снова направился к Курбан-Казу, но отряд вновь встретил вооруженный отпор. В результате, все попытки Золотарева провести мобилизацию были сорваны. «18 августа,—писал он в своем рапорте,—была получена телеграмма о том, чтобы население не нервировать и имущество не трогать, а потому я больше ничего не предпринял»[5].

[1] Восстание 1916 г. в Туркмении. Документы и материалы; стр. 134.
[2] Там же, стр. 44.
[3] Там же, стр. 136.
[4] Там же, стр. 86.
[5] Там же, стр. 87.

После событий в Курбан-Казе и Кукурчеке население многих аулов Красноводского уезда стало откочевывать в разные стороны: в Уральскую область и под Хиву, в свои зимовья в долине Гюргена, уходило в горы и пески, подальше от карателей.

Острое недовольство отмечалось и в Тедженском уезде Закаспийской области. Беднота была недовольна несправедливой разверсткой рабочих. Генерал Давлетшин, интересовавшийся причинами недовольства в этом уезде, писал генерал-губернатору: «Слышал также такое предположение, что в Тедженском уезде не было справедливой разверстки рабочих... Здесь кучка сильных людей назначала от имени туземных обществ в наряд бедняков и освобождала богатых, что вызвало недовольство среди бедняцкой части населения»[1].

Дайхане угрожали представителям аульной администрации расправой, требовали отстранения их от должности. Например, волостной управитель Отамышской волости в одном донесении уездному начальнику в сентябре писал: «Туркмен аула Кара-Дашаяк Байли Анна-Яров кричал на сходке и угрожал убить того, кто запишет его сына в рабочие»[2]. Жители аула Язык-Анджик Тедженского уезда в начале октября 1916 г. в коллективном заявлении жаловались начальнику области: «Родственники аульной администрации и прочие богатые люди, по 3,4 и 5 братьев—вполне трудоспособные..., не внесены в указанные списки, значит властью аульной администрации освобождены от призыва... Они, грязные овцы,.. решили нашими руками жар загребать»[3].

В первых числах октября началось вооруженное выступление дайхан в Серахском приставстве Тедженского уезда. Ядро восставших составляла молодежь, подлежавшая мобилизации. В ночь с 1 на 2 октября группа из 100 молодых туркмен, записанных в рабочие дружины, говорится в донесении пристава, вооружилась берданками и ножами и напала недалеко от Серахса на солдат охраны, сопровождавших партию мобилизованных на тыловые работы[4]. В этом же донесении говорится далее, что нападение совершено «с целью воспрепятствовать отправлению из Серахса в Теджен собранной из туземцев партии рабочих»[5]. 2 октября в 30 верстах от Серахса повстанцы выдержали двухчасовой бой с воинским отрядом, чтобы «отбить в пути следования партию рабочих». 4 октября с той же целью вновь повторилось нападение повстанцев в количестве 50 человек на солдат близ Серахса. Но эти выступления были быстро подавлены. Карательная экспедиция, возглавлявшаяся феодалом Менгли-Ханом, арестовала 22 человека[6].

В сводке департамента полиции по Закаспийской области за октябрь 1916 г. приводится ряд фактов о продолжавшейся борьбе дайхан. Так, 24 октября на серахском тракте, между станциями Переправа и Кушут, группа дайхан в количестве 10 человек произвела вооруженное нападение на почту. В тот же день в Серахсе был ранен часовой, охранявший дом пристава[7].

Набор на тыловые работы в Асхабадском и Мервском уездах также проходил в обстановке крайнего возбуждения трудового дайханства. Так, в октябре 1916 г. в аулах Байрам-Алийского приставства были арестованы десятки дайхан. Причиной ареста явилось «непочтительное

[1] Восстание 1916 г. в Туркмении. Документы и материалы, стр. 115.
[2] Там же, стр. 93.
[3] Там же, стр. 99—100.
[4] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1138, л. 136.
[5] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, дело 1142, л. 52.
[6] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1142, лл. 52—53.
[7] ЦГИА УзССР, ф. 102, д. 4, 1916, л. 81.

отношение к аульному старшине и неисполнение его приказаний»[1]. 21 ноября 1916 г. произошло выступление дайхан Мервского уезда. Узнав о прибытии в г. Мерв начальника области генерала Калмакова, дайхане из разных аулов в количестве свыше 500 человек явились к нему с требованием об удалении двух волостных управителей, нескольких аульных старшин и эминов, злоупотреблявших своим положением при составлении списков «реквизируемых», а также вымогавших деньги под разными предлогами. Во избежание осложнений Калмаков вынужден был отстранить некоторых наиболее ненавистных населению должностных лиц[2].

Недовольство проявлялось и среди мобилизованных тыловых рабочих, причем особенное возбуждение царило среди тех, кто был оставлен на Среднеазиатской железной дороге—около родных мест. Рабочие массами бросали работу и уходили домой. В донесении заведующего Асхабадским розыскным пунктом в департамент полиции от 20 октября 1916 г. сообщалось, что «туркмены-рабочие, прибыв на станцию Комарово, отказались стать на работу»[3]. В рапорте начальника Асхабадского уезда от 15 ноября 1916 г. говорилось, что туркмены-рабочие «в большинстве самовольно отлучаются от работы»[4]. Начальник 14 участка службы Среднеазиатской железной дороги в письме от 14 декабря 1916 г. просил начальника Тедженского уезда арестовать 11 человек рабочих-туркмен, которые «проявили полное нежелание работать и действуют крайне возбуждающим образом и на других рабочих»[5]. В отношении от 13 декабря он просил наказать еще 9 рабочих-туркмен ввиду их резко оппозиционного настроения и самовольного оставления работ на дороге[6]. Начальник Закаспийской области был вынужден издать специальный приказ, предусматривавший большой денежный штраф или арест «тыловиков» сроком до трех месяцев за самовольный уход с работы.

Подводя итог, можно сказать, что восстание 1916 г. в Закаспийской области было частью общей национально-освободительной борьбы трудящихся масс колониальных народов России, в частности Средней Азии, направленной против царизма и войны, против колонизаторской буржуазии и ее местных союзников.

Восстание было стихийным и разрозненным. Восставшие дайхане не были способны на организованные действия, не имели ни пролетарского руководства, ни определенной революционной программы. Несмотря на это, восстание трудовой дайханско-скотоводческой массы в Закаспийской области в 1916 г. содействовало борьбе трудящихся масс русского и других народов России против общего врага—царского самодержавия перед февральской революцией.

Низкий культурный уровень, отсталость дайханских масс, отсутствие большевистского руководства движением в ауле—все это привело к тому, что восставшие не всегда могли различить своих подлинных врагов, терпели в своих рядах примазавшихся представителей местных эксплуататоров, пантюркистов, панисламистов, за спиной которых стояла иностранная разведка. Часть феодально-байских элементов, экономически и политически наиболее тесно связанная с российским капитализмом, активно содействовала царскому правительству в деле подавления движения (ханша Гюль-Джамаль, Махтум-Кули-хан. Менгли-хан и др.) Другая же часть, напротив, решила воспользоваться крестьянским движением в целях отделения от России и восстановления своих былых привилегий и могущества. Эта часть была связана с иностранной разведкой.

[1] ЦГИА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 446, лл. 86, 138, 142.
[2] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 475, л. 3.
[3] ЦГИА СССР, ф. Департамента полиции, делепроизводство, 1916, д. 130, л. 153.
[4] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 6366, л. 6.
[5] Там же, д. 455, л. 201.
[6] ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 455, л. 204.

В годы империалистической войны деятельность иностранных разведок в Средней Азии усилилась. Турция и Германия, Англия и США, Персия и Афганистан были заинтересованы в том, чтобы создать в тылу царской России политические осложнения, ослабить Россию и вытеснить ее из Средней Азии. И они принимали все меры в этом направлении, засылая в Среднюю Азию своих агентов, опираясь на местную феодально-байскую знать и на отдельных представителей царской администрации. Реакционным феодально-клерикальным элементам, за спиной которых стояли агенты иностранных разведок, в некоторых, преимущественно отсталых, районах удалось организовать реакционные выступления.

Так, в ночь с 5 на 6 октября произошло вооруженное выступление в Отамышской волости Тедженского уезда. Толпа в несколько сот человек двинулась на станцию Теджен. Руководили этим выступлением феодальные элементы, пантюркистские авантюристы Алты-Сопи, Азис Чапыков и другие, которые, обманув наименее сознательную часть дайхан, придали этому выступлению антирусский реакционный характер. Восставшие направились в Теджен чтобы перебить русское население. Дорогой они сожгли железнодорожный мост, перервали телефонные провода, разобрали часть железнодорожного полотна и убили нескольких мирных русских граждан, в том числе и детей. Однако это реакционное выступление не нашло никакой поддержки со стороны широких масс трудового дайханства не только всего Тедженского уезда, но и самой Отамышской волости. Обманутые феодально-байскими элементами повстанцы при первой же стычке с войсками на рассвете 6 октября разбежались. Следует отметить, что возмущенные провокацией феодальных авантюристов массы сами выдали властям часть руководителей этой авантюры. Азис Чапыкову и некоторым другим удалось бежать в Афганистан.

В конце сентября 1916 г. в районе Гюргена на персидской территории родоплеменные вожди Баба-Клыч, Шахи-хан, Мерген-Арчин и другие открытые и скрытые германо-турецкие агенты, используя недовольство масс колониальной политикой царизма, организовали антирусское реакционное выступление. Это выступление, длившееся несколько месяцев, сопровождалось ограблением ряда русских поселков, убийством русских граждан и другими насилиями. В нем участвовали как персидские, так и русскоподданные туркмены, откочевавшие сюда с территории Красноводского уезда. Однако вооруженные выступления и здесь не носили массового характера. Многие иомудские роды отказались выступить, хотя со стороны главарей восстания были попытки силой заставить население участвовать в мятеже.

Эти отдельные реакционные выступления не могут служить, однако, основанием для отрицания народно-освободительного характера восстания 1916 г.

Восстание 1916 г. в Закаспийской области, как и во всей Средней Азии в целом, означало участие трудящихся масс туркменского, узбекского, казахского и других народов Средней Азии в массовой борьбе русского народа против царизма и войны в период непосредственной подготовки второй русской революции.

Совещание историков Туркменистана 30 мая 1953 г., обсудив и одобрив прочитанный мною вам (в сокращенной форме) доклад, приняло соответствующее решение об оценке характера движения 1916 г. в бывшей Закаспийской области. В этом решении говорится:

«Восстание 1916 г., охватившее почти всю Среднюю Азию, было стихийным, разрозненным, в основном крестьянским движением, неоднородным по своему характеру в различных районах Средней Азии. Его неотъемлемой частью было движение в Туркменистане.

Основной причиной массового народного движения, охватившего в 1916 г. весь Туркменистан, являлся колониальный гнет, особенно усилившийся в годы первой мировой империалистической войны.

Это движение было крестьянским в своей основе и проявилось в различных формах—от стихийного индивидуального или коллективного протеста до открытых вооруженных выступлений. Это было прогрессивное народно-освободительное движение, которое пробуждало политическую активность туркменского дехканства и, несмотря на его стихийность и ограниченность, вливалось в общий поток борьбы народов России против войны и царизма под руководством русского пролетариата и большевистской партии.

В некоторых, преимущественно отсталых, районах Туркменистана, где более прочно сохранялись патриархально-феодальные отношения, феодально-клерикальная знать, тесно связанная с агентами иностранных разведок, сумела обманным путем организовать реакционные выступления, в которые частично вовлекала отсталые слои дехканства. Таким было вооруженное выступление на Гюргене и нападение на Теджен в ночь с 5 на 6 октября 1916 г. Однако эти провокационные выступления не нашли поддержки у трудящихся масс этих районов».

Этими оценками мы и руководствуемся при освещении вопроса о характере движения 1916 г. в бывшей Закаспийской области.

П. А. КОВАЛЕВ

Кандидат исторических наук

(Среднеазиатский государственный университет им. В. И. Ленина)

О ХАРАКТЕРЕ ВОССТАНИЯ 1916 г. В УЗБЕКСКИХ И ТАДЖИКСКИХ РАЙОНАХ КОЛОНИАЛЬНОГО ТУРКЕСТАНА

(Содоклад)

Специфика восстания 1916 г. в узбекских и таджикских районах колониального Туркестана состояла в том, что оно происходило:

1) в одной из важных восточных колоний, в основной хлопковой базе русского империализма;

2) в разгар мировой империалистической войны, отвлекавшей вооруженные силы царизма даже с окраин;

3) в условиях начальной стадии общего кризиса империализма и сложившейся с конца 1915 г. революционной ситуации в России, влияние которой распространялось и на окраины многонациональной империи.

Все это накладывало своеобразный отпечаток на ход событий в угнетенной крестьянской колонии, придав им несколько необычное течение и вызвав ряд немаловажных последствий, приобретших общероссийское значение, что не учитывалось историками.

Мне незачем говорить о предпосылках и причинах восстания, они довольно полно выяснены в основном докладе Х. Т. Турсунова.

Наши доклады в общем совпадают в исходных положениях. В освещении хода событий и оценке последствий восстания имеются расхождения.

Мне кажется, что методологически неправильно, как это делает основной докладчик, излагать в двух различных плоскостях сначала народные прогрессивные и затем реакционные восстания и, таким образом, разрывать органическую ткань событий. Здесь сказывается влияние концепции И. К. Додонова о двух тенденциях во всех национальных движениях, и поэтому восстание 1916 г. получает облик Януса, одним лицом обращенного к панисламистской Турции, другим—к революционной России.

Далее, нельзя не замечать «...сложность и многообразие процессов живой жизни»[1], подгонять события под некий стандарт, шаблон, под марку обычных представлений о ходе и результатах крестьянских стихийных восстаний.

Задумывался ли докладчик над тем, что подавить восстание огромного размаха, в условиях мировой войны, не было простым делом? И царизм и поддерживавшая его империалистическая буржуазия были не так уж глупы, чтобы в создавшихся условиях не прибегать, помимо репрессий, к политике лавирования и маневрирования. В своей работе «Мобилизация населения Туркестана на военно-тыловые работы и вос-

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 9, 211.

стание 1916 года» я подробно говорю о событиях 1916 г. Здесь коротко остановлюсь на последовательном ходе событий и особенно на последствиях восстания 1916 г.

Несколько замечаний относительно мобилизации коренного населения Туркестана на военно-тыловые работы. Теперь мобилизации придается бо́льшее, чем это делалось раньше, значение, и она рассматривается не просто как толчок, а как ближайшая и существенная причина восстания. Следует подчеркнуть, что мобилизация на военно-тыловые работы являлась не случайностью, не провокацией, а была актом неизбежной апелляции русского империализма к своим восточным колониям, имевшим целью улучшение и ускорение хода войны, так необходимым для господствующих классов в обстановке поднимающейся революции в России. Инициатором этой апелляции являлась прежде всего русская империалистическая буржуазия. Мобилизация послужила, особенно в связи с передачей ее практического осуществления в руки «туземной» администрации, новым средством угнетения трудящихся масс со стороны феодально-байской администрации и царизма. В условиях колониально-феодального режима мобилизация доводила национально-колониальный гнет до крайних пределов. Она поэтому обусловила большой размах народных волнений, она подняла на борьбу и женщину Востока, которую условия местного быта обрекали на пассивное положение в общественной жизни. Коренное население края сразу же ответило на новую апелляцию царизма и действия местной администрации движением сопротивления и демонстрациями протеста, переставшими в отдельные восстания. Народные волнения начались с ходжентской демонстрации протеста против мобилизации населения 4 июля 1916 г. В следующие дни демонстрации прокатились по Самаркандскому уезду (Ургутская, Сиабская, Ходжа-Ахрарская, Ангарская и другие волости).

11 июля 1916 г. произошло восстание в самом центре генерал-губернаторства—в г. Ташкенте (старый город). Волнения охватили и сельские районы Ташкентского уезда (Янги-Базар, Той-Тюбе, Ханабад и др.).

Особенно широкий размах и бурный характер народные волнения и восстания приняли в Ферганской области—хлопковой базе Российской империи. За время с 8 по 18 июля были официально зарегистрированы народные выступления во всех городах (Андижане, Коканде, Наманга-не, Маргелане) и в 65 крупных населенных пунктах области.

Вслед за Ташкентским уездом Сыр-Дарьинской области и Ферганской областью, 11—15 июля развернулись с новой силой массовые народные волнения и восстания в Самаркандской области. Волнения начались даже в северо-восточных районах Бухарского ханства.

Все это означало, что народы Туркестана открыто и дружно выступили против империализма и колониально-феодального режима, задерживавшего их экономическое, политическое и культурное развитие.

Национально-освободительное движение приняло массовый, глубоко народный характер. На борьбу поднялись широкие трудящиеся массы города и деревни: дехкане, чайрикеры, батраки, ремесленники и рабочие.

Выступления народных масс обычно проходили под лозунгами борьбы против мобилизации населения и войны, против волостных и сельских старшин и, наконец, против царской администрации. Народные массы жестоко расправлялись с представителями «туземной» феодально-байской администрации, громили их имущество, бесстрашно вступали в сражения с полицией и царскими войсками. В городах и крупных селениях наиболее

активную роль в народных выступлениях играли местные рабочие и ремесленники. В сельских местностях застрельщиками часто являлись бедняки и батраки. На арену политической жизни выступили трудовые массы крестьянства, народная масса, обычно «...всегда стоявшая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презираемая поверхностными наблюдателями»[1].

Бурный разлив массовых народных волнений и восстаний привел в движение все классы, все слои местного общества. Он оказал влияние и на верхушку коренного населения, которая также в известной мере была недовольна войной и набором рабочих. Волна общего недовольства захватила вначале и национальную буржуазию. Следует заметить, что наши историки упрощают позицию местной национальной буржуазии, не учитывая особенностей национального движения, особенностей угнетенных колониальных стран, где национально-колониальный гнет «...не может не задевать также и национальную буржуазию»[2]. Буржуазное национальное движение, началось главным образом в виде либерального оппозиционного движения. «Почетные» и «влиятельные» лица устраивали маслахаты—совещания, на которых обсуждалось создавшееся положение, произносились речи о необходимости восстания, но больше составлялись заявления и ходатайства перед властями. В той или иной мере, но чаще замаскированно сочувствуя и примыкая к народному движению, иногда агитируя против набора рабочих и даже подстрекая к демонстрациям, национальная буржуазия не решалась на риск открытой, прямой и последовательной борьбы против царизма и, как правило, развертывала кампанию подачи прошений и ходатайств вплоть до царского правительства и Государственной думы.

В некоторых кругах национальной буржуазии и феодально-клерикальных слоев коренного населения в эти бурные дни оживились мечты об отделении от России, которые отражали, в сущности, стремление к сближению с иностранным империализмом и его вассалом—Турцией.

Панисламисты и пантюркисты, усиливая реакционное феодально-монархическое и близкое к нему буржуазно-националистическое движение, рассчитывали повести за собой массы, старались «соединить освободительные движение... с укреплением позиций ханов, помещиков, мулл и т. п.»[3] для образования феодально-деспотических ханств под эгидой султанской Турции и империалистической Германии.

Наиболее решительные попытки использовать народное движение как простую силу и подчинить народные массы реакционным идеям и замыслам панисламизма, а, главное, известный успех этих попыток, имели место в немногих, наиболее отсталых районах Узбекистана и Таджикистана, где наиболее прочно сохранились патриархально-феодальные отношения.

Джизакское восстание началось под влиянием событий в Ташкенте и в Фергане как народное стихийное движение против войны, против царизма. В течение 13—15 июля восстание охватило г. Джизак с окрестностями и 15 волостей из 20 волостей уезда.

Но в основных центрах уезда—Джизаке, Богдане, Санзаре, Зааминe—местные феодально-клерикальные группировки захватили руководство движением в свои руки. Они организовали поголовную резню русского населения, в том числе семей рабочих железнодорожных станций. Они угрожали разгромом крупному рабочему поселку при станции Урсатьевская Среднеазиатской железной дороги.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 8, стр. 84.
[2] И. В. Сталин, Соч., т. 10, стр. 11.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 127.

Может быть, это было увлечение борьбой, крайности борьбы? Ленин говорил: «борьбы не бывает без увлечения, увлечения не бывает без крайностей».[1]

Нет, в Дживаке дело было не в увлечениях и не в крайностях, это была программа феодально-монархического, религиозно-националистического движения, которое захлестнуло стихийное движение. Ленин говорил, что при оценке общественных движений нужно прежде всего видеть смысл происходящей борьбы и ставить вопрос—кому выгодно? «...в политике,— подчеркивал Ленин,— не так важно, кто отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, **кому выгодны** эти взгляды, эти предложения, эти меры»[2]. Касаясь национальных движений, Ленин и Сталин указывали на то, что их нужно оценивать не с точки зрения формальной демократии, т. е. не с точки зрения того или иного участия в них народных масс, а с точки зрения фактических результатов в общем балансе борьбы против империализма, точнее, с точки зрения интересов революционного движения[3].

В Джизакском восстании феодалы, баи, муллы старались повести народные массы под лозунгами «газавата» за отторжение страны от России и возвращение старых феодально-деспотических порядков азиатского средневековья.

В селении Богдан, которое местные феодалы пытались превратить в общий центр восстания, 14 июля 1916 г. на совещании «влиятельных лиц»... было провозглашено образование «самостоятельного» ханства во главе с потомком бухарского бека—Абдурахманом-ходжой Абдуджабаровым (Джевачи). Учитывая особое географическое положение уезда на стыке трех крупных оазисов—Чирчик-Ангренского, Зеравшанского и Ферганского, феодально-клерикальные руководители восстания рассчитывали превратить его в притягательный центр для реакционных сил, в опорную базу большого панисламистского восстания. Вместе с тем они пытались теснее связаться с феодалами Бухары и Афганистана и побудить их к более активным и агрессивным действиям в отношении Туркестана.

Все это придало Джизакскому восстанию, в основных его центрах, ярко выраженный характер реакционного панисламистского восстания.

Неправы были тт. Додонов, Мавляни и Миронов, утверждавшие, что Джизакское восстание было даже не просто прогрессивным движением, а кульминационным пунктом восстания в Узбекистане. Подумать только—высшая точка национально-освободительного движения в самом отсталом районе и под предводительством феодалов и мулл![4]

Прав был К. Е. Житов, которому принадлежит инициатива разоблачения джизакских феодалов, баев, мулл.

Джизакское восстание в какой-то мере вредило русскому империализму, но вместе с тем, и даже в большей мере, оно вредило русскому революционному движению. В то время, когда в России вновь поднималась величайшая народная революция и когда партия большевиков провозглашала программу создания единого фронта рабочего класса России и угнетенных народов ее колоний, джизакское восстание, в

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 127.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 19, стр. 33.
[3] И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 144.
[4] См. «Национально-освободительное восстание 1916 г. в Узбекистане» Сборник статей, Ташкент, 1947 г.).
[5] См. «Правда Востока», № 258, 2 ноября 1950 г.

котором феодалам и муллам удалось опутать религиозно-националистической ложью часть местного крестьянства, в сущности дискредитировало идею национального движения, насаждало национальную отчужденность, возбуждало националистические страсти, межнациональную вражду. Оно вредило дружбе русского и узбекского народов, мешало начавшемуся процессу превращения колониального края из резерва империализма в резерв русской революции.

Редакторы моих тезисов выбросили положение о том, что Джизакское восстание в какой-то мере вредило русскому империализму, но тем самым они удалили диалектику событий, приняв ее, видимо, за эклектику, забывая, что диалектика учитывает все аспекты событий, но в отличие от эклектики выделяет главное, ведущее, решающее. Выбросив этот пункт, редакторы встали на путь, который ведет к отрицанию колониального положения Туркестана 1865—1917 гг. В самом деле, за что были повешены царизмом феодально-клерикальные главари восстания? Неужели за то, что они вредили только русскому революционному движению? Мне кажется, за это их только наградили бы.

Надо уяснить, что борьба против данного конкретного империализма не есть еще борьба против империализма вообще, т. е. не есть революционная борьба (ведь и германский империализм боролся против русского империализма). Это тем более справедливо для России, которая была не только империалистической страной, но и центром мирового революционного движения, где критерий всех общественных движений определялся прежде всего отношением их к революционному движению русского пролетариата. Но Джизакское восстание, т. е. восстание в четырех основных центрах уезда (Джизак, Богдан, Заамин, Санзар), нельзя отождествлять с народным движением в уезде. Во многих волостях уезда, населенных узбеками и таджиками, народные волнения продолжали носить крестьянский стихийный характер, характер борьбы против войны, против царизма, и народные массы с ожесточением расправлялись и с представителями царской, и с представителями «своей» феодально-байской, администрации. Более того, глубинные силы развития, вызванные условиями колониально-феодального режима, хотя и сдерживались влиянием сильных идеологических предрассудков, но должны были в конце концов проявить себя и определить ход событий и в тех районах уезда, где феодалам и муллам удалось на время повести за собою народные массы.

В Джизакском восстании в июле 1916 г. слабеющие силы местной реакции пытались безуспешно использовать назревание революционного кризиса и недовольства народных масс в стране в интересах панисламизма и иностранного империализма. Попытки реакционных сил использовать народное движение в других районах Самаркандской области не имели успеха.

В конечном счете реакционное панисламистское движение, будучи определяющим для некоторых отдельных восстаний, не имело определяющего значения для всего национального восстания 1916 г. среди узбекского и таджикского народов, внося в него лишь отдельные реакционные черты. Главное в народных волнениях и восстаниях в июле 1916 г. заключалось в том, что в активное политическое движение пришли народные массы, крестьянские массы — основные силы производственного процесса в аграрном крае.

Это вполне согласуется с марксистско-ленинской теорией, которая, учитывая «сложную механику» национального вопроса, особенно на Ближнем и Среднем Востоке, в связи с существованием панисламистской и пантюркистской формы буржуазного национального движения в

этих странах, видит в национальном движении эпохи империализма прогрессивное революционное движение и, прежде всего, движение национальных крестьянских масс против гнета империализма[1].

И именно потому, что в Туркестане теперь на арену политической жизни выступили широкие народные массы, объективно поддерживаемые революционной ситуацией в империи, восстание 1916 г. повело к значительным политическим последствиям в самом крае и отозвалось заметным эхом в метрополии Российской империи. Этому вопросу не уделялось и не уделяется историками необходимого внимания, не выявлен он и в основном докладе.

Народные волнения и восстания в узбекских и таджикских районах, т. е. в основных хлопковых районах края, усугубили начавшийся кризис колониально-феодального режима в Туркестане. Этот кризис, в связи с повышением активности народных масс, стал захватывать и политическую сферу управления краем. В кругах колониальной администрации почувствовались растерянность, разброд, местами паника, сменившие прежнюю беспечность и самонадеянность, стали проявляться резкие повороты от политики искусного лавирования к террористическим методам управления восстающей колонией.

Под влиянием происходящих событий ферганский губернатор генерал Гиппиус вынужден был пойти на необычные либеральные маневры и эксперименты. Он самовольно сочинил своего рода «манифест» к народу Ферганы, в котором объявлял об отмене царского указа, о прекращении в области мобилизации населения на военно-тыловые работы. Взамен мобилизации генерал Гиппиус затеял... «патриотическое добровольческое движение». В безуспешном стремлении всеми мерами внушить к себе доверие генерал Гиппиус прибегал к средствам национально-религиозной маскировки, сопровождая ее разного рода театральными эффектами и трюками (надевание тюбетейки с чалмой и серого туземного халата, чтение и целование корана, с заявлением присутствующим, что он любит эту «божественную книгу»).

В большей мере среди колониальной администрации в это время усилились настроения в пользу применения террористических методов управления непокорной колонией. Стали преднамеренно распространяться версии о народном восстании как о восстании панисламистском, стали провокационно раздуваться слухи и сообщения о «зверствах» мусульманского населения, якобы угрожающего всему русскому населению края.

Царское правительство по настоянию колониальной администрации объявило волнующийся край с 17 июля 1916 г. на военном положении. В крае, под предлогом борьбы с опасностью назревающего всеобщего мусульманского восстания, был введен жестокий военно-полевой режим, и местные власти во главе с временно исполняющим должность генерал-губернатора Ерофеевым начали применение варварских массовых репрессий против коренного населения, издавали дискриминационные приказы об обязательных поклонах «туземцев» чиновникам всех ведомств.

Но опасения по поводу якобы назревавшего всеобщего восстания среди коренного населения были неосновательными. В крае не было условий для сложения объединенного фронта национальных сил. Рабочий класс в крае был еще слаб. Национальная буржуазия не могла стать руководящей прогрессивной силой пробуждающихся к борьбе, против империализма местных наций. Она больше болтала о восстаниях

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 6, стр. 143, т. 7, стр. 221.

и, будучи зараженной панисламизмом и пантюркизмом, не встречала сочувствия и поддержки у широких масс коренного населения. В силу этих причин июльское восстание среди узбекского и таджикского народов состояло из отдельных разрозненных крестьянских стихийных выступлений и восстаний, не имевших определенной программы.

Организационная слабость, стихийность и локальность народных волнений и восстаний облегчали царским властям и «туземной» администрации их подавление. В узбекские и таджикские районы края спешно перебрасывались войска даже из пограничных районов—Термеза, Керков, Мерва и Кушки. Карательные экспедиции быстро подавляли очаги открытых восстаний. Терпели поражение и отдельные феодально-клерикальные выступления, не имевшие широкой социальной базы. Буржуазно-оппозиционное движение, опасаясь крайностей, «черни», военного положения и массовых репрессий, все больше выливалось в петиционную кампанию.

С третьей декады июля национальная буржуазия Ташкента, Андижана, Коканда, Бухары и других городов открыла кампанию верноподданнических демонстраций и деклараций с осуждением народного движения и с заверением о желании ее содействовать делу мобилизации населения на военно-тыловые работы.

Однако ни карательные экспедиции, ни массовые репрессии, ни декларации и уговоры «почетных» и «влиятельных» лиц не могли ликвидировать массового народного сопротивления делу мобилизации рабочих. Все попытки колониальной администрации в третьей декаде июля вновь начать мобилизацию населения кончались неудачей и приводили к новым волнениям и восстаниям. Начался новый этап движения.

Новая волна народных выступлений в третьей декаде июля (21—29 июля) прошла по Ташкентскому уезду (селения Каунчи, Пскент, Бука, Ак-Кургани, Чиназ, Мурат-Али, Той-Тюбе), по Самаркандскому уезду (Ургутская, Янги-Казан-Арыкская, Кара-Тюбинская и Махаллинская волости), по Ходжентскому уезду и докатилась даже до далекой и глухой Кара-Калпакии (Турткуль, Сары-Бия, Чимбай). Поднималась эта новая волна в отличие от первой волны (4—17 июля) в обстановке военного положения и массовых репрессий, в условиях еще большего обострения классовой борьбы в местном обществе на почве попыток верноподданнической буржуазии переложить всю тяжесть набора рабочих на плечи трудящихся масс города и деревни. В связи с этим заметно падало влияние национальной буржуазии в местном обществе.

Новая кампания по мобилизации населения, несмотря на «победы» колониальной администрации и шумные верноподданнические демонстрации буржуазии, явно заходила в тупик. Узбекские и таджикские районы края продолжали находиться в состоянии брожения и восстания, ибо подавление открытых очагов восстания происходило в обстановке общего подъема национального движения в крае, в обстановке усиливавшейся революционной ситуации в России. В этих условиях царизм и его колониальный аппарат уже не были в состоянии простыми, грубыми средствами насилия полностью ликвидировать народное движение в своей колонии и заставить ее народ выставить рабочую силу для империалистической войны.

Народные волнения и восстания в Узбекистане и в Северном Таджикистане, т. е. в основных хлопковых районах Туркестанского края, указывали на то, что важнейшая восточная колония, особенно важная в условиях затяжной войны, превращается из источника силы в источ-

ник слабости русского империализма. Поэтому они особенно встревожили русскую империалистическую буржуазию. Полагая, что набор рабочих служит существенным фактором, усугубляющим напряженное положение на окраинах, Государственная Дума, орган помещиков и буржуазии, категорически потребовала «отложить проведение призыва до окончания хлопковой кампании, т. е. до 1 ноября с тем, чтобы выиграть время» (телеграмма А. Ф. Керенского начальнику штаба верховного главнокомандующего генералу Алексееву от 24 июля 1916 г.).

Царское правительство само убедилось на опыте месяца борьбы, что усилия государственного аппарата не в состоянии путем репрессий полностью задушить народное движение (резолюция Николая II на докладе Главного штаба о положении дел в Туркестане).

Совещание в Главном штабе от 30 июля 1916 г. после ряда колебаний решило прекратить мобилизацию населения окраин на тыловые работы, но в форме отсрочки до 15 сентября 1916 г. Решение Главного штаба было спешно оформлено в виде «особой царской милости»— якобы в связи с днем рождения наследника Алексея Николаевича.

Новый царский указ от 30 июля 1916 г. свидетельствовал о том, что царизм не смог получить из своих глубоких резервов значительного подкрепления для тыла и армии в «незамедлительный и кратчайший срок».

Вместе с тем царское правительство увидело необходимость принять меры к укреплению колониального аппарата Туркестана. На пост генерал-губернатора края с предоставлением огромных полномочий был переброшен с фронта мировой войны один из крупных деятелей царизма генерал-адъютант А. Н. Куропаткин.

Таким образом, народные массы Узбекистана и Таджикистана, придя в политическое движение, вмешались в прерогативы, так называемой, верховной власти и заставили ее маневрировать, уступать и отступать. Отступление царизма не могло не означать известного успеха народных масс колонии, достигнутого лишь благодаря тому, что оно происходило в обстановке революционной ситуации в России.

Только совместными усилиями царизма, русской буржуазии и местной национальной буржуазии, маневрами царизма, применением не только репрессивных мер, но и более гибких мер, не имевших характера репрессий, были, наконец, подавлены народные волнения и восстания в узбекских и таджикских районах Туркестана.

Но июльское восстание узбекского и таджикского народов создало известное напряжение в крае, чреватое новыми волнениями и восстаниями.

В августе 1916 г. вспыхнули новые волнения и восстания, которые в течение последующих месяцев охватили многие районы Казахстана, Киргизии и Туркмении. В узбекских же и таджикских районах края начался третий этап восстания—этап спада волны народных волнений. В этих районах были теперь сосредоточены значительные вооруженные силы, что резко сокращало возможности для открытых восстаний.

Тем не менее, по заявлению самой краевой администрации, эти районы были лишь «наружно умиротворены». В то же время усилилось рабочее движение в крае. Русский рабочий класс поднимался на активную борьбу против капиталистической эксплуатации, против войны, против царизма. Кризис колониально-феодального режима еще более углубился.

Новая высшая колониальная администрация в лице Куропаткина, беспощадно подавляя народные волнения и восстания, принимала вместе с тем меры к некоторому смягчению колониально-феодального режима в крае и условий мобилизации населения на тыловые работы (при-

каз начальника края № 220 от 23 августа 1916 г.). Она приступила к проведению некоторых бюрократических «реформ» в основных районах края. Национальная буржуазия узбекских и таджикских районов, удовлетворенная осуществлявшимися «реформами» (подготовка к отмене устаревшего «Положения» 1886 г., создание районных комитетов содействия набору рабочих—первых легальных органов национальной буржуазии в крае), еще охотнее шла на сближение с «отечественным» империализмом, содействуя ему в деле усмирения края под предлогом того, что новый начальник края начал «на деле...проявлять глубокое внимание к истинным нуждам вверенного края».

Русская империалистическая буржуазия, с своей стороны, прилагала все усилия для умиротворения края, «снабжавшего армию и страну скотом, хлебом, хлопком». Она послала в Туркестан специальную комиссию в составе членов Государственной думы К. М. Батыргареева, Тевкелева и А. Ф. Керенского. Комиссия Думы в период с 15 августа по 2 сентября объезжала хлопковые районы края, создавая иллюзии и надежды на Государственную думу, как «заступницу» колониальных народов.

К исходу 1916 г. народные волнения и восстания в узбекских и таджикских районах края были окончательно подавлены. Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане потерпело поражение. Оно не могло не потерпеть поражения, как крестьянское национально-освободительное движение, как крестьянское стихийное восстание, у которого не было еще тесных связей с поднимающимся в России рабочим движением. Только в феврале 1917 г. (22 февраля) начальник края генерал Куропаткин отважился, наконец, заявить в своем рапорте царю о том, что «беспорядки и восстания прекращены во всем Туркестанском крае».

З. Ш. РАДЖАБОВ
Член-корреспондент Академии Наук Таджикской ССР

Восстание 1916 г. в Ходженте детально не изучено. Во втором томе «Истории народов Узбекистана» (стр. 431) ему уделено только 10 строк и дана лишь общая характеристика.

Б. Г. Гафуров в первом и во втором изданиях своего труда «История таджикского народа» (стр. 444—447) уделил этому вопросу значительное внимание и показал национально-освободительный характер восстания 1916 г. в Ходженте.

Город Ходжент и Ходжентский уезд являлись частью территории Туркестана, и жители этого уезда испытывали на своих плечах двойной гнет, существовавший в крае. Указ царя о наборе рабочих на тыловые работы, как известно, явился поводом для бурного выражения недовольства местного населения тогдашним социально-экономическим и политическим строем. Так было и в Ходженте.

В конце 1916 г. в Самарканде при военном губернаторе было созвано совещание с участием начальников уездов и представителей «туземной» администрации, посвященное вопросу о наборе тыловиков по уездам. Ходжентский уезд должен был дать 8948 тыловиков, а сам город Ходжент обязан был дать из этого числа 8 тысяч человек. На этом же совещании было принято решение об увеличении полицейских и военных сил в городах и кишлаках области в случае волнений. Совещание поручило всем чиновникам царской и «туземной» администрации области приступить к срочному составлению списков мобилизуемых тыловых рабочих. После совещания царские чиновники и чины «туземной» администрации приступили к составлению списков и к так называемому «объяснению значения» указа. Но эта работа была сразу встречена народом глубоким недовольством. Во многих махалля (кварталах) Ходжента вспыхнули стихийные митинги протеста.

В эти дни военный губернатор Самаркандской области Лыкошин послал телеграмму ходжентскому уездному начальнику с предупреждением, что при проведении в жизнь указа царя необходимо опираться на «именитых» людей города Ходжента. В телеграмме он перечисляет этих «именитых» людей и отзывается о них, как о верноподданных российского престола. Он предложил, чтобы старший казий калинавской части г. Ходжента Санд-Ахмедхан, депутат городской думы Муминов, староста г. Ходжента Мирза-Бахадур, усердно служивший царскому правительству 36 лет, известный богач г. Ходжента Аминджан, старшина Ходжентского уезда Ходжи Юсуф, награжденный за службу царскому правительству орденами, были непосредственными помощниками царских властей в уезде при проведении в жизнь указа о мобилизации.

Лыкошин, принимая во внимание многолетнюю преданность этих людей царскому правительству, в своей телеграмме писал, что эти «именитые» люди, без всякого сомнения, придут на помощь царскому правительству, и в этот раз Лыкошин оказался прав: эти предатели народа действуя кровавыми методами, сделали все от них зависящее, чтобы выполнить указ.

Шло срочное составление списков. Пристав г. Ходжента вызвал к себе 2 июля Мирза-Бахадура и казия и ознакомил их с телеграммой губернатора. «Представители народа» заверили пристава в том, что они до последней капли крови будут служить царизму. 3 июля утром к приставу явились старшины, старший казий города, пятидесятники, Мирза-Бахадур и другие. Была оглашена телеграмма, и все присутствующие заверили пристава в том, что указ будет выполнен. Дехкане из ближайших кишлаков, узнав об указе, приезжали в эти дни в город целыми толпами и обращались к представителям власти с просьбой не производить набора. 3 июля вечером в мечети Шейх-Муслихиддина, где собралась большая толпа взволнованного народа, чиновники царизма и «туземной» администрации, боясь народного возмущения, объявили, что при наборе тыловиков будет принято во внимание материальное положение избираемых, но что указ должен быть выполнен.

В ночь с 3 на 4 июля город не спал. Стон, плач, крики возмущения были слышны везде; люди собирались группами в чайханах, мечетях, на кладбищах и выражали свой яростный протест против существующего строя.

4 июля было первым днем массового составления списков. Ежечасно, ежеминутно усиливалось волнение масс. Это бросалось в глаза. Начальник уезда, опасаясь бунта, отдал телеграфное распоряжение всем приставам уезда, чтобы они три раза в день по телеграфу же сообщали ему о положении на своих участках. Особенно тревожно было в калинавской части города, где жили в основном кустари. Уговоры старшин и «именитых» лиц города не могли остановить народ от выступления. Чаша народного терпения переполнилась.

4 июля ранним утром толпа в 500 человек, среди которых были женщины и дети, собралась возле канцелярии казия калинавской части, где в то время находился пристав со своими городовыми. Народ решительно потребовал от пристава и казия прекратить составление списков. Испуганный пристав, видя перед собой взволнованную толпу, убежал в сторону Чоршамбе-базара к уездному начальнику. Толпа двинулась вслед за ним. По пути к Чоршамбе-базару присоединилось еще громадное количество людей. В это время группа кустарей из калинавской части пришла к казию и, не получив от него никакого ответа на свои требования, заставила его следовать вместе с ней к уездному начальнику. Кто был в толпе? Народ, кустари, чайрикеры, дехкане, мардикеры, обездоленная часть жителей города. Толпа в 7—8 тысяч человек потребовала от уездного начальника не брать тыловиков. Чиновники «туземной» администрации под предлогом, что они будут просить у начальника уезда отмены набора, спрятались в его канцелярии.

Начальник уезда совместно с чиновниками «туземной» администрации разработал план подавления восстания. Предатели из среды местного населения полностью поддержали кровавые мероприятия начальника уезда. Волнение масс усиливалось. Раздавались возгласы: «На войну людей не дадим!», «Нас не возьмут!», «Никого не пошлем!». После долгого ожидания к толпе подошел помощник уездного начальника вместе с представителями «туземной» администрации. Пытаясь обма-

нуть народ, они стали уверять, что «набор отменен», но народ, зная ценность слов палачей, не успокоился. В это время через черный ход из канцелярии пытался бежать уездный начальник, намеревавшийся уехать в Ташкент. Толпа вплотную придвинулась к зданию канцелярии уездного начальника и потребовала уничтожения списков, переданных накануне начальнику уезда Мирза-Бахадуром. Пользуясь возникшим замешательством, известный богач Ходжента Алибай вывел через заднюю дверь канцелярии уездного начальника и увез на фаэтоне в сторону вокзала помощника начальника уезда.

Толпа не уходила, ждала отмены набора, но, не получив ожидаемого ответа, пыталась разгромить канцелярию уездного начальника. Мирза-Бахадур, находившийся в канцелярии, стал через окно стрелять в толпу из револьвера. Несколько человек было ранено, но народ не сдавался. К городовому подошла Хадим Джамалак, выхватила у него шашку и сломала ее. Началась схватка между восставшими и полицейскими. Толпа загнала полицейских в канцелярию уездного начальника. В этот момент прибывшие казаки стали стрелять в толпу со стороны урды. Падали раненые, лилась народная кровь. В сторону урды полетели камни. Среди восставших был Джура Закиров, будущий большевик, крупный партийный работник, и другие сыны таджикского народа, вдохновлявшие восставших на борьбу.

Восстание в Ходженте все же было подавлено, но оно нашло свое продолжение в других районах Средней Азии. Таким образом, началом восстания 1916 г. явилось восстание в Ходженте.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Ходжентское восстание было началом событий 1916 г. в Средней Азии. Оно было направлено против царизма и, несомненно, имело национально-освободительный характер. Восстание выявило недовольство народа существовавшим строем и показало царскому правительству силу народа, оно заставило царские власти в Ходженте испытать на своей шкуре негодование и возмущение народа. События 4 июля 1916 г. в Ходженте нарушили на значительный период времени «деятельность» царских чиновников в уезде, они показали, что народ не доверяет царскому правительству и готов растоптать его указы.

2. Основными движущими силами ходжентского восстания были крестьяне, обнищавшие кустари, городской бедный люд. Баи Ходжента были на стороне царизма; их представители в лице чиновников «туземной» администрации от начала и до конца восстания активно помогали царизму, были палачами народа. Восстание показало народу, что его враги—не только царизм и царские чиновники, но и баи, и их идеологи—местные джадиды, казии, старшины, волостные, пятидесятники и т. п. Восстание сорвало с лица этих предателей покрывало мнимых «друзей народа» и, несомненно, имело большое значение для дальнейшего роста самосознания народа.

3. Ходжентское восстание было стихийным. Оно было лишено пролетарского руководства, но общий подъем пролетарского революционного движения в стране, независимо от воли царских властей, объективно влиял на умы местного населения Туркестана, в том числе и на население Ходжента. Не надо забывать, что с 1905 г. в Ходженте существовала социал-демократическая группа. В 1916 г. в Ходженте жил и работал большевик Иваницкий.

4. Во время восстания в Ходженте в одном из кварталов, по словам очевидца, был поднят турецкий флаг. Но не они, эти агенты германского империализма и турецкого халифата, задавали тон ходжентскому восстанию. Восстание не было использовано в антинародных целях

джадидами, злейшими врагами народа, как это было в некоторых районах Средней Азии. Ходжентское восстание носило национально-освободительный характер.

Т. Н. КОЛЕСНИКОВА[1]

Кандидат исторических наук

В исторической литературе длительное время господствовал взгляд на события 1916 г. в Туркестане, как на прогрессивное, антиимпериалистическое, антифеодальное, национально-освободительное восстание. Многие историки, в том числе и авторы II тома «Истории народов Узбекистана» и сборника статей «Национально-освободительное восстание 1916 г. в Узбекистане», изданного Узбекским филиалом ИМЭЛС, придерживались этой точки зрения.

При более углубленном изучении этого вопроса выявилась другая точка зрения, характеризующая эти события, как восстание в целом прогрессивное, но принявшее в отдельных районах реакционные черты. В исторической науке Узбекистана, следовательно, был сделан шаг вперед по пути более правильного освещения данного вопроса.

События 1916 г. представляют собой весьма сложный процесс и требуют дальнейшего углубленного изучения. Чтобы сделать правильные выводы при исследовании событий 1916 г., необходимо тщательно изучить все условия и конкретно-историческую обстановку, в которых они развертывались, с учетом развития края в течение 50 лет со времени присоединения его к России.

Но прежде чем переходить к анализу событий и выявить все существенные и несущественные связи, нужно точно определить, к какой категории следует отнести эти события. Нужно четко разграничить, являлись ли эти события в целом восстанием, как утверждает докладчик и другие историки, или же они сочетали в себе восстания и народные волнения. Надо дать правильное и ясное определение этих категорий, чтобы сделать правильное заключение, ибо волнение и восстание—два различных понятия, и смешение их приведет к неправильным выводам о характере и движущих силах событий. Только четкое разделение даст нам возможность определить характер и движущие силы восстаний и волнений.

Таким образом, я ставлю на разрешение дискуссии два вопроса: во-первых, являлись ли события 1916 г. только восстанием или они сочетали в себе восстания и волнения; во-вторых, каков был характер этих восстаний (отдельно) и волнений (отдельно).

Резко бросается в глаза тот факт, что в подавляющем большинстве случаев выступления носили единичный, разрозненный характер. Это были демонстрации протеста против набора на тыловые работы. По степени интенсивности их можно разделить на три вида. Первый вид: демонстрации расходились при объяснениях царских чиновников (Самарканд), после уничтожения списков (селение Туда, Шейхляр и другие), при слухах о прибытии или приближении войск и казаков (в Икшим-Алайской волости, в селении Газы-Яглык и других). Второй вид: демонстрации расходились после убийства или избиения некоторых должностных лиц (Дальверзин, Шур-Курган, Капа и другие). Третий вид—демонстрации расходились после первых залпов полиции и войск (Ташкент, Маргелан, Ходжент, Андижан и т. д.).

[1] Т. Н. Колесникова не смогла закончить на сессии свое выступление, исчерпав время, представленное ей регламентом. Здесь её выступление печатается по письменному тексту, представленному автором.

Такие выступления безоружных или почти безоружных людей было бы совершенно неправильно считать восстанием. Это были, по существу, народные волнения.

В Джизаке, Джизакском уезде, в ряде районов Семиречья, в Гюргене и Теджене были вооруженные восстания, которые не ограничивались одним актом выступлений, а сопровождались рядом других выступлений, порчей железнодорожных путей, телеграфа, окапыванием, сигнализацией, в отдельных районах (например, в Гюргене)—более или менее правильными военными действиями, и всюду—истреблением русских, вне зависимости от пола, возраста и имущественного положения.

Были еще небольшие вспышки в Чимбае и Серахсе, и хотя они и представляли собой единичные явления, но по характеру своему приближались к восстанию, а не к волнению.

Следовательно, в событиях 1916 г. было две категории выступлений—восстания, носившие несколько организованный характер, и волнения, зачастую стихийного порядка.

Прежде чем переходить ко второму вопросу—к выявлению характера и движущих сил восстаний и волнений, необходимо проследить конкретно-историческую обстановку и не только ту, которая существовала в момент событий, но и проанализировать историческое развитие края с момента присоединения его к России. К оценке характера и движущих сил восстаний необходимо подходить прежде всего с точки зрения прогрессивности присоединения Туркестана к России, ибо само присоединение создавало основу для дружбы трудящихся масс России и Туркестана.

Россия застала на территории Туркестана господствующими феодальные и феодально-патриархальные отношения, два класса: феодалов и дехкан-земледельцев и скотоводов. С самого начала политика царского правительства пошла вразрез с интересами этих двух классов. Будучи крайне заинтересована в культуре хлопчатника и в земельных угодьях, она сразу же создала прецедент для борьбы феодально-клерикальных элементов, ликвидировав Кокандское ханство и отдельные самостоятельные бекства (Джизак и другие), оставив Бухарское и Хивинское ханства. Лишение военно-феодальной и клерикальной знати ликвидированных ханств и бекств некоторых привилегий вызвало борьбу их за восстановление этих ханств и бекств, особенно Кокандского ханства.

Эта борьба и наложила свой отпечаток на всю последующую историю Туркестана. Феодально-клерикальные элементы уже тогда понимали, что собственными силами они бороться с Россией не могут, и ориентировались на «правоверную» Турцию, Афганистан, а через них—сначала на английских империалистов, а затем, с начала XX века, на германских империалистов.

Ожидания трудящихся местных национальностей, что в результате присоединения представители русской власти выступят в качестве их защитников от феодального произвола, не оправдались. Царизм отдал их во власть корыстолюбивых представителей феодализма, выдвигая последних на должности волостных управителей, аксакалов, старшин и пятидесятников.

С этого времени феодально-клерикальные элементы повели двойную игру. Всячески пресмыкаясь и угодничая перед царскими чиновниками, уверяя их в своих верноподданнических чувствах, они, пользуясь тем, что большинство представителей русской администрации не знало местных языков, вели почти явную агитацию среди трудящихся масс за отторжение Туркестана от России и присоединение его к Турции.

С этой целью они использовали нетерпимость корана к неверным и идею панисламизма. Особенно большую нетерпимость проявляли представители мюридского ордена «Накшбенди», которые оказывали влияние на широкие массы и утверждали это влияние, опираясь на своих, исчисляемых сотнями тысяч, мюридов. Воинствующая религия ислама и идеи панисламизма служили в руках националистических феодально-клерикальных элементов Туркестана могучим орудием закабаления трудящихся масс в экономическом и духовном отношении.

С проникновением в край капиталистических отношений и разложением феодальных и патриархально-родовых отношений возникло еще два класса—буржуазия и пролетариат. Нарождающаяся национальная буржуазия, уходя всеми своими корнями в феодализм, чувствуя свою слабость перед феодально-клерикальными элементами, перед империализмом и нарождающимся «своим» рабочим классом, положила в основу своей идеологии реакционную идею панисламизма.

Расходясь с феодально-клерикальными элементами по второстепенным вопросам, она в самом главном была с ними солидарна, а именно—в борьбе против русских и против «своих» трудящихся масс, за право самой эксплуатировать эти трудящиеся массы.

Феодально-клерикальные и буржуазные элементы твердо знали, чего они хотят и чего добиваются. С целью осуществления своих феодальных и буржуазных чаяний, они организовали тайные панисламистские комитеты и джадидские организации, завязывали отношения с иностранными империалистами. В этом они не были одиноки, они имели руководство, помощь и поддержку со стороны феодально-клерикальных и буржуазных элементов мусульман России, особенно татарской буржуазии, мечтавшей о гегемонии над всеми мусульманами России.

Рабочий класс местных национальностей потянулся к русским рабочим.

С этого времени в идейном развитии трудящихся масс наметилось две линии. С одной стороны, они подвергались воздействию идеологии феодально-клерикальных и буржуазных элементов, а с другой стороны—пролетарской идеологии. Стали закладываться основы дружбы между русскими рабочими и рабочими местных национальностей, несмотря на яростное противодействие этой возникающей дружбе со стороны царизма и местных эксплуататоров. Буржуазные и феодально-клерикальные элементы особенно остро почувствовали возникновение этой дружбы в период первой русской революции 1905—1907 гг. Ими овладел животный страх перед надвигающейся в России пролетарской революцией и боязнь, что эта революция вовлечет в свою сферу трудящиеся массы местных национальностей. Это и толкнуло их во время первой русской революции к блоку с русскими кадетами.

И хотя в революции 1905—1907 гг., в силу малочисленности и распыленности местного пролетариата, не сложился союз местного пролетариата и дехкан с русским пролетариатом и крестьянством, но пролетарская идеология продолжала пробивать себе дорогу и укреплять почву дружбы между русскими трудящимися массами и трудящимися местных национальностей.

Годы реакции и последующий подъем революционного движения в России и в крае, борьба местных рабочих рука об руку с русским пролетариатом за улучшение своего материального положения способствовали дальнейшему проникновению пролетарской идеологии в сознание местных рабочих и укреплению дружбы между ними и русскими рабочими.

Развитие капиталистических отношений в крае повлекло за собой и раскол в самой среде феодалов и буржуазии. Одни из них оставались непримиримыми к «неверным» русским и делали все от них зависящее, чтобы освободиться от русского владычества; другие стали склоняться к сотрудничеству с русской буржуазией и представителями русского царизма.

Накануне войны воинствующие идеи отдельных феодально-клерикальных и буржуазных элементов в районах с наиболее развитыми капиталистическими отношениями уже не имели успеха. Им пришлось перестроиться и центр тяжести своей агитации, пропаганды идеи «освобождения» от русских, идеи газавата, перенести в районы с преобладанием феодально-патриархальных отношений и ближе к границам Ирана и Афганистана, откуда они надеялись получить военную помощь.

Первая мировая война, вступление Турции в войну на стороне Германии, обнародование турецким султаном фетвы о джихаде, «священной войне»—против христианского населения стран Антанты, вдохнуло в феодально-клерикальные и буржуазные элементы мусульман России, в том числе Туркестана, надежду освободиться с помощью Турции и Германии, которая широко рекламировалась турецкими и немецкими агентами как защитница и покровительница мусульман, от русского владычества.

Поражение царских войск на западном фронте еще более укрепило уверенность этих кругов в непобедимости Германии. Эту уверенность в них горячо поддержали проживающие в крае немцы, военнопленные, тайные турецкие и немецкие агенты.

Тайные панисламистские комитеты и джадидские организации, возникшие еще ранее на территории края, с началом войны развили активную деятельность. Они собирали средства для правоверной Турции, восхваляли немцев и турок, распространяли утверждения о слабости России и ее неминуемой гибели в этой войне, вербовали своих сторонников. Они завязали весьма деятельную переписку с афганским эмиром и настаивали на его выступлении против России, обещая всевозможную помощь и поддержку.

Германия еще задолго до войны наводнила Россию, в том числе и Туркестан, своими агентами, причем многие русско-подданные немцы и даже некоторые русские, занимая весьма ответственные посты в России, являлись тайными агентами германского империализма.

Насколько велико было засилие немцев в России, свидетельствует тот факт, что даже царское правительство, чтобы успокоить общественное мнение, было вынуждено издать указ в 1916 г. «О немецком засилии». Конечно, этот указ был фикцией, так как никто и не думал бороться с этим засилием.

Германия во время войны ставила себе целью поднять мусульман против России и Англии и тем самым ослабить их тылы, оттянуть их войска с основных фронтов, а при успехе панисламистов—превратить Туркестан и Индию в свои колонии.

В результате, с апреля по октябрь 1915 г., немецким агентам удалось поднять на северо-западе Индии кочевые племена численностью до 10 тысяч человек которые совершили несколько набегов, но Англия быстро подавила это восстание и приняла все меры к тому, чтобы ликвидировать подрывную работу немецких агентов и панисламистов на территории Индии, а в 1917 г. в Лагоре провела большой процесс

над 17 немецкими агентами, который вскрыл густую шпионскую сеть германских империалистов во всех странах мира[1].

Германские и турецкие агенты вели подрывную работу в Афганистане, Иране и Синь-Цзяне, чтобы склонить мусульман этих стран к выступлению против России. На территории Туркестана они всячески разжигали националистическо-монархические настроения феодально-буржуазных элементов, внушая им мысль о слабости России, о мощи и непобедимости Германии и Турции, о том, что на эту войну нужно смотреть как на освободительную, что она освободит мусульман Средней Азии от русского владычества. Они принимали все меры к тому, чтобы разжечь вооруженное восстание против русских.

Из Мешхеда сообщали, что гератские немцы посылали эмиссаров в Бухару, Мерв, Чарджуй, Самарканд, Ташкент, Катта-Курган к пленным австрийцам и местным феодалам и буржуазии. Один из них, Гафур, побывал в Бухаре, Чарджуе, Мерве и вернулся обратно[2].

Связь панисламистов и пленных с Афганистаном, а через него с Ираном и Турцией, была весьма тесной. В Кокандском уезде во время волнений оперировали два турецких агента и один афганский в звании шейха[3]. В Джизаке у военнопленных были обнаружены письма феодально-клерикальных элементов и планы восстаний. Отмечалась непосредственная агитация и руководство восстанием со стороны пленных, которые указывали наиболее выгодные пути движения к разным местам, разъясняли важность порчи железной дороги и телеграфа[4].

В Ташкенте был арестован один из агитаторов, панисламист Сали-Юсуп-Оглы, который принял сербов за немцев и вел с ними беседы о поддержке восстания еще задолго до самого восстания, говорил об овладении крепостями, о запасах оружия у местного населения[5].

В этот период в Туркестане скопилось свыше 100 тысяч пленных австрийцев, которые с помощью местных панисламистов совершали побеги в Афганистан, Иран и Синь-Цзян, чтобы готовить эти страны для выступления против России.

Весьма характерно, что по мере приближения к границам агитация и пропаганда панисламистов становилась наиболее интенсивной и откровенно призывала к беспощадному истреблению русских.

Панисламисты Туркестана особенно стали торопить афганского эмира с выступлением против России в начале 1916 г., в связи с поражением Англии в Месопотамии и на Галлипольском полуострове и неудачами генерала Баратова в Северном Иране, но Англия приняла все меры, чтобы не допустить этого выступления. Панисламисты же думали, что это выступление просто затягивается из-за нерешительности афганского эмира, и решили поднять народ на восстание, в твердой уверенности, что это восстание будет поддержано мусульманами всего мира.

Таким образом, еще задолго до набора на тыловые работы в приграничных районах России, в том числе и на территории Туркестана, шла деятельная подготовка панисламистов к вооруженному восстанию. В Ташкенте о вооруженном восстании стали говорить с февраля 1916 г[6]. Важную роль в подготовке этого восстания играли агенты иностранного империализма.

[1] Синяя книга, 1918 г., стр. 66.
[2] Узб. филиал ИМЭЛС., рукописный фонд, р. 979 т. VIII, стр. 98.
[3] Узб. филиал ИМЭЛС, рукописный фонд, р. 279, т. VII, стр. 135.
[4] ЦГИА УзССР: ф. 67/с, оп I, д. 147, л. 71.
[5] Там же, ф. 10/с оп. 1, д. 436, л. 149.
[6] Узб. филиал ИМЭЛС, рукописный фонд, р. 979, т. III, стр. 32.

Организаторы восстания понимали, что, несмотря на национальный и колониальный гнет, резко усилившийся во время войны, дороговизну и разорения, для того, чтобы поднять на восстание трудящиеся массы необходим такой предлог, который бы непосредственно затрагивал их интересы.

К этому времени Туркестан уже охватила хозяйственная разруха. Большой вред хлопководству края нанесло нормирование цен на хлопковое волокно,установленных в 1915 г. в угоду фабрикантам текстильной промышленности, и в конец разорявших дехкан. Население испытывало недостаток в продовольствии, особенно в хлебе. Торговцы и спекулянты, пользуясь случаем, взвинчивали цены на продовольственные товары. Росло разорение дехкан-хлопкоробов, и в то же время все увеличивались налоги и всевозможные сборы пожертвований на нужды войны. Эти сборы служили средством обогащения местной администрации и царских чиновников. Вся тяжесть войны легла на плечи трудящихся масс как России, так и Туркестана, и это вызывало глухое брожение среди городской бедноты и недовольство дехкан.

Набор на тыловые работы явился очень удачным предлогом для панисламистов. Недаром ташкентские казии писали в Афганистан родственнику эмира, что для восстания лучше этой причины не найдешь и просили эмира поторопиться с выступлением против России, обещая всевозможную помощь[1]. Известный миллионер Миркамиль Муминбаев писал в Маргелан ишану Саид-Мамеду: «Дела Турции хорши. Поднять бунт из-за набора легко. Только будьте единодушны». Такое же письмо было написано им и мингбаши в Коканд[2].

Этот набор в начале июля 1916 г. вызывает вполне законное недоумение и подозрение. Ясно, что этот набор и ничем не вызываемая спешка в его проведении, при отрицательном отношении к нему туркестанского генерал-губернатора, подтвержденном несколько раз, является делом рук германских империалистов и их агентов, как часть общего плана диверсий в тылу России и Англии.

Председатель Совета Министров немец Штюрмер, германофил, выполняющий безоговорочно все указания царицы-немки и Распутина, агентов германского империализма, спешно дает указание временно исполняющему обязанности туркестанского генерал-губернатора немцу Мартсону, находившемуся в Петрограде, немедленно осуществить распоряжение царя. Мартсон 28 июня телеграфирует об этом своему заместителю Ерофееву, требуя немедленного исполнения. Штюрмер в этот же день дает телеграмму Ерофееву о немедленном исполнении указа, в то время как он должен был еще до этого согласовать вопрос с военным министром и совместно с ним выработать правила набора. Этого сделано не было. В результате с 28—29 июня по 11 июля не было даже известно, должен ли набор охватить все слои населения или будут какие-либо изъятия. О том, что от набора могут освобождаться люди в зависимости от занимаемой должности, от образования или выставить за себя рабочего, стало известно только после 11 июля. Обычно такие массовые мобилизации, чтобы не нарушить хозяйственной жизни страны, приурочивались к осени, когда заканчиваются летние сельскохозяйственные работы, а тут объявили мобилизацию летом, перед уборкой хлопка, к тому же во время религиозного поста — уразы. Дневной пост способствовал возбуждению населения; ураза облегчила организаторам восстания пропаганду и агитацию, так как

[1] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, оп. 1, д. 1137, л. 158.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 67/с, оп. 1, д. 148, л. 66—67.

все население по вечерам стекалось к мечети. В подавляющем большинстве случаев волнения происходили на рассвете. Так было в Кокандском и других уездах.

Словом, обстановка для возбуждения всех классов местного населения была создана исключительно благоприятная.

Как и следовало ожидать, набор вызвал возмущение всех слоев местного населения. Панисламисты решили использовать это возмущение и поднять трудящиеся массы на вооруженное восстание под лозунгом газавата, отторжения от России и присоединения к единоверной Турции, чтобы тем самым добиться политического господства, сохранить для себя рабочую силу и спасти себя и своих детей от набора. Те, кто не сочувствовал идее отторжения, решили защищать свои экономические интересы, протестуя против отправки рабочих, а также их самих на тыловые работы. Последний мотив у обеих этих групп отпал после 11 июля, когда стало известно, что по набору они не пойдут и могут выставить за себя рабочих. Отдельные должностные лица, боясь за свои доходные места и не веря в успех восстания, высказались за выполнение повеления царя о наборе. Трудящиеся массы ставили своей целью избавиться от набора, который должен был оторвать их от дома, от семьи и бросить в далекую, неизвестную им Россию, о которой столько ужасов рассказывали эксплуататорские классы.

Должностные лица, богачи и духовенство первыми узнали о наборе и первыми заявили протест. На всех совещаниях, которые собирали царские чиновники, подавляющее большинство этих лиц заявляло, что рабочих дать не могут, а некоторые даже с угрозой говорили: «Попробуйте взять силой». Так в Янги-Базаре Сыр-Дарьинской области представители четырех волостей заявили, что дать рабочих не могут, так как самим не хватает для сельских работ[1]. Такие заявления были повсеместно—в Андижане, Катта-Кургане, Ташкенте, Троицком, Коканде, Мерве и т. д.

Многие заявляли, что сказать ничего не могут и подождут, что скажет Ташкент и Самарканд, что посоветуются с «народом» и т. д.

Указание на Ташкент и Самарканд не случайно. Существовавшие на территории края тайные панисламистские комитеты и джадидские организации не имели единого центра, а в период подготовки к вооруженному восстанию ташкентский и самаркандский панисламистские комитеты претендовали на роль руководителей всенародного вооруженного восстания. Но, несмотря на длительную подготовку, они этой роли в силу ряда причин не выполнили, не сумели выступить в качестве руководителей восстания. Они не имели твердой опоры в трудящейся массе городов и проявили нерешительность в выступлении, ожидая военной помощи Афганистана. Руководители панисламистского комитета в Ташкенте действовали через вторых лиц и в волнениях 11 июля сами не принимали личного участия, а после волнений и ареста руководителей деятельность комитета больше не проявлялась.

Самаркандский комитет оказался еще слабее, он ограничился только рассылкой писем шахрисябзскому, китабскому и другим бекам, требуя присылки вооруженных людей, а также посылкой 7 июля депутации к афганскому эмиру с просьбой об оказании помощи.[2]

В результате неорганизованности самих руководителей в выступлениях не было согласованности действий. Всеобщее восстание было

[1] ЦГИА УзССР, ф. 11/с, оп. 1, д. 110, л. 59.
[2] Узб. филиал ИМЭЛС, рукописный фонд, р. 979, т. VIII л, 17.

намечено на 15 июля, затем перенесено на 18—19 июля, но из этого ничего не получилось.

О том, что отдельные должностные лица и богачи готовились к вооруженному восстанию 15 июля, говорят многие факты. Перед этим сроком они зарывали в землю имущество, отправляли семьи в дальние кишлаки и в Бухару, распродавали скот. Замечалось лихорадочное движение агитаторов по железным дорогам. Информация была поставлена четко. Определенные люди выходили на станции к каждому поезду узнавать, что делается в других районах. Когда царские власти запретили местному населению движение по дорогам, то в первый же день, утром, в Ферганской области было отобрано 300 свежеотточенных ножей, и к вечерним поездам на станции не явился ни один человек.

Чтобы поднять вооруженное восстание, должностные лица и феодалы не брезговали ничем: обманом, убийствами и нанесением материального ущерба. Во время Джизакского восстания рассылали письма о том, что Абдурахман Джевачи взял Ташкент, Андижан, Маргелан и еще 6 городов, требовали присоединиться к нему[1].

На совещании у хатиба соборной мечети в Катта-Кургане было решено напасть на город 19 июля, а 18 июля мулла Таш-Кабилов разослал письма с требованием явиться на газават и грозил, что кто не явится, сам будет убит, а имущество его будет разграблено[2].

Санзарцы требовали выступления яны-курганцев (вблизи станции Милютинская), а когда те категорически отказались, они зажгли у них оклады хлеба и лавки на базаре[3].

Жители Кара-Су заявили, что боятся составить списки из-за мести ходжей селения Раваток и просили защитить их. Главари рода сарибагиш в Семиречье для обеспечения успеха восстания рассылали гонцов во все киргизские волости Пржевальского и Пишпекского уездов, и значительные группы этих гонцов помимо агитации, применяли меры энергичного воздействия на колеблющихся и сопротивляющихся восстанию[4].

Из всего вышесказанного явствует, что феодально-клерикальные и буржуазные элементы повсеместно готовили вооруженное восстание. Узнав о наборе, они немедленно для большего возбуждения масс пустили слух, что мусульман будут брать в солдаты и безоружных пошлют под немецкие пули, что выполнять повеление царя запрещают коран и шариат, что проливать кровь на чужбине шариат мусульманам не разрешает, что ушедший по набору будет кафиром и его потомки до седьмого колена будут мучиться в аду, что если мусульманин умрет в России, то он будет осквернен погребением вместе с русскими и т. д. Когда царские чиновники разъясняли, что набирают не в солдаты, а на тыловые работы, они говорили, что это хитрость: говорят—в рабочие, а берут в солдаты.

Однако их затея с вооруженным восстанием под знаменем газавата не увенчалась успехом и не могла увенчаться, так как историю повернуть назад нельзя. Пятидесятилетнее пребывание Туркестана в составе России, развитие капиталистических отношений и проникновение пролетарской идеологии сказалось на поведении различных слоев населения в событиях 1916 г. Там, где еще были сильны феодально-патриархально-родовые отношения, в основном у кочевых народов, где

[1] Узб. филиал ИМЭЛС, рукописный фонд, р. 979, т. VIII л, 26.
[2] Узб. филиал ИМЭЛС, рукописный фонд, р. 979, т. VI, стр. 201.
[3] Там же, т. VI, стр. 106.
[4] Там же, т. XI, стр. 97.

была сильна власть родового вождя, там деятельность панисламистов имела успех. В результате, в Джизаке, Джизакском уезде, в ряде уездов Семиречья, в Гюргене, Теджене, Серахсе, Чимбае вспыхнули реакционные восстания с призывом к газавату против русских и с реакционной идеей «национального освобождения» от русских и присоединения к Афганистану и Турции, а через них—в кабалу к германскому империализму.

Я не буду рассказывать о ходе восстания в Джизаке, так как об этом довольно подробно сказано у докладчика, но хочу еще раз подчеркнуть, что и там восстание готовилось задолго еще до объявления о наборе.

30 декабря 1915 г. в Богдане производилось дознание бухарскоподданных киргиз Алла-Назара Ишмухамедова и других по обвинению их в агитации среди киргиз в 1914 г. Они распространяли слухи о том, что Германия и Турция победят Россию, что на войну ушли все умные люди, а оставшиеся не справляются, поэтому скоро наступит время бухарского владычества и, кто убьет русского, тот будет газы—победитель неверных[1].

Такая агитация проводилась и в последующее время. Агитаторы говорили о поражениях русских в войне, о победах немцев и возможности их прихода в Туркестан, о скором выступлении против России Афганистана. Поэтому не случайно восставшие в Джизаке кричали: «не хотим быть подданными русского царя, а хотим быть подданными германа или афгана», говорили, что им помогает «афган» и на помощь идет «герман».

В Семиречье также задолго до восстания и указа о наборе распространялись слухи о призыве киргиз на военную службу и велась агитация в пользу Турции и Германии.

15 июля 1915 г. вдруг началось массовое бегство русских киргизов с Памира в Афганистан, ввиду слухов о войне мусульманских народов против России. Осенью 1915 г. поведение должностных лиц и богатых киргизов в Семиречье стало явно враждебным; они начали высказывать недовольство затянувшейся войной, превозносили успехи немцев, выражали протест против поставки юрт, лощадей и т. д., стали усиленно распространять слухи, что против России должен выступить Китай[2]. Характерен и такой факт: в начале 1916 г. в Аулие-Атинском и Черняевском уездах Военно-инженерным управлением фронта производилась вербовка киргизов на тыловые работы. Было набрано 10 тысяч человек, и никаких волнений не происходило[3].

В Семиречье должностные лица и манапы начали подготовку к вооруженному восстанию только после того, как узнали о наборе. Чрезвычайно подозрительно поведение военного губернатора Семиречья немца Фольбаума, который окружил себя манапами и все время посылал успокоительные телеграммы в Ташкент. Его последняя телеграмма обрывалась на слове «все спо...»: телеграфист был убит и провода оборваны.

Подготовку к восстанию в Семиречье враждебно настроенные феодально-клерикальные элементы начали с 3 июля 1916 г. В это время богатые и влиятельные киргизы, находившиеся на курорте Арасан,

[1] Узб. филиал ИМЭЛС, рукописный фонд. р. 979. т. III, л. 29.
[2] Узб, филиал ИМЭЛС, рукописный фонд. р. 979, т. X, л. 82.
[3] Там же, т. III, л. 104.

услышав о наборе, спешно покинули курорт и выехали на места. В те же дни киргизы, работавшие у русских, ушли с работы, вернулись только 15 июля, а затем снова в начале августа покинули хозяев.

С 8 по 13 июля шли совещания влиятельных и богатых лиц. Здесь было решено не выставлять рабочих и поднять вооруженное восстание против русских, давались клятвы, выбирались ханы. На совещании в местности Уртаюз было принято решение перейти в турецкое подданство.

1 августа манап Макиш Байсенов разослал письма, в которых писал...«сообщаю всем мусульманам киргизам, почетным лицам рода Дулат и хозяевам населения, гг. волостным управителям Бурлаки, Казыбеку, Емиргеню и Джуману, что население трех уездов—Каркашского, Карауткульского и Атбасарского от поставки солдат отказалось. Нас обманывали, что берут на работу, но мы не согласились. Наши киргизы Балабек и Усман; последний отправился к государю с 8 тысячами рублей представителем от 3 уездов; после его отъезда мы у всех должностных лиц собрали русские знаки и печати и передали русским, из своей среды выбрали аксакалов и казиев, разграбили все русские поселки на берегу Байтика. Один немецкий поселок дал нам обещание не воевать и выдал нам свое вооружение и ружья. Киргизы Каркашского, Карауткульского уездов, по 20 тысяч, находятся на почтовой дороге. На основании этого, мы в ожидании того, что государь, побоявшись этого или постыдившись воевать со своими подданными, отменит требование поставки солдат. Вы, мусульмане, не бойтесь. Если этому кто не поверит, мусульманином считаться не будет»[1].

В начале августа все было готово, ждали только сигнала общего выступления. Было ясно, что восстание подготовлено, организовано и руководится опытными людьми и настолько предусмотрительно, что даже дорога на Сусамырский перевал была исправлена, чтобы итти на Пишпек и окрестные села. Среди восставших киргизов было замечено много лиц из Ферганской долины[2].

В Гюргене вожаками восстания являлись главари родов, они же были и должностными лицами. Восстание в Гюргене вызвало выступление в Теджене и Серахсе. Все эти выступления были направлены против русских и имели реакционный характер.

Вспышка в Чимбае, также реакционного характера, под руководством арык-аксакала и ишана Яны-Базарской волости и турецких агентов, выразилась в убийстве пристава, его жены и в затоплении посевов, чтобы последние не достались русским.

Таким образом, там, где классовая дифференциация была слаба, промышленность не развита, где были сильны еще патриархально-родовые отношения, в основном у кочевых народов, и велика была власть родового вождя, там феодально-клерикальным элементам удалось поднять трудящиеся массы дехкан на вооруженное восстание против русских под лозунгом газавата и отторжения от России, там они явились движущей силой этих восстаний.

История Туркестана после присоединения к России знает появление на территории бывшего Кокандского ханства до 50 лжеханов, претендовавших на восстановление Кокандского ханства; знает реакционные восстания Дервиш-Тюря-хана (1885) и ишана Мадали в 1898 г., знает «кокандскую автономию» и басмачество. Это была одна и та же цепь, рассчитанная на восстановление бывших ханств и бекств на тер-

[1] Узб. филиал ИМЭЛС, рукописный фонд. р. 979, т. IX, л. 143.
[2] Там же, т. IX, л 158.

ритории Туркестана, и промежуточным звеном этой цепи были реакционные восстания в указанных выше районах в 1916 г.

Совершенно другой характер носила прокатившаяся по краю волна народных волнений. Наиболее интенсивными были волнения в Ферганской долине. Характерно, что по мере приближения к границам пропаганда и агитация газавата становились ярче и по мере удаления от границ тускнели.

В народных волнениях участвовали все слои населения, в них переплелись разные цели.

Панисламисты были до известной степени организованы и преследовали те же цели, что и руководители реакционных восстаний. Они пытались взять руководство этими волнениями в свои руки и превратить их в вооруженное восстание. Феодально-клерикальные и буржуазные элементы, не сочувствующие идее отторжения, старались защитить свои экономические интересы; трудящиеся стремились уклониться от набора. Они не были организованы, не имели своих вожаков и подпали под влияние эксплуататоров, которые им говорили: «идите и требуйте отмены набора, русские стрелять не будут, у них нет патронов, а власти испугаются и набор отменят». Основная масса трудящихся городов, ближе соприкасавшаяся с русскими трудящимися, в конце концов поняла, что им не по пути с эксплуататорами, и в подавляющем большинстве крупных городов (в Скобелеве, Коканде, Канибадаме, Самарканде, Катта-Кургане, Теджене, Чарджуе, Мерве, Асхабаде и др.) возмущение их не вылилось ни в восстания, ни в волнения.

Дехканство, основная движущая сила народных движений, тогда еще не имело ясного представления о целях и задачах восстания, национальное и классовое сознание его стояло еще на низкой ступени развития.

Наиболее важным вопросом в определении характера народных волнений является выяснение вопроса об убийстве должностных лиц. Ряд документов говорит, что после известий о наборе всюду проходили совещания должностных лиц и богачей и на этих совещаниях выяснилось, что отдельные должностные лица отказались поднимать массы и решили выполнить повеление. Тогда организаторы выступлений, желавшие воспользоваться авторитетом и влиянием этих должностных лиц, пустили слух, что эти должностные лица являются предателями народа и нации и что еще в 1913 г. на торжествах по случаю 300-летия дома Романовых они дали царю подписку, что проведут воинскую повинность среди местного населения.

Характерно, что в Семпречье, Теджене, Гюргене, Серахсе и Чимбае не было случаев убийства должностных лиц. Как видно, в организации восстаний они были единодушны.

В Джизакском восстании такого единодушия уже не наблюдается: там было убито 10 должностных лиц, решившихся составить списки. Наибольшее количество убитых падает на Ферганскую область—34 человека; повидимому, здесь были еще большие разногласия,— Ферганская область являлась областью наибольшего развития капиталистических отношений, экономической и классовой дифференциации.

В документах приводятся факты убийства должностных лиц самими феодально-клерикальными и буржуазными элементами. Так, в Той-Тюбе волостного управителя убили по прямому указанию казия Муллы-Алим Худайбергенова, друга джадида—полковника Джурабекова, крупного землевладельца и ростовщика[1]. Волостной управитель Алтынкульской волости в Фергане был убит после того, как потребовал от сельских старшин, чтобы они приложили печати, что знают о повелении; старшины стали кричать, что он их обманывает и предал русским, на их крик сбежались их сторонники и умертвили управителя и защищавших его двух джигитов[1].

Причиной убийства араванского волостного управителя в Фергане было вымогательство взяток за исключение из списков. Когда приехавший в Туркестан Керенский задал вопрос богачам и джадидам, почему его убили, они коротко ответили: «за взятку».

Калькурганский судья Катта-Курганского уезда на совещании у уездного начальника 2 июля сказал, что повеление нужно выполнить, а на это хатиб Зубайдулла злобно ответил: «Молчи ты, проклятый богом, ты то кого дашь?. 20 июля по его указанию судья был убит. 16 июля под руководством сына Зубайдуллы, имама Минг-Арыкской волости, было учинено насилие над волостным управителем этой волости[2].

В кишлаке Кырк Джизакского уезда 12 июля на совещании должностных и богатых лиц было решено убить составляющих списки. Из этой группы 7 человек направились в Джар-Курган, подняли кишлак, убили пятидесятника и чор-тахтинского старосту. Убийцы были арестованы. Оставшиеся 8 человек в самом селении Кырк убили двух пятидесятников, в селении Акташ — старшину, а по дороге к Заамину — волостного управителя. Старшину Джизака Мирза-Яр-Худоярова собственноручно убил ишан Назыр-Ходжа[3].

Организаторы восстаний и волнений либо сами убивали должностных лиц, либо специально подговаривали на это людей. И убивали за то, что не примкнули к ним.

В Намангане на роль организатора выступлений претендовал мударис медресе Насур-Хан-Тюря. Он поднял волнение среди учащихся.[4]

В Нарынской волости у ишана Ходжа-Мухаммеда, участника ишанского восстания 1898 г., происходили совещания и обсуждался вопрос о сопротивлении. В селении Чинабад на эту роль претендовал ишан, прибывший из Ташкента и имевший там землю и усадьбу; в селении Дальверзин—ишан Шамсутдин-Мирза и его два сына. В селении Ляган Авальской волости (Ферганы) бывший народный судья собрал народ в мечети, надел зеленую чалму и призывал к неповиновению[5].

Можно привести еще множество таких примеров.

О том, что убивали по выбору, говорят следующие факты: 10 июля в Катта-Кургане уездный начальник собрал должностных и богатых лиц и получил от них согласие составить списки, но приведенная ими с собой двухтысячная толпа из сельских местностей волновалась и кричала, что не даст рабочих. Однако она нисколько не порицала своих руководителей за согласие, а когда 20 июля их арестовали, то толпа в 500 человек хотела произвести нападение на город, но была отогнана залпами[6].

В Ханабаде Ташкентского уезда на сходе нескольких волостей кричали: «бей должностных лиц», но побили камнями только кенджилинского старосту, а остальных не тронули. В Пскенте толпа в несколько

[1] Узб. филиал ИМЭЛС, рукописный фонд, № 979, т. VII, л. 18.

[1] Узб. филиал ИМЭЛС, рукописный фонд, т. VII, л. 129.
[2] Там же, т. VI, л. 218.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 16/с, оп. 1, д. 49, л. 48—49.
[4] ЦГИА УзССР, ф. 67, оп. 1, д. 148, л. 73.
[5] Узб. филиал ИМЭЛС, рукописный фонд. р. 979, т. VII, л. 132, 138.
[6] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, л. 34.

тысяч человек кричала: «не дадим рабочих» и одновременно требовала от пристава отпустить должностных лиц, а когда они вышли, успокоилась и разошлась[1]. Так было и в других местах.

Документы говорят о том, что в волнениях не было антифеодальной борьбы, дехкане еще верили своим угнетателям и не вышли из-под их влияния. Не было случаев убийства своих непосредственных эксплуататоров и не было случаев захвата байских земель.

Организаторам восстаний и волнений было выгодно переложить тяжесть ответственности за восстания и волнения на плечи трудящихся масс, особенно тех, кто был близок к русским и жил недалеко от русских. При расследовании была масса ложных доносов. Так например, в Джизаке наиболее пострадал квартал Ташлах потому, что он находился ближе к русскому городу, а начавший мятеж квартал Ак-Курганлык остался целым[2].

В селении Чуама арестовали чайрикера потому, что он отказался дать ложное показание. Старшина селения Чуама Каримбай Тюркулбаев даже посадил под арест, как участников восстания, своих двух братьев Разыкулбаевых, с которыми у него была тяжба из-за наследства.

Царские чиновники беспощадно расправлялись с участниками волнений, забирали всех, на кого только показывали должностные и богатые лица, желающие по тем или иным мотивам убрать лишних людей и свалить свою вину на трудящиеся массы.

Русские рабочие и крестьяне стояли в стороне от восстаний и волнений. Рабочие-железнодорожники продолжали работать и охраняли железнодорожные пути и станции. Станцию Джизак отстояли русские рабочие. Бесперебойно работали предприятия и учреждения. В Самарканде была организована бригада добровольцев в 200 человек и ей были выданы патроны. В Семиречье русское население вместе с солдатами отражало нападения мятежников[3]. Там же был сформирован добровольческий отряд киргизов, который помог войскам изловить одного из крупных руководителей восстания Каната Абухина.

Каких-либо документов, показывающих отношение к восстаниям и волнениям социал-демократических организаций Туркестана, не обнаружено.

Исходя из всего сказанного, можно констатировать, что события 1916 г. делились на две категории: реакционные восстания под лозунгом газавата против русских, имевшие целью реставрацию феодальных порядков, и народные волнения. В народных волнениях идея национального освобождения не получила сколько-нибудь ясного выражения. В волнениях явно превалировали желание трудящихся масс освободиться от набора и экономические интересы эксплуататоров.

В многочисленных заявлениях, устных и письменных, в самих волнениях красной нитью проходил призыв эксплуататоров—«не дадим рабочих». В этом призыве ярко проявлялась экономическая заинтересованность их в рабочих и боязнь, что ушедшие по набору рабочие будут потеряны для них навсегда, так как непосредственно столкнувшись с русскими рабочими, они не только сами воспримут революционные идеи, но и принесут их в Туркестан. Вот почему джадиды, когда они убедились, что идея отторжения края от России потерпела крах, приняли деятельное участие в осуществлении набора, и с каждой группой рабочих поехали мулла и джадид.

[1] Узб. филиал ИМЭЛС, р. 979, т. 7, стр. 19.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 13/с, оп. 1, д. 659, л. 121.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 67, оп. 1, д. 147, л. 87—88.

Их предчувствия оказались верными. Рабочие-тыловики действительно восприняли революционные идеи русского пролетариата и явились первыми организаторами Советов и профсоюзов в Туркестане. Они выступили вместе с русскими рабочими в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции в Ташкенте.

В докладе события 1916 г. именуются революционным, народно-освободительным массовым движением. Докладчик идеализирует эти события. Нужно прямо сказать, что восстания были реакционными. Народные волнения, в строго научном смысле, нельзя назвать ни революционными, ни национально-освободительными.

Если итти по стопам докладчика, то нужно признать, что трудящаяся масса подавляющего количества городов была контреволюционна, ибо она не участвовала ни в восстаниях, ни в волнениях, а основная движущая сила народных волнений—дехканство, по уровню своего национального и классового сознания стояла выше, чем трудящиеся массы городов.

В ходе народных волнений у дехкан не проснулось классовое самосознание, как утверждает докладчик, и они не почувствовали необходимости совместной борьбы с русским пролетариатом. Прояснение классового самосознания, сознание необходимости организации и совместной борьбы с русскими рабочими появились как раз у рабочих городов и особенно у рабочих-тыловиков. Последние столкнулись с русскими рабочими, боролись вместе с ними, так как они поверили в возможность осуществления пролетарской революции и эту веру и желание способствовать ее осуществлению принесли с собой на Родину. Но и тогда еще их классовое сознание не находилось на должном уровне, ибо в Советы и рабочие организации, которые они создавали, пробрались джадиды, и только в ходе борьбы с ними, совместно с русскими рабочими, под руководством Коммунистической партии они окончательно освободились от джадидов и их идеологии.

Восстания нанесли огромный вред трудящимся массам. Они разрушили хозяйственную жизнь этих районов, обрекли на голод и вымирание десятки тысяч людей, они разрушили основу нарождающейся дружбы между русскими трудящимися и трудящимися массами местных национальностей, надолго посеяли национальную рознь между ними, особенно в Семиречье, где она выливалась в кровавые столкновения между русским крестьянством и киргизами в течение длительного времени, весь 1917 г. Они послужили, до известной степени, источником последующего басмачества, так как ряд руководителей восстаний выступал в роли главарей басмачества (Шабданов и др.).

Прогрессивность нужно искать не в восстаниях, а в присоединении Туркестана к России, в новых экономических отношениях, в проникновении пролетарской идеологии, которые разбили надежды панисламистов, пантюркистов и панираністов отторгнуть с помощью трудящихся масс Туркестан от России, разорвать экономические и культурные связи, уже окрепшие между народами Туркестана и России. Эта неудача панисламистов особенно ярко сказалась в народных волнениях. Подавляющая часть городов не принимала участия в этих волнениях, а дехканская масса в конечном результате не пошла за их призывами на вооруженное восстание. Этим трудящиеся массы нанесли им первый удар, и они почувствовали, что в районах народных волнений пора их духовного господства над трудящимися массами миновала.

Второй удар основная масса трудящихся нанесла русской буржуазии и панисламистам в период подготовки и проведения Великой

Октябрьской социалистической революции, когда она пошла не за ними и не за их призывами, а за большевиками, за Советской властью.

Третий удар панисламистам был нанесен в годы гражданской войны, в период борьбы с басмачеством, когда трудящиеся массы, под руководством Коммунистической партии, совместно с Красной Армией разгромили басмачей. Это был крах местного феодально-клерикального национализма. Буржуазный национализм, не имея опоры в массах, продолжал еще некоторое время вредить созидательному труду рабочих и дехкан по строительству социализма, опираясь на иностранные разведки и мечтая об отторжении от Советского Союза и об организации буржуазной республики под покровительством англо-американского империализма. Но усилиями рабочих и дехкан под руководством Коммунистической партии буржуазный национализм в Туркестане был ликвидирован.

И. М. МАВЛЯНИ

Кандидат исторических наук

(Ташкентский юридический институт)

Историки нашей страны пришли на данном совещании, повидимому, к единому мнению о характере восстания 1916 г. в Узбекистане и других братских республиках Средней Азии.

На основе марксистско-ленинского учения, историки нашей республики пришли к общему мнению по вопросу о характере восстания 1916 г. в Узбекистане, определив его как прогрессивное, антиимпериалистическое, антифеодальное, народно-освободительное восстание.

Наряду с этим, до сих пор не разрешены отдельные вопросы восстания 1916 г., по которым имеются различные мнения.

Эти вопросы следующие:

1. Являлось ли восстание 1916 г. в Узбекистане, будучи прогрессивным, антиимпериалистическим, в то же время антифеодальным?

2. Отношение к восстанию местной буржуазии и ее идеологов-джадидов, пропагандировавших панисламистские, пантюркистские идеи.

3. Отношение к восстанию феодально-клерикальных элементов.

4. О джизакском восстании.

Историки Узбекистана считают восстание 1916 г. прогрессивным, антиимпериалистическим, антиколониальным, но отдельные историки, в особенности К. Е. Житов, сомневаются в антифеодальном характере восстания 1916 г. в Узбекистане.

К. Е. Житов в своей статье от 2 ноября 1950 г. в газете «Правда Востока»,отрицая антифеодальный характер восстания 1916 г. в Узбекистане, одновременно писал, что сторонники антифеодального характера восстания Додонов, Мавляни, Миронов не приводят «ни одного факта антифеодальной борьбы крестьянства против помещиков, баев». Для подтверждения своей мысли он продолжал: «Да такие факты трудно привести». К. Е. Житов до сегодняшнего дня стоит на этой точке зрения.

По-моему, восстание 1916 г. в Узбекистане было и антифеодальным. Это видно из того, что восставший трудовой народ выступал не только против колониальной политики царизма, против империализма, против первой империалистической войны, против колонизаторов, но он также выступал и против местных угнетателей-феодалов, баев. Восставший народ, особенно в Ферганской долине, убивал мингбаши, аксакалов, юзбаши, илликбаши и др. Для какого строя и для каких классов характерны эти административные должности—для феодализма или для капитализма? Нет никакого сомнения, что они характерны для феодального строя. Стало быть, борьба восставшего народа против мингбаши, аксакалов и других является борьбой против феодалов.

Возражающие против этого положения товарищи говорят, что мингбаши, аксакалы и другие феодалы являются ставленниками царского самодержавия. Да, действительно они являлись ставленниками царского самодержавия, но царизм ставил этих феодалов у власти на местах для того, чтобы сохранить на окраинах патриархально-феодальный гнет, для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве в интересах русских колонизаторов и местных феодалов.

Следовательно, борьба народов против этих ставленников царизма являлась борьбой не только против царизма, но и против местных феодалов. Восставшие трудящиеся при разгроме мингбаши, аксакалов, юзбаши и других отбирали и уничтожали их имущество, ценные бумаги, васихи (документы, связанные с земельными сделками и денежными долгами).

В статье, помещенной в газете «Кзыл Узбекистан» от 17 мая 1946 г. под названием «Ферганская долина в дни восстания», мной приводились факты, подтверждающие эти положения. Например, 11 июля 1916 г. в Килинской волости Наманганского уезда восставшая толпа избила до потери сознания сельского старшину, у которого были отобраны: должностной знак, печать, деньги, векселя и другие кабальные документы. Такие факты не единичны, можно было бы привести и другие. Только в Ферганской области по официальным данным было убито около 30 аксакалов и мингбаши.

Восставшие убивали мирабов, баев и даже мулл. Например, в одном селении Наманганского уезда толпа убила имама, который составлял список лиц, подлежавших мобилизации на тыловые работы.

В Андижане 9 июля 1916 г. обратился с речью к восставшему народу бай Касым Инак, требовавший подчинения населения царским властям. Тогда разгневанная толпа избила его до смерти.

Разве эти факты не доказывают борьбу восставшего народа против феодалов, баев, ростовщиков и других местных эксплуататоров? Эти факты говорят о том, что восстание 1916 г. в Узбекистане, являясь прогрессивным, антиимпериалистическим, антиколониальным, имело также и антифеодальный характер.

Буржуазия и ее идеологи — джадиды перед началом восстания совещались несколько раз и определяли свое отношение к восстанию.

Джадиды выступали против восстания трудового народа и поддерживали империалистическую политику царизма, выступали как союзники царского самодержавия, устраивали верноподданнические манифестации с царскими портретами, уговаривали народ подчиниться указу «белого царя» и итти на тыловые работы. Они помогали царизму расправляться с восставшими. Об этом говорят многочисленные донесения охранки, рапорты генералов и т. п.

Джадиды еще в период первой русской революции 1905—1907 гг. выступали против народа. В своей газете «Тараккы» они писали: «Нам не нужно стачек и демонстраций. Мы, мусульмане, никак не можем присоединиться к этой группе (т. е. к революционной социал-демократической организации.— *И. М.),* потому что это привело бы к гибели, так как программа этой группы ни со стороны экономических вопросов, ни

со стороны вопросов о душе и браке нас абсолютно не может удовлетворить»[1].

И в период восстания 1916 г., и в 1917 г., и после Октябрьской социалистической революции джадиды выступали против национально-освободительного движения народа, против революции; они были реакционерами, защитниками интересов буржуазии.

Они не поддерживали национально-освободительных движений, а вели реакционную политику, потому что буржуазия и ее идеологи—джадиды больше боялись народных движений, борьбы против самодержавия, чем самого самодержавия, так как движение народных масс все больше революционизировало трудящихся.

Клерикально-феодальные элементы в подавляющем большинстве своем выступали также против народного восстания, поддерживали империалистическую политику царизма, призывали народ к подчинению царскому самодержавию (в Сыр-Дарьинской области, во всей Ферганской долине и в других местах). Но отдельные феодально-клерикальные элементы, убедившись в широком масштабе народного восстания, решили, для сохранения своего влияния среди народа и использования восстания для своих целей, возглавить его и в отдельных волостях Джизакского уезда и в других местах провозгласили реакционный лозунг «газавата».

Х. Т. Турсунов правильно говорит в своем докладе, что «отдельные реакционные выступления, имевшие место в ходе восстания, потерпели крах, не встретив поддержки у широких народных масс. Эта особенность и отличительные черты восстания в недостаточной степени были указаны в выпущенных работах о восстании 1916 г. в Узбекистане. Нужно было более ясно и четко подчеркнуть отдельные реакционные очаги восстания 1916 г. в Узбекистане».

Такие недостатки были и в написанных мною статьях. В дальнейшем нам следует сделать для себя соответствующие выводы и устранить подобные недостатки.

Несколько слов о Джизакском восстании. Восстание 1916 г. началось стихийно в Самаркандской области (4—5 июля), в Ферганской области (8—9 июля), позже—в Сыр-Дарьинской области. В Ташкенте 11 июля трудящиеся выступили против мобилизации на тыловые работы. Это выступление трудящихся Ташкента явилось толчком к широкому развитию восстания в Ферганской и Самаркандской областях. 13 июля стихийно вспыхнуло восстание трудящихся в г. Джизаке и в других местах Джизакского уезда. Из этого видно, что Джизакское восстание было частью и продолжением восстания 1916 г. в Узбекистане.

Джизакский уезд в то время являлся одним из наиболее отсталых уездов области. Коренное население испытывало здесь притеснение со стороны колонизаторов больше, чем население других районов Узбекистана. Местному населению не разрешалось даже собирать хворост. К сокращению пастбищ привело также орошение новых земель для русских переселенцев в Голодной степи. Условия водопользования были особенно тяжелы, вода захватывалась колонизаторами и феодалами-баями. Все это привело к тому, что в Джизакском уезде трудящиеся жили, как нищие. Вот что писал в своем рапорте джизакский уездный начальник начальнику поземельно-податного отделения при Самаркандском областном правлении: «Тяжелое экономическое состояние населения иногда достигает таких размеров, что население в некоторых волостях остается к весне совершенно без хлеба и живет милостыней, причем бедные жители питаются корнями диких растений (волости Сентябская, Богдадская, Новрутская и Чимбайская), зачастую в селениях нельзя достать не только хлеба, но даже ячменя...».

[1] «Тараккы» № 5, 1906 г.

Первая империалистическая война резко ухудшила положение населения уезда ввиду того, что царское правительство реквизировало скот и увеличило вывоз хлеба и различного сырья из областей Туркестана, а также повысило подати.

По разнорядке царского правительства Джизакский уезд (как зерновой район) должен был дать на тыловые работы гораздо больше людей, чем хлопковые районы Узбекистана. Мобилизация совпала с периодом разгара уборки зерна. Все это обострило недовольство населения. На восстание поднялись трудящиеся массы города и его окрестностей, дехкане, ремесленники, железнодорожные рабочие. В восстании Джизакского уезда особенно активную роль играли гончар Мухаммед Амин Мамадалиев и рабочий-кирпичник Курбанбай Урунбаев.

В ходе восстания трудящихся в Джизакском уезде феодально-клерикальные реакционные элементы для сохранения своего влияния среди отсталых масс и использования восстания в своих реакционных целях стали захватывать руководство восстанием в свои руки и объявили «газават». К руководству восстанием пробрался и сын бухарского бека Абдурахман, объявив себя беком.

Восстание в Джизакском уезде началось 13 июля в Богдане. В самый разгар восстания Абдурахман Джевачи не поддержал восставший народ; он совместно с богданским ишаном защищал местного участкового пристава Борилло и 14 июля укрыл его в своем доме. В ночь на 15 июля он способствовал побегу пристава Борилло.

В разгар Джизакского восстания Абдурахман Джевачи вел двойственную политику и в самый напряженный момент борьбы сдался на милость победителей. Не менее гнусно и унизительно было его раскаяние на суде и клятвы в верности царскому дому. Это показывает, что Абдурахман Джевачи и другие феодально-клерикальные элементы не были подлинными руководителями восстания, а вели предательскую реакционную политику.

В связи с 30-летием восстания 1916 г. в Узбекистане в «Правде Востока» от 12 июля 1946 г. были опубликованы тезисы Института истории компартии при ЦК КП Уз. В этих тезисах о Джизакском восстании говорится: «В отдельных районах Узбекистана (Джизакский уезд) местные феодальные элементы и духовенство пытались примазаться к восставшему народу и навязать ему реакционный лозунг священной войны против всех русских (газават). Однако эта их попытка ничего общего не имела с характером и целями национально-освободительного движения трудящихся Узбекистана».

Эта оценка Джизакского восстания является в основном правильной и в настоящее время. В этих тезисах нужно было еще яснее и более четко подчеркнуть отдельные реакционные очаги Джизакского восстания 1916 г.

Более глубоко и всесторонне нужно показать реакционность «газавата». Реакционные лозунги клерикально-феодальных элементов были направлены против русских, но на деле они оказались направленными также и против трудящихся местных национальностей. Реакционный лозунг «газавата» был направлен против союза трудящихся местных национальностей с трудящимися России и против интернационального объединения всего трудового народа в борьбе с царским самодержавием, против империалистических войн, против империализма.

Докладчик Х. Т. Турсунов и содокладчик П. А. Ковалев пытались разрешить этот сложный вопрос, но поставили себя в противоречивое положение. Вследствие этого их оценка Джизакского восстания становится непонятной, неясной.

Из доклада Х. Т. Турсунова я понял, что Джизакское восстание—реакционное, так как руководили восстанием феодально-клерикальные элементы, что оно ничего общего не имело с народным восстанием. А на стр. 30 текста доклада Х. Т. Турсунова говорится: «Нам необходимо строго отличать реакционные выступления, имевшие место 13 и 21 июля в Джизаке, Богдане, Заамине, Санзаре и частично в Караташской волости, от подлинно народно-освободительных движений, которые происходили в подавляющем большинстве волостей Джизакского уезда (в 15 из 20), как и в других уездах и областях».

Выходит, что в городе Джизаке, Богдане, Заамине, Санзаре и частично в Караташской волости восстания были реакционными, а в подавляющем большинстве волостей Джизакского уезда—прогрессивными, народно-освободительными; лозунги реакционных элементов («газават») потерпели крах в подавляющем большинстве волостей Джизакского уезда. Если это действительно так, то, подчеркивая реакционный характер восстания в отдельных волостях Джизакского уезда, мы должны считать восстание в Джизакском уезде в основном прогрессивным.

В тезисах П. А. Ковалева еще яснее видны противоречивые суждения по Джизакскому восстанию. На стр. 59 тезисов говорится: «...Джизакский уезд Самаркандской области, где реакционным феодально-клерикальным элементам удалось превратить народное движение в антирусское феодально-монархическое и реакционно-националистическое восстание».

Следовательно, П. А. Ковалев считает восстание в Джизакском уезде в целом реакционным. А на стр. 60 в пункте 18 П. А. Ковалев сам себе противоречит: «Но Джизакское восстание, т. е. восстание в четырех основных центрах уезда (Джизак, Богдан, Заамин, Санзар) нельзя стождествлять с народным движением во всем этом уезде. Во многих из 15 волостей Джизакского уезда, населенных узбеками и таджиками, народные волнения продолжали носить крестьянский, стихийный характер, характер борьбы против войны, против царизма». Выходит, что только в четырех волостях Джизакского уезда восстания были прогрессивными. А у Х. Т. Турсунова получается, что в 4 волостях восстание было реакционным, в 10 волостях—прогрессивным, а в 15-й волости, Караташской, восстание на половину было прогрессивным, а на половину реакционным.

Дальше, продолжая свою мысль, П. А. Ковалев в пункте 19 своих тезисов делает вывод:

«В конечном счете реакционное панисламистское движение, охватившее отсталые массы лишь некоторых отдельных волостей Джизакского уезда, не имело определяющего значения для всего национального восстания 1916 г. среди узбекского и таджикского народов». Следовательно, он сам считает, что оно являлось прогрессивным восстанием.

Таким образом, П. А. Ковалев на стр. 50 (пункт 14) считает в целом восстание в Джизакском уезде реакционным, а на стр. 60 (пункты 18—19) приходит к выводу, что восстание в Джизакском уезде в основном является прогрессивным.

Противоречивые суждения тов. Ковалева еще яснее видны в его кандидатской диссертации, недавно защищенной в САГУ на тему: «Мобилизация на тыловые работы населения Туркестана и восстание 1916 года». На стр. 442 диссертации говорится: «Джизакское восстание, таким образом, по характеру руководства, по своей программе, целям

и направленности борьбы приобрело ясно выраженный реакционный характер».

Продолжая свою мысль, на той же странице диссертации тов. Ковалев пишет:

«Однако было бы упрощением вопроса рассматривать Джизакские события в аспекте абсолютной реакционности и не видеть в них объективно-прогрессивных черт, известного прогрессивного значения». Следовательно, тов. Ковалев определяет восстание в Джизакском уезде с одной стороны как реакционное, а с другой стороны—как прогрессивное. Эти явные противоречия в суждениях являются не диалектичными, а эклектичными.

Почему тов. Ковалев так решает вопрос о Джизакском восстании, тогда как приведенные в его кандидатской диссертации факты говорят в основном о прогрессивности Джизакского восстания?

Х. Т. Турсунов, несколько изменив по форме сказанное тов. Ковалевым в его кандидатской диссертации, по существу повторил оценку, которую дал Джизакскому восстанию тов. Ковалев в своей кандидатской диссертации.

Марксизм-ленинизм учит, что каждый общественный строй и каждое общественное движение в истории надо расценивать не с точки зрения «вечной справедливости», или другой какой-либо предвзятой идеи, как это нередко делают историки, а с точки зрения тех условий, которые породили этот строй и это общественное движение и с которым они связаны.

Всякое историческое событие мы должны изучать в тесной связи с историческими условиями, в которых происходило это событие. Восстание 1916 г. происходило в определенных условиях, в определенном пространстве и времени. Малейшее отвлечение от этих условий приведет к неправильному пониманию происходивших исторических событий.

Историю нельзя ни ухудшать, ни улучшать. Ухудшение или улучшение, идеализация отдельных исторических событий и отрыв от тех условий, при которых совершались эти события, противоречат марксизму-ленинизму.

Р. Б. ИКРАМОВ

Участник восстания 1916 г. в г. Ташкенте, директор Ташкентского трамвайно-троллейбусного треста.

В 1916 г. мне было 18 лет, я служил рабочим в акционерном обществе «Ташкентский трамвай», которое тогда принадлежало бельгийской компании.

Положение трудящихся масс в то время было очень тяжелым. Рабочие получали низкую зарплату, которая еще более уменьшалась за счет всяких штрафов, причем это были не единичные случаи,—это была система эксплуататоров—хозяев предприятий, заводов и фабрик.

Конечно, такое положение вызывало со стороны рабочих масс недовольство, бывали частые стычки с администрацией, так как невозможно было существовать на такую мизерную зарплату.

В то недоброе время в Ташкенте существовало такое правило: узбек обязан был кланяться каждому полицейскому, уездному начальнику, любому представителю администрации.

Однажды мы с товарищем стояли на улице. Товарищ этот был приезжий и не знал о наших порядках. Он не поклонился полицейскому. Его тут же схватили и арестовали. Я был очевидцем этого. Подоб-

ные порядки вызывали большое возмущение и ненависть среди местного населения к царским администраторам, к городовым.

Особенно ухудшилось положение рабочих во время первой империалистической войны. Угнетение со стороны царского правительства и местных феодалов—баев росло, чрезмерно увеличивались налоги.

Ко всему этому прибавился указ царя о призыве местного населения на тыловые работы. Оказалось, что царское правительство терпело поражения на фронте. Люди истреблялись тысячами, нехватало солдат. Когда царское правительство, как здесь на сессии уже говорили, объявило мобилизацию на тыловые работы, богачи стали уклоняться от призыва: они нанимали за деньги бедных людей и посылали их вместо своих сыновей.

Один крупный бай вместо своего сына решил послать меня, за что обещал дать 700 рублей. За это платили тогда по 600—700 и даже до 1000 рублей. Но разве эти деньги попадали в руки бедняка полностью?—Нет. Доставалась половина, а иногда и вовсе без денег отправляли. Были такие бедные люди—без семьи, без дома, несчастные; их нанимали и за 200 рублей. Вот мне обещал бай 700 рублей, а потом ничего не заплатил только потому, что я был оставлен в Ташкенте на военном строительстве. А семья моя голодала. В 1915 г. умер мой отец, осталось нас 6 детей, у матери кроме меня было еще 5 сестер. Семья кормилась за счет моего мизерного заработка. В то время я зарабатывал 14 рублей в месяц, а на руки получал 8—9 рублей. Чуть малейшее нарушение—сейчас же штраф. Как можно было существовать? Но приходилось мириться. Мы ждали, что придет когда-нибудь этому конец и наступит время, когда мы, рабочие, сами будем управлять государством. Время такое наступило.

Трудящиеся массы были недовольны усилением царского гнета особенно указом царя о призыве. Это вызвало волнения среди населения. Мы, рабочие и ремесленники, также выступили с протестом, 11 июля 1916 г. утром народ собрался со стороны Сибзарской, Кукчинской, Бешагачской частей города, причем особенно много народа шло со стороны Кукчинской части.

Собралось всего несколько тысяч человек, в числе выступивших был и я. Впереди шли женщины, затем старики, все возбужденно кричали: «Пусть погибнет царь—наш угнетатель! До каких пор он будет нас угнетать? Мало ему этого, теперь он хочет взять на войну наших сыновей. Не отдадим своих сыновей на войну!» Таковы были лозунги; выкрикивали и ругательства.

Пошли по улице Баланд-Мечеть, повернули в сторону старого Алмазара и, наконец, подошли к полицейскому управлению.

Измученный народ хотел услышать утешительную весть об отмене мобилизации, а вместо этого он услышал ругательства; на него плевали и оскорбляли. Народ стал тогда возмущаться еще больше, схватили городовых, начали их душить, бросать в них кирпичи и бить стекла в здании полицейского управления. Из полицейского управления раздались выстрелы.

Через некоторое время мы увидели, что к полицейскому управлению подошли казаки с шашками и винтовками. Началась стрельба в народ. В результате, оказалось много раненых, была убита и та женщина—Ризван-биби Ахмеджанова,—которая подставила грудь и крикнула:«стреляйте!». Многие жители открывали свою грудь и кричали: «Хотите убейте нас, но своих детей мы не отдадим!».

Конечно, безоружная толпа не могла долго выдержать натиск казачьего отряда и отступила.

Тогда было уже много политически сознательных трудящихся узбеков, но восстание все же было стихийным и недостаточно организованным, а потому его быстро подавили, как об этом уже здесь говорили.

Вот что осталось у меня в памяти, товарищи, из тяжелого прошлого. К нашему счастью, победила Великая Октябрьская социалистическая революция, совершенная под руководством Коммунистической партии. С помощью великого русского народа мы, узбеки, были освобождены от всякого гнета. Теперь мы все являемся свидетелями того, как узбекский народ в братской дружбе со всеми народами Советского Союза строит свою счастливую будущность—коммунистическое общество.

А. Ф. ЯКУНИН

Кандидат исторических наук

(Высшая партийная школа при ЦК КПСС)

Выступление тов. Икрамова, участника восстания 1916 г., является замечательной иллюстрацией к нашим докладам, глубокой характеристикой особенности самого восстания 1916 г.

Мы должны исходить при оценке восстания прежде всего из того, что оно происходило на окраинах, в эпоху империализма, в третий год мировой империалистической войны, когда в России были до крайности обострены все противоречия империализма, когда налицо была революционная ситуация, когда поднималась волна народного возмущения против самодержавия, когда лозунги большевиков против империалистической войны—за превращение империалистической войны в войну гражданскую—стали достоянием широких масс народов России. Манифест «Циммервальдской левой», написанный Лениным, распространялся по всей стране. Мы обнаружили этот манифест и в Казахстане. Мысли и идеи большевистской партии не могли не быть известны угнетенным народам окраин России.

В Средней Азии, несмотря на разгром большевистских организаций, перед войной действовали группы большевиков, действовали и одиночки-большевики, которые не прекращали свою работу среди масс. Именно это, прежде всего, мы должны принимать во внимание, а не панисламистскую агитацию. Мы не можем, конечно, сбрасывать со счетов и обходить молчанием деятельность панисламистских организаций, которые здесь были. Не можем проходить и мимо деятельности иностранных разведчиков-агентов. Все это—факты, которые должны быть учтены при изучении такого крупного общественного события, как восстание народных масс. Общая оценка восстания 1916 г., которая дана во всех пяти докладах,—единодушна. Эту оценку разделяет большинство историков Советского Союза, и нет никакого сомнения, что эта оценка является научно-обоснованной, марксистской оценкой.

Наиболее всесторонне пытался объяснить причины и особенности восстания 1916 г. в Туркестане П. А. Ковалев. Он справедливо делал критические замечания в адрес основного докладчика и двух содокладчиков. Он показал, что ими не раскрыты причины восстания, что восстание в освещении докладчика и двух содокладчиков получается двойственным, вроде двуликого Януса, с одной стороны оно реакционное, с другой—освободительное, что не сведены в докладах концы с концами. Эти критические замечания П. А. Ковалева справедливы.

Я совершенно не понимаю выступления Т. Н. Колесниковой. Неужели среди историков Советского Союза еще есть такие, которые могут считать восстание 1916 г. реакционным восстанием, исключитель-

но делом рук панисламистов и иностранных разведчиков? А ведь к этому свелось все выступление тов. Колесниковой. Я прочитал текст ее выступления и должен сказать, что решительно не согласен с ней.

Выводы, к которым приходят здесь товарищи, состоят в том, что восстание было народным, антиколониальным, национально-освободительным и антифеодальным восстанием, несмотря на участие в восстании феодалов и реакционных буржуазных элементов.

Восстание было чрезвычайно сложным, противоречивым, и в этом следует разобраться. Прежде всего нам нужно разобраться вот в каком вопросе: почему восстание было наиболее бурным, сильным именно в данном районе, а не в каком-либо другом.

Возьмем восстание в Тургайской области. Почему именно здесь оно было стойким, наиболее организованным, хотя оно тоже было стихийным?

Да потому, что район Тургая и вообще северные области Казахстана были районами ранней колонизации. Казахское население северных областей подвергалось наибольшей эксплуатации: здесь больше, чем в других областях, изымались земли у казахов. Казахи этих районов раньше, чем в других районах, узнали все прелести колонизаторской политики царизма, здесь сильнее был гнет, произвол со стороны баев.

Вместе с тем в северных областях влияние русской культуры было сильнее. В областях Тургайской, Акмолинской казахские аулы стоят вперемежку с русскими поселками и, несмотря на это, здесь во время восстания не было никакой межнациональной резни. Почему? Потому что здесь существовала дружба между казахскими и русскими крестьянами, здесь никакого влияния не имели панисламисты, хотя наряду с Амангельды и Джангильдиным во главе восставших казахов стояли такие крупные феодалы как Абдугафар.

Больше того, здесь был турецкий офицер Хидоят. Но не участие феодалов определило характер восстания 1916 г. Примкнувшие к повстанцам феодалы оказались предателями. Абдугафар в момент штурма Тургая первым дал сигнал царским карательным войскам о начале наступления повстанцев на город и помог тем самым царским властям приготовиться к отражению штурма.

Почему Семиречье было крупным центром восстания? Потому, что Семиречье было районом усиленной колонизации, особенно с начала XX века. Царским правительством проектировалось в 1915 г. выселение всех казахов и киргизов в Восточный Туркестан, и эта политика вытеснения казахов и киргизов в пустыни осуществлялась.

Нужно учитывать и целый ряд других обстоятельств. В Семиречье русские казаки были наиболее зажиточными, тогда как сибирские казаки были наиболее расслоены; здесь было наибольшее количество столыпинских кулацких сел, расположенных в Киргизии, в районе Иссык-куля. Это были либо старожильческие села, либо кулацкие, организованные Столыпиным в 1907—1910 гг. Здесь была наибольшая классовая дифференциация среди переселенческого населения. Здесь русские крестьяне участвовали в восстании казахов и киргизов в качестве руководителей отдельных повстанческих отрядов или в качестве активных бойцов этих отрядов.

Стало быть, здесь мы видим прямое смыкание русского крестьянского движения с казахским крестьянским движением. Вместе с тем в Семиречье в большей степени, чем в северных областях, сохранились патриархально-феодальные отношения, и влияние феодальных элементов на массы здесь было большим. Такие крупные феодалы, как Шабдан и другие, конечно, оказали известное влияние на отсталую часть киргизского и казахского населения.

В докладах, и особенно в основном докладе Х. Т. Турсунова, межнациональная резня в Семиречье обрисована таким образом, что это дело рук только панисламистов. Разрешите с этим не согласиться. Конечно, панисламисты разжигали межнациональную рознь, сеяли ненависть к русскому населению, но почему Вы ничего не говорите о шовинистической политике царской администрации, почему не говорите о Куропаткине, который натравливал русских крестьян и кулаков на казахов, киргизов, на узбеков, дунган, уйгур и т. д.?

Царизм и феодально-клерикальные элементы были заинтересованы в разжигании межнациональной розни и старались разжечь ее, и нельзя рисовать дело таким образом, будто бы эту резню начали киргизы, казахи и т. д. Это не так. Достаточно вспомнить беловодское дело, когда царские власти уничтожили 500 человек пленных казахов и киргизов в городском саду под звуки оркестра.

Известно и другое дело, когда группу повстанцев в количестве 200 человек под конвоем повели в гор. Верный и по дороге сбросили в пропасть.

Я не согласен с изображением на этой карте восстания в Семиречье, как реакционного восстания. Зачем нужно опорочивать крестьянское национально-освободительное движение угнетенных казахов и киргизов, если сами докладчики заявляют, что панисламисты не нашли здесь поддержки в массах, что массы были далеки от мысли об отделении Казахстана и Туркестана от России. Раз массы не поддержали панисламистов и феодально-клерикальные элементы,— значит массы преследовали свои цели в восстании.

Нужно знать хорошо документы, чтобы судить о восстании.

В заключение я хочу сказать, что оценка, которая дается восстанию 1916 г. в нашей исторической литературе, как восстанию национально-освободительному,— правильная оценка. Я согласен с тем, что мы не должны смазывать отрицательные моменты этого движения, мы не должны забывать, что во время восстания действовали феодально-клерикальные элементы, что в некоторых районах имела место национальная резня. Мы должны объяснить эти факты, но мы не должны впадать в панику при изучении этих фактов.

А. П. САВИЦКИЙ

Кандидат исторических наук

Среднеазиатский государственный университет им. В. И. Ленина

В течение многих лет о событиях 1916 г. в Средней Азии и в Казахстане говорят как о событиях первостепенной исторической важности, сыгравших крупную роль в судьбах народов Средней Азии и Казахстана. Между тем в дореволюционной истории народов Средней Азии имеются проблемы, значительность и актуальность которых еще более очевидна, и по отношению к которым события 1916 г. могут, в лучшем случае, являться частными и далеко не всегда по своему характеру определяющими направление исторического развития среднеазиатских народов.

Как известно, в историческом процессе узбекского и других народов Средней Азии конца нового времени важнейшее, определяющее место занимает вопрос о развитии дружбы с русским народом, вопрос исторической и культурной общности этих народов. Однако выдвижением

этого «вечного» вопроса о 1916 г. в какой-то степени заслоняется необходимость усиления научного исследования истории дружбы русского народа и народов Средней Азии и Казахстана.

Существует и второе противоречие: проявляя известную настойчивость в выдвижении вопроса о событиях 1916 г. на уровень важнейших, Академия Наук УзССР и вузы в то же время отводят этому вопросу крайне недостаточное место в планах своих научно-исследовательских работ.

И вот результат: к настоящей сессии мы пришли только со старым багажом как в отношении размаха исследования, так и в отношении выводов. Ничего, или почти ничего, в этом вопросе не имеется нового. Даже наши архивные материалы, довольно обширные, далеко еще не изучены и не использованы. Единственно, о чем можно сказать, это о серьезной работе П. А. Ковалева, но она все еще находится в рукописи и пользование ею по этой причине ограничено. П. А. Ковалев собрал большой материал, и хотя некоторые выдвигаемые им положения не всегда убедительны, а иногда и спорны, нужно отдать должное сделанному им вкладу в науку и пожелать, чтобы работа его поскорее вышла в свет.

Надо прямо сказать, что серьезных исследований о событиях 1916 г., за исключением упомянутой работы П. А. Ковалева, пока нет, а появляющиеся от времени до времени отдельные статьи могут лишь подтвердить, насколько упорно и долго господствовали в исторической литературе грубые извращения в оценке характера событий 1916 г. в Туркестане, насколько медленно снималась маска прогрессивности и революционности с явно реакционных, мешавших общереволюционному фронту, выступлений в Джизаке, Пржевальске, Теджене и других местах.

В этом смысле постановку вопроса о 1916 г. на обсуждение сессии можно считать оправданной. Изучение и оценку событий 1916 г. надо освободить от груза больших ошибок, и в этом, на мой взгляд, основная задача участников сессии в этом вопросе.

История борьбы и ошибки в оценке характера событий 1916 г. в Средней Азии—хотя бы на примере Джизакского восстания и восстания в Пржевальском уезде—убеждает, что это довольно трудное дело.

Трудное потому, что эту борьбу осложняет не только слабая изученность вопроса, но и наличие сознательных, тенденциозных попыток извратить вопрос с позиций чуждой идеологии.

Серьезной ошибкой, получившей широкое распространение, является представление о событиях 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, как о событиях, имевших в своем содержании, характере и развитии так много общего, что это позволяет дать им общую историческую и политическую оценку.

Такой точки зрения придерживается и докладчик, который хотя и говорит о разрозненности выступлений, между которыми часто не было никакой связи, тем не менее соглашается с такими общими оценками: «в основном же восстание носило прогрессивный народно-освободительный характер».

Разумеется такого рода обобщение несопоставимых величин не может быть признано научно-обоснованным и правильным. Нельзя также не видеть явного нарушения методологических принципов советской историографии в попытке объединить в одной общей оценке события не только различные по своему характеру, целям, времени, но и прямо противоположные.

В самом деле, что общего между восстанием в Тургае и восстанием в Джизаке или Пржевальске? Такого рода обобщения не могут не приводить и приводят к смазыванию остроты политического анализа, они выгодны тем, кто не заинтересован в том, чтобы реакционным выступлениям была дана должная оценка и выяснена их антинародная сущность. Об этих антинародных выступлениях в докладе говорится как о частных случаях, но ведь решающее значение заключено в окончательном выводе, сводящемся к признанию «общей» прогрессивности событий. Нельзя же кусочек революционности отрезать от Тургайского восстания и приклеить к Джизакскому. Между тем, смазывая остроту исторического анализа, продолжая оставаться на точке зрения допустимости общей оценки событий 1916 г., такие историки направляют свои усилия на поиски «революционного зерна» в реакционных событиях, пытаются ограничить эти реакционные выступления территориальными рамками, открывают то прогрессивное начало реакционного конца, то напротив, реакционное начало революционного конца (недостаток времени не позволяет мне проиллюстрировать это на примерах), но такие поиски обречены на неудачу.

Таким образом, попытки дать общую оценку событиям 1916 г. в Средней Азии и Казахстане должны быть решительным образом осуждены и отброшены.

В 1916 г. произошли совершенно различные по своему характеру события, и изучение их должно вестись без приукрашивания и затушевывания. И, конечно, не следует преувеличивать их исторического и революционного значения. Что касается будущего изучения событий 1916 г., то критерий их прогрессивности должен быть конкретизирован.

В условиях бурного развития пролетарского революционного движения в России, в условиях нараставшей с 1915 г. революционной ситуации, таким критерием должна явиться не вообще борьба против империализма, а прямые или хотя бы косвенные связи национального движения с русским пролетарским революционным движением.

К нашему сожалению, докладчик не привел в своем докладе примеров, указывающих на то, что такие связи существовали. Напротив, сейчас мы можем считать, что в ряде случаев такие связи явно отсутствовали. Более того, возможность возникновения таких связей отодвигалась самими же событиями 1916 г. Джизакское выступление, восстание на севере Киргизии, Атрекское и Теджинское выступления в Туркмении оторвали национальное движение в Туркестане от пролетарского движения в России. Ясно выраженный антирусский характер этих движений, бессмысленная жестокость в отношении рядовых русских людей привели к тому, что вместо сближения с русскими трудящимися для совместной борьбы с общим врагом — царизмом, в этих районах создались условия, при которых царские власти оказались в роли защитников русских трудящихся, что естественно укрепляло позиции царизма и усиливало реакцию. «По иронии судьбы получилось, что рабочий поселок при станции Урсатьевская был спасен от повстанцев царскими войсками»,— пишет П. А. Ковалев.

Это шло во вред общереволюционному движению и в известной мере помогло царизму расправиться с беспорядками в крае небольшими, принимая в расчет обширность территории, силами. Известно, что еще до конца событий из сравнительно небольшого числа войсковых частей, дислоцированных в Туркестане и Семиречье, было выделено для усиления корпуса Баратова в Иране две стрелковых бригады и два казачьих полка.

Таким образом, общереволюционное движение не только ничего

не выиграло от этих восстаний, но наоборот, они тормозили и ослабляли общий революционный фронт.

Мы сразу же хотим отвести от себя обвинение в том, что представляем себе события 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, как сплошь реакционные. Мы согласны с докладчиком, что такая точка зрения была бы неправильной, но полагаем, что вопрос еще недостаточно изучен для того, чтобы дать единую оценку многочисленным выступлениям, которые имели место в Средней Азии и Казахстане в 1916 г.

Пока трудно сказать, какого характера события превалировали на территории Средней Азии и Казахстана. Не может вызывать и тени сомнений то, что восстание Тургайской области во главе с Амангельды Удербаевичем Имановым носило характер революционного национально-освободительного, прогрессивного движения.

Восстание развивалось, становилось все более упорным, массовым, как результат контакта этого движения с большевистскими организациями Троицка и Кустаная. Восставшие пользовались сочувствием и поддержкой русских рабочих и крестьянской бедноты.

Движение смыкалось с общей революционной борьбой против царского самодержавия в Февральской революции 1917 г.

Иное дело в Джизакском или Пржевальском уезде. Тому, кто знаком с ходом этих выступлений, кто читал отчеты Стефановича, Бычкова, кто читал показания Песнопевцевой и знает судьбу Покровской сельскохозяйственной школы, тому всегда будут казаться странными попытки охарактеризовать и эти дела, как прогрессивные. По меньшей мере кажется удивительным, как можно под общую крышу прогрессивности втиснуть такой махровый реакционный флигелек.

Как известно, ошибки, допущенные Ганибом Непесовым, подверглись резкой и справедливой критике. Всем известно, что движение Джунаид-хана — это движение реакционное, инспирированное агентами империализма, и целиком игнорировать факты, свидетельствующие о том что с событиями 1916 г. в Хиве и Кара-Калпакии связаны были крупные клерикалы и Джунаид-хан—нельзя. Для такого утверждения есть веские основания.

Следуя справедливому правилу, выдвигаемому докладчиком, об обязательности дифференцированного подхода к изучению движения 1916 г., мы считали спорным на наш взгляд, или во всяком случае слабо мотивированным, его утверждение, что события 1916 г. в Ферганской долине являлись «подлинно народным движением».

Даже те материалы, которыми мы располагаем, убеждают нас, что и здесь движение носило разрозненный и явно различный по содержанию характер. Наряду с отдельными выступлениями, носившими черты прогрессивного, освободительного характера, имели место и такие, где в движение пытались включиться клерикальные элементы.

Вот несколько примеров: 10 июля в с. Шейхля Бахчинской волости во главе выступивших был имам Ахманкул Мухаммед Азимов. 11 июля застрельщиками выступления, кстати сказать, с огнестрельным оружием, в сел. Джеджеделяр были Исхак Али Мулла Аталыков и Абдуллатиф. 14 июля во главе выступивших в селении Ниндаул Теручинской волости был ишан Пансат Санд Бурханов. Особо можно выделить городские выступления, активными участниками которых являлись учащиеся медресе.

Так, во главе выступивших 9 июля в г. Анджжане были учащиеся медресе, а руководителями выступления 11 июля в Намангане являлись Насырхан Тюря и Мулла Абдугафуров. Первый впоследствии оказался злейшим врагом узбекского народа.

Докладчик правильно определяет события 1916 г. в Средней Азии как движение, не получившее повсеместно массового характера. Действительно, распространенное представление о массовости движения являлось в большинстве случаев необоснованным. В открытых выступлениях количество участников, по явно преувеличенным данным перепуганных представителей царской администрации, составляло лишь незначительный процент населения.

В Джизакском уезде из общего количества населения в 297,2 тыс. человек, в выступлениях участвовали не более 10 тыс. человек, а пять казахских волостей вообще не принимали участия в восстании. Такое же соотношение, если не меньше, будет и по Ферганской области с ее 2-миллионным населением. Известно, что киргизское население Ошского уезда не участвовало в общих событиях. Не могут быть признаны массовыми события в Туркмении, за исключением атрекских выступлений двуданников. Черты массового характера приняло движение в Северной Киргизии, но это произошло в результате того, что феодалам и духовенству удалось обмануть темную забитую массу киргизов.

Рассматривая историческую обстановку периода восстания 1916 г., обычно обходят вопрос о том, было ли у местного населения сознание необходимости тесных связей с Россией? На этот вопрос может быть один ответ: передовые деятели узбекского, киргизского, казахского и туркменского народов ясно видели необходимость неразрывных связей народов Средней Азии и Казахстана с русским народом.

Широко известны высказывания В. И. Ленина о необходимости совместной борьбы русского и украинского пролетариата против царизма, капиталистов и помещиков—как русских, так и украинских.

В. И. Ленин явился творцом учения о братской дружбе трудящихся всех наций. Идею самоопределения народов Ленин подчинял интересам революционной борьбы пролетариата. В январе 1917 г., кстати, уже после туркестанских событий 1916 г., В. И. Ленин в письме к Инессе Арманд писал: «Немцы составляют лагеря по нациям и всеми силами откалывают их от России; украинцам подослали ловких лекторов из Галиции. Результаты? Только-де 2000 были за «самостийность» (самостоятельность в смысле более автономии, чем сепарации) после месячных усилий агитаторов!! Остальные-де впадали в ярость при мысли об отделении от России и переходе к немцам или австрийцам.

Факт знаменательный! Не верить нельзя. 27 000 — число большое. Год—срок большой. Условия для галицийской пропаганды—архиблагоприятные. И все же близость к великоруссам брала верх! Отсюда *не* вытекает, конечно, нимало неверность «свободы отделения». Напротив. Но отсюда вытекает, что авось от «австрийского типа» развития судьба Россию избавит»[1].

Подобно тому, как в лагерях, о которых писал Ленин, не увенчалась успехом австрийская пропаганда, также рухнули и попытки германо-турецкой агентуры разжечь антирусское движение в Туркестане.

Искреннее отношение к русскому народу, основанное на уважении, дружбе и доверии со стороны широких трудящихся масс, сыграло решающую роль в том, что планы феодально-клерикальных элементов и германо-турецкой разведки потерпели крах. К сожалению, в докладе не отведено места этому важному вопросу.

Положение широких масс в Средней Азии и Казахстане в годы первой мировой войны во многих отношениях ухудшилось. Это—бес-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 224.

спорно, но нельзя признать нормальным, когда изучение производится в отрыве от положения широких трудящихся масс в России.

Нельзя забывать, что там, во всяком случае, было не лучше, так как дополнительно к поборам, мобилизации лошадей, средств транспорта, русская деревня была лишена самой работоспособной части мужского населения, мобилизованной в армию. Все это, конечно, не может итти в сравнение с тем, что для войны бралось из Туркестана. Такие абстракции приводят к довольно серьезным ошибкам, вроде имевшего место утверждения, что в 1916 г. Туркестан в развитии революционного движения обогнал Россию.

Повидимому, сторонники такого убеждения считали, что русский крестьянин был менее революционен, чем туркестанский. Абсурдность такого домысла очевидна. В подтверждение таких умозаключений приводятся совершенно неубедительные доводы. Так, например, пытаясь вскрыть экономические предпосылки реакционного панисламистского движения в Джизаке, некоторые историки относят этот район к таким, экономическое положение населения которых было наиболее тяжелым, ибо направление сельского хозяйства данного района была зерновым, игнорируя тот факт, что цены на зерно в 1916 г. стояли исключительно высокие.

Х. Т. Турсунов не указал на то, что существенное место в планах германо-турецкой разведки отводилось военнопленным. 150 тыс. пленных, завезенных в край, составляли большую силу. Среди архивных документов есть много указаний на активное участие военнопленных офицеров в событиях. Один из этих документов говорит: «Декабрь 1916 года. Солдаты в гарнизоне ст. Келиф рассказывали, что они недавно поймали одного пленного офицера, переодетого в мусульманский костюм, и этот офицер участвовал в Джизакском бунте».

Нельзя не отметить, что серьезный ущерб объективному изучению событий 1916 г. был нанесен недооценкой реакционной роли мусульманского духовенства, в особенности суфийского. Б. Г. Гафуров в своем докладе это довольно убедительно доказал. Подобная практика вела к тому, что характер событий 1916 г. в Средней Азии часто определялся по территориальному признаку, а не по признаку социальных сил, участвовавших в движении, его руководству и целям, что естественно приводило к грубым ошибкам.

Позволю себе остановиться в нескольких словах на утверждении докладчика о том, что в дореволюционном Туркестане, вплоть до Октябрьской социалистической революции, продолжали господствовать патриархально-феодальные отношения. Здесь уже говорилось, что пользование термином «патриархально-феодальные отношения» надо ограничить. В самом деле, можно ли распространить это понятие на всю территорию Средней Азии, зная, например, что:

1) в 1913 г. около 90% всех орошаемых земель принадлежало владельцам на основе частной собственности;

2) в местной промышленности стали намечаться тенденции к концентрации капитала и производства. В течение 1910—1914 гг. было образовано несколько синдикатно-монополистических организаций, которые объединили 44% хлопкоочистительных заводов (88 из 201) и 40% хлопко-маслобойных заводов (15 из 38);

3) в некоторых национальных районах капиталистическое развитие пошло еще более быстрыми темпами и достигло больших успехов, чем в самой метрополии. Решающее значение для развития капитализма в национальных районах имело хлопковое производство в Средней Азии.

В. И. Ленин указал, что «Вывоз капитала в тех странах, куда он направляется, оказывает влияние на развитие капитализма, чрезвычайно ускоряя его»[1].

В 1912 г. 25—30% крестьян в Ферганской области были обезземелены, и этот процесс продолжал нарастать. Подвижность населения может быть охарактеризована тем, что в 1911 г. в Ферганской области по пяти основным железнодорожным станциям было продано 1.215 000 билетов 3—4 класса.

Приведенные факты находятся в резком противоречии с указанным утверждением о патриархально-феодальных отношениях. Нелепо было бы считать возможным такое соотношение, как патриархально-феодальный синдикат хлопкообрабатывающей промышленности «Потелялхова и К°»—в Коканде или именовать джадидизм патриархально-феодальным до тех пор, пока узбекская буржуазная нация не будет признана де-юре, хотя, как известно, само появление джадидов устанавливает это существование де-факто.

Вопрос о восстании 1916 г. не настолько изучен, чтобы можно было дать полную оценку характера восстания и ставить в один ряд восстание в Тургае и восстание под руководством Шабдановых.

А. В. ПЯСКОВСКИЙ

Кандидат исторических наук

(Институт истории Академии Наук СССР)

Я думаю, что как в докладе Х. Т. Турсунова, так и во всех содокладах, а также в большинстве выступлений участников сессии дана в общем правильная марксистско-ленинская оценка характера восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане.

В самом деле,— понять и правильно оценить характер этого сложного движения, происходившего в течение 8 месяцев на огромнейшей территории в миллионы квадратных километров, на территории с разноплеменным населением, с разными хозяйственными укладами (кочевые, полукочевые, оседло-земледельческие районы), с различной степенью классовой дифференциации населения, с большей или меньшей сохранностью патриархально-родового быта—можно, лишь подходя дифференцированно к отдельным районам Средней Азии и Казахстана, к отдельным очагам этого восстания.

Ведь это восстание было разрозненным, стихийным, крестьянским (в основном) движением, не имевшим пролетарского руководства. Происходило оно разновременно в различных районах Средней Азии и Казахстана и не имело единого, общего для всей страны, централизованного руководства. Вожаки восстания по отдельным районам, иногда даже по отдельным селениям, выдвигались массами в ходе самого восстания.

Поэтому нет ничего удивительного и невозможного в том, что в этих своеобразных, специфических условиях в отдельных ограниченных районах (с наиболее отсталым, темным населением, еще в значительной мере находившимся под влиянием мусульманского духовенства и родовых вождей) удавалось кое-где захватить руководство восстанием масс реакционной эксплуататорской верхушке. И действительно, многочисленные исторические факты говорят о том, что феодально-клерикальные элементы, все еще не желавшие примириться с потерей своей феодальной независимости, все еще мечтавшие о возврате своих былых

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 231.

привилегий и могущества, которыми они пользовались в прошлом, недовольные своим положением «простых подданных»,— кое-где пытались при помощи иностранной агентуры и посулов из-за рубежа захватить руководство восстанием в свои руки для того, чтобы использовать стихийное движение масс в своих классовых интересах. В отдельных (сравнительно незначительных) очагах восстания это им иногда и удавалось (например, на северо-востоке Киргизии, в Джизакском уезде Узбекистана, в некоторых районах или пунктах Туркмении и Казахстана). В других районах восстания эти попытки захвата руководства кончались провалом, так как массы не последовали за феодально-клерикальной верхушкой (например, в Катта-Курганском уезде, в Тургайской области и в ряде других районов).

Таким образом, восстание 1916 г. было сложным явлением,— явлением, в известной мере противоречивым. Действительный его характер можно понять, лишь досконально изучив конкретный ход восстания и конкретные условия борьбы в каждом отдельном районе или очаге восстания.

Без этого, т. е. без кропотливого исследования конкретных условий и конкретного хода восстания в каждом районе Средней Азии и Казахстана, мы ничего не поймем в характере восстания 1916 г. Именно сваливание в одну кучу всех районов и областей Средней Азии и Казахстана, попытки распространения на всю Среднюю Азию и Казахстан того, что происходило в отдельных районах, привело некоторых товарищей к шараханью из одной крайности в другую.

Не случайно одни из этих товарищей (Ю. М. Тарасов из Туркмении, Т. Н. Колесникова и другие) объявляют все восстание 1916 г. реакционным, антинародным только потому, что оно кое-где (в отдельных, в общем незначительных очагах) носило действительно реакционный характер. Другие же наоборот, (например, А. Ф. Якунин, И. М. Мавляни и другие) объявляют все восстание (даже в отдельных, действительно реакционнах очагах) прогрессивным, национально-освободительным движением и не хотят видеть его специфических особенностей в этих отдельных районах или очагах восстания. Следовательно, и они сваливают все в одну общую кучу и не хотят утруждать себя детальным изучением хода восстания в каждом отдельном районе.

В своем выступлении я хочу остановиться фактически лишь на одном вопросе—почему неправы ни те товарищи, которые объявляют все восстание 1916 г. реакционным, ни те, кто считает его национально-освободительным, прогрессивным во всех без исключения районах Средней Азии и Казахстана.

Начну с вопроса о том, почему неправильно оценивать все восстание 1916 г., как якобы имевшее реакционный, антинародный характер.

На прошлогоднем совещании историков в Ашхабаде, посвященном вопросу о характере восстания 1916 г. в Туркмении, один из выступавших (Ю. М. Тарасов) в течение продолжительного времени приводил выдержки из различных архивных документов: там прошел германский шпион, здесь видели турецкого эмиссара; там действовала какая-то шайка, банда, здесь орудовала иностранная агентура и т. п. Словом, всюду оказались у него лишь банды, шайки, шпионы, агенты, иностранные эмиссары, диверсанты, провокаторы и т. д. и т. п. Но за этими отдельными деревьями он не увидел леса—не увидел туркменского народа, не увидел трудящихся масс, классовой борьбы, не увидел тех процессов, которые совершались в это время в среде туркменского народа. Я тогда же сказал ему на совещании, что он не владеет методом исторического исследования и не умеет применять марксистско-ленинскую методологию.

В самом деле, уже не говоря о том, что к царским источникам нужно подходить критически, ибо царские власти склонны были видеть во время мировой войны всюду лишь происки иностранной агентуры, видеть в каждом «подозрительном» человеке германо-турецкого шпиона, а в каждой группе вооруженных крестьян шайку или банду,— не говоря уже обо всем этом: разве можно на основании лишь случайных, надерганных сведений о шпионах во время восстания 1916 г. давать оценку характера этого крупного восстания в Средней Азии и Казахстане?

Ведь историческое исследование заключается вовсе не в том, чтобы побольше надергать в архивах положительных или отрицательных фактов и примеров и затем оперировать ими.

Важно при анализе того или иного социального вопроса, в частности при оценке характера национальных движений (если уж говорить об иностранной агентуре), не то, что там-то и там-то были обнаружены шпионы, зарубежные эмиссары, иностранная агентура, а то— **удалось** ли или **не удалось** этой иностранной агентуре изменить характер данного восстания. Вот что важно. А шпионы, пока существуют империалистические государства, всегда засылались и засылаются в любую страну. В этом нет ничего удивительного, и самый факт еще мало о чем говорит.

Итак,надо исследовать вопрос: каковы были результаты деятельности германо-турецкой агентуры и тесно связанных с нею феодально-клерикальных элементов во время этого восстания. **Удалось** ли им или **не удалось** изменить характер народно-освободительного восстания, а если удалось, то где, в каких районах это удалось. И, наоборот,—где, в каких районах не удалось повлиять вышеуказанным элементам на характер движения. Только такая, единственно верная, постановка рассматриваемого нами вопроса может привести нас к правильным выводам.

Возьмем для примера некоторые районы восстания, где реакционные элементы делали серьёзные попытки к захвату руководства восстанием, но где, однако, эти попытки не увенчались успехом, так как народные массы не пошли за феодально-клерикальной верхушкой, где, следовательно, этой верхушке **не удалось** изменить характера национально-освободительного, антицаристского восстания.

Как обстояло дело в этих районах?

Вот например, известное восстание в Тургайской области. Здесь, как известно, феодально-родовая знать серьезно пыталась захватить руководство восстанием для того, чтобы использовать это стихийное восстание народных масс в своих классовых интересах—в целях отделения от России и создания самостоятельного ханства, в целях восстановления своих былых привилегий и могущества. Был уже провозглашен ханом, при поддержке иностранной агентуры, крупный феодал-скотовод Абдугафар Джанбусинов. В той же Тургайской области появилась одновременно целая серия ханов масштабом поменьше. Так например, в одном Иргизском уезде, по данным администрации, оказалось 9 подобных ханов.

Однако вся эта затея эсплуататорской верхушки окончилась провалом. Народные массы не поддержали новоявленных «ханов», а пошли за действительным вожаком народно-освободительного движения Амангельды Имановым. В результате движение оказалось направленным не против русских вообще, как об этом мечтали «ханы», а против

царских властей и отчасти против местных феодально-байских элементов. Испугавшись такого оборота борьбы, новоиспеченные «ханы» в страхе перешли на сторону царизма, ища у него защиты от «своих собственных» масс. «Восемь из девяти ханов явились добровольно из волостей Иргизского уезда»,—доносил тургайский губернатор Генеральному штабу.

Я спрашиваю: какой же характер носило восстание 1916 г. в Тургайской области? Реакционный ли — только на том основании, что там делались попытки захвата руководства восстанием со стороны эксплуататорской верхушки, или прогрессивный, народно-освободительный? Совершенно ясно, что восстание 1916 г. в Тургайской области носило прогрессивный, народно-освободительный характер, так как оно было направлено (несмотря на все происки реакционеров) против царизма и отчасти против феодально-байских элементов.

Возьмем другой пример: восстание 1916 г. в Катта-Курганском уезде Самаркандской области (Узбекистан). Вот что узнаем мы об этом восстании из доклада самаркандского военного губернатора Лыкошина (декабрь 1916 г.): «В Катта-Курганском уезде, по сведениям уездной администрации, выступление туземцев ожидалось 15 июля, когда вожаки предполагали провозгласить «газават» (священную войну). Идея «газавата», повидимому, была наготове у вожаков гораздо раньше, может быть, с начала войны и пущена в обращение при первом же встретившемся, по их мнению, удобном случае. И в Джамской степи, и в других местах уезда стали распространять воззвания, призывавшие к священной войне, причем священная война была повсеместно приурочена к 15 июля, а затем по каким-то причинам перенесена на второй день праздника Рамазана, т. е. на 19 июля».

Однако из дальнейшего описания видно, что и 19 июля не получилось «газавата» с избиением всего русского населения в уезде. Вообще надо сказать, что во всем Катта-Курганском уезде не был тронут и не пострадал ни один простой русский человек.

Что же оказалось в действительности в Катта-Курганском уезде вместо объявленного феодально-клерикальной верхушкой «газавата»?

Из того же доклада самаркандского военного губернатора совершенно ясно видно, что несмотря на все старания феодально-клерикальной верхушки объявить «газават» (он даже был уже провозглашен) и перебить всех русских граждан в городе и уезде,—массы не поддержали этой реакционной затеи, а вместо этого начали расправу с низовыми агентами царской власти (узбеками же по национальности), вступали в сражение с царскими карательными отрядами, противодействовали составлению списков по мобилизации и т. д. Словом, в действительности движение оказалось направленным против царизма.

Я спрашиваю: какой же характер носило восстание 1916 г. в Катта-Курганском уезде?—Совершенно ясно, что, несмотря на все попытки феодально-клерикальных элементов объявить «газават» и превратить народное движение в антирусское, националистическое восстание,— это восстание носило здесь ярко выраженный прогрессивный, народно-освободительный характер. И таких примеров можно привести много.

Таким образом, только там, где феодально-клерикальным элементам все же удавалось благодаря отсталости масс захватить руководство восстанием в свои руки и изменить его характер, превратив народное движение в антирусское националистическое восстание (как это было, например, в некоторых волостях Джизакского уезда, на северо-востоке Киргизии и др.),— только там, только в этих, в общем незначительных, районах восстание 1916 г. носило действительно реакционный характер.

Итак, какой же, в основном, характер носило восстание 1916 г. по Средней Азии и Казахстану (за исключением нескольких реакционных очагов восстания)?

Это было стихийное движение, непосредственным поводом к которому послужил, как известно, царский указ от 25 июля 1916 г. Озлобленные, доведенные до отчаяния невыносимым гнетом трудящиеся массы, вооруженные чем попало (палками, камнями, ножами, кетменями, серпами, иногда ружьями и шашками), бросались на своих угнетателей — представителей царской власти: волостных управителей, сельских старшин, полицейских, казаков, царских чиновников и др.— и с криками: «не дадим людей!», расправлялись с ними. Вместе с тем они тут же уничтожали списки мобилизуемых, наивно полагая, что благодаря этому они избавятся от набора рабочих. Иногда восставшие одновременно поджигали царские канцелярии, дома волостных управителей и старшин, уничтожали царское делопроизводство, нападали на войска и полицию и т. п.

Именно такой, примерно, характер носило это стихийное восстание масс в громадном большинстве районов Средней Азии и Казахстана— почти повсеместно.

Таким образом, восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане было направлено своим острием против царского самодержавия—против местных представителей царской власти, независимо от их национальной принадлежности. Оно начало вместе с тем перерастать кое-где в антифеодальное движение (движение против феодально-байской верхушки).

Начавшись под влиянием все усиливавшегося общереволюционного движения в России, стихийная борьба трудящихся масс Средней Азии и Казахстана в 1916 г. смыкалась с борьбой русских рабочих и крестьян, вливалась в общее русло борьбы народных масс России против войны и царизма, подтачивала устои мировой реакционной силы царского самодержавия и послужила одним из звеньев в подготовке февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.

Вот почему восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане носило в основном прогрессивный, революционно-освободительный характер.

Восставшие массы почти всюду, за исключением реакционных очагов восстания, совершенно не трогали рядовых русских людей, не питая к ним никакого озлобления или ненависти. Расправлялись же они лишь с представителями царской администрации, иногда с местными эксплуататорами.

Я приведу только один очень характерный пример в этом отношении, взятый из докладной записки начальника Туркестанского охранного отделения (от 13 октября 1916 г.). Он показывает со всей наглядностью, что в громадном большинстве случаев массы строго отличали царских администраторов, с которыми боролись, от рядовой массы русских людей, которых не трогали.

Вот что сказано в этой записке (речь идет здесь о восстании казахов на территории бывшей Семиреченской области—в районе Алма-Ата): «Характерен,—читаем в записке,—рассказ захваченного в плен 6 августа вечером инженера Пугаченко, служащего в Семиреченском областном правлении... Между прочим, инженера Пугаченко они (т. е. восставшие.—*А. П.*) приняли за ротмистра Железнякова (начальника розыскного пункта в г. Верном.—*А. П.*), так как он по росту, сложе-

нием и отчасти по форме похож на последнего. Сейчас же раздался крик: «жандарм!» и хотели его зарезать, к чему уже совершенно приготовились, и лишь подтверждение одного из киргиз, что он не жандарм, а инженер, спасло ему жизнь».[1]

Подобные факты далеко не единичны. Они воочию показывают, что восстание 1916 г. в подавляющем большинстве районов носило классовый, антицаристский характер.

Сейчас сторонникам реакционности восстания 1916 г. приходится туго. Они видят, что им не удержаться в седле со всей «теорией сплошной реакционности», что факты против них. И они предприняли такой обходной маневр: «Хорошо,—говорят они,—вы говорите, что в некоторых районах (на юге Семиречья, в Джизакском уезде, на Гюргене и др.) восстание 1916 г. носило реакционный характер (так называемые реакционные очаги восстания). Мы согласны с этим. Но ведь восстание как раз только и происходило в этих реакционных очагах, а во всей остальной Средней Азии и Казахстане, собственно говоря, никакого восстания и не было. Там были, в лучшем случае, кое-какие волнения—и только».

Суть этого маневра проста: раз восстание происходило только в вышеуказанных очагах и больше нигде, а в этих очагах восстание было реакционным,—значит и все восстание 1916 г. было реакционным.

К такому нехитрому маневру прибегла, например, Т. Н. Колесникова на нынешней сессии. Однако эти товарищи не введут нас в заблуждение. Их утверждение о том, что нигде, кроме реакционных очагов, восстания не было, разлетается прахом при первом же соприкосновении с конкретными фактами.

Вот например, восстание в Тургайской области под руководством Амангельды Иманова. Уже в ноябре 1916 г. общее количество восставших в этом районе достигло 50 тысяч человек. Против тургайских повстанцев для подавления восстания царские власти бросили целый экспедиционный корпус генерала Лаврентьева в составе 17 стрелковых рот, 18 казачьих сотен, 4 кавалерийских эскадронов, всего 4 тыс. сабель, 18 орудий, 10 пулеметов и т. д. Многодневная осада и штурм повстанцами областного города Тургая, настоящие бои с царскими войсками на Татире, Дугал-Урпеке, Куюк-Копе, Ак-Чиганаке, Кум-Кешу, и др.—что это такое: восстание или только какое-то незначительное волнение? Ясно, что это—самое настоящее вооруженное восстание, крестьянская война.

Приведу другой пример: восстание в Ташкенте 11 июля 1916 г. Вот как описаны эти события в докладе полицмейстера старого города Ташкента[2].

«Проникнув за ограду, толпа прошла во двор (полицейского управления.— *А. П.*) и с теми же выкриками возбужденных женщин подступила к зданию полицейского управления. Пытавшиеся задержать и успокоить толпу пять туземных городовых и один русский (городовой) были избиты. При этом у одного туземного городового был отобран револьвер... Возбуждение туземцев все росло, в окна управления и в стоящих у крыльца городовых из толпы стали бросать камни. Пытавшийся усовестить бесновавшихся женщин ночной караульщик—сарт был... на глазах чинов полиции убит. В это же время окружившие крыльцо туземцы стянули с крыльца титулярного советника Трентовиуса, повалили его на землю, выхватили из ножны шашку и пытались протащить его дальше... (Но) титулярному советнику Трентовиусу удалось вбежать в здание управления, причем у него оказалась рассеченной, повидимому от удара мечем или об кетмень, кожа на голове... Попытки оттеснить толпу с помощью казаков от здания управления окончились неудачей... Настроение (толпы) по отношению к чинам полиции продолжало оставаться явно враждебным, но последние никаких репрессивных мер по отношению к толпе не принимали. Лишь после того, как несколько рук протянулось к (полицмейстеру) подполковнику Колесникову..., названный штаб-офицер выстрелил сам и приказал окружающим открыть по толпе огонь из револьверов. В ответ на это толпа бросилась к крыльцу, вследствие чего все чины полиции вошли внутрь полицейского управления, закрыли за собою дверь и стали по окнам, ввиду обнаруженного намерения отдельных туземцев проникнуть в управление через окна. Подполковник Колесников успел еще уведомить о своем положении и. д. начальника города... и вызвать роту юнкеров..., вслед за тем телефонные провода были порваны...» и т. д. и т. д.

Что это — восстание или, так себе, незначительное волнение?— Ясно, что это было восстание против царских властей.

И таких примеров можно привести множество. Именно такой, приблизительно, характер носило восстание 1916 г. в большинстве районов Средней Азии и Казахстана.

Почему же Т. Н. Колесникова отказывает этим народным восстаниям в праве именоваться «восстаниями» и считает их только «волнениями»? Ведь Ленин указывал: «Всякий национальный гнет вызывает отпор в широких массах народа, а тенденция всякого отпора национально угнетенного населения есть национальное восстание»,[1] причем слово «восстание» подчеркнуто Лениным. Итак, по Ленину, всякий отпор (даже тенденция этого отпора) национально угнетенного населения есть уже национальное восстание.

Не является ли выступление Т. Н. Колесниковой недооценкой революционных возможностей крестьянства?—Во всяком случае, здесь явная недооценка, принижение роли народных масс Средней Азии и Казахстана в истории.

Конечно, неправы и те товарищи, которые пытались здесь «доказать», будто восстание 1916 г. было прогрессивным, народно-освободительным всюду, во всех районах Средней Азии и Казахстана без всякого исключения; будто оно было прогрессивным и во всем Джизакском уезде, и на юге Семиречья, и в некоторых районах Туркменистана (Гюрген, Теджен и др.).

Это, конечно, совершенно верно. В докладе Х. Т. Турсунова, в содокладах, в ряде выступлений уже обрисован конкретный ход восстания в некоторых реакционных очагах движения (юг Семиречья, Джизак и др.). Поэтому я не буду снова все это повторять и сделаю лишь некоторые замечания общего порядка о восстании 1916 г. в тех очагах, где феодально-клерикальным элементам удалось захватить руководство восстанием и изменить его характер.

Сторонники той «точки зрения», что восстание 1916 г. было прогрессивным якобы во всех без исключения районах Средней Азии и Казахстана,—обычно либо замалчивают руководящую роль феодально-клерикальных элементов в реакционных очагах восстания, замалчивают межнациональную борьбу в этих районах,— либо фактически не придают никакого значения всем этим фактам, легко отмахивают-

[1] ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, д. 43—4.
[2] ЦГИА УзССР, ф. I, КТГГ, оп. 31, д. 1100, лл. 56—58.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 49.

ся от них, не утруждая себя серьезным анализом результатов участия в движении феодально-клерикальных элементов.

Эти товарищи заявляют, игнорируя факты, что, мол, феодально-клерикальная верхушка в вышеуказанных очагах восстания попросту примазалась к движению, чтобы спасти себя и свое имущество, особого влияния на характер движения не оказала, а затем, предав движение, перешла на сторону царизма.

Эти товарищи вместе с тем думают, что, если крестьянство принимало участие в движении—значит движение при всех условиях было прогрессивным. Однако это неверно.

Движение может происходить с участием обманутых крестьянских масс, но все же быть движением реакционным. Например, в движении Шамиля и мюридизма на Северном Кавказе принимали участие обманутые крестьянские массы; о силе этого движения можно судить по тому, что оно длилось более трех десятков лет. И все же движение было реакционным. То же можно сказать о достаточно продолжительном реакционном движении Кенесары Касымова в Казахстане, в котором также принимали некоторое участие обманутые, отсталые слои казахского крестьянства и т. д.

Таким образом, наличие демократических элементов в движении (прежде всего, крестьянства) отнюдь не всегда указывает на прогрессивный, объективно-революционный характер того или иного движения. В истории, как мы видели, неоднократно бывали случаи, когда стихийное движение масс использовалось эксплуататорской верхушкой в реакционных целях, когда недовольство угнетенных масс, лишенных пролетарского руководства и не всегда разбиравшихся в том, где действительный враг и где друг,—направлялось (независимо от воли и желания этих масс) во вред общереволюционному движению, на укрепление реакционных сил.

Поэтому критерием при оценке характера того или иного национального движения является, как указывали неоднократно классики марксизма-ленинизма, вовсе не наличие в движении демократических элементов (крестьянства). Этим критерием является вопрос о том, насколько данное национальное движение способствовало или, наоборот, тормозило развитие общемирового революционного движения. В этом вся суть вопроса.

Вот, если с этой, единственно правильной, марксистско-ленинской точки зрения посмотреть на характер движения на юге Семиречья или в некоторых волостях Джизакского уезда или в тому подобных очагах восстания,—то мы придем к несомненному выводу, что в этих ограниченных, в общем незначительных, очагах движения восстание носило ярко выраженный реакционный характер.

В самом деле, каковы были результаты движения, с точки зрения интересов развития общереволюционного движения, в вышеуказанных очагах восстания (т. е. на юге Семиречья, в Джизаке и т. п. районах)?

Для примера возьмем наиболее обширный реакционный очаг восстания—на юге Семиреченской области, охвативший Токмакский участок и некоторые так называемые Загорные волости Пишпекского уезда, значительную часть волостей Пржевальского уезда и южную часть Джаркентского уезда.

Здесь руководство восстанием народных масс удалось захватить представителям феодально-родовой верхушки киргизских племен Сарыбагыш и Бугу, на юге же Джаркентского уезда—представителям феодально-родовой верхушки казахского рода Атбан, превратившим

в отдельных очагах это восстание в реакционное, антирусское, феодально-монархическое, феодально-националистическое движение.

Недовольство и озлобление киргизских и казахских народных масс против царского самодержавия (в частности, против переселенческой политики царизма, лишавшего киргизские и казахские массы лучших и уже обжитых земель) было использовано в этих районах феодально-манапскими элементами в своих классовых интересах.

Многие данные указывают на причастность к этому реакционному восстанию на юге Семиречья германо-турецкой агентуры и на связь главарей восстания с этой агентурой. Сам главарь и инициатор реакционного восстания на юге Семиречья крупнейший манап Мокуш Шабданов, провозглашенный ханом племени Сарыбагыш (ханом племени Бугу был провозглашен другой крупный манап Батырхан Ногаев), в начале 1916 г. побывал в Турции (в Мекке и Константинополе), где, видимо, и получил соответствующие указания и инструкции в отношении организации реакционного восстания. У Мокуша Шабданова во время восстания «гостил» какой-то переодетый турецкий генерал и т. д.

Реакционное восстание на юге Семиречья носило ярко выраженную религиозную окраску: жизнь русским сохранялась лишь при обязательном согласии на принятие мусульманства. Мусульманское духовенство принимало самое активное участие в подготовке и руководстве антирусским движением.

Киргизские и казахские массы, в большинстве своем темные, отсталые, еще в значительной степени находившиеся под влиянием духовенства и «своей» эксплуататорской верхушки, пошли за этими элементами, так как думали, что идут на борьбу за правое дело—против своих угнетателей. Но удар реакционных вожаков был направлен совсем не туда, куда следовало его направить. Он был, по сути дела, отведен от царских властей,которые почти не пострадали, а пришелся по ни в чем не повинным людям—главным образом, по русским женщинам, детям и старикам (мужчины в это время находились в большинстве своем на войне). Восставшие, под руководством своих реакционных вожаков, сжигали села, хутора, пасеки, почтовые станции; уничтожали посевы и угоняли скот, грабили имущество; разрушали дороги и телеграф; сжигали мосты и прочие сооружения, школы и т. п. Население уничтожали, применяя при этом иногда просто чудовищные жестокости; девушек и молодых женщин забирали обычно в плен и подвергали надругательствам и т. д.

Впрочем, следует здесь же со всей решительностью подчеркнуть, что если обманутая рядовая масса киргизского и казахского народов и приняла участие в реакционном восстании, то, находясь еще под сильным влиянием манапско-байских элементов и родовых вождей, шла на это восстание с большой неохотой, иногда под прямым принуждением реакционных руководителей, зачастую уклонялась от участия в межнациональной борьбе, не питала никакой вражды к русским трудящимся,—расправу же с русским населением и жестокости совершали обычно представители манапско-байской верхушки. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Это вынуждены были признать даже царские власти. Например, в докладной записке Семиреченского военного губернатора о восстании 1916 г. указывается, что «главари сарыбагышей... применяли меры энергичного воздействия на колеблющихся и трусливых». И дальше: «Активный элемент часто силою принуждал колеблющихся примыкать к восстанию»[1]. Нежелание рядовой киргиз-

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, лл. 77—85.

ской массы участвовать в реакционном восстании подтверждали и сами вожаки антирусского движения. Так например, захваченный царскими властями один из главарей этого восстания крупнейший манап Каннат Абукин, провозглашенный «кочкорским ханом», говорил на допросе: «Нападали мы преимущественно на село Покровское, как более слабое, чем Токмак. Бойцы шли в бой верхами. Шли они неохотно. Приходилось подгонять сзади нагайками..:»[1]:

Бышеуказанные действия восставших, естественно, вызывали озлобление среди русского населения. В ответ на расправу с русскими жителями, в ответ на уничтожение поселков—началась расправа с киргизским населением. Отсталые элементы из числа русских крестьян и горожан, под руководством кулаков, при содействии царских властей, жестоко мстили иногда совершенно ни в чем неповинным мирным жителям—киргизам. Так например, в Беловодске озверевшая толпа во главе с кулаками убила 517 арестованных накануне киргиз, никакого отношения не имевших к реакционному восстанию. По дороге в Пишпек дружина, сформированная из крестьян, уничтожила 138 конвоируемых ею мирных жителей—киргиз и т. п. Но особенно свирепая расправа с киргизским населением началась в период подавления восстания, когда царские карательные отряды начали творить расправу над восставшими, причем и здесь не щадили ни женщин, ни детей, ни стариков. В Пржевальске и окрестных селах, заодно с киргизами и дунганами расправлялись и с ни в чем не повинным узбекским населением, с кашгарскими купцами, грабили имущество и т. д.

Словом, вместо совместной борьбы киргизских и русских трудящихся масс против общих угнетателей, вместо восстания против царизма (заметим: в период уже сложившейся революционной ситуации в России, накануне Февральской революции) в этих районах получилась **межнациональная реакционная драка.** Росли взаимное озлобление и ненависть, увеличивалась межнациональная рознь, выгодные лишь царским властям и манапско-клерикальным элементам. Даже царские власти с несомненным удовольствием констатировали этот факт: «Взаимное озлобление, подозрительность и недоверие,— сообщал семиреченский военный губернатор,—еще долго будут служить серьезным препятствием к установлению мирных, добрососедских отношений» (между русскими и киргизами,— *А. П.*).

Итак, вместо единого, сплоченного фронта русских и местных коренных трудящихся масс, недовольных и озлобленных гнетом царизма, царские власти видели перед собой межнациональную рознь и борьбу, которые они и сами усердно культивировали. Вместо классовой борьбы (против царизма и местных эксплуататоров) **борьба пошла по линии национальной:** массы оказались вовлеченными в межнациональную реакционную драку.

Таков был печальный итог восстания на юге Семиречья— в тех очагах движения, где руководство восстанием было захвачено манапско-клерикальными элементами, где этими элементами было изменено направление, цели и характер борьбы, где этим элементам удалось натравить отсталые элементы киргизского и казахского народов на русский народ и разжечь межнациональную драку.

Кто же выиграл в результате восстания в этих очагах на юге Семиречья и в подобных же очагах в других районах Средней Азии и

[1] ЦГА Киргизской ССР ф. 75, д. 27, лл 32—36.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, лл. 77—85.

Казахстана (в Джизаке, на Гюргене и проч.)? На чью руку сыграло восстание в этих очагах?— Несомненно, в общем итоге восстания в этих очагах выиграли местные эксплуататорские элементы и реакционный царизм.

Восстание в некоторых очагах на юге Семиречья, Джизаке и др. привело отнюдь не к расшатыванию реакционного самодержавия, не к ослаблению местных реакционных сил, а, наоборот, укрепляло эти реакционные силы, помогало объективно этим реакционным силам. Общее революционное движение не только ничего не выиграло от восстания в этих районах, а, наоборот, это восстание тормозило развитие революционного движения, ослабляло общий революционный фронт и общий революционный натиск на главного врага—на царское самодержавие. Таким образом, исходя из марксистско-ленинских методологических указаний, следует констатировать, что восстание 1916 г. в этих очагах на юге Семиречья (точно так же, как и в Джизаке и тому подобных районах) носило **ярко выраженный реакционный, феодально-монархический,** феодально-националистический характер.

А. Ф. Якунин и И. М. Мавляни хотели уверить нас, будто участие феодально-клерикальных элементов в вышеуказанных реакционных очагах восстания не сыграло большой роли, не оказало большого влияния на ход восстания, не изменило его характера.

Чтобы опровергнуть эти несостоятельные утверждения, достаточно посмотреть на реальные результаты восстания в этих реакционных районах или очагах восстания. Возьмем для примера реакционные очаги восстания того же юга Семиречья.

Если в подавляющем большинстве районов Средней Азии и Казахстана (там, где восстание носило прогрессивный, национально-освободительный характер) пострадала в результате восстания 1916 г. исключительно или почти исключительно царская администрация (как русская по национальности, так и из состава местных коренных национальностей) и отчасти феодально-байские элементы, то в реакционных очагах восстания на юге Семиречья царская администрация и эксплуататорская верхушка оказалась совсем почти не тронутой. «Жертвой мятежа,— сказано в докладной записке семиреченского военного губернатора о восстании 1916 г.,—явилось по преимуществу русское население Пржевальского уезда... Убитых должностных лиц туземной администрации не было...»[1]. Не случайно поэтому семиреченский военный губернатор в своем «всеподданнейшем отчете» за 1916 г. писал: «На общем механизме управления областью киргизские беспорядки отозвались слабо»[2].

Таким образом, если в других районах Средней Азии и Казахстана восстание 1916 г. расшатывало аппарат царского управления, то в реакционных очагах восстания на юге Семиречья (как и в других подобных районах) этого не произошло. Это был несомненный выигрыш для царизма и местных реакционных сил, ибо массы киргизского и казахского народа в этом очаге восстания были уведены, отвлечены от действительного источника их недовольства и озлобления—от их действительных угнетателей и притеснителей.

Зато, наоборот, в реакционных очагах восстания на юге Семиречья (как и в других подобных районах) в противоположность подавляющему большинству остальных районов Средней Азии и Казахстана, огромный процент убитых и пострадавших падает именно на

[1] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1100, лл. 77—85.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, лл. 170—198.

мирное русское население. Все это весьма наглядно видно из таблички, приведенной в докладе окружного генерал-квартирмейстера за ноябрь 1916 г...[1] в Верненском уезде (Казахстан) было убито всего 15 человек (главным образом, чины администрации и воинские чины); в Джаркентском (Казахстан)—32 человека убито и 20 пропало без вести; в Пишпекском уезде убито 89 человек и 65 пропало без вести, и, наконец, в Пржевальском уезде убито 2179 человек и 1299 пропало без вести, т. е. около 3,5 тысяч по одному лишь Пржевальскому уезду и более полутораста человек — по Пишпекскому (т. е. в реакционных очагах восстания на юге Семиречья)[2]. Таковы цифры!

Материально, как известно, также не пострадали ни царские власти, ни манапско-байская верхушка в реакционных очагах восстания. Манапы, как это видно из документов, переселившись в Китай, неплохо зажили и там, еще больше эксплуатируя обманутые ими, разоренные массы киргизского народа.

Зато вся тяжесть восстания в реакционных очагах на юге Семиречья обрушилась на плечи русских и киргизских трудящихся масс. Помимо бессмысленной гибели многих тысяч людей как из среды русских, так и киргизских трудящихся,— эти массы (русские и киргизские) оказались совершенно разоренными экономически и терпели чудовищные страдания.

Вот некоторые цифры и факты, взятые из архивных источников. Всего по Семиреченской области в целом подвергались нападениям, не считая отдельных хуторов, заимок и пасек — 94 русских селения, причем в одном лишь Пржевальском уезде было полностью уничтожено 28 селений и 27 хуторов (во всей Иссык-Кульской котловине уцелел лишь город Пржевальск и только 2 русских селения!). В этих селениях полностью сожжено и разрушено 5.373 крестьянских двора (в одном Пржевальском уезде — 2.600 дворов). Только в Пржевальском уезде осталось без крова и без средств к существованию около 8,000 семей; в Пишпекском уезде скопилось свыше 12.000 беженцев, лишенных крова и всего имущества! Русские крестьяне лишились скота примерно на 90%; погиб почти весь урожай 1916 г. (вместо 10,8 млн. пудов собрано только 1,7 млн.) и т. д.

Не меньшие, если не большие, тяготы испытало и киргизское трудящееся население этого очага восстания на юге Семиречья. «В Пржевальском уезде,—читаем во «всеподданнейшем отчете» семиреченского военного губернатора за 1916 год,— киргизский скот, исчислявшийся к 1916 г. в 2.347. 472 головы, может считаться весь погибшим. В остальных уездах, где насчитывалось свыше 6 миллионов голов, убыль определяется по предварительным данным, в 30%»[1]; т. е погибло, следовательно, около 2 миллионов голов. Фактически погибло все имущество киргизского трудового населения. Бежавшие в Китай трудящиеся массы киргизского народа были окончательно разорены, гибли от голода, холода и болезней. Они были доведены до такого состояния, что вынуждены были продавать даже своих жен и детей. Количество убитых и погибших из числа киргизского населения не поддается учету.

Таковы были некоторые реальные результаты восстания в реакционных очагах на юге Семиречья, где феодально-клерикальной верхушке удалось, при поддержке иностранной агентуры, **столкнуть движение масс с классовых рельсов и направить его на путь межнациональной борьбы.** Примерно ту же картину мы наблюдаем в других реакционных очагах восстания (Джизаке и др.), правда, в значительно меньших масштабах.

Можно ли после всего этого сказать, что восстание 1916 г. в этих очагах было прогрессивным движением? Можно ли сказать, что феодально-клерикальная верхушка, захватившая руководство движением в этих очагах, не оказала никакого влияния на ход и характер восстания в этих районах?— Я думаю, что А. Ф. Якунин и другие, по меньшей мере, неправы. Они исходят из совершенно неверной, немарксистской методологической установки.

Итак, подведем общий итог. Какой же характер в целом носило восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане?

Это, в основном, крестьянское восстание было далеко неодинаковым, неоднородным по своему характеру, по своим целям, по своим результатам движением в различных районах Средней Азии и Казахстана. В подавляющем большинстве районов оно носило **прогрессивный, народно-освободительный** характер и было направлено своим острием против царского самодержавия (отчасти против феодально-байских элементов), смыкалось с революционной борьбой русского рабочего класса и крестьянства против войны и царизма. В отдельных же, сравнительно незначительных районах (или очагах) это восстание, превращенное усилиями реакционных феодально-клерикальных элементов в **антирусское, националистическое движение,— носило реакционный характер.**

Такова, по-моему,единственно правильная, марксистско-ленинская оценка характера восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане.

Вопрос об оценке характера национальных движений — это отнюдь не узко академический, узко научный вопрос, касающийся лишь специалистов-историков. Это вопрос большой политической важности, вопрос принципиальный, идеологический, тесно связанный с вопросом о коммунистическом воспитании наших кадров, наших советских людей. Поэтому тем большая ответственность ложится на нас при определении характера того или иного национального движения или восстания.

Правильная марксистско-ленинская оценка характера национальных движений, правильное понимание того, что происходило в прошлом (в частности, на территории Средней Азии и Казахстана) должно способствовать еще большему укреплению дружбы между народами СССР— одной из основных движущих сил Советского государства, одного из важнейших источников могущества и непобедимости СССР.

О. М. МАДЖЛИСОВ

Кандидат исторических наук

(Сталинабадский педагогический институт)

За последнее время в печати появился ряд статей, проводились совещания по вопросу о характере движения народов Средней Азии в 1916 г.

Я был участником одного такого совещания в г. Ашхабаде. В статьях и выступлениях товарищей на дискуссии в Туркмении выявились по существу две точки зрения. Одни товарищи (О. Кулиев, А. Пясковский) указывают, что восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане носило в целом национально-освободительный, следовательно, прогрессивный характер, при наличии в то же время отдельных реакционных очагов восстания. Другие, в частности Ю. Тарасов, при рассмотрении

[1] ЦГИА УзССР; ф. КТГГ, д. 1222, лл. 5—7.
[2] ЦГИА УзССР, ф. КТГГ, д. 1222, лл. 5—7.
[3] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 31, д. 1182, лл. 170—198.

этого восстания, особенно в Туркмении, оценивают его сплошь как антирусское, националистическое движение.

Считая точку зрения т. т. Кулиева и Пясковского правильной, я никак не могу согласиться с точкой зрения т. Тарасова. Историки Таджикистана поступили совершенно верно, признав движение 1916 г. в целом прогрессивным, национально-освободительным, отмечая в то же время отдельные реакционные очаги этого восстания.

Руководствуясь марксистско-ленинской методологией, следует диалектически подходить к оценке характера движения 1916 г. и строго различать восстания, возникшие стихийно и носившие национально-освободительный характер, от восстаний, организованных или использованных реакционными элементами в своих классовых целях.

Восстание 1916 г. на территории Средней Азии и Казахстана надо рассматривать с точки зрения тех исторических условий и тех причин, которые вынудили крестьян и ремесленников вступить в открытую борьбу против империалистического и феодального гнета.

Безусловно, восстание 1916 г. на территории Средней Азии и Казахстана было результатом самого жестокого гнета, особенно усилившегося накануне и в период империалистической войны.

Эти исторические условия и причины, породившие движение 1916 г., по-моему, достаточно освещены в докладе Х. Т. Турсунова. Ввиду ограниченности времени я не имею возможности остановиться более подробно на этом вопросе.

Мне хотелось бы напомнить известные слова В. И. Ленина о том, что «национальные войны против империалистических держав не только возможны и вероятны, они неизбежны и прогрессивны, революционны...»[1]

Восстание народов Средней Азии было также неизбежным и являлось национально-освободительным, антицаристским. Оно вспыхнуло неорганизованно, стихийно, не имело единого центра и централизованного руководства.

Как известно, впервые восстание вспыхнуло 4 июля 1916 г. в таджикском городе Ходженте против местных царских чиновников, о чем говорил здесь З. Ш. Раджабов.

Докладчик Х. Т. Турсунов указал, что восстание 1916 г. было не только антиколониальным, но и антифеодальным движением масс, и привел ряд фактов. Это совершенно верно. К сказанному можно добавить некоторые факты, которые имели место в Восточной Бухаре.

Указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации местного населения на тыловые работы, послуживший поводом к восстанию, не распространялся на Бухарское ханство, однако восстание 1916 г. нашло известное отражение и на территории Бухарского эмирата, особенно в бывшей Восточной Бухаре.

Б. Г. Гафуров отмечает, что в 1916 г. в Бухарском ханстве сильные волнения начались в Китабском, Шахрисябзском, Яккобагском и Чиракчинском бекствах.

Моим обследованием горных районов Восточной Бухары установлено (на основе письменных и устных источников), что летом и осенью 1916 г. происходили антифеодальные народные выступления в Калайлябиобском и Хаитском амлякдарствах Каратегинского бекства. Я не имею возможности остановиться подробно на тех причинах, которые вызывали волнения и восстания в Восточной Бухаре. Остановлюсь лишь на некоторых районах.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 32, стр. 298.

Как известно, Каратегин — высокогорный район Таджикистана — расположен по течению реки Сурхоб-Вахш и граничит с Ферганской и Самаркандской областями Узбекистана. Трудовое население Восточной Бухары, особенно горных районов, влачило жалкое существование, так как бухарский эмир и его чиновники взимали с крестьян более 50 видов различных налогов и поборов. Земля была сосредоточена в руках небольшой кучки светских и духовных феодалов, от которых зависело все крестьянство.

Если в среднем крестьянское хозяйство имело по 2—3 мана (один ман—0,76 *га*) земли, то феодалы имели от 200 до 500 манов, причем это были самые плодородные земли. Кроме того, под властью феодалов находилось по несколько сот крестьян на правах «танхо».

Дехкане, находившиеся в «танхо», должны были обрабатывать землю своего хозяина-танхохура и выполнять работы по строительству: по ремонту помещений, рытью каналов и хаузов, по гужевой повинности и т. п. Крестьянин был обязан платить своему танхохуру земельную ренту натурой и деньгами.

Если крестьянину нужно было продать скот или поехать в Фергану на заработки, то для этого нужно было согласие феодала. Таким образом, феодал являлся полным хозяином и распоряжался всеми принадлежавшими ему крестьянами по своему усмотрению. Если крестьянин в силу своей несостоятельности не мог своевременно заплатить дань и выполнить трудовую повинность, то феодал на него накладывал яргу (штраф).

Крестьян грабили и бекские чиновники. Поэтому при наличии низкой урожайности, у крестьян не оставалось почти ничего для жизни и они вынуждены были искать дополнительных источников для существования семьи. Этими источниками были сбор диких трав и отходничество.

По мере развития промышленности в Средней Азии, в Каратегине, Памире и Дарвазе усиливалось отходничество, о котором, к сожалению, докладчики и выступавшие ничего не говорили.

Отходничество играло безусловно прогрессивную роль. Оно давало не только экономические выгоды, но и содействовало политическому пробуждению населения.

В. И. Ленин отмечал, что рабочие-отходники «... идут в места более высокой заработной платы», разрушают «кабальную форму найма и обработки» и, наконец, обусловливают «... подвижность населения», а «Без создания подвижности населения не может быть и его развития»[1]. Далее В. И. Ленин писал: «На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянству вырастало новое поколение крестьян, побывших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы».

Таджики горных районов Таджикистана работали не только в районах Средней Азии, но даже в Баку и Астрахани. Возвратившийся из отходничества таджик привозил с собой небольшое количество денег, мануфактуры, чая; сахару и других товаров (около трех-четырех пудов), однако и это в значительной своей части становилось достоянием ханов, беков и чиновников. Об этом писал Садриддин Айни в своей книге «История мангитских эмиров в Бухаре». Жители Каратегина и и горных районов,—читаем здесь,—несмотря на простор и плодородие своей страны, вынуждены были отправляться в Русский Туркестан на зара-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 212.

ботки в качестве носильщиков и чернорабочих. После того, как они зарабатывали небольшое количество денег, они возвращались на родину, и как только переступали границу каратегинского бекства, пограничные зякетчики взимали с них зякет товарами и деньгами. Если у них обнаруживалась какая-нибудь хорошая мануфактура—отбирали: «Это нужно для его высочества эмира». Когда они достигали своего дома, аксакалы заводили среди них распри, которые не оканчивались до тех пор, пока на это не уходили все остатки их заработка. Не успев согреться у своего родного очага, бедняки вынуждены были снова бежать в Фергану.. Такова была картина жизни крестьян-отходников.

В последние годы перед революцией эмир увеличивал свою армию и административный аппарат, строил дороги, каналы и другие сооружения, причем все это осуществлялось за счет трудовой повинности местного населения. Увеличивались расходы эмира, который брал с крестьян ушр от 1/10 до1/3 части их доходов; денежный сбор вместо 21 таньги в конце XIX века доходил в период первой мировой войны до 200—300 таньга в год. Практиковалось взимание податей за 7 лет вперед. Население облагалось военным налогом в пользу царя. Об этом свидетельствует, например, письмо бухарского кушбеги Мирзо Насрулло-бека на имя каратегинского Аблякул-бека, в котором он благодарил его за сбор 10 тыс. рублей военного налога с Каратегинского бекства.

О системе сбора налогов в Бухарском эмирате справедливо пишет Б. Г. Гафуров: «Количеством взимавшихся с населения налогов Бухарское ханство славилось на весь мир. В Бухаре облагалось буквально все, что можно было обложить».

В 1912 г. был разработан проект строительства железной дороги Каган—Термез, на что требовалось денег 18 млн. рублей. По настоянию царского правительства бухарский эмир взял на себя часть расходов по строительству и мобилизации рабочей силы. Каратегинский бек Нигматулло закрыл все перевалы по направлению к Фергане, чтобы мобилизовать горцев на строительство дороги. Это вызвало сильное недовольство трудящихся. Администрация строительства дороги выделила средства для оплаты рабочих, но бек присвоил деньги себе и объявил эту мобилизацию призывом на военную службу.

Подобная жестокая эксплуатация крестьянства не могла не послужить причиной волнений и восстаний в отдельных районах горной Бухары. В 1916 г,. когда повсеместно в Средней Азии происходили восстания, население горных районов Таджикистана воспользовалось удобным моментом и также выступило против своих угнетателей. Именно такие волнения происходили в Каратегинском бекстве. Поводом к восстанию послужило увеличение военного налога и взимание его в принудительном порядке. Используя распоряжение эмира, чиновники грабили крестьян в свою пользу.

Имеются сведения о том, что в результате злоупотреблений местных властей на основании указа от июля 1916 г., который не распространялся на Бухару, было все же мобилизовано 500 рабочих-отходников Каратегина. Тогда народ стихийно выступил с протестом, причем организаторами выступления были отходники. Местные старики называют руководителем этого восстания Каландаршо из кишлака Кули-Мизанги. Каландаршо неоднократно занимался отходничеством в Ташкенте, Фергане, Красноводске, Баку и других городах. Многие другие участники восстания также были отходниками.

Крестьяне кишлаков Куле, Ларан Назарк, Фатхабад, Каналы и других пришли с протестом к казию Аббос-ходже Судуру и просили его: «Ты, представитель шариата, знаешь что на наших глазах чиновники многое делают незаконно, иди к эмиру и запрети этот незаконный произвол чиновников». В ответ на это Судур приказал своим мюридам схватить руководителей восстания и связать им руки. Тогда крестьяне потребовали от Судура освобождения арестованных и возвращения им ограбленного имущества. Судур отказался. Началась потасовка. Судур, увидев настроение крестьян, сбежал в крепость. Расправу с восставшими продолжали брат Судура Казиджан и сын Судура Абдулхаир-токсабо. В результате свалки Казиджан был убит, а у Абдулхаира-токсабо были переломлены обе руки и ноги. После этого крестьяне направились в кишлак Камали, ворвались в дома Дарвозбия и других феодалов, забрали их имущество и направились к крепости Калай-Ляби-Об, где скрывались от нападавших крестьян Халилбек-амлякдар и его чиновники. Четыре дня крепость была осаждена восставшими крестьянами. Тогда каратегинский бек Рахманкул направил на выручку амлякдару 200 всадников, и безоружные восставшие были разгромлены. Каландаршо и другие руководители восстания бежали в ущелье Дара-и-Мазара, а другие—в Фергану.

После этого Рахманкул-бек прибыл лично в Калан-Ляби-Об и принял ряд мер к окончательному подавлению восстания: 30 крестьян арестовал за кровь Казиджана и Абдулхаира, наложил штраф на местное население в размере 100 тыс. тенег в пользу Судура, приказал собрать все экспроприированное имущество чиновников, за ненайденное имущество обложил штрафом крестьян в пользу пострадавших, собрал за три-четыре года вперед все налоги и подати с кишлаков, участвовавших в восстании.

Осенью того же 1916 года крестьяне снова подняли восстание в кишлаке Дара-и-Мазар и направились к крепости. По дороге они встретились с всадниками бека, и на равнине Лангаришо произошел рукопашный бой. Крестьяне потерпели поражение, но в результате боя несколько бекских чиновников было ранено, у амлякдара Халил-бека была разбита голова, и он вскоре умер. Со стороны восставших было убито 6 человек, 40 ранено и несколько десятков крестьян было арестовано. Сам Каландаршо бежал в Фергану. Когда пришла Красная Армия в марте 1921 г., Каландаршо выехал в Оби-Гарм, навстречу своим освободителям, и вместе с ними прошел высокогорные районы Каратегина и Дарваза, затем после установления Советской власти работал в качестве председателя ревкома кента Лангаришо и в 1931 г. умер в своем кишлаке.

Подобные волнения и восстания были и в Хаитском амлякдарстве, где руководителем был отходник Одина Лучак, зверски казненный последним каратегинским беком Абдул-Хафизом-парваначи при подавлении восстания Усмана в декабре 1920 г., до прихода Красной Армии.

Восстания в горной Бухаре имели антифеодальный характер и, безусловно, являлись прогрессивными, революционными. По существу они были частью восстания 1916 г. в Средней Азии. Движущей силой их являлись малоземельные и бедные крестьяне.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы о характере восстания 1916 г.

Восстание 1916 г. нельзя отрывать от общего революционного движения русского рабочего класса. Революционные события, которые происходили под руководством рабочего класса в центре страны, не могли не оказывать серьезного воздействия на трудящихся самых отдаленных районов Российской империи, в том числе и Средней Азии. Приведенные мною новые факты, а они уточнены мною на основании многочис-

ленных документов и устных распросов, ярко свидетельствуют об этом.

В результате этого воздействия усиливалось революционное движение в Средней Азии и Казахстане, одним из проявлений которого и явилось народно-освободительное движение 1916 г., хотя оно и носило стихийный характер.

Следует подчеркнуть, что руководителями крестьянских волнений в Каратегине и многими участниками его были отходники, которые встречались в городах Ферганы и других областей с русскими рабочими и воспринимали от них революционные настроения.

Я согласен с основными положениями доклада Х. Т. Турсунова. Одновременно считаю, что мы, советские историки, еще недостаточно детально изучили восстание 1916 г. в каждом отдельном районе. По-моему, следует с большей полнотой изучить эти восстания, привлекая архивный и этнографический материал, выявить их характер в каждом отдельном районе Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Туркменистана. Это изучение, несомненно, даст нам очень много нового.

С. Н. ПОКРОВСКИЙ

Действительный член Академии Наук Казахской ССР, доктор исторических наук

Вопрос о восстании 1916 г.—о его характере, движущих силах, историческом значении—привлекает в последние годы особенно пристальное внимание наших историков.

Это объясняется не только необходимостью очистить историческую оценку такого крупного события, как восстание 1916 г., от буржуазно-националистических и других извращений, но и тем, что без правильного, марксистского понимания характера этого восстания невозможно создать подлинно научные, обобщающие труды по истории народов Средней Азии и Казахстана.

К сожалению, по истории восстания 1916 г. не опубликовано ни одной крупной монографии, основанной на глубоком изучении архивных источников, и литература вопроса ограничивается, кроме нескольких давно устаревших, полных ошибок, книжек и сборников, главами в макетах по истории республик Средней Азии и Казахстана да одним-двумя десятками журнальных статей.

Заслушанный на настоящей объединенной научной сессии доклад «О характере восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане» в целом правильно ставит вопрос, и основные положения доклада не встречают возражений. Недостаточность материала по Казахстану восполняется содокладом о восстании 1916 г. в Казахстане.

Тем не менее, основной доклад вызывает некоторые замечания.

Восстание 1916 г. произошло в период первой мировой войны, в условиях развивавшегося кризиса империализма.

Этот кризис охватил все стороны экономической и политической жизни капиталистического мира. Одним из проявлений кризиса было резкое обострение противоречий между метрополиями и колониями и порожденный этим рост национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах.

Именно в такой связи В. И. Ленин рассматривал происходившие в годы первой мировой войны национальные восстания. «...Огоньки национальных восстаний в связи с кризисом империализма вспыхивали и в колониях и в Европе»,—писал Ленин в июле 1916 г. «А ведь кризис империализма,—продолжал Ленин,—был далек еще от высшей точки своего развития, могущество империалистической буржуазии было еще не подорвано (война «до истощения» может довести до этого, но еще не довела); пролетарские движения внутри империалистических держав совсем еще слабы. Что же будет тогда, когда война доведет до полного истощения или когда хотя бы в одной державе под ударами пролетарской борьбы власть буржуазии закачается так, как власть царизма в 1905 году?»[1].

Указания В. И. Ленина дают ключ к тому, как подходить к оценке предпосылок и характера восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Его нужно рассматривать не только в связи с кризисом царизма, но и в связи с кризисом всей системы империализма в России.

Этот вопрос в докладе тов. Турсунова разработан недостаточно. Здесь он делает даже некоторый шаг назад по сравнению со статьей А. Ф. Якунина и О. К. Кулиева, опубликованной в прошлом году на страницах журнала «Вопросы истории».

Восстание 1916 г. нужно рассматривать не только как крупнейшее событие в истории народов Средней Азии и Казахстана, но и как важное событие в истории всей России в ее предреволюционный период. Нужно отказаться, наконец, от проявляющейся в исторической литературе тенденции локализировать и даже провинциализировать это событие.

Нужно согласиться с оценкой характера восстания 1916 г., данной докладчиками как прогрессивного, антиколониального, национально-освободительного, а также с тем, что его движущей силой было угнетенное национальное крестьянство и трудящиеся массы городов.

Такой оценке восстания 1916 г. не может помешать то, что в отдельных районах реакционным, феодально-байским и клерикальным элементам удалось захватить в свои руки руководство движением и использовать его в своих реакционных, антирусских целях. Это, как известно, произошло в некоторых районах северо-восточной Киргизии, на юге Джаркентского уезда, в некоторых районах Джизакского уезда, Туркменистана и других местах. Это были наиболее отсталые районы с особенно значительными патриархально-родовыми пережитками и значительным влиянием реакционного мусульманского духовенства.

При изучении такого большого движения, как восстание 1916 г., нужно, разумеется, анализировать специфику отдельных районов движения, выявлять имевшие в них место особенности. Но это не дает ни основания, ни права избегать оценки характера восстания 1916 г. в целом. А так получилось, например, во втором издании книги Б. Г. Гафурова «История таджикского народа»[2].

Неправильную точку зрения отказа от общей оценки восстания 1916 г. здесь весьма неудачно пытался обосновать тов. Савицкий.

Нужно решительно возражать против попыток отдельных историков оценить восстание 1916 г. в целом, как движение реакционное, националистическое, антирусское. Рецидивом подобных взглядов явилась статья тов. Тарасова, опубликованная в журнале «Вопросы истории» в 1951 г. Подобную же неправильную точку зрения на настоящей научной сессии пыталась защитить тов. Колесникова. Ее аргументация не выдерживает никакой критики.

Подрывная деятельность иностранной агентуры (не только германо-турецкой, но и английской, и американской) в 1916 г., несомненно, имела место. В этом нет ничего удивительного: и германские империа-

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 22, 338—339.

[2] Б. Г. Гафуров, История таджикского народа, издание второе, 1952, стр. 441—447.

листы, воевавшие против России, и ее так называемые союзники—английские, американские, французские империалисты—стремились ослабить Россию, оторвать от нее окраины. Они были связаны с реакционными, феодально-клерикальными элементами, также выступавшими против России, широко использовали реакционные лозунги панисламизма и пантюркизма.

Все это так. Но разве можно подобными причинами объяснить массовое народное движение, охватившее Среднюю Азию и Казахстан, движение, в котором принимали участие сотни тысяч людей и которое своим упорством и стойкостью пугало и приводило в изумление видавших виды царских генералов.

Массовость движения и стойкость повстанцев в борьбе с хорошо вооруженными царскими войсками подтверждается рядом документов.

Упоминавшийся уже в докладе генерал Сандецкий 26 ноября 1916 г. в шифрованной телеграмме сообщал начальнику генерального штаба царской армии о восстании в Тургайской области: «При общем числе населения Тургайской области в 450 000 человек, число мятежников по примерному подсчету достигает в Тургайском и Иргизском уездах до 50 тысяч аскеров... Необходимо готовиться к систематической длительной кампании, дать сразу достаточные, правильно организованные силы и широко обставить их всеми техническими средствами. Отдельные роты и сотни не могут заменить организованные полки, имеющие свои обозы, хозяйство, медицинскую часть... Положение в Тургайской области делает задачу, поставленную экспедиционному отряду, крайне серьезной: движение с каждым днем разрастается». Генерал Сандецкий требовал от главного штаба послать в помощь карательной экспедиции генерала Лаврентьева в Тургайской области 3 казачьих полка с 3 пулеметными командами и артиллерией[1].

Начальник Лепсинского уезда Семиреченской области Маслов в своем донесении от 20 декабря 1916 г. писал: «Какие из волостей не принимали никакого участия в мятеже, ответить затрудняюсь. Могу только сказать одно, это не будет ошибочным, что нет ни одного киргиза, который не принимал бы участия, разве только какой-нибудь не от мира их»[2].

В боях с царскими карательными отрядами плохо вооруженные и в большинстве случаев плохо организованные повстанцы проявляли стойкость и мужество. Они чувствовали поддержку и помощь самых широких масс населения.

Сторонники отрицательной оценки восстания 1916 г. обычно пытаются аргументировать свою точку зрения утверждением о том, что во время восстания широко проявлялась межнациональная рознь.

Для повстанческой массы на большей части территории Средней Азии и Казахстана вовсе не были характерными антирусские настроения. Так, начальник Кустанайского уезда Кочергин в августе 1916 г. сообщал тургайскому губернатору: «В общем же, разъезжая большими группами, киргизы, за редкими исключением, обид русскому населению не причиняют, но весьма враждебно относятся к полиции». То же было в других местах.

[1] Центральный Военно-морской архив, фонд Главного управления Генштаба, № 33, д. 129—257, лл. 49—50.

[2] ЦГИА Каз. ССР, фонд Прокурора Верненского окружного суда, д. 2140 а, лл. 117—118.

Межнациональная рознь провоцировалась феодально-байскими элементами и царской администрацией. Переносить ее на трудящееся коренное и русское население Средней Азии и Казахстана глубоко неправильно.

В тех районах, где реакционным, феодально-байским элементам удавалось взять в свои руки руководство восстанием, они действительно разжигали межнациональную рознь и под реакционными лозунгами ислама натравляли отсталые слои населения на русских крестьян. Так было, например, в отдельных южных районах Семиречья, где было сожжено много русских поселков и пострадало мирное русское население.

Царская администрация, со своей стороны, также всячески разжигала межнациональную рознь, давая прямые указания о массовом истреблении коренного населения, не щадя ни женщин, ни детей, ни стариков.

Военный губернатор Семиречья Фольбаум в августе 1916 г. послал начальникам карательных отрядов указание: «... Считайте малейшую группировку киргиз кучами уже за мятеж, подавляйте таковой крестьянскими дружинами, наведите на эти волости панику, при первом признаке волнения арестуйте хотя бы второстепенных главарей, предайте полевому суду и немедленно повесьте... Ну, поймайте кого-нибудь из подозрительных и для примера повесьте, я уже такое распоряжение сделал всем»[1].

Карательные отряды и созданные по указанию генерал-губернатора Туркестанского края Куропаткина военно-полевые суды свирепствовали по всему Туркестану, так же как и по всем областям Казахстана.

Когда один из карательных отрядов, действовавших в Верненском уезде, зверски истребил несколько казахских аулов, Фольбаум 14 августа 1916 г. разослал всем уездным начальникам телеграмму: «Хорунжий Александров с сотней... 3 аула поголовно истребил, стойбища сжег, скот угнал... Сообщается как образец действий, руководимых лично мною»[2].

Кстати сказать, в кровавой расправе с трудящимися коренного населения Семиречья принимали участие вместе с кулаками-колонизаторами и представители местной феодально-байской верхушки. Они были потом специально награждены за это царскими властями.

Немудрено, что четвертая часть коренного населения Семиречья, спасаясь от карательных отрядов, бежала в Китай.

Можно ли за провокационные и палаческие действия иностранных агентов, изуверствующих мулл и царских сатрапов делать ответственными русские, узбекские, казахские, киргизские, таджикские, туркменские народные массы?— Разумеется, нельзя.

Можно ли в фактах разжигания эксплуататорскими классами и их агентами межнациональной розни видеть главное в событиях 1916 г. в Средней Азии и Казахстане?— Разумеется, нельзя.

Ставить вопрос таким образом — значило бы извращать исторические факты и отрицать крепнущую дружбу между русским народом и народами Средней Азии и Казахстана и их совместную борьбу против царизма, против эксплуататоров. Это значило бы отрицать, в конечном счете, все огромное прогрессивное значение присоединения Казахстана и Средней Азии к России.

[1] ЦГИА КазССР, ф. 76, д. 2140, л. 160.

[2] ЦГИА КазССР, ф. 44, д. 16927, л. 230.

Восстание 1916 г. нанесло значительный удар по царизму в Средней Азии и Казахстане и, являясь частью общедемократического движения, способствовало назреванию революционного кризиса.

Однако, отмечая большое значение восстания 1916 г., было бы неправильно и антиисторично искусственно приукрашивать ход событий, замалчивать слабые стороны движения.

Восстание 1916 г. развивалось стихийно, неравномерно и разновременно. Так, восстание в большей части Казахстана развернулось тогда, когда первые выступления в центральных районах Средней Азии, в частности в Ташкенте, были уже подавлены. Вооруженная борьба в одном из важнейших районов восстания, где она была особенно длительной и упорной — в Тургайском районе, развернулась тогда, когда восстание в Семиречье, Сыр-Дарьинской и других областях Казахстана было уже сломлено.

Совместное выступление трудящихся Средней Азии и Казахстана против царизма имело большое политическое значение, но организованная связь между отдельными районами восстания была слаба. Единого направляющего и организующего центра не было.

В этом сказалась слабость восстания, обусловленная его крестьянским характером, отсутствием пролетарского руководства.

Имело ли восстание 1916 г. антифеодальную направленность? Я полагаю, что имело. Это нашло свое проявление в нападениях на баев—феодалов, в убийствах их, в отгоне байского скота и т. п. С особой силой ярость масс обрушилась на баев, находившихся на царской службе. Все это были не случайные факты, а проявление внутренней закономерности крестьянского восстания. Правда, они сдерживались патриархально-родовыми пережитками, отсталостью масс и не могли развернуться в полной мере. Но они были, и это чрезвычайно важно.

Для глубокого изучения истории восстания 1916 г. нужно покончить с кустарничеством и неорганизованностью, координировать усилия историков Москвы, Средней Азии и Казахстана. Только при этом условии можно будет дать научную историю восстания 1916 г., разработав вопрос об его предпосылках, периодизации, о классовых противоречиях, конкретную историю борьбы в различных районах Средней Азии и Казахстана.

Очень важно проанализировать антифеодальные проявления в восстании 1916 г., начавшийся процесс выделения бедняцких, полупролетарских элементов. Важно также выяснить более детально связь повстанцев с рабочими районами, отношения между отдельными очагами восстания, структуру и организацию повстанческих отрядов.

В качестве ближайших мероприятий можно было бы наметить подготовку и издание одного-двух томов архивных документов и сборника статей по истории восстания 1916 г., включив эти работы в тематические планы Института истории Академии Наук Союза ССР и Институтов истории соответствующих республиканских Академий Наук.

Можно не сомневаться, что настоящая объединенная научная сессия положит прочное начало решению важной задачи — созданию подлинно научной, марксистско-ленинской истории восстания 1916 г.

К. Е. ЖИТОВ

Действительный член Академии Наук Узбекской ССР

Вопрос о характере и особенностях событий 1916 г. в Узбекистане—очень серьезный и принципиальный вопрос. Как видно из доклада и содокладов, по этому вопросу было допущено в нашей литературе немало

ошибок, причем более вредных, чем по вопросам далекого прошлого Узбекистана. О них необходимо сказать, с ними необходимо покончить, чтобы за эти ошибки не цеплялись сторонники реакционности восстания 1916 г.

Каковы наиболее типичные ошибки в оценке характера восстания 1916 г.?

Первая ошибка: нечеткая оценка места и значения восстания в истории освободительной борьбы трудящихся Средней Азии.

Еще в материалах Культпропа Средазбюро ЦК ВКП(б) и Среднеазиатского института истории революции к 15 годовщине восстания, опубликованных в 1931 г., указывалось, что это восстание «подготовило победоносный Октябрь в Средней Азии и переход народов Средней Азии на путь социалистического развития, минуя мучительную стадию капитализма».

На дискуссии весной 1951 г. в САГУ Хивинское восстание в январе-феврале 1916 г. определялось отдельными товарищами как предпосылка Хивинской народной революции 1920 г. Это реакционное восстание во главе с Джунаид-ханом профессор Додонов в статье «Об исторических предпосылках образования Узбекской ССР»[1], охарактеризовал как прогрессивное национально-освободительное (стр. 427).

Покойный профессор Шестаков называл восстание 1916 г. в Средней Азии «первой крупной колониальной революцией XX века»[2].

Вторая ошибка: необоснованность тезиса о том, что трудящиеся массы кишлака и аула уже тогда, в 1916 г., будто бы освободились из-под влияния «своих» баев и мулл.

В упомянутых материалах к 15-летию восстания было указано, что «нельзя понять ход революции и гражданской войны в Средней Азии..., если не учесть... сознания противоположности интересов баев, духовенства и туземной администрации, с одной стороны, бедняцко-середняцкой массы, дехканства и городской бедноты, с другой, которое получили последние благодаря событиям 1916 г.». Это же нашло некоторое отражение и в тезисах Института истории Компартии при ЦК КП Уз, посвященных 30-летию восстания 1916 г. в Узбекистане. Здесь, в частности, было указано: «острие этого восстания вместе с тем было направлено и против эксплуататорской байско-феодальной верхушки...»

Нужно отметить, что в содокладе тов. Елеуова (стр. 54), по существу, допущена такая же ошибка. Он пишет: «Восстание... дало массам величайший урок политического самосознания» и далее в этом роде.

Третья ошибка связана с этой второй ошибкой—умаление роли Октябрьской революции, руководящей и вдохновляющей роли Коммунистической партии. Если исходить из первых двух ошибочных положений, то получается, что до февральской и Октябрьской революций массы были уже политически зрелыми, и Октябрь был подготовлен 1916 г.

Я согласен с тем, что восстание 1916 г. в известной степени было подготовкой последующих событий, но было бы неправильно утверждать, что это восстание обеспечило победу Октябрьской революции.

Четвертая ошибка—смазывание влияния и активной роли реакционных феодально-клерикальных и националистических элементов в общественной жизни и общественном движении в Средней Азии и затушевывание корней этого влияния, из чего вытекает ошибочный политический вывод.

---

[1] Юбилейный сборник, посвященный двадцатипятилетию Узбекской ССР, Ташкент, 1949 г.

[2] «Красный архив», том V, 1933 г.

Нам известно, что экономические и политико-идеологические позиции этих элементов были еще сильны, большую роль играла еще реакционная мусульманская идеология. Если мы согласимся с тезисом об антифеодальном аграрном движении в Узбекистане в 1916 г., то это приведет к отрицанию этого влияния, к отрицанию наличия феодально-националистических очагов в восстании 1916 г.

Профессор Додонов на дискуссии в 1951 г. пошел еще дальше: он говорил, что движение 1916 г. в целом было не только антифеодальным, но имело в ряде случаев и «антибуржуазный характер». Таким образом, у него получается, что крестьянское движение было и социалистическим.

В этих вопросах и мною были допущены грубейшие ошибки в книге «От колониального рабства к социализму» в 1939 г. и в популярной брошюре «Краткий очерк истории Узбекской ССР» в 1947 г.: огульный подход ко всем движениям 1916 г., как революционным.

В ноябре 1950 г. в своей статье «О некоторых вопросах истории национального движения в Узбекистане» я решительно пересмотрел этот вопрос, стремясь обосновать положения о реакционности Андижанского восстания 1898 г. и Джизакского восстания 1916 г.

Пятая ошибка, которая до сего времени проскальзывает в выступлениях товарищей, заключается в том, что эти товарищи, соглашаясь, что в отдельных районах восстание носило реакционный характер, считают это результатом действия внешних факторов, т. е. происков иностранной агентуры. Отсюда — реакционные очаги событий 1916 г., по существу, объяснялись лишь попытками использовать начавшееся массовое движение внешними силами и тем самым смазывалось наличие местного, туркестанского панисламизма и его антинародной роли.

Шестая ошибка — это ошибка тов. Тарасова и некоторых других товарищей, которые ударились в другую крайность, столь же вредную. Я согласен с Х. Т. Турсуновым и О. К. Кулиевым в отношении их критической оценки концепции тов. Тарасова о восстании 1916 г. в Туркмении.

Тов. Колесникова резко делит формы движения 1916 г. Суть не в формах движения — были ли эти движения в форме волнений, демонстраций или вооруженных восстаний, от этого принципиально дело не меняется; движение в большинстве районов остается народным, а это она, мягко выражаясь, принижает.

Решения ЦК КПСС по идеологическим вопросам и известные всесоюзные дискуссии помогли глубже, конкретнее, смелее и правильнее разобраться в этом сложном национальном вопросе. Они помогли понять корни наших ошибок: недостаточное овладение марксистско-ленинской методологией, схематизм, начетничество, вульгаризаторство. Они помогли вскрыть сложность событий: социально-экономическую, политическую обстановку, идеологические и внешнеполитические влияния, окружающие условия,—вместо упрощенчества и лакировки исторической действительности, вместо огульности в оценке событий.

Большинство историков на данном этапе, как показывает наша сессия, уяснило четкие методологические предпосылки: всегда «рассматривать национальный вопрос в неразрывной связи с революционной перспективой» (Сталин), не отрывать его от конкретной исторической обстановки, в частности—суть национального движения видеть не только в составе участников, а и в действительных целях его, характере руководства, в идеологии восстания.

В этом плане здесь было правильным замечание А. В. Пясковского о том, что участие в движении крестьянства еще не всегда означает, что это движение прогрессивное.

Надо также видеть связь местных событий революционно-прогрессивного характера с общероссийским революционным движением и с подъемом этого движения.

Мы знаем бесспорные факты прогрессивных выступлений трудящихся дехкан и колониальной бедноты, узбекских, туркменских, казахских рабочих в период 1905—1907 гг. Нам хорошо известны факты роста в туркестанском общественном движении конца XIX—начала XX вв. демократической тенденции, выраженной в общественно-литературной деятельности Дониша, Фурката, Мукими, Завки и затем—Хамзы, о чем подробно говорилось в выступлении И. М. Муминова.

Условия восстания 1916 г. нужно связывать с общим фоном назревавшего общероссийского революционного кризиса; вместе с тем нужно иметь в виду, что восстание 1916 г. на территории Туркестана происходило в условиях социально-экономической отсталости, отсутствия сформированного местного пролетариата, о чем говорил В. И. Ленин на 11 конгрессе Коминтерна (о Туркестане—«отсталой стране»). Нужно также иметь в виду культурно-политическую отсталость масс коренного населения в тот период, о чем И. В. Сталин писал в статье «Наши задачи на Востоке» (1919 г.), указывая на отсталые в культурном отношении народы Средней Азии. Нужно иметь в виду также отсутствие в то время—в 1916 г.—коммунистических организаций среди народов Средней Азии, т. е. среди народов Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана. В этих условиях еще было значительным влияние реакционной феодальной идеологии, корана и шариата, ислама, который, по определению Маркса, «проклинает нацию неверных и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными»[1]. Эти устои тогда еще были сильны.

Волчья политика царизма способствовала затушевыванию классовых противоречий, усиливала недоверие к русским, разжигала национальную вражду. К тому же вели и панисламисты, выраставшие на местной почве, на почве отсталых общественных отношений, и идейно и организационно связанные с панисламистами других восточных окраин и зарубежных стран.

Они проповедывали объединение всех мусульман Туркестана и всего мира, затемняли классовое сознание трудящихся, культивировали, поддерживали религиозные националистические предрассудки, присущие тогда части населения; стремились помешать влиянию революционной России и влиянию местных узбекских, казахских, таджикских, туркменских киргизских, каракалпакских прогрессивных деятелей.

В этой связи нужно подчеркнуть, что активизация пантюркизма и панисламизма имела место и до империалистической войны. И эта активизация, которая представляла собой не только отдельные факты, как утверждают А. Ф. Якунин и О. К. Кулиев[2], еще более усилилась в годы войны и в период восстания 1916 г. Она, в частности, подогревалась верхушкой турецкого духовенства, призывавшего мусульман всего мира к «священной войне» против враждебных стран.

Вот, к примеру, данные из политсводок Туркестанского районного охранного отделения за первую половину 1916 г.: по материалам этого источника, в отдельных районах Туркестана весной 1916 г. имела место агитация со стороны отдельных ишанов и маддо, призывавших использовать благоприятный момент для освобождения от русского владычества при помощи Турции и Германии. И тогда, говорили они, «везде

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 6.
[2] Журнал «Вопросы истории», 1953 г., № 3.

будут образованы самостоятельные ханства под гегемонией турецкого султана, подобно союзу немецких государств».

Не случаен сообщенный в докладе Х. Т. Турсунова факт приезда в Вену в 1916 г. делегатов «русско-мусульманского комитета», доставивших министрам австрийского правительства так называемую памятную записку об отторжении от России мусульманских территорий.

Эти моменты, в частности активизацию панисламизма в этот период, мы все раньше не учитывали, и сейчас некоторые товарищи этого не учитывают. Видели только массовые движения, окрашивали все движения в красный цвет, а действия реакционных сил и их влияние на часть трудящихся обходили, тем самым допуская антиисторизм, буржуазный объективизм и местный национализм.

Я не согласен с теми товарищами, которые характеризуют народное восстание 1916 г. в Узбекистана как уже развернувшееся массовое антифеодальное, аграрное движение. Когда цитировал мои работы И. Мавляни, он оборвал цитату, не указав следующего места из моей статьи от 2 ноября 1950 г. в «Правде Востока»: «... так как массовое антифеодальное движение тогда еще не развернулось». Действительно, открытая борьба крестьян против «своих» помещиков, баев, как массовое движение, тогда не развернулось еще. Я имею в виду не тенденцию аграрной борьбы, которая была и проявлялась.

Многочисленные документы, в частности, сводные доклады военных губернаторов Самаркандской, Сыр-Дарьинской и Ферганской областей по итогам подавления движения 1916 г., отмечают большое количество фактов революционных выступлений дехкан и старогородской бедноты против набора на тыловые работы, избиений и убийств волостных управителей, аксакалов, пятидесятников, мирз, царских полицейских, приставов (см. события: 4 июля в Ходженте, 5 июля в Ургуте, 7 июля в Данг-Биде, 20 июля в Сергалинской и Койкурганской волостях Самаркандской области, в Той-Тюбе Ташкентского уезда, в Кайнарской волости и кишлаке Гаязы-Яглык Кокандского уезда и других местах). Таким образом, острие борьбы было направлено против колониальной администрации и ее низового звена, так называемой «туземной администрации».

Хотя в отдельных местах, даже в некоторых прогрессивных очагах восстания, зачинщиками выступлений и являлись ишаны и их мюриды, но им далеко не везде удалось поднять народ на газават. В этом отношении следует согласиться с выступлением А. В .Пясковского, который критиковал неправильные установки А. П. Савицкого.

Неправ тов. Савицкий, когда утверждает, что в Ферганской области не было массового движения. Именно там была более резкой борьба трудящихся; там еще в 1905 г. дехкане проявляли себя более активно, чем в Сыр-Дарьинской и Самаркандской областях. Неправ он и в своем утверждении, что во всей северной Киргизии было массовое, но реакционное восстание.

Некоторые товарищи, говоря, что туземная администрация —«представители господствующей феодальной верхушки»—состоит из феодалов и баев, делали отсюда вывод, что борьба против нее и есть антифеодальное движение. В этом смысле, конечно, абсолютных граней нет. Но туземная администрация представляла низовое звено царского реакционного колониального государственного аппарата: удары по ней—удары по колониальному режиму.

Почему избивали и убивали представителей туземной администрации?

Потому, что они—непосредственные проводники царской политики, исполнители указа о наборе. Убивали, прежде всего, в связи с набором. И потому, что эти туземные администраторы при поддержке царских чиновников еще до набора, используя свое служебное положение, выступали в качестве наиболее оголтелых грабителей, взяточников. И все это—на фоне невыносимых бедствий империалистической войны, непопулярной войны.

Были и отдельные антифеодальные выступления, т. е. выступления против некоторых баев, ростовщиков, независимо от их служебного ранга. Но эти выступления еще не переросли в массовые антифеодальные, аграрные движения.

Некоторые товарищи пытаются доказать наличие массового аграрного движения. В подтверждение своих тезисов они приводят те же факты разгрома домов сельских старшин и волостных управителей, проводников царского указа от 25 июня 1916 г., и их родственников.

Перехожу к выводам.

В 1916 г. еще не было массового аграрного движения. В Узбекистане эта тенденция существовала, но она не развернулась. Если бы движение 1916 г. было массовым аграрным, то оказалось бы еще более мощным и движение в 1917 г., и земельно-водный вопрос был бы решен тогда же в порядке революционно-аграрного переворота, а не в порядке земельно-водной реформы в Средней Азии в 1925—1928 гг., когда на территории республик Средней Азии было ликвидировано около 7 тыс. феодальных хозяйств (часть же была ликвидирована раньше, в первые годы Октябрьской революции).

В чем заключалось положительное значение восстания 1916 г. ?— Оно было восстанием против гнета, против войны (недовольство ею проявлялось в активной форме), так как война разоряла и изнуряла народ, еще больше усилились бедствия в связи с набором на тыловые работы.

Восстание, в известной степени, ускоряло кризис верхов, царизма, тот кризис, о котором Ленин ярко и глубоко писал в знаменитом первом «Письме издалека».

Тыловики,независимо от их участия в народных или отдельных реакционных выступлениях 1916 г., находясь в России в тяжелых экономических и правовых условиях, общаясь с русскими рабочими на предприятиях, железных дорогах и с революционизирующимися солдатами в прифронтовой полосе, вовлекались в общую революционную борьбу накануне и в дни Февральской революции, получали революционный опыт.

Вот эти факты и следовало бы более подробно изучить. Бесспорны факты роста политической активности тыловиков и самой активной роли многих из них в создании демократических организаций местных трудящихся «иттифаков» и Советов мусульманских рабочих депутатов летом 1917 г. в Туркестане.

Движение 1916 г. в основном было народно-освободительным, но оно происходило в обстановке отсутствия достаточных условий для развертывания его в массовое аграрное движение и в революцию.

Движение в большинстве районов Узбекистана было народным, антицаристским и, в некоторой степени, антивоенным. Это убедительно подтверждают лозунги движения, хотя и примитивные, простые, приведенные в докладе Х. Т. Турсунова, а также в выступлении Р. Б. Икрамова.

Такое определение соответствует объективной истине, соответствует всей совокупности тогдашней объективной социально-политической и идеологической обстановки и соотношению классовых сил.

Уровень движения был низкий, примитивный, движение было скоротечное, стихийное, неорганизованное, кроме, например, Тургая. Почему?

Организованный и сознательный характер движению крестьян и городской бедноты, будь то русское или национальное, придают лишь революционный рабочий класс и Коммунистическая партия. Но в 1916 г. еще не было тесной, широкой связи дехканства с революционным рабочим классом, эксплуататорская верхушка культивировала национальную рознь, еще существовала известная отчужденность между дехканством и рабочим классом, парторганизаций на местах почти не было, многие социал-демократические группы Туркестана были разгромлены.

Пролетарского руководства, большевистского руководства этим движением еще не было,— с этим согласны все докладчики по вопросу о восстании 1916 г.

В некоторых местах восстание принимало реакционный характер. Особенно много ошибок допустили наши историки при оценке Джизакского восстания. Тов. Мавляни сделал в этом отношении шаг вперед, он признает теперь реакционность Джизакского восстания.

Я, со своей стороны, подчеркиваю, что не подхожу огульно к оценке джизакских событий и считаю, что движение в большей части волостей Джизакского уезда было народным, освободительным, за исключением волостей, перечисленных докладчиком, и города Джизака, где восстание носило действительно реакционный характер.

Посмотрим оценку врага, контрреволюционного эмигранта Раджаба Байсуна: «восстание 1916 г.— писал он в 1945 г.,— особенно активным было в Джизаке, Турткуле, Семиречье. Лозунг восстания — изгнание русских с территории Туркестана и независимая жизнь в свободном государстве... Далее, национальные чаяния с 1916 г. расширялись и выливались впоследствии, после 1917 г., в бурное восстание, которое большевики почему-то назвали басмачеством».

Вот вам оценка классового врага. Неслучайно он берет именно реакционные очаги, в том числе и Джизак.

Реакционность движения в некоторых местах Джизакского уезда несомненна. Лозунги его: «Газават», «Нет бога кроме бога и Мухаммед пророк его», «Не хотим быть русскими подданными». Руководителями его были типичные фигуры из феодально-клерикальных панисламистских элементов, а не «народные беки», как написано в «Истории народов Узбекистана»[1]. Цель: изгнание всех русских, восстановление ханства, патриархально-феодальных устоев под флагом освобождения всех мусульман от русской власти.

То же самое было и в некоторых других районах. Кое-какие реакционные очаги в Туркмении ярко отмечены в романе «Решающий шаг» Берды Кербабаева.

Реакционность джизакского и ему подобных восстаний бесспорна; широкой, массовой основы у этих восстаний не было. Верхи не выдвигали социальных требований, лозунгов борьбы, выражавших коренные интересы масс, и не могли выдвигать, ибо сами вдохновители и организаторы «газавата» были представителями эксплуататорской верхушки.

Под влиянием второй русской революции и особенно Великого Октября, с развитием большевизма в Средней Азии, проникавшего все шире и глубже в сознание многомиллионных масс угнетенных национальностей, развертывалась освободительная борьба городской бедноты и беднейших дехкан—узбеков, туркмен, таджиков, киргизов, каракалпаков, казахов, вливавшаяся в общереволюционный поток, мудро направленный большевистской партией.

[1] История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 434.

Этот могучий революционный поток смел в течение кратчайшего исторического срока, за каких-нибудь три года, колониальный режим и полуфеодальные порядки в Туркестане, в степях Казахстана, в Бухаре и Хорезме.

На расчищенной революционной бурей почве возродились к новой, светлой жизни народы Средней Азии и Казахстана. При помощи Центральной России, под руководством партии коммунистов, в условиях росшего и крепнувшего советского сотрудничества народов всей страны, они ликвидировали унаследованную от ханско-феодального и царско-колониального темного прошлого свою экономическую и культурно-политическую отсталость, приобщились к социализму и ныне идут плечом к плечу, рука об руку со всеми другими народами Советского Союза, вперед, как передовые народы и активные строители коммунизма.

М. АБУЛКАСИМОВ

(Институт советской торговли в Самарканде)

На обширной территории Средней Азии и Казахстана в 1916 г. вспыхнуло восстание народных масс—узбеков, казахов, таджиков, туркмен и каракалпаков против политики национального и колониального угнетения правительства помещиков и капиталистов.

Социально-экономические изменения в жизни населения края, происшедшие ко времени 1916 г., и тяжелый национально-колониальный гнет трудящихся масс подготовили условия для национально-освободительного движения, а указ Николая II (25 июня 1916 г.) о наборе рабочих на тыловые работы действующих армий был поводом и причиной начала такого обширного народного восстания, каким было восстание в 1916 г. в Средней Азии и Казахстане.

Историческая действительность, социально-экономические условия Средней Азии и Казахстана в отдельных уездах, участках и волостях были далеко не одинаковыми. Этим и обусловливались исход и содержание того или иного восстания.

Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, за исключением некоторых волостей, кишлаков или аулов, было национально-освободительным, прогрессивным движением.

Движущей силой восстания были крестьяне-бедняки и городская беднота.

В тезисах доклада Х. Т. Турсунова «О характере восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане» правильно указано, что многие историки, занимавшиеся изучением истории восстания 1916 г., отмечая прогрессивность этого национально-освободительного движения, обходили молчанием происки феодально-клерикальных, панисламистских, пантюркистских элементов, которые всячески старались использовать восстание 1916 г. в антинародных целях. Аналогичное ошибочное толкование было допущено и мною в диссертационной работе (написанной в 1939 г.) по истории восстания 1916 г. в Джизакском уезде.

Остановлюсь на вопросе: как оценивать восстание 1916 г. в Джизакском уезде вообще, в отдельных его участках и волостях, в частности.

Джизакский уезд в целом и отдельные участки и волости, входившие в его состав, были в экономическом и культурном отношении наиболее отсталыми районами Туркестанского края. В то время Джизакский уезд делился на четыре участка: Джизакский участок—город с его окрестностями, Багданский участок, включавший одиннадцать волостей, Янги-Курганский участок, включавший четыре волости, и Зааминский участок, имевший тоже четыре волости. Из этих четырех районов са-

мыми отсталыми в экономическом и культурном отношении были Багданский и Янги-Курганский участки, где во многих волостях население вело полуоседлый образ жизни, занимаясь скотоводством.

Недостаток земли, пригодной для ведения сельского хозяйства, затруднял оседание населения. В некоторых волостях Багданского участка (Ата-Курганской, Курган-Тюбинской, Кызыл-Кумской, Чардарьинской и Фисталитауской) велось исключительно кочевое хозяйство, и к 1916 г. еще сохранились патриархально-родовые отношения.

Крестьянство и городская беднота были сплошь неграмотными. Перепись населения, проведенная в 1912 г. статистическим отделом Самаркандского военного губернаторства по Янги-Курганскому участку, показала, что среди крестьян всех этих волостей не было ни одного грамотного человека. Аналогичные факты имели место во всех остальных волостях Джизакского уезда. В силу крайней отсталости населения в экономическом и культурном отношении в кишлаках и аулах Джизакского уезда классовая дифференциация была слабой.

Слух о царском указе о «реквизиции» рабочих на тыловые работы дошел до населения еще в начале июля 1916 г. Вскоре стало известно и о том, какие категории населения будут мобилизоваться на тыловые работы.

Посемейные списки людей, намечаемых к «реквизиции», составляли местные власти: волостные управители, старшины, пятидесятники совместно с представителями эксплуататорской верхушки; в эти списки включали только лиц эксплуатируемого класса.

Городская беднота и трудовое крестьянство кишлаков и аулов, узнав о деталях предстоящей «реквизиции», пришли в волнение.

Первыми в Джизакском уезде выступили в базарный день 5 июля 1916 г. жители окрестных кишлаков станции Куропаткино.

13 июля поднялась городская беднота Джизака с требованием возвращения составленных списков. Старшина Мирзаяр Худаяров, отказавшийся выдать списки и оскорбивший собравшихся, был убит восставшими. В тот же час восставшими была сожжена канцелярия волостного управителя Хидира Юлдашева, в которой сохранялись списки лиц, намечаемых к отправке. Сам Юлдашев предусмотрительно скрылся, чтобы не попасть в руки восставших.

Часть восставших направилась по улице Ташлик в направлении к новому городу, куда скрылся волостной управитель Юлдашев. Именно в это время к восставшим примкнул ишан Назир-Ходжа Абдусаламов. Представитель реакционного духовенства и националистов, он всячески старался использовать восстание в антинародных целях. Воспользовавшись несознательностью восставших, Назир-Ходжа объявил себя джизакским беком и спровоцировал антирусское реакционное выступление. Группой, возглавляемой Назир-Ходжой, были убиты—начальник Джизакского уезда полковник Рукин, городской пристав Затяглов, переводчик Мирза-Хамдам Закирджанов и постовой Камилов. При дальнейшем продвижении по новому городу, у разветвления дороги к городу и железнодорожной станции, эта группа была встречена оружейным огнем караульной команды и рассеяна; одиннадцать человек были убиты.

Назир-Ходжа в тот же день вечером выехал в Багдан, где небольшой группой феодально-клерикальных, националистических элементов готовилось реакционное выступление во главе с Абдурахманом Абдулжаппаровым.

Абдурахман Дживачи был одним из крупных землевладельцев сыном Чардарьинского бека, гордившимся тем, что его отец погиб в сражении с русскими войсками под Кок-Тепе. Сам он был крупным представителем мусульманского духовенства, побывал в Мекке. Он три раза собирал совещания представителей близких по классу людей и (судя по архивным материалам) договорился с ними, как и когда вступить в город Джизак.

Абдурахман Дживачи готовился к «священной войне» против «неверных», добиваясь поддержки путем угроз и обмана отсталой части населения. Об этом свидетельствует обращение, объявленное глашатаем в базарный день на площади 12 июля 1916 г.:

> «О, миндаль, растущий в горах, о, люди, собравшиеся на базаре, слушайте меня. Завтра с рассветом в среду Абдурахман Дживачи, вооружившись саблей своего отца, идет в Джизак на «Газават». Кто русского убьет, тот будет победителем, а кто погибнет в этой войне, тот будет праведником. Все, от семи до семидесяти лет, должны идти в Джизак на «Газават», кто не пойдет, у того голова будет снесена, а имущество будет разграблено. Рано утром выступайте.»[1]

Воспользовавшись отсталостью некоторой части населения, постоянной враждой между родами «шоталиб» и «одина-сарык», а также путем применения обмана и угроз, Абдурахман Дживачи, Назир-Ходжа и их сообщники спровоцировали антирусское выступление, на которое пошла и некоторая часть отсталого крестьянства. Организаторы реакционного выступления начали свой «газават» 15 июля 1916 г. с нападения и разграбления больницы в кишлаке Янги и разграбления канцелярии багданского участкового пристава. Абдурахман Дживачи усиленно распространял слухи о том, что в Джизаке осталось пять русских, что уничтожение их обеспечит установление Джизакского бекства во главе с ним. У Дживачи начали собираться из некоторых волостей багданского участка влиятельные лица: аксакалы, ишаны, муллы, баи и другие. Группа, возглавляемая Абдурахманом Дживачи и Назиром-Ходжей, 21 июля направилась в Джизак и около местности Клы (приблизительно в 15 *км* к северо-западу от г. Джизака) столкнулась с вооруженной командой, направленной на очистку окрестностей города от восставших.

Банда Абдурахмана Дживачи была рассеяна и поспешила скрыться в горы.

Аналогичные реакционные выступления были организованы в Санзарской волости Янги-Курганского участка Туракулом-Казы Турабековым и в селении Заамин—Касим-Ходжой.

Спровоцированные феодально-клерикальными панисламистскими, пантюркистскими элементами, антинародные, реакционные выступления, не находившие поддержки у широких народных масс, потерпели поражение. Большинство широких масс трудящихся не дали себя обмануть и не пошли по пути реакционного выступления. Во многих кишлаках и аулах Джизакского уезда восстание проходило как подлинно народное национально-освободительное движение, направленное против царизма, против капитализма.

Восстание поднималось стихийно, разрозненно и неорганизованно и было подавлено карательным отрядом полковника Иванова, вооруженным шестью орудиями и тремя пулеметами.

Несмотря на подавление, восстание народных масс Джизакского уезда играло прогрессивную роль.

---

[1] ЦАУ УзССР, д. 10, стр. 13.

Трудящиеся массы Джизакского уезда, так же как и весь трудовой народ нашей Родины, были освобождены от национального гнета царизма и эксплуатации помещиков и капиталистов в дни Великого Октября 1917 г., под руководством Коммунистической партии и при помощи русского пролетариата.

Ю. М. ТАРАСОВ

И. о. ст. научного сотрудника

(Институт истории, археологии и этнографии Академии Наук Туркменской ССР)

Будучи лишен возможности присутствовать на сессии, я хочу изложить в кратком виде свои взгляды на характер восстаний 1916 г. в Туркмении. Считаю необходимым сделать это и потому, что в журнале «Вопросы истории» и в газете «Правда Востока» мой взгляд на характер восстаний 1916 г. в Туркмении подвергнут безапелляционному осуждению (см. статью А. Якунина и О. Кулиева «Восстание 1916 г. в Средней Азии» в «Вопросах истории», № 3, 1953 г. и статью К. Житова, Р. Набиева, Х. Турсунова «За дальнейший подъем исторической науки в Узбекистане», опубликованной в «Правде Востока» № 13 от 16 января 1954 г.).

1. В Туркмении в 1916 г. было три крупных восстания части дайхан, обманутых феодально-патриархальной знатью: в Хивинском ханстве, в Теджене и на Гюргене (если взять шире, до в Красноводском уезде) В исторической литературе долгое время эти восстания рассматривались как национально-освободительные, революционные. Такой взгляд проводился в книге Алексеенкова «Хивинское восстание 1916 г.», в порочной книге Г. Непесова «Победа Советской власти в Северном Туркменистане», в книге Г. Карпова «Восстание теджекских туркмен 1916 г.», в сборнике «Двадцатилетие восстания 1916 г.», в статьях А. В. Шестакова, в кандидатской диссертации А. Акатовой, в докторской диссертации О. Кулиева, в его статьях, опубликованных в «Большевике»—органе ЦК КПТ за 1947 г. и в его статье, написанной в соавторстве с А. Якуниным, опубликованной в журнале «Вопросы истории» № 3, 1953 г. Исключением в этом отношении являлась наша статья «О характере движения 1916 г. в Туркмении» («Вопросы истории», № 9, 1951), в которой мы оценивали вооруженные восстания в Хивинском ханстве, в Теджене и на Гюргене как реакционные восстания. В Туркмении были проведены дискуссии (в мае 1951 г. и в апреле 1952 г.), на которых опять-таки большинство местных историков (за исключением Ю. М. Тарасова и А. А. Рослякова) оценивали эти восстания как прогрессивные национально-освободительные, революционные. Особенно ярым защитником этих взглядов был О. Кулиев.

2. После дискуссий о характере движения 1916 г. в Туркмении, проведенных в Академии Наук ТССР, ошибочное мнение о национально-освободительном, революционном характере восстаний в Хивинском ханстве, в Теджене и Красноводском уезде начинает, наконец, заменяться более объективными суждениями об этих восстаниях. Я имею в виду резкое изменение позиции О. Кулиева и других историков.

На объединенных заседаниях Ученых Советов Института истории АН ТССР и ИМЭЛ, состоявшихся в мае 1953 г., историки Туркменистана пришли к единому мнению о реакционном характере восстаний в Хивинском ханстве, Теджене, на Гюргене и в Красноводском уезде,—т. е. по существу всех восстаний, имевших место на территории Туркмении. Поэтому лишенной логики и здравого смысла представляется оценка этих восстаний как национально-освободительных и революционных. Возможно, что некоторым основанием к этому послужило то, что реакционные восстания части туркменских дайхан, проводимые под руководством Джунаид-хана, Азис-хана, Мергена, Баба-Клыча и других, были названы в докладах и решениях объединенных Ученых Советов только реакционными очагами или очажками всеобщего революционного восстания дайхан в Туркмении, в то время как такого и не было и все восстание ограничивалось отмеченными выше реакционными вооруженными выступлениями в Хивинском ханстве, Теджене и на Гюргене. Авторы докладов о характере восстаний 1916 г. в Средней Азии и Туркмении (А. В. Пясковский и О. Кулиев) добавили в своих докладах два фальсифицированных «революционных» восстания в Туркмении, в Серахсе и на Атреке и, неправильно оценивая их, противопоставили их восстаниям в Хивинском ханстве, Теджене и на Гюргене. На этом основании объединенный Ученый Совет пришел к выводу о национально-освободительном, прогрессивном характере всех восстаний 1916 г. в Туркмении.

Восстания, о которых говорили А. В. Пясковский и О. Кулиев в своих докладах, являлись лишь частью реакционных восстаний в Теджене или Красноводском уезде. О восстании в Серахском приставстве (начало октября 1916 г.) в сообщении начальника области Туркестанскому губернатору говорится: «В ночь с 1-го на 2-е октября разбойничьей шайкой было совершено нападение на Серахс, Тедженского уезда. Шайка сформировалась еще в августе, и с этого времени был наблюдаем целый ряд угонов скота, выпасаемого в степи и песках около Серахса... Нападение на Серахс не удалось... После этого разбойники разделились на две группы, из коих одна перешла в Персию, где и пополнила запас оружия и патронов»[1].

То, что это были действительно разбойничьи нападения, подтверждается и рядом других документов. Так в одном из документов говорится: «По словам представителей населения, в низовьях Теджена и частью в Серахском приставстве всегда бродило несколько шаек, грабивших проходящие караваны и державших в страхе все окрестное население. Главари шаек пытались использовать теперь благоприятный момент, когда среди туркмен есть кучка недовольных призывом, и пограбить, пользуясь удобным случаем»[2].

Следственное дело, просмотренное мной в Центральном Государственном Архиве ТССР, подробно рисует лицо главарей, которые возглавляли разбойничьи шайки в Серахсе и в Теджене в начале октября 1915 г., и дает возможность сделать объективный вывод о характере этих восстаний. Так, главный руководитель шайки Курбан Дурды Эссенов показал: «... признаю себя виновным в том, что в ночь с 1-го на 2-ое октября 1916 г. с целью воспрепятствовать отправлению рабочих для тыла действующей армии вместе с Анна Давлетовым, Анна Ораз Баймедовым и другими в количестве 100 человек, частью не обнаруженными следствием, произвели вооруженное нападение на конно-полицейскую стражу и пограничных солдат в укреп. Серахс, произведя в них около 50 выстрелов, и при преследовании оказали вооруженное сопротивление, отстреливаясь в течение 2-х часов от посланной за нами погони... Во главе шайки, в которой был я, состояли Ходжи Кара, Кара Ораз Алиев и Ходжа Бек Назаров. Я промышлял разбоем три месяца. Жизнь очень подорожала, денег взять неоткуда. Я купил в долг у одного персиянина ружье и не говорил ему, что буду добывать деньги разбоем... Купил я у него винтовку за 400 рублей и, когда удался у меня первый грабеж в мест. Шихияли, где я отнял у туркмен 1052 рубля, я расплатился с персом в той же

[1] ЦГА ТССР, с/б. № 9, лл. 126—127, 127—128.

[2] Ершов, Филиппов. Сборник документов, стр. 115.

местности Атяяб. Какие я производил после этого разбои, я не помню»[1].

Примерно в таком же роде выглядит протокол допроса и других руководителей этой шайки. Трудно в этих предводителях разбойничьих шаек, сознавшихся во время допроса в чинимых ими грабежах и насилиях, беззастенчиво выдававших своих товарищей, видеть вождей революционного движения.

С другим «революционным» вооруженным восстанием на Атреке (Красноводский уезд) у А. В. Пясковского и О. Кулиева получилось не совсем красиво. Начало реакционного восстания в Красноводском уезде (вооруженные столкновения в ауле Кукурчек и в районе пограничного поста Курбанказ) они оторвали от всеобщего реакционного восстания в Красноводском уезде и выдали его за революционное, прогрессивное восстание. В действительности, восстание в ауле Кукурчек и в районе поста Курбанказ было спровоцировано старшиной Мергеном и проводилось под его руководством. С этого собственно и началась целая серия реакционных восстаний в Красноводском уезде.

Таким образом, Пясковскому и Кулиеву путем прямой фальсификации удалось убедить членов объединенных Ученых Советов в наличии в Туркмении в 1916 г. еще каких-то революционных восстаний и противопоставить их реакционным восстаниям в Теджене и на Гюргене (в Красноводском уезде).

3. На основании всестороннего, объективного изучения материалов по восстанию 1916 г. в Туркмении картина восстания представляется в следующем виде:

а. На почве колониального гнета, усиления поборов и налогов в годы войны, затем и в связи с набором на тыловые работы возникало всеобщее недовольство, всеобщее брожение туркменских дайхан против царизма, готовое перерасти в вооруженное восстание. Существовала, таким образом, возможность развертывания прогрессивных, революционных восстаний против царизма. Но эта революционная возможность не превратилась в действительность.

Недовольство, брожение масс не есть еще восстание. Из всеобщего справедливого недовольства, брожения масс может вырасти революционное восстание, если пролетариат руководит этим восстанием или же если это восстание выражает стихийное, революционное возмущение масс. Но это же справедливое брожение могло быть использовано феодально-патриархальной знатью для организации реакционного восстания не столько против царизма, сколько против всего русского населения в целом, как оно и случилось в Туркмении в 1916 г.

б. Всеобщим революционным брожением, всеобщим недовольством в Туркмении воспользовалась феодально-патриархальная знать и религиозная верхушка мусульманского духовенства, связанная с Турцией, Персией и Афганистаном. Используя недовольство и брожение трудящихся в своих целях, они организовали ряд восстаний в Туркмении, навязав этим восстаниям свою программу и свои организационные формы.

Целью восстаний в Туркмении, организованных феодально-патриархальной знатью и верхушкой духовенства являлось: оторвать свой народ от русского народа, от России, укрепить феодально-родовые порядки в Туркмении (восстания в Хивинском ханстве, Теджене и на Гюргене).

Кроме вооруженных восстаний, организованных феодально-патриархальной знатью и духовенством, в Туркмении не было других восстаний, которые могли бы считаться революционными и прогрессивными.

[1] ЦГИ ТССР, ф. 54, оп. 1, д. 2, л. 3, 4.

Всеми вооруженными восстаниями в Туркмении в 1916 г. руководила феодально-патриархальная знать, презренные враги туркменского народа: Джунаид-хан, Азис Чапыков, Баба Клыч, Мерген Эсен-хан и другие.

Объяснялось это тем, что большевистские организации Туркмении в годы войны подверглись особенно сильным репрессиям царского правительства, были по существу разгромлены, а оставшиеся большевистские организации в этот период распространяли свое влияние в основном на городское население, слабо были связаны с аулами, с дайханством, были оторваны в своей деятельности от местного коренного населения.

в. Феодально-патриархальной знати в Туркмении удалось поднять восстание лишь в трех районах, Хивинском ханстве, Теджене и Гюргене. Восстания эти не были массовыми, в них участвовала наиболее отсталая часть дайхан.

Соглашаясь в основном с оценкой вооруженных восстаний 1916 г. в Средней Азии в целом как прогрессивных, национально-освободительных, нельзя согласиться с такой оценкой восстаний применительно к Туркмении, так как все вооруженные восстания здесь были организованы феодально-патриархальной знатью и преследовали цель возврата к старым феодально-патриархальным порядкам, изгнания русских из Туркмении, присоединения к Персии и Афганистану, а в дальнейшем к Турции. Поэтому обвинявшие меня в огульной оценке всего восстания в Туркмении 1916 г. как реакционного, сами скатываются к такому же огульному подходу в оценке восстания, стремятся подогнать характер восстаний 1916 г. в Туркмении к положительной оценке, скатываются к неправильной позиции, попирают науку, так как факты доказывают обратное.

Ясно, что при таком лженаучном, необъективном подходе к оценке восстаний в Туркмении «Материалистический метод превращается в свою противоположность, когда им пользуются не как руководящей нитью при историческом исследовании, а как готовым шаблоном, по которому кроят и перекраивают исторические факты»[1].

Правильное решение вопроса применительно к Туркмении таково: волнения, брожения дайхан в 1916 г., вызванные колониальным гнетом и всеобщим возмущением политикой царизма, были справедливыми, революционными, а восстания, возникшие вследствие этого брожения, были спровоцированы феодально-патриархальной знатью для использования их в своих националистических, реакционных целях.

Феодально-патриархальная знать сумела привлечь на свою сторону в этих восстаниях лишь небольшую часть наиболее отсталых дайхан. Основная часть туркменских дайхан не пошла за феодально-патриархальной знатью.

Все вожди вооруженных восстаний в Туркмении 1916 г. являлись врагами как туркменского, так и русского народа.

Историки (О. Кулиев, А. В. Пясковский и другие), использующие все средства, вплоть до фальсификации, для доказательства своих неверных взглядов, приносят вред исторической науке.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма «Госполитиздат, 1947, стр. 418.

Х. Т. ТУРСУНОВ

Заключительное слово

Разрешите мне ответить сначала на заданные вопросы.

Вопрос: Есть ли какие-либо высказывания у В. И. Ленина и И. В. Сталина о восстании 1916 г. в Средней Азии?

Специальных указаний В. И. Ленина о восстании 1916 г. нам не известно. Однако В. И. Ленин указывал, что в связи с новым революционным подъемом в России, в годы первой мировой империалистической войны усиливалась национально освободительная борьба на национальных окраинах, что Россия и её окраины вступили в 1915 г. в полосу революционной ситуации.

В «Кратком курсе истории ВКП(б)» также говорится о подъеме революционного движения в России и национально-освободительной борьбы на окраинах в годы первой мировой войны (см. стр. 167).

Нам известно, что в Средней Азии, как составной части бывшей царской России, также усиливалось народно-освободительное движение, одним из проявлений которого и явилось восстание 1916 г.

Наконец, имеются положительные оценки восстания 1916 г. как восстания против царизма в «Истории гражданской войны», изданной под редакцией М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, И. Сталина. В ней указывается, что во время первой мировой войны «на национальных окраинах началось направленное против русского царизма брожение. В Средней Азии оно вылилось в 1916 году в крупное восстание, охватившее не только казахов, которых до революции называли киргизами, но почти все народы, населяющие степной край (Казахстан) и Туркестан».

Вопрос: Каково было отношение русского населения к восставшим?

Этот вопрос нашими историками изучен пока плохо, однако имеются некоторые данные, свидетельствующие о том, что русские сочувственно относились к восстанию народов Средней Азии. Во время дискуссии во Фрунзе выступило несколько человек русских — очевидцев событий 1916 г.. Они подтвердили, что русский народ сочувственно относился к восстанию киргизского народа. Некоторые подобные факты отмечены и в содокладе тов. Елеуова. Этот вопрос достоин того, чтобы мы, историки, внимательно занялись его изучением. Нужно тщательно изучать факты, говорящие о влиянии русского населения. В документах царских учреждений об этих фактах умышленно ничего не говорится. Поэтому нужно искать другие источники, в частности, организовать сбор воспоминаний и бесед с очевидцами.

Вопрос. О характере выступлений каракалпаков в Сарыбийской волости и Чимбае в 1916 г.

Материалы по этому вопросу нами пока еще всесторонне не изучены.

Теперь разрешите перейти к анализу некоторых выступлений. Дискуссия дала много ценного и полезного. Многие выступавшие справедливо указывали на недостатки в моем докладе и помогли нам новыми материалами.

Подавляющее большинство выступавших солидаризировалось с основными положениями доклада о характере восстания. В этом отношении были вполне обоснованные, убедительные выступления содокладчиков, которые всецело поддержали общие тезисы, а также выступления тт. Раджабова, Пясковского, Икрамова, Житова, Покровского и др.

Однако в некоторых выступлениях допускались некоторые недостатки. Несколько слов об этих выступлениях.

Тов. Колесникова утверждает, что докладчик оценивал события 1916 г., исходя из общих, неконкретных исторических предпосылок. Это неправильно. В соответствующем разделе доклада указана историческая обстановка в Средней Азии в связи с общими событиями. Конечно, в одном докладе невозможно было подробно остановиться на каждом явлении, но все же основные моменты мы постарались осветить.

Тов. Колесникова считает, что в докладе «много говорилось о социально-экономическом гнете», но «забыли об идеологии...».

О национальном гнете нельзя было не говорить, потому что он вызывает восстания. Если бы не было национального гнета, не было бы и национально-освободительного движения.

Далее тов. Колесникова говорит: «Докладчик забыл об идеологии; господствующей идеологией является идеология господствующего класса, а в Туркестане была тогда господствующей идеология феодально-патриархального класса».

Мы знаем, что в дореволюционном прошлом господствующей идеологией в Туркестане была феодальная идеология, но тов. Колесникова забывает о наличии элементов демократической и социалистической идеологии, которые проникали в массы после присоединения Средней Азии к России. Впрочем, в конце своего выступления она противоречит самой себе и говорит о революционном влиянии России в Средней Азии. Далее она обвиняет докладчика в том, что он смазывает роль пантюркизма и панисламизма. Это неверно.

Конечно, нам предстоит еще более детальная работа по изучению реакционной сущности панисламизма и пантюркизма. Это лишь первая попытка. В прошлом некоторые историки вообще отрицали тот факт, что панисламисты и пантюркисты организовали свои реакционные выступления, национальную резню во время восстания 1916 г. в Средней Азии (читайте текст доклада, стр. 27—35—49—52 и т. д.). А мы, наоборот, утверждаем, что панисламисты и пантюркисты сумели кое-где организовать национальную резню. Мы полагаем, что это не замазывание, а путь к более правильному освещению антинародной роли панисламистских элементов.

Тов. Колесникова утверждает, что докладчик совершенно не показал прогрессивного значения присоединения Туркестана к России. Это неверно .В брошюре (страницы 7, 8, 11) я постарался как можно полнее связать восстание 1916 г. не только с появлением царского указа, но и с более глубокими причинами, связать его с фактом огромной исторической важности—с фактом присоединения Туркестанского края к России.

Тов. Колесникова говорит, что после первых же залпов полиции народные массы расходились. А как же не расходиться? Как же без-

оружные народные массы могут выдержать натиск войск и полиции? Но от этого перестает ли выступление масс быть восстанием? Конечно, нет. Поэтому в своем докладе я оговорил, что форма выступлений не везде была одинаковой. В одном случае это было мирное выступление, в другом—не мирное, но в целом мы должны сказать, что это было восстание. Вы не можете отрицать того факта, что в Маргелане, например, выступило 25 тыс. человек, в Намангане — 4 тыс. и т. д. Наступает безоружная толпа — ей навстречу пулеметы, ружья. Разве это просто волнение?

В Туркестанском крае одних только активных участников восстания было привлечено к судебной ответственности царской администрацией более трех тысяч человек. Разве это результат только мирных волнений?

Тов. Колесникова говорит: «Нужно прямо сказать, что восстания были реакционными. Народные волнения в строго научном смысле нельзя назвать ни революционными, ни национально-освободительными. Их нельзя назвать антивоенными: не было лозунгов «долой войну». Вот вам образец оценки восстания т. Колесниковой. Полагаю, что тут комментариев не требуется. Известно, что во время восстания 1916 г. были лозунги: «не хотим итти в солдаты». Но разве это не выражает борьбы масс против империалистической войны?

Вы помните выступление Керенского в Государственной думе по поводу восстания 1916 г. в Средней Азии, когда он был вынужден признать, что в связи с восстанием 1916 г. «ко всем фронтам войны прибавился новый туркестанский фронт»? Конечно востание 1916 г. не играло решающей роли в подготовке Февральской революции, но оно имело серьезное значение в нарастании революционного кризиса в крае. Это был удар по царизму.

В выступлении тов. Савицкого все дело сводится к одному: в Тургае—прогрессивное восстание, а в остальных районах надо еще изучать. Конечно, надо дать оценку всем национальным движениям, различая при этом реакционные движения и называя их собственными именами.

Что же касается участия духовенства в восстании и его претензий на руководящую роль,—то я с этими материалам знаком. Но дело-то в том, чего оно достигло?.

В. И. Ленин, говоря об участии отдельных слоев населения в Февральской революции, писал: «Сначала положение было таково, что мы видели напор всего крестьянства против власти помещиков. Против помещиков шли одинаково и бедняки и кулаки, хотя, конечно, с разными намерениями: кулаки шли с целью отобрать землю у помещиков и развить на ней свое хозяйство. Вот тогда и обнаружились между кулаками и беднотой различные интересы и стремления»[1].

Это надо помнить и при изучении восстания 1916 г. Нельзя только из факта участия в восстании какого-то муллы делать вывод о реакционности данного восстания. Реакционные элементы не только в Джизаке, а и везде пытались использовать восстание в своих интересах. Это правильно. В этом мы не сомневаемся. В подавляющем большинстве районов Средней Азии и Казахстана это им не удалось. Массы не пошли за ними. Вот что важно.

Тов. Мавляни выступил несамокритично, хотя он уже готов признать наличие реакционных очагов восстания. Тов. Мавляни в прошлом не признавал наличия реакционных выступлений. Теперь он признает, но не до конца.

Тов. Якунин признает наличие межнациональной резни, происходившей в некоторых районах во время восстания 1916 г. Это правильно.

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 304—305.

Неправ он, когда говорит, что мы приписываем реакционные выступления народу. Это неверно. Мы конкретно указываем виновников межнациональной резни — реакционные элементы.

В наших докладах материал неполный. Мы не претендуем на освещение всех событий во всех районах. Мы пытались осветить лишь основные вопросы восстания. Мы думаем, что в дальнейшем совместными усилиями и с учетом критических замечаний товарищей добьемся полного освещения событий восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане.

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В ДОСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

И. С. БРАГИНСКИЙ

Член-корреспондент Академии Наук Таджикской ССР

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В ДОСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

(Доклад)

Прежде чем приступить к докладу, считаю необходимым сделать два предварительных замечания.

Первое—в докладе приходится оперировать преимущественно материалами, относящимися к оседлым народам. Это объясняется отнюдь не недооценкой исторической роли кочевых в прошлом народов. Роль эта была велика, и характеристика ее, данная К. Марксом, общеизвестна. Дело в том, что по договоренности, существующей между докладчиками, материалы, относящиеся к кочевым народам, будут подробнее освещены в содокладах.

Второе —изложение в одном докладе даже одних только основных вех периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана не представляется возможным ввиду обширности темы. Задача значительно облегчается тем, что мы по существу продолжаем работу, начатую на сессии ГАИМК еще в 1933 году, и поэтому остановимся лишь на узловых проблемах.

Вопросы периодизации были уже неоднократно предметом обсуждения и разработки—в ИИМК (особенно на I пленуме по среднеазиатской археологии в марте 1936 г. и на мартовском пленуме 1948 г. в докладах С. П. Толстова, А. Ю. Якубовского и др.), в Институте истории и Институте востоковедения АН СССР (на дискуссии в 1952 г.).

Следует подчеркнуть, что заслуга в разработке периодизации истории народов Средней Азии целиком принадлежит советским историкам. До советской историографии проблема подобной периодизации вообще и не ставилась серьезно.

Субъективизм и произвольность, модернизация и расистские измышления пронизывают домарксистские и немарксистские работы по истории Средней Азии. В области периодизации господствовали и продолжают господствовать династическое деление на «эпохи» ахеменидов, сасанидов, мусульманских династий, узбекских ханств и т. д. (в работах буржуазных авторов по Ирану и Средней Азии, начиная от Д. Малькольма и кончая Э. Херцфельдом и др.), проповедь вечного, «универсального феодализма» (в работах В. Тарна, В. М. Говерна и др.).[1]

Академик В. В. Бартольд не усматривал разницы в общественно-экономических отношениях Средней Азии, начиная от Александра Македонского и до периода господства арабского халифата.[2]

---

[1] Tarn W. W., The greeks in Bactria and Jndia, Cambridge, 1938; Mc. Gowern, The early empires of Central Asia, N Carolina, 939.

[2] Бартольд В. В., Таджики, Исторический очерк в сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925, он же, История культурной жизни в Туркестане, М., 1927.

Критика порочной концепции «универсального феодализма» была дана, в частности, в рецензии С. П. Толстова на книгу В. Тарна[1] и в материалах упомянутого мартовского пленума Института истории материальной культуры (1948 г.)

В некоторых работах советских ученых, опубликованных в последние годы,—в I томе «Истории таджикского народа» Б. Г. Гафурова (1949 г., 2-е изд. 1952 г.), в двух томах «Истории народов Узбекистана» (1947—1950 гг.), в первом томе «Истории Казахской ССР» (1949, макет 3-го изд. — 1953) — вехи периодизации уточнялись, хотя не всегда разные историки вкладывали одинаковое содержание в характеристику синхронных периодов (см. прилагаемую таблицу).

Именно все эти труды и дискуссии дают ныне возможность договориться по основным вехам периодизации, установить, что может на сегодня считаться решенным, а что подлежит дальнейшей дискуссии.

При всей существующей борьбе мнений можно считать общепринятыми всеми авторами обобщающих работ следующие положения.

1. Все народы Средней Азии и Казахстана прошли через эпоху первобытно-общинного строя, разложение которого относится к I тысячелетию до нашей эры.

2. Оседлые народы Средней Азии прошли через рабовладельческую формацию, длившуюся примерно с первых веков первого тысячелетия до нашей эры до первых веков нашей эры.

3. Все народы Средней Азии прошли через феодальную формацию, начиная с середины первого тысячелетия нашей эры.

4. Присоединение Средней Азии и Казахстана к России имело прогрессивное историческое значение.

5. Капиталистический способ производства не победил в Средней Азии и Казахстане, и народы этих стран в результате торжества Великой Октябрьской социалистической революции, с помощью пролетариата России и под руководством Коммунистической партии поднялись от феодализма к социализму, минуя мучительный путь капиталистического развития.

В рамках этих общепринятых положений сохраняются существенные разногласия, касающиеся уточнения хронологических границ каждой из формаций, осмысления и трактовки тех или иных процессов внутри каждой формации и, наконец, более дробной и дифференцированной для разных народов Средней Азии и Казахстана периодизации исторического процесса.

Нет смысла задерживаться на вопросах решенных. Что касается вопросов спорных, то представляется целесообразным сосредоточить внимание на общих для всех народов Средней Азии и Казахстана вопросах периодизации.

Такими общими вопросами являются следующие:

1) характер рабовладения в Средней Азии; все ли среднеазиатские народы (в частности, кочевые) проходили через эту стадию общественного развития и каковы хронологические границы эпохи рабства;

2) хронологические границы феодального общества—период его возникновения, период сложившегося феодализма (в частности, с IX или XI вв.) и, наконец, характер феодализма с XVI в. (упадок, кризис, развитие?). Особенности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов;

3) «кризис феодализма»—относится ли он к XVIII или XIX в., характер этого кризиса, условия его преодоления; характеристика экономики Средней Азии перед присоединением к России; возникновение и развитие капиталистических отношений. Надо отметить, что до сих пор, к сожалению, вопросы периодизации позднего средневековья и нового времени вообще почти не подвергались обсуждению.

[1] Толстов С. П., Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока», ВДО, 1940; № 3—4, стр. 194—209.

При разрешении всех этих вопросов должна быть уточнена и терминология: «эпохи» и «периоды»; «патриархально-феодальные отношения» и «патриархально-феодальный строй» и др.

Следует также учесть и преодолеть некоторые недостатки, свойственные многим работам по истории Средней Азии.

Прежде всего, при установлении граней переходов от одной общественно-экономической формации к другой часто недооценивалась роль коренных изменений производительных сил, которые (изменения) являлись главной причиной происходившего перехода.

Следующий недостаток состоит в том, что мало уделялось внимания решающей, активной роли народных масс в переходе от одной формации к другой. Основополагающие указания классиков марксизма-ленинизма о роли классовой борьбы в развитии производительных сил не стали еще в должной мере содержанием анализа исторического процесса народов Средней Азии. Из-за этого проявлялась большая нечеткость, например, в оценке роли антифеодальных народных движений. Если прогрессивный характер этих движений в условиях сложившегося феодализма, а тем более упадка его, не встречал возражений ни у кого из советских историков, то в оценке народных движений, происходивших в условиях зарождавшегося феодализма, существует разноголосица.

Существенным недостатком при разрешении вопросов периодизации является также освещение базисных и надстроечных явлений как параллельных, отрыв их друг от друга при рассмотрении тех и других, вместо уяснения того, как материальные условия производства п о р о ж д а л и определенную надстройку и в чем выражалась а к т и в н а я р о л ь последней.

Как на особенно большой недостаток следует указать на слабое выявление вековых связей народов Средней Азии с русским народом и роли русской культуры в развитии этих народов.

Задача доклада состоит в том, чтобы поставить лишь некоторые вопросы, уточняющие основные вехи периодизации дооктябрьской эпохи в истории всех народов Средней Азии, с тем, чтобы своеобразие исторического процесса у каждого отдельного народа было освещено в содокладах и в выступлениях с мест.

Попытаюсь выделить три вопроса узлового характера. Они позволяют затронуть основные спорные моменты периодизации и вместе с тем, как мне кажется,—выдвинуть наиболее актуальные из них, помогающие перейти на базе изучения прошлого к исследованию грандиозных достижений советской эпохи в истории народов Средней Азии и Казахстана.

П е р в ы й в о п р о с—исторические корни дружбы народов Средней Азии и Казахстана.

В т о р о й в о п р о с—решающая роль народных движений в общественном развитии народов Средней Азии.

Т р е т и й в о п р о с—прогрессивная роль России и важнейшие последствия присоединения Средней Азии к России.

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ДРУЖБЫ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Было время, когда некоторые историки считали невозможным составление книг по истории каждого народа, каждой республики Средней Азии в отдельности. Эта позиция была неверной и противоречила проис-

ходившему процессу консолидации социалистических наций Средней Азии и Казахстана.

Ныне этот вопрос более не стоит. Он разрешен жизнью—составлением книг по истории народов Средней Азии—таджикского, узбекского, казахского и других.

При этом советские историки опирались на известное положение И. В. Сталина о том, что «каждая нация,—все равно—большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет её, обогащает её».

Сейчас законно поставить следующий вопрос: не пора ли нам при изучении истории каждого из народов Средней Азии больше уделять внимания тому, что объединяло все эти народы с древнейших времен—в труде, культуре, в борьбе против «своих» и иноземных угнетателей? Не пора ли глубже заняться изучением вековых связей этих народов с другими народами, прежде всего с русским народом, а также с народами Кавказа, Китая, Ближнего и Среднего Востока? Наконец, не занимаемся ли мы искусственно некой «провинциальной самоизоляцией», когда отрываем освещение истории народов Средней Азии от изучения общего исторического процесса?

Помня о первой части цитированной сталинской формулы о специфичности, мы, пожалуй, упускаем иногда из виду ее вторую часть, в которой речь идет о вкладе каждой нации в общечеловеческую культуру.

Не приводит ли это к тому, что иной раз, односторонне увлекшись «спецификой», некоторые историки доходят, по существу, до отрицания самой исторической закономерности?

Так, например, говорят о «патриархально-феодальных отношениях». Это верно и специфично для Средней Азии. Но при этом мы видели, как часто приходят, по существу, к полному отрицанию феодализма, подменяя его новой, не существовавшей в действительности «патриархально-феодальной формацией».

Говорят о специфике рабовладельчества в Средней Азии, и это правильно. Но в результате часто исчезает сама рабовладельческая формация и появляется некая новая, «общинно-рабовладельческая».

Говорят о некоторых специфических раннеклассовых государственных образованиях (заметьте, говорят даже не о государствах, а, на всякий случай, о государственных «образованиях»), не давая себе труда уяснить их классовый характер. В результате первой формой государства порою оказывается не рабовладельческое, а некое «дорабовладельческое государственное образование», некая «ирригационная компания на паях».

Говорят, в оправдание подобной сверхспецифичности, что явление богаче закона. Это совершенно правильно. Но закон глубже явления. В разнообразных сторонах и чертах явления проявляется закономерность общественного развития, а эти закономерности общественного развития изучены и обоснованы классиками марксизма-ленинизма. Нужно изучать конкретные проявления этих закономерностей в тех или иных странах, у тех или других народов, а не отказываться от закономерностей под предлогом специфики исторического процесса у каждого народа.

Следовательно, разрабатывая конкретную историю каждого народа Средней Азии и Казахстана, разрабатывая дифференцированную периодизацию, мы должны договориться о некоторых общих вехах периодизации в рамках общего исторического процесса. В этом мы и находим прежде всего исторические корни дружбы народов Средней Азии, их сотрудничества, их совместной борьбы против общих врагов. При этом мы вовсе не должны гоняться за абсолютной синхронностью—совпадением по времени, но устанавливать ее только там, где она подсказывается реальной историей.

Нам нужно определить взаимосвязь народов Средней Азии и их предков между собой и всех их, прежде всего, с русским народом, а также с народами Кавказа, Китая, Ближнего и Среднего Востока.

Работы С. П. Толстова («Древний Хорезм», М., 1949), С. В. Киселева («Древняя история Южной Сибири», 2-е изд., М., 1951) и других историков дали нам возможность проследить уходящие в глубину тысячелетий связи народов Средней Азии уже в эпоху первобытно-общинного строя с народами и племенами Урала и Сибири, Великой российской равнины и Кавказа, а также Китая, Индии, Ирана и Средиземноморья.

Подтверждается глубокий смысл слов В. И. Ленина, что «Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии».

Народы Средней Азиии прошли в основном через те же общественно-экономические формации и основные ступени развития, что и все другие цивилизованные народы мира. На заре их истории, точнее истории их предков, они проходили через эпоху первобытно-общинного строя и его последующего разложения. Непрерывность человеческих поселений Средней Азии со времени мустьерской древности можно считать сейчас неопровержим доказанной[1].

Изучая эпоху первобытно-общинного строя Средней Азии, следует шире освещать синхронные периоды трипольской культуры, ранней эпохи Урарту, появления киммерийцев в степях Причерноморья, гомеровской эпохи в Греции, неолита и бронзы Китая, культуры Мохенджодаро в Индии, подчеркивая характер Средней Азии как узла разносторонних связей между различными странами и народностями, а отнюдь не как изолированного исторического захолустья.

Не стану подробно останавливаться на проблемах изучения эпохи первобытно-общинного строя: это требует особого совещания, в центре внимания которого должны бы, на мой взгляд, стоять вопросы возникновения и характера общины, сыгравшей столь большую роль в истории народов Средней Азии, соотношения оседлых и кочевых народов, этногенеза, разложения родового строя и др.,—что не входит в задачу нашей сессии. Хочу лишь еще раз подчеркнуть в свете поставленных в докладе задач актуальность вопроса о скифо-славянских отношениях для историков Средней Азии.[2]

Эпоха рабства в Средней Азии охватывает, по преобладающему у советских историков мнению, время с первых веков I тысячелетия до н. э. до V—VI вв. н. э. При характеристике эпохи рабства я опираюсь на исследования советских историков, прежде всего, С. П. Толстова, М. Е. Массона, В. В. Струве, К. В. Тревер и др.

Что привело к возникновению рабовладельческих отношений в Средней Азии? Ответ на этот вопрос нужно искать, прежде всего, в развитии производительных сил, в коренных изменениях как самих орудий производства, так и производственного опыта людей и их навыков к труду

[1] См. Тешик-Таш, Палеолитический человек. М. 1945. Ср. Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, Изд. АН СССР, М.—Л., 1948. Сводку основных данных по первобытно-общинному строю в Средней Азии см. М. Э. Воронец, в книге История народов Узбекистана, т. 1, Ташкент, 1950 г.

[2] История, обзор и основная литература вопроса в кн. П. Н. Третьякова Восточно-славянские племена, изд. 2-е, М., 1953 (особенно стр. 19, 45, 67).

Происходил технический переворот в земледелии, связанный с внедрением железных орудий и с переходом от мотыжного земледелия к пашенному. Ко второй половине первого тысячелетия до н. э. пашенное земледелие уже повсеместно утвердилось в Средней Азии. Об этом, в частности, говорят археологические данные по городищам Афрасиаб (в районе Самарканда) и Тали-Барзу, по древнему Хорезму периода «городищ с жилыми стенами». С этим переходом к пашенному земледелию связано и другое явление—значительное возрастание роли поливного земледелия.

Раньше человек шел к воде, но потом он научился вести воду к себе. Раньше посевы располагались непосредственно у источника воды, постепенно человек научился подводить воду к посевам, обуздывая стихийную силу рек.

В результате орошения появилась возможность возделывать большие площади земли, осваивать все новые и новые земли на значительном удалении от непосредственных водных источников—горных ключей и ручьев. Но для этого нужно было обуздать реки, овладеть еще больше их водными ресурсами. Следовательно в центре производственной деятельности стало прокладывание на протяжении десятков и сотен километров каналов, дававших возможность освоить новые большие земельные массивы.

Ирригация влекла за собою значительный подъем всего земледелия. развитие разнообразия сельскохозяйственных культур, послужив тем самым основой плодосмена.

Развитие частной собственности, сложившееся домашнее рабство, рост социального неравенства внутри общины, выделение богатой родовой аристократии—все это послужило предпосылкой для того, чтобы во все возрастающем количестве использовать рабов для рытья каналов. требовавшего огромного числа рабочих рук. Непрерывные войны поставляли необходимые массы пленников, обращаемых в рабов.

В этих исторических условиях и возник рабовладельческий строй в Средней Азии. Родоплеменная аристократия превращалась в рабовладельческую аристократию. Создание огромных ирригационных сооружений как наземных, так и подземных (кяризов) в условиях эксплуатации человека человеком могло быть осуществлено только рабским трудом.

С возникновением и утверждением рабовладения возникает в Средней Азии и государство.

На территории Средней Азии—это государства VIII в. до н. э. в Бактрии, Согде и Хорезме; далее—в составе державы ахеменидов—VI—IV вв. до н. э. (за исключением Хорезма и саков, добившихся независимости); в составе державы Александра Македонского в IV в. до н. э., грекобактрийское, парфянское и хорезмийское (кангюйское) государства (III в. до н. э. —I в. н. э.) и кушанское государство (I—III в. н. э.).

Следует подчеркнуть, что период с VII в. до н. э. по V—VI вв. н. э.—период существования крупных рабовладельческих государств на территории Средней Азии—совпадает по времени с периодом существования крупнейших государств древности, связи с которыми пока еще слабо изучены: несколько раньше расцвет государства Урарту в X—VII вв. до н. э., государства Магадха и Кошала в долине Ганга в VI—IV вв. до н. э., затем, государства Ашоки III в. до н. э. и Гупты—начало IV в. н. э., династии Хань — III в. до н. э. — III в. н. э. в Китае, античная Греция, а затем Римская империя и т. д.

При характеристике этой эпохи необходимо подчеркнуть факт значительного роста городов в Средней Азии, выраставших как на основе

внутреннего развития земледельческого оазиса, так и на базе активной торговли с кочевниками.

Рабы в Средней Азии являлись в основном рабами крупных аристократов или государственными рабами. Это объясняется прежде всего той ролью, которую играло рабовладение в осуществлении ирригации в Средней Азии.

Несмотря на интенсивное развитие рабовладения в Средней Азии как ведущего и определяющего уклада общества, преобладающую роль сохраняла сельская община с мелким крестьянским хозяйством внутри нее. Основной классовый конфликт, как и в древнем Риме, по характеристике К. Маркса, разыгрывался между свободными общинниками и рабовладельчекой аристократией, стремившейся усилить свою власть над общиной.

Поскольку значительная часть местной среднеазиатской рабовладельческой знати была, видимо, тесно связана с иноземными захватчиками, сначала с ахеменидами, с македонскими завоевателями и селевкидами,—классовые конфликты между общинниками и аристократией часто принимали форму борьбы против иноземных угнетателей (восстание в Маргиане против Дария[1], восстания против местных аристократов—сатрапов Александра, восстания против селевкидов и др.).

Как происходило в недрах рабовладельческого строя з а р о ж д е н и е новых, ф е о д а л ь н ы х о т н о ш е н и й?

Картина кризиса рабовладельческих отношений в III—V вв. н. э., характеризуемая сокращением ирригации, запустением городов (в Хорезме их число уменьшилось в четыре раза), перенесением центра хозяйственной жизни к замку могущественного аристократа, ярко обрисована С. П. Толстовым. Эта картина совпадает с выводами и других советских историков, опирающихся, прежде всего, на археологические изыскания, в данном случае наиболее надежные.

Таковы выводы такого маститого ученого М. Е. Массон в трудах ЮТАКЭ и в его последней опубликованной работе по Ахангерану[2] и молодого исследователя Н. Негматова по Усрушане[3]. Таковы данные французской экспедиции по Бегараму[4] и итог исследований по Кабадиану в предсмертной статье А. Ю. Якубовского: «... город этот (Кей Кобад) был основан около III в. до н. э. и просуществовал непрерывно до IV в. н. э., когда пришел в упадок и был заброшен»[5].

Совпадает этот период и с кризисом рабовладения в Риме, с перенесением центра общественной и экономической жизни из города в село, что не случайно. Это—общая закономерность на грани перехода от рабовладения к феодализму.

Этот период сопровождается усилением проникновения в Среднюю Азию кочевых народов и племен, у которых складывались патриархально-феодальные отношения, что ускоряло становление феодализма в Средней Азии.

Как отмечалось выше, в эпоху господства рабовладельческих отношений характерной особенностью развития производительных сил в

---

[1] В. В. С т р у в е, Восстание в Маргиане, при Дарии I, ВДИ, 1949, № 2 стр. 10—29.

[2] Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ); т. 1; Ашхабад, 1949 (Статья М. Е. Массона Городища Нисы в селении Багир и их изучение, стр. 16—115); М. Е. М а с с о н, Ахангеран. Археолого-монографический очерк, Изд. АН УзССР, Ташкент, 1953.

[3] Н е г м а т о в, Усрушана в VII—X вв., М.—Л., 1952.

[4] См. Г и р ш м а н, Раскопки французской археологической делегации в Бегграме, (Афганистан), КСИИМК, т. 13, 1946, стр. 10—16.

[5] Труды Таджикской археологической экспедиции, т. II. М.—Л., 1953, стр. 17.

оседлых районах Средней Азии было прокладывание больших, многокилометровых каналов, устройство кяризов. Без этого хозяйственное развитие было невозможно. Не случайно именно период с IV в. до н. э. до I в. н. э. является периодом наиболее интенсивного прокладывания каналов, а вместе с тем, наибольшего развития рабовладельческих отношений. Иное дело, когда каналы были уже созданы и центр тяжести переносился на их использование. Здесь уже требовалось не только масса рабочей силы, но и прежде всего искусное, инициативное применение воды: хорошие поливальщики—высокий урожай, плохие поливальщики—низкий урожай. Происходило коренное изменение всего технологического процесса ирригации—его усложнение, появление водоподъемных колес, создание более рациональных сооружений, позволявших добиваться экономии труда. Происходило существенное изменение в производительных силах в земледелии, развитие виноградарства, хлопководства.

Но именно это изменение в производительных силах вступило в конфликт с производственными отношениями в ведущем укладе, с рабовладельческими отношениями, обусловило их кризис.

Разрешение кризиса рабовладельческих отношений могло произойти лишь путем установления новых производственных отношений, феодальных отношений.

Раньше аристократы могли обогащаться больше всего путем эксплуатации рабов, преимущественно иноплеменников. Сейчас путь к обогащению аристократии лежал через усиление эксплуатации «единокровных» общинников.

Среднеазиатская аристократия покидала незаинтересованного раба и переходила к эксплуатации хороших поливальщиков, искусных и инициативных земледельцев, каковыми могли быть лишь умелые общинники и неполноправные клиенты (кедиверы); «нужно было» лишь полностью закабалить их, заставить работать на аристократов.

Аристократы своим замком, расположенным у головы канала, обеспечивали себе распоряжение водой. «Услуги», издавна оказываемые общинниками аристократической знати, превращались в раннефеодальные повинности зависимых клиентов. Аристократы, владельцы рабов, земли и источников воды, феодализировались, превращались в феодальных земельных собственников. Эксплуатация теряла свою патриархальную видимость, она становилась все более оголенным, наглым и тягостным внеэкономическим принуждением.

Исторически, как об этом можно судить из последующего развития, здесь открывались две возможности: либо полное превращение родовых аристократов в феодалов, продолжающих эксплуатировать рабов и вместе с тем закабаляющих общинников, как своих крепостных полурабов, либо создание нового служилого сословия феодалов—крупных и средних землевладельцев, ленников и вассалов верховного собственника земли—царя, эксплуатирующих общинников преимущественно путем издольной аренды при сохранении мелкого крестьянского хозяйства.

Оба пути означали закабаление общинника, неизбежно влекли за собою феодальную раздробленность государства, но первый путь был более длительным. Он означал более медленное изживание патриархальных пережитков, препятствовавших развитию феодализма. Этот путь означал также, что новые феодальные формы эксплуатации будут усугублены сохранением пережитков старых, рабовладельческих форм. Второй путь был исторически более прогрессивным, ибо при победе этого пути, означавшего большую централизацию, установился бы над общинниками «один» верховный феодал-царь со своим служилым сословием, главной формой эксплуатации становилось бы взимание ренты-налога.

В свете этих двух возможных путей развития феодализма в Средней Азии становится ясной роль ранних антифеодальных восстаний—таких, как восстание Маздака в первой половине VI в. и Муканны в VII в. Именно эти восстания, как об этом говорится далее, способствовали победе более прогрессивного пути развития феодализма.

Кризис III—V вв. н. э. длился около двух веков. Это был срок, в течение которого феодализм показал свое преимущество над рабовладением. «Для того, чтобы феодальная система хозяйства доказала свое превосходство над рабской системой хозяйства, на это ушло, кажется, около двухсот лет, если не меньше. Да иначе и не могло быть, так как темп развития тогда был страшно медленный, а техника производства была более чем примитивной»[1].

Период VI—VIII вв. был уже, таким образом, периодом становления феодализма и раннефеодального общества, когда еще не было осуществлено закрепощение крестьянства. С IX в. Средняя Азия вступила уже в период развитого и сложившегося феодализма, в котором произошло фактическое прикрепление крестьянства к земле и к источникам водопользования—к их владетелям, крупным феодалам.

В этой связи нужно упомянуть о наличии среди советских историков концепции, утверждающей, будто арабское завоевание ускорило разрушение рабовладельческого уклада и способствовало развитию феодальных отношений. Эта точка зрения по существу повторяет неверное высказывание В. В. Бартольда[2].

Между тем арабские завоеватели пришли в Среднюю Азию тогда, когда феодальные отношения уже складывались в силу внутренних законов развития, а не толчка извне. История не предоставила возможности арабским завоевателям сыграть приписываемую им роль, ибо народы Средней Азии достигли более высокого уровня развития, чем пришельцы-завоеватели. Народы Средней Азии в течение 200 лет активно сопротивлялись захватчикам, и если не формально и сразу, то в ходе исторического развития фактически одержали над ними победу.

Иное дело—роль среднеазиатских кочевых народов, у которых к VI в. сложились патриархально-феодальные отношения и которые действительно способствовали утверждению феодального строя в Средней Азии.

Уместно также отметить, что VI—IX вв. это века, когда господствует надельная система в Китае (сунская и танская династии).

IX же век—это также век образования древнерусского государства, что для Средней Азии имело огромное значение и чьи связи с народами Средней Азии требуют гораздо большего изучения, чем это было до сих пор.

С IX в. в Средней Азии устанавливается эпоха тысячелетнего господства феодализма, который характеризуется фактическим закрепощением крестьян.

Иногда при характеристике феодализма в Средней Азии делают основной упор на формы внеэкономического принуждения.

Это неверно, ибо, как писал И. В. Сталин, главное в характеристике феодализма—это формы феодальной земельной собственности. В классической формулировке феодализма, данной И. В. Сталиным, указывается, что основу его производственных отношений составляют собственность феодала на землю и средства производства и неполная собственность на работника—крепостного, которого он может продать или передать

[1] И. В. Сталин, Соч., т. 9, стр. 136.

[2] Например, в его «К истории орошения Туркестана». «... арабское завоевание в Туркестане... во всяком случае, способствовало прогрессу культуры» (стр. 15); То же говорится во многих других местах.

другому[1]. Именно в этом состоит суть феодализма и в Средней Азии, причем номинальная государственная собственность на всю землю и отсутствие юридического крепостничества лишь прикрывали факт наличия крупного землевладения, сосредоточенного в руках феодалов, и фактическое крепостное состояние для крестьян и ремесленников.

Вот почему, когда, характеризуя среднеазиатский феодализм, А. Ю. Якубовский отмечал две формы развития процессов феодализации—сверху и снизу—и при этом имел в виду формы земельной собственности, с ним нельзя не согласиться: «Икта,—писал А. Ю. Якубовский,—это процесс феодализации государства как бы сверху. Навстречу этому процессу шла феодализация снизу; мы имеем в виду коммендацию со стороны крестьян и землевладельцев (ильджа)»[2], когда крестьянин и мелкий землевладелец ставят себя под «покровительство», т. е. в феодальную зависимость от крупного землевладельца.

Нельзя, однако, согласиться с А. Ю. Якубовским, когда он тут же во главу угла ставил формы внеэкономического принуждения, формы фиска и взимания налога («хераджная система феодализма»)[3].

Представляется также неверным, когда степень развития феодализма характеризуется степенью феодальной раздробленности. Таково, например, утверждение, что XV век—это время «расцвета феодального общества» в Средней Азии, ибо тогда раздробленность на феодальные уделы достигла высшей степени[4].

Феодальная раздробленность, несомненно, одно из закономерных последствий феодального способа производства, но вовсе не его конституирующий признак.

Следует отметить, что в истории феодализма в Средней Азии на протяжении тысячелетия происходила борьба между двумя тенденциями феодального развития, связанными с двумя формами феодального землевладения на Востоке—государственной (ханской) и крупно-феодальной (частной,—между централизаторской тенденцией и сепаратистской. Это нашло свое отражение в том, что в раннем средневековье (IX—XV вв.), несмотря на все противодействующие факторы, на территории Средней Азии складывались большие государства, охватывавшие почти всю эту территорию — государства саманидов, сельджукидов, хорезмшахов, Тимура. Именно на протяжении этого периода происходило складывание народов—таджикского, узбекского. казахского, туркменского и киргизского.

Следующий период средневековья—XVI—XIX вв.—характеризуется государственной децентрализованностью и лишь «провинциальной централизацией» (Ф. Энгельс). Несмотря на все попытки шейбанидов и некоторых других ханов, Средняя Азия не выходила из состояния все более растущей феодальной раздробленности.[5]

[1] И. В. Сталин, О диалектическом и историческом материализме, «Вопросы ленинизма». изд. 11, стр. 555—556.

[2] А. Ю. Якубовский, КСИИМК, XXVIII, стр. 37.

[3] Там же, стр. 35.

[4] А. Ю. Якубовский, Черты общественной и культурной жизни эпохи Алишера Навои, в сб. «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 5.

[5] Наибольший вклад в изучение феодализма, на Востоке и, в частности, в Средней Азии сделала советская историография. Вслед за классическими трудами В. В. Бартольда, значительная часть которых вышла уже в советскую эпоху, наибольшее значение для осмысления характера и исторических закономерностей феодализма на Востоке имеют обобщающие работы В. А. Гордлевского (Государство сельджукидов Малой Азии, М.—Л., 1941, особенно главы V—XI), А. Ю. Якубовского, Н. В. Пигулевской, Б. Н. Заходера (История восточного сердневековья, М., 1941), И. П. Петрушевского (Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., Л., 1949), И. М. Рейснер, П. П. Иванова, Б. Г. Гафурова (История таджикского народа, т. 1 изд. 2-е, М., 1952) и др. Дальнейшее изложение опирается на этот вклад.

Существенная особенность феодализма в Средней Азии связана с ролью воды и ирригации в производстве. Вода, как и земля,—указывает К. Маркс,— является всеобщим средством труда[1]. Без нее, без искусственного орошения сельское хозяйство было бы невозможно. Феодальная собственность на воду наряду с земельной собственностью была основой фактического закрепощения непосредственного производителя. Рытье новых каналов и ремонт больших ирригационных сооружений, осуществлявшиеся непосредственно крестьянами, возглавлялись экономически феодалом. Ирригация становилась его владением. Непосредственно работавший на орошаемой земле крестьянин с самого начала вступал в положение обязанного оплачивать феодалу полученную «у него» воду. С первого взмаха кетменем над обрабатываемой почвой крестьянин становился «должником» у феодала, «авансировавшего» его «своей» водой .Он не мог от него уйти, не выплатив этого «долга»; он, таким образом, фактически закрепощался феодалом.

Характерно, что в горных районах, где сельское хозяйство было в большей мере неполивным, крепостнические отношения в раннем средневековьи были менее развиты, чем в районах поливного земледелия. В позднее же средневековье крепостнические отношения в горных районах насаждались и закреплялись введением специального института (в Бухарском ханстве, например, институт «бына» в горных районах Каратегина и др., где крестьянин—«бына» был фактическим крепостным феодала, «танхохура»)[2].

У кочевых народов феодализм имел некоторые своеобразные черты, и, в частности, сохранение больших пережитков патриархальщины («феодально-патриархальные отношения»).

Другой существенной особенностью среднеазиатского феодализма было постоянное столкновение двух разновидностей феодализма: кочевой и оседлой.

Феодальная иерархия кочевых племен строилась на том, что верховный правитель (хан) передавал под главенство членов своего рода (крупнейших военачальников) племена с их вооруженной силой, состоящей из племенного ополчения, с их людским составом разной степени зависимости от главы племени, а также с их территориальными уделами, землей, выпасами и скотом, собственность на которые составляла экономическую основу феодализма в кочевых районах. Естественно, что племени прежде всего отводился территориальный удел для пастбищ и водопоев. Но тут вступали в действие закономерности оседлого, «землевладельческого феодализма» (Ф. Энгельс)[3], издавна развивавшегося на территории новоявленного удела, феодализма, экономическую основу которого составляла собственность на землю и воду. Оседлый феодализм экономически был более прогрессивным и приспособлял к себе систему феодализма, сложившуюся у кочевых племен. Малоимущая часть кочевого племени постепенно оседала на землю, а классовая верхушка, включая и владетеля удела, становилась не только и не столько скотоводческой, сколько землевладельческой, по существу сливаясь со старой крупной землевладельческой знатью—как светской, так и духовной. Но это, усиливая экономически племенную верхушку, неизбежно влекло ее к тому; чтобы избавиться от зависимости верховному хану, к сепаратизму, к феодальной замкнутости и автаркии. Подобное явление повторя-

[1] К. Маркс, Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1952, стр. 185—186.

[2] Н. А. Кисляков, Очерки по истории Каратегина, Таджгиз, Сталинабад—Ленинград, 1941, А. Маджлисов, К вопросу о феодальных отношениях в Каратегинском бекстве накануне установления Советской власти, М., 1952.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 179, ср. также Архив Маркса и Энгельса, т. V, Хронологические выписки, стр. 104 и 113.

лось в Средней Азии непрерывно и при караханидах, и при сельджукидах, и при шейбанидах.

Наконец, необходимо отметить еще одну особенность феодализма, связанную с судьбами среднеазитского города. Крупные землевладельцы-феодалы Средней Азии, как известно, извлекали феодальную ренту преимущественно путем передачи земли в аренду мелким землевладельцам, непосредственным производителям, а сами проживали в городе, образуя по удачному выражению И. П. Петрушевского, «земско-городскую знать». Находясь в городе, эта эксплуататорская верхушка высасывала ренту из непосредственных производителей—крестьян, а в самом городе она опутывала феодальными поборами ремесленников. В городе она также завязывала узлы международной караванной торговли. Деятельность землевладельца-феодала и купца-ростовщика теснейшим образом переплеталась, и феодальная иерархия, феодальные формы, эксплуатации, основанные прежде всего на владении землей и водой, опутывали всю жизнь среднеазиатского города.

В этом состоит одна из причин последующего экономического отставания среднеазиатских городов, несмотря на их раннее развитие.

Важнейшей же причиной последующего отставания была грандиозная катастрофа, обрушившаяся на народы Средней Азии,—нашествие орд Чингиз-хана, приведшая к огромному уничтожению производительных сил и главной из них—человека.

В этой связи представляется особенно необходимым указать на роль народных масс в борьбе с монгольским игом, роль народа в сохранении, несмотря на чингизовский вандализм, материальных и культурных ценностей, созданных веками.

Мы должны также подчеркнуть значение Куликовской битвы не только для освобождения русского народа, но и ее значение как битвы, способствовавшей освобождению от тягостного монгольского ига и народов Средней Азии.

Начиная с XV—XVI вв. феодализм в Средней Азии вступил в полосу упадка.

И здесь мы имеем дело с общей исторической закономерностью, о которой писал Ф. Энгельс: «В XV столетии во всей Западной Европе феодализм находится... в полном упадке»[1].

Следует высказаться при этом против упрощенческих представлений, будто бы капитализм возникает сразу, вслед за начавшимся упадком феодализма. Ф. Энгельс говорит, что в XV—XVI вв. в с я Западная Европа находилась в состоянии полного упадка, капитализм же в ряде стран Европы стал складываться не немедленно, а в XVII, а в XVIII в. (хотя, повторяю, характеристика упадка относится ко в с е й Западной Европе).

Проявления упадка различны, но главное—это его классовая сущность. Ф. Энгельс говорит об эом чрезвычайно просто и ясно, вскрывая, в чем состоит классовая суть этого упадка. В обществе позднего средневековья феодальное дворянство в экономическом отношении начало становиться излишним, даже прямой помехой для развития[2]. И в политическом, и в военном отношениях феодальное дворянство также стало излишним, лишь помехой общественного развития.

Таким образом, упадок феодализма характеризуется у Ф. Энгельса прежде всего изменением роли того класса, который «командует производством», и который при переходе от рабства к феодализму исторически был прогрессивным, упадком значения феодалов и превращения их в

[1] Ф. Энгельс, О разложении феодализма и развитии буржуазии, Соч., в. XVI, ч. 1, стр. 442.
[2] Там же, стр. 446.

прямую помеху общественного развития. Наряду с этим растет роль городских элементов, носителей новых, прогрессивных производственных отношений, тех элементов, которые противопоставляют «власти земли»—«власть денег». Это свидетельствует о том, что в недрах старого общества происходит медленный и мучительный процесс, на поверхности мало заметный, процесс перерастания простого товарного хозяйства в капиталистическое. При этом капитализму промышленному предшествует длительный период более ранних форм капитализма, что так ярко показано в классическом труде В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Такова общеисторическая закономерность.

И в Средней Азии мы имеем упадок феодализма, т. е. качественное социально-экономическое изменение, а не просто статистически констатируемый упадок хозяйства и культуры.

В Средней Азии этот упадок, начавшись уже в XV в., особенно выявился в XVI—XVII вв. Это было выражением того объективного факта, что класс феодалов переставал играть свою относительно прогрессивную роль, которую он, несомненно, выполнял в первые века средневековья, когда феодализм пришел на смену рабовладельчеству. В наибольшей мере это проявилось в разрушительных междоусобицах, о которых столь красочно сказал петровский посол Флорио Беневини: «Все между собою генерально драки имеют». В конце XVII и начале XVIII вв. происходило особо интенсивное развитие товарно-денежных отношений. Именно в смутный период конца XVII—начала XVIII вв., как отмечал В. В. Бартольд, в Персии и Средней Азии впервые после монгольского нашествия стала чеканиться и вошла в регулярное обращение золотая монета.

Иногда встречаются возражения против термина «упадок феодализма»; предпочитают говорить о хозяйственном и культурном упадке. Представляется, что в основе таких возражений лежит некая «торопливость»; считают, что раз в XV в. упадок, то в XVI в.—уже должен быть развитый капитализм. Мы видели, однако, на примере Западной Европы, что это вовсе не так—в XV в. происходит упадок по всей Западной Европе, а капитализм установился во многих странах только в XVIII в. Не то ли же самое, по существу, и в Средней Азии? И здесь мы уже в XIX в. видим развитые элементы капитализма. Для истории двести—триста лет—это не такой уж большой отрезок времени. Ход часов истории напоминает не беспорядочно суматошное тиканье разладившихся ходиков, а мерный и величавый бой слаженных курантов, и поэтому такого рода претензии на почве «торопливости» мне кажутся не убедительными.

Итак, период XVI—XVIII вв.—это период упадка феодализма в Средней Азии.

Нашествие монгольских захватчиков, последующие бесконечные войны, межфеодальная рознь усугубили тяжесть этого упадка, они подрывали основу сельского хозяйства Средней Азии—ирригацию.

Археологические данные непререкаемо свидетельствуют об упадке строительной техники, архитектуры, качества ремесленной продукции[1]. Запустению подвергались города, и ослабевали экономические связи между отдельными областями.

Особо разрушительную роль играли бесконечные набеги и войны кочевых ханов и самоуправство поддерживавшей их военно-племенной знати.

Процесс воспроизводства неоднократно превращался поэтому в восстановление одних лишь разрушений, причиненных войнами. Крайне возросла эксплуатация непосредственных производителей, усилился хан-

[1] Статья С. П. Толстова, ВДИ, 1953, № 2.

ский произвол и выколачивание податей и поборов для заполнения основательно опустевшей казны.

Крайне медленно развивались производительные силы, и характер землевладения в основном оставался таким же, каким он был при тимуридах и даже в более ранний период.

«Наиболее распространенным видом пожалований в XVI в.,—писал П. П. Иванов,—явилось «танхо»—пожалованное тому или иному лицу право взимать в свою пользу ренту-налог, поступавшую ранее в казну государства. Юридически лицо, получившее такого рода условное пожалование, собственником земли не являлось, и власть его ограничивалась правом изъятия в свою пользу прибавочного продукта с крестьян, непосредственно обрабатывавших почву»[1].

Для общей характеристики состояния хозяйства показательно, что «выплавка руды и производство металла в Средней Азии даже в XIX в. находились на сравненно более низком уровне, чем, например, в X столетии»[2].

Торговый капитал в Средней Азии настолько тесно переплетался с феодальным землевладением, что не мог служить источником для развития промышленного капитала. «В руках одного и того же лица нередко сосредоточивалось, наряду с крупными земельными участками, также значительное количество торговых и ремесленных предприятий. Понятно поэтому, что при наличии такого рода условий класс феодалов не только играл доминирующую роль в местном землепользовании, но и оказывал большое влияние на ход торговли особенно внешней»[3].

Торговля уже была преимущественно внешней, и в роли крупных купцов выступали сами ханы и крупные феодалы. Среднеазиатские купцы, приезжавшие в Россию с товарами, являлись, как правило, комиссионерами этих крупных феодалов. Деньги, которыми они оперировали, они обычно получали от ханов и феодалов.[4] По ассортименту ввозимых товаров можно судить, что значительная часть их шла на удовлетворение потребностей феодальной верхушки: сибирская пушнина (соболи, лисицы и др.), моржовые клыки («рыбий зуб»), дорогая красная кожа, охотничьи птицы (соколы и кречеты). Внутренняя торговля развивалась медленно, и национальный внутренний рынок не создавался.

Для передовых стран Западной Европы XVI век, как известно, был именно началом вызревания капиталистических отношений в недрах феодального общества. «Мировая торговля и мировой рынок,—писал К. Маркс,—открывают в XVI столетии новую историю капитализма»[5].

---

[1] П. П. Иванов, О феодальных отношениях в Средней Азии, (Рукопись в архиве Института востоковедения АН СССР), стр. 75.

[2] П. П. Иванов Указ. рукопись, стр. 2.

[3] П. П. Иванов, Указ. рукопись, стр. 81. В другой статье П. П. Иванов правильно заключает: «... сложившиеся в Бухаре в конце XVI в. социально-экономические отношения, в частности, отсталые формы феодальных отношений, система торгового обмена были подчинены интересам местных феодалов и не содержали в себе того прогрессивного начала, в первую очередь, в сфере производства, без которого, как указывает Маркс, невозможен переход на более высокую ступень исторического развития. Корни застойности общественных отношений в Средней Азии заключались также в отсталой форме феодальной эксплуатации (издольщине) (см. К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 18), в господстве кочевой знати, в существовании пережиточных патриархального и рабовладельческого укладов. Подтверждением этой мысли может служить вся история Средней Азии в 16 и отчасти 18 веках» (П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., М—Л., 1954, стр. 34).

[4] П. П. Иванов, Архив хивинских ханов XIX в. стр. 232—233. П. О. Небольсин, Очерки торговли России в Средней Азии, СПб, 1856, стр. 4—5.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 163.

Все усиливавшаяся экспансия европейских держав на Востоке, их колониальная политика в тот период, особенно Англии, становилась во все возрастающей мере фактором, задерживавшим развитие стран Востока, ставших объектами экспансии. Это не могло не отразиться существенным образом также на государствах Средней Азии.

Своеобразие и особая тяжесть упадка феодализма в Средней Азии, усугублявшаяся набегами кочевых ханов, состояла в том, что в недрах феодализма почти не развивались новые, капиталистические отношения. Затянувшийся упадок феодализма не доходил до своего полного разложения, означающего вызревание новых, капиталистических отношений—вот в чем состояла важнейшая особенность этого упадка и его особая тягостность для трудящихся масс.

Для народов Средней Азии положение в этот период к тому же осложнялось происходившим процессом расчленения территории этих народов между различными ханствами.

В этих условиях единственной страной, чьи связи со Средней Азией имели особое благоприятное значение для ее хозяйственного и культурного развития, была Россия. Вот почему, начиная уже с XII в. Россия начинает играть все более цивилизующую роль для народов Средней Азии.

Напомним, что по известной характеристике В. И. Ленина с XVII в. начинается новый период истории России. В XVIII в. Россия, наряду с Францией, стала важнейшим центром материалистической мысли и революционного просветительства[1]. В XIX—XX вв. Россия стала авангардом международного революционного рабочего движения. Только в связи с этими фактами всемирно-исторического значения можно правильно оценить положение в Средней Азии в XVII—XVIII вв., где временно восторжествовали силы феодальной реакции и где во второй половине XIX в., после присоединения к России, стали нарастать революционные предпосылки.

Изучение истории позднего средневековья в Средней Азии и Казахстане вне связи с историей России—антинаучно и не может привести к правильным выводам, ибо такое изучение искажает действительную картину.

Весьма показательным фактом для XVIII и начала XIX вв. является тяга многих среднеазиатских племен и народностей особенно после джунгарских набегов к переходу в русское подданство. Известно, что в начале XVIII в. ханы казахских жузов изъявили желание перейти в подданство русского царя. Эта тяга не могла бы иметь место не будь серьезной экономической и политической почвы для ее возникновения.

Очень важно отметить состав товаров в XIXв., коренным образом отличающийся от состава товаров в XVI—XVII вв., когда торговля носила в значительной мере верхушечный характер. Я. В. Ханыков отмечал состав ввоза и вывоза: вывозились из Средней Азии хлопчатая бумага, сушеные фрукты, рис, шелк-сырец и крашеный шелк, кубовая краска, бязи крашеные и некрашеные, халаты шелковые, тюбетейки; ввозились ситец, коленкор, кисея, шелковые материи, сукна, парча; кожи, чугун и железо[2]. Таким образом, в середине XIX в. в Россию из Средней Азии ввозились полуфабрикаты и сырье, причем хлопковая пряжа составляла 25% всего импорта из Средней Азии. Вывоз из России в Среднюю Азию в этот период уже значительно превышал ввоз.

---

[1] В. Орлов, Русские просветители 1790—1800 гг., изд. 2-е, Госполитиздат, М., 1953.

[2] Н. В. Ханыков, Описание Бухарского ханства, СПб, 1843., стр. 160.

Россия по отношению к Средней Азии выступала уже совершенно явно как страна промышленная. Из России в Среднюю Азию шли готовые изделия и металл (15%). Почти весь металл, который ввозился в Среднюю Азию (медь в листах и «досках», железо, сталь, чугун), был русский[1].

Период времени с XVIII в., главным образом со второй половины его, и до второй половины XIX в. является одним из наиболее тяжелых в истории народов Средней Азии. С этим связан вопрос о «кризисе», о чем речь идет ниже.

У народов Средней Азии, как мы видели, общие вехи исторического развития, у них были и общие враги—местные эксплуататоры и иноземные захватчики. Именно общая борьба против этих врагов и создает базу для единой периодизации их истории и составляет вместе с тем исторические корни их дружбы.

На протяжении полутора тысяч лет изменялись иноземные враги народов Средней Азии, но оставался неизменным местный враг трудящихся масс, их класс-антагонист, класс феодалов.

К сожалению, мы недостаточно исследуем историю классовой борьбы в Средней Азии в эпоху феодализма. Одна из причин состоит в том, что нет еще достаточной ясности в определении экономической основы этой борьбы, характера феодальных отношений в Средней Азии.

На сессии много спорили о характере феодальных отношений у кочевников. Не менее острым должен быть спор о характере феодально-земельных отношений у оседлых народов.

Целесообразно поставить на обсуждение прежде всего некоторые стороны этого вопроса.

1. Когда сложился феодализм в Средней Азии? Каковы подтверждения принятого ныне положения о том, что к IX в. мы имеем в Средней Азии уже вполне сложившийся развитый феодализм?

2. Каков характер феодальной земельной собственности в Средней Азии? Верно ли широко распространенное мнение, будто феодальная собственность, в отличие от Запада, была здесь государственной?

3. Подтверждается ли фактами наличие крепостничества в Средней Азии с IX в., поскольку, как известно, по шариату крепостничество запрещено?

В докладе можно лишь коротко сформулировать некоторые предварительные соображения по этим вопросам.

Отвечая на первый вопрос, мне хочется отметить, что в подкрепление аргументации, развивавшейся уже в нашей исторической литературе, совершенно недостаточно до сих пор привлечена такая группа источников как законоведческие своды и комментарии. Плодотворную попытку в этом направлении лишь недавно предпринял молодой таджикский исследователь Ш. Азимов в своей кандидатской диссертации «Государство и право саманидов».

Обращает на себя внимание появление большого количества законоведов в Мавераннахре, Хорасане, Балхе именно в VIII—X вв. (ас-Суломи, умерший в 946 г. автор «Мухтасори кофи» Саффор Балхи и др.).

Самый факт разработки норм феодального права говорит о том, что имелись уже сложившиеся, развитые феодальные отношения, ибо не бывает в истории так, что раньше разрабатывается право, а потом складываются феодальные отношения.

[1] Интересные материалы по торговле Средней Азии с Россией см. у Е. В. Бунакова, К истории сношений России со среднеазиатскими ханствами, Советское востоковедение, т. II, Л., 1941, стр. 8.

Если мы обратимся к области гражданского и уголовного права, то найдем данные, явно доказывающие сложение феодальных отношений. В области гражданского права в разделе «Музориат» (земледелие) выделяются хераджные земли, земли «икта», «мулак» и вакфы.

В связи с вопросом об институте «икта» следует решительно возразить против проникшего в литературу мнения, будто «икта» сложилась лишь при караханидах[1]. На самом деле «икта» сложилась уже в IX—X вв.[2]

В области гражданского права мы имеем также специальный раздел, говорящий о водопользовании (шурб), о развитых феодальных нормах водопользования.

В области уголовного права мы имеем раздел, говорящий о мерах наказаний за преступления, основанных на феодальном принципе привилегий: высшей знати—выговор; феодалам (правители областей, начальники гарнизона)—позорящее наказание; купечеству и чиновникам—денежные наказания; основной массе подданных (ра'ят)—телесные наказания и казнь. Все эти нормы феодального права не могли бы сложиться и развиваться уже в VIII—IX вв., а особенно в IX и X вв., если бы в IX в. в Средней Азии не было сложившегося феодализма.

Говоря по второму вопросу, о феодальных формах земельной собственности, не стану заниматься здесь жонглированием всем известными цитатами из произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, на которые обычно ссылаются утверждающие, что в Средней Азии была лишь государственная собственность на землю. Любителям цитат следует лишь напомнить, что К. Маркс говорил о государстве на Востоке как о номинальном верховном владетеле земли и о том, что при феодализме все землевладение является в конечном счете частным.[3]

В книге К. М. Мирзаева «Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве» интересной, но во многом ошибочной, дается законченная формулировка теории «государственного феодализма». «Амляковая форма... состоит в том, что собственниками условий производства являются не отдельные феодалы, а мощное, централизованное в государственном масштабе объединение феодалов во главе с эмиром»[4].

И К. М. Мирзаеву и другим стоит вдуматься в эту формулировку о «мощном централизованном государстве», чтобы понять, насколько это не соответствует тому, что мы знаем о феодальной децентрализации в Средней Азии, о междоусобицах и т. п. Все это вытекает из абсолютизации положения о наличии государственной формы феодального землевладения на Востоке, в том числе и в Средней Азии.

На самом деле с начала сложения феодализма и до его уничтожения преобладающей формой феодального землевладения была частная земельная собственность крупных феодалов, как бы она ни прикрывалась шариатскими владениями.

При саманидах, говорят нам источники, крупные феодалы имели право на отчуждение своих родовых владений. Наршахи пишет о том, что «Эмир Исмаил Самани... купил это селение со всеми возделываемыми полями и угодиями... Он купил землю (Джуи Мулиян) у Хасана сына Мухаммеда Сарханга». Он пишет также о продаже Кушки Мугон, о том

[1] П. И. Ляшенко, История народного хозяйства СССР, т. 1, М., 1948, стр. 172.

[2] О формах «икта» и «ильджа» см. у разных авторов. Истахри, ВУА. 1, 158; Ал-Хорезми, Мафатих ул-улум, изд. Van Veoten, стр. 62—63. Ибн-ул-Балхи Фарснома, 1921, стр. 72.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. 1, стр. 316.

[4] К. Мирзаев, Амляковая форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве, изд. АН УзССР, Ташкент, 1954, стр. 23.

как вазир Хафис хотел приобрести земли, но наследники не продавали ему.[1]

Мы знаем в «монгольское время» (XIII—XIV вв.) многочисленные факты покупки и продажи земель. Архив джуйбарских шейхов, опубликованный стараниями ныне покойного Павла Петровича Иванова, показывает, что все категории феодального землевладения продавались и перепродавались в условное и фактическое владение[2]. Продавались не только «мулки», продавались не только, как они назывались в XVI в., «дарубасты», но и амляки, хераджные (т. е. казенные) земли. В документах, приведенных в известной книге А. А. Семенова[3], также имеются документы о продаже амляковых земель.

Таким образом, покупкой земли и путем захватов крупные феодалы—светские и особенно духовные—концентрировали у себя земли.

Крупнейшим феодалом был сам султан, хан; мерой его военной силы измерялась степень его владения номинально принадлежавшей ему всей земельной собственностью в его ханстве. Здесь, как это свойственно феодализму повсюду, господствовало кулачное право.

Нельзя смешивать юридическое положение шариата и фактическое положение. К. М. Мирзаев это хорошо понял и очень хорошо показал относительно формы «танхо». Он признает, что это настоящее крупное феодальное землевладение, но, к сожалению, К. М. Мирзаев не распространил данную истину на другие формы феодального землевладения. Специфическим для Средней Азии является наличие крупной феодальной земельной собственности, которая раздавалась в издольную аренду. Это верно, это соответствует действительности. Но утверждение, будто спецификой феодализма Средней Азии является преобладание государственного феодализма,—это вредная идеализация.

Наконец, очень коротко по третьему вопросу о крепостничестве. Мне кажется, что иногда некоторыми востоковедами смешивается понятие крепостного права как юридического института—с экономическим понятием крепостничества. На нынешней сессии очень хорошо рассказывалось о роли колодцев для кочевников; они связывали крестьянина, не давали ему возможности уходить от кочевого феодала, владельца колодцев. В оседлых районах владельцами источников воды были крупные феодалы. Давая возможность крестьянам поливать землю водой, они как бы «авансировали» крестьянина, и он становился их должником, о н н е м о г у й т и с з е м л и, о н б ы л п р и к р е п л е н к н е й. Об этом крепостничестве, не обязательно оформленном юридическими нормами, мы и говорим. Позже (при сельджуках, монголах) это прикрепление оформляется указами о насильственном возвращении беглых крестьян.

Говорят о запрете крепостничества шариатом. Но шариат запрещал крепостничество не только в IX в., но и в XIX в. Неужели кто-нибудь может отрицать, что крестьяне и в XIX в. были чем-то иным, кроме как крепостными крестьянами?

Когда у Наршахи говорится о продаже земли «со всеми возделываемыми полями»,—это значит, что земля продается вместе с населением, сидящим на ней. Это естественно. Как можно передать, продать большой участок земли без тех, кто эту землю обрабатывает? В документах XVI в. о продаже земли прямо выраженная формула «ма'а аҳоли» («с населением») встречается очень часто. И разве по существу не совпадает эта формула с формулировкой Наршахи, приведенной выше: «Эмир Исмаил Самани... купил это селение со всеми возделываемыми полями и угодиями»? Неужели Исмаил Самани купил только земли, без сидящих на них крестьян? Поэтому, повторяю, не следует смешивать юридических норм крепостничества с фактическим крепостничеством.

Но возражают: феодал ведь не мог продать отдельного крестьянина—какое же это крепостничество? Я спрашиваю: разве по шариату раба он мог убить? Нет. Но если он не мог убить раба,—значит по логике возражающих не было и рабства, но ведь известно, что оно было. Дело в том, что экономическое содержание затуманено внешней формой. Феодал вправе был передать своих крестьян коллективно. Он не мог продавать их в обмен на борзых, как это имело место в других странах, но он, продавая, отчуждая свои земли, отчуждал вместе с ними (по существу, продавал) своих крестьян коллективно, в форме несколько замаскированной. Что до шариата, то не случайно существовал термин «ҳилаи шарьи»—«шариатская уловка», прикрывавшая реальные экономические отношения. Шариат «запрещал» так же ростовщичество, но вряд ли кто станет на этом основании отрицать и распространение ростовщичества в Средней Азии.

Резюмирую первый вопрос (центральный).

Излагая основные положения о вехах периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана, я считал необходимым подчеркнуть их взаимосвязи и в рамках общеисторического процесса, старался назвать некоторые важнейшие события всемирно-исторического значения, которые должны быть, по моему мнению, освещены в книгах, посвященных истории отдельных народов Средней Азии. Не сомневаюсь, что у нас появятся и диссертации, и работы, которые будут говорить об этих взаимосвязях; у нас будут работы и о русско-туркменских отношениях, и о киргизо-китайских связях и т. п. Но мне думается, мы не можем откладывать освещение подобных вопросов до появления этих специальных работ. Уже в подготовляемой ныне книге по истории Казахстана, в новых изданиях по истории Таджикистана, Узбекистана, Туркмении и др. мы должны дать материалы, которые могут вскрыть исторические корни дружбы народов Средней Азии. Это имеет огромное научное значение, это вместе с тем укрепит чувства советского патриотизма и пролетарского интернационализма,—ради чего мы, историки, должны много поработать.

2. О РЕШАЮЩЕЙ РОЛИ НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Из этого большого вопроса я остановлюсь лишь на оценке роли народных движений н а з а р е ф е о д а л и з м а.

Прежде всего, можно установить повторяющуюся и в других странах Востока (Китай, Малайя) закономерность: после широкого народного движения в условиях раннего феодализма происходит образование сильного, относительно централизованного государства. Это и дало возможность товарищу Мао Цзе-дуну в одной из своих статей назвать крестьянские движения раннего феодализма в Китае—двигательной силой хозяйственного развития[1]. («В китайском феодальном обществе только эта классовая борьба крестьянства, только эти крестьянские восстания и войны и были истинными движущими силами исторического развития»). Ту же закономерность мы наблюдаем в Иране и в Средней Азии. После

[1] Н а р ш а х и, История Бухары, Ташкент, ст. 23, 38—39, 42 и др.
[2] П. П. И в а н о в, Хозяйство джуйбарских шейхов..., М.—Л., 1954, стр. 22 и др.
[3] А. А. С е м е н о в, Очерк поземельно-податного и налогового устройства Бухарского ханства, Ташкент, 1929.

[1] М а о Ц з е - д у н, Избранные произведения, т. 3, стр. 140 и сл.

восстания Маздака произошло укрепление централизованной державы сасанидов; после восстания Абруя в Бухаре—укрепление относительно централизованной власти в Согде; после восстания Муканны—создание державы саманидов.

Эти объективные последствия (а не приписываемые этим движениям цели) могут дать ключ к пониманию исторической роли народных движений на заре феодализма.

Известно, что к VI в. сложились материально-экономические предпосылки к утверждению феодализма, но автоматически переход от одной формации к другой не происходит. В классовом обществе,—учит Маркс,—развитие производительных сил движется вперед только классовым антагонизмом. Классовый антагонизм, нашедший свое выражение в восстаниях Маздака и Муканны, и был тем могучим ускорителем, тем фактором, который обеспечил прогрессивное развитие среднеазиатского общества — от рабовладельческого к феодальному.

Перед зарождавшимся феодализмом, как уже отмечалось, открывались две возможности: либо полное превращение родовых аристократов в феодалов, продолжающих эксплуатировать рабов и вместе с тем закабаляющих общинников, как своих крепостных полурабов; либо создание нового служилого сословия феодалов—крупных и средних землевладельцев, ленников и вассалов верховного собственника земли—царя, эксплуатирующих общинников преимущественно путем издольной аренды при сохранении мелкого крестьянского хозяйства.

Оба пути означали закабаление общинника, неизбежно влекли за собой в конце концов феодальную раздробленность, но второй путь был исторически более прогрессивным.

Словно на двух колеблющихся чашах исторических весов решалось, какая тенденция феодального развития победит. И вот тяжелая рука повстанцев, легшая на одну чашу весов, определила победу более прогрессивного пути развития. И произошло это потому, что этот путь о б ъ е к т и в н о более отвечал классовому интересу крестьянства, сохранению мелкого крестьянского хозяйства в условиях феодализма.

Состав участников восстаний столь неоднороден, в них было столько колебаний, отдельные выступления так часто использовались крупными аристократами в своих междоусобных конфликтах, религиозная оболочка многих выступлений была так причудлива, наконец, сообщения средневековых авторов обычно настолько разноречивы, что из-за всех этих деревьев иногда не увидишь леса—той равнодействующей, которая определяет характер этих движений. Тем более, что, как это часто бывает, плодами движений пользовались не повстанцы, а господствовавшие классы.

Однако, если отвлечься от случайных колебаний, нельзя не придти к выводу об огромной прогрессивной роли этих движений, поскольку они способствовали более прогрессивному развитию феодализма.

Кроме того, восстания играли тем более прогрессивную роль, что они воспитывали традиции борьбы против гнета, имеющие огромную роль в истории, они служили питательной почвой для народной мечты о царстве равенства и свободы. Правда, в своей исторически неизбежной ограниченности крестьянские массы иногда ложно видели это царство в прошлом, в мираже древней общины. Но ведь и эти «заблуждения» порождали великую энергию для борьбы за благо на земле, а не на небе.

Может ли быть сомнение в прогрессивности движения, громившего аристократов и хотя на короткое время дававшего возможность трудящимся людям выпрямиться во весь рост и испытать радость победы над поверженными угнетателями и деспотами.

Имели эти движения и свою идеологию, о которой мы можем только догадываться по памятникам письменной литературы.

Конечно, масса крестьян общинников—главная движущая сила восстаний—не отдавала себе отчета в двух возможных путях развития феодализма. Масса выступала против в с я к и х форм феодального закабаления. Повстанцы громили аристократов, рабовладельцев и крупных землевладельцев за то, что они были богаты и угнетали бедных, заставляли их жить в нужде, закрывали хлебные закрома в голодные годы. Ибн-ул-Балхи так и пишет, что Маздака поддержали массы бедняков, ибо на одного богатого приходилась тысяча бедняков. Конечно, они вовсе не заботились о победе прогрессивного пути феодализма, но их классовый интерес нашел свое преломление в лозунге «справедливого царя», зависимого от народа,—лозунге, означавшем ограничение феодального произвола и бо́льшую централизацию управления.

Эта мысль нашла свое отражение и у Фирдоуси в «Шахнамэ» в его идее о справедливом царе и у Ибн-Сино, который в «Китаб аш-шифа» говорит о том, что восстание против несправедливого правителя—законно, что правитель должен зависеть от народа. То было философское оформление этих идей и взглядов.

Мне кажется, что не только эти отдельные примеры, а все развитие передовой культуры в Средней Азии в X и XI вв. невозможно понять без оценки огромной исторической роли народных движений.

3. О ПРОГРЕССИВНОЙ РОЛИ, РОССИИ И ВАЖНЕЙШИХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

На эту тему написан ряд статей, в том числе и докладчиком в соавторстве с другими товарищами. Поэтому подробно останавливаться на данном вопросе не буду.

Прежде всего следует разобрать вопрос о к р и з и с е, разыгравшемся в Средней Азии. О так называемом «кризисе XVIII века» в Средней Азии уже не раз писалось в советской исторической литературе, но поразному освещались характерные черты и сущность кризиса.

Так, например, в проспекте по истории Туркмении говорится о длящемся веками (XVI—XVIII вв.) «кризисе феодализма». В «Истории народов Узбекистана» (том II) говорится по поводу кризиса следующее: «В XVIII веке Средняя Азия, раздираемая междоусобными войнами и феодальными мятежами, переживала тяжелый кризис, парализовавший всю ее хозяйственную и культурную жизнь». Далее указывается, что к моменту присоединения Средней Азии к России этот кризис был уже полностью преодолен[1].

Таким образом, по мнению авторов второго тома «Истории народов Узбекистана» этот кризис представлял собой относительно быстропроходящее явление, причем наибольшая острота его приходилась на первую половину XVIII в. Вместе с тем, в другом месте кризис изображается как явление длительное, как целый период.

В книге Б. Гафурова говорится точнее об экономическом и политическом кризисе в Средней Азии на рубеже XVIII и XIX вв. (перед присоединением к России).

Неверным представляется утверждение авторов второго тома «Истории народов Узбекистана» будто ко времени присоединения Средней Азии к России кризис был преодолен.

Правильнее говорить об обострении кризиса именно к середине XIX г., перед присоединением к России. В этом кризисе следует отметить две стороны: во-первых обострение всех прежних, охарактеризованных выше

[1] «История народов Узбекистана», т. II. Изд. АН УзССР, Ташкент, 1947, стр. 114.

черт хозяйственного упадка, и, во-вторых, усугубление этого положения начавшимся противоречием между происходившим, хотя и весьма медленно, но не прекращавшимся ростом производительных сил и сковывавшими этот рост закостенелыми феодальными отношениями.

Длившийся веками и десятилетиями, медленный, но не прекращавшийся рост производительных сил и товарно-денежного оборота требовал изменения в производственных отношениях, соответствующего этому росту и способствующего ему. Но именно этому и препятствовал застоявшийся общественный строй феодализма. Тормозящая роль феодализма, не допускавшего выделения и роста капиталистических элементов из простого товарного хозяйства, становилась поэтому в тот период особенно тягостной. Эта роль проявлялась в ряде моментов.

Во-первых, в усилении феодальной раздробленности и междоусобиц к середине XIX в.

Во-вторых, в усугублении феодального произвола и эксплуатации. Именно в первой половине XIX в. в Бухарском ханстве был особенно широко распространен институт «танхо», т. е. передача целых кишлаков феодальным служилым элементам для взимания ими в свою пользу налогов с населения этих кишлаков. В Хивинском ханстве происходил массовый захват крестьянских земель феодалами[1].

В-третьих, в усилении деспотического вторжения ханов в собственность городского населения, в конфискации имущества, во введении специальных, тягостных поборов (« аминона» в Бухаре и др.).

Вместе в тем в недрах феодального общества Средней Азии в XIX в. не были созданы еще ни материальные, ни социальные предпосылки для преодоления кризиса, для перехода к капиталистическим отношениям: не было мануфактуры и машин, не создавалось ни значительного наемного труда, ни буржуазии. Не было класса, который мог бы возглавить в этих условиях борьбу за переход к новым производственным отношениям.

Таким образом, исключительно тяжелое положение хозяйства и культуры и бедственное положение трудящихся масс к середине XIX в.—это выражение не только всей глубины упадка, продолжавшегося в Средней Азии на протяжении нескольких веков, это в м е с т е с т е м своеобразное выражение возникшего уже противоречия между выросшими, несмотря на все препоны, производительными силами и сковывавшими их производственными отношениями застойного феодализма, что приводило к п р я м о м у р а з р у ш е н и ю производительных сил.

Подобное проявление кризиса в форме прямого разрушения производительных сил в Средней Азии характерно именно для середины XIX в. Достаточно вспомнить разгул самоуправства при мангитах Насрулле-хане и Музаффаре-хане в Бухаре, Худояре-хане в Коканде, хивинских ханах, опустошительные походы мангитских ханов, которые губили основную производительную силу—людей и уничтожали хозяйство; истребление киргизов и казахов в Кокандском ханстве, уничтожение Мургабского оазиса, разрушение и обезлюдение в Ходженте, Ура-Тюбе и др. Сельское хозяйство подрывалось в своей основе, были истоптаны хлопковые поля, разрушалась ирригация. Накопленные средства, которые могли быть пущены в дело, на развитие производства, конфисковывались и передавались в ханскую казну, где лежали мертвым капиталом. Тысячами уничтожались люди. Не случайно ханы как никогда теряли опору почти среди всех социальных слоев населения и держались больше всего на терроре и военной силе.

[1] М. Ю. Ю л д а ш е в, Землевладение и государственное устройство феодальной Хивы XIX века в свете материалов архива хивинских ханов, Л., 1953.

Полное преодоление начавшегося кризиса феодализма в Средней Азии могло произойти лишь путем антифеодальной, буржуазной революции, но для нее к середине XIX в. еще не созрели силы внутри страны. Это и делало кризис столь невыносимо тяжелым. Поэтому многочисленные, но распыленные возмущения, отдельные крестьянские бунты не могли слиться в единую борьбу. Не было класса, который мог бы возглавить антифеодальную борьбу за переход к новым, прогрессивным в тех условиях капиталистическим отношениям.

Такова была обстановка в Средней Азии к моменту присоединения к России. Она усугублялась еще и тем, что в это время чрезвычайно усилилась английская экспансия в сторону Средней Азии. Средней Азии реально угрожала опасность стать колонией Великобритании, захолустным придатком к ее колониальным владениям в Индии. Такая оценка обстановки раскрывает все историческое значение присоединения Средней Азии к России.

Прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России сказались прежде всего в том, что, вопреки колониальной политике царизма, законы экономического развития привели к более интенсивному вызреванию элементов капитализма в недрах феодального общества Средней Азии. Включение в хозяйственную систему России содействовало, в конечном счете, ускорению развития капитализма.

При этом следует иметь в виду, что к сущности колониальной политики царизма и к оценке положения Средней Азии как колонии царизма, вполне приложимо определение характерных черт колониальной экономики и империалистической колониальной политики, содержащееся в тезисах шестого конгресса Коминтерна: «По существу империалистический колониальный режим представляет собою основанную не только на экономическом давлении, но и на внеэкономическом принуждении монополию буржуазии империалистической страны в соответствующей зависимой стране, и при том монополию, выражающуюся в двух основных функциях: с одной стороны, она служит целям беспощадной эксплуатации колоний (различные формы непосредственного косвенного взимания дани, сверхприбыль в связи со сбытом собственных промышленных товаров, с доставкой дешевого сырья для собственной промышленности, с использованием весьма дешевой рабочей силы и т. д.), с другой стороны, империалистическая монополия служит целям сохранения и развития условий собственного существования: функция порабощения колониальной массы»[1]. Эти обе функции—эксплуатация и порабощение—составляют существо колониальной политики царизма в Средней Азии. Однако вместе с тем российский капитализм, втягивая Среднюю Азию в сферу народного хозяйства России, не мог не насаждать одновременно капиталистических отношений, представлявших шаг вперед по сравнению с отсталым, феодальным строем, господствовавшим в Средней Азии.

Эту противоречивость хозяйственного развития в колониальный период неоднократно подчеркивали В. И. Ленин и И. В. Сталин.

Говоря об э к о н о м и ч е с к и х последствиях присоединения, можно подвести им итог знаменитой характеристикой, данной В. И. Лениным.

«Русский капитализм втягивал таким образом Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности—остаток старинной патриархальной замкнутости,—*создавал себе рынок* для своих фабрик... то же самое происходило и происходит и в Средней Азии»[2].

[1] Революционное движение в колониальных и полуколониальных странах. Тезисы. В кн. Коммунистический Интернационал в документах, Партиздат, М., 1933, стр. 832—872. Особенно раздел II—Характерные черты колониальной экономики и империалистической колониальной политики. (Подчеркнуто мной, *И. Б.*).

[2] В. И. Л е н и н, Соч., т. 3, стр. 521.

Особо нужно подчеркнуть, что, как и повсюду, развивавшийся капитализм готовил материальные предпосылки для ликвидации себя и феодализма и прежде всего он готовил своего могильщика—пролетариат.

В вопросе о прогрессивности присоединения Средней Азии необходимо особенно подчеркнуть некоторые моменты.

Мы не должны забывать, что колониальные народы учатся у нас не только опыту борьбы, но и тому, как мы освещаем этот опыт—уроки истории. Поэтому обобщение опыта истории в наших работах также служит уроком для прогрессивных деятелей колониальных стран. Малейшая ошибка с нашей стороны в этом отношении чревата серьезными политическими последствиями.

Говоря о развитии капитализма в Средней Азии после присоединения к России, что является совершенно правильным,—не нужно изображать это как простое привнесение капитализма извне. Несомненно, элементы, ростки капитализма здесь были и прежде. Несомненно, вместе, с тем, что присоединение Средней Азии к России содействовало их развитию. Достаточно отметить, что в 1913 г. уровень развития промышленности в Средней Азии измеряется тем, что промышленная продукция в ценностном выражении составляла 1/4 всей продукции, между тем, как в колониальной Индии она составляла всего 1/10 всей продукции[1]. Но, показывая эти быстрые темпы развития, мы не можем утверждать, что капитализм победил в Средней Азии: из-за колониального режима он не мог победить.

Наконец, самое главное,—аргументируя прогрессивное значение присоединения, мы должны указывать, что специфично в этом присоединении, что было в нем такого, чего не было ни одной другой колонии. Если мы будем аргументировать прогрессивность присоединения лишь развитием капитализма,—это будет неверно по существу. Это даст возможность говорить, что «присоединение» Индии к Англии также прогрессивно, потому что и там также имело место развитие капитализма. Нет, не в этом суть.

В присоединении Средней Азии к России были такие черты, которые отсутствуют в других случаях колониального проникновения. Эти черты—непосредственная встреча народов, тот факт, что трудящиеся люди не только друг с другом знакомились, но друг с другом работали и учились бороться, то обстоятельство, что **произошло слияние исторических судеб народов Средней Азии и русского народа.**

Народы Средней Азии, издавна тянувшиеся к России, встретились вплотную с двумя Россиями: Россией царя, помещиков и капиталистов и Россией великого русского народа. Последствия встречи с подлинной Россией Белинского и Чернышевского были очень велики и сыграли решающую роль в дальнейших судьбах народов Средней Азии.

От общения с русскими трудящимися людьми, работавшими бок-о-бок с местными трудящимися, узбеки, таджики, туркмены, казахи, киргизы и каракалпаки не только приобрели новые, более совершенные навыки труда, учились промышленному производству и воспринимали более высокую культуру сельского хозяйства. От русских людей пришла в Среднюю Азию идея революции и социализма. У русских людей местные трудящиеся учились бороться за свое социальное и национальное раскрепощение под руководством большевистской партии.

Таким образом произошло и второе последствие присоединения—**революционизирование трудящихся масс.**

[1] Эти сведения сообщены И. М. Рейснером.

Приложение к докладу И. Брагинского; „Периодизация истории народов Средней Азии в досоветскую эпоху".

Периодизация, принятая в книгах и проспектах, составленных в союзных республиках.

Узбекистан (У)	Таджикистан (Та)	Туркменистан (Ту)	Казахстан (Ки)	Киргизстан (Ки)	Сопоставления
1. Первобытно-общинный строй.	1. Первобытно-общинный строй.	1. Первобытно-общинный строй.	1. Первобытно-общинный строй.	1. Первобытно-общинный строй и его разложение.	У, Та, Ту, Ка, Ки — нет расхождений.
2. Переход от первобытно-общинного строя к рабовладельческому (VI—IV вв. до н. э.). („Архаический период, VI—IV вв. до н. э.). 3. Ранне-рабовладельческое общество (III—I вв. до н. э.). „Патриархально - рабовладельческий строй") 4. Развитое рабовладельческое общество (I—IV вв.).	2. Восточно-иранские племена в период разложения первобытно-общинного строя (начало первого тыс. до н. э.). 3. Эпоха развития рабовладельческих отношений (VII в. до н. э.—III в. н. э.).	2. Разложение первобытно-общинного строя и зарождение рабовладельческого строя. 3. Рабовладельческий строй (VI в. н. э. — III в. н. э.).	2. Начало разложения первобытно - общинного строя (2-я половина 1 тыс. до н. э.). Военно-племенная демократия; уклады—патриархально-родовой, рабовладельческий, феодально-патриархальный. 3. Сложение патриархально - феодальных отношений (нач. I т. н. э.).	2 Развитие рабовладельческих и патриархально - феодальных отношений (1 и 2 гл.) (1 т. до н. э.—VII в. н. э.). (2 гл. Тюркский каганат).	У. От разложения первобытно - общинного строя к рабовладельческому строю (с дробной периодизацией внутри него) VI—до н. э.—IV н. э.; „патриархально - рабовладельческий строй". Ту — то же. Та — от разложения первобытно - общинного строя к классовому о-ву и развитию рабовлад. отношений (ведущий уклад) (VII—IV до н. э., III до н. э.—III н. э.). Ка — то же и сложение патриарх.-феод. отношений (нач. I т. н. э.). Ки — то же; рабовлад. и патриархально-феодальные отношения.
5. Переход от рабовладельческого к феодальному строю (IV—X вв.). 6. Ранне - феодальное общество в Мавераннахре (XI—XII вв.). 7. „Монгольское иго" XIII в. 8. Рост и развитие феодализма в Мавераннахре (XIV—XV в.).	4. Период возникновения феодальных отношений (IV—VIII вв.). 5. Период развития и утверждения феодального строя (IX—XV вв.). („Монгольское иго и народные движения XIII в.").	4. Кризис рабовладельческого строя и возникновение феодальных отношений (III—VIII вв. н. э.). 5. Развитие феодальных отношений на территории Туркменистана (VIII—XI вв.). 6. Феодальное общество на территории Туркменистана (XI—XV вв.). („Монгольское иго XIII в.").	4. Сложение и развитие феодального строя (VI — XII в.). (Начало образования казахской народности XI—XII в.). 5. Период Монгольского господства (XIII—XIV в.). 6. Период феодальной раздробленности (XV—XVII вв.). (Завершение процесса образования казахского народа XV в.).	3. Патриархально-феодальный строй (3—5 гл.) (VIII—XIX вв.). (3 гл. Саманидское г-во). (4 гл. Монгольское иго). (5 гл. Кокандское ханство).	У — переход к феод. строю (IV—X в.) и феод. о-во (раннее XI—XII; рост и развитие XIV—XV). Ту — то же (кризис III в. и возникновение феод. до VIII в.) (Феод. о-во: развитие — VIII—XI; сложившееся XI — XV вв.). Та — возникновение (IV—VIII) развитие и утверждение (IX—XV). Ка — сложение и развитие (VI — XII); при монгольском иге (XIII—XIV; раздробленность XV—XVII в.). Ки — патриарх.-феодальн. строй (VIII—XIX).
9. Образование узбекского государства и завоевание узбеками Мавераннахра. Узбекские государства в XVI веке. 10. Углубление феодальной раздробленности в Узбекистане в XVII в. 11. Кризис XVIII в. и начало его преодоления. 12. Узбекские ханства в первой половине XIX века (экономический подъем).	6. Период упадка феодализма (XVI—XIX вв.). а) усиление феодальной раздробленности (XVII в.). б) политический и экономический кризис (конца XVIII — первой половины XIX вв.).	7. Эпоха кризиса феодального общества (XVI—XVIII вв.). („Туркменский народ в XVI в."). 8. Кризис феодального общества в XVIII в. и превращение стран Азии в колонии и полуколонии. 9. Туркменистан в первой половине XIX в (до присоединения к России).	7. Начало присоединения к России XVIII в. и его завершение к концу 1-й половины XIX в.		У. Углубление феод. раздробленности XVII, кризис XVIII, преодоление — 1-ая половина XIX. Ту — эпоха кризиса XVI — XVIII и кризис XVIII в. Та — упадок (XVI — XIX), усиление раздробленности (XVII) и кризис XIX в. (1-я полов.). Ка — начало присоединения к России XVIII в. Ки — патриархально-феодальный строй.
13. Присоединение Узбекистана к России. 14. Колониальный период и массовое национально - освободительное движение. 15. Революция 1905 г. 16. Годы столыпинской реакции (1907—1912). 17. Период 1-й мировой войны. 18. Период февральской революции.	7. Присоединение Средней Азии к России. 8. Борьба народа против царизма и бухарского эмира (2-я полов. XIX в.). 9. Накануне и в период революции 1905—1907 гг. 10. Период между двумя революциями (1903—1917). 11. Период февральской революции.	10. Присоединение Туркменистана к России. 11. Социально - экономические сдвиги после присоединения к России (1885—1904 гг.). 12. Период 1-й русск. революции 1905—1906 гг. 13. Период отступления революции 1906—1907 гг. 14. Период столыпинской реакции 1908—1912 гг. 15. Период нового подъема 1912—1914 гг. 16. Период 1-й мировой войны 1914—1917 гг. 17. Период февральской революции 1917 г.	8. Проникновение капиталистических отношений и разложение патриархально - феодальных отношений (2-я полов. XIX в.). Период империализма: 9. Период революции 1905—1907 гг. 10. Период столыпинской реакции 1908—1912 гг. 11. Годы подъема 1912—1914 гг. 12. Годы империалистической войны. 13. Период февральской революции.	4. После присоединения к России (XIX в.). (Промышленная стадия капитализма 6—7 гл.). (Империалистическая стадия капитализма 8—9 гл.).	У, Та, Ту, Ка, Ки — совпадают; присоединение к России; период пром. капитализма; период империализма революции 1905 г.; война и февральская революция. Различия: Та — между двумя революциями (1905 — 1917 гг.). Ту — период отступления (1906—1907 гг.). Ка — период проникновения капит. отнош. XIX в.; период подъема 1912—1914 гг.

Относительно культурного роста, возникновения просветительства много говорилось, писалось в диссертациях тт. И. Муминова, А. Богоутдинова и др. Но мы мало подчеркиваем другую сторону—появление большого числа отходников и местных рабочих, учившихся у русских рабочих революционной борьбе.

А. Н. Станишевский передал мне одну чрезвычайно интересную таблицу—пассажирские перевозки 1911 г. по станциям Коканд и другим. Что мы видим здесь в графе о III и IV классах? Огромное передвижение людей—596 тыс. в течение одного года со станции Коканд и других. Именно здесь проходила масса отходников. За один год продано свыше полумиллиона билетов. Это говорит об огромном движении местного населения, ликвидации патриархальщины, о движении масс отходников, искавших себе заработка. Об этих первых местных пролетариях—отходниках мы должны больше говорить, ибо в этом проявился один из больших прогрессивных результатов присоединения Средней Азии к России: оформление местного пролетариата, рост его классового самосознания.

Под влиянием русского пролетариата создались первые кадры местных пролетарских революционеров и руководителей крестьянского движения, сложились местные коммунистические партийные организации.

Таковы были последствия присоединения Средней Азии к России, вопреки и в противоположность намерениям и политике царизма.

Значит, не умаляя факта развития капитализма, мы должны говорить не столько о том, как стал развиваться капитализм, а о том, как создавались предпосылки для свержения капитализма, для ликвидации феодализма и капитализма с помощью рабочего класса России.

Возвращаясь к вопросу о периодизации, отмечу, что при изучении периода после присоединения Средней Азии к России следует рассматривать его в соответствии с общепринятой периодизацией СССР—делением на этапы промышленного капитализма и империализма.

Основное же в характеристике истории Средней Азии в империалистический период состоит в освещении нарастания революционных предпосылок в ней, нарастания той революционной ситуации, которая характерна для всей России начала XX века, и в выявлении роли русского пролетариата и большевистской партии в пробуждении и росте политического сознания местных масс трудящихся.

Таким образом, периодизация совпадает здесь в основном с общепринятой периодизацией истории народов СССР, что прямо вытекает из оценки исторического значения присоединения и вместе с тем еще раз подчеркивает его прогрессивную роль.

В заключение—несколько слов по одному вопросу: смеем ли мы периодизировать?

Не рано ли поставлен доклад? Конечно, есть основания для беспокойства, ибо многое еще неясно. И тем не менее мы обязаны писать обобщающие работы по истории, мы не можем оставаться на ступени простого собирательства, на ступени прагматической истории, наукообразно оформленной.

Мы обязаны сметь и потому, что нас много. К сожалению, мы работаем недостаточно координированно, в разных республиках и в разных областях.

И историки, и литературоведы, и археографы, и нумизматы, и этнографы, и археологи, и экономисты, и юристы, и философы—все вместе, коллективно мы, несомненно, сможем разработать и решить вопросы периодизации истории народов Средней Азии и облегчить тем самым марксистскую исследовательскую работу по созданию цельных курсов по истории народов Средней Азии и Казахстана.

Р. Н. НАБИЕВ

Член-корреспондент Академии Наук Узбекской ССР

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ НАРОДОВ УЗБЕКИСТАНА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РОССИИ

(Содоклад)

Советская наука, разоблачая разные извращения и фальсификации в освещении вопросов истории, сделала крупные шаги в разрешении многих узловых проблем, в том числе и проблемы периодизации истории Средней Азии и Казахстана. Однако проблема эта решена только в общих контурах. Основная работа еще впереди. Постановка данной проблемы требует максимального напряжения сил в деле изучения вопросов социально-экономических отношений древнего периода, средневековья и нового времени.

В результате работ советских археологов и историков доказано, что территория Узбекистана является одним из древнейших очагов человеческой культуры. Открытие за последние десятилетия таких пещерных стоянок первобытного человека на территории Узбекистана, как Тешик-Таш и Аман-Кутан и ряда других памятников, относящихся к периоду палеолита, нанесло новый сильнейший удар по человеконенавистнической расовой «теории» империалистов.

Известно, что после выхода в свет I и II томов «Истории народов Узбекистана» они подверглись серьезной критике. Одним из вопросов, подвергавшихся обсуждению, был вопрос о форме и степени развития в условиях Узбекистана рабовладельческого общества. Проведенные за последние десятилетия большие комплексные стационарные археологические работы на территории Средней Азии пролили яркий свет на многочисленные вопросы, касающиеся социально-экономических отношений древнего периода и раннего средневековья, заставили многих специалистов пересмотреть господствовавшие всего 15—20 лет тому назад неверные точки зрения и придти к выводу о существовании на территории Средней Азии рабовладельческого общества с некоторыми его специфическими местными особенностями. Обсуждение I тома «Истории народов Узбекистана» показало, вместе с тем, что это положение частично оспаривается некоторыми специалистами.

Известно, что еще до завоевания Средней Азии рабовладельческим ахеменидским Ираном в VI в. до н. э. имели место крупные перемены в социально-экономической жизни народов Средней Азии. Производительные силы в условиях Средней Азии уже тогда достигли значительного развития.

Период IX—VII вв. до н. э. характеризуется как время строительства великих ирригационных систем Средней Азии[1], размеры которых

[1] С. П. Толстов; Краткие сообщения НИМК; XXVIII; стр. 26.

превосходили средневековую ирригационную сеть[1]. В Средней Азии, в частности в Хорезме, имелись крупные, сложные сооружения. Все это свидетельствует о больших размерах обрабатываемой земли и значительном подъеме земледелия, основанного на искусственном орошении. Уже доказано, что значительно раньше завоевания Средней Азии ахеменидами имело место серьезное разделение труда в обществе. Наряду со скотоводством, рыболовством, ведущее место в оазисах занимало земледелие. Выращивались различные земледельческие культуры: пшеница, ячмень, просо, виноград, абрикосы, персики и др.

Рассказы Геродота о массагетах, производивших медные конские панцыри, золотые фалары и другие предметы вооружения и украшения, наличие раскрашенных яркими растительными красками шерстяных тканей, производство керамических изделий и другие факты безусловно свидетельствуют о значительном развитии ремесленного производства. Исследованиями установлено также добывание горных богатств—золота, меди, олова, свинца, драгоценных камней, жидкого горючего. Особое значение имела выплавка некоторых металлов, внедрение в этот период времени железа и т. д. Следует указать на известный факт разделения населения на касты, сообщаемый Авестой (упоминания о наличии жрецов; воинов, земледельцев и, наконец, в более поздней части Авесты—ремесленников).

Исторической науке хорошо известен факт установления торговых и культурных связей Средней Азии с соседними странами (Индией, Месопотамией и т. д.) еще в глубокой древности (до установления ахеменидского господства). Постепенно связи с внешним миром расширяются, что свидетельствует об известном накоплении богатств у части жителей; о появлении имущественного неравенства.

В VI—IV вв. до н. э. уже имело место денежное обращение, хотя и очень слабо развитое, находившееся, видимо, в зачаточном состоянии (единичные находки на Афрасиабе и в приамударьинской группе развалин старого Термеза золотых монет—дариков, широко распространенных в ахеменидском государстве). В последующий период—период греко-бактрийского царства—денежное обращение получает более широкий размах. Напомню некоторые высказывания Ф. Энгельса на этот счет. «Введение и распространение металлических денег в стране,—говорит Энгельс,—в которой до сих пор исключительно или преимущественно велось натуральное хозяйство, всегда соединено с более или менее быстрым преобразованием прежнего распределения, и именно в том смысле, что оно все более и более выражается в неравенстве между отдельными личностями и, следовательно, порождает и усиливает противоположность между богатыми и бедными»[2]. «Родовой строй абсолютно несовместим с денежным хозяйством»[3]. Там же, где возникает более или менее значительное неравенство в распределении продуктов между членами общины, это служит уже признаком начавшегося разложения последней[4].

Все сказанное, безусловно, говорит в пользу того мнения, что в обществе произошло уже значительное развитие производства; торговли и накопления богатства, являющегося необходимой базой для победы классового общества.

В ряде исследований уже неоднократно указывалось на образование в рассматриваемый период первых крупных государств в Средней Азии

[1] История народов Узбекистана, т. 1, стр. 44.
[2] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1936, стр. 105.
[3] Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 111.
[4] Энгельс, Анти-Дюринг, 1936, стр. 105.

и что эти государственные образования имели до завоевания ахеменидами Средней Азии. Следовательно, они возникали исключительно на местной основе, без внешних влияний.

Таким образом, уже имевшееся разделение труда, наличие пашенного земледелия, основанного на искусственном орошении, ремесла, добывания горных богатств и обработки металлов, в том числе внедрение железных орудий, наличие скотоводства и развитие обмена, появление в обращении металлических денег, сооружение мощных ирригационных систем, возникновение государственных образований, сложение свойственных для всего античного (по терминологии С. П. Толстова) периода форм техники, что особенно ярко наблюдается на примере строительной техники[1], свидетельствует о серьезном классовом расслоении в недрах строя военно-племенной демократии во второй четверти первого тысячелетия до нашей эры. Необходимо отметить, что в исторической литературе эта перемена в социально-экономической жизни народов часто ставится в зависимость от ахеменидского завоевания. Ошибки такого характера были допущены и в I томе «Истории народов Узбекистана». В действительности такая перемена началась, как мы видим, еще до завоевания ахеменидами Средней Азии. Конечно, двухсотлетняя зависимость Средней Азии от Ирана, где уже имело место господство рабовладельческого строя, не могла не оставить определенных следов в развитии среднеазиатских обществ. Но не следует преувеличивать внешних влияний.

Едва ли могут быть сомнения в том, что в некоторых отраслях развивающегося производства, особенно в крупных ирригационных сооружениях, использовался дешевый труд людей, лишенных средств производства, наряду с трудом огромной массы общинников.

Дальнейший период (по III в. н. э.) рассматривается ныне всеми специалистами как период наибольшего развития рабовладельческого общества.

Изучение земледельческих оазисов Хорезма, Бактрии, Согда и отчасти Ферганы показало, что в этот период происходит сильное развитие земледелия. Общеизвестно, что высокая земледельческая культура Средней Азии начинает оказывать огромное влияние на культуры соседних стран. Серьезные сдвиги начинаются в области ремесла. Качество продукции ремесленного производства Средней Азии достигает высокого уровня. Развивается товарообмен. Он происходит внутри страны, между земледельческим оазисом и кочевой периферией, но широкий размах получает и внешняя торговля.

Хозяйство Средней Азии было связано с великими караванными путями Дальнего Востока и Запада. Все это способствовало развитию городов. Города этого периода коренным образом отличались от городов феодальной эпохи своей социальной структурой и планировкой.

Максимальное развитие получает ирригация, что могло осуществиться только благодаря наличию крупных, достаточно мощных государств.

Характерные сдвиги в социально-экономических отношениях сопровождались развитием культуры и переменами в идеологии. Здесь нет необходимости останавливаться на общеизвестных фактах.

Следует отметить, что если для развития рабства в Греции и Риме требовались «именно высокое развитие искусства и ремесел и обширная торговля»[2], то развитие последних в Средней Азии также свидетельствует о господстве рабовладельческого общества.

[1] С. П. Толстов, Краткие сообщения, ИИМК, XXVIII, стр. 26.
[2] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1936, стр. 115.

В нашем распоряжении имеются еще и прямые сведения письменных источников относительно использования большого количества рабов в войсках парфянского государства (Помпей Торг)»[1].

Особое внимание обращает на себя то место сообщения Помпея Торга, где он говорит: «Кто богаче всех, тот своему царю поставляет на войну наибольшее число всадников», т. е. рабов[2]. Это свидетельствует о наличии богатых крупных рабовладельцев.

IV—V вв. н. э.—период разложения рабовладельческого общества, когда происходит сильнейший упадок в экономической жизни страны. В развитых до этого земледельческих оазисах ирригационные системы приходят в упадок. Прослеживается резкий упадок городов. Это установлено по Хорезму С. П. Толстовым, по среднему течению Аму-Дарьи М. Е. Массоном. Это явно видно и в Согде. Падает городское ремесло, что особенно заметно по качеству керамики. Ослабляются внешние связи и т. д. Центры хозяйственной жизни переносятся из городов в деревню. Явно приметны признаки натурализации хозяйства (см. у С. П. Толстова).

На исторической арене, наряду с рабами и свободными общинниками; впервые возникают новые социальные категории в лице «кедиверов»—полузависимых бывших общинников—и земельной аристократии, под названием «дихкан»—зарождающегося нового эксплуататорского класса феодалов.

Правда, хотя добытые археологические материалы неплохо характеризуют состояние производительных сил того периода и дают возможность сделать заключение о господстве рабовладельческого общества, однако эти материалы не дают достаточных сведений о характере классовой борьбы, что затрудняет (при отсутствии письменных источников) более четкую характеристику периода.

Другим, весьма существенным, но далеко не разрешенным вопросом, является вопрос о времени установления феодального способа производства. Как известно, в I томе «Истории народов Узбекистана» победа феодализма хронологически относится к XI в. и ставится в связь с распространением условного феодального землевладения («икта»). Период от V—VI вв. до XI в. рассматривается как период «переходный», «доф[еодальный]».

В VI—VII вв. намечаются серьезные сдвиги в социальных отношениях, обусловленные преодолением кризиса, некоторым подъемом экономики и культуры на новой основе. Если в период IV—VI вв. количество городов максимально сокращается, то начиная с VIII в. прослеживается подъем городской жизни. Меняются и типы сельских поселений. Вместо неукрепленных крестьянских большесемейных усадеб (состоящих каждая из большого двора, обнесенного невысокой кирпичной стеной) в деревне появляются воздвигнутые на искусственных возвышенностях, по преимуществу в головных частях оросительных систем, сильно укрепленные замки земельной аристократии и укрепленные же многочисленные мелкие крестьянские усадьбы.

Мне кажется, нет сомнения, что «дихканы» здесь выступают как зарождающийся класс феодалов. Захватывая общинные и государственные земли и превращая их в свою собственность, они распространяют свою власть на бывших общинников.

В письменных исторических источниках имеются прямые сведения о распространении собственности «дихкан» на землю и определенной зависимости от них большинства населения. Обратимся к одному из цен-

[1] Древние авторы о Средней Азии, стр. 117.
[2] Там же.

нейших источников, написанному в X в.—«История Бухары» Наршахи: «Великого дихкана называли бухархудатом, потому что он был из потомков старых дихкан; большинство земель принадлежало ему, большинство этого народа (участвующего в восстании Абруя,—*Р. Н.*) являлось его кедиверами и слугами». Или же вспомним сведения того же Наршахи относительно обращения двух дихкан к хорасанскому наместнику в связи с лишением их земельной собственности. Захват общинных земель, эксплуатация огромного количества полузависимых людей безусловно давали «дихканам» больше дохода чем труд раба, который был не заинтересован и совершенно неинициативен в труде.

Первые этапы развития феодализма знаменуются значительным развитием интенсивности труда. По археологическим данным установлено, что развитие земледелия в эпоху возникновения феодальных отношений в условиях Средней Азии характеризуется внедрением искусственного удобрения, переходом от ручной зернотерки к ручной мельнице, изобретением водоподъемных сооружений, углублением античных каналов (например в Хорезме) и т. д.[1]

Таким образом, накануне арабского завоевания почти по всей земледельческой полосе в качестве земельных собственников выступают «дихканс» захватывавшие оросительные системы с плодородными землями и находившимися на них крестьянскими усадьбами; в их распоряжении были полузависимые крестьяне (кедиверы). «Дихкане» имели личную гвардию («чакиров»), составлявшуюся в основном из рабов.

К сожалению, мы не располагаем в настоящее время материалами, характеризующими формы земельной ренты в этот ранний период феодализма.

Конечно, если бы формы докапиталистической земельной ренты были достаточно изучены, мы могли бы взять последнюю, наряду с феодальной собственностью на землю, в основу периодизации феодального способа производства. Это позволило бы ярче охарактеризовать основные этапы развития феодального общества, ибо на основании форм ренты, естественно; легче определить степень развития труда непосредственного производителя и общества в целом. Маркс, говоря о ренте продуктами, пишет: «Рента продуктами предполагает более высокий культурный уровень непосредственного производителя (в отношении отработочной ренты — *Р. Н.*), следовательно, более высокую ступень развития его труда и общества вообще[2].

Известно, что в условиях Средней Азии очень трудно определить последовательность форм земельной ренты. Материалы Средней Азии убедительно показывают правильность указания Маркса о том, что формы ренты могут сочетаться, фальсифицироваться и сливаться[3].

В силу этого в основу внутренней периодизации истории Узбекистана в эпоху феодализма необходимо положить формы земельной собственности. Разумеется, положив в основу внутренней периодизации эпохи феодализма феодальную собственность на землю, необходимо полностью учитывать активную роль надстроек, значение и развитие классовой борьбы.

Захват общинных земель, превращение свободных общинников в полузависимых людей, нахождение последних под ярмом дихканства вызывали серьезные протесты эксплуатируемых против усиливающегося феодального гнета. В стране вспыхивают серьезные народные восстания,

[1] Я. Г. Гулямов, Доклад на научной конференции, посвященной обсуждению I тома «Истории народов Узбекистана (рукопись).

[2] К. Маркс, Капитал. т. III стр. 807.

[3] К. Маркс, Капитал т. III, стр. 809..

посящие антифеодальный характер. Так, например, антифеодальный характер носили маздакилское движение в Иране, происходившее на рубеже V—VI вв., и движение Абруя в Средней Азии, подавленное тюркским каганом в 586 году.

Арабское завоевание не внесло ничего нового в социальную структуру общества в Средней Азии в смысле продвижения его вперед. Арабское завоевание, явившееся одним из трагических событий в жизни народов Средней Азии, вызвало разрушение производительных сил и задержало внутреннее экономическое развитие страны. В связи с арабским завоеванием процесс феодализации не усиливается, т. е. феодализм не переходит в более развитую свою форму. Арабское завоевание и установление господства халифата не только законсервировало раннюю форму феодальных отношений, но и усилило рабовладельческий уклад.

Арабское феодальное теократическое государство и иноземные феодалы, превращая покоренные земли в свою собственность, наряду с местными феодалами взимали прибавочный продукт в виде земельного налога. Здесь рента и налог совпадают.

Закабаляемые крестьяне и ремесленники, а также значительное количество рабов с новой и новой силой восставали против иноземных завоевателей и местной феодальной знати (дихканства), нашедшей общий язык с пришлой арабской знатью.

Вся история VIII—IX вв. наполнена мощными антифеодальными, антиарабскими движениями как в Иране и Азербайджане, так и в Средней Азии. Прогрессивность этих движений правильно отмечена в докладе И. С. Брагинского.

Таким образом, период с VI до IX в. должен быть охарактеризован как период раннего феодализма, период господства дихканской феодальной собственности.

В этот большой промежуток времени идет процесс феодализации, вызванный ростом производительных сил и развитием производственных отношений. Происходит ожесточенная борьба между классами эксплуатируемого крестьянства и рабов, с одной стороны, и усиливающимися феодалами—с другой.

Дальнейший период в истории Узбекистана с IX по XV в. может быть охарактеризован как период развитого феодального способа производства. Этот период характеризуется образованием централизованного государства, усилением государственной формы феодальной собственности на землю (при саманидах) и далее, господством таких форм условного землевладения, как «икта» (XI—XIV вв.), «суюргаль» (конец XIV—XV вв.).

При характеристике состояния производства этого периода необходимо особо отметить период монгольского завоевания, подчеркнув его отрицательные последствия, особенно для земледелия в условиях искусственного орошения.

Период XI—XV вв. достаточно освещен и в отношении его периодизации в трудах ряда специалистов, прежде всего, в трудах проф. А. Ю. Якубовского, и поэтому нет необходимости останавливаться на нем.

Период же с начала XVI в. до присоединения Средней Азии к России в исторической литературе, как известно, характеризуется как период «упадка феодализма». Почти везде и всегда упадок в хозяйственно-культурной жизни связывается исключительно с завоеванием кочевниками земледельческих оазисов Средней Азии и рассматривается как его последствие

Конечно, наблюдаемое в этот период состояние производства как в сельском хозяйстве, так и в ремесле, так же как и состояние культуры—

говорят о том, что они не могут быть поставлены на один уровень с более развитыми предыдущими этапами феодализма. Это верно. Но не верно связывать упадок в хозяйственной и культурной жизни исключительно только с завоеванием шейбанидов и не видеть его внутренних причин.

Для того чтобы дать правильную оценку социально-экономическим событиям XVI в. и более позднего времени, мы должны ясно представить себе положение экономической и культурной жизни страны накануне шейбанидского завоевания. Многие историки, увлекающиеся культурой тимуридского периода (кстати сказать, основанной главным образом не на развитии производительных сил страны, а на грабеже), не видят картины свирепой реакции, имевшей место во второй половине XV в. в Мавераннахре, в Фергане и Ташкентской области, т. е. на территории Узбекистана.

Можно привести ряд фактов, подтверждающих тяжелое экономическое состояние Мавераннахра и соседних областей. Акад. В. В. Бартольд пишет: «Известия об экономическом состоянии Туркестана (во второй половине XV века—*Р. Н.*) свидетельствуют о значительном упадке по сравнению с домонгольским периодом; так, о Фергане (имеется в виду Ферганская долина—*Р. Н.*) говорится, что «при хорошем управлении» доходы с нее были достаточны только для содержания отряда из 3000—4000 человек; не упоминается ни о металлической промышленности, ни о добывании каменного угля»[1].

Что происходило в стране во второй половине XV в.? В экономической и политической жизни господствующее положение занимали, с одной стороны, глава наиболее реакционного дервишского ордена—некшбанди, с другой, привилегированные тарханы, пользовавшиеся полным иммунитетом. Они и были собственниками земли, воды и ремесленного производства. В стране не было единого государства, она была расчленена на мелкие владения, возглавляемые тимуридами, между которыми шла междоусобная борьба.

В силу вышеуказанного объем государственных земель сократился до минимума, доходы мелких государств были ничтожными. Эти государства, вернее мелкие владения, не были заинтересованы, да и не были в состоянии выполнять основную общественную функцию по надзору и содержанию оросительных систем, что безусловно отрицательно отражалось на состоянии орошаемого земледелия и продуктивности сельского хозяйства.

Культурные достижения предшествующих эпох, огромные достижения Самарканда при Улугбеке были уничтожены главарями реакционного дервишизма. Имела место религиозная резня. В стране не было малейшей возможности для развития свободной творческой мысли.

При таком положении нельзя согласиться с тем, что в исторической литературе упадок в хозяйственной и культурной жизни объясняется, как говорилось выше, только завоеванием кочевников, и вся вина за такой упадок возлагается на последних.

Конфискация огромного земельного фонда в пользу новой династии и частичный переход земельных фондов и связанных с ними оросительных систем в руки узбекской кочевой аристократии, менее развитой в хозяйственном отношении и еще крепко сохранявшей традиции родоплеменных отношений, несомненно имели определенные отрицательные последствия в жизни страны, особенно в земледелии, что ясно видно на примере Хорезма.

[1] В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927; стр. 95.

При таком положении объем обрабатываемых земель и оросительной системы сокращается, ухудшается обработка земли, часть посевной земли превращается в пастбище и т. д.

Ясно и то, что процесс оседания кочевников и освоения ими высокой земледельческой культуры занимает много времени.

Таким образом, этот период феодализма отличается от предыдущих периодов некоторыми чертами, что прослеживается и в форме феодального землевладения и феодальной собственности на землю. Конечно, и здесь большая часть земли, как и прежде, находится в распоряжении ханств и считается государственной собственностью. Но, вместе с тем, для периода XVI—XIX вв. характерным является развитие новой условной формы землевладения. Известно, что формы условного землевладения занимали крупное место на протяжении почти всей истории феодализма. Феодальные правители с целью упрочения своей власти и максимального удовлетворения требований многочисленных служилых людей выделяли им из числа государственных земель участки, иногда достигавшие огромных размеров, например, целые области вместе с населенными пунктами и городами и с их населением. Этот институт пожалований на протяжении тысячелетия постепенно усиливается, изменяя свою форму и названия. Если эти пожалования в первоначальной форме, как известно, имели временный характер, то впоследствии они превратились в пожизненные и наследственные. Все более и более усиливалась эксплуатация крестьян, сидевших на этих землях. Хотя феодальные правители в передаче государственных земель служилым людям видели средство для укрепления государства и своей власти, однако, на деле этим актом они сами в значительной степени подрывали экономическую основу феодального государства и способствовали его раздроблению.

Изученные за последние годы документы показывают, что со второй половины XVI в. часть государственных земель различными путями переходит в собственность отдельных феодалов и усиливаются такие категории земель как «мульки-хурри-холис», т. е. земли свободные от государственных повинностей. Другим земельным собственником являлось попрежнему духовенство, имевшее огромные вакуфные владения. Мало того, в рассматриваемый период представители новой династии, нашедшие общий язык с духовенством и сумевшие превратить духовенство в опору новой власти, обогатили фонд вакуфных земель.

Крестьяне, обрабатывавшие эти земли, переходили вместе с землей в распоряжение новых собственников-феодалов. Усилением частной собственности было обусловлено и усиление зависимости, следовательно, и эксплуатация крестьян.

В рассматриваемый период, т. е. со второй половины XVI в. усиление частной феодальной собственности на землю в форме мульки-хурри-холис, усиление церковного землевладения, развитие новой формы условного землевладения—танхо, и наконец, сепаратистские стремления родоплеменных биев и их борьба против центральной власти, были основной причиной той раздробленности и междоусобной борьбы, которые почти беспрерывно наблюдались в рассматриваемом периоде. Конечно, были попытки со стороны некоторых правителей-ханов, в частности, Абдулла-хана к централизации государства, однако при господствующей форме землевладения, последствием которой являлась экономическая раздробленность, это не могло привести к положительным результатам.

Усиление раздробленности отрицательно отражалось на состоянии хозяйства и культуры страны. «Ни одна страна в мире,—писал И. В. Сталин,—не может рассчитывать на сохранение своей независимости,

на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и от княжеских неурядиц»[1].

Если во второй половине XVI в. намечаются кое-какие попытки централизации, то в дальнейшем, по мере роста экономической мощи феодалов, постепенно все значительнее становится феодальная раздробленность и междоусобная борьба, достигающие наибольшего обострения в середине XVIII в.

Мрачную картину в этот период представляют собой такие крупные древние города, как Бухара и Самарканд. «В Бухаре осталось два гузара (квартала) жителей, в Самарканде—ни одной живой души»,—пишет Гульшан-ал-Мулук.

Следует отметить, что если, с одной стороны, набеги ханов на земледельческие оазисы носили грабительский характер, то, с другой стороны, как правильно отмечает Б. Г. Гафуров, сближение скотоводов-кочевников с населением земледельческих оазисов содействовало развитию кустарных промыслов (обеспечивало сырьем и увеличивало спрос на продукцию ремесленного производства). Это привело к некоторому развитию кустарного производства, расширению обмена и развитию городов. Необходимо добавить к сказанному, что сближение кочевников-скотоводов с населением земледельческих оазисов не только усилило спрос на предметы кустарного производства, но и на продукцию земледелия, прежде всего, на хлеб. Это не могло не отразиться на состоянии земледелия. Проведенные в XVI—XVII вв. некоторые работы в области орошения стали возможными вследствие и усиления спроса на продукцию земледелия и усиления процесса оседания кочевников. Не малое значение в деле значительного хозяйственного развития среднеазиатских ханств имело установление тесной торговой связи во второй половине XVI в. с Московским (русским) государством и Сибирью.

Развитие ремесленного производства и городов во второй половине XVI и в XVII вв. сопровождалось развитием некоторых отраслей культуры: архитектуры, книжной миниатюры, каллиграфии, музыки, литературы и историографии. Причем это развитие не было точным повторением созданного в более ранние периоды, хотя общий уровень культуры оставался значительно более низким, чем уровень культуры предыдущего периода.

Мы отмечали выше тяжелое экономическое и политическое положение Узбекистана в середине XVIII в. Однако со второй половины XVIII в. замечается некоторое ослабление «кризиса». Хотя борьба между ханствами и внутри каждого ханства никогда до присоединения Средней Азии к России полностью не прекращалась, но некоторое относительное упрочение политической власти в ханствах и восстановление хозяйственной жизни имели место. Однако ни о каком «разложении» феодализма речь не может идти. Земледелие попрежнему занимает главное, ведущее место в обществе. Оно целиком и полностью покоится на натуральном хозяйстве. Развитие товарно-денежных отношений было еще слабым. Города были типично феодальными. Кустарное ремесло и торговля находились в руках тех же крупных земельных собственников. Феодальные формы эксплуатации продолжали господствовать.

Поэтому период XV—середины XIX вв. не может быть назван периодом упадка феодализма. Формулировка —«упадок феодализма» означает возникновение в недрах феодализма элементов нового капиталистического общества и тем самым разложение базиса феодального общества.

[1] См. в кн. «История Москвы», т. 1; М., 1952.

Вместе с общей закономерностью—зарождением, установлением, развитием и разложением—в рамках феодализма же бывали и часто повторялись периоды развития и периоды разрухи. Классики марксизма-ленинизма говорят о феодальном упадке в связи с начавшимся разложением феодализма. «В XV столетии во всей Западной Европе,—пишет Энгельс в специальной работе «О разложении феодализма и развитии буржуазии»,—феодализм находился, таким образом, в полном упадке; повсюду в феодальные области вклинивались города с антифеодальными интересами, с собственным правом и с вооруженным бюргерством»[1]. Таково высказывание Энгельса по данному вопросу; И. С. Брагинский же предпочел воспроизвести лишь начальную часть этого высказывания, что неполностью передает мысль Энгельса.

Мне кажется, нет основания полагать, что в условиях Средней Азии до присоединения ее к России имело место такое положение.

Серьезное изменение в социально-экономическом отношении происходит только после присоединения Средней Азии к России, имевшего огромное объективно-прогрессивное значение в дальнейшей судьбе народов Средней Азии, в том числе и узбекского народа. Эта истина после долгих заблуждений многих историков и националистических измышлений врагов народа прочно установилась теперь в нашей исторической литературе. В социально-экономическом отношении прогрессивность присоединения заключалась (вопреки политике царского правительства, направленной на сохранение феодальных отношений), главным образом в разложении длительно существовавшего в условиях Узбекистана феодального способа производства и возникновении и развитии капиталистических отношений.

В связи с подготовкой к переизданию II тома «Истории народов Узбекистана» велась значительная работа, и нашими историками многие вопросы уже обсуждены; опубликован ряд статей и проспект II тома «Истории народов Узбекистана». Поэтому нет необходимости повторяться.

Марксистская разработка периодизации истории Узбекистана, разумеется, не может быть осуществлена без учета специфических особенностей страны.

Изучение конкретных материалов показывает, что на протяжении всего феодального периода основная часть земли и вся система искусственного орошения находились в собственности господствующего класса феодалов. Главным собственником земли являлся государь. Государство взимало весь прибавочный продукт с зависимого крестьянина в виде налога, посредством сильного государственного аппарата и чиновнической иерархии. В силу этого частная собственность на землю не получила особенно широкого развития; на протяжении почти тысячелетней истории преобладали условные формы землевладения, что почти всегда подрывало экономическую основу центрального государства и препятствовало образованию централизованного государства.

Следует отметить особую роль политической надстройки государства в условиях искусственного орошения, являющегося основой восточного земледелия (К. Маркс), ибо известно, что государство на Востоке имело, кроме ведомства по ограблению своего народа и ведомства по ограблению других народов, еще ведомство публичных работ[2]. Общая экономическая функция азиатских государств неоднократно отмечалась классиками марксизма-ленинизма. Поэтому при характеристике этапов

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, стр. 442.
К. Маркс Избранные произведения, т. 2, 1935.

развития классовых обществ необходимо всесторонне учитывать и надстроечные факторы, особенно роль государства.

Далее, необходимо учесть, что хотя в условиях Средней Азии все формы ренты имели место, однако последовательное развитие этих форм не наблюдается. Например, первая самая простая форма отработочной ренты, т. е. работа крестьянина для феодала осуществлялась на протяжении всего господства феодального способа производства не только в хозяйстве феодала, а выполнялась в виде «общественных поручений» на строительствах и очистке каналов, при строительстве дорог, мостов, на строительстве церковных и культурных учреждений и т. д. В основном до присоединения Средней Азии к России рента взималась продуктами. Определение размеров налогов в деньгах как в VIII—X вв., так и накануне присоединения Средней Азии к России не должно вводить в заблуждение исследователя, особенно в отношении ранних этапов феодализма, ибо там, безусловно, имеется в виду лишь пересчет в денежной форме натуральных поставок.

Почти во всей истории феодализма издольная аренда играла большую роль. Правильно отметил А. Ю. Якубовский, что «именно в издольной аренде особенно характерной для стран с искусственным орошением, гнездится своеобразная форма феодальной эксплуатации крестьянства на Ближнем Востоке»[2].

Одной из существенных особенностей общественного развития Средней Азии несомненно является взаимоотношение земледельческих оазисов с кочевой степью. Эта длительная связь между ними в мирной обстановке характеризовалась интенсивностью торгового обмена, что не могло не отражаться положительно на развитии производства как сельского, так и ремесленного. Но вместе с тем родоплеменная знать больше всего была заинтересована в легкой добыче и не раз совершала нападения на земледельческие оазисы, вследствие чего последние бывали разорены до предела. Подобные явления, конечно, не могли не отражаться на состоянии производительных сил страны. Отметим и наличие военных нападений со стороны земледельческих оазисов, так называемых (в буржуазной историографии) «культурных правителей»:

Нападения извне, совершавшиеся неоднократно до присоединения Средней Азии к России, феодальные междоусобицы и отсутствие единого централизованного в полном смысле слова государства являлись серьезным препятствием для нормального поступательного развития общества.

В заключение позволю себе предложить вниманию участников сессии примерную схему периодизации истории Узбекистана:

I. Первобытно-общинный строй и его разложение (конец этого периода—начало первого тысячелетия до н. э.).

II. Рабовладельческое общество.

1. Ранне-рабовладельческий период (VII—V вв. до н. э.).

2. Период наибольшего развития рабовладельческого общества (IV в. до н. э. по III в. н. э.).

3. Период разложения рабовладельческого общества и возникновения феодальных отношений (IV—V вв.).

III. Феодальный строй.

1. Ранне-феодальный период (V—IX вв.); господство дихканской феодальной собственности.

2. Период развитого феодального строя (IX-середина XV вв.):

а) образование феодального централизованного государства и усиление государственной формы феодальной собственности (конец IX—X вв.);

б) господство иктадарского (условного) феодального землевладения (XI—вторая половина XIV вв.);

в) господство суюргального (условного) землевладения и тарханской феодальной собственности (вторая половина XIV—XV вв.).

3. Период хозяйственного и культурного упадка (конец XV—середина XIX вв.); господство танходарского (условного) землевладения (XVII—середина XIX вв.). В этом периоде имеет место лишь некоторый упадок хозяйства (главным образом в земледелии) и культуре. В целом же это был период дальнейшего развития феодализма.

4. Период разложения феодализма и развития капиталистических отношений (конец XIX и начало XX вв.).

Необходимо отметить, что данная схема отчасти была рекомендована еще полтора года тому назад проф. А. Ю. Якубовским в его выступлении во время обсуждения 1 тома «Истории народов Узбекистана».

Конечно, мы прекрасно понимаем, что деление эпохи феодализма исключительно на основании феодальной собственности на землю, особенно при плохой изученности истории земледелия и орошения, во многих случаях не может характеризовать процесса развития производительных сил и производственных отношений. Поэтому, особенно при более детальном делении периодов, необходимо обратиться и к другим историческим факторам.

---

[1] «Коммунист», 1953, № 1, стр. 108.

А. К. КИБИРОВ

Кандидат исторических наук
(Киргизский филиал Академии Наук СССР)[1]

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ НАРОДОВ КИРГИЗИИ В ДОСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

(Содоклад)

Советским ученым, вооруженным марксистско-ленинской методологией, удалось решить ряд важных и сложных проблем по истории Киргизской ССР и воссоздать в основных чертах ее историю с глубокой древности до настоящего времени.

Однако работа по созданию «Истории Киргизской ССР» еще не завершена. Отдельные важнейшие проблемы, от правильного решения которых зависит освещение ряда других вопросов из истории Киргизии, до сих пор не получили удовлетворительного решения.

Периодизация истории Киргизской ССР до сих пор была построена на внешних признаках и поверхностных явлениях, не охватывающих глубоких исторических процессов, определяющих облик той или иной эпохи.

Уместно также заметить, что в большинстве опубликованных работ периодизация была дана без учета данных, относящихся к южной Киргизии.

При решении вопроса о периодизации истории Киргизской ССР нужно исходить из того, что производительные силы и производственные отношения развиваются здесь по тем же общим законам истории общества, которые были открыты марксизмом в результате распространения положений диалектического материализма на изучение социальных явлений. Никакого «особого» пути развития, принципиально отличного от исторического процесса на других территориях, народы Средней Азии, в том числе и Киргизии, не имеют.

В основу периодизации истории Киргизской ССР должно быть положено марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях. Известно, что каждая общественно-экономическая формация является новым, качественно-отличным от предшествовавшего типа производственных отношений периодом в развитии исторического процесса, имеющим характерные только для него объективные законы исторического процесса, экономическую и социальную структуру, материальную и духовную культуру.

Поэтому, создавая периодизацию истории Киргизии, надо прежде всего решить вопрос о хронологических рамках, о продолжительности на этой территории каждого из основных типов производственных отношений.

[1] Над подготовкой данного выступления работали кандидаты исторических наук А. К. Кибиров и Т. А. Нуров.

Исследуя вопрос о периодизации истории Киргизской ССР, нельзя, вместе с тем, не иметь в виду особенности исторических процессов на этой территории. Племена и народы Киргизии, бывшие длительное время весьма различными в этническом отношении, находились в тесной связи с обитателями областей Средней Азии, Казахстана и Китая. Вместе с последними они почти постоянно находились в составе различных политических объединений и государств, пережили различные стадии исторического развития и вели различный образ жизни.

Если, например, южная Киргизия тяготела к центрам древней цивилизации Средней Азии, то обитатели северных районов примыкали к кочевому миру казахских степей. Следовательно, изучая вопрос о периодизации истории Киргизии, исторический процесс здесь надо рассматривать в теснейшей связи с событиями, выходящими нередко далеко за пределы Киргизской ССР, ибо она находилась на стыке между оседло-земледельческим миром Средней Азии, Китая и кочевым миром Казахстана.

Советские историки доказали, что Средняя Азия является одним из древнейших очагов цивилизации и прохождение ее обитателями первобытно-общинного строя не вызывает сомнения. Территория современной Киргизии почти не отличается по своим естественно-географическим условиям от остальных областей Средней Азии.

В 1953 г. в Киргизии было найдено рубило, которое, по предварительному определению проф. А. П. Окладникова, является палеолитическим орудием.

В некоторых пещерах и на открытых местах Тянь-Шаньской, Иссык-Кульской и Фрунзенской областей найдены каменные отщепы, скребковидное орудие, архаическая керамика. Часть этих находок датируется временем неолита.

Последний этап первобытного общества, так называемый бронзовый век, период племенных союзов, представлен на территории Киргизии разнообразными памятниками.

Начиная с VIII—VII веков до н. э. становятся известными и конкретные носители культур—отдельные племена. К таким племенам, возможно, относятся находившиеся на последнем этапе развития родового строя ранние саки—кочевники севера и оседлые саки юга Киргизстана, которые хотя уже и знали железо, но продолжали пользоваться главным образом бронзой и медью. Таким образом, первым периодом в истории Киргизской ССР является период первобытно-общинного строя.

Второй период истории Киргизии связан с установлением на территории Средней Азии рабовладельческого строя. Указанное выше различие в образе жизни отдельных групп сакских племен, начавшееся, видимо, еще с первого крупного общественного разделения труда завершается в эту эпоху образованием на юге, в Ферганской долине, рабовладельческого государства—«Царства Давань», а на севере Киргизии—усуньского племенного союза.

Даваньцы вели оседлый образ жизни, занимались земледелием (рис, пшеница, люцерна) и виноградарством, требующим значительного числа рабов, и имели до 70 больших и малых городов. В 1 в. до н. э. Давань вошла в состав рабовладельческого государства великих кушан, распад которого в III в. до н. э. на мелкие области со своими правителями был в то же время и началом разложения рабовладельческой системы в Средней Азии в целом.

Развитие районов северной Киргизии в период усуньского союза племен шло несколько по-иному. Север Киргизии был краем почти безраздельного господства кочевого скотоводства. Только в конце этого периода начинается здесь возникновение оседлых поселений и очагов земледель-

ческой культуры. Не исключено проникновение в начале нашей эры в некоторые районы северной Киргизии согдийцев.

В усуньском племенном союзе наблюдается резкая имущественная дифференциация; выделялась племенная знать, наиболее богатые представители которой содержали от 4 до 5 тыс. голов одних только лошадей. Об этом свидетельствуют археологические данные: надмогильные курганные насыпи по размерам и погребальный инвентарь по количеству и ценности резко различаются.

Имелись в среде усуней рабы в основном за счет военнопленных, но как и у других кочевников этой эпохи дело не пошло дальше домашнего рабства.

Известно, что усуньский гуньмо Цилими запретил доступ народу к лучшим пастбищам, объявив их собственным достоянием.

Власть гуньмо была наследственной, причем по наследству передавались и земельные владения.

Однако усуньский племенной союз в целом все еще продолжает оставаться на стадии разложения родового и становления классового общества. Как и у всех кочевых племен, этот процесс затянулся на значительное время и конец его хронологически совпадает с крушением рабовладельческих и возникновением феодальных отношений на территории Средней Азии, в том числе и на юге Киргизии.

Социально-экономическому прогрессу племен северной Киргизии, в частности усуней, мешали и опустошительные нашествия и набеги кочевников из Центральной Азии, например, гуннов, жужан, стоявших приблизительно на том же уровне общественного развития.

Таким образом, второй большой период истории Киргизской ССР—Киргизия в период рабовладельческого строя в Средней Азии—охватывает промежуток времени с III в. до н. э. до V—VI в. н. э., с выделением этапов: Киргизстан в эпоху расцвета рабовладельческих отношений («Царство Давань»); усуньский племенной союз—III—I вв. до н. э.; государство великих кушан: гунны (I в. до н. э.—III в. н. э.) и эпоху разложения рабовладельческих отношений в Средней Азии (III—IV вв. н. э).

С образованием в середине VI в. тюркского каганата начинается третий большой период в истории Киргизской ССР—период феодального строя.

В период тюркского каганата, нарождающиеся элементы новых феодальных отношений среди племен северной Киргизии, особенно в ее Ферганской части, начинают играть значительную роль.

Во главе административно-военного объединения—каганата—стоял каган, окруженный своими приближенными—тегинами—из сыновей и других родственников. На местах же правили наместники кагана также из его сторонников—ябгу и другие. При кагане был совет знати, куда входили беки, тарханы, видные сторонники и родственники кагана .

Опорой кагана являлась военная дружина (из преданных ему родственников и приверженцев). Во главе племен стояли беки, им подчинялись тарханы — предводители более мелких родовых групп. Простой народ в целом назывался «карабудун» (в том числе обедневшие члены рода—«тат»). Это было зависимое от феодализирующейся знати население. Кроме них здесь имелись еще рабы, эксплуатация которых носила форму домашнего рабства.

К этому времени резко увеличился в Киргизии удельный вес оседлого земледельческого населения. Усиливается в этот период и переселение согдийцев в северное Притяньшанье, происходит проникновение фергацев в отдельные глубокогорные районы Тянь-Шаня. Наблюдается увеличение численности населенных пунктов, появляются города, например, в Чуйской и Таласской долинах.

Феодальные отношения получают еще большее развитие в период господства в Киргизии тюргешей и карлуков: происходит дальнейшее развитие орошаемого земледелия, ремесла, торговли и увеличение числа городских центров, с чертами, характерными для феодального города. Каждый город стал представлять собою укрепленный пункт и, по существу, самостоятельную политическую единицу, самостоятельное феодальное владение, находившееся в ведении одного из наместников кагана. Вокруг городов возникали укрепленные усадьбы крупных землевладельцев и селения, жители которых находились обычно в зависимости от феодалов.

В это время письменные источники впервые на территории Киргизстана отмечают этническое имя «кыргыз», носители которого, появившиеся из более восточных районов, включились здесь, надо полагать, в народообразовательный процесс вместе с другими предками—компонентами киргизского народа.

Окончательное торжество феодального строя в Киргизстане может быть отнесено ко времени пребывания его в составе типично-феодального государства караханидов. Собственником-хозяином всех земель считался глава государства—«хан-ханов», который наделял землей с находящимися на ней городами и селениями своих наместников. Последние в свою очередь жаловали землей со всеми ее жителями своих подчиненных, главным образом, военную знать за несение службы.

Такая система пожалования землей носила название «икта». Феодал, получивший землю от илекхана, взимал различного рода налоги с населения этой территории. Часть собранных налогов иктадар должен был сдать в казну государству, а другую часть оставлять себе и на нее должен был содержать военную дружину, обязанную являться в распоряжение илекхана по его требованию. Прекращение несения государственной службы влекло за собой лишение прав иктадара. Илекханы пытались распространить институт икта и на кочевников.

Правда, пока мы не имеем данных о всех формах эксплуатации зависимого населения в эту эпоху. Однако нет сомнения, что описанные формы земельной собственности и система сбора налогов, установившие среди господствующих классов феодальную иерархию и поставившие непосредственных производителей в зависимое положение, развитие феодального типа городов и пр., говорит о торжестве на территории Киргизии в эту эпоху феодального строя.

Караханидское государство, ослабленное феодальными междоусобицами, пало под ударами каракитаев (киданей). Глава каракитайского государства—гурхан обложил местное население тяжелой подворной податью. Однако его мероприятия не изменили сложившихся здесь до киданей феодальных производственных отношений.

К VI в. исчезает, таким образом, существовавшее весь период господства в Средней Азии рабовладельческого строя различие в социальных отношениях оседлых и кочевых обитателей Киргизии: обе эти группы—оседлые, прошедшие рабовладелческий строй, и кочевники, миновавшие эту ступень исторического процесса, как формацию, вступают к этому времени в полосу феодального развития. Наряду с древним очагом оседлой культуры в Фергане, к X—XI вв. городами и населенными пунктами покрываются почти все плодородные долины Киргизстана. Между кочевниками и оседлыми жителями велась оживленная торговля и существовали культурные связи. Наиболее передовыми из них в культурном отношении были оседлые жители. Высказанная К. Марксом мысль о том, что «у всех восточных народов можно, с тех пор как этот процесс происходит, установить общие взаимоотношения между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством

другой части»[1] может быть отнесена и к населению Киргизии рассматриваемой эпохи.

Особенности кочевого хозяйства, господство патриархально-родового быта задерживали развитие общественных отношений, и потому феодальные отношения у кочевой части обитателей Киргизстана складывались и развивались в форме патриархально-феодальных, а у оседлого населения, занятого поливным земледелием с развитой оросительной системой—в форме феодальных отношений. Уместно привести здесь слова К. Маркса: «один и тот же экономический базис ... может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»[2].

Таково было в общих чертах социальное лицо Киргизии к XIII в.—ко времени нашествия монголов. Последнее изменило облик этой территории, в частности резко изменилось соотношение между оседлыми жителями и кочевниками в пользу последних. Монголы уничтожили оседло-земледельческую культуру, оросительную сеть.

Города—культурные и торгово-ремесленные центры—и селения были разрушены, а их жители или перебиты или уведены в рабство. Население Киргизии, как и всюду, где только бывали монголы-завоеватели, значительно уменьшилось. В результате, цветущие долины Киргизстана с многочисленными городами и селениями превратились в пастбища, появились условия для кочевого образа жизни, требовавшего «обширные пространства земли для каждого отдельного индивидуума»[3].

С этого времени начинается в Киргизии почти безраздельное господство экстенсивного кочевого скотоводства, и поэтому феодальные отношения здесь и в дальнейшем развивались в форме патриархально-феодальных отношений.

Территория Киргизии в период послемонгольского господства становится ареной частых междоусобных войн, объектом грабительских набегов. В такой обстановке для территории Киргизии имя «кыргыз» появляется вновь после продолжительного перерыва в сочинении Мухаммеда Хайдара в связи с событиями, имевшими место между киргизами и моголистанскими правителями в 1503—1504 годах. Киргизские племена включались в проходивший здесь народообразовательный процесс, как один из компонентов, и их этническое имя стало именем киргизского народа.

Войны, набеги не прекращались. Они тяжело отражались на положении трудящихся киргизов и на развитии производительных сил края. Поэтому, когда в конце XVII в. калмыки начали завоевание этой территории, сложившийся к этому времени киргизский народ не смог устоять против захватчиков и отстоять свою землю. Только в начале второй половины XVIII в. (1758 г.) совместными усилиями казахов, киргизов и великого китайского народа калмыки были разгромлены, и Джунгария перестала существовать как государство.

Разгром Джунгарии не принес, однако, киргизам свободу и государственную самостоятельность: они оказались в руках господствовавшей в то время в Китае цинской маньчжурско-китайской военной феодальной знати.

С начала XIX в. начинается завоевание Киргизии кокандскими ханами. Это феодальное, отсталое ханство, организованное по принципам восточной деспотии, проводило в отношении киргизов, как и в отношении собственного своего народа, политику неограниченного открытого насилия. Чтобы облегчить и упрочить свое господство, кокандские ханы всячески разжигали среди киргизской феодальной знати междоусобные войны.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 488.
[2] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, М., 1951, стр. 804.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278.

Необходимо отметить, что вопросы развития общественно-экономических отношений в киргизском обществе в XVI—XVIII вв. нуждаются во всестороннем, глубоком изучении.

Однако несомненно, что господствующими отношениями в эти века были патриархально-феодальные.

Киргизский народ многократно вступал в борьбу с угнетателями и с завоевателями, что получило отражение, например, в киргизском эпосе «Манас», но эти выступления каждый раз жестоко подавлялись. Безуспешным было стремление киргизов создать свое государство. Киргизский народ, будучи не в состоянии собственными силами осуществить мечту о завоевании свободы и независимости, обращает свои взоры в сторону великого русского народа, справедливо надеясь приобрести в его лице надежного союзника и могущественного покровителя, способного пресечь разорительные междоусобные войны и опустошительные набеги. Уже в 1786 г. киргизы племени сарыбагыш отправляют посольство в Петербург с просьбой принять их в подданство России.

Однако владения России еще не граничили с Киргизией, и она не могла удовлетворить просьбу киргизов. Добровольное присоединение киргизов к России произошло позже, в начале второй половины XIX в. С этого времени киргизы навечно связали свою судьбу с судьбой русского народа.

Включение в состав Российской империи имело огромное значение для киргизского народа. Именно в этот период начинается разложение господствовавших в течение ряда веков патриархально-феодальных отношений и возникновение элементов передового в то время способа производства—элементов капитализма.

Этот исторический процесс в киргизском обществе происходит на базе дальнейшего развития производительных сил и перехода к высшим формам ведения хозяйства на основе оседлого образа жизни, земледелия.

Вопреки стремлениям царизма и националистических сил окраин разжечь национальную рознь и вражду между народами России в этот период между киргизским и великим русским народами устанавливаются постоянные экономические и культурные связи. Через русских людей киргизы ознакомились также с передовыми революционными идеями, теорией марксизма-ленинизма.

Присоединение к России вырвало киргизов из состава отсталого феодального кокандского ханства, спасло их от опасности превращения в рабов англо-американского империализма и избавило трудящихся киргизов от бесконечных разорительных междоусобных войн.

В этот же период события исключительной важности происходили и в центральной России, что не могло не отразиться на ходе исторического процесса в Киргизии. Россия, стоявшая перед буржуазно-демократической революцией, превратилась в центр мирового революционного движения, явилась родиной ленинизма и большевистской партии.

В силу указанных конкретных исторических условий, добровольное присоединение киргизов к России исторически полностью оправдалось и должно рассматриваться как важнейшее прогрессивное событие в истории киргизского народа. Именно благодаря этому историческому событию, киргизский народ намного раньше, чем, например, зарубежные восточные народы, до сих пор стонущие под гнетом англо-американских империалистов и собственных эксплуататоров, освободился от всех видов

угнетения, успешно перестроил свою экономику на социалистический лад и вместе со всеми народами нашей Родины вступил в полосу постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Разумеется при этом, что прогрессивное развитие Киргизии происходило до революции вопреки желанию царского правительства, в силу объективных законов исторического процесса. Царизм стремился законсервировать патриархально-феодальные отношения в киргизском обществе, превратить Киргизию в свою колонию, в рынок сбыта товаров, в источник сырья и дешевой рабочей силы. Антинародная колониальная политика царизма не могла не тормозить развитие производительных сил Киргизии. Разложение феодальных отношений и возникновение капиталистических отношений являлось мучительным для народа процессом. Этот процесс за время полувекового пребывания Киргизии в составе царской России так и не завершился вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Киргизия оставалась отсталой, не прошедшей капиталистической стадии исторического развития, колониальной окраиной России. Следовательно, и во время пребывания киргизов в составе России здесь господствовали феодальные отношения.

Таким образом, третий период в истории Киргизской ССР—период феодализма—охватывает большой промежуток времени с VI до начала XX в. Его этапы: ранне-феодальные отношения (VI—X вв.); завершение процесса сложения феодальных отношений (X—XIII вв.); господство патриархально-феодальных отношений (XIII—XIX вв.); присоединение к России, начало разложения патриархально-феодальных и возникновение капиталистических отношений (II половина XIX в., начало XX в.).

Г. Ф. ДАХШЛЕЙГЕР

Кандидат исторических наук

(Академия Наук Казахской ССР)

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

(Содоклад)

Трудность решения проблемы периодизации дореволюционной истории Казахстана заключается не только в ее недостаточной исследованности (особенно древнего периода), но что особенно важно—в известной специфичности самого исторического процесса. Вполне справедливы те критические замечания, которые были сделаны при обсуждении проблемы патриархально-феодальных отношений, о том, что до сих пор древняя история племен и народностей Казахстана изучалась без достаточной связи с историей Средней Азии. Мы надеемся, что деловая критика положений, которые выдвинуты в содокладе, положит начало разработке трудного и до сих пор мало исследованного вопроса о периодизации.

Попытки создать периодизацию истории Казахстана были сделаны при составлении первого издания «Истории Казахской ССР» в 1948 году. Они оказались неудачными. Следуя за буржуазно-националистической историографией, авторы свели всю дореволюционную историю Казахстана к двум периодам: «Народы Казахстана в период независимости», куда была включена история Казахстана с древнейших времен до завершения присоединения его к России (включая в период «независимости» и время монгольского ига), и «Казахстан—колония»—период развития Казахстана в системе пореформенной России доведенный до Великой Октябрьской социалистической революции. Эта порочная, националистическая периодизация соответствовала общему направлению книги.

Задача создания периодизации истории Казахстана не была разрешена и во втором издании «Истории Казахской ССР» (1949 год).

В процессе дальнейшей работы над «Историей Казахской ССР» составители наметили следующие пять основных этапов дореволюционной истории Казахстана:

1. Первобытно-общинный строй на территории Казахстана.
2. Сложение и развитие феодального строя на территории Казахстана.
3. Казахстан в период присоединения к России.
4. Развитие капиталистических отношений и разложение патриархально-феодальных отношений в Казахстане.
5. Казахстан в период империализма в России.

Археологические исследования в советское время, в особенности в послевоенные годы, позволяют, хотя только в общих чертах, восстановить историю первобытно-общинного строя на территории Казахстана. В соответствии с установившейся классификацией, этот огромный по длительности начальный период в развитии человеческого общества делится нами на три этапа—палеолит, неолит, бронзовый век.

Все археологические материалы говорят о медленном, но неуклонном совершенствовании орудий труда, о непрерывности развития человеческого общества на территории Казахстана. На основе добытого материала археологи датируют эпоху палеолита в Казахстане—80—12 тысячелетиями до н. э., эпоху неолита—12—3 тысячелетиями до н. э. Разумеется, эти даты еще весьма относительны, и дальнейшие археологические работы помогут их уточнить.

Наиболее яркой страницей в истории первобытно-общинного строя на территории Казахстана, представленной большим археологическим материалом, является эпоха бронзы. Ранняя бронза в Казахстане датируется 3000—1500 лет до нашей эры, поздняя—1500—800 лет до н. э.

В соответствии с развитием производительных сил, происходили изменения и в общественных отношениях. От первобытного стада человек перешел к родовому строю. В эпоху неолита завершается сложение материнского рода, начавшееся еще в позднем палеолите. В эпоху бронзы складывается патриархально-родовой строй.

Дальнейшее развитие производительных сил вело к разложению первобытно-общинного строя. Этот процесс уже вполне ясно обозначился на территории Казахстана во второй половине первого тысячелетия до н. э. Он был самым тесным образом связан с крупными изменениями в форме хозяйства, в особенности с переходом населения, жившего на территории Казахстана, к кочевому скотоводческому хозяйству. Переход к кочевому скотоводству и последовавшее за ним накопление излишков привело к возникновению частной семейной собственности, к возникновению имущественного неравенства. Родовая организация общества отживала свое время, возникали племенные союзы. Немалое значение имели и войны, в ходе которых вожди племен—военачальники захватывали, как правило, львиную долю добычи. Появляется и развивается патриархальное рабство.

Этот процесс разложения первобытно-общинного строя, сложения племенных союзов на основе военной демократии происходил у сакских племен в VII—IV вв. до н. э. Еще более четкое свое выражение он получил в племенных союзах усуней и кангюй в последних веках первого тысячелетия до н. э. Материалы раскопок в усуньских и кангюйских курганах уже ясно говорят о наличии богатой племенной верхушки—вождей и старейшин. Эти же материалы говорят о существовании многочисленного слоя рядовых общинников, а также рабов.

В качественно несколько иных условиях процесс разложения первобытно-общинного строя происходил в первой половине первого тысячелетия нашей эры. В это время через территорию Казахстана проходили на запад многочисленные племена и народности, что, несомненно, сказалось на экономическом и социальном развитии древних обитателей территории Казахстана. Значительно более быстрыми темпами, чем ранее, шло и сложение классового общества. Здесь можно уже говорить о существовании трех укладов: патриархально-родового, рабовладельческого и феодального. Ведущим укладом в это время постепенно становился феодальный; патриархально-родовой отживал свое время, рабовладельческий не развился. Разумеется, это не значит, что феодальный уклад в это время был преобладающим, но это значит, что он рос.

Первая половина первого тысячелетия нашей эры была тем периодом, когда у древнего населения Казахстана начинали складываться феодальные отношения в их ранней неразвитой форме. Соответственно с изменениями в производственных отношениях зарождаются и укрепляются элементы государственности, в частности, у усуней и кангюй. Население центрального, северного и восточного Казахстана значительно отстало в

своем общественно-экономическом развитии от юга и юго-востока и судя по имеющимся данным, находилось на стадии разложения патриархально-родового строя.

Начало новой социально-экономической формации—феодального строя—историки Казахстана связывают с VI в. н. э. Этот строй в процессе своего развития прошел ряд этапов, во многом отличных друг от друга, особенно после присоединения Казахстана к России, но господствовал у казахов вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Важнейшим этапом становления и развития феодального строя на территории Казахстана был период VI—XII вв. В эти века, наряду с дальнейшим развитием кочевого скотоводства, в ряде районов на территории Казахстана (на реках Чу, Талас, Или, Сыр-Дарья) происходило развитие земледелия и оседлости. В этих оседлых земледельческих районах рост феодальных отношений шел быстрее и сильнее, чем в кочевых скотоводческих районах, особенно в Центральном Восточном Казахстане, среди кимаков и кипчаков, где они только начали складываться. В этот период, как и позднее, история древнего населения Казахстана была тесно связана с историей Средней Азии. Оседлые земледельческие районы Средней Азии имели прочные экономические связи с кочевыми районами Казахстана, снабжали кочевое население предметами своего ремесленного производства, оказывали влияние на развитие экономики и культуры последних.

На основе развития производительных сил общества и общественного разделения труда возникло товарное производство. Особенно показателен для сложения феодальных отношений в это время быстрый рост городов.

Период VI—VII вв. характеризуется резким усилением имущественного неравенства, ясно выраженным неравноправным отношением к земле и к скоту. Складываются два основных класса феодального общества —класс феодалов и класс феодально-зависимого крестьянства. Источники говорят уже о наличии различных социальных категорий, одни из которых относятся к господствующему классу, другие—к угнетенному.

Политическая история Казахстана VI—XII вв. знает ряд государственных образований, таких, например, как западный тюркский каганат, каганаты тюргешей, карлуков, огузов, государство караханидов и каракитаев. Все это были, конечно; непрочные, лоскутные государственные образования, скорее конгломераты племен и народностей, временно объединенные военной силой, но сам факт их существования, несомненно, говорит о развитии феодальных отношений на территории Казахстана, о серьезных сдвигах в надстройке, по сравнению с предшествующей эпохой. Характерно для развития феодальных отношений в государстве караханидов, в частности, введение института «икта».

В связи с углублением классового деления общества растут классовые противоречия и классовая борьба.

Именно в связи с укреплением феодального строя господствующий класс внедряет среди трудящихся привнесенную в Среднюю Азию и Казахстан арабами религию феодального общества—ислам.

В истории укрепления и развития феодальных отношений на территории Казахстана необходимо выделить и период монгольского ига, охватывающий XIII—XIV и начало XV веков. Монгольское нашествие и монгольское иго имели реакционное значение. Монголы разрушили возникшие ранее города—ремесленные и торговые центры, уничтожили земледельческие оазисы и очаги оседлости, нарушили экономические и культурные связи населения Казахстана с соседними странами. Экстенсивное кочевое скотоводческое хозяйство распространилось и укрепилось на всей

территории Казахстана, которая была разделена между улусами монгольских царевичей. Росли права и привилегии феодальной верхушки и феодальные повинности у основной массы трудящегося крестьянства.

В возникших в ходе распада Золотой орды на территории Казахстана Белой орде, Моголистане, Ногайском и Узбекском ханствах феодальные отношения были еще более развиты, чем в предшествующих им государственных образованиях. Хотя, конечно, и эти государственные образования также были случайными и мало связанными конгломератами, распадавшимися или объединявшимися в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя.

Решающее значение для ликвидации монгольского ига в Казахстане имела героическая борьба русского народа против монголов.

Заслуживает выделения период, начавшийся со второй половины XV в. Он продолжается вплоть до конца XVII—начала XVIII вв.

В результате сложного и длительного процесса этногенеза, уходящего своими корнями в глубокую древность, в эпоху первобытно-общинного строя, в XV в. завершается сложение казахской народности. Во второй половине XV в. появляются первые казахские ханства.

В период XV—XVII вв. феодальные отношения в Казахстане получают свое дальнейшее развитие. Основное средство производства—земля, а также скот были сосредоточены в руках господствующего класса феодалов, росла зависимость основной массы казахского трудящегося населения от феодалов. Происходит во все увеличивающихся размерах узурпация пастбищ феодальной верхушкой, которая, пользуясь своим правом распоряжения кочевьями, закрепляла за собой в собственность лучшие зимовки и летовки. При этом феодалы широко использовали в своих классовых интересах патриархально-родовой быт, наличие родовых связей для эксплуатации рядовых кочевников-скотоводов. Разумеется, «род» уже давно не является кровно-родственным союзом эпохи первобытно-общинного строя.

Еще более четко, чем прежде, обозначились два основных класса казахского общества—класс феодалов, к которому принадлежали султаны, баи, бии, и класс феодально-зависимого казахского крестьянства—шаруа, который, однако, был имущественно неоднороден. К феодально-зависимым, в частности, относились «консы» и «джатаки», число которых увеличивалось. Наиболее бесправной группой населения были рабы—«кулы», состоявшие в основном из пленных. Хозяйство попрежнему носило натуральный характер, однако товарное производство, хотя и в незначительных размерах, существовало.

Росла в казахском обществе XV—XVIII вв. классовая борьба, которая, однако, в этот период еще не достигла своей высшей формы в условиях феодального строя в виде крестьянских восстаний.

Казахские ханства XV—XVII вв., в силу особенностей хозяйства и экономического строя казахского общества, так и не стали прочными государствами. В них сохранилась ранее существовавшая на территории Казахстана форма управления по родам. Своеобразные черты имел и правовой строй. В частности, следует отметить, что у казахов отсутствовал писанный кодекс законов, а правовые нормы определялись обычным правом, содержавшим немало пережитков патриархально-родового строя, приспособленных к новым, феодальным отношениям.

По существу Казахстан находился в XV—XVII вв. в состоянии феодальной раздробленности. В экономическом и политическом отношениях различные районы обширной территории края были мало связаны между собой. Не прекращались постоянные феодальные междоусобицы, набеги

феодальной знати, которые приводили к разорению мирных аулов. Особенно показательно для характеристики слабости экономических и политических связей между различными районами Казахстана образование в XVI в. казахских жузов. Главной причиной образования казахских жузов был экономический фактор: в это время уже вполне определились три основных хозяйственных района, приспособленных для ведения кочевого хозяйства (районы Младшего, Среднего и Стардшего жузов). Отметим, что жуз нередко даже не составлял одного ханства, а делился на несколько феодальных владений.

В конце XVII—начале XVIII вв. была сделана попытка привести нормы обычного права в соответствие с существовавшим положением, в виде так называемых «законов хана Тауке». Сам факт появления этих законов свидетельствовал о дальнейшем развитии феодальных отношений.

Однако сдвиги, происшедшие в XV—XVII вв. в экономике и социальных отношениях казахского общества, в целом были незначительны и чрезвычайно медленны в силу застойного характера хозяйства и общественных отношений. Экстенсивное скотоводческое хозяйство вступило в полосу хронического застоя и упадка, производственные отношения оставались попрежнему патриархально-феодальными.

В 40-х годах XVII в. над Казахстаном нависла постоянная угроза завоевания. Казахские ханства не имели достаточных сил для отражения и, тем более, предотвращения порабощения казахского народа джунгарскими завоевателями. Только присоединение Казахстана к России могло спасти казахский народ от джунгарского завоевания.

Новый период истории Казахстана—это период присоединения к России, начавшийся в 30-х годах XVIII в. и завершившийся в 60-х годах XIX в.

На первый взгляд, выделение такого периода противоречит основным принципам и критериям периодизации. Однако это не так.

Присоединение Казахстана к России носило добровольный характер и имело огромное прогрессивное значение. Оно было обусловлено экономическими и политическими причинами, являлось исторической необходимостью. Присоединение не только спасло казахский народ от подчинения джунгарским завоевателям, а позднее и другим отсталым феодальным государствам Востока, за спиной которых в XIX в. стояли английские колонизаторы. Оно привело к глубоким сдвигам в экономике и социальных отношениях казахского общества. Зарождались очаги оседлости и земледелия, появилось сенокошение, возникли новые города, развивалось товарное производство, росла торговля. Серьезные изменения происходили в надстройке казахского общества, был ликвидирован отживший институт ханской власти, были ограничены права и привилегии султанов. Последние пытались помешать присоединению к России, организовывали феодально-монархические «движения», чтобы реставрировать отживший институт ханской власти. Однако эти попытки провалились, ибо казахский народ тяготел к России и не поддержал реакционных выступлений.

Обострилась в этот период классовая борьба в казахском обществе. Вспыхивают крестьянские восстания, направленные не только против царизма, но и против «своих» феодалов. Казахские трудящиеся принимали участие в крестьянской войне под руководством Пугачева. Это было первое крупное крестьянское выступление, в котором вместе с русскими трудящимися в борьбе против самодержавно-крепостнического строя участвовали и казахские трудящиеся. В этой борьбе складывалась дружба великого и казахского народов.

В 30-х годах XIX в. в Букеевском ханстве вспыхнуло крестьянское восстание, направленное против феодального гнета и царских колонизаторов.

Все эти данные говорят о том, что период присоединения Казахстана к России действительно заслуживает выделения, хотя в нем и не произошло коренных изменений в производственных отношениях.

Выделяется нами также как особый период история Казахстана в 60—90-х гг. XIX в., характеризующийся проникновением и развитием капиталистических отношений и разложением патриархально-феодальных отношений. В этот период Казахстан был целиком включен в состав России. Под влиянием распространения русского капитализма вширь в Казахстан проникали и развивались здесь новые, капиталистические отношения.

Существенные изменения происходили в хозяйстве. Значительно увеличиваются значение земледелия и размеры посевов, растет тяга к оседлости, развивается сенокошение, в соответствии с потребностями рынка изменяется структура стада в байских хозяйствах, растет их товарность.

В ауле усилилось классовое расслоение, значительно увеличилось число бедняков, лишенных скота. Наряду с патриархально-феодальными методами эксплуатации, баи уже применяли и капиталистические. Часть бедняков, лишенных средств производства, вынуждена была продавать свою рабочую силу баям и кулакам, уходить на заработки в промышленность. Так зарождались кадры казахского пролетариата.

В результате переселения русских крестьян в Казахстан изменился не только состав населения, но и соотношения различных социально-экономических укладов в экономическом строе Казахстана. В русских селах Казахстана господствовали капиталистические отношения. В процессе взаимного общения русские крестьяне распространяли среди казахских трудящихся свой опыт ведения земледельческого хозяйства. Крестьянская колонизация содействовала экономическому и политическому сближению казахского народа с великим русским народом.

Зарождалась в Казахстане и капиталистическая промышленность, главным образом горнодобывающая, и промышленность по переработке сельскохозяйственных продуктов. Основателями промышленных предприятий были преимущественно русские купцы. Экономика Казахстана все больше включается во всероссийский рынок. Меновые дворы уступали свое место ярмаркам, обороты которых с каждым годом увеличивались. Денежная торговля проникает в самые отдаленные уголки казахской степи.

Коренным образом перестроена была в этот период система административного управления Казахстана, ликвидированы некоторые правовые институты прошлого, введены нормы права, действовавшего в Российской империи, земля превращена в государственную собственность, установлены новые налоги. Однако в ауле еще попрежнему оставались в силе многие нормы обычного права казахов и шариата.

Огромное прогрессивное влияние на развитие культуры казахского народа оказала в этот период передовая русская культура. Под ее непосредственным воздействием сформировалось мировоззрение, развивались творчество и практическая деятельность просветителей казахского народа—Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина, Абая Кунанбаева. Приобщившись к передовой русской культуре, они были ее проводниками в казахской степи. Получили распространение в 60—90-е годы XIX в. в Казахстане русско-киргизские школы, а следовательно, и светское образование на русском языке.

В связи с проникновением и развитием капиталистических отношений во второй половине XIX в. начался процесс сложения казахской буржуазной нации.

Последний этап истории дореволюционного Казахстана охватывает историю Казахстана в период империализма в России, т. е. с конца XIX и начала XX вв. вплоть до 1917 года. В этот перод в Казахстане происходят новые серьезные качественные сдвиги в хозяйстве, классовых отношениях и классовой борьбе.

Быстрее увеличивается удельный вес земледелия и товарность скотоводства в казахском хозяйстве. Растет специализация различных районов Казахстана—выделяются земледельческие, скотоводческие районы. Гораздо более быстрыми темпами, чем раньше, развивается в Казахстане капиталистическая промышленность. Однако эта промышленность возникла и росла в основном не на местной экономической базе. Рост промышленности в Казахстане в это время был результатом ввоза капитала, причем ввозился главным образом не русский, а иностранный капитал.

Важным явлением в истории Казахстана в начале XX в. было массовое переселение русских крестьян, особенно в период столыпинской реакции и нового революционного подъема.

Быстро росла торговля. Казахстанское сырье поступало не только на русский, но и на мировой рынок. Укреплялись экономические связи между различными районами Казахстана. Этому в немалой степени содействовало строительство железных дорог. Вместе с тем оно помогало дальнейшему проникновению капиталистических отношений в самые глухие уголки Казахстана. Растут города, которые становятся экономическими и культурными центрами.

Капиталистические отношения все глубже проникают в аул, разлагаются еще господствовавшие в нем патриархально-феодальные отношения. Байское хозяйство в значительной своей части начинает перестраиваться на капиталистический лад, широко применяя, однако, старые, феодальные методы эксплуатации. Есть основания говорить, что в конце XIX—начале XX вв. зарождается и развивается казахская национальная буржуазия. Одновременно ускоряется и усиливается процесс разорения основной массы казахского крестьянства. Большое влияние на этот процесс дифференциации в ауле оказала реакционная переселенческая политика царизма, результатом которой явилось массовое изъятие казахских земель, а также рост налоговых тягот и поборов. Казахский аул в начале XX в. ежегодно выбрасывал на рынок труда тысячи рабочих (во много раз больше, чем во второй половине XIX в.), продававших свою рабочую силу.

Под могучим воздействием русского революционного рабочего движения, в результате глубоких изменений в социальных отношениях в ауле, и особенно роста казахских кадров пролетариата, в Казахстане в начале XX в. усилилось революционное и национально-освободительное движение. Зародились и росли марксистские кружки, большевистские группы. Трудящиеся Казахстана активно участвовали в первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. Революционное движение в Казахстане являлось неотъемлемой частью общероссийского революционного процесса. Оно проходило под направляющим руководством коммунистической партии. Вопреки буржуазно-националистической идеологии, пропагандируемой баями и их агентурой, в совместной борьбе против самодержавия укреплялась дружба великого русского и казахского народов.

Под влиянием передовой демократической русской культуры развивалась культура казахского народа.

В начале XX в. в Казахстане шел процесс хозяйственной консолидации казахского народа, ускорилось сложение казахской буржуазной нации.

Основные этапы истории Казахстана начала XX в. намечены в полном соответствии с периодизацией истории России, ибо экономическая, политическая и культурная жизнь Казахстана этого времени неразрывно связана с жизнью России.

В заключение следует, однако, подчеркнуть, что прогрессивные изменения в экономике, социальных отношениях и культуре казахского народа во второй половине XIX в. и начале XX в. происходили независимо от воли царизма, русских помещиков и капиталистов, вопреки проводившейся ими в Казахстане реакционной, колонизаторской политике. Несмотря на все эти прогрессивные изменения, общественные отношения в казахском ауле все еще оставались в основном отношениями докапиталистическими.

Во второй половине XIX и начале XX вв. все более сближались исторические судьбы великого русского и казахского народов, как и других народов нашей страны.

Революционный кризис, начавшийся в России в годы первой мировой войны, охватил и Казахстан. Проявлением этого кризиса было восстание 1916 года в Казахстане.

Вместе со всей страной Казахстан закономерно пришел к социалистической революции.

А. А. РОСЛЯКОВ

Кандидат исторических наук

(Туркменский филиал Института Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина)

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ НАРОДОВ ТУРКМЕНИСТАНА В ДОСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

(Содоклад)

Нет надобности говорить о значении периодизации истории Средней Азии и Казахстана в тот момент, когда во всех республиках идет усиленная работа над составлением или переизданием капитальных трудов по их истории. Исторические судьбы народов Средней Азии и Казахстана тесно связаны между собой, и это требует координированной работы историков всех республик, чтобы избежать недопустимого разнобоя.

Периодизация истории Средней Азии и Казахстана должна быть построена на основе периодизации всеобщей истории, но обязательно с учетом важнейших местных конкретно-исторических особенностей. В противном случае было бы излишне вообще разрабатывать периодизацию истории отдельных стран и народов.

Полагаю, что основной задачей сессии в области разработки периодизации является разрешение основных спорных вопросов, уже вставших в процессе нашей общей работы. Разрешите прямо перейти к рассмотрению этих наиболее спорных вопросов.

Достаточно сравнить схемы периодизации, изложенные в докладе и содокладах, чтобы увидеть некоторые существенные расхождения в решении вопроса о периодизации. Я говорю в данном случае не о мелких расхождениях, обусловленных порой наличием терминологического разнобоя. Так, некоторые, например, употребляют весьма сомнительный термин «патриархально-рабовладельческий строй», другие нет. В тезисах доклада И. С. Брагинского и в содокладе Г. Ф. Дахшлейгера употребляется устаревший термин «военная демократия». Следует также учесть, что ряд этапов может и не быть синхронным в истории разных народов Средней Азии и Казахстана. Так, например, для Хорезма IV—III тысячелетия до нашей эры дают типичный неолит, в то время как в Южном Туркменистане IV—III тысячелетия до нашей эры дают самый конец неолита и раннюю бронзу. Общеизвестно, что и присоединение Средней Азии и Казахстана к России произошло не в одно время, а на протяжении почти 150 лет.

Речь идет не об этих, а о более крупных и существенных различиях в периодизации. Меньше всего подобных расхождений по периоду первобытно-общинного строя, на котором поэтому я не буду останавливаться подробно. Следует лишь сказать, что помимо археологической периодизации (деления на палеолит, неолит, бронзу и так далее) следовало бы все-таки оценить отдельные периоды с точки зрения общего развития формации, выделить период развития первобытно-общинного строя, который охватывает палеолит, мезолит, неолит и раннюю бронзу и период

разложения общинного строя, охватывающий время поздней бронзы и раннего железа.

Следует также сказать, что по данным археологии, на территории Туркменистана, именно в Прикопетдагской полосе, начало разложения первобытно-общинного строя и зарождения классов и государства относится, возможно, уже ко второму тысячелетию до н. э.

Пользуюсь случаем внести также некоторые поправки к своим тезисам. По недосмотру неизвестно чьему, на странице 39 указано, что период верхнего палеолита и мезолита в Туркменистане относится к четвертому тысячелетию. Это, конечно, неверно. Здесь напечатана верхняя граница периода, а нижняя почему-то выпала.

Самым крупным расхождением в наших системах периодизации является расхождение в периодизации рабовладельческой и отчасти феодальной эпох в истории Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, с одной стороны, Казахстана и Киргизии—с другой.

Во-первых, в периодизации, принятой по Казахстану и Киргизии, отсутствует рабовладельческая формация, во-вторых, в ней имеются некоторые расхождения в периодизации феодальной эпохи и особенно периода XVI—XIX вв.

Должен сразу же сказать, что периодизация истории, выработанная в Узбекистане и Таджикистане и представленная в докладе И. С. Брагинского и в книге Б. Г. Гафурова применительно к земледельческой полосе, существенных возражений у меня не вызывает. Но как согласовать эту периодизацию с теми схемами, которые предлагают казахские и киргизские товарищи и нужно ли эти периодизации согласовывать? Иными словами, являются ли эти расхождения плодом каких-то недоразумений, ошибок, или они отражают в известной мере истинную сущность исторического процесса?

Касаясь периода с 1 тысячелетия до н. э. по пятый век н. э., я стою на той точке зрения, что эти расхождения не случайные, а закономерные. Для правильного решения вопроса о том, все ли народы Средней Азии прошли рабовладельческую формацию или некоторые из них миновали ее, мне представляется необходимым рассмотреть этот вопрос не только на конкретном материале, относящемся к народам Средней Азии, но и в более широкой исторической перспективе.

В настоящее время в советской исторической науке господствует та точка зрения, что не все народы пришли к феодализму через рабовладельческую формацию. Ее миновали, например, некоторые народы Европы, в том числе славянские народы, у которых феодальные отношения возникли в недрах первобытно-общинного строя, в период его разложения, причем эти народы знали и рабство, но лишь как второстепенный уклад.

С другой стороны, многие народы, в том числе большинство народов Закавказья и Средней Азии, прошли рабовладельческую формацию. Мы можем с уверенностью утверждать это, например, относительно населения таких областей, как Согд, Бактрия, Маргиана, Парфия, Хорезм, т. е. таких областей, где основной отраслью хозяйства в период с VIII в. до н. э. по V в. н. э. было довольно интенсивное поливное земледелие, где особенно рано, во всяком случае не позже III в. до н. э., появились города как ремесленно-торговые центры, вроде Мерве с его ремесленным кварталом (изучение которого начато Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией), а также рано появилась государственная организация.

Но как обстояло дело с полуоседлыми и кочевыми отсталыми племенами степной полосы Средней Азии и Казахстана? Прошли ли они

рабовладельческую формацию или миновали ее, и если прошли, то все или нет?

Мнение о том, что у кочевников (от гуннов II в. до н. э. и до туркмен XIX в. н. э.) существовало рабовладельческое общество, высказывалось в советской науке и раньше, но это мнение не получило признания. В нашей науке в настоящее время решительно господствует другое мнение—у кочевников и полукочевников Восточной Европы, нынешнего Казахстана, Южной Сибири и Центральной Азии разложение первобытно-общинного строя протекало крайне медленно и привело к середине 1 тысячелетия н. э. к возникновению уже не рабовладельческих, а феодальных отношений. Рабовладельческую формацию эти кочевники и полукочевники миновали, хотя и знали рабство как второстепенный экономический уклад, никогда не имевший тенденции развиться в уклад господствующий, пока экстенсивное скотоводство оставалось основой хозяйства.

В тезисах И. С. Брагинского представлена иная точка зрения. На стр. 7 говорится, что «...хотя у кочевников не сложился рабовладельческий строй, однако (по мнению многих советских историков), учитывая тесные и постоянные их взаимоотношения с оседлыми народами, следует говорить об эпохе рабства и у них». Эта точка зрения еще не получила достаточного обоснования в советской литературе и было бы очень желательно услышать ее развернутое изложение на данном совещании. Наличие «эпохи рабства» у кочевников ставится здесь в зависимость не от состояния производственных отношений у самих кочевников, а от связи кочевников с передовыми оседлыми народами.

Это и не удивительно. Нет данных, говорящих, что у какого-либо из кочевых и полукочевых скотоводческих племен и народов Средней Азии и Казахстана в период с VIII в. до н. э. по V в. н. э. рабовладельческие производственные отношения стали основой производства, что эти отношения как-то затрагивали и охватывали массу основных производителей материальных благ, что труд рабов играл в скотоводческом хозяйстве и примитивном земледелии кочевников и полукочевников хотя бы такую же роль, как в земледельческой полосе, где сооружение и ремонт каналов, плотин и других ирригационных сооружений, игравших огромную роль в производстве, должны были поглощать колоссальное количество труда рабов, хотя в других сельскохозяйственных работах было занято не меньше, если не больше труда свободных крестьян-общинников. В этом принципиальное, качественное различие между производственными отношениями, сложившимися в той части Средней Азии и Казахстана, где ведущей отраслью хозяйства было интенсивное поливное земледелие, и производственными отношениями в остальной части Средней Азии и особенно Казахстана, где ведущей отраслью хозяйства было экстенсивное кочевое скотоводство. Но, может быть, тесные торговые связи между скотоводческими и земледельческими народами Средней Азии и Казахстана действительно требуют общей характеристики общественного строя тех и других в период с VIII в. до н. э. по V в. н. э. как рабовладельческих? Может быть можно смотреть на всю массу кочевых племен как на неотъемлемую часть рабовладельческого общества, хотя и отсталую его часть? Этот вопрос требует рассмотрения.

Следует прежде всего отметить, что нельзя завышать степень экономической связанности, злоупотреблять термином «экономическое единство» применительно к докапиталистическим формациям. Только капитализм обусловил ломку экономической замкнутости народов, начало хозяйственного слияния их, несмотря на насильственную форму этого слияния. Следует помнить, что в рабовладельческом и феодальном об

шестве господствовало натуральное хозяйство, а товарное производство лишь обслуживало общество, но не составляло его основы. Недопустимо смешивать степень и значение экономических связей в капиталистическую и докапиталистическую эпохи.

Кроме того, в оживленных экономических сношениях с рабовладельческим миром находились не только кочевые и полукочевые народы Средней Азии и Казахстана, но также многие народы Европы, например, славяне, германцы. На тесные торговые связи России со Средней и отчасти Восточной Европой указывал Энгельс в работе «К истории древних германцев».

В. А. Рыбаков в книге «Ремесло древней Руси» блестяще показал еще более тесные связи днепровских славян с античным Причерноморьем, связи, которые оказали серьезное влияние на развитие ремесла у славян.

Но все эти бесспорные факты все же не позволяют признать общественный строй древних славян или древних германцев рабовладельческим, так как производственные отношения у самих этих народов в основе своей в ту пору были общинными, а не рабовладельческими. Этот взгляд безраздельно господствует в советской литературе, опираясь на работы Энгельса по истории древних германцев, на всю марксистскую методологию и на всю совокупность источников. Полагаю, что для пересмотра его нет оснований.

Но быть может, пользуясь известным образным выражением, «варварскую периферию» рабовладельческого общества составляют только земледельческие в своей основе племена, а скотоводы, расположенные по соседству с рабовладельческим миром, составляют его неотъемлемую часть, находятся с ним в непрерывном единстве?

Это предположение не находит опоры в известных мне источниках. Кроме того, принятие его заставило бы нас признать наличие рабовладельческой формации, например, у гуннов, аланов, сарматов Прикубанья и у множества других кочевых и полукочевых племен Средней и Центральной Азии и Казахстана, Восточной Европы

Полагаю, что это более чем сомнительный вывод. Неужели вся масса данных племен с экстенсивным скотоводством в качестве основы хозяйства, с бедной материальной культурой действительно стояла в I—V вв. н. э. в общественном развитии на целую ступень выше тех же славян Нижнего и Среднего Поднепровья с их развитым ремеслом и пашенным земледелием? С этим невозможно согласиться.

Говоря о единстве кочевого и оседлого населения Азии ссылаются часто на известное указание Маркса, что у всех восточных племен можно установить общее соотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевым бытом другой части. Вряд ли, однако, эти слова можно признать убедительным доводом в пользу существования рабовладельческой формации у кочевников Средней Азии и Казахстана на том основании, что она существовала в соседних с ними земледельческих областях.

В действительности Маркс не говорит здесь о том, что кочевники и оседлые должны непременно находиться на одном уровне общественного развития. На практике в одних случаях разница между кочевниками и земледельцами невелика (туркмены XIX в.), в других—весьма значительна (оседлые арабы и бедуины в первые века н. э.).

Это вовсе не противоречит бесспорным фактам наличия тесных экономических и политических связей и культурного взаимодействия кочевых и оседлых народов Средней Азии. Действительно, неужели для установления тесных экономических связей необходим одинаковый уровень развития производственных отношений?

Весь опыт истории человечества, в том числе и опыт наших дней, говорит, что народы, находящиеся на разных уровнях общественного развития могут успешно развивать и крепить экономические и культурные связи.

Еще более странны опасения, что признание каких-либо различий в пути исторического развития некоторых народов Средней Азии и Казахстана в далеком прошлом в какой-то степени повредит их нынешнему единству и дружбе. Невозможно, немыслимо ставить дружбу между народами Советского Союза в зависимость от тех или иных различий исторического развития в прошлом, до революции.

Несомненно, что такие различия существовали. Например, русский народ не прошел стадии развитых рабовладельческих отношений, таджики не прошли стадии развитого капитализма, многие мелкие народы Севера не прошли ни рабовладельческой, ни феодальной, ни капиталистической формаций. Но эти различия не помешали возникновению уже в далеком прошлом экономических, политических и культурных связей между народами нашей страны. Эти различия были учтены Коммунистической партией, которая успешно провела ряд мероприятий по ликвидации фактического неравенства наций. И благодаря осуществлению национальной политики все различия в историческом прошлом не помешали установлению и укреплению нерушимой дружбы народов нашей страны.

Считая неправильным определять период с VIII в. до н. э. по V в. н. э. в истории кочевых и полукочевых племен Средней Азии и Казахстана, как эпоху рабства, я склонен отстаивать определение этого периода данное в тезисах (стр. 38).

При этом необходимо сделать три замечания.

1. Мы наблюдаем в течение всей эпохи переход к рабовладельческим отношениям ранее отсталых кочевых и полукочевых народов. Этот процесс шел, однако, не путем победы рабовладельческих отношений в кочевом скотоводческом производстве, а в процессе перехода кочевников или полукочевников к интенсивному поливному земледелию, что всегда было связано с развитием ремесла и появлением городов. Это происходило отчасти на окраинах древней земледельческой полосы—на средней и нижней Сыр-Дарье, в Семиречье (в этом случае известную роль играли согдийская и хорезмская колонизации), отчасти внутри этой полосы после массовых вторжений степняков, в процессе их оседания. У этих ранее отсталых племен, конечно, побеждали рабовладельческие отношения, но именно в той мере, в какой эти племена переходили от старых форм хозяйства к новым, воспринимая и осваивая тот способ производства, какой уже существовал к этому времени у передовых народов. Так обстояло дело с парфянами, саками Сеистана, тохарами и многими другими племенами. Сходный процесс шел и в других областях рабовладельческого мира, например, в Крыму, в Малой Азии (имею ввиду вторжение галатов в III в. до н. э.). При этом процесс развития и победы рабовладельческих отношений шел неравномерно, и часть этих племен еще долго сохраняла старые производственные отношения. Если рабовладельческие отношения имели тенденцию к развитию и победе, если в них втягивалась основная масса племени или племен, то мы вправе игнорировать незавершенность их победы и определить производственные отношения данного племени или народа, как рабовладельческие; это, например, относится к парфянам, хотя они в I в. н. э. еще не все осели. Но если этот процесс только начинался, если он захватывал меньшинство, порой ничтожное меньшинство данного племени или группы племен, то мы не вправе игнорировать эту неравномерность и оценивать едва заметную тенденцию как совершившийся факт и определять, например, об-

щественный строй скифов на Украине в VIII—IV вв. до н. э., аланов Северного Кавказа и Западного Казахстана в I—V вв. н. э. как рабовладельческий. Здесь дело может решить только конкретно-исторический материал, который надо накапливать и накапливать.

2. При разработке периодизации отдельных республик, отдельных народов следует учесть, что соотношение между передовыми народами древности, прошедшими рабовладельческую формацию, и остальными кочевыми и полукочевыми племенами было не везде одинаково. Полагаю, что в схеме периодизации Таджикистана и Узбекистана период с VIII в. до н. э. по V в. н. э. должен быть определен как рабовладельческий. Наличие небольших вкраплений горных и степных племен (Памир, Припамирье, Каршинская степь) может быть игнорировано в схеме периодизации (но не в изложении), учитывая малое экономическое и политическое значение этих племен. Напротив, в истории предков казахского народа этот период является временем разложения первобытно-общинного строя, хотя рабовладельческие отношения и получили значительное развитие кое-где на южных окраинах территории нынешнего Казахстана. В промежуточном положении оказывается Туркменистан и, видимо, Киргизия.

3. В истории рабовладельческого общества в земледельческой полосе Туркменистана период с VIII в. до н. э. является периодом развития рабовладельческих отношений. В этом периоде можно выделить два этапа:

а) VIII—IV вв. до н. э.—сохранение крепких сельскохозяйственных общин, слабое разделение труда, слабые экономические связи между областями, появление первых городов;

б) III в. до н. э.—II в. н. э.—значительное развитие рабства, частной собственности, рост разделения труда, торговли, развитие городов—ремесленно-торговых центров.

Перехожу к вопросу о феодальной формации. Следует ли при разработке ее периодизации отражать различие между земледельческими и скотоводческими районами Средней Азии и Казахстана?

Прежде всего надо отметить, что все народы Средней Азии и Казахстана—и кочевые (киргизы и казахи), и полукочевые (туркмены и каракалпаки), и оседлые (таджики), и сложившиеся из разнородных, но в основном оседлых элементов (узбеки) прошли феодальную формацию. Я согласен с Л. П. Потаповым в том, что основой феодальных отношений у кочевников, как у земледельцев, является феодальная собственность на землю. После развернувшегося здесь обсуждения вопроса о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов я полагаю, что этот термин должен быть удален из периодизации и может употребляться только при конкретном описании общественно-экономического строя более отсталых народностей, феодальные отношения у которых были отягощены особенно большим количеством родовых пережитков, например у туркмен, каракалпаков и других.

Итак, соответствующим образом должны быть исправлены и мои тезисы. Внутренняя периодизация феодальной формации для нас относительно легче, когда дело идет о земледельческой полосе, где история развития производительных сил и производственных отношений более или менее изучена, хотя и здесь осталось сделать еще очень и очень много. Зато совершенно не разработаны вопросы внутренней периодизации эпохи феодализма у кочевников. В частности, для истории Туркмении материал настолько скуден, что пока пришлось отказаться от попытки проследить этапы развития феодальных отношений у кочевых и полукочевых туркменских племен в XI—XV вв.

Остановлюсь на некоторых частных вопросах:

1. О времени возникновения феодальных отношений у степняков. В тезисах С. Н. Покровского и Г. Ф. Дахшлейгера говорится о феодальном укладе у предков казахов в I—V вв. нашей эры. Это представляется очень сомнительным. Необходимо подтвердить этот тезис фактами или снять его. Полагаю, что возникновение феодальных отношений у кочевников относится к периоду не ранее VI—VII вв. Не следует смешивать с феодальными отношениями данические, а с феодальной собственностью—создание «заповедных пастбищ», вроде тех, что были у усуньских гуньмо.

2. О времени возникновения феодализма и крепостничества я присоединяюсь к замечанию Е. Э. Бертельса по этому вопросу. В Туркменистане (т. е. тогдашнем Северном Хорасане) о полосе фактического закрепощения, и именно закрепощения, а не закабаления крестьян, можно говорить с конца XI в., а о юридическом закрепощении с XII в. Это, собственно, общеизвестные факты. Да и вообще незачем связывать возникновение феодализма непременно с возникновением крепостничества.

В общественной характеристике феодального хозяйства В. И. Ленин указывал, что степень юридической зависимости крестьянина может быть разной—от полного закрепления до сословной неполноправности.

3. Об упадке и кризисе феодализма. Общее разложение феодальной формации началось, как известно, с XVI в. Этим процессом постепенно захвачены и феодальные страны Азии. Но развития капиталистических отношений на базе собственного хозяйственного процесса здесь еще не было, поэтому упадок феодального общества здесь сочетался с постепенным превращением стран Азии в колонии и полуколонии.

Должен сказать, что в тезисах И. С. Брагинского говорится о неправильности рассмотрения первой половины XIX в., как века нового подъема. Я не берусь решать вопрос этот для Средней Азии в целом, но могу сказать, что для Туркменистана действительно первая половина XIX в. была временем продолжавшегося упадка, никаких элементов подъема мы не видим. Туркменистан продолжал оставаться в состоянии тяжелой депрессии вплоть до присоединения к России.

Надеюсь, что многие основные вопросы после данного обсуждения могут получить разрешение, по ним можно будет договориться, и настоящая сессия в деле разработки периодизации увенчается теми же успехами, которых она достигла в разрешении остальных вопросов.

В. Я. НЕПОМНИН

Кандидат исторических наук

(Академия Наук Узбекской ССР)

Нужно всячески приветствовать инициативу Института истории Академии Наук СССР в постановке проблемы научной периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана на обсуждение историков-участников настоящей сессии.

Как основной докладчик, так и содокладчики осветили лишь некоторые вопросы периодизации, причем остается несомненным, что многие вопросы остаются недостаточно разработанными, а отдельные вопросы спорными, дискуссионными.

Особо необходимо отметить, что и в докладе и в содокладах недостаточно разработана периодизация внутри основных исторических этапов, в рамках соответствующих общественно-экономических формаций.

В своем выступлении я остановлюсь на вопросе об упадке феодализма в Средней Азии и на вопросе о присоединении Средней Азии к России и связанной с ними проблеме генезиса капитализма в Средней Азии.

Мне представляются правильными указания Р. Н. Набиева и проф. Е. Э. Бертельса о том, что И. С. Брагинский занимает неправильную позицию в вопросе об упадке феодализма в Средней Азии. Позволю себе сделать по этому поводу несколько дополнительных замечаний.

Среди историков существуют разногласия по вопросу об основных этапах развития феодального общества в Средней Азии, особенно с периода его разложения. К сожалению, не внес необходимой ясности в этот вопрос докладчик по вопросам периодизации И. С. Брагинский.

В исторической литературе существует мнение, что среднеазиатский феодализм развивался по восходящей линии примерно до XVI в. Начиная с XVI в. начинается якобы период упадка феодализма в Средней Азии, и этот упадок имеет место на протяжении почти четырех столетий, до XIX в.

Эта точка зрения нашла, в частности, свое отражение в «Истории народов Узбекистана», «Истории таджикского народа» и в ряде других работ. Упадок феодализма видят в усилении феодальной раздробленности, в распаде крупных государств, в частности государства Тимура, в ухудшении хозяйственных и культурных условий жизни населения.

Р. Н. Набиев уже говорил о том, что обычно упадок в хозяйственной и культурной жизни Средней Азии связывается с вторжением кочевых племен и рассматривается, как его последствия.

Конечно, набеги ханов кочевых племен на земледельческие районы носили грабительский характер и отрицательно влияли на хозяйственную жизнь населения. Но с другой стороны, взаимоотношения кочевых и оседлых районов способствовали и расширению обмена и торговли, развитию местного ремесленного производства и росту городов как торгово-ремесленных центров.

И. С. Брагинский, разделяя тезис об упадке феодализма, считает, что он явился своеобразным выражением противоречий между выросшими, несмотря на все препоны, производительными силами и сковывающими их производственными отношениями застойного феодализма. Специфику упадка феодализма в Средней Азии И. С. Брагинский видит в том, что здесь в недрах феодализма почти не развивались новые, капиталистические отношения и что упадок среднеазиатского феодализма происходил без его разложения.

Марксизм-ленинизм учит, что кризис, разложение и упадок феодального общества определяются зарождением в недрах феодализма нового, капиталистического способа производства, в результате чего феодальные производственные отношения превращаются в оковы для развития новых производительных сил. Действительно, в Западной Европе XVI в. был периодом вызревания капиталистических отношений в недрах феодального общества. В данном случае; однако, не может быть аналогии между Западной Европой и Средней Азией и, как будто, на такой аналогии и не настаивают. Но тогда спрашивается, каким же образом мог возникнуть кризис феодальной системы в Средней Азии, если в основе этого кризиса не было разлагающих феодализм капиталистических процессов? Если в Средней Азии до ее присоединения к России не возникли капиталистические отношения (с чем мы все согласны), то нет оснований говорить об упадке или кризисе феодализма, как формации. И. С. Брагинский не отрицает (и это правильно), что в Средней Азии в XVI в. и позже происходил хотя и медленный, но непрекращающийся рост производительных сил. Очевидно этот рост производительных сил являлся выражением закона обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, ибо известно, что способ производства представляет собой единство производительных сил и производственных отношений.

И мы полагаем, что разложение феодальной общественной формации началось в Средней Азии гораздо позже, а именно со второй половины XIX в. и в связи с ее присоединением к России. Несомненно, при этом, что в отдельные периоды наблюдается известный хозяйственный и культурный застой, который, скажем, принял очень острые формы во второй половине XVIII и в начале XIX вв. Однако явления эти были вызваны, как нам представляется, закономерным экономическим процессом развития частной феодальной собственности, ростом таких категорий земледелия, как мильки-хурри-холис, т. е. земель, перешедших в собственность феодалов и освобожденных от государственных повинностей.

Напомним, что в XVII—XVIII вв. развиваются различные формы условного землевладения. Институт земельных пожалований, существовавший в Средней Азии сначала в виде икта, а затем суюргал получает в XVII—XIX вв. дальнейшее развитие под названием танхо. Так, еще в первой половине XIX в. в правление бухарского эмира Хайдара целые вилайеты и деревни раздавались в качестве танхо отдельным представителям феодальной знати—бекам, военачальникам и другим. Это несомненно усиливало процесс феодальной раздробленности. Рост экономического могущества отдельных феодалов усиливал их сепаратизм по отношению к ханскому правительству, что вело к ослаблению центральной власти, одной из важнейших функций которой было поддержание в порядке и развитие ирригации. В сочетании с периодическими набегами кочевых племен на земледельческие оазисы Средней Азии это вело к хозяйственному упадку и задерживало культурное развитие страны.

Сказанное не меняет, однако: общей картины развития среднеазиатского феодального общества. Его основой продолжает оставаться феодальная собственность на землю, господствуют феодальные методы эксплуатации непосредственных производителей. И нам представляется, что тезис об упадке феодализма в этот период не может быть признан правильным, нуждается в пересмотре.

В связи с вопросом о прогрессивном значении присоединения Средней Азии к России, обращает на себя внимание то обстоятельство, что докладчик освещает его, на наш взгляд, довольно бегло и схематично. В этом разделе доклада отсутствует ряд важных положений и ленинских характеристик, крайне необходимых для правильного понимания взаимоотношений России и дореволюционной Средней Азии в колониальный период. Правда, И. С. Брагинский указывает, что вопрос о значении присоединения подробно освещается в коллективной статье на эту тему в журнале «Вопросы истории» (№ 8, 1953). Но думается, что ссылка на журнал не освобождает докладчика от обязанности поставить в докладе основные и принципиальные вопросы проблемы, тем более, что и в указанной статье некоторые существенные вопросы, связанные с оценкой присоединения, также поставлены вскользь и схематично. Когда читаешь статью, создается впечатление, что ее авторы старательно обходят вопросы внутренней жизни дореволюционной Средней Азии и как будто бы не решаются сказать четко и ясно, что Средняя Азия была колонией царизма.

Задача историков состоит в том, чтобы правильно понять диалектику, своеобразие того процесса, который связан с присоединением к России нерусских народов, в том числе народов Средней Азии. В этом вопросе еще нет достаточной ясности. Некоторые историки склонны видеть прогрессивность присоединения прежде всего или главным образом в том, что здесь начал развиваться капитализм. Конечно, развитие капитализма было важным; прогрессивным шагом вперед в общественном развитии народов Средней Азии, на что указывал В. И. Ленин. Но не это является главным в оценке огромного исторически прогрессивного значения присоединения. Между тем именно такое понимание, видимо, лежит в основе взглядов А. Аминова и других, которые, по сути дела, ставят знак равенства между развитием капитализма в Средней Азии и в центральных районах России и которые, очевидно, не поняли или забыли известные указания В. И. Ленина об особенностях развития русского капитализма.

Как известно, превращение Узбекистана и всей Средней Азии в типичную колонию, в колонию «чистейшего типа» (Ленин) произошло в конце XIX и начале XX вв., когда Россия вступила в эпоху империализма. Известно также, что Ленин и Сталин называли русский империализм военно-феодальным, оплетенным особенно густой сетью докапиталистических отношений. И. В. Сталин указывал, что царская Россия была средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат.

Нельзя забывать указание В. И. Ленина о том, что империализм есть поворот от демократии к политической реакции, что империализм есть реакция по всей линии. К сожалению, все эти ленинские положения не нашли своего отражения в докладе И. С. Брагинского, а без этого нельзя понять своеобразия социально-экономического развития колониальной Средней Азии. Не учитывая этих положений, нельзя понять на какой основе возникло и чем было вызвано революционное национально-освободительное движение в Средней Азии, каковы его социально-экономические и политические истоки. Ленин подчеркивал, что «одно из самых основных свойств империализма заключается как раз в том, что он ускоряет развитие капитализма в самых отсталых странах, и тем самым расширяет и обостряет борьбу против национального угнетения»[1].

Почему же докладчик обходит молчанием эти моменты, без которых нельзя понять процессы развития Средней Азии в колониальный период? Почему, по существу, ничего не сказал докладчик о наличии в Средней Азии революционного национально-освободительного движения?

Создается впечатление, что докладчик не придает большого значения этим процессам, что он недооценивает роста политического, классового самосознания местных трудящихся, проходит мимо известного положения И. В. Сталина, что народные массы Средней Азии в ходе ожесточенной классовой борьбы, в борьбе против пантюркистов и панисламистов выросли в большую революционную силу, стали союзниками русского пролетариата и резервом социалистической революции. Может быть И. С. Брагинский обошел все эти моменты из боязни быть неправильно понятым в вопросе о прогрессивности присоединения. Но это совершенно неправильно. Наоборот, раскрытие реакционной сущности царизма и его угнетательской колониальной политики, показ того, что русский царизм был злейшим врагом всех народов России, и в том числе русского народа, еще убедительнее и нагляднее показывает величайшее прогрессивное влияние революционной, народной России, родины ленинизма, России, идущей в авангарде мирового революционного движения, раскрывает силу и мощь самого революционного в мире русского пролетариата, который сплотил вокруг себя все угнетенные национальности царской России, свергнул господство и царизма и русского империализма и освободил угнетенные народы от социального и национального гнета. Это показывает, что большевистская партия сумела соединить в один общий революционный поток различные народные движения, соединить национально-освободительную борьбу народов Средней Азии с социалистическим движением русского пролетариата.

Поэтому, когда мы говорим о присоединении народов Средней Азии и Казахстана к России, то главным, решающим и определяющим в этой оценке является революционный союз местных трудящихся с русским народом на почве общей борьбы с социальным и национальным гнетом. Мы должны подчеркивать огромное значение мощной поддержки русским пролетариатом освободительного движения местных трудящихся, так как именно это обстоятельство коренным образом изменило исторические судьбы узбекского и других народов Средней Азии.

Присоединение к России глубоко затронуло все стороны социально-политической, экономической и культурной жизни среднеазиатских народов, изменило международное положение Средней Азии. Если включение Средней Азии в состав Российской империи повлекло за собой определенное воздействие капиталистической экономики царской России на экономику Средней Азии, то, с другой стороны, оно способствовало тесному сближению местных трудовых масс с русским народом, превращало местное национально-освободительное движение в органическую часть русского революционного движения, развертывавшегося под руководством большевистской партии. Именно благодаря этому буржуазным националистам не удалось, несмотря на все их попытки, использовать освободительную борьбу трудящихся, оторвать ее от общего потока революционного движения всей страны, оторвать народы Средней Азии от революционной России.

---

[1] В. И. Ленин, Военная программа пролетарской революции, Соч., т. 23, стр. 66.

Говоря о значении, которое имело для Узбекистана развитие капиталистических отношений, важно прежде всего подчеркнуть, что это развитие повлекло за собой возникновение национального пролетариата, как самой передовой и революционной части местных трудящихся, что проникновение капиталистических отношений в деревню усилило процессы социальной дифференциации, создавало кадры полупролетарских и пролетарских элементов, резко обостряло классовую борьбу в деревне, а следовательно, повышало классовую сознательность трудового крестьянства, способствовало его освобождению от пережитков прошлого, от влияния отсталой религиозной феодальной идеологии. В деревне происходила новая расстановка классовых сил, в результате чего эксплуатируемые массы крестьянства все более превращаются в активную революционную силу, в союзника рабочего класса.

Развитие же в Средней Азии капиталистических отношений было одним из объективных результатов присоединения. Известно при этом, что социально-экономическое развитие Средней Азии в дореволюционный период происходило в сложных и противоречивых условиях. С одной стороны, вовлечение ее хозяйства в общероссийский рынок, а через него и в мировой, в сферу действия объективных экономических законов капитализма, приводило к тому, что эти законы вопреки царской реакционной политике пробивали себе дорогу и в экономике Средней Азии. Но с другой стороны, колониальная политика, направленная на превращение Средней Азии в аграрно-сырьевой придаток метрополии, и тяжелый национально-колониальный гнет тормозили развитие производительных сил, в результате чего оно происходило в уродливых колониальных формах.

Господство российского военно-феодального империализма наложило свой отпечаток на развитие капиталистических отношений в Средней Азии, проявилось в ряде специфических черт этого развития. Процесс развития капитализма проходил здесь относительно медленно.

Характеризуя развитие капитализма в России, В. И. Ленин указывал: «И оно не может не быть медленным, ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые «страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма»[1].

В Узбекистане, например, как в колониальной окраине, развитие капитализма осложнялось как рядом правовых барьеров, созданных царизмом, так и сохранением многих феодальных институтов. Приливы капитала из метрополии шел преимущественно в сферу торговли и обращения, при относительно слабом притоке капиталов в промышленное и сельскохозяйственное производства. С другой стороны, развитие капитализма происходило здесь неравномерно. Сравнительно быстро развивались капиталистические отношения в районах интенсивного развития хлопководства, значительно слабее в зерновых и животноводческих районах. Но даже в хлопковых районах с высокой товарностью сельского хозяйства в аграрных отношениях переплетались докапиталистические и капиталистические методы эксплуатации крестьян и широко были распространены различные феодальные и полуфеодальные формы издольщины (чайрикерство). Таким образом, в деревне существовали и переплетались докапиталистические и капиталистические методы эксплуатации непосредственных производителей. Необходимо подчеркнуть, что как русские колонизаторы, так и местные правящие классы были

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 527.

заинтересованы в сохранении докапиталистических методов эксплуатации трудящихся.

В области промышленности царизмом проводилась политика всемерного торможения развития промышленности Узбекистана. Поэтому его промышленность носила колониальный характер, была слабо развита и подчинена задаче превращения Узбекистана в аграрно-сырьевой придаток царской России.

Историками еще недостаточно изучена специфичность социально-экономического развития Бухарского и Хивинского ханств в период протектората. Известно, что в этих ханствах сохранились феодальный политический строй и большинство феодальных хозяйственных институтов. Для значительной части районов этих ханств было характерным сохранение феодальной земельной собственности. Отсюда и преобладание феодальных форм эксплуатации. Элементы капиталистических отношений возникали, видимо, прежде всего в городе Бухаре, как экономическом центре эмирата, и в районах, прилегающих к железным дорогам. Все эти вопросы имеют большое значение, тем более, что у отдельных историков нередко стирается качественное различие и самый рубеж между периодом вызревания новых, капиталистических отношений и периодом их победы и утверждения. Таким рубежом в истории России была отмена крепостного права, когда произошел переворот, последствием которого была смена феодально-крепостнической формации новой капиталистической. В Узбекистане продолжает существовать феодальная общественно-экономическая формация и зарождается новый капиталистический уклад, который оказывает все большее воздействие на социально-экономическое развитие, постепенно разрушая устои феодальных отношений. Однако последние продолжают оставаться господствующими вплоть до победы Октябрьской социалистической революции.

Правильное понимание своеобразия социально-экономических отношений чрезвычайно важно еще и потому, что показывает наличие в дореволюционном Узбекистане двойного гнета над трудящимися массами—национально-колониального и феодального, показывает истоки антиимпериалистической и антифеодальной борьбы народных масс, показывает закономерность и внутренние корни буржуазно-демократической и социалистической революции в Узбекистане. Это дает возможность до конца разоблачить рецидивы различных антимарксистских и буржуазно-националистических извращений истории Узбекистана.

Таковы замечания, которые возникли у нас в связи с вопросом о периодизации колониального периода.

Периодизация дореволюционной истории Узбекистана дана пока только в основных контурах. Она должна уточняться и конкретизироваться, отражая, наряду с общими закономерностями, специфические особенности и своеобразие социально-экономического развития Узбекистана в указанный период.

В настоящее время Институт истории и археологии Академии Наук Узбекской ССР ведет работу по подготовке нового издания второго тома «Истории Узбекской ССР». Учитывая критические замечания и результаты общественного обсуждения проспекта, второй том целиком отводится периоду от присоединения Узбекистана к России (вторая половина XIX в.) до Великой Октябрьской социалистической революции. История Узбекистана этого периода рассматривается в тесной связи с основными этапами развития России—периодом развития промышленного капитализма в России (вторая половина XIX в.) и периодом империализма и буржуазно-демократических революций (начало XX в.).

Все эти моменты должны быть учтены историками, иначе мы не сумеем успешно выполнить задачу создания подлинно научной марксист-

ской периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана. Конечно, придется еще много потрудиться над тем, чтобы дать строго продуманную периодизацию времени от присоединения Средней Азии и Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции.

И. А. ФЕДОСОВ

Член редколлегии журнала «Вопросы истории»

Мое выступление несколько нарушает ход дискуссии по вопросам периодизации.

Я считаю необходимым доложить собравшимся историкам о работе журнала «Вопросы истории», о тех задачах, которые перед нами поставлены, о проблемно-тематическом плане, который сейчас разработан.

Настоящая сессия имеет большое научное значение не только для историков Средней Азии, Казахстана, но и для всей исторической науки. Ее значение определяется постановкой коренных, узловых проблем исторического процесса Средней Азии и Казахстана.

Надеюсь, что настоящая научная сессия будет также поворотным моментом в связях между историками Средней Азии и Казахстана и журналом «Вопросы истории», ибо от их участия в значительной степени зависит успех работы журнала в целом.

Творческая дискуссия, развернувшаяся на сессии, должна получить широкое освещение на страницах нашей печати и прежде всего в нашем общеисторическом журнале. Но этого недостаточно. Нельзя ограничиться более или менее подробным отчетом о сессии, хроникой. Дальнейшая творческая разработка поставленных вопросов на основе привлечения новых исторических источников должна найти отражение на страницах журнала «Вопросы истории». Редколлегия журнала рассчитывает на вашу помощь, на ваши статьи.

Летом 1953 г. состоялось решение ЦК Коммунистической партии и президиума Академии Наук СССР о работе журнала «Вопросы истории». В решении отмечалось, что журнал работает неудовлетворительно, что он не выполняет организующей руководящей роли в нашей исторической науке. В журнале помещались поверхностные, случайные статьи, не поднимались коренные, узловые проблемы исторического процесса. В решении отмечалось, что особенно плохо обстоит дело со статьями по истории советского общества. Один из серьезных недостатков работы журнала — это узость круга авторов. Мало статей помещается по вопросам истории отдельных народов нашей страны. Плохо поставлен отдел критики и библиографии, недостаточно ведется разоблачение буржуазной историографии.

Исходя из этого решения, редколлегия наметила мероприятия по улучшению работы журнала.

Редколлегия решила лучше использовать передовые статьи нашего журнала с тем, чтобы ставить в этих статьях важнейшие проблемы исторического процесса. Редколлегия считает необходимым дать как можно больше простора для статей дискуссионных, спорных, будящих творческую мысль историков .

Значительно большее место мы должны отвести истории народов нашей страны. В каждом номере должны помещаться статьи, сообщения, публикации по вопросам истории народов Советского Союза.

Значительно расширяется отдел сообщений. Огромное количество диссертаций лежит мертвым капиталом в публичной библиотеке имени Ленина. Эти диссертации должны быть опубликованы хотя бы частично в виде небольших сообщений.

В журнал вводится два новых отдела: «Историческая наука в СССР» и «Историческая наука за рубежом».

Отдел «Историческая наука в СССР» должен широко освещать работу творческих коллективов историков нашей страны, работу Института истории, его филиалов, работу институтов востоковедения, этнографии и других. Вместе с тем в этом отделе должны помещаться большие проблемные статьи о состоянии той или другой отрасли науки.

Отдел «Историческая наука за рубежом» должен как можно полнее освещать жизнь историков стран народной демократии, основные течения исторической мысли в капиталистических странах с тем, чтобы полнее и всесторонне разоблачать буржуазную историографию.

Значительно должен быть улучшен отдел критики и библиографии. Особенно тяжело нам сейчас наладить работу с критикой литературы, издающейся на отдельных языках народов нашей страны. Сделать это своими силами мы не можем, и здесь мы ждем помощи от вас.

Журнал будет уделять много внимания истории Советского общества, истории Коммунистической партии Советского Союза.

Вместе с тем мы не отказываемся от освещения истории более отдаленных периодов. Более того, мы предполагаем помещать статьи по большим проблемам и вопросам этнографии.

На сессии делались очень серьезные замечания в адрес журнала «Вопросы истории», но, к сожалению, это касалось работы журнала в прошлом, а не работы нынешнего состава редакционной коллегии, но совершенно очевидно, что нам не удалось еще перестроить работу журнала, что журнал еще страдает серьезными недостатками.

В настоящее время разработан проблемно-тематический план, который будет опубликован в журнале или разослан историкам с тем, чтобы они помогли нам уточнить этот план.

Разрешите остановиться на характеристике направленности этого тематического плана, осветить тот круг проблем, которые мы предполагаем ставить на страницах нашего журнала.

Значительное место журнал предполагает отвести общим проблемам исторического процесса, методологии истории, истории исторических наук.

Важнейшее место должны занимать проблемы периодизации истории народов СССР, всеобщей истории, истории стран Востока.

Большое место должно занять изучение основных направлений в русской историографии, критика и разоблачение антинаучной и антинародной сущности меньшевистско-эсеровских исторических концепций, буржуазно-националистических течений исторической мысли, разоблачение реакционной буржуазной историографии.

Вторым разделом нашего плана, который должен найти большое место в тематике статей, является история производительных сил и производственных отношений.

Важнейшую роль должна играть проблематика, связанная с развитием производительных сил и производственных отношений в советский период.

Третьим большим разделом нашей работы являются проблемы, связанные с историей революционного движения и борьбой народных масс за мир, демократию и социализм. Еще далеко не разработаны и не исчерпаны такие проблемы, как роль народных масс в буржуазных революциях, характер крестьянских движений в эпоху империализма, значение перемещения центра мирового революционного движения в Россию для народов всего мира, подъем революционного движения в странах Востока под влиянием первой русской революции и т. д.

Огромен круг вопросов, связанных с историей Великой Октябрьской социалистической революции и особенно с историей Октябрьской революции в наших национальных республиках.

Первостепенное значение имеет проблема союза рабочего класса и крестьянства, его образования, укрепления и развития на разных этапах социалистического строительства.

Большое место журнал предполагает уделить выяснению роли народных масс в строительстве советского социалистического общества.

Следующим кругом вопросов являются проблемы, связанные с историей наций и национальных движений. Разрешение этой проблемы в рамках Средней Азии и Казахстана, чем сейчас так активно занимаются историки Средней Азии и Казахстана, несомненно явится крупным шагом по пути решения этой проблемы в целом. Попрежнему большое значение имеют вопросы, связанные со значением присоединения нерусских народов к России.

Журнал ждет от историков, занимающихся советским периодом, статей по истории формирования социалистических наций, по истории укрепления дружбы народов нашей страны и ее значения во всемирно-исторических победах нашего народа.

Следующей группой вопросов, которую мы предполагаем разрабатывать на страницах нашего журнала, является история государства, роль, надстройки, внутренняя и внешняя политика.

Я не имею возможности перечислить все проблемы по истории Коммунистической партии Советского Союза. Отмечу только, что журнал предполагает уделить этим проблемам значительно больше внимания, чем до сих пор.

Наконец, группа вопросов, которую мы предполагаем ставить в нашем журнале, это вопросы идеологии и культуры. Проблемы двух культур в культуре каждого народа в период капитализма, взаимное влияние русской культуры и культуры других народов нашей страны, культурная революция в СССР и расцвет социалистической по содержанию и национальной по форме культуры народов СССР, разоблачение реакционной империалистической идеологии, буржуазного национализма—вот, в основном, тематика данного раздела.

Необходимо, чтобы историки приняли активное участие в работе журнала, считали себя хозяевами своего исторического журнала, помогали нам и своим советом и своими статьями.

Только объединением вокруг журнала широких кругов историков мы сможем решить большие задачи, поставленные перед журналом ЦК КПСС.

М. Е. МАССОН

Действительный член Академии Наук Туркменской ССР

В результате исследований с позиций марксистского учения об общественных формациях письменных клинописных и иероглифических документов, советский академик В. В. Струве в начале 30-х годов первым из историков-ориенталистов доказал после упорной борьбы с приверженцами «феодальной догмы», что Египет, Вавилонское и другие древневосточные государства являлись рабовладельческими с пережитками первобытно-общинного строя.

Вопрос о возможном наличии рабовладельческого общества в истории развития народов Средней Азии впервые был поставлен советскими археологами в середине тридцатых годов в результате наблюдений над местными памятниками материальной культуры прошлого. Первыми

археологическими экспедициями, специально занимавшимися этой проблемой, были трехлетняя Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ), организованная в 1936 г. Узбекистанским комитетом по охране памятников старины, и многолетняя Хорезмская экспедиция, начало которой было положено в 1937 г. Московским отделением Института истории материальной культуры Академии Наук СССР. Первая археологическая выставка на эту тему была организована Узкомстарисом в 1937 г. при Ташкентском музее искусств.

За отсутствием пока соответствующих данных в письменных источниках основными документами, подкрепляющими трактовку ранне-классовых обществ в истории народов Средней Азии, как рабовладельческих, до последнего времени являются факты археологического порядка, особенно интенсивно накапливаемые за годы послевоенных пятилеток рядом экспедиций. В их числе свою долю участия внесла учрежденная в соответствии с постановлением 1-го Всесоюзного археологического совещания 1945 г. и возглавлявшаяся мной в течение последних восьми лет Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) Академии Наук Туркменской ССР.

Из ста с лишним опубликованных работ ЮТАКЭ, отображающих результаты разнообразной деятельности экспедиции, около половины в той или иной мере связаны своей тематикой с вопросом о рабовладельческом обществе в Южном Туркменистане, преимущественно с порой вхождения в состав Парфянского государства; изучение последнего утверждено четвертым пунктом «Положения об ЮТАК» в качестве одной из основных проблем.

Раскопочными и разведочными работами на территории Туркменской ССР выявлено большое число различных памятников парфянского времени от отдельных орудий труда и целых комплексов разнообразных бытовых предметов до таких крупных и сложных памятников, как селения и города, позволивших осветить ряд вопросов из истории народов Южного Туркменистана III в. до н. э.—III в. н. э. и сделать некоторые обобщения.

1. Некоторые былые населенные пункты Южного Туркменистана представляли собою крупные города задолго до образования Парфянского государства. Так, Мерв, имевший мощную многогранную цитадель на площади в 20 гектаров, пережил в середине I тысячелетия до н. э. (после подавления народного восстания маргианцев против ахеменидского владычества персов) в своей многовековой истории запустение, отмечаемое при стратиграфических наблюдениях погребенным уровнем почвы и слоем с надувным песком.

2. Густонаселенные еще во время «поздней бронзы» и «раннего железа» наименее в свое время заболоченные районы низовьев дельты Мургаба, имевшие широко прослеживаемые по остаткам свои ирригационные системы, которые могли появиться в пору сложения союзов общин и возникновения ранне-классового общества (что документально доказывается по крайней мере для начала I тысячелетия до н. э.), в эпоху существования Парфянского государства находились уже в заброшенном состоянии, уступив место более южным территориям, где развитое рабовладельческое общество сумело создать более крупные каналы и более сложные ирригационные сооружения, позволившие полнее использовать воды Мургаба непосредственно из главного русла.

3. Время наибольшего развития экономики городов и количественного роста сельских поселений приходится на пору Парфянского государства, особенно на второй период его существования (I в.—начало III в. н. э.), когда, между прочим, на территории Кушанского государ-

ства предельных размеров достиг Термез и окончательно оформилась сложная ирригационная система в долине Сурхана, а в Кангюйских владениях переживал свой второй расцвет Самарканд, и воды Зеравшана с помощью южного русла Даргома перебрасывались через горы в районы к западу от Шахрисябза и к северо-востоку от Карши.

4. Показателем невиданного до того развития кустарных промыслов является в частности широкое распространение обработки железа не только в городах, но и в поселениях Южного Туркменистана парфянского времени и сложение в крупных городских центрах значительных по размерам ремесленных кварталов, что находит параллели в археологических памятниках Южного Узбекистана (например, в имевшем площадь до 4 гектаров квартале металлистов в рабовладельческом Термезе).

5. Об активной деятельности парфянской государственной власти в областях Южного Туркменистана свидетельствует осуществлявшееся ею фортификационное строительство (стена городской округи Мерва «Гилякин-Чильбуодж»; районная стена «Мерв» протяжением около 150 *км* и др.), в частности во второй период, когда в I—II вв. н. э. на границе оазисов и песков в некоторых местах сооружаются крупные крепости, не имеющие внутренней жилой застройки для постоянного обитания гражданской части населения и часто не связанные с каким-нибудь одним близко расположенным пунктом, но предназначавшиеся для охраны жителей окрестных селений того или иного района.

6. Для понимания экономики южно-туркменистанских областей поры Парфянского государства определенный интерес представляет установление в результате систематических раскопок на городище Старая Ниса наличия при культовом заповеднике аршакидских царей крупного дворцово-храмового хозяйства, о размерах которого в известной мере можно судить по откопанной части винного хранилища. Расчищенные здесь его девять помещений—«хумхана» рассчитаны на единовременное хранение около 1 000 хумов, емкостью от 100 000 до 200 000 литров вина и отчасти уксуса. Годовые взносы—поступления сюда в порядке «храмового сбора» (т. е. особого рода налога) с отдельных виноградников, согласно обнаруженным документам «парфянского актива» I в. до н. э., достигали размеров до двух десятков хумов вина.

7. Показателем небывалого до того роста товарного производства и оживленного внутреннего рыночного обмена с денежным расчетом в южных областях Туркменистана косвенно служит установленный ЮТАКЭ факт исключительно широкого распространения на развалинах не только былых городов, но, что особенно важно, и сельских поселений находок медных парфянских монет, в частности, локального выпуска I—начала III вв. н. э., а также монетных кружков продукции нелегальной фальсификации. Это совпадает с аналогичным явлением, отмеченным нами в свое время для территории Южного Узбекистана и Южного Таджикистана, входивших в состав владений государства «великих кушан».

Сопоставление всех сделанных ЮТАКЭ новых археологических наблюдений с немногочисленными данными письменных источников позволяет видеть в парфянской державе централизованное военно-бюрократическое рабовладельческое государство, а общественно-социальный строй оседлых народов и племен его северных областей характеризовать, как общинно-рабовладельческий, полностью укладывающийся в понятие рабовладельческой формации.

Выявление при археолого-стратиграфических изысканиях общности по составу, облику, формам и технике выполнения комплексов бытовых предметов оседлого населения Южного Туркменистана III и начала IV вв. н. э. с таковыми же поры существования Парфянского государства; установление упадка городской жизни с начала IV в. н. э. и запустения с этого же времени былых парфянских сельских поселений, верхние культурные слои которых датируются сасанидскими монетами Хармизда II (303—309), наглядно свидетельствуют о том, что, хотя гибель государства Аршакидов была обусловлена противоречиями и наметившимся кризисом рабовладельческого общества, но окончательное крушение основ рабовладельческого строя произошло лишь в IV в., причем перемена экономического базиса для этого времени отчетливо запечатлена археологическими памятниками.

Для суждения о прошлом народов Средней Азии, о времени рабовладельческого общества данные археологического порядка могут явиться более надежным материалом по сравнению с недостаточными сведениями письменных источников только в том случае, если они установлены уточненными приемами методики археологических работ при достаточно критическом использовании сделанных наблюдений.

В целях получения сколько-нибудь точного критерия для установления абсолютного возраста археологических памятников ранне-рабовладельческого общества более древних времен необходимо во всех среднеазиатских республиках развернуть работу по установлению древности соответствующих культурных слоев новейшим физическим методом путем изучения интенсивности распада радиоактивного изотопа углерода C^{14}. Хотя при этом пока гарантируется точность $\pm$ 150 лет для возраста от 300 о лет и $\pm$ 250 лет для возраста 5000—6000 лет, однако, поскольку у разных археологов амплитуда колебаний для одних и тех же памятников исчисляется иногда тысячелетиями, полученные «радиоактивным методом» данные все же значительно ограничат разнобой дат памятников неолита—бронзы—раннего железа.

На объединенной научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана, во избежание в дальнейшем путаницы, уместно поставить вопрос об обязательности научной терминологической точности даваемых определений. Как теперь явствует, замена определения керамических комплексов из раскопок Айрытама и Термеза как «керамики времени кушан» упрощенным термином «кушанская керамика», привела при дальнейшем его широком употреблении в литературе к тому, что территории, входящие в ареал распространения аналогичной керамики различных оседлых племен и народов Средней Азии поры рабовладельческой формации, стали огульно признаваться входящими в состав государства «великих кушан», чем ошибочно расширяются северные границы этого государственного образования.

Отмечу в заключение, что обнаружение нескольких десятков согдийских и хорезмийских документов, а также открытие ЮТАКЭ части хозяйственного архива парфянских документов I в. до н. э., включающей после раскопок 1953 г. уже до 1500 остраконов с более или менее полным текстом, не считая большого числа фрагментов, позволяет надеяться, что путем археологических раскопок можно будет найти также новые письменные источники, которые более конкретно осветят вопрос о рабовладельческом обществе в Средней Азии.

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

Кандидат исторических наук

(Академия Наук Таджикской ССР)

Я остановлюсь лишь на некоторых вопросах периодизации истории Средней Азии.

Первый вопрос касается городской жизни в Средней Азии в XI—XII вв. в связи с распространением института «икта».

Уже со времени Н. В. Ханыкова, написавшего работу «Городское управление в Средней Азии» (1843 г.) в русском востоковедении дебатируется проблема среднеазиатского города. И хотя русскими востоковедами, в частности, В. В. Бартольдом и В. А. Жуковским было много сделано в этой области, положительное решение проблемы достигнуто только в результате исследований советских историков и археологов.

Уже в IX и особенно в X вв. городские поселения достигают значительных успехов в своем развитии. В последующее время, в XI—начале XIII вв., поселения ряда областей Средней Азии испытывают такой резкий подъем, которого не знает предшествующая эпоха. Окончательно складывается городская планировка, площадь поселений становится максимальной. Городское ремесло дает массу продукции, причем керамика носит серийный характер. Развивается внутриобластная торговля, особенно усиливается значение в торговле денежного оборота. В памятниках материальной культуры четко отражается возросшая классовая дифференциация городского общества.

Огромный археологический материал ясно свидетельствует о развитии городского ремесла и строительного дела. В области денежного обращения в эту эпоху разразился «серебряный кризис», возникновение которого обычно связывают с большим отливом серебра в Восточную Европу в предшествующее время. Углублению этого кризиса, как это на первый взгляд ни парадоксально, видимо, косвенно способствовал расцвет городов и соответственно—ремесла и торговли. К. Маркс установил, что «...масса средств обращения определяется суммой товарных цен, подлежащих реализации»[1]. Количество товаров резко выросло, необходимость большой эмиссии при недостатке серебра приводила к государственной фальсификации монеты.

Однако ни один из исследователей, занимавшихся историей городов, не ставил вопроса о причине и характере этого фактически повсеместного в Средней Азии подъема, носившего характер своеобразного скачка. Учитывая значительную роль городов в системе феодализма, выяснение причин такого резкого подъема представляет определенный и значительный интерес для общей характеристики данной ступени развития среднеазиатского общества.

Советскими историками установлено, что в XI—XII вв. в Средней Азии получает значительное и может быть повсеместное распространение института икта. Случаи отдачи земель на основе икта имели место и раньше. К чему они приводили, ясно говорит свидетельство Ибн аль-Асира, касающееся событий, происшедших в середине X в.: «...пожалованные (иктадарам) земли еще больше разорялись, и они возвратили их и потребовали взамен их новые и им дали. Воины перестали заботиться о каналах и угодьях и об очистке их ложи поэтому они испортились и большинство их не действует. Гуламы феодалов начали обижать население и взыскивать подати раньше установленного срока, а если кто-нибудь не был в состоянии внести налог, у него отнимали землю».

Но и в XI в. дело обстояло точно так же. «Запрещения», изложенные в пятой главе труда Низам аль-мулька, отражают реальную обстановку, складывающуюся тогда в деревне. До сих пор почему-то не привлекалась в этой связи та часть пятой главы «Сиасет-наме», где содержится рассказ о захвате земли старухи вельможей. Нам кажется несомненным, что здесь, в форме иносказания, описывается факт, становившийся обычным в жизни сельджукского и, видимо, караханидского государства XI в.—захват крестьянской земли иктадарами. Источники отмечают, что в конце XI и особенно в XII вв. положение крестьян все более ухудшается.

[1] К. Маркс, Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1949, стр. 125.

Эволюция института икта, по первоначальной идее являвшегося только правом на получение налогов, приводит к тому, что во второй половине XII в. даже в письменных документах фиксируется право иктадара на землю, труд крестьянина и на его доходы. Об этом свидетельствуют факты, относящиеся к области Ниса—мелику Туганшаху на таких правах хорезмшах Текеш выдал диплом на район города Нисы.

В Средней Азии широкий поток крестьянства, лишаемого земли и жестоко угнетаемого иктадарами, в поисках какого-то выхода должен был хлынуть в города, увеличивая там армию ремесленников. Этому способствовало то обстоятельство, что хотя феодалы фактически проводили закрепощение крестьян, лишая их права перехода, юридически это обычно не было оформлено.

Маркс и Энгельс дали глубочайший анализ происхождения средневековых городов. Они писали: «В городах, которые не перешли в средневековье в готовом виде из прошлой истории, а образовались заново освободившимися крепостными, единственной собственностью каждого индивида, за исключением приносимого им с собой небольшого капитала, который весь почти заключался в самых необходимых инструментах, была его особая специальность»[1].

Дальше Маркс и Энгельс говорят о «...конкуренции постоянно прибывавших в город беглых крепостных...»[2] и о том, что «из средневековых крепостных образовалось мещанское население первых городов»[3]

Факты, приведенные выше, показывают, что в Средней Азии при сложении и на первых порах развития средневекового города, действовали те же закономерности, которые были вскрыты основоположниками научного коммунизма для городов Европы.

Развитие производительных сил и дальнейшее отделение ремесла от земледелия, а также приток крестьян в города и привели к необычайному подъему городов в XI—XII вв.

Характерно, что среднеазиатские города обгоняют больше чем на столетие Западную Европу, ибо в XI в. большинство европейских городов еще прозябает на том уровне, который среднеазиатские города уже прошли в начале X в.

Второй вопрос, на котором я хочу остановиться—это вопрос о характеристике городской жизни во второй половине XIV—XV вв., о чем уже говорил отчасти Р. Н. Набиев.

История Средней Азии времен Тимура и тимуридов усиленно изучалась советскими исследователями.

А. Ю. Якубовскому, да и другим советским востоковедам, принадлежит крупная заслуга в деле освещения социально-экономической картины эпохи, тяжелого положения крестьянства, нещадно обираемого и угнетаемого. Однако, наряду с изображением этой безотрадной картины жесточайшего феодального гнета и грабительского характера войн того времени, историки, в том числе историки культуры, посвятили немало восторженных страниц высоким достижениям архитектуры, градостроительства, живописи. Поразительные по своей красоте архитектурные сооружения Самарканда, Шахрисябза, Герата и некоторых других пунк-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Немецкая идеология, Соч., т. IV, стр. 41.
[2] Там же, стр. 14—15.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Соч., т. V, стр. 484.

тов в совокупности с панегирическими описаниями современников, привели к тому, что эта эпоха стала рассматриваться как время высокого расцвета городов и городской жизни.

Мне уже приходилось в печати высказывать точку зрения (1951, 1953 гг.), что в освещении этого периода были допущены весьма значительные преувеличения, приведшие, фактически, к искажению правильной исторической перспективы.

Дело в том, что не только области, расположенные за пределами Средней Азии, но и сама Средняя Азия, ее городская культура во многих областях понесла серьезный урон в результате хищнической политики Тимура и тимуридов. Я имею в виду не только Хорезм, участь которого общеизвестна, но и целый ряд других областей, основные контуры истории которых удалось выяснить в результате археологических работ последних лет.

Остановлюсь только на некоторых.

Изучение городских поселений области Нисы показало, что большинство из них прекратило существование в конце XIV—XV вв. Те же, которые продолжали существовать, имели несравненно меньшую площадь, чем в предшествующую эпоху. Аналогичная картина имела место и в области Дахистана.

При изучении территории Хутталя выяснилось, что и эта громадная область в конце XIV—XV вв. являлась в значительной степени пустынной, хотя в эпоху X—XI вв. она, судя как по письменным источникам, так и, особенно, по археологическим данным, была густо заселена, на ее просторах располагалось огромное число городов и поселений. Я сознательно делаю акцент именно на эти три области, ибо в них города смогли подняться даже после страшного монгольского погрома. Следовательно, для некоторых областей Средней Азии хозяйничанье Тимура и тимуридов оказалось по своим последствиям даже более тяжелым, чем разрушение и разорение времен монгольского нашествия.

Итак, время правления Тимура и тимуридов было временем подъема строительной деятельности лишь в некоторых городских центрах Средней Азии. Для ряда областей это было время жесточайшей разрухи и запустения, когда население покидало целые области. «Расцвет» жизни в немногих центрах носил, по существу, ясно выраженный паразитический характер, причем средства для него черпались отнюдь не только из внесреднеазиатских областей, но в результате жесточайшего классового гнета внутри Средней Азии.

Следующая часть моего выступления касается вопросов, связанных с изучением товарного производства и денежного обращения средневековой Средней Азии.

Всестороннее изучение различных этапов среднеазиатского феодализма предполагает изучение и товарного производства, хотя в разные периоды степень его развития и его удельный вес в системе феодального хозяйства были различными. Перед историками и археологами стоит поэтому задача конкретно-исторического изучения уровня развития и удельного веса товарного производства в системе феодального хозяйства в каждый период.

Советскими историками и археологами достигнуты в этом направлении значительные успехи. Об этом можно судить по литературе, освещающей на основании письменных и археологических источников многие черты товарного производства и торговли; в таких обобщающих трудах, как «История народов Узбекистана», «История таджикского народа», мы находим специальные разделы, посвященные ремеслу и торговле. Однако знакомство именно с этими трудами, обобщившими достижения

исторической науки, убеждает, что предстоит сделать еще очень многое, что полнота освещения товарного производства далеко не одинакова для разных периодов.

При этом вопрос о товарном производстве имеет еще одну сторону—деньги и денежное обращение, ибо денежное обращение в классовых обществах неотделимо от товарного производства. Общеизвестно, что товарное производство и обмен—это две стороны одного явления, что товарного производства не существует без обмена, что товаром является только тот продукт, который поступает в обмен. А коль скоро развитие формы стоимости, обмена, достигло своей высшей, т. е. денежной и монетной формы—нельзя изучать товарное производство, не изучая денежного обращения.

Не случайно, во всех экономических трудах классиков марксизма-ленинизма анализ товарного обращения не отрывается от анализа товарного производства и денежного обращения. Тема о деньгах и денежном обращении на разных этапах исторического развития является неотъемлемой составной частью общей задачи изучения товарного производства в рабовладельческую и феодальную эпохи.

Как освещены все эти вопросы в названных обобщающих трудах по Средней Азии? Они почти совершенно не освещены. Более того, для большинства столетий эпохи среднеазиатского феодализма читатель не сможет узнать такой элементарной вещи: чеканились ли в Средней Азии свои монеты и была ли вообще торговля денежной. А принятые для некоторых столетий определения или неполны, или неточны, или же просто ошибочны.

Несколько примеров: в недавно изданном труде «Очерки истории СССР» (1953 г.) в разделе, посвященном Средней Азии, совершенно не охарактеризовано денежное обращение XI—XII столетий, хотя по этому вопросу в литературе ранее был опубликован некоторый материал; денежное же обращение IX—X вв. охарактеризовано несколькими строчками, однобоко и формально, причем опущены самые главные, самые существенные черты и особенности.

В «Истории народов Узбекистана»—в наиболее обширном по объему труде такого рода—кратко охарактеризована денежная реформа Кебека (XIV в.), но неверно изложены ее предпосылки и состояние денежного обращения перед реформой. Для значительно более позднего времени—начала XVIII в. описана упомянутая в письменных источниках так называемая денежная реформа Убайдуллы-хана, но содержание этого мероприятия понято авторами не совсем правильно, а общая характеристика денежного обращения XVII—XVIII вв. вовсе отсутствует. Что же касается остальных периодов среднеазиатского феодализма—то для них иногда не упомянут, как уже отмечалось, даже сам факт чеканки в Средней Азии собственных монет, вследствие чего может получиться ложное представление о якобы имевшей место примитивности среднеазиатской торговли.

Нам думается, что все периоды среднеазиатского средневековья должны были быть охарактеризованы по одинаковому плану. И если авторы нашли нужным сказать несколько слов о денежном обращении для двух-трех периодов, то следовало сделать это и для всех остальных, лишь при этом условии можно было бы избежать искаженного представления о характере экономики этих периодов, о состоянии товарного производства и связанного с ним денежного обращения для тех периодов, в отношении которых о деньгах и денежном обращении ничего не сказано.

К сказанному следует добавить, что изучение денег и денежного обращения средневековой Средней Азии выступает не только как часть

и одна из сторон товарного производства. Законы денежного обращения, как и всякие экономические законы, являются законами объективными, существующими вне зависимости от воли людей. Но люди могут познавать и применять эти законы. Изучение денежного обращения средневековой Средней Азии раскрывает, в какой мере средневековые экономисты познавали и использовали эти объективные законы; оно раскрывает содержание и объективные результаты денежных реформ, которые иногда очень быстро терпели крах, если не соответствовали объективным закономерностям денежного обращения данного этапа феодализма; оно раскрывает имевшие место кризисы денежного обращения и даже экономические кризисы; открывает формы эксплуатации монетной регалии—формы добавочного косвенного феодального гнета; вскрывает интересные картины столкновения разных классов общества и разных группировок господствующего класса в их разном отношении к деньгам; оно, наконец, дает иногда возможность установить реальный уровень жизни трудящихся масс и многое, многое другое.

Почему же все названные вопросы не нашли отражения в обобщающих трудах по истории народов Средней Азии? Нам кажется, что основная причина заключается в том, что большинство историков, изучающих среднеазиатский феодализм, базируется в своих исследованиях главным образом, а иногда и только на нарративных источниках. Они мало обращаются к источникам актовым и почти совсем пренебрегают данными вспомогательных исторических дисциплин. Между тем, в среднеазиатских повествовательных источниках сведения по вопросам денежного обращения чрезвычайно скудны, отрывочны и случайны.

Основными источниками для изучения денег и денежного обращения средневековой Средней Азии являются поэтому не исторические хроники, а актовые материалы (например, вакуфные грамоты) и нумизматика. Оба эти источника немногословны, но объективны. Оба, дополняя один другой, помогают правильнее и шире понять редкие и краткие свидетельства восточных авторов по вопросам денежного обращения, а иногда и по другим вопросам экономики. Кроме того, они открывают многое такое, о чем письменные источники совсем не говорят. Нам кажется, что значение изучения истории денежного обращения, как одной из сторон экономики, до сих пор явно недооценивалось.

Это тем более обидно, что прошлое русского востоковедения являет многочисленные примеры, когда востоковеды были нумизматами. Вспомним В. В. Григорьева, П. И. Лерха, В. Г. Тизенгаузена и др. Когда же русские востоковеды не являлись сами нумизматами, они самым широким образом использовали нумизматику. При этом следует сразу оговориться, что дореволюционная русская нумизматика Средней Азии при всех своих достижениях, помимо описаний, занималась по преимуществу политической историей, исторической географией и др. Именно в этом направлении и привлекались нумизматические данные в общеисторических трудах. Лишь советские ученые превратили нумизматику Средней Азии в важнейший источник изучения социально-экономической жизни страны.

Следует возродить на этой новой базе хорошую традицию старого русского востоковедения.

Это позволит сделать периодизацию истории народов Средней Азии эпохи феодализма гораздо более содержательной и, я бы сказал, полнокровной, позволит выяснить некоторые из глубинных процессов развития экономики, оставшиеся непонятыми современниками и не нашедшие никакого отражения в письменных источниках того времени.

Крупные успехи в изучении прошлого Средней Азии, свидетельством чего служит и настоящая сессия, не должны заслонять явного неблагополучия на ряде участков нашей исторической науки. По сравнению с общим ростом сделано еще непропорционально мало в деле изучения истории производительных сил среднеазиатского общества. Мы много говорим о периодизации среднеазиатского средневековья, но беда в том, что социально-экономическое развитие среднеазиатского феодализма останется во многом почти неизученным.

Переход к углубленному монографическому изучению этих проблем, широкое использование и известных и не привлекавшихся ранее письменных источников, привлечение в процессе исследования всей совокупности источников, в том числе таких мало использовавшихся, как нумизматические материалы, позволит историкам, освещая весь этот материал светом марксистско-ленинского учения, дать более детальную и развернутую периодизацию среднеазиатской истории.

Историки и археологи Таджикистана приложат все усилия, чтобы внести и свою долю в благородное дело разработки истории народов Средней Азии.

А. И. ИШАНОВ
Доктор юридических наук
(Академия Наук Узбекской ССР)

Доклад И. С Брагинского о периодизации истории народов Средней Азии в досоветскую эпоху, как нам (не специалистам в области истории) думается, правильно освещает основные этапы развития истории народов Средней Азии, в частности народов Узбекистана с древнейших времен до присоединения края к России. Нас особо интересует период феодализма, основные вехи тысячелетнего господства которого докладчик наметил в общем правильно, исходя из марксистско-ленинской методологии. В докладе И. С. Брагинского также удачно вскрываются специфические особенности феодализма в Средней Азии, связанные с искусственным орошением; и роль политической надстройки в организации общественных работ по оплодотворению почвы.

Соглашаясь с основными положениями доклада И. С. Брагинского, нам хотелось бы высказать свои положения по II тому «Истории народов Узбекистана», в частности, по вопросу о характере общественно-политического строя Бухарского эмирата в период протектората царской России.

Одним из существенных недостатков II тома «Истории народов Узбекистана» является слабая разработка вопросов общественно-политического строя узбекских ханств до и после присоединения Средней Азии к Российской империи. Между тем, всестороннее изучение этого вопроса имеет важное значение для правильного освещения истории Средней Азии в дооктябрьский период. Идя по тому же пути развития, как и другие страны мира, народы Востока, в том числе и Средней Азии, в своем развитии имели некоторые специфические особенности, гениально раскрытые классиками марксизма-ленинизма.

Особенности организации производства в сельском хозяйстве сделали систему искусственных орошений при помощи каналов и водных сооружений основой восточного земледелия, а строительство огромных каналов, водоемов и т. д. требовало вмешательства централизующей силы правительства. «Отсюда та экономическая функция,—писал К. Маркс,—которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно **функция организации публичных работ.** Эта система искусственного оплодотворения почвы, зависящая от центрального правительства и приходящая немедленно в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам,

объясняет тот необъяснимый иначе факт, что мы видим теперь пустынными целые территории, бывшие прекрасно обрабатываемыми....»[1].

Как видите, К. Маркс, учитывая специфические условия природы, а также организации производства в сельском хозяйстве, связанном с так называемым водным фактором, придавал особое значение **роли государства**, осуществляющего в условиях восточного деспотического строя **хозяйственные функции.**

На эту сторону вопроса историки обращают мало внимания, подменяя проблему функции государства по организации публичных работ, связанных с проведением каналов, созданием и исправным содержанием водных сооружений, с церемониалами при дворах; восхвалением личных качеств ханов и эмиров, голым перечнем административных должностей придворных чинов и т. д.

Создание централизованной власти имело прогрессивное значение в истории европейских государств. Это аксиома.

Установление же деспотического образа правления, покоящегося на самовластии, и произвол главы государства (в центре) и его агентов (на местах), чрезмерное обирание сельского и городского населения, разорение страны вследствие междоусобных войн, слабое развитие экономической связи между отдельными областями государства и отсутствие прочной централизованной власти обусловливали отсталость народов Средней Азии.

Существование государственно-феодальной собственности на землю, устойчивый характер феодальной издольной ренты, более высокая норма эксплуатации крестьян феодалами препятствовали возникновению и тем более развитию капиталистических отношений в среднеазиатских ханствах. Вот почему Ф. Энгельс указывал, что «...восточное владычество несовместимо с капиталистическим строем»[2].

В силу неразвитости капиталистических отношений и слабости буржуазных классов, города в Средней Азии не добились самоуправления, оставаясь в полном подчинении ханов и эмиров.

Поэтому город, сыгравший прогрессивную роль в истории Запада и России как опора прогресса и экономического возрождения страны, инициатора создания централизованного государства, в Средней Азии не имел такого значения.

Все эти вопросы, проливающие свет на специфические особенности средневекового феодального общества, не получили своего должного освещения в «Истории народов Узбекистана».

Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России общеизвестно.

После присоединения Средней Азии к России—Бухарское и Хивинское ханства хотя и продолжали «независимое» существование, однако, они мало чем отличались от Туркестана—колонии чистейшего типа. В. И. Ленин, говоря о колониальных владениях царизма в Средней Азии, указывал, что «...у России есть Хива и Бухара, это тоже нечто вроде колоний...»[3].

В результате присоединения Туркестана к России развитие капитализма и разрушение патриархально-феодальных отношений происходили там сравнительно быстрее, нежели в Бухарском ханстве. Сохранение эмирата и всей системы феодальной государственности препятствовало развитию капитализма и ликвидации средневековой отсталости Бухары.

[1] К. Маркс, и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 347.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 22.
[3] В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 13.

Все же, несмотря на существование феодально-деспотического строя эмирата, капитализм, начиная с конца XIX и в особенности в начале XX вв., пробил себе дорогу и в Бухарском ханстве. В результате благотворного влияния экономики России заметно улучшилась торговая связь Бухарского ханства с метрополией, что привело к развитию производства сельскохозяйственной продукции, прежде всего хлопководства и каракулеводства, приобретших важное значение в хозяйственной жизни страны.

Если вывоз хлопка в первые годы протектората составлял 50 000 пудов, то к 1914 г. он возрос до 2 624 000 пудов; каракуля от 30—40 тысяч до 1 800 000 штук; шерсти от 150 000 до 250 000 пудов в год, что составляло 88% экспорта из Бухарского ханства в другие страны.

Соответственно с этим возрос также импорт промышленных товаров из России в Бухару: к 1914 г. привозилось ежегодно: разной мануфактуры 660 000 аршин, чая—550 тыс., сахара 150 000, москательных товаров—150 000, железа и железных изделий—200 000, посуды разной—15 000 пудов, что составляло 96,5% всего импорта товаров в ханстве.

Таким образом, в предреволюционные годы Бухарское ханство находилось в тесных экономических связях с Россией, развитие же экономики этой страны всецело зависело от роста производства в России, главного потребителя бухарского сырья.

Обширная торговля России с Бухарским ханством была сосредоточена в руках 10 посреднических контор и 50 коммерческих предприятий. Командные высоты торгово-ростовщической деятельности в Бухаре находились в руках русских купцов и скупщиков сырья. Что же касается местной буржуазии самой Бухары, то она выполняла роль посредника в реализации товаров путем мелкорозничной торговли, а также таразидоров (коммиссионеров) при скупке хлопка, шерсти, кожи и каракуля у непосредственных производителей.

Развитие торговли России с Бухарой, а также возникновение заводов и фабрик в пределах Бухарского ханства привело к открытию в 1894 г. Отделения государственного банка, а затем многочисленных частно-капиталистических кредитных учреждений в столице с разветвлениями во многих бекствах ханства. К 1917 г. в пределах Бухары, кроме Отделения государственного банка, функционировало семь частных банков русского и иностранного происхождения.

Проведение Закаспийской железной дороги привело к возрастанию экономического влияния России и усилению развития русско-бухарской торговли. В связи с этим возникли русские поселения городского типа, где накануне революции проживало 60 тысяч жителей.

Наиболее крупными поселениями городского типа считались: Новая Бухара с населением в 120 000 человек, Чарджуй—14 000, Керки—8 000; Термез и Сарай по 6 000 человек. Новая Бухара считалась административным центром русских поселений ханства и имела большое значение в развитии русской торговли в ханстве. Здесь были сосредоточены основные торговые предприятия, склады, сараи, частные и государственные банки и др. Там же находились хлопкоочистительные и маслобойные заводы (15 заводских предприятий капиталистического типа).

Большое значение имел также г. Чарджуй, расположенный в узлах железнодорожного и водного сообщения, как один из крупных экономических и торговых центров в пределах Бухарского ханства. Там были расположены более 10 заводов и мастерских Аму-Дарьинской флотилии. Керки и Термез превратились также в крупные торговые центры по скупке хлопка, шерсти, каракуля и ковров.

Проникновение капитализма в экономическую жизнь Бухарского ханства привело к возникновению промышленности, хотя она была сея-

зана непосредственно с первичной обработкой сырья. В дореволюционной Бухаре насчитывалось 50 предприятий капиталистического типа, из них 26 хлопкоочистительных заводов. Возник также местный пролетариат, но он был малочисленным, и страна все же оставалась по своей основе крестьянской, земледельческой.

В дореволюционной Бухаре общая площадь обрабатываемых земель составляла 2 250 000 десятин, которые распределялись следующим образом: мильки-хурри-холис—10,2%, мильки херадж—15,2%, вакф—24,6%, амляк—50%.

Таким образом, непосредственные производители феодальной Бухары—дехкане, составлявшие более 80% населения, владели только 15,2% земель ханства, тогда как в руках незначительной кучки эксплуататоров —эмира и его беков, духовенства и служилых людей—находились огромные земельные богатства страны (около 85%), обрабатываемые трудом безземельных и малоземельных крестьян на арендных и иных началах. Такая же картина наблюдается и в Хивинском ханстве. Из 450 000 десятин орошаемых земель 75 000 десятин (16,6% всей земли страны) принадлежало хану. Ничтожная группа крупных землевладельцев, составлявшая 5% населения, распоряжалась одной третью земель ханства. 176 000 десятин земли (т. е. 39% всей земли) были закреплены за духовными феодалами в виде вакфов. Крестьяне, составлявшие около 90% населения Хивы, находились на положении безземельных и малоземельных и вынуждены были обрабатывать государственные, частновладельческие и вакуфные земли на началах феодальной аренды.

Если учесть то положение, что Бухарское и Хивинское ханства представляли собой земледельческо-крестьянские страны, то картина общественных отношений станет совершенно ясной. Крестьяне, в основной своей массе лишенные орудий и средств производства и единственного источника жизни—земли, находились на положении феодально зависимых и эксплуатировались непосредственно феодалами и государством на феодальной основе.

Вот почему В. И. Ленин, характеризуя общественно-политический строй колониальных и зависимых окраин б. Российской империи—Туркестана, Бухары и Хивы, писал: «...важнейшей, характернейшей чертой этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения...»[1] Крестьяне, составляющие громадное большинство населения этих стран, эксплуатируются «...не только торговым капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе»[2].

Эти основополагающие указания В. И. Ленина должны быть положены в основу наших исследований по истории общественно-политических отношений Бухарского и Хивинского ханства в период протектората.

Особенно неудачно написаны главы II тома «Истории народов Узбекистана», посвященные государственному строю дореволюционной Бухары (см. гл. III, стр. 76—80, гл. V, стр. 151—162; гл. XVI, стр: 407—408).

Вопросы государственного строя Бухарского эмирата освещены с позиций объективизма. Вместо того, чтобы разоблачить антинародную природу власти эмира и ханов, а также угнетательской сущности феодально-деспотического аппарата управления, авторы довольствовались описанием церемониала при дворе ханов, порядка приема и отпуска иностранных послов, поездок эмира в Петербург и в Крым, его сношений с чиновниками царской администрации и изложением краткого перечня придворных чинов и должностей в Бухаре и Хиве. Между тем,

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31. стр. 218.
[2] Там же.

в такой монографии, как «История народов Узбекистана», необходимо указать, что Бухарское и Хивинское ханства представляли собой вассальные по отношению к Российской империи и феодальные по своей социальной природе государства, служившие орудием классового господства в руках светских и духовных феодалов, местных баев и купцов, русских капиталистов и ростовщиков, эксплуатировавших население страны—оседлых земледельцев (дехкан), кочевых и полукочевых скотоводов (чарвадаров) и, наконец, городских ремесленников (касибов). Правящая аристократия—крупные землевладельцы из родовитой знати (беки), служилое сословие (серкердэ и амелдоры), высшие духовные сановники (улемы и мударисы) и торгово-ростовщические элементы города и деревни (баи) жили за счет трудового крестьянского населения этих ханств и для удержания своего господства и сохранения власти над эксплуатируемыми народными массами сплотились вокруг своего феодально-деспотического государства, каковыми и были Бухарское и Хивинское ханства, во главе которых стояли ненавистные народу эмир и хан. Их власть «...держалась вековым угнетением трудящегося народа, темнотой, забитостью его, застоем экономической и всякой другой культуры»[1].

Важное место в системе политической надстройки занимал аппарат государственного управления Бухарского и Хивинского ханств. Механизм государственного управления ханства, не будучи сложным по своей структуре (административное, финансовое, военное и полицейское ведомства), отличался присущей деспотическому образу правления жестокостью и представлял собой аппарат палачей и погромщиков, грабителей и угнетателей.

Суд, как орган государственной власти в Бухарском и Хивинском ханствах, служил острым оружием в руках эксплуататорских классов для подавления сопротивления неимущих классов. Судебная власть в ханствах осуществлялась отъявленными представителями реакции и мракобесия—духовенством. Они руководствовались в своих действиях законами шариата. Шариат был основан на признании прав преимущества имущих классов перед неимущими, сильных над слабыми, мужчин над женщинами. Шариат защищал угодные и выгодные господствующим классам правопорядки. Шариат был острым оружием классового угнетения эксплуатируемых народных масс со стороны имущих классов. Законы шариата служили величайшим тормозом развития экономики и культуры народов Средней Азии.

Авторы «Истории народов Узбекистана» не смогли показать, какую отрицательную роль сыграла политическая, правовая и идеологическая надстройка в ханствах, развивая и укрепляя порядки, выгодные и угодные господствующим классам—феодалам и реакционному духовенству, задерживая ход исторического развития народов Средней Азии.

Общими усилиями историков, экономистов, юристов следует разработать и правильно осветить вопросы общественно-политического строя Узбекистана в дооктябрьский период.

В. А. ШИШКИН

Кандидат исторических наук

(Академия Наук Узбекской ССР)

Факт существования на территории Средней Азии рабовладельческого общества нам кажется несомненным. Это мнение разделяется большинством историков и археологов Средней Азии, так что приводить

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 169.

какую-нибудь дополнительную аргументацию к тому, что уже было сказано, нет никакой необходимости. Однако следует все же признать, что проблема рабовладельческого общества на территории Узбекистана еще далека от полного разрешения. Мы не можем себе представить ясно, как и когда происходило разложение первобытно-общинного строя и формирование классового общества. Наши попытки определить даты этого процесса, занявшего продолжительный отрезок времени, носят пока еще гипотетический характер.

Не больше по существу знаем мы и о внутренней истории рабовладельческого периода, об удельном весе рабского труда, о соотношении рабовладельческого производства с общинным земледелием, о формах собственности и т. д. Без решения этих основных вопросов нельзя определить и ту стадию развития, какой достигло рабовладельческое общество в конкретных исторических условиях на современной территории Узбекистана.

Маркс и Энгельс, как известно, весьма четко разделяют различные формы рабовладения, особо выделяя античное рабовладение, противопоставляя его менее развитому и не достигшему классической формы рабовладению стран Востока, где условия ирригационного земледелия создавали специфическую обстановку для общественного развития. В связи с этим можно выразить большое сомнение в правомерности термина «античный», который употребляется в настоящее время многими авторами по отношению к древней истории Средней Азии. Мы не можем утверждать, что в Средней Азии рабовладельческий способ достиг «античной» стадии, как понимали этот термин Маркс и Энгельс. Вкладывать же новое содержание в марксистский термин не следует.

Много неясности и в вопросе о разложении рабовладельческого общества. Никоим образом нельзя, конечно, предполагать, что переход от одной формации к другой был мирной эволюцией. Он несомненно сопровождался ожесточенной классовой борьбой внутри оседлых оазисов и вторжениями кочевых народов извне, как это происходило на западе, в Римской империи. Тем не менее здесь не могло быть и какой-то единой мощной революции, сразу опрокинувшей рабовладельческий строй. Ведь и та революция рабов и варваров, которая «с громом опрокинула Рим», не произошла внезапно и одновременно. Процесс разрушения древнего Рима происходил веками и принятая историками грань падения Римской империи—свержение Ромула-Августула в 476 г.—является, конечно, чисто условной, и это тем более так, что «новый, формирующийся класс феодальных землевладельцев не противопоставляется классу старых рабовладельцев с такой четкостью, как класс буржуазный—феодальному дворянству»[1].

Это положение, высказанное недавно одним из советских историков для древнего Рима, с еще большим правом может быть принято для Средней Азии. Рабовладение в Средней Азии, как известно, держалось в качестве второстепенного уклада до второй половины XVIII в. и по-настоящему оно было уничтожено только в середине XIX в. Следы же тех классовых битв, которые происходили в переходное время, мы можем видеть в катастрофических разрушениях ирригационных систем, которые наблюдаются в Хорезме, под Бухарой и Самаркандом и в других местах. В качестве одной из последних революций этого периода следует рассматривать восстание Або (Абруя), исследованное С. П. Толстовым.

Мне кажется сомнительной характеристика восстаний Маздака и Муканны, данная докладчиком. Эти два восстания не следует смешивать: первое из них было движением, направленным против нарождающегося феодализма, второе должно в основном рассматриваться как восстание против чужеземных захватчиков—арабов, хотя бы оно и проводилось под знаменем религиозных идей того же самого маздакизма. Следовательно, оценка этих восстаний должна быть различной.

[1] Е. А. Штаерман, ВДИ, 1953, № 2, стр. 51—79.

В значительной мере предположительно намечается и та стадия развития, которая может считаться началом феодальных отношений. И в этом случае нам не достает сведений о ведущей форме собственности, в частности, о наиболее распространенной форме землевладения, о формах эксплуатации трудового населения, о зарождении нового класса—дихкан, феодальных землевладельцев, связанных еще, надо полагать, с прежними рабовладельческими отношениями.

Перед нами стоит задача построить марксистско-ленинскую историческую периодизацию рабовладельческого общества в Средней Азии. Но строго научная периодизация не является особой, самостоятельно решаемой проблемой. Она мыслится только как вывод из всей суммы наших знаний об историческом прошлом. Несомненно, самое «открытие» рабовладельческого общества на территории Средней Азии является большим достижением советской археологии. Теперь мы стоим на значительно более высокой ступени знания, чем два десятилетия тому назад, но все же приходится признать, что наши знания еще недостаточны, что периодизация рабовладельческого периода может быть дана лишь с известной мерой приближения к исторической действительности. Задачей наших дальнейших исследований является накопление и систематизация фактов, необходимых для уточнения принимаемой нами теперь исторической периодизации.

Второй вопрос, который я затрону,—вопрос о феодальном периоде, точнее—о его последнем этапе.

При решении вопроса о периодизации феодального общества, так же, впрочем, как и рабовладельческого, необходимо учитывать два весьма существенных момента, придающих большое своеобразие феодальному развитию Средней Азии. Первое из них—орошаемое земледелие, в условиях которого значительно медленнее, как известно, происходит исчезновение сельской общины. На ранних стадиях развития орошаемое земледелие, как начало организующее, содействует ускоренному разложению первобытного общества, формированию классов и государства, но в дальнейшем оно тормозит развитие производительных сил, и развивающийся здесь феодализм принимает в конце концов застойный характер.

Причину этого можно видеть, возможно, в том что, если организация искусственного орошения требует объединения большой массы людей, во главе которых становится «деспотическое правительство, вознесшееся над мелкими общинами»[1], то в дальнейшем при всей тщательности обработки земли техника земледелия остается примитивной: крупных хозяйств типа помещичьих здесь нет, земля делится на мелкие участки, которые отдаются крестьянам на правах издольной аренды. Институт издольщины проходит через всю историю среднеазиатского средневековья.

Это мы можем проследить не только в Средней Азии, но и в других, рано развивавшихся странах Востока—Египте, Индии, Китае, Месопотамии, где в условиях необходимости ирригационного земледелия чрезвычайно рано складывается классовое общество и где, вследствие устойчивого характера общины, феодализм сохраняется на-

[1] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, ВДИ, 1940., № 1, стр. 11.

долго, сохраняется тогда, когда в Западной Европе складываются и развиваются уже новые, капиталистические отношения.

Второй важный фактор, сильно влиявший на экономическую и политическую жизнь страны с отдаленнейших времен—это постоянное сосуществование двух различных хозяйственных укладов—оседлого и скотоводческого.

Действие этого фактора двояко. С одной стороны, различие в системе хозяйства и получаемой продукции приводило к оживленному обмену, развитию ремесленной промышленности в городах, особенно пограничных со степью, с другой стороны, это вызывало постоянные военные столкновения, причем страдающей от них стороной, по большей части, хотя и не всегда, являлись оседлые оазисы. Набеги кочевых племен на земледельческие районы были обычным повседневным явлением, особенно в то время, когда политическая власть была ослаблена. Иногда эти набеги принимали характер сокрушительных нашествий, нарушавших нормальное развитие хозяйственной жизни. Они рассматриваются часто как внешние завоевания. Думаю, что это в корне неправильно. Если не принимать во внимание арабского завоевания и монгольского нашествия—типичных чужеземных завоеваний, то остальные события такого рода следует считать проявлением именно этих, упомянутых выше, особенностей исторического развития Средней Азии, имеющих отношение к внутреннему процессу развития, влиявших непосредственно на базис.

В указанных двух особенностях мы склонны видеть весьма важную причину замедленного развития феодализма и то, что этот феодализм принял длительную застойную форму, внутри которой не нашлось сил, способных создать новые более прогрессивные формы хозяйства—буржуазно-капиталистические.

Феодальный способ производства, феодальный порядок незыблемо сохранялись до середины XIX в. Незыблемо сохранялся институт условного феодального землевладения—«танхо», чайрикерство—(издольная аренда), вакуфное землевладение духовенства. Поэтому нам кажется неправильным говорить о «поздних стадиях феодализма», о «кризисе феодальных отношений»—определениях, которые часто применяются по отношению к периоду после XVI в.

Сказанное вполне относится и к формулировке И. С. Брагинского—«период упадка феодализма». Мне кажется, что эти слова были бы правильны в том случае, если бы в недрах феодализма в Средней Азии развивались и вызревали хотя бы зародыши капитализма, т. е. те силы, которые при дальнейшем развитии должны были привести к революционному взрыву, к уничтожению феодальных отношений. Однако ничего подобного в этот период в Средней Азии мы не видим. И сравнение с Европой XV в., где, по словам И. С. Брагинского, также переживался большой упадок, совсем неудачно, потому что в Европе XV в. как раз возникают очень мощные ростки капиталистических отношений, уничтоживших затем феодализм, а этого-то именно в Средней Азии мы и не видим. С другой стороны, несомненно, что, начиная с XV в., мы наблюдаем нарастающий хозяйственный кризис (не «кризис феодализма»), достигающий своего наибольшего развития к середине XV в. Это один из тех кризисов феодального производства, которые периодически повторялись на протяжении среднеазиатского средневековья, кризисов, никоим образом не выходящих за рамки феодализма и не создающих предпосылок для выхода из него, а наоборот, задерживающих дальнейшее развитие. Причину этих кризисов и всегда очень тяжелого процесса ликвидации их последствий мы склонны видеть, в основном, именно в тех самых

особенностях феодализма в Средней Азии, о которых было сказано выше.

В периодизации феодального периода в Средней Азии, как правильно подчеркивал Р. Н. Набиев, необходимо отказаться от выделения отрезка времени с XV до середины XIX вв. в особый отдел «позднего феодализма».

Я вполне согласен с Р. Н. Набиевым также и в том, что начало этого «упадка» надо считать не с момента завоевания страны Шейбанихаком. Он начинается значительно раньше, никак не позднее середины XV в., да и самый расцвет феодальных отношений в XIV—XV вв., как на это тоже указывалось, стоит под большим сомнением. Но тот факт, что начиная с XV в. этот кризис хозяйственной и культурной жизни все время нарастал; вплоть до XVIII в., когда он достиг, можно сказать, апогея, является несомненным.

Позволю себе остановиться на некоторых частных замечаниях по докладу И. С. Брагинского.

Во II томе «Истории народов Узбекистана» много ошибок, подлежащих исправлению, но докладчик приписал этому тому еще одну грубую ошибку, которой там нет. В нашей книге нигде не сказано, что «к моменту присоединения Средней Азии к России этот кризис (имеется в виду кризис XVIII века —*В. Ш.*) был уже полностью преодолен» (текст доклада И. С. Брагинского, стр. 17). В «Истории народов Узбекистана» говорилось только о начале преодоления кризиса, который, кстати, нигде не называется «кризисом феодальных отношений». На стр. 116 и 141 указан ряд фактов, свидетельствующих о некотором развитии производства (оросительные работы, оживление торговли, возникновение новых городов и т. д.) с оговоркой, что эти факты, свидетельствующие о развитии производительных сил страны, «были недостаточно сильны, чтобы повлиять коренным образом на экономику». Таким образом, тезиса о полном преодолении кризиса XVIII века в «Истории народов Узбекистана» нет.

Кроме того, нельзя согласиться и с характеристикой первой половины XIX в., которую дает докладчик. Он рассматривает это время, как период углубления кризиса. Совсем не желая идеализировать это мрачное время жесточайшей феодальной эксплуатации, произвола ханов и постоянных войн между ними, объективно нельзя не видеть определенного оживления в хозяйственной и культурной жизни. В политической жизни мы также не видим усиления феодальной раздробленности, наоборот, происходит, хотя и далеко неполная, централизация власти в трех ханствах.

Мне кажется, что феодальную раздробленность нужно рассматривать как бы в двух разрезах: или это раздробление страны на мелкие государства, или это раздробление сравнительно крупного государства на мелкие владения феодалов при наличии как бы единой государственной власти, которая создает видимость централизации. Так, например, я совершенно не согласен с характеристикой государства саманидов, как государства централизованного. Там действительно была единая, как бы центральная власть, с сложным бюрократическим аппаратом, но зато там были феодалы, которые, по крайней мере в конце существования государства саманидов, не признавали центральной власти, выступали против нее.

Другого типа феодальная раздробленность страны на мелкие государства, не подчиненные одно другому. Именно такого типа феодальную раздробленность мы имеем в XIX в. Страна распадалась на три ханства, да, кроме того, существовал ряд областей, в частности южная Туркме-

ния; бекства южного Таджикистана, которые не входили в состав этих ханств и представляли самостоятельные единицы. Но внутри трех больших ханств—Бухарского, Хивинского и Кокандского—мы видим определенный процесс консолидации власти. Феодалы бухарского и хивинского ханств теряют свою самостоятельность, они вынуждены идти на службу к эмиру, они зависят от эмира, и мне кажется, при таких условиях говорить об усилении феодальной раздробленности нельзя. Она была сильна, но по сравнению с XVIII в. эта раздробленность была гораздо меньшей. Ханства действительно держались жестоким террором, но какое феодальное государство не держится террором и военной силой? В каком классовом государстве трудящиеся массы не подвергаются эксплуатации со стороны правящей верхушки? Повторяю еще раз: все указанные явления укрепления политической и экономической жизни носили весьма ограниченный характер и были больше похожи на залечивание ран, чем на действительное развитие, но наличия их отрицать нельзя.

М. М. ДЬЯКОНОВ

Доктор исторических наук

(Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР)

Сессия убедительно показывает, что, несмотря на ряд разногласий и неразработанность некоторых проблем, советская историческая наука, и в частности историография Средней Азии и Казахстана, достигли за 20 лет, истекшие со времени известных решений ЦК Коммунистической партии по идеологическим вопросам, значительных успехов.

В вопросах периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана также достигнуты значительные успехи и мне кажется, что тот скептицизм, который прозвучал в выступлении В. А. Шишкина, излишен.

Конечно, остается много спорных вопросов. Для окончательного решения ряда важных проблем у нас пока еще нет достаточного количества данных, но все же мы пришли к единству взглядов в основных вопросах, связанных с периодизацией истории народов Средней Азии и Казахстана. Это уже немалый успех и, в частности, большое значение имеет тот факт, что товарищи, которые отстаивают точку зрения «вечного феодализма» и отрицают наличие рабовладельческого строя в истории народов Средней Азии и Казахстана, остались в абсолютном меньшинстве.

Думается, что напрасно И. С. Брагинский, освещая краткую историю вопроса, не подчеркнул достаточно ясно значение, которое имело для установления единой периодизации совещание археологов и историков Средней Азии в 1948 г. в Ленинграде и не привел в докладе предложенные тогда схемы периодизации.

Собственно говоря, периодизация, предложенная тогда С. П. Толстовым, имеется в примечании на шестой странице печатного текста доклада И. С. Брагинского, но периодизация, выдвинутая А. Ю. Якубовским, не вошла в доклад. А ведь эта важная работа А. Ю. Якубовского, хотя и имеет ряд существенных недостатков, являлась серьезным шагом вперед в деле установления научной периодизации истории народов Средней Азии и нужно было бы привести ее, а не ограничиться одной цитатой из этой работы, да к тому же и искаженной, как указывал на это В. А. Шишкин.

Я не стану затрагивать здесь вопрос о периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана в эпоху первобытно-общинного строя,

хотя этот важный вопрос и требует специального обсуждения. В данный момент нас интересует более близкая нашему времени эпоха.

Я остановлюсь лишь на вопросах общей характеристики рабовладельческого строя в истории народов Средней Азии, возникновения классового общества у племен и народов Средней Азии и перехода от рабовладельческой эпохи к феодальной.

Сейчас уже нельзя отрицать существования в истории народов Средней Азии и Казахстана важного и большого этапа, характеризующегося господством рабовладельческого способа производства. Причем следует говорить именно об эпохе господства рабовладельческой формации, а не просто о существовании в определенное время рабовладельческого уклада наряду с другими укладами. Естественно, что в эпоху рабства в разных районах этой обширной территории существовали разные общественно-экономические уклады, но они не просто сосуществовали в каком-то аморфном обществе. Нет. Рабовладельческий уклад был господствующим и определял основной способ производства, характерный для передовых обществ Средней Азии того времени.

Некоторые скептики из нашей среды говорят, что у нас мало прямых данных о наличии и господстве в древней Средней Азии рабовладельческого общества. Следует заметить, что действительно письменные источники дают нам пока что мало таких данных. Только документальные, а не повествовательные письменные источники могут дать такие прямые свидетельства и, кстати сказать, уже начинают появляться такие документы и несомненно, что при тех успехах советской археологии, какие мы наблюдаем в последние годы, они будут добываться из-под земли во все большем и большем количестве. Я напомню здесь хотя бы открытые С. П. Толстовым хорезмийские документы отчетно-хозяйственного характера и парфянские документы, в расшифровке которых я принимаю участие. Когда эти документы будут полностью расшифрованы и изданы, мы получим несомненно важнейшие новые данные по истории общественного строя древней Средней Азии. Но пока эти данные не вошли в научный обиход, мы обязаны, как говорил и М. Е. Массон, широко пользоваться важнейшим историческим источником, к которому, между прочим, историки древности и раннего средневековья (которым надлежит особенно широко им пользоваться) обращаются не часто. Я имею в виду археологический материал.

Огромные успехи археологии в Средней Азии и Казахстане за последнее десятилетие обязывают нас особенно внимательно относиться к археологическим данным.

Советские историки вооружены сильнейшим оружием—марксистско-ленинской теорией, которая позволяет нам правильно осмыслить имеющиеся в нашем распоряжении богатейшие фактические данные. Пусть эти данные еще неполны, пусть целый ряд периодов мы не можем еще осветить с достаточной точностью, пусть мы не можем еще осуществить членения на отдельные мелкие подпериоды одного большого периода, но это не избавляет нас от обязанности осмыслить исторический процесс.

И мне кажется, что богатейшие памятники материальной культуры, добываемые археологами, должны быть озарены светом марксистско-ленинской теории и тогда мы можем заставить их говорить очень явственно. В этом деле нам должен помочь ясно сформулированный И. В. Сталиным в его работе «Экономические проблемы социализма в СССР», закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Тот уровень производительных сил, еще середины первого тысячелетия до нашей эры, который рисует нам для

передовых районов Средней Азии археологический материал, говорит о неизбежности господства в местном обществе рабовладельческих отношений.

Естественно встает вопрос, а как быть с обществом, где преобладало кочевое скотоводство? Неужели и они знали в своем развитии рабовладельческую эпоху? Здесь нужно отдать себе отчет в том, что, во-первых, кочевники северных степей были в древности (как и в более позднее время) теснейшим образом связаны с земледельческими оазисами, а во-вторых, не нужно забывать и того, что кочевники проникали во все поры среднеазиатских обществ древности, даже в старых земледельческих районах, вроде Согда и Бактрии. Многие археологи подтвердят это. В. А. Шишкин может подтвердить сказанное по материалам территории Бухарского оазиса.

Кочевники и оседлые земледельцы это не два обособленных противопоставленных друг другу мира. Это единый мир. Только понимание сложного взаимодействия кочевников и оседлых земледельцев даст возможность разобраться в проблемах среднеазиатской древности. Когда мы говорим о разноукладности, то мы имеем в виду, главным образом, отставание в общественном развитии части племен и народностей, в основном именно кочевых и очень важных в истории Средней Азии горных племен. У этих племен долгое время господствует медленно распадающийся общинно-родовой уклад.

Мне вспоминается выступление С. С. Черникоза, который уже в самом конце своего выступления предупредил товарищей, чтобы они особенно не увлекались определением земли, как важнейшего средства производства кочевников, говоря, что в ранние периоды земля не могла играть этой роли и что скот был важнейшим средством производства.

Мне кажется, что С. С. Черников неправ.

Феодальный способ производства без собственности на землю представить себе нельзя. Но на ранних этапах развития кочевого общества не было феодализма, не было и феодальной собственности на землю.

Мне кажется далее, что позиция А. А. Рослякова, выраженная в его содокладе, несколько противоречива и не диалектична.

Правильно, с моей точки зрения, критикуя тех товарищей из Казахстана, которые говорят о зарождении феодальных отношений в кочевом обществе уже в первых веках нашей эры, А. А. Росляков, вместе с тем, докладывая здесь о кочевых обществах Средней Азии, сам невольно приписывает им более высокую ступень развития, чем в обществах оседлых земледельцев. А. А. Росляков, пытается оторвать кочевое население от земледельческого, что неверно. Этот мир был един и создавать отдельные схемы периодизации для кочевого населения и земледельческого вряд ли правомерно.

В связи с рассмотрением эпохи господства рабовладельческого строя возникает и вопрос о роли общин при этом строе.

Некоторых товарищей смущает та большая роль, которую играют в общественной жизни этой эпохи свободные общины.

Этим товарищам кажется, что общество рабовладельческой эпохи состояло из рабовладельцев и рабов, причем рабы должны составлять абсолютное большинство населения. Это неверная точка зрения.

Возьмем пример из всем известной истории древнего Средиземноморья. В Греции большая концентрация рабов, скажем в V в. до н. э. была в Афинах и еще в двух-трех городах-государствах. Но если взять всю Грецию в целом, с такими областями, как Беотия, Фессалия и ряд других, то мы увидим, что свободный крестьянин-общинник играл в общественной жизни Греции того времени огромную роль.

Но никто на этом основании не станет утверждать, что Беотия и Фессалия, в противоположность Аттике, не знали рабовладельческого строя.

Возьмем, наконец, республиканский Рим двух последних веков до н. э. Кто был римский легионер? Кто бросил под ноги Риму и покорил все Средиземноморье, если не свободный италийский крестьянин-общинник?

В связи с этим я считаю противоречивой формулировку, которая имеется в докладе И. С. Брагинского: «Несмотря на интенсивное развитие рабовладения в Средней Азии как **ведущего** уклада общества, **преобладающую** роль сохраняла сельская община с мелким крестьянским хозяйством внутри нее» (Подчеркнуто нами.—*М. Д.*).

Это жонглирование терминами. Здесь нашла свое отражение старая точка зрения докладчика, от которой он теперь уже, как видно, отошел. Ведь он не склонен был вообще не признавать существования рабовладельческой формации в Средней Азии, господства здесь рабовладельческого способа производства. Посудите сами: если **ведущим** укладом был рабовладельческий, как же может быть **преобладающей** роль сельской общины?

Я не поднимаю в данной связи спора о том, какую роль в древней Средней Азии играла родовая община, а какую—сельская община, хотя и считаю этот вопрос чрезвычайно интересным. Хочу только сказать, что мы имеем право утверждать, что в основном рабовладельческий способ производства в древней Средней Азии не отличался от рабовладельческого способа производства в других странах древнего мира, несмотря на все свое своеобразие.

Кстати, о «своеобразии» и о «классической» форме того или иного общественного строя. Кто-то здесь упоминал о «классической форме феодализма». Что такое классическая форма феодализма или рабовладения? Мне это непонятно. Мы обязаны находить общие закономерности за разнообразием конкретной действительности. Если мы будем искать «классический феодализм», то найдем его только в иерусалимский ассизах. И, конечно, феодализм Франции существенно отличался от феодализма в Англии. Феодализм в России имел другой облик, чем в Германии. Возьмем, скажем, Норвегию, которая вообще не знала крепостного крестьянства. Думаю, что в Казахстане в XVIII в. (хотя я и не специалист по этому периоду) был именно феодализм, а не какой-то другой строй. Поэтому я считаю неправильным называть общественный строй древней Средней Азии общинно-рабовладельческим или патриархально-рабовладельческим. Это рабовладельческий строй с теми местными особенностями, которые присущи рабовладению в разных областях древнего мира.

Не имея возможности в кратком выступлении коснуться вопроса внутренней периодизации этой большой эпохи, я хочу говорить лишь о ее начале и конце, хотя уже и сейчас можно в какой-то мере наметить членение внутри этой важной эпохи. В выступлении М. Е. Массона был некоторый материал для такого расчленения рабовладельческой эпохи по периодам.

В советской исторической науке можно считать уже установившейся точку зрения, что сложение классового, именно рабовладельческого общества в передовых районах Средней Азии, переход к сложным ирригационным системам, пашенному земледелию, к внедрению железного плуга в земледелие—происходит примерно во второй четверти первого тысячелетия до нашей эры.

Мне кажется, В. А. Шишкин напрасно проявляет такой скептицизм

в вопросе о начале рабовладельческого общества, потому что он сам немало сделал для выяснения данного вопроса своими работами в Бухарском оазисе.

Археологические данные по этому вопросу растут с каждым годом. Очень важный, интересный факт: нижние археологические слои важнейших центров Средней Азии, таких, как Мерв, Балх, Самарканд, относятся именно ко второй четверти первого тысячелетия до нашей эры. Эта культура обнаружена также в Северной Бактрии и в Хорезме (правда, мы еще не имеем подробной публикации по этому вопросу, хотя уже знаем из работ С. П. Толстова о наличии такой культуры в Хорезме).

Мне самому приходилось работать над этой проблемой. Поэтому мы можем сказать, что неправильно утверждение одного из выступавших, что города появляются в Средней Азии в III в. до н. э. Это точка зрения Тарна, известного английского эллиниста, который приписывал появление городов в Средней Азии влиянию греков времени Александра Македонского.

На самом деле городская жизнь в Средней Азии, как хорошо показал М. Е. Массон, появляется, конечно, гораздо раньше, и именно во второй четверти первого тысячелетия до нашей эры.

Оговорюсь сразу, что в особом положении стоят общества прикопетдагской полосы. Нужно сказать, что там земледелие развивалось на несколько иной основе. И судя по уровню развития производительных сил, которые рисуют нам раскопки, проведенные за последнее время, можно думать, что там классовое общество и зачатки государственности, возможно, возникли несколько раньше (насколько раньше—не берусь утверждать), чем вторая четверть первого тысячелетия до нашей эры.

К сожалению, мы имеем мало публикаций по этим памятникам. Все же кое-что дают публикации важных работ Б. А. Литвинского на городище Намазгах-Тепе, да даже и старые, плохо и методически неправильно проведенные работы американской экспедиции начала XX в.

Важность этого вопроса сама по себе понятна и заставляет меня с данной трибуны обратиться к представителям Академии Наук Туркменской ССР.

Я прошу обратить внимание Президиума Академии на неудовлетворительную постановку изучения важнейших, я бы сказал мировых памятников культуры, находящихся на юге Туркмении.

Смерть Б. А. Куфтина, принявшегося в 1952 г. за систематическое изучение этих памятников, весьма прискорбна, но она не может заставить отступить и передать их изучение в руки некомпетентных лиц. Мне кажется, что Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) в ближайшее время должна начать серьезное изучение этих памятников, как научной проблемы первостепенного значения. Без таких работ все построения, вроде тех, которые фигурировали в проспекте первого тома «Истории Туркменской ССР», останутся праздными домыслами.

Что касается конца рабовладельческой эпохи, то и он вырисовывается археологически довольно отчетливо. Между прочим в этом вопросе существует еще много разногласий, и есть довольно большая группа товарищей, которые сомневаются в четкости и ясности грани между рабовладельческим и феодальным обществами. Однако мне кажется, что мы получаем с каждым годом от археологов, работающих в самых различных районах Средней Азии, все больше и больше подтверждений действительного существования такой грани, определяющей своеобраз-

ный кризис рабовладельческого строя. Я не имею возможности входить здесь во все детали вопроса, а снова сошлюсь на выступление М. Е. Массона, который привел очень существенный и важный пример этого кризиса на материале своих работ. Такие примеры можно было бы умножить, но мне думается, что и те сведения, которые имеются по этому вопросу в работах С. П. Толстова и других специалистов—это подтверждают. В IV—V вв. происходят чрезвычайно серьезные события, которые приводят к тому, что в Средней Азии несомненно меняется вся экономика и вся общественная жизнь населявших ее народов.

В дальнейшем мы видим, как начинается быстрый рост культуры, возникающей уже на другой основе.

Причины перехода от рабовладельческого к феодальному способу производства рассмотрены в докладе И. С. Брагинского не совсем верно, и то, что там сказано относительно «эксплуатации поливальщиков», вряд ли может нас удовлетворить.

Кроме того, я не согласен с гипотезой о коренном изменении ирригационной системы, о которой говорил И. С. Брагинский. Я считаю, что нет данных для того, чтобы говорить о **коренном** изменении ирригационной системы. Дело не в коренном изменении системы ирригации, а в других процессах, происходивших внутри самого общества. Если изменения в ирригационной сети и произошли, то они были следствием процессов, происходивших в недрах общества, а не их причиной.

Мы не имеем точных данных письменных источников о ходе разложения рабовладельческого общества и возникновения феодального строя в Средней Азии, но мы можем приведенные выше археологические данные связать с известными нам сведениями письменных источников по соседнему Ирану, где этот процесс освещен лучше. Я имею в виду замечательный, еще недостаточно использованный историками памятник: сасанидский судебник «Матикан-и Хазар Датестан», сборник различных юридических прецедентов, сведенных воедино в конце господства династии сасанидов (VI—VII вв.). В этом судебнике хорошо отражен процесс превращения раба в зависимого человека, вроде колона. Особенно интересны приводимые судебником данные о частичном освобождении рабов, на одну десятую, одну пятую, на половину. Это означало, что раб получал право на присвоение указанной части своего труда. Следовательно, происходит процесс, сходный с образованием колоната в Римской империи. Но он сочетается с процессом закабаления свободного общинника и превращением его в феодально-зависимого крестьянина, каким, в конечном счете, становится и бывший раб. Это как бы две стороны одного процесса. А происходит этот процесс оттого, что оказывается нарушенным закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Исчезла возможность расширенного воспроизводства, возросший уровень развития производительных сил требовал замены безинициативного раба работником другого типа. Словом, происходил процесс, известный и по другим странам древнего мира. Есть все основания для того, чтобы постулировать его в качестве гипотезы и для Средней Азии.

Волна народных крестьянских движений, начиная с конца V в. охватившая Иран, Среднюю Азию, Закавказье, есть проявление этого процесса, есть борьба общинников против закабаления.

Почему-то из всей обширной советской литературы по вопросам истории Средней Азии и Ирана И. С. Брагинский избрал для критики только мою скромную персону, причем взял цитату о движении маздакитов из моей статьи, опубликованной восемь лет назад, и стал обвинять меня в недооценке народных движений. Я не стану отстаивать эту цита-

ту, там есть чрезвычайно неудачное слово («порочное»), неправильно примененное к движению маздакитов. Но все мы растем, и я вырос за эти восемь лет и считаю теперь, что данное мной определение неправильно. Но мне кажется, что и И.С. Брагинский, несмотря на декларацию, не дал в своем докладе объяснения причин прогрессивности ранне-средневековых крестьянских движений.

Однако я говорил тогда и сейчас продолжаю утверждать, что движение, подобное маздакитскому, в своей программе ничего не могло противопоставить надвигающемуся феодализму и было обречено на поражение. Вместе с тем, разумеется, все эти огромные по размаху движения составляли неотъемлемую часть процесса становления феодализма, в них находила свое выражение борьба закабаляемого общинника с наступающим феодализмом.

В свете изложенного становится ясной ошибочность утверждения о сложении патриархально-феодальных, т. е., как мы уже договорились, феодальных, но сохраняющих лишь патриархальную оболочку, отношений в степях Казахстана в первых веках нашей эры.

Таким образом, феодальную эпоху, судя по археологическим данным и по письменным источникам, относящимся к соседнему Ирану, следует начинать с VI, а не с IX в., как это делает И. С. Брагинский. Материальная и духовная культура с этого времени носит уже явно феодальный характер. Существовавшую некоторое время тому назад и частично получившую свое отражение в противоречивости некоторых положений доклада тенденцию приблизить начало феодальной эпохи к нам, установив некий промежуточный «дофеодальный» период, следует признать неудачной. Эта тенденция была вызвана к жизни тем обстоятельством, что некоторые исследователи были склонны считать формы эксплуатации решающим при определении феодальной формации. Не видя в ранние века существования феодализма такого, скажем, явления, как прикрепление крестьян к земле, эти исследователи отказывались признать подобное общество феодальным. Однако мы знаем ряд случаев в истории той же Европы, в частности в уже упоминавшейся мною Норвегии, где вообще не было в средние века крепостного крестьянства, хотя строй там был несомненно феодальный. И. В. Сталин подчеркнул в работе «Экономические проблемы социализма в СССР», что основой феодализма является феодальная собственность на землю. Поэтому отсутствие известных нам по другим, лучше изученным странам форм эксплуатации непосредственного производителя еще не означает отсутствия в Средней Азии VI—IX вв. феодального способа производства.

Хотел коснуться буквально в двух-трех словах вопроса об икта. И. С. Брагинский неправ, когда говорит, что икта, упоминаемая в ранних сочинениях по фикху, это тот же феодальный институт, что и известная нам по XI в. икта. Это неверно. В ранних сочинениях по фикху слово «икта» употреблено в своем первоначальном значении, то есть в смысле раздела земель «мават», выморочных земель.

Товарищи! Советская историческая наука, в частности, тот ее раздел, который посвящен изучению Средней Азии и Казахстана, имеет блестящие перспективы развития. Нам нужны сейчас конкретные исследования, которые помогут уточнить целый ряд невыясненных вопросов. Правильно сказал В. А. Шишкин, что периодизация понимается нами, как итог всей нашей большой работы над конкретными источниками. Нам следует заняться углублением конкретно-исторических исследований.

В частности важный вопрос был поставлен в выступлении Б. А. Литвинского. Я считаю, что, действительно, нам необходимо реабилити-

ровать такую вспомогательную историческую дисциплину, как нумизматика, которая должна помочь в решении очень важных вопросов товарного производства, экономики рабовладельческого и феодального общества.

Будем надеяться, что сессия подведет итоги новым достижениям нашей науки, связанным с решением важнейших проблем, а следующая сессия, которая несомненно будет созвана в ближайшие годы, осветит наше дальнейшее движение вперед в деле создания подлинно марксистской, насыщенной фактами, глубоко идейной истории народов Средней Азии и Казахстана.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

Кандидат исторических наук

(Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР)

Проблемы периодизации имеют существенное значение для разработки вопросов истории человечества вообще, имеют особое значение и для Средней Азии, учитывая неразработанность ряда важнейших исторических проблем ее исторического прошлого. Следует отметить при этом существенный момент, благодаря которому вопросы периодизации Средней Азии приобретают сугубую важность.

Средняя Азия является первой из ближневосточных стран, в отношении которой вопросы периодизации систематически разрабатываются с марксистских позиций. То или иное решение этих вопросов будет иметь немаловажное значение и для изучения других стран Востока. Ясно и значение разработки вопросов периодизации для практической работы историков и археологов Средней Азии, а также для составления учебников в помощь учебным заведениям. Все это налагает особую ответственность на историков, которые берут на себя нелегкий труд по разработке проблемы периодизации. Абсолютно необходимым условием при этом является знание состояния науки, серьезное знание тех проблем, которые выдвигаются практической разработкой отдельных периодов и отдельных районов страны. Под силу ли это в настоящее время одному человеку? Думаю, что нет. История народов Средней Азии является сейчас предметом изучения пяти научно-исследовательских институтов в республиках Средней Азии, коллективов историков в университетах среднеазиатских республик, а также значительных групп историков и археологов в Москве и Ленинграде. На сессии мы видели, насколько сложно решение даже отдельных вопросов.

В связи с этим думаю, что поручение трудной задачи создания обоснованной схемы периодизации Средней Азии и Казахстана одному человеку является результатом недостаточно серьезного внимания к делу со стороны Института истории Академии Наук СССР, являющегося инициатором совещания. Наличие содокладчиков мало меняет суть дела. Основным документом для участников сессии сейчас является общий доклад И. С. Брагинского. Не будучи в состоянии охватить в полной мере историческую и археологическую проблематику, разрабатываемую историками и археологами Средней Азии, И. С. Брагинский пошел по линии наименьшего сопротивления. Он расписал на карточки подзаголовки обобщающих трудов, составленных в республиках Средней Азии. В сопоставлении этих подзаголовков он видит решение своей задачи. Если при сопоставлении нет расхождений, И. С. Брагинский успокаивается и периодизация данной эпохи его вполне удовлетворяет. Однако И. С. Брагинский забывает при этом, что использованные им обобща-

ющие труды отражают уже состояние науки вчерашнего дня. Объем данных, представленных в указанных трудах, доступен и обязателен для школьников. Но он не может служить обобщением действительного состояния науки на сегодняшний день, тем более программой для будущего.

В этом смысле особенно характерным является первый раздел доклада И. С. Брагинского: «Эпоха первобытно-общинного строя и его разложения». В этом разделе читаем: «По эпохе первобытно-общинного строя в Средней Азии—в определении хронологических границ эпохи и ее характера, в связи с недостаточной изученностью вопроса у историков Средней Азии нет сколько-нибудь серьезных разногласий». Сама формулировка весьма странная.

Однако дело не в неудачной формулировке. Как известно, изучение этой эпохи базируется целиком на археологическом материале. Я бы порекомендовал И. С. Брагинскому посетить выставку Музея истории в Ташкенте. Великолепные археологические памятники, открытые в последние годы, дают возможность выдвинуть целый ряд новых важнейших проблем по этой эпохе, которые представляют несравненно более живой интерес, чем общие рассуждения, приведенные в тезисах доклада.

Такова интереснейшая чустская стоянка в Ферганской области, дающая культуру, синхронную андроновской и выдвигающая важные исторические проблемы связи андроновских племен с их южными соседями, чего мы до сих пор совершенно не знали.

Таков материал раскопок Я. Г. Гулямова в низовьях Зеравшана, вскрывших связи Анау также с андроновской культурой. К кругу этих же проблем относится и открытая О. В. Обельченко культура курганов в том же Бухарском оазисе, тесно связанная с сарматскими памятниками, и т. д.

В связи с этим разделом доклада И. С. Брагинского отмечу неуместность приводимой цитаты из сочинений. В. И. Ленина, что «Россия географически, экономически и исторически относится не только к Европе, но и к Азии». Очень сомневаюсь, что контекст работы В. И. Ленина позволяет отнести это высказывание к эпохе первобытно-общинного строя. Без контекста—это игра в цитаты. Однако само положение о древних взаимосвязях Средней Азии с югом Российской равнины я не оспариваю. Здесь было бы уместно обращение к фактическому материалу, к конкретным археологическим памятникам.

Остановлюсь подробнее на втором разделе доклада: «Эпоха рабства».

Прежде всего отмечу или опечатку, или непонятное противоречие, когда автор говорит о том, что эпоха эта охватывает время с конца I тысячелетия до нашей эры по V—VI вв. н. э., хотя в другом месте он говорит: с VII в. до н. э. по V—VI вв. н. э.

В качестве одной из предпосылок возникновения рабовладельческих отношений в Средней Азии докладчик видит переход от огородничества к полеводству. Насколько я могу судить, в этом утверждении имеется фактическая неточность. Автор смешивает огородничество с мотыжным земледелием. Огородничество предполагает огородные культуры. Насколько известно, древнейшие в Средней Азии культуры, которые возделывались человеком, были зерновые злаки (Анау). Огородные культуры—явление более позднее.

Однако главный недостаток в данном разделе не в этом. По схеме автора, не совсем ясно изложенной, в связи с появлением пашенного земледелия выдвигается центральная задача прокладывания больших каналов. Одновременно развивается частная собственность и складывается домашнее рабство, происходит рост социального неравенства внутри общин, выделяется богатая родовая аристократия. Все это служит социальными предпосылками для возрастающего использования рабов для рытья каналов. Войны и поставляют необходимые массы пленников, обращаемых в рабство. Отмечу, кстати, невозможную фразу (стр. 5), а именно: «Непрерывные войны поставляли необходимые массы пленников, обращаемых в рабов, и сделали возможной реализацию предпосылок». Что такое реализация этих предпосылок—мне непонятно.

Нельзя не отметить, что мы для этого времени ничего не знаем о домашнем рабстве. Что касается рабства вообще, то, как известно, оно постулируется благодаря наличию в Средней Азии в древности больших оросительных каналов. Этот постулат выдвинут давно. В сущности именно на этом постулате основывается и вся теория рабовладельческого строя. Я не собираюсь ревизовать эту теорию. Может быть я ошибаюсь, но конкретных фактов из древней истории о прокладке оросительных каналов руками рабов—военнопленных не приводится. Заключение это обычно аргументируется умозрительно: проведение больших каналов невозможно без применения рабской силы. Однако я бы мог привести конкретный пример, подтверждающий это положение, правда, не для Средней Азии. Имею в виду сооружение грандиозных ирригационных сооружений на р. Каруне пленниками-римлянами при сасанидском царе Шапуре в III в. н. э. Вполне возможно, что такие факты имели место и в рассматриваемое нами время и в Средней Азии. Докладчик категорически утверждает, что создание огромных ирригационных сооружений было возможно в тех условиях только благодаря применению рабского труда. Но безупречна ли такая аргументация? Прежде всего, что делали в это время общинники? Участвовали ли они в прокладке ирригационных систем? Верно ли то, что ирригационная система, являющаяся крупнейшим достижением материальной культуры народов Средней Азии, целиком создана руками рабов-военнопленных? Позволительно также спросить—подвергались ли вообще общинники эксплуатации? Правда, И. С. Брагинский говорит, что сельская община с мелким крестьянским хозяйством сохраняла преобладающую роль, но в той же фразе он утверждает, что ведущим укладом общества было рабовладение. В выступлении М. М. Дьяконова уже отмечалась эта несообразность формулировки. Какая разница между понятием «ведущий уклад» и «преобладающая роль» непонятно. Столь же законен и конкретен вопрос—откуда, если не с общинников взимались дани в виде многих талантов серебра, которые уплачивались ахеменидским царям? На все это мы не найдем ответа в тезисах.

Нельзя не привести и еще один момент. Если рытье каналов руками рабов является достаточным основанием для заключения о господстве рабовладельческих отношений, то как судить об общественном строе в Месопотамии IX в. н. э., когда для рытья каналов применяется труд сотен тысяч рабов, когда имело место настоящее грандиозное восстание рабов, едва ли уступающее по размаху движению Спартака? Тот же вопрос можно задать и в отношении тимуровского времени, когда пленные рабы применялись очень широко и на оросительных и на других работах.

Но особенно компрометирует И. С. Брагинский эту теорию, когда говорит о переходе от рабовладения к феодализму.

Если следовать за началом текста раздела III—«Эпоха феодализма», то выходит, что с IV в. до н. э. по I в. н. э. рабами прокладывались каналы и это было временем наибольшего развития рабовладельческих отношений. А вот когда каналы были проложены (через пять столетий)

появляются «хорошие поливальщики» из «единокровных» с аристократией общинников и устанавливаются феодальные отношения. Все это настолько надуманно, что не знаешь даже как и оспаривать. Об этом я говорю не только для того, чтобы возражать собственно И. С. Брагинскому. Мне думается, что аргументацию для обоснования рабовладельческого строя Средней Азии вообще следует усилить новыми данными, новыми наблюдениями.

В связи с этим я бы хотел обратить внимание на существующие в археологической литературе серьезные разногласия в отношении городской жизни. Если бы до того, как составлять свои тезисы, И. С. Брагинский обратился к специальной литературе, то он обнаружил бы существенные расхождения в выводах наших археологов по этому вопросу. Так, С. П. Толстов вплоть до V—VI вв. н. э., т. е. на всем протяжении рабовладельческого строя видит в городе средоточие общинных порядков, где, например, не обособилось ремесленное население. В то же время М. Е. Массон говорит о наличии в городах громадных ремесленных кварталов. А. И. Тереножкин также высказывает точку зрения, отличную от С. П. Толстова и от М. Е. Массона. При этом хуже всего, что характер раскопок таков, что ни одна точка зрения фактически не обосновывается. Ни в Термезе, ни в Хорезме раскопки городов не доведены до «рабовладельческого строя» (если можно так выразиться), чтобы убедительно обосновать ту или иную точку зрения.

В связи с этим исключительно большой интерес представляет сообщение М. Е. Массона о результатах раскопок 1953 года в Мерве.

Мне представляется, что именно большие раскопки на территориях городских поселений должны будут дать новые материалы для характеристики реальных форм рабовладельческого строя в Средней Азии.

В связи с этим я вполне присоединяюсь к В. А. Шишкину, который отмечал неразработанность многих вопросов рабовладельческого общества, и тем самым не могу солидаризоваться с М. М. Дьяконовым, который, на мой взгляд, рисует в этом аспекте состояние нашей науки в розовых тонах. Это не значит, что у нас нет больших достижений. Но не следует преувеличивать.

Столь же существенные возражения вызывают и положения третьего раздела тезисов доклада—«Эпоха феодализма».

Недоумение вызывает прежде всего рассуждение о возможных двух путях развития феодализма. Мы изучаем реальный ход истории, а не возможный. Возможных путей можно придумать и два, а быть может и больше. Это зависит от фантазии и, следовательно, является субъективным подходом к историческому процессу. Впрочем должен признаться, что не совсем понял суть рассуждений. С этим рассуждением И. С. Брагинский связал оценку народных движений маздакитов, Абруя и Муканны. Эта оценка очень далека от реальной истории этих движений, особенно движения Муканны. Оно имело место более чем за 100 лет до образования государства саманидов, в то время, как маздакитское движение непосредственно примыкает к приходу к власти Ануширвана. Какое государство Согда после Абруя имеет в виду И. С. Брагинский, мне неясно. Как известно, на территории Согда были бухарские владения и самаркандские и ряд других. Данных для связи их образования с этим движением мне не известно. Странно звучала в изложении докладчика программа маздакитского движения, больше напоминавшая лозунги об организационной конституционной монархии, чем о действительном учении маздакитов, о котором имеются определенные данные источников.

Неверна трактовка термина «икта в сочинениях по фихту. Речь

там как будто идет о распределении (икта, буквально значит раздел земель, перешедших к завоевателям-арабам в Ираке и Сирии в связи с бегством или смертью крупных персидских и византийских землевладельцев, именно в связи с военными действиями. Это делает, правда, отчасти верным замечание М. М. Дьяконова о том, что это выморочные земли. Сами эти земли назывались нават, а распределение их главным образом среди близких к династии омейадов лиц—называлось икта. Но эти икта никакого отношения не имеют к бенефициям X в., которые также получили это же название «икта». В первом случае это нарицательное название, во втором—определенный термин.

В заключение хочу повторить лишь то, с чего начал: по сравнению с периодизацией, предложенной в 1948 г., доклад мало что дает нового и на настоящем этапе изучения Средней Азии. Доклад И. С. Брагинского основой для научной периодизации служить не может. Эту задачу в состоянии выполнить лишь коллектив историков, который должен учесть прения, развернувшиеся по докладу. Именно в развернувшейся дискуссии, в высказываниях историков и археологов я вижу пользу доклада.

К. М. МИРЗАЕВ

Кандидат экономических наук

(Академия Наук Узбекской ССР)

Вопрос государственной или амляковой собственности является важнейшим вопросом феодализма в истории Средней Азии. От правильного решения этого вопроса зависит правильное решение периодизации истории народов Средней Азии.

Говоря о феодализме, многие историки, экономисты либо ограничиваются общими абстрактными суждениями, либо не учитывают специфичности феодализма Средней Азии, связанной с его ирригационным хозяйством.

В среднеазиатских ханствах как известно, было четыре вида земельной феодальной собственности: первый—амляк, или государственное землевладение, второй—мильк, третий—танхо и четвертый вакуф—землевладение духовных феодалов.

В своем докладе И. С. Брагинский обошел молчанием эти виды феодального землевладения в Средней Азии.

Приводя слова И. В. Сталина о том, что основу феодальных производственных отношений составляет собственность феодала на землю и средства производства и неполная собственность на работника крепостного, И. С. Брагинский говорит: «номинальная государственная собственность на землю и отсутствие юридического крепостничества лишь прикрывали факт наличия крупного землевладения, сосредоточенного в руках феодалов, и фактически крепостное состояние для крестьян и ремесленников».

В этом своем положении И. С. Брагинский считает государство в Средней Азии номинальным собственником земли. По его мнению, оно—это государство—лишь прикрывало факт наличия крупного землевладения, сосредоточенного в руках феодала.

При этом докладчик забывает известное положение К. Маркса, что «Государство здесь (в Азии—*К. М.*)—верховный собственник земли. Суверенитет здесь—земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой

частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей»[1].

Маркс действительным собственником земли в Азии считает государство. Следовательно, феодалом здесь является верховный собственник земли во главе с эмиром. Отрицание этого основного вопроса феодализма в Средней Азии неизбежно приводит И. С. Брагинского к путанице в вопросах периодизации истории народов Средней Азии в дореволюционный период.

Считая государство в Средней Азии лишь номинальным собственником земли, докладчик тем самым повторяет ошибки многих историков.

Наличие государственной или амляковой земельной собственности в Бухарском ханстве было известно в 1848 г. известному востоковеду Ханыкову, хотя он ничего не знал о произведении Маркса и марксизме. И. С. Брагинский спустя 100 лет после Ханыкова, признавая себя марксистом, отрицает такую форму собственности в Бухарском ханстве.

Рассуждения И. С. Брагинского о том, что государство является номинальным собственником земли, не являются новыми. Как известно, многие востоковеды отрицали наличие государственной собственности на землю. Они считали государство собственником лишь в теории. Мне кажется, что И. С. Брагинский повторяет те же самые ошибки, но только другими словами. При этом он не замечает, что такая ошибка неизбежно приводит к отрицанию наличия феодальной собственности в ханстве. Чтобы не быть голословным, приведу несколько фактов.

Доктор исторических наук Б. Г. Гафуров в своей книге «История таджикского народа» пишет: «В восточной Бухаре эмирских земель было 12,1 проц., амлячных—55 проц., вакуфных 24,2 проц., мильковых—не более 2,3 проц»[2].

В своей диссертации доктор исторических наук Бунаков, ссылаясь на отдельные данные финансовых органов Зеравшанского округа, представленные в 1869—1870 гг., пишет, что «в этом округе 85 проц. всех налогов поступило с амлячных земель и около 15 проц. с мильковых и вакуфных».

Следовательно, одной из самых крупных областей Бухарского ханства, какой являлся Зеравшанский округ, налог, т. е. рента, поступил на 85 процентов с государственных земель.

Все эти факты свидетельствуют о наличии государственной собственности в Бухарском ханстве.

Высказывания И. С. Брагинского по этому вопросу не свободны от противоречий. Так, например, он считает государство номинальным собственником земли и тут же в тезисах (через несколько строчек) разделяет мнение А. Ю. Якубовского о феодализме «сверху» и «снизу», говорит о наличии борьбы двух тенденций феодального развития: «централизаторской и сепаратистской». Под словом «централизаторской», очевидно, можно понять государственную форму земельной собственности. Если это так, то государство в Средней Азии, очевидно, является не номинальным, а фактическим собственником земли. Об этом подробно говорится в нашей работе «Амляковая форма земельной собственности в Бухарском ханстве».

Что касается вопроса о феодальной ренте, то на этом важном вопросе докладчик почти не останавливается, упоминает о ней мимоходом, допуская при этом противоречие.

[1] К. Маркс, Капитал, т. III, Госполитиздат, 1951, стр. 804.

[2] Б. Гафуров, История Таджикского народа, т. I, Госполитиздат, 1948, стр. 421.

Так, например, в одном месте он пишет: «Крупные землевладельцы—феодалы Средней Азии, как известно, извлекали феодальную ренту преимущественно путем передачи земли в аренду мелким землевладельцам».

По-иному он пишет в другом месте: «Находясь в городе, эта эксплуататорская верхушка высасывала ренту—налог из непосредственных производителей—крестьян» (стр. 13).

В первом случае говорится об извлечении феодальной ренты путем передачи земли в «аренду» мелким землевладельцам (повидимому, земледельцам), во втором случае речь идет о получении «ренты—налога». Но земля в одно и то же время не может быть предметом аренды и условием получения ренты-налога.

Такие же противоречивые высказывания часто встречаются в тексте доклада т. Брагинского. Государственное или амляковое землевладение, или амляк, было основной формой феодальной собственности в ханстве. Эмир, хан как верховный собственник амляковой земли, через подчиненных ему беков, амлякдаров, аксакалов, аминов и других представителей низшей администрации взимал с крестьян, обрабатывавших амляковые земли, хераж и другие виды податей, которые являлись, по определению Маркса, феодальной рентой-налогом.

Производственной основой амляковой формы землевладения является натуральное крестьянское хозяйство с подсобной домашней промышленностью.

Основной формой производства было поливное земледелие с примитивными орудиями труда. Амляковая форма землевладения появляется и развивается на базе развития производительных сил феодального общества. Вода, орошение при климатических и естественных условиях Средней Азии составляет решающий материальный производительный фактор в земледельческом хозяйстве страны.

Ирригационные сооружения входят в состав производительных сил, придают производительным силам специфический характер. И на базе этого своеобразия производительных сил, на известной ступени развития их, естественно, возникают также качественно своеобразные производственные отношения, основой которых и является так называемая амляковая форма земельной собственности.

Амляковая форма земельной собственности, составляющая основу производственных отношений людей, складывавшаяся на базе данных специфических производительных сил страны, есть отношение собственников условий производства к непосредственным производителям. Она есть особое отношение двух антагонистических классов, где, с одной стороны, имеется верховный собственник воды и земли в лице эмира и хана, олицетворявших класс феодалов-амлякдаров, а с другой стороны—непосредственные производители—крестьяне, которые являлись лишь владельцами этих важнейших условий труда и вели самостоятельно свое хозяйство.

Такой специфический способ соединения рабочей силы со средством производства, основанный на эксплуатации, составляет экономический базис феодализма в Средней Азии.

Амляковая форма земельной собственности, как разновидность феодальной собственности, отличается тем, что здесь собственником условий производства является коллективная государственная организация феодалов во главе с эмиром. В этом и заключается ее специфичность. Такая централизация феодалов в ханстве вытекает из особенностей условий самого процесса производства. Здесь труд непосредственных производителей, эксплуатируемых собственником условий

производства, совершается не только в сфере земледельческого производства, но и в процессе строительства новых ирригационных каналов, сооружений и периодического восстановления старых. Проведение ирригационных каналов повелительно требовало мобилизации труда крестьянина в таком огромном масштабе, что это было не по плечу отдельному феодалу. Маркс пишет: «Ирригационные каналы, играющие очень важную роль у азиатских народов, представляются в этом случае делом рук высшего-деспотического правительства».[1]

Класс феодалов, составляющий государственный аппарат во главе с эмиром, коллективно эксплуатировал непосредственных производителей. В лице одного и того же человека мы находим здесь и феодала и чиновника; он является не только чиновником аппарата насилия, но и эксплуататором непосредственных производителей.

Е. М. ЖУКОВ
Доктор исторических наук,
член-корреспондент АН СССР

Работая в составе главной редакции подготовляемой сейчас к печати 10-томной «Всемирной истории», я приехал на данную сессию с «утилитарными» целями: кое-чему научиться, во всяком случае учесть высказывания специалистов по наиболее актуальным вопросам истории Средней Азии и Казахстана.

Работая над «Всемирной историей», нам приходится серьезно задумываться над вопросами периодизации.

Больше всего споров у нас связано со стремлением правильно теоретически осмыслить тот гигантский фактический материал, который остается материалом для «Всемирной истории» и не превращается в историю до тех пор, пока нет научной периодизации.

Хотел бы коротко познакомить участников сессии с самым общим итогом этих споров, который, как мне кажется, следует учитывать в известной степени не только во всемирно-исторической, но и в более частной периодизации истории.

Наиболее распространенной ошибкой наших историков был с х е м а т и з м, стремление втиснуть всемирно-исторический процесс в прокрустово ложе заранее данных синхронных таблиц, попытки наклеить ярлычки, обобщающие исторический процесс по образу и подобию исторического пути так называемых культурных народов или народов, прошедших полный цикл смены социально-экономических формаций (первобытно-общинный строй, рабовладельческая формация, феодализм, капитализм).

Народы, которые не прошли этого полного цикла (которые, скажем, миновали рабовладельческую формацию), искусственно подгонялись под «генеральную» схему.

Нет нужды доказывать методологическую несостоятельность такой постановки вопроса. По существу это представляет влияние буржуазной историографии, которая как известно, делит народы на «исторические» и «неисторические», «культурные» и «некультурные».

Главная редакция «Всемирной истории» исходит из следующих положений:

1. Единство исторического процесса, проявляющееся в прогрессивной смене общественно-экономических формаций, не означает равномерного, тем более одновременного вызревания общих для всех стран и народов социально-экономических явлений.

Отсюда неисторическим и схематическим является искусственное синхронизирование определенных этапов общественного развития без учета выдвинувшихся вперед и, наоборот, отставших в своем развитии стран и народов.

2. Основой научной периодизации истории должно быть применение марксистско-ленинского учения о социально-экономических формациях. При анализе конкретно-исторического материала историк должен всегда помнить, что историческое и логическое не всегда совпадают. Живая действительность, как правило, богаче и сложнее любой схемы. Нельзя игнорировать специфику исторического развития народов.

Товарищи! Прения по вопросам периодизации истории Средней Азии и Казахстана протекают очень интенсивно. Я не владею конкретным материалом для того, чтобы по существу включиться в эту интересную и живую дискуссию. Сделаю только два небольших замечания.

Должен заметить, что устный доклад И. С. Брагинского, несмотря на раздававшуюся критику—во многом справедливую,— представляет собою шаг вперед по сравнению с его письменным текстом. И. С. Брагинский сделал ряд существенных оговорок и исправлений первоначального текста—о синхронности, о необходимости учитывать при периодизации истории Средней Азии историю соседних народов и т. д.

Однако в докладе осталось еще немало неясных и спорных положений, которые уже замечены специалистами.

Мне лично кажется, что не следует злоупотреблять такими понятиями, как «эпоха».

По Марксу, историческая эпоха—это прогрессивная ступень в развитии человечества: рабство, феодализм, капитализм. Вряд ли можно применять в локальной периодизации такие универсальные термины, как «эпоха», Имеется более скромное слово: «период».

Непонятно, почему говорится об эпохе рабства у кочевников. На стр. 5 несколько волюнтаристски, на мой взгляд, формулируется процесс, развития производительных сил. Прокладывание больших каналов формулируется как «центральная задача».

Развитие частной собственности формулируется как социальная предпосылка для использования рабов. Фразеологически это ассоциируется с планомерной, сознательной деятельностью человека по обузданию природы. Так ли?

Недостаточно подчеркнут революционный переход от одной формы к другой.

Не могу не присоединиться также к критическим замечаниям В. Я. Непомнина. Все же, повторяю, устный доклад И. С. Брагинского выгодно отличается от напечатанных тезисов.

Нет сомнения в том, что нельзя ожидать разрешения на данной сессии всех спорных и неясных вопросов периодизации. Однако постановка и обсуждение этих вопросов, безусловно приблизят их научное разрешение. Об этом говорит творческая активность участников сессии.

Позвольте мне от своего имени и от лица всех прибывших из Москвы, выразить удовлетворение по поводу того, что данная сессия обнаружила не только количественно, но главное качественно, большой теоретический рост национальных кадров историков Средней Азии и Казахстана.

Наряду с выступлениями известных историков, мы слышим интересные содержательные речи представителей талантливой молодежи. Это замечательный результат заботливого выращивания научных ка-

[1] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 7.

дров, результат правильной национальной политики великой Коммунистической партии.

Ю. А. СОКОЛОВ

Заслуженный учитель УзССР

(Среднеазиатский государственный университет)

Обсуждение доклада И. С. Брагинского и содокладов наглядно показало, каких успехов добилась советская историческая наука в послевоенные годы.

Однако и до сих пор исследователи истории Средней Азии не проникли во все тайники исторического прошлого среднеазиатских народов. Наряду с достижениями в изучении древних периодов истории Средней Азии, до сих пор, к сожалению, остается слишком много неясных вопросов в отношении истории средневековья. Исследователями эпохи феодализма в Средней Азии есть мало оснований гордиться своими достижениями в изучении феодальной формации. До сих пор не изучен базис средневекового общества эпохи феодализма, не изучена история среднеазиатского производства (сельского и городского).

Мне не известно ни одной работы (кроме нескольких статей проф. М. Е. Массона по отдельным вопросам техники и характера металлургического производства и немногочисленных замечаний по этим вопросам проф. А. Ю. Якубовского и некоторых других), специально посвященной истории развития ремесла или сельского хозяйства Средней Азии, ни одной работы, посвященной изучению истории техники производства, подобной, например, работе М. Н. Колчина, посвященной исследованию черной металлургии и металлообработки в древней Руси.

Причину недостатков доклада И. С. Брагинского я вижу прежде всего в том, что историки феодализма в Средней Азии слишком слабо изучили основу, которая создает канву периодизаций, слишком слабо изучили базис феодального общества, историю развития производительных сил.

Поэтому мы до сих пор оперируем данными, касающимися, главным образом, характеристики надстроечных явлений, и потому допускаем подчас не вполне обоснованные заключения.

Я остановлюсь на трех тезисах докладчика, которые мне кажутся необоснованными:

1) о так называемом кризисе XVIII—середины XIX вв.;
2) об оценке XV—XVI вв. и
3) об оценке роли монгольского завоевания.

Заключительное замечание докладчика по вопросу о первой половине XIX в. требует уточнения. Докладчик указал, что «полное преодоление начавшегося кризиса феодализма в Средней Азии могло произойти лишь путем антифеодальной буржуазной революции, но для нее в середине XIX в. еще не созрели силы внутри страны».

В изложенной формулировке это замечание создает ложные представления о конкретной исторической обстановке в Средней Азии в первой половине XIX в. и, кроме того, нивелирует все три ханства между собой, т. е. оно не исторично.

Во-первых, отмечу, что правильнее говорить не о кризисе феодализма, так как кризис предполагает наличие уже развившихся форм капиталистического производства, но о дальнейшем углублении упадка, так как экономика продолжала оставаться феодальной, хотя в некоторых районах Средней Азии уже в первой половине XIX в. и проявлялись элементы разложения феодальных отношений.

Во-вторых, достаточно даже кратко рассмотреть конкретные исторические факты, чтобы убедиться в наличии существенных отличий в положении ханств, хотя во всех трех среднеазиатских ханствах действительно упадок углубился и являлся своеобразным выражением застойности, которая все больше препятствовала развитию общественного производства.

Что общего, например, в положении таких двух ханств (в середине XIX в.), как Кокандское и Хивинское? В Кокандском ханстве характерными для середины XIX в. являлись: жестокая межфеодальная распря, острые конфликты в городах между горожанами и феодальной властью; в частности в Ташкенте бегство из городов в Россию на постоянное жительство части купцов и т. д. Но при всем этом в Кокандском ханстве все же не прекращались ни городская жизнь, ни деятельность ремесленников и торговцев, все более усиливались и развивались хозяйственные связи России с Кокандским ханством, а в отдельных случаях проявлялись даже попытки организации с помощью русских специалистов некоторых отраслей производства в Ташкентском оазисе, для чего из Коканда обращались в Москву с просьбой о высылке инженеров по горнорудному делу.

В Хивинском ханстве того времени не было ничего похожего на эту обстановку. Русские посланники Д. Хохлов, бывший в ханстве в 1614—1615 гг., и Иван Федотьев—в 1669—1670 гг. отмечали полный упадок городской жизни в Хивинском ханстве еще в XVII в. Это положение сохранилось и в последующий период. Ханская власть была слабой, феодальные междоусобия, осложненные межплеменной рознью, и тяжелый феодальный гнет приводили к еще большему разрушению хозяйства. В Хивинском ханстве угнетались все народности, не относящиеся к правящей верхушке, например каракалпаки, захватывались крестьянские земли.

Что касается Бухарского ханства, то даже внутри его самого имелись не менее серьезные различия в хозяйственной и общественной жизни между такими, например, районами, как Зеравшанская долина, городское и сельское население которой, начиная с XVI в. находилось в хозяйственных связях с Россией и районами горной Бухары.

Таким образом, ясно видно значительное отличие внутреннего положения среднеазиатских ханств в середине XIX в.

Динамика роста хозяйственных сношений ханств с Россией также свидетельствует о наличии существенных различий и в их внутреннем положении. Значение существенного показателя в этом отношении имеют два вида торговли России с ханствами: торговля ханская, сопровождавшаяся посольскими связями, и торговля частно-купеческая, осуществлявшая основную и постоянную связь России со Средней Азией.

Ханская торговля Хивы с XVI по XVII вв. выросла в 4 раза, Бухары—только на 40%, а в Ташкенте ханская торговля вовсе перестала самостоятельно выступать. Это характерно, так как ханская торговля обслуживала верхушку феодальной знати, ее рост свидетельствовал о степени недостаточности развития собственной хозяйственной базы Хивинского ханства и меньшей недостаточности хозяйственной базы Бухарского и Кокандского ханств.

Купеческие торговые связи, наоборот, развивались главным образом в Кокандском и Бухарском ханствах. При этом имевшаяся в XV—XVII вв. купеческая торговля Ургенча в Астрахани к XIX в. полностью прекратилась, и Астрахань перестала играть роль торгового центра связи России со Средней Азией, а в России развились новые торговые центры—ярмарки Макарьевская, Ирбитская, меновые дворы в Оренбурге,

Тобольске, шла торговля в Орске, Троицке, причем из среднеазиатских купцов здесь действовали только бухарские и кокандские купцы.

Таким образом, только при конкретно историческом подходе к вопросу можно правильно решить ряд вопросов истории народов Средней Азии и найти, в частности, правильную оценку тем различиям в хозяйственной, культурной и общественной жизни населения основных районов Средней Азии, которые проявлялись в дооктябрьский период истории народов Средней Азии после присоединения Туркестана к России, полнее раскрыть сущность присоединения Туркестана к России и прогрессивно-историческую роль русского народа в истории народов Средней Азии.

Вопросы, касающиеся экономической и общественной жизни Средней Азии и, в частности, Мавераннахра в XIV—XV вв., недостаточно изучены, и историки Узбекистана и Средней Азии за последние десятилетия не дали по этим вопросам серьезных работ.

Однако известен ряд данных о положении городского населения в конце XIV—XV вв. Средневековые историки, писавшие о времени Тимура и тимуридов, Абд-ар-Раззак, Хафизи Абру, Шерафитдин—характеризуют разнообразие ремесленной и торговой деятельности торгово-ремесленных слоев городского населения в XV в., что дает основание отмечать известное восстановление ремесленной и торговой жизни среднеазиатских городов XV в. Сведения же, которые дают мемуары Зайниддина Васифи, в которых отмечается активность культурной и общественной жизни средних слоев городского населения (ремесленников и купцов Самарканда, Герата, Ташкента и других городов), свидетельствуют о наличии в XV—XVI вв. атеистических настроений среди этих групп.

Известно, что уже в 1365 г. в Самарканде произошел переворот, имевший своеобразный демократический характер, так называемое восстание сербедаров.

Известно также, что в XIV в. в г. Бухаре Бахауддин Шахшбенди, наиболее фанатичный представитель реакционного суфизма, организовал религиозный орден «Нахшбендия», положивший начало реакционному мюридизму в Средней Азии и укрепившийся на протяжении XV в.

Известна и жестокая борьба двух феодальных группировок за власть в Мавераннахре, происходившая с 1449 по 1451 г. при активном участии мюридского ордена «Нахшбендия» и наемных войск кочевников, поддержавших тимурида Абу-Саида...реакционнейшего мракобеса Ходжи Ахрара и их феодальную группировку. Следствием этого был быстрый рост крупного духовенства и светского землевладения, сепаратизма и исключительное усиление в государстве тимуридов политической роли представителей реакционного суфизма.

Эти факты показывают, что наряду с проявлением в городах новых тенденций, характеризующихся сербердарским восстанием и некоторыми сдвигами в идеологии торгово-ремесленных слоев города, происходит переустройство государственной организации, внедряется в жизнь реакционный суфизм, а также получают распространение несколько иные формы «икта», а именно «суюргали» и появляются тарханные держания.

Нужно обратить внимание историков и экономистов на своеобразие данного периода для детального исследования изменений в экономике среднеазиатского общества XV в. Исторические факты, по нашему мнению, уже характеризуют активную роль надстройки, защищающей свой феодальный базис, что оказалось, очевидно необходимым в XV в. вследствие роста противоречий внутри феодального общества.

Поэтому правильно характеризовать события 1449—1451 гг. как победу не только клерикальной (как считают авторы «Истории народов Узбекистана»), но и феодальной реакции.

В победе феодально-клерикальной реакции заключается одна из важнейших причин последующего отставания Средней Азии в хозяйственном развитии.

Что касается значения и влияния монгольского завоевания, то докладчик оценивает его как важнейшую причину последующего отставания в хозяйственном развитии Средней Азии, длившегося, как известно, в течение восьми столетий. По нашему мнению, такая оценка объективно влечет к идеализации феодального прошлого народов Средней Азии.

Правда, тяжесть монгольского завоевания в Средней Азии ощущалась сильнее, чем в других районах, захваченных монголами. Однако это завоевание нельзя считать единственной или важнейшей причиной упадка, не обращая внимания на внутренние обстоятельства жизни народов Средней Азии в последующий за монгольским завоеванием период.

Следует отметить, что народные массы, выступавшие в локальных восстаниях против монгольского ига, не всегда получали поддержку со стороны местной знати, частично слившейся с монгольской феодальной верхушкой, что было естественным результатом конкретно-исторических условий развития среднеазиатского феодализма и что, по нашему мнению, являлось одной из причин, способствовавших усилению тяжести монгольского угнетения и феодальной раздробленности. В указанных условиях не могло возникнуть никакого централизованного государства. Таким образом, история народов Средней Азии рассматриваемого нами периода является яркой иллюстрацией к высказанному И. В. Сталиным положению, что ни одна страна в мире не может рассчитывать на сохранение своей независимости, на серьезный хозяйственный и культурный рост, если она не сумела освободиться от феодальной раздробленности и княжеских неурядиц.

Разорение широких масс населения привело к кризису системы самого монгольского государства. Результатом было разложение монгольской государственной организации в Средней Азии, полный распад монгольского государства (происшедший без насильственного свержения монгольской власти общенародным восстанием) и отщепление значительной части кочевых племен от Моголистана, выход их из Моголистана в оазис и переход на оседлый и полуоседлый образ жизни, с чем в дальнейшем было связано образование государства тимуридов. Последнее также не способствовало ни облегчению тяжести угнетения народных масс, ни полноценному подъему хозяйственной жизни в районах Среднеазиатского оазиса.

Нахожу уместным затронуть на сессии вопрос о состоянии археографической работы. Недостаточность ее становится фактором, задерживающим дальнейшее развитие исследовательской работы.

Богатейшее собрание рукописей Института востоковедения Узбекской ССР, некоторые архивные фонды ханского времени в Центральном государственном историческом архиве и ряд других источников почти не обработаны, не опубликованы, не переведены и не введены в научный обиход.

Между тем республика подготовила довольно значительные кадры хороших специалистов—иранистов, индологов, тюркологов и историков Востока, вполне способных принять активное участие в археографической работе.

Хочется выразить пожелание, чтобы недавно созданная правительством Узбекской ССР Археографическая комиссия получила материальные возможности к осуществлению возложенных на нее задач и осуществила научную публикацию восточных рукописей.

С организацией этой работы многочисленный коллектив историков Средней Азии получит широкие возможности активного исследования исторических материалов и сумеет дать марксистское истолкование истории феодализма в Средней Азии.

Ф. К. КАМАЛОВ

Кандидат филологических наук

(Академия Наук Узбекской ССР)

Объединенная научная сессия имеет большое значение в разрешении насущных научных проблем не только по истории народов Советского Востока, но и в разрешении актуальных проблем других смежных наук, в частности языковедческих проблем.

Проблема истории и развития языков тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана до настоящего времени еще не получила окончательного разрешения. В науке о языке имеются различные взгляды на историю формирования языков тюркской системы, на основные этапы развития и периодизацию этих языков.

Еще не изучены не только родовые, но и племенные языки народов Средней Азии и Казахстана. Нет ясного представления о характере и о структурных особенностях родовых и племенных языков. Утверждение о том что примерно в V—III вв. до н. э. существовали родовые или племенные языки тюркских народностей, является рабочей гипотезой.

Язык неразрывно связан с историей общества, с историей народа. Первобытно-родовая, а также племенная община не могли жить без языка. «Без языка, понятного для общества и общего для его членов,— писал И. В. Сталин,— общество прекращает производство, распадается и перестает существовать, как общество». Письменные памятники тюркоязычных народов последующего периода отражают в себе элементы родо-племенных языков. Это показывает, что когда-то были родовые и племенные языки и это же диктует необходимость изучения истории отдельных тюркских языков, установления истории их возникновения и первоначального состояния.

Идея происхождения всех тюркских языков от единого «праязыка» научно несостоятельна и не выдерживает критики. Что касается возникновения существующих тюркских языков от языка-основы, то здесь требуется внести уточнение, определить период формирования языка-основы, характер и структурные особенности его.

В исследованиях отдельных тюркологов утверждается существование до нашей эры кипчакского языкового единства,[1] охватывавшего языки—казахский, киргизский, каракалпакский, татарский, башкирский, нагайский и др., огузского языкового единства, охватывавшего языки—азербайджанский, туркменский, кумыкский и т. п. и, наконец, восточно-туркестанские языки—уйгурский и узбекский. Неизвестно, насколько это соответствует действительности и как подтверждается данными археологии и этнографии.

[1] По поводу кипчакского языкового единства см. Н. Т. Сауранбаев, «Изучение словарного состава казахского языка в свете трудов товарища Сталина», Сб. «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке», Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1952, стр. 41.

Нельзя не отметить предположение отдельных языковедов и некоторых представителей других наук о самостоятельном историческом образовании каждого языка у тюркоязычных народов и их сложном процессе развития, т. е. схождения или расхождения между отдельными языками тюркской системы на основе длительной экономической, политической и культурной связи.

В самом деле, после распада первобытных общин родового строя в жизни местного населения произошли очень большие и серьезные изменения. «За это время племена и народности дробились и расходились, смешивались и скрещивались, а в дальнейшем появились национальные языки и государства, произошли революционные перевороты, сменились старые общественные строи новыми. Все это внесло еще больше изменений в язык и его развитие»[1]. На базе этого и на почве существования взаимного общения между тюркоязычными народностями в течение нескольких веков могла появиться общность в грамматическом строе и в основном словарном фонде языков данных народов. Однако это обстоятельство не говорит о «схождении» тюркских языков «от множества к единству», а, наоборот, подтверждает самостоятельное историческое развитие каждого тюркского языка и дальнейшую эволюцию на основе внутренних законов развития языка, который «рождается и развивается с рождением и развитием общества»[2].

О формировании языка народности и о дальнейшем процессе его развития в национальный язык, а также об основном критерии, отличающем язык народности от языка национальности у нас тоже нет ясного представления.

Таким образом, в науке о языке продолжают существовать различные взгляды на происхождение и развитие языков тюркоязычных народностей.

Одним из важнейших вопросов в области языкознания, требующих разрешения в связи с историей народов Средней Азии и Казахстана, является уточнение основных этапов развития и периодизации истории узбекского, казахского, киргизского и каракалпакского языков.

Для определения основных этапов развития тюркских языков и периодизации их истории принимаются различные принципы: 1) по политическим строям общества, или по форме государственного управления; 2) по письменным памятникам; 3) по этапам развития науки о языке; 4) по условиям экономической жизни общества. Кроме этих принципов, конечно, имеются и другие принципы периодизации истории языка.

По первому принципу история литературного среднеазиатского тюркского языка делится на четыре периода: первый—с центром в Кашгаре и с исходным моментом образования Караханидского государства; второй—с центрами в бассейне нижнего течения Сыр-Дарьи и в Хорезме и с исходным моментом укрепления ислама среди огузов, кипчаков; третий—с рядом центров в оседлой части Чагатайского улуса и с исходным моментом укрепления культурной жизни в тимуридских владениях; четвертый период развития литературного среднеазиатского тюркского языка начинается в XX в.[3] К данному принципу примыкает периодизация истории узбекского литературного языка древнего периода: первый—узбекский литературный язык древнейшего периода, т .е. с X—XII вв., второй—узбекский литературный язык среднего, т. е. «послемонгольского периода»—«чагатайский»; третий—«филиация,

[1] И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1953 стр. 27.
[2] Там же, стр. 22.
[3] Сб. «Мир-Алишер», Баку, 1928, стр. 21—23.

дробление вследствие образования нескольких крупных центров и дальнейшее упрочение разделения старых литературных традиций с образованием Хивинского, Кокандского и Бухарского ханств»[1].

Такой принцип периодизации истории языка не верен. Язык не мог изменить своей структурной особенности в соответствии с формой государственного правления. Нельзя определять основные этапы развития языка сменой династии. Язык как своеобразное общественное явление, действующее во все время существования общества, сохраняет свою основу в целости, независимо от изменения государственного правления, независимо от проникновения или господства религиозного вероисповедания. Конечно, язык подвергается частичному изменению, пополняясвой словарь новыми словами и совершенствуя свой грамматический строй соответственно с развитием производства и условиями экономической жизни общества.

По второму принципу (по письменным памятникам) основные этапы развития узбекского литературного языка делятся на четыре периода: первый период охватывает древние литературные памятники VI—XVI вв., второй период—XVI—XIX вв., третий период—XIX и начало XX вв., четвертый—советский период[2].

Надо констатировать, что, если периодизация истории языка и литературы ведется по письменным памятникам, то не учитывается первоначальный дописьменный этап развития языка. Не изучаются также с достаточной полнотой языковые особенности памятников V—XI вв. Односторонний подход к письменным памятникам данного времени приводит к тому, что эти памятники относят либо к казахскому, либо к киргизскому, либо к уйгурскому, либо к узбекскому языкам. На самом деле по структуре языка енисейские памятники орхонских и уйгурских письменностей нельзя считать древними литературными образцами лишь одного языка. Эти памятники отражают особенности языков тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана, а также уйгурского языка и не тождественны ни одному из современных тюркских языков.[3] Что касается памятников XIX и начала XX вв., то они по языку, в основном, не отличаются от литературных языков предыдущего периода, скажем, XVII—XVIII и начала XIX вв. Уместно упомянуть справедливое замечание проф. А. К. Боровкова по поводу узбекского литературного языка периода 1905—1917 гг. «Литературный язык 1905—1917 гг. был по существу продолжением староузбекского литературного языка феодальной эпохи»[4].

По третьему принципу, т. е. в соответствии с появлением в свет того или иного исследования о языке, история узбекского языка делится на четыре этапа: первый этап—XI—XVIII вв., связанный с научной деятельностью в области языкознания Махмуда Кашгарского, Алишера Навои, Ибн Муканны, Мехдихана и др.; второй этап—начало XIX—до первой четверти XX вв., связанный с сравнительно-историческим методом изучения языков; третий этап—первая половина XX в. до 1950 г., связанный с деятельностью языковедов, последователей Н. Я. Марра; наконец, четвертый этап—после 1950 г. со дня выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания[1].

Здесь получается периодизация не истории общенародного узбекского языка, а истории науки о языке или истории узбекского языкознания. В этой периодизации отсутствуют основные этапы развития узбекского языка.

История узбекского языка по четвертому принципу периодизации делится на следующие этапы развития с установлением ориентировочных граней между отдельными периодами с учетом теснейшей их связи: первый этап—до V в. н. э., язык родо-племенного характера, второй этап—V—XI вв.—племенной язык с элементами языка народности; третий этап—с XI—XII вв. до Октябрьской социалистической революции—язык народности с элементами национального языка, наконец, четвертый этап—после Октябрьской социалистической революции современный национальный язык, язык социалистической нации[2].

В соответствии с этим принципом рекомендуется иная периодизация истории письменных литературных языков тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана, в частности, периодизация истории узбекского литературного языка, а именно: 1) древнетюркский литературный язык, охватывающий енисейские письменные памятники (V в.), памятники орхонской (VI—VIII вв.), уйгурской (VII—XV вв.) письменностей, которые отражают элементы языков тюркоязычных народностей Средней Азии и Казахстана; 2) староузбекский литературный язык с XI в. вплоть до Октябрьской социалистической революции с элементом языка национальности, отражающий, главным образом, особенности языка узбекской народности, и, наконец, 3) современный узбекский литературный язык—язык социалистической нации, характеризующийся дальнейшим развитием единого общенародного узбекского языка в советскую эпоху[3].

Необходимо отметить, что и этот принцип периодизации языка, особенно древнейшего периода, требует внесения соответствующих уточнений. Надо глубоко изучить историю языков народов Средней Азии и Казахстана и подкрепить основные теоретические предположения фактическими источниками и лингвистическими данными.

Вот главнейшие вопросы изучения истории узбекского языка, связанные с историей народов Средней Азии и Казахстана. Для правильного решения этих вопросов необходимо эффективное сотрудничество историков и языковедов.

Вопрос о формировании узбекской и казахской наций и о дальнейшем процессе развития языка народности в язык национальности в принципе правильно поставлен в докладах М. Г. Вахабова и А. Н. Нусупбекова.

Однако вопросы истории формирования и основные этапы развития языков народов Средней Азии и Казахстана остаются еще не затронутыми. Желателен созыв такой же объединенной научной сессии по вопросам истории языков среднеазиатских народов.

---

[1] Сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому (к его 70-летию)», Изд-ва АН СССР., М., 1953, стр. 325.

[2] Программа по узбекской литературе для 8—10 классов средней школы, Учпедгиз УзССР, Ташкент, 1952, стр. 7—8, 23—24.

[3] С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков, Тексты и переводы, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 5.

[4] А. К. Боровков, Узбекский литературный язык в период 1905—1917 гг., Учпедгиз УзССР, Ташкент, 1941, стр. 22.

[1] Семинар преподавателей языковедческих кафедр вузов УзССР, Тезисы докладов. Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1952, стр. 31.

[2] Ф. К. Камалов, История становления и развития узбекского национального языка—в сб. «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1952, стр. 51. Автор в данном сообщении вносит некоторые уточнения в определение грани отдельных этапов развития узбекского языка.

[3] Ф. Камалов, Хозирги замон узбек тили, Изд-во АН УзССР, Ташкент, 1953, стр. 49—78.

А. Н. БЕРНШТАМ

Доктор исторических наук

(Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР)

Для чего нужна историческая периодизация?

Очевидно для того, чтобы подвести к истории сложившегося на данной территории народа—творца истории.

Спрашивается, учли ли докладчик и его содокладчики эту основную задачу? Нет, не учли.

Отсутствие увязки исторической периодизации с вопросами этногенеза составляет основной порок как самого основного доклада, так и содокладов. Хочу сказать по этому поводу.

Дело в том, что у нас появилась одна плохая традиция, которую стыдливо сейчас замалчивают.

Был период поисков знатных предков. Некоторым исследователям везло, некоторым не везло. Хорошо, что Зевс на парфянских ритонах был одет в штаны и может быть его можно связать с туркменами. Но гораздо хуже, когда на территории Казахстана—андроновцы неизвестно какого языка и какого происхождения! Появилась традиция искать генеалогическое древо, обязательно упирающееся своими корнями в эпоху бронзы.

Это неправильно, это вредно, это стадиальный автоматизм, в чем был повинен и я, в чем повинна была школа Н. Я. Марра. Миграция это был тот жупел, который, казалось, найдет предков, независимо от расселения народов.

В связи с этим произошла любопытная вещь. После того как все истово божились, что они не марристы, стали на позиции трансформации явно не тюркоязычного населения Средней Азии, древнеиндоевропейского, ираноязычного впоследствии, стали перекрещивать без всякого вторжения миграции в тюркоязычное население. Вот и пошли ростки этих генеалогических древ.

Не верно это! Надо со всей решительностью признать и понять, что в процессе образования народов Средней Азии огромное значение имели пришельцы из Центральной Азии и Южной Сибири. Надо об этом говорить откровенно и не боясь, что в связи с этими миграциями, в связи с этими передвижениями тюркоязычного населения, нам навяжут ярлыки каких-то пантюркистов. Почему у нас датируют тюркоязычность населения с момента появления рунических надписей?

Когда появляются находки М. Е. Массона, находки Е. Д. Давидович, Б. А. Литвинского, мои (вернее—экспедиций), когда появляются рунические, тюркоязычные надписи, почему-то стыдливо смотрят только на это, забывая о том, что тюркоязычность началась гораздо раньше.

Если на территории земледельческой, оседлой Ферганы появилась тюркская речь и письмо, если до обжига сосуда вырезывают либо имя владельца, либо объем сосуда, то, следовательно, кому-то это было нужно и кто-то понимал это письмо. Значит сожительство тюркского населения с ираноязычным, т. е. кочевого населения (потому что носители тюркской речи вначале были кочевниками) и оседлого, было издавна. Значит, проникновение тюркской речи в оседлую полосу Средней Азии происходило не внезапно, а в течение многих веков, и мы знаем, что язык не может быть сразу воспринят другой средой.

Вот почему я снова утверждаю, что проникновение и относительно быстрое распространение тюркского языка на территории Средней Азии есть следствие не «культуры» караханидских завоевателей, не только следствие западного тюркского каганата, а следствие беспрерывного,

долгого сосуществования кочевой и оседлой частей населения. Следовательно, датировать время распространения тюркской речи надо гораздо раньше. К сожалению, у нас, повторяю, эта концепция часто безграмотными рецензентами, когда они рецензируют историков, трактуется как пантюркизм, но они, к счастью, молчат и не рецензируют языковедов. Поэтому о древности тюркского языка могут говорить С. Е. Малов и Н. А. Баскаков, но никак нельзя говорить историку А. Н. Бернштаму.

Проникновение центральных азиатских племен на территорию Средней Азии несомненно датируется серединой первого тысячелетия до нашей эры. Наиболее ясно, что тот период, который не буду называть настоящим именем, а назову датами, период на рубеже нашей эры, период проникновения центральных азиатских племен и период VI—VIII вв.—это время, когда уже значительная часть, во всяком случае—северная часть, южная часть Казахстана и северная часть Средней Азии говорили на языке тюркском.

Уместно сказать по поводу так называемого пантюркизма.

Ведь у нас здесь происходит явная путаница. «Древнее существование тюркских языков».—«Пантюркизм»—кричат в ответ на это со страниц журнала «Вопросы истории».

Путают словесные совпадения, различные понятия, путают понятие расселения с понятием социальной сущности процесса. Если мы заявляем, что в гуннском племенном союзе основное ядро говорило на тюркских языках—это исторический факт, а не пантюркизм.

Надо помнить, что пантюркизм имеет свою историю, свои твердые политическо-реакционные установки, а совпадение в отдельных терминах не должно являться поводом, чтобы на советских граждан наклеивать ярлычок.

Что такое пантюркизм? Это абсолютное отрицание социального расслоения внутри тюркских народов, это абсолютное признание господствующего положения тюркских народов, это проблема насильственного отуречивания всех нетюркских народов.

Возьмите четырехтомник Тюрк Тарихи». Возьмите главу «Китоблери». В этой главе, где указываются классические памятники рунической письменности, орхонские памятники, как, например, «Орхон Китобелери», нет ни слова о внутренней борьбе, о той классовой борьбе, которую памятник вынужден был осветить в своих строчках. Это характерно. Характерно и то, что данная «концепция» с полным отрицанием всякой классовой борьбы повторяется на первом и последующих конгрессах историков в Турции. Теперь эта «концепция» перешла с «алтайского» варианта (позволю так сказать) на «средиземноморский» вариант пантюркизма. Потому что сейчас уже слишком мало говорить о расселении. Не величественная древность Алтая, а величие Средиземноморья, вот что сейчас интересует кое-кого за рубежом.

Что же касается того, что тюрки—племена древние, это верно, что пришли они из Центральной Азии—это тоже верно, и это должно войти в повседневный наш материал и не следует превращать факты в какой-то жупел. У нас же получилась какая-то творческая пугливость в тюркологии. Поэтому я считаю необходимым, чтобы мы на следующей сессии встретились и обсуждали бы ту периодизацию, которая могла бы осветить историю народов с тем, чтобы делегаты, вернувшись в свои республики, могли бы ответить народам своих республик, а когда же они произошли. К сожалению, сегодня мы на этот вопрос ответить не можем.

Я. Г. ГУЛЯМОВ

Доктор исторических наук

(Академия Наук Узбекской ССР)

Заслушанные на сессии доклады и выступления как по своей тематике, так и по высокому теоретическому уровню постановки и решения вопросов убеждают в том, что историческая наука в Советском Союзе в целом и в национальных республиках в частности продвигается вперед быстрыми шагами. Здесь, в этой рабочей обстановке чувствуется деловое содружество представителей братских советских республик, чувствуется неоценимая помощь и ведущая роль представителей великого русского народа—ученых Москвы и Ленинграда. Отчетливо видны плоды неустанной, последовательной борьбы Коммунистической партии на идеологическом фронте за искоренение из сознания людей пережитков капитализма—взаимного недоверия и национализма, а также за процветание марксистской исторической науки.

Я остановлюсь на вопросе периодизации истории народов Средней Азии. Вопрос действительно злободневный и необходимость постановки и обсуждения этого вопроса давно назрела.

Мы с большим интересом слушали доклад И. С. Брагинского и содоклады историков национальных республик. И сразу же хочется сказать, что ни один из периодов, предложенных в схеме, не изучен в достаточной степени и поэтому нет четкости как в определении хронологических рамок, так и в характеристике степени развития производственных отношений в каждом из этих периодов. Это говорит о том, что нашим историкам еще придется поработать над этими вопросами.

Так, например, в освещении периода рабства чувствуется неуверенность докладчика в своих взглядах и отсутствие смелости в интерпретации исторических фактов. В докладе И. С. Брагинского рабовладельческий способ производства с самого возникновения и до самого падения так и не смог стать формацией и остался укладом. Но если бы здесь действительно был ведущий уклад, то рабы выделились бы как класс. Энгельс подчеркивал, что в «азиатской» классической древности преобладающей формой классового угнетения было рабство», а у докладчика основным антагонистическим классом выступает не раб против рабовладельцев, а общинник против рабовладельцев, таким образом, преобладающими являются не рабовладельческие отношения, а общинные.

Здесь И. С. Брагинский, к сожалению, без необходимой ссылки на конкретную работу, ссылается на К. Маркса. Однако он не учитывает то важное обстоятельство, что классовый конфликт между общинниками и рабовладельцами-аристократами начинается в период разложения рабовладельческого строя.

Тут И. С. Брагинскому следовало бы характеризовать основные этапы развития рабства, как преобладающей формы угнетения, а не превращать рабство в придаток общины.

Племена и народы Средней Азии еще с незапамятных времен находились в тесном всестороннем общении с Индией, Ираном, странами побережья Средиземного моря и народами Восточной Европы. Эта связь особенно хорошо прослеживается по материалам из раскопок древних погребений, начиная с периода бронзы, как у нас в Средней Азии, так и в отдаленных странах.

Восстания против ахеменидов Фраата, Скунхэ и других в областях Средней Азии и, наконец, окончательное освобождение Хорезмского государства от персидского ига явились закономерным результатом внутреннего экономического подъема, усиления политических взаимоотношений между народами различных местностей Средней Азии против власти персов. Эти события происходят, как показывает археологический материал, на фоне нового этапа развития производительных сил, выразившегося в созидании крупных магистральных каналов, расширении орошенных площадей, возникновении сплошь застроенных и укрепленных городов, развитии гончарства с применением ножного круга и т. п. Этот облик материальной базы подтверждает то, что «класс» привилегированных воинов и жрецов прежнего общества уже превратился в мощный класс аристократов-рабовладельцев, на которых опирались вновь возникшие рабовладельческие царства парфян, бактрийцев, кангюйцев и ферганцев.

Римский историк 1 в. н. э. Помпей Трог, характеризуя масштаб и состояние рабства и всего общества в парфянском царстве, пишет:

«Оружие у них отечественное и скифское. Войско у них состоит не из свободных, как у других племен, а большей частью из рабов, толпа которых все растет, так как никому не дана власть отпускать на волю, и поэтому все рождаются рабами. Они воспитывают их с той же заботливостью как своих детей и обучают их верховой езде и стрельбе из лука.

Кто богаче всех, тот своему царю поставляет на войну наибольшее число всадников.

В войне парфян с Антонием (римским) было 50000 всадников и из них только 400 (из) свободных . . . Они имеют много жен—продолжает Трог,—ради удовольствия, разнообразия. Но никакое преступление они не наказывают тяжелее, чем прелюбодеяние. Поэтому женщинам запрещено не только посещать собрания мужчин, но и видеть их . . . Разница между свободными и рабами состоит в том, что рабы ходят пешком; а свободные ездят верхом».

Из слов Помпея Трога явствует, что рабовладельческие отношения достигли наибольшего развития, произошла концентрация рабов в руках богатой рабовладельческой аристократии, которая являлась опорой рабовладельческого государства и которая снабжала государство войсками из рабов.

Было бы ошибкой думать при этом, что рабов держали только для военных нужд, тогда как мы вообще имеем дело с рабами—«пешеходами» и громадным числом рабынь, от которых «все рождались рабами». Вместе с тем узаконение запрета отпуска рабов на волю, безусловно, вызвало наводнение страны контингентами рабов, чего, конечно, не выдержала бы экономика другого строя, если бы она не покоилась на широкой эксплуатации рабского труда. Прошли геродотовские времена, когда женщина пользовалась широкими правами, действовала бок-о-бок с мужчиной. Теперь женщина превратилась в собственное имущество мужчины наряду с рабыней. Из слов Трога вытекает, что у аристократов развивалось многоженство, что у них было много красивых молодых женщин. Здесь главную роль сыграло богатство. Другие свободные общинники не имели возможности обзавестись семьями.

Рабовладельческий строй в Средней Азии при парфянах и кушанах достиг своего расцвета. Ирригация в рабовладельческий период достигла небывалых до того масштабов. Это было в свою очередь вызвано усилением крупного землевладения у рабовладельческой аристократии, распадом общины и ростом потребности в расширении орошаемой площади.

Гончарное дело, ткацкое ремесло, строительное дело, обработка металла и т. п. как по качеству изделий, так и по количеству также

достигли большого расцвета в городах рабовладельческого общества.

Качество и количество изделий явно указывают на товарный характер производства и на широкий размах международной и внутренней торговли.

Степень развития государственности, письменности, уровень строительства храмов, дворцов, развитие скульптуры, живописи и т. п. характеризуют степень развития экономического базиса и вместе с тем убеждают в отсутствии существенного различия между социально-экономическими отношениями рабовладельческого Запада и Востока.

Только отсутствие местных письменных известий об этом периоде не позволяет историкам осветить восстания рабов и другие общественные движения, которыми, безусловно, была богата данная эпоха.

В период расцвета рабовладельческого строя военная аристократия, являвшаяся опорой верховного правительства, стала претендовать на земельную собственность. В кушанский период борьба земледельческих общин за сохранение своих земель и острая необходимость для государства в новых орошенных площадях послужили основным стимулом к широкому развитию искусственного орошения. Значительная часть военной аристократии кушанской, а также парфянской империй обзавелась землей, взялась за эксплуатацию общинников. Мощная военно-грабительская кушанская империя начала распадаться, появилась тенденция к обособлению отдельных земледельческих оазисов.

Этот период можно рассматривать как период разложения рабовладельческого строя и зарождения в его недрах феодализма.

При характеристике этого периода нельзя пройти мимо любопытного сообщения историка Табари, согласно которому мифический царь Менучехр положил начало дихканству, назначил для каждой деревни дихкана, сделал жителей ее слугами и рабами для него и повелел повиноваться ему. Пусть это легенда, но тот факт, что появилась надобность в таком объяснении истории дехканства уже говорит о многом.

Мы рассматриваем дихкан как ранних землевладельцев-феодалов. Их зарождение началось в результате роста производительных сил в эпоху наибольшего развития рабовладельческих отношений. Те богатые рабовладельцы, о которых сообщает Помпей Трог, поставлявшие государству наибольшее количество рабов-всадников, теперь добились узаконения их власти над свободными общинниками-кедиверами. Перед нами результат больших перемен в характере производительных сил—прежде всего в результате скачкообразного развития земледелия, наибольшего роста спроса на продукты земледельческого труда, изобретения водяной мельницы, водоподъемной техники и рационализации водопользования, введения искусственного удобрения, культуры хлопчатника, развития селекции и т. п. При таком характере производительных сил должны были зарождаться иные производственные отношения—феодальные отношения. Все это подтверждается и археологическими данными.

Теперь «феодал покидает раба, как не заинтересованного в труде и совершенно неинициативного работника, и предпочитает иметь дело с крепостным, у которого есть свое хозяйство, свои орудия производства и который имеет некоторую заинтересованность в труде, необходимую для того, чтобы обрабатывать землю и выплачивать феодалу натурой из своего урожая»[1]. То есть в нашей конкретно-исторической обстановке дихкан предпочитает труд кедивера труду раба, труд устанавливает свою власть над кедиверами в сельских местностях.

[1] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 120.

В эту пору, т. е. начиная с IV—V вв. н. э., во всех оазисах Средней Азии непосредственно на каналах и среди посевных полей появились замки дихкан; развалины которых доныне сохранились в виде так называемых «тепе» и «таллов». С этого времени рабовладельческие города приходят в упадок. Экономическая жизнь раннего феодализма протекает в деревне в обстановке ожесточенной борьбы классов.

Анализ одного только маздакитского движения в Иране показывает это с полной определенностью. «Средневековье развивалось,—пишет Ф. Энгельс,—на совершенно примитивной основе. Оно стерло с лица земли древнюю цивилизацию, древнюю философию, политику и юриспруденцию, чтобы начать во всем с самого начала»[1].

Маздакитское движение началось с отрицания неравенства во владении четырьмя основами жизни общества. По-персидски это звучит так: замин (земля), зар (золото, т. е. богатство), зур (власть) и зан (женщина). Это требование равенства в отношении семьи, частной собственности на землю, распределения богатства и подчинения власти.

Правящими классами VI в. это рассматривалось как ересь, противоречащая нормам существовавшего тогда зороастрийского вероучения. «Совершенно иной характер носила та ересь,—пишет Ф. Энгельс,—которая являлась прямым выражением потребности крестьян и плебеев и почти всегда сочеталась с восстанием. Разделяя все требования бюргерской ереси относительно попов, папства и восстановления раннехристианского церковного строя, она в то же время шла неизмеримо дальше. Она требовала восстановления раннехристианского равенства в отношениях между членами религиозной общины, а также признания этого равенства в качестве нормы и для светского мира. Из «равенства сынов божьих» она выводила гражданское равенство и уже тогда отчасти даже имуществ. Уравнение дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, оброков, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий—вот те требования, которые выдвигались с большей или меньшей определенностью как необходимые выводы из учения раннего христианства»[2].

Маздакитская ересь, почти без исключения, возникает и развивается в сочетании с восстаниями, выдвигающими лозунги уничтожения дихканства и захвата их богатства.

Спустя около полувека после подавления маздакитского движения в Иране, подобное восстание поднимается на территории Бухарской области под предводительством Абруя. Восстала беднота против дихкан, купцов и других эксплуататоров. Конечно, и в этом движении дело не обошлось без еретических лозунгов. Все имущие разбежались, страной овладели кедиверы, слуги и рабы.

В этих схватках вырисовываются в основном контуры двух новых антагонистических классов—класса дихкан и класса кедиверов. Наряду с кедиверством существовал довольно мощный пласт рабов, унаследованный дихканством от минувшего строя.

В дальнейшем, в связи с развитием феодализма, институт рабства, превратившийся в уклад в раннем феодализме, постепенно теряет свой ярковыраженный облик.

Такова, на наш взгляд, картина возникновения, развития и распада рабовладельческого строя, а также становления раннего феодализма в Узбекистане.

[1] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 33.
[2] Там же, стр. 36.

Н. А. КИСЛЯКОВ
Доктор исторических наук
(Институт этнографии Академии Наук СССР)

Как уже отмечалось, вопрос о периодизации имеет не только теоретический интерес. Он важен и в практическом отношении, поскольку перед нами стоит задача по созданию различных курсов, учебников, учебных пособий, и как в центре, так и в республиках Средней Азии и в Казахстане в этом направлении ведется соответствующая работа.

Однако проблема периодизации истории Средней Азии и Казахстана в целом, равно как и в отношении отдельных республик, отдельных народов, является в настоящее время крайне сложной и трудноразрешимой задачей и всякая схема, предложенная теми или другими исследователями, грозит остаться в значительной своей части именно схемой, я бы сказал, рабочей гипотезой, которая будет подвергаться со временем значительным коррективам и изменениям.

Причина такого положения дел заключается в том, что история народов Средней Азии еще мало изучена, а отдельные периоды остаются и до настоящего времени «белыми пятнами».

При этом далеко недостаточно изученной остается не только древняя история народов Средней Азии, но и такие, сравнительно поздние, периоды, как XVII—XVIII вв., о которых мы знаем еще слишком мало.

Мне представляется, что все же значительная работа в отношении периодизации истории народов Средней Азии уже проделана. В основном она касается признания наличия в Средней Азии в прошлом всех известных социально-экономических формаций (за исключением неуспевшей развиться капиталистической) и установления с большими или меньшими вариантами хронологических рамок смены одной социально-экономической формации другой.

Мы все считаем и надеемся, что данная сессия еще дальше продвинет разработку вопроса о периодизации.

Вносит ли основной доклад по периодизации что-либо новое в разработку проблемы периодизации—как в целом, так и в отдельных деталях—я сейчас судить не берусь. Для этого следовало бы проделать кропотливую работу по привлечению всех соответствующих материалов, высказываний отдельных исследователей и сопоставить их с материалами доклада И. С. Брагинского. Естественно, что такая работа требует большого количества времени и труда.

Мне хочется остановиться хотя бы бегло на некоторых недостатках, которыми, по моему мнению, страдает схема, предложенная И. С. Брагинским, а также его аргументация.

Должен сказать, что лучшей частью доклада я считаю введение, ибо в нем довольно четко намечены задачи, стоящие перед историками Средней Азии как в области периодизации, так и в области разрешения основных вопросов, связанных с социально-экономическими формациями.

Однако самый доклад не может, повидимому, претендовать на разрешение вопросов, поставленных его автором в введении. Основное, что бросается в глаза при ознакомлении с докладом, это его крайний схематизм, отсутствие конкретности. Для доклада характерно то, что в нем совершенно отсутствуют ссылки на источники; в подтверждение своих доводов автор делает только ссылки на литературу, на высказывания отдельных наших исследователей—историков Средней Азии, на их работы, касающиеся вопросов периодизации.

Должен отметить, что непривлечение автором источников весьма невыгодно отличает его доклад от других докладов, выслушанных на

этой сессии, в частности, от доклада Л .П. Потапова, который в значительной степени построен на первоисточниках.

Ограничивая сказанным свои замечания по докладу в целом, перейду к отдельным замечаниям. При этом хочу оговориться, что я по своей научной специализации являюсь этнографом.

Первое замечание касается вопроса о переходе от первобытно-общинного строя к классовому обществу. И. С. Брагинский приурочивает этот вопрос к началу первого тысячелетия до нашей эры, перечисляет основные признаки складывающихся новых отношений и прибавляет, что «о повсеместности перечисленных явлений свидетельствуют данные о культуре амирабадской в Хорезме и Анау IV».

Несколько смело говорить о повсеместности данного явления для всей Средней Азии лишь на основании данных двух культур, относящихся, кстати, только к западным районам Средней Азии. На мой взгляд вообще нельзя для всей Средней Азии, Казахстана и соседних районов ставить одни и те же хронологические рамки разложения первобытного общества. Вполне очевидно, что, скажем, рабовладельческое государство ахеменидов по своему социально-экономическому развитию не может быть поставлено в один ряд с теми племенами, которые населяли в VI в. до н. э. степи и горы Средней Азии и Казахстана.

По мнению докладчика в указанную эпоху уже повсеместно складывается сельская община. Однако этнографы хорошо знают, что в глухих уголках Средней Азии, например, в горном Таджикистане еще в XIX в., правда в рамках феодального строя, сохранялись остатки семейной общины, как известно, по времени предшествовавшей сельской общине, что в то время, как на равнинах и в городах Средней Азии было развито товарно-денежное хозяйство в горных районах (например, в Каратегине и Дарвазе) господствовало еще в значительной степени натуральное хозяйство. А ведь в XIX в. нашей эры экономические, политические и культурные связи были значительно более крепкими, чем в VI в. до н. э.

Как же в таком случае можно говорить о повсеместности социально-экономических изменений в середине I тысячелетия до н. э. Укажу на досадную опечатку в конце 4 страницы доклада; автор очевидно хотел сказать, что эпоха рабства охватывает период с «начала» первого тысячелетия до н. э., а напечатано с «конца» первого тысячелетия.

Я не имею возможности остановиться на втором разделе доклада посвященном рабовладельческой формации. О характеристике этой эпохи в Средней Азии говорили такие крупные специалисты, как проф. М. Е. Массон и проф. М. М. Дьяконов. Я согласен, что недостаток фактического материала не дает еще возможности судить о размерах рабовладения в Средней Азии и наметить основные этапы или периоды развития внутри данной формации.

Считаю неудачной аналогию докладчика, сравнивающего создание ирригационных сооружений в Средней Азии с возведением египетских пирамид. Это сравнение может только запутать вопрос; пирамиды нужны были лишь господствующему рабовладельческому классу Египта, они служили для закрепления соответствующего мировоззрения правящих классов, служили для возвеличения правителей-фараонов, но они были совершенно бесполезны для народа. Напротив, ирригационные постройки были небезразличны для народа, и в их сооружении были безусловно заинтересованы и свободные общинники, которых И. С. Брагинский заставляет в течение всего длительного периода господства рабовладельческой формации стоять в стороне в виде своеобразного «трудового резерва», до той поры, пока на них не обратится алчный взор эксплуататора-рабовладельца, превращающегося к тому времени в эксплуататора-феодала.

М. М. Дьяконов в своем выступлении уже говорил о постановке в докладе вопроса о привлечении свободных общинников и назвал концепцию, предложенную И. С. Брагинским, неверной.

Мне представляется, что она потому, главным образом, и неверна, что слишком абстрактна. Это голая схема, под которую И. С. Брагинский пытается подвести марксистский базис. Но, как известно, марксизм—враг голых абстракций, враг умозрительных схем. Там, где обобщения не опираются на факты, там нет и марксизма.

Действительно, что получается у И. С. Брагинского? В течение многих столетий строили каналы, для этого нужны были рабы, затем, построив их достаточное количество, приступили к их эксплуатации—понадобились полукрепостные люди. А что же, в течение многих столетий существования рабства не поливали поля, а затем в эпоху феодализма уже не строили каналов? Так ведь буквально и пишется в докладе: «Иное дело, когда каналы были уже созданы, а центр тяжести переносился на их использование».

Далее И. С. Брагинский пишет: «Среднеазиатская аристократия покидала незаинтересованного раба и переходила к эксплуатации хороших поливальщиков, которыми могли быть лишь умелые общинники и неполноправные кижекту (кедиверы).

Мы, конечно, не знаем, как это было в действительности, однако схема И. С. Брагинского грешит тем, что при разложении рабовладельческого строя (при котором производственные отношения складывались между двумя антагонистическими классами—рабовладельцев и рабов), эксплуатируемый класс не складывается в новый класс (скажем, полукрепостных крестьян), а полностью выпадает из производства; для образования же нового эксплуатируемого класса целиком привлекается какая-то третья сила в виде свободных общинников. Таким образом, новые производственные отношения зарождаются не в недрах старых производственных отношений, не в недрах старой формации, как этому учат нас классики марксизма-ленинизма, а создаются с помощью привлечения класса, стоявшего до этого времени вне господствующего способа производства.

Я далек от мысли отрицать существование этого свободного общинника и того факта, что при становлении феодализма он действительно закабалялся, но поскольку класс рабов был основным эксплуатируемым классом при рабстве (и теоретически рассуждая, должен был преобладать и численно), он и должен был составить основу нового эксплуатируемого класса.

Один из выступавших указывал на разложение рабовладельческой формации в Риме и говорил о том, что колонат в значительной степени был создан на основе превращения рабов в полусвободных крестьян, хотя и в Риме, как известно, существовали и свободные общинники, затем превратившиеся в феодальных крестьян.

Обращаясь к периодизации феодализма, докладчик намечает здесь три периода—возникновения, развития и упадка. Однако при самом внимательном чтении мне не удалось уловить, какой критерий положен в основу деления на эти периоды. Здесь уже отмечалось, что в предложенной периодизации феодализма остается совершенно неразработанным вопрос о развитии земельной собственности и формы ренты, как основы феодализма.

И. С. Брагинский выделяет особо период упадка феодализма. Однако употребление этого термина вряд ли правомерно. Можно говорить об упадке культуры, хозяйства, но не об упадке формации, тем более, что докладчик противопоставляет понятие упадка понятию разложения.

Если феодализм не сменяется новой, идущей ему на смену формацией, то нечего и говорить ни об упадке, ни о разложении. Об этом здесь уже говорил В. Я. Непомнин. Я хочу добавить следующее. Конечно можно и следует говорить об упадке хозяйства, культуры, ухудшении положения трудящихся, скажем, в XVI—XVIII вв. Но чем этот период упадка хуже, например, периода наступившего после нашествия монголов (XIII в.), который докладчик относит к периоду развитого феодализма? Почему для XIII в. можно говорить о развитии, следовательно о каком-то расцвете, а для XVII—XVIII вв.—об упадке? Где же здесь критерий, которым должен руководствоваться исследователь?

В заключение я хочу остановиться на вопросе о так называемой системе «танхо» в горном Таджикистане (б. Бухарское ханство), которую И. С. Брагинский характеризовал в своем устном выступлении как, по существу, частную земельную собственность с крепостным крестьянином, которого помещик имел право продавать.

И. С. Брагинский, повидимому, мало знаком с фактическим материалом по этому вопросу, хотя если бы он не пренебрег имеющейся литературой, в частности и моими исследованиями, изложенными в книге «Очерки по истории Каратегина», он мог бы составить себе более отчетливое понятие о том, что такое «танхо» в Восточной Бухаре.

Танхо в Восточной Бухаре, в частности в Каратегине и Дарвазе, было типичным ленным пожалованием. Эмир бухарский раздавал феодальной знати, так называемым «сипо» или «амальдорам», бухарские чины, для которых существовала целая иерархия, начиная от низших (джевачи, караул-беги и пр.) и кончая высшими чинами (бий, додхо). Вместе с чином получившее его лицо получало и определенное количество крестьянских хозяйств в так называемое «танхо» и становилось «танхохуром», т. е. в переводе с таджикского языка, человеком «едящим (пользующимся) танхо». Количество хозяйств, даваемых в танхо, варьировало, но в общем зависело от важности чина; караул-беги мог получить три-четыре хозяйства, туксабо—40—50 хозяйств. Крестьянин, попавший в танхо, впредь должен уже был отдавать взимаемую с него ренту (совпадавшую в данном случае с налогом) не государству, а своему танхохуру—амальдору, сипо. Рента эта имела две формы—отработочную и натуральную и лишь в последнее время (начало XX в.) к ней стала примешиваться и денежная.

Конечно, крупные амальдоры—танхохуры, имевшие большой вес и влияние в крае, нередко не ограничивались рентой, вмешивались в жизнь крестьян, поступивших в «танхо»— творили в кишлаках суд и расправу, устраивали браки крестьянских девушек по своему усмотрению, часто принуждали крестьян выполнять для танхохура работы, не предусмотренные отношениями танхо, так сказать незаконные, словом, ставили крестьян в полукрепостную зависимость.

Однако пожалованное танхо никогда не рассматривалось и фактически не было земельной собственностью, которую феодал-танхохур мог продать вместе с находящимися на земле крестьянами. Напротив, танхо весьма часто меняло своего владельца, но не путем продажи, а по прихоти эмира и его наместников: отбиралось у прежнего танхохура и передавалось вновь в казну. Известно, что например, у крупных феодалов-ишанов из. Язгенда эмир не раз отбирал танхо, и ишанам приходилось отправляться в Бухару с богатыми подарками, чтобы умилостить эмира и получить танхо. Так же поступили в Каратегине с несколькими танхохурами, в частности с крупным танхохуром по имени Дервиш, попавшим в немилость к эмиру.

Что положение было действительно таково, красноречиво говорит существовавший в крае обычай, известный под именем «падар-мурда», буквально «за смерть отца». Сын всякого танхохура по смерти своего отца должен был преподнести богатый подарок эмиру или его наместнику, просить о предоставлении ему танхо своего отца, и только после этого он вступал во владение. Мне неизвестно совершенно каких-либо случаев купли-продажи танхо, о которых здесь шла речь.

Я считаю, что выступивший на сессии К. М. Мирзаев в своей вышедшей из печати работе в основном правильно обрисовал сущность танхо в Восточной Бухаре.

Хочется выразить уверенность, что все мы—советские историки, археологи и этнографы будем и в дальнейшем плодотворно разрабатывать отдельные вопросы истории народов Средней Азии и Казахстана, пополнять ее конкретным, фактическим материалом и общими усилиями оправдаем то доверие, которое оказывает нам Коммунистическая партия, Советское правительство.

Т. КАДЫРОВА

Кандидат исторических наук

(Академия Наук Узбекской ССР)

Мое выступление ограничивается уточнением значения некоторых феодальных институтов, развивавшихся, повидимому, на иктадарском этапе феодального периода истории народов Узбекистана. Начало этого этапа следует считать с IX в.

Объяснение термина «икта» мы находим в книге «Мафатих ал-улум» («Ключи науки»), написанной Абу Абдаллахом Мухаммедом ал-Китабом ал-Хорезми в X в. Ал-Хорезми пишет: «ал-икта»—то, что султан наделяет какого-нибудь человека землей, и она (земля—*Т. К.*) переходит к нему во владение». Эти земли называются «катаи» (единственное число «катиа»). На основании этого объяснения ал-Хорезми, во-первых, можно сказать, что в пожалование «икта» выходит земля, а не только право на получение определенного дохода в виде хераджа с земли, обработанной определенными людьми, и, во-вторых, можно уверенно сказать, что это пожалование было не временным, а наследственным. Повидимому, в этом вопросе следует присоединиться к мнению проф. И. П. Петрушевского который, разбирая классическое определение, данное в XI в. автором «Сиёсат-намэ», писал: «Автор «Сиёсат-намэ» подчеркивает, что центральная власть смотрела на владетеля «икта» (арабский —«мукта», персидский—«иктадор») не как на землевладельца, а как на чиновника. Однако уже в том же XI в. практика отошла от официальной теории, а быть может с самого начала расходилась с нею».

Нам кажется, что с самого начала институт «икта» в действительной жизни страны значительно расходился с той официальной теорией, которая изложена в XI в. Низам-ал-Мульком и принята некоторыми востоковедами без критической проверки. Еще более существенным свидетельством в пользу сказанного является то, что ал-Хорезми в своей упомянутой книге приводит другой вид условного земельного пожалования, называемого «ат-тумат» от арабского глагола таама, т. е. кушание—питание. Автор, объясняя этот арабский термин писал:

«Ат-тумат» заключается в том, что имение дается какому-нибудь человеку, чтобы он обрабатывал его и платил с него ушр и оно принадлежало ему в течение его жизни, а когда он умер, оно отбиралось от его наследника. А «катиа» (противоположное «ат-тумат»—*Т. К.*) после

смерти владельца остается за его наследником». «Катиа», как уже было сказано, обозначает землю, пожалованную в качестве «икта».

При саманидах благодаря пожалованию земли военачальникам с условием несения службы государству и также благодаря вознаграждению за службу—из числа тюркских гулямов выходили крупные сановники саманидского государства: Абу-Али Симджури, Себук-Тегин, Фаик, Алп-Тегин и др.

По словам автора «Сиёсат-намэ», в Хорасане и в Мавераннахре не было города, где бы Алп-Тегин не владел дворцом, садом, караван-сараем, баней. Он имел многочисленные склады зерна, владел «тысячью тысяч баранов и овец, ста тысячью верблюдов и мулов».

Пожалованными землями пользовались в течение своей жизни не только эти сановники, но и их наследники. Концентрация в их руках такого количества земельных фондов, несомненно, означала ослабление верховной государственной власти, а также рост влияния отдельных крупных сановников.

Под давлением таких крупных сановников саманиды уступали те или другие свои права в их пользу, т. е. им предоставлялись разные налоговые льготы. О терминах налоговых льгот также упоминает ал-Хорезми. Он пишет: «Ат-тасви»—заключается в том, что человеку дается какое-нибудь облегчение от его хараджа на год или подобно этому».

Ал-Хорезми упоминает еще другую налоговую льготу, называемую «ал-игар» (иммунитет). Она заключается в том, что имение или селение объявляется под запретом и в него не может войти амил (сборщик податей), который не может налагать на это имение никаких налогов, уплачиваемых ежегодно в казну столицы или какой-нибудь из областей.

Существование арабского термина «ал-игар», обозначающего «иммунитет», свидетельствует о существовании этого феодального института при саманидах.

Начиная с Исмаила Самани, увеличивается раздача земель в пользу духовных учреждений или отдельным крупным представителям духовенства. Эти земли, почти без исключения, были освобождены от налогов. Параллельно с ростом землевладения и получением различных налоговых льгот военно-феодальная знать и высшее мусульманское духовенство приобретали влияние за счет ослабления верховной государственной власти. Эти крупные землевладельцы, согласно указанию Гардизи, нарушали правила распределения воды, что губительно отражалось на хозяйстве средних и бедных крестьян.

Из-за недостатка воды и тяжести хараджа крестьяне вынуждены были продавать свою землю и работать у крупных земельных собственников на основе издольной аренды или принять покровительство, отдавая свои земли крупным землевладельцам, состоящим на государственной службе. На Западе, во Франции, такое покровительство обозначается термином «коммендация», в истории феодальной России—«закладничество», а в Средней Азии—«илджаа» или «ат-тильжаат». Этот феодальный институт имел необходимые условия для своего развития и в Мавераннахре. Поэтому ал-Хорезми счел нужным дать следующее объяснение: «ат-тильжаат»—заключается в том, что слабый вручает свое имение сильному, чтобы сохранить его (множественное число «ал-маладжиу», «ат-таладжиу»). Бывает так что сильный оказывает защиту тогда, когда землю передает ему ее владелец.».

Таким образом, в изучаемый нами период на территории Мавераннахра развивается процесс феодализации; с одной стороны, путем раздачи «икта»—государством и, с другой,—путем отдачи своей земли и

себя под покровительство крупной землевладельческой знати со стороны беспомощных крестьян.

И. С. Брагинский в тексте доклада тоже писал об этих институтах и хотел показать их как факторы, усиливающие процессы феодализации. И. С. Брагинский правильно ссылается на авторитет ныне покойного проф. А. Ю. Якубовского, но цитату И. С. Брагинский привел неправильно.

Для ясности прочту цитату докладчика и правильный текст А. Ю. Якубовского. В докладе сказано: «Икта,— писал А. Ю. Якубовский,— это процесс феодализации государства как бы сверху. Навстречу этому процессу шла феодализация снизу; мы имеем в виду коммендацию со стороны крестьян и землевладельцев («ильджа»), когда крестьянин и мелкий землевладелец ставит себя под «покровительство» (т. е. в феодальную зависимость от крупного землевладельца.—*И. Б.*)... Это разлагало основы феодального централизованного государства».

Проф. А. Ю. Якубовский же в своей статье писал: «Два процесса— пожалование икта и коммендация—сверху и снизу—разлагали основы дофеодального централизованного государства и переводили производственные отношения на новое феодальное русло».

И. С. Брагинский в своем докладе (стр. 10—11) тоже сказал об этих институтах. Но из текста доклада может создаться впечатление, что И. С. Брагинский рассматривает «икта» и «ильджа» не как институты, усиливающие развитие процесса феодализации, а как факторы, разлагающие этот процесс.

Скажу о положении издольщиков-крестьян, работавших на земле феодалов. По сведениям, имеющимся в нашем распоряжении, крупные землевладельцы в своих владениях использовали труд крестьян общинников и обезземеленных землеробов на основе издольной аренды. Арабоязычные авторы, дающие сведения для изучения данного периода, называют издольщиков термином «аккар» или «шарик». Авторы, писавшие свои труды на иранских языках издольщиков обозначают термином «барзигар».

Ат-Табари, описывая событие, происходившее в 839 г. в его родном Табаристане, упоминает о крупных дихканах, обрабатывающих свои земли трудом земледельцев (аккаров) на основе издольной аренды.

Отношение землевладельца-дихкан к своим издольщикам можно узнать из «Сиёсат-намэ». В ней приведен рассказ об одной «благородной» женщине, потерявшей детей и мужа. Она отдавала свою землю «барзигару», т. е. издольщику. Полученный урожай женщина ежегодно делила на три части: одну часть давала государству, другую—земледельцу, третью часть оставляла для себя. Из этого видно, что крестьянин за свой труд получал только $^1/_3$ урожая, или меньше этого.

Что касается жизни крестьян, живущих на пожалованной земле или принявших покровительство крупных чиновников, то трудно ее описать из-за скудости сведений, находящихся в нашем распоряжении.

Если внимательно вчитаться в текст «Сиёсат-намэ», можно найти косвенные указания на то, что фактическое право «мукта»—владетеля «икта»было гораздо больше, чем собирание «добрым образом» законной подати. Автор «Сиёсат-намэ» предупреждает государя следующими словами: «... пусть будет у народа безопасность тела, имущества, жены и детей. Пусть будут безопасными их вещи, владения, пусть не будет у мукта к ним никаких путей». Приведя государю горький пример о действиях мукта у дейлемцев, он писал: «Их мукта требуют и получают у народа херадж по 2, по 3 раза в один год и совершают насилием все, что хотят». Из этих слов автора «Сиёсат-намэ» можно ясно видеть, что

«мукта» не ограничивались сбором законных налогов в свою пользу. Уже в XI в. автор «Сиёсат-намэ» предостерегает государя, дающего «икта» своим гражданским, духовным и военным служилым людям, что они могут отнимать у народа земли и другое имущество, скот, вещи и даже посягнуть на жен и детей населения, живущего на пожалованной земле.

Из приведенного текста видно что «мукта» мог подвергнуть крестьян, живущих на пожалованной ему земле, телесному наказанию. Очевидно, что, хотя мусульманское право фикх, как известно, не признает крепостной зависимости; но; несомненно, существовала фактическая зависимость крестьян от собственников крупных земель—феодалов.

М. Э. ВОРОНЕЦ

Кандидат исторических наук

(Академия Наук Узбекской ССР)

Я остановлюсь на периодизации истории первобытно-общинной формации. Этого вопроса на нашей сессии коснулись только А. А. Росляков (Туркмения), Г. Ф. Дахшлейгер (Казахстан) и А. К. Кибиров (Киргизия).

А. А. Росляков предлагает разделить первобытно-общинный период на два этапа: 1 этап—развитие первобытно-общинного строя (что по схеме А. А. Рослякова охватывает по времени палеолит, неолит и раннюю бронзу) и 2 этап—разложение первобытно-общинного строя (что охватывает по времени позднюю бронзу).

Первый этап этой схемы, по данным акад. А. А. Ферсмана, основанным на изучении процесса распада урана, исчисляется в 500 000 лет За это время человек по своему физическому типу от питекантропа через синантропа, гейдельбержца и неандертальца достиг уровня современного человека. От простого присвоения продуктов природы человек перешел к овладению земледелием, скотоводством, плавкой металла. За этот колоссальный период времени первобытное общество, как установили классики марксизма, пережило несколько различных в социально-экономическом отношении этапов. Схема периодизации, предложенная А. А. Росляковым методологически, а, следовательно, и научно, не обоснована.

Г. Ф. Дахшлейгер предлагает первобытно-общинный период разделить на 3 этапа: 1) палеолит, 2) неолит и 3) бронза. Такая специфически археологическая периодизация с некоторыми поправками могла бы быть принятой для «Основ археологии», для «Введения в археологию», для «Археологии отдельной страны», но не для истории, в основу общей периодизации которой мы кладем общественные отношения: первобытно-общинные, рабовладельческие и т. д.

А. К. Кибиров предлагает два этапа: первый—первобытная община материнского рода и второй—первобытная община отцовского рода. А. К. Кибиров подошел к обсуждаемому вопросу с правильных позиций, взял за основу общественные отношения, но не учел все этапы развития первобытного общества, о чем я скажу в дальнейшем.

Коснусь, наконец, периодизации, принятой в 1 томе «Истории народов Узбекистана», вышедшем из печати в 1950 г. Там мы применили периодизацию Энгельса—Моргана, в основу которой положены культурные достижения первобытного общества, как например, искусственное добывание огня, изобретение лука, гончарное искусство и другие. Эта периодизация, имеющая много положительных сторон, может быть при-

менена, конечно, с некоторыми коррективами, при изучении истории первобытной культуры. Критика справедливо отметила недостаточность социально-экономической характеристики первобытно-общинного периода в I томе «Истории народов Узбекистана».

В основу общепринятой в настоящее время периодизации положены типы производственных отношений, как это устанавливает И. В. Сталин в работе «О диалектическом и историческом материализме». С этой точки зрения первобытно-общинный период, в соответствии с имеющимися археологическими данными и основополагающими указаниями классиков марксизма-ленинизма можно разделить на четыре крупных этапа: 1—первобытное стадо, 2—ранняя первобытная община неандертальцев, 3—первобытная община материнского рода и 4—первобытная община отцовского рода.

1. Первобытное стадо, по археологической периодизации, охватывает до-шелльское, шелльское и ранне-ашелльское время. На территории среднеазиатских республик и Казахстана памятники, относящиеся к этому времени, обнаружены пока только в Туркмении. Находки орудий ашелльского типа так же, как и благоприятная природная среда, говорят за то, что древнейший этап развития человеческого общества на этой территории бесспорно имел место.

У классиков марксизма-ленинизма этот этап первобытного общества получил яркую характеристику. В своих работах и письмах К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин называют его первобытным стадом. В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс говорит, что люди в это время находились в полуживотном состоянии, были беспомощны перед силами природы, бедны, как животные, и производили немногим больше, чем животные. Энгельс подчеркивает, что тогда господствовало равенство жизненных условий. Характеризуя степень умственного развития первобытных людей, Маркс и Энгельс писали, что сознание первобытного человека носит столь же животный характер, как и сама общественная жизнь на этой ступени; это сознание чисто стадное и человек отличается здесь от барана лишь тем, что сознание заменяет ему инстинкт, или—что его инстинкт осознан.

Основоположники марксистской теории устанавливают далее, что идеи, представления, сознание первоначально вплетены непосредственно в материальную деятельность, в материальное общение людей.

Какова же была материальная деятельность людей на этом этапе? Каков был физический тип человека и каковы были формы хозяйства?

И Маркс, и Энгельс указывают, что на самом раннем этапе развития люди питались дикими плодами, орехами, съедобными кореньями и тому подобными готовыми продуктами природы.

На этом уровне развития производительных сил человек присваивал естественные источники пропитания, занимаясь собирательством и отчасти охотой. Но и такие способы добывания средств существования требовали хотя бы простейших орудий. Подобные орудия, характерны своей бесформенностью, почти неотличимые от естественных обломков камня, были обнаружены около Пекина вместе с костными остатками синантропов. Такие же несовершенные орудия находили в Европе, в Средней Азии и в Африке.

Находки этих орудий нередко сопровождаются находками так называемых ручных рубил, которые представляют собой более или менее определенный тип орудий, хотя форма их часто бывает случайна и подчас зависит от формы валуна, из которого они сделаны. Несомненно, что несовершенство этих первых орудий является результатом низкой техники обработки камня, которая зависела не только от низкого уровня развития самой техники, но и от слабо развитой руки питекантропа и

синантропа, которую палеоантропологи характеризуют, как лапообразную. Однако существенным фактом было то, что передние конечности превратились в руки с их специфическими особенностями и одновременно с этим человек постепенно выработал способность прямохождения.

Эти обстоятельства содействовали развитию трудовых процессов, тесному сплочению членов общины для совместной деятельности. Так «формировавшиеся люди пришли к тому, что у них явилась потребность что-то сказать друг другу». Ту же мысль, что возникновение членораздельной речи относится к самым ранним моментам развития человеческого вида, подчеркивает Маркс в конспекте книги Моргана «Древнее общество». Особенно обстоятельно характеризует значение языка в обществе И. В. Сталин в своей работе «Относительно марксизма в языкознании». И. В. Сталин пишет, что «язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества». Такова марксистская характеристика наиболее раннего этапа в развитии человеческого общества, который основоположники марксизма всегда именуют первобытным стадом и материальные остатки которого, как мы сказали, обнаружены на территории Средней Азии.

2. Вторым этапом первобытно-общинного строя является ранняя первобытная община неандертальцев. Этот этап Энгельса характеризуется, как очень существенный шаг в развитии производительных сил первобытно-общинной формации. Обширнейшие археологические материалы, добытые в результате раскопок на территории Средней Азии, позволяют нам детально характеризовать это время, называемое, по археологической периодизации, мустьерским. Пещерное жилище Тешик-Таш со скелетом ребенка-неандертальца, получившее мировую известность, пещера Аман-Кутан и многие находки на юге Узбекистана и в Туркмении дают возможность отметить такие черты этого этапа:

а) охота становится ведущей отраслью хозяйства. Изобретаются многочисленные охотничьи орудия: болас, праща, метательная палица и другие. Охота, которая была коллективной, сплачивала группы первобытного стада в более прочную общественную организацию—первобытную общину;

б) появляются в значительном числе коллективные постоянные жилища;

в) изготовляются, правда в небольшом ассортименте, орудия определенных форм—ножевидные пластины, остроконечники, скребла и дисковидные нуклеусы, что говорит о возникновении разделения труда и иллюстрирует указание Маркса: «при каждом виде разделения труда имелись свои специфические орудия». Несомненно, что среди этих мустьерских орудий имеются специальные орудия домашней, женской работы и орудия мужской работы, связанные с охотой.

г) очевидно, многие тысячелетия люди пользовались случайно полученным огнем, но на этом этапе они научились искусственно добывать его и систематически использовать. Энгельс подчеркивает исключительное значение данного открытия с точки зрения возможности расселения человечества в холодных странах, а также в отношении влияния изготовленной на огне пищи для физического развития человека и как первого овладения человеком определенной силой природы;

д) погребения, обнаруженные в пещерных жилищах первобытных людей-неандертальцев на территории Узбекистана и в других местах Старого Света, свидетельствуют о появлении наиболее ранних надстроечных явлений—этой «естественной религии»,—как говорят основоположники марксизма;

е) сам физический тип человека, свойственный этому этапу, кардинально отличается от людей, составлявших первобытное стадо, то есть от питекантропов и синантропов. Несмотря на наличие у неандертальцев некоторых примитивных признаков, сумма прогрессивных признаков выделяет их в самостоятельную группу, промежуточную между людьми первобытного человеческого стада и современными.

Все перечисленные очень существенные признаки характерные для описываемого отрезка времени, заставляют выделить его в самостоятельный этап первобытно-общинного периода.

3. Третий этап в развитии первобытно-общинного периода—первобытная община материнского рода—разработан и освещен значительно лучше, чем предшествующие два. Это естественно, поскольку подобные общественные отношения, в качестве явлений пережиточного характера, существовали у отсталых народностей совсем недавно.

Община материнского рода, как самостоятельный этап первобытно-общинного периода, охватывает конец древнего каменного века и новый каменный век. Маркс, Энгельс и Ленин в своих трудах неоднократно останавливаются на вопросе о матриархате, выясняя его сущность.

В. И. Ленин в лекции «О государстве» говорит, что «положение женщины не было похоже на теперешнее бесправное, угнетенное положение». В ту эпоху женщины занимали «не только равноправное положение с мужчинами, но даже нередко и более высокое».

В статье «К истории первобытной семьи» Энгельс пишет: «открытие первичного материнско-правового рода, как стадии, предшествовавшей отцовско-правовому роду культурных народов, имеет для первобытной истории такое же значение, как теория развития Дарвина для биологии и как теория прибавочной стоимости Маркса для политической экономии». Материнский род, по Энгельсу, представляет собой определенный общественный строй, определенную эпоху, определенную стадию в развитии первобытного общества. Число подобных высказываний классиков марксизма, которые четко определяют общину материнского рода, можно было бы значительно увеличить, но и приведенных достаточно, чтобы признать первобытную общину материнского рода самостоятельным этапом в истории первобытного общества.

Необходимо отметить, что археологические памятники в республиках Средней Азии и Казахстане дают значительные вещественные материалы, характеризующие этот этап. К числу таких памятников относятся позднепалеолитические пещерные жилища Узбекистана, отчасти Туркмении, позднепалеолитические стоянки Туркмении, а также неолитические стоянки Хорезма и Казахстана, получившие, по инициативе открывшего эту культуру С. П. Толстова, наименование кельтеминарской, и многие другие. Следует подчеркнуть, что в конце существования матриархата намечается свойственная территории Средней Азии своеобразная черта исторического процесса, а именно: первое общественное разделение труда (скотоводов и земледельцев), которое имело огромное значение, поскольку оно вызывало обмен продукцией между скотоводами и земледельцами, а вместе с тем способствовало возникновению имущественного неравенства и постепенному ниспровержению материнского права, что Энгельс расценивает как явление всемирноисторического порядка.

Для этого этапа характерны такие явления:

а) возникновение скотоводства, прежде всего, приручение некоторых видов домашних животных и возникновение мотыжного земледелия;

б) появление ткачества, гончарства и других отраслей хозяйства;

в) появление изобразительного искусства, объемного, в виде статуэток, и плоскостного, в виде наскальных изображений;

г) исключительно существенным фактом, возникновение которого свойственно именно этому этапу, является то, что физический тип человека достигает современного уровня развития и что в это время намечаются зачатки образования рас.

4. Четвертый этап первобытно-общинного периода—первобытная община отцовского рода.

Быстрый рост производительных сил в конце матриархата и в начале патриархата, выразившийся прежде всего в развитии скотоводства и земледелия, получившего в это время плужный характер, в освоении человеком плавки металла, в возникновении некоторых новых способов добывания средств существования, в значительном развитии обмена,— все это значительно изменило экономический базис первобытного общества, что в свою очередь коренным образом сказалось и на общественных отношениях. Характерно, что именно в это время появляются специальные орудия войны (мечи, кинжалы, щиты и др.), не пригодные для охоты; здесь же возникает, условно говоря, крепостное строительство.

Наступила революция, одна из самых радикальных революций пережитых человечеством—смена матриархата—патриархатом.

Для этого этапа, кроме выше отмеченных характерных сторон жизни, необходимо подчеркнуть черты, свойственные именно Средней Азии. Это, во-первых, все более углубляющееся разделение на скотоводов и земледельцев и, во-вторых, необходимость применения при земледелии искусственного орошения.

Для первобытной общины отцовского рода характерно далее, что на некоторых территориях она продолжает существовать даже в эпоху письменности, почему ее специфические черты известны несравненно лучше, чем черты других этапов первобытного общества.

По мнению основоположников марксизма, существенным признаком патриархальной семьи является организация известного числа лиц, свободных и несвободных, в отдельную группу, под властью ее главы в целях обработки земли и ухода за стадами. Сущность такой организации составляет власть главы над членами группы и над ее собственностью. Для этого этапа свойственна полигамия, но она была доступна только патриархам, главам патриархальных семей.

Эта краткая характеристика отцовского рода, построенная на обширных фактических материалах и четких методологических положениях классиков марксизма-ленинизма, вполне определяет существенные особенности того времени, которые дают полное основание признать его четвертым этапом в периодизации первобытно-общинной социально-экономической формации.

Такое деление первобытно-общинного периода представляется наиболее убедительным, и когда объединенная научная сессия выдвигает и обсуждает вопрос о периодизации истории дооктябрьского времени в целом, то следует коснуться и этого периода. Для историков среднеазиатских республик и Казахстана, особенно для тех, которые работают над составлением истории своей республики, решение данного вопроса авторитетным коллективом данной сессии является крайне необходимым.

Е. И. ЗАОЗЕРСКАЯ

Доктор исторических наук

(Академия Наук СССР)

Нам всем хорошо известно, какую важность имеет разработка периодизации истории народов СССР и в то же время какие трудности она представляет.

Мы убедились в этом на практике в процессе работы над периодизацией истории русского народа. Над нею в течение последних лет и работает значительный коллектив, а между тем до сих пор многое еще не выяснено, и наши дискуссии по этому вопросу остались незаконченными, как это отмечалось в партийной прессе.

Тем более сложна разработка общей периодизации истории народов Средней Азии. Она должна опираться на периодизацию истории сопредельных народов, а последняя в свою очередь еще не разработана в силу неизученности ряда входящих в общую проблему вопросов и тем.

Естественно поэтому, что представленные здесь И. С. Брагинским и отчасти А. А. Росляковым варианты общей периодизации вызывают много замечаний и принципиального значения, и более мелких.

Я позволю себе коснуться общей схемы периодизации истории народов Средней Азии, применительно к эпохе феодализма, особенно более поздних ее этапов.

Прежде всего для внутреннего членения необходимо иметь критерий членения.

Для определения подпериодов возникновения, становления и развития феодализма авторы в качестве критерия, насколько можно уловить, берут отсутствие или, напротив, наличие крепостничества.

Оба докладчика говорят, что время возникновения феодальных отношений отличается тем, что крестьяне не были закрепощены. Один доводит это до IX в., другой идет несколько дальше. Развитие феодализма характеризуется закрепощением крестьян.

В то же время И. С. Брагинский готов считать, что уже на ранней стадии возникновения феодальных отношений они показали свое превосходство.

Но в чем же заключается сущность феодальных отношений, а тем более их системы при отсутствии крепостничества, и вообще насколько правильно абстрагировать эти два явления: феодализм и крепостничество?

Классики марксизма обычно пользуются этими понятиями как синонимами.

В самом деле, что такое крепостничество, если понимать его не с юридической, а с экономической точки зрения. Это и есть неполная собственность феодала на работника производства. Она складывается, конечно, постепенно, так же как концентрация земельной собственности в руках феодального класса. Это складывание той и другой характерных сторон феодальных производственных отношений и есть процесс возникновения феодализма. Членить его вряд ли возможно.

Что лежит в основе крепостничества? Феодальная собственность на землю. Земля, да еще орошаемая, привязывает в условиях феодального замкнутого хозяйства, когда нет других источников существования. Кабала лишь усиливает складывающуюся на основе земли зависимость. Власть земли ослабляется по мере развития производительных сил, промышленности, городов, когда открываются другие источники существования. В этих условиях, более поздних, приобретает большее значение внеэкономическое принуждение и юридическое закрепощение, там где оно было.

Из доклада, а еще больше из устного выступления И. С. Брагинского ясно, что он упадок феодализма видит не только в хозяйственном застое, а может быть даже в регрессе. Он говорит, что новые капиталистические отношения возникают в недрах феодального общества у народов Средней Азии еще до присоединения к России. Последнее их значительно усилило. Отсюда положение докладчика о том, что еще до

присоединения наблюдается несоответствие между растущими производительными силами и сковывавшими их феодальными отношениями. В этом докладчик видит смысл кризиса.

Но в таком случае 1) необходимо показать, в чем наблюдалось зарождение новых капиталистических отношений. Между тем и в докладе, и в выступлениях конкретный материал отсутствует; 2) если даже новое зарождалось в недрах старого, то это был начальный процесс, когда нельзя говорить не только о несоответствии, но даже о заметных противоречиях.

При изучении аналогичного процесса в истории России мы не решаемся говорить о несоответствии даже для середины XVIII в.

Что же в таком случае означал упадок в истории народов Средней Азии и как его следует квалифицировать? Сами докладчики дают ответ на этот вопрос.

Интереснейший конкретный материал привел Р. Н. Набиев о росте условного и духовного землевладения, о росте эксплуатации крестьян.

Все это дает основание констатировать нарастание процесса дальнейшего развития феодальных отношений. Грань, которую прокладывают здесь, должна быть глубже обоснована или снята.

Мне представляется, что вполне выступают три основных этапа в развитии феодализма: 1) возникновение и становление; 2) период развития феодализма; 3) присоединение к России и вызревание капиталистических отношений.

Задача историков определить с какого времени мы можем говорить о системе феодальных отношений у народов Средней Азии.

Это один вопрос принципиального значения.

Другой—касается грани между периодом прогрессирующего феодализма и периодом его упадка.

Здесь уже совершенно обоснованно ставился вопрос о закономерности выделения периода упадка и кризиса феодализма и самих этих понятий. Для их внутреннего, более дробного членения требуется более пристальное изучение конкретной истории.

В заключение хочется ответить на последний вопрос докладчика—следует ли заниматься периодизацией в настоящих условиях изученности истории народов Средней Азии? Да, следует. Этот ответ вытекает и из нашего опыта по периодизации истории русского народа. В этой истории тоже далеко не все изучено, но постановка вопроса о периодизации уже заставила нас направить внимание на наиболее темные, неосвещенные периоды и вопросы. Думаю, что общая периодизация истории Средней Азии должна базироваться на работе по периодизации истории отдельных народов Средней Азии.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

Кандидат архитектурных наук

(Среднеазиатский государственный университет)

Проблема периодизации истории Средней Азии, поставленная в повестку сессии, затрагивает различные стороны истории человеческого общества. В частности, она чрезвычайно важна для понимания основных процессов развития истории среднеазиатского искусства.

Если в буржуазном искусствознании художественное творчество народов Средней Азии рассматривается лишь как провинциальная ветвь арабо-иранской культуры, если концепция эта поддерживалась в нашей дореволюционной науке, то тезис о самобытности и своеобразии средне-

азиатского искусства был выдвинут уже в прошлом столетии великим русским критиком В. В. Стасовым. Однако подлинное развитие стасовского тезиса и изучение искусства народов Средней Азии, вышедшее из рамок собирательства в область некоторых обобщающих положений, начинается лишь в советское время.

В 20—30-х годах (вплоть до начала Великой Отечественной войны) ряд искусствоведов (особенно значительна в этом деле заслуга покойного профессора Б. П. Денике) работал над проблемами истории искусства Средней Азии. Однако попытка периодизации этого искусства, предложенная в трудах проф. Б. П. Денике, архитектора Б. Н. Засыпкина, искусствоведа Б. В. Веймарна и других, ограничивается расчленением на два основных периода: первый (в те годы еще слабо выявленный)—«доисламский» и второй—«мусульманский». Границей между ними ставился момент завоевания Средней Азии арабами, а определяющим фактором второго периода, охватывающего время с VII по начало XX вв., объявляется ислам. Нет надобности говорить, что такая классификация, в которой определяющими качествами художественной культуры феодального времени объявляется религиозно-идеологический фактор («ислам») по существу льет воду на мельницу панисламизма, сторонники которого как раз и заявляют, будто «мусульманство» спаивает воедино все стороны духовной жизни народов исламизированных стран.

Концепция эта не вполне преодолена до последнего времени. Достаточно указать, что в роскошном двухтомном обобщающем труде проф. Алпатова «Всеобщая история искусства» в разделе о древнем мире культуре Средней Азии не уделяется ни одной строки, а феодальный этап в развитии этой культуры отнесен в раздел «Мусульманское искусство».

Автор пишет: «В искусстве ислама прежде всего бросается в глаза единство его проявлений, общность формы ... Объясняется это прежде всего общностью мировоззрения мастеров многочисленных школ ислама... Это помогало искусству ислама сохранить единообразие на протяжении огромного пространства».

По существу здесь налицо основная реакционная установка панисламизма.

Для автора мечеть в Кордове и соборная мечеть Биби-Ханым в Самарканде—явление одного художественного порядка потому, что это—«мечеть», несмотря на то, что в памятниках этих отличная строительная техника, архитектурные формы, детали и прежде всего отличен общий художественный образ архитектурного произведения, который выражает существо эстетического мировоззрения роста народов на разных этапах их исторического бытия.

В завуалированной форме та же периодизация проведена и в обобщающей монографии видного специалиста по истории среднеазиатской архитектуры Б. Н. Засыпкина—«Архитектурные памятники Средней Азии». Здесь архитектура делится на два раздела—«древнюю» и «средневековую». При этом рубежом ставится опять-таки арабское завоевание, а не те важные социальные изменения, которые задолго до арабов определили коренные изменения общественного базиса и соответственно художественной идеологии среднеазиатских народов. Средневековый период, доведенный автором до XIX в., получает членения по династическим признакам («караханидское зодчество», «сельджукское», «тимуридское» и др.).

Не совсем удачна попытка периодизации, предпринятая доктором архитектуры В. А. Лавровым в его книге «Градостроительная культура Средней Азии». Книга эта является пока единственным исследованием, обобщающим вопросы среднеазиатского градостроительного искусства.

Схема периодизации здесь такова:

1) Древний период —VIII—IV вв. до н. э.
2) Античный период —IV в. до н. э.—IIIв. н. э.
3) Раннее средневековье —IV—VII вв.
4) Домонгольский период —VII—XIII вв.
5) Период тимуридов и шейбанидов—XV—XVI вв. (до середины XIX в.).

Налицо отсутствие единства терминологии и пестрота классификации («античный»—по принципу социально-экономического строя; «домонгольский»— неопределенный этап главным признаком которого служит монгольское завоевание; «тимуридовский (sic!)» «шейбанидский»—династический признак, причем этот последний период автор доводит до XIX в. включительно, когда династия шейбанидов давным давно сошла с исторической арены).

Сказанное показывает, что накопленное огромное количество фактов и осмысление материалов среднеазиатской художественной культуры прошлого побуждает в настоящее время к пересмотру ряда общих положений по данному вопросу:

1) пора перейти, наряду с составлением истории среднеазиатского искусства, к истории культуры народов и стран Средней Азии;

2) в основу периодизации должны быть положены не надстроечные формы—идеологического ли характера («ислам») или государственно-политического («караханидский», «тимуридский»), но факторы социально-экономического порядка, определяющие собой конкретно-историческую среду, породившую ту или иную форму художественной идеологии.

Работа по составлению истории искусства народов Средней Азии безусловно должна войти в планы республиканских академий. Пока что она частично начата лишь по линии Сектора архитектуры Академии Наук КазССР. ЮТАКЭ, Института искусствознания Министерства культуры УзССР. Нельзя уповать в этом отношении и на Институт теории искусства Академии Наук СССР, где весь «Восток»—Ближний, Средний и Дальний—подведомствен единственному специалисту.

Создать же обобщающие труды по истории искусства среднеазиатских народов могут лишь коллективы специалистов на местах. В этом отношении очень красноречивы примеры закавказских ученых (Азербайджан, Грузия, Армения), издавших капитальные труды по истории архитектуры, живописи, прикладных искусств населяющих их народов.

Выявление же основных линий развития художественной культуры народов Средней Азии имеет не только теоретический, но и познавательный интерес. Работа эта должна осветить основные проблемы культурного наследия нашей многонациональной родины на разных этапах развития и поможет практической работе тружеников нашего творческого фронта, работающих над проблемой критического освоения этого наследия при создании советской культуры—национальной по форме, социалистической по содержанию.

О. Д. ЧЕХОВИЧ

Кандидат исторических наук

(Академия Наук Узбекской ССР)

Я имею некоторые замечания главным образом к той части доклада И. С. Брагинского, которая касается периода XVI—XVIII вв.

На стр. 11 доклада И. С. Брагинский делит историю феодального периода на две части: раннее средневековье (IX—XV вв.), когда на тер-

ритории Средней Азии складывались большие государства саманидов, сельджуков, хорезмшахов, Тимура, и. позднее средневековье (XVI—XIX вв), характеризующееся государственной децентрализованностью. Думается что в основе этого тезиса лежит некоторое преувеличение централизованности государств саманидов, сельджуков, хорезмшахов и Тимура, о чем здесь уже говорил В. А. Шишкин. Дело не меняется от того, что докладчик называет эти государства «большими», избегая называть их централизованными. Ведь в докладе период ранне-феодальных государств противопоставляется позднефеодальному периоду именно как периоду государственной децентрализованности. Это противопоставление не имело бы смысла, если бы докладчик считал раннефеодальные государства не централизованными.

На самом же деле основным признаком, отличающим позднее средневековье Средней Азии, является не форма государств, которая в сущности мало изменилась, а резко проявившаяся по сравнению с Европой отсталость хозяйства и культуры, где в это время складываются условия для нового капиталистического общественного строя. Эта отсталость вовсе не исключает возможности дальнейшего развития в Средней Азии феодальных отношений.

В докладе о втором периоде говорится как о периоде упадка феодализма.

Однако в источниках по истории Средней Азии XVI—XVII вв. имеются факты, которые свидетельствуют не об упадке, а о дальнейшем хотя и медленном развитии производительных сил и феодальной собственности на землю. Приведем эти факты.

В мемуарах, составленных в 30-х годах XVI в., Зайнуддин Махмуд Васифи описывает Бухару, Самарканд и Ташкент как довольно многолюдные города, центры оживленной ремесленной промышленности, торговли и культурной жизни. В Узбекистане в большом количестве вырабатывались хлопчатобумажные и шелковые ткани, металлическое оружие, которые пользовались спросом не только в Средней Азии, но и в соседних странах.

Установлено, что в XVI в. значительно увеличилась территория города Бухары. В течение одного века дважды перестраивалась городская стена. В сороковых годах XVI в. торгово-ремесленные пригороды (рабады) Бухары были обнесены новой глиняной стеной. В конце XVI в. в черту города была включена пригородная местность Джуйбар. В течение XVI в. в Бухаре построены многочисленные крупные здания: в 1514 г. закончена постройка большой соборной мечети, в 1535—1536 гг. построено медресе Мири-Араб, затем мечети Балянд и Ходжа Зайнуддин, огромное медресе Кукалташ, медресе Абдулла-хана и его матери и многие другие. В XVI же веке построены монументальные для того времени базарные здания с куполами на перекрестках, тимы, караван-сараи и бани. Крупные здания возводились не только внутри города, но и за стеной—в селениях Чорбакр, Юахауддин, Файзабад, Хакими Мулла Мир. Строились новые дороги, мосты, водохранилища, (сардоба); работы и караван-сараи на торговых дорогах.

В XVI—XVII вв. осуществлялось крупное строительство не только в Бухаре, но и во многих других городах Средней Азии: в Самарканде, Мерве, Ташкенте, Шахрухии, Исфаре, Хиве, Карши. Замечательные архитектурные ансамбли площади Регистан в Самарканде, медресе, ханако и хауз Надира диванбеги в Бухаре, медресе Заргаран, Бозори Гусфанд, Джуйбари калян, мечети Поянда бий, Магоки курпа, медресе Миракон, Хиябон, Дорушшибо, Шодим бий, хонако Мухаммед Яр аталыка, медресе и мечеть, известные под названием Араб Мухаммед-хана

и Ак-Мечеть в Хиве, так же как и медресе Ходжамберди бия, все это построено в XVII в.

Исследователь археологических памятников Бухары В. А. Шишкин считает, что «весь XVI в. и частично XVII в. явились в Бухаре временем широко развернувшегося строительства». В XVI в. здесь «было высоко развитое ремесленное производство. Сохранившиеся до нас образцы посуды (фаянсовой, глиняной и металлической), предметы из резного дерева, бумага для книг, документов, оружие, ткани и прочее говорят о развитой кустарной технике, о высоком (конечно, в феодальных условиях) уровне развития производительных сил».

К периоду XVI—XVIII вв. относится рост многочисленных провинциальных центров помимо Бухары, Самарканда и Хивы: именно в этот период выросли и стали крупными торгово-ремесленными центрами такие города, как Коканд, Наманган, Чимкент, Катта-Курган, Ширабад и другие. Значительное развитие получили торговля и ремесло в таких старых городах, как Бухара, Ташкент, Карши, Андижан, Маргелан, Хисар.

Строительство новых городов и многочисленных крупных зданий в XVI и XVII вв. требовало широкого развития производства строительных материалов и всех тех ремесел, которые производили предметы, необходимые для строительства и для массы строителей. На кирпичных, камнетесных, плотничных, кровельных и прочих строительных и подсобных работах должно было быть занято, при тогдашнем низком уровне техники, очень много рабочих. Городское строительство и развитие ремесел в свою очередь способствовали углублению разделения труда между городом и деревней и вызывали интенсификацию сельского хозяйства, поставлявшего продовольствие и сырье в города.

В условиях Средней Азии одним из главных признаков прогресса в земледелии является расширение ирригационных систем и постройка каналов.

К сожалению, история ирригации до сих пор очень слабо изучена, и мы имеем слишком мало сведений о постройке каналов в XVI—XVII вв. Но как ни мало этих сведений, их все же больше, чем сведений о постройке каналов, например в XV в.

В Абдулла-наме Хафизи Таныша рассказывается, что жители Нуратинской области до 1582 г. не могли использовать для земледелия обильные воды, стекавшие с гор весной, так как там не было плотины. В 1582 г. такая плотина была построена.

По рассказам Васифи и Хафизи Таныша в районе Саурана в XVI в. строились кяризы, чигири и исправлялись каналы.

В 90-х годах XVI в. было построено водохранилище Хаузихан около Мерва. К этому же времени относится основание в Каршинском вилайете новой деревни Файзабад, что тоже было связано с оросительными работами. В 1633 г. был построен новый канал в местности Кош-Курган.

Много новых работ по орошению было проведено в XVI—XVII вв. в Хорезме. Побывавший здесь в 1558 г. Дженкинсон описывает около г. Везира плодородную местность, хорошо орошенную каналами. В 1602 г. был проведен новый большой канал в местности, простирающейся от современного г. Нукуса до Куйгуна (в 20 *км* от Ургенча).

Благодаря водам этого канала пространство от крепости Тука до Куйгуна было засеяно пшеницей, так что всадник за десять дней не мог бы объехать всех земель.

По мнению В. В. Бартольда, «канал Араб Мухаммеда был не единственным, прорытым в Хорезме в первое столетие господства узбеков». В XVII в. в Хорезме был построен город Кят и проведен новый арык Ярмыш, доходивший до Аккуля. В 1681 г. был вырыт более зна-

чительный Шахабадский арык, один из магистральных каналов Хивинского ханства. В это же время был построен город Шахабад и несколько других крепостей. Что касается Ферганы, то развитие этого оазиса произошло главным образом в позднефеодальный период.

Оросительная система Ферганы до XVI в. была крайне примитивна и основана на использовании только самотечной воды саев и мелких притоков Сыр-Дарьи. Крупные (по тому времени) каналы, выведенные из Кара-Дарьи и Нарына, составлявшие основу орошения Ферганской долины, были созданы позже XVI в.

Общеизвестно, что торговые связи Средней Азии с Казахстаном и Сибирью, а особенно с Россией начали систематически развиваться именно с XVI в. Уже в 1558 г., по свидетельству Дженкинсона, торговля Средней Азии с Московским государством была довольно значительна. Караваны в Россию снаряжались из Бухары, Самарканда, Ташкента, Ургенча, Балха. Эти караваны везли в Россию хлопчатобумажные и шелковые ткани, каракуль, пряности, сушеные фрукты и пр.

Характерными чертами общественных отношений в XVI—XVIII вв. были: 1) массовое оседание кочевников на захваченных или вновь орошенных землях, что привело к расширению обрабатываемых земель и увеличению плотности населения и 2) возникновение новой формы частной феодальной земельной собственности «мильки-хурри-холис».

Начиная с 1556 г. и позже на протяжении всего XVII и первой половины XVIII вв. бухарские ханы передавали обширные пространства обработанных населенных государственных земель в собственность отдельным духовным и светским феодалам. В сохранившихся актах XVI—XVIII вв. подробно описываются превращенные в частную собственность государственные земли, указывается их размер, границы и стоимость. Целые латифундии площадью по нескольку тысяч гектаров поливной земли приобретались у государства отдельными крупными феодалами за деньги или иное возмещение. Документы, на которых основаны эти наблюдения, публикуются нами отдельной книгой.

В этих документах ханы выступают как частные лица, присылающие в канцелярию казия своих доверенных для заключения частных поземельных сделок. В каждом акте дается юридическое обоснование законности совершаемых сделок по распределению государственных земель, приводятся обильные цитаты из трудов авторитетных законоведов и т. д.

В связи с переходом земли из собственности государства в частную собственность отдельных феодалов увеличивалась зависимость крестьян от землевладельцев и усиливалась их эксплуатация. Феодалы потому и были заинтересованы в покупке государственных земель и обелении их от налогов, что они могли после этого повысить степень эксплуатации и получать от крестьян большую долю продуктов. Указанные изменения формы феодальной собственности на землю свидетельствуют, по нашему мнению, о дальнейшем процессе развития феодального строя в Средней Азии и связаны с ростом производительности в сельском хозяйстве, с процессом массового оседания кочевников и с дальнейшим развитием товарно-денежных отношений.

Некоторые факты культурной жизни XVI—XVII вв., например, развитие в XVI в. архитектуры, по заключению специалистов, вовсе не свидетельствуют об упадке. Кандидат архитектуры В. М. Дмитриев после специального изучения пришел к выводу, что в связи с постройкой в Бухаре большого числа зданий светского и утилитарного назначения характер архитектуры именно в XVI в. изменился в сторону рационализма. В это время творческим трудом бухарцев-строителей были созданы новые

конструктивные и декоративные приемы и, что еще более существенно, появились новые композиционные идеи в архитектуре, порывающие с устойчивыми традициями прошлого. Это заставляет рассматривать XVI в. как эпоху дальнейшего развития в Бухаре архитектурной мысли. Известно, что к XVI в. относится появление бухарской школы художников, создавших изумительные шедевры миниатюрной живописи. В XVI—XVII вв. в Средней Азии отмечается развитие музыки, исторической литературы, художественных ремесел. Все это не позволяет считать время XVI—XVII вв. периодом упадка культуры.

Перечисленные факты показывают, что в XVI—XVII вв. отмечается рост городов, расширение орошаемых земель, развитие феодальной собственности на землю, рост торговли и культуры. Это не значит, конечно, что мы должны изображать этот период как время какого-то бурного прогресса. Не следует забывать, что и дворцы и мечети, и торговые помещения, и оросительные каналы строились буквально на костях и крови трудящихся масс: каждая стройка воспринималась народом как бедствие и стоила тысячи безвременно загубленных жизней. Надо иметь также в виду, что именно в этот период, в связи с появлением новых форм феодальной собственности на землю, увеличилась степень эксплуатации крестьян и одновременно резко усилилась зависимость их от землевладельцев.

Кроме того, источники этого периода дают нам факты не только положительные, но и отрицательные: наряду с ростом городов наблюдается временами и обратное явление, например, обезлюдение в начале XVIII в. Хивы и Самарканда.

Средняя Азия неоднократно переживала периоды хозяйственного упадка—например, после монгольского нашествия или, например, в первой половине XVIII в., когда действительно население голодало, уничтожалось физически и разбегалось, а культурные земли приходили в запустение. Возможно, что и в первые десятилетия XVI в. тоже наблюдался некоторый, хотя и гораздо менее продолжительный упадок в хозяйстве, но это не имеет никакого отношения к упадку феодализма, как общественно-экономической формации.

В связи с этим встречает решительные возражения тезис докладчика о кризисе в XIX в., вызванном якобы «возникшим противоречием между ростом производительных сил и сковывавшими этот рост закостенелыми феодальными отношениями».

Как нам кажется, подобный кризис мог возникнуть лишь тогда, когда в недрах феодального общества выросли бы элементы капитализма—они-то ведь и приходят в противоречие с феодальным строем. Но элементов капитализма в Средней Азии до присоединения к России не было, что признает и сам докладчик. Поэтому не могло быть и «кризиса» феодализма.

Таким образом, наши возражения сводятся к трем пунктам. Мы возражаем 1) против идеализации ранне-феодальных государств; 2) против искажения фактов истории XVI и XVII вв., которые не дают основания рассматривать этот период как период упадка феодализма; 3) против надуманного и необоснованного утверждения о кризисе феодализма в XIX в.

Е. А. ДАВИДОВИЧ

Кандидат исторических наук

(Академия Наук Таджикской ССР)

Период IX—X вв. интересует историков Таджикистана, так как именно в это время сложился и оформился таджикский народ. Период

этот—определенная ступень в развитии феодализма. Но какая именно? В новейшей литературе (в пределах 1949—1950 гг.) нет единогласия по этому вопросу.

Высказаны две основные точки зрения. Согласно одной—это переходный период, когда только складываются феодальный способ производства и различные феодальные институты, согласно другой—это период уже сложившегося феодализма. Следует сказать, что вторая точка зрения имеет больше сторонников, однако само по себе это еще не дает права отвести первую точку зрения, отмахнуться от нее.

Следует придти к единой точке зрения.

Я хочу коснуться одного из феодальных институтов и привести новые факты, говорящие в пользу второй точки зрения. Хочу коснуться развития института феодальных пожалований и удельного веса условного жалованного землевладения.

Для обозначения условного землевладения на Востоке употреблялся термин «икта». Советские специалисты подробно исследовали «икту», внутреннее содержание которой не оставалось неизменным, проследили развитие и изменение содержания «икты» на разных этапах; убедительно показали, что широкое распространение этот институт получил лишь с XI—XII вв., хотя существовал и в предшествующий период. Судя по опубликованным материалам, исследователи единодушны в оценке удельного веса «икты» в Средней Азии IX—X вв.: считается, что в этот период «икта» существенного значения не имела. А. Ю. Якубовский подчеркивал, что в Иране и Ираке в X в. «икта» играла несколько большую роль, а для Средней Азии нет большого количества сведений в источниках.

В соответствии с таким взглядом на удельный вес феодальных пожалований «икта» рассматривались и категории землевладения в IX—X вв., Например, в «Истории народов Узбекистана» (стр. 233) земли по признаку принадлежности разбиты всего на три категории: первая категория—земли государственные (доходы с которых целиком шли в государственную казну), вторая категория—земли частновладельческие; третья категория—земли вакуфные. Условное землевладение даже не упомянуто. Позднее, в «Очерках истории СССР» (1953 г.) к этим трем категориям добавлена четвертая—земли икта. Но попрежнему в нескольких местах оговорено, что существенной роли икта не играла.

Что касается оценки роли икты в Средней Азии IX—X вв., то она не может вызвать больших сомнений.

Система выплаты чиновникам и войску жалованья в условиях относительно централизованного саманидского государства теоретически исключала необходимость в икте, давала возможность не прибегать систематически к этой форме вознаграждения за службу. «Икта» и жалованье от государственной казны—два полюса. Господство одной формы неизбежно превращало другую в нетипичный случай! Поэтому малое число прямых упоминаний «икта» в письменных источниках конкретно для Средней Азии саманидского времени — не случайность и не вина этих источников. Полного доверия заслуживает утверждение Низам-ал-Мулька о том, что саманиды ограничивались уплатой жалованья и не раздавали земельных наделов—икта. Следует помнить, что почти половина бюджета саманидского государства шла именно на содержание армии и чиновничьего аппарата.

Итак, оценка роли икты кажется совершенно правильной. Но правильно ли икту рассматривать как единственную форму феодального пожалования; правильно ли забывать о случаях таких феодальных пожалований, которые по своему содержанию не могли быть обозначены термином «икта»?

Необходимо и своевременно поставить вопрос: правильно ли ограничивать феодальные пожалования совершенно определенной формой «икта», реальное содержание которой в IX—X вв. было охарактеризовано выше? Не было ли в IX—X вв. феодальных пожалований несколько другого охвата, с другими правами для пожалованного лица, т. е. таких видов феодальных пожалований, сущность и содержание которых не покрылись конкретным смыслом термина «икта» в IX—X вв. и которые источники поэтому просто не называли иктой, не квалифицировали как икту?

Тезис, который мы предварительно выдвигаем и который постараемся подкрепить фактами, можно сформулировать следующим образом.

Для Средней Азии IX—X вв. нельзя ставить знак равенства между феодальными пожалованиями вообще и пожалованием типа «икта», икта IX—X вв.—лишь одна из форм, один из видов феодального пожалования; икта, к тому же, в системе феодальных пожалований IX—X вв.—самая, видимо, нераспространенная форма.

Такой тезис, как будто, еще не ставился, хотя некоторые частные соображения и факты в этом аспекте исследователями уже приводились. В частности, А. Ю. Якубовский в «Очерках истории СССР» (стр. 502) писал. «В соответствии со все усиливавшимися феодальными отношениями назначение на пост наместника области рассматривалось тогда, как пожалование; на полученные в управление области уже первые саманиды смотрели как на свои владения». Аналогичные мысли высказывал он и раньше (КСИИМК, XXVIII, стр. 38.) в 1949 г., когда подчеркивал, что назначение на пост наместника определялось словом «арзони доштан»—«пожаловать», что должность наместников носила феодальный характер, примером чего являются ранние саманиды. «Внимательное рассмотрение положения наместников в это время приводит к заключению, что им жалуется власть и часть доходов (доля хараджа) с земель, которыми они должны управлять. Особенно бросается в глаза феодальный характер этих должностей, когда должность наместника становится наследственной, как это имело место у ранних саманидов».

Однако никаких дальнейших выводов из этого своего наблюдения (выводов в аспекте характера феодальных пожалований при саманидах, типов феодальных пожалований и их удельного веса в целом) А. Ю. Якубовский не сделал. Более того, при определении феодальных пожалований этого времени он вновь и вновь в обеих своих обобщающих работах («История народов Узбекистана», т. 1, 1950 г. и «Очерки истории СССР», 1953 г.) ограничивал эти феодальные пожалования одним единственным институтом «икта», совершенно не принимая во внимание им самим же сделанное наблюдение относительно ранних саманидов.

К примеру А. Ю. Якубовского по ранним саманидам мы можем прибавить еще несколько.

Первое указание мы встречаем у Наршахи. Оно ценно не только само по себе. Это ключ для понимания других менее красноречивых указаний. Когда в 874 г. Исмаил стал правителем Бухары, главой династии был его брат Наср, так что Исмаил считался всего лишь наместником Насра в Бухаре. В соответствии с этим собираемый им хераж—по свидетельству Наршахи—должен был вноситься в казну Насра. Некоторые формулировки Наршахи при изложении событий, связанных с двукратной войной между братьями, заставили предположить, что Наср требовал с Исмаила только ч а с т ь доходов Бухарской области.

Дальнейший анализ цифровых данных показал, что Наср требовал с Исмаила меньше половины «доходов дивана»!

Перед нами типичный случай феодального пожалования: Исмаилу была пожалована Бухарская область с правом взимать больше половины доходов в свою пользу и только меньшую часть вносить в казану. В данном случае мы узнаем также реальные цифры: сколько шло Исмаилу и сколько предназначалось для казны.

Однако этот случай нельзя квалифицировать как «икту». Исмаил не только часть налогов мог оставлять себе—он в качестве правителя и наместника области обладал еще многими другими правами, привилегиями и обязанностями. Именно обширность его прав и обязанностей отличает этот случай жалованного феодального владения от икты IX—X вв. даже с учетом рано проявившихся тенденций расширить права иктадара.

Наршахи—всем известный и легкодоступный источник. Он доступен в рукописях и литографиях, он дважды критически издан (в Париже и Тегеране) и переведен на европейские языки. Почему же приведенный нами факт до сих пор не был замечен и истолкован исследователями? Потому, что под таким углом зрения этот отрывок текста Наршахи не пытались рассматривать, потому, что Исмаил хоть и был послан в Бухару Насром, но владел городом сам, так что феодальное пожалование и содержание этого пожалования были установлены «постфактум», и сам Наршахи слова «пожалование» не употребил.

Можно уверенно сказать, что и в других источниках по IX—X вв., если они будут просмотрены под этим углом зрения, найдется не мало такого рода косвенных указаний.

Обратимся к нумизматическим данным. Нам удалось обнаружить несколько неопубликованных саманидских монет или пересмотреть определения некоторых опубликованных.

По монетам, чеканенным в Ахсикете, удалось установить имена правителей Ферганы второй половины IX—X вв., забытые письменными источниками. Эти лица чеканили медные монеты в Фергане от своего собственного имени, иногда упоминая имя главы династии в качестве почетного сюзерена, а иногда и вовсе не упоминая его.

Анализ монетных надписей и их местоположения на монетном кружке в сравнении с чеканом других городов дал полное основание утверждать, что на указанном отрезке времени ферганские саманиды лишь номинально и внешнеполитически подчинялись центральной власти, все или значительную часть доходов взимали в свою пользу и были самостоятельны во многих внутренних делах. Фергана выступает как жалованное удельное владение, но опять не похожее на «икту» этого времени. Кроме прав на доходы, ферганские саманиды обладали и многими другими правами, вплоть до права чеканить медную монету не от имени главы династии, а от своего собственного имени. Таким образом, это условное (и даже еще не наследственное) феодальное владение, но не «икта».

Приведенные примеры на основании отрывка Наршахи и монетного чекана касаются пятерых членов правящей династии. В отношении членов династии число примеров по историко-нумизматическим данным можно было бы умножить.

Но такого типа феодальные пожалования имели место не только в отношении членов династии, что весьма существенно. Для X в. нам удалось по монетным данным зафиксировать факт феодального пожалования за службу одному крупному деятелю при саманидском дворе. В данном случае пожалование тоже было довольно крупным. Пожалован

был один городок с сельской округой. И опять это не было пожалование типа «икта»! Пожалованному лицу даны были широкие права и полномочия вплоть до того, что это лицо имело право чеканить и чеканило медные монеты от своего имени, хотя и не было членом династии.

Как уже отмечалось, исследователи считают, что в Средней Азии институт икта хотя и не играл существенной роли, но все же существовал. На чем основано это утверждение? 1) на аналогии с Ираком и Западным Ираном и 2) на двух-трех собственно среднеазиатских случаях «икта». В отношении последних, однако, необходимо подчеркнуть, что по данным, опубликованным в литературе, даже эти два-три случая икты не были пожалованием со стороны самих саманидов.

В противовес этому мы уже сейчас привели восемь примеров феодальных пожалований, не укладывающихся в рамки пожалования типа «икта». И конечно, эти восемь примеров отнюдь не исчерпывают того, что можно извлечь из письменных и нумизматических источников.

Приведенные данные показывают, что факты феодальных пожалований не были столь редкими в Средней Азии IX—X вв., как это казалось. Только они не исчерпывались формой «икта». Превалировала при этом другая форма с более широкими правами, чем у «икты» IX—X вв.

Для разобранного нами типа феодальных пожалований можно отметить следующие признаки.

1. Пожалования этого типа—не мелкие и дробные, а, как правило, достаточно крупные или очень крупные.

2. Рядовые представители служилого или военного сословия владельцами таких пожалований не выступают. В качестве жалуемых выступают члены династии или крупные гражданские и военные чиновники. Первые получают пожалование как члены династии; вторые—за службу, в виде особого вознаграждения помимо узаконенного жалования.

3. Пожалования этого типа включают право взимать часть или все доходы в свою пользу.

4. С точки зрения государственного управления, такого типа пожалования оформлялись в виде наместничества, в виде назначения правителем и т. д. (они не были наследственными по закону).

5. И в соответствии с последним—такого типа пожалования включали другие права и привилегии, вплоть до права чеканить медные монеты от своего имени.

Что общего между этим типом пожалования и «иктой» IX—X вв.? У них общее экономическое основание: право взимать налоги в свою пользу. По всем остальным четырем признакам ясно отмечаются отличия и варианты.

Наличие и несомненно большой удельный вес второго типа пожалований в Средней Азии IX—X вв. требует внести значительные коррективы в существующие характеристики социально-экономического облика этого периода. Коррективы могут быть внесены по трем направлениям.

1. Необходимо дополнить характеристику категорий землевладения. К трем вышеупомянутым категориям (государственных, частновладельческих и вакуфных земель) добавить четвертую категорию, но не квалифицировать ее узко, как «икту», а назвать «условным землевладением на основе феодальных пожалований». При этом оговорить наличие разных форм феодальных пожалований и дать подробную характеристику ведущей формы для IX—X вв., которую мы сейчас рассмотрели.

2. Поскольку феодальные пожалования—один из типичных феодальных институтов, характеризующих степень феодализации страны,

учесть приведенный материал и в этом аспекте. Можно считать, что он подтверждает ту точку зрения, согласно которой период IX—X вв. следует считать временем уже сложившегося феодализма.

3. Нельзя не учитывать рассмотренную форму феодальных пожалований и с точки зрения государственного устройства при саманидах. Мы считаем, что централизованность была весьма относительной с самого начала. Саманидское государство, как известно, включало области, подчиненные центральному аппарату управления, и другие области, которые лишь номинально входили в состав саманидского государства и управлялись местными династиями. К числу последних относятся Хорезм, Исфиджаб, Чаганиан, Хутталян и др.

Управление собственно саманидскими территориями (судя по опубликованной литературе) считается относительно централизованным. Жалованные феодальные владения рассмотренного нами типа с точки зрения государственного устройства являлись в большинстве случаев ничем иным, как уделами внутри собственно-саманидского государства. Наличие таких уделов с большой самостоятельностью для их владетелей по-новому характеризует государственное устройство саманидов.

С. П. ТОЛСТОВ

Член-корреспондент Академии Наук СССР

За последние двадцать лет вопрос, которому посвящена наша дискуссия, значительно продвинулся вперед. Практически нельзя даже сравнивать то положение, в котором вопросы периодизации истории Средней Азии находились в 1933—1934 гг. и в котором они находятся сейчас. Многое из того, что двадцать и даже десять лет тому назад было предметом ожесточенных споров, сейчас кажется само собою разумеющимся. Поэтому не могу согласиться с И. С. Брагинским, который в начале своего доклада составляет, по-моему, слишком обширный список дискуссионных вопросов, относящихся к периодизации, трудно сказать,—между кем и как ведется например дискуссия о начале сложения феодализма, сложился он в IX или XIV веках? Насколько мне известно, сейчас ни одну из этих точек зрения никто не защищает. Можно далее считать, что вопрос о господстве в Средней Азии рабовладельческого строя, по крайней мере для земледельческих районов, решен прочно и окончательно. Нельзя даже говорить, как это делает наш докладчик, о некоторых исследователях, которые будто бы стоят на позициях отрицания наличия рабовладения в истории Средней Азии.

Наличие товарищей, которые без тени попытки обоснования своих взглядов утверждают прочно похороненные положения, вряд ли может рассматриваться как сохранение хотя бы элемента дискуссионности вопроса. Такого рода скептики, чтобы не сказать агностики, всегда найдутся в отношении любого, даже гораздо раньше решенного вопроса, чем вопрос о рабовладении в Средней Азии.

Ясно (хотя и значительно меньше, чем этого удалось добиться в отношении рабовладельческого периода), что и феодальное общество не стояло в Средней Азии на одном и том же месте на протяжении тысячелетий, а изменялось и развивалось, вопреки тому представлению, которое существовало двадцать лет назад.

Историками, археологами, этнографами собран обильный материал для доказательства этих положений, и они прочно покоятся уже

на базе фактов, против которых спорить нельзя. Но грубую ошибку сделали бы те, кто счел бы возможным трубить по этому поводу в фанфары и праздновать победу. Фактов более чем достаточно для того, чтобы обосновать общую схему исторического процесса в Средней Азии, доказать смену рабовладельческой формации формацией феодальной. Мы знаем сейчас, когда возникло рабовладельческое общество в Средней Азии и когда оно пришло к своему концу и сменилось феодальным. Но для того, чтобы решить вопрос относительно внутренней истории каждого из этих исторических периодов, фактов чрезвычайно мало. Их совершенно еще недостаточно для того, чтобы древняя история Средней Азии была поставлена на уровень, на котором стоит например разработка древней истории Греции и Рима. Открытия наших археологов позволяют наметить все еще лишь схему исторического процесса и потребуется дальнейшее накопление новых и новых фактов для того, чтобы наполнить эту схему жизнью. Но мы можем не сомневаться: это не за горами.

Из вопросов древней истории остаются не разработанными и не решенными два.

Первый—это вопрос истории первобытно-общинного строя, т. е. истории целой общественно-экономической формации.

И. С. Брагинский, попросту говоря, отмахнулся от этой проблемы, посвятив ей только один, правда довольно многозначительный абзац, сказав, что «по эпохе первобытно-общинного строя в Средней Азии в определении хронологических границ эпохи и ее характера, в связи с недостаточной изученностью вопроса, у советских историков Средней Азии нет сколько-нибудь серьезных разногласий». Но как раз это очень плохо, и мы должны в решениях нашей сессии заострить внимание научных организаций, работающих над историей Средней Азии, на таком состоянии вопроса.

Надо сказать, что за последние пятнадцать—двадцать лет сделано много интереснейших археологических находок в области первобытной истории Средней Азии. Но, с одной стороны, только немногие из этих памятников опубликованы (полная публикация имеется только по одному памятнику), а с другой стороны,—этих памятников все же очень мало по сравнению с Европейской частью СССР и Кавказом, их очень мало для освещения этого чрезвычайно важного периода истории любого народа и любой страны,—периода, в котором в конце концов завязались и начинались почти все явления, которые впоследствии накладывают свой отпечаток на историческое развитие последующих эпох.

Второй вопрос—это вопрос о рабовладении у кочевников. Это, пожалуй, единственный острый дискуссионный вопрос, стоящий на нашей сессии по проблемам древней истории. И надо сказать, что вопрос этот подготовлен плохо. Он заслуживал бы того, чтобы ему был посвящен специальный доклад или чтобы он нашел хотя бы свое отражение в основном докладе И. С. Брагинского. Мимоходом решить этот вопрос трудно, попросту говоря, нельзя. Не берусь решить его и я в рамках короткого выступления в прениях. По этому вопросу я высказался еще двадцать один год тому назад, в 1933 году, и считаю, что, в противоположность древней истории оседлых районов, этот вопрос, несмотря на накопление новых данных, до сих пор остается на той же стадии развития, на какой он был в 1933 году, и те положения, которые были высказаны мною в тогдашнем докладе, остаются в силе и сейчас. Я ничего не могу к ним прибавить.

Не буду повторяться. Скажу лишь, что не надо забывать, что концепция родового строя скифов Геродота и народов Средней и Центральной Азии, стоявших на близкой к ним ступени развития в эту же эпоху, сложилась в тесной связи и неотделима от концепции господства родового строя у современных кочевников, что все свои доказательства, все аргументы сторонники этой родовой теории черпали из этнографических материалов современности или недавнего прошлого. Как я говорил в своем докладе 1933 года «для доказательства родового строя у скифов привлекаются аналогии из быта современных калмыков, киргизов, монголов эпохи Чингиз-хана и даже из быта самого Чингиз-хана».

И сейчас остается в силе положение, что если мы признаем родовым общественный строй тех, что оставил царские могилы и курганы Пазырыка и Ноин-Улы, где сосредоточено колоссальное количество материальных ценностей (от коней и рабов до драгоценных сосудов) и исторической аналогией которых могут и должны быть прогребальные сооружения египетских царей, тогда приходится признать, что уж, конечно, казахские ханы и султаны, киргизские манапы и аналогичные им феодалы являются типичными представителями родового строя.

Не только эти археологические памятники, но и нарративные источники—античные авторы Запада, китайские хронисты дают нам богатейшие сведения о том, как этими патриархально-родовыми кочевниками уводились в свои становья многие тысячи и десятки тысяч рабов, в том числе рабов-ремесленников, как те же скифы Геродота эксплуатировали в своем скотоводческом хозяйстве рабов-слепцов, доильщиков кобылиц. Мы знаем из этих источников о восстаниях рабов у кочевников и о многом другом. Жестокое обращение с эксплуатируемыми рабами, которое характеризует этих кочевников скифского периода, мало вяжется с научными представлениями о патриархально-родовом строе.

Как и в отношении средневекового феодального периода, так и в отношении рабовладельческого периода в условиях кочевания, многих исследователей смущает действительно большая живучесть традиций родового строя, действительно количественное преобладание свободных родовичей-общинников. Но всякому настоящему историку, если он претендует на это звание, должно быть известно, что традиции родового быта удерживаются, например, в Риме до эпохи Империи, что, как правильно отметил в своем выступлении М. М. Дьяконов, Римскую Империю создал свободный общинник, римский легионер. Этот свободный общинник-плебей в течение всего республиканского периода являлся преобладающим элементом римского общества.

Можно ли удивляться тому, что в условиях кочевого скотоводства традиции свободной общины и формы родового быта сохранились в рабовладельческую эпоху и были перенесены в последующую, средневеково-феодальную эпоху?

Надо помнить, что само возникновение кочевого скотоводства связано с первым значительным общественным разделением труда, которое лежит у истоков классового общества. Надо помнить, что кочевое скотоводство являлось не самодовлеющим, а лишь частью того социально-экономического целого, в котором действовало это разделение труда. Надо, наконец, помнить (это не раз подчеркивал К. Маркс), что кочевое скотоводческое хозяйство с самого начала имеет тенденцию превратиться в хозяйство товарное,—в этом и заключается его исторический смысл, его специфика. Без потребляющих земледельческих районов кочевое скотоводство не может существовать. В отдаленных, глубинных районах хозяйство всегда носит комплексный характер, и скотоводство, не играющее здесь ведущей роли, сочетается с другими отраслями сельского хозяйства, такими как примитивное земледелие, рыболовство, охота. Специализированное кочевое скотоводство может возникнуть и развиваться в условиях сравнительно сложной системы разделения труда. И социальная верхушка общества кочевников тем самым незбежно втягивается в рабовладельческие отношения, становится частью класса рабовладельцев. Нельзя поэтому согласиться с ораторами, утверждавшими здесь, что, например, Казахстан миновал рабовладельческую стадию развития. Слишком уж много у нас в последнее время появляется исключений из сформулированных классиками закономерностей, из данной ими периодизации общественных форм. Ссылки на германцев, на славян здесь весьма малоубедительны. Нельзя автоматически переносить явления, свойственные периферийным народностям лесной полосы Европы, имевшим натуральное, земледельческое в основном, комплексное хозяйство и лишь в очень небольшой мере, особенно до начала нашей эры, находившимся в сношениях с античным миром,— на кочевников, которые составляли закономерную часть античного мира Средней Азии, находились в порах этого античного мира, кочевников, вглубь страны которых так же далеко внедрялся тот же самый античный мир, та же самая городская и земледельческая культура рабовладельческой Средней Азии.

Я сошлюсь здесь на мою работу в северных Кзыл-Кумах, на недавно вышедшую книгу А. Н. Бернштама «Историко-археологический очерк центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая» (в которой территориальный охват шире заглавия, ибо в ней рассматриваются Южный Казахстан и Присырдарьинские степи).

В книге А. Н. Бернштама очень много спорного, с целым рядом его выводов, особенно с его построениями по этническому составу населения этих областей в древности, я решительно не согласен и в свое время и в своем месте буду спорить. Но бесспорно одно, весь Южный Казахстан в античное время усеян городищами, крепостями, общинно-земледельческими поселениями, причем значительная часть этих памятников мало отличается или совсем не отличается от памятников центральных земледельческих областей Средней Азии. Поэтому мне представляется, что мы не только вправе, но и обязаны сейчас, в свете накопленного археологического материала говорить о рабовладельческой эпохе в Казахстане, об эпохе, когда на юге его современной территории господствовал рабовладельческий строй, т. е. рабовладельческое общество, рабовладельческая формация, а северные, более отдаленные от рабовладельческих центров племена в той или иной мере были втянуты в социально-экономические отношения рабовладельческого мира.

Конечно, ни в коем случае нельзя пытаться стричь всех под одну гребенку и утверждать, что если мы говорим о рабовладельческой эпохе, о господстве рабовладельческого строя,—то это значит, что у всех племен, обитавших на территории той или иной страны, обязательно господствовали рабовладельческие отношения. Как на Западе, так и в Средней Азии несомненно существовала сложная градация в отношении различных племен и народностей. Народы, у которых это хозяйство господствовало, жили рядом, или не столь уж далеко от племен, у которых только начинало складываться рабовладение или которые стояли на ступени патриархально-родового строя. Но это не должно менять нашего общего определения общественного строя страны. Так учит нас

В. И. Ленин, именно с этих позиций разгромивший народников и показавший, что несмотря на количественно ничтожный удельный вес капиталистических элементов в составе населения России, капиталистический строй являлся господствующим, ведущим.

Мне думается, так должен быть решен вопрос на настоящем этапе его разработки. Факты говорят за это решение. Но этих фактов очень мало для того, чтобы дать сколько-нибудь развернутую картину жизни кочевых народов Средней Азии и особенно огромной территории Казахстана. В сущности говоря, наши работы в этой области ограничиваются только первыми разведками, правда давшими богатый материал для серьезных научных выводов, но далеко недостаточный для того, чтобы написать историю этих народов в собственном смысле слова.

Поэтому наша сессия должна поставить перед заинтересованными научными организациями задачу постановки крупных археологических исследований этих все еще остающихся малоизученными районов. Особенно важно получить побольше материала по курганам кочевников и изучить кочевые и полуоседлые поселения.

Что касается феодального строя у кочевников, то этот вопрос хорошо уже был освещен на сессии и нет смысла останавливаться на нем подробно. Я должен только присоединиться к тем выступавшим, которые критиковали тезисы по периодизации истории Казахстана за то, что авторы отдают дань неправильной концепции Серафима Владимировича Юшкова об укладах, мирно сосуществующих рядом в течение веков, без того, чтобы тот или иной из этих укладов мог рассматриваться как господствующий. Чем скорее сторонники такого взгляда полностью освободяться от влияния этой концепции, оказавшей в свое время сильное воздействие на разработку истории Казахстана, тем лучше.

Чтобы закончить вопрос о кочевниках, должен сделать маленькое замечание. Речь идет о выступлении Н. Е. Омелина, в котором он незаслуженно приписал мне авторство «теории кочевого феодализма».

Должен сообщить собравшимся, я был одним из первых, кто выступил против теории кочевого феодализма, являвшейся в начале 30-х годов общим местом нашей историко-экономической литературы. Я, конечно, часто употреблял этот термин, поскольку я полемизировал со сторонниками этой теории, но всегда, однако, брал его в кавычки и всегда с оговоркой.

Как я говорил сам в своем давнем докладе,—основной его задачей «было доказать возможность и наличие развития феодальной собственности на землю в сфере скотоводства». Этой задаче доклад и был посвящен и всякий может легко убедиться, что многие из тех фактов, которые приводились на нашей сессии, уже приведены в моем докладе для аргументации этого бесспорного основного положения.

Два слова о причинах сохранения патриархального быта в условиях кочевого скотоводства как в рабовладельческий, так и в феодальный период.

Основной предпосылкой этой необычайной устойчивости патриархально-родового быта в условиях обеих классовых формаций был подвижный характер сельского хозяйства кочевников. Сельская, так называемая соседская, община в своих обычных формах не могла существовать в этих условиях. Именно этим и объясняется сохранение древней, исторически сложившейся, можно сказать—естественно выросшей формы ассоциации, формы организации родов и племен для осуществления самого процесса кочевания, а также для решения основной задачи защиты скота, неизменно являвшегося объектом вожделений со сто-

роны соседних племен, а также рабовладельческих государств и феодальных образований. А форма родовой организации, которая уже в эпоху военной демократии встала на службу войны, ставшей по словам Энгельса, регулярной функцией народной жизни, оказалась чрезвычайно подходящей и для обоих последующих периодов развития классового общества. Это сохранение древних форм обусловило некоторые особенности исторического развития кочевников, которые имеют значение для истории оседлых земледельческих обществ.

Мне остается коснуться еще одного вопроса.

Я думаю, что можно считать достаточно прочно установленным начало феодальной эпохи примерно в VI веке н. э.. То, что это как будто бы не встречает серьезных возражений,—является бесспорным достижением нашей дискуссии.

Что касается отдельных подразделений внутри феодальной эпохи, то здесь остается еще очень много спорного, как, впрочем, и в отношении подразделений внутри рабовладельческой эпохи. Это понятно в связи с тем состоянием источниковедческой базы наших исследований, о котором я говорил раньше.

Я думаю, что деление, предложенное И. С. Брагинским, вряд ли может быть целиком принято. Как мне представляется, период с VI по X вв. на данном этапе развития наших знаний может быть охарактеризован как ранне-феодальный период, когда, как правильно отмечал в своем докладе Р. Н. Набиев, господствующей фигурой феодального класса является дихкан,— и когда идет борьба между различными формами феодального землевладения, являющаяся в конечном счете отражением борьбы классов. Ни о каких двух путях развития феодализма в том духе, как это предлагает И. С. Брагинский, с моей точки зрения, говорить нельзя. То, что он называет двумя путями,—на самом деле является двумя закономерными стадиями развития феодализма.

Этот ранне-феодальный период можно разделить на два этапа: VI—первая половина IX в. и IX—X вв.

Первый этап характеризуется в области политической жизни доминированием мелких городских царств и их конфедераций при номинальной зависимости народов Средней Азии от больших примитивно-феодальных империй, созданных кочевниками тюркского каганата и арабского халифата.

Второй этап является периодом относительной политической централизации и образования ранне-феодальной империи во главе с дихканской династией саманидов.

На протяжении всего этого периода постепенно развиваются и внедряются формы условно-феодального землевладения и ленных отношений, которые окончательно восторжествуют в XI в.

Не буду останавливаться на периоде расцвета феодализма в Средней Азии, который продолжается до начала XV в., несмотря на то, что в середину этого периода врезается катастрофа монгольского нашествия, а конец этого периода ознаменован кровавой диктатурой и завоевательными войнами Тимура.

Я согласен с теми, которые требовали показа действительной роли Тимура—роли, которая для Средней Азии в целом, не говоря уже о других странах, была крайне отрицательной.

Остановлюсь вкратце на последнем периоде феодализма— на периоде XVI—XIX вв.

Период этот, как это ни странно, несмотря на обилие исторических источников, хуже всего изучен. Не подняты огромные архивные фонды,

даже архив кушбеги еще не разобран, не проведена его первичная регистрация, еще в ничтожной мере использован архив хивинских ханов. Но это поздние источники. Что же касается ранних источников,—огромного количества рукописных фондов, то они почти не тронуты. Считаю настоятельной задачей—сконцентрировать силы историков для разработки этого чрезвычайно важного периода, без правильного понимания которого мы не можем решать многие важные вопросы новейшего времени.

Наряду с этим необходимо широко развернуть археологические работы по изучению поздних средневековых памятников, вплоть до памятников первой половины XIX в. Они также представляют большую ценность,—я имею в виду не мазары, а сохранившиеся еще укрепления, сохранившиеся ирригационные каналы и еще сохранившуюся в ряде районов планировку поздних средневековых полей, которые дают чрезвычайно многое для характеристики земледелия и землевладения, позволяют подкрепить и проверить многие показания письменных источников.

Какие открытия может принести археология в области изучения этой эпохи, можно видеть хотя бы из скромных результатов нашей Хорезмской экспедиции. Отмечу, например, открытие большого центра ирригационного земледелия в районе Сарыкамышского озера, датируемого XV—XVI вв.

Раскопки Куня-Ургенча, в частности раскопки Таш-Калы, слоев XV—XVII вв., дали веские, неопровержимые аргументы, свидетельствующие о том, что в этот период происходит резкий упадок хозяйства и культуры Хорезма, что, повидимому, как это ясно из подавляющего большинства выступлений, относится не только к Хорезму, но и к другим районам Средней Азии.

Перед нами не просто перенос центра. Факт перенесения громадного города XIV в., занимавшего площадь в несколько квадратных километров, в небольшой квартал Таш-Кала, который продолжает существовать с милостивого разрешения Тимура на протяжении всех последующих веков, вплоть до конца XVII в., когда население этого города было переселено по соседству с новой столицей Хорезма, во вновь построенный город Новый Ургенч. Не только в этом количественном сокращении площади и отмирании жизни на окраинах Хорезма мы видим явления упадка. Они были во всем. Меняется и становится более грубой керамика, в поливной керамике полуфаянсы заменяются цветными глинами; для строительства домов используются исключительно старые кирпичи XIV—XV в., нового кирпича не жгут; кладка плохая, здания буквально разваливаются, как только они вскрываются археологами; место замечательной алебастровой отделки помещений занимает грубая алебастровая обмазка, место изящной резьбы—штампованный примитивный узор. Мало этого. Подрывается сама основа хозяйства, резко сокращается ирригационная система. Следствием этого явилась, в частности, гибель старого Ургенча в конце XVII в.

Мы вправе говорить обо всем этом периоде как о периоде действительно глубокого хозяйственного и культурного упадка. Я думаю, этот термин более осторожен, чем термин «кризис». Упадок несомненен. Введение же понятия кризиса слишком ко многому обязывает, а разработка вопроса не соответствует еще этой формулировке. Для того чтобы решить этот вопрос, надо работать. Преждевременное его решение чревато опасными последствиями. Мы вовсе не бросим никакой тени на советскую науку, если признаемся, что еще не понимаем полностью причин этого упадка. Во всяком случае этот упадок в значительной мере обусловлен двукратным страшным разгромом Средней Азии Чингиз-ханом и Тимуром. Это бесспорный факт. Но самый застойный характер этого «кризиса», самый факт, что сравнительно быстро оправившаяся от катастрофы нашествия Чингиз-хана Средняя Азия не сумела оправиться от последствий деятельности Тимура,— этот факт требует своего исследования.

Я готов поддержать В. А. Шишкина, когда он говорит; что период конца XVIII и первой половины XIX в. характеризуется известным, правда очень незначительным, но прогрессивным изменением хозяйства и культуры Средней Азии, остававшейся попрежнему феодальной. Действительно, с политической стороны мы имеем образование трех центров провинциальной (по выражению Энгельса, примененному им к Германии) централизации вокруг Хивы, Бухары и Коканда. При всем варварском характере власти ханов, при всех реакционных формах политической жизни этого времени — нельзя сбрасывать со счетов то, что в известной мере идет процесс обуздания старой феодальной раздробленности, которая в предшествующий период господствовала на всей территории Средней Азии. И в области культуры наблюдается некоторое, очень еще незначительное, но все же оживление.

Мы не поймем этого явления, если забудем о том, что присоединение Средней Азии к России не являлось единовременным актом, не имевшим никакой исторической подготовки. Анализ истории отношений среднеазиатских ханств с Россией показывает, что на протяжении XVII—XVIII и особенно первой половины XIX вв. идет непрерывное усиление экономических связей с ханствами. Само возникновение Кокандского ханства—новообразования на среднеазиатской политической карте—целиком определяется ролью Сыр-Дарьи и Ферганы в экономических отношениях с Россией, в первую очередь по сибирскому пути. Появление громадного Ташкента кануна присоединения к России, насчитывавшего по тогдашним подсчетам около 100 тысяч жителей, может быть понято только в этом свете.

Связи с Россией оживили экономическую жизнь Средней Азии. Этим и объясняется постепенное начало выхода из той полосы мрачного упадка, в котором Средняя Азия находилась до середины XVII в. Это вопрос, который подлежит особому исследованию и особому вниманию наших историков.

Соответственно этому я считаю, что период экономического и культурного упадка Средней Азии в XV—середине XIX вв. должен быть подразделен. Последнее столетие—столетие образования центров провинциальной централизации, окрашенное политическими и экономическими связями с Россией, и доминирования этих связей над всеми другими в Средней Азии—должно быть выделено как подразделение в рамках этого периода, в рамках феодализма.

Мне представляется, что нам предстоит еще немало таких же встреч. Но хотелось бы, чтобы эти встречи были посвящены конкретным историческим проблемам, были хорошо подготовлены, чтобы внимание наших историков не распылялось.

Я думаю, что и вопрос о первобытно-общинном строе в Средней Азии, и вопрос о рабовладении в кочевых районах, и вопрос о периодизации внутри рабовладельческого строя, и вопрос о развитии форм феодальной собственности, и вопрос о раннем феодализме в Средней Азии, и, наконец, вопрос о периоде упадка феодализма в Средней Азии кануна присоединения ее к России,— все эти вопросы заслуживают того, чтобы им было посвящено специальное обсуждение.

То исключительное внимание, которое правительство Узбекистана и ЦК Коммунистической партии республики проявили к нашей работе, интерес широких кругов узбекской, в частности ташкентской, общественности показывают, что наша работа нужна народу, нужна Узбекистану, так же как и другим братским республикам Средней Азии. Все это вселяет в нас уверенность, что, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, мы сможем дружными усилиями правильно разрешить те трудные, сложные и большие проблемы, которые стоят перед нашей наукой и которые, бесспорно, будут вставать перед наукой по мере ее дальнейшего развития.

И. С. БРАГИНСКИЙ

Заключительное слово

Мне задано несколько вопросов, на которые я хотел бы ответить.

1. О реакционной роли Джалаль-ад-дина Хорезмшаха на Кавказе. Вопрос этот к периодизации истории Средней Азии прямого отношения не имеет. Разгром же, который произвел Джалаль-ад-дин в Грузии, общеизвестен.

2. О формуле «наименьшего зла». Она касалась оценки захватнической политики царизма. Изучая значение присоединения Средней Азии к России, мы должны не цепляться за формулы, а давать развернутое освещение этого вопроса, учитывая прогрессивные последствия присоединения Средней Азии к России.

3. Меня упрекают в том, что я будто бы не назвал, а тем самым будто бы игнорирую закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Именно из этого закона я исходил в построении всего доклада, а потому ограничиться одним названием не считал целесообразным.

4. «Какие элементы капитализма были в Средней Азии до присоединения?»

Вопрос очень важный. Отвечу коротко. Некоторые элементы роста капитализма, подготовленные развитием товарно-денежных отношений в Средней Азии в последней стадии перед присоединением,—были.

Мне кажется, что порою помнят одну сторону вопроса о соотношении простого товарного хозяйства и капитализма, а именно, что нельзя отождествлять товарное хозяйство с капиталистическим. Это правильно, отождествлять их нельзя. Но нельзя забывать и другую сторону, что капиталистическое хозяйство растет из простого товарного хозяйства. Ленин говорил, что простое товарное хозяйство ежедневно рождает элементы капитализма, на известной ступени своего развития товарное хозяйство перерастает в капиталистическое.

Что касается конкретных фактов по Средней Азии, говорящих об интенсивном развитии товарно-денежных отношений в конце XVIII—начале XIX вв., то я приведу некоторые примеры.

А. Д. Гребенкин в своей работе «Таджики», описывая местное текстильное производство, говорит о наличии отдельных специалистов по размотке коконов, по набивке красок, по продеванию основы через ремизки, по наведению лоска на материю. Такова была дробная специализация в области производства текстиля. Между тем текстильная продукция шла на рынок единой массой товаров. Следовательно, мы имеем здесь дело со скупщиком, который каким-то образом организовывал ремесленное текстильное производство.

Имеются данные и о том, что гончары, работая каждый в одиночку, сбывали свою продукцию скупщику, который выдавал авансом ссуды, а уже потом скупал продукцию за половину цены.

А. Шишов приводит также данные о богачах, эксплуатировавших золотоискателей. В добыче золота нужно участвовать по обычаю своим личным трудом, но этот обычай на каждом шагу нарушался местными богачами и чиновниками, которые не только нанимали рабочих, но и захватывали насильственно лучшие месторождения золота, ссужали артели деньгами под будущую добычу золота и являлись, таким образом, полноправными хозяевами промысла.

Г. А. Арандаренко описывает производство древесного угля, где также, наряду с мелкими производителями, каждый из которых в одиночку выжигал уголь в ямах старинным дедовским способом, существовали скупщики, которые обеспечивали вывоз и торговлю.

Производительные силы, хотя и медленно, но росли. Мы обнаруживаем их рост в росте разделения труда, в специализации, в домашней системе эксплуатации.

Бурнашев и Поспелов в отчете 1800 г. говорят, что в Ташкенте «в посеве многие упражняются, однако, кои другими ремеслами занимаются гораздо более».

Таких примеров, свидетельствующих об интенсивном росте товарно-денежных отношений, очень много. Можно отметить такие факты, как сдачу сбора податей в откуп. Есть много фактов о развитии домашней системы капиталистической эксплуатации.

Несомненно, что отдельные ростки капитализма во всех ханствах, в частности, в Кокандском ханстве, наиболее близко связанном с Россией, были. Это требует дальнейших исследований.

Хочу, далее, исправить досадные опечатки и ошибки, в которых я повинен, правильно указанные В. А. Шишкиным. На стр. 9 «Материалов для обсуждения» формулировка о точке зрения В. В. Бартольда неправильна.

Мне в свое время указал на это А. А. Росляков и я передал в Президиум исправление, равно как и исправление на соответствующей странице. Что касается цитаты из работы А. Ю. Якубовского, то у А. Ю. Якубовского говорится о «дофеодальном централизованном государстве». Напечатано же «феодального централизованного государства». Это опечатка очень досадная, хотя сомневаюсь, чтобы А. Ю. Якубовский стал бы сейчас говорить «дофеодального». Что касается того, что цитата, якобы, искажает мысль А. Ю. Якубовского, это неверно, ибо цитата приводится не для полемики с А. Ю. Якубовским, а для выражения согласия с ним. Говорится, что А. Ю. Якубовский различал две формы феодализма.

А. Н. Бернштам предъявил нам упрек, что в докладе и содокладах не упомянута проблема этногенеза. Это верно. Но вряд ли нужно было об этом говорить подробно. У нас сессия не по этногенезу, а по другим вопросам.

Что касается тюркоязычных народов и положения о том, что они издавна здесь обитали—это правильно, и было бы приятно всем нам, историкам Средней Азии, если бы А. Н. Бернштам мог доказать это. Не голословно сказать, а именно доказать, что это имело место в первом тысячелетии до нашей эры. Пока доказательств нет.

Таковы отдельные замечания.

Перейду к существу дискуссии.

Мне вспоминаются слова Владимира Ильича Ленина, сказанные по другому поводу, но звучащих близко к тому, что у нас здесь происхо-

дит: «Какая прекрасная вещь наш съезд... Мнения высказаны. Оттенки обрисовались... Этап пройден. Вперед!» Действительно, еще раз мы убеждаемся в глубокой верности указаний Коммунистической партии о том, что только в борьбе мнений может рождаться истина, может развиваться наука.

Дискуссия, которая прошла по вопросу о периодизации, поможет всем нам в работе. Уляжется пыль словопрений, забудутся мелкие обиды, а все мы продвинемся вперед. В нашей дискуссии участвовало, включая докладчика и содокладчиков, 26 человек, в том числе (что очень отрадно) 19 республиканских научных работников.

Не могу не отметить активное и очень плодотворное участие в обсуждении женщин-ученых. Мы видим, что женщина—большая сила не только в колхозе, но в науке.

Помог нам своей информацией о работе редакции «Всемирной истории» Е. М. Жуков.

Все выступления на сессии помогают нашему продвижению вперед на основе коллективной работы. Один-два-три человека могут сделать доклады, но никогда один-два-три человека не могут решить такой большой сложный вопрос, как вопрос периодизации.

А. Н. Бернштам говорил здесь о «козле отпущения». Это—ветхозаветное выражение, но действительно у нас не один человек, а много людей имеется, которые всегда готовы стать мишенью для риторических словоизлияний, если только это нужно для пользы дела. Для того ведь и печатался доклад, там так и написано: «печатается для обсуждения».

Никогда, однако, один или два человека, сколь они ни были бы нескромны, не взялись бы за единоличное разрешение вопросов периодизации.

Говоря о коллективности в работе, хотел бы подчеркнуть то новое, что имеется в сравнении с обсуждением, которое имело место в ИИМК в 1933 и в 1948 гг. Мы благодарны ИИМК и тем товарищам, которые руководили обсуждением вопроса в 1933 и 1948 гг., но сейчас в обсуждении есть нечто новое, чего нельзя игнорировать.

Ныне проблема периодизации выносится на обсуждение не только работников центральных академических учреждений, но и республиканских коллективов. В этом главное.

За это время созданы две новых академии — Туркменская и Таджикская.

Некоторым товарищам не следовало бы допускать пренебрежительного тона в отношении появившихся на местах работ, именуя их свысока «учебниками». В республиках созданы серьезные работы по истории народов. В них имеются отдельные ошибки, мы их критикуем, но эти работы отражают результаты труда лучших наших ученых, в них содержится совокупный коллективный опыт. И все это особенно важно, ибо завтра, послезавтра нужно выпускать новые учебники и книги для Казахстана, Узбекистана, Таджикистана.

Значит, продолжая спорить (а борьба мнений только развертывается), мы должны одновременно о чем-то договориться, чтобы можно было творчески работать, двигаться вперед.

Со многими выступлениями я согласен, поэтому не буду о них говорить. Мне кажется, что целесообразно в заключительном слове сосредоточить внимание лишь на некоторых вопросах, которые перед нами встают, как особенно важные.

В докладе я начал с вопросов решенных и кончил спорными, ибо задача состояла в том, чтобы начать, открыть дискуссию. Сейчас начну

со спорных вопросов, а в заключение остановлюсь на вопросах, которые решены, ибо задача состоит в том, чтобы заключить дискуссию на сессии.

Мне представляется, что в центре внимания нашей работы по составлению общих курсов и работ по истории должна быть борьба с двумя возможными опасностями. Нам реально грозит опасность, о которой говорил Е. М. Жуков—опасность социологизированной схематизации, подведения фактов под готовые схемы.

Вторая опасность—это игнорирование общих закономерностей. С. П. Толстов правильно сказал, что проявилось желание некоторых товарищей «отменить» классические формулировки марксизма-ленинизма.

Обе опасности одинаково опасны, а наиболее опасна та, с которой перестают бороться. Мне кажется, что за последнее время замечается погоня за установлением «сверхспецифики» для Средней Азии, не имеющей ничего общего с реальной, действительной специфичностью условий развития каждого народа.

Некоторые товарищи первоначально признают наличие рабовладельчества в Средней Азии, но потом начинают характеризовать его, и оказывается, что раб—это не раб, а рабовладение не рабовладение, что существует будто некая «особая специфика» рабовладельчества, и в итоге от рабства не остается и следа.

Принимаются за феодализм и «оказывается», что у кочевых народов феодализм—это не феодализм, а одна патриархальщина, а у оседлых народов феодализм это некий государственный феодализм, чиновничий, «амальдарский». В результате и от феодализма не остается и следа.

Говорят об упадке феодализма и вдруг «оказывается», что в Средней Азии нет упадка феодализма, а за одну лишь вторую половину XIX в. происходит молниеносное и неожиданное разложение феодализма и развитие капитализма. Что это за «своеобразный» путь? Повсюду упадок феодализма продолжается 100—200 лет, а в Средней Азии за 50 лет феодализм мгновенно разлагается.

У нас говорят очень часто (и не замечают этого) о привнесении в Среднюю Азию капитализма извне. Конечно, присоединение к России чрезвычайно ускорило развитие, капитализма, но ведь ясно, что зарождающаяся общественно-экономическая формация должна иметь свои внутренние корни.

В итоге, если собрать все эти высказывания о «специфичности», то получается, что Средняя Азия стоит вне исторического процесса развития, что рабство здесь не рабство, феодализм—не феодализм, капитализм импортный и т. п.

Мне представляется, что положение о роли рабства в осуществлении ирригации серьезно обосновано нашими историками и осталось здесь неопровергнутым. Что касается рабства у кочевников, то мне кажется, что аргументация А. А. Рослякова прозвучала более убедительно, чем аргументация М. М. Дьяконова.

Не вызвал спора тезис о коренном изменении технологического процесса в ирригации. Выступление Я. Г. Гулямова дополнило этот тезис фактами о введении удобрений, о начале хлопководства; что касается образного выражения в моем докладе о поливальщиках, то это образное выражение говорит лишь об усилении значения умелого, инициативного полива, инициативного труда.

В большей мере следует остановиться на вопросе о феодальной эпохе. Это тем более важно, что не только с пережитками капитализма, но и с пережитками феодализма в сознании людей мы боремся еще и сейчас в Средней Азии.

Сначала о юридических источниках изучения феодального строя. Мною был приведен факт усиления юридической деятельности мусульманских правоведов в IX—X вв. в доказательство того, что производственные отношения феодализма уже сложились и это требовало юридической санкции и богословского освещения. В этой связи считаю нужным подчеркнуть следующее: конечно, нужно использовать юридические документы для изучения отдельных форм феодальной собственности, но делать это надо критически, ибо эти документы обычно маскируют действительные отношения.

Самое главное не надо смешивать юридические формы с фактическим положением. Кто из востоковедов не знает, что шариат запрещает отдачу денег в рост, но разве на Востоке не существовало ростовщичество? Были способы обхода юридического узаконения.

Несколько слов о концепции преобладания на Востоке государственной формы земельной собственности. Я повторяю сказанное в докладе: не следует жонглировать цитатами. К. М. Мирзаев ответил мне цитатой из Маркса, я могу ответить ему другой цитатой. Должен огорчить К. М. Мирзаева, что слова «номинальный собственник» также принадлежат Марксу. Так что цитатами делу не поможешь, а поможешь ему реальным анализом реальных отношений.

Вы спрашиваете: существовала ли в Средней Азии государственная форма земельной собственности? Конечно существовала. Но я задаю вам другой вопрос: находились ли фактически все амляковые земли в руках верховного хана или в действительности ими владели крупные феодалы? Земли фактически находились в руках крупных феодалов, а те земли, которые считались государственными и казенными, находились фактически у верховного хана лишь в зависимости от реальной военно-экономической мощи данного хана. Если он был силен, тогда и амляковые земли были его землями.

При феодальной же раздробленности (а она была характерной для Средней Азии) амляковые земли в большинстве своем фактически становились собственностью феодалов, концентрировавших в своих руках крупные землевладения.

Кто поверит тому, что Бухарское ханство, особенно в период его невероятного развала, представляло собой организованную корпорацию феодалов?

Знали ли, наконец, сами феодалы, что они являются коллективными обладателями амлячных земель? К. М. Мирзаев говорит, что этот вопрос запутан в докладной записке кушбеги. Но если первый человек в ханстве, кушбеги, «премьер-министр», если он сам не знает, что такое «амлячные земли», то, вероятно, реальные отношения так запутаны, что с помощью одних юридических документов их не объяснить.

Думаю, что причина путаницы—это смешение реальных отношений и юридических институтов. Фактические же отношения нами мало изучены. Мы можем сказать, какие земли официально считались амлячными, но были ли они на самом деле государственной собственностью или были собственностью крупных феодалов—это требует еще изучения.

С этим же связан вопрос о «танхо».

Н. А. Кисляков договорился до того, что каратегинский бек «законно» по «танхо» мог брать налог с крестьян, а то, что он применял барщину, заставлял их и землю обрабатывать, арыки ремонтировать и обед варить, девушек ему отдавать,— все это «незаконно» с точ-

ки зрения «танхо». Какой уж тут закон! Какие уж тут «законно» или «незаконно», с точки зрения бухарского феодализма, да еще в XIX в.! Вы неправы, потому что смешиваете юридические формы с фактическими отношениями. Вы упрекнули меня в том, что я не читал вашей книги. Я читал вашу книгу и готов читать второе издание этой книги, когда она выйдет. Но я уверен, что вы не читали диссертации тов. Маджлисова. А тов. Маджлисов,—дервазец и каратегинец,—сумел собрать реальные факты, касающиеся землевладения в Каратегине. И не мешает нам иногда и учить, и самим учиться.

У вас характеристика «танхо» и экономических отношений в Каратегине во многом основаны на юридических документах, а у него—на фактическом материале. Фактический материал более убедителен.

Вы ссылались на К. М. Мирзаева, вы с ним согласны. Я с ним также кое в чем согласен. Давайте прочитаем, что пишет К. М. Мирзаев. Он пишет: «При указанных условиях пожизненное пожалование фактически превращалось в наследственное.» Правильно. Тот же Мирзаев на стр. 103 пишет: «Таким образом, во владениях танходаров крестьянин находился в положении крепостного». Опять правильно.

Но ведь это же самое написано в тексте доклада. И если вы согласны с этими формулировками К. М. Мирзаева, то почему вы спорите с положениями докладчика?

Что же касается того, что «танхо»—это условное пожалование, и я якобы этого не знаю, то ведь я и привожу в докладе слова П. П. Иванова о том, что танхо—это условное пожалование. Таким образом, дело не в знании или незнании, а в том, принимать ли юридическую форму за реальное отношение или нет. Я юридическую форму не намерен смешивать с реальным фактом экономических отношений.

В этой связи я чрезвычайно умилен трогательной заботой А. М. Беленицкого и Н. А. Кислякова о моем образовании, о том, чтобы я «работал над собой». А. М. Беленицкий рекомендует мне, чтобы я посетил выставку, музей и прочитал такую-то и такую-то статью. Рахмат, прочитаю. Н. А. Кисляков рекомендует мне прочитать его книгу. Рахмат, уже прочитал. А я хочу им порекомендовать: читайте книги С. Айни, человека, который и документы видел, и жизнь видел, и знает цену документам. По его работам можно больше узнать о фактических отношениях в Бухаре, чем из многих научных и квази-научных сочинений.

Перехожу к вопросу об у п а д к е ф е о д а л и з м а.

Имеются две точки зрения относительно упадка феодализма в Бухаре.

Одна точка зрения, на которой стою я и на которой к моему величайшему удовлетворению стоят В. Я. Непомнин, Р. Н. Набиев, С. П. Толстов и другие.

В чем состоит эта точка зрения? В признании того, что, начиная с XV—XVI вв. здесь был большой хозяйственный упадок. Есть другая точка зрения—она сегодня выражена О. Д. Чехович и состоит в том, что в XVI в. не было хозяйственного упадка.

В этих двух точках зрения выражено лишь то, что разные исследователи видят две стороны одного и того же процесса. С одной стороны, хозяйственный упадок, с другой—рост городов и товарно-денежного обращения.

В области надстройки мы обнаруживаем развитие идеологии ремесленников. Очень терпеливо, в течение многих лет работает по этому вопросу А. М и р з а е в, таджикский литературовед. Ему удалось доказать, что именно XVII—XVIII вв. это время, когда создается литера-

тура, отражающая взгляды ремесленников. Это не случайно. Города растут, и взгляды ремесленников отражаются в литературе.

В отношении роста товарно-денежных отношений. Я благодарен проф. М. Е. Массону за уточнение. Я приводил ссылку на работу В. В. Бартольда, что уже в XVII в. начинается чеканка золотой монеты. М. Е. Массон поправил: не в XVII в., а с начала XVIII в., а именно: в 1711 г. начинается чеканка золотой монеты. Это тоже важный факт. А в Хиве? Согласно сведениям С. П. Толстова, купцы поддерживали кунградскую династию. Факты, говорящие о росте товарно-денежных отношений, приводились выше. Уже в первой половине XIX в. мы видим отдельные зародыши капиталистических элементов. Именно из-за этого некоторые товарищи и говорят о хозяйственном подъеме перед присоединением к России. Эти товарищи принимают развитие товарно-денежных отношений за хозяйственный подъем.

В связи с ролью России в Кокандском ханстве мы имеем чрезвычайно интересные явления в начале XIX в., свидетельствующие о появлении в Коканде зародышей капитализма.

Не говорит ли все это о том, что отрицание общих закономерностей общественного развития в Средней Азии незакономерно? Возможно ли, чтобы в течение трех-четырех веков происходил хозяйственный упадок, не связанный с социально-экономическими отношениями? Как можно отрывать экономику от социально-классовых отношений?

Р. Н. Набиев говорит, что в этом упадке виноваты не шейбаниды, а внутренние причины. Тем более. Как же может происходить трехсотлетний хозяйственный упадок, не связанный с социально-экономическими отношениями? Ответ дает Ф. Энгельс, который харктеризует явления, происходившие в Западной Европе, как упадок и последующее полное разложение феодализма. Это—понятия родственные, но не тождественные. Энгельс говорит, что в XV в. в с е страны (Германия, Франция, Англия) находятся в состоянии упадка, а потом во Франции быстрее, в Германии—медленнее происходит разложение феодализма, т. е. зарождение капиталистического общества.

Ведь утверждение капитализма начинается не с промышленного капитализма. Упадок и в Западной Европе и в Средней Азии двусторонен: с одной стороны, это явление развала по вине феодалов, которые перестали играть прогрессивную роль, а играют только тормозящую роль, а с другой стороны, это—рост товарно-денежных отношений, благодаря деятельности трудящихся угнетенных классов. Почему бы не предположить, что нечто вроде этого, но в очень замедленном, растянутом темпе происходило и в Средней Азии. Факты об этом и говорят.

Термин у п а д о к—это не мой термин. Это термин В. И. Ленина. Зачем же нам выдумывать другой термин? Почему не характеризовать положение в Средней Азии как «упадок феодализма», но происходивший более медленно, чем в Западной Европе. В XVII в. мы явственно видим, с одной стороны, развитие товарно-денежных отношений, а с другой стороны,—развал. Наконец, мы видим полное разложение, которое довольно быстро развивалось во второй половине XIX в., когда это означало развитие капитализма (и здесь, таким образом, двусторонний процесс).

Наконец, в о п р о с о п р и с о е д и н е н и и к Р о с с и и. На этот вопрос мне хочется обратить особое внимание. В прениях произошло некоторое недоразумение. В. Я. Непомнин упрекнул меня в том, что я не говорил о революционном значении присоединения к России. Но ведь об этом черным по белому написано мною в коллективной статье в журнале «Вопросы истории» и в тезисах.

Мною подчеркивается, что основное значение присоединения состоит именно не в развитии капитализма, а в революционизировании народов Средней Азии. В. Я. Непомнин, насколько могу судить по его последней статье, читал мою статью, и я удивляюсь предмету спора.

Что касается характеристики реакционной политики царизма, то мне кажется, что эта реакционность бесспорна, и мы должны сказать со всей определенностью: в результате присоединения значительно ускорилось развитие капитализма, но в результате колонизаторской политики царизма, который тормозил развитие капитализма, капитализм в Средней Азии не победил. Мне кажется, дело не в бряцании словами, а в точном определении реакционной роли царизма и прогрессивного значения присоединения.

Самое же главное состоит в том, что в результате присоединения Средней Азии к России произошло соединение судеб народов, произошло революционизирование народов Средней Азии с помощью революционного пролетариата России, под руководством большевистской партии.

Закончу констатацией того, что при всех наших спорах мы о многом договорились.

Мы договорились во-первых, что Средняя Азия проходила через эпоху первобытно-общинного строя, мы договорились, во-вторых, о рабстве у оседлых народов в период с VII в. до нашей эры и до IV в. нашей эры, мы договорились, в-третьих, о возникновении феодализма с V—VI в. (хотя о стадиях его развития мы неполностью договорились) ;мы договорились, в-четвертых, о необходимости выделения в качестве отдельного периода—периода присоединения Средней Азии к России, о прогрессивном значении и последствиях его и о реакционной колонизаторской политике царизма, мы договорились, в-пятых, что последний период—это период империалистический, период буржуазной революции в России.

Вот тот минимум вопросов, по которому мы договорились и над которыми мы будем далее коллективно работать, обязательно коллективно и обязательно споря. Думаю, что наша работа увенчается успехом. Не следует лишь некоторым товарищам проявлять неуместную обидчивость: почему, дескать, одни, а не другие выступают с докладами и содокладами. Отвечу им словами Маяковского:

Сочтемся славою,
ведь мы свои же люди.
Пускай нам
общим памятником будет
Построенный в веках социализм!

О нем, победившем социализме, в том числе и в Средней Азии, мы также будем писать коллективно.

А. Л. СИДОРОВ

(Директор Института истории Академии Наук СССР)

Разрешите от имени делегаций всех республик, представленных на сессии, выразить сердечную благодарность правительству Узбекской Советской Социалистической Республики, Узбекской Академии Наук и общественным организациям за их заботу с делегатах, за большую организационную работу, которую они проделали, чтобы обеспечить успешную работу сессии.

Если наша сессия прошла успешно, а в этом нет оснований сомневаться, то это произошло не только благодаря большой подготовительной работе, которая была проведена соответствующими академиями наук на местах, но и благодаря тому, что в работе сессии приняла активное участие научная общественность города Ташкента: работники научных учреждений, профессора, доценты, аспиранты, студенты высших учебных заведений. Представители научной общественности наполняли нашу большую аудиторию, и их голоса часто раздавались с трибуны сессии. Разрешите от имени всех делегаций поблагодарить научную общественность Ташкента за активное участие в работе сессии, за их интерес к проблемам, которые обсуждались, за товарищеский контакт, за тот вклад, который они внесли в работу сессии в ходе наших дискуссий.

Остановлюсь на некоторых итогах сессии.

Сессия показала огромный интерес к проблемам исторической науки, к прошлому народов Средней Азии и Казахстана.

Сессия прошла в обстановке большой творческой активности. На сессии выступило вместе с докладчиками более 100 человек и могло бы выступить еще несколько десятков ораторов, если бы позволило время.

Сессия показала, что в результате заботы Коммунистической партии и Советского правительства о науке, в результате последовательного осуществления ленинско-сталинской национальной политики—все республики Средней Азии и Казахстана располагают теперь значительными кадрами квалифицированных историков-марксистов. Только потому, что это кадры выросли, овладевают марксистско-ленинской теорией, проделали большую практическую работу, на сессии и могла создаться обстановка творческой товарищеской дискуссии, одинаково плодотворной для всех ее участников—русских, узбеков, казахов, туркмен, киргизов, таджиков.

Все мы собрались сюда учиться друг у друга, все мы стремились покончить с заблуждениями и ошибками в освещении принципиально важных вопросов нашей истории (а их у нас немало) и двинуть советскую историческую науку вперед на разрешение задач, поставленных

XIX съездом Коммунистической партии и Центральным Комитетом КПСС.

Сессия помогла нам проверить правильность освещения принципиально важных вопросов нашей науки, и все мы заканчиваем сессию с чувством удовлетворенности, так как уезжаем идейно обогащенными.

Наша наука—история СССР, археология, этнография—может развиваться успешно лишь на основе контакта ученых центра и периферии, постоянного взаимного обогащения новыми фактами и идеями. В этом отношении сессия дала многое: она продемонстрировала достижения историков периферии перед нами, историками центра, показала, что нам следует усвоить, чтобы не отставать, из их опыта, из опыта научной разработки истории народов Средней Азии и Казахстана.

Надеюсь, что участие историков и этнографов, востоковедов из научных учреждений Академии Наук СССР также помогло представителям республик в решении некоторых вопросов.

Мне кажется, что нашим общим достижением является тот факт, что сессия помогла нам консолидировать свои силы на основе тех выводов и идей, которые в настоящий момент нам кажутся наиболее объективными, заслуживающими доверия, помогла сплотить наши силы на поприще изучения с марксистско-ленинских позиций исторического процесса.

По всем пяти вопросам повестки дня наметились основные точки зрения. По некоторым из них—по таким вопросам, как патриархально-феодальные отношения, восстание 1916 г., складывание буржуазных наций,—мне кажется, после сессии будет больше единства в понимании вопросов, яснее будут видны разногласия со сторонниками иных взглядов.

Обмен мнениями на сессии наметил много практических и теоретических вопросов, на решение которых должно быть направлено наше внимание.

Наконец, сессия яснее выявила наши слабости и ошибки, и это, несомненно, будет способствовать тому, чтобы мы более организованно и дружно взялись за их ликвидацию.

Сессия была посвящена проблемам истории дооктябрьского периода и в этом ее известный недостаток, но мы все понимаем, что изучение дооктябрьского периода истории СССР тесно переплетается с задачами изучения истории советского периода. Например, правильное понимание патриархально-феодальных отношений поможет изучению истории первых лет Советской власти в Средней Азии и Казахстане; марксистское понимание вопроса об образовании буржуазных наций весьма важно для изучения социалистических наций.

Все мы покидаем сессию с страстным желанием отдать свои силы на дело создания научных трудов, сводных монографий, которые будут понятны народам нашей страны, которые помогут им не только в правильном понимании прошлого, но и в борьбе за строительство коммунизма.

Каковы недостатки общего порядка, на устранение которых следует обратить наше внимание?

Хотя на местах и была проведена значительная работа, мы все же пришли к сессии с небольшим количеством трудов, посвященных обсуждаемым вопросам.

Из прений видно, что накопился большой исследовательский материал, часть которого использовалась в ходе прений, но большая часть лежит неопубликованной. К сессии мы не издали даже сборников документов по истории народов Средней Азии и Казахстана—ни по восста-

нию 1916 г., ни по патриархально-феодальным отношениям. Усилия историков наших братских республик сосредоточены сейчас почти исключительно на создании обобщающих трудов по истории соответствующих республик. Такие труды создать необходимо, они нужны народу. Это первоочередная задача. Но я думаю, что научно-исследовательская работа должна вестись более широким фронтом—должны издаваться также монографии, сборники статей и документов и т. п.

И в области борьбы с пантюркизмом и панисламизмом мы также работаем далеко недостаточно. Располагая значительными кадрами специалистов, мы не издали в последнее время книг для народа по этим вопросам.

Деятельность Института востоковедения Академии Наук СССР в этой области оторвана от деятельности местных институтов истории. В то же время и ни одна из республиканских академий не взяла на себя инициативы, чтобы сплотить кадры историков всех республик Средней Азии на создание коллективных научных трудов.

Все это вместе взятое ставит вопрос о том, чтобы академии союзных республик организовали более широко печатание исторических трудов, а историки не только писали и защищали диссертации, но более смело, решительно боролись за напечатание своих трудов, поменьше боялись, как бы не ошибиться, а побольше верили в то, что их научная продукция—дело полезное и необходимое.

Все еще недостаточен научный контакт между историками отдельных республик. А между тем необходим именно повседневный контакт научных учреждений республик между собой, чтобы можно было печатать совместно книги и статьи ученых братских республик Средней Азии и Казахстана.

Институт истории Академии Наук СССР благодарен историкам всех республик Средней Азии и Казахстана за их участие в «Очерках истории СССР», в написании очерков по историографии СССР. Но мы должны еще более усилить деловое повседневное содружество историков в коллективных работах.

Наряду со многим положительным, что уже проделано историками, сессия вскрыла и наши слабости. Историческая наука должна теперь сделать следующий большой шаг в своем развитии. Наша партия, труды основоположников марксизма-ленинизма указывают нам путь: это—глубокое раскрытие объективных законов общественного развития, умение объяснить на основе этих законов специфику общественного развития в отдельных районах. Партия требует, чтобы историческая наука стала наукой о роли трудящихся масс в истории, о раскрытии сущности способов производства, о классовой борьбе, как двигателе общественного развития. В свете этих требований мы должны более критично относиться к своей работе и более настойчиво и повседневно преодолевать догматизм и начетничество, голое изложение фактов и т. д. А надо сказать, что эти недостатки чувствовались и в ходе работы нынешней сессии.

Правильное раскрытие сущности патриархально-феодальных отношений имеет кардинальное значение для исторической науки. Речь идет о стержневой, центральной проблеме исторического развития почти на протяжении полутора тысяч лет. Следует признать, что мы мало и слабо изучали эту проблему. Этим и можно объяснить разноголосицу в решении данной проблемы. Правда, подавляющее большинство участников настоящей сессии, выступавших в прениях, показало, что они твердо держатся марксистско-ленинского понимания сущности феодализма, признают основой феодального способа производства землю, четко ха-

рактеризуют основные классовые противоречия феодального общества, считают, что марксистское понимание природы феодальных отношений вполне применимо и для объяснения общественной жизни народов Средней Азии и Казахстана,— народов, у значительной части которых основной отраслью хозяйства являлось скотоводство. Соглашаясь в основном по данному вопросу с докладчиком, доктором исторических наук Леонидом Павловичем Потаповым, выступавшие раскрывали и конкретизировали некоторые особенности общественных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, например, показали роль воды, неразрывно связанной с землей, как орудия эксплуатации феодальными классами народных масс.

Ценными были выступления В. С. Батракова, Н. Е. Омелина, И. Я. Златкина, С. З. Зиманова, А. Е. Еренова и других.

А. Е. Еренов хорошо использовал старые русские источники XVIII в. для выяснения роли землевладения. Он критиковал ошибки не только В. Ф. Шахматова, но М. П. Вяткина в вопросе о характере землевладения. Были затронуты и вопросы эволюции семьи и общины. В выступлении Т. А. Жданко был приведен интересный материал о каракалпаках. В. С. Батраков поставил вопрос об этапах в развитии феодализма и т. д.

Я лично присоединяюсь к принципиальным положениям доклада Л. П. Потапова и к выступлениям большинства товарищей на сессии. Внесено известное уточнение в определение аульной общины, дано более четкое определение классовой природы этой общины. Вероятно, и докладчик задумается над вопросом о том, на какой же базе вырастают патриархально-феодальные отношения—на базе ли разложения первобытно-общинного строя или рабовладельческого, и можно ли дать общий шаблонный ответ на данный вопрос?

Позволительно сомневаться в том, что понятие патриархально-феодальных отношений характеризует только раннюю форму феодализма. В выступлениях многих товарищей говорилось, что патриархально-феодальные отношения не исключают и зрелой стадии развития феодализма. Таким образом, едва ли можно сомневаться в том, что патриархально-феодальный тип общественных отношений представляет собою вполне закономерную разновидность феодального способа общественного производства, имевшую место не только у скотоводческих, но и земледельческих народов Средней Азии и Казахстана. Это положение было высказано и обосновано И. В. Сталиным. Подавляющее большинство участников сессии придерживается этого марксистского тезиса.

Вместе с тем в ходе дискуссии выявилась и другая точка зрения, представленная В. Ф. Шахматовым, С. И. Толубековым и С. И. Ильясовым. С. И. Ильясов выступал в качестве содокладчика. Его тезисы об особенностях феодализма у киргизов показывают, что он принципиально согласен со своими единомышленниками—В. Ф. Шахматовым и С. И. Толубековым. Единственной основой эксплуатации в скотоводческом хозяйстве он признает только скот, отрицает все элементы прикрепления крестьян к земле.

В ходе дискуссии точка зрения указанных товарищей критиковалась в выступлениях многих ораторов и в заключительном слове Л. П. Потапова. Попытки построить теорию феодализма у кочевых народов без земли возрождают взгляды, появившиеся в науке два десятка лет тому назад. Время показало, что на основе ложных предпосылок нельзя добиться положительных результатов, а тт. Шахматов, Толубеков и Ильясов упорно нас тащат назад. В ходе настоящей дискусси им не удалось завербовать себе союзников и последователей, так как невозможно привести сколько-нибудь убедительных научных аргументов в защиту «теории» феодализма без земли.

Вообще говоря, В. Ф. Шахматов не является новатором в области теории «феодализма без земли». Вся буржуазная наука и в России, и за границей, трактовавшая о феодализме, сводила феодализм к политическим институтам. До работ В. И. Ленина историки России вообще стояли на точке зрения отрицания феодализма, как общественной формации в историческом развитии России.

Взгляды В. И. Ленина опровергались Струве, Петрушевским, Павловым-Сильванским и другими, как, якобы, ненаучные. Павлов-Сильванский, например характеризовал феодализм как систему политических институтов и политической иерархии. Под влиянием Павлова-Сильванского и Петрушевского находилось и старшее поколение наших историков, которое считало Павлова-Сильванского чуть ли не основоположником марксистского учения о феодализме. Благодаря сильному влиянию буржуазной науки, феодальные отношения в России в течение долгого времени не изучались. Только разоблачение, по инициативе партии и правительства, в 30-х годах вульгаризаторской, антимарксистской школы М. Н. Покровского расчистило дорогу для развития действительно марксистской исторической науки, для действительно марксистского понимания феодализма.

Я сделал это отступление вовсе не для того, чтобы провести аналогию между В. Ф. Шахматовым и его сторонниками, с одной стороны, и старой буржуазной наукой, с другой, вовсе не для того, чтобы «приписать» этим товарищам чуждые им взгляды, но исключительно для того, чтобы подчеркнуть, насколько сильно было отрицательное влияние старой буржуазной науки, которая пыталась увести нас в сторону от экономических отношений и классовой структуры феодальной общественной формации. Конечно, за последние два десятка лет советскими историками, этнографами, юристами многое сделано для конкретно-исторического изучения и раскрытия феодальной общественной формации как у земледельческих, так и кочевых народов. Но для нас не является секретом, что за последнее время среди историков имели место серьезные ошибки, связанные с недооценкой роли землевладения и с преувеличением роли внеэкономического принуждения. Вот почему мы должны учитывать эти ошибки, относящиеся отнюдь не только к историкам Средней Азии и Казахстана, но и Москвы, для того, чтобы правильно определить основу патриархально-феодальных отношений.

Сессия правильно показала, что надо идти не по пути, который рекомендуют В. Ф. Шахматов и его весьма немногочисленные сторонники. Этот путь заведет нас в тупик. Надо вести изучение истории народов, их экономики, их общественного строя на основе законов феодальной формации, сформулированных Марксом—Энгельсом—Лениным—Сталиным. Это путь вовсе не легкий и не шаблонный, как говорили о нем В. Ф. Шахматов и другие. Это путь действительно творческого применения марксизма к изучению истории народов Средней Азии и Казахстана. Не следует бояться идти по целине. Нельзя надеяться, что в старых работах буржуазных исследователей будут найдены достаточные фактические материалы. Надо браться за первоисточники, за тщательное собирание фактического материала и его анализ.

Л. П. Потапов наметил в своем докладе ряд практически важных тем и среди них на первое место, разумеется, выдвигается проблема развития феодальной собственности на землю и тех своеобразных ее проявлений, которые имели место у скотоводческих народов.

Вызывает известное удивление, с какой легкостью казахские товарищи согласились с исходными положениями антинаучной «новой» теории феодализма В. Ф. Шахматова и других и дали ей место в макете третьего издания «Истории Казахстана». Вместе с тем с удовольствием хочу отметить, что и в самом Казахстане уже произошел, видимо, решительный перелом в этом отношении. После обсуждения макета третьего издания подавляющее большинство историков, особенно историков молодых, воспитанных на серьезном изучении трудов классиков марксизма, выступили с решительной критикой «теории» феодализма без земли.

Не сомневаюсь, что сессия даст сильный толчок дальнейшему развитию исследовательской работы в области изучения феодальной общественной формации у народов Средней Азии и Казахстана и что господствующая на сессии линия в понимании природы этого общественного строя будет еще глубже и всесторонне подкреплена и развита новыми серьезными исследованиями в этой области.

Едва ли следует согласиться со столь категорически высказанным Л. П. Потаповым в его заключительном слове предложением ограничить употребление термина «патриархально-феодальные отношения». Этот термин принадлежит И. В. Сталину, за ним скрывается определенное понимание специфики экономических отношений, и задача заключается в том, чтобы правильно раскрыть содержание этого термина в конкретных исследованиях.

Вопрос о буржуазных нациях вызвал большую активность участников сессии и интересную дискуссию. Было приведено много фактических материалов и высказано много интересных соображений и историками, и экономистами, и лингвистами, и этнографами. Большое внимание было отведено вопросу о развитии экономики у народов Средней Азии и Казахстана, которое происходило до революции под воздействием русского капитализма.

В ходе дискуссии наметились две точки зрения:

а) Точка зрения докладчиков (М. Г. Вахабова и А. Н. Нусупбекова), которые, учитывая прогрессивные последствия присоединения Средней Азии и Казахстана к России, в частности начавшееся здесь развитие капитализма, признают процесс становления буржуазных наций, но вместе с тем показывают, что этот процесс не получил до революции своего завершения.

б) Вторая точка зрения: этот процесс завершился, и до революции уже имелись сложившиеся узбекская и казахская буржуазные нации. Правда, ряд ораторов при этом делал оговорки, что до Октябрьской социалистической революции этот процесс был завершен «в основном» или «не вполне».

Таким образом, мы имеем расхождение в вопросе о степени национальной зрелости, о степени завершенности соответствующих процессов.

В соответствии с этим приводились фактические экономические материалы о развитии капитализма в Средней Азии и Казахстане, о росте капиталистического расслоения в деревне и т. д. Мне кажется, что М. Г. Вахабову следует учесть критику и всесторонне использовать экономические материалы, хотя это и не сможет, конечно, изменить его общих выводов. При общей правильной принципиальной постановке вопроса, которая имелась в докладе М. Г. Вахабова, следует, однако, более полно показать воздействие на Узбекистан капиталистической России.

А. Н. Нусупбекову удалось дать более полную и объективную картину экономического развития Казахстана, но одновременно следует указать на тенденцию, проявившуюся в его докладе, к известной переоценке степени капиталистического развития Средней Азии и, особенно, Казахстана.

Пожалуй, наиболее ярко эта тенденция выразилась в выступлении А. Ф. Якунина, хотя она чувствовалась и в выступлениях А. А. Аминова и других. А. Ф. Якунин сделал два обобщающих вывода. Хлопководство он рассматривает как отрасль исключительно капиталистического хозяйства в сельском хозяйстве Узбекистана. И второе— развитие казахского аула шло, по его словам, по русскому пути развития капитализма.

Если бы эти выводы были правильными, то они означали бы, что сельское хозяйство у народов Средней Азии велось на товарно-капиталистической основе, что там преобладала капиталистическая, а не патриархально-феодальная основа хозяйства, что там преобладал товарно-капиталистический базис в сельском хозяйстве, что, конечно, неверно.

Если согласиться с выводами А. Ф. Якунина, то возникает вопрос, как же согласовать их с основными оценками нашей партии о характере экономического развития народов Средней Азии, со всем практикой социалистического строительства? Я думаю, что А. Ф. Якунин, мягко выражаясь, увлекся, перешагнул грань в своих обобщениях и неправильно толкует факты. Совершенно естественно что, нарисовав картину капиталистического развития аула, изобразив чайрикера в качестве капиталистического арендатора или наемного батрака, а казахского бая в роли либерального помещика центральной России, очень легко дойти до вывода, что буржуазная нация полностью сложилась в Казахстане. Но так ли это?

Я также занимался вопросами экономического развития России в целом и Средней Азии, в частности, и мне кажется, что вышеуказанная тенденция неправильна.

Возьмем теперь другие соображения, которые приводились по этому же вопросу выступавшими ораторами. Лингвисты, этнографы не подтверждают выводов о завершении, якобы, процесса складывания признаков буржуазной нации. Наиболее компетентными судьями в вопросах о языке, о психическом складе, о культуре народов Средней Азии и Казахстана являются представители самого казахского, узбекского и других народов Средней Азии. Между тем в их выступлениях менее всего было приведено данных о том, что эти признаки нации получили до революции свое достаточно полное оформление. Кроме вопросов об экономической и территориальной общности у народов Средней Азии и Казахстана все остальные признаки нации не получили достаточно глубокого и всестороннего обсуждения на сессии и подтверждения фактами. Может быть, это объясняется тем, что мы неполностью воспользовались помощью лингвистов, искусствоведов и других, а ведь их голос в решении этих вопросов не последний.

Вот почему мне кажется, что сессия поступит правильно, если она зафиксирует положения, выраженные в докладах, о том, что до революции у народов Средней Азии и Казахстана происходил процесс формирования признаков, создающих нацию, но что процесс сложения этих народов в буржуазные нации не был еще завершен. Сессия, по-моему, должна порекомендовать товарищам заняться более полным и всесторонним изучением рассматриваемых нами проблем и обязательно привлечь к этому этнографов, лингвистов и других специалистов.

Вопрос о характере восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане тоже занял не последнее место в работе нашей сессии. Да это

и понятно. Он глубоко волнует не только историков Средней Азии и Казахстана, но и историков всей страны.

Дискуссия велась на базе общего доклада и содокладов. Была проведена большая предварительная работа по сбору материалов, но нет еще обобщенного монографического материала. Ни одна республика не дала новой серьезной монографии о восстании 1916 г., а потому в ходе дискуссии часто делались ссылки на статьи из газет, напечатанные много лет назад, и на этом материале велась критика. Дискуссия на базе отдельных статей—мало подходящий метод для серьезной научной дискуссии.

В ходе дискуссии были поставлены важные, принципиальные вопросы, говорилось о степени изученности материала и высказывались пожелания о более глубоком и всестороннем изучении проблемы. Но означает ли это что до дальнейшего изучения следует пока отказаться от оценки характера восстания? Не явится ли подобное предложение известным поводом, чтобы дать кое-кому возможность сделать оценку восстания за нас.

В ходе дискуссии выявились две тенденции.

1. Признается широкое участие народных масс в восстании, но ставится под сомнение вопрос об оценке характера движения и роли этих масс: то ли движение масс являлось революционным, то ли оно было спровоцировано иностранной агентурой и явилось реакционным?

2. Признается прогрессивный характер этого движения. Можно ли сомневаться в том, что народные массы, поднявшиеся против царизма в обстановке первой империалистической войны, в фазе всеобщего кризиса империализма играли революционную, прогрессивную роль?

Пусть это движение было стихийным, не имело ясной программы, но разве выступления сотен тысяч разных народов Средней Азии могли быть результатом засылки иностранных агентов, а не результатом глубоких внутренних процессов, которые подготовили эти выступления народных масс? Достаточно так поставить вопрос, чтобы придти к выводу о необходимости не сбрасывать со счетов истории народные массы.

Признавать, что выступления узбеков, казахов, киргизов, туркмен, таджиков и других народов Средней Азии—с различными формами протеста, что борьба этих народов против колониального, самодержавного режима—не являются прогрессивными, значит отрицать прогрессивную роль народных масс в историческом процессе. Что же тогда является прогрессом в истории? Колониальный ли режим царского самодержавия, который сопровождался кровавыми истязаниями миллионных масс, или же борьба против этого режима?

Я думаю, что теория марксизма-ленинизма обязывает нас сделать вывод, что народные массы являются революционной силой, и с этой точки зрения мне совершенно непонятна позиция Т. Н. Колесниковой. Она пыталась с грехом пополам признать, что, конечно, если в низах, в кишлаках есть брожение, то этот факт надо учитывать, как факт прогресса. Но когда рабочий и крестьянин идет против полицейских, обезоруживает их, поднимает восстание, то эта высшая форма классовой борьбы, по ее мнению, является свидетельством реакционных событий. Не могу уловить ни логики, ни убедительности в такой постановке вопроса.

Итак, мне кажется, что при изучении восстания 1916 г. возникают две опасности: первая заключается в приукрашивании и преувеличении роли феодально-клерикальных элементов, в замазывании их реакционной роли по отношению к русскому народу, по отношению к другим народом. Это одна опасность. Думаю, что на эту удочку мы не попадемся. Историки Средней Азии разоблачили роль феодально-клерикальных элементов в восстании 1916 года, показав результаты, к которым приходили восстания в тех районах, где этим элементам удавалось обмануть народ и повести его временно за собой. В таких районах устраивались межнациональные бойни между русским народом и народами Средней Азии.

Вторая опасность—это опасность не понять революционной роли народов Средней Азии и Казахстана. Недооценка роли народа—на руку буржуазным националистам.

Не является ли известным историческим документом выступление Р. Б. Икрамова на нашей сессии? Вспомните его бесхитростный рассказ простого участника движения и вы сразу поймете всю правду и направление, куда должна вести нас логика марксистско-ленинского исследования восстания 1916 г.

Это массовое движение, которое смыкалось с революционной борьбой российского пролетариата и крестьянства, должно быть еще глубоко, всесторонне изучено. Я думаю, что историки Средней Азии и Казахстана не должны ограничиваться несколькими написанными страницами в книгах о восстании 1916 года и научными докладами на сессии. Необходимо каждый доклад и содоклад на сессии превратить в развернутую большую монографию. Это будет хорошим практическим ответом на работу нашей сессии.

Перехожу к самому трудному вопросу—к вопросу о периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана. Мы были свидетелями интересной дискуссии по этому вопросу и должны признать, что назрело время поговорить о принципах периодизации. Этот вывод является наиболее осторожным и, я бы сказал, наиболее правильным.

Те товарищи, которые ожидали от дискуссии по периодизации конкретных указаний, как писать историю Средней Азии и Казахстана, на какие периоды разбить эту историю, как назвать такой-то период,— не получат прямого ответа, и они не должны быть недовольными. Ведь и по тем разделам исторической науки, где уже проделана большая исследовательская работа, как, например, в области изучения общероссийского исторического процесса, мы до сих пор еще бьемся над целым рядом конкретных вопросов, связанных с периодизацией.

Мы надеемся, что Е. М. Жукову удастся добиться больших результатов в области периодизации в процессе подготовки к изданию «Всемирной истории». Перед нами, например, стоит вопрос—следует ли употреблять термины: р а н н и й феодализм, р а з в и т о й феодализм, п о з д н и й феодализм? Являются ли они эпохами в развитии феодализма? Что означают эти понятия кроме терминологического смысла? Являются ли они действительно такими понятиями, которые вскрывают отличие одной эпохи от другой? И является ли ранний феодализм—феодализмом? Не являются ли эти названия— и ранний, и развитой, и поздний фактически признанием того положения, что собственно, ранний феодализм—это еще не феодализм? и т. д.

Таким образом дать точную периодизацию истории народов Средней Азии и Казахстана—дело очень трудное и требует еще дальнейшей серьезной работы.

В ходе дискуссии был поставлен вопрос о рабовладельческой общественной формации в Средней Азии и Казахстане. Конечно, легче всего решить этот вопрос таким образом: раз славяне не прошли через рабовладельческую общественную формацию, то и все народы Средней Азии, идя по пути славян или, наоборот, славяне, идя по пути народов Средней Азии, также миновали рабовладельческую формацию. Разу-

меется, что это была бы схема, штамп. Чтобы правильно решить этот вопрос, нужна еще большая работа наших археологов, а еще больше нужно-творческое обобщение материалов, добытых археологами. До тех пор, пока материалы археологов будут лежать только на складах наших институтов и пока к этим материалам мы не подойдем с точки зрения широкой исторической перспективы, мы должных выводов не получим. Тем не менее, вопрос о рабовладении в Средней Азии уже поставлен, и эту работу надо продолжить.

Я думаю, что дело творческих коллективов, изучающих историю отдельных народов Средней Азии, на основе того обмена мнений, который здесь был, в дальнейшем попытаться правильно периодизировать историю народов. Это, конечно, не будет окончательная периодизация. Несомненно, здесь возможны ошибки и необходима будет критика. Но что поделаешь! Только путем исправления ошибок, путем взаимной критики прокладывается дорога к вершинам науки, к научной истине, к показу объективных закономерностей исторического развития.

Второй очень важный вопрос, который поставлен в ходе дискуссии,—это вопрос о том периоде в истории народов, который наступил после присоединения их к России. Правда, этот период в истории Средней Азии и Казахстана, когда вступает в силу общероссийская периодизация, мало затрагивался на сессии, видимо, благодаря ясности вопроса. Однако в отношении этого периода мы можем сказать смело, что после присоединения нужно вести периодизацию истории Средней Азии и Казахстана по общероссийскому процессу с учетом всех тех социально-экономических и национальных особенностей, которые имелись на этих окраинах.

Думаю, что историки каждой республики сделают для себя некоторые полезные практические выводы из той творческой дискуссии, которая здесь происходила.

Совместная работа ученых разных республик и ученых разных специальностей является плодотворной. Это показала и наша научная сессия. Поэтому надо выразить пожелание, чтобы такие коллективные встречи стали системой. Это поможет ликвидировать недостатки в разработке истории отдельных народов.

В ходе нашей работы внесено много ценных предложений. Они получат отражение в тех решениях, которые мы будем принимать. Я хотел бы выделить из них два.

Первое. Материалы нашей сессии, по-моему, чрезвычайно интересны, поэтому было бы весьма полезно их опубликовать.

Второе. В своей речи на сессии первый секретарь ЦК КП Уз. А. И. Ниязов делал ударение на необходимость разработки истории советского общества. Будем же рассматривать настоящую сессию только как разбег, как первый шаг, чтобы на будущей нашей совместной сессии были поставлены коренные вопросы истории Средней Азии и Казахстана в советский период.

В ходе нашей дискуссии выявились различные точки зрения. Здесь же проскользнуло мнение в выступлениях отдельных товарищей, что, если товарищ неправ и защищает свою точку зрения, то его надо уколоть так, чтобы он потом три месяца это чувствовал. Президиум сессии во-время поправил этих товарищей.

Я думаю, что нам следует учиться у нашей партии и у нашего правительства смело развертывать критику и самокритику, но вести ее в товарищеской форме, без шельмования, без приклеивания ярлыков. Только этот путь обеспечит возможность быстрого осознания и исправления допущенных отдельными историками ошибок.

Однако это вовсе не значит, что мы должны бесконечно вести дискуссии по одним и тем же вопросам. Подобная дискуссия может продолжаться только при условии, если будут привлечены новые серьезные дополнительные материалы. Но если люди будут просто упорствовать, настаивать на своем—тогда дискуссия бесполезна. Я думаю, что мы должны доводить наши дискуссии до какого-то логического конца и воспринимать ту точку зрения, которая кажется для подавляющего большинства в настоящее время наиболее приемлемой.

Товарищи! Коммунистическая партия и Советское правительство проявляют большую заботу о нас, стремятся помочь подъему исторической науки.

Я думаю, что коллектив историков Средней Азии и Казахстана сумеет исправить имевшиеся ошибки, шире развернет творческую исследовательскую работу и добьется больших успехов в деле быстрого завершения коллективных трудов, будет в передовых рядах работников идеологического фронта.

Разрешите выразить пожелание, чтобы процветала наша историческая наука, чтобы процветала историческая наука в республиках Средней Азии и Казахстана.

РЕШЕНИЕ ОБЪЕДИНЕННОЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД[1]

Коммунистическая партия Советского Союза поставила перед советской наукой задачу занять первое место в мировой науке. Историки СССР в борьбе за выполнение этой задачи добились известных успехов в изучении важнейших проблем истории народов нашей страны. Вооруженные марксистско-ленинской теорией советские историки большое внимание уделяют исследованию таких важнейших проблем, как история производства и производителей материальных благ, изучение предпосылок и исторической закономерности Великой Октябрьской социалистической революции, истории социалистического преобразования нашей страны. Историки Средней Азии и Казахстана в содружестве с учеными Москвы и Ленинграда провели значительную работу по изучению актуальных проблем истории народов Средней Азии и Казахстана.

О большом росте исторической науки в республиках Советского Востока свидетельствует, в частности, проведение настоящей Объединенной научной сессии Академии Наук СССР совместно с академиями наук Узбекской, Казахской, Таджикской, Туркменской ССР, Киргизским филиалом Академии Наук СССР, при участии ученых Азербайджанской ССР, Дагестанской, Башкирской, Татарской АССР, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана дооктябрьского периода.

Однако историки еще в большом долгу перед советским народом. Они еще не дали полноценных учебников по истории СССР для высшей школы. Во многих республиках до сих пор не созданы обобщающие труды по истории населяющих их народов. Мало написано монографических исследований по истории советского общества, особенно по истории социалистической индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, о формировании социалистических наций, о культурной революции в нашей стране.

В некоторых трудах по истории народов Средней Азии и Казахстана допускались серьезные ошибки. Эти ошибки являются результатом прежде всего недостаточного овладения отдельными историками марксистско-ленинской методологией и неумения применять ее в конкретно-историческом исследовании, а также результатом недостаточного развертывания критики и самокритики, борьбы мнений среди историков.

Долгое время оставались неразработанными и спорными некоторые важнейшие научные проблемы дореволюционной истории Средней Азии и Казахстана: сущность патриархально-феодальных отношений у кочевых народов, формирование буржуазных наций, характер восстания

[1] Ввиду того, что доклад доктора исторических наук Б. Т. Гафурова исключен из публикуемой стенограммы сессии,— исключается и соответствующая часть решения этой сессии.

1916 года, вопросы периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана.

Обсуждение указанных проблем на сессии прошло в обстановке свободного обмена мнений, творческой дискуссии и наметило пути дальнейшего разрешения этих проблем.

I

Заслушав и обсудив доклад доктора исторических наук Л. П. Потапова «О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана», сессия констатирует, что советская историческая наука достигла некоторых успехов в изучении истории общественного строя кочевых народов вообще, Средней Азии и Казахстана в частности.

Труды советских историков, основанные на большом и разнообразном историческом материале, полностью опровергли буржуазно-националистическую «теорию» родового строя у кочевников и разоблачили лженаучные утверждения о том, что кочевые народы в силу специфических особенностей кочевого скотоводства не могут подняться в своем историческом развитии выше первобытно-общинного родового строя. Исследованиями советских ученых доказано, что кочевым народам свойственны общие закономерности общественно-экономического развития, что зарождение феодальных отношений у народов Средней Азии и Казахстана относится примерно к VI в.

Сессия показала, что советские историки успешно преодолели «теорию» особого пути развития феодализма у кочевых народов и установили, что в основе феодализма у кочевников лежат общие экономические законы, свойственные феодализму у всех народов, что основой феодализма у кочевников, как и повсюду, являлась феодальная собственность на землю, которая реализовывалась в различных специфических формах присвоения земельной ренты.

При всех особенностях патриархально-феодальных отношений у кочевых народов—сущность этих отношений является феодальной, как и у оседлых земледельческих народов. Утверждение о том, что патриархально-феодальные отношения свойственны только кочевым народам, что они представляют собой особый «вариант» феодальных производственных отношений, основой которых является собственность на скот, следует считать ошибочным, противоречащим марксистско-ленинскому учению об общественно-экономических формациях. Это утверждение не соответствует историческим фактам.

Сессия считает необходимым дальнейшее изучение и публикацию исследований по проблеме феодализма у кочевых народов как в ее полном объеме, так и по отдельным вопросам, в частности о развитии и формах феодальной земельной собственности, о формах ренты, об аульной общине и т. д. Это имеет большое значение для дальнейшего изучения истории народов Средней Азии и Казахстана.

II

Обсуждение вопроса о формировании узбекской и казахской буржуазных наций (по докладам кандидатов исторических наук М. Г. Вахабова и А. Н. Нусупбекова) показало еще недостаточную изученность

вопроса о степени сложения у различных народов Средней Азии и Казахстана отдельных элементов, образующих нацию (общности языка, территории, экономической жизни и психического склада).

Сессия отмечает своевременность постановки вопроса об образовании буржуазных наций на широкое обсуждение, которое заострило внимание ученых на данном вопросе, и выявило их различные мнения в этой области.

Сессия показала наличие двух точек зрения. Докладчики стоят на той точке зрения, что в результате развития товарно-капиталистических отношений в Средней Азии и Казахстане под влиянием русского капиталистического хозяйства в России начался процесс формирования наций, но этот процесс не завершился к 1917 г. Но есть и другая точка зрения, что в Казахстане и Узбекистане к этому времени уже вполне сложились буржуазные нации со всеми их отличительными признаками.

Сессия считает необходимым отметить следующие положения в вопросе о формировании буржуазных наций у народов Средней Азии и Казахстана.

Классики марксизма-ленинизма учат, что буржуазные нации—продукт эпохи поднимающегося капитализма, однако, отдельные народности могут превратиться при капитализме во вполне сложившиеся нации (высшая ступень национального оформления) лишь при победоносном развитии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма, лишь пройдя стадию феодализма и развив у себя капитализм. В связи с тем, что Средняя Азия и Казахстан в дореволюционное время не успели пройти капиталистического развития и здесь еще господствовали отсталые докапиталистические отношения,—в Средней Азии и Казахстане не могло существовать вполне сложившихся буржуазных наций. Однако в Средней Азии и Казахстане начали развиваться до революции, под влиянием более развитой капиталистической экономики России, капиталистические отношения, и поэтому здесь шел процесс формирования буржуазных наций. Но к моменту Великой Октябрьской социалистической революции этот процесс не был завершен. Складывавшиеся буржуазные нации у различных народов Средней Азии и Казахстана находились на разных ступенях национального оформления.

Решение вопроса о формировании буржуазных наций требует значительной дальнейшей работы историков, экономистов, лингвистов, этнографов и философов. При этом необходимо обратить особенное внимание на изучение процессов складывания национального языка и общности психического склада, сказывающегося в общности культуры, так как дискуссия показала их слабую изученность.

III

Обсудив доклад кандидата исторических наук Х. Т. Турсунова и содоклады кандидатов исторических наук Т. Е. Елеуова, А. Г. Зимма, П. А. Ковалева и члена-корреспондента Академии Наук Туркменской ССР О. К. Кулиева, сессия констатирует, что восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане было сложным явлением—явлением в известной мере противоречивым. Это было разрозненное, стихийное, массовое, в основном крестьянское, движение, не имевшее пролетарского руководства. Происходило оно разновременно в различных районах Средней Азии и Казахстана и не имело единого, общего для всего края, централизованного руководства.

Поэтому действительный характер восстания 1916 г. стало возможным оценить лишь на основе изучения конкретного хода восстания и кон-

кретных условий борьбы в каждом отдельном районе или очаге восстания. Забвение этого, сваливание в одну кучу всех районов и областей Средней Азии, попытки распространения на всю Среднюю Азию и Казахстан того, что происходило в отдельных районах,—все это привело некоторых историков к неправильным выводам.

Одни из этих историков объявляют все восстание 1916 г. реакционным, антинародным только потому, что оно в некоторых районах носило действительно реакционный характер. Другие же, наоборот, объявляют это восстание (даже в отдельных, действительно реакционных очагах) прогрессивным, национально-освободительным движением и не хотят видеть его специфических особенностей в этих отдельных районах или очагах восстания.

Сессия считает ошибочными обе эти точки зрения. Первая из них является, по существу, недооценкой революционных возможностей крестьянства, принижением народных масс Средней Азии и Казахстана в истории. Вторая же ведет к идеализации реакционных, панисламистских выступлений феодально-клерикальных элементов, которым удалось в отдельных районах повести за собой посредством обмана и принуждения часть отсталого, темного населения, еще находившегося в значительной мере под влиянием феодально-клерикальных элементов.

В действительности, восстание 1916 г. было неоднородным по своему характеру, по своим целям, по своим результатам движением в различных районах Средней Азии и Казахстана.

Имеющиеся материалы позволяют констатировать, что в подавляющем большинстве районов восстание носило прогрессивный, революционный, народно-освободительный характер и было направлено своим острием против царского самодержавия, отчасти против феодально-байских элементов. Оно возникло в обстановке начавшегося в России революционного кризиса и смыкалось с революционной борьбой русского рабочего класса и крестьянства против империалистической войны и царизма.

В отдельных же районах (например, в некоторых волостях трех уездов на юге Семиречья, в части волостей Джизакского уезда, на Гюргене, у Теджена и др.) это восстание, превращенное усилиями реакционных феодально-клерикальных элементов в антирусское, националистическое, феодально-монархическое движение,— носило реакционный характер.

Феодально-клерикальные элементы, по большей части связанные с германо-турецкой агентурой, предпринимали неоднократные попытки к превращению народно-освободительного восстания в реакционное, антирусское движение и в ряде других мест (например, в Тургайской области, в Катта-Курганском уезде, в некоторых районах Ферганской долины и проч.). Однако в этих районах подобные попытки окончились провалом, так как не встретили поддержки со стороны широких народных масс Средней Азии и Казахстана.

В ходе восстания 1916 г. разоблачались антинародные замыслы националистической буржуазии и феодально-клерикальных элементов. Опыт борьбы учил массы необходимости объединения своей освободительной борьбы с революционным движением в России.

Сессия считает необходимым дальнейшее углубленное изучение истории восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, издание соответствующих монографических работ по истории этого восстания, сборников документов и проч.

IV

Обсуждение доклада члена-корреспондента Академии Наук Таджикской ССР И. С. Брагинского и содокладов представителей республиканских академий наук (Р. Н. Набиев, С. П. Покровский, Г. Ф. Дахшлейгер, А. А. Росляков, А. К. Кибиров) о периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана в досоветскую эпоху показало, что в результате работы, проведенной авторскими коллективами в республиках, и многократных дискуссий по вопросам периодизации, прошедших, начиная с 1933 г., в институтах Академии Наук СССР (ИИМК, Институт истории, Институт востоковедения), советские историки пришли к единому мнению по ряду существенных вопросов периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана.

Данные советской исторической науки разоблачили буржуазных фальсификаторов истории с их расистскими концепциями о принципиальном якобы различии путей исторического развития Запада и Востока, об «универсальном феодализме» и мнимой извечной отсталости восточных стран. Народы Средней Азии и Казахстана, как и другие народы Востока, при всех своеобразных чертах своей истории, развивались и развиваются на основе общих исторических закономерностей, раскрытых и обоснованных марксистско-ленинской теорией.

В связи с этим периодизация истории народов Средней Азии и Казахстана, как составная часть общей периодизации истории народов СССР, должна строиться на основе последовательной смены общественно-экономических формаций.

Исходя из этого должна быть разработана дифференцированная периодизация истории каждой отдельной республики с учетом местных специфических черт и особенностей конкретных условий у кочевых и оседлых народов.

Можно считать установленным, что у наиболее развитых земледельческих народов Средней Азии между VII в. до н. э. и примерно V в. н. э. господствовал рабовладельческий строй, сменившийся затем феодальным, просуществовавшим до Октябрьской социалистической революции.

Следует обратить особое внимание на то, что дальнейшей разработке вопросов периодизации препятствует недостаточная изученность конкретно-исторического материала по ряду узловых вопросов истории народов Средней Азии и Казахстана. Поэтому необходимо дальнейшее глубокое изучение имеющихся источников и изыскание новых документальных материалов и памятников материальной культуры.

Только на этой базе возможно разрешение ряда важнейших спорных вопросов, выявившихся в ходе дискуссии по периодизации: о роли рабства у кочевых народов, о характере процесса перехода от рабовладельческой к феодальной формации у ряда народов Средней Азии, об оценке социальных движений в раннем средневековье, о характере и особенностях феодальной земельной собственности у оседлых народов, об оценке периода позднего средневековья в среднеазиатских ханствах и другие.

Сессия выражает уверенность в том, что новые успехи советской исторической науки в Средней Азии и Казахстане при непосредственном участии ученых Москвы и Ленинграда позволят сделать дальнейший шаг в разработке марксистско-ленинской периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана.

***

В целях устранения отмеченных ошибок и недостатков и повышения идейно-теоретического уровня научно-исследовательской работы в обла-

сти изучения истории народов Средней Азии и Казахстана, сессия признает необходимым:

1. Сосредоточить внимание научных коллективов, изучающих историю народов Средней Азии и Казахстана, на разработке основных исторических проблем, уделив особое внимание истории экономического развития Средней Азии и Казахстана, выяснению роли народных масс в истории, глубокому раскрытию прогрессивного значения присоединения Средней Азии и Казахстана к России, изучению исторических корней дружбы между народами нашей страны, поднять уровень марксистско-ленинской подготовки специалистов по истории Средней Азии и Казахстана.

2. Обратить особое внимание на развертывание научной критики и самокритики, шире практиковать обсуждение трудов по истории народов Средней Азии и Казахстана.

3. Поставить перед Отделением исторических наук Академии Наук СССР вопрос о созыве 2-й Объединенной научной сессии, посвященной истории народов Средней Азии и Казахстана советского периода.

4. Систематически освещать проблемы истории народов Средней Азии и Казахстана на страницах журнала «Вопросы истории» и «Исторических записок», шире привлекая к участию в этих изданиях местных историков.

5. Просить Академию Наук СССР организовать издание востоковедческого журнала с отделом, посвященным истории Советского Востока.

6. Рекомендовать институтам Академии Наук СССР и академий союзных республик, занимающимся изучением вопросов истории, организовать систематическую публикацию восточных рукописей и архивных документов по важнейшим вопросам как дореволюционного, так и советского периодов истории Средней Азии и Казахстана. В первую очередь подготовить и издать сборники документов, посвященные прогрессивному значению присоединения Средней Азии и Казахстана к России, 50-летию революции 1905—1907 гг., 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

7. Установить более тесные и систематические связи как между институтами истории республик Средней Азии и Казахстана, так и между этими институтами и соответствующими учреждениями Академии Наук СССР; предусмотреть при этом совместную разработку общих проблем, совместное издание научных трудов и сборников документов, в частности сборника документов о восстании 1916 г., обмен печатной продукцией и научной информацией, взаимное рецензирование научных работ.

8. В целях более глубокого и систематического изучения истории стран зарубежного Востока (в первую очередь сопредельных) считать целесообразным организовать сектор истории стран зарубежного Востока в институтах истории союзных республик.

9. Издать в ближайшее время материалы настоящей сессии.

Отвечая на повседневную заботу Коммунистической партии и Советского правительства о развитии и процветании отечественной науки, советские историки—участники 1-й Объединенной научной сесии по истории народов Средней Азии и Казахстана обещают добиться новых успехов в развитии советской исторической науки и обеспечить выполнение решения XIX съезда КПСС—занять первое место в мировой науке.

РЕЧЬ ПРЕЗИДЕНТА АКАДЕМИИ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

Т. З. ЗАХИДОВА

Товарищи! Объединенная научная сессия завершает свою напряженную плодотворную работу. В течение нескольких дней многочисленный отряд советских историков в присутствии значительного числа слушателей, в том числе преподавателей вузов и нашей студенческой молодежи, активно трудился, стремясь найти правильное, марксистско-ленинское решение ряда важнейших проблем исторического прошлого Средней Азии и Казахстана—местностей, составляющих неотъемлемую, органическую часть нашей великой и могучей Социалистической Родины.

На сессии развернулась широкая свободная дискуссия, подлинно творческое обсуждение вопросов повестки дня.

Отрадно, что по ряду вопросов, до недавнего времени вызывавших различные толкования и разногласия, теперь оказалось возможным найти в основном единую точку зрения и во многом придти к общим согласованным выводам

Это в значительной мере облегчит дальнейшую научно-исследовательскую работу историков и прежде всего облегчит выполнение большой и почетной задачи разработки и опубликования капитальных трудов по истории казахского, узбекского, туркменского, таджикского, киргизского, каракалпакского и других народов Средней Азии и Казахстана.

Итого сессии, издание материалов ее работ поможет историкам устранить допускавшиеся ранее ошибки и неправильные толкования отдельных вопросов исторического прошлого Средней Азии и Казахстана.

В числе обсуждавшихся сессией вопросов плодотворному обсуждению подвергся также важнейший вопрос о периодизации истории Средней Азии и Казахстана.

Не по всем вопросам, обсуждавшимся сессией, оказалось возможным достичь твердо согласованной точки зрения, единых выводов. Сессия показала, что такие вопросы требуют не только дальнейшего творческого обсуждения, но и осуществления более глубокого и детального изучения и исследования фактических материалов, привлечения широкого круга археологических и этнографических материалов, архивных документов и других данных.

Однако все мы согласны с тем, что сама постановка на сессии этих вопросов, оживленная дискуссия по ним оказались плодотворными уже по одному тому, что несомненно побудят научно-исследовательские учреждения и всех наших историков с еще большей энергией вести дальнейшую разработку и глубокое изучение этой группы вопросов, сосредоточить на них свое внимание, привлечь к ним новые научные силы.

Сессия поможет также присутствовавшим на ней преподавателям вузов обогатить новыми ценными данными материалы учебных программ, повысить уровень методологической и методической работы со студентами.

Нет сомнения также и в том, что присутствовавшие на сессии специалисты-историки в ходе дискуссии получили хорошую творческую зарядку и стимул для дальнейшей работы.

Следует приветствовать инициативу, проявленную Академией Наук СССР в деле созыва нашей сессии. Позвольте мне от нашего общего имени поблагодарить Президиум Академии Наук и ее президента академика Александра Николаевича Несмеянова за оказанную нам большую помощь и за организацию участия в работах сессии группы ведущих историков нашей страны—ученых Москвы и Ленинграда.

Товарищи! Сессия явилась ярким показателем растущего и крепнущего братского содружества ученых союзных советских республик, быстрого роста национальных научных кадров в Средней Азии и Казахстане. Нет сомнения, что я выражу общее мнение, если выскажу пожелание, чтобы такого рода творческие встречи ученых Москвы, Ленинграда и союзных республик состоялись как можно чаще.

Научная и широкая советская общественность Узбекистана считала для себя за честь и с большим удовлетворением принимала у себя дорогих гостей—историков столицы нашей Родины—Москвы и братских союзных республик.

Особо должно быть отмечено внимание и руководящая помощь, какие были проявлены к работе сессии со стороны Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, со стороны Центрального Комитета Коммунистической партии Узбекистана и Совета Министров Узбекской ССР.

От имени руководящих партийных и советских организаций Узбекской республики, а также от имени Академии Наук Узбекистана позвольте горячо поблагодарить участников сессии и всех присутствующих за их активное участие в работе сессии и пожелать всем историкам, работникам идеологического фронта, новых, еще больших успехов в их научной деятельности на благо нашей Родины, во имя коммунизма.

Товарищи! Разрешите объединенную научную сессию, посвященную изучению истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, считать закрытой.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5

Вступительное слово президента Академии Наук УзССР Т. З. Захидова . . 9

Речь секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Узбекистана А. И. Ниязова 11

О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана

Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана (доклад) 17

С. И. Ильясов. О патриархально-феодальных отношениях кочевых народов Киргизии (содоклад) 43

В. Ф. Шахматов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Казахстана (содоклад) 50

Выступления 60

Заключительное слово Л. П. Потапова 135

О формировании буржуазных наций в Узбекистане и Казахстане

М. Г. Вахабов. К вопросу о формировании узбекской буржуазной нации (доклад) 145

А. Н. Нусупбеков. К вопросу о формировании казахской буржуазной нации (содоклад) 163

Выступления 182

Заключительное слово М. Г. Вахабова 258

Заключительное слово А. Н. Нусупбекова 273

О характере восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане

Х. Т. *Турсунов.* О характере восстания 1916 года в Средней Азии и Казахстане (доклад) 277

Т. Е. Елеуов. Основные вопросы восстания 1916 года в Казахстане (содоклад). 303

А. Г. Зимма. О характере восстания 1916 года в Киргизии (содоклад) 312

О. К. Кулиев. О характере восстания 1916 года в Туркмении (содоклад) . . 320

П. А. Ковалев. О характере восстания 1916 года в узбекских и таджикских районах колониального Туркестана (содоклад) 329

Выступления 339
Заключительное слово Х. Т. Турсунова 406

К вопросу о периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана в досоветскую эпоху

И. С. Брагинский. К вопросу о периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана в досоветскую эпоху (доклад) 413
Р. Н. Набиев. О периодизации истории народов Узбекистана с древнейших времен до присоединения к России (содоклад) 438
А. К. Кибиров. О периодизации истории народов Киргизии в досоветскую эпоху (содоклад) 450
Г. Ф. Дахшлейгер. О периодизации дореволюционной истории народов Казахстана (содоклад) 457
А. А. Росляков. О периодизации истории народов Туркменистана в досоветскую эпоху (содоклад) 465
Выступления 472
Заключительное слово И. С. Брагинского 561
Выступление проф. А. Л. Сидорова 569
Решение Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период 581
Речь президента Академии Наук Узбекской ССР Т. З. Захидова 587

Редакторы Издательства *З. А. Мильман и Е. И. Новикова*
Технический редактор *А. Т Шепельков*
Корректоры *С. А. Бубнова, В. Г. Черников*

***

Р07361. Сдано в набор 13/XII—1954 г. Подписано к печати 21/XI—55 г. Бумага 70×108¹/₁₆= 18,62 бум. л. 50 94 печ. л. (1 вкл.)Изд. л. 50.0. Тираж 3000. Цена 30 р.
Цена в коленкоре 31 р. 50 к. Цена в ледерине 32 р.

**

Типография Изд-ва АН УзССР, Хорезмская 9, Ташкент—1955 г. Заказ № 1210.
Адрес Издательства: ул. Куйбышева, 15.